

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ XI

МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
ПАМЯТИ М.Ю. КОНДРАТЬЕВА

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

14-15 мая, | ул. Сретенка,
2026 | д. 29

УДК 316.6
ББК 88.5
С69

С69 Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы XI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (14–15 мая 2026 г.). — М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2026. — 974 с. — Текст: электронный.

ISBN 978-5-94051-372-8

Рецензенты:

Вачков И.В., доктор психологических наук, профессор;

Слободчиков И.М., доктор психологических наук, профессор.

Представляем сборник материалов одиннадцатой Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики». Тематика конференции охватывает отечественные и зарубежные исследования, посвященные актуальным проблемам социальной психологии личности, психологии групп, практической этнопсихологии, киберпсихологии, возрастной социальной психологии и других аспектов социального взаимодействия. Многие из опубликованных в сборнике результатов исследований достигнуты в рамках совместной работы дипломированных специалистов с молодыми учеными, в том числе – студентами вузов.

Сборник адресован психологам, педагогам и другим специалистам, на профессиональном уровне решающим задачи оптимизации и повышения эффективности межличностного и межгруппового взаимодействия.

ББК 88.5

ISBN 978-5-94051-372-8

© ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет», 2026

Оглавление

Абалмасова А.Д. Связь детско-родительских отношений и психологического благополучия в подростковом возрасте	30
Абдулина Ю.А. Особенности мотивационной направленности специалистов с разным уровнем удовлетворенности трудом	33
Абубакарова П.М. Роль культурно обусловленных ценностей в регуляции социального поведения личности	36
Авраменко В.Г. С экраном наедине: как студенты оценивают возможность диалога в видеолекциях	39
Александров Ф.М., Егоренко Т.А. Психологическая адаптация первокурсников к обучению в колледже	44
Алигаева Н.Н. Эмоциональные реакции лидеров в кризисных ситуациях	47
Аликин М.И., Лукьянченко Н.В. Социально-психологический аспект каузальной атрибуции подростков-единоборцев с разным уровнем тревожности	50
Алоян М.К., Балева М.В. Сравнительный анализ распознавания черт Темной тетрады по лицам представителей своей и чужой этнической группы	53
Андони А.И. Специфика функциональных характеристик дружеских отношений мужчин и женщин	57
Андреева Н.С., Ярошевич А.С. Взаимосвязь аутентичности и межличностных отношений у студентов	60
Андриялович Е.С. К вопросу о психологическом статусе сотрудников в малой производственной группе	62

Андриевский А.С., Расходчикова М.Н. К вопросу о ролевой самооффективности и проблемном использовании интернета у студентов	66
Анисимова Е.В. Значение конгруэнтности для проявления эмпатии у старшеклассников	68
Антонов Д.Д., Солодникова И.В. Новый подход к построению карьеры в XXI веке: теоретические основания концепции карьерных намерений	72
Антошина В.И., Францева Ю.Е. Диадическая согласованность как фактор конструктивного взаимодействия молодых супружеских пар в конфликтах	75
Арчакова А.Е., Николаева Н.О. Трудности идентификации и описания чувств и особенности пищевого поведения у молодых женщин с высокофункциональным аутизмом.....	78
Афанасьева Ю.А. Формирование цифровой гигиены: стратегии, методики и перспективы	80
Бабатина С.И. Темпоральность как ресурс личностного и профессионального самоопределения в юношеском возрасте	84
Баварова Н.М., Никитская М.Г. Ценностные ориентации взрослых, получающих знания в современных культурно-образовательных центрах.....	87
Баганова Ф.К. Ролевые ожидания и притязания женщин в поликультурном обществе	90
Баклыкова Ю.А. Вербальные репрезентации отношения ко времени у представителей различных культур: контент-анализ коуч-сессий	93

Балакшина Е.В. Социально-психологические механизмы регуляции профессиональной надежности	96
Балахнина Е.Ю., Солодухин А.В. Роль ситуативной тревожности в социальной адаптации младших школьников с СДВГ	100
Басанова Е.Е., Асриян А.А. Контент социальных сетей как фактор формирования образа тела у старшеклассников.....	103
Басанова Е.Е., Калустян А.Т. Локус контроля и прогностические способности как факторы формирования профессиональной готовности старшеклассников	106
Батенина А.Р., Сачкова М.Е. Родительская роль в структуре представлений молодежи об идеальном отцовстве	110
Беловол Е.В., Шилова П.О. Стратегии поведения в конфликтных ситуациях в контексте защитных механизмов личности и типов привязанности	113
Беляева Д.А., Ткаченко Н.В. Взаимосвязь межкультурной компетентности и эмоционального восприятия культурно-специфических и культурно-универсальных архитектурных объектов.....	115
Берилова Е.И. Социально-психологические ресурсы преодоления выгорания у спортсменов подросткового возраста	119
Бийжээнова С.Б., Павлова О.С. Трансформация родительских установок в кыргызских семьях: межпоколенческий конфликт традиционных и современных моделей воспитания	122
Битюцких Е.В., Кляхина П.Р. Взаимосвязь страха упущенных возможностей и стилей принятия решений.....	125

Блинова Е.Е., Блинов О.Ю. Факторы жизненного успеха в представлениях студенчества университетов новых регионов Российской Федерации	128
Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Березина Е.Б., Сачкова М.Е., Новикова И.А., Новиков А.Л. Динамика социальных представлений о COVID-19 в двух культурных контекстах (Малайзия и Россия).....	131
Богданович Н.В., Завражнова А.Е., Соковец А.К. Гендерные типы личности и представления о взаимоотношениях современных мужчин и женщин	133
Борзенко С.В., Денисенкова Н.С. Взаимосвязь детско-родительских отношений и использования цифровых устройств младшими школьниками	136
Босенко Ю.М. Социально-психологическая характеристика спортивных команд в условиях спортивного интерната	138
Брюханов Б.Н. Нейросети как психологический ресурс: возможности и ограничения	142
Булычева Н.И., Ткаченко Н.В. К вопросу об идеальном и реальном образе матери у русских женщин. Результаты качественного исследования	145
Бурцев Д.Е., Петрова Г.Н. Кибербезопасность как фактор психологического комфорта пользователей.....	148
Валеева Д.М., Кожухарь Г.С. Конформность и просоциальное поведение у молодежи	151
Варда И.Н., Лукьянченко Н.В., Аликин М.И. Особенности оценки характеристик работы в организации сотрудниками мужского и женского пола	155

Васильева И.Е., Шаповаленко И.В. Эмпирические предикторы кризисных переживаний личности в период середины жизни	158
Величкевич А.В., Кочетков Н.В. Взаимосвязь аутентичности и переживания отчуждения у студентов среднего профессионального образования	161
Верченкова Е.А. Психологические функции аватаров в структуре цифровой идентичности	164
Вершинкина Е.В. Эмоциональная привязанность подростков к ИИ компаньонам: механизмы и риски.....	168
Власова Я. В., Клопотова Е.Е. Связь детско-родительских отношений с копинг-стратегиями младших школьников.....	171
Волкова Н.В., Кочетков Н.В. Адаптация опросника «Мотивация использования искусственного интеллекта»	175
Волобуев А.Н., Калинин И.В. Социальный конформизм и групповая идентификация в эпоху персонализированных плейлистов	178
Воробьева И.В., Матвеева А.И., Шевалдина Д.Д. Эмоциональный отклик жителей города на различные виды вандализма	181
Воронина О.А., Дюжева Т.Н. Психология скрытого влияния: сохранение границ личности в пространстве образовательных манипуляций	185
Воронцова Т.Д., Ткаченко Н.В. Переживание социокультурной адаптации русскими мигрантами из Средней Азии.....	188
Гагаева О.Н. Образ россиян в представлениях белорусов.....	192
Гайдар К.М., Пашкова Я.А. Субъектный и коммунитаристский подходы к изучению семьи как малой группы	195

Галяутдинова С.И. К вопросу коррекции социального инфантилизма молодежи.....	199
Ганболд Г., Кочетков Н.В. Взаимосвязь зависимости от социальных сетей и оценки близких межличностных отношений у молодежи России и Монголии	201
Гасимов А.Ф. Социально-психологические основания совместного творчества в малой группе	203
Глушак А.М., Блинова Е.Е. Гендерные различия в мотивации сотрудников коммерческого банка: финансово-психологический анализ.....	206
Голованова П.С., Погодина А.В. Особенности профессионального выгорания, эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости работников разных поколений.....	210
Голубятникова Е.А., Павлова О.С. Взаимосвязь этнической идентичности и ценностных ориентаций российских психологов-консультантов	213
Горбатьюк М.Ю., Винокуров Ф.Н. Восприятие бренда в цифровой коммуникации у молодежи	216
Гордиенко И.Г., Гордон М.М. Взаимосвязь восприятия социальной поддержки с самоотношением	218
Гороховская А.А. Социально-психологические особенности экономического поведения поколения миллениалов	221
Гревцев И.А. Цифровая социализация и роль фэндомов в становлении личности современной молодежи	224
Грибкова О.В., Романова В.К. Проблемы воспитания духовной и толерантной личности в многонациональном обществе	228

Григорьева М.Г., Денисенкова Н.С. Особенности учебной мотивации и отношения к школе современных старших подростков.....	230
Гришина А.О., Сачкова М.Е. Связь неформального статуса и склонности к девиантному поведению у подростков.....	234
Гуменюк А.В., Маринова Т.Ю. Ценностные ориентации православной молодежи, занимающейся спортом	237
Гумницкая А.С. Различия между темпоральными модальностями жизнеосуществления у руководящих работников с разным управленческим стажем	240
Гурьева Э.Д. Психологическая помощь как фактор сохранения психоэмоционального благополучия личности и социума	243
Гурьянова Л.Е., Вараева Н.В. Особенности самооценки девочек и мальчиков подросткового возраста	247
Дабижа С.В., Крушельницкая О.Б. Представления молодежи о гармоничной семье	251
Дамнянович С. Социально-психологических анализ семейных травм у сербской молодежи	254
Даниленко О.И. Этнос как культурная модель поведения: психологическое содержание	258
Даниленко О.И., Дмитриева Н.Ю. Проявления дружбы как факторы удовлетворенности дружескими отношениями	261
Дейниченко Л. Б., Данилова А.В. Отношение к себе как потенциальному отцу как компонент психологической готовности к отцовству в студенческом возрасте	264

Денисенкова Н.С., Зеленёва Ю.И. Взаимосвязь личностной адаптации к школе и экранного времени у первоклассников	268
Дергачёва А.В. Связь использования искусственного интеллекта и субъективного переживания одиночества у студентов-первокурсников.....	270
Домино Г.В. Гендерные различия в проявлениях нравственной готовности к браку у студенческой молодежи.....	272
Дубинина С.А., Ковалева Т.В. Взаимосвязь учебной мотивации и профессионального самоопределения молодых специалистов ...	276
Дудняк В.С., Никольская А.В. Принятие традиционных семейных ценностей: конструирование авторской анкеты и первичные результаты	278
Дуркин С.А., Кочетков Н.В. Взаимосвязь профессионального выгорания и временной перспективы будущего.....	281
Евтодий М.В., Воробьева А.Е. Почему люди выбирают групповой досуг?	284
Екимова С.А., Люсин Д.В., Храмцова Л.М. Интерес вместо отвращения: эмоциональные реакции на насилие у лиц с садистическими чертами.....	287
Екимчик О.А., Дорьева Е.А. Поиск партнера и начало близких отношений в контексте смешанной реальности и цифровой повседневности.....	291
Ермолаева А.В. Обзор современных моделей оказания экстренной и кризисной психологической помощи в результате чрезвычайных событий.....	294

Ерофеев М.Е., Лобанова А.В. Полоролевое поведение и субъективное благополучие взрослых людей с химической зависимостью.....	298
Ефанова И.В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и межкультурной компетентности у старшеклассников моно- и полиэтнических классов	302
Ефимова О.Р., Павлова О.С. К какому кросс-культурному психологу готовы обратиться российские клиенты	305
Ефремова А.А., Есеева О.В. Социально-психологические характеристики осужденных, принявших решение участвовать в СВО.....	308
Жигэу Е.И. Социально-психологическая адаптация первокурсников к образовательной среде вуза.....	311
Журавлева К.С., Кожухарь Г.С. Восприятие стиля воспитания матери и коммуникативные качества подростков	314
Заплатникова С.В., Павлова О.С. Социально-психологические аспекты этических кодексов этноса: на примере Адыгэ Хабзэ ...	317
Засыпкина Е.В., Девличарова Р.Ю., Колесникова А.И., Казначеева В.Ю. Влияние детско-родительских отношений на способы совладания со стрессом у подростков с ювенильным артритом	321
Зверовская Я.П. Взаимосвязь семейного воспитания и учебной мотивации у младших школьников	324
Зенков В.В., Маринова Т.Ю. Зависимое поведение как дисфункциональный способ адаптации личности	327

Зуев К.Б. Жизнеспособность и академическая успеваемость старшекласников в монородительских семьях: роль тактик материнского воспитания	331
Зыбцева А.Ю., Шорохова В.А. Социальные представления мигрантов о религиозности.....	334
Зыков С.С., Михайлюк С.Г., Расходчикова М.Н. К вопросу об эмоциональном выгорании у сотрудников в организациях.....	337
Иванова А.С. Родительские установки как фактор речевого развития детей раннего возраста	339
Иванова С.Б., Пигуз В.Н., Изосимова С.А., Ивашко К.С., Ковалева К.В. Разработка программного обеспечения для безмедикаментозной психосаморегуляции лиц, находящихся в условиях хронического стресса военного времени.....	344
Иващенко П.И., Денисенкова Н.С. Взаимосвязь учебной мотивации и отношения к школе старших подростков	347
Ивенков В.Э., Павлова О.С. Надежда как ресурс психологического благополучия в различных мировоззренческих группах	350
Кабина А.М., Денисенкова Н.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта младших школьников и родительского сопровождения их медиаактивности.....	352
Кабоскина А.В., Шорохова В.А. Социальные представления о корейцах у россиян (в зависимости от опыта просмотра корейских сериалов).....	356
Казакова К.Е., Никитская М.Г. Связь экранного времени и учебной мотивации подростков	358

Калашникова А.С. Взаимосвязи отношения к глобальным рискам, социальных убеждений и толерантности к неопределенности.....	360
Калашникова Е.А. Цели, задачи и эмоциональная оценка взаимодействия с ребенком отцов и матерей разных возрастных групп.....	364
Калашникова Т.В., Шляпина В.С. Гиперответственность как фактор профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы	368
Карасаева А.М. Смысловые базовые установки кыргызстанской молодежи: сравнение двух лонгитюдных выборок	372
Карасаева А.М., Петренко А.А. Взаимосвязь потенциала самоизменений личности и учебной мотивации у студентов-психологов.....	378
Карпова Д.Е. Социально-психологическая реабилитация военнослужащих в условиях реабилитационного центра: комплексный подход	381
Катунова В.В., Абдуллина С.В. Копинг-стратегии как предиктор девиантного поведения у детей младшего школьного возраста ..	383
Кауненко И.И., Хорозова Л.Ф. Социальные представления молодёжи о своём поколении (на примере Республики Молдова)	386
Качевская Е.Н. Способы преодоления стресса пожилыми лицами с синдромом старческой астении	389
Кашина С.А., Кожухарь Г.С. Влияние музыки на эмоции молодежи: сравнительный анализ жанровых различий.....	392

Кваша М.В. О совершенствовании психологической службы колледжа	395
Кириллова А.И. Типология precarious жизненной стратегии как основа психологической поддержки личности в условиях нестабильности.....	399
Кириш А.Н., Павлова Н.С. Роль контроля поведения при проживании повседневного стресса у людей позднего онтогенеза	402
Киселев К.А. Особенности психологического манипулирования в ситуации кибергруминга (когнитивный аспект)	405
Китаева П.В., Потапова Ю.В. Социальная идентификация и субъективное благополучие сотрудника: роль трудовой адаптации и наставничества	408
Клементьева М.В. Персонализация аватара как фактор психологического благополучия в метавселенной.....	413
Клементьева М.В., Родонич В.А. Взаимосвязь профессиональной идентичности и «профессиональной инклюзивности» у работающих студентов.....	415
Ковальчук И.А., Смирнова М.А. Социально-психологические факторы, влияющие на формирование жизненных стратегий осужденных рецидивистов	418
Колесников Е.А., Толстых Н.Н. Самооценка, академическая успеваемость и учебная мотивация подростков	421
Колтакова А.О., Доронина Н.Н. Особенности мотивации достижения успеха у старших подростков с разным уровнем самооценки	423

Кондакова Н.Б. Социально-психологическая адаптация обучающихся 6-8 классов к условиям обучения в реабилитационном центре	427
Кононенко Н.А. Личностные детерминанты территориальной мобильности специалистов государственной службы.....	431
Копейкина А.Н., Паулкина Д.П. Цифровая зависимость, когнитивные функции и эмоциональный интеллект личности..	434
Кораблева Н.И. От патологизации к соразмерности: диагностика СДВГ у представителей кочевых культур.....	437
Коржова Е.Ю., Фам В.Б.Н. Субъективное психологическое благополучие вьетнамских студентов в России и во Вьетнаме ...	440
Корсак Т.Т., Сердюк А.А. Связь профессиональной самореализации и уровня субъективного благополучия у женщин	443
Кострикина И.С. Структура и динамика карьерных интересов взрослого населения России	445
Кравченко Н.М., Бондарчук В.В., Чернядьев И.В., Якубовская Ю.А., Ульяненко А.Э. Динамическая интеллектуальная платформа для оценки и стабилизации психоэмоционального состояния человека с использованием глубокого обучения.....	449
Красавина Т.Ю. Особенности морального выбора в деловых и бытовых жизненных ситуациях у людей разного возраста	452
Кретинина А.А. Атрибуция ответственности молодежи к ИИ в ситуации планирования бюджета.....	455
Кривцова А.С., Чиркова Н.В. Трансформация ценностных ориентаций семьи в ситуации эмиграции	459

Кружкова О.В. Воспринимаемая безопасность вандализированной городской среды в пожилом возрасте	462
Кувшинова Д.В., Крушельницкая О.Б. Связь инфантилизма и детско-родительских отношений в семьях с подростками	465
Кудренко Н.Н. Региональное наставничество молодых специалистов: инструмент профессиональной адаптации и развития.....	467
Куликов И.С., Воронкова И.В. Эмоциональный интеллект и агрессивность у младших подростков	471
Кунашева А.А., Толстых Н.Н. Взаимосвязь учебной мотивации и профессионального самоопределения подростков с разным образовательным маршрутом	474
Лаврушова Я.Д., Литвинова Е.Ю. К вопросу о привязанности к матери и эмпатии у студенческой молодежи	477
Лапшина К.А., Щербакова А.М. Психологическая коррекция ограничивающих убеждений матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста.....	481
Лебедева А.В., Корнеева М.А. Целенаправленное взаимодействие как механизм формирования субъектности в онтогенезе	485
Лебедева В.Е. Самостигматизация как модератор связи виктимной идентичности и авторитарной агрессии у жертв домашнего насилия	488
Лебедева Е.И., Виленская Г.А., Уланова А.Ю., Павлова Н.С. Совместный вклад модели психического, исполнительных функций и социальной поддержки в социальную компетентность подростков.....	492

Левин Л.М. Негативный детский опыт как фактор криминализации подростков.....	494
Леженина А.Д. Психологическое благополучие участников образовательной среды: социально - психологический подход...	497
Леонович О.О. Привязанность к матери часто болеющих детей	499
Леонтьева В.В., Орлов В.А. Связь системы ценностей и представлений о распределении семейных ролей у студентов.....	503
Липеева В.Ю., Нестерова А.А. Роль цифровой среды в формировании страха упущенных возможностей (FoMO)	507
Литвякова Н.Н. Связь представлений мигрантов о распределении семейных ролей с индивидуальными ценностями: постановка проблемы.....	510
Логинова А.С., Сафуанов Ф.С. Авторитарность личности у людей, проходящих реабилитацию от химической зависимости в программе «12 шагов»	513
Лукиянова Ю.А. Готовность к риску в профессиональной деятельности групп с разным уровнем развития субъектности ..	516
Майский Д.О. Практики осознанности в профилактике насильственного радикализма	519
Макаров С.А. Когнитивный и социальный субъективный возраст сотрудников МВД	523
Макарова А.Н., Линкевич К.В. Связь субъективной социальной поддержки с типом копинг-поведения после перинатальной утраты.....	527

Максимова О.В. «Паритет безопасности» как социально-психологическая технология формирования цифровой гражданской ответственности у подростков	529
Макух Н.О., Слыхова А.Н. Ненормативные кризисы взросления современной молодежи: психологические особенности	533
Малахова Е.С., Светлова А.А. Изучение представлений о задачах психологической науки: контент-анализ ответов школьников, студентов и профессиональных психологов	537
Малороссиянова М.А., Хаймовская Н.А. Особенности жизнестойкости волонтеров с разным уровнем эмоционального выгорания	541
Марарица Л.В., Сивов А.С. Этические риски и безопасность ИИ-инструментов психологической поддержки: контекст и дизайн исследования.....	543
Марьин К.А., Крушельницкая О.Б. Дисфункциональные убеждения как фактор интрагруппового статуса у студентов	545
Матвеева А.И., Воробьева И.В., Шевалдина Д.Д. Психологическое благополучие молодых педагогов с учетом их устойчивости в выборе профессии	548
Махмутова Е.Н., Коваленко А.Ю. Социально-психологические условия повышения качества преподавания арабского языка в российском университете	551
Мейер Ю.А., Александров Б.В. Особенности профессионального выгорания у представителей поколения Z (зумеров)	554
Мельникова Д.В., Дворянчиков Н.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Особенности социальной идентичности и совладающего поведения у осужденных.....	557

Мельникова И.М., Шаймухаметова С.Ф. Эмоциональный интеллект как фактор защиты от тревоги у женщин в период среднего взросления	560
Мельникова Л.В. Социально-психологические аспекты самоорганизации личности в экстремальных условиях	563
Мельничук А.С., Тархова Д.В. Взаимосвязь карьерных ориентации и отношения к конфликту	566
Месник А.Н., Фофанова Г.А. Эмоциональное выгорание белорусских молодых специалистов социогуманитарного профиля	569
Миронова О.И. Виды коммуникативных барьеров в деятельности начинающих психологов	572
Митрухина С.В. Социально-психологические ресурсы академической успешности студентов: роль поддержки, диалогичности отношений и адаптированности	576
Митряева М.А., Крюкова Т.Л. «Невидимое заболевание»: социальный контекст переживания мигрени женщинами	579
Михайлова О.Б., Григорян Д.Г. Особенности проявления общительности у юношей и девушек студенческого возраста	581
Михайловский А.Д. Видимые хронические дерматозы как фактор стигматизации и трансформации социальной идентичности	585
Мишенина Ю.Н. Генезис понятия «психологическое здоровье»	588
Моисеев С.В. Баланс саморегуляции и компетентности: эмпирические модели взаимодействия студентов с искусственным интеллектом.....	591

Морозова А.М., Галоян Я.Э. Проблемы доверия и сплоченности в студенческих командах цифровой среды	594
Мяснянкина Н.Г., Яковец Д.А. Связь детско-родительских отношений и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков.....	597
Нежурко И.В., Кокурина И.Г. Взаимосвязь опыта романтических отношений и смысловых структур личности.....	599
Нестерова А.А. «Цифровое бессмертие» как социально-психологический феномен: от патологизации горя к постмортальной социализации	603
Никитина Е.А. Хаймовская Н.А. Коммуникативные особенности взрослых с разным типом привязанности	607
Николаева Л.П., Фадеев Д.С. Освоение профессиональных навыков студентов-психологов в условиях контекстного обучения	610
Николаева Н.О., Боровкова С.С., Зацепина У.А., Осипова К.А., Сучкова П.Р. Перфекционизм, тревожность, локус контроля и неудовлетворенность своим телом	613
Никулин С.А. Профессионально важные качества личности студентов разных профилей психологического обучения	616
Новикова Г.В., Александрова Е.А. К вопросу об изучении чувашской этнической идентичности.....	619
Одинцова О.Д. Взаимосвязь жизнестойкости и рефлексии у обучающихся художественной направленности	622
Опекина Т.П. Онлайн-активность партнеров с разным статусом отношений: романтические встречи, совместное проживание, официальный брак	625

Орешкина К.А., Паулкина Д.П. Психология онлайн-агрессии и кибербуллинга: социальные причины и последствия	628
Орлов В.А. Психологическое мышление как важнейшее профессионально важное качество личности психолога-практика	631
Отчерцова В.О. Психологические механизмы формирования доверия к искусственному интеллекту.....	635
Павлова О.С. Культурная специфика психологического консультирования в российском профессиональном пространстве	638
Пальчиков А.А., Богачева Н.В. Специфика видеоигрового поведения депрессивных и тревожных пациентов.....	641
Панич О.Е., Оконовенко Д.В. Связь открытости будущему и стрессоустойчивости у студентов колледжа, проживающих в экстремальных условиях.....	644
Панов К.А. Винокуров Ф.Н. Социально-психологические факторы эффективности совместно-творческой деятельности в виртуальной среде	647
Петров В.Е., Будагова Ю.В. Модель взаимной спецификации в семейной сукцессии и варианты ее нарушений	650
Петрушихина Е.Б. Связь детско-родительских отношений и академической мотивации у студентов	654
Пилюгина Е.А., Маринова Т.Ю. Молодежь как объект информационно-психологического воздействия в условиях гибридных конфликтов	657
Погонцева Д.В. Динамика отношения к женщине в хиджабе на Юге России.....	660

Подольская Т.А., Воробьева О.А. Лидерская составляющая управленческой готовности руководителей системы государственного управления	662
Поздняков Я.И. К вопросу об изучении интересов и характера интеллектуальной активности современных подростков	666
Позднякова Т.Б. Эгоцентризм в контексте межличностного познания и общения	669
Поляничко А.Н., Пыrkова К.В. Межличностная детская травма как фактор посттравматических изменений во взрослом возрасте	671
Пономарева И.Г. Цифровая вовлеченность и субъективное благополучие личности: контент-анализ зарубежных исследований	674
Пономарева М.А. Групповая нарциссическая инверсия как предиктор сопротивления позитивным изменениям.....	678
Попова Е.В., Клопотова Е.Е. Связь стиля детско-родительских отношений и самостоятельности младших школьников.....	681
Прокушева А.Б., Кочетков Н.В. Авторитарность левого толка: операционализация конструкта и проблемы психодиагностики в России.....	684
Радченко А.М. Профилактика цифровых конфликтов у младших школьников: опыт педагога-психолога в модели «класс-учитель-родители».....	687
Распопова А.С. Роль социально-психологических связей в проявлении буллинга в подростковом возрасте	692

Роганова Е.А., Литвинова Е.Ю. Особенности карьерного самоопределения старшеклассников в современных социально-экономических условиях	696
Рожков Д.В., Григорьева И.В. Личностные ресурсы саморегуляции студентов	699
Рубцова А.В., Павенков В.Г. Культурные особенности японского информационного поведения	703
Руденко С.В. Социальная идентичность студентов в условиях военного конфликта	707
Рукавицина О.В., Завгородняя И.В. Информационная зависимость от Интернета как психологический феномен	711
Румянцева Е.А., Литвинова Е.Ю. Взаимосвязь уровня эмоционального выгорания и социально-психологических характеристик сотрудников торгово-производственной организации	715
Рыбакова Ю.А., Шмелева Е.А. Угрозы психологической безопасности в профессиональной деятельности педагога.....	718
Рыбина С.А. Интегративная модель цифровой идентичности: психологические механизмы формирования в цифровой среде..	721
Рыжкова Л.Ю., Егоренко Т.А. Формирование профессиональной идентичности психолога в процессе обучения	725
Рябокуль Е.С., Булыгина М.В. Связь представлений об отношениях со старшим siblingом и романтическим партнером у юношей и девушек 18–25 лет	728
Саенко А.Ю., Кисляков П.А, Тучина Е.М. Социально-психологические детерминанты отношения личности к	

социальным роботам: ценностный профиль и личностные особенности пользователя.....	731
Салохиддинова М.Ш., Молчанов С.В. Трансформация психологической структуры лидерства в младшем школьном возрасте: лонгитюдное исследование.....	734
Самородов Н.В. Цифровое детство: предварительные результаты анализа научных трендов.....	738
Саушкина О.В., Крушельницкая О.Б. Ценностно-смысловые ориентации молодежи с различными предпочтениями в блогосфере	741
Сачкова М.Е., Семенова Л.Э. Субъективное одиночество и генерализованное доверие студентов вузов	744
Сидякова Е.Ю., Гриценко В.В. Самосострадание как ресурс социально-психологической адаптации мигрантов.....	747
Сидячева Н.В., Краева М.Ю. Некоторые представления о счастье у современных молодых людей	750
Синева В.В., Красило Д.А. Удовлетворенность студентов учебно-профессиональной деятельностью в связи со спецификой их статуса профессиональной идентичности.....	755
Солнцев И.А., Кочетков Н.В. Половые аспекты взаимосвязи составляющих экзистенциального кризиса и отношения к кинематографу	758
Солодилина М.А., Погонцева Д.В. Степень цифровой обработки портретной фотографии как фактор доверия в социальной перцепции личности.....	761

Сорокин М.П., Маринова Т.Ю. Динамика тревожности и социально-психологической адаптации при реабилитации зависимых от ПАВ.....	764
Стрелков А.В., Крушельницкая О.Б. Роль социально-психологического климата в профилактике эмоционального выгорания у медицинских работников	766
Султанова И.Г. Киберпсихология: социально-психологические аспекты	770
Суннатова Р.И., Лазарев А.С. Мотивация подростков к социально-значимой деятельности: разработка и апробация авторской методики	773
Суходолова М.В., Самосоненко Л.С. Стратегии поведения в конфликтах у подростков.....	776
Тарасов М.С., Корнева Е.Н. Использование ИИ в качестве средства психологической помощи как социально-психологический феномен	780
Тарасов С.В. Социально-психологический портрет россиян с разным уровнем коллективного нарциссизма.....	783
Темирханова О.В. Взаимосвязь когнитивного оценивания и совладающего поведения в ситуации навязчивого преследования (сталкинга)	786
Титова О.И. Типы гендерных убеждений как культурные синдромы: механизмы социального поведения в современном обществе	788
Тихонова С.С., Васильева И.В. Исследование уровня суеверности у студентов	792

Толстых Н.Н., Тимошенко Е.А. Проблема взаимосвязи самоактуализации и креативности в психологии	794
Тотурбиев Б.А., Ключарёв В.А. Фрустрация потребности в автономии у подростков, и ее влияние на процессы конформизма и социальной категоризации	796
Трухан Е.А., Лин Ч. Личностные факторы студенческого выгорания в условиях академической мобильности.....	800
Трушкова С.В., Расулова М.А. Особенности ассоциативного поля семьи у студентов с разными уровнями семейной адаптации и сплочённости	803
Туманян О.С., Литвинова Е.Ю. Перфекционизм как фактор субъективной оценки межличностных отношений у студентов .	805
Узойкина А.И., Павлова О.С. Связь ценностных ориентаций и способности к смакованию позитивных событий: кросс- культурный анализ	808
Федорович Д.Ю. К вопросу о роли свидетеля в ситуации кибербуллинга	811
Филенко И.А., Моисеев С.В. Влияние использования искусственного интеллекта на эффективность критического мышления	814
Филимонова Я.Д., Хаймовская Н.А. Связь жизнестойкости, самосострадания и социальной поддержки с преодолением стресса у взрослых	817
Фишман М.Р., Луковцева З.В. Личные границы в сексуальных отношениях и самообъективация женщин, переживших насилие	820

Фоке-Алехин Ф. Training in Robotics Teleoperation: Enhancing Learning through Eye Fixation Data	823
Хавыло А.В. Цифровая культура как контекст трансформации норм близости: клинико-психологический анализ	826
Хмарук И.Н., Хмарук Ю.С., Омельченко А.А. Супружеская измена в цифровую эпоху секстинга и вебкама	830
Ходжаева В.И., Ткаченко Н.В. Феноменология переживания этнической идентичности мигрантов второго поколения	833
Цанг А.А. Осознанность и смысложизненные ориентации как дифференцирующие факторы субъективного благополучия в молодежной среде.....	836
Цыплакова Е.А., Шорохова В.А. Взаимосвязь отношения к телу и культурных ценностей у россиян различных возрастных групп	839
Чайка А.И., Бабанин П.А. Взаимосвязь учебной мотивации, самооффективности и обращения к искусственному интеллекту у школьников	842
Чан Тхи Иен Ньи, Веселова Е.К. Патриотизм как предмет психологического исследования: структура и содержание	845
Чернуха Д.Р. Оценка и самооценка цифровой компетентности в исследованиях цифровой социализации подростков.....	847
Черных Л.А., Левков А.Г. Особенности коммуникативной сферы студентов с навязчивыми грезами	850
Черняев О.С., Воробьева А.Е. Признаки и условия доверия в межвидовой диаде «человек – рабочая собака»	854

Чеслин Я.Г., Шорохова В.А. Связь профессиональной идентичности и отношения к цифровым образовательным технологиям у молодежи	857
Чугунова Н.С. Роль групповой поддержки в коррекции образа тела у женщин с онкологическими заболеваниями	859
Шаехов З.Д. Особенности психологического благополучия у мужчин с разным восприятием иерархичности мира	862
Шайханова Г.Р. Выраженность этнической и религиозной идентичности и регуляция семейно-брачных отношений: кросс-культурный анализ	866
Шаломеева А.М., Конищева Е.В. Особенности психоэмоционального состояния родителей, воспитывающих детей с сахарным диабетом 1 типа.....	868
Шаров А.А. Поведенческие характеристики виртуальной активности как предикторы самопрезентации.....	871
Швеньк Е.В. Трансформация механизмов профессиональной идентичности в условиях цифровизации	874
Шебанова В.И., Попельчук Г.А. Роль местоименных конструкций («Я», «Ты», «Мы») в формировании социальной идентичности и групповой сплоченности	877
Шебанова С.Г., Белоус Ю.В., Шебанова В.И. Психология как вторая профессия: мотивация взрослых студентов	880
Шелонина Л.А. Доверие к искусственному интеллекту как социально-психологический фактор отношения молодежи к алгоритмическим технологиям.....	884

Шилова В.А., Мустафина Л.Ш. Ролевая позиция в оценке агрессии и нравственный запрет у подростков с девиантным поведением	887
Ширков Ю.Э. Проективная персонализация психолога-консультанта	890
Школьников К.А. Сравнительный анализ восприятия офлайн и онлайн преподавателей студентами колледжа: результаты пилотажного исследования	894
Шнейдер Л.Б. Альянс семьи и школы: диалог на уровне доверия и сотворчества	897
Шульга В.В., Щепка И.В. Анализ изменения неформальных ролей студентов ДНР в условиях смены образовательных форматов: социометрический аспект	901
Шульга Т.И. Новые социально-психологические феномены	905
Шупак А., Кочетков Н.В. Психологические аспекты взаимодействия человека с виртуальными питомцами	908
Шурыгин А.А., Нестерова А.А. Программа социально-психологической реадaptации ветеранов через развитие жизнеспособности	911
Щербакова С.Р., Левченко Т.В. Влияние порядка рождения на личностные черты: сравнение старших, средних и младших сиблингов	914
Эркенова Е.И., Киреева О.В. Информационно-психологическая устойчивость личности как регулятор принятия решений в цифровой среде	918
Яблочкина А.С. Особенности личностных и групповых ценностей современных студентов	920

Яковлев Д.А. Инновационный конфликт как социально-психологический феномен: теоретические основания исследования.....	923
Яковлева Д.В., Мешкова Н.В. Взаимосвязь антисоциальной креативности и просоциальных черт личности у юношей и девушек.....	926
Якушечкин Л.А. Идентичность поколений: социально-психологические особенности.....	929
Якухнова А.С., Марарица Л.В., Гуриева С.Д. Русскоязычная адаптация методики оценки карьерного крафтинга (ССА).....	931
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	934

Связь детско-родительских отношений и психологического благополучия в подростковом возрасте

*Абалмасова А.Д.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
abalmasovaad@mgppu.ru*

В последние годы большое внимание уделяется психологическому благополучию людей, поскольку здоровье гармонично развитого населения является залогом процветания общества. Особенно важными считаются вопросы, связанные с ментальным состоянием детей и подростков. В современном мире подростки сталкиваются с множеством сложностей: возросшими эмоциональными нагрузками, социальной нестабильностью и сильным давлением со стороны социальных сетей. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема формирования самоуважения, поскольку она тесно связана с множеством других психосоциальных аспектов и играет важную роль в общем психологическом благополучии подростков (Абалмасова, 2025).

В системе формирования самооценки человека особую роль играет семья, а если быть более точными, то детско-родительские отношения, так как они оказывают большое влияние на становление личности подростка. Именно для подросткового возраста характерны активные личностные преобразования, формирующие систему самооценки, которая в свою очередь отражает субъективное восприятие собственных качеств, способностей и значимости.

Детско-родительские отношения – это особая система эмоционального и поведенческого взаимодействия между родителями и их детьми, опирающаяся на привязанность, стиль воспитания и уровень эмоциональной вовлеченности ее участников (Абалмасова, 2024).

Научные исследования показывают, что неблагоприятные формы внутрисемейного взаимодействия могут способствовать формированию у подростков заниженной или искусственно завышенной самооценки (Абалмасова, 2025). При этом в любой из этих ситуаций будет нарушаться адекватное восприятие себя подростком,

что потенциально может привести к проблемам с социальной адаптацией.

Наиболее оптимальными для формирования здорового психологического благополучия считаются детско-родительские отношения, в основе которых лежит уважение друг к другу, эмоциональная поддержка, поощрение индивидуальности и самостоятельности в ребенке (Абалмасова, 2024). Родители должны оказывать поддержку ребенку в процессе его социализации, при этом давая ему возможность самостоятельно выбирать свой путь.

С целью изучения взаимосвязи между особенностями детско-родительских отношений и уровнем психологического благополучия в подростковом возрасте было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 72 подростка в возрасте от 14 до 17 лет: 55% выборки составили представители женского пола и 45% – мужского пола. В ходе исследования были использованы: методика «Подростки о родителях» (Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына) и «Шкала проявлений психологического благополучия подростков» (ППБП), разработанная В.И. Моросановой, И.Н. Бондаренко и Т.Г. Фоминой.

Анализ полученных данных показал наличие слабых, но при этом статистически значимых прямых связей (использовался коэффициент корреляции Спирмена) между шкалой «Позитивный интерес» и «Общий уровень благополучия» подростка в отношениях с отцом ($r = 0,37$; $p < 0,05$), также, данные шкалы показали схожий результат и в отношениях с матерью ($r = 0,36$; $p < 0,05$). Такой результат демонстрирует, соответственно, что чем больше родители будут интересоваться жизнью ребенка, помогать в трудных жизненных ситуациях, поддерживать его, проявлять теплые чувства, тем более благополучен будет подросток на эмоциональном уровне.

В данном случае позитивная включенность родителей может служить для подростка внутренней опорой при взаимодействии со сверстниками или принятии самостоятельных решений.

В то же время мы выявили умеренно выраженные отрицательные корреляции между уровнем общего психологического благополучия и такими шкалами, как «Враждебность» и «Непоследовательность» в поведении как отца, так и матери. Трактуются это следующим образом: чем выше уровень проявления враждебного и непоследовательного

отношения к детям, тем ниже уровень психологического благополучия. Рассматривая шкалу непоследовательности со стороны отца, можно отметить, что, например, в сторону дочери проявление выражается в самоутверждении, а в сторону сына – как подверженность социальным стандартам, влияющая на стиль воспитания.

Таким образом, подростки, которые подвергаются постоянной критике, игнорированию, эмоциональному давлению со стороны родителей, испытывают ощущение неопределенности и небезопасности, так как родительская фигура отождествляется у подростка не с поддержкой и безопасностью, а с угрозой, что чревато повышением тревожности и сильным эмоциональным напряжением даже в нейтральных ситуациях (Кузнецова, Расходчикова, 2023).

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что в системе детско-родительских отношений ключевым фактором становления психологического благополучия подростка не столько являются формальные методы воспитания, сколько эмоциональное содержание этих отношений. Подростковый возраст полон сложностей как межличностных, так и внутриличностных, тем не менее, существуют особенности родительского отношения, которые могут сказаться различным образом на эмоциональной сфере подростка. Подросткам важно чувствовать принятие со стороны родителей, они должны знать, что их мнение уважают и всегда готовы оказать помощь, не нарушая при этом их самостоятельность.

Литература

1. *Абалмасова А.Д.* Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: Актуальные вопросы оптимизации межличностного и межгруппового взаимодействия // Социальная психология и общество. 2024. Т.15. № 2. С. 205-213.
2. *Абалмасова А.Д.* Роль детско-родительских отношений в развитии самооценки подростка // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы X Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (14-15 мая 2025 г.). М.:ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. 677 с. С.22-24.

3. *Абалмасова А.Д.* Созависимость в детско-родительских отношениях и формирование аддиктивного поведения в подростковом возрасте // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (15-16 мая 2024 г.). М.:ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. 779 с. С.25-28.
4. *Кузнецова А.Д., Расходчикова М.Н.* Взаимосвязь эмоционального интеллекта и гейм-аддикции в подростковом возрасте // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (11-12 мая 2023 г.) – М.:ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. 988 с. С.444-447.

Особенности мотивационной направленности специалистов с разным уровнем удовлетворенности трудом

Абдулина Ю.А.
ИП РАН, Москва, Россия
iuliiaabdulina@gmail.com

Удовлетворенность трудом (УТ) – это интегральная оценка специалистом его профессиональной ситуации (Ядов, Киссель, 1974). Ее рассматривают как маркер зрелости идентичности профессионала, адаптации к профессии и достигнутого уровня профессионализма. Согласно литературным данным, УТ связана с вовлеченностью сотрудника в деятельность организации и приверженность ей, хотя взаимосвязь УТ с эффективностью и надежностью его труда неоднозначна (Бодров, 2007). Это вызывает интерес к более подробному изучению взаимосвязи УТ с мотивацией специалиста и его поведением.

Цель исследования – выявить и описать особенности мотивации специалистов с разным уровнем УТ.

Исследование проводили в 2023 году в ГБУ «Система 112» г. Москвы. В нем приняли участие 239 специалистов по приему и обработке экстренных и оперативных вызовов (операторов системы-112) с разным стажем работы. Респонденты заполняли анкету, включавшую вопросы об их социодемографических данных, методику «Интегральная удовлетворенность трудом» (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002), ММИ Ж. Нюттена (Нюттен, 2004). Для целей исследования в формулировки незаконченных предложений ММИ вводили дополнительно фразы «в своей работе», «в моей профессии» для акцентирования внимания респондентов на профессиональной деятельности и выявлении их интенций именно в этой сфере. Такая модификация методики не позволяла проводить анализ ответов испытуемых по методу, предложенному ее автором, и их подвергали структурирующему контент-анализу и частотному анализу. Статистическая обработка данных включала критерии углового преобразования Фишера, U Манна-Уитни и χ -квадрат Пирсона.

По результатам методики «Интегральная удовлетворенность трудом» выборку разделили на три группы: с низкой, средней, высокой УТ (НУТ, СУТ, ВУТ, соответственно). Статистически значимых различий выделенных групп по полу, возрасту и стажу испытуемых не было выявлено.

Анализ ответов респондентов на незаконченные предложения показал, что для операторов всех групп характерно преобладание направленности на себя и свои потребности, включая стремление к карьерному росту, финансовому благополучию, профессиональному развитию. Все они хотят быть полезными и нужными для других, для общества и опасаются ошибок в работе. В то же время проявленность этих стремлений и опасений отличается в группах с разным уровнем УТ. Так, операторы с НУТ реже других высказываются о своем желании достичь профессионализма ($\varphi_{эмп} = 5,70$ при $p < 0,001$ и $4,73$ при $p < 0,001$ для сравнения с группами с СУТ и ВУТ соответственно), чаще других хотят «спокойствия», «стабильности», «адекватности», стремятся к отдыху, а также высказывают опасения выгореть, не выдержать профессиональной нагрузки ($\varphi_{эмп} = 2,00$ при $p < 0,05$ и $3,62$ при $p < 0,001$ для сравнения с группами с СУТ и ВУТ соответственно) и чаще операторов с СУТ упоминают свои негативные ожидания ($\varphi_{эмп} = 1,72$ при $p < 0,05$), что косвенно свидетельствует об их низком уровне

профессиональной адаптации. Они опасаются плохих отношений с руководством, ошибок в работе и вероятности не оказать помощь заявителю по своей вине. Операторы с ВУТ чаще остальных хотят помочь другим людям (коллегам и заявителям, обратившимся в их службу), что является главной целью их профессионального труда, или просто сделать что-то хорошее для них ($\varphi_{эмп} = 3,12$ при $p < 0,001$ и $2,65$ при $p < 0,01$) для сравнения с группами с НУТ и СУТ, соответственно. Они реже других упоминают желание большего заработка ($\varphi_{эмп} = 3,94$ при $p < 0,001$ и $2,43$ при $p < 0,01$) для сравнения с группами с НУТ и СУТ, соответственно и стремления избежать негативных физических и психологических состояний ($\varphi_{эмп} = 3,62$ при $p < 0,01$ и $2,23$ при $p < 0,05$) для сравнения с группами с НУТ и СУТ, соответственно, что косвенно свидетельствует об отсутствии у них дискомфорта. Опасения испытуемых этой группы более разнообразны: не соответствовать занимаемой должности, не оказать помощь заявителю по своей вине, в силу неадекватности заявителя или непредвиденных обстоятельств; внешние изменения (менее удобный график работы, «не будет автобусов до метро», «не будет парковочных мест у работы» и пр.). У операторов с СУТ проявлен средний уровень стремления избежать физического и психологического дискомфорта. В то же время, как и специалисты с ВУТ, они хотят достичь профессионализма и опасаются не справиться с трудовой задачей по своей вине или в силу внешних факторов («неадекватного заявителя», технического сбоя и т.д.) и, как специалисты с НУТ, они реже пишут о стремлении оказать помощь другому и чаще заинтересованы в финансовом вознаграждении труда.

Суммируя все вышесказанное, прослеживаются определенные взаимосвязи УТ и мотивации сотрудников. Операторы с НУТ ориентированы больше на себя, свои потребности и стремятся избежать дискомфорта, вызванного работой. Операторы с ВУТ, демонстрируя психологическое благополучие, ориентированы на свое развитие в профессии, что важно в любой профессиональной деятельности, и на благо других людей, что полностью соответствует специфике их труда. Специалисты со СУТ сочетают черты двух других групп: они ориентированы на себя, свой профессиональный рост и развитие, но они относительно психологически благополучны.

Полученные данные будут полезны для разработки программ сопровождения специалистов помогающих профессий.

Литература

1. *Бодров В.А.* Удовлетворенность работой как субъективный показатель профессиональной пригодности // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2007. №3(40). С. 24-26.
2. *Нюттен Ж.* Мотивация, действия и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608с.
3. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. С. 325-327.
4. *Ядов В.А., Киссель А.А.* Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования // Социологическое исследование. 1974. №1. С. 78-87.

Роль культурно обусловленных ценностей в регуляции социального поведения личности

Абубакарова П.М.

ФГБОУ ВО МППГУ, Москва, Россия

Dana_guela@mail.ru

Культурно обусловленные ценности выступают ключевым фактором регуляции социального поведения личности, определяя характер взаимодействия индивида с социальной средой, а также задавая систему нормативных ожиданий и допустимых форм активности. Особое значение данная проблема приобретает в контексте изучения социотипического поведения, понимаемого как совокупность типичных форм социального взаимодействия, закрепленных в определенной культурной среде и воспроизводимых в процессе повседневной социальной практики. В традиционных обществах ценностные системы характеризуются устойчивостью, нормативной жесткостью и символической значимостью. Они выступают ключевым механизмом воспроизводства социального порядка, поддержания

иерархии и регуляции межличностных отношений. Ценностные ориентации личности рассматриваются как системообразующий компонент, определяющий направленность поведения и его социальную обусловленность (Яницкий, 2000).

Рассмотренные теоретические положения находят наглядное подтверждение в анализе конкретных социокультурных контекстов, в частности, в условиях Чеченской Республики, где традиционные ценностные системы сохраняют высокую степень регулятивного влияния на поведение личности. Этнокультурные ценности здесь формируют специфические поведенческие стратегии, основанные на приоритете коллективных интересов, доминировании семейно-родственных связей, уважении к старшим и строгом соблюдении социальных ролей. По мере социализации данные ценности не только усваиваются, но и интериоризируются, становясь внутренними регуляторами поведения личности. Поведенческие стратегии в данном контексте ориентированы на поддержание социальной гармонии, сохранение личной и семейной репутации, а также следование традиционным нормам и предписаниям, что соответствует характеристикам коллективистских культур (Триандис, 2007). Особую роль играют такие категории, как честь, достоинство и социальный статус, которые задают границы допустимого поведения и выступают важными ориентирами при принятии решений.

Регуляция поведения в традиционных обществах характеризуется высокой степенью нормативности, постоянством социальных ожиданий и выраженной социальной контролируемостью. В Чеченской Республике значительную роль играют неформальные механизмы регуляции: общественное мнение, традиции, обычаи, а также система моральных санкций и одобрений. Эти механизмы оказывают существенное воздействие на закрепление поведенческих установок, обуславливая выраженную ориентацию личности на оценку со стороны ближайшего окружения и социального окружения в целом. В результате формируются закрепленные конформные модели поведения, направленные на поддержание социального одобрения и избегание санкций (Андреева, 2010). Подобная система регуляции способствует обеспечению социальной стабильности, предсказуемости взаимодействия и сохранению культурной преемственности.

Важным аспектом анализа является взаимосвязь культурных норм, социальной идентичности и поведения личности. В традиционной

культуре идентичность во многом определяется принадлежностью к этнической, семейной и социальной группе, а также включенностью в систему межличностных и межгрупповых отношений. Усвоение культурных ценностей помогает развитию стабильной социальной идентичности, которая выступает медиатором регуляции поведения, определяя степень значимости тех или иных норм и установок (Тэджфел, 1984). Это проявляется в высокой роли коллективной идентичности, при которой индивидуальные интересы подчиняются групповым, а поведение регулируется через систему социальных ожиданий и норм.

Межпоколенческий анализ позволяет выявить как устойчивые, так и вариативные элементы ценностной регуляции социального поведения. К первым относятся базовые культурные ценности, сохраняющие свою важность и передающиеся из поколения в поколение посредством социальных институтов, воспитания и повседневных практик. Вместе с тем у молодого поколения наблюдаются определенные изменения ценностных ориентаций, обусловленные влиянием процессов глобализации, цифровизации и расширения межкультурных контактов. Это приводит к формированию гибридных моделей поведения, сочетающих традиционные нормы и современные ценностные установки, а также к частичному усилению ориентации на индивидуальную автономию и личностное развитие (Инглхарт, 2018). Сохраняется роль и базовых культурных ценностей, что свидетельствует о сложном характере трансформации ценностной системы.

В социально-психологическом исследовании, целью которого стало выявление специфики межпоколенческих различий в ценностной регуляции социотипического поведения в чеченском обществе и определение баланса между традиционными регуляторами и современными ценностными ориентациями, приняли участие 250 респондентов – жителей Чеченской республики (представляющих две полярные возрастные группы: молодежь от 18 до 30 лет и старшее поколение от 50 лет и старше). Основные предварительные результаты исследования показали, что существуют значимые межпоколенческие различия в ценностных основаниях следования традициям. У старшего поколения доминирует блок ценностей «Сохранение» и следование традициям является внутренней потребностью. У молодежи же преобладают ценности самостоятельности, а соблюдение

социотипических норм чаще выступает внешней регуляцией и сопровождается смещением показателей в сторону гиперидентичности как защитной реакции на глобализацию.

Таким образом, культурно обусловленные ценности в Чеченской Республике выступают фундаментальным механизмом регуляции социотипического поведения, обеспечивая преемственность социальных норм, устойчивость социальной структуры и согласованность взаимодействия между членами общества. Межпоколенческие различия отражают динамику ценностных трансформаций и позволяют выявить тенденции изменения социального поведения личности в контексте современного общества, где традиционные и современные ценности сосуществуют и взаимодействуют, формируя новые формы социальной регуляции.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2010.
2. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция. М.: Мысль, 2018.
3. *Триандис Г.* Культура и социальное поведение. СПб.: Питер, 2007.
4. *Тэджфел Г.* Социальная идентичность и межгрупповые отношения. М., 1984.
5. *Яницкий М.С.* Ценностные ориентации личности как социально-психологический феномен. Кемерово, 2000.

С экраном наедине: как студенты оценивают возможность диалога в видеолекциях

Авраменко В.Г.
ФГБОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
avramenkovg@mgpu.ru

В условиях цифровой трансформации высшего образования видеоконтент становится доминирующим каналом коммуникации между преподавателем и студентом. Однако перенос взаимодействия в видеоформат существенно трансформирует его природу. Если живое

общение представляет собой «со-бытие» – совместное присутствие в едином пространстве и времени, то видеокommunikация зачастую оборачивается «одинокостью у экрана». Асимметрия обратной связи и информационной включенности преподавателя и студента, коммуникативная фрагментация, нарушение синхронности диалога – эти и другие факторы влияют на психологическое благополучие студентов, снижают эффект присутствия (Pavic, et al., 2023), усиливают когнитивную усталость, тревогу, переживание одиночества и требуют от студента сформированных навыков заботы о себе и своем психическом здоровье (Касаткина, Нехорошева, 2024).

Современные исследования направлены на поиск эффективных коммуникативных моделей и приемов повышения диалогичности взаимодействия в формате видео: особенности видео как формата коммуникации (Халютина, 2025) и средства обучения диалогу (Просвиркина, Фролова, 2024), роль имиджа лектора и средств эмоционального воздействия (Шестерина, Стерликов, 2024), условия стимулирования когнитивного диалога (Геворкян и др., 2023), коммуникативные барьеры и роль невербальных компонентов в онлайн-коммуникации. Подчеркивается, что диалоговый и интерактивный форматы видеолекций поддерживают вовлеченность, снижают когнитивную нагрузку и обеспечивают достижение более высоких образовательных результатов.

При этом недостаточно изученным остается вопрос о субъективной значимости для студентов диалоговых возможностей видеолекций, их потребности в принадлежности к учебному сообществу и соучастии в коммуникации «студент – преподаватель» и «студент – студент». Доверительные отношения, атмосфера совместного рабочего процесса, а также возможность обмена мнением с другими студентами – важные факторы когнитивной вовлеченности, выбора видеокурса и стиля работы с ним (Нехорошева, Миронова, 2024).

Эмпирическое исследование восприятия студентами коммуникации в контексте учебной видеолекции проводилось нами на базе Московского городского педагогического университета. Выборку составили студенты очной формы обучения ($N = 1858$). Респонденты оценивали значимость различных форм взаимодействия в процессе работы с видеолекцией, а также собственный опыт коммуникации с преподавателем и однокурсниками.

Исследование показало, что положительно оценивают возможности видеолекции как пространства для общения с преподавателем и другими студентами только треть опрошенных (32%), около 40% респондентов отметили возможность получать от преподавателя обратную связь и чувствовать себя частью команды. При этом, присутствие преподавателя в поле коммуникации (комментарии, разъяснения) является важным и критически важным для более чем 70% студентов. Для них преподаватель остается значимой фигурой, с которой они стремятся установить контакт и получить обратную связь. Около 60% респондентов считают значимым наличие живых синхронных встреч, что свидетельствует о сохранении потребности в живом диалоге даже при наличии качественных видеозаписей. Для большинства студентов важна не только реактивная позиция преподавателя (ответы на вопросы), но и проактивная – комментарии, уточнения, помощь без дополнительного запроса со стороны студента.

Не менее значима для студентов и возможность взаимодействия с однокурсниками. Однако удовлетворение этой потребности большинство респондентов связывают преимущественно с очным форматом. Почти половина опрошенных считает, что справиться с чувством одиночества одинаково хорошо можно как в очном, так и в видеоформате.

Результаты исследования свидетельствуют о наличии нереализованного коммуникативного потенциала в существующих практиках видеолекций. С одной стороны, студенты демонстрируют высокий запрос на коммуникацию и присутствие преподавателя, его проактивную позицию, с другой – реальный опыт такого взаимодействия имеют далеко не все студенты (в среднем по разным позициям почти 50%). Особого внимания заслуживают практики взаимодействия в студенческой группе. Совместное проживание и создание нового учебного опыта, которое естественным образом возникает в очном формате, в ситуации асинхронной видеолекции выражено слабо. Только треть студентов вовлечены во взаимодействие с однокурсниками, и примерно столько же опрошенных полностью исключают его из своей практики. Это создает ситуацию, в которой работа с видеолекцией для подавляющего большинства студентов является индивидуальным, а не коллективным актом. Студент остается один на один с учебным материалом, лишаясь возможности

коллективного обсуждения и взаимопомощи. Такая установка на автономию частично снижает чувство одиночества, причины которого осознаются студентами преимущественно вне контекста конкретной лекционной аудитории.

Проведенное исследование показало:

- коммуникация в формате видеолекций воспринимается студентами как значимый, но недостаточно реализованный компонент обучения. Запрос на диалог с преподавателем существенно превышает текущую практику его реализации;
- студенты дифференцируют форматы коммуникации: синхронное живое общение сохраняет свою ценность, тогда как видеолекции выступают его дополнением, а не заменой;
- проактивная позиция преподавателя (инициативные комментарии, помощь без запроса) оценивается студентами выше, чем реактивная (ответы на вопросы). Это подчеркивает актуальность пересмотра роли преподавателя в цифровой среде - от транслятора знаний к модератору коммуникации;
- наиболее проблемной зоной является горизонтальная коммуникация «студент – студент». Видеоформат в его текущем виде не обеспечивает формирования учебного сообщества, что создает риски когнитивной и эмоциональной изоляции обучающихся и не способствует совместному проектированию учебного опыта;
- перспективным направлением развития видеолекций является интеграция инструментов, способствующих как вертикальной (с преподавателем), так и горизонтальной (между студентами) коммуникацию, что позволит преодолеть «одиночество у экрана» и приблизить видеоформат к естественной диалогичности живого обучения.

Литература

1. Геворкян Е.Н., Савенков А.И., Львова А.С., Никитина Э.К. Мини-видеолекция и когнитивный диалог как инструменты модернизации учебной деятельности // Педагогика. 2023. Т. 87, № 3. С. 5-15.

2. *Касаткина Д.А., Нехорошева Е.В.* Антропологические основания образовательных практик в поддержке благополучия и психического здоровья студентов // Психологическая служба университета: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва. 2024. С. 32-36.
3. *Нехорошева Е.В., Миронова А.В.* Наилучшее из возможного: мотивы и затруднения студентов при выборе элективных модулей // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2024. Т. 18. № 1-2. С. 93-109. <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2024.18.1-2.13>
4. *Просвиркина И.И., Фролова А.М.* Модель обучения профессиональному диалогу иностранных студентов медицинских вузов на базе технологии студенческого мобильного видео // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Выпуск 12. <https://doi.org/10.30853/phil20240661>
5. *Халютин М.Е.* Использование видео контента для развития коммуникативных навыков на английском языке // Современные проблемы науки и образования. 2025. №4. С. DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.34240>.
6. *Шестерина А.М.* Видеолекции как компонент вузовского образования // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 2(53). С. 227-233. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.2\(53\).227-233](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.2(53).227-233).
7. *Pavic K., Chaby L., Gricourt T., Vergilino-Perez D.* Feeling Virtually Present Makes Me Happier: The Influence of Immersion, Sense of Presence, and Video Contents on Positive Emotion Induction // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2023. Vol 26. Issue 4. P. 238 – 245. <https://doi.org/10.1089/cyber.2022.0245>

Психологическая адаптация первокурсников к обучению в колледже

*Александров Ф.М., Егоренко Т.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
theoalexandr@gmail.com, egorenkota@mgppu.ru*

Значимость настоящего исследования определяется потребностью в обеспечении благоприятного протекания адаптационных процессов у студентов первого курса при их вхождении в изменившуюся образовательную среду. Смена привычного формата обучения на иной, характеризующийся возросшими требованиями к самостоятельности, навыкам самоорганизации и умению выстраивать взаимодействие в группе, становится для значительной части обучающихся серьезным психологическим испытанием.

Поступление выпускника школы в учреждение среднего профессионального образования означает не просто очередную ступень в получении образования, а серьезное изменение всего уклада жизни юноши или девушки. Бывший школьник погружается в качественно иную социальную ситуацию развития: трансформируются требования к учебной деятельности, характер взаимодействия с преподавателями, социальное окружение, а для значительной части иногородних студентов – и условия проживания (Агапова, 2020; Колесов, 2006).

Данный этап хронологически совпадает с критическим периодом личностного развития – ранней юностью, для которой характерно интенсивное становление идентичности, самооценки и системы ценностных ориентаций. Степень успешности вхождения в непривычную образовательную среду выступает фактором, опосредующим не только академические достижения на начальном этапе обучения, но и перспективы профессионального роста, учебную мотивацию и общее психологическое самочувствие студента (Акользина, 2023; Медведев, 2003).

Успешную психологическую адаптацию принято считать основополагающим условием, обеспечивающим высокую академическую успеваемость, эмоциональное равновесие и

конструктивное межличностное взаимодействие в студенческой среде (Воронина, Воронина, 2016).

В настоящее время наблюдается дефицит программ, специально разработанных для содействия адаптации студентов первого курса в учреждениях среднего профессионального образования. Указанная проблемная область остается недостаточно изученной и методически оснащенной.

Целью данного исследования является разработка и апробация программы психологического сопровождения студентов первого курса, направленную на повышение уровня их психологической адаптации.

Гипотеза исследования: программа психологической помощи содействует повышению уровня адаптации первокурсников, формированию социальных и учебных навыков, снижению тревожности и повышению их самооценки.

Было обследовано 100 первокурсников колледжа в возрасте 15–18 лет ГБПОУ Киноколледжа №40 г. Москвы.

В качестве диагностического инструментария были использованы: методика изучения мотивации учебной деятельности студентов В.П. Симонова, методика измерения подростковой тревожности – МИПТ (А.А. Хван, Ю.А. Зайцев), опросник для изучения личностной агрессивности и конфликтности (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев). В работе использовались непараметрические статистические методы – критерии U Манна-Уитни и T Вилкоксона. Статистическая обработка результатов проведена в программе IBM SPSS Statistics 23.

На основании полученных результатов можно констатировать, что для половины первокурсников характерна тревожность во взаимодействии со сверстниками и заниженная самооценка, а для трети первокурсников – тревожность во взаимоотношениях с родителями и относительно будущего.

Основными компонентами личностной агрессивности первокурсников следует считать вспыльчивость, наступательность, обидчивость, неуступчивость, мстительность, нетерпимость к мнению других, подозрительность, позитивную и негативную агрессивность, и конфликтность.

У преобладающего большинства первокурсников мотивы достижения, общения, переживаний и познания сформированы на среднем уровне.

Результаты повторного обследования свидетельствуют о:

- снижении показателей подростковой тревожности у первокурсников и росте их самооценки;
- снижении таких показателей личностной агрессивности и конфликтности, как вспыльчивость, наступательность, бескомпромиссность, мстительность, нетерпимость к мнению других, подозрительность, позитивная и негативная агрессивность, конфликтность;
- росте мотивов переживаний и общения, волевого и познавательного мотивов.

Программа психологической помощи для повышения уровня адаптации первокурсников включает мероприятия, направленные на формирование социальных и учебных навыков, снижение тревожности и повышение самооценки.

Практическая значимость результатов исследования состоит в:

- разработке и апробации программы психологической помощи для повышения уровня адаптации первокурсников, включающую мероприятия, направленные на формирование социальных и учебных навыков, снижение тревожности и повышение самооценки;
- возможности использования выводов и обобщений теоретического и экспериментального исследования для реализации практико-ориентированной модели психологической адаптации первокурсников к обучению в колледже.

Литература

1. *Агапова Д.М.* Особенности социально-психологической адаптации студентов-первокурсников // Молодой ученый, 2020.
2. *Акользина С.И.* Особенности социально-психологической адаптации студентов-первокурсников // Скиф, 2023.
3. *Воронина О.В., Воронина Т.В.* Психолого-педагогическое сопровождение в период адаптации первокурсников // Экономика и социум. 2016.
4. *Колесов Д.В.* Поведение: физиология, психология, этика: учеб. Пособие. Москва: Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 2006.

5. *Медведев В.И.* Адаптация человека: монография. Российская академия наук. Институт психологии. СПб.: Институт мозга человека РАН. 2003.

Эмоциональные реакции лидеров в кризисных ситуациях

Алигаева Н.Н.

*ФГБОУ ВО МГППУ, АНО ВО ММУ, Москва, Россия
aligaevann@mgppu.ru*

Кризисные периоды – это испытание на стойкость для всех, но особенно для руководства. Люди склонны перенимать эмоции тех, кто находится рядом, особенно если это авторитетный человек. Если лидер демонстрирует страх, тревогу или гнев, данные чувства быстро распространятся по команде, парализуя ее действия. Лидеры в такие моменты испытывают огромное давление, и их эмоциональная саморегуляция становится жизненно важной. От их хладнокровия, уверенности и правильных действий зависит реакция всей группы. Актуальность данной темы обусловлена тем, что кризисы вызывают сильные психологические и поведенческие сдвиги в коллективе, и умение лидера управлять своими эмоциями может превратить угрозу в возможность для развития.

Данной проблеме посвятили свои труды следующие современные исследователи: С.В. Бирюков (2021), М.В. Введенская (2025), А.С. Карпенко (2024), С.В. Колотыркин (2023), О.Е. Кондрачук (2022), Т.В. Корсакова (2022), А.А. Кривонкин (2023), И.С. Леонова (2025), Я. Мнассри (2025), М.Г. Павлова (2024), Е.Л. Рябова (2021) и другие.

Как правило, лидеры испытывают весь спектр человеческих эмоций порой даже более остро, ведь на них лежит огромная ответственность – тревогу и страх за будущее компании, за благополучие сотрудников, за собственную репутацию, гнев или фрустрацию, чувство вины за несвоевременное предотвращение кризиса или за последствия принятых решений, усталость и выгорание, надежду и решимость.

Эмоции служат механизмом оперативной, интуитивной оценки обстоятельств, что позволяет принимать решения и действовать в

условиях дефицита информации, когда детальный анализ невозможен. Однако существуют и эмоциональные ловушки, которые представляют собой паттерны психологического реагирования, характеризующиеся неконтролируемым влиянием аффективных состояний на когнитивные процессы и поведенческие стратегии. М.В. Введенская выделяет следующие эмоциональные ловушки: страх и избегание риска, эйфория и переоценка возможностей, гнев и импульсивность, вина и прокрастинация. Автор отмечает, что в условиях корпоративной деятельности чрезмерное эмоциональное возбуждение способно провоцировать принятие неоптимальных управленческих решений. В качестве иллюстрации можно привести пример, когда руководитель, испытывая сильное давление, инициирует процесс сокращения персонала без должного анализа его долгосрочных последствий. Аналогично инвестор, поддавшись алчности, может осуществить вложение капитала в рискованные предприятия. Тем самым развитие эмоционального интеллекта, включающего в себя способность к самоосознанию, идентификации и регуляции эмоций, является ключевым фактором для принятия рациональных решений, полной реализации личностного потенциала и достижения профессиональных успехов (Введенская, 2025).

Пандемия выявила острую потребность в сильном лидерстве, затронув все области – от промышленности до сферы услуг, заставляя лидеров вести свои команды через беспрецедентные изменения и неопределенность. Руководители столкнулись с необходимостью не просто управлять текущими проблемами, но и строить более устойчивые организации (Бирюков, Рябова, 2021). Для выживания и быстрой адаптации лидеров в кризис были определены четыре важные черты: предпринимательский дух, склонность к риску, гибкость и креативность (Леонова, Мнассри, 2025). Исследование А.С. Карпенко, М.Г. Павлова подтвердило, что в кризисные периоды общественное сознание склонно проецировать роль гаранта психологической защищенности на лидеров, которые демонстрируют сильные ценностные ориентиры (патриотизм), волевые качества (целеустремленность) и высокий уровень профессиональной подготовки, компетентности, дальновидности (Карпенко, Павлова 2024).

Исторический опыт демонстрирует, что в периоды кризиса эмоциональные проявления лидеров зачастую играют решающую роль. Ярким примером служит У. Черчилль в период Второй мировой войны. Его выступления, пронизанные решимостью и непоколебимой уверенностью в конечном успехе, служили мощным источником вдохновения для нации в самые мрачные периоды. Признавая сложность ситуации, У. Черчилль тем не менее демонстрировал выдающуюся эмоциональную устойчивость и умение вселять надежду, что оказалось бесценным для поддержания морального духа.

Чтобы эффективно контролировать эмоции в кризисных ситуациях, лидерам рекомендуется развивать способность понимать и управлять как собственными эмоциями, так и эмоциями команды, распознавать тревогу или апатию, принимать стратегическую паузу в момент осознания кризиса, изучать техники релаксации и саморегуляции. Лидер, который понимает свои чувства, может их контролировать и использовать с пользой, становится для команды настоящей опорой. Он показывает, что даже когда все плохо, можно найти выход, если есть кто-то, кто уверенно ведет вперед и верит в успех. И именно такое лидерство, когда человек зрело относится к своим эмоциям, помогает пройти через любые трудности.

Перспективы дальнейших исследований в данной области могут быть ориентированы на несколько направлений: разработка моделей, которые покажут, как эмоциональный интеллект лидеров в кризисных ситуациях, их стиль общения и результаты управления взаимосвязаны; проведение эмпирических исследований для анализа динамики эмоциональных переживаний лидеров в различных типах кризисов; использование междисциплинарных подходов (психолингвистика, нейронаука, организационная психология) для более точного выявления того, как эмоции влияют на принятие решений и поведение команд в условиях неопределенности.

Литература

1. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Феномен лидерства в контексте современных кризисов и вызовов // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 1 (151). С. 9-19.

2. *Введенская М.В.* Управление эмоциями при принятии решений // В сборнике: Экономика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты. сборник статей XXI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 51-53.
3. *Карпенко А.С., Павлова М.Г.* Образ лидера как гарант обеспечения психологической защищенности в условиях неопределенности // Человеческий капитал. 2024. № 4 (184). С. 111-122. <https://doi.org/10.25629/НС.2024.04.12>
4. *Леонова И.С., Мнасери Я.* Лидерство в кризисных ситуациях: характеристики лидеров и инновации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 1 (77). С. 106-114. https://doi.org/10.52452/18115942_2025_1_106

Социально-психологический аспект каузальной атрибуции подростков-единоборцев с разным уровнем тревожности

Аликин М.И.

ФГБОУ ВО СибГУ им. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

Лукьянченко Н.В.

ФГАОУ ВО СФУ, Красноярск, Россия

pm2486@mail.ru, Luk.nv@mail.ru

Способствуя становлению необходимых для самореализации личности качеств, спорт в современном обществе фактически стал одним из институтов социализации подрастающего поколения (Воскресенская, 2015; Кувватова, 2023). Занятия спортом являются деятельностью достижения, сопряженной с социальной оценочностью, что обуславливает важность вопросов тревожности юных спортсменов, особенно ее крайних степеней выраженности. Для их компетентного понимания необходимо исследование психологических факторов тревожности, значительное место среди которых составляют особенности субъективного восприятия успешности спортивной деятельности (Mauey, 2023). К ключевым механизмам субъективного

восприятия относится каузальная атрибуция. Наиболее часто в исследованиях рассматриваются такие ее характеристики, как локус причинного объяснения и стабильность причин. Установлено, что характер атрибуции существенным образом влияет на переживания человека (Heider, 1958; Weiner, 1986). Сказанное определяет актуальность изучения особенностей каузальной атрибуции в связи с разными уровнями тревожности юных спортсменов. При этом важно учесть включенность личности юного спортсмена в социальные контексты, что предполагает использование характеристик причин не только интраиндивидуного, но и социально-психологического уровней.

Соответствующее исследование было проведено с участием ста восьмидесяти занимающихся спортивными единоборствами красноярских подростков. Для выявления характеристик тревожности использовался опросник «Многомерная оценка детской тревожности» (Ромицына, 2006), в формулировки вопросов которого был введен контекст спортивной деятельности. Особенности каузальной атрибуции выявлялись с помощью шкальной анкеты. Единоборцы оценивали причины успехов и неудач в ситуациях тренировки, общения с тренером и соревнования по четырем показателям. Два из них, «локус Я» и «стабильность причины», имеют традиционный для исследований атрибуции интраиндивидуальный характер. Два других показателя соответствуют более широкому социально-психологическому контексту. Поскольку тренировочный процесс имеет выраженный педагогический характер, его результативность можно рассматривать как производную «разделенной ответственности» педагога и ученика (Лукьянченко, 2014). Это послужило основанием введения параметра «локус тренер», выявляющего, насколько зависящими от тренера считает подросток причины своей успешности. Для оценки того, насколько подросток считает индивидуальными, не типичными для большинства причины своих успехов и неудач, использовалась шкала «уникальность причины».

Обработка данных включала кластерный анализ и сравнение средних значений.

Кластерный анализ позволил определить четыре группы единоборцев с разными характеристиками тревожности. Две группы имеют контрастные, крайние уровни показателей тревожности. У первой группы все показатели тревожности минимальны. У четвертой

– выше, чем у других групп, за исключением тревоги в отношениях с родителями с наибольшим уровнем у третьей группы. Показатели тревожности второй и третьей групп имеют уровни, промежуточные между показателями первой и четвертой групп.

У групп с крайними значениями тревожности определились ярко выраженные сходные и противоположные характеристики причинного приписывания. Сходными являются сравнительно высокие показатели «локуса Я» и «стабильности причины» в объяснении успехов, что соответствует описаниям оптимистического стиля атрибуции (Seligman, Buchanan, 1995). Контрастны у этих групп показатели «локуса тренер» и «уникальности причины». Показатель «локус тренер» самый высокий в сравнении с другими у первой группы и самый низкий у четвертой. Показатель уникальности причин у первой группы в анализе успехов ниже, чем у других групп, а у четвертой имеет наивысшие, хотя и невысокие в абсолютном значении уровни. В отличие от низко тревожных, у высоко тревожных единоборцев гораздо меньше выражено стремление разделить ответственность за результативность своей спортивной деятельности с тренером и деиндивидуализировать понимание ее причин. Такие особенности оценки параметров «локус тренер» и «уникальность причины», помимо четвертой, характеризуют третью группу, и эти группы объединяет высокий показатель тревожности во взаимодействии с родителями.

Результаты исследования свидетельствуют в пользу значимости социально-психологического аспекта каузальной атрибуции в детерминации тревожности юных спортсменов и могут быть использованы в психологической работе в контексте вопросов социализирующей роли занятий спортом

Литература

1. *Воскресенская Е.В.* Психология страха и тревоги в спортивной деятельности (теория и практика): методические рекомендации. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015.
2. *Кувватова З.Р.* Важность самоконтроля в единоборствах // Безопасный спорт-2023: Материалы X Международного конгресса, Санкт-Петербург, 13–14 июля 2023 года. Санкт-Петербург: Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, 2023. С. 191-195.

3. *Лукиянченко Н.В.* Каузальная атрибуция классного руководителя как предиктор стилевых особенностей педагогического управления // Социальная психология и общество. 2014. № 5(4). С. 74–90.
4. *Ромицына Е.Е.* Методика «Многомерная оценка детской тревожности». СПб: Речь, 2006.
5. *Heider F.* The psychology of interpersonal relations. New York: Wiley. 1958. 45 с. <https://doi.org/10.1037/10628-000>
6. *Mayer J., Hermann H. D., Beavan A.* Cognitive Training in Sports // In: Schüler J., Wegner M., Plessner H., Eklund R.C. (eds). Sport and Exercise Psychology. Springer, Cham. 2023. https://doi.org/10.1007/978-3-031-03921-8_21
7. *Seligman M. E. P., Buchanan G.* Explanatory style. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 1995.
8. *Weiner B.* An attributional theory of motivation and emotion. New York: Springer-Verlag., 1986.

Сравнительный анализ распознавания черт Темной тетрады по лицам представителей своей и чужой этнической группы

Алоян М.К., Балева М.В.

ФГАОУ ВО ПГНИУ, Пермь, Россия

aloian.maira@mail.ru, milenabaleva@yandex.ru

Практически во всех исследованиях визуального распознавания личностных черт прослеживается идея об эволюционной целесообразности этой способности. В ситуации «нулевого знакомства» человеческий мозг автоматически сканирует внешность собеседника в поисках информации, позволяющей максимально быстро оценить потенциальную угрозу (Öhman, Mineka, 2001). Такой механизм обеспечивал нашим предкам адаптивное преимущество в условиях неопределенности.

Учитывая приоритетность оценки угрозы в социальном восприятии, логично предположить, что негативные черты личности – макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и садизм, которые

ассоциируются с манипулятивным поведением, низкой эмпатией и жестокостью, – должны распознаваться по лицу с большей точностью, чем многие другие личностные характеристики. Некоторые эмпирические факты подтверждают это предположение (напр., Alper, Bayrak, Yilmaz, 2021). В то же время результаты исследований характеризуются значительной вариабельностью, что указывает на необходимость дальнейшего накопления эмпирических данных.

Межэтническое восприятие является одним из наименее изученных аспектов в распознавании «темных» черт. Наше исследование направлено на восполнение этого пробела. Основываясь на данных о более позитивном восприятии «своей» этнической группы (Tajfel, Turner, 1979), мы предполагаем (гипотеза 1), что внешние оценки выраженности «темных» черт при визуальном восприятии лиц будут выше у представителей этнической аутгруппы, чем у представителей этнической ингруппы. Учитывая, что лица представителей этнической ингруппы дифференцируются лучше, чем лица представителей этнической аутгруппы (Meissner, Brigham, 2001), мы предполагаем (гипотеза 2), что точность визуального распознавания «темных» черт будет выше в условиях ингруппового, чем аутгруппового восприятия.

Выборку респондентов (субъектов восприятия) составили 456 студентов вуза (146 мужчин и 310 женщин) в возрасте от 18 до 51 года ($M = 23,35$, $SD = 4,97$), обучающиеся на разных курсах и направлениях подготовки, из них 175 граждан РФ и 281 гражданин Туркменистана. В качестве объектов восприятия (моделей) выступили 303 студента того же вуза (113 мужчин, 190 женщин), граждане РФ в возрасте от 17 до 39 лет ($M = 20,66$, $SD = 2,38$). Их лица были отобраны по принципу отсутствия выраженных признаков нероссийской этничности. Предварительно студенты, выступившие моделями, ответили на вопросы Короткого опросника Темной тетрады (Корниенко, Вязовкина, Горностаев, 2022). Выборки объектов и субъектов восприятия не пересекались между собой. Фотографии лиц моделей предъявлялись респондентам в случайном порядке. Им предлагалось оценить выраженность макиавеллизма, нарциссизма, психопатии и садизма у каждой модели по 7-балльной шкале. В случаях, когда субъект информировал о личном знакомстве с объектом восприятия, его оценки исключались из анализа.

Сравнительный анализ по t-критерию Стьюдента показал, что при восприятии лиц российских студентов туркменские респонденты более высоко оценивают выраженность у них всех «темных» черт по сравнению с российскими респондентами ($p < 0,001$). Корреляционный анализа самооценок «темных» черт с их внешними оценками в выборке российских респондентов выявил значимые взаимосвязи по оценкам нарциссизма ($r = 0,16$; $p < 0,01$), психопатии ($r = 0,12$; $p < 0,05$) и садизма ($r = 0,21$; $p < 0,001$), а в выборке туркменских респондентов – только по оценкам нарциссизма ($r = 0,13$; $p < 0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что респонденты аутгруппы (туркмены), по сравнению с респондентами ингруппы (россиянами), переоценивают выраженность негативных черт при восприятии российских лиц. Это согласуется с данными о более позитивном восприятии членов «своей», чем «чужой» этнической группы. Данный результат можно объяснить также в контексте теории управления ошибками (Haselton, Buss, 2000), согласно которой ложноотрицательная ошибка в оценке угрозы обходится дороже, чем ложноположительная. Это может способствовать формированию эволюционно обусловленной гиперчувствительности к сигналам потенциальной опасности от членов «чужой» этнической группы.

Было обнаружено также, что респонденты аутгруппы (туркмены), по сравнению с респондентами ингруппы (россиянами), демонстрируют более низкую точность распознавания «темных» черт. На наш взгляд, этот результат может иметь два объяснения. С одной стороны, его можно объяснить низкой дифференцирующей способностью в отношении этнически непривычных лиц, а с другой стороны, – описанной выше переоценкой социальной угрозы при восприятии членов этнической аутгруппы. Что касается выявленного исключения, связанного с распознаванием нарциссизма, мы предполагаем, что оно во многом объясняется наличием внешне заметных маркеров (прическа, макияж, пирсинг), отраженными в оформлении внешности носителей данной черты (Hirschmüller et al., 2013).

Таким образом, выдвинутые в нашем исследовании гипотезы получили эмпирическую поддержку, однако интерпретация полученных результатов нуждается в дальнейшей эмпирической проверке.

Литература

1. Корниенко Д.С., Вязовкина В., Горностаев И. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады» // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5 С. 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920022787-1>
2. Alper S., Bayrak F., Yilmaz O. All the Dark Triad and some of the Big Five traits are visible in the face // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 168. Art. 110350. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110350>
3. Haselton M.G., Buss D.M. Error management theory: A new perspective on biases in cross-sex mind reading" (PDF). Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 78. № 1. P. 81–91. DOI:10.1037/0022-3514.78.1.81
4. Hirschmüller S., Egloff B., Nestler S., Back M.D. The dual lens model: a comprehensive framework for understanding self-other agreement of personality judgments at zero acquaintance // Journal of personality and social psychology. 2013. Vol. 104. № 2. P. 335–353. <https://doi.org/10.1037/a0030383>
5. Meissner C.A., Brigham J.C. Thirty years of investigating the own-race bias in memory for faces: A meta-analytic review // Psychology, Public Policy, and Law. 2001. Vol. 7. № 1. P. 3–35. <https://doi.org/10.1037//1076-8971.7.1.3>
6. Öhman A., Mineka S. Fears, phobias, and preparedness: Toward an evolved module of fear and fear learning // Psychological Review. 2001. Vol. 108. № 3. P. 483–522. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.108.3.483>
7. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / W.G. Austin, S. Worchel (Eds.). Monterey, CA, 1979. P. 33–47.

Специфика функциональных характеристик дружеских отношений мужчин и женщин

Андони А.И.

ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»,

Москва, Россия

andoni.aleksandra.psy@mail.ru

Дружеские отношения являются особым видом межличностных взаимоотношений, характеризующимся высокой степенью близости, взаимопонимания. В рамках социальной психологии дружба рассматривается во взаимосвязи с межличностной аттракцией, являющейся одним из основных факторов в развитии взаимоотношений (Куницына, Казаринова, Погольша, 2001).

Отечественные авторы (И.С. Кон, В.Н. Мясищев, Р.С. Немов и др.) исследуют проблематику дружбы, факторы установления, поддержания дружеских отношений, половозрастные и личностные различия. И.С. Кон определяет дружбу как самую «чистую» и идеальную форму общения, которая вызывает к себе трепетное и скептическое отношение одновременно. И.С. Кон определяет «кодекс дружбы» с такими группами «неписанных правил» как координация, интимность, обмен, отношение к третьим лицам (Кон, 1980).

Ключевой особенностью дружеских отношений является отсутствие четко обозначенной регламентации данного типа взаимоотношений. Каждый из участников дружеской диады может трактовать дружбу, исходя из таких факторов, как пол, возраст, жизненные и культурные обстоятельства (Андони, Нестерова, 2025).

Одна из сферы интересов социальной психологии – изучение существующих в обществе закономерностей взаимодействия людей. Таким образом, актуальной задачей является исследование социально-психологических аспектов дружеских отношений мужчин и женщин. Цель нашего исследования – эмпирическая проверка гипотезы о существовании различий в функциональных аспектах дружеских отношений мужчин и женщин. Гипотеза исследования – существуют особенности дружеских отношений у мужчин и женщин.

Для проведения эмпирического исследования использовался комплекс методик, включающий методику «Шкала дружбы Мак-Гилл»

(MFQ) (Mendelson, Aboud, 1999) в авторской адаптации, анкету по характеристикам дружеских связей и др. Обработка данных включала описательную статистику, сравнительный и корреляционный анализ. Выборка эмпирического исследования составила 395 респондентов (259 женщин, 136 мужчин) в возрасте от 18 до 55 лет.

В результате анализа данных были выявлены следующие особенности в функциональных характеристиках дружеских отношений респондентов. Статистически значимых различий по количеству близких друзей не выявлено ($t = 0,482$; $p = 0,630$), что свидетельствует о сопоставимом размере ближайшего социального окружения у мужчин и женщин. Также не обнаружено различий по показателю отсутствия близких друзей ($t = 0,567$; $p = 0,571$), что указывает на одинаковый уровень социальной изоляции в сравниваемых группах. Показатель важности дружбы демонстрирует тенденцию к более высоким значениям у женщин, однако различие не достигает статистической значимости ($t = 1,762$; $p = 0,079$).

Выявлены значимые различия у мужской выборки по следующим параметрам.

1. «Стаж дружбы». Показатель статистически значимо выше (18,928 у мужской выборки; 14,589 у женской выборки; $t = -3,662$; $p < 0,001$), что может свидетельствовать о большей устойчивости дружеских связей мужчин.

2. «Преобладание друзей мужского пола». У мужчин значительно чаще друзья своего пола (0,820 у мужской выборки; 0,104 у женской выборки; $t = -18,813$; $p < 0,001$), что может указывать на однородность дружеских связей у мужчин и женщин соответственно.

Выявлены значимые различия у женской выборки по следующим параметрам.

1. «Удовлетворенность дружбой». Женская выборка показывает в большей степени удовлетворенности дружескими отношениями (8,651 у женской выборки; 8,209 у мужской выборки; $t = 2,437$; $p < 0,015$).

2. «Ценность дружбы». Дружба имеет более высокую субъективную значимость для женщин (9,443 у женской выборки; 8,734 у мужской выборки; $t = 4,278$; $p < 0,001$).

По функциональным аспектам дружеских отношений были выявлены статистически значимые различия в пользу женской выборки.

1. «Стимулирующее общение» ($t = 2,938$; $p < 0,004$). Женщины чаще воспринимают дружбу как источник развития и поддержки.

2. «Помощь» ($t = 2,067$; $p < 0,039$). Женская дружба в большей степени связана с готовностью оказать взаимопомощь.

3. «Близость» ($t = 3,815$; $p < 0,001$). Женщины демонстрируют более высокий уровень эмоциональной вовлеченности в дружбе.

4. «Надежный союз» ($t = 2,266$; $p < 0,024$). Дружеские отношения чаще воспринимаются женщинами как стабильные и доверительные.

5. «Самопризнание» ($t = 5,129$; $p < 0,001$). Дружба играет значимую роль в формировании самооценки у женщин.

6. «Эмоциональная безопасность» ($t = 3,091$; $p < 0,002$). Женщины в большей степени ощущают психологическую защищенность в дружеских отношениях.

Полученные данные позволяют говорить о различной функциональной направленности дружбы мужчин и женщин, что согласуется с зарубежными исследованиями (Pezirkianidis et al., 2023). Мужская дружба характеризуется большей длительностью, ориентирована на стабильность и структурную устойчивость социального окружения, в то время как женская дружба выполняет больший спектр психологических функций, связана с поддержкой, самораскрытием и эмоциональной регуляцией.

Литература

1. Андони А.И., Нестерова А.А. Социально-психологические подходы в исследовании дружбы взрослых людей: теоретический обзор // Человеческий капитал. 2025. №5(197). С. 30-42.

2. Кон И.С. Дружба. Этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1980. 255 с.

3. Куницына, В. Н., Казаринова Н. В., Погорыша В. М. Межличностное общение: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.

4. Mendelson M.J., Aboud F.E. Measuring friendship quality in late adolescents and young adults: McGill Friendship Questionnaires // Canadian Journal of Behavioural Science/Revue canadienne des sciences du comportement. 1999. Vol. 31. №. 2. P. 130.

5. *Pezirkianidis C., Galanaki E., Raftopoulou G., Moraitou D., Stalikas A. Adult friendship and wellbeing: A systematic review with practical implications // Frontiers in psychology. 2023. Vol. 14. P. 1059057. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1059057>*

Взаимосвязь аутентичности и межличностных отношений у студентов

Андреева Н.С., Ярошевич А.С.

*ГГУ имени Франциска Скорины, Гомель, Беларусь
Nelly_rus.17@mail.ru, hannayaroshevich@gmail.com*

Способность человека быть верным себе, жить в согласии с собственными ценностями и открыто выражать свои чувства – в современной психологии это называют аутентичностью. Все чаще ее рассматривают как ключевой ресурс для построения глубоких и доверительных межличностных отношений (Роджерс, 2001). Особенно остро эта проблема звучит в студенческом возрасте, когда активно формируется идентичность, расширяется круг общения и идет поиск подлинных форм взаимодействия (Эриксон, 1996). При этом, несмотря на растущий интерес к феномену аутентичности, эмпирических исследований, которые напрямую связывали бы ее с конкретными стилями межличностного поведения в студенческой среде, пока недостаточно.

В исследовании мы поставили цель: выявить взаимосвязь между аутентичностью и межличностными отношениями у студентов. Всего в нем приняли участие 80 человек (40 юношей и 40 девушек) в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст 19 лет). Это студенты факультета психологии и педагогики и факультета физической культуры ГГУ имени Ф. Скорины. Для диагностики использовались: опросник аутентичности Керниса–Голдмана (AI-3) в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер (он оценивает четыре компонента – осознанность, непредвзятость, поведение и отношения) и методика диагностики межличностных отношений Т. Лири в адаптации Л.Н. Собчик, которая позволяет определить преобладающий стиль отношений по восьми

октантам. Статистическая обработка проводилась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Как показали результаты, большинству студентов свойственна неустойчивая, фрагментарная аутентичность. Самая проблемная зона – самопринятие (шкала «Непредвзятость»): низкий уровень зафиксирован у 43% респондентов. Это говорит о том, что многим трудно безусловно принимать себя, они сильно зависят от внешних оценок. Интересно, что это сочетается со средними и низкими показателями по шкалам «Поведение» (49% – средний, 33% – низкий) и «Отношения» (46% – средний, 34% – низкий). Такая картина указывает на непоследовательность в отстаивании собственных ценностей и избирательную открытость в общении.

Что касается межличностных отношений, здесь выявился внутренне противоречивый профиль. С одной стороны, доминируют черты подчиняемости (высокий уровень – 43%) и зависимости (высокий уровень – 43%), что отражает конформность и потребность во внешней поддержке. С другой – присутствует заметная подгруппа с выраженной авторитарностью (38%) и агрессивностью (36%). Такое сочетание, на наш взгляд, создает напряженный психологический климат.

Корреляционный анализ позволил установить статистически значимые связи между компонентами аутентичности и стилями межличностных отношений. Мы обнаружили отрицательную корреляцию между «Непредвзятостью» и авторитарным стилем ($r = -0,30$; $p < 0,01$). Проще говоря: чем выше способность человека к самостоятельному принятию себя и своих решений, тем меньше у него потребность в доминировании и контроле над окружающими. Компонент «Поведение» (соответствие поступков внутренним убеждениям) показал отрицательные связи с эгоистичным ($r = -0,28$; $p < 0,05$) и агрессивным ($r = -0,34$; $p < 0,01$) стилями. Получается, что внутренняя цельность и искренность снижают склонность к манипуляциям, враждебности и конфронтации. Наиболее сильная положительная связь выявлена между компонентом «Отношения» (открытость в межличностных контактах) и альтруистическим стилем ($r = 0,36$; $p < 0,01$). Это, на наш взгляд, закономерно: способность быть подлинным в общении создает основу для эмпатии, бескорыстной заботы и просоциального поведения. Кроме того, «Осознанность» положительно связана с подозрительным ($r = 0,31$; $p < 0,01$) и

дружелюбным ($r = 0,24$; $p < 0,05$) стилями. Видимо, осознанное отношение к себе помогает и более реалистично воспринимать социальную среду, и одновременно стремиться к кооперации.

Таким образом, полученные результаты подтверждают, что аутентичность выступает целостным личностным ресурсом, который системно влияет на характер межличностного взаимодействия. Развитие аутентичности – особенно ее компонентов самопринятия, поведенческой конгруэнтности и открытости в отношениях – способствует снижению деструктивных паттернов (авторитарности, агрессивности, эгоистичности) и укреплению просоциальных ориентаций (альтруизма, дружелюбия). Практическую значимость нашей работы мы видим в том, что полученные данные можно использовать для разработки психологических тренингов, направленных на развитие аутентичности и повышение качества межличностных отношений в студенческой среде.

Литература

1. *Нартова-Бочавер С.К.* Психология аутентичности. М.: МГППУ, 2020.
2. *Роджерс К.* Становление личности. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
3. *Собчик Л.Н.* Диагностика межличностных отношений. М.: Речь, 2010.
4. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

К вопросу о психологическом статусе сотрудников в малой производственной группе

Андриалович Е.С.

*ФГАОУ ВО ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия
esalnikova@sfsedu.ru*

В настоящее время анализ статуса сотрудников в малой производственной группе занимает одно из ключевых направлений современной социальной и организационной психологии. Это связано

с тем, что статус задает порядок распределения власти, ответственности и ресурсов, определяет степень вовлеченности работников в совместную деятельность, влияет на качество межличностных отношений и общую результативность труда коллектива. В отечественной традиции под статусом обычно понимают положение индивида в системе непосредственных межличностных связей, отличая этот конструкт от социального статуса как позиции человека в макросоциальной иерархии (Андреева, 2009; Федотова, 2015).

В психологии существуют различные подходы к трактовке статуса в группе. Например, в русле социометрической парадигмы (социометрический статус) акцент делается на показателях предпочитаемости или отвержения члена группы по данным выборов, что позволяет выделять работников с высоким, средним и низким статусом в структуре симпатий и деловых предпочтений (Морено, 2001). В других исследованиях подчеркивается различие между социальным и личностным статусом: первый связан с формальной позицией в организационной иерархии, тогда как второй отражает субъективное ощущение значимости индивида в малой группе и распределение неформального влияния (Проценко, 2015).

Типологии статуса работников строятся по нескольким основаниям. Во-первых, по степени институциональной закреплённости обычно выделяют формальный статус (обусловлен должностью и официальными полномочиями), неформальный статус (основан на авторитете и неофициальном влиянии) и субъективно воспринимаемый статус (связан с тем, как сам сотрудник оценивает свое положение и влияние) (Wang, 2020). Во-вторых, по уровню устойчивости статус может быть основным (относительно стабильная позиция, задающая место человека в группе), эпизодическим (актуализируется в специфических ситуациях) или переходным. В-третьих, по характеру включенности в систему межличностных предпочтений статус описывается через социометрические позиции «лидера»/«звезды», «изолированного», «отвергнутого» и представителей «социометрического пролетариата» (Морено, 2001).

Значимый вклад в разработку проблематики статуса внесла микрогрупповая теория А.В. Сидоренкова, ориентированная на изучение неформальных подгрупп и степени включенности либо

невключенности индивида в их структуру. В основе этого подхода лежит идея о малой контактной группе как о целостной системе, жизнедеятельность которой обеспечивается взаимодействием отдельных работников, неформальных подгрупп и группы в целом; ключевыми элементами социально-психологической структуры при этом выступают именно подгруппы и связанные с ними члены коллектива. В таком контексте психологический статус сотрудника рассматривается не только как индивидуальная характеристика, но и как показатель его положения в системе межподгрупповых отношений (Сидоренков, 2010).

В логике микрогрупповой концепции статус понимается как интегральный индикатор места индивида в различных структурных компонентах группы, что позволяет учитывать неоднородность его статусного профиля. Один и тот же работник может занимать высокую позицию внутри своей неформальной подгруппы и сравнительно низкую – на уровне коллектива в целом, либо наоборот. Такой подход задает многомерное видение статуса и подчеркивает его вариативность в зависимости от уровня анализа структуры группы (Сидоренков, 2010).

Одна из типологий, предложенных А.В. Сидоренковым, связана с положением индивида в социально-психологической структуре коллектива, то есть с его включенностью или не включенностью в подгруппы (член неформальной подгруппы, «самостоятельный» и «тасующийся»). К первому типу относят сотрудников, входящих в устойчивые подгруппы; их поведение в значительной степени определяется интересами подгруппы. «Самостоятельный» – это индивид, чьи действия в большей мере опираются на личные или групповые цели. «Тасующийся» работник не включен ни в одну устойчивую подгруппу и эпизодически примыкает то к одной, то к другой (Сидоренков, 2010; Сидоренков, 2012).

Другая типология статусов опирается на различные аспекты межличностных отношений и включает коммуникативный, доверительный, референтный и идентификационный статусы. Коммуникативный статус отражает способность индивида выстраивать и поддерживать длительные позитивные контакты с другими членами группы. Референтный статус связан с признанием значимости взглядов человека по вопросам, затрагивающим социальную и деловую сторону

групповой активности. Доверительный статус описывает воспринимаемые членами группы личностные качества индивида и степень готовности взаимодействовать с ним. Идентификационный статус выражает стремление других сотрудников быть похожими на человека, обладающего важными и ценными для них характеристиками. Два последних вида статуса могут дополнительно дифференцироваться. Так, доверительный статус, в зависимости от преобладающего вида доверия, подразделяется на конфиденциально-охранительный, информационно-инфлюативный и деятельностно-совладающий. Идентификационный статус может рассматриваться через ведущий компонент идентичности – когнитивный, аффективный либо поведенческий (Сидоренков, 2010; Сидоренков, 2012). Описанные типологии частично пересекаются и взаимно дополняют друг друга: включённый в подгруппу индивид и «самостоятельный» член группы могут обладать различным уровнем коммуникативного, референтного, доверительного и идентификационного статусов в коллективе.

Таким образом, изучение статуса сотрудников малой производственной группы через призму микрогрупповой теории позволяет выйти за пределы упрощенного противопоставления «высокого» и «низкого» статуса. Такой подход открывает возможность многоуровневого анализа положения работника в коллективе и служит основой для разработки более точных диагностических процедур и адресных программ психологического сопровождения, направленных на укрепление психологической целостности производственных групп.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс. 2009.
2. *Морено Я.Л.* Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе [Пер. с англ. А. Боковикова]. М.: Акад. Проект. 2001.
3. *Проценко М.В.* Социальный статус личности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7-4. С. 143–146.

4. *Сидоренков А.В.* Малая группа и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория. Ростов-на-Дону: Изд-во Южн. федерал. ун-т. 2010.
5. *Сидоренков А.В.* Методики социально-психологического изучения малых групп в организации. Ростов-на-Дону: Изд-во Южн. федерал. ун-т. 2012.
6. *Федотова С.В.* Восприятие социального статуса личности в современном российском обществе: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Федотова Светлана Владимировна. М. 2015.
7. *Wang B., Gao R., Shu X.* Workplace status: The multifaceted characteristics and dynamic process // *Advances in Psychological Science.* 2020. Vol. 28(6). P. 904–923. <https://doi.org/10.3724/SP.J.1042.2020.00904>

К вопросу о ролевой самооффективности и проблемном использовании интернета у студентов

Андриевский А.С., Расходчикова М.Н.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
artotev@mail.ru, rashodchikovamn@mgppu.ru*

В условиях цифровизации образовательной среды проблема использования интернета становится особенно актуальной среди студентов. Высокая вовлеченность в онлайн-коммуникации, образовательные платформы и развлекательный контент создает риск потери контроля над временем и целями онлайн-активности, что может негативно сказаться на успеваемости и психологическом благополучии учащихся.

Исследования проблемного использования интернета в российской психологии показывают, что это явление связано с особенностями саморегуляции и когнитивной сферы личности. Например, в работах А.Е. Войскунского подчеркивается влияние компьютерной среды на трансформацию деятельности и общения, а также на формирование специфического поведения в виртуальном пространстве (Войскунский, 2006).

Современные эмпирические исследования подтверждают, что проблемное использование интернета связано с когнитивными искажениями, нарушением контроля и снижением способности к постановке целей (Швец, 2024). Кроме того, важную роль играют стратегии совладания: использование интернета может быть способом избежать стрессовых ситуаций и регулировать эмоциональное состояние (Герасимова, Холмогорова, 2020). Особое внимание уделяется анализу интернет-активности, в котором подчеркивается неоднородность самого феномена проблемного использования Интернета и необходимость рассматривать его в контексте личностных и социальных факторов (Колесников, Смирнова, Петрова, 2019).

В контексте интернет-поведения особое значение имеет ролевая самооффективность, понимаемая как уверенность студента в способности эффективно выполнять различные социальные роли (образовательные, профессиональные и коммуникативные) в цифровой среде. Недостаточное формирование ролевой самооффективности может способствовать уходу в онлайн-пространство в качестве компенсаторного механизма.

Таким образом, мы предполагаем, что ролевая самооффективность может рассматриваться как важный фактор, определяющий характер поведения студентов в сети. Высокий уровень ролевой самооффективности способствует более осознанному и целенаправленному использованию интернет-ресурсов, в то время как его недостаточный уровень повышает вероятность формирования проблемных ситуаций.

Последующие исследования могут способствовать более глубокому изучению связи между уровнем ролевой самооффективности студентов и серьезностью проблем с использованием интернета. В качестве гипотезы можно предложить, что более высокий уровень ролевой самооффективности связан с меньшей серьезностью проблем с использованием интернета.

Теоретической основой исследования может являться социально-когнитивный подход, в рамках которого самооффективность рассматривается как ключевой регулятор поведения личности. Согласно А. Бандуре, самооффективность – это вера индивида в собственную способность успешно выполнять необходимые действия для достижения своих целей (Бандура, 2000). Этот конструкт

определяет выбор поведенческих стратегий, уровень настойчивости и устойчивости к внешним воздействиям.

Понимание взаимосвязи между уровнем ролевой самооффективности студентов и серьезностью проблем с использованием интернета имеет значение для разработки психолого-педагогических программ как ресурса профилактики интернет-зависимого поведения.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
2. Войскунский А.Е. Исследования в области психологии компьютеризации: история и актуальное состояние // Национальный психологический журнал. 2006. № 1. С. 58–62.
3. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Стратегии совладания, психологическое благополучие и проблемное использование интернета // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 6.
4. Колесников В.Н., Смирнова Е.С., Петрова А.С. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. 2019. № 3.
5. Швец Ю.Ю. Когнитивные искажения и проблемное использование интернета у студентов // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 3.

Значение конгруэнтности для проявления эмпатии у старшеклассников

Анисимова Е.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anisimovaev@mgppu.ru*

Роль ценностно-смысловых ориентаций в проявлении способности к эмпатии можно обозначить, опираясь на мнение исследователей, которые рассматривают эмпатию как элемент психологической

культуры социума, который может быть усвоен индивидом посредством принятия особых ценностей, норм и моральных устоев общества (Бгажноков, 2003).

Культура эмпатии отвечает за формирование духовно-нравственного, помогающего поведения, обеспечивает ценности поддержки и принятия в обществе (Анисимова, 2019; Суханова, Шерягина, 2019; Юсупов, 1997; Rogers, 2018). Так, Л. Крокет и Б. Рандол, изучая эмпатические способности у школьников, сделали важное открытие о значимости эмоциональной регуляции в процессе межличностного взаимодействия для возможности реагировать на отрицательные эмоции партнеров по взаимодействию не дистрессом, а эмпатической заботой и обеспокоенностью (Carlo et al, 2017). М.О. Суханова и Е.В. Шерягина пришли к выводу, что у школьников эмпатия тесно связана с особенностями Я-концепции и выступает значимым фактором мышления и поведения в соответствии с социальными нормами, поэтому при высоких показателях эмпатии подростки склонны демонстрировать просоциальное поведение (Суханова, Шерягина, 2019).

Одной из рабочих гипотез исследования роли ценностно-смысловых ориентаций в проявлении эмпатических способностей у старшеклассников стало предположение о том, что взаимосвязь между этими двумя исследуемыми феноменами может быть опосредована (усилена) переменными, имеющими значение для развития эмпатии. В основе данного предположения лежат представления об эмпирических отношениях эмпатии с широким кругом социо-эмоциональных переменных, важных для подростковой личности старшеклассников, таких как социальное поведение, восприятие сверстников и Я-концепция (Юсупов, 1997).

Таким образом, опираясь на приведенные результаты исследований, предположим, целостное и гармоничное восприятие собственной идентичности старшеклассниками, являющееся частью их Я-концепции, будет выступать в роли опосредствующей переменной (медиатором) между ценностно-смысловыми ориентациями и эмпатическими способностями у старшеклассников.

Для проверки данной гипотезы использовался статистический метод медиаторного анализа. В исследовании участвовали 184 учащихся 10-х классов. В качестве зависимой переменной выступали

показатели эмпатии (в проверке участвовали показатели эмпатии по шкалам методики «Многофакторный опросник эмпатии» М. Дэвиса в адаптации Т.Д. Карягиной, Н.А. Будаговской, С.В. Дубровской), независимыми переменными были показатели ценностных и смысловых ориентаций (тест «Смысловые ориентации» Д.А. Леонтьева и методика «Ценностные ориентации» М. Рокича). В роли медиаторов была выбрана одна из социо-эмоциональных переменных, важных для подростковой личности старшеклассников: конгруэнтность – расхождение представлений между «Я-реальным» и «Я-идеальным».

Результаты исследования показали, что конгруэнтность выступает в качестве медиатора (опосредствующей переменной) у старшеклассников между смысловыми ориентациями и эмпатическим личным дистрессом – стрессом, который испытывает человек в трудной, эмоционально-напряженной ситуации при наблюдении переживаний других людей. Прямой эффект, оказываемого смысловыми ориентациями на цели в жизни (наличия или отсутствия в жизни респондента целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу) у старшеклассников на личный дистресс не выявлено, однако выявлен косвенный эффект (уровень значимости $p = 0,011$ и доверительный интервал не включает ноль), указывающий на то, что высокий уровень целеустремленности у старшеклассников при наличии конгруэнтности (низкое расхождение представлений между «Я-реальным» и «Я-идеальным») способствует возникновению эмпатического личного дистресса. Непрямой эффект составляет 47,8% общего эффекта в данной связи. Схожим образом через косвенный эффект конгруэнтности действуют на личный дистресс представления старшеклассников о себе как о сильной личности ($p = 0,035$, доверительный интервал не включает ноль, не прямой эффект составляет 55,4% общего эффекта), удовлетворенность собственной жизнью ($p = 0,022$, доверительный интервал не включает ноль, не прямой эффект составляет 48% общего эффекта в данной связи), имеющей высокую осмысленность ($p = 0,018$, доверительный интервал не включает ноль, не прямой эффект (процент медиации) составляет 75% общего эффекта).

Роль личного дистресса как важнейшего эмпатического феномена была обоснована в работах исследователей онтогенеза эмпатии и морального поведения Н. Айзенберг и М. Хоффмана. В периодизации развития эмпатии М. Хоффмана способность ребенка к неэгоцентрическому мышлению и поведению способствует постепенному движению от эмоциональной реакции на дистресс другого в виде личного дистресса, т.е. направленной на себя, к реакции симпатии и заботы, ориентированной на другого. На основании сказанного можем предположить, что способность реагировать личным дистрессом на переживания другого связана с конгруэнтностью, значимым фактором которой является мышление и поведение в соответствии с социальными нормами. Это в свою очередь свойственно тем старшеклассникам, у которых сформировано представление о себе как о сильной уверенной и осмысленной личности, что является важной частью онтогенеза эмпатии и свидетельствует о постепенном изменении эгоцентрической позиции.

Таким образом, конгруэнтность, являющаяся важной частью Я-концепции личности старшеклассников, играет важную роль в проявлении их эмпатических способностей, оказании эмпатической поддержки другому. А, поскольку у школьников эмпатия тесно связана с особенностями Я-концепции и развитие личности старшеклассника происходит в непосредственном взаимодействии с другими людьми, эмпатию, опирающуюся на конгруэнтную личность, можно считать фундаментальным условием развития старшеклассника.

Литература

1. *Анисимова Е.В.* Эмпатия и ее роль в межличностном взаимодействии в подростковом возрасте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 6А. С. 244–255. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.46.6.175>
2. *Бгажноков Б.Х.* Культура эмпатии // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. С. 55-68.
3. *Суханова М.О., Шерягина Е.В.* Особенности сопереживания на разных этапах подросткового возраста // Культурно-

- историческая психология. 2019. Том 15. №1. С. 102–115.
<https://doi.org/10.17759/chp.2019150111>
4. Юсупов И.М. Психология эмпатии: дис. ...докт. психол. наук. СПб., 1997. 252 с.
  5. Carlo G., Crockett L.J., Randall B.A., Roesch S.C. A latent growth curve analysis of prosocial behavior among rural adolescents. // Journal of Research on Adolescence. 2017. P. 301–324
  6. Rogers C. On becoming a person: a therapist's view on psychotherapy. Moscow: Institute for General Humanitarian Studies, 2018. 241 pp.; Rogers C.R. Humanistic Psychology: Theory and Practice. M., 2013.

Новый подход к построению карьеры в XXI веке: теоретические основания концепции карьерных намерений

*Антонов Д.Д., Солод니кова И.В.
ФГАОУ ВО РГГУ, Москва, Россия
ddantonov1997@yandex.ru, 14a20ivs@mail.ru*

В последнее время активно исследуется и приобретает популярность концепт карьерных намерений. Большой вклад в его разработку внесли К.Й. Чан и Ф. Дразгоу. Авторы предложили оригинальное видение карьеры как многомерного карьерного пространства, а также создали собственный диагностический материал для количественной оценки склонностей обучающихся к реализации себя в трех плоскостях этого пространства: предпринимательстве, профессионализме и лидерстве.

Традиционный взгляд на карьеру, где рамки развития человека задавались выбранной профессией и организацией, можно условно назвать организационно-центрированным подходом. Он ярко представлен в стадийной структуре карьеры, описанной Д. Сьюпером еще в 50-60 гг. XX века (Минина и др., 2021). Алгоритм карьерного продвижения выглядел так: вхождение в профессию, ее освоение, достижение определенных успехов, выбор новой траектории.

Карьерным выборам сопутствовали определенные изменения идентичности профессионала.

Данный подход не сошел со сцены окончательно, и может служить объяснительной моделью карьеры в определенных высокоиерархизированных профессиях, однако его эвристического потенциала недостаточно для объяснения и управления карьерой в XXI веке. По мнению К.Й. Чана и др., для понимания закономерностей становления профессионала стоит учитывать социоэкономические аспекты современного мира: глобальную экономику, цифровизацию, рост возможностей для индивидуальной мобильности и обращаться к иной модели карьеры, которую мы бы обозначили в противовес организационно-центрированной эго-центрированной (Ho et al., 2020).

В зарубежной литературе она получила обозначение «безграницной» или «изменчивой» карьеры, предусматривающей возможность личностно-ориентированного выбора карьерной траектории, развития и переобучения в течение всей жизни, наращивание индивидуальной рыночной стоимости, расширение числа горизонтальных связей, перемещения из одной организации в другую (Arthur 1994; Могилёвкин, 2007, с. 32).

Когда К.Й. Чан и др. формулировали свою концепцию, они отталкивались от идей Р. Кантер (Kanter, 1989). Она описала три независимые формы карьеры, развивающиеся по своим законам. Речь шла о бюрократической, профессиональной и предпринимательской формах карьеры. Исследователи сочли возможным абстрагироваться от взаимной изолированности карьерных форм и рассматривать их системно, как объемное субъективное карьерное пространство, в котором с течением времени может перемещаться человек. К.Й. Чан и Ф. Дразгоу концептуализировали измерения как предпринимательство (Е), профессионализм (Р) и лидерство (L). Новаторство идеи заключалось в том, чтобы молодые люди, задумывающиеся о дальнейшем профессиональном развитии, могли планировать свою карьеру не только в одной сфере (измерение «профессионализм»), но и имели возможность сместить акцент на вектор «лидерство» или «предпринимательство», если того потребуют обстоятельства.

Идеи К.Й. Чана и др. оказались созвучны с моделью Т-образного профессионала. Первоначально она была предложена Д. Гестом для IT сферы. Впоследствии данная метафора получила широкое

распространение и в других областях (Ho et al., 2020). Ее следует понимать так: вертикаль – «глубокие знания» – отражает тенденцию к дисциплинарной специализации. Горизонталь – «широкие» знания, открытость инновациям, лидерские качества, необходимые для успешного продвижения в условиях глобальной экономики. С точки зрения К.Й. Чана и Ф. Дразгоу, подход Д. Геста созвучен с концепцией «Предпринимательство, Профессионализм, Лидерство»: «глубоким» знаниям соответствует измерение «профессионализм», тогда как «широкие» знания могут быть закодированы через «лидерство» и «предпринимательство».

Оригинальная концепция карьеры в XXI веке была предложена К.Й. Чаном и Ф. Дразгоу в 2012 году и активно развивается (Chan et al., 2012). В настоящий момент исследователи выделяют три карьерных устремления/намерения: предпринимательство (Е), профессионализм (Р) и лидерство (L). Каждое устремление в свою очередь можно анализировать с точки зрения намерения (субъективной готовности следовать карьерным траекториям), видов мотивации, заимствованных из модели мотивации лидерства и эффективности (критериев успешности) в трех возможных карьерных плоскостях (Chan et al., 2013; Ho et al., 2020).

Коллектив авторов, занимающийся уточнением структуры модели карьеры «Предпринимательство, Профессионализм, Лидерство» (EPL), отмечает сложности ее валидации для различных социокультурных условий и подчеркивает важность таких попыток. Перед отечественными исследователями стоит задача адаптации конструкта к российскому контексту.

Литература

1. *Минина Е.В. и др.* Карьерное консультирование в современном мире: Теории и практики в России и за рубежом / М.: НИУ ВШЭ, Институт образования, 2021.
2. *Могилевкин Е.А.* Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. СПб.: Речь, 2007.
3. *Arthur M.B.* The boundaryless career: A new perspective for organizational inquiry // Journal of organizational behavior. 1994. Vol. 15. № 4. P. 295–306.

4. *Chan K. Y. et al.* Entrepreneurship, professionalism, leadership: A framework and measure for understanding boundaryless careers //Journal of Vocational Behavior. 2012. Vol. 81. №. 1.
5. *Chan K. Y. et al.* Affective, Non-calculative and Social Motivation to lead: What we know from studies of Entrepreneurial, Professional & Leadership motivation //16th Congress of the European Association of Work and Organizational Psychology, Münster, Germany. 2013.
6. *Ho M.H.R., Kennedy J.C., Uy M.A., Chan K.Y.* Entrepreneurship – Professionalism – Leadership. Singapore: Springer, 2020.
7. *Kanter R.M.* Careers and the wealth of nations: A macro-perspective on the structure and implications of career forms. In M. Arthur, D. Hall, & B. Lawrence (Eds.), Handbook of career theory. 1989.

Диадическая согласованность как фактор конструктивного взаимодействия молодых супружеских пар в конфликтах

Антошина В.И., Францева Ю.Е.

*ФГАОУ ВО ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
vika.antoshina.03@mail.ru, jull.franceva@yandex.ru*

Конфликты являются одной из значимых составляющих супружеских отношений. Согласно исследованиям, у 80-85% семей есть конфликты (Фароян, 2018). При этом важное значение имеет не само наличие конфликта в супружеских парах, а то, какие способы взаимодействия молодые супруги используют при их разрешении. Конструктивные формы поведения в конфликте, к которым относится в большей степени сотрудничество, основанное на диалогичности и высокой степени учитывания интересов всех сторон (в отличие от компромисса), способствует развитию и укреплению отношений (Карелина, 2001) через более продолжительный и глубокий анализ понимания причин конфликта, дающий удовлетворение и полную уверенность в его решении (Андреева, 2008; Анджан, 2019).

В связи с этим особый интерес для нас представляет феномен диадической согласованности, рассматриваемый как характеристика качества взаимодействия молодых супружеских пар (Полякова, Сорокова, Гаранян, 2018).

В концепции Г.Б. Спэннера диадическая согласованность рассматривается как ключевой параметр качества супружеских отношений, отражающий степень адаптации супругов друг к другу и к совместной жизни в целом. При высокой степени адаптации супругов отношения между ними считаются благополучными (Айвазова и др., 2020), поэтому особую значимость диадическая согласованность приобретает на ранних этапах брака, когда только формируются устойчивые способы реагирования на конфликт и закрепляются модели взаимодействия, определяющие дальнейшее развитие супружеских отношений.

Согласованность понимается не только как результат, но и как процесс приспособления личностей, что определяется уровнем различий между супругами, выраженностью межличностного напряжения и степенью удовлетворенности отношениями. Г. Спэннер считает благополучными отношения тогда, когда супруги хорошо адаптировались друг к другу и к супружеству в целом.

Исходя из субшкал опросника DAS (Dyadic Adjustment Scale) (G.B. Spanier, 1976), диадическая согласованность, прежде всего, включает согласие по значимым аспектам совместной жизни – способность супругов достигать договоренностей по важным вопросам и регулировать свое поведение. Наличие этого согласия снижает вероятность возникновения противоречий и облегчает процесс решения конфликтов (Айвазова и др., 2020).

Помимо согласия, важным компонентом диадической согласованности выступает удовлетворенность отношениями, характеризующаяся субъективной оценкой благополучия брака, уровнем доверия и стабильностью взаимодействия (Айвазова и др., 2020).

Сплоченность – степень вовлеченности партнеров в совместную деятельность, наличие общих интересов, способность проводить время вместе, получая, при этом, положительные эмоции (Айвазова и др., 2020).

Эмоциональная экспрессия связана с особенностями проявления чувств, включая выражение привязанности, любовь и согласованность

в интимных вопросах. Эмоциональная экспрессия отражает качество эмоциональной коммуникации в паре (Айвазова и др., 2020).

Дальнейшее понимание роли диадической согласованности у молодых супружеских пар требует обращения к особенностям их взаимодействия в конфликтах.

Согласно исследованиям Д. Готтмана, деструктивные формы взаимодействия в конфликте являются значимыми причинами ухудшения и возможного будущего распада супружеских отношений. К числу таких форм относятся критика партнера, проявление неуважения, защитные реакции и избегание взаимодействия: это препятствует конструктивному разрешению противоречий и только усиливает напряжение между супругами. В противоположность этому взаимодействие в конфликте молодых супругов связано с использованием стратегий, основанных на поддержании диалога и сохранении отношений. Д. Готтман выделяет такие условия эффективного разрешения конфликтов, как мягкое начало обсуждения, способность к примирению, эмоциональная саморегуляция и готовность к компромиссу (Готтман, 2011).

Для конструктивного взаимодействия важным является формирование общего смыслового пространства в паре – согласование ценностей, установок и жизненных ориентиров, это способствует углублению взаимопонимания и эмоциональной связи между супругами (Готтман, 2011).

В этом контексте диадическая согласованность может рассматриваться как психологическая основа конструктивного взаимодействия в конфликте. Высокий уровень согласованности обеспечивает способность молодых супругов к диалогу, взаимному учету интересов и совместному поиску решений. Недостаточная диадическая согласованность повышает вероятность использования деструктивных стратегий поведения.

Литература

1. Айвазова Д.Г., Горлова Е.Л., Каширский Д.В., Сабельникова Н.В. Валидизация опросника «Шкала диадической согласованности» Г.Б. Спэннера (DAS) на российской выборке / Д.Г. Айвазова, Е.Л. Горлова, Д. В. Каширский, Н. В.

- Сабельникова // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 1. С. 112-131. <https://doi.org/10.31857/S020595920007907-3>
2. *Андреева Г. М.* Социальная психология. Учебник для вузов. – Аспект Пресс, 2008. 363 с.
  3. *Андрян К. Р.* Стратегии поведения в конфликте или способы выхода из него // Теория и практика современной науки. 2019. №3 (45).
  4. *Богданов Е. Н., Зазыкин В. Г.* Психология личности в конфликте: Учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.
  5. *Готтман Д.* Карта любви: [пер. с англ. С. Черпецова]. М.: Эксмо. 2011. 116 с.
  6. *Карелина А.А.* Психологические тесты. В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 77. 248 с.
  7. *Фароян Г.Д.* Понятие супружеского и семейного конфликта, виды и стадии семейных конфликтов / Ф.Г. Давидовна // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2018. №3. С. 20-34.

**Трудности идентификации и описания чувств и особенности
пищевого поведения у молодых женщин с
высокофункциональным аутизмом**

Арчакова А.Е., Николаева Н.О.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
alya.archakova.04@bk.ru, nikolaevano@mgppu.ru

Исследовались женщины ($N = 78$), средний возраст 21 год и 5 месяцев, у 71 респондентки имелся диагноз РАС. Выраженность аутистических черт фиксировалась опросником RAADS-R, включающим шкалы «Социальные связи», «Специальные интересы», «Вербальная коммуникация» и «Сенсомоторная сфера». У всех респонденток балл по данной методике был выше 65 (Ritvo, Ritvo, Guthrie, 2011).

Алексимитические особенности оценивались методикой TAS-20, включающей шкалы «Трудности идентификации чувств», «Трудности

описания чувств» и «Экстернальное мышление». Сумма баллов выше 40 свидетельствует о риске алекситимии (Старостина и др., 2010).

Особенности пищевого поведения рассматривались в контексте избирательности, свойственной РАС. Это были утверждения авторской анкеты: «избирательность в еде, обусловленная параметрами цвета/запаха/вкуса/консистенции», «склонность к питанию одним и тем же» и «игнорирование чувства голода в отсутствие готовой пищи».

Полученные результаты подтвердили тесные взаимосвязи исследуемых характеристик.

Были получены положительные взаимосвязи суммарного балла алекситимии с чертами пищевого поведения авторской анкеты: «избирательность в еде по параметрам цвета/запаха/вкуса/консистенции» ($R = 0,29$ при $p < 0,05$), «питание одним и тем же» ($R = 0,35$ при $p < 0,05$) и «игнорирование чувства голода вследствие отсутствия готовой еды» ($R = 0,38$ при $p < 0,05$). Черты алекситимии имеют положительную корреляцию с аналогичными показателями авторской анкеты при $p < 0,05$: «Трудности идентификации чувств» ($R = 0,29$; $R = 0,28$; $R = 0,34$ соответственно) и «Трудности описания чувств» ($R = 0,33$; $R = 0,33$; $R = 0,39$ соответственно).

Также получены взаимосвязи суммарного балла алекситимии с суммарным баллом опросника RAADS-R ($R = 0,62$ при $p < 0,05$) и его шкалами: «Социальное взаимодействие» ($R = 0,63$ при $p < 0,05$), «Специальные интересы» ($R = 0,41$ при $p < 0,05$), «Вербальная коммуникация» ($R = 0,47$ при $p < 0,05$) и «Сенсомоторная сфера» ($R = 0,36$ при $p < 0,05$). Лишь две шкалы алекситимии («трудности идентификации чувств» и «трудности описания чувств») имели положительные значимые связи со всеми шкалами RAADS-R. В то время как шкала «Экстернальное мышление» имеет значимые положительные связи лишь с двумя шкалами RAADS-R: «Социальное взаимодействие» ($R = 0,52$ при $p < 0,05$) и «Вербальная коммуникация» ($R = 0,32$ при $p < 0,05$).

Были получены взаимосвязи суммарного балла RAADS-R с показателями авторской анкеты: «избирательность в еде, обусловленная параметрами цвета/запаха/вкуса/консистенции» ($R = 0,32$ при $p < 0,05$), «склонность к питанию одним и тем же» ($R = 0,35$

при $p < 0,05$) и «игнорирование чувства голода в отсутствие готовой пищи» ($R = 0,31$ при $p < 0,05$).

Закключение. При выраженности аутистических черт наблюдаются взаимные корреляции шкал опросника RAADS-R, алекситимии с особенностями пищевого поведения, а именно с избирательностью в еде, однообразием рациона и игнорированием чувства голода, вследствие отсутствия готовой еды.

Литература

1. Бобров А.Е., Боброва М.А., Бэгби Р.М., Ивашкина М.Г., Квилти Л.К., Кривчикова М.Н., Мошняга Е.Н., Пузырева Н.В., Старостина Е.Г., Тэйлор Г.Д., Шаврикова Е.П. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // Социальная и клиническая психиатрия, 2010. №4
2. Ritvo R.A., Ritvo E.R., Guthrie D. et al. The Ritvo Autism Asperger Diagnostic Scale-Revised (RAADS-R): A Scale to Assist the Diagnosis of Autism Spectrum Disorder in Adults: An International Validation Study. J Autism Dev Disord 41, 1076–1089 (2011). <https://doi.org/10.1007/s10803-010-1133-5>

Формирование цифровой гигиены: стратегии, методики и перспективы

Афанасьева Ю.А.

ФГБОУ ВО «СОГУ им. К.Л. Хетагурова», Владикавказ, Россия

ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

afanaseva.y@mail.ru

*Исследование выполнено при поддержке СПбГУ, шифр проекта:
124032600013-2.*

Современное общество стремительно развивается благодаря активным процессам цифровизации, охватывающим практически все сферы человеческой жизни. Современная реальность требует от каждого члена общества способности ориентироваться в виртуальном пространстве, грамотно пользоваться интернет-ресурсами и сервисами,

соблюдать правила безопасности и заботиться о своем благополучии. В связи с этим проблема формирования цифровой гигиены становится особенно актуальной в эпоху глобального перехода к цифровым технологиям. Также в контексте быстрой цифровизации общества формирование цифровой гигиены становится ключевым фактором предотвращения интернет-зависимостей, стресса и дезадаптации индивида.

Под термином «цифровая гигиена» понимается совокупность действий и норм, направленных на поддержание здорового образа жизни в цифровой среде, включая соблюдение режима труда и отдыха, выбор качественного контента, контроль личного пространства, защиту персональной информации и умение распознавать угрозы и опасности, исходящие от виртуальных ресурсов (Васильев, 2022).

Согласно определению Р.С. Гилянцева и Н.А. Максимовой, цифровая гигиена включает три аспекта: техническую гигиену (правила эксплуатации устройств), информационную гигиену (фильтрацию контента и защиту данных) и поведенческую гигиену (управление временем и снижение информационного стресса). Таким образом, цифровая гигиена представляет собой комплексную систему правил и приемов, обеспечивающую комфортное взаимодействие с цифровой средой (Гилянцев, Максимова, 2023).

Процесс формирования цифровой гигиены охватывает сразу несколько уровней: индивидуальный, групповой и институциональный. Индивидуально каждый человек должен осознать необходимость бережного обращения с информацией и техникой, уметь планировать свое поведение в виртуальном мире. Группа сверстников способствует социализации новых норм и ценностей, помогая осваивать правильное использование ресурсов. Наконец, образовательная среда обязана обеспечить условия для овладения учащимися необходимыми навыками цифровой гигиены (Петров, 2024).

Необходимо подчеркнуть, что формирование цифровой гигиены требует междисциплинарного подхода, интегрирующего возможности психологии, образования и современных цифровых технологий. В связи с вышеизложенным, можно выделить два базовых механизма формирования цифровой гигиены:

- образовательный механизм (освоение теоретических знаний);

- практический механизм (формирование конкретных навыков).

К образовательным механизмам формирования цифровой гигиены относится включение в образовательный процесс дисциплин, связанных с изучением информационно-коммуникативных технологий, развитием навыков критического анализа информации, формированием навыков работы с большими объемами данных, защитой приватности и соблюдением прав интеллектуальной собственности. Важна разработка специальных учебных модулей, направляющих обучающихся на освоение принципов грамотного использования цифровых сервисов и платформ. Задачами специальных дисциплин должно стать развитие ответственного отношения к работе с электронными ресурсами, способности выбирать качественную информацию и защищать себя от потенциальных киберугроз, обучение навыкам фильтрации и оценки качества полученной информации, а также повышение осведомленности о рисках и опасностях, сопровождающих работу в Интернете.

Помимо образовательного компонента, важную роль играет работа с родителями обучающихся, поскольку именно семья формирует первые представления ребенка о правилах поведения в цифровом пространстве. Семинарские и методические мероприятия, консультации педагогов и психологов могут способствовать эффективному поддержанию позитивного отношения к технологиям и минимизировать негативные эффекты от чрезмерного увлечения гаджетами.

К практическим механизмам формирования цифровой гигиены относится организация внеурочных мероприятий, кружков и клубов, позволяющих развивать интерес подрастающего поколения к продуктивному взаимодействию с цифровой средой, например, клубы молодых исследователей Интернета, курсы по компьютерной графике и веб-дизайну, соревнования по информатике и т.д.

Важную роль также играют индивидуальные консультации и сопровождения педагогов-психологов и социальных работников, которые способны оказать помощь в диагностике степени сформированности цифровой гигиены, предложить коррекционные меры и создать поддерживающие условия для устойчивого усвоения полезных привычек.

Формирование цифровой гигиены представляет собой важный элемент подготовки молодого поколения к полноценной жизни в современном цифровом обществе. Процесс освоения цифровой гигиены требует систематической поддержки со стороны образовательных учреждений, семьи и государства. Создание благоприятных условий для приобретения соответствующих компетенций позволит значительно снизить риски и повысить эффективность взаимодействия с современными средствами коммуникации и обработки информации.

Изучение проблемы формирования цифровой гигиены продемонстрировало ее ключевую значимость в современном обществе, характеризующемся быстрым распространением цифровых технологий и усилением роли виртуального пространства в повседневной жизни. Напрашивается вывод о том, что цифровая гигиена представляет собой комплекс поведенческих и когнитивных практик, направленных на поддержание психического и социального благополучия в цифровой среде. Формирование цифровой гигиены позволит создать эффективные инструменты и механизмы, способствующие снижению рисков, связанных с активным использованием цифровых технологий населением и организациями.

Литература

1. *Васильев Е.В.* Безопасность в цифровой среде // Высшая школа XXI века. 2022. № 3. С. 23–32.
2. *Гилянцев Р.С., Максимова Н.А.* Современные концепции цифровой гигиены // Вестник науки и образования. 2023. № 10. С. 115–123.
3. *Петров К.Е.* Инновационные формы воспитания цифровой культуры студентов вуза // Вопросы высшей школы. 2024. № 1. С. 45–53.

Темпоральность как ресурс личностного и профессионального самоопределения в юношеском возрасте

Бабатина С.И.

*ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия
svetlanababatina@yandex.ru*

Проблема времени в научном дискурсе психологии изучается не только как характеристика внешней реальности, но прежде всего как способ внутренней организации жизненного опыта личности. Темпоральность проявляется в способах объединения человеком прошлого, настоящего и будущего в целостную систему, определяющую направленность его поведения, смысловые ориентации и стратегию жизненного пути. Тем самым время приобретает статус не фонового условия, а значимого психологического механизма, обеспечивающего целостность личности (Абульханова-Славская, 1991; Абульханова, Березина, 2001).

Юношеский период развития можно рассматривать как этап, на котором темпоральность начинает выполнять функцию личностного ресурса. Именно в этот период формируется способность осмысленно выстраивать жизненную перспективу и соотносить текущие действия с будущими целями. Как подчеркивается в современных исследованиях идентичности и временной перспективы, развитие личности невозможно вне переживания собственной непрерывности во времени, поскольку именно временная перспектива обеспечивает интеграцию опыта в структуре «Я».

Содержательно юность характеризуется расширением временного горизонта и усилением ориентации на будущее. Однако данная направленность носит противоречивый характер: будущее может восприниматься как пространство возможностей, но одновременно как источник неопределенности. Настоящее при этом часто переживается как промежуточный этап, что свидетельствует о незавершенности формирования темпоральной структуры личности.

Существенный вклад в понимание данных процессов вносят исследования Н.Н. Толстых, где показано, что временная перспектива выступает системообразующим фактором развития личности. Формирование целостной временной перспективы связано с

интеграцией различных временных модусов в единую систему смыслов, что обеспечивает устойчивость идентичности и направленность жизненного выбора (Толстых, 2000).

Дополняя данный подход, А. Сырцова и О.В. Митина показывают, что возрастная динамика временных ориентаций характеризуется не только усилением направленности в будущее, но и перестройкой отношения к настоящему как к ресурсу достижения целей. Зрелая временная перспектива предполагает баланс временных модусов, тогда как их дисгармония приводит к внутреннему напряжению и снижению эффективности деятельности (Сырцова, Митина, 2008).

Особое значение для углубления понимания темпоральности имеет концептуализация временной перспективы как компонента идентичности. В трудах Е.М. Мещеряковой подчеркивается, что временная перспектива понимается как изменчивая психологическая структура, объединяющую прошлое, настоящее и будущее в целостное «психологическое время», в рамках которого формируются личностные смыслы и осуществляется планирование деятельности (Мещерякова, 2025). Это позволяет рассматривать темпоральность не только как характеристику восприятия, но и как механизм смыслообразования.

Расширяя данное понимание, в работах С.А. Кравченко подчеркивается, что взаимодействие личности со временем носит многомерный характер и включает не только линейное восприятие временных отрезков, но и их субъективную интерпретацию в контексте жизненного опыта. Автор отмечает, что отсутствие видения будущего или разрыв временной перспективы может приводить к психологическим трудностям, в том числе снижению адаптивности и нарушению целостности жизненного пути (Кравченко, 2017). Таким образом, темпоральность выступает как условие психического благополучия и личностной устойчивости.

Важным аспектом является связь темпоральности с процессами саморегуляции. В юношеском возрасте формируются такие качества, как способность к целеполаганию, планированию и контролю собственной деятельности. Темпоральность обеспечивает возможность соотнесения актуальной активности с отдаленными результатами, выступая механизмом внутренней организации поведения (Головаха, Кроник, 2008).

Анализ структуры темпоральности у студентов показывает, что ее ключевыми характеристиками являются организованность, целостность и субъективная насыщенность времени. Эти параметры отражают не только когнитивную, но и эмоционально-смысловую сторону переживания времени. По мере взросления возрастает согласованность временной структуры личности, усиливается связь между настоящим и будущим, а также повышается реалистичность жизненных планов.

Таким образом, темпоральность в юношеском возрасте целесообразно рассматривать как значимый психологический ресурс, связанный с процессами личностного и профессионального самоопределения. Ее развитие сопряжено с формированием устойчивого представления о себе, усилением регуляторных возможностей личности и способностью выстраивать осмысленную перспективу собственного будущего.

Конструктивный тип темпоральности выражается в умении воспринимать жизненный путь как непрерывный процесс, в котором прошлый опыт, актуальная активность и ориентиры будущего находятся в взаимосвязи. Такая организация временной перспективы позволяет использовать время не как внешний ограничитель, а как внутренний инструмент реализации значимых жизненных целей.

Литература

1. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
2. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
3. *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. 320 с.
4. *Кравченко С.А.* Темпоральная психология. В измерениях времени и за его пределами. М.: Издательские решения, 2017. 270 с.
5. *Мещерякова Е.М.* Психология личности: идентичность и временная перспектива. СПб.: Наукоемкие технологии, 2025. 143 с.

6. Сырцова А., Митина О.В. Возрастная динамика временных ориентаций личности // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 41–54.
7. Толстых Н.Н. Временная перспектива личности: развитие и диагностика. М.: Смысл, 2000. 208 с.

Ценностные ориентации взрослых, получающих знания в современных культурно-образовательных центрах

Баварова Н.М., Никитская М.Г.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

bavarovannm@gmail.com, maria.nikitskaya@gmail.com

Представители разных психологических подходов фокусируются на различных аспектах понятий «ценности», «ценностные ориентации», «смысл». В частности, Ш. Шварц определяет ценности как стандарты, направляющие выбор и оценку поступков, людей и событий. По В.Н. Карандашеву ценности отражают общественные идеалы и служат эталоном должного. М. Рокичем ценности трактуются как особый тип убеждений, занимающих центральное положение в системе индивидуальных верований, направляя не только образ жизни, поведение и установки человека, но и его самооценку, а также взгляд на других (Буравлева, Каракулова, Степаненко, 2024). А.Г. Асмолов отмечает, что ценность определяет выбор поступка личности (Асмолов, 2007).

Выступая в качестве «внутреннего компаса» личности (Великанова (Герасимова) и др., 2025), ценностные ориентации неизменно интересны исследователям разнообразных направлений – от теоретической философии до прикладной педагогики и политологии.

Современный мир отличается высокой скоростью и непредсказуемостью изменений. Технологии, социальные нормы и жизненные ситуации постоянно обновляются, требуя от человека гибкости и переосмысления своих возможностей и планов, тем самым создавая естественную потребность в постоянной актуализации имеющихся ресурсов (в том числе знаний, умений и навыков), иными

словами – создавая потребность в непрерывном образовании. При этом растущая доступность и разнообразие вариативности образования создает возможности для исследования ценностей взрослых и того, что лежит в основе их интересов и принимаемых ими решений при выборе обучения.

В российской действительности на фоне роста общей неопределенности вопрос ценностных ориентаций взрослых приобретает особую значимость, а сам по себе факт появления культурно-образовательных центров, в которых не только проводят свой досуг, но и могут получать знания (причем без заинтересованности в получении документов об образовании) – представляет собой новое для нашего общества явление, а потому заслуживающее внимания.

Эмпирическое исследование, проведенное среди 224 участников Автономной некоммерческой организации Центр по обеспечению досуга и развитию личности «Территория развития личности» (далее – Центр), позволило выстроить групповую иерархию ценностей взрослых в возрасте от 16 до 69 лет от наиболее значимых к менее важным.

Ядро выборки (46%) представлено 103 респондентами в возрасте 35-45 лет (мода – 38 лет). Сбор данных осуществлялся с помощью методики определения ценностных ориентаций М. Рокича.

Анализ показывает, что среди взрослых доминирует ориентация на сохранение физического и психического здоровья – эту ценность указали 111 человек (49,6%).

На втором месте находится «Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)» – ее приоритетной считают 61 респондент (27,2%).

Третью позицию занимает «Жизнерадостность (чувство юмора)» – 49 человек (21,9%).

Другие ценности распределились следующим образом: «Любовь» (духовная и физическая близость) значима для 34 человек (15,2%), «Свобода» (самостоятельность в поступках) – для 33 человек (14,7%). «Счастливая семейная жизнь» (13,8%) и «Материально обеспеченная жизнь» (13,4%) находятся в средней части списка.

Ценности, связанные с социальным взаимодействием и качеством деятельности, такие как «Ответственность» (11,2%), «Рационализм»

(11,2%), «Развитие» (10,7%) и «Чуткость» (10,7%), также занимают средние позиции.

Наименее важны ценности «Наличия хороших и верных друзей» (4,9%) и «Развлечений» (4,9%).

Результаты исследования открывают новые перспективы для проектирования траекторий развития (мы осознанно уходим от терминологии «образовательная программа» именно в контексте получения знаний в современных культурно-образовательных центрах, которые зачастую не являются образовательными организациями в строгом понимании согласно действующему российскому законодательству).

Таким образом, мы наблюдаем, что современный взрослый готов учиться, если видит в этом инструмент укрепления своей независимости и не чувствует угрозы своему здоровью, при этом любая попытка превратить обучение в «развлечение» будет встречать сопротивление этой аудитории.

В этой связи современным культурно-образовательным центрам целесообразно акцентировать внимание не только на качественном и прикладном содержании учебных курсов, но и на заботе о здоровье своих участников и поддержке их самостоятельности.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007.
2. *Великанова (Герасимова) А.С., Кашиева Э.Н., Д. Нсенгийюмва, Шейфель Е.Б.* Проблема ценностно-смысловой сферы личности в психологии // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Том 13. № 3.
3. *Каракулова О.В., Степаненко С.П., Буравлева Н.А.* Психология ценностей личности: учебно-методическое пособие. Издательство Томского государственного педагогического университета, 2024.
4. *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1986.

Ролевые ожидания и притязания женщин в поликультурном обществе

Баганова Ф.К.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

f.baganoff@gmail.com

Узбекистан можно отнести к поликультурному, коллективистическому обществу, где традиции играют ключевую роль и продолжают влиять на современные представления о женщине. В условиях модернизации женщина сталкивается с необходимостью совмещать традиционные роли жены, матери, дочери с растущими ролевыми притязаниями, связанными с самореализацией, профессиональной деятельностью и личной автономией. Это приводит к разрыву между общественными ролевыми ожиданиями и субъективными представлениями женщины о собственной роли.

В работе ролевые ожидания понимаются как социальные и культурные представления о том, какой должна быть женщина, а ролевые притязания – как субъективные установки самой женщины относительно желаемого участия в реализации каждой роли (Волкова, 1985). Анализ согласованности и рассогласования позволяет рассматривать социальные роли как результат взаимодействия культурных норм и личных установок (Linton, 1936; Mead, 1934; Merton, 1957).

Эмпирическое исследование проведено на выборке из 40 женщин, проживающих в Узбекистане, в возрасте от 18 до 44 лет (средний возраст – 28 лет). Использован авторский опросник, разработанный на основе методики А.Н. Волковой «Ролевые ожидания и притязания в браке», включающий 10 ролей: жена, мать, дочь, невестка, профессионал, студентка, гражданка, верующая, подруга и субъект самореализации.

Результаты показали, что по всем исследуемым ролям ролевые притязания превышают ролевые ожидания. Это означает, что внутреннее понимание содержания роли у респонденток оказывается шире, чем то, которое задается обществом.

Роль жены оказалась наиболее согласованной. Она по-прежнему остается в центре женской идентичности: женщины не отказываются от

семьи и обязанностей, однако стремятся к партнерскому типу отношений, совместным решениям и признанию значимости своих интересов.

Роль матери сохраняет высокую значимость, однако конфликт связан не с материнством как таковым, а с его традиционным пониманием. Женщина хочет быть матерью, но не хочет растворяться в этой роли и терять собственную жизнь.

Роль невестки демонстрирует столкновение двух логик: коллективистско-иерархической и субъектно-личностной. Женщина не отказывается от включенности в семью мужа, но не готова занимать в ней подчиненную позицию.

Роль дочери в контексте заботы о старших показывает, что женщина не отказывается от самой идеи заботы, но не принимает ее как автоматически закрепленную только за ней функцию. Внутренний конфликт возникает вокруг неравномерного распределения ответственности.

Наиболее выраженный разрыв наблюдается в ролях, связанных с автономией. Роль студентки является самой конфликтной: образование воспринимается как ценность, но культурная норма продолжает его ограничивать (Абдугафуров, 2023). Аналогично, профессиональная роль и субъект самореализации уже признаны женщинами как значимые, но не полностью поддерживаются обществом (Saidakbarova, 2024).

Роль подруги показывает, что для женщины важно собственное социальное пространство, однако социум склонен ограничивать его рамками семьи. Религиозная роль сохраняет значимость, но женщина стремится проживать ее не как внешне заданную, а как внутренне определяемую.

Роль гражданки (гражданской активности) отражает стремление женщин быть включенными в общественную жизнь при отсутствии нормативной поддержки.

Для более глубокого изучения результатов роли были объединены в три смысловых блока:

- 1) семейная нормативность (мать, жена, невестка, дочь (забота о старших));
- 2) культурная нормативность (религиозная роль, роль гражданки (гражданская активность));

- 3) автономия (профессиональная роль, студентка, самореализация, подруга (социальные связи)).

Группировка ролей показала, что семейная нормативность остается центральной, но сопровождается разрывом между ожиданиями и притязаниями, связанным с переходом от патриархальной модели семьи к партнерской. Культурная нормативность сохраняется, но индивидуализируется. Блок автономии демонстрирует наибольший разрыв, что указывает на наиболее выраженный ролевой конфликт.

Анализ социально-демографических факторов показал, что тип местности проживания (городской или сельский) влияет преимущественно на ролевые ожидания (у сельских женщин уровень ролевых ожиданий выше, чем у городских), тогда как на ролевые притязания тип поселения такого влияния не оказывает. В частности, статистически значимые различия между городскими и сельскими женщинами обнаружены по ожиданиям к ролям матери, жены, невестки и студентки, что свидетельствует о неоднородности нормативных представлений о данных ролях в зависимости от типа поселения. По остальным ролям различия не достигли статистической значимости, что указывает на относительную устойчивость соответствующих ролевых представлений вне зависимости от контекста проживания. В отличие от типа поселения, возраст не показал статистически значимых связей с уровнем ролевых ожиданий и ролевых притязаний.

Таким образом, трансформация женских ролей происходит не через отказ от традиционных ценностей, а через их переосмысление. Женщина не отказывается от семьи, культуры и религии, а стремится изменить способ их проживания, что приводит к рассогласованию между ожиданиями и притязаниями и формирует внутреннее напряжение.

Литература

1. Абдугафуров А.А. Гендерные роли и социальные трансформации в Узбекистане. Ташкент, 2023.
2. Волкова А.Н. Ролевые ожидания и притязания супругов. М., 1985.
3. Linton R. The Study of Man. New York, 1936.

4. *Mead G.H.* Mind, Self and Society. Chicago, 1934.
5. *Merton R.K.* Social Theory and Social Structure. New York, 1957.
6. *Saidakbarova N.* Gender Norms and Women's Professional Activity in Uzbekistan. 2024.

Вербальные репрезентации отношения ко времени у представителей различных культур: контент-анализ коуч-сессий

Баклыкова Ю.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

julia-baklykova@yandex.ru

В условиях глобализации и увеличения межкультурных контактов большое значение приобретает понимание глубинных кодов культуры, к числу которых относится отношение ко времени (Hall, 1959). Современные исследователи подчеркивают необходимость перехода от статичных моделей изучения времени к динамическим, учитывающим не только хронологическую последовательность, но и то, как время переживается людьми, как оно связано с контекстом, отношениями и смыслами (Воваунава, Richet, 2025). Однако сравнительных исследований, рассматривающих отношение ко времени у представителей различных культур на материале естественной речи, недостаточно.

Для восполнения этого пробела мы проанализировали вербальные репрезентации отношения ко времени россиян, американцев и китайцев. Материалом для исследования выступили транскрипты коуч-сессий, поскольку коучинг – беседа, ориентированная на достижение цели, в которой представления о времени проявляются в речи клиента спонтанно, в процессе целеполагания. Это позволяет зафиксировать темпоральные установки, которые не всегда выявляются формализованными опросниками. Выбор респондентов обусловлен их принадлежностью к разным типам временных культур согласно типологии Э. Холла (1983). США относятся к монохронному типу, Китай – к полихронному, Россия занимает промежуточное положение. Осознание этих различий значимо как для продуктивного

межкультурного взаимодействия, так и для предотвращения возможных коммуникативных барьеров.

Под отношением ко времени понимается культурно и личностно обусловленная система восприятия и организации временной перспективы (Zimbardo, Boyd, 1999), включающая осмысление прошлого, настоящего и будущего, тип временной системы – монокронный или полихронный (Hall, 1983), а также внутренний или внешний локус контроля над временем, который, согласно К.А. Абульхановой-Славской (1991), отражает различие между активным, ответственным отношением ко времени и пассивным следованием внешним обстоятельствам. Указанные концепции составили теоретическую основу данной работы.

Основной метод – качественно-количественный контент-анализ транскриптов коуч-сессий ($n = 6$; общий объем 42 страницы). Для наблюдения анонимности имена респондентов заменены псевдонимами. Все участники (4 женщины и 2 мужчины, из них 2 из России, 2 из США, 2 из Китая; средний возраст 40 лет) – практикующие коучи, находившиеся в позиции клиентов, что обеспечивает методологическую однородность контекста.

На основании теоретического анализа выделены три категории контент-анализа: тип временной системы (монокронность/полихронность), временная ориентация (прошлое/настоящее/будущее), локус контроля над временем (внутренний/внешний). Единицы анализа – ключевые слова и смысловые индикаторы. Для повышения надежности применялась процедура двойного кодирования независимым экспертом.

Результаты исследования показали выраженные культурные различия.

Американские респонденты демонстрируют монокронность, ориентацию на будущее и внутренний локус контроля над временем. В речи доминируют словосочетания и метафоры планирования и эффективности («разбить на шаги», «создать систему», «годовые цели»). Соотношение монокронных и полихронных единиц у респондента Фрэнка – 22 против 6, при внутреннем локусе – 24 против 3. Это согласуется с данными о связи ориентации на будущее с индивидуальными достижениями в западных культурах (Шилова, 2025).

Китайские респонденты проявляют полихронность. Их субъективное время подчинено логике отношений и социальных обязательств («главное – чтобы все были довольны», «семья важнее расписания»). Временная ориентация сочетает важность прошлого (уважение к традициям) и настоящего (забота о текущих отношениях). Локус контроля внешний, время воспринимается как принадлежащее группе. Например, у респондентки Лилии зафиксировано 18 полихронных единиц против 8 монохронных, внешний локус – 17 упоминаний.

Российские респонденты сочетают элементы монохронного и полихронного отношения ко времени. В их речи встречаются как установки на планирование и последовательность («надо по расписанию», «нужно четко планировать»), так и ориентация на гибкость и учет обстоятельств («могу часами сидеть», «главное – договориться»). У респондента Алексея соотношение монохронных и полихронных единиц – 14 против 12, внешний локус – 18, внутренний – 8. Выявленная склонность российских участников к внешнему локусу контроля над временем соответствует данным о соотношении параметра «внешнее/внутреннее» в кросс-культурных исследованиях (Кауненко, 2024).

Выводы. Разработанная категориальная сетка позволила выявить культурную специфику отношения ко времени. Представители американской культуры проявляют признаки монохронности, ориентации на будущее и внутреннего локуса контроля над временем; китайской – полихронности, ориентации на прошлое/настоящее и внешнего локуса контроля над временем. Российские респонденты демонстрируют гибридные паттерны темпоральности, объединяющие линейный и циклический характер отношения ко времени. Полученные данные согласуются с теоретическими положениями Э. Холла, Ф. Зимбардо, К.А. Абульхановой-Славской, а также с современными кросс-культурными исследованиями. Результаты углубляют представления о культурной специфике отношения ко времени в контексте целеполагания.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

2. *Кауненко И.И.* Исследование мечты и восприятия времени у молодежи // *Challenges of Plural Societies*. Chişinău: CEP USM, 2024. С. 23.
3. *Шилова Н.П.* Временная перспектива в современных зарубежных исследованиях // *Современная зарубежная психология*. 2025. Т. 14, № 3. С. 105–114.
4. *Bouaynaya W., Richet J.L.* Rethinking Time in Global Information Systems Research // *Journal of Global Information Management*. 2025. Vol. 33, No. 1. P. 1–19.
5. *Hall E.T.* *The Dance of Life: The Other Dimension of Time*. New York: Anchor Press, 1983.
6. *Hall E.T.* *The Silent Language*. New York: Doubleday, 1959.
7. *Zimbardo P.G., Boyd J.N.* Putting time in perspective // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77, No. 6. P. 1271–1288.

Социально-психологические механизмы регуляции профессиональной надежности

Балакишина Е.В.

*ФГБОУ ВО ТВГТУ, Тверь, Россия
balakshina79@mail.ru*

Традиционно в рамках психологии труда профессиональная надежность рассматривается как интегративное качество субъекта деятельности, обеспечивающее стабильность и безошибочность выполнения профессиональных функций (Шадриков, 1996; Бодров, 2001). Однако длительное время данный феномен изучался преимущественно на индивидуальном уровне, вне контекста социального взаимодействия: в фокусе исследований находились психофизиологические качества, свойства нервной системы, когнитивные процессы и индивидуальные стили деятельности, тогда как влияние группы на надежность специалиста оставалось на периферии научного интереса. Между тем любая профессиональная деятельность разворачивается в системе межличностных отношений,

где поведение специалиста неизбежно подвергается влиянию групповых процессов, что обуславливает необходимость анализа социально-психологических механизмов регуляции профессиональной надежности.

В основе анализа лежат фундаментальные положения социальной психологии о детерминации поведения личности социальной средой (Андреева, 2017; Журавлёв, 2005) и теоретические модели регуляции деятельности (Конопкин, 2011; Моросанова, 2010). При этом под профессиональной надежностью понимается способность специалиста сохранять требуемое качество деятельности в течение заданного времени, включающая безошибочность, своевременность и стабильность действий. Социально-психологическая регуляция, в свою очередь, рассматривается как совокупность процессов, посредством которых группа влияет на установки, оценки и поведение индивида, формируя тем самым определенный уровень его надежности.

Следует отметить, что в научной литературе выделяются следующие ключевые механизмы социально-психологической регуляции профессиональной надежности.

Групповые нормы как регулятор надежности. В классических исследованиях групповой динамики (Левин, 2000) было показано, что нормы, разделяемые членами профессиональной группы, задают эталоны допустимого и желательного поведения. Они могут как повышать надежность (если группа ценит ответственность, точность, добросовестность), так и снижать ее (если неформальные нормы поощряют небрежность или сокрытие ошибок). Механизм действия норм реализуется через социальный контроль – систему поощрений и санкций.

Идентификация с группой и интернализация норм. В русле нормативного подхода (Бобнева, 1978) процесс принятия групповых ценностей как собственных осуществляется через механизм идентификации. Чем сильнее специалист отождествляет себя с профессиональной группой, тем в большей степени он усваивает ее стандартизированные способы действия, в том числе те, что определяют уровень надежности. Интернализованные нормы начинают действовать как внутренние регуляторы, не требующие внешнего контроля.

Конформизм и групповая поляризация. Влияние группы на надежность может проявляться через конформное поведение – подчинение индивида групповому давлению. В контексте профессиональной деятельности это имеет двойственное значение: с одной стороны, конформизм обеспечивает согласованность действий и соблюдение технологических стандартов, с другой – может подавлять инициативу и критическое мышление, необходимые в нестандартных ситуациях. В свою очередь, групповая поляризация (Московичи, 2006) заключается в том, что групповое обсуждение способно усиливать изначальные установки членов группы, что может вести к принятию более рискованных или, напротив, более осторожных решений.

Социальная фасилитация и ингибция. Присутствие других людей влияет на эффективность деятельности. В простых или хорошо освоенных задачах оно может улучшать результат (фасилитация), в сложных – ухудшать (ингибция). Этот механизм непосредственно связан с надежностью, поскольку многие профессиональные действия выполняются в присутствии коллег или под наблюдением.

Доверие как фактор надежности. Внутригрупповое доверие, выступающее предметом исследования в работах отечественных ученых (Сидоренкова, Сидоренкова, Ульянова, 2014) создает основу для делегирования ответственности, взаимопомощи и координации действий. Высокий уровень доверия позволяет членам группы полагаться друг на друга, что повышает общую надежность. Низкое доверие, напротив, порождает избыточный контроль и снижает эффективность взаимодействия.

Общие ментальные модели, в рамках которых раскрываются сходные представления о задачах в процессе совместной деятельности, а именно как они формируются у членов группы, а также способах их решения и распределении ответственности. Эти общие когнитивные схемы позволяют быстро и согласованно действовать даже в отсутствие детальной коммуникации (Проненко, 2024). Чем выше степень совпадения таких представлений, тем более предсказуемыми и скоординированными становятся действия членов группы, что особенно важно для надежности в нештатных ситуациях.

Выделенные механизмы не действуют изолированно. Они образуют сложную систему, где групповые нормы закрепляются через идентификацию, поддерживаются социальным контролем и реализуются в конкретных актах взаимодействия (Кричевский,

Дубровская, 2009). Профессиональная надежность специалиста существенно зависит от социально-психологического контекста его деятельности. Групповые нормы, идентификация, конформизм, доверие, социальная фасилитация и общие ментальные модели выступают ключевыми механизмами, через которые группа влияет на безошибочность, своевременность и стабильность действий индивида. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение взаимодействия этих механизмов и их роли в различных типах профессиональных групп.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: ПЕРСЭ. Аспект Пресс. 2017.
2. *Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука. 1978.
3. *Бодров В.А.* Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕР СЭ. 2001.
4. *Журавлёв А.Л.* Психология совместной деятельности. М.: ПЕР СЭ. 2005.
5. *Конопкин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: URSS. Ленанд. 2011.
6. *Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Социальная психология малой группы. М.: Аспект Пресс. 2009.
7. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь. 2000.
8. *Моросанова В.И.* Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука. 2010.
9. *Московичи С.* Социальная психология. СПб.: Питер. 2006.
10. *Проненко Е.А.* Общие ментальные модели и совместная деятельность: сопоставление исследовательских подходов // Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология. 2024. Т. 7. № 1. С. 122–130.
11. *Сидоренков А.В., Сидоренкова И.И., Ульянова Н.Ю.* Социально-психологические характеристики и эффективность малых групп в организации. Ростов-на-Дону. 2014.
12. *Шадриков В.Д.* Психология деятельности и способности человека. М.: МАПР. 1996.

Роль ситуативной тревожности в социальной адаптации младших школьников с СДВГ

Балахнина Е.Ю., Солодухин А.В.

*ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»,
Кемерово, Россия
Ekaterina.psychology@yandex.ru, mein11@mail.ru*

Высокая коморбидность эмоциональных нарушений и синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) обуславливает необходимость изучения социальной адаптации данной категории детей. Зарубежные данные свидетельствуют, что до 50% детей с СДВГ имеют дефициты эмоциональной регуляции (Cairncross, Miller, 2020). В отечественной психологии накоплен существенный опыт исследования общей адаптации школьников с СДВГ (Заваденко, 2019), однако работ, анализирующих механизмы эмоциональной регуляции как детерминанту социометрического статуса, недостаточно. Существующие исследования часто фокусируются на поведенческих симптомах, упуская их эмоциональные предикторы.

Цель исследования – выявить взаимосвязь между уровнем ситуативной тревожности как индикатора эмоциональной регуляции и показателями социометрического статуса у младших школьников 7–10 лет с клинически верифицированным СДВГ.

Выборку составили 36 детей (21 мальчик, 15 девочек) в возрасте 7–10 лет ($M = 8,6$; $SD = 1,1$), обучающихся в общеобразовательных школах г. Кемерово. Диагноз СДВГ был верифицирован специалистами клиники «КузбассНейро» по критериям DSM-5 и подтвержден шкалой Conners' Parent Rating Scales–Revised (CRS-R) в 2026 г. Социометрическое исследование проводилось непосредственно в школьных классах, где обучались дети. Критерии включения: верифицированный диагноз СДВГ, возраст 7–10 лет, отсутствие психофармакотерапии в течение 3 месяцев до исследования, отсутствие коморбидных расстройств аутистического спектра. Получено информированное согласие родителей и устное согласие детей.

Для верификации диагноза использовалась пересмотренная шкала Коннерса (Conners, 1997) в части субшкалы «Гиперактивность/импульсивность». Уровень эмоциональной

регуляции оценивался через показатель ситуативной тревожности по шкале Спилбергера–Ханина в адаптации Т.А. Немчина (1983). Выбор данного индикатора обусловлен следующими методологическими соображениями: большинство опросников эмоциональной регуляции требуют развитой рефлексии, недоступной детям 7–10 лет. Шкала Спилбергера–Ханина валидирована для младшего школьного возраста и обладает высокой надежностью ($\alpha = 0,86–0,91$). В структуре нарушений при СДВГ тревожность выступает как интегральный маркер дезадаптации эмоциональной регуляции. Неспособность модулировать возбуждение и импульсы неизбежно транслируется в рост ситуативной тревоги, что подтверждается данными о высокой коморбидности этих состояний (Cairncross, Miller, 2020). Социальная адаптация измерялась методом социометрии (Дж. Морено) с модификацией критериев выбора, адаптированной для младших школьников: детям предлагалось выбрать трех сверстников из класса «с кем хотелось бы сидеть за одной партой» и «кого бы не хотелось видеть соседом». На основе ответов рассчитывался социометрический статус (индекс популярности).

Статистическая обработка выполнена в программном пакете SPSS 26. Применялись методы описательной статистики (среднее арифметическое M , стандартное отклонение SD). Для анализа взаимосвязей между переменными использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r). Для оценки вклада тревожности в дисперсию социального статуса проведен регрессионный анализ. Уровень статистической значимости принят за $p < 0,05$.

Результаты. Корреляционный анализ выявил значимую отрицательную связь между уровнем ситуативной тревожности и социометрическим статусом ($r = -0,53$; $p < 0,01$): чем выше тревожность ребёнка, тем ниже его принятие в группе сверстников. Регрессионный анализ показал, что уровень тревожности вносит существенный вклад в разброс показателей социального статуса – около 28% дисперсии объясняется именно этим фактором. Дети с высоким уровнем тревожности (≥ 50 баллов по шкале Спилбергера–Ханина) чаще получали статус «изолированного» или «отвергнутого» по критериям социометрической матрицы (72% против 28% в группе с низкой тревожностью; $p = 0,002$).

Интерпретация результатов в контексте модели эмоциональной социализации (Cole et al., 2009) позволяет предположить, что нарушения регуляции эмоций транслируются в повышенную тревожность, дезорганизуя коммуникативные паттерны. Ребенок либо избегает контактов, либо демонстрирует импульсивные реакции, воспринимаемые сверстниками как агрессивные. Следует отметить методологическое ограничение: дизайн исследования (одномоментный срез) не позволяет верифицировать причинно-следственные связи. Вероятно, имеет место циклическая динамика, где социальное отторжение провоцирует рост тревоги, усугубляющий дезадаптацию.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные данные обосновывают необходимость разработки и включения блоков по развитию эмоциональной регуляции в программы сопровождения детей с СДВГ. Гипотетически снижение тревожности немедикаментозными средствами может улучшить социальную позицию ученика, однако для доказательства эффективности таких интервенций потребуются проведение отдельного формирующего эксперимента.

Литература

1. *Заваденко Н.Н.* Гиперактивность и дефицит внимания у детей. М.: Академия, 2019. 240 с.
2. *Морено Дж.Л.* Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический Проект, 2011.
3. *Немчин Т.А.* Тревожность и её проявления в поведении. М.: Изд-во МГУ, 1983. 144 с.
4. *Cairncross M., Miller C.J.* The Effectiveness of Mindfulness-Based Therapies for ADHD: A Meta-Analytic Review. *J Atten Disord.* 2020 Mar;24(5):627-643.
5. *Cole P.M., Dennis T.A., Smith-Simon K.E., Cohen L.H.* (2009). Preschoolers' emotion regulation strategy understanding: Relations with emotion socialization and child self-regulation. *Social Development*, 18(2), 324–352.
6. *Conners C.K.* Conners' Rating Scales–Revised: Technical Manual. Toronto: Multi-Health Systems, 1997. 103 p.

Контент социальных сетей как фактор формирования образа тела у старшеклассников

Басанова Е.Е., Асриян А.А.

*ФГБОУ ВО ПГУ, Пятигорск, Россия
lenmit@yandex.ru,alina27asriyan@mail.ru*

В условиях цифровизации социальные сети выступают ключевым агентом социализации старшеклассников, транслируя эстетические стандарты и влияя на формирование «Я- концепции» и образа тела. В старшем школьном возрасте интенсивное взаимодействие с визуальным контентом может выступать как ресурсом самопознания, так и фактором риска развития неудовлетворенности собой (Басанова, Бондаренко, 2025).

Образ тела как компонент «Я-концепции» активно формируется в подростковом возрасте и подвержен влиянию медиасреды. Ориентация на внешние стандарты делает подростков уязвимыми к эмоциональному дискомфорту при несоответствии идеалам, что в крайних случаях может приводить к дисморфофобии (Бочавер, Кузнецова, Павлова, 2021).

Теоретически образ тела рассматривается как комплексная структура (когнитивная, поведенческая, аффективная), формирующаяся в социальном взаимодействии (Соколова, Дорожевец, 1985). Социокультурная модель объясняет влияние медиа через интернализацию культурных стандартов красоты, транслируемых семьей, СМИ и соцсетями. В исследовании 2023 года было показано, что современная информационная среда играет значительную роль в формировании образа мира у школьников, выступая ведущим агентом социализации и транслируя ценностные ориентиры (Сердюкова, Шаповалова, Никулина, 2023). Особенную роль семьи и СМИ в этом процессе подтверждают исследования (Морозова, Белогай, 2017).

Влияние социальных сетей опосредовано типом активности, мотивами и личностными особенностями (Бочавер, Кузнецова, Павлова, 2021). Ключевыми механизмами выступают: социальное сравнение, синдром упущенной выгоды и эффект вытеснения реальной активности виртуальной (Сирота, Московченко, Ялтонский, 2020).

Проблемное использование соцсетей, а именно потеря контроля, негативные последствия прямо связано со снижением психологического благополучия и риском депрессии (Бочавер, Кузнецова, Павлова, 2021). Таким образом, неконтролируемое и пассивное взаимодействие с цифровой средой выступает значимым фактором риска для субъективного благополучия подростков (Басанова, Бондаренко, 2025).

В нашем исследовании приняли участие 47 учеников 11 класса МБОУ СОШ №30 г. Пятигорска в возрасте от 16 до 17 лет: 31 из которых – юноши, и 16 – девушки.

Для выявления удовлетворенности собственным телом был использован «Опросник образа тела» (О.А. Скугаревский, С.В. Сивуха), по которому получены следующие результаты: в исследуемой группе 64% респондентов имеют высокий уровень удовлетворенности собственным телом, 30% – средний, и 6% – низкий. Доминирование группы с высоким уровнем удовлетворенности указывает на позитивное телесное самовосприятие, адекватную самооценку внешности и здоровые паттерны поведения. Группа со средним уровнем отражает нормативный кризис телесного восприятия, характеризующийся амбивалентным отношением к телу и восприимчивостью к внешним оценкам. Несмотря на малочисленность, группа с низким уровнем требует особого внимания, так как результаты могут говорить о риске дисморфического расстройства, расстройств пищевого поведения, депрессивных тенденций или социальной изоляции (Скугаревский, Сивуха, 2006).

Для выявления проблем, связанных с использованием социальных сетей, была использована методика «Шкала проблемного использования соцсетей» С. Marino et al. в адаптации Н.А. Сирота, Д.В. Московченко и др.

В ходе исследования были получены следующие результаты: общая картина показывает преобладание контролируемого использования соцсетей (57%). Однако значительная часть имеет среднюю (32%) и высокую (11%) степень проблемного использования.

Наиболее выражена эмоциональная регуляция через соцсети (53%), где онлайн-активность используется для управления настроением, особенно при дефиците внутренних ресурсов. Предпочтение онлайн-общения выражено у 51% респондентов, что может привести к атрофии социальных навыков в офлайн-среде.

Когнитивная поглощенность отмечается у 26%, а компульсивное использование – у 30%, при этом у 9% компульсивность достигла уровня аддикции. Низкие показатели негативных последствий у 83% участников обнадеживают, но у 17% они присутствуют, и для одного респондента носят экстремальный характер, что требует вмешательства.

Далее был проведен математический анализ, а именно коэффициент корреляции рангов Спирмена. Данный анализ показал следующие результаты: статистически значимая связь была выявлена только между удовлетворенностью собственным телом и когнитивной поглощенностью ($r = 0,333, p < 0,05$). Это указывает на то, что чем выше удовлетворенность собственным телом, тем более выражена склонность к постоянным мыслям о соцсетях и погруженность в виртуальную среду на когнитивном уровне.

Все остальные корреляционные связи не достигли статистической значимости ($p > 0,05$), что свидетельствует об отсутствии линейной взаимосвязи между удовлетворенностью телом и такими показателями проблемного использования соцсетей, как предпочтение онлайн-общения, использование соцсетей для регуляции эмоций, компульсивное поведение, негативные последствия, а также с интегральным показателем проблемного использования.

Полученные данные позволяют предположить, что когнитивная поглощенность связана с активным поддержанием образа себя в цифровом пространстве, что при позитивном самовосприятии не сопровождается дезадаптивными формами поведения. Отсутствие значимых связей с остальными шкалами указывает на то, что удовлетворенность телом не является прямым предиктором проблемного использования соцсетей, а их влияние на образ тела опосредуется иными факторами.

Литература

1. Басанова Е.Е., Бондаренко Е.В. Способы саморегуляции подростков в цифровой среде // Психология и педагогика: современные прикладные и фундаментальные исследования. Цифровые технологии в психологии. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Пятигорск, 2025. С. 17-24.

2. *Бочавер А.А., Кузнецова Е.А., Павлова Е.А.* Проблемное использование интернета и социальных сетей в подростковом возрасте: подходы к диагностике и коррекции // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 2. С. 1–18.
3. *Морозова И.С., Белогай К.Н.* Проблематика образа тела в контексте психологии развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 8. С. 43–46.
4. *Сердюкова Е.Ф., Шаповалова М.Л., Никулина С.А.* Исследование роли современной информационной среды в формировании образа мира у современных школьников // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 2. С. 98–104.
5. *Сирота Н.А., Московченко Д.В., Ялтонский В.М.* Адаптация и валидизация шкалы проблемного использования социальных сетей на российской выборке подростков // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2020. Т. 20, № 3. С. 1–20.
6. *Скугаревский О.А., Сивуха С.В.* Образ собственного тела: разработка инструмента для оценки // Психологический журнал. 2006. № 2. С. 126–147.
7. *Соколова Е.Т., Дорожеев А.Н.* Исследования «образа тела» в зарубежной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1985. № 4. С. 39–49.

Локус контроля и прогностические способности как факторы формирования профессиональной готовности старшеклассников

Басанова Е.Е., Калустян А.Т.

*ФГБОУ ВО ПГУ, Пятигорск, Россия
lenmit@yandex.ru, adelinakalustyan@mail.ru*

Проблема профессионального самоопределения в старшем школьном возрасте является одной из центральных в психологии развития. В условиях динамично меняющегося рынка труда и тотальной цифровизации требования к личностной зрелости подрастающего поколения существенно возрастают (Шаповалова и др., 2025). Выбор профессии в этот период играет определяющую роль, так как ошибки на данном этапе могут привести к утрате жизненных

смысловых ориентиров (Шерешкова, Давыдова, 2024). Успешность этого процесса напрямую зависит от психологической готовности личности к профессиональному выбору.

Психологическая готовность представляет собой сложное структурное образование, включающее мотивационные, когнитивные и эмоциональные компоненты. Важнейшим фундаментом здесь выступает профессиональная мотивация (Ермакова, Басанова, 2020). Наличие выраженного интереса к будущей деятельности коррелирует с академической успеваемостью, в то время как неосознанный подход ведет к снижению удовлетворенности обучением (Ермакова, Басанова, 2020). Также на готовность влияют уровень тревожности и склонность к риску (Шерешкова, Кузьминых, 2022).

Значимым условием самоопределения выступают прогностические способности, а именно умение выстраивать планы и прогнозы относительно своего будущего (Андронов, Ионова, 2015). Прогностическая деятельность позволяет соотносить свои возможности с требованиями рынка и осознавать риски. Однако часто отмечается недостаточная сформированность этих способностей у молодежи, что выражается в неумении конструировать долгосрочные стратегии (Андронов, Ионова, 2015).

Ключевым фактором поведения в ситуации выбора является локус контроля – склонность приписывать успехи или неудачи либо внутренним (интернальность), либо внешним (экстернальность) факторам (Колесов, 2012). Интернальность тесно связана с самостоятельностью: чем выше уровень субъективного контроля, тем более независим подросток (Топакова, Япарова, 2023). Взрослые могут как способствовать развитию этой черты, так и препятствовать ей через гиперопеку (Топакова, Япарова, 2023). В долгосрочной перспективе внешний локус контроля является фактором риска профессионального выгорания (Лукина, Бурлакова, 2018). Напротив, высокий уровень интернальности способствует сохранению психологического здоровья и эффективности труда (Лукина, Бурлакова, 2018).

Интеграция этих факторов обеспечивает переход старшеклассников к позиции субъекта, способного к осознанной профессиональной самоидентификации.

В нашем исследовании приняли участие 53 учащихся 10-х классов МБОУ СОШ №26 г. Пятигорска (24 девочки, 29 мальчиков).

Использовались методики: «Шкала локуса контроля» Дж. Роттера, «Способность к речемыслительному прогнозированию» Л. А. Ретуш, методики В. Б. Успенского и А. П. Чернявской.

Корреляционный анализ рангов Спирмена выявил следующее.

- Интернальность тесно связана со всеми компонентами готовности. Сильнейшие связи обнаружены с общей готовностью ($r = 0,733$; $p < 0,001$) и планированием ($r = 0,710$; $p < 0,001$). Это подтверждает: восприятие себя как источника контроля повышает способность к осознанному выбору.

- Прогностические способности также имеют устойчивые связи с готовностью к выбору ($r = 0,702$; $p < 0,001$) и автономностью ($r = 0,63$; $p < 0,001$). Умение предвидеть последствия напрямую связано со зрелостью самоопределения.

Проведенное исследование подтвердило, что интернальный локус контроля и прогностические способности выступают не просто сопутствующими характеристиками, а ключевыми предикторами, определяющими успешность профессионального самоопределения старшеклассников. Выявленные сильные корреляционные связи свидетельствуют о том, что восприятие себя как источника контроля и умение выстраивать долгосрочные планы являются фундаментальной основой для формирования осознанного профессионального выбора. Интеграция этих двух факторов обеспечивает качественный переход старшеклассника от пассивной позиции, при которой решение о выборе профессии определяется внешними обстоятельствами, к активной субъектной позиции, характеризующейся самостоятельностью и принятием ответственности за свою профессиональную судьбу.

Полученные результаты указывают на необходимость внедрения в деятельность школьных психологических служб не просто диагностических и информационных мероприятий, а целенаправленных программ по развитию субъектной ответственности и навыков стратегического планирования. Таким образом, формирование интернального локуса контроля и прогностических способностей должно рассматриваться в качестве приоритетного направления психолого-педагогической поддержки профессионального самоопределения в старшем школьном возрасте.

Литература

1. Андронов В.П., Ионова М.С. Значение прогностических способностей для профессионального самоопределения старшеклассников // ИТС. 2015. №1 (78).
2. Ермакова А.М., Басанова Е.Е. Профессиональная мотивация как основа успешности обучения студентов ВУЗов // Взгляд современной молодежи на актуальные проблемы гуманитарного знания. Материалы XI ежегодной межрегиональной студенческой научно-практической конференции. Грозный, 2022. С. 90-93.
3. Колесов С.Г. Локус контроля над поведением людей // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokus-kontrolya-nad-povedeniem-lyudey> (дата обращения: 27.03.2026).
4. Лукина В.С., Булакова А.Р. Взаимосвязь профессионального выгорания и локуса контроля // Педагогика. Психология. Философия. 2018. №4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-professionalnogo-vygoraniya-i-lokusa-kontrolya> (дата обращения: 28.03.2026).
5. Тонакова Т.И., Япарова О.Г. Взаимосвязь локус контроля и самостоятельности в подростковом возрасте // Наука в жизни человека. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-lokus-kontrolya-i-samostoyatelnosti-v-podrostkovom-vozhraсте> (дата обращения: 27.03.2026).
6. Шаповалова М.Л., Кочкурова О.В., Эннс Е.А. Формирование профессиональной идентичности будущих психологов в современной цифровой среде: проблемы и ресурсы // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-professionalnoy-identichnosti-buduschih-psihologov-v-sovremennoy-tsifrovoy-srede-problemy-i-resursy> (дата обращения: 26.03.2026).
7. Шерешкова Е.А., Давыдова Ю.А. Формирование психологической готовности к профессиональному выбору у старшеклассников // Ученые записки Шадринского

- государственного педагогического университета. 2024. №1.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-psihologicheskoy-gotovnosti-k-professionalnomu-vyboru-u-starsheklassnikov> (дата обращения: 27.03.2026).
8. *Шерешкова Е.А., Кузьминых В.А.* Психологическая готовность к профессиональному выбору у старшеклассников // Вестник ШГПУ. 2022. №2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-gotovnost-k-professionalnomu-vyboru-u-starsheklassnikov> (дата обращения: 28.03.2026).

Родительская роль в структуре представлений молодежи об идеальном отцовстве

Батенина А.Р.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

alinabatenina@list.ru, sachkova@list.ru

Проблема отцовства в последние десятилетия привлекает внимание многих исследователей. Классические работы И.С. Кона (2009) заложили основу для понимания трансформации мужской идентичности и отцовской роли в современных обществах. Исследования фиксируют формирование запроса на «новое отцовство» – вовлеченное, эмоционально близкое, эгалитарное, предполагающее активное участие мужчины в повседневной заботе о детях (Авдеева, 2012). Актуальность изучения представлений молодежи об идеальном отцовстве обусловлена прежде всего тем, что именно в период ранней взрослости происходит наиболее активное осмысление собственного детского опыта, формирование родительской позиции и подготовка к реализации родительских функций. В этом возрастном периоде человек не только завершает сепарацию от родительской семьи, но и выстраивает собственную модель семейных отношений, во многом опираясь на те образцы, которые были интернализованы им в детстве.

Родительство в современной психологии понимается как сложная система взаимосвязанных явлений, включающих родительские чувства, родительские роли и нормативные предписания культуры, а также реальное поведение родителей (Кон, 2009). Для изучения представлений молодежи об идеальном отцовстве большее значение имеет аспект, предполагающий анализ того, какие именно модели отцовского поведения и отношения к детям воспринимаются молодыми людьми как желательные и соответствующие их ожиданиям. В рамках теории привязанности вводится понятие «внутренней рабочей модели», представляющей собой устойчивую репрезентацию себя, других и отношений, которая формируется в процессе взаимодействия ребенка с родителем и в дальнейшем определяет его ожидания и поведение в значимых связях на протяжении всей жизни (Боулби, 2003). Даже при физическом или эмоциональном отсутствии отца потребность в отцовской фигуре никуда не исчезает и сохраняется на протяжении всего периода взросления, и это спровоцировало появление феномена «виртуального отцовства», суть которого – конструирование матерями или самими детьми героизированного образа отсутствующего родителя, выполняющего важную компенсаторную функцию (Кон, 2009). Созданная таким образом фигура может становиться значимым ориентиром в процессе взросления и оказывать существенное влияние на представления об идеальном отце, причем в некоторых случаях подобная мифологизация распространяется и на реально присутствующего, но эмоционально недоступного отца.

Стиль же отцовства существенным образом зависит от собственного детского опыта мужчины, причем передача этого опыта осуществляется как через механизмы подражания, так и через критическую переработку отрицательного опыта, реализующуюся в стремлении «не повторять ошибок» своих отцов (Кон, 2009). По результатам исследования О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой (2022), около 40% молодых людей стремятся воспроизвести в своей жизни такие отношения, которые сложились у них с собственным отцом, и примерно столько же выбирают собственный, отличный от родительского сценарий, причем последние значимо чаще из семей, где наблюдался дефицит тепла и поддержки. Полученные результаты позволяют предположить, что негативный детский опыт может

выступать в качестве фактора, активизирующего рефлексию и осознанное конструирование иного, отличного от родительского, образа идеального отца.

Современный молодой человек оказывается в ситуации социальных ожиданий, когда, с одной стороны, от него по-прежнему ждут выполнения традиционной роли «добытчика», причем его авторитет в семье и самоуважение сильно зависят от внесемейной, социально-профессиональной успешности (Кон, 2009). С другой стороны, общество все более настойчиво транслирует запрос на эмоциональную включенность, заботу и партнерство в отношениях с детьми. Исследования показывают, что, несмотря на законодательно закрепленное право отцов на отпуск по уходу за ребенком, реализация этого права на практике серьезно затруднена из-за негативных санкций со стороны окружения и работодателей, транслирующих устоявшуюся установку о том, что уход за ребенком – это «не мужское дело» (Авдеева, 2012). На этом фоне женщина, будучи главным человеком в жизни ребенка, становится активным посредником влияния отца на ребенка: качество супружеских отношений выступает предиктором как детско-родительских отношений, так и поведенческих характеристик ребенка (Калина, 2019). Это означает, что представления об идеальном отце формируются не только и не столько в прямом взаимодействии с отцом, сколько через наблюдение за характером супружеских отношений родителей и той атмосферой, которая царит в семье. Трансформация отцовства, таким образом, не может быть понята вне контекста тех изменений, которые происходят с женскими ролями и семейно-брачными отношениями в целом.

Перспективным исследованием может быть изучение того, как формирующиеся в молодежной среде представления об идеальном отцовстве соотносятся с реальными поведенческими стратегиями, в том числе с готовностью молодых мужчин к реализации новых родительских практик. Можно предположить, что по мере роста тенденции вовлеченного отцовства число молодых людей, ориентированных на эту практику, будет увеличиваться, однако сохраняющееся давление традиционных маскулинных норм, требующих от мужчины выполнения прежде всего роли «кормильца», может создавать внутренний конфликт между идеальными представлениями и реальными жизненными выборами.

Литература

1. *Авдеева А.В.* «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104.
2. *Безрукова О.Н., Самойлова В.А.* Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 65–78.
3. *Боулби Дж.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
4. *Калина И.А.* Отцовство как психологический феномен. Обзор современной зарубежной литературы // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 49–58.
5. *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.

Стратегии поведения в конфликтных ситуациях в контексте защитных механизмов личности и типов привязанности

Беловол Е.В., Шилова П.О.

*ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия
ev.belovol@mpgu.su, polina1505shi@mail.ru*

Конфликты всегда были неотъемлемой частью жизни человека и общества, влияя на все сферы деятельности. В настоящее время наблюдается нехватка эмпирических исследований, которые охватывали бы и стратегии поведения в конфликте, и защитные механизмы, и типы привязанности, создавая таким образом возможность для комплексного рассмотрения единой системе регуляции поведения личности в конфликтной ситуации.

А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов пишут: «Среди сущностных черт конфликта выделяют: наличие противоречия между субъектами; их противодействие; негативные эмоции по отношению друг к другу» (Анцупов, Шипилов, 2000). Таким образом, авторы описывают конфликт с социальной точки зрения, как конфронтацию между

субъектами, при этом важно проживание участниками конфликта негативных эмоций, так как защитные механизмы направлены на снижение переживаний.

Р.М. Грановская приводит цепочку «конфликт – тревога – включение защиты», подразумевая, что в ситуации противоречия защитные механизмы снижают остроту проживания конфликтов (Грановская, 2010). Типы привязанности, формирующиеся в детстве, задают основу эмоциональной регуляции и восприятия угрозы, конфликт порождает тревогу, активирующую защитные механизмы, а предпочитаемые способы поведения в конфликтах и набор защит могут образовывать устойчивые комплексы реагирования на психическое напряжение, включая избегание и беспокойство – компоненты типа привязанности. Тезис о наличии данных комплексов составил гипотезу исследования.

В исследовании, целью которого являлось исследовать особенности поведения личности в конфликтных ситуациях при различных типах привязанности и защитных механизмах, принял участие 101 респондент. Были проведены следующие методики: опросник «Индекс жизненного стиля» Плутчика-Келлермана, опросник «Стратегии поведения в конфликтах» Томаса-Килманна, опросник привязанности к близким людям Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширина,

В полученной регрессионной модели стратегии «избегание» наибольший вес имеет избегание как компонент типа привязанности, сопровождаемый подавлением, вытесняющим дискомфортные мысли, тогда как интеллектуализация подменяет эмоции и ведет к уходу от решения, а беспокойство (страх быть не принятым) также способствует выбору данной стратегии. В уравнении «соперничества» значимы отрицание, подавление, замещение (человек не может выразить свои эмоции, он выбирает сферу или субъекта для соперничества и переносит свои чувства туда) и интеллектуализация с отрицательным влиянием; при этом защитные механизмы искажают образ реальности, а отсутствие избегания и беспокойства говорит об отсутствии стремления к дистанцированию или переживанию за отношения.

Модель «сотрудничества» включает отрицание, необходимое для отстранения от эмоций при договоренностях, и регрессию. «Компромисс» представлен регрессией (взаимные уступки могут осуществляться на уровне более примитивных переживаний), проекцией

(приписывание другим своих мыслей и чувств, ведущее к выбору компромисса), интеллектуализацией и избеганием, снижающим тревогу за счет уступок. Стратегия «приспособление» выступает способом избежать конфликта через жертвование интересами, где избегание сохраняет спокойствие, беспокойство отражает страх потери отношений, а интеллектуализация оправдывает уступки рационализацией вторичных выгод.

Таким образом, гипотеза о том, что существуют специфические комплексы защитных механизмов и факторов привязанности (избегание и беспокойство), которые являются предикторами предпочтения различных стратегий поведения в конфликте, подтвердилась.

Литература

1. *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология: Учебник для вузов. 8-е изд. – СПб.: Питер, 2023. – 560 с.
2. *Грановская Р.М.* Психологическая защита / Р. М. Грановская. – Санкт-Петербург: Речь, 2007.
3. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, 1997.
4. *Сабельникова Н.В., Каширский Д.В.* Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – № 4. – С. 84-97.

Взаимосвязь межкультурной компетентности и эмоционального восприятия культурно-специфических и культурно-универсальных архитектурных объектов

Беляева Д.А., Ткаченко Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

dashabelieve2@gmail.com, tkachenkonv@mgppu.ru

Культура определяет восприятие пространства, а ее особенности находят отражение в архитектуре. Уникальные архитектурные объекты передают ценности и традиции, выступая символами конкретной культуры. Однако их эмоциональное восприятие зависит от

межкультурной компетентности наблюдателя: то, что вызывает трепет у представителей одной культуры, может остаться непонятым у другой. В связи с этим возникает необходимость определения взаимосвязи межкультурной компетентности и эмоционального восприятия культурно-специфических и культурно-универсальных архитектурных объектов.

Цель исследования: изучение взаимосвязи межкультурной компетентности и эмоционального восприятия культурно-специфических и культурно-универсальных архитектурных объектов.

Объект исследования: межкультурная компетентность и эмоциональное восприятие.

Предмет исследования: взаимосвязь межкультурной компетентности и эмоционального восприятия культурно-специфических и культурно-универсальных архитектурных объектов.

Гипотезы:

- существует взаимосвязь между межкультурной компетентностью и эмоциональным восприятием культурно-специфических и культурно-универсальных архитектурных объектов;
- эмоциональное восприятие культурно-специфических архитектурных объектов будет существенно отличаться от эмоционального восприятия культурно-универсальных архитектурных объектов.

Задачи:

1. Провести теоретический анализ понятий «межкультурной компетентности» и «эмоционального восприятия»
2. Разработать программу эмпирического исследования взаимосвязи межкультурной компетентности и эмоционального восприятия культурно-специфических и культурно-универсальных архитектурных объектов
3. Провести эмпирическое исследование с использованием подобранных методик
4. Выявить взаимосвязь межкультурной компетентности и эмоционального восприятия архитектурных объектов.

Методики исследования:

- «Интегративный опросник межкультурной компетентности» (Хухлаев и др., 2021);

- «Биполярный 20-шкальный архитектурный семантический дифференциал» (Габидулина, 2012).

Выборку исследования составили респонденты в возрасте от 21 до 74 лет (N=60).

Процедура проведения эмпирического исследования заключалась в следующем. Все испытуемые сначала заполняли «Интегративный опросник межкультурной компетентности», затем им был представлен стимульный материал в виде 8 изображений различных архитектурных объектов, которые они оценивали по биполярному 20-шкальному архитектурному семантическому дифференциалу. Стимульный материал был подобран из «Списка всемирного наследия» ЮНЕСКО и разделен на культурно-универсальные и культурно-специфические архитектурные объекты, по соответствующим критериям отбора для включения в «Список всемирного наследия». В стимульный материал вошли такие архитектурные объекты, как: жилой комплекс Unité d'habitation в Марселе, площадь Навона в Риме, Площадь Сенадо в Макао, Церковь в Паоае, Московский Кремль и Красная Площадь, Храм Пёнджуса в Корее, Храм Солнца в Конараке, Собор Нотр-Дам Де Пари в Париже.

Для проверки основной гипотезы мы провели расчет семантического дифференциала с помощью эксплораторного факторного анализа, с целью выделения факторов. Также было проведена проверка критерием адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина (равен 0,882), что соответствует высокой адекватности модели. Вследствие проведения факторного анализа, сформировались следующие факторы: Фактор «Комфорт», в который вошли такие параметры, как: комфортное, любимое, уютное, сомасштабное человеку, возвышающее, гармоничное, чистое, открытое, зона отдыха и прогулок. Фактор «Эстетика», в который вошли параметры: помпезное, историческое, старинное, индивидуальное, фешенебельное, красивое. Фактор «Экологичность», в который вошли параметры: спокойное, малолюдное, естественное, есть зелень, мало транспорта. Далее мы провели корреляционный анализ, в результате которого были выявлены значимые корреляции между фактором «Комфорт» и межкультурной стабильностью, а также взаимосвязь между фактором «Комфорт» и межкультурным интересом. Из полученных данных мы можем сделать выводы о том, что у испытуемых, которые выбирали

параметры, относящиеся к фактору «Комфорт», более высокая межкультурная стабильность и при этом более низкий межкультурный интерес.

В результате нашего исследования гипотеза о том, что существует взаимосвязь между межкультурной компетентностью и эмоциональным восприятием культурно-специфических и культурно-универсальных архитектурных объектов, подтвердилась только частично.

При этом гипотеза о том, что эмоциональное восприятие культурно-специфических архитектурных объектов будет существенно отличаться от эмоционального восприятия культурно-универсальных архитектурных объектов, подтвердилась.

Литература

1. *Артемова Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл. 1999.
2. *Вырва А.Ю., Леонтьев Д.А.* Возможности субъективно-семантических методов в исследовании восприятия архитектуры. 2015. Культурно-историческая психология, 11(4), С. 96–111. <https://doi.org/10.17759/chp.2015110409>
3. *Габидулина С.Э.* Психология городской среды. М.: Смысл, 2012. С. 152.
4. *Киселева Н.А., Галяпина В.Н.* Взаимосвязь индивидуальных ценностей и психосемантической оценки изображений архитектурных храмовых изразцов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. - 2022. Т. 19. № 4. С. 784–804.
5. *Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Макаrchук А.В., Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Усубян Ш.А., Шорохова В.А.* Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» // Психология. Журнал ВШЭ. 2021.

Социально-психологические ресурсы преодоления выгорания у спортсменов подросткового возраста

Берилова Е.И.

ФГБОУ ВО КГУФКСТ, Краснодар, Россия

berilovanew@mail.ru

Спортивная деятельность всегда сопряжена с физическими и психическими перегрузками и направлена на достижение максимально возможных результатов. Это приводит к хроническому стрессу, и, как следствие, формированию выгорания (Горская, 2019; Распопова, Босенко, 2020), к последствиям которого относятся не только спортивные травмы, но и преждевременное завершения карьеры атлетов. Проблема исследования выгорания в спорте является актуальной и недостаточно изученной, несмотря на длительную историю исследования. Данный феномен активно изучается в рамках ресурсного подхода, а именно исследования личностных качеств спортсменов, позволяющих справиться с выгоранием (Берилова, 2024). Однако социально-психологические ресурсы преодоления выгорания недостаточно изучены (Совмиз, 2016) что определило актуальность нашего исследования.

В исследовании участвовали 40 спортсменов, занимающихся конным спортом, в возрасте 13-14 лет. Для изучения особенностей выгорания применялся опросник, адаптированный Гринь. Для установления социально-психологических ресурсов спортсменов применялись следующие методики: индекс групповой сплоченности Сишора, многомерная шкала восприятия социальной поддержки Г. Зиммета (адаптация Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский), опросник мотивационного климата, методика «Удовлетворенность спортивной деятельностью в команде» Д.А. Донцова (Донцов, 2020).

В качестве социально-психологических ресурсов преодоления выгорания у спортсменов мы рассматривали социальную поддержку, мотивационный климат, сплоченность группы, удовлетворенность спортивной деятельностью в команде.

В исследовании было установлено, что у атлетов присутствуют признаки выгорания. Наиболее значимой является поддержка со стороны семьи, при этом они ценят поддержку друзей и других людей.

Спортсмены в равной мере ориентированы как на решение задачи, так и на демонстрацию своих достижений в спортивной деятельности. Спортивная группа достаточно сплоченная, и спортсмены в целом удовлетворены отношениями, сложившимися в группе. На следующем этапе было проведено корреляционное исследование для установления социально-психологических ресурсов выгорания у спортсменов, занимающихся конным спортом.

В результате анализа были установлены достоверные взаимосвязи между изучаемыми параметрами. Риск развития симптома выгорания, определяемого обесцениванием достижений, становится тем выше у спортсменов, чем выше социальная поддержка семьи ($r = 0,45$ при $p \leq 0,05$). Поддержка со стороны друзей, с одной стороны, препятствует развитию выгорания, а именно, снижает риск появления симптомов «уменьшение чувства достижения» ($r = -0,33$ при $p \leq 0,05$) и «эмоциональное/физическое истощение» ($r = -0,36$ при $p \leq 0,05$). С другой стороны, чем выше поддержка со стороны друзей, тем выше риск развития симптома выгорания «обесценивание достижений» ($r = 0,26$ при $p \leq 0,05$).

Далее рассмотрим особенности взаимосвязи между шкалами выгорания и групповой сплоченностью, мотивационным климатом, удовлетворенностью спортивной деятельностью в команде в выборке спортсменов.

В результате корреляционного исследования были установлены достоверные взаимосвязи между изучаемыми параметрами. Так, риск развития симптома выгорания, определяющегося снижением чувства достижения тем выше, чем выше групповая сплоченность ($r = 0,41$ при $p \leq 0,05$) и ориентация спортсменов на себя ($r = 0,73$ при $p \leq 0,05$), и тем ниже, чем выше удовлетворенность спортсменов командой ($r = -0,39$ при $p \leq 0,05$). Также были выявлены достоверные взаимосвязи между симптомом выгорания «эмоциональное/физическое истощение» и удовлетворенностью командой ($r = -0,43$ при $p \leq 0,05$), а также ориентацией на задачу ($r = 0,63$ при $p \leq 0,05$).

Таким образом, можно сделать вывод, что поддержка со стороны семьи может быть источником давления для спортсменов, они стремятся оправдать ожидания родителей, что может приводить к развитию симптомов выгорания. Значимость друзей в подростковом возрасте значительно возрастает, по сравнению с предыдущим

возрастным периодом, поэтому их поддержка может снижать риск развития выгорания у спортсменов подросткового возраста. Однако, с другой стороны, боязнь не оправдать ожидания со стороны друзей также может быть источником развития выгорания для атлетов.

Данные исследования говорят о том, что чем в большей степени спортсмены стремятся достигнуть индивидуальной цели и продемонстрировать свои достижения, тем выше риск развития выгорания. В свою очередь, ориентация на решение общей задачи и достижение общей цели, а также удовлетворенность взаимоотношениями в спортивной группе снижают риск развития выгорания. Однако высокая групповая сплоченность способствует появлению симптома выгорания «уменьшение чувства достижения», что, на наш взгляд, связано с тем, что для спортсменов благоприятные взаимоотношения в спортивной группе имеют большую ценность, чем их достижения в спорте. Таким образом, данные нашего исследования подчеркивают значимость социально-психологических ресурсов в преодолении выгорания у спортсменов подросткового возраста.

Литература

1. *Берилова Е.И.* Психологические ресурсы преодоления выгорания у спортсменов разной квалификации // Безопасный спорт-2024: Материалы XI Международного конгресса, Санкт-Петербург, 30–31 мая 2024 г. Санкт-Петербург: Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, 2024. С. 56-61.
2. *Горская Г.Б.* Средовые факторы психической напряженности деятельности в спорте высших достижений // II Европейские игры – 2019: психолого-педагогические и медико-биологические аспекты подготовки спортсменов: Материалы Международной научно-практической конференции. В четырех частях, Минск, 04–05 апреля 2019 г. Ч. 2. Минск: Учреждение образования «Белорусский государственный университет физической культуры», 2019. С. 93-96.
3. *Донцов Д.А.* Социально-психологическая диагностика спортивных групп и команд: учебно-методическое пособие. М.: РУСАЙНС, 2020. 100 с.

4. *Распопова А.С., Босенко Ю.М.* Психологические предпосылки устойчивости к стрессу спортсменов высокой квалификации // Олимпийский спорт и спорт для всех: материалы XXV Международного научного конгресса: в 2 ч., Минск, 15–17 октября 2020 г. Ч. 2. Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2020. С. 489-493.
5. *Совмиз З.Р.* Социально-психологические ресурсы преодоления трудностей в командных видах спорта // Психолого-педагогические и медико-биологические проблемы физической подготовки, физической культуры и спорта: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения академика В.Л. Марищука. Санкт-Петербург, 21–22 сентября 2016 г. / МО РФ, Военный институт физической культуры. Ч. 1. СПб: Изд-во «Маматов», 2016.

**Трансформация родительских установок в кыргызских семьях:
межпоколенческий конфликт традиционных и современных
моделей воспитания**

Бийжэнова С.Б., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nurbekkarram@gmail.com, pavlovaos@mgppu.ru

Актуальность данного исследования обусловлена глубокими трансформациями, которые переживают родительские установки в кыргызских семьях в условиях столкновения традиционной коллективистской культуры с западными индивидуалистическими ценностями. Современные кыргызские родители оказываются на перекрестке двух мировоззренческих систем, а именно традиционной модели воспитания, основанной на уважении к старшим и строгой семейной иерархии, и демократических моделей, акцентирующих автономию ребенка и партнерский характер детско-родительских отношений. Несмотря на очевидную актуальность, специфика данного

процесса применительно к трём поколениям кыргызских семей (X, Y и Z) остается недостаточно изученной.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют:

- теория поколений У. Штрауса и Н. Хоува (Strauss, Howe, 1991) и её постсоветская адаптация (Сапа, 2014);
- концепция межпоколенческой трансмиссии ценностей М. Мид (Мид, 1988);
- теория базовых ценностей Ш. Шварца (Шварц, 2008);
- дихотомия «коллективизм - индивидуализм» Г. Триандиса (Triandis, 1995);
- типология стилей воспитания Д. Баумринд (Baumrind, 1971);
- концепция латентного социального конфликта Л. Козера (Козер, 2000);
- а также отечественные исследования трансформации постсоветской семьи (Антонов, 1992; Карабанова, 2005) и труды по традиционной кыргызской культуре (Абрамзон, 1990; Каныбекова, 2020).

Цель исследования – выявление социально-психологических механизмов трансформации родительских установок в кыргызских семьях и характера межпоколенческого ценностного рассогласования в поколениях X (55–70 лет), Y (30–44 лет) и Z (18–29 лет).

Гипотеза: существуют статистически значимые различия в родительских установках между поколениями X, Y и Z, выражающиеся в форме латентного ценностного рассогласования. Поколение X придерживается авторитарных коллективистских установок, поколение Y демонстрирует ценностную амбивалентность, поколение Z тяготеет к демократическим индивидуалистическим моделям.

Выборку эмпирического исследования составляют 60 респондентов из кыргызских семей, разделенные на три поколенческие группы по 20 человек. Привлекаются представители одной семьи (семейные триады).

Методы и методики:

- авторская анкета (блоки по социально-демографическим характеристикам, религиозности, месту проживания и латентному ценностному рассогласованию);
- опросник родительских установок PARI (шкалы сверхопеки, демократизма, подавления воли ребёнка, партнёрства);

- ценностный опросник Ш. Шварца (SVS);
- методика «Стратегии семейного воспитания» С.С. Степанова.

Статистическая обработка проводится в программе IBM SPSS Statistics.

Теоретический анализ позволил установить, что традиционная кыргызская модель воспитания, описанная С.М. Абрамзоном и А.К. Каныбековой, строится на принципе «*улууга урмат, кичүүгө ызат*» (уважение к старшим и почтение к младшим), коллективизме, трудовом воспитании и гостеприимстве как социальной обязанности. Эта система органична для кочевого уклада и родоплеменной организации, однако вступает в противоречие с современными тенденциями. Распад СССР создал условия, при которых поколение Y формировалось в атмосфере ценностной неопределённости. Например, советский коллективизм уступал место рыночному индивидуализму, а новые психологические знания о «осознанном родительстве» проникали через медиа и интернет. Поколение Z выросло в условиях тотальной цифровизации и свободного доступа к глобальному медиaprостранству.

Ключевой теоретический вывод состоит в том, что межпоколенческое ценностное рассогласование в кыргызских семьях носит преимущественно латентный, а не открытый конфликтный характер. В кыргызской культурной традиции прямое противоречие старшим воспринимается как нарушение нормы, поэтому различия во взглядах на воспитание не проговариваются открыто, но молчаливо влияют на повседневное взаимодействие. Согласно концепции Л. Козера (Козер, 2000), именно латентный конфликт, лишенный возможности конструктивного разрешения, оказывает наиболее разрушительное воздействие на семейную коммуникацию.

Результатом проведенного исследования станет разработка рекомендаций по психологическому сопровождению кыргызских семей в условиях межпоколенческих противоречий.

Литература

1. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990.

2. Антонов А.И. Кризис семьи и родительства // Проблемы родительства и планирования семьи. 1992. № 1. С. 11–27.
3. Каныбекова А.К. Семья как важнейшая ценность в традиционном кыргызском обществе // Вестник науки и образования. 2020. № 19-2 (97). С. 25–31.
4. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2005.
6. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000.
7. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
8. Сапа А.В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2. С. 24–30.
9. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал ВШЭ. 2008. Т. 5. № 2. С. 37–67.
10. Baumrind D. Current patterns of parental authority // Developmental Psychology Monographs. 1971. Vol. 4. No 1. P. 1–103.
11. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future. New York: William Morrow, 1991.
12. Triandis H.C. Individualism and collectivism. Boulder: Westview Press, 1995.

Взаимосвязь страха упущенных возможностей и стилей принятия решений

Битюцких Е.В., Кляхина П.Р.

ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия

Bityuckikhev@mgpu.ru, polina.klyakhina@gmail.com

Страх упущенных возможностей является актуальной проблемой для молодежи. По данным предыдущих исследований, 81% опрошенных испытывали средние и высокие уровни FOMO.

Страх упущенных возможностей (fear of missing out, FOMO) – это всепроникающее опасение индивида, что он упускает полезный опыт и

информацию, которые получают другие люди. Этот страх заставляет человека постоянно оставаться на связи и следить за деятельностью окружающих (Przybylski et al., 2013).

Чаще всего FOMO анализируется через призму взаимодействия с цифровыми технологиями. Провоцируя стремление к тотальному информационному поиску и склонность к сравнению себя с окружающими, FOMO подрывает самооценку, что является фактором риска усиления тревожных и депрессивных состояний. Также обнаруживается взаимосвязь FOMO с личностной и ситуативной тревожностью. Высокий уровень FOMO ассоциирован со снижением удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия.

В данном исследовании FOMO рассматривается через теорию принятия решений. Страх упущенных возможностей имеет сходство с сожалением, возникающим после принятия решения, однако FOMO может проявляться, даже когда человек принимает лучшее решение из возможных. Предыдущие исследования показывают, что FOMO связан с процессом выбора, в том числе со стилями принятия решений (Roosdhani et al., 2025).

Целью нашего исследования стало выявление особенностей взаимосвязи страха упущенных возможностей и стилей принятия решений у студентов.

Гипотезы исследования:

- существует положительная корреляция между выраженностью FOMO, зависимым и избегающим стилями принятия решений;
- существует отрицательная корреляция между выраженностью FOMO и рациональным стилем принятия решений.

Для измерения использовались две методики.

- Шкала страха упущенных возможностей (Ардисламов и др., 2024). Опросник включает две шкалы: страх упущенных социальных возможностей и страх упущенного удовольствия.
- «Общие стили принятия решений» в адаптации Т.В. Корниловой (Корнилова, 2024). Опросник измеряет пять стилей принятия решений: рациональный, интуитивный, зависимый, избегающий и спонтанный.

Итоговая выборка состоит из 195 респондентов: 154 женщины (79%) и 41 мужчина (21%). Возраст респондентов – от 17 до 23 лет ($M = 18,65$; $SD = 1,145$).

Так как не все шкалы показали нормальное распределение, был выбран критерий Спирмена. Зависимый стиль положительно связан со всеми компонентами FOMO и общим показателем ($r = 0,417$; $p < 0,001$). С одной стороны, склонность полагаться на мнение окружающих повышает чувствительность к социальному контексту, тем самым усиливая тревогу по поводу упущенных возможностей. С другой стороны, высокий уровень FOMO, связанный с постоянным наблюдением за активностью других, усиливает зависимость от чужого мнения. Избегающий стиль также показывает положительную связь со страхом упущенных возможностей ($r = 0,266$; $p < 0,001$). Неспособность сделать выбор может порождать сожаление и усиливать страх упустить имеющиеся возможности. Одновременно с этим информационная перегрузка может провоцировать избегание, которое выступает в роли защитного механизма. Спонтанный стиль имеет положительную связь только со страхом упущенного удовольствия ($r = 0,169$; $p = 0,018$), рациональный стиль демонстрирует отрицательную связь с данным показателем ($r = -0,151$; $p = 0,036$). Рациональный стиль принятия решений может выступать барьером для импульсивного стремления к немедленному удовольствию.

Результаты исследования могут быть применены преподавателями для уменьшения проявлений FOMO. Рекомендуется формирование поддерживающей среды и уменьшение социального сравнения. Важно делать акцент на достижениях учащихся, признавать ошибки как естественную часть обучения. Необходимо развивать навыки осознанного использования цифровых ресурсов через обсуждение влияния социальных сетей на психологическое состояние и внедрение практик цифрового детокса. Кроме того, важно способствовать развитию умения принимать решения самостоятельно, предоставляя студентам возможности для выбора внутри учебного процесса. Для коррекции зависимого стиля необходимо развивать критическое мышление. Все методы важно совмещать с рефлексивными практиками. Значимым компонентом является просвещение студентов о самом феномене FOMO, что может способствовать формированию более осознанного отношения к собственной жизни и принятию решений.

Литература

1. Ардисламов В.В., Кляхина П.Р., Шаипова Э.Р. Адаптация русскоязычной версии опросника страха упущенных возможностей //Психологические исследования. – 2024. – Т. 17. – №. 96.
2. Корнилова Т.В. Общие стили принятия решений: апробация русскоязычной модификации опросника GDMS //Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2024. – №. 3. – С. 123-149.
3. Elhai J.D., Yang H., Montag C. Fear of missing out (FOMO): overview, theoretical underpinnings, and literature review on relations with severity of negative affectivity and problematic technology use //Brazilian Journal of Psychiatry. – 2020. – Т. 43. – С. 203-209.
4. Przybylski A.K. et al. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // Computers in human behavior. – 2013. – Т. 29. – №. 4. – С. 1841-1848.
5. Roosdhani M.R. et al. The emotional and cognitive effects of fear of missing out on decision delay among generation z consumers //International Conference of Business and Social Sciences. – 2025. – С. 1739-1750.

Факторы жизненного успеха в представлениях студенчества университетов новых регионов Российской Федерации

Блинова Е.Е., Блинов О.Ю.

ФГБОУ ВО «ХГПУ», Херсон, Россия

elena.blynova@yandex.ru, blynov.oleg@yandex.ru

Особое значение в системе ценностей современной молодежи приобретает понятие жизненного успеха. Несомненно, эти две категории – «жизненные ценности» и «жизненный успех» – являются тесно взаимосвязанными между собой: например, если ценностью является высокий уровень материальной и финансовой обеспеченности, то, соответственно, одним из основных критериев

128

жизненного успеха будет богатство; если ценностью является образованность, то среди критериев жизненного успеха молодого человека будет отмечено качественное образование в престижном высшем учебном заведении, обладание знаниями и умениями, выгодно отличающими его среди других представителей своего поколения.

Таким образом, представление о жизненном успехе является совокупностью индивидуальных смыслов отдельной личности, более того, часто «жизненный успех» рассматривается как синоним обретенного смысла жизни, достигнутой цели, самореализации. Успех изучается в контексте субъектности личности и активной жизненной позиции (Тихонина, Симонова, 2022; Толстоухова, 2023). Под жизненным успехом ряд ученых понимает достижение поставленных целей на жизнь, способность человека влиять на окружающий мир (Иванова, 2019; Седова, 2024).

Приоритетной миссией системы высшего образования является формирование компетенций, которые помогут обучающемуся сделать выбор жизненного пути и нести за него ответственность. «Важные составляющие личных и социальных компетенций – представления об успешности, условиях достижения успеха, проблемах, связанных с возможностью реализации себя в социуме» (Карпова, 2018, с. 288).

Особенностью студенческой молодежи является ее глубокая погруженность в процесс поиска жизненных приоритетов и своей жизненной стратегии. В связи с этим возрастает как научный, так и непосредственно практический интерес к содержанию, критериям и факторам жизненного успеха в представлениях студенчества.

Предполагаем, что трудные жизненные обстоятельства, переломные жизненные события, кризисные ситуации могут изменять представления молодых людей о жизненном успехе и о факторах, которые могут его обеспечить.

Поэтому можно сформулировать исследовательскую гипотезу, что студенты университетов новых регионов, в частности, студенты Херсонского государственного педагогического университета (ХГПУ), в своем опыте имеющие вынужденное переселение и проходящие период адаптации, трансформируют свое представление о жизненном успехе. Для проведения эмпирического исследования взяты в сравнении две группы студентов, которые исследованы в разные периоды времени: группа 1 изучена в первые месяцы после эвакуации ($n_1 = 43$), группа 2 – в декабре 2025 года ($n_2 = 39$), когда период адаптации в новых социокультурных условиях составил три года.

Студенты обеих групп обучаются в ХГПУ и в настоящее время, в то же время, группы не являются идентичными, что не позволяет их считать зависимыми исследовательскими выборками, однако они сопоставимы по возрасту и курсам обучения. Студентам предложены несколько 7-балльных шкал для ответа на вопрос «От чего зависит жизненный успех?», где нужно выбрать 3 основных фактора, по мнению студента. Далее просчитана в процентах частота встречаемости каждого фактора, на основе чего сравнивались обе группы с помощью критерия углового преобразования Фишера.

Студенты обеих группы как важные и значимые факторы достижения жизненного успеха отмечают «Качество образования, знаний, навыков» (группа 1 – 39,53%; группа 2 – 38,46%), «Умение строить отношения, коммуницировать» (группа 1 – 53,48%; группа 2 – 51,28%), «Готовность развиваться, учиться, расти над собой» (группа 1 – 44,18%; группа 2 – 41,02%), «Состояние здоровья» (группа 1 – 34,88%; группа 2 – 35,89%).

Обнаружены статистически значимые различия по выраженности фактора «Наличие нужных связей, знакомых» ($\varphi_{эмп.} = 1,808$; $p < 0,05$), что показывает снижение важности этого фактора через три года периода адаптации. Аналогично наблюдаем уменьшение значимости фактора «Наличие диплома престижного вуза» ($\varphi_{эмп.} = 1,605$; $p < 0,05$), хотя эмпирическое значение критерия Фишера несколько не достигло критической отметки, но можно говорить о тенденции строить индивидуальную жизненную траекторию более дифференцированно.

Таким образом, обнаружено, что для большинства студентов образование имеет существенное значение для жизненного успеха, но не дает гарантий этого успеха. Никто из опрошенных студентов не оценил образование на самом низком уровне, что позволяет сделать вывод о важности профессиональной самореализации в образовательной среде университета. Студенты связывают жизненный успех с саморазвитием, удовлетворением личных планов, с признанием и помощью другим людям.

Литература

1. *Иванова Т.Н.* Представления о жизненном успехе молодежи и представителей старшего поколения: социологический аспект (эмпирический опыт исследования) // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 55–59. <https://doi.org/10.26140/bgз3-2019-0802-0011>

2. *Карпова И.П.* Представления студенческой молодежи о жизненном успехе // Дни науки – 2018. Сборник трудов международной науч.-практической конференции, в 2 ч. Новосибирск, 2018. С. 284–289.
3. *Седова Н.Н.* Жизненные стратегии молодежи столиц и провинций // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 6. С. 217–231. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-6-217-231>
4. *Тихонина С.А., Симонова М.О.* Жизненные приоритеты и достижение успеха в понимании российских студентов: опыт социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2022. № 9. С. 42–47. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.9.4>
5. *Толстоухова И.В.* Представления о жизненном успехе магистрантов: социологический аспект // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 2. С. 107–118. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.2.8>

Динамика социальных представлений о COVID-19 в двух культурных контекстах (Малайзия и Россия)

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия

Березина Е.Б.
Университет Санвея, Санвей, Малайзия

Сачкова М.Е.
ФГБОУ ВО РАНХиГС, ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия

Новикова И.А., Новиков А.Л.
ФГАОУ ВО РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
innabovina@yandex.ru, dnv@mgppu.ru, elizab@sunway.edu.my,
msachkova@mail.ru, novikova-ia@rudn.ru, novikov-al@rudn.ru

Пандемия COVID-19 стала чрезвычайно серьезной глобальной угрозой для современного населения мира, поскольку столкновение с коронавирусом оказалось первым опытом такого рода для большинства населения планеты. Новое заболевание быстро распространялось по

странам и континентам, а человечеству с его научным и технологическим прогрессом нечего было противопоставить этой угрозе кроме стратегий, хорошо известных еще со времен пандемии чумы в средневековье, а именно: бегство или изоляция (Eicher, Bangerter, 2015). Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы выявить и проанализировать специфику социальных представлений о COVID-19 в двух культурных контекстах после пандемии коронавируса (октябрь–ноябрь 2024 г.), а также сравнить их с результатами, полученными ранее (октябрь–декабрь 2020 г.).

Исследование опиралось на идеи теории социальных представлений (Moscovici, 1976).

Гипотеза заключалась в том, что в обоих выборках COVID-19 был нормализован и представлен как болезнь, а не как угроза общественному порядку.

Выборка исследования включала 546 молодых людей в возрасте 17–36 лет, 202 человека из Малайзии (80 % – женщины) и 344 человека – из России (89 % – женщины). Участие было добровольным и анонимным, в каждом случае предлагалась онлайн-версия анкеты. Содержание социальных представлений определялось с помощью метода свободных ассоциаций. Для выявления гипотетической структуры социальных репрезентаций COVID-19 использовался прототипический анализ П. Вержеса (Moliner, Guimelli, 2015).

В обоих выборках социальные представления о COVID-19 кристаллизовались вокруг элементов, относящихся к профилактическим мерам. Упоминаний об угрозе общественному порядку не обнаружено, как это было и во время пандемии COVID-19.

Литература

1. Eicher V., Bangerter A. Social representations of infectious diseases // The Cambridge handbook of social representations / G.Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, & J. Valsiner (Eds.). 2015. Cambridge: Cambridge University Press. P. 385–396. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.031>

2. *Moliner P., Guimelli C. Les représentations sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2015.*
3. *Moscovici S. La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1976.*

Гендерные типы личности и представления о взаимоотношениях современных мужчин и женщин

Богданович Н.В., Завражнова А.Е., Соковец А.К.
ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия
alenazavrazhnova@yandex.ru, allllla_@mail.ru

Статистика института семьи демонстрирует высокий уровень разводов, снижение числа браков и рождаемости, в связи с чем в Российской Федерации остро ставится демографический вопрос. В условиях трансформации социальных норм и гендерных ролей особую значимость приобретает изучение гендерной идентичности и связанных с ней представлений о взаимоотношениях мужчин и женщин.

Формирование социальных установок современного подрастающего поколения происходит в противоречивой парадигме, в которой рост эгалитарных установок супругов расходится с их реальным поведением, сохраняющим традиционные нормы в вопросах распределения семейных ролей.

Исследователи сходятся во мнении, что традиционная модель гендерных ролей не отвечает потребностям современного общества и порождает проблемы в партнёрстве мужчин и женщин.

Сохранение традиционного распределения домашних обязанностей «по признаку пола» способствует конфликтам в взаимоотношениях супругов, удовлетворенность же браком достигается в случае ощущения справедливости каждым из партнеров и кооперации (Гурко, 2008).

В современных условиях, когда семейная жизнь требует полноценного финансового, эмоционального и бытового вклада,

особую значимость приобретают качества андрогинной личности, позволяющие проявлять ситуативную гибкость.

Термин «андрогиния» был введен С. Бем, которая трактовала этот тип гендерной идентичности, как высокий уровень развития в человеке традиционно «мужских» и «женских» качеств (Бем, 2004). Развивая ее идеи, Ш. Берн в своем труде подчеркивала преимущества андрогинных пар над поло-типизированными (Берн, 2004). Такой же результат демонстрируют и современные исследования, согласно которым пары с андрогинными партнерами демонстрируют более высокую эмоциональную совместимость и устойчивость (Китаева, 2025).

Целью данной работы является выявление представлений современных россиян о гендерных ролях, партнерстве и семейном укладе, а также определение зон рассогласования между реальной практикой и идеальными представлениями.

Для организации настоящего исследования мы разработали анкету в онлайн-форме. Выборку исследования составили 61 человек (37 женщин и 24 мужчин) в возрасте от 18 до 60 лет. Для оценки гендерной идентичности респондентов по шкалам «Я-реальный», «Я-идеальный», «Идеальный партнер» нами была использована методика «МиФ» Н.В. Дворянчикова. Дополнительно был проведен контент-анализ ответов респондентов на открытые вопросы о качествах гармоничного партнёра, распределении семейных ролей, факторах, препятствующих взаимоотношениям и перспективах их улучшения.

По шкале «Я-реальное» в обеих группах доминирует феминный тип (51,4% женщин, 58,3% мужчин). По шкале «Я-идеальное» в исследуемой группе преобладает андрогинный тип (73% женщин, 70,8% мужчин). По шкале «Идеальный партнер» выявлена статистически значимая асимметрия ($\chi^2(2) = 18,03$ при $p < 0,001$). Выявленные в женской выборке результаты демонстрируют их запрос на андрогинного партнера (30 из 37 – 81,1%). Мужчины же ориентированы на феминного партнера (12 из 24 – 50%), что соответствует традиционному восприятию женского образа.

В ответах на открытый вопрос о качествах гармоничного партнера у обеих групп лидируют феминные характеристики, такие как умение слушать и слышать партнера, терпимость, забота (57,1% у мужчин, 43,8% у женщин). Однако женщины чаще включают в образ

гармоничного партнера маскулинные качества (24,7% против 15,6%), что также отражает их запрос на андрогинную модель.

В распределении семейных ролей в обеих группах доминирует гибкая модель (54,2% мужчин, 56,8% женщин), которая подразумевает распределение по договоренностям, предпочтениям и обстоятельствам. Эгалитарная модель чаще встречается у мужчин (25% против 18,9%), а у женщин модель с традиционным гендерным разделением, но равным участием в некоторых сферах (21,6% против 12,5%). Традиционная модель не востребована в обеих группах.

В факторах, затрудняющих взаимопонимание, мужчины чаще называют социальные нормы/ожидания общества (29,2%), а женщины воспитание (35,1%). Развернутые ответы респондентов отражают значимость негативного влияния гендерной поляризации.

В оценке перспектив мужчины чаще демонстрируют пессимизм (37,5% - «никак», «без понятия»), а женщины пути гармонизации видят в открытой коммуникации (35,1%), равноправии и отказу от стереотипов (27%).

Исследование выявило асимметрию: при общей ориентации на андрогинную идентичность и гибкость в распределении ролей, образ идеального партнера у женщин является андрогинным, а у мужчин феминным. Реальная же идентичность в выборке мужчин в исследуемой группе преимущественно феминная. Это свидетельствует о рассогласовании между собственными установками мужчин и ожиданиями, которые предъявляют к ним женщины, что можно рассматривать как фактор риска для гармонизации отношений.

Литература

1. Бем С.Л. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов: монография / С.Л. Бем; пер. с англ. Д. Викторовой. М.: РОССПЭН, 2004. – 331 с.
2. Берн Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. М.: Прайм-Еврознак, 2004. – 320 с.
3. Гурко Т.А. Брак и родительство в России / Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.
4. Китаева М.П. Андрогинная гендерная идентичность в условиях современного общества / М.П. Китаева // Мужчина и женщина в современном социокультурном пространстве. – 2025. – № 2. – С. 99-110.

Взаимосвязь детско-родительских отношений и использования цифровых устройств младшими школьниками

Борзенко С.В., Денисенкова Н.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

sergey.borzenko@gmail.com, nataliya-denisenkova@yandex.ru

Современное детство развивается в условиях активного распространения цифровых технологий. Уже в младшем школьном возрасте дети регулярно используют смартфоны, планшеты и другие устройства, что влияет не только на досуговую сферу, но и на особенности общения, обучения и восприятия информации (Солдатова, 2018). В связи с этим возрастает интерес к факторам, определяющим характер взаимодействия ребенка с цифровой средой.

Одним из таких факторов являются детско-родительские отношения. В семье формируются базовые представления ребенка о допустимых и недопустимых формах поведения, в том числе в цифровом пространстве (Карабанова, 2002). Родители задают правила, регулируют продолжительность использования устройств и во многом определяют содержание цифровой активности.

В психологической науке детско-родительские отношения рассматриваются как система взаимодействия, включающая эмоциональный, поведенческий и ценностный компоненты (Эйдемиллер, Юстицкис, 2002). Существенное значение имеют уровень принятия ребенка, степень родительского контроля, согласованность требований и ориентация на сотрудничество. Эти характеристики создают условия для формирования саморегуляции и освоения ребенком способов поведения в различных ситуациях, что соотносится с положениями культурно-исторического подхода (Выготский, 2005).

Цифровая активность младших школьников может быть рассмотрена как особая форма деятельности, опосредованная техническими средствами (Рубцова, 2019). Она включает игровые, познавательные и коммуникативные практики. При этом содержание и продолжительность использования устройств варьируются в зависимости от особенностей семейного взаимодействия (Денисенкова, Кrasilо, 2019).

Особое значение имеет родительское посредничество в использовании цифровых устройств. Оно может реализовываться в разных формах: от ограничений и контроля до совместного использования и обсуждения цифрового контента (Livingstone, Helsper, 2008; Nikken, Schols, 2015). Более продуктивными являются такие формы взаимодействия, при которых родитель не только устанавливает правила, но и включается в деятельность ребенка, помогая ему осмысливать получаемый опыт (Лемиш, Нимрод, Элиас, 2019).

Односторонний контроль при недостатке эмоциональной поддержки может приводить к тому, что ребенок воспринимает ограничения как внешнее давление и стремится их обходить. В условиях доверительных отношений, напротив, формируются более устойчивые механизмы саморегуляции, что способствует осознанному соблюдению установленных норм (Выготский, 2005).

Недостаточная вовлеченность родителей также оказывает влияние на цифровую активность ребенка. В этом случае цифровые устройства могут выполнять компенсаторную функцию, становясь средством заполнения свободного времени и получения недостающих впечатлений (Солдатова, 2018; Тарунтаев, 2024). Это повышает риск чрезмерного использования и сужения спектра деятельности.

Таким образом, особенности детско-родительских отношений задают рамки формирования цифрового поведения младшего школьника. Они определяют не только временные параметры использования устройств, но и характер цифрового опыта ребенка.

Изучение данной взаимосвязи позволяет уточнить роль семьи в условиях цифровой социализации и служит основой для разработки рекомендаций, направленных на формирование осознанного и безопасного использования цифровых технологий детьми.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл, 2005.
2. *Денисенкова Н.С., Красило Т.А.* Развитие дошкольников в эпоху цифровой социализации // Современное дошкольное образование. 2019. №6(96). С. 50–57.

3. *Карабанова О.А.* Психология семейных отношений. М.: Гардарики, 2002.
4. *Леммиш Д., Нимрод Г., Элиас Н.* Родительское посредничество в медиапотреблении детей // *Journal of Children and Media*. 2019.
5. *Рубцова О.В.* Цифровые технологии как средство опосредования деятельности // *Культурно-историческая психология*. 2019. Т. 15. № 3. С. 117–124.
6. *Солдатова Г.У.* Цифровая социализация: современное детство в условиях медиасреды // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 3.
7. *Тарунтаев П.И.* Развитие общих способностей и использование цифровых устройств старшими дошкольниками в контексте детско-родительских отношений: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Москва, 2024. 196 с.
8. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.* Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2002.
9. *Livingstone S., Helsper E.* Parental mediation of children's Internet use // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2008.
10. *Nikken P., Schols M.* How and Why Parents Guide the Media Use of Young Children // *Journal of Child and Family Studies*. 2015. Vol. 24, p. 3423–3435.

Социально-психологическая характеристика спортивных команд в условиях спортивного интерната

Босенко Ю.М.

*ФГБОУ ВО КГУФКСТ, Краснодар, Россия
Lavina32@mail.ru*

Современный спорт предъявляет особые требования к организации тренировочного процесса, особенно в отношении юных спортсменов (Горская и др., 2009). Спортивные интернаты, объединяющие учебно-тренировочную и образовательную деятельность в условиях

постоянного совместного проживания, создают уникальную социально-психологическую среду (Манжелей, Чаюн, 2020). В таких условиях межличностные отношения, сплоченность команды и способы разрешения конфликтов приобретают особую значимость для эффективности спортивной деятельности и гармоничного развития личности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания возрастных особенностей социально-психологических характеристик спортсменов в командах подросткового и юношеского возраста в специфической среде спортивного интерната. Постоянное взаимодействие в ограниченном коллективе, высокая интенсивность тренировок и эмоциональная нагрузка могут как способствовать развитию командного духа, так и провоцировать напряженность в отношениях (Берилова, 2024; Миронкова, Распопова, 2022; Сихаджок, Распопова, 2019).

Цель исследования – выявить социально-психологические характеристики спортсменов в командах подросткового и юношеского возраста, обучающихся в условиях спортивного интерната.

В исследовании приняли участие 40 спортсменов мужского пола, занимающихся футболом. Из них 20 человек в возрасте 18 лет и такое же количество в возрасте 13 лет. Исследование проводилось на базе ГБОУ КК школы-интерната спортивного профиля.

Анализ структуры отношений «спортсмен – тренер» показал, что для обеих возрастных групп характерен эмоционально-поведенческий тип взаимодействия при дефиците когнитивной составляющей. Гностический (когнитивный) компонент оказался наименее развит. Это говорит о том, что спортсмены обеих групп недостаточно глубоко осмысливают педагогическую стратегию тренера, слабо анализируют его мотивы и не придают большого значения интеллектуальному аспекту взаимодействия.

Изучение сплоченности команды выявило четкую возрастную характеристику. Подростки демонстрируют более высокие показатели по всем параметрам групповой динамики. В условиях интерната, где группа сверстников становится основной референтной средой, подростки особенно остро испытывают потребность в принадлежности, стремятся к признанию и эмоционально вовлечены в коллективную деятельность. Для них команда – это не только место тренировок, но и пространство социализации, общения, формирования

идентичности. Юноши, напротив, показывают умеренные показатели сплоченности, что отражает переход к более рациональному и профессиональному типу групповой интеграции. С возрастом происходит дифференциация ролей, осознание личных карьерных целей, критичная оценка тактического взаимодействия команды. Это снижает формальные показатели сплоченности, но не обязательно ухудшает групповую динамику.

Примечательно, что психологическая атмосфера в коллективе, оцененная по методике А.Ф. Фидлера, оказалась более благоприятной у юношей. Несмотря на снижение формальных показателей сплоченности, старшие спортсмены демонстрируют большую эмоциональную зрелость, развитые навыки саморегуляции и способность к конструктивному разрешению конфликтов. Подростки же, находясь в условиях постоянного совместного проживания, чаще сталкиваются с напряженностью в отношениях из-за эмоциональной лабильности, конкуренции за статус и борьбы за внимание тренера.

Анализ стратегий поведения в конфликте (по методике К. Томаса – Р. Килманна) показал, что обе группы предпочитают активные способы разрешения противоречий. Высокие показатели соперничества отражают специфику спортивной среды, ориентированной на достижение победы и превосходства. При этом юноши чаще прибегают к стратегии избегания, что может свидетельствовать о развитии рефлексии и способности уклоняться от деструктивных столкновений. Подростки, напротив, более склонны к приспособлению, что связано с их потребностью в групповой принадлежности и страхом отвержения.

Проведенное исследование показало, что совместное проживание и интенсивные тренировки усиливают как позитивные, так и негативные аспекты группового взаимодействия, делая возрастные особенности особенно заметными.

Подростки в интернатной среде характеризуются высокой эмоциональной вовлеченностью в отношения с тренером и командой. Они сильнее привязаны к наставнику, активнее ищут признания в группе, ярче переживают успехи и неудачи. Для них коллектив – это прежде всего пространство социализации и эмоциональной поддержки. Однако эта же эмоциональность делает их более уязвимыми к напряженности в отношениях и конфликтам.

Юноши демонстрируют более зрелый подход к взаимодействию. Они сохраняют высокую мотивацию к достижению результатов, но при этом проявляют большую самостоятельность, критичность и эмоциональную устойчивость. Снижение формальных показателей сплоченности компенсируется более благоприятным психологическим климатом и способностью конструктивно разрешать противоречия.

Литература

1. *Берилова Е.И.* Психологические предпосылки готовности спортсменов к командному взаимодействию // Студенческий спорт: история, современность и тенденции развития: Материалы III Международной научно-практической конференции по физической культуре, спорту и туризму, Красноярск, 20–21 сентября 2024 г. Красноярск: Сибирский федеральный университет. 2024. С. 101-103.
2. *Горская Г.Б., Босенко Ю.М., Гринь Е.И., Хорошун М.Э.* Теоретические основания прогнозирования психологических эффектов ранней профессионализации детей в спорте // Теория и практика физической культуры. 2009. № 7. С. 40-43.
3. *Манжелей И.В., Чаюн Д.В.* Воспитательный потенциал спортивной среды образовательных организаций // Наука и спорт: современные тенденции. 2020. №4. С. 108-119.
4. *Миронкова В.И., Распопова А.С.* Особенности мотивации занятий спортом и межличностных отношений в командных видах спорта // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. 2022. № 12. С. 125-127.
5. *Сихаджок С.Р., Распопова А.С.* Особенности психологического благополучия в юношеском возрасте в контексте межличностных отношений // Возможности и риски цифровой среды. Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития (чтения памяти Л.Ф. Обухова). Москва, 2019. С. 136-138.

Нейросети как психологический ресурс: возможности и ограничения

Брюханов Б.Н.

*Российский Красный Крест, Москва, Россия
Bboris099@yandex.ru*

За последние годы генеративные нейросети, включая ChatGPT и DeepSeek, заняли прочное место в самых разных сферах человеческой жизни. Если изначально эти технологии позиционировались как инструменты для решения рабочих задач, написания текстов или программирования, то довольно быстро пользователи начали использовать их для целей, изначально не заложенных разработчиками. Одним из таких спонтанных применений стало обращение к ИИ за психологической поддержкой, советом в сложных жизненных ситуациях и даже за «терапевтической» беседой.

Современные исследования подтверждают масштабность этого феномена. В систематическом обзоре О.М. Бойко с соавторами отмечается, что все больше людей предпочитают делиться своими переживаниями с нейросетью, а не с живым собеседником – по причине доступности, анонимности и отсутствия страха осуждения (Бойко, 2025). Авторы подчеркивают, что ChatGPT демонстрирует способность к эмпатическому реагированию, которое часто воспринимается пользователями как искреннее участие, хотя технически представляет собой лишь симуляцию эмоционального отклика, построенную на анализе языковых паттернов.

С.М. Курьян с коллегами в своем исследовании показывают, что в периоды стресса люди особенно активно обращаются к ИИ-агентам, рассматривая их как доступный и безопасный канал для высказывания своих чувств (Курьян, 2025). Авторы отмечают, что нейросети способны выполнять функцию первичной эмоциональной разгрузки, снижая остроту переживаний и помогая человеку структурировать свои мысли. Однако при этом подчеркивается критическое ограничение: ИИ не обладает подлинным пониманием человеческого состояния, не способен оценить тяжесть ситуации и не может нести ответственность за свои рекомендации.

Схожие выводы делает О.Г. Иванова, исследуя искусственный интеллект как средство борьбы со стрессом (Иванова, 2023). В ее работе подчеркивается, что диалог с нейросетью может оказывать краткосрочный успокаивающий эффект, но не заменяет полноценной работы с психологом, особенно в случаях, когда речь идет о глубоких эмоциональных травмах или кризисных состояниях. Более того, существует риск, что человек, получив от ИИ «утешительный» ответ, может отложить или вовсе отказаться от обращения к настоящему специалисту, что в ряде случаев чревато усугублением проблемы.

Особую значимость эта проблематика приобретает в контексте кризисной психологии. Современные нейросети, включая ChatGPT, не имеют четких протоколов поведения в ситуациях, когда пользователь сообщает о суицидальных мыслях, фактах насилия или тяжелых эмоциональных состояниях. Как показывают наблюдения, ответы модели могут варьироваться от формального предупреждения о необходимости обратиться к специалисту до развернутой «психологической поддержки», которая, однако, не подкреплена профессиональной компетенцией. Это создает серьезные этические и практические риски.

По мнению Д.А. Степаненко с соавторами, методология создания индивидуальных моделей здоровья с использованием ИИ требует строгого учета этических норм и механизмов безопасности (Степаненко 2024). Авторы подчеркивают, что при проектировании систем поддержки ментального здоровья с применением ИИ необходимо закладывать алгоритмы распознавания кризисных индикаторов и обязательного перенаправления пользователя к квалифицированным специалистам. Эта задача становится особенно актуальной в свете интеграции справочной информации о службах помощи непосредственно в интерфейсы нейросетей.

Личный практический опыт работы оператором федеральной горячей линии психосоциальной поддержки Российского Красного Креста дает уникальную возможность увидеть этот феномен изнутри. Линия принимает звонки от людей, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях: от острого стресса и тревоги до кризисных состояний, связанных с потерей близких, насилием или угрозой безопасности.

В последние год-полтора на линии появился новый устойчивый паттерн: абоненты, прежде чем обратиться к профессиональному

психологу, сообщают, что узнали номер телефона горячей линии от искусственного интеллекта. Формулировки могут быть разными: «мне нейросеть сказала позвонить сюда», «чат с ИИ дал ваш контакт», «я спросил у ChatGPT, куда можно обратиться, и он посоветовал вас». Эти сообщения поступают как от молодых людей, так и от людей среднего возраста, что свидетельствует о широком распространении практики обращения к ИИ за помощью.

Важно подчеркнуть, что сами нейросети, как правило, явно указывают на свою некомпетентность в вопросах психологии. Типичные формулировки: «Я не являюсь профессиональным психологом», «Мои ответы не заменяют консультации специалиста», «Если вы испытываете острый стресс, пожалуйста, обратитесь к профессионалу». Эта особенность, заложенная разработчиками, выполняет двойную функцию: с одной стороны, она снижает риск причинения вреда, с другой – формирует у пользователя понимание, что ИИ не может и не должен быть заменой живого специалиста.

С точки зрения системной организации психологической помощи, феномен перенаправления от ИИ к горячей линии имеет важное значение. Он показывает, что нейросети могут выступать эффективным каналом привлечения людей к профессиональной помощи, особенно тех, кто по разным причинам (стыд, страх, незнание) не решается обратиться напрямую. На данный момент нейросети не могут заменить живого психолога – они лишены подлинного понимания, не несут ответственности за свои советы, не способны к глубинной диагностике и длительной терапевтической работе. Их место – в роли первичного фильтра, навигатора, информационного моста между человеком и системой профессиональной психологической помощи.

Литература

1. *Бойко О.М.* ChatGPT в психотерапии и психологическом консультировании: обсуждение возможностей и ограничений / О.М. Бойко, Т.И. Медведева, О.Ю. Воронцова, С.Н. Ениколопов // Новые психологические исследования. 2025. № 1. С. 26–55.
https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2025_05_01_02

2. *Иванова О.Г.* Искусственный интеллект как средство борьбы со стрессом // Наука в жизни человека. 2023. № 2. <https://doi.org/10.17689/psy-2022.2.8>
3. *Курьян С.М.* Поддержка ментального здоровья через искусственный интеллект: как ИИ-агенты могут поддерживать в период стресса / С.М. Курьян, М.А. Петрушкевич, Е.А. Селиванова // Наука в жизни человека. 2025. № 1.
4. *Степаненко Д.А.* Методология создания индивидуальной модели здоровья человека с использованием искусственного интеллекта / Д.А. Степаненко, В.И. Павлов, Н.М. Козлова // Байкальский медицинский журнал. 2024. Т. 3, № 1. С. 28–37. <https://doi.org/10.57256/2949-0715-2024-3-1-28-37>

К вопросу об идеальном и реальном образе матери у русских женщин. Результаты качественного исследования

Булычева Н.И., Ткаченко Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

nbulycheva@rambler.ru, tkachenkonv@mgppu.ru

Современное материнство переживает глубокую трансформацию. На фоне роста числа бездетных союзов и сокращения рождаемости материнская роль остается значимым смыслообразующим элементом идентичности женщины, но при этом сталкивается с противоречивыми социальными ожиданиями. В массовом дискурсе тиражируется образ «идеальной матери», которая проявляет эффективность во всех сферах – быть заботливой матерью, любящей женой, успешным профессионалом и при этом сохранять безупречный внешний вид (Исупова, 2020; Hays, 1996). Этот идеал, усиленный медиа и социальными сетями, вступает в противоречие с реальными возможностями женщин, что порождает внутренний конфликт, чувство вины и родительский стресс. В то же время концепция «достаточно хорошей матери» Д.В. Винникотта (Винникот, 2002) предлагает альтернативную, более реалистичную модель, легитимизирующую неизбежные ошибки и фрустрацию как условие здорового развития и

матери, и ребенка. Несмотря на растущий интерес к теме материнства, целостный образ «Я-мать» в его идеальном и реальном измерениях остается недостаточно изученным, особенно в российской этнокультурной среде. Целью нашего исследования стало выявление содержательных характеристик идеального и реального образа матери у русских женщин и анализ точек рассогласования между ними. Исследование выполнено в качественной парадигме с использованием метода глубинного полуструктурированного интервью. Целевая выборка – женщины русской национальности, средний возраст 49,5 лет, имеющие детей среднего и старшего подросткового возрастов, проживающие в Москве и в Санкт-Петербурге. Интервью транскрибированы и проанализированы с помощью тематического анализа по процедуре, описанной Н.П. Бусыгиной (Бусыгина, 2018). Анализ проводился в несколько этапов: первичное кодирование смысловых единиц, формирование вторичных более абстрактных кодов, выделение тем, интерпретация результатов.

В результате анализа выявлены следующие ключевые темы, отражающие структуру представлений о материнстве у опрошенных женщин.

1. Конфликт между социальным идеалом «успешной матери» и внутренними ценностями. Респондентки описывают образ «идеальной матери», транслируемый в обществе как женщину, успевающую «везде и во всем»: работа, дом, дети, муж, внешняя привлекательность. Этот образ вызывает раздражение и ощущение недостижимости. При этом собственный, внутренний идеал существенно отличается. Он связан с желанием быть наблюдателем, давать ребенку свободу и ориентироваться на его счастье, а не на соответствие внешним стандартам.

2. Разрыв между идеалом «сдержанной матери» и реальностью эмоциональных срывов. Внутренний идеал предполагает спокойствие, умение «вовремя замолчать», сохранять самообладание. Однако в реальности женщины сталкиваются с потерей контроля, срывами, криком на ребенка, что переживается как несоответствие собственному идеалу. Причиной срывов часто становится необходимость многократно объяснять одно и то же, нарушение границ ребенком, а также активизация собственных детских травм.

3. Трансляция семейных паттернов. Респондентки отмечают, что их матери предупреждали о трудностях материнства, но этот негативный прогноз не оправдался. В то же время у одной из участниц наблюдается копирование стиля общения своей матери, а именно склонность говорить с ребенком на «взрослом» языке, что ведет к непониманию, а у другой – осознанная отстраненность от проблем ребенка.

4. Опора на себя и парадокс доверия к экспертам. Женщины демонстрируют высокую самоэффективность, опираются на собственный жизненный опыт, рефлексия, позитивный настрой. Однако при этом вынуждены обращаться к внешним специалистам (врачам, психологам), что создает внутренний диссонанс между установкой «верю только себе» и необходимостью получать помощь.

5. Успешность ребенка как главный критерий «хорошей матери». Важнейшим показателем своей компетентности женщины называют успехи ребенка, а именно его самостоятельность, хорошие отношения в семье, успеваемость в школе, доверительные отношения с матерью. Полная семья и успешный ребенок воспринимаются как результат «хорошего» материнства.

6. Принятие себя и позитивная самооценка. Несмотря на переживаемые разрывы, респондентки демонстрируют высокий уровень самопринятия. Они не склонны к длительному самобичеванию, считают себя живыми, имеющими право на ошибку, и используют юмор как защитную реакцию. Позитивная установка «если все живы, можно найти выход» и забота о своем здоровье выступают ресурсами совладания.

Таким образом, проведенное качественное исследование позволяет утверждать, что представления об идеальном и реальном образе матери у русских женщин включают как общие для современного дискурса черты – давление социального идеала «успешной матери», так и индивидуальные способы совладания с этим давлением. Ключевыми точками рассогласования являются эмоциональная сфера из-за неспособности всегда сохранять спокойствие и уровень коммуникация с ребенком. Важнейшими ресурсами, снижающими негативное влияние разрыва между идеалом и реальностью, выступают опора на себя, принятие своего несовершенства и ориентация на реальные успехи ребенка, а не на соответствие внешним стандартам. Полученные результаты могут быть использованы для разработки программ

психологической поддержки матерей, направленных на формирование адекватного и реалистичного образа «Я-мать».

Литература

1. Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2018. 304 с.
2. Винникотт Д.В. Игра и реальность. М.: Изд-во Института общегуманитарных исследований, 2002. 267 с.
3. Исупова О.Г. Материнство и отцовство в дискурсивном пространстве современной России // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 110–120.
4. Якупова В.А. Психологические условия освоения роли матери при рождении первого ребенка // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 2. С. 51–62.
5. Hays S. The Cultural Contradictions of Motherhood. New Haven: Yale University Press, 1996. 272 p.

Кибербезопасность как фактор психологического комфорта пользователей

Бурцев Д.Е., Петрова Г.Н.

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
burtcev.de@dvfu.ru, petrova.gn@dvfu.ru*

В условиях стремительной цифровизации повседневной жизни кибербезопасность перестала быть лишь вопросом техники – она все чаще предъявляет требования к пониманию социальных и психологических последствий. Сегодня человек использует цифровые сервисы для учебы, работы, общения, покупок и хранения личной и финансовой информации; потому и последствия инцидентов – утечек, взломов, мошенничества или проявлений цифровой агрессии – отражаются прямо на его эмоциональном состоянии, усиливая тревожность, подрывая доверие и создавая ощущение нестабильности среды (Бегишев, 2021). Поэтому кибербезопасность нужно

рассматривать не только как набор технических решений, но и как фактор, определяющий психологический комфорт и готовность людей пользоваться цифровыми технологиями (Kokolakis, 2017).

Исследования показывают: восприятие риска в сети зависит не только от реальной угрозы, но и от того, насколько человек чувствует контроль над своими данными и понимает механизмы их защиты. Даже при отсутствии фактических инцидентов непрозрачная политика конфиденциальности, запутанная обработка данных и сложные настройки сами по себе создают постоянное напряжение – страх «а что, если...». На этом фоне проявляется так называемый «парадокс приватности»: люди декларируют важность защиты личной информации, но ради удобства, бонусов или скорости регистрации часто отказываются от защиты; такая неосмотрительность объясняется когнитивными искажениями, недостатком знаний и желанием экономить усилия при работе с технологиями, что, в свою очередь, усиливает внутренний дискомфорт и снижает чувство защищенности (Norberg et al., 2007).

Психологический комфорт в цифровой среде во многом сводится к ощущению контроля и предсказуемости. Простые и понятные механизмы – двухфакторная аутентификация, безопасные настройки по умолчанию, уведомления о входах – действительно уменьшают тревогу, если человек понимает, зачем они нужны и как ими управлять. Но когда меры безопасности спрятаны за сложным интерфейсом, завалены техническими терминами или требуют от пользователя чрезмерных усилий, они воспринимаются как обуза. В итоге многие предпочтут отключить защиту – и риски возрастут. Отсюда вывод: безопасность не должна быть «защищена от пользователя»; она обязана быть создана для него, с учетом уровня цифровой грамотности, привычек и эмоциональных реакций (McComas et al., 2017).

Не менее важен фактор доверия к платформам и организациям – поставщикам услуг. Доверие выстраивается через понятные правила обработки данных, прозрачные пользовательские соглашения и открытую коммуникацию о рисках и инцидентах. И наоборот: молчание о проблемах, туман в формулировках и отсутствие обратной связи подрывают ощущение безопасности, даже если технические средства на высоком уровне. Поэтому системная просветительская работа, регулярное обучение и простые разъяснения помогают снизить

тревожность и формируют ответственное поведение в сети – когда безопасность воспринимается как личная ценность, а не как навязанная обязанность (Бегишев, 2021).

Особое место занимают коммуникативные угрозы: кибербуллинг, преследование, мошенничество и социальная инженерия. Они наносят явный психологический ущерб – снижают самооценку, формируют избегающее поведение и заставляют людей ограничивать свое участие в онлайн-сообществах, учебных или профессиональных платформах. Наличие действенных инструментов – жалоб, блокировки, модерации – и механизмов психологической поддержки снижает эмоциональную нагрузку и возвращает ощущение контроля; это особенно важно для подростков и молодых людей, чья идентичность и социальные связи часто формируются именно в цифровом пространстве (Kokolakis, 2017).

Психологическая защищенность складывается на нескольких уровнях. На индивидуальном – знания и установки: умение распознавать мошеннические схемы, внимательность к настройкам приватности, критическое отношение к публикуемому контенту. На организационном – культура безопасности: четкие регламенты, этичное обращение с данными, регулярное информирование и обучение. На государственном уровне – нормативная база и просветительская политика, которые формируют общественные стандарты отношения к цифровым рискам (Бегишев, 2021, с. 217–220; McCormac et al., 2017).

Практические рекомендации могут быть следующими: внедрять «безопасно по умолчанию», но давать пользователю простую возможность настроить параметры под себя; проектировать интерфейсы с краткими объяснениями и микрообучением, которые не отнимают много времени, но повышают осознанность; делать политику конфиденциальности понятной – краткие резюме плюс подробный текст по ссылке; развивать быстрые механизмы модерации и поддержку для жертв цифровой агрессии – это восстанавливает доверие и снижает эмоциональные издержки пользователей (McCormac et al., 2017; Kokolakis, 2017).

Таким образом, кибербезопасность прямо влияет на психологический комфорт – она уменьшает тревогу, повышает готовность использовать цифровые сервисы и формирует

поведенческие установки. Но если не обеспечивать прозрачность, удобство интерфейса и поддержку, то пользователи будут чувствовать себя уязвимо и начнут избегать цифровых возможностей. Чтобы добиться устойчивого психологического комфорта, нужны интегрированные меры: технические решения, человеко-ориентированный дизайн и системная образовательная работа, адаптированная под особенности целевых групп и минимизирующая «трения» на пути к безопасному поведению (Norberg et al., 2007; Бегишев, 2021).

Литература

1. *Бегишев И.Р.* Культура информационной безопасности: психолого-правовой аспект // Психология и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 207–220.
2. *Kokolakis S.* Privacy attitudes and privacy behaviour: a review of current research on the privacy paradox phenomenon // Computers & Security. 2017. Vol. 64. P. 122–134.
3. *McCormac A., Parsons K., Butavicius M., Pattinson M., Calic D.* Individual differences and Information Security Awareness // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 69. P. 151–160.
4. *Norberg P.A., Horne D.R., Horne D.A.* The Privacy Paradox: Personal Information Disclosure Intentions versus Behaviors // Journal of Consumer Affairs. 2007. Vol. 41(1). P. 100–126.

Конформность и просоциальное поведение у молодежи

Валеева Д.М., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
divaleeva50069@gmail.com

В современных социокультурных условиях проблема конформности приобретает особую актуальность. Развитие цифровых технологий, социальных сетей и медиапространства создает ситуацию постоянной публичности и социальной оценки. Это усиливает влияние

группы на человека и изменяет способы проявления согласия с ее нормами и ожиданиями.

Молодежь особенно активно включена в цифровое взаимодействие. Онлайн-среда способствует регулярному сравнению себя с другими, формирует стандарты поведения и самопрезентации. В результате молодые люди чаще ориентируются на мнение значимых групп и стремятся соответствовать принятым в них нормам. В этом контексте конформность может рассматриваться как способ социальной адаптации и поддержания принадлежности к группе. В то же время остается недостаточно изученной связь конформности с просоциальным поведением, зависимыми формами межличностных отношений и уровнем рефлексивности личности. Отсутствие комплексного анализа этих факторов ограничивает понимание психологических механизмов, лежащих в основе согласия с групповыми требованиями. Проведение теоретического и эмпирического исследования в данном направлении позволит глубже раскрыть особенности адаптации молодежи в социальной группе и уточнить роль личностных характеристик в формировании конформного поведения.

Феномен конформности на протяжении длительного времени находится в центре внимания психологических и социологических исследований. Первые систематические данные о влиянии группы на поведение человека были получены в классических экспериментах XX века, проведенных М. Шерифом, С. Ашем и С. Милгрэмом. Эти работы показали, насколько существенно социальное окружение может определять решения и действия индивида. В отечественной психологии проблема конформности также получила развитие в трудах Г.М. Андреевой, В.С. Чудновского и других исследователей. Их работы способствовали более глубокому пониманию социально-психологических механизмов группового влияния.

Современные исследования расширяют традиционный подход, включая анализ таких личностных факторов, как просоциальное поведение, рефлексивность и характер межличностной зависимости (Андреева, 2017; Eisenberg, Fabes, Spinrad, 2007). Просоциальное поведение при этом рассматривается как многомерный конструкт, включающий различные формы поведения: публичное, конформистское, эмоциональное, альтруистическое, анонимное и

экстренное (Кухтова, 2016). Предполагается, что склонность к конформности может различно соотноситься с этими формами в зависимости от степени их социальной обусловленности.

Цель данного исследования – изучить взаимосвязь конформности с различными типами просоциального поведения у молодежи. В качестве методик использовался тест: личностный опросник «Конформность – внушаемость» (Клаучек, Деларю, 1997) и методика диагностики просоциального поведения Г. Карло и Б.А. Рэндалл в адаптации Н.В. Кухтовой (Carlo, Randall, 2002; Кухтова, 2016), позволяющая выделить шесть типов просоциального поведения (публичное, конформистское, эмоциональное, альтруистическое, экстренное, анонимное). Эмпирическую базу составили 102 респондента в возрасте от 18 лет. Для выявления взаимосвязей применялся коэффициент корреляции Спирмена. Корреляционный анализ позволил выявить значимые положительные связи конформности с двумя типами просоциального поведения: с публичным просоциальным поведением ($r = 0,592$ при $p < 0,001$) и с проявлением конформистского просоциального поведения ($r = 0,532$ при $p < 0,001$). С остальными типами просоциального поведения (эмоциональным, альтруистическим, экстренным и анонимным) значимых корреляций с конформностью обнаружено не было.

Оба значимых результата отражают внешне мотивированные формы помощи: публичное просоциальное поведение предполагает оказание помощи в ситуации социальной наблюдаемости и ориентации на производимое впечатление, тогда как конформистское определяется стремлением соответствовать групповым ожиданиям и нормам. Таким образом, конформность в нашей выборке оказалась наиболее тесно связана именно с теми формами помощи, которые обусловлены ориентацией на оценку окружающих, а не внутренними ценностями личности. Это согласуется с представлениями Р. Чалдини о социальном доказательстве как одном из ключевых механизмов поведенческой регуляции.

Отсутствие значимых связей конформности с эмоциональным, альтруистическим, анонимным и экстренным типами просоциального поведения, на наш взгляд, свидетельствует об их относительной независимости от механизмов группового давления. Данный результат подтверждает предположение о существовании двух независимых мотивационных источников просоциальности: один обусловлен

социальным давлением и потребностью в групповом одобрении, другой – эмпатией и личностными ценностями. Первый путь тесно связан с конформностью, второй от нее не зависит.

Таким образом, гипотеза о связи конформности с просоциальным поведением подтвердилась частично. Конформность закономерно связана с внешне ориентированными, социально обусловленными формами просоциального поведения, а именно публичным и конформистским просоциальным поведением, однако не связана с формами помощи, мотивированными эмпатией и автономными внутренними установками. Полученные результаты, как представляется, углубляют понимание психологических механизмов социальной адаптации молодежи и могут служить основой для разработки программ, направленных на формирование осознанного и автономного просоциального поведения.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2017. 363 с.
2. *Клаучек С.В., Деларю В.В.* – тест-личностный опросник «Конформность – внушаемость» 1997. <https://cdn.myresume.ru/wp-content/uploads/2022/06/test-komfortnost.pdf>
3. *Кухтова Н.В.* Просоциальное поведение специалистов помогающих профессий: диагностика и развитие. Витебск: ВГУ, 2016.
4. *Carlo G., Randall B.A.* The development of a measure of prosocial behaviors for late adolescents // Journal of Youth and Adolescence. 2002. Vol. 31, № 1. P. 31–44.
5. *Eisenberg N., Fabes R.A., Spinrad T.L.* Prosocial Development. Handbook of Child Psychology. 2007. III:11.

Особенности оценки характеристик работы в организации сотрудниками мужского и женского пола

Варда И.Н., Лукьянченко Н.В.

ФГАОУ ВО СФУ, Красноярск, Россия

Аликин М.И.

ФГБОУ ВО СибГУ им. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

vardairina@yandex.ru, Luk.nv@mail.ru, pm2486@mail.ru

Как пишет Г.М. Андреева, являясь продуктом социальных отношений, личность в то же время выступает их активным участником и творцом, в том числе через свое оценочное отношение и в силу своей активности (Андреева, 2026). Согласно определению С.Т. Нгуена, оценка есть модальная рамка, в которой всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным (Нгуен, 2011). Н.А. Батурин отмечает, что оценка – это «перевод» знаний о мире на язык понятный и пригодный в процессе управления своим поведением и деятельностью, и она занимает центральное место в функциональном триединстве психического: познание – оценка – действие (Батурин, 2008).

Система социальных отношений личности реализуется во взаимодействии с различными социальными институтами, важнейшими из которых являются сферы реализации трудовой деятельности. Если говорить о конкретных организациях, большинство процессов в них регламентированы, существуют специальные алгоритмы по выполнению тех или иных задач. Но в восприятии этих процессов сотрудниками неизбежны субъективные особенности, детерминированные индивидуально-психологическими и социально-психологическими факторами, не в последнюю очередь гендерным. Понимание этой детерминации особенно актуально в силу динамичности и неоднозначности процессов становления «нового гендерного порядка», относиться к которым, как пишет Г.Г. Силласте, надо, не следуя эмоционально нагруженным эмоциональным стереотипам, а внимательно отслеживая и рационально (Силласте, 2019). Исследования выявляют в текущем состоянии этих процессов неожиданные феномены, такие, например, как смещение акцентов в рекламных и журналистских материалах от традиционной модели

женской идентичности к образу маскулинизированной женственности (Смеюха, Кузьмина, Хорошевская, 2023).

В соответствии со сказанным было проведено исследование гендерных особенностей оценки характеристик работы в организации сотрудниками мужского и женского пола. В исследовании приняли участие 457 сотрудников нефтегазовой компании, в том числе 361 мужчина и 96 женщин.

Респондентам предлагалось оценить значимость различных характеристик работы для себя и для других сотрудников в двух вариантах: сотрудников, работающих в городском офисе компании, и сотрудников, работающих вахтовым методом непосредственно на месторождении, а также оценить уровни реального воплощения этих характеристик в условиях офиса и вахты. В перечень оцениваемых характеристик вошли: 1) престижность работы в компании; 2) сформированность корпоративной культуры и привлекательных корпоративных ценностей; 3) грамотная организация производственного процесса; 4) работа в команде профессионалов; 5) комфортные условия труда; 6) достойный уровень оплаты труда; 7) социальные льготы и гарантии; 8) перспективы профессионального и карьерного роста; 9) комфортный микроклимат; 10) уважение коллег и руководства; 11) налаженные коммуникации между сотрудниками и руководством; 12) продуктивные методы управления со стороны руководства; 13) понимание функций и задач, которые ставит руководство; 14) понимание оснований и критериев оценивания работы; 14) понимание значимости своего труда для предприятия в целом. Для оценивания предлагались шкалы от 1 до 5.

Обработка данных включила сравнение средних значений и выявление достоверных различий с использованием U-критерия Манна-Уитни.

Анализ результатов сравнительных процедур позволил определить следующее.

1. Женщины в общей тенденции оценивают значимость для себя лично предложенных к рассмотрению характеристик работы выше, чем мужчины.

2. Только две характеристики в личной значимости для себя оцениваются мужчинами выше, чем женщинами: престижность работы в компании и понимание оснований и критериев оценивания работы.

3. Сотрудники и мужского, и женского пола значимость характеристики работы для себя оценивают как более высокую, чем значимость для других сотрудников. Можно говорить о своеобразном организационном эгоцентризме, когда свое отношение к работе в компании видится как более требовательное, чем у остальных работников.

4. Женские оценки значимости характеристик работы для сотрудников, работающих вахтовым методом, ниже, чем мужские, и ниже, чем оценки, приписываемые работникам офиса.

5. Оценки уровней реального воплощения предложенных к рассмотрению характеристик работы и у мужчин, и у женщин ниже, чем оценки их значимости для себя.

6. Мужчины более низко оценивают уровни реального воплощения характеристик работы в условиях офиса, нежели в условиях вахты; женщины, наоборот, более низко оценивают уровни реального воплощения характеристик работы в условиях вахты на месторождении.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2026. 360 с.
2. *Батурин Н.А.* Психология оценки: общие представления, дифференциация понятий и области изучения // Психология. Психофизиология. 2008. № 31 (131). С. 17-31.
3. *Нгуен С.Т.* Гендерные особенности оценочной семантики во вторичной номинации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. №2. С. 502-506.
4. *Силласте Г.Г.* Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе 2019. № 2. С. 3 –16. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.1>
5. *Смеюха В.В., Кузьмина О.Г., Хорошевская Ю.П.* Отражение трансформации гендерных стереотипов в современных женских журналах // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 60 – 79. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.5>

Эмпирические предикторы кризисных переживаний личности в период середины жизни

Васильева И.Е., Шаповаленко И.В.

ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия

i.e.vasileva@mail.ru, shapovalenkoiv@mgppu.ru

В средней взрослости люди представляют собой основу трудовых ресурсов страны, транслируют социальные нормы и ценности общества. Современность предъявляет к людям новые требования, что повышает риск возникновения как нормативных, так и ненормативных кризисных переживаний личности в период средней взрослости. Поэтому в последние годы внимание исследователей направлено на изучение психологического здоровья людей в зрелости. Приоритетно изучаются особенности жизнестойкости и совладания со стрессом в этом возрасте, способы предотвращения профессионального выгорания.

Мы в своем эмпирическом исследовании сосредоточили внимание на предикторах кризисных переживаний в этот возрастной период.

Выборку составили респонденты ($n = 100$) в возрасте 40-49 лет ($M = 43$, $SD = 2,3$), проживающие в Москве. Половой состав: 59% женщин, 41% мужчин.

Методический инструментарий, используемый в работе: опросник «Кризисные переживания средней взрослости» (Манукян, 2003); опросник способов совладания (Крюкова, 2010); тест жизнестойкости (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Контролировались переменные: пол, возраст, семейное положение, наличие детей, их количество и возраст, образование, трудовой статус, наличие хобби и материальное положение.

Для выявления предикторов кризисных переживаний был проведен множественный линейный регрессионный анализ. В модель вошли такие способы совладания, как «Самоконтроль» (Sc), «Бегство» (Esc), «Положительная переоценка» (PR), одна из составляющих жизнестойкости личности «Принятие риска» (RT). Кроме этого, значимыми факторами оказались травматические потери (TL), наличие взрослых детей (ACh), высшее образование (HE). Переменные

отбирались в ходе теоретического анализа. В обработке данных использовалась модель пошагового исключения.

Общие показатели регрессии: скорректированный $R^2 = 0,689$, $p < 0,001$. Показатели автокорреляции лежат в пределах нормы ($d = 1,92$; $p = 0,58$), коллинеарность отсутствует ($VIF \leq 1,5$).

Полученная в результате регрессионного анализа формула выглядит следующим образом: Кризисные переживания = $55,357 + 2,421TL + 0,530Sc + 0,869Esc + 3,726ACh - 0,564PR - 1,396RT - 8,563HE$. Проанализируем полученные результаты.

Высшее образование выступает как значимый ресурс для личности в средней взрослости. Одним из факторов, запускающих кризисные переживания в зрелости, является приближение старения, физиологический спад. Можно предположить, что профессиональный путь людей без высшего образования с большей вероятностью связан с физическим трудом и, следовательно, для них биологические изменения оказываются более значимыми, чем для людей, чья профессиональная деятельность в большей степени связана с интеллектуальной работой. Кроме того, в процессе обучения человек не только приобретает профильные знания, но и осваивает навыки работы с информацией, учится управлять своим временем, справляться со стрессом. В России люди с высшим образованием чаще имеют высокий социальный статус и уровень дохода.

Принятие риска (RT) отрицательно связано с кризисными переживаниями, что позволяет интерпретировать это как ресурс. Люди с более низким уровнем кризисных переживаний имеют более высокое принятие риска, готовность быть открытым любому опыту вместо простого стремления к жизни в комфорте. Эта жизнестойкая установка соотносится с поведенческой стратегией положительной переоценки: акцент на получении нового опыта, открывающего горизонты саморазвития, вместо фиксации на неудачах и ошибках.

Среди предикторов кризисных переживаний выделяется наличие взрослых детей. Это соотносится с известной метафорой «опустевшего гнезда» как описания кризиса середины жизни. Изменения в отношениях с детьми в связи с их взрослением и началом самостоятельной жизни может существенно уменьшать возможность персонализации в семье.

Бегство (Esc) и самоконтроль (Sc) положительно связаны с кризисными переживаниями. Мы видим, что для людей с кризисными переживаниями характерно стремление не замечать субъективный дискомфорт, не корректировать свой жизненный путь. Вероятно, речь идет о «порочном круге», в который человек попадает: переживания возникают по причине необходимости внутренних изменений для адаптации к изменениям внешней среды, личность выбирает откладывать решение насущных проблем, разрыв между желаемым и действительным становится больше с каждым днем.

Особенно интересно, что самоконтроль, обычно считающийся конструктивным, в наших данных выступает как предиктор кризиса. Вероятно, даже конструктивная копинг-стратегия может стать ригидным способом совладания со стрессом и в таком случае давать обратный эффект. Самоконтроль как чрезмерное подавление эмоций в долгосрочной перспективе может привести к психосоматическим расстройствам. Затянувшееся обдумывание проблемной ситуации рискует превратиться в руминации и усилить кризисные переживания.

Что касается травматических потерь, они ожидаемо усиливают кризисные переживания, побуждают человека обратиться к экзистенциальным вопросам.

Таким образом, резюмируем:

- высшее образование, принятие риска и положительная переоценка выступили в нашем исследовании как отрицательные предикторы кризисных переживаний средней взрослости, как защитные факторы;
- самоконтроль и бегство как способы совладания, «взрослость» детей, травматические потери – положительные предикторы, усиливающие кризисные переживания.

Настоящее исследование имеет ограничение – малый объем выборки для регрессионного анализа, но при этом позволяет построить одну из возможных моделей кризисных переживаний в средней взрослости.

Литература

1. *Крюкова Т.Л.* Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, Авантитул, 2010. 64 с.
2. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
3. *Манукян В.Р.* Субъективная картина жизненного пути и кризисы взрослого периода: Дис. ... канд. псих. наук. СПб, 2003.

Взаимосвязь аутентичности и переживания отчуждения у студентов среднего профессионального образования

Величкевич А.В., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

velichkevich.anna.060200@gmail.com, nkochetkov@mail.ru

Современное транзитивное общество предъявляет высокие требования к личностной устойчивости молодежи. С одной стороны, возрастает потребность в аутентичности – способности человека быть верным себе, своим ценностям и убеждениям, действовать в соответствии с внутренними мотивами, а не внешними ожиданиями. Аутентичность рассматривается как важный ресурс психологического благополучия и личностной зрелости. С другой стороны, широкое распространение получают явления смыслоутраты и отчуждения, понимаемого как разрыв связей человека с миром, деятельностью, обществом и самим собой (Фромм, 2022; Мадди, 2002). Отчуждение может проявляться в различных формах – от авантюризма и нигилизма до бессилия и вегетативности, и негативно сказывается на всех сферах жизни личности.

Особенно уязвимой в этом плане является студенческая молодежь, находящаяся на этапе профессионального и личностного самоопределения. Студенческий возраст является сенситивным для формирования как аутентичности, так и устойчивых смысложизненных

ориентаций, однако именно в этот период высок риск переживания отчуждения, связанного с неопределенностью будущего, учебными нагрузками и трудностями социальной адаптации. Настоящее исследование направлено на изучение взаимосвязи аутентичности и отчуждения у студентов среднего профессионального образования (СПО).

Было выдвинуто две гипотезы: 1) существует обратная взаимосвязь между аутентичностью личности и переживанием отчуждения; 2) у студентов, нацеленных на дальнейшую работу по специальности (или имеющих опыт работы по профессии), аутентичность выше, а отчуждение ниже, чем у тех, кто не видит карьерных перспектив в профиле обучения.

Выборку составили 157 студентов колледжа ГБПОУ «26КАДР» (68% женщин, 32% мужчин, средний возраст 17,15 лет). В исследовании приняли участие обучающиеся различных специальностей – «Реклама», «Техника и искусство фотографии», «Операционная деятельность в логистике», «Организация перевозок», «Юриспруденция», «Торговое дело» и др. Диагностический инструментарий включал: «Опросник субъективного отчуждения» (Осин, 2015), который измеряет выраженность четырех форм отчуждения (бессилие, вегетативность, нигилизм, авантюризм) в пяти сферах жизни (учеба, общество, отношения, семья, личность), а также «Краткую версию опросника аутентичности Керниса-Голдмана» (Нартова-Бочавер, Корнеев, Резниченко, 2022), включающую шкалы осознанности, непредвзятости, поведения и ориентации на отношения.

Результаты исследования показали наличие значимой отрицательной корреляции между общим показателем аутентичности и общим уровнем отчуждения ($r = -0,545$; $p \leq 0,01$). Это подтверждает первую гипотезу: развитие аутентичности сопряжено с меньшей смыслоутратой в различных сферах жизни. Наиболее сильные связи обнаружены между отчуждением от личности и такими компонентами аутентичности, как непредвзятость (способность без искажений воспринимать информацию о себе) ($r = -0,493$; $p \leq 0,01$) и поведение (соответствие поступков внутренним ценностям) ($r = -0,497$; $p \leq 0,01$). Аутентичность в отношениях коррелирует преимущественно с отчуждением от семьи ($r = -0,293$; $p \leq 0,01$) и практически не связана с отчуждением от учебы и общества, что может говорить о

дифференцированном влиянии данного компонента на разные сферы жизни.

Выявлены половые различия: у женщин корреляции между аутентичностью и отчуждением в целом сильнее, чем у мужчин, особенно в аспекте отчуждения от личности ($r = -0,600$ против $r = -0,355$ у мужчин). У мужчин, в отличие от женщин, осознанность (знание своих мотивов и чувств) не коррелирует с отчуждением ни по одной из шкал. При этом средние значения отчуждения и аутентичности по полу значимо не различаются. Это позволяет предположить наличие различных механизмов формирования и поддержания аутентичности у мужчин и женщин, что требует дополнительного изучения.

Вторая гипотеза также подтвердилась. Студенты, не планирующие работать по специальности, демонстрируют статистически значимо более высокие уровни отчуждения от учебы ($p = 0,001$), а также таких форм отчуждения, как нигилизм (отрицание норм и смыслов), бессилие (неверие в возможность влиять на свою жизнь) и вегетативность (полная утрата целей и смыслов) ($p \leq 0,05$ для всех показателей), по сравнению со студентами, ориентированными на профессиональную реализацию. Негативное отношение к учебе также связано с повышенной вегетативностью ($p = 0,017$), однако именно отсутствие карьерных перспектив, связанных с профилем обучения, оказывает более сильное влияние на рост отчуждения. Это говорит о том, что деятельность, не ориентированная на будущее, даже не вызывая ярко выраженного отрицательного отношения в моменте, негативно сказывается на формировании смыслов и повышает уровень отчуждения личности.

Полученные результаты имеют практическую значимость для психолого-педагогического сопровождения студентов СПО. Они свидетельствуют о том, что формирование у обучающихся осознанной связи между учебой и будущей профессией, развитие рефлексии и поддержка аутентичного поведения могут служить ресурсом для профилактики отчуждения и повышения психологического благополучия. Перспективой исследования является изучение факторов, буферизирующих влияние отчуждения у юношей, а также анализ влияния различных образовательных сред на соотношение аутентичности и отчуждения.

Литература

1. *Мадди С.* Теории личности: сравнительный анализ – Спб.: Речь, 2002. – 539 с.
2. *Нартова-Бочавер С.К., Корнеев А.А., Резниченко С.И.* Краткая версия опросника аутентичности Керниса-Голдмана: адаптация в России // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Том 30. № 3. С. 150-171.
3. *Осин Е.Н.* Отчуждение от учебы как предиктор выгорания у студентов вузов: роль характеристик образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2015. Том 20. № 4. С. 57-74.
4. *Фромм Э.* Иметь или быть? – М.: АСТ, 2022. – 320 с.

Психологические функции аватаров в структуре цифровой идентичности

Верченова Е.А.

*ООО «Психодемия», Москва, Россия
e.verchenova@gmail.com*

Как следует из материалов отчета «Digital 2025 Global Overview Report», уровень распространения интернета среди населения России составляет 92,2%, при этом ежедневная продолжительность пребывания пользователя в сети достигает 8 часов 38 минут (Бачило, 2025). Подобная вовлеченность в цифровую среду закономерно приводит к формированию у человека особой виртуальной идентичности, основным инструментом трансляции которой выступает аватар. Под аватаром в современной психологической литературе понимается цифровое визуализированное представление субъекта в виртуальном пространстве (Клементьева, Иванова, 2025).

В системе координат «реальное – виртуальное» аватар играет роль связующего элемента, обеспечивающего репрезентацию пользователя в цифровой среде, возможность экспериментирования с образом «Я» и установление социальных контактов. Е. Рождественская, анализируя

связь аватара с идентичностью, характеризует его как графический образ, изображение или иконку, которые пользователь сознательно предъявляет сетевому сообществу в качестве заместителя себя (Рождественская, 2017). В свою очередь, Ю.А. Антонова и С.А. Демина рассматривают аватар сквозь призму его коммуникативной функции, определяя его как один из базовых элементов «паспорта» интернет-пользователя (наряду с ником), выполняющий задачи самопрезентации (Антонова, Демина, 2011).

Спектр задач, решаемых с помощью аватаров, простирается от простой идентификации до сложных форм самопредъявления, что обуславливает существование различных типологий данного феномена. В зависимости от степени антропоморфизма принято выделять:

- реалистичные аватары (в наибольшей степени имитирующие человеческий облик);
- стилизованные (выполненные в мультипликационной или карикатурной манере);
- абстрактные (представленные символами, иконками или нечеловеческими образами).

По способу генерации различают статичные (фотографии, рисунки) и динамичные (анимированные, трехмерные, управляемые в режиме реального времени) варианты. Кроме того, классификация возможна по критерию соответствия реальному облику: здесь выделяют репрезентативные (отражающие действительные черты), идеализированные (представляющие улучшенную версию) и фантазийные (полностью вымышленные) аватары.

Исследователи J. Banks и N. Bowman предлагают типологию, основанную на характере отношений пользователя с собственным аватаром (Banks, Bowman, 2021). В рамках данного подхода описаны три модели:

- аватар-объект (воспринимается как продолжение собственного Я, инструмент коммуникации);
- аватар-симбиот (наблюдается неразрывная связь, часто имеющая компенсаторную природу);
- аватар-«другой» (осознается как самостоятельная личность, партнер по взаимодействию, что углубляет погружение в виртуальный мир).

Каждая из описанных разновидностей аватара – вне зависимости от того, является ли он реалистичным или абстрактным, статичным или динамичным, – ориентирована на реализацию определенных психологических задач. Анализ литературы позволяет выделить следующие функции.

Репрезентативная функция. Данная функция обеспечивает присутствие и узнаваемость пользователя в цифровой среде. Аватар выступает в роли визуального представителя личности, позволяя другим участникам взаимодействия идентифицировать субъекта и составлять первичное впечатление о нем (Антонова, Демина, 2011).

Компенсаторная функция. Проявляется в способности аватара восполнять дефицит качеств или характеристик, которые по тем или иным причинам не находят реализации в реальной жизни. Эмпирически подтверждено, что лица с интровертированным складом личности нередко создают экстравертированных аватаров, тем самым частично компенсируя недостаток социальной активности (Неврюев, Самородов, Смирникова, 2025).

Экспрессивная функция. Связана с возможностью самовыражения и раскрытия внутреннего мира через выбор визуального образа. Параметры аватара – его внешность, стиль, атрибутика – служат средством трансляции ценностных ориентаций, интересов и идентификационных предпочтений личности (Gupta, Etcoff, Jaeger, 2016).

Идентификационная функция. Обеспечивает процесс слияния пользователя с его цифровым представителем, переживание аватара как неотъемлемой части собственного «Я». Степень такого слияния может варьироваться в широких пределах: от минимальной, когда аватар осознается лишь как инструмент, до максимальной, при которой виртуальное тело субъективно воспринимается как собственное (Banks, Bowman, 2021). В исследовании М.В. Клементьевой и В.И. Ивановой установлено, что выраженность идентификации с аватаром выступает значимым медиатором, опосредующим влияние процессов поиска виртуальной идентичности на смысловые ориентации личности (Клементьева, Иванова, 2025).

Терапевтическая функция. Находит применение в практической психологии, где аватары используются как инструмент психокоррекционной работы. Данные зарубежных исследований

свидетельствуют о том, что целенаправленное взаимодействие с аватарами способствует снижению уровня тревожности и может быть эффективным при решении ряда психологических проблем (Pimentel, Kalyanaraman, 2020).

Представленный анализ позволяет утверждать, что аватар не сводится к сугубо техническому компоненту цифровой коммуникации. Это сложный психологический конструкт, играющий многоплановую роль в процессах становления и поддержания цифровой идентичности современного человека. Рассмотренные функции – от репрезентативной и компенсаторной до идентификационной и терапевтической – демонстрируют широкий спектр влияния аватаров на самосознание, эмоциональную сферу и поведенческие паттерны личности в условиях цифровой среды.

Литература

1. Антонова Ю.А., Демина С.А. Аватар как элемент самопрезентации в социальной сети // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4. С. 111–115.
2. Бачило М.Д. Цифровая коммуникация как фактор формирования идентичности пользователей // Russian Language Studies. 2025. Том 6. № 2. С. 124–134.
3. Клементьева М.В., Иванова В.И. Аватар-опосредствованная идентичность и смысловые ориентации Интернет-пользователей // Культурно-историческая психология. 2025. Том 21. № 4. С. 50–58.
4. Неврюев А.Н., Самородов Н.В., Смирникова О.В. Онлайн-идентичность как психологический феномен: современные подходы и эмпирические исследования // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 2. С. 85–94.
5. Рождественская Е. Визуализация идентичности: аватар в социальных сетях // Цифровое общество: антропологические и социологические измерения. М.: Вариант, 2017. С. 44–52.
6. Banks J., Bowman N.D. Some assembly required: Player mental models of videogame avatars // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12.

7. Gupta N., Etcoff N.L., Jaeger M. Beauty in Mind: The Effects of Physical Attractiveness on Psychological Well-Being and Distress // Journal of Happiness Studies. 2016. Vol. 17. № 3. P. 1313–1325.
8. Pimentel D., Kalyanaraman S. Customizing Your Demons: Anxiety Reduction via Anthropomorphizing and Destroying an «Anxiety Avatar» // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11.

Эмоциональная привязанность подростков к ИИ компаньонам: механизмы и риски

Вершинкина Е.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vershinkinaev@mgppu.ru*

Распространение генеративных ИИ компаньонов изменило характер цифрового общения подростков. Речь идет уже не просто об использовании удобного сервиса, а о формировании эмоционально значимых связей с искусственным собеседником, который отвечает, подстраивается под стиль общения, сохраняет историю диалога и создает переживание постоянного присутствия. Для подросткового возраста такая форма контакта особенно значима, поскольку именно в этот период возрастает чувствительность к принятию, отвержению и подтверждению собственной ценности.

Классическая концепция парасоциальных отношений описывает эмоциональную связь с медийной фигурой, которая воспринимается как близкая, хотя в действительности остается односторонней (Horton, Wohl, 1956). В случае ИИ это переживание усиливается, поскольку подросток получает ответ и видит реакцию на свои слова. Формально такая связь остается асимметричной, но субъективно может ощущаться как взаимная. За счет этого ИИ компаньон начинает занимать особое место в эмоциональной жизни пользователя.

Теория привязанности позволяет точнее понять привлекательность такого контакта. Подросток обращается к ИИ не только из любопытства, но и в моменты тревоги, одиночества, стыда или

внутренней перегрузки. Искусственный собеседник доступен, быстро откликается и почти всегда отвечает в принимающей манере.

Эти свойства делают ИИ компаньона похожим на фигуру, которая на время воспринимается как безопасная и успокаивающая (Bowlby, 1982). Особенно сильная привязанность может формироваться у подростков с тревожным стилем привязанности и недостатком устойчивых поддерживающих отношений.

С психодинамической точки зрения ИИ компаньон может выполнять функцию переходного объекта, то есть особого пространства между внутренним миром подростка и внешней реальностью, где ему легче выдерживать тревогу и сохранять чувство связанности (Winnicott, 1953). Нередко такой собеседник переживается и как зеркало, которое подтверждает переживания и поддерживает образ себя. Для подростка с неустойчивой самооценкой это особенно привлекательно. Но при чрезмерной опоре на такой опыт может снижаться готовность выдерживать неоднозначность живых отношений, в которых возможны непонимание, паузы, разногласия и отказ.

С клинико-психологической точки зрения значимо не столько само наличие эмоциональной вовлеченности в общение с ИИ, сколько та функция, которую это общение выполняет. Для части подростков такой контакт может иметь поддерживающее значение: облегчать самораскрытие, снижать субъективное одиночество и помогать проговаривать переживания. Вместе с тем при определенных условиях ИИ взаимодействие начинает закреплять избегание, вытеснять живое общение и становится главным способом эмоциональной регуляции. Пользователи могут описывать отношения с ИИ в терминах дружбы, романтической привязанности и утраты, что указывает на высокую субъективную значимость этих связей (Mahar et al., 2023).

Наиболее уязвимыми оказываются подростки с депрессивной и тревожной симптоматикой, хроническим одиночеством, дефицитом социальных навыков и выраженной потребностью в безопасной, но не требующей взаимности близости. Для них ИИ может стать не дополнением к системе отношений, а ее психологической заменой. Дополнительный риск связан с тем, что принимающий стиль ответа ИИ иногда воспринимается как безусловно понимающий и надежный, хотя в действительности он не основан на эмпатии и реальном участии

другого человека. Исследования показывают, что у части пользователей формируются выраженные ожидания постоянной поддержки и дистресс при ограничении доступа к ИИ (Fan, Oshio, 2025).

В практической работе с подростками важно включать вопросы об ИИ компаньонах в обычную психологическую беседу. Значимыми являются не только частота использования и длительность контакта, но и то, в каких состояниях подросток обращается к ИИ, чем именно этот контакт для него ценен, какие отношения он заменяет и что происходит при невозможности продолжить общение. Тревожными признаками можно считать эмоциональное предпочтение ИИ перед людьми, снижение интереса к живым отношениям, выраженный дистресс при разрыве контакта и идеализацию искусственного собеседника. Отдельного внимания требуют ситуации, в которых ИИ становится основным адресатом кризисных переживаний, поскольку его ответы могут быть психологически неточными или даже вредными (Clark, 2025).

Таким образом, отношения подростков с ИИ компаньонами следует рассматривать как психологически реальный феномен на пересечении привязанности, парасоциальности и цифрового копинга. Для одних подростков такой контакт может выполнять временно поддерживающую функцию, но для других он становится формой ухода от сложной реальности человеческих отношений. Поэтому ключевая задача психолога состоит в том, чтобы понимать, какие дефициты и потребности стоят за этой связью и помогает ли она развитию подростка или, напротив, фиксирует его в избегании.

Литература

1. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 1: Attachment. 2nd ed. New York: Basic Books. 1982.
2. Clark A. The Ability of AI Therapy Bots to Set Limits With Distressed Adolescents: Simulation-Based Comparison Study // JMIR Mental Health. 2025. Vol. 12. Art. e78414. <https://doi.org/10.2196/78414>

3. *Horton D., Wohl R.R.* Mass Communication and Para-Social Interaction: Observations on Intimacy at a Distance // *Psychiatry*. 1956. Vol. 19. № 3. P. 215–229.
4. *Mahar I. et al.* The Emotional Relationship Between Humans and AI: A Mixed Methods Study // *Computers in Human Behavior Reports*. 2023. Vol. 9. Art. 100255.
5. *Winnicott D.W.* Transitional Objects and Transitional Phenomena // *International Journal of Psycho-Analysis*. 1953. Vol. 34. P. 89–97
6. *Yang F., Oshio A.* Using Attachment Theory to Conceptualize and Measure the Experiences in Human-AI Relationships // *Current Psychology*. 2025. Vol. 44. P. 10658–10669. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-07917-6>

Связь детско-родительских отношений с копинг-стратегиями младших школьников

Власова Я.В., Клопотова Е.Е.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
janinka@inbox.ru, klopotova@yandex.ru*

В современной психологической науке значительный исследовательский интерес направлен на анализ аспектов, которые формируют адаптивные механизмы совладания со стрессом в детском возрасте. Младший школьный период признается сензитивным этапом для становления личности, в ходе которого закладываются основы эмоциональной саморегуляции и выстраивается индивидуальный репертуар копинг-поведения (Эльконин 2020).

Вопросы, связанные с изучением психологических особенностей младших школьников, поднимают в своих исследованиях Л.И. Божович, И.В. Дубровина, Д.Б. Эльконин и другие авторы.

Для детей младшего школьного возраста семья выступает в качестве первичной и наиболее влиятельной среды для социализации, а характер детско-родительских отношений оказывает решающее воздействие на формирование у ребенка предпочитаемых стратегий преодоления трудностей (Дружинин 2016).

Несмотря на существование обширного массива исследований, посвященных как совладающему поведению (Н.Ф. Михайлова, Т.А. Серебрякова, В.С. Курылева и др.), так и внутрисемейному взаимодействию (О.А. Карабанова, А.С. Спиваковская и др.), проблема взаимосвязи вышеуказанных феноменов в младшем школьном возрасте разработана недостаточно. В частности, требуют дальнейшего научного осмысления и эмпирического подтверждения конкретные механизмы связи детско-родительских отношений, определяющих предпочтение ребенком тех или иных адаптивных или дезадаптивных копинг-стратегий.

Целью данного исследования является выявление связи детско-родительских отношений с копинг-стратегиями младших школьников.

Гипотеза исследования представлена следующим предположением. Характер детско-родительских отношений в семье связан со спецификой копинг-стратегий младших школьников: особенности родительского отношения определяют выбор детьми способов совладания со стрессовыми ситуациями – от более конструктивных форм до менее адаптивных стратегий.

Исследование проводилось онлайн. Выборку составила 41 диада «матери – младшие школьники».

В качестве диагностического инструментария были использованы: опросник родительского отношения (ОРО) (А.Я. Варга, В.В. Столин); методика «Моя семья» в модификации М.А. Егоровой (Мухордова, Шрейбер 2007); опросник копинг-стратегий школьного возраста (И.М. Никольская, Р.М. Грановская) (Грановская 2017). В работе использовались непараметрические статистические методы – критерии U Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции ρ Спирмена. Статистическая обработка результатов была проведена в программе IBM SPSS Statistics 23.

Полученные в рамках эмпирического исследования результаты позволяют говорить о том, что:

- существуют связи детско-родительских отношений с копинг-стратегиями младших школьников;
- предпочтение младшими школьниками «Смены деятельности» как ведущей копинг-стратегии повышает частоту принятия матерями их личностных качеств ($\rho = 0,311$; $p < 0,05$) и

показатели инициативности младших школьников ($\rho = 0,365$; $p < 0,05$);

- чем чаще младшие школьники остаются одни, тем выше их показатели по шкале «Воспитание самостоятельности» ($\rho = 0,455$; $p < 0,01$) и ниже показатели матерей по шкале «Симбиоз» ($\rho = -0,611$; $p < 0,01$);
- «Избегание» как реакция младших школьников на сложные жизненные ситуации повышает показатели оценки ими «Доминантности матери» ($\rho = 0,312$; $p < 0,05$), непринятия матерями их личностных качеств ($\rho = -0,409$; $p < 0,01$), снижая показатели младших школьников по шкале «Доминантность отца» ($\rho = -0,312$; $p < 0,05$);
- чем чаще младшие школьники стараются забыть происшедшие неприятные события, тем менее благоприятны в их семьях взаимоотношения ($\rho = -0,313$; $p < 0,05$);
- склонность младших школьников к «Фантазированию», повышает уровень благоприятности «Взаимоотношений в семье» ($\rho = 0,325$; $p < 0,05$), «Общности интересов» ($\rho = 0,353$; $p < 0,05$) и с общего уровня межличностных отношений в семье ($\rho = 0,419$; $p < 0,01$);
- определено, что чем чаще мальчики в сложных жизненных ситуациях используют копинг-стратегию «Избегание», тем выше показатели их матерей по шкале «Маленький неудачник» ($\rho = 0,569$; $p < 0,05$) и показатели мальчиков при оценке «Общности интересов» в их семьях ($\rho = 0,599$; $p < 0,05$). Также и нежелание мальчиков принять сложную жизненную ситуацию повышает их показатели «Общности интересов» в семье ($\rho = 0,519$; $p < 0,05$) и чем чаще они демонстрируют агрессивную реакцию, тем выше в их семьях уровень контроля по шкале «Авторитарная гиперсоциализация» ($\rho = 0,583$; $p < 0,05$). Установлено, что наличие у девочек потребности в сложной жизненной ситуации сменить вид деятельности повышает принятие матерями личностных качеств дочерей ($\rho = 0,436$; $p < 0,05$), повышая оценку девочками «Общности интересов» в семье ($\rho = 0,423$; $p < 0,05$). Чем чаще у девочек в стрессовых ситуациях возникает «Стремление расслабиться», тем у них больше межличностная дистанция с матерями ($\rho = -$

0,620; $p \leq 0,01$) и ниже их оценка наличия «Взаимопомощи в семье» ($\rho = -0,416$; $p \leq 0,05$). А использование такой копинг-стратегии, как «Избегание», наоборот, повышает оценку девочками «Взаимоотношений в семье» ($\rho = 0,430$; $p < 0,05$), снижая частоту принятия матерями их личностных качеств ($\rho = -0,477$; $p < 0,05$). Склонность к «Фантазированию» девочек повышает их оценку «Общности интересов» в семье ($\rho = 0,459$; $p < 0,05$).

Таким образом, можно говорить о том, что существуют гендерные особенности связи копинг-стратегий младших школьников с характером детско-родительских отношений: у мальчиков выбор стратегий избегания, непринятия ситуации и агрессивного реагирования связан преимущественно с материнским отношением и нормативно-контролирующей организацией семейного взаимодействия, тогда как у девочек использование копинг-стратегий смены деятельности, расслабления, избегания и фантазирования связано прежде всего с уровнем материнского принятия, эмоциональной дистанцией с матерью и субъективной оценкой семейной общности, взаимоотношений и взаимопомощи.

Литература

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Питер, 2021.
2. *Грановская Р.М.* Психологическая защита. СПб: Речь, 2017.
3. *Дружинина В.Н.* Психология семьи: 3-е изд. СПб: Питер, 2016.
4. *Дубровина И.В.* Психологическое благополучие школьников: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025.
5. *Карабанова О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2017.
6. *Михайлова Н.Ф.* Совладающее поведение: становление и развитие // Психология развития и возрастная психология: Учебник и практикум для прикладного бакалавриата под общей редакцией Л.А. Головей. М.: Юрайт, 2016.
7. *Мухордова О.Е., Шрейбер Т.В.* Изучение детско-родительских отношений: методические рекомендации: УдГУ. Ижевск, 2007.

8. *Серебрякова Т.А., Курылева В.С.* Совладающее поведение как важнейший компонент защитных механизмов психики человека: теоретический обзор проблемы // Научное обозрение. Педагогические науки. 2021.
9. *Спиваковская А.С.* Психотерапия: игра, детство, семья. Том 2. М.: ООО Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2020.
10. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 2020.

Адаптация опросника «Мотивация использования искусственного интеллекта»

Волкова Н.В.

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

nv.volkova@hse.ru, nkochetkov@mail.ru

В наше время невозможно представить себе жизнь без искусственного интеллекта (ИИ). Нейросети встраиваются в поисковые системы, выступают в качестве самодостаточных сервисов по созданию текстового и визуального контентов и могут выполнять различные функции.

Отношение людей к этим развивающимся технологиям диаметрально противоположно: существует технооптимизм, предполагающий, что все проблемы могут быть разрешены с помощью технических достижений, и технопессимизм, согласно которому именно эти достижения меняют привычный уклад жизни, нарушая человеческую гармонию (Солдатова и др., 2021). Соответственно, различается и реакция на «успехи» ИИ – одни испытывают от этого тревогу, других это мотивирует на то, чтобы изучать нейросети, работать с ними, делегируя им часть своих задач.

Изучение влияния ИИ на человека тормозится молодостью и динамичностью развития самого явления, а также отсутствием методического инструментария.

За рубежом существует, как минимум, 5 психодиагностических методик для изучения ИИ.

- Шкала ИИ-тревожности (Anartificial Intelligence Anxiety Scale; Wang, Wang, 2019).
- Шкала измерения общего отношения к искусственному интеллекту (Schepman, Rodway, 2022).
- Шкала принятия искусственного интеллекта (The Artificial Intelligence Assessment Scale; Perkins et al., 2024).
- Шкала доверия к искусственному интеллекту (Trust in Automation Scale; McGrath et al., 2025).
- Опросник «Мотивация использования ИИ» (A Questionnaire of Artificial Intelligence Use Motives; Yurt, Kasarci, 2024).

Целью нашего исследования была адаптация опросника «Мотивация использования ИИ» для русскоязычной популяции.

Опросник строится на теории ожидаемой ценности (Eccles, Wigfield, 2002), составляющие которой были положены в его структуру. Приведем примеры утверждений из финального варианта его адаптации в соответствии с теоретической основой.

Мотивация к деятельности зависит от самоэффективности (Eхрестансу) и субъективной ценности выполняемой задачи или деятельности (Value). В данном контексте самоэффективность – это убеждение человека в том, что он может эффективно решить задачу, другими словами, это ожидаемый успех, который зависит от субъективной оценки своих возможностей, предыдущего опыта, социального сравнения (пример утверждения: «Я могу освоить навыки, необходимые для эффективного использования сервисов искусственного интеллекта»).

При этом существует следующие 4 типа субъективной ценности задачи.

1. *Ценность достижения (Attainment)*. Она связана с ценностной сферой человека, что определяет важность достижения цели, решения задачи (пример утверждения: «Изучение и внедрение инноваций в сервисах искусственного интеллекта являются для меня приоритетом»).

2. *Практическая ценность (Utility)*. Определяется тем, насколько человеку будет в будущем полезно то, чего он достигает на данный

момент времени (пример утверждения: «В повседневной жизни искусственный интеллект помогает мне оптимизировать свои задачи»).

3. *Внутренняя ценность (Interest)*. Это внутренняя мотивация, интерес к тому, что человек делает (пример утверждения: «Мне нравится опыт взаимодействия с искусственным интеллектом»).

4. *Предполагаемые затраты ресурсов (Cost)*. Поскольку любая деятельность происходит с затратой ресурса, то мотивация к ней зависит от его размера. Высокая «цена» деятельности может демотивировать человека (пример утверждения: «Для меня оправдано вкладывать время и усилия в изучение сервисов искусственного интеллекта»).

Адаптированная версия включает в себя 18 утверждений и может использоваться респондентами, начиная с подросткового возраста.

В ходе адаптации были установлены положительные корреляции мотивации к использованию ИИ с технофилией, технорационализмом и показателями карьерной вовлеченности (Волкова и др., 2026), тогда как связи с негативными установками (технопессимизм и технофобия) были в основном незначимы. Следовательно, стратегии стимулирования использования ИИ должны фокусироваться не на нивелировании страхов, а на развитии интереса, укреплении уверенности и демонстрации практической пользы ИИ для профессионального и карьерного роста.

Литература

1. Волкова Н.В., Бордунос А.К., Чикер В.А. Адаптация диагностического инструмента развития карьеры: Шкала карьерная вовлеченность // Социальная психология и общество. 2026. 17(1).
2. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова, Е.И., Дорохов Е.А. Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей // Социальная психология и общество, 2021. 12(4). С. 170-188.
3. Eccles J.S., Wigfield A. Motivational Beliefs, Values, and Goals // Annual Review of Psychology. 2002. Vol.53. P. 109-132.

4. *McGrath M.J., Lack O., Tisch J., Duenser A.* Measuring trust in artificial intelligence: validation of an established scale and its short form // *Frontiers in Artificial Intelligence*. 2025.
5. *Perkins M., Furze L., Roe J., MacVaugh J.* The Artificial Intelligence Assessment Scale (AIAS): A Framework for Ethical Integration of Generative AI in Educational Assessment // *Journal of University Teaching and Learning Practice*. 2024. 21(6).
6. *Schepman A., Rodway P.* The General Attitudes towards Artificial Intelligence Scale (GAAIS): Confirmatory Validation and Associations with Personality, Corporate Distrust, and General Trust // *International Journal of Human–Computer Interaction*. 2022. 39(8). P. 1-18.
7. *Wang Y.-Y., Wang Y.-S.* Development and validation of an artificial intelligence anxiety scale: an initial application in predicting motivated learning behavior // *Interactive Learning Environments*. 2019. 30(2). P. 1-16.
8. *Yurt E., Kasarci I.* A Questionnaire of Artificial Intelligence Use Motives: A Contribution to Investigating the Connection between AI and Motivation // *International Journal of Technology in Education*. 2024. 7(2). P. 308-325.

Социальный конформизм и групповая идентификация в эпоху персонализированных плейлистов

Волобуев А.Н., Калинин И.В.

*РГУ им. Косыгина, Москва, Россия
av1bvvv@gmail.com, kalinin-iv@rguk.ru*

Процесс формирования музыкального вкуса традиционно рассматривается в социальной психологии как феномен, опосредованный сложным взаимодействием когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов. Эмоциональная составляющая является ключевым элементом музыкального переживания. При этом важно различать когнитивное распознавание эмоций и их аффективное переживание (Juslin, Sloboda, 2003). Музыка

функционирует не только как источник эстетического наслаждения, но и как инструмент консолидации социальных групп, регуляции эмоциональных состояний и формирования идентичности, что особенно выражено в молодежных субкультурах (North, Hargreaves, 2008). Именно эта социальная функция музыки делает ее значимым объектом исследования в контексте цифровой трансформации культурного потребления (Shepherd, Sigg, 2015). Стремительное развитие цифровых технологий привело к тому, что стриминговые сервисы стали основными каналами распространения музыкального контента, формируя не только новые модели слушательского поведения, но и музыкальные предпочтения пользователей. Если ранее формирование музыкального вкуса часто было основано на рекомендациях близких, мнении критиков и принадлежности к определенной субкультуре, то сегодня доминирующую роль в этом процессе играют алгоритмические рекомендательные системы. В этой связи возникает необходимость переосмыслить процесс социализации в цифровую эпоху и определить, как цифровых алгоритмов.

Понятие конформизма в социальной психологии обозначает склонность индивида изменять свое поведение или убеждения под влиянием реального или воображаемого давления группы. Музыкальные предпочтения выступают одним из ключевых маркеров групповой принадлежности. Зачастую музыкальный вкус человека может сказать о нем больше, чем его внешний вид, и человек, желающий примкнуть к какой-либо социальной группе, вынужден принять действующие в ней правила и законы, где музыкальные предпочтения выступают ориентиром и способствуют формированию «правильных» жизненных убеждений (Шапинская, 2015). В этом контексте конформизм выступает как активный механизм социальной адаптации и поиска референтной группы.

В цифровую эпоху этот механизм приобретает новые формы реализации. Особое значение имеет принцип коллаборативной фильтрации, который функционирует по принципу выявления сходства между пользователями: если пользователи А и Б демонстрируют совпадающие оценки определенного контента, система предполагает, что их вкусы могут совпадать и в отношении другого контента, и рекомендует пользователю А треки, которые оценил пользователь Б (Преображенский, 2019). Этот алгоритмический принцип лежит в основе функций типа «Вашим друзьям понравилось». По сути,

коллаборативная фильтрация создает цифровой аналог референтной группы: алгоритм не просто предлагает музыку, а маркирует определенные композиции как одобренные значимыми другими, тем самым оказывая на пользователя давление, сопоставимое с реальным социальным. Психологический механизм, лежащий в основе этого влияния, также может быть объяснен через феномен конформизма. Пользователь, сталкиваясь в интерфейсе платформы с указанием на то, что определенный трек или плейлист понравился его друзьям, воспринимает эту информацию как социальную рекомендацию. Выбор, сделанный значимым другим или одобренный широкой аудиторией, воспринимается как более безопасный и социально одобряемый, что повышает вероятность его принятия.

Конформизм в сфере музыкальных предпочтений тесно связан с механизмом групповой идентификации. Возможность делиться плейлистами, открывать доступ к своим подборкам или использовать плейлисты, составленные исполнителями, выступает инструментом символического присоединения к группе. Как отмечается в исследованиях, ощущение общности с друзьями, музыкальными сообществами и любимым исполнителем оказывается достаточным стимулом для формирования музыкальных предпочтений (Rahmasari, Purwaningtyas, 2022). Наиболее показательным примером того, как алгоритмические платформы становятся агентами групповой идентификации, является ежегодная кампания Spotify Wrapped, которая представляет собой серию слайдов, знакомящую пользователей с их музыкальными предпочтениями за прошедший год: ранжированный список песен, исполнителей и жанров, которые пользователь часто прослушивал, а также информация о процентиле слушателей, к которому относится пользователь (Azzahrah, 2023). Такие подборки создают у пользователей ощущение, что платформа действительно их понимает, что укрепляет эмоциональную связь и лояльность аудитории. Их публикация в социальных сетях является своеобразным актом самопрезентации, демонстрацией своей принадлежности к определенной социальной группе.

Таким образом, понимание алгоритмов как посредников в процессах конформизма и групповой идентификации открывает новые перспективы для изучения трансформации культурных предпочтений в цифровую эпоху и ставит перед обществом задачу развития критической цифровой грамотности, позволяющей пользователям осознанно взаимодействовать с рекомендательными системами.

Литература

1. *Преображенский Ю.П.* О методах создания рекомендательных систем // Вестник Воронежского института высоких технологий. – 2019. – № 4 (31). – С. 75–79.
2. *Шапинская Е.Н.* Музыка как фактор формирования эстетических вкусов и этических ценностей в молодежных субкультурах // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5.
3. *Azzahrah F.* Unveiling the Magic: How Spotify Wrapped Casts a Spell on Its User. – 2023.
4. *Juslin P.N., Sloboda J.A.* Music and Emotion // The Psychology of Music. – 2013. – P. 583–645.
5. *North A., Hargreaves D.* The Social and Applied Psychology of Music. – Oxford: OUP Oxford, 2008. – 488 p.
6. *Rahmasari K., Purwaningtyas M.P.F.* The extended self: Youth's identity in the music consumption of Indonesian Spotify users // Jurnal Riset Komunikasi (JURKOM). – 2022. – Т. 5. – №. 2. – С. 187-206.
7. *Shepherd D., Sigg N.* Music preference, social identity, and self-esteem // Music Perception: An Interdisciplinary Journal. – 2015. – Т. 32. – №. 5. – С. 507-514.

Эмоциональный отклик жителей города на различные виды вандализма

Воробьева И.В., Матвеева А.И., Шевалдина Д.Д.

ФГБОУ ВО УрГПУ, Екатеринбург, Россия

lorisha@mail.ru, lyonchik_7777@list.ru, shevaldina.diana@ya.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00900, <https://rscf.ru/project/25-18-00900/>.

Вандализм в городской среде традиционно рассматривается как проблема, имеющая экономическое и правовое измерения (Злоказов и др., 2021). Однако не менее важным аспектом является психологическое воздействие вандальных актов на жителей города. Эмоции, которые испытывают горожане при столкновении с

исписанными стенами, сломанными скамейками или мусором в скверах, формируют их общее восприятие городской среды, чувство безопасности и удовлетворенность местом своего проживания. При этом, разные виды вандальных действий могут вызывать качественно различные эмоциональные реакции. Если одни формы (например, граффити) могут вызывать положительные эмоции (Брюно и др., 2025), то другие (вандализм на детских площадках) способны провоцировать острый гнев и раздражение. Понимание этой дифференциации необходимо для выработки эффективных стратегий городского управления, ориентированных не только на устранение физических последствий, но и на восстановление психологического комфорта горожан.

Целью настоящего исследования стали оценка и анализ эмоционального отклика жителей на различные виды вандальных изменений городской среды, а также выявление доминирующих эмоциональных паттернов. В исследовании приняли участие 980 жителей крупных городов Свердловской области. Выборку составили 659 женщин (67,24%) и 321 мужчин (32,76%), средний возраст респондентов – 20,35 лет ($\sigma = 10,68$). Сбор эмпирических данных осуществлялся в онлайн-формате («Яндекс.Формы»). В качестве диагностического инструмента выступил авторский опросник, при ответе на который респондентам предлагалось выбрать одну эмоциональную реакцию, которую они переживают при столкновении с 19-ю видами вандальных изменений городской среды (от несанкционированных объявлений и граффити до поджогов и повреждений городской инфраструктуры). Обработка данных проводилась методом частотного анализа.

Так, наиболее частотные показатели эмоции «раздражение» зафиксированы для «бытовых» форм вандализма. Неприятие мусора в неразрешенных местах (59,8%) объясняется тем, что он воспринимается не просто как эстетический недостаток, а как прямое свидетельство неуважения жителей друг к другу, признак антисанитарии и запустения среды. Сломанные и испорченные надписями скамейки (46,9%), деформированные детские площадки (41,2%) также имеют высокую социальную значимость как места отдыха и коммуникации. Отметим, что их порча вызывает не только

раздражение, но и выраженное сожаление (около 17%), что указывает на фрустрацию от утраты комфортного общественного пространства.

Вандализм в подъездах (сломанные перила, лифты, почтовые ящики – 37% раздражения; надписи с нелегальной рекламой – 36,9%), также вызывают высокий уровень негатива. Локация воспринимается как продолжение личного жилого пространства, и его разрушение переживается острее, чем порча уличных объектов. Обращает на себя внимание относительно высокий уровень страха и тревоги для этих видов (до 4,6%), что может быть связано с ощущением опасности в неконтролируемом полуобщественном пространстве.

Значительная доля респондентов демонстрирует безразличие к ряду распространенных явлений. Максимумы зафиксированы для объявлений на столбах (49,9%), тропинок на газонах (47,9%) и рекламных надписей на тротуарах (47,8%), что может указывать на адаптацию горожан к этим формам «мягкого» вандализма. Они настолько привычны, что перестали вызывать какую-либо эмоциональную реакцию, воспринимаясь как неизбежный фон городской жизни. Интересно, что тропинки на газонах, при высоком безразличии, получили также заметный процент одобрения (6,0%) – вероятно, от тех, кто сами пользуются такими маршрутами, воспринимая их как рациональное решение, а не как порчу зеленых насаждений.

Как и в работах других исследователей (Кузовенкова, 2021), наиболее контрастную картину демонстрирует пункт «Граффити и иные художественные изображения на стенах». Здесь наблюдается самый низкий уровень раздражения среди всех «уличных» форм (16,9%), самый высокий уровень любопытства (18,9%), максимальное одобрение (7,8%) и радость (2,35%), а также заметное удивление (6,3%). Эти данные наглядно иллюстрируют размытие границ между вандализмом и искусством в общественном сознании. Часть горожан готова воспринимать граффити как украшение среды, в то время как «хулиганские надписи» вызывают уже 33,7% раздражения, что подтверждает значимость контекста и эстетического качества изображения.

Интересен тот факт, что страх и тревога редко доминируют, но их пиковые значения приходятся на виды, связанные с реальной или потенциальной опасностью. Разбитые окна (7,6% страха, 5,6% тревоги), сожженные объекты (6,2% страха) и разбитые стекла на

остановках (4,3% страха) – все это маркеры неконтролируемой деструкции, которые подсознательно сигнализируют о зоне повышенного риска и снижении социального контроля.

Таким образом, результаты исследования указывают на то, что эмоциональный отклик жителей города на вандализм не является однородным. Различные виды вандальной активности вызывают широкий спектр реакций: от острого раздражения (мусор, сломанные скамейки) и тревоги (поджоги, разбитые окна) до полного безразличия (объявления, реклама) и даже любопытства с одобрением (художественные граффити). Наиболее значимыми для горожан оказались не столько политические или хулиганские надписи, сколько факторы, ухудшающие качество повседневной жизни: мусор, поломанные объекты отдыха и инфраструктуры в подъездах. Высокий уровень безразличия к рекламному «шуму» и тропинкам на газонах говорит о том, что эти явления стали нормой городской жизни и не мобилизуют горожан на активное противодействие. Обнаруженные закономерности актуализируют задачу дифференцированной оценки психологического комфорта городской среды, что будет способствовать более высокой эффективности мероприятий по ее благоустройству с точки зрения субъективного восприятия жителей города.

Литература

1. Брюно В.В. Граффити как элемент городской культуры: региональные и социально-демографические особенности восприятия населением / В.В. Брюно, Д.Е. Глинов // Теория и практика общественного развития. 2025. № 4(204). С. 63-75. <https://doi.org/10.24158/tipor.2025.4.6>
2. Городской вандализм в восприятии молодежи: эмпирическое исследование атрибуции его причин / К.В. Злоказов, Ю.М. Караяни, А.Г. Караяни, А.В. Шахматов // Психология и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 77-93. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110306>
3. Кузовенкова Ю.А. Между искусством и вандализмом: дискурсивная представленность граффити и стрит-арта / Ю.А. Кузовенкова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 4. С. 592-603. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-592-603>

Психология скрытого влияния: сохранение границ личности в пространстве образовательных манипуляций

Воронина О.А., Дюжева Т.Н.

*ФГБОУ СОШ № 1699 Управления делами Президента РФ,
Москва, Россия*

amilosa01@gmail.com, tdyuzheva04@gmail.com

Работа педагога неизбежно сопряжена с высоким напряжением эмоционального поля. Мы часто замечаем, что после определенных разговоров с учениками или родителями остается чувство опустошенности, необъяснимой вины или раздражения. Эти состояния редко возникают на пустом месте: чаще всего они являются следствием скрытого психологического воздействия. Еще Ж. Лабрюйер подметил глубинную особенность взаимодействия поколений: «У детей одна забота – выискивать слабое место у своих наставников. Стоит детям его обнаружить, как они берут верх над взрослыми» (Лабрюйер, 1991). Эта цитата, прозвучавшая на семинаре службы психолого-педагогического сопровождения ФГБОУ Школы № 1699 Управления делами Президента РФ, подсвечивает важный психологический механизм: манипуляция всегда нацелена на уязвимость личности. Чтобы сохранить себя в профессиональной среде, учителю важно понимать не только внешние проявления конфликтов, но и их внутреннюю психологическую структуру.

С точки зрения психологии, манипуляция определяется как преднамеренное и скрытое побуждение человека к принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения целей манипулятора (Шостром, 1992). Ключевое слово здесь – «скрытое». В отличие от открытого принуждения, манипуляция строится на тройственной структуре: мифе, цели и сценарии. Миф – это внешняя оболочка, то, как ситуация подается жертве. Цель – истинное желание манипулятора, часто скрытое даже от него самого. Сценарий – это прогнозируемая эмоциональная реакция жертвы, на которую и рассчитывает агрессор. Манипуляция всегда является игрой на чувствах, она воздействует на «струны» нашей души – те слабые стороны, которые известны манипулятору или интуитивно им

угадываются. Пока педагог реагирует эмоционально, он остается внутри чужого сценария. Причины такого поведения лежат в плоскости психологической слабости манипулятора, его неверия в честную коммуникацию или стремления к одностороннему выигрышу (Шостром, 1992).

В школьной практике мы сталкиваемся с различными формами воздействия, которые атакуют разные уровни личности учителя. Например, навязывание чувства вины бьет по моральному самоощущению личности, заставляя чувствовать себя обязанным компенсировать чужие промахи. Газлайтинг представляет собой более тонкую агрессию против реальности: когда педагогу говорят «вы все выдумываете» или отрицают ранее данные обещания, это подрывает его доверие к собственному восприятию и лишает внутренней опоры. Давление на жалость эксплуатирует эмпатию, ставя учителя перед выбором: нарушить свои границы или почувствовать себя «монстром». Обесценивание достижений и пассивная агрессия через игнорирование служат одной цели – сделать педагога зависимым от одобрения манипулятора. Все эти техники объединяет то, что они работают, пока остаются в тени бессознательного.

Особый психологический смысл несет в себе провокация. Если манипуляция скрыта, то провокация часто выглядит как открытое действие, но ее истинный мотив остается тайным. Провокация выполняет функцию «щупа»: через нее ученик или родитель проверяет прочность границ педагога, выясняя, можно ли им управлять. Важно понимать, что провокация всегда сигнализирует о неудовлетворенной потребности. Эмоциональная реакция взрослого становится ключом к пониманию скрытого мотива ребенка. Если учитель чувствует раздражение, это часто сигнал о потребности ребенка во внимании, его нежелании чувствовать себя «пустым местом». Вспыхивающий гнев указывает на борьбу за власть и проверку на прочность. Обида, возникающая у педагога, может быть следствием детской мести за прежде нанесенную рану. А чувство жалости и беспомощности перед детской проблемой часто показывает скрытую мотивацию ребенка избежать неудачи, переложив ответственность на взрослого. Таким образом, конфликт перестает быть личным оскорблением и становится диагностическим материалом.

Возникает закономерный вопрос: как сохранить целостность личности в таком напряженном поле? Психологическая защита здесь выступает не как стена отчуждения, а как инструмент саморегуляции. Главное правило – не давать ожидаемой эмоциональной подпитки, ведь манипуляторы нуждаются в нашем аффекте, а не в логике. Техника бесконечного уточнения («Почему ты так считаешь?», «Чем именно я не помогаю?») заставляет манипулятора объясняться, переводя взаимодействие из эмоционального поля в когнитивное. Против несправедливой критики эффективно работает «наведение тумана» или внешнее согласие («Возможно, ты и права»). Это не означает принятие вины, это способ лишить агрессора сопротивления, об которое он раскалывается.

Для отстаивания границ незаменима техника «заезженной пластинки» – спокойное повторение одной фразы без изменения интонации. Это демонстрирует устойчивость позиции. Техника «вещи своими именами» обладает мощным психотерапевтическим эффектом: когда мы вслух называем процесс («Похоже, ты пытаешься вызвать у меня чувство вины»), манипуляция теряет силу, так как перестает быть скрытой. Вывод бессознательного сценария на уровень сознания разрушает его власть. Также важно использовать «Я-сообщения», говоря о своем состоянии («Я чувствую дискомфорт», «Я не готов обсуждать»), что позволяет выражать позицию без нападения и чувства вины. И наконец, не стоит бояться тишины. Пауза разрушает динамику игры, создавая вакуум, в котором контроль манипулятора слабеет.

Подводя итог, хочется подчеркнуть, что психологическая грамотность педагога – это вопрос профессиональной гигиены. Защита своих границ не является эгоизмом; это условие, при котором учитель может оставаться ресурсным для детей. Как отмечалось на семинаре, иногда провокация – это единственный доступный ребенку способ совладать с тревогой, например, нарушение тишины после стрессовой ситуации дома. Понимая психологический смысл происходящего, мы можем реагировать не как жертва обстоятельств, а как взрослый, способный к контейнированию эмоций. Внедрение этих практик помогает трансформировать деструктивные взаимодействия в конструктивный диалог, где уважение к границам личности становится основой безопасной образовательной среды.

Литература

1. *Гришина Н.В.* Психологические аспекты манипулятивного поведения в межличностном общении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. 2012. № 2. С. 45–58.
2. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с. – (Серия «Мастера психологии»).
3. Гиппенрейтер Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? – М.: АСТ, 2016. – 304 с.
4. *Лабрюйер Ж.* Характеры, или Нравы нынешнего века // Парадоксы души: сборник. – М.: Прогресс, 1991. – С. 187-189.
5. *Шостром Э.* Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор // Психология влияния: хрестоматия / под ред. Р. Чалдини. – М.: Эксмо, 2001 – С. 312-345.
6. *Шостром Э.* Человек-манипулятор: внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.

Переживание социокультурной адаптации русскими мигрантами из Средней Азии

Воронцова Т.Д., Ткаченко Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

t_qween@mail.ru, tkachenkonv@mgppu.ru

Социокультурная адаптация русских мигрантов из Средней Азии (г. Ташкента), переезжающих в Россию, представляет собой сложный процесс, затрагивающий не только личные, но и социокультурные аспекты. Русские мигранты, переехавшие из Ташкента, сталкиваются с вызовами, связанными как с коммуникативными, так и с социокультурными барьерами.

Психологическое состояние русских мигрантов из Средней Азии (г. Ташкента), формируется под влиянием множества факторов. В условиях увеличения миграционных потоков в последние десятилетия, проблема адаптации становится особенно актуальной. Негативные

эмоции, такие как страх и тревога, неуверенность, возникающие на фоне культурных различий, могут усугублять уже существующие проблемы. Важно отметить, что наличие служб или лиц, помогающих адаптироваться в новой среде, может служить облегчением для соотечественников, прибывших из Ташкента.

Культурные различия между русскими мигрантами из Ташкента выражаются в их социальном взаимодействии и представлениях о жизни. Понимание идентичности и норм поведения является ключом к объяснению трудностей в социокультурной адаптации. Факторы, влияющие на социокультурную адаптацию, часто коренятся в личном опыте русских мигрантов. Например, уровень образованности и профессиональных навыков также играет важную роль. Результаты исследования показывают, что русские мигранты, работающие в высококвалифицированных сферах, менее склонны к конфликтам и обладают более широкими возможностями для социализации и профессионального роста (Бондаренко, 2020).

Процесс социокультурной адаптации русских мигрантов из Средней Азии, в частности, из Ташкента, является многогранным и сложным. Выявление и понимание основных трудностей этого процесса может способствовать разработке целевых программ и мероприятий, направленных на улучшение адаптационного процесса, что в конечном итоге принесет пользу как самим мигрантам, так и местному населению (Воронина, 2019). Разработка политик, нацеленных на поддержку мигрантов, может сделать значительный вклад в успешную интеграцию и укрепление межкультурного диалога.

Культурные различия, затрудняющие социокультурную адаптацию:

- традиции и обычаи;
- деловая (на работе) и неформальная (соседская, дружеская) коммуникация;
- открытость/закрытость и т.п.;
- общественные нормы (поведение в общественных местах).

Для изучения переживания социокультурной адаптации мы опираемся на качественный подход. Методом сбора данных выступило глубинное интервью. Интервью длилось 1,5 часа, проводилось в онлайн формате. Запись аудио транскрибировалась для дальнейшего анализа.

Для качественного анализа интервью был использован феноменологический анализ Дж. Смита. Целью настоящего исследования является пилотаж гайда интервью. Респондентами выступили женщины, ($M = 61$ лет), мигранты 1 поколения, из Республики Узбекистан (г. Ташкент) в Калининградскую область.

Результатом анализа явилось соотнесение ситуаций, в которых респонденты сталкивались с последствиями культурных различий, с эмоциями, чувствами и эмоциональными состояниями, которые они испытывали в результате переживания культурных различий.

Проведенное исследование позволило выявить переживания социокультурной адаптации мигрантами из Средней Азии. Качественный анализ позволил получить следующие результаты.

Культурные переживания охватывают такие социокультурные контексты, как среда, ценности, устои и традиции. Их содержание имеет следующий вид:

- заимствование некоторых черт;
- встреча со своей национальной культурой;
- при установлении личного контакта с человеком важно видеть, прежде всего, доброту, отзывчивость, а не социальный статус и статус мигранта;
- соответствовать новым условиям окружающей среды.

Модель мира, картина мира, поведенческие качества отличны от российской и, конечно, адаптируясь в социум, русские мигранты несут в него те культурные особенности, ценности, жизненные принципы, традиции, которые способствуют успешной коммуникации и жизни: бережливость, сохранение традиций и уклада.

В работе был рассмотрен аспект институциональной поддержки русских мигрантов. В России существует ряд программ и инициатив, направленных на помощь соотечественникам в процессе их интеграции и адаптации в общество (Рожнова, 2021). Однако многие соотечественники не знают о существующих возможностях или сталкиваются с бюрократическими барьерами, что затрудняет их доступ к необходимым ресурсам. Это подчеркивает необходимость повышения информированности, а также улучшения взаимодействия между государственными органами и русскими мигрантами.

В заключение можно сказать, что процесс социокультурной адаптации русских мигрантов из Средней Азии в России требует комплексного подхода, включающего как индивидуальные усилия соотечественников, так и поддержку со стороны государства и общества. Рекомендации, выработанные в ходе исследования, могут послужить основой для улучшения процесса интеграции и снижения тревожности в процессе адаптации, а также для дальнейших исследований в этой области. Перспектива дальнейшего исследования заключается в глубоком анализе аспектов, связанных с адаптацией, освещенных в данной работе.

Литература

1. *Бондаренко К.А.* Влияние трансформации социокультурных факторов на процессы внешней трудовой миграции Узбекистана // *Пространственная экономика*. 2020. №3.
2. *Воронина Н.А.* Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2019. №3 (83)
3. *Гонашвили А. С.* Ценностные установки России и Узбекистана: сходства и различия // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2023. №6-1.
4. *Рожнова Е.П.* Проблемы социокультурной адаптации иностранных граждан из стран Средней Азии к российской образовательной среде в довузовский период обучения // *Современное педагогическое образование*. 2021. №9.
5. *Хусаинов С.В.* Адаптация прибывающих мигрантов к социально - культурным особенностям российского общества // *Интерактивная наука*. 2023. №6 (82).

Образ россиян в представлениях белорусов

Гагаева О.Н.

НОЧУ ВО МИП, Москва, Россия

Ova30@ya.ru

Изучение социальных представлений близких народов актуально по ряду причин, связанных с современными социальными, политическими и культурными процессами. Это направление исследований помогает понять механизмы межэтнического взаимодействия, способствовать гармонизации отношений и развивать межкультурный диалог.

В данном исследовании для анализа представлений белорусских респондентов о русском народе используется теория социальных представлений (Саммут и др, 2015). В качестве эмпирического инструмента в работе используется контент-анализ в логике прототипического анализа П. Вержеса. Подход строится на предположении, что наиболее значимые элементы репрезентации отличаются одновременно высокой частотой упоминания и ранним порядком появления в ответе (Молинер, Абрик, 2015).

Исследование выполнено на основе единого анкетного массива, который включал 213 анкет. Распределение по полу: 70 мужчин и 143 женщины. Возраст: от 18 до 65 лет. Материал представлен развернутыми ответами на открытые вопросы. Поэтому в работе использован адаптированный вариант метода Вержеса, что соответствует рекомендациям методологической литературы (Дани и др., 2015; Вачелке и др., 2011). Для анализа использовались четыре вопроса, адресованные белорусским респондентам и относящиеся к образу русских: вопрос о ключевых чертах характера русского народа; вопрос о чертах, которые в русском народе не нравятся; вопрос о достижениях русского народа; вопрос о выдающихся представителях русского народа. Этот набор позволяет реконструировать образ сразу в нескольких измерениях: характерологическом, негативно-оценочном, когнитивно-историческом и персонализированном.

Аналитическая процедура включала несколько последовательных этапов: разделение на элементарные смысловые единицы, устранение технических различий написания, содержательное кодирование. Затем строилась четырехзонная структура представления: центральное ядро,

первая периферия, контрастная зона и вторая периферия. К ядру относились элементы, одновременно обладавшие сравнительно высокой частотой и ранним рангом. К первой периферии относились частотные, но более поздние элементы. Контрастная зона включала сравнительно редкие, но рано возникающие категории, а вторая периферия – редкие и более поздние элементы (Дани и др, 2015; Вачелке и др, 2011).

Отдельно из содержательного анализа были вынесены ответы «не знаю», «затрудняюсь ответить», а в вопросе о негативных чертах – ответы вида «нет таких черт». Они анализировались отдельно как значимые индикаторы структуры ответа.

Техническая реализация производилась в среде Google Colab с использованием Python. Словарная кодировка: для каждой аналитической категории в коде задавался список словарных паттернов или регулярных выражений. После завершения была составлена итоговая таблица с частотой, средним рангом и распределением по структурным зонам.

Массив в целом демонстрирует позитивный эмоциональный фон, внутри которого присутствуют критические и политически окрашенные элементы. Позитивный образ формируется вокруг морально-волевых качеств. Наиболее устойчивыми категориями выступают доброта и доброжелательность, открытость, душевность и простота, а также гостеприимство, щедрость и радушие. Значимыми, хотя и в меньшей степени центральными, оказываются трудолюбие, терпение, стойкость, честность, искренность и патриотизм (Монако и др., 2017). Позитивный образ не является однозначно чистым. В некоторых анкетах есть амбивалентные или негативные определения: для части респондентов образ русских не разделяется на две полностью независимые сферы – положительную и отрицательную, – а существует как неоднородная смысловая конструкция (Саммут и др., 2015; Вачелке и др., 2011).

Что касается негативных черт, заметная доля респондентов либо не называет отрицательных черт, либо отвечает, что таких черт нет. Выявленное негативное ядро включает высокомерие и наглость, хамство и грубость, лень, пассивность, пьянство. Эти категории организуют моральный слой негативной репрезентации. В части

ответов также появляются элементы, имеющие политико-историческую нагрузку: империализм, авторитарность, ориентация на сильную власть. Такие категории встречаются редко, но их количество позволяет говорить о двухслойной структуре негативной репрезентации. Первый слой связан с повседневно-бытовой критикой, второй – с политизированной интерпретацией русских как коллективного субъекта.

Среди достижений русского народа респонденты воспроизводят крупные культурные и исторические маркеры. Центральное место занимают космос и космонавтика, наука и открытия, а также культура, литература и искусство. В периферийных и контрастных зонах также появляются спорт, атомная энергетика, промышленность, инфраструктура, технологии и военная сфера.

Блок персоналий подтверждает, что образ русских у белорусских респондентов является не только характерологическим, но и персонализированным. В ответах устойчиво воспроизводится классический культурный и научный слой: Пушкин, Толстой, Достоевский, Ломоносов, Менделеев, Гагарин, Чайковский, Королев. Одновременно значимую роль играет фигура действующего политического лидера. Это означает, что в коллективном представлении о русских сосуществуют по меньшей мере два регистра: культурно-исторический и государственно-политический.

Проведенный анализ показывает, что представление о русских у белорусских респондентов обладает сложной, внутренне неоднородной структурой. Позитивный образ строится вокруг качеств социальной «теплоты»: доброты, душевности, открытости и гостеприимства. Негативный слой включает: бытовые претензии (грубость, лень, пьянство) и политико-исторические интерпретации. Русские воспринимаются не просто как народ с определенным характером, а как историко-цивилизационный субъект, связанный с крупными достижениями в сферах: космоса, науки, высокой культуры, государственности и политической власти. Тем самым образ русских у белорусов оказывается не просто эмоционально окрашенным, а когнитивно-насыщенным и символически организованным.

Литература

1. *Вачелке Й., Вольтер Р.* Критерии построения и представления прототипического анализа для социальных представлений // Психология: теория и исследование. 2011. Т. 27, № 4. С. 521–526.
2. *Дани Л., Урдапилетта И., Ло Монако Г.* Свободные ассоциации и социальные представления: некоторые размышления о методах ранжирования по частоте и по значимости // Качество и количество. 2015. Т. 49, № 2. С. 489–507.
3. *Ло Монако Г., Пьерматтео А., Рато П., Тавани Ж.-Л.* Методы изучения структуры социальных представлений: критический обзор и программа будущих исследований // Журнал теории социального поведения. 2017. Т. 47, № 3. С. 306–331.
4. *Молинер П., Абрик Ж.-К.* // Кембриджский справочник по социальным представлениям / под ред. Г. Саммута, Э. Андреули, Г. Гаскелла, Й. Валсинера. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2015. С. 83–95.
5. *Саммут Г., Андреули Э., Гаскелл Г., Валсинер Й.* Социальные представления: революционная парадигма? // Кембриджский справочник по социальным представлениям / под ред. Г. Саммута, Э.

Субъектный и коммунитаристский подходы к изучению семьи как малой группы

Гайдар К.М., Пащикова Я.А.

ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия

marlen_lora@mail.ru, matvienkoa@yandex.ru

Традиционно в психологии признавалась важность концептуализации семьи как единства образующих ее личностей. Однако на протяжении почти всего XX века акцентировались индивидуально-психологические детерминанты семьи или

диадические связи, лежащие в основе социализации ребенка (мать – ребенок) либо определяющие супружеские взаимоотношения (муж – жена). Недостаточно внимания уделялось семье как малой группе, ее структурным характеристикам, межпоколенческим связям, психологическому единству, групповой субъектности.

В современной социальной психологии при изучении семьи нередко по-прежнему доминирует «индивидуалистическая парадигма», ставящая во главу угла отдельного ее представителя, так или иначе «встроенного» в семейный контекст (Васягина, Рахимова, 2021; Махнач, 2024; Позняков, 2024). Но семейная группа – это целостная система, имеющая границы, иерархическую структуру, групповую динамику. Она есть психологическое воплощение социального института. Поэтому ее жизнедеятельность возможна только при наличии более широкого сообщества (макросистемы), которое играет существенную роль в формировании и развитии семьи. Последняя всегда взаимодействует с другими системами в форме взаимного обмена информацией, действиями, эмоциональными и мотивационно-ценностными ресурсами. В результате развивается и сама семья, и другие социальные системы, с нею взаимодействующие.

Сформулированные нами положения опираются на коммунитаристский подход, разрабатываемый в философии. Согласно ему, человек не может развиваться и социализироваться без сообществ, а одним из базовых сообществ является семья. Она – первичный и основополагающий институт социализации. Поэтому, включаясь в общественные и межличностные отношения, человек воспринимает и позиционирует себя не как отдельного агента, а как представителя семейной группы.

В контексте коммунитаристского подхода сообщество конституируется комбинацией двух элементов: совокупностью взаимоотношений между участниками и причастностью к общему нарративу, общим ценностям, нормам и традициям (Давыдов, 2016). Семья включает в себя обе составляющие. Первая раскрывается в разных типах межличностных отношений ее членов и эмоциональной вовлеченности в них. Вторая воплощена в таких образованиях семейной психологии, как правила и роли, регламентирующие взаимодействие членов семейной группы, границы, определяющие

внутрисемейные взаимодействия и контакты семьи с социальным окружением, семейная история и традиции, отражающие преемственность поколений и передающие новым членам семьи накопленный опыт, семейные ценности, установки и идеалы, обуславливающие ее «индивидуальное лицо».

Таким образом, коммунитарность семьи выражается в ее общественной направленности и социальных связях, эмоциональном единстве, взаимной активности всех ее членов.

Одновременно семья выступает групповым субъектом, который осуществляет инициативно и самостоятельно разные виды и формы социальной активности, обладает сознанием и самосознанием, занимает определенную позицию в контактах с обществом (Гайдар, 2013). Субъектность семьи раскрывается в ее возможности, готовности и способности быть субъектом (Пашкова, 2025). Как единый субъект она характеризуется: структурой и функциями, изменяющимися при переходе на новый этап развития; ролевой конфигурацией, отражающей меру участия ее членов в управлении жизнью семьи; эмоционально-волевым единством, позволяющим справляться с трудностями, проявлять гибкость и адаптивность в изменчивых условиях существования; собственной независимой позицией и пониманием самодостаточности, регулируемыми взаимоотношениями семьи и общества.

Безусловно, без взаимодействия и взаимовлияния членов семьи групповой субъект не может сложиться. Как необходимое условие требуется неразрывная связь индивидуального (члена семьи как личности) и группового начал. В этом состоит специфика изучения семейной группы с позиции субъектного подхода. Личностная и семейная субъектность взаимосвязаны. Становление субъектности семьи не может протекать без субъектности личностной. Справедливо и обратное: субъектность семьи создает благоприятные условия для обогащения и раскрытия субъектности ее членов, которую они могут проявлять не только в ней, но и в иных малых и больших группах.

Итак, для исследования современной семьи перспективным представляется сочетание коммунитаристского и субъектного подходов. Они позволяют изучать культурно-историческую обусловленность семьи и ее вовлеченность в социальные практики,

психологическое единство семейного субъекта в плане разных сфер жизнедеятельности и сочетания личностного и группового уровней анализа, специфику его развития на разных этапах семейной истории.

Литература

1. *Васягина Н.Н., Рахимова С.Я.* Факторы удовлетворенности браком на разных этапах жизненного цикла семьи // Актуальные проблемы психологии личности. Сб. науч. тр. / Под науч. ред. Н.Н. Васягиной, Е.Н. Григорян. Екатеринбург: Б.и., 2021. С. 162-168.
2. *Гайдар К.М.* Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013.
3. *Давыдов О.Б.* Социальная система и социальное действие в философии коммунитаризма // Наука и образование на российском Дальнем Востоке: современное состояние и перспективы развития. Сб. науч. тр. по итогам межвуз. науч.-практ. конф. преподавателей и аспирантов. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2016. С. 177-181.
4. *Махнач А.В.* Тенденции исследований в психологии семьи: от неблагополучия к жизнеспособности // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 3. С. 5-20. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150301>
5. *Пашкова Я.А.* Групповая субъектность семьи на разных этапах ее развития: дис. ... канд. психол. наук. Воронеж, 2025.
6. *Позняков В.П.* Личностные факторы самоопределения мужчин и женщин в сферах семьи и бизнеса // Психология личности: методология, теория, практика / Отв. ред. Д.В. Ушаков и др. М.: Ин-т психологии РАН, 2024. С. 506-511.

К вопросу коррекции социального инфантилизма молодежи

Галаятдинова С.И.

ФГБОУ ВО УУНУТ, Уфа, Россия

lanagal@bk.ru

Социальный инфантилизм в среде молодежи в настоящее время является актуальной проблемой, требующей изучения источников, условий проявления, разработки механизмов его преодоления. Молодежь, как будущее любого государства, в процессе своего развития должна формироваться как зрелая ответственная личность, способная самостоятельно решать возникающие трудные задачи на своем пути.

Социальный инфантилизм – сохранение в психике и повседневном поведении взрослого человека характеристик, присущих детскому возрасту. В отечественной социальной психологии социальный инфантилизм рассматривают в контексте «социальной зрелости» личности (Кон, 1982; Андреева, 2004). Основные признаки, характеризующие инфантилизм: отсутствие стремления к самоактуализации, нежелание принимать ответственность, несамостоятельность в принятии решений, зависимость от мнения окружающих и др. (Пузанов, Ларина, Тертышникова, 2021). Как отмечает Утенков А.В., появление признаков социального инфантилизма во многом обусловлено влиянием социальной среды (Утенков, 2012).

Одна из основных задач в изучении рассматриваемой проблемы – поиск способов социально-психологической помощи молодежи в преодолении социального инфантилизма, методов стимулирования активной жизненной позиции.

Социально-психологическое воздействие с целью коррекции инфантильной личности, на наш взгляд, требует понимания содержания структурных компонентов этого личностного образования для разработки программы на основе учета особенностей каждого компонента.

Анализ научной литературы, отражающей понимание социального инфантилизма как многокомпонентной структуры, позволил выделить три составляющие: когнитивный компонент, эмоциональный

компонент, поведенческий компонент, основываясь на Единой теории психических процессов (Веккер, 1998).

Имеет смысл выделить некоторые признаки социального инфантилизма в содержании каждого компонента.

Когнитивный компонент: неспособность принимать самостоятельные решения; непонимание ответственности за свои действия и их последствия; отсутствие представлений о себе как зрелого члена общества; неадекватная самооценка; непонимание своих обязанностей и функций и т.д.

Эмоциональный компонент: низкий уровень эмоционального интеллекта; бедность духовно-нравственных чувств и т.д.

Поведенческий компонент: неспособность преодолевать трудности, доминирование немотивированного поведения, низкий уровень волевой регуляции, отсутствие интереса к труду и его результатам, зависимость от других, отсутствие навыков эффективного общения и т.д.

На наш взгляд, социально-психологическая программа коррекции будет эффективна для разработки методов и способов воздействия на основе понимания специфики каждой составляющей структуры социального инфантилизма конкретной личности.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник. М.: Аспект Пресс, 2004. 250 с.
2. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
3. Кон И.С. Психология старшеклассника. М.: Просвещение, 1982. 207 с.
4. Пузанов Ж.В., Ларина Т.И., Тертышников А.Г. Идентификация молодежи: методологический подход к измерению // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 444–456.
5. Утенков А.В. Психологические детерминанты инфантилизма. М., 2012.

Взаимосвязь зависимости от социальных сетей и оценки близких межличностных отношений у молодежи России и Монголии

Ганболд Г., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

batsukhgantsetseg70@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

В современном обществе цифровая среда играет ключевую роль в организации социальной активности человека. Социальные сети становятся важным инструментом коммуникации, самовыражения и поддержания межличностных связей, особенно среди молодежи. Одновременно с этим возрастает интерес к изучению зависимости от социальных сетей как специфического феномена цифровой среды. Исследования показывают, что чрезмерная вовлеченность в онлайн-коммуникацию может оказывать влияние на психологическое состояние личности и качество межличностных отношений (Куликова, 2023; Николаева, Павлова, 2019). В частности, установлено, что стресс в межличностных отношениях связан с повышенной активностью в социальных сетях и риском формирования зависимости (Li et al., 2022).

Одним из факторов, который может активно влиять на оценку отношений, является фаббинг. Под этим явлением обычно понимают пренебрежение партнером по общению в результате использования гаджетов в реальном межличностном взаимодействии. Фаббинг часто осуществляется в результате погружения в социальные сети – листание новостей и переписку. Это явление в большей степени выражено у представителей женского пола, который возникает у коммуникабельных людей, которые могут получить интерес к себе за счет онлайн-общения, которое является более поверхностным, но вместе с тем более контролируемым (Нестерова, Феклисова, 2024)

В рамках исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

- 1) характер взаимосвязи между уровнем зависимости от социальных сетей и оценкой близких межличностных отношений различается у молодежи России и Монголии;
- 2) выраженность этой взаимосвязи различается в зависимости от пола.

В исследовании приняли участие 160 респондентов (по 80 из России и Монголии; равное распределение по полу). Для диагностики использовались Bergen Social Media Addiction Scale (Корниенко и др., 2023) и шкала оценки отношений О.А. Сычева (Сычев, 2016).

Обработка данных осуществлялась с использованием программы IBM SPSS Statistics. В связи с отклонением распределения от нормального применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты показали, что на общей выборке статистически значимая взаимосвязь между зависимостью от социальных сетей и оценкой близких межличностных отношений отсутствует ($r = -0,143$; $p > 0,05$). Однако сравнительный анализ выявил различия между группами: в выборке российской молодежи обнаружена отрицательная корреляция ($r = -0,21$; $p \leq 0,05$), тогда как в выборке монгольской молодежи статистически значимая связь отсутствует ($r = -0,04$; $p > 0,05$), что свидетельствует о частичном подтверждении второй гипотезы. Кроме того, анализ гендерных различий показал отсутствие статистически значимых взаимосвязей как у мужчин, так и у женщин, в связи с чем вторая гипотеза не получила подтверждения.

Мы можем объяснить такой результат тем, что в Монголии в большей степени поддерживаются семейные отношения – часты встречи с родственниками, организация совместных праздников. В силу экономических причин многие семьи живут с родителями, бабушки и дедушки активно вовлечены в уход и воспитание внуков. Все это приводит к тому, что реального живого общения в Монголии больше, что приводит к тому, что цели использования социальных сетей будут отличны от таковых в России – в них, в основном, обсуждаются проблемы реального, а не виртуального мира. В результате соцсети в Монголии пока не заменяют полностью реальные отношения, а в некоторых случаях даже могут способствовать поддержанию активного «офлайн» общения.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии социокультурных различий во взаимосвязи зависимости от социальных сетей и оценки близких межличностных отношений. Отсутствие значимой связи на общей выборке и различия между группами позволяют сделать вывод о том, что влияние цифровой среды на межличностные отношения носит контекстуально обусловленный характер и определяется особенностями социальной коммуникации в различных культурах.

Литература

1. Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Гордеева Т.О., Сычев О.А., Егоров В.А., Веракса А.Н. Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья и факторы зависимости от социальных сетей у подростков // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 2. С. 28–48. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140203>
2. Куликова Т.И. (2023). Особенности межличностного общения подростков в социальных сетях // Russian Journal of Education and Psychology. Т. 14. № 4. С. 148–162. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2023-14-4-148-162>
3. Нестерова А.А., Феклисова А.А. Фаббинг: стремление к поверхностным контактам с другими и избегание глубинных контактов с собой // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 2. 82–99. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150206>
4. Николаева А.А., Павлова Т.С. Зависимость молодежи от социальных сетей // Образовательные ресурсы и технологии. 2019. Т. 29. № 4. С. 9-10.
5. Сычев О.А. Русскоязычная версия шкалы оценки отношений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 2. С. 386–409.
6. Li B., Zhang K., Wu Y., Hao Z. Interpersonal Relationship Stress Brings on Social Networking Sites Addiction Among Chinese Undergraduate Students // Front. Psychol. 2022. 13:905971. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.905971>

Социально-психологические основания совместного творчества в малой группе

Гасимов А.Ф.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
gasimov.artem@gmail.com*

Акцент на социально-психологических основаниях построения моделей совместного творчества в малых группах связан с востребованностью знаний о принципах и формах коллективного творчества, методах его развития и стимулирования, что особенно важно для обоснования проблемы принятия изменений, готовности к

неопределенности, внедрения инноваций, экспериментировании и активности людей во всех областях, оказывающих большое влияние на совместное развитие (Журавлев, Нестик, 2016; Ушаков, 2011). В социальной психологии описываются характеристики сотворчества на уровнях личности, группы и организации (Грязева-Добшинская и др., 2025).

Уникальность совместно-творческого типа совместной деятельности малой группы заключается в том, что каждый участник является создателем нового, а его индивидуальный вклад сложно выделить из общего группового результата, когда возникает эффект взаимообогащения и повышения каждым уровня своего профессионализма через развитие группы как целостного субъекта деятельности (Базаров, 2017).

К характеристикам сотворчества отнесены свободная коммуникация в группе; ясность и однозначности понимания; распределенная ответственность; партнерский характер межличностных отношений при отсутствии иерархии в группе (Jones-Tinsley et al., 2024). Изучение совместно-творческого типа совместной деятельности в образовании показало характеристики сотворчества преподавателей и студентов в условиях цифровой коммуникации (Нилова, 2014).

Важным основанием вовлечения членов группы в совместное творчество и проявления социального воображения становится проявление такого качества, как сценарное мышление, обеспечивающего креативность субъекта, прогнозирование изначально неизвестного, разработку многовариантного будущего, системного анализа последствий, оперированию будущего в настоящем (Знаков, 2022; Костылева, Карабулатова, Данилова, 2020).

Необходимой компетенцией для успешного сотворчества выступает дизайн-мышление личности для построения совместной деятельности с учетом опыта представителей различных профессиональных групп, закономерностей креативных способностей личности и особенностей коллективного творчества, возможностей применения творческих коммуникативных технологий, следствием чего становится создание нового решения, формулирование нового смысла и общих ценностей для разных участников процесса проектирования (Безденежных, Дунин, 2022).

Таким образом, исследователи выделяют варианты построения совместного творчества в группах, обосновывают социально-

психологические характеристики групповой креативности и факторы совместного творчества личности и группы. Авторы отмечают мотивационные и ценностные основания участия личности в совместном творчестве, характеристики мыслительной сферы, необходимые личностные особенности управленца для выстраивания такого типа взаимодействия в группе. Выделены психологические основания вовлечения разнообразных участников в совместное творчество при реализации проектной деятельности через поиск новых общих смыслов сотрудничества и генерирования нового. Подчеркиваются закономерности корпоративной культуры, характерной для реализации в организации сотворчества.

Литература

1. *Базаров Т.Ю.* Влияние индивидуально-психологических характеристик членов группы на успешность совместно-творческой деятельности / Бизнес-психология в международной перспективе: коллективная монография / Н.Л. Иванова (отв. ред.). М.: Университетская книга. 2017. 358 с. С. 233-246.
2. *Безденежных Е.М., Дунин В.Е.* Дизайн-мышление как нестандартный подход к решению задач // Столыпинский вестник, 2022. №. 10. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dizayn-myshlenie-kak-nestandardnyy-podhod-k-resheniyu-zadach/viewer> (Дата обращения: 14.09.2025).
3. *Грязева-Добишинская В.Г., Коробова С.Ю., Дмитриева Ю.А., Глухова В.А., Колтунов Е.И.* Обобщенные факторы креативного мышления в контексте разнообразия социокультурной идентичности субъектов // Социальная психология и общество, 2025. №. 16(1). С. 28–50. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160102>
4. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19-28.
5. *Знаков В.В.* Теоретические основания психологии возможного // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. № 2. С. 122-131. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.202>

6. *Костылева Т.А., Карабулатова И.С., Данилова А.Д.* Сценарный подход в современном образовании // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84), С. 129-132.
7. *Нилова С.В.* Сотворчество как путь информатизации образовательного пространства // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус», 2014. № 2(24). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotvorchestvo-kak-put-informatizatsii-obrazovatel'nogo-prostranstva/viewer> (дата обращения: 05.07.2025).
8. *Ушаков Д.В.* Творчество как источник общественного прогресса. Творчество – общесистемный взгляд // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во ИПРАН, 2011. С. 13–32.
9. *Jones-Tinsley S., Lister K., Riva E., Hartley A.* Positive Digital Communities, and the Benefits and Challenges of Co-Creation with Students from Underrepresented Groups in Higher Education // Proceedings of The 17th Annual International Conference of Education, Research and Innovation (ICERI 2024), 2024, P. 8373-8383. <https://doi.org/10.21125/iceri.2024>. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/386389074_Positive_Digital_Communities_and_the_Benefits_and_Challenges_of_Co-Creation_with_Students_from_Underrepresented_Groups_in_Higher_Education (Дата обращения: 18.02.2026).

Гендерные различия в мотивации сотрудников коммерческого банка: финансово-психологический анализ

Глушак А.М., Блинова Е.Е.

*ФГБОУ ВО «ХГПУ», г. Херсон, ул. Университетская, 27
alexsoloviev777@gmail.com, elena.blynova@yandex.ru*

В последние десятилетия наблюдается устойчивый рост интереса к изучению психологических аспектов финансового поведения. Финансовая психология как междисциплинарная область знаний объединяет достижения экономической психологии, когнитивной науки и теории принятия решений, фокусируясь на субъективных

факторах, определяющих отношение человека к деньгам, риску и финансовым институтам (Журавлев, Поздников, 2009).

Особый интерес исследователей вызывают финансовое поведение населения, инвестиционные стратегии, психология долга и сбережений. Однако за рамками систематического изучения остается психология самого субъекта финансовой деятельности – сотрудников банковской сферы, чья профессиональная деятельность связана с высоким уровнем ответственности, необходимостью принятия решений в условиях неопределенности и постоянным взаимодействием с денежными символами.

Мотивация в банковской деятельности представляет собой особый исследовательский интерес, поскольку сочетает в себе как универсальные механизмы трудовой мотивации, так и специфические факторы, связанные с работой в финансовой среде. Деньги в деятельности банковского сотрудника выступают не просто как материальное вознаграждение, но и как профессиональный инструмент, объект управления и символический капитал, что придает мотивационной сфере особую сложность (Дейнека, 2023). В связи с этим возникает закономерный вопрос: какие психологические механизмы лежат в основе устойчивой профессиональной мотивации банковских сотрудников и существуют ли гендерные различия в их структуре?

Цель настоящего исследования – выявить гендерные различия в психологических механизмах мотивации сотрудников коммерческого банка, рассматривая их в контексте финансово-психологического подхода. Предположим, что при сопоставимом уровне мотивации достижения мужчины и женщины демонстрируют качественно различные механизмы ее реализации: у мужчин мотивация в большей степени связана с содержательной включенностью в деятельность и ориентацией на статусно-ролевые атрибуты, тогда как у женщин – с эмоциональной регуляцией и потребностью в стабильности и признании.

Выборка и методы. В исследовании приняли участие 40 сотрудников коммерческого банка (20 женщин и 20 мужчин) в возрасте 25–45 лет (средний возраст 34,2 года) со стажем работы в организации от 2 до 10 лет (средний стаж 5,7 года). Выборка формировалась из сотрудников среднего звена (менеджеры по работе с клиентами,

специалисты кредитных отделов, аналитики, финансовая служба), что позволило обеспечить сопоставимость профессионального контекста.

Использован комплекс психодиагностических методик, позволяющих оценить различные аспекты мотивационной сферы:

Эмоциональные состояния, влияющие на регуляцию мотивации, диагностировались с помощью восьмифакторного опросника Ч.Д. Спилбергера (STPI) в адаптации О.М. Радюк (2009), позволяющего оценить, как ситуативные, так и личностные показатели тревоги, агрессии и депрессии.

Глубинные механизмы мотивационной регуляции изучались с помощью шкалы В.А. Соловьевой (2006), позволяющей дифференцировать динамический (энергетический) и содержательный (смысловой) компоненты мотива.

Статистическая обработка включала расчет описательных статистик (среднее, стандартное отклонение) и сравнительный анализ с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Результаты. По методике Спилбергера (STPI) установлены значимые гендерные различия ($p < 0,01$): у женщин достоверно выше показатели личностной тревожности ($M = 29,1$; $SD = 7,2$ против $M = 13,0$; $SD = 2,1$ у мужчин) и ситуативной тревоги ($M = 24,0$; $SD = 3,5$ против $M = 17,0$; $SD = 2,8$). При этом показатели депрессивности находятся в пределах нормы в обеих группах, что позволяет исключить влияние клинических факторов.

Наиболее интересные результаты получены по методике В.А. Соловьевой. У мужчин доминирует содержательная составляющая мотива ($M = 39,7$; $SD = 4,1$), тогда как динамическая составляющая выражена слабее ($M = 25,8$; $SD = 3,9$). У женщин обе составляющие сбалансированы ($M = 30,7$ и $30,7$ соответственно). Это означает, что для мужчин профессиональная деятельность в банке обладает внутренней ценностью, смысловой насыщенностью и выступает источником вовлеченности, тогда как мотивация женщин в большей степени зависит от внешних условий и актуального эмоционального состояния.

Полученные данные позволяют говорить о качественных различиях психологических механизмов мотивации у мужчин и женщин, работающих в банковской сфере. У мужчин мотивация имеет содержательную природу: работа в банке воспринимается как интересная, осмысленная, внутренне принимаемая деятельность. У

женщин при сопоставимом уровне притязаний ведущим регуляторным фактором выступает личностная тревожность. Это позволяет предположить, что для женщин реализация мотивационного потенциала сопряжена с необходимостью преодоления эмоционального напряжения, а устойчивость мотивации в большей степени зависит от внешних условий (ясность требований, обратная связь, стабильность). Содержательная составляющая мотива у женщин не доминирует, а находится в балансе с динамической, что указывает на большую ситуативную зависимость.

Проведенное исследование демонстрирует, что интерес к изучению мотивации банковских сотрудников в контексте финансовой психологии имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Выявленные гендерные различия в психологических механизмах мотивации указывают на необходимость дифференцированного подхода к управлению персоналом в финансовой сфере. Для мужчин важна содержательная насыщенность деятельности, возможность влиять на процессы и занимать статусные позиции. Для женщин ключевыми факторами выступают ясность целей, стабильность условий, признание и снижение неопределенности.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение динамики мотивационных механизмов в зависимости от стажа работы, возраста и должностного уровня, а также анализ взаимосвязи мотивационных профилей с реальной эффективностью профессиональной деятельности. Включение финансово-психологического контекста позволяет расширить понимание субъективных факторов, определяющих успешность работы в финансовой сфере, и разрабатывать более точные инструменты управления человеческим капиталом в банковской системе.

Литература

1. *Дейнека О.С.* Финансовая психология: от индивидуальных решений к коллективному поведению // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 5. С. 18–30.

2. *Журавлев А.Л., Позняков В.П.* Экономическая психология: теоретические и прикладные проблемы. М.: Институт психологии РАН, 2021. 480 с.
3. *Радюк О.М.* Восьмифакторный личностный опросник Спилбергера–Радюка: руководство по использованию. Минск: РИВШ, 2009. 32 с.
4. *Соловьева В.А.* Мотивационная сфера личности: системный подход. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. 168 с.

Особенности профессионального выгорания, эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости работников разных поколений

Голованова П.С., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
golovanovapoly13@yandex.ru, allavan@yandex.ru

В современных условиях профессиональное выгорание является одной из наиболее значимых проблем психологии труда. Включение данного феномена в Международную классификацию болезней (МКБ-11) отражает его распространенность и влияние на профессиональную деятельность. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, выгорание проявляется в чувстве энергетического истощения, психическом дистанцировании от работы, негативном отношении к профессиональной деятельности и снижении её эффективности.

В научной литературе профессиональное выгорание рассматривается как многоаспектный синдром, включающий эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений (Водопьянова, 2008). В отечественной психологии выгорание также трактуется как механизм психологической защиты, направленный на снижение эмоциональных затрат посредством частичного или полного «отключения» эмоционального реагирования в ответ на хронический стресс (В. В. Бойко, 1999). Его развитие обусловлено взаимодействием внешних

организационных стрессоров и индивидуально-психологических особенностей личности.

В компетентностных моделях специалистов в качестве значимых личностных ресурсов, снижающих риск выгорания, рассматриваются эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость (Люсин, 2004; Литвинова, Погодина, 2012). Эмоциональный интеллект определяется как совокупность способностей к распознаванию, пониманию и регуляции эмоциональных состояний, а также использованию эмоций в процессе мышления. Развитие данных умений способствует снижению эмоционального напряжения, повышению адаптивности и эффективности межличностного взаимодействия.

Стрессоустойчивость в современной психологии нередко рассматривается в контексте концепции жизнестойкости (*hardiness*), разработанной С. Кобасой и С. Мадди (Мадди, 2005), включающей такие компоненты, как вовлеченность, контроль и принятие вызова. Данные характеристики обеспечивают способность личности сохранять психологическое равновесие и продуктивность в условиях повышенных требований и неопределённости.

Современные исследования указывают на наличие устойчивой отрицательной взаимосвязи между уровнем профессионального выгорания и такими личностными ресурсами, как эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость. При этом подчеркивается их взаимодополняющий характер: эмоциональный интеллект способствует формированию эффективных стратегий эмоциональной регуляции, тогда как стрессоустойчивость обеспечивает устойчивость к длительному воздействию стрессоров.

Особое внимание в последние годы уделяется поколенческим аспектам профессионального выгорания. Представители поколений Y и Z демонстрируют более высокую уязвимость к эмоциональному истощению, что связывается с особенностями их ценностных установок, мотивации и условий социализации. Вместе с тем данные о различиях в уровне эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости у представителей разных поколений остаются неоднозначными и требуют дополнительного изучения.

Таким образом, в современной научной литературе складывается противоречие: с одной стороны, доказана значимость эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости как факторов профилактики

профессионального выгорания, с другой – недостаточно изучены особенности их взаимосвязи у работников разных поколений.

Это определяет проблему настоящего исследования, заключающуюся в необходимости комплексного анализа взаимосвязи профессионального выгорания, эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости с учетом поколенческих различий.

С целью эмпирической проверки указанных положений проводится исследование с использованием опросника профессионального выгорания К. Маслач и С. Джексон в адаптации Н. Е. Водопьяновой, методики определения уровня эмоционального интеллекта Н. Холла, а также шкалы организационного стресса Маклина. Участниками исследования являются работники поколений Y и Z. Исследование направлено на комплексный анализ взаимосвязи профессионального выгорания, эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости у работников разных поколений

Изучение поколенческих особенностей профессионального выгорания может способствовать разработке более эффективных подходов к его профилактике.

Литература

1. *Бойко В.В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб., 1999.
2. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.Н.* Синдром выгорания: Диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 336 с.
3. *Литвинова Е.Ю., Погодина А.В.* Компетентностная модель организационного психолога // Актуальные проблемы организационной психологии и профессионального образования. Сборник научных трудов. М.: МГППУ, 2012. С. 69-73.
4. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. 176 с.
5. *Мадди С.* Смыслообразование в процессах принятия решения // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–101.

Взаимосвязь этнической идентичности и ценностных ориентаций российских психологов-консультантов

*Голубятникова Е.А., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Kat.pti@yandex.ru, pavlovaos@mgppu.ru*

Этническая идентичность является важной составляющей самосознания личности и может отражаться в профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий. Для психологов-консультантов осознание собственной культурной принадлежности имеет особое значение, поскольку консультативный процесс нередко осуществляется в контексте культурного разнообразия и требует развитой межкультурной компетентности.

Современная психотерапия и психологическое консультирование выступают значимым социально-культурным институтом. По мере развития профессиональной психологической помощи она все больше интегрируется в различные сферы культуры и становится важным элементом их функционирования, формируя новые практики понимания человека и его опыта (Василук, 2007). Поэтому особенности личностной и культурной идентичности специалистов могут оказывать влияние на их профессиональные установки и ценности.

Осознание собственной этнической идентичности способствует развитию межкультурной компетентности специалиста. Понимание культурной обусловленности собственного опыта позволяет психологу выходить за пределы этноцентрических установок и переходить к более этнорелятивным формам восприятия культурного разнообразия, что повышает эффективность взаимодействия с представителями различных культурных групп (Bennett, Bennett, 2001).

Этническая идентичность рассматривается как чувство принадлежности человека к определенной этнической группе, связанное с его представлением о себе и собственной социальной идентичности. Она формируется через отнесение себя к определенным социальным категориям, при котором человек идентифицирует себя с представителями своей группы и одновременно отличает себя от членов других групп (Epstein, Heizler, 2015).

Ценностные ориентации, в свою очередь, выступают важным регулятором профессионального поведения консультанта, определяя установки в отношении власти, достижений, коллективных или индивидуалистических принципов. Исследование взаимосвязи ценностных ориентаций и этнической идентичности позволяет глубже понять особенности профессионального мировоззрения психологов-консультантов.

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи между показателями этнической идентичности и ценностными ориентациями российских психологов-консультантов. В исследовании использовались следующие методики: методика оценки позитивности и неопределённости этнической идентичности А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой, опросник на этническую идентичность Дж. Финни в адаптации А.М. Арбитайло, методика измерения социокультурных характеристик по шести показателям модели Хофстеде на индивидуальном уровне (А.Д. Волков, А.О. Аверьянова, Н.А. Рослякова, С.В. Тишков), а также авторский опросник. В исследовании приняли участие 107 специалистов в возрасте от 22 до 70 лет.

Анализ корреляционных связей (коэффициент Спирмена) позволил выявить ряд статистически значимых взаимосвязей.

Были обнаружены высоко значимые взаимосвязи ($p \leq 0,01$). Установлена отрицательная связь между маскулинностью и неопределённостью этнической идентичности ($r = -0,289$; $p = 0,003$), а также положительные связи между маскулинностью и когнитивным компонентом этнической идентичности ($r = 0,278$; $p = 0,004$) и между коллективизмом и когнитивным компонентом этнической идентичности ($r = 0,283$; $p = 0,003$). Это позволяет предположить, что чем выше осознание собственной этнической принадлежности, тем больше выражены коллективистские установки и ориентация на достижения и успех. В то же время рост неопределённости этнической идентичности связан со снижением ориентации на достижения.

Также были выявлены значимые взаимосвязи ($0,01 < p \leq 0,05$). Позитивность этнической идентичности положительно связана с дистанцией власти ($r = 0,238$; $p = 0,014$) и маскулинностью ($r = 0,238$; $p = 0,01$). Также выявлена отрицательная связь между индугенцией и позитивностью этнической идентичности ($r = -0,224$; $p = 0,021$). Кроме того, обнаружена положительная связь между маскулинностью и

аффективным компонентом этнической идентичности ($r = 0,244$; $p = 0,011$). Это указывает на то, что более позитивное отношение к собственной этнической группе связано с ориентацией на достижения, признанием иерархии и обратно связана с индугенцией.

На уровне тенденции к значимости ($0,05 < p \leq 0,1$) выявлена отрицательная связь между коллективизмом и неопределенностью этнической идентичности ($r = -0,165$; $p = 0,09$). Это может свидетельствовать о том, что при большей неопределенности этнической идентичности наблюдается тенденция к снижению коллективистских установок.

При этом статистически значимых связей между этнической идентичностью и такими ценностными ориентациями, как избегание неопределенности и долгосрочная ориентация, выявлено не было ($p > 0,1$).

Таким образом, полученные результаты показывают, что более осознанная и позитивная этническая идентичность связана с ориентацией на достижения, коллективистскими установками и признанием иерархических структур. Для психологов-консультантов развитие рефлексии собственной этнической идентичности может выступать важным ресурсом профессиональной деятельности, способствующим формированию межкультурной чувствительности и повышению эффективности консультирования.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Понимающая психотерапия как психотехническая система // Консультативная психология и психотерапия. 2007. № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2007_n1/Vasilyuk.
2. *Bennett J.M., Bennett M.J.* Developing intercultural sensitivity: an integrative approach to global and domestic diversity. Portland (OR): The Intercultural Communication Institute, 2001. The Diversity Symposium 2001.
3. *Epstein G.S., Heizler O.* Ethnic identity: a theoretical framework // IZA Journal of Migration. 2015. Vol. 4, № 1. Art. 9. <https://doi.org/10.1186/s40176-015-0033-z>

Восприятие бренда в цифровой коммуникации у молодежи

Горбатюк М.Ю., Винокуров Ф.Н.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
mary.gorbatyuk.00@mail.ru, vinokurovfn@my.msu.ru*

В цифровой среде текстовая коммуникация бренда выступает значимым источником его восприятия у молодежи. Цель исследования – выявить факторы восприятия бренда в цифровой коммуникации и их связь с привлекательностью и поведенческими намерениями на материале трех категорий цифровых сервисов: банковских сервисов, маркетплейсов и сервисов доставки еды.

Теоретической основой исследования выступает концепция социального познания (Андреева, 2004): восприятие бренда рассматривается как результат интерпретации социального объекта на основе доступных языковых признаков. В отечественных исследованиях бренд-коммуникации показано, что сообщения бренда участвуют в формировании его образа (Бровкина, 2009). Образ бренда понимается как совокупность ассоциаций (Aaker, 1991), а понятие *tone of voice* (стиль коммуникации) рассматривается как совокупность устойчивых языковых особенностей текстов (Delin, 2007).

Исследование включало два этапа. На качественном этапе с помощью интервью были выявлены ассоциации, возникающие при восприятии цифровых текстов бренда; на их основе был разработан опросник. На количественном этапе был проведен онлайн-опрос на материале трех категорий цифровых сервисов: банковских сервисов (117 участников, средний возраст 23,7), сервисов доставки еды (126 участников, средний возраст 23,8) и маркетплейсов (118 участников, средний возраст 24,0). Для обработки данных применялись факторный и регрессионный анализ. Связь факторов с показателями предпочтения проверялась с учетом повторных оценок текстов одним участником в рамках многоуровневого подхода (Snijders, Bosker, 2012).

В результате были выделены универсальные факторы восприятия стиля коммуникации: «Надежный», «Заботливый», «Простой», «Эмоциональный» и «Сухой». Факторы «Надежный» и «Заботливый»

показали устойчивую положительную связь с потребительскими предпочтениями, тогда как «Сухой» – отрицательную.

Связь других факторов с показателями потребительских предпочтений демонстрировала категориальную специфику: «Эмоциональный» стиль повышал привлекательность сервисов доставки, но не усиливал доверие к банковским брендам и маркетплейсам, так как связывался с меньшей надежностью. Фактор «Простой» оказался значимым для банковских сервисов и маркетплейсов, тогда как в категории сервисов доставки его связь с потребительскими предпочтениями была ограниченной. Это, вероятно, обусловлено высокой степенью стандартизации и ожидаемой простоты текстовых коммуникаций в данном сегменте.

Полученные результаты показывают, что восприятие цифровой коммуникации брендов у молодежи опирается как на универсальные факторы, так и на категориально-специфические особенности, что ограничивает применимость единых стратегий бренд-коммуникации в различных категориях цифровых сервисов.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2004. 288 с.
2. *Бровкина Ю.Ю.* Социальная психология бренд-коммуникации: диссертация на соискание учёной степени доктора психологических наук. Москва, 2009. 466 с.
3. *Aaker D.* Managing Brand Equity. New York: Free Press, 1991. 299 p.
4. *Delin J.* Brand Tone of Voice. Journal of Applied Linguistics and Professional Practice. 2007. Vol. 2(1). P. 1-44.
5. *Snijders T.A.B., Bosker R.J.* Multilevel Analysis: An Introduction to Basic and Advanced Multilevel Modeling. 2nd ed. London: SAGE, 2012.

Взаимосвязь восприятия социальной поддержки с самоотношением

Гордиенко И.Г., Гордон М.М.

*РПУ св. Иоанна Богослова, Москва, Россия
iriSavd@yandex.ru, m_gordon@mail.ru*

Несмотря на неугасающий интерес психологов-исследователей к теме восприятия социальной поддержки, важнейшие ее аспекты все еще недостаточно изучены, а количество научных публикаций достаточно скромное, в сравнении с другими проблемами, исследуемыми социальной психологией личности.

В рамках исследования феномена восприятия социальной поддержки и его взаимосвязи с самоотношением мы рассмотрели особенности понятий и их составляющие.

Изучая данный феномен, мы столкнулись с проблемой определения восприятия социальной поддержки, так как у данного термина есть как минимум два определения. В большинстве научных работ по теме восприятия социальной поддержки акцентируются внимание на разграничении двух видов поддержки: субъективное восприятие или воспринимаемая поддержка – это то, что индивид считает действительной или возможной поддержкой со стороны; восприятие объективной поддержки рассматривается как реальная поддержка, которую человек получает от своего окружения (Тейлор, Шерман, Ким и др., 2004).

В нашем исследовании социальная поддержка понимается как субъективно воспринимаемый процесс и имеет различные аспекты восприятия, которые мы интерпретируем через следующие параметры: представление об эмоциональной близости, качество материального содействия, степень удовлетворенности социокультурной интеграцией и общее восприятие социальной поддержки.

Самоотношение же мы определили как совокупность самооценочных суждений и эмоциональных реакций (Пантилеев, 1991), но стоит акцентировать внимание на том, что самоотношение приобретает свои значения только в контексте реальных жизненных отношений. Оно формируется под воздействием различных факторов, включая воспитание, социальные взаимодействия, жизненный опыт и

личные убеждения. Мы предположили, что восприятия социальной поддержки может быть взаимосвязано с самооотношением, данная взаимосвязь и интересовала нас в исследовании. Но и другие исследователи, занимающиеся вопросом изучения самооотношения, отмечали, что самооотношение зарождается и развивается в процессе социализации ребенка, в форме получения информации о себе от значимых близких (Столин, 1985).

В рамках нашего исследования приняли участие 51 респондент, среди которых 29 женщин и 22 мужчины в возрасте от 18 до 24 лет. В работе использовались следующие методики: «Опросник социальной поддержки» F-SozU (адаптация: А.Б. Холмогорова), «Методика исследования самооотношения» (С.Р. Пантеев) и «Уровень субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд).

В ходе анализа было установлено, что у респондентов (вся выборка) восприятие социальной поддержки положительно взаимосвязано с самоуверенностью, саморуководством, самопривязанностью и ожиданием положительной реакции на себя, при этом отрицательно взаимосвязано с внутренней конфликтностью и самообвинением.

Но при разделении респондентов на группы с разным локусом контроля, интернальную (17 человек) и экстернальную (34 человека), корреляционный анализ показал разную структуру взаимосвязей в выделенных группах. Из важных фактов данного исследования стоит заметить, что для экстернальной группы восприятие всех видов социальной поддержки имеет позитивную взаимосвязь. Однако для интернальной группы факт восприятия социальной поддержки является скорее негативным феноменом.

Для экстерналов восприятие социальной поддержки положительно взаимосвязано с показателями самоуверенности (значение коэффициента корреляции Спирмена 0,702; $p \leq 0,01$), саморуководства (0,342; $p \leq 0,05$), самооценности (0,592; $p \leq 0,01$), самопринятия (0,458; $p \leq 0,01$) и ожидания положительной реакции на себя (0,777; $p \leq 0,01$). При этом самообвинение (0,593; $p \leq 0,01$) и внутренняя конфликтность (0,488; $p \leq 0,01$) у экстерналов также показала отрицательную корреляцию при высоких значениях восприятия социальной поддержки.

У интернальной группы с восприятием социальной поддержки оказались другие корреляционные значения, при высоких показателях

она имеет положительную корреляцию с внутренней закрытостью ($0,640; p \leq 0,01$), также восприятие эмоциональной и инструментальной негативно воспринимаются для самооценности ($0,514; p \leq 0,05$) и самопринятия ($0,542; p \leq 0,05$). Однако стоит заметить, что позитивное восприятие социальной интеграции у интерналов позитивно взаимосвязано с самоуверенностью ($0,590; p \leq 0,05$) и самопривязанностью ($0,489; p \leq 0,05$). А также все виды восприятия социальной поддержки негативно взаимосвязаны с внутренней конфликтностью.

Таким образом, можно говорить о различиях во взаимосвязи восприятия социальной поддержки и самоотношения у людей с разным локусом контроля. Оказалось, что для интернальной группы в нашем исследовании даже позитивная социальная поддержка может иметь негативные последствия нарушая их самовосприятие и самоотношение. Из этого можно предположить, что для людей с внутренним локусом контроля при увеличении социальной поддержки будет характерно проявление более закрытого отношения к себе, появляется риск конформного поведения, что, возможно, связано со строением их локуса контроля. В то же время для экстернальной группы такой негативной реакции замечено не было. Для них социальная поддержка имеет только положительное в самоотношении. При этом у экстерналов нет взаимосвязи со шкалой, связанной с конформным поведением. Однако для обеих групп важно воспринимать свою социальную интеграцию как положительную, это дает чувство самоуверенности и утверждает чувство привязанности к себе. Позитивное восприятие всех видов социальной поддержки у обеих групп играет роль в понижении внутренней конфликтности. Учитывая все эти особенности восприятия социальной поддержки, можно сказать, что гипотетически есть взаимосвязь между восприятием социальной поддержки и удовлетворенностью своим Я, но важно понимать, что данный вопрос нуждается в более глубоком изучении.

Литература

1. Джадж Т.А., Локк Э.А., Дарем К.К. Диспозиционные причины удовлетворенности работой: базовый подход к оценке // Исследования в области организационного поведения. 1997. №19. С. 151–188.
2. Леонтьев Д.А., Лебедева А.А., Силантьева Т.А. Место и

- функции социальной поддержки в структуре личностных ресурсов лиц с ограниченными возможностями здоровья - Культурно-историческая психология, 2015.
3. *Лифинцев Д.В., Серых А.Б., Лифинцева А.А.* Социальная поддержка как психологический феномен // Вопросы психологии, 2014.
  4. *Лифинцева А.А.* Влияние межличностных факторов на психосоматическое здоровье подростков // Вопросы психологии. 2013. №4. С. 34-44.
  5. *Пантилеев С.Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
  6. *Роттер Дж.Б.* Обобщенные ожидания в отношении внутреннего и внешнего контроля подкрепления // Монографии по психологии: общие и прикладные. 1966. №80(1). С. 1–28.
  7. *Соколова Е.Т.* Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во МГУ, 1989.
  8. *Соколова М.С.* К вопросу о классификации социальной поддержки как составляющей позитивной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2017.
  9. *Столин В.В.* Познание себя и отношение к себе в структуре самосознания личности: дис... д-ра психол. н. М., 1985. 530 с.
  10. *Тейлор С.Э., Шерман Д.К., Ким Х.С. и др.* Культура и социальная поддержка: кто к ней стремится и почему? // Журнал личностной и социальной психологии. 2004. №87(3). С. 354–36.

**Гороховская А.А. Социально-психологические особенности
экономического поведения поколения миллениалов**

*Гороховская А.А.
ФГБОУ ВО ГУП, Москва, Россия
annagorohovskaja@yandex.ru*

В настоящем исследовании отражены особенности и специфика поколения миллениалов и их отношения к деньгам, выражающегося в экономическом поведении и культуре. Были изучены как зарубежные источники, так и отечественные, поскольку период, в который росли

миллениалы в России, характеризуется как крайне сложный, нестабильный и, безусловно, оказавший влияние на финансовую культуру, экономическое поведение и отношение к деньгам у молодежи этого поколения. В свою очередь, у миллениалов по всему миру есть множество схожих черт, которые и отражают общую специфику экономического поведения, поэтому целью статьи является определение специфических черт экономического поведения поколения миллениалов.

Термин «миллениалы» происходит от английского *millennial* (тысячелетний). Под миллениалами понимается поколение, относящееся, по большей части, к молодежи, которая родилась в течение 1990-х годов. Их период взросления совпадает с началом тысячелетия, что и дало название поколению. Иные наименования миллениалов – поколение Y, сетевое (цифровое) поколение (Ишкова, 2025). Эти наименования отражают специфические черты миллениалов: цифровая грамотность, технологическое мышление, стремление к саморазвитию. Иные специфические черты представлены особенностями экономического поведения миллениалов, которые, в свою очередь, обусловлены экономическими сложностями периода детства, существенной социальной нестабильностью (Карпова, 2021), что характерно для миллениалов в России. Миллениалы в России столкнулись с уникальными экономическими вызовами и историческими событиями (распад СССР, экономические кризисы 1990-х годов, 2008 года, 2014 года, пандемия 2020 года, санкции 2022 года и др.), что сформировало меньшую экономическую стабильность в сравнении с другими поколениями. Все это влияет на особый подход к инвестированию и накоплению капитала и недоверию общественным системам.

Тем не менее, можно говорить о том, что у миллениалов не только в России, но и по всему миру есть общие черты экономического поведения.

Так, согласно отчету *Pew Research Center* (Barosso, 2020), миллениалы склонны откладывать крупные жизненные решения, в том числе покупку собственного жилья, создание семьи или рождение детей, определяя условия как неблагоприятные.

Также важно, что миллениалы выросли в период глобализации и технологических прорывов, что привело их к широкому

использованию цифровых технологий для управления собственными финансами, в том числе для планирования и оптимизации бюджета. Это делает их более автономными в финансовом планировании, формируя некое подобие стабильности, которой они были лишены в период своего взросления (Ишкова, 2025).

В исследовании Deloitte (Parmelee, 2021), отражено, что миллениалы демонстрируют особенности потребительского поведения, базируясь на принципах этичности, экологичности и рационального потребления. Это также подтверждается российскими исследованиями (Скоробогатко, 2018), где сказано, что миллениалы обращают внимание на социальную ответственность брендов, выбирая те продукты или услуги, которые отвечают их моральным принципам и ценностям. В целом для миллениалов не так важны вещи, как эмоции, которые они приносят.

Если рассматривать поведенческие особенности миллениалов на рынке труда (Карпова, 2021), можно отметить такие особенности как: предпочтение гибких форм трудоустройства, широкое применение цифровых технологий, высокая ответственность и трудоголизм. Последнее нередко приводит к переработкам и эмоциональному выгоранию.

В целом нельзя не отметить в большинстве исследований такие специфические черты миллениалов, как бережливое отношение к деньгам, стремление к инвестированию и сниженную склонность к риску в отношении финансов.

На сегодняшний день исследование экономического поведения поколения миллениалов выступает как крайне актуальная тема для дискуссии, поскольку миллениалы являются экономически активной и достаточно крупной группой населения, непосредственно влияющей на экономические процессы и рынок труда.

Литература

1. *Ишкова Т.А.* От миллениалов к поколению Z - анализ различий между миллениалами и зуммерами, конфликт и их жизненные приоритеты // Студенческий. 2025. № 22-5(318). С. 12-15.

2. *Карпова Е.Г.* Миллениалы на рынке труда: социологическая репрезентация представителей поколения Y // Труд и социальные отношения. 2021. Т. 32, № 3. С. 113-123.
3. *Овсянникова М.А.* Конфликт ценностей отцов и детей: от Миллениалов к поколению Альфа // Диалог культур-культура диалога в многонациональном городском пространстве: Материалы Четвертой международной научно-практической конференции, Москва, 27 февраля, 2024. С. 471-475
4. *Скоробогатько Е.* Миллениалы: особенности и проблемы поколения Y // StudNet. 2018. Т. 1, № 1. С.5.
5. *Barosso M.* Pew Research Center, «As Millennials Near 40, They're Approaching Family Life Differently Than Previous Generations». 2020. 17 p.
6. *Parmelee M.* Deloitte report «Millennials, Gen Zs Prioritize Flexibility». URL: <https://deloitte.wsj.com/cmo/millennials-gen-zs-prioritize-flexibility-01628013560>

Цифровая социализация и роль фэндомов в становлении личности современной молодежи

Гревцев И.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
beliywolk013@mail.ru*

Современная молодежь взрослеет в условиях, кардинально отличающихся от предыдущих поколений: виртуальное пространство перестало быть дополнением к реальной жизни и является ее неотъемлемой частью. Цифровая социализация – процесс усвоения норм, ценностей и ролей, протекающий, в том числе, через цифровые платформы, – превратилась в самостоятельный феномен, заслуживающий серьезного академического осмысления. Одним из наиболее ярких воплощений этого процесса являются фэндомы – субкультурные онлайн-сообщества, объединяющие людей вокруг общего культурного объекта: фильма, музыкальной группы, книжной серии или компьютерной игры. В России на 2025 год насчитывается 136

млн интернет-пользователей, причем уровень проникновения онлайн технологий в повседневную жизнь составляет 94,4%, что делает цифровую среду основным контекстом взросления нового поколения (Datareportal Digital, 2026).

Цифровая социализация – это не просто перенос традиционных социальных практик в онлайн-среду, но качественно новый механизм формирования личности. Исследователи рассматривают ее в рамках нескольких теоретических моделей, в которых мы выделим: концепции «цифровых аборигенов и цифровых иммигрантов» (Prensky, 2001), теорию «посетителей и резидентов сетевого сообщества» (White, Cornu, 2011) и концепцию цифровой социализации «Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики» (Солдатова, Войскунский, 2023).

«Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики» – современная трансдисциплинарная теоретическая модель, опирающаяся на культурно-историческую психологию Л.С. Выготского, историко-эволюционный подход А.Г. Асмолова и медиаэкологию М. Маклюэна. В рамках данной концепции цифровая социализация определяется как опосредованный инфокоммуникационными технологиями процесс овладения социальным опытом в онлайн-контекстах и воспроизводство этого опыта в смешанной реальности. Она дополняет, конкурирует и частично замещает традиционную социализацию, особенно у детей и подростков как «передового отряда» по освоению цифровых технологий.

Фэндомы – субкультурные сообщества для общения и совместного творчества. Цифровая эпоха кардинально масштабировала это явление: интернет снял географические барьеры, ускорил информационный обмен и создал платформы для массового фанатского творчества и взаимодействия, создавая специфичную среду. В рамках явления цифровой социализации фэндомы играют роль сред, в которых современная молодежь формирует свои множественные виртуальные «Я» и взаимодействует, как в социальной сети. В данном контексте влияние социальных сетей как отдельных цифровых зон распространяется не только на содержание идентичности личности, но и на сам процесс (Кочетова, Климакова, 2025).

В ходе различных исследований были выделены следующие позитивные факторы влияния фэндомов на социализацию личности молодых людей: формирование чувства принадлежности и психологической безопасности (Фурман, 2021), развитие когнитивных и творческих навыков (Stanko, Kolegaeva, 2024; Lam, 2004), рост образовательного потенциала (Holland, D & Lave, J., 2009). В качестве примеров негативного воздействия фэндомов на становление личности современной молодежи можно выделить парасоциальные отношения (Schramm, 2024) и диффузную идентичность (Аянян, 2024; Кочетова, Климакова, 2025).

Анализ рассмотренных исследований позволяет предположить, что фэндомы представляют собой один из наиболее сложных и противоречивых феноменов цифровой социализации современной молодежи. С одной стороны, они функционируют как полноценные сообщества и практики, в которых подростки обретают чувство принадлежности, развивают творческие навыки, конструируют идентичность и осваивают цифровую грамотность – нередко более эффективно, чем в формальных институтах. С другой – цифровая логика платформ и механизмы парасоциальной привязанности создают риски токсичного фанатства, диффузной идентичности и психологической уязвимости.

Ключевой вывод, который формулируют исследователи: не технология, а качество участия определяет характер влияния фэндомов на личность. Подросток, активно создающий контент и рефлексирующий над своим опытом, извлекает из фэндомов развивающий ресурс. Тот, кто пассивно погружается в ленту и идентифицирует себя исключительно с кумиром, рискует столкнуться с негативными последствиями для психического здоровья и целостности самовосприятия. Задача взрослых и государства – не запрещать, а создавать условия для осознанного, субъектного участия молодежи в цифровой культуре.

Литература

1. Аянян А.Н. Цифровая идентичность молодежи–изменение содержание и статуса (2018-2022 гг.), 2024.

2. *Кочетова Ю.А., Климакова М.В.* Подросток в цифровой среде: идентичность и образ себя //Социальные науки и детство, 2025. Т. 6. №. 3. С. 85-98.
3. *Солдатова Г.В., Войскунский А.Е.* Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2021. Т. 18. №. 3. С. 431-450.
4. *Фурман Е.В.* Личностные особенности и стрессовые переживания девушек, участвующих в фэндоммах // Петербургский психологический журнал, 2021. №. 34. С. 91-117.
5. Datareportal Digital 2026: The Russian Federation [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-russian-federation> (дата обращения: 25.03.2026).
6. *Holland D., Lave J.* Social practice theory and the historical production of persons //Cultural-historical approaches to studying learning and development: Societal, institutional and personal perspectives. Singapore: Springer Singapore, 2019. P. 235-248. https://doi.org/10.1007/978-981-13-6826-4_15
7. *Korobkova K.A., Black R.W.* Contrasting visions: Identity, literacy, and boundary work in a fan community //E-learning and Digital Media. 2014. Vol. 11. №. 6. P. 619-632. <https://doi.org/10.2304/elea.2014.11.6.619>
8. *Lam W.S.E.* Second language socialization in a bilingual chat room: Global and local considerations. 2004. <https://doi.org/10.64152/10125/43994>
9. *Prensky M.* Digital natives, digital immigrants part 2: Do they really think differently? // On the horizon. 2001. Vol. 9. №. 6. P 1-6. <https://doi.org/10.1108/10748120110424843>
10. *Schramm H., Liebers N., Biniak L., Dettmar F.* Research trends on parasocial interactions and relationships with media characters. A review of 281 English and German-language studies from 2016 to 2020 // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. P. 1418564. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1418564>
11. *Stanko D., Kolegaeva I.* The educational potential of fanfiction: analysis of a derivative text //Amazonia Investiga. 2024. Vol. 13. №. 80. P. 204-214. doi:10.34069/ai/2024.80.08.17

12. White D.S., Le Cornu A. Visitors and Residents: A new typology for online engagement // First monday. 2011. <https://doi.org/10.5210/fm.v16i9.3171>

Проблемы воспитания духовной и толерантной личности в многонациональном обществе

Грибкова О.В., Романова В.К.

ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия

gribkova1975@mail.ru, leria.nova@yandex.ru

Современное российское общество – полиэтническое и поликонфессиональное пространство, где мирное взаимодействие культур – условие стабильности. Воспитание духовной и толерантной личности приобретает общенациональное значение. Духовность понимается как система ценностно-смысловых ориентаций на высшие гуманистические идеалы (добро, справедливость, сострадание). Толерантность – активная нравственная позиция, уважение к иным культурам, готовность к диалогу (Асмолов, 2019; Данилюк, Кондаков, Тишков, 2018).

Анализ литературы выявляет противоречия. Во-первых, между сохранением этнокультурной идентичности и открытостью иным культурам: замкнутость ведёт к ксенофобии, растворение – к утрате корней. Во-вторых, разрыв между декларируемым гуманизмом и реальными медиаустановками, полными стереотипов. В-третьих, неготовность образовательной системы к системной работе из-за нехватки кадров и методик (Мудрик, 2019).

Особая роль принадлежит семье. Именно здесь закладываются первичные представления о добре и зле, о достоинстве человека. Однако в полиэтнической среде родители часто не знают культуры соседних народов. Необходим системный подход: психолого-педагогическое просвещение родителей, совместные семейные мероприятия разных этнических групп, создание в школах атмосферы дружелюбия (Божович, 2008).

Школа – ключевой институт формирования духовно-нравственных качеств. Эффективные направления: включение в программы материалов по этнографии, истории религий, культуре народов России; интерактивные занятия (дебаты, ролевые игры, проекты); клубы интернациональной дружбы; праздники национальных культур. Важна системность и участие детей, педагогов, родителей, общественных объединений (Зимняя, 2020).

Гуманитарные дисциплины (литература, история, обществознание) обладают большим воспитательным потенциалом. Анализ произведений о войне и мире, дружбе и предательстве помогает осваивать нравственные категории. Исторический опыт мирного сосуществования народов России преодолевает упрощённые взгляды на межнациональные отношения.

Психологический аспект связан с развитием эмпатии, рефлексии, децентрации. Исследования показывают: дети, имеющие позитивный опыт совместной деятельности с представителями иных культур, демонстрируют меньший уровень предубеждений. Важны совместные социально значимые проекты (волонтерство, экологические акции, благотворительные ярмарки), где общая цель объединяет (Татарко, Лебедева, 2009).

Успех воспитания зависит от профессиональной подготовки педагогов. Учитель без межкультурной компетентности не сможет её транслировать. Нужны модули по этнопсихологии, конфликтологии, методике формирования толерантности в программах повышения квалификации. Педагогический коллектив сам должен быть примером уважительного отношения.

Важна и роль медиа. Значительная часть представлений о других культурах формируется через интернет и ТВ, где нередко доминируют ксенофобские нарративы. Необходимо развивать критическое мышление и медиаграмотность, учить распознавать манипуляции, обсуждать в школе и семье, как отличать достоверную информацию от стереотипов.

Воспитание духовной и толерантной личности в многонациональном обществе – комплексная задача, требующая интеграции усилий семьи, школы, общественных организаций, власти. Её решение невозможно без опоры на научные психолого-педагогические знания, учёта возрастных особенностей, уважения к

культурному многообразию как к ценности. Формирование толерантности не должно сводиться к формальной терпимости – это глубокий процесс осознания, что истинное духовное богатство в признании равного достоинства любого человека (Асмолов, 2019). Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку технологий с учетом специфики регионов и образовательных учреждений.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2019.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
3. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2018.
4. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М.: Логос, 2020.
5. Мудрик А.В. Социальная педагогика. М.: Академия, 2019.
6. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросс-культурной психологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2009.

Особенности учебной мотивации и отношения к школе современных старших подростков

Григорьева М.Г., Денисенкова Н.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
grigmaga@yandex.ru, denisenkovans@mgppu.ru

В условиях современных образовательных и социокультурных изменений проблема учебной мотивации приобретает особую значимость как один из ключевых факторов эффективности обучения. Учебная мотивация – сложное, многокомпонентное и динамическое образование, включающее в себя систему внутренних

и внешних побуждений, определяющих направленность и результативность учебной деятельности. При этом ведущую роль играет внутренняя мотивация, которая связана с познавательным интересом, личностным смыслом обучения и др. (Божович, 1972). Наиболее существенные изменения мотивационной сферы происходят в подростковом возрасте, который характеризуется развитием самосознания и перестройкой личности (Выготский, 2005; Эльконин и др., 2007). В этом возрасте учебная деятельность начинает восприниматься как средство достижения жизненных и профессиональных целей, что обуславливает усложнение и осознанность структуры мотивации (Божович, 1972; Толстых и др., 2019). Для старших подростков характерны ориентация на будущее, усиление мотивов саморазвития и профессионального самоопределения, переосмысление роли внешних стимулов, формирование иерархии личностно значимых мотивов (Выготский, 2005). Общение со сверстниками, стремление к их признанию не редко определяются учебными достижениями (Кондратьев, 2026; Петровский, 1987). Учебная мотивация старших подростков иногда носит противоречивый характер, так как при снижении интереса к учебному процессу усиливается понимание его значимости для будущего обучения в целом (Толстых и др., 2019; Эльконин, 2007). Это определяет необходимость развития внутренней мотивации и формирования осознанного отношения к обучению как условия повышения эффективности образовательного процесса (Толстых и др., 2019; Прихожан и др., 2007).

Целью исследования стало выявление особенностей учебной мотивации современных старших подростков и их отношения к школе. Выборка составила 390 старших подростков в возрасте от 13 до 15 лет, посещающих школы г. Москвы. Для изучения различных сторон учебной мотивации использовались методика «Диагностика мотивации учения и эмоционального отношения к учению» (Прихожан, 2007), тест-опросник «Индекс учебного интереса» (Апасова и др., 2025) и методика «Изучение отношения к школе» (Ясвин, 2019). Для статистического анализа применяли однофакторный дисперсионный анализ по критерию Крускала–Уоллиса и попарные сравнения методом Дасс–Стил–Кричлоу–Флигнер (DSCF).

Результаты дисперсионного анализа показали, что основные различия учебной мотивации и отношения к школе обусловлены возрастном.

Мотивация учения и эмоционального отношения к учению значимо различаются по шкале «гнев» ($p = 0,032$) у подростков 13 и 15 лет. В 13 лет дети чаще испытывают гнев по отношению к учебной деятельности, чем в 15 лет. В возрасте 15 лет у старших подростков уровень гнева по отношению к учению снижаться. В 13-летнем возрасте учащиеся чаще испытывают такие эмоции как раздражение и фрустрация по отношению к учебе, чем в 15 лет. Это может быть обусловлено повышенной эмоциональной реактивностью, недостаточной сформированностью саморегуляции, кризисом 13-ти лет, значимостью межличностного общения со сверстниками и уходом учебной деятельности на второй план.

По показателю «Индекс учебного интереса» установлены значимые различия по шкале «самоэффективность» ($p < 0,01$). Самоэффективность понимается как способность старшего подростка успешно справляться с учебными задачами. Значимые различия по этому показателю выявлены между подростками 14 и 15 лет ($p < 0,001$). Это говорит о росте уверенности в собственной учебной успешности от 14 к 15 годам. Вероятно, это связано с развитием когнитивных навыков и лучшей адаптацией к требованиям образовательной среды.

Анализ результатов методики «Отношение к школе» выявил статистически значимые различия по всем рассматриваемым параметрам: «общее отношение к школе» ($p = 0,001$), «отношение к учителям» ($p = 0,030$), «отношение к учащимся» ($p = 0,001$), «отношение к образовательному процессу» ($p = 0,021$), «отношение к условиям обучения» ($p = 0,001$). Установлено, что различия в основном наблюдаются между 13 и 14-15-летними подростками. В то время как у между 14 и 15-летними подростками различия отсутствуют. Это может свидетельствовать о том, что отношение к школе существенно меняется на рубеже от 13 до 14 лет, тогда как в дальнейшем данные представления стабилизируются.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в старшем подростковом возрасте изменения учебной мотивации носят

избирательный характер и затрагивают прежде всего эмоциональный (гнев), когнитивно-оценочный (самоэффективность) компоненты, а также систему отношения к школе. Наиболее выраженные различия приходится на переход от 13 к 14–15 годам, что отражает процессы возрастной перестройки отношения к учебной деятельности и образовательной среде.

Полученные результаты нашего исследования полезны для разработки программ поддержания учебной мотивации, в особенности старших подростков, и использования ее показателей как индикатора адаптации к образовательной среде.

Литература

1. *Апасова Е.В., Кочетков Н.В., Кулагина И.Ю. и др.* Учебная мотивация: разработка методического инструментария: монография. М.: ИНФРА-М. 2025. 183 с.
2. *Божович Л.И.* Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович и Л. В. Благоняевой; Науч.-исслед. ин-т общ. и пед. психологии АПН СССР. М.: Педагогика. 1972. С. 7–44
3. *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М.: Смысл; Эксмо. 2005. 512 с
4. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология подросткового класса. М.: Юрайт. 2026. 153 с.
5. *Петровский А.В.* Развитие личности в системе межличностных отношений // Культурно-историческая психология, № 4 (2). С. 112–118. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2008_n2/Petrovsky (дата обращения: 04.04.2026)
6. *Прихожан А.М.* Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.: АНО «ПЭБ». 2007. 55 с.
7. *Толстых Н.Н., Кулагина И.Ю., Апасова Е.В., Денисенкова Н.С., Красило Т.А.* Социальная возрастная психология: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект. 2019. 345 с.

8. Толстых Н.Н., Прихожан А.М. Психология подростка: учебник и практикум для среднего профессионального образования. М.: Юрайт, 2025. 268 с.
9. Эльконин Д.Б. Детская психология: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Ред.–сост. Б.Д. Эльконин. М.: Издательский центр «Академия». 2007. 384 с.
10. Ясвин В.А. Школьная среда как предмет измерения: экспертиза, проектирование, управление. М.: Народное образование. 2019. 448 с.

Связь неформального статуса и склонности к девиантному поведению у подростков

Гришина А.О.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО МГППУ, ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

Alina.grishina.02@inbox.ru, sachkova@list.ru

Актуальность проблемы обусловлена тем, что в настоящее время количество форм и проявлений агрессивного поведения подростков постоянно растет: нередкими являются случаи скулшутинга, буллинга или суицида – все эти действия можно рассматривать как варианты девиантного поведения. Несмотря на то, что на данный момент существует большое количество научных работ по неформальному статусу в группе и отдельно по девиантному поведению, до сих пор не найден однозначный ответ на вопрос, существует ли взаимосвязь (и какой она имеет характер) между данными феноменами. Под статусом понимается положение человека в структуре межличностных отношений, его ролевые права и обязанности, и оценка другими людьми его действий (Сачкова, 2011). Неформальный статус отражает социальное положение человека в группе, которое складывается на основании взаимодействия индивида с другими членами группы и необязательно основывается на формальных достижениях. Другой феномен, который рассматривается в нашем исследовании, –

девиантное поведение: это вид поведения, отклоняющегося от нормы (Бааль, Ходякова, 2024). Подобное отклонение может носить как негативный, так и позитивный характер.

В исследованиях было установлено, что группа среднестатусных учащихся имеет наиболее низкие показатели по девиантному поведению, однако это объясняют тем, что для данной категории характерно давать социально желательные ответы или подавлять свои эмоции ради благополучия статуса своего и группы в целом (Хохлова, Япарова, 2023). Другие исследования показывают, что чем выше статус человека, тем более он ориентирован на просоциальную позицию, поэтому у среднестатусных членов наблюдается соблюдение норм и ценностей как групповых, так и общественных, низкие показатели отрицательного девиантного поведения (Кармадонова, 2019). Категории отверженных и изолированных чаще всего имеют в своем поведении признаки девиации. Исследования показывают, что для отверженных характерно такое проявление девиантного поведения, как нарушение норм и ценностей, а для изолированных – склонность к аддиктивному и делинквентному поведению (Хохлова, Япарова, 2023). Интересно и то, что большинство лидеров склонны к нарушению правил и норм, но в зависимости от направленности эти нарушения могут быть антисоциальными или просоциальными (Хохлова, Япарова, 2023).

Ряд исследователей изучали взаимосвязь между эмоциональной сферой и социометрическим статусом. Было обнаружено, что лидеры и среднестатусные имеют высокие показатели по эмпатии, это говорит о том, что такие дети могут сопереживать другим, понимать их эмоциональное состояние, что в целом помогает наладить связи с другими людьми и, возможно, помогает занимать более высокие позиции в классе. Высокостатусные подростки отличаются хорошей самооценкой, более общительные, активные и смелые, а «изолированные» учащиеся более застенчивые, закрытые, эмоционально возбудимые, плохо умеют контролировать себя. При этом чем выше статус ребенка, тем ниже его уровень агрессии (Лебедева, 2018). В другом исследовании было обнаружено, что для «звезд» характерна чрезмерная миролюбивость, они не склонны вступать в открытые конфликты (Ионова, Резепова, 2024). Возможно, это обусловлено тем, что для данной категории учащихся важно

сохранить свой высокий статус и не проявлять агрессию. Было также определено, что «принятые» показывают умеренный уровень агрессии, они вступают в конфликты, отстаивают свои интересы, для них характерны такие модели поведения в конфликтах, как «соперничество» и «приспособление»; «непринятые» показывают схожее поведение. Исследователи резюмируют, что чем ниже социометрический статус, тем выше уровень агрессивности.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: существует связь между социометрическим статусом и девиантным поведением, однако в науке все еще нет четкого понимания, какой характер имеет данная связь. Исследования показывают, что обычно направленность высокостатусных учащихся влияет на направленность остальных участников, но низкостатусные подростки чаще всего противопоставляют себя группе, даже если лидеры демонстрируют антисоциальную направленность.

Литература

1. *Бааль Н.Б., Ходякова Н.В.* Девиантное поведение в молодежной среде: сущность, причины и пути педагогической профилактики // Педагогика и психология: академический журнал. 2024. № 2. С. 13-19.
2. *Ибадуллаева Г.М.* Психологические аспекты исследования социометрического статуса у подростков // Восточно-европейский научный журнал. 2021. № 3-4(67). С. 41-52.
3. *Ионова М.С., Резепова Н.В.* Проявления агрессивности у студентов с разным социометрическим статусом // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 2.
4. *Кармадонова К.Д.* Взаимосвязь социометрического статуса младших школьников с проявлениями девиантного поведения // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2019. № 3. С. 29-33.
5. *Лебедева Е.И.* Эмоциональные и личностные особенности младших подростков с различным социометрическим статусом // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 4. С. 89-100.

6. *Сачкова М.Е.* Среднестатусный учащийся: онтогенетический аспект анализа. М.: Янус-К, 2011.
7. *Хохлова К.Ю., Япарова О.Г.* Взаимосвязь социометрического статуса и склонности к девиантному поведению у студентов среднего профессионального образования // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. 2023. № 3. С. 116-124.

Ценностные ориентации православной молодежи, занимающейся спортом

Гуменюк А.В., Маринова Т.Ю.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
paterartemiy@mail.ru, marinovatu@mgppu.ru*

Актуальность исследования ценностных ориентаций православной молодежи в контексте спортивной деятельности обусловлена возрастающим влиянием секулярных институтов на формирование мировоззрения подрастающего поколения. В условиях современного общества происходит постоянное взаимодействие, а иногда и столкновение религиозных и светских ценностных систем. Спорт как социальный институт предлагает альтернативную систему координат, которая может как дополнять, так и противоречить традиционным православным ценностям. Православная традиция, с одной стороны, и спортивная деятельность, с другой, представляют собой два принципиально различных вектора развития личности. Каждый из этих институтов предлагает собственную иерархию смыслов и приоритетов, что создает сложную систему ценностных ориентаций у молодежи, находящейся под влиянием обоих факторов. Изучение этого взаимодействия требует комплексного анализа с позиций социальной психологии, психологии личности, религиозной антропологии и социологии спорта.

Вопрос о взаимодействии спортивных и религиозных ценностей в сознании православной молодежи рассматривается в научной литературе с различных теоретических позиций. Анализ работ М.

Рокича, И.П. Смирнова, Д.А. Леонтьева, П. Курбертена, Д.В. Хэнстеда и др. позволяет выявить основные подходы к пониманию места спорта в ценностной системе молодых людей, воспитывающихся в православной традиции.

Ценностные ориентации представляют собой сложное многомерное образование, определяющее направленность личности и составляющее основу ее отношений к окружающему миру, другим людям и самому себе. Согласно М. Рокичу, ценностные ориентации включают два уровня: терминальные ценности (цели жизни) и инструментальные ценности (средства достижения этих целей) (Рокич, 2008). В православной традиции терминальные ценности априори задаются догматами веры, а инструментальные – евангельскими заповедями.

Д.А. Леонтьев рассматривает ценностные ориентации через призму смысложизненных установок, выделяя три основных компонента: цели в жизни, процесс жизни и результат жизни (Леонтьев, 1999). В православном мировоззрении доминирует экзистенциальный фатализм, где смысл жизни предопределен свыше, а активность человека направлена на духовное делание. Спорт, напротив, культивирует активистскую модель смысла, где победа становится самоценностью.

Анализ спортивной деятельности через призму православной антропологии, представленный в работах И.П. Смирнова, выявляет двойственную природу физической активности. С одной стороны, телесное совершенствование может рассматриваться как подготовка к духовному подвигу, с другой – чрезмерное увлечение спортом может вести к подмене духовных ценностей мирскими достижениями, развитию тщеславия и гордыни (Смирнов, 2018).

Особое значение приобретает вопрос о совместимости спортивных соревнований с христианскими добродетелями смирения и кротости, что создает напряженность в ценностной системе православной молодежи, занимающейся спортом.

Олимпийские игры в Древней Греции задумывались как спортивно-религиозный праздник, где спортивные достижения заменяют духовные подвиги, а чемпионы становятся новыми святыми. Основатель современного олимпийского движения П. Курбертен изначально стремился создать светскую религию спорта с собственным пантеоном ценностей и ритуалов (Курбертен, 2016).

Современные зарубежные исследователи развивают эту идею, анализируя спорт как квазирелигиозную систему (Hanstad et al., 2019). В трудах православных мыслителей, таких как Ф. Затворник, спортивная деятельность рассматривается в контексте христианского учения о теле. Физическое развитие признается важным, но подчиненным духовным целям. Телесные упражнения могут быть полезны, но только если они не становятся самоцелью (Затворник, 2017).

Особое внимание уделяется вопросу мотивации спортивной деятельности. Если в секулярном подходе главными мотивами являются победа, слава и материальное вознаграждение, то в православной традиции физическая активность должна быть направлена на укрепление здоровья для служения Богу и ближним, развитие данных Богом способностей, воспитание воли и характера.

Проведенный анализ позволяет выделить как основные точки напряжения между спортивными и православными ценностными системами, так и точки соприкосновения. Обе системы ценят дисциплину, самоотверженность, работу в команде. Различие заключается в конечных целях и мотивации этих качеств.

Проведенный анализ демонстрирует сложность и многогранность проблемы взаимодействия спортивных и религиозных ценностей в сознании православной молодежи. Существующие теоретические подходы предлагают различные, иногда противоречивые модели этого взаимодействия – от полного неприятия до возможности конструктивного синтеза.

Перспективным направлением является также разработка психолого-педагогических программ, направленных на гармонизацию спортивных и религиозных ценностей, формирование целостного мировоззрения, основанного на традиционных духовных ценностях, но учитывающего современные социальные реалии.

Литература

1. *Затворник Ф.* Путь ко спасению. М.: Дар, 2017.
2. *Курбертен П.* Олимпийские мемуары. Женева: МОК, 2016.
3. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций // Психологическая диагностика. 1999. № 2.

4. *Рокич М.* Ценностные ориентации // Вопросы философии. 2008. № 4.
5. *Смирнов И.П.* Православная антропология: тело и душа в традиции. СПб.: Алетейя, 2018.
6. *Hanstad D.V., Barker-Ruchti N., Schubring A.* Sport as Religion: A Study of Elite Athletes. Oslo: Akademika, 2019.
7. *Jones R.* Sports Celebrities and Identity Construction // Sociology of Sport Journal. 2020. № 2.

**Различия между темпоральными модальностями
жизнеосуществления у руководящих работников с разным
управленческим стажем**

Гумницкая А.С.

ГБУ ДПО «ЧИРО», Челябинск, Россия

Ledi-ann87@rambler.ru

Вызовы современности, с которыми сталкивается наша страна в последнее десятилетие, требуют от руководящих работников образовательных организаций необходимости не просто быстро принимать эффективные решения по усовершенствованию процессов работы, но и учитывать необходимость системного подхода. Многоплановость задач в условиях недостаточности времени и ситуации неопределенности развивают личностные и профессиональные ресурсы руководителей образовательных организаций, такие как повышение жизнестойкости и толерантности к неопределённости (Выбойщик и др., 2022). При этом каждая образовательная организация, в зависимости от окружающей ее социально-экономической ситуации, влияющей, в том числе, на ее успешность, создает свои условия для развития личностных качеств руководителя (Маркина и др., 2020). Образовательные организации дополнительного образования находятся в еще более неопределенной ситуации: с одной стороны, имея возможности для принятия самостоятельных решений и создания уникальных программ, они не

имеют четких регламентированных норм работы (таких, как ФГОС, ФОП). Соответственно, им необходимо самостоятельно быстро и четко планировать свою деятельность в ситуации отсутствия регламентов и постоянного потока новой информации о актуальных направлениях государственной и региональной политики в сфере воспитания и дополнительного образования. В подобной ситуации особенности темпоральных модальностей жизнеобеспечения могут выступать ресурсом, с одной стороны, для повышения результативности деятельности руководителя, а с другой – сохранять внутренний баланс и психологическую стабильность.

Е.В. Бредун с коллегами отмечают, что темпоральная обусловленность восприятия субъективного жизненного опыта заключается в специфике нахождения человеком баланса между доминирующим оценками прошлого опыта, существующих желаний (в том числе, профессиональных) и умении прогнозировать будущие последствия выбранных решений (Бредун и др., 2021), что позволяет воплощать в реальность свой жизненный путь в роли руководителя образовательной организации.

В связи с этим встает вопрос: существуют ли различия между темпоральными модальностями жизнеосуществления у руководящих работников образовательных организаций с разным управленческим стажем. Ответ на данный вопрос поможет более эффективно выстроить адресное консалтинговое сопровождение управленческих команд образовательных организаций дополнительного образования за счет усиления их личностных ресурсов временного жизнеосуществления (Маркина и др., 2024). Для работы была использована методика «Темпоральные модальности жизнеосуществления» (автор Е.В. Бредун), которая позволяет определить системы отношений человека ко времени, направленность времени, его протяженность, событийную насыщенность, дифференцированность и структуру. В исследовании приняли участие пятьдесят руководящих работников образовательных организаций дополнительного образования детей, включенные в мероприятие по созданию инновационных проектов в условиях событийно организованной проектной деятельности (Абрамовских, 2023). Респонденты были объединены в четыре подгруппы по стажу управленческой деятельности: 1) стаж от 1 до 3 лет (13 человек); 2) стаж

от 4 до 10 лет (14 человек); 3) стаж от 12 до 18 лет (12 человек); стаж свыше 20 лет (11 человек). Для выявления различий между группами был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

По результатам проведенного исследования были обнаружены некоторые тенденции в различиях между темпоральными модальностями жизнеосуществления у руководящих работников образовательных организаций дополнительного образования детей с разным управленческим стажем. Обнаружено, что по параметру «Рационализация периодов времени жизнеосуществления» у группы со стажем управления от 4 до 10 лет показатели ниже, чем у группы руководителей со стажем от 12 до 18 лет ($U_{\text{мп}} = 45, p \leq 0,05$). Можно говорить, что руководящие работники со стажем от 12 до 18 лет имеют тенденцию к более тщательному осмыслению имеющегося у них временного ресурса, что позволяет им более качественно его использовать для достижения целей и задач своей профессиональной деятельности, в сравнении с руководящими работниками с более малым стажем управленческой деятельности.

При этом по параметру «Эмоциональная фиксация на событиях» у группы со стажем управления от 4 до 10 лет показатели ниже в сравнении с управленцами, имеющими стаж свыше 20 лет ($U_{\text{мп}} = 40, p \leq 0,05$). Таким образом, отмечается тенденция у управленцев с большим стажем работы, по сравнению с управленцами, имеющими только некоторый опыт (от 4 до 10 лет), более эмоционально относиться ко времени, постоянно возвращаться к прошедшим событиям и переосмысливать их, сравнивать текущее положение дел с прошлым опытом, возможно, более эмоционально насыщенным.

Обнаруженные тенденции в различиях между темпоральными модальностями жизнеосуществления у руководящих работников образовательных организаций требуют дальнейшего изучения. Видится актуальным увеличить количество респондентов с разным стажем управленческой деятельности, а также расширить выборку за счет привлечения к исследованию руководящих работников образовательных организаций общего образования и дошкольного образования.

Литература

1. *Бредун Е.В.* Диагностические возможности опросника «Темпоральные модальности жизнеосуществления» / Е.В. Бредун, Э.А. Щеглова, Е.В. Смешко, Т.А. Шмер // *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 82. С. 174–190. <https://doi.org/10.17223/17267080/82/10>
2. Жизнестойкость и факторы управленческой деятельности менеджеров образования с различным стажем и статусом: ресурсный подход / И.В. Выбойщик, Н.В. Маркина, Ю.Л. Юсупова, А.С. Гумницкая // *Психология. Психофизиология*. 2022. Т. 15, № 2. С. 5-18. <https://doi.org/10.14529/jpps220201>
3. *Маркина Н.В.* Социальная психология образования: учебное пособие / Н.В. Маркина, И.Л. Качуро, А.С. Гумницкая. Челябинск: Челябинский институт развития образования, 2024. 92 с.
4. Методика формирования событийного пространства в образовательной организации / Т.А. Абрамовских, И.С. Алексеева, А.В. Коптелов [и др.]. – Челябинск: Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования, 2023. 32 с.
5. Толерантность к неопределенности и саморегуляция руководителей школ с низкими и высокими образовательными результатами / Н.В. Маркина, Е.С. Первухина, М.Е. Гумницкий [и др.] // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2020. № 6(159). С. 241-265. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2020.159.6.015>

Психологическая помощь как фактор сохранения психоэмоционального благополучия личности и социума

Гурьева Э.Д.

ГБУ МСППН, Москва, Россия

GurevaED@social.mos.ru

Одним из важнейших условий успешного функционирования и развития общества является направленность социальных институтов к сохранению стабильного уровня психоэмоционального благополучия каждой отдельно взятой личности.

Возрастающий уровень динамичности глобальных процессов, влияние факторов, связанных с информационными перегрузками, ставят перед социумом задачу по обеспечению такого уровня психологической помощи и поддержки, который может способствовать созданию вокруг человека атмосферы психологической безопасности, а также свести к минимуму вероятность деструктивных личностных проявлений как в пользу самого человека, так и в общественных интересах.

По сведениям ВЦИОМ (5), представленным в феврале 2025 года, индекс потребности в психологической поддержке годом ранее достиг наибольших значений за последние 6 лет, что может свидетельствовать как о «накопленном запросе» на помощь, так и о повышении доступности психологической поддержки и восприятии ее как нормы. Повышенный общественный спрос на психологическую помощь, по нашему мнению, говорит и о понимании людьми важности обращения к специалистам психологического профиля для решения возникающих у них проблем, а также о повышении престижа профессии психолога, и как результат – об увеличении уровня доверия населения к психологам.

Таким образом мы можем говорить об актуальности изучения вопроса положительного влияния психологической помощи на эмоционально-личностное благополучие человека и опосредованно всего общества, которые напрямую взаимосвязаны и взаимозависимы.

При рассмотрении понятия «психоэмоциональное благополучие» мы исходим из совокупности благоприятно протекающих процессов в эмоциональной и личностной сферах человека, из его удовлетворённости своим актуальным психологическим состоянием. К наиболее релевантному для нас значению эмоционально-личностного благополучия можем отнести обозначение исследователей, где его определяют как «целостное экзистенциальное переживание состояния гармонии между внутренним и внешним миром, возникающее в процессе жизни, деятельности и общения человека» (Карапетян, Глотова, 2018).

Психоэмоциональное благополучие человека во многом складывается из его индивидуальных резервных ресурсов, которые могут с большей эффективностью раскрыться с помощью психологической работы. Здесь её важность заключается в помощи человеку в осознании своего личностного ресурса, понимании и

готовности использовать те средства, ресурсы, которыми обладает окружающая среда и которые необходимы для личностного развития, для преодоления сложных жизненных ситуаций (Иваницкий, 2017). Психолог направляет клиента к его внутренним, возможно не до конца осознаваемым им, запасам сил, вследствие чего у него формируется готовность к решению возникающих жизненных задач.

Помимо внутриличностных резервов человека, которые безусловно влияют на его субъективное ощущение психоэмоционального благополучия, существенную роль, по-нашему мнению, играет оказываемая человеку профессиональная психологическая поддержка (преимущественно в коммуникативной форме). В данном вопросе на первый план выходит работа психолога, от результатов оказания помощи которого будет зависеть конечный результат. Мы солидарны с исследователями (Брылева, Мельникова, 2009) в той мысли, что создание реальности, погружение в которую по-новому помогает клиенту в определенном направлении переосмыслить свое неблагополучие и жизненную ситуацию, чтобы по завершении работы стало возможным характеризовать его как личность, способную жить «настоящим», переживать настоящий момент своей жизни во всей полноте, способную руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями и принципами, является главным для психолога, мыслящего в категориях теории психологическим систем.

Достаточная степень удовлетворенности человека собственным психологическим состоянием является той важной основой его жизнедеятельности, с которой напрямую связаны фактически все сферы его жизни: личностная и семейная (стабильная «Я»-концепция, адекватная самооценка, гармония в семейной жизни), профессиональная (наличие ресурсов для успешной реализации трудовой деятельности и достижения карьерных высот), социальная (продуктивное взаимодействие с другими людьми) и др.

В периоды переживания человеком кризисных ситуаций роль квалифицированной психологической помощи возрастает многократно. Помощь в успешном преодолении возникающих перед человеком трудностей является первостепенной задачей психолога. Осознание потребности в психологической помощи – это процесс, который проходит через рефлексию своих негативных эмоциональных состояний (тревоги, страха, гнева и др.) и установок (негативной,

низкой самооценки), препятствующих полноценной самореализации личности, и таким образом, является важной частью конструктивной психологической «работы» личности в плане самоорганизации эмоционального здоровья (Белашева, Колесникова, 2024).

Исследователи также отмечают, что субъективное благополучие личности обуславливается высокой общительностью, смелостью, нормативностью, способностью к обучаемости и снижением эмоциональной напряженности и тревожности: главным образом затрагивается личностно-коммуникативная сфера взаимоотношений с социумом (Еремина, 2017). Данные мишени в работе психолога являются важными элементами при оказании психологической помощи человеку. В профессиональном арсенале психологов присутствует обширный перечень методов и методик для успешной работы в заданном направлении.

Не менее важными целями психологической помощи в вопросе сохранения психоэмоционального благополучия человека и общества является работа с внутриличностными и межличностными конфликтами, что позволяет улучшить коммуникацию между людьми, снижать уровень конфликтности в обществе, профилировать потенциальные деструктивные тенденции.

Психологическая помощь представляет собой ключевой инструмент в сохранении психоэмоционального благополучия личности и социума.

Литература

1. *Белашева И.В., Колесникова А.С.* Эмоциональное здоровье личности в контексте осознанности её потребности в психологической помощи // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84–1. С. 406–409.
2. *Брылева О.А., Мельникова Ю.А.* Психологическая помощь в решении жизненных задач // МНКО. 2009. № 4 (16). С. 233–235.
3. *Еремина Е.Н.* Личностные характеристики как предикторы субъективного благополучия личности с разной ситуацией трудовой занятости // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, вып. 1 (21). С. 59–68.

4. *Иваницкий А.В.* Психологическая помощь личности в сложных жизненных ситуациях // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 1. С. 97–99.
5. Индекс потребности россиян в психологической поддержке [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke> (Дата обращения: 31.03.2026).
6. *Каранетян Л.В., Глотова Г.А.* Психологические детерминанты эмоционально-личностного развития российских трудящихся // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 4. С. 8–23.

Особенности самооценки девочек и мальчиков подросткового возраста

Гурьянова Л.Е., Вараева Н.В.

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
lack.guryanova2016@yandex.ru, nadezhdav@yandex.ru*

Современный мир стремительно меняется, вместе с ним трансформируется личность. Подростковый возраст является критическим периодом для формирования самосознания, где самооценка выступает в роли центрального личностного образования, регулирующего поведение и социальную адаптацию, влияя на эмоциональное благополучие, мотивацию и успешность (Гайфулин, 2009).

Вопрос о гендерных различиях в самооценке подростков остается дискуссионным. Метаанализ результатов исследований особенностей самооценки подростков за последние 15 лет выявил следующие противоречия.

Ряд работ показывают различия в самооценке мальчиков и девочек (Умарова, Белобрыкина, 2014; Марюхина, 2021), в других исследованиях различия оказались статистически незначимыми (Горохова и др., 2021; Попова, 2022).

Противоречивы и данные о направленности выявленных различий. В исследовании В.В. Марюхиной у девочек чаще наблюдается нормальная самооценка, а у мальчиков заниженная (Марюхина, 2021). В другой работе выявлено, что мальчиков с адекватной самооценкой больше, чем девочек (Умарова, Белобрыкина, 2014). На более высокие показатели самооценки у мальчиков указывает и ряд зарубежных работ, объясняя это социокультурными стереотипами и разным статусом гендерных ролей (Горохова и др., 2021; Попова, 2022).

Было проведено эмпирическое исследование особенностей самооценки девочек и мальчиков подросткового возраста. Проверялись следующие три гипотезы.

- 1) У девочек уровень общей самооценки выше, чем у мальчиков.
- 2) Существуют гендерные различия частных самооценок. Девочки имеют более низкие показатели по шкале «Внешность» в силу давления стандартов красоты.
- 3) У мальчиков самооценка выше в областях, связанных с практическими умениями и инструментальными навыками («Умелые руки»).

В исследовании приняли участие 26 девочек и 26 мальчиков в возрасте 14 лет (учащиеся двух параллельных классов общеобразовательной школы Нижнего Новгорода).

Для изучения самооценки были использованы методики: «Изучение общей самооценки» Г.Н. Казанцевой (Реан, 1999, с. 18); методика Дембо-Рубинштейн в модификации А.Н. Прихожан (Прихожан, 2007).

Статистический анализ различий проводился с использованием *U*-критерия Манна-Уитни.

По методике Г.Н. Казанцевой 54% девочек и 39% мальчиков имеют высокий уровень общей самооценки, низкую самооценку имеют 4% девочек и 8% мальчиков. Статистически значимых различий в самооценке у подростков разного пола не выявлено.

По результатам методики Дембо-Рубинштейн статистически значимые различия ($p < 0,05$) выявлены по шкалам «Умелые руки» ($U = 205,5$) и «Внешность» ($U = 198$). Самооценка девочек по этим шкалам выше, чем у мальчиков. Традиционно от девочек ожидается развитие навыков, связанных с мелкой моторикой, аккуратностью и творчеством. Это подкрепляется одобрением взрослых и, видимо, способствует формированию более высокой самооценки в области

«Умелые руки». Более высокий уровень самооценки девочек по шкале «Внешность» можно объяснить повышенным вниманием к этой теме: девочки с детства учатся заботиться о своем внешнем виде. Современные медиа активно формируют определенные стандарты красоты, которые подвержены частым изменениям, что создает риск развития неустойчивой самооценки. Однако результаты исследования показывают адаптивность девочек к этим стандартам и позитивное восприятие своей внешности. Мальчики, испытывая меньшие социальные ожидания в этой области, могут меньше рефлексировать тему своей внешности, что выражается в их оценках.

В целом по средним значениям девочки показали более высокий уровень самооценки по большинству шкал: «Ум», «Характер», «Умелые руки», «Внешность», «Уверенность в себе». Отсутствие значимых различий в общей самооценке при выявленных различиях частных самооценок может быть связано с различными социальными ожиданиями и гендерными стереотипами, большим акцентом на академических достижениях и поведении девочек в школьной среде, а также различиями в способах получения признания и оценки собственной внешности. Скорее всего, внешность и некоторые другие качества, которые мальчики оценивают на низком уровне, являются для них не настолько значимыми. Именно поэтому это никак не сказывается на уровне их общей самооценки.

Полученные результаты подтверждают позицию ряда авторов (Горохова, Сомова, Киричик 2021; Попова, 2022), указывающих на отсутствие статистически значимых гендерных различий в общей самооценке. Однако выявленные более высокие показатели у девочек по частным шкалам «Внешность» и «Умелые руки» не согласуются с работами, указывающими на более высокие значения у мальчиков (Умарова, Белобрыкина, 2014), и частично перекликаются с данными о более высокой самооценке девочек (Марюхина, 2021). Данное расхождение показывает, что гендерный фактор влияет не столько на общий уровень самооценки, сколько на ее структурные компоненты, а направленность различий обусловлена спецификой оцениваемых сфер личности.

Литература

1. *Гайфулин А.В.* Различные теоретические подходы в определении понятия самооценки // Вестник ТГПУ. 2009. № 1. С. 73–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-teoreticheskie-podhody-v-opredelenii-ponyatiya-samootsenki> (дата обращения: 15.12.2025).
2. *Горохова А.А., Сомова Н.Л., Киричик Е.С.* Исследование особенностей самооценки современных детей и подростков // Психология человека в образовании. 2021. №2. С. 128–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-osobennostey-samootsenki-sovremennyh-detey-i-podrostkov> (дата обращения: 15.12.2025).
3. *Марюхина В.В.* Гендерные особенности самооценки у подростков и ее влияние на общение // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2021. №1 (75). С. 67-76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-samootsenki-u-podrostkov-i-ee-vliyanie-na-obschenie> (дата обращения: 15.12.2025).
4. *Попова О.О.* Исследование самооценки в зависимости от гендерных особенностей у младших подростков // Молодой ученый. 2022. № 11 (406). С. 204-206. URL: <https://moluch.ru/archive/406/89465>.
5. *Прихожан А.М.* Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.: АНО «ПЭБ». 2007. С. 22-25.
6. *Реан А.А.* Психология изучения личности: Учеб. пособие. СПб., Изд-во Михайлова В.А. 1999.
7. *Умарова АС., Белобрыкина О.А.* Половая специфика самооценки личности в подростковом возрасте // Сибирский педагогический журнал. 2014. №6. С. 191-195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polovaya-spetsifika-samootsenki-lichnosti-v-podrostkovom-vozhraсте> (дата обращения: 15.12.2025).

Представления молодежи о гармоничной семье

Дабижка С.В., Крушельницкая О.Б.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

alisa.grachevskaya@yandex.ru, krushelnickayaob@mgppu.ru

В социально-психологических исследованиях семья рассматривается как малая социальная группа, основанная на браке или родстве и характеризующаяся устойчивыми межличностными связями, совместной деятельностью, системой взаимных обязательств и договоренностей. Несмотря на вызовы современного общества и различные тенденции к изменению семейных отношений, семья по-прежнему остается пространством семейных ценностей и «полем первичной социализации» детей, их развития в семейном ингрупповом взаимодействии (Карпова, Филиппова, 2013; Орлов, 2024; Орлов, 2026; Шнейдер, 2006).

От того, как молодые люди представляют себе будущую семью, во многом будет зависеть их поведение в качестве супругов и родителей, а также готовность выстраивать благоприятные, конструктивные отношения с родными и близкими своих избранников. Поэтому изучение представлений о гармоничной семье является актуальной исследовательской задачей.

Цель нашего исследования – выявить особенности представлений о гармоничной семье у молодых людей, с учетом их социально-демографических характеристик. В исследовании приняли участие 74 респондента в возрасте от 22 до 27 лет, средний возраст – 25 лет. Из них 40 женщин и 34 мужчины. Исследование проводилось в онлайн-формате с помощью Google Forms. Использовались: опросник «Измерение установок в семейной паре» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская), методика «Рольевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой, «Шкалы семейной адаптации и сплоченности» (Д.Х. Олсон, Дж. Портнер, И. Лави) и авторская анкета, в которую вошли вопросы о характеристиках гармоничной семьи. Также респондентам предлагалось завершить неоконченные предложения: «Я думаю, что гармоничная семья – это...» и «На мой взгляд, тремя главными признаками гармоничной семьи следует считать...».

Результаты опроса показали, что почти 45% опрошенных (44,6% женщин и 44,4% мужчин – различий по полу нет) считают создание семьи своей важной жизненной задачей. При этом 73% всех опрошенных (из них 77% женщин и 56% мужчин) полагают, что брачные отношения надо оформлять официально в загсе. 75% женщин считают, что в гармоничной семье должно быть в среднем два ребенка, 11% – трое. По 33% мужчин высказались в пользу двоих и троих детей. Только 19,5% женщин и 22% мужчин считают, что, если в семье, наряду с родителями и детьми, живут бабушки и дедушки, это делает ее более гармоничной. Респонденты не связывают уровень гармоничности семейных отношений со статусом брака, однако официальное оформление отношений считают для себя необходимым 77% женщин и 56% мужчин.

Результаты исследования показали, что молодежь представляет гармоничную семью как традиционную, с установками на совместную деятельность супругов, которых связывает любовь романтического типа при высокой значимости сексуальной сферы отношений. При этом любовь романтического типа больше выражена в представлениях женщин, чем у мужчин (критерий Манна-Уитни, $p = 0,025$). Значимость детей в представлениях о гармоничной семье меньше, чем взаимоотношений между супругами (t -критерий Стьюдента, $p < 0,001$).

Контент-анализ высказываний респондентов показал, что практически все характеристики гармоничной, с их точки зрения, семьи относятся к сфере внутрисемейных отношений. Гармоничная семья – место, где «ты можешь побыть собой, раскрыться, получить любовь и поддержку», «отдохнуть и перезагрузиться после рабочего дня», «родители и дети обсуждают различные темы, умеют договариваться, счастливы вместе», «каждый из членов семьи уважает и ценит другого». По мнению респондентов, понятие «гармоничная семья» подразумевает согласованность потребностей и учет интересов каждого члена семьи, наличие общих норм поведения и соблюдение договоренностей.

Характеризуя гармоничную семью, респонденты наиболее часто называли «уважение» (46% названных характеристик), «доверие» (42%), «любовь» (34%), «взаимная поддержка» (26%), «взаимопонимание» (26%), «честность/искренность» (10%). Таким образом, наличие ярко выраженных любовных отношений не всегда

связано с созданием гармоничной семьи. Лишь треть респондентов указала романтические чувства в качестве ее фундамента. Основным критерий гармоничной семьи, который выделила молодежь, – взаимоуважение, причем данное мнение бытует среди молодежи обоих полов разного возраста и локации проживания.

Наиболее значимыми оказались представления о том, что в гармоничной семье решения принимаются членами семьи совместно, им свойственны высокая эмоциональная связь и совместное времяпровождение. Также были отмечены укрепление семейных границ, гибкое и ясное распределение обязанностей между членами семьи. В ответах женщин больше выражены эмоциональная связь, семейные границы, совместное времяпровождение (критерий Манна-Уитни, $p < 0,05$).

Далее была проверена связь установок молодежи на их взаимоотношения в семейной паре с представлениями о гармоничной семье и ее основных функциях. Корреляционный анализ данных по методу Спирмена показал, что чем выше у респондентов установки на совместную деятельность супругов, тем более значимы в их представлениях личностная идентификация членов семьи, эмоциональная связь между ними и время, которое они могут проводить вместе ($p < 0,05$).

Чем выше установки респондентов на совместную деятельность и отношение к любви романтического типа, тем больше выражены представления о внешней привлекательности, личностной идентификации членов гармоничной семьи, а также ее родительско-воспитательной функции ($p < 0,05$).

Чем больше возраст респондентов, тем меньше в их представлениях о гармоничной семье присутствуют жесткие правила ($r = -0,264$ при $p = 0,023$), но больше – значимость детей ($r = 0,263$ при $p = 0,024$).

Полученные данные во многом согласуются с критериями гармоничной семьи, выделенными отечественными исследователями. Так, например, уважительное отношение к личности, доверие и демократическая система внутрисемейного взаимодействия были ранее описаны в работах В.А. Орлова (2026) и Л.Б. Шнейдер (2006).

Таким образом, в основе гармоничной семьи лежит принцип гуманистического отношения между каждым ее членом. Ценностную основу составляют принципы демократического создания правил,

равенства членов семьи, а также искренность, доверие, взаимопомощь участников семейного взаимодействия. Важную роль в создании и сохранении благополучности семьи играют общие традиции и совместный досуг.

Литература

1. Карпова В.М., Филиппова Е.В. Представления о родительской и будущей семье в подростковом и юношеском возрасте. Психологическая наука и образование, 2013. 18(4), 84–96. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2013_n4/66303 (дата обращения: 01.04.2026)
2. Орлов В.А. Психологические предпосылки гармоничных семейных отношений // Социально-психологические проблемы современной семьи: теоретические подходы и эмпирические исследования: монография. М.: ИНФРА-М, 2026. 217 с. С. 144–190.
3. Орлов В.А. Социально-психологические факторы гармонизации семейных отношений // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (15–16 мая 2024 г.). М.: МГППУ, 2024. С. 489–492.
4. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. 768 с.

Социально-психологических анализ семейных травм у сербской молодежи

*Дамнянович С.
ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия
sdamnjanovic@mail.ru*

Современная Сербия переживает сложный период социально-экономической трансформации, который оказывает глубокое влияние на институт семьи и психологическое благополучие ее членов. Экономический регресс 90-х годов привел страну к резкому социальному расслоению, обнищанию населения и ослаблению

254

ключевых социальных институтов, что создало почву для тотальной социальной аномии и размывания традиционных ценностей. В условиях политической нестабильности, роста преступности и кризиса системы здравоохранения семья оказалась под двойным давлением, так как, с одной стороны, она должна была стать буфером против внешних потрясений, с другой, сама стала источником стресса из-за внутренних конфликтов и экономической несостоятельности.

Исследования, проведенные в Сербии, показывают, что эмоциональный климат в семье напрямую коррелирует с развитием детей: высокий уровень конфликтов и низкая поддержка повышают риск поведенческих проблем и трудностей в адаптации. При этом сербские ученые отмечают тенденцию к дисфункциональности современных семей, которые превращаются в «инкапсулированные острова» с нарушенной коммуникацией и размытыми границами, где материальная поддержка часто замещает эмоциональную близость (Mihic et al., 2006).

Демографические и миграционные процессы усугубляют травматизацию семей. Сербия столкнулась с массовым притоком беженцев в 90-х годах, что составило около 15% населения и создало дополнительную нагрузку на социальную инфраструктуру (Rašević, Galjak, 2024). Одновременно страна переживает «утечку мозгов», так как высокообразованные специалисты эмигрируют, что ведет к разрыву межпоколенческих связей и потере социального капитала.

Психическое здоровье населения отражает годами накопленный стресс, в следствие чего, треть жителей Сербии может считаться психологически уязвимой, при этом 15,6% демонстрируют симптомы депрессии, а 7,2% отмечают у себя тревожные расстройства (Dimoski et al., 2023). Высокий уровень разводов (каждый третий брак расторгается) и рост зависимостей среди молодежи свидетельствуют о кризисе семейной стабильности.

Наконец, особенности перехода молодежи во взрослую жизнь в Сербии характеризуются феноменом «продленной молодости», когда более 65% людей в возрасте 25–34 лет продолжают жить с родителями (Tomanić, 2022). Эта задержка в достижении самостоятельности, обусловленная экономической нестабильностью и жилищными проблемами, создаёт дополнительное напряжение в межпоколенческих отношениях и затрудняет формирование новых семей, что согласуется

с процессами, которые проходят и в России (Нестерова, Косолапова, 2025). Таким образом, семейная травма в сербском контексте представляет собой многоуровневый феномен, в котором переплетаются исторические, экономические, демографические и психологические факторы, требующие комплексного междисциплинарного подхода к исследованию и поддержке семей.

Контент-анализ опроса 120 сербских респондентов в нашем исследовании семейных травм и переходных событий семьи выявил, что наиболее распространенной формой семейной травмы для молодых сербов является утрата близких (35%). Смерть дедушек, бабушек и родителей доминирует в списке травмирующих событий, что отражает глубокую связь с расширенной семьей и уважение к старшему поколению, характерное для балканской культуры. Потеря родственника воспринимается не просто как личное горе, а как событие, затрагивающее всю семейную систему, часто становясь точкой отсчета для других жизненных изменений и трансформации ролей внутри клана.

Вторую по значимости группу составляют проблемы со здоровьем и распад семейной структуры (25%). Респонденты часто также упоминают тяжелые диагнозы (рак, болезнь Альцгеймера, депрессия) как у старшего, так и у младшего поколения, что создает длительную психологическую и физическую нагрузку на семью. Наряду с этим, значительное место занимают разводы родителей и конфликты, ведущие к разделению (15%). Эти данные коррелируют со статистикой, указывающей на высокий уровень неблагоприятных детских переживаний, связанных с психическим здоровьем родителей и нестабильностью в доме. Социально-экономические факторы и внутрисемейные конфликты образуют третий пласт травмы (12%). В ответах встречаются упоминания о физическом и психологическом насилии, столкновении поколений и финансовых кризисах, включая потерю работы и дежес имущества.

Особое внимание привлекает тема миграции: отъезд родителей или детей в другие города и страны воспринимается как травматический разрыв (10%). Экономическая нестабильность и вынужденная эмиграция усиливают стресс, разрушая традиционную поддержку, которую обычно оказывает расширенная семья, что согласуется с

исследованиями, проведенными в других странах (Efremova et al., 2015).

Примечательно, что часть респондентов заявила об отсутствии травм или нежелании вспоминать прошлое, что может свидетельствовать о механизмах психологической защиты или «нормализации» трудностей семьи в культуре (15%).

Однако в совокупности ответы рисуют картину общества, живущего в условиях накопленного стресса. Личные семейные драмы накладываются на коллективный исторический опыт войн и социальных трансформаций 90-х годов, создавая феномен межпоколенческой передачи травмы, где личное горе неотделимо от общего социокультурного контекста Сербии.

Литература

1. *Нестерова А.А., Косолапова А.В.* Роль сепарации от родителей в формировании жизнеспособности: исследование гендерных различий у молодёжи // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. №. 2. С. 75-90.
2. *Dimoski, J., Gvozden, M., Manojlović, M., Stojadinović, I., Vukčević Marković, M.* Dijalog promena: zajedno ka unapređenju mentalnog zdravlja-Efektivnost programa psihosocijalne podrške: istraživački izveštaj. 2023.
3. *Efremova G.I., Nesterova A.A., Suslova T.F., Pavlova O.E.* Constructivist Approach to the Problem of Social Psychological Adaptation of Migrants // Asian Social Science. 2015. Vol. 1, 112-118.
4. *Mihić I., Zotović M., Jerković I.* Struktura i sociodemografski korelati porodične klime u Vojvodini // Psihologija. 2006. Vol. 39. №. 2. P. 297-312.
5. *Rašević M., Galjak M.* Serbia: Policy response to demographic challenges / Population Studies in the Western Balkans. Cham: Springer International Publishing, 2024. P. 153-178.
6. *Tomanović S.* Bringing social biography to life course studies: Agency and reflexivity in education-to-work transitions in young adults' biographies // Stanovništvo. 2022. Vol. 60. №. 2. P. 9-28.

Этос как культурная модель поведения: психологическое содержание

Даниленко О.И.

*ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
danilenko.olga@gmail.com*

Понятие этоса, получившее разработку в различных областях гуманитарного знания, имеет значительный эвристический потенциал для психологии. Оно позволяет расширять представление о психологических механизмах поведения человека в культуре. В трактовке польской исследовательницы М. Оссовской, «этос – это стиль жизни какой-то общественной группы, общая... ориентация какой-либо культуры, принятая в ней иерархия ценностей, которая либо выражена *explicite*, либо может быть выведена из поведения людей...» (Оссовская, 1987, с. 26). Оссовская выявила два этоса, которые условно обозначаются как «аристократический» и «буржуазный», и описала их проявления в разные исторические периоды.

Основываясь, в целом, на концепции Оссовской, мы предлагаем рассматривать этос как структуру, включающую в себя ядро и периферическую область. Ядро включает базовые ценности этоса. Базовая ценность «аристократического» этоса – это честь, личная и сословная. Ядро системы ценностей «буржуазного» этоса – богатство и безопасность. Периферическая область – это специфические для данных экономических, социальных и культурных условий установки и способы поведения, благодаря которым ядерные ценности адаптируются к конкретным условиям жизни людей. В своей целостности, этос является феноменом культуры и выполняет функцию модели поведения для членов общественной группы.

Как этос, в качестве культурной модели, «работает» на уровне психики человека? Ответить на этот вопрос позволяет обращение к концепции диспозиционной регуляции поведения (Саморегуляция..., 2013); в соответствии с ней регуляцию поведения осуществляет иерархически выстроенная система установок, верхний уровень которой занимают ценностные ориентации. Они определяют смыслообразующие мотивы человеческой деятельности. Содержание

иных уровней проявляется в предпочтении человеком тех или иных сфер деятельности, а также в содержании когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов установок в отношении социально значимых объектов.

Мы полагаем, что наряду с этосами, описанными Оссовской, можно выделить третий, обозначенный нами как «Человек культуры». Основанием для этого является традиционное выделение социальных групп, решающих разные общественно-значимые задачи. В европейском средневековье это «воюющие, трудящиеся и молящиеся». Роль «молящихся» состояла в духовном окормлении людей и как следствие – заботе о благополучии общества. При этом именно они сохраняли культурные тексты и транслировали их с учетом религиозных предписаний. С развитием культуры все большее значение приобретает не только сохранение, но и создание нового. Базовые ценности Человека культуры сегодня можно определить как познание и творчество в сферах материальной и духовной культуры.

Реализация базовых ценностей в конкретных исторических условиях происходит в процессе деятельности людей в той или иной сфере. На уровне субъектов это сопровождается формированием специфических смысловых диспозиций, а на уровне культуры приводит к появлению вариаций этоса. На наш взгляд, сегодня можно говорить об этосе психолога как варианте этоса Человека культуры. Его неявное присутствие нашло отражение в Этическом кодексе психолога Российского психологического общества (2012). Здесь зафиксированы требования, соответствующие базовым ценностям Человека культуры (компетентность, профессиональное развитие) и специфическим требованиям профессии (ненанесение вреда клиенту, конфиденциальность, ответственность и пр.).

Следует отметить, что принцип Уважения к человеку, сформулированный в Этическом кодексе психолога, является конкретизацией общемировоззренческого принципа гуманизма, «основу которого составляет защита достоинства и самоценности личности, ее свободы и права на счастье» (Философский словарь..., 2004). Принцип гуманизма присутствует и в других проявлениях этоса Человека культуры (Даниленко, 2004). Возможны, однако, его альтернативные варианты, в которых гуманистическая направленность не присутствует. В поэме А. Вознесенского «Оза» такую позицию

выражает энтузиаст-ученый: «Есть идея! Если разрезать земной шар по экватору и вложить одно полушарие в другое... Правда, половина человечества погибнет, но зато вторая вкусит радость эксперимента!».

Сегодня развитие технологий угрожает самой жизни на земле. Именно люди, разделяющие ценности этоса Человек культуры – познание и творчество – в силу своей когнитивной состоятельности способны предвидеть негативные последствия своих трудов. Это относится не только к технологиям, преобразующим материальную ткань жизни. Более или менее изощренные манипулятивные технологии или тенденциозные программы воспитания способны оказывать на психику человека влияние, идущие вразрез с принципом гуманизма. Продолжая служить своей профессии, психологи способны вносить свой вклад в противодействие опасной тенденции обесценивания человека как субъекта своей жизни. Этому служат и исследования, направленные на определение факторов психологического благополучия человека, и практическая работа, способствующая выявлению и реализации позитивных потенциалов личности.

Литература

1. Даниленко О.И. Интеллигентность как предмет культурно-психологического исследования // Психология и мораль. СПб.: Речь, 2004. С.68-87.
2. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М.: Прогресс. 1987.
3. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. М.: Изд-во ООО Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2013. 376 с.
4. Философский энциклопедический словарь. М.: Гардарики. 2004. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/285/ (дата обращения: 27.03.2026).
5. Этический кодекс психолога. Принят 14 февраля 2012 года V съездом Российского психологического общества. URL: <https://psyrus.ru/rpo/documentation/ethics.php> (дата обращения: 27.03.2026).

Проявления дружбы как факторы удовлетворенности дружескими отношениями

Даниленко О.И., Дмитриева Н.Ю.
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
danilenko.olga@gmail.com, 0250459@gmail.com

Наличие дружеских связей и качество дружеских отношений – важное условие психологического благополучия и даже физического здоровья человека (Holt-Lunstad et al., 2010; Halpern, 2005; Demir et al., 2015; Inagaki, Eisenberger, 2013; Hojjat, Moyer, 2017). Обсуждая феномен дружбы и носители обыденного сознания и специалисты отмечают разнообразие ее проявлений, в частности, показывает, как различаются представления о дружбе в разные исторические периоды, в разных социальных, возрастных и демографических группах (Обозов, 1990; Кон, 2005; Chen, French, 2008). Сторонники эволюционного подхода обращают внимание на полезность дружбы как ресурса для решения разных задач, причем разнообразие этих задач отражается в разнообразии ожиданий человека в отношении того, кого считает другом. Если ожидания не оправдываются, это может стать причиной прекращения дружеских отношений (Apostolou, Keramari, 2020; Epstein, 2022).

Цель нашего исследования – определить, какие именно проявления дружбы оказываются наиболее значимыми для оценки субъектом степени удовлетворенности дружескими отношениями. Мы исходим из того, что общая оценка удовлетворенности дружбой зависит от того, как субъект оценивает ее проявления на уровне действий (например, «Как часто вы помогаете друг другу в трудных ситуациях») и на уровне непосредственного переживания субъекта («Чувствуете ли Вы, что можете положиться на своих друзей в трудных ситуациях?»). Мы предположили, что оценка непосредственного эмоционального переживания (надежности, доверия, понимания чувств и значимости в глазах друзей) является более значимым фактором, чем оценка внешних проявлений отношения (частоты оказания помощи в трудных ситуациях, вовлеченности в жизнь друзей, расхождения во взглядах).

Для получения эмпирических данных была создана авторская анкета, где в первом пункте респондента просили оценить уровень удовлетворенности своими дружескими отношениями по шкале Лайкерта от 1 до 5 баллов, где 1 – «Совсем не удовлетворен/а, 5 – «Полностью

удовлетворен/а». В других семи пунктах, также по шкале Лайкерта, респондент, отвечая на вопрос, оценивал степень выражения ряда проявлений дружбы: возможность положиться на друзей; уровень доверия; частота расхождений во мнениях; взаимопонимание (понимание чувств); частота взаимопомощи; степень вовлеченности в жизнь друзей; ощущение собственной значимости в глазах друзей. Для обработки использованы первичные статистики, корреляционный и множественный регрессионный анализ. Опрос проводился с использованием google-форм. Выборку составили 1160 человек (85,3% женщины, 14,7% мужчины) в возрасте от 19 до 79 лет ($M = 44,5$; $SD = 9,64$).

Средний уровень удовлетворенности дружескими отношениями составил 3,99 ($SD = 0,90$). Самые высокие показатели получены для проявлений доверия ($M = 4,18$; $SD = 0,72$) и надежности ($M = 4,16$; $SD = 0,88$). Частота расхождений во мнениях оказалась ниже всего ($M = 3,07$; $SD = 0,65$). Это говорит о том, что в выборке преобладают отношения с высоким уровнем доверия и взаимной поддержки, а серьезные разногласия встречаются нечасто.

Корреляционный анализ показал, что все семь проявлений значимо связаны с удовлетворенностью ($p < 0,01$). Сильнее всего удовлетворенность коррелирует с надежностью ($r = 0,62$), ощущением собственной значимости ($r = 0,54$) и доверием ($r = 0,54$). Понимание чувств ($r = 0,499$) и взаимопомощь ($r = 0,438$) дают связи средней силы, вовлеченность в жизнь друзей заметно слабее ($r = 0,350$). Частота расхождений во мнениях связана с удовлетворенностью отрицательно, но слабо ($r = -0,126$). То есть, чем реже люди спорят с друзьями, тем чуть выше удовлетворенность, но этот фактор явно уступает по значимости позитивным характеристикам. Также между самими показателями дружбы обнаружены тесные связи, например, доверие и надежность коррелируют на уровне $r = 0,667$, что указывает на их внутреннюю согласованность.

В множественной регрессии ($R^2 = 0,47$; $F(7,11) = 143,45$; $p < 0,001$) значимыми предикторами оказались надежность ($\beta = 0,328$; $p < 0,001$), ощущение собственной значимости ($\beta = 0,206$; $p < 0,001$), понимание чувств ($\beta = 0,140$; $p < 0,001$) и доверие ($\beta = 0,122$; $p < 0,001$). Взаимопомощь, вовлеченность в жизнь друзей и частота разногласий при контроле этих переменных не получили статус значимых.

В целом полученные данные согласуются с результатами других исследований. Так, в работах И.С. Кона (2005) подчеркивается, что

юношеская и взрослая дружба строится на взаимном признании и интимности, а не на формальной взаимопомощи. О.В. Грива (2016) также показала, что эмоциональная близость и доверие играют ключевую роль в формировании устойчивых дружеских связей. В нашем исследовании эти выводы получили количественное подтверждение на большой выборке.

Эти результаты можно использовать в психологическом консультировании и в программах, направленных на укрепление социальных связей. Вместо того, чтобы фокусироваться на том, сколько времени люди проводят вместе или как часто помогают друг другу, стоит обращать внимание на то, чувствуют ли они себя в безопасности рядом с другом, доверяют ли ему и считают ли себя значимыми для него. Именно эти факторы определяют, будет ли человек удовлетворен своими дружескими отношениями.

Литература

1. *Грива О.В.* Эмоционально-чувственные характеристики аттракции в дружеских отношениях // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2016. № 2. С. 232–236.
2. *Apostolou M., Keramari D.* What prevents people from making friends: A taxonomy of reasons // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 163. Article 110043.
3. *Demir M., Orthel-Clark H., Özdemir M., Bayram Özdemir S.* Friendship and happiness among young adults // *Friendship and Happiness*. 2015. P. 117–135.
4. *Epstein S.* Eight destructive beliefs about friendship // *Psychology Today*. 2022. URL: <https://www.psychologytoday.com/ca/blog/between-the-generations/202202/8-destructive-beliefs-about-friendship> (Дата обращения: 13.03.2025).
5. *Holt-Lunstad J., Smith T.B., Layton J.B.* Social relationships and mortality risk: A meta-analytic review // *PLoS Medicine*. 2010. Vol. 7, № 7. e1000316.

Отношение к себе как потенциальному отцу как компонент психологической готовности к отцовству в студенческом возрасте

*Дейниченко Л. Б., Данилова А.В.
ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия
luba_deyn@mail.ru, anastasia.1002@mail.ru*

Родительство – это опыт, который предстоит познать многим и который существенно меняет дальнейшую жизнь человека. Феномен родительства многоаспектный и включает в себя статус, определенную роль – отца или матери, а также базовый набор функций, связанных, в первую очередь, с воспитанием ребенка.

Само явление родительства определяет уровень готовности человека к появлению ребенка в семье, а также к выполнению новой роли и новых обязанностей для полноценного функционирования семьи. К данным переменам в жизни и готовности к родительству приводят изменения в человеке, его тенденция к взрослению и сменам ценностей, навыков, знаний и отношения к перспективе создания семьи, представлении себя в роли родителя (Григорьева, Дейниченко, 2024). Отцовство, безусловно, также включает в себя обширный набор ролей и функций, но вместе с этим, отцовство подразумевает особую значимость наличия мужской фигуры в жизни ребенка и в семье в целом. Известно, что участие отца в жизни ребенка необходимо так же, как и участие матери. Потому роль отца всегда будет такой же сложной и ответственной, как роль матери. Отцовство как психологический феномен исследовалось во многих работах (Овчарова, 2006; Борисенко, 2020; Калина, 2017 и др.).

Отцовство, по Р.В. Овчаровой – «это интегральное психологическое образование личности отца, включающее осознание родственной связи с детьми и чувства, испытываемые к своим детям, принятие и исполнение родительской роли, а также чувства, способствующие самореализации, самоутверждению и саморазвитию личности отца» (Овчарова, 2006, с.169). Автор выделяет три основных компонента родительства: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Данные компоненты родительства легли в основу для исследования психологической готовности к отцовству в качестве структуры отцовства (Борисенко, 2020). К перечисленным выше трем

компонентам предлагается добавить ценностно-смысловой компонент (Евсеевкова, Портнова, 2003), который характеризует значимость ценности семьи, родительства для юноши. Выраженность каждого из компонентов будет определять уровень готовности к отцовству у юношей.

Проблема психологической готовности к отцовству в студенческом возрасте, тенденции формирования представлений об отцовстве у юношей, как и явление отцовства, по сравнению с материнством, недостаточно изучены. В связи с этим, исследование данной проблемы является актуальным. В нашей работе мы изучали психологическую готовность к отцовству у юношей, обучающихся на 1-м и 4-м курсах вуза. Гипотезой исследования выступило предположение о том, что у юношей-студентов по мере взросления имеется тенденция к изменению отношения к отцовству. В данной статье представим сравнительный анализ результатов лишь по таким компонентам психологической готовности к отцовству, как уровень осознанности своего потенциального отцовства (перспективы стать отцом в будущем), субъективная оценка себя как потенциального отца и представления об идеальном отце. Достоверность различий в показателях студентов первого и последнего курса определялась с помощью U-критерия Манна-Уитни (для данной выборки $U_{кр} = 442$ при $p=0,05$; $U_{кр} = 387$ при $p=0,01$).

По результатам методики «Сознательное родительство» (Р. В. Овчарова, М. О. Ермихина) была выявлена разница по показателям «Родительская ответственность» ($U_{эмп} = 421^*$) и «Родительские установки и ожидания» ($U_{эмп} = 318,5^{**}$). Наблюдается рост по среднему значению обоих показателей у студентов старших курсов в сравнении с обучающимися на первом курсе. Это говорит о том, что к окончанию обучения студенты становятся более ответственными относительно отцовства, а также их ожидания и установки в отношении отцовства становятся более осознанными и реалистичными.

Результаты методики «Представления об идеальном родителе» (Р. В. Овчарова и Ю.А. Дегтярева) показывают, что отношение к себе как потенциальному отцу у студентов 1-го и 4-го курсов различается. Наиболее выражена разница по когнитивному компоненту отцовства, включающему знания о родительстве и осознание наличия у себя качеств, необходимых для отца ($U_{эмп} = 424^*$). Первокурсники более

высоко оценивали себя как потенциального родителя, чем старшекурсники, считали, что они хорошо понимают особенности жизни в семье с ребенком, специфику воспитания ребенка. Показатели эмоционального и поведенческого компонентов у них также были выше, чем у первокурсников (различия достоверны: по эмоциональному компоненту $U_{эмп} = 434,5^*$; по поведенческому – $U_{эмп} = 438^*$). Они считали, что смогут проявлять любовь к своему ребенку, будут понимать его чувства и настроение, смогут полноценно ухаживать за ним, общаться с ним, помогать ему обучаться и развиваться, смогут обеспечить его безопасность. Все это свидетельствует об идеализированных, недостаточно реалистичных взглядах первокурсников на отцовство, которое для них пока отдаленная перспектива. В ответах старшекурсников такой уверенности в своей способности быть отцом было намного меньше по всем компонентам. Это можно объяснить тем, что старшекурсники более ответственно относятся к выполнению роли отца, более четко принимают проблемы, возникающие с появлением ребенка. Они способны более реалистично планировать свою ближайшую будущую жизнь, понимают, что создание семьи накладывает на них большую ответственность, понимают, что после окончания обучения в вузе им предстоит строить, прежде всего свою профессиональную карьеру. Именно поэтому оценка себя как потенциального родителя у них ниже, чем у первокурсников.

На основе полученных результатов можно предположить, что в первые студенческие годы у юношей еще идеализированные представления об отцовстве и перспективе создания семьи, а также высокая оценка себя как отца. В последние студенческие годы наблюдается тенденция к снижению оценки себя как будущего отца, отношение к родительству становится более реалистичным и ответственным. Чем ответственнее человек, тем сложнее ему принимать решение стать родителем и воспитывать ребенка. В одной из наших работ мы уже анализировали гендерные различия в психологической готовности юношей и девушек к семейной жизни и также выявили, что юноши более ответственно относятся к принятию роли отца, чем девушки к принятию роли матери (Дейниченко, 2017). Готовность стать отцом во многом определяется способностью принять

позицию родителя и выработать актуальную программу построения своей семьи и обеспечения условий рождения и воспитания ребенка.

Полученные в исследовании данные показывают, что процесс становления отцовства как интегрального психологического образования личности мужчины, достаточно сложный, многоплановый и непрямолинейный. Данное исследование лишь наметило проблемные точки в становлении психологической готовности юношей к отцовству, что требует дальнейшей конкретизации и проверки выдвигаемых положений.

Литература

1. *Борисенко Ю.В.* Становление психологической готовности к отцовству: психолого-педагогический контекст и технологии сопровождения: монография. Кемерово: Кузбассвуиздат; 2020. 552 с.
2. *Григорьева С.И., Дейниченко Л.Б.* Представления о родительском поведении в студенческом возрасте //Мир психологии, 2024, № 1(116). С. 146-152.
3. *Дейниченко Л.Б.* Гендерные различия в сформированности компонентов психологической готовности к семейной жизни в юношеском возрасте //Современная прикладная психология: теория и практика. Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. /Отв. Ред. Н.Т. Колесник. 2017. - С. 68-72.
4. *Евсеев Ю.В., Портнов А.Г.* Отцовство как структурно-динамический феномен // Сибирская психология сегодня. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. 78-86 с.
5. *Калина О.Г.* Роль отца в психическом развитии ребенка: монография / О.Г. Калина, А. Б. Холмогорова. М.: ИНФРА-М, 2017. 112 с.
6. *Овчарова Р.В.* Родительство как психологический феномен: учебное пособие. - М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.

Взаимосвязь личностной адаптации к школе и экранного времени у первоклассников

*Денисенкова Н.С., Зеленёва Ю.И.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nataliya-denisenkova@yandex.ru, zelenyovaj@gmail.com*

Начало школьного обучения – сложный этап в жизни ребенка. Меняется социальная ситуация развития. Ребенок приходит в новый социальный институт – школу. От него требуется выполнение множества правил, усвоение научных понятий и универсальных способов действий, смена стиля взаимодействия со взрослыми и сверстниками (Эльконин, 1989; Божович, 2012). Одним из важнейших компонентов школьной адаптации, предиктором дальнейшего успешного школьного обучения является личностная готовность к школе, формирование учебной мотивации, самооценки, волевых процессов, произвольности и др. При этом современные младшие школьники становятся все более активными пользователями разнообразных цифровых устройств, влияющих на развитие личности ребенка. В связи с этим встает вопрос о необходимости изучить взаимосвязь медиаактивности первоклассников, в частности, экранного времени, и уровня личностной адаптации к школе. Гипотеза исследования состоит в том, что экранное время связано с успешностью личностной адаптации к школе у первоклассников, чем выше показатель экранного времени, тем ниже уровень личностной адаптации к школе.

Для изучения экранного времени был использован опросник для родителей «Регламент использования ребенком гаджетов» (М.В. Борцова, С.Д. Некрасов, 2020). Личностная адаптация к школе изучалась с помощью следующих методик: «Лесенка» (Щур В.Г.), направленная на определение уровня самооценки и «Оценка уровня школьной мотивации» (Лусканова Н.Г.), направленная на выявления уровня учебной мотивации. Диагностика проводилась с сентября по ноябрь 2025 г. Выборку составили 114 респондентов: 57 родителей и 57 их детей в возрасте 6-7 лет, посещающих первый класс общеобразовательной школы. Данные родительского опросника были собраны с помощью платформы Google Forms, исследование уровня

адаптации у первоклассников проводилось индивидуально с детьми. Для статистической обработки данных был выбран критерий корреляции Спирмена в программе Jamovi.

Полученные данные свидетельствуют о том, что около половины первоклассников (45,6 %) проводят с гаджетами 3 часа в день и больше, 28,1 % – около 2 часов в день, 26,3 % – не более часа в день. Изучение уровня личностной адаптации к школе показало, что большинство детей демонстрируют средний уровень адаптации (75 %), 11% детей – высокий, низкий уровень показали 14 % детей.

По результатам корреляционного анализа была выявлена статистически значимая отрицательная взаимосвязь ($r = -0,473$; $p < 0,001$; $n = 57$) между показателями экранного времени и уровнем личностной адаптации. С увеличением количества часов детской медиаактивности уровень личностной адаптации к школе снижается. При этом различные компоненты личностной адаптации по-разному связаны с детской медиаактивностью. Чем больше времени первоклассник проводит с гаджетами, тем ниже уровень его мотивации к обучению ($r = -0,589$; $p < 0,001$; $n = 57$). Однако, чем больше экранное время ребенка, тем выше его самооценка ($r = 0,621$; $p < 0,001$; $n = 57$). Полученные данные требуют более глубокого изучения и осмысления. Но выявленная связь экранного времени и успешности адаптации к школе может помочь педагогам и родителям справляться со сложностями переходного этапа школьной жизни через контроль за медиаактивностью первоклассников.

Литература

1. Божович Л.И. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Л.И. Божович. М.: Эксмо. 2012. 285 с.
2. Борцова М.В., Некрасов С.Д. Ребенок и гаджеты: практикум. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020
3. Лусканова Н.Г. Методы исследования детей с трудностями общения. М.: Фолиум, 1993
4. Щур В.Г. Методика изучения представлений ребенка об отношениях к нему других людей. / Психология личности: теория и эксперимент, М., 1982
5. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. / Д.Б. Эльконин. М.: Педагогика. 1989. С. 152 –215

Связь использования искусственного интеллекта и субъективного переживания одиночества у студентов-первокурсников

Дергачёва А.В.

*ФГАОУ ТюмГУ, Тюмень, Россия
a.v.dergacheva@utmn.ru*

В условиях цифровизации социальных взаимодействия искусственный интеллект становится важной и неотъемлемой частью повседневной жизни, работы, учебы и общения, особенно среди молодежи. Студенты первого курса в период адаптации, наряду с другими психологическими трудностями, часто сталкиваются с повышенным уровнем одиночества (Финогенко, 2012). Это связано и с переездом и периодом налаживания новых коммуникативных связей (Вахрамеева, 2016). Студенту необходимо время, чтобы прожить физическую сепарацию от родителей в случае переезда в другой город, найти новых друзей и наладить с ними коммуникацию. При этом ИИ-компаньоны (чат-боты, голосовые помощники) все чаще используются и позиционируются как инструменты для компенсации дефицита общения и быстрой психологической поддержки, доступной круглосуточно (Фрейманис, 2025).

Эмпирические исследования о том, улучшает ли психоэмоциональное состояние взаимодействие с ИИ-компаньонами являются противоречивыми и малоизученными (Ахатова, 2025; Фрейманис, 2025). Результаты показывают улучшение при высоком уровне субъективного переживания одиночества. Связано это с доступностью поддержки, контролем над коммуникацией, ее частотой и направлением беседы. Все описанные показатели оказывают положительные психологические эффекты. Однако в противовес этому могут наблюдаться негативные эффекты в долгосрочном перспективе: фрустрированность из-за невозможности реализовать потребность в общении в реальной жизни, а также подмена реального общения и отдаление от людей, а значит усугубление ощущения одиночества.

Гипотеза исследования заключается в том, что использование искусственного интеллекта приводит к улучшению показателей субъективного переживания одиночества.

В исследовании приняли участие 40 студентов первого курса (17–19 лет). Исследование проводилось при помощи: 1) шкалы одиночества UCLA 3 (D. Russell в адаптации И.Н. Ишмухаметова) (Ишмухаметов, 2006); 2) анкеты, содержащей вопросы про частоту и цели использования ИИ. Полученные результаты обработаны при помощи описательной статистики, визуализации данных, критерия Манна-Уитни для сравнения двух независимых групп, а также коэффициента корреляции Спирмена для оценки связи между количественными переменными.

Результаты исследования. Медиана уровня одиночества – 47 баллов (средний уровень одиночества). Медиана одиночества у респондентов, использующих и не использующих ИИ для общения – 49 и 45 баллов соответственно. Критерий Манна-Уитни показал $U = 172,0$ при $p = 0,665$, средние ранги 19,5 и 21,1. Коэффициент корреляции Спирмена $\rho = -0,376$ при $p > 0,05$.

Полученные данные говорят нам о том, что у студентов первого курса вне зависимости от цели использования искусственного интеллекта уровень одиночества выше среднего. Из-за небольшой разницы в баллах уровня одиночества можно предположить, что студенты, использующие ИИ для общения, обращаются к нему, потому что ощущают это одиночество. В ответах респонденты указывали часто причину для общения с ИИ: чувство одиночества, не с кем поговорить, поделиться проблемами и переживаниями. Однако при исследовании группы, использующих ИИ для общения, обнаружена умеренная обратная тенденция, то есть чем чаще используется ИИ-компаньон для коммуникации, тем ниже уровень одиночества. Необходимо рассмотреть дополнительные переменные при использовании искусственного интеллекта для коммуникативных задач.

Выводы. Связи между использованием искусственного интеллекта и уровнем одиночества не обнаружено. Искусственный интеллект в период адаптации первокурсника не оказывает значимого влияния на субъективное переживание одиночества.

Литература

1. *Ахатова А.Ф.* Состояние одиночества в современном цифровом обществе // Психология психических состояний: сборник материалов XIX Все-российской научно-практической конференции для студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей вузов(Казань, 14–15 марта 2025 г.). 2025. С. 56–59.

2. *Вахрамеева О.А.* Социально-психологическая адаптация студентов младших курсов к образовательному пространству вуза // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. №3 С. 17–20.
3. *Ишмухаметов И.Н.* Психометрические характеристики шкалы одиночества UCLA (Версия 3) // Computer Modelling and New Technologies, 2006. Т.3. №10. С. 89–95.
4. *Финогенко Е.И.* Индивидуально-типологические аспекты учебной адаптации студентов // Вестник ИрГТУ. 2012. №1. С. 110–115.
5. *Фрейманис И.Ф.* Психологическое сопровождение посредством искусственного интеллекта: могут ли ИИ чат-боты спасти от одиночества? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. №3. С. 406–416.

Гендерные различия в проявлениях нравственной готовности к браку у студенческой молодежи

Домино Г.В.

*ГУО «РИВШ», Минск, Республика Беларусь
Galinadomino92@gmail.com*

Период студенчества является важным этапом личностного формирования индивида. Возрастной промежуток от 17 до 25 лет обычно рассматривают как стартовый этап взрослости. Именно в эти годы человек проходит через интенсивные внутренние изменения: постепенно выстраивает собственную систему ценностей, определяет жизненные ориентиры, делает первые по-настоящему значимые выборы, которые во многом определяют его дальнейшую линию жизни. Студенческая среда выступает активным фактором развития: в ней молодые люди, кроме получения профессиональных знаний, создают собственные духовные и нравственные основания, пересматривают прежние убеждения, учатся брать ответственность за свои решения. На данном этапе закладывается готовность к выполнению разнообразных социальных ролей, включая семейные.

Современные социологические и психологические исследования указывают на недостаточную сформированность готовности к браку, ориентацию на эгалитаризацию семейных отношений; на интерес к альтернативным формам партнерства – от длительного сожительства до «гостевых» союзов, пробных браков, сознательного выбора бездетности. Одновременно усиливается тенденция к позднему вступлению в брак и отсроченному рождению первенца, малодетности (Иванишко, 2024; Орлова, 2021; Салихова, 2021). Данные процессы, напрямую связанные с готовностью к семейной жизни, далеко выходят за рамки индивидуальных предпочтений и требуют глубокого научного изучения.

Исследование готовности к браку имеет давнюю традицию в отечественной психологии. Этой проблематикой занимались И.В. Гребенников, С.В. Жолудева, М.Л. Белановская, С.М. Пителин, Б.Ю. Шапиро, Л.Б. Шнейдер и многие другие исследователи. Несмотря на весомый объем работ, единое понимание данного феномена до сих пор не сформировано, что отражает сложность и многомерность самого явления. Каждый автор предлагает собственную интерпретацию готовности к браку, выделяя разные структурные компоненты и критерии. Большинство связывает «готовность» с определенным состоянием психики и функциональных систем, которое формируется перед или в процессе выполнения значимых, ответственных действий (Приказчикова, 2022).

Проблематика готовности молодежи к браку и семейной жизни охватывает широкий спектр аспектов – от физиологической и социальной зрелости, юридической осведомленности до нравственно-этической и психологической подготовленности. В рамках данной работы внимание направлено на один из ключевых компонентов – нравственную готовность к семейным отношениям.

Нравственная готовность к браку представляет собой устойчивое внутреннее состояние человека, в котором брак воспринимается как серьезный, морально значимый и длительный союз. Данная готовность – это не просто согласие с определенным набором правил супружеской жизни, а способность действовать в соответствии с ними: проявлять уважение, эмпатию, ответственность, честность, заботу, терпение, верность. В тех ситуациях, где требуются усилия, самоограничение или отказ от собственных спонтанных желаний. Нравственная готовность – это внутренняя готовность выдерживать моральные обязательства и создавать отношения зрелыми и устойчивыми (Погодина, 2003).

Важным показателем нравственной готовности становится отношение к партнеру: способность видеть в нем равного, самостоятельного субъекта, а не средство для удовлетворения собственных желаний. К готовности относится и отношение человека к самому себе: умение признавать ошибки, корректировать поведение, менять привычки ради совместной жизни. В совокупности это внутренний фундамент, на котором строятся уважительные и долгосрочные отношения.

С целью изучения нравственной готовности к браку у студентов было проведено эмпирическое исследование с помощью методики «Нравственная готовность к браку» Е.К. Погодиной (2003). В выборку вошли 435 студентов 1-2 курсов различных УВО г. Минска от 17 до 24 лет: 51,03% юношей и 48,97% девушек.

Анализ показал, что у большинства участников (91%, 396 человек) зафиксирован средний уровень нравственной готовности к браку, у 4% (18 респондентов) выявлена низкая нравственная готовность. При этом высокая нравственная готовность к семейным отношениям характерна для 5% студентов (21 человек).

Полученные данные позволяют предположить, что у студенческой молодежи готовность к семейной жизни остается поверхностной, недостаточно личностно интегрированной и слабо регулируемой изнутри.

Далее, при помощи статистического пакета SPSS, был проведен сравнительный анализ полученных данных между группами юношей и девушек с помощью U-критерия Манна-Уитни. Статистический анализ показал наличие значимых различий в уровне нравственной готовности к браку между юношами и девушками ($U = 17829,5$; $p = 0,000009$).

Для уточнения характера этих различий были проанализированы квартильные показатели исследуемой переменной в каждой группе. У юношей показатели распределились следующим образом: 57,81; 64,06; 70,31 балла. У девушек эти значения оказались выше: 60,94; 67,19 и 73,44 балла соответственно. Таким образом, во всех точках распределения – на уровне низких, средних и высоких значений – показатели девушек стабильно превышают показатели юношей примерно на 3 – 3,5 балла. Это свидетельствует не о локальном, а о структурном сдвиге распределения: девушки в целом демонстрируют более высокую нравственную готовность к браку, чем юноши.

Полученные результаты показывают, что у девушек уровень сформированности брачной готовности выше, чем у юношей. Такая

274

разница прослеживается достаточно устойчиво и, вероятно, связана с целым рядом факторов, таких как более раннее становление эмоционально-рефлексивных навыков у девушек; социальные установки и гендерные шаблоны в сфере отношений и семейной жизни; особенности социализации.

Полученные данные подчеркивают необходимость дальнейшего анализа механизмов, через которые молодые люди формируют осмысленное отношение к браку, а также культурных и психологических факторов, которые определяют становление зрелых представлений о семейных отношениях.

Литература

1. *Иванишко А.М.* Дифференциация моделей семейных отношений в современной молодежной среде (на примере Пензенской области): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2024.
2. *Орлова Е.М.* Формирование культуры брачно-семейных отношений в условиях общества постмодерна: философский анализ: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Курск, 2021. 24 с.
3. *Погодина Е.К.* Основы семейной жизни. Учебное пособие / Е.К. Погодина. Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003. 94 с.
4. *Приказчикова О.С.* Теоретические подходы к феномену «готовность» в современной науке // Вестник ПГТПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-fenomenу-gotovnost-v-sovremennoy-nauke> (дата обращения: 28.03.2026).
5. *Салихова А.А.* Подготовка преподавателей вуза к формированию ценностных основ семейной жизни у студенческой молодежи в системе дополнительного профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2021. 30 с.

Взаимосвязь учебной мотивации и профессионального самоопределения молодых специалистов

*Дубинина С.А., Ковалева Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
i@svetlanad.ru, kovalevatv@mgppu.ru*

В контексте современной системы профессиональной подготовки особый интерес вызывает этап перехода от обучения к самостоятельной трудовой деятельности – именно на этом стыке учебная мотивация, сформированная в вузе, впервые напрямую сталкивается с реальными условиями профессии. Проблема выпускников сегодня – профессиональная неопределенность: сомнения в выборе, работа не по специальности, трудности в адаптации. В условиях активного внедрения искусственного интеллекта добавляется новый аспект неопределенности – воспринимаемая «ненадежность профессии» (Демин, Зыкова, 2023), когда сам выбор может обесцениться из-за автоматизации. Однако большинство исследований связи учебной мотивации и профессионального самоопределения выполнены на студенческих выборках, оставляя открытым вопрос о том, как эта связь проявляется после выпуска.

Согласно Л.И. Божович, учебную деятельность движет комплекс мотивов – от внешних стимулов до глубоко внутренних, включая желание подготовиться к профессиональной деятельности (Божович, 1972).

А.К. Маркова с соавторами предложили рассматривать учебную мотивацию как иерархическую систему, где есть место потребностям, мотивам, целям, эмоциям и интересам. Ключевая для нас идея в том, что в процессе профессионализации учебные мотивы постепенно трансформируются в профессиональные (Маркова, Матис, Орлов, 1990). Конечной целью современного обучения в вузе является формирование личности специалиста, обладающего определенным уровнем профессионального сознания, поэтому процесс профессиональной подготовки должен быть направлен на овладение студентами конкретными методами профессиональной деятельности, позволяющими формировать способы профессионального мышления (Ковалева, 2006).

В современных исследованиях подтверждается, что у выпускников формируется восприятие «ненадежности профессии» под влиянием искусственного интеллекта и автоматизации, что меняет профессиональные ориентации. В частности, А.Н. Демин и Е.И. Зыкова на выборке 239 выпускников ввели это понятие, показав его статистически значимые связи с психологическим благополучием молодых специалистов (Демин, Зыкова, 2023). Е.С. Попова на данных более 2000 студентов также зафиксировала трансформацию профессиональных ориентаций под влиянием внешних факторов, включая технологические изменения. Однако прямая связь учебной мотивации на выходе из вуза с успешностью самоопределения спустя 1-2 года работы не изучалась.

Мы предполагаем, что структура учебной мотивации, сложившаяся к моменту выпуска, значимо связана с тем, насколько успешно человек самоопределяется в профессии: если в мотивационном профиле доминируют внутренние и профессиональные мотивы, это, скорее всего, работает на формирование устойчивого и осознанного выбора; если же перевешивают внешние мотивы – выбор может быть затруднен, особенно в профессиях с высоким риском автоматизации. Для проверки планируется опросить не менее 80 выпускников первых лет работы с использованием методик диагностики учебной мотивации (Реан-Якунин в модификации Бадмаевой; шкалы Гордеевой) и профессионального самоопределения (Замфир в модификации Реана; опросник Климова) с последующим корреляционным анализом.

Подводя итог всему вышесказанному, в современных реалиях исследование взаимосвязи учебной мотивации и профессионального самоопределения приобретает особую значимость, особенно с учетом автоматизации и появления искусственного интеллекта. Практическая значимость работы заключается в самой постановке проблемы и разработке инструментария для ее изучения, что создаст основу для будущих рекомендаций по сопровождению профессионального самоопределения молодых специалистов.

Литература

1. *Божович Л.И.* Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благоннадежиной. М.: Педагогика, 1972. 352 с.

2. *Демин А.Н., Зыкова Е.И.* Использование информационно-коммуникационных технологий, вовлеченность в них и качество занятости выпускников // *Перспективы науки и образования*. 2023. № 5(65). С. 579-597. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.5.34>
3. *Ковалева Т.В.* Психолого-педагогические условия профессионального самоопределения учащихся в системе лингвистического образования. Автореф. дисс. ... канд. психол. н. М., 2006.
4. *Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б.* Формирование мотивации учения. М.: Просвещение, 1990. 192 с.
5. *Попова Е.С.* Мотивация выбора образовательного и профессионального пути // *Студенчество в России: мотивы, представления, проблемы: монография* / Я.А. Гудкова, Т.И. Ларина, Н.П. Нарбут [и др.]; под редакцией Н.П. Нарбута, Ж.В. Пузановой. СПб: Астерион, 2025. С. 16–46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82979032> (дата обращения: 11.04.2026).

Принятие традиционных семейных ценностей: конструирование авторской анкеты и первичные результаты

Дудняк В.С., Никольская А.В.

*РГУ им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия
dudnyakvika@yandex.ru, nikolskaya_av@rguk.ru*

Одной из лидирующих тем на современном психологическом и социальном поприщах можно смело обозначить тему выбора и принятия определенных ценностей, в частности, семейных. Особенный интерес к данной теме выявляется на отечественной арене как у представителей государственной системы, так и у психологов-исследователей, однако теоретический обзор и анализ ранее опубликованных источников не дает полного понимания, что под всем этим концептом понимается современным поколением и принимаются ли ими все те идеологические аспекты, что на данном этапе

популяризируются в медиапространстве, а научных публикаций, включающих в себя эмпирические данные по данной проблематике, недостаточно.

Потому, основываясь на растущей социальной потребности, было принято решение о создании анкеты, нацеленной на понимание и установление уровня принятия традиционных семейных ценностей у современной молодежи. Утверждения для анкеты составлялись на основе результатов фокус-групп, проведенных среди студентов вузов различных форм обучения в возрасте от 18 до 25 лет. На фокус-группе были определены следующие компоненты традиционных семейных ценностей, которые легли в основу 40 утверждений (2 противоположные точки зрения на одну проблематику) анкеты: официальный брак, заключенный между мужчиной и женщиной, и негативное отношение к разводам, обязательное наличие детей, в некоторых источниках от 3, передача и поддержание традиций, гендерная специализация ролей и тесные связи в многопоколенной семье. Испытуемые выбирали субъективный уровень принятия от 1 до 5, где 1 – полностью согласен с первым утверждением из двух, а 5 – полностью согласен со вторым утверждением. Конечный балл считался с помощью суммирования реверсивных баллов тех пунктов, что отражают позицию, направленную на отрицание традиционных семейных ценностей.

Анкетой выявляется низкий уровень принятия традиционных семейных, средний (нейтральный) уровень и высокий. Чем выше уровень принятия традиционных семейных ценностей, тем более консервативной социальной ориентации испытуемый, присутствует приверженность устоявшимся нормам и гендерной специализации, а также коллективистская идентичность, где в приоритете семейные интересы над личными амбициями каждого отдельного члена данной группы (семьи). Такой ценностный профиль также свидетельствует о глубокой интеграции личности в систему межпоколенных связей, где опыт предков воспринимается как руководство к действию, а сохранение семейных традиций становится моральным долгом, а также отражает устойчивую потребность в социальной и эмоциональной стабильности. Чем ниже уровень, тем более либеральная социальная позиция присуща испытуемому, характерна гибкость норм и ролевых

моделей и открытость к альтернативным формам отношений (Зеликова, 2012).

Исследование уровня принятия с помощью данной анкеты прошли 65 испытуемых (студенты вузов различных направлений обучения от 18 до 25 лет обоих полов) и были получены следующие результаты.

Низкий уровень принятия традиционных семейных ценностей проявился у большинства членов выборки (51%), в структуре личности преобладают следующие компоненты и смыслообразующие ориентиры: гедонизм, универсализм, высокий уровень самодетерминации, индивидуализм. В таком случае брак не рассматривается, как обязательный компонент взаимоотношений, отсутствует детоцентрический взгляд на представления о семье, присутствует приемлемость альтернативных форм взаимоотношений. Средний (нейтральный) уровень принятия проявился у 38% испытуемых в выборке, наиболее спорный результат, свидетельствующий о частичном принятии выдвинутых компонентов традиционных семейных ценностей, сложно однозначно заявить, представители данной категории отвергают часть компонентов, не приемлют современную популяризацию или просто не рассматривают их в своей системе ценностей и толерантны к проявлению их у окружающих, для анализа данного уровня лучше рассматривать каждый случай индивидуально, нежели интерпретировать групповые результаты. Для дальнейших исследований в перспективе следует данную часть отбрасывать или подвергать дополнительному детальному изучению под назначения предстоящего исследования. Высокий уровень принятия проявился у наименьшего процента выборки (11%), традиционные представления о семье выступают не как внешние ограничители или катализаторы действий, а как смыслообразующие мотивы, влияющие на основополагающие аспекты жизни, предполагается, что такие люди воспринимают себя, как часть родовой структуры, нежели самостоятельно функционирующую систему (Белянская, 2024).

Полученные данные свидетельствуют о неоднородности ценностного выбора среди испытуемых, с явным преобладанием низкого уровня принятия традиционных семейных ценностей, что указывает на укорененность индивидуалистических ориентаций, что

соответствует глобализационным трендам трансформации института семьи, нежели популяризации в отечественном пространстве, и ставит закономерный вопрос «Подходит ли данная тенденция современным реалиям?»

Литература

1. *Антилогова Л.Н.* О взаимосвязи ценностных ориентаций и нравственной активности личности. Сибирская психология сегодня: сб. научных трудов. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003.
2. *Белянская Т.Э.* Традиционные семейные ценности как фактор формирования социокультурной идентичности ребенка. Трансценденция бытия: идеалы познания истины, Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2024.
3. *Зеликова Я.* Влияние системы социального обеспечения и родительских ценностей на поведение семьи и воспитание детей: межстрановой анализ // The Journal of Social Policy Studies, том 10 (3), 2012.
4. *Клименко И.Ф.* Генезис ценностных ориентаций, исследование отношения к норме социального поведения на разных этапах социального развития человека. К проблеме формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности. М., 1992. С.3-12.

Взаимосвязь профессионального выгорания и временной перспективы будущего

Дуркин С.А., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
d.sergey-02@yandex.ru, nkochetkov@mail.ru*

В последние годы проблема профессионального выгорания занимает значимое место в социальной психологии и психологии труда. Высокая интенсивность деятельности, эмоциональная включённость и постоянное взаимодействие с людьми создают предпосылки для

хронического стресса, который может приводить к формированию синдрома выгорания. При этом если ранее основное внимание уделялось внешним условиям труда, то современные исследования всё чаще акцентируют роль личностных факторов, обеспечивающих устойчивость к стрессу. Одним из таких факторов выступает временная перспектива личности, в частности представления человека о собственном будущем (Чувашова, 2020).

Профессиональное выгорание трактуется как многокомпонентный синдром, включающий эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений (Водопьянова, Старченкова, 2005). С позиции теории сохранения ресурсов выгорание развивается вследствие утраты или истощения значимых ресурсов личности (Hobfoll, 1989). К ним относятся не только эмоциональные и социальные, но и когнитивные ресурсы, обеспечивающие планирование и представление будущего. Соответственно, особенности временной перспективы могут рассматриваться как один из факторов, влияющих на развитие выгорания.

Временная перспектива определяется как система представлений о будущем, задающая направленность целей и поведенческих стратегий (Чувашова, 2020). Исследования показывают, что позитивное и структурированное видение будущего способствует сохранению мотивации и снижает уровень выгорания, тогда как ощущение неопределенности и ограниченности времени повышает уязвимость к стрессу (Xie et al., 2024).

Для того, чтобы выявить связь между феноменами профессионального выгорания и временной перспективы, мы провели эмпирическое исследование. Используемые нами методики: опросник профессионального выгорания МВІ в российской адаптации (Водопьянова, Старченкова, 2005), русскоязычная версия опросника Х. Цахера и М. Фрезе «Профессиональная временная перспектива будущего» (Базаров, Парамузов, 2019). Эта методика основана на теории социо-эмоциональной селективности Л. Карстенсен (Carstensen, 1991) и показывает, насколько ограниченно человек воспринимает свое будущее в организационной среде, и включает в себя такие шкалы, как «фокус на возможностях», «оставшееся время» и «фокус на ограничениях». Выборку составили 84 респондента в возрасте от 16 до 53 лет, работающих или имеющих опыт работы.

Результат эмпирического исследования показал прямую связь между выраженностью фокуса на ограничениях и общим уровнем профессионального выгорания ($r = 0,290$; $p = 0,022$), а также такими его чертами, как эмоциональное истощение ($r = 0,347$; $p = 0,007$) и деперсонализация ($r = 0,342$; $p = 0,06$). Это может быть связано с тем, что при ощущении ограниченности времени и ресурсов для реализации своего потенциала человек склонен работать с повышенной силой и отдачей, чтобы успеть реализовать себя – и это может приводить к увеличению истощения. Кроме того, в таком случае профессиональная реализация может быть приоритетнее сохранения близких отношений с коллегами.

Исследование показало, что чем сильнее выражен фокус на оставшихся возможностях, тем ниже уровень эмоционального истощения ($r = -0,547$; $p = 0,001$), деперсонализации ($r = 0,437$; $p = 0,001$) и общего уровня выгорания ($r = 0,393$; $p = 0,002$). Это может говорить о том, что наличие позитивной и структурированной временной перспективы будущего позволяет человеку лучше распоряжаться эмоциональными ресурсами, а также высвобождает ресурсы для выстраивания взаимоотношений с коллегами.

Кроме этого, оказалось, что чем выше у респондентов выражена редукция собственных профессиональных достижений, тем чаще они склонны фокусироваться на возможностях и воспринимать время как неограниченное ($r = 0,347$; $p = 0,007$), и наоборот: люди с восприятием оставшегося времени в профессии как ограниченного менее склонны к редукции достижений ($r = -0,344$; $p = 0,006$). Мы ожидали, что результаты будут обратными, однако, по-видимому, они связаны с тем, что работники с фокусом на возможности находятся в начале карьеры, и оценивают свой уровень достижений как низкий – в таком случае для них выстроенная система развития и достижения результата может помочь по достоинству оценить свои результаты и получить мотивацию к дальнейшему развитию. Для людей же с восприятием оставшегося времени как ограниченного такая связь может служить одним из ресурсов в преодолении выгорания: возможность по достоинству оценить свои достижения и результаты может помочь оценить свою карьеру более позитивно, а также найти в них опыт и ресурсы, которые помогут преодолеть кажущиеся ограничения.

Литература

1. Базаров Т.Ю., Парамузов А.В. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника Х. Цахера и М. Фрезе «Профессиональная временная перспектива будущего» // Организационная психология, 2019. №1
2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. СПб.: Питер, 2005; 2008
3. Чувашова И.А. Временная перспектива личности в контексте эмоционального выгорания. М.: Изд-во МГУ, 2020. 186 с.
4. Carstensen L.L. Selectivity theory: Social activity in life-span context // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. 1991(1). P. 195-217.
5. Hobfoll S.E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American Psychologist. 1989. Vol. 44. № 3. P. 513–524.
6. Xie D., Zhu X., Zhang X. et al. Research on the correlation between clinical nurses' self-efficacy, future time perspective, and occupational burnout // Frontiers in Public Health. 2024. Vol. 12. Article 1363450.

Почему люди выбирают групповой досуг?

Евтодий М.В., Воробьева А.Е.

*ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия
mv.evtodiy@gmail.com, aevorobieva@yandex.ru*

Проблема одиночества в современном обществе становится все более острой (Комисарайтис, Тихомандрицкая, 2025). Принадлежность к группе может стать основой для получения социальной поддержки и защитой от одиночества. Принадлежность к группе может быть как формальной, так и принимать форму активного участия в ее жизни. Проявляя активность в группе и участвуя в совместной деятельности, личность не только продолжает социализироваться, но и устанавливает контакты с другими членами группы, расширяя свою социальную сеть.

Групповая досуговая активность может стать таким связующим звеном. Исследования показывают, что досуг облегчает вхождение человека в новую социальную группу (Kim, Brown, 2018), создает благоприятные условия для возникновения и развития социальных связей на основе общих интересов (Velersen et al., 2012).

Индивидуальная форма досуга хорошо изучена в зарубежной социальной психологии (Y. Iwasaki, M.G. Ragheb, J.G. Beard, R.A. Stebbins и др.). Исследования досуговой активности в отечественной социальной психологии также больше сосредоточены на индивидуальных формах (А.Е. Воробьева, А.А. Акбарова, Р.М. Шамионов, А.В. Григорьев и др.). Групповая форма досуговой активности остается менее изученной. Встает вопрос, какие факторы определяют выбор групповой формы досуговой активности?

В исследованиях выделяются в основном общие факторы, объясняющие предпочтение человеком того или иного вида досуговой активности: пол, возраст, материальное благополучие и т. д. (Леонтьев и др., 2024; Кауа, 2016).

Досуговые предпочтения также связаны с личностными чертами. Экстраверты предпочитают социальные виды досуговой активности и спорт, в отличие от интровертов (Lu, Argyle, 1994). Люди с более высокой самооценкой занимаются волонтерской деятельностью, спортом. Невротики, наоборот, выбирают уединенные виды досуга (там же).

Предполагается, что предпочтения в досуге определяются социально обусловленными потребностями (Iso-Ahola, Allen, 1982), и их удовлетворение сказывается на субъективном благополучии. Групповой досуг удовлетворяет потребность в социальной вовлеченности, в общении (Gonnord et al., 2023).

Можно предположить, что включение групповой формы досуга в уже сформированную группу способно сплотить ее. В то же время возможен и негативный сценарий: возникновение конфликтных ситуаций в группе, снижение удовлетворенности групповой досуговой активностью, ухудшение отношений между членами группы, что может привести к распаду группы.

Группа также может сформироваться на основе общего интереса к досуговой активности. Здесь можно выделить 2 варианта: 1) члены группы взаимодействуют друг с другом в процессе досуговой активности; 2) позиция членов группы является пассивной по

отношению к друг другу. Второй вариант возможен, если потребности, которые человек хочет удовлетворить в досуговой активности, являются сугубо индивидуальными и не связанными с социальной сферой. В таком случае группа носит скорее формальный, ситуативный характер, а ее состав легко изменяем.

Потребность в социальной поддержке, удовлетворение интереса к какому-либо виду досуговой активности могут быть не единственными факторами выбора группового досуга. Фактор интереса может иметь значение и в выборе индивидуальной формы досуговой активности. Остается вопрос о существовании специфических социально-психологических факторов выбора групповой досуговой активности. Какие потребности удовлетворяет субъект в групповой досуговой активности? Как соотносится сплоченность досуговой группы с целью, с которой члены группы вступили в нее? Для ответов на все эти вопросы необходимы дальнейшие исследования, направленные на изучение досуговых групп с применением как опросниковых методик, так и метода сетевого анализа.

Литература

1. *Комисарайтис М.Э., Тихомандрицкая О.А.* Пилотное исследование цифрового одиночества у представителей разных поколений // Психология – наука будущего: Материалы XI Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего», 20–21 ноября 2025 г., Москва / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, С.В. Тарасов. М: Изд-во «ГАУГН-Пресс», 2025. С. 112–114.
2. *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Рыкун А.Ю., Дымищ М.Н., Кошелева Н.В., Сухушина Е.В.* Разнообразие досугового поведения и личностный потенциал как предикторы психологического благополучия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 75–98. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2524>
3. *Gonnord T., Clarys D., Boucard G., Esnard C.* Positive impact of social relationships fostered by physical and/or cognitive group activity on older people's quality of life: PRISMA systematic review // *Frontiers in Psychology*. 2023. V. 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1166072>

4. *Iso-Ahola S.E., Allen J.R.* The dynamics of leisure motivation: the effects of outcome on leisure needs // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. 1982. № 53(2). P. 141–149. <https://doi.org/10.1080/02701367.1982.10605240>
5. *Kaya S.* The relationship between leisure satisfaction and happiness among college students // *Universal Journal of Educational Research*. 2016. № 4(3). P. 622–631. <https://doi.org/10.13189/ujer.2016.040322>
6. *Kim J.-H., Brown S.L.* The associations between leisure, stress, and health behavior among university students // *American Journal of Health Education*. 2018. V. 49. № 6. P. 375–383. <https://doi.org/10.1080/19325037.2018.1516583>
7. *Lu L., Argyle M.* Leisure satisfaction and happiness as a function of leisure activity // *Kaohsiung Journal of Medical Sciences*. 1994. № 10. P. 89–96.
8. *Velersen I., Danielsen A.G., Birkeland M.S., Samdal O.* Basic psychological need satisfaction in leisure activities and adolescents' life satisfaction // *Journal of Youth and Adolescence*. 2012. № 41(12). P. 1588–1599. <https://doi.org/10.1007/s10964-012-9776-5>

Интерес вместо отвращения: эмоциональные реакции на насилие у лиц с садистическими чертами

Екимова С.А., Люсин Д.В., Храпцова Л.М.

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

slavaekim@inbox.ru, ooch@mail.ru, Khramtsova.L.M@hse.ru

Последние исследования предлагают рассматривать садизм не как расстройство личности, а как континуальную черту, варьирующуюся по степени выраженности в общей популяции, тогда как клинический статус могут приобретать лишь отдельные формы садистского поведения (Buckels et al., 2013; Ениколопов, Атаджикова, 2021). Неклинический садизм рассматривается как социально неодобряемая, но нормативная личностная черта, связанная со склонностью

получения удовольствия от жестокости или страданий других (Buckels et al., 2013; Ениколопов, Атаджыкова, 2021).

Современные исследования показывают, что отличительной особенностью садизма является специфическое эмоциональное реагирование на насилие, которое традиционно интерпретируется как гедонистическое (Buckels et al., 2013). Однако ряд работ указывает на более сложный механизм: речь может идти не столько о выраженной позитивной реакции на страдания других, сколько об ослабленном восприятии чужой боли и снижении негативного аффекта, что субъективно переживается как «удовольствие» вследствие отсутствия эмоционального дискомфорта (Hart, Kinrade, Lambert, 2023).

Несмотря на рост интереса к данной черте, остаётся недостаточно изученным вопрос о том, как именно связаны эмоциональные оценки различных насильственных стимулов с неклиническим садизмом. При этом отдельные исследования показывают, что садизм связан с особенностями аффективной обработки негативных стимулов, в частности, с их более позитивной оценкой по параметру валентности при отсутствии значимых связей с возбуждением (Wertag, Ribar, Sučić, 2024).

Проблема исследования заключается в наличии противоречивых данных о характере эмоционального реагирования на насильственные стимулы у людей с садистическими чертами. С одной стороны, ряд работ интерпретирует садизм как склонность к получению удовольствия от страданий других. С другой стороны, альтернативный подход связывает наблюдаемые эффекты не с позитивной реакцией, а со сниженной аверсивной чувствительностью к чужим страданиям. Дополнительную сложность представляет недостаточная изученность различий в оценке различных типов стимулов (сцены насилия, его последствия и негативные ненасильственные стимулы), что не позволяет однозначно определить специфику эмоционального реагирования при садизме.

Цель исследования: изучить особенности эмоциональной оценки насильственных стимулов у людей с различной выраженностью садизма.

Гипотезы исследования:

- 1) неклинический садизм будет положительно связан с оценками валентности стимулов с насилием (включая как сцены с

насилием, так и сцены с последствиями насилия) и негативных стимулов;

- 2) оценки эмоционального возбуждения при восприятии насильственных стимулов у людей с выраженными садистическими чертами будет отличаться от лиц с низким уровнем садизма;
- 3) люди с выраженными садистическими чертами будут по-разному оценивать выраженность насилия в различных типах насильственных стимулов (сцены насилия и последствия насилия).

Выборка. Планируется участие 60 человек, от 18 до 41 года, со сбалансированным распределением по полу. Участники будут рекрутированы через университетские рассылки и социальные сети.

В исследовании будут использоваться следующие опросники.

1. Всесторонняя оценка садистических тенденций, ВОСТ, для измерения трех компонентов неклинического садизма: физический садизм, вербальный садизм, опосредованный садизм (Корниенко, Вязовкина, Горностаев, 2022).

2. Короткий опросник Темной тетрады для измерения садизма вокруг внутри модели темных черт (Кузнецова и др., 2024).

Стимульный материал. Будут использоваться 32 изображения, разделенных на четыре категории (по 8 стимулов):

1. Нейтральные изображения без выраженной эмоциональной нагрузки (пейзажи, предметы, повседневные сцены) выполняют функцию контроля.

2. Негативные ненасильственные вызывают отрицательные эмоции, но не содержат насилия (мусор, разрушения, пауки, змеи) используются для контроля общего негативного фона.

3. Насилие – изображения сцен, в которых показано насилие как действие (драки, ссоры).

4. Последствия насилия – изображения результатов насилия (синяки, раны, слёзы) направлены на изучение особенностей оценок и дифференциации стимулов с насилием, где есть процесс и где только результат.

Процедура исследования будет выглядеть следующим образом:

1. Участникам предъявляется изображение, которое они должны оценить по приятности (по шкале от -3 до +3), эмоциональному

возбуждению (по шкале от 0 до 6) и выраженности насилия (по шкале от 1 до 5).

2. Стимулы предъявляются в рандомизированном порядке.

Для анализа данных будут рассчитываться средние значения по трем параметрам оценок (валентность, эмоциональное возбуждение, выраженность насилия) для каждой категории стимулов. Группы с высоким и низким садизмом будут определяться по результатам опросников с помощью квартильного деления выборки.

Планируется следующий анализ данных: сравнение эмоциональных оценок изображений по группам высокого и низкого садизма, корреляционный анализ Спирмена, дисперсионный анализ с попарными сравнениями внутри каждой группы.

Литература

1. Ениколопов С.Н., Атаджыкова Ю.А. Феномен обыденного садизма // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 38–56.
2. Корниенко Д.С., Вязовкина В.К., Горностаев И.С. Адаптация «Короткого опросника темной тетрады» // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 5. С. 87–98.
3. Кузнецова С.О., Ефремов А.Г., Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н. Адаптация опросника ВОСТ // Психическое здоровье. – 2024. – № 2. – С. 19–33.
4. Buckels E.E., Jones D.N., Paulhus D.L. Behavioral confirmation of everyday sadism // Psychological Science. 2013. Vol. 24. P. 2201–2209.
5. Hart W., Kinrade C., Lambert J.T. Sadism or reduced reactivity? // Personality and Individual Differences. 2023.
6. Wertag A., Ribar M., Sučić I. A look through dark colored glasses: The Dark Tetrad and affective processing. Scandinavian Journal of Psychology, 2024, No. 65(1), 26–31. <https://doi.org/10.1111/sjop.12951>

Поиск партнера и начало близких отношений в контексте смешанной реальности и цифровой повседневности

*Екимчик О.А., Дорьева Е.А.
ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия
olga-ekimchik@rambler.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-28-01462, <https://rscf.ru/project/25-28-01462/>

Жизнедеятельность современного человека реализуется в условиях пространства объективной смешанной реальности, совмещающего онлайн и офлайн среду. Цифровизация повседневности привела к тому, что удовлетворение целого ряда потребностей связано с использованием или обращением к Интернету, онлайн-ресурсам. Количество экранного времени пользователей стремительно растет и объективно ими недооценивается (Солдатова и др., 2022). Как следствие этого можно отметить, что сокращается количество времени пребывания только в офлайн среде и непосредственной коммуникации, взаимодействия с другими людьми в физической реальности. Возникает вопрос: отражается ли это на развитии и функционировании близких партнерских отношений, которые являются важной сферой жизнедеятельности человека.

В настоящее время растет количество людей, предпочитающих одиночество и не вовлеченных в близкие отношения (Apostolou, Lajunen, 2025). В других исследованиях подчеркивают изменения стиля межличностного общения и моделей построения отношений в социальных сетях у молодежи (Yuliana, Irma, 2026).

Проблема использования сервисов для онлайн-знакомств разрабатывается более 30 лет. Исследователи сосредоточили внимание на социально-демографических характеристиках (Клименко, 2024), личностных чертах пользователей данных сервисов (Игнатова, Никитина, Шарифзянова, 2025), их мотивации (Воробьева, Шмидт, Нестик, 2023; Фонталова, Артамонова, Турганова, 2020), привязанности (Ачина и др., 2020). Однако есть острая необходимость рассмотреть использования сервисов онлайн-знакомств как стратегию

для поиска партнера и построения близких отношений. Это проблема доминирующей мотивации обращения к сервисам онлайн-знакомств.

Цель: выявить доминирующую мотивацию использования сервисов онлайн-знакомств у одиноких людей с учетом пола и возраста.

Выборка: $n = 134$ человека (63,4% женщины) в возрасте от 18 до 40 лет, не состоящие в близких отношениях на момент исследования, из них 77% активные пользователи сервисов онлайн-знакомств, опрос проходили путем заполнения гугл-формы.

Методы: анкета для сбора социально-демографической информации и выяснения степени активности поиска партнера, наличие опыта использования онлайн-сервисами для знакомств; русскоязычная версия методики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств (в адаптации А.Е. Воробьевой, Д.А. Шмидт, Т.А. Нестика, 2023).

Результаты. С помощью биноминального критерия выявлены различия в предпочтении использования сервисов для онлайн-знакомств ($p < 0,001$). Одинокие респонденты мужчины и женщины отдают предпочтение стратегии для поиска партнера с помощью сервисов онлайн-знакомств. Выявлены половые различия по мотивации «секс» ($U = 928$, $p < 0,001$). Мужчины выше отмечают сексуальную мотивацию обращения к сервисам онлайн-знакомств, чем женщины. Установлена слабая прямая корреляционная связь между возрастом и мотивацией использования сервисов онлайн-знакомств «секс» ($r = 0,21$ при $p < 0,02$). Молодые респонденты реже обращаются к сервисам онлайн-знакомств для поиска сексуального партнера. При анализе структуры мотивации активных пользователей сервисов онлайн знакомств установлено, что у них доминируют мотивы «поиск серьезных отношений» и «расширение круга знакомств» над всеми другими видами мотивов (χ^2 Фридмана = 255 $p < 0,001$). У неактивных пользователей в структуре мотивации преобладают мотивы «социальное признание», «расширение круга знакомств» и «поиск серьезных отношений» ($\chi^2 = 46,7$ при $p < 0,001$). Были установлены различия в мотивации «поиск серьезных отношений» у активных и неактивных пользователей сервисов онлайн-знакомств ($U = 897$, $p < 0,001$). Активные пользователи чаще говорят о том, что с помощью сервисов онлайн знакомств найти партнера для близких длительных отношений, чем неактивные.

Вывод: обращение к сервисам онлайн-знакомств становится все более популярной стратегией поиска партнера для близких отношений в условиях цифровой повседневности у мужчин и женщин в юношеском и взрослом возрасте. Мотивация поиска серьезных отношений с помощью данных сервисов превалирует у активных пользователей.

Литература

1. Ачина А.В., Колонова А.С., Шарова Е.П. Использование цифровых приложений для знакомств у людей с различными стилями привязанности // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2020. Т. 3, № 2. С. 6-21.
2. Воробьева А.Е., Шмидт Д.А., Нестик Т.А. Русскоязычная адаптация методики диагностики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств // Психологический журнал. 2023. Т. 44, № 2. С. 75-88. <https://doi.org/10.31857/S020595920024909-5>
3. Игнатова Е.С., Никитина Е.Н., Шарифзянова З.В. Психологический портрет пользователя приложений для онлайн-знакомств // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2025. № 24. С. 84-91. <https://doi.org/10.24412/2712-827X-2025-24-84-91>
4. Клименко Г.А. Социально-демографические детерминанты онлайн-знакомств. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика/ 2024, 59(5), 240-264. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-5-12>
5. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Кошечкина А.Г., Никонова Е.Ю. Повседневная деятельность подростков в смешанной реальности: пользовательская активность и многозадачность // Сибирский психологический журнал. 2022, 83, 20-45. <https://doi.org/10.17223/17267080/83/2>
6. Фонталова Н.С., Артамонова В.В., Турганова Г.Э. Взаимосвязь личностных особенностей и мотивации людей, прибегающих к интернет-знакомствам // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9, № 1, 146-160. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(1\).146-160](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(1).146-160)

7. Apostolou M., Lajunen T.J. (2025). Difficulties in Keeping an Intimate Relationship and Singlehood. *Evolutionary Psychology*, 23(3). <https://doi.org/10.1177/14747049251377388>
8. Yuliana Y., Irma A. (2026). Interpersonal Communication Style of Generation Z: The Role of Social Media in Relationship Patterns, Trust, and Self-Disclosure. *ISTIFHAM: Journal of Islamic Studies*, 4(1), 13-24. <https://doi.org/10.71039/istifham.v4i1.128>

Обзор современных моделей оказания экстренной и кризисной психологической помощи в результате чрезвычайных событий

Ермолаева А.В.

*Федеральный координационный центр по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования РФ, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ermolaevaav@mgppu.ru*

Экстренная и кризисная психологическая помощь представляет собой систему мероприятий, направленных на стабилизацию состояния человека в первые часы и дни после травматического события, снижение интенсивности дистресса, предотвращение развития долгосрочных негативных последствий, таких как посттравматическое стрессовое расстройство (далее – ПТСР), депрессия и тревожные расстройства. За последние два десятилетия в зарубежной и отечественной практике сформировался ряд моделей оказания такой помощи, различающихся по теоретическим основаниям, организационной структуре и методическому инструментарию.

Наиболее признанной современной моделью ранней кризисной интервенции является Psychological First Aid (PFA) – психологическая первая помощь. Модель была разработана в 2006 году Национальным центром детского травматического стресса и Национальным центром ПТСР при поддержке Федерального агентства по управлению чрезвычайными ситуациями США (Brymer, et al., 2006). PFA представляет собой доказательно обоснованную практику,

построенную на принципах гуманизма, безопасности и уважения автономии пострадавшего.

Операциональный алгоритм в рамках данной модели основан вокруг принципа «трех компонентов», где выделяют первый этап предполагает оценку актуальной обстановки и выявление лиц, у которых наблюдаются острые стрессовые реакции. Второй этап заключается в построении эмпатийного взаимодействия и применении техник активного слушания без побуждения к развернутому вербальному воспроизведению травматического опыта. Третий этап включает содействие в обеспечении базовых потребностей, предоставление актуальной информации по происшествию и организацию контакта с профильными специалистами, а также организациями, предоставляющими меры социальной поддержки.

Результаты интегративного обзора, выполненного Л. Вангом и его коллегами (Wang et al., 2024), свидетельствуют о том, что психологическая первая помощь (PFA) способствует снижению уровня тревожности и поддержанию адаптивного функционирования пострадавших в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Вместе с тем эмпирические данные относительно действенности данного подхода в контексте минимизации риска формирования посттравматического стрессового расстройства и депрессивной симптоматики признаны менее убедительными. Исследователи также акцентируют внимание на существенной гетерогенности форматов, временных параметров и продолжительности применения PFA, что в значительной степени осложняет разработку унифицированных клинических рекомендаций.

В качестве альтернативной системной концепции выступает модель управления стрессом, ассоциированным с критическими инцидентами (Critical Incident Stress Management – CISM), предложенная Дж. Митчеллом и Дж. Эверли (Everly, Lating, 2022). В отличие от практики применения дебрифинга как обособленного метода, CISM представляет собой интегрированную многоуровневую структуру, включающую семь ключевых элементов: докризисную подготовку, кризисные брифинги, дефьюзинг, дебрифинг, индивидуальное консультирование, интервенции на уровне семьи и организации, а также долгосрочное сопровождение. Актуальная версия CISM претерпела существенную трансформацию относительно изначальной концепции: приоритетное

значение сегодня придается не обязательным групповым дебрифингам, а ранним формам вмешательства – дефьюзингу и психологической первой помощи, а также персонализированному подходу, учитывающему культурные и контекстуальные особенности. Наибольшее распространение данная модель получила в работе со специалистами, которые в силу профессиональных обязанностей подвергаются воздействию травматических событий: спасателями, военнослужащими, сотрудниками правоохранительных органов и медицинскими работниками.

Существенным вкладом в развитие практик кризисной помощи стал травма-информированный подход (Trauma-Informed Approach), сформировавшийся в 2000-е годы в рамках исследований С. Блум и стратегической инициативы SAMHSA (2014). Данный подход представляет собой не столько конкретную методику, сколько парадигму организации помощи, основанную на пяти ключевых принципах: безопасность, надежность и прозрачность, поддержка и сотрудничество, расширение возможностей, а также культурная и историческая адаптивность. Ключевой идеей подхода является признание того, что травматический опыт может быть у любого человека, даже если он не вербализируется. Соответственно, системы помощи должны быть организованы таким образом, чтобы минимизировать риск ретравматизации. Это предполагает изменение не только методов работы, но и политики организаций, включая дизайн помещений, процедуры взаимодействия и язык общения. Формулировка «Что с тобой случилось?» вместо «Что с тобой не так?» становится парадигмальным выражением этого подхода.

В российской практике система экстренной психологической помощи начала формироваться в конце 1990-х годов, преимущественно в структуре МЧС России и системы образования. В рамках психологической службы МЧС разработана модель выездных бригад, ориентированная на оказание помощи в очаге чрезвычайной ситуации. В системе образования Минпросвещения России сформирована трехуровневая система экстренной помощи, включающая федеральный, региональный и локальный уровни (Вихристюк, и др., 2022).

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта (Гаврилова, Ульянина, 2021) показывает, что российские модели, как и международные, демонстрируют тенденцию к интеграции принципов психологической первой помощи, многоуровневой организации и межведомственного взаимодействия.

Перспективным направлением развития представляется интеграция указанных подходов в рамках единой системы, сочетающей оперативность реагирования, многоуровневую организацию и принципы травма-информированности. Особого внимания требует разработка специализированных моделей для уязвимых групп – детей, семей военнослужащих участников, ветеранов специальной военной операции и пр.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на оценку долгосрочной эффективности применяемых моделей, стандартизацию протоколов помощи и разработку критериев качества, позволяющих обеспечить баланс между доказательностью и практической применимостью в реальных условиях чрезвычайных событий.

Литература

1. Вихристюк О.В., Ульянина О.А., Гаязова Л.А. и др. Модель оказания экстренной психологической помощи пострадавшим в чрезвычайных происшествиях и кризисных ситуациях: зарубежный и отечественный опыт // Вестник практической психологии образования. – 2022. – Т. 19, № S1. – С. 87-98. – EDN EXIVIP.
2. Гаврилова О.Я. Международный опыт оказания экстренной психологической помощи несовершеннолетним детям / О.Я. Гаврилова, О.А. Ульянина // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2021. № 3. С. 108-115. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2021-0-3-108-115>
5. Brymer M., Layne C., Jacobs A., et al. (2006). Psychological First Aid Field Operations Guide (2nd ed.). National Child Traumatic Stress Network.

6. *Everly G.S., Lating J.M. (2022). The Johns Hopkins Guide to Psychological First Aid. Johns Hopkins University Press.*
7. *Substance Abuse and Mental Health Services Administration. (2014). SAMHSA's Concept of Trauma and Guidance for a Trauma-Informed Approach. HHS Publication No. (SMA) 14-4884.*
8. *Wang, L., Norman, I., Edleston, V., et al. (2024). The Effectiveness and Implementation of Psychological First Aid as a Therapeutic Intervention After Trauma: An Integrative Review. Trauma, Violence & Abuse, 25(4), 2638–2656. <https://doi.org/10.1177/15248380231221492>*

Полороловое поведение и субъективное благополучие взрослых людей с химической зависимостью

*Ерофеев М.Е., Лобанова А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
lobanovaav@mgppu.ru*

Ключевым направлением исследований специфики взрослых людей с химической зависимостью считается изучение их субъективного благополучия. Превалирующее большинство взрослых людей с химической зависимостью считают себя счастливыми и благополучными. В реальности положение вещей противоположное. Зависимость от химических веществ наносит непоправимый вред как физическому, так и психическому здоровью. Личность взрослых людей с химической зависимостью от химических веществ деградирует, разрушаются связи с окружающими. Все вышеуказанные факторы химической зависимости отрицательно влияют на субъективное благополучие взрослых людей и делают их жизнь трудной и невыносимой.

В зарубежной традиции, берущей начало в гуманистической психологии К. Роджерса, благополучие связывается с полноценным функционированием личности и самоактуализацией (Роджерс, 2016), тогда как в русле позитивной психологии М. Аргайл (Аргайл, 2013) и

Э. Динер (Diener, 2002) заложили основы гедонистического подхода, операционализировав благополучие через баланс аффекта и когнитивную удовлетворенность жизнью. Параллельно развивалось эвдемонистическое направление, ключевой фигурой которого является К. Риф, предложившая многомерную модель психологического благополучия, включающую такие параметры, как личностный рост и автономия (Ryff, 2014).

Еще одним востребованным направлением в рамках исследования субъективного благополучия людей с химической зависимостью является проблема полоролевого поведения изучаемой категории. В виду нарушения жизненных процессов у взрослых людей с химической зависимостью нарушается полоролевое поведение. Такие нарушения являются распространенными явлениями.

Вопросы, связанные с изучением полоролевого поведения людей с химической зависимостью, интересуют Е.П. Архипенко (Архипенко, 2014), А.Р. Давлетшина (Давлетшин, 2018) и др.

Несмотря на большое число исследований, посвященных как проблемам химической зависимости, так и феномену субъективного благополучия, а также возрастающий в последние годы интерес к гендерной специфике аддиктивного поведения, стоит отметить, что в психологической науке, до сих пор практически не изученной остается область, лежащая на пересечении этих трех проблемных полей. Проблематика взаимовлияния полоролевого поведения и субъективного благополучия у данной категории лиц представляет собой пробел в современном психологическом знании, требующий специального теоретико-эмпирического исследования.

Целью данного исследования является изучение связи полоролевого поведения и субъективного благополучия взрослых людей с химической зависимостью.

Гипотеза исследования представлена следующим предположением: существуют различия полоролевого поведения и субъективного благополучия взрослых людей с химической зависимостью с разным сроком ремиссии.

Исследование проводилось в онлайн-формате. В исследовании приняли участие 80 взрослых людей в возрасте 35–51 года, проживающих в г. Москве и Московской области: 40 взрослых людей с

химической зависимостью и 40 взрослых людей без химической зависимости.

В качестве диагностического инструментария были использованы: Индекс сексуальной возбудимости Харлберта в адаптации Н. Рассказовой и А. Багрянцева; методика оценки сексуального профиля О.Ф. Потемкиной; методика диагностики субъективного благополучия личности (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова); Шкала субъективного благополучия К. Риф в адаптации Н.П. Фетискина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова. В работе использовались непараметрические статистические методы, включая критерий U Манна-Уитни. Статистическая обработка результатов была проведена в программе IBM SPSS Statistics 23.

Сравнительный анализ показателей испытуемых обеих исследуемых групп обнаружил достоверные различия (таблица 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа показателей сексуального профиля взрослых людей с зависимостью и без зависимости

Шкалы	Химическая зависимость (средние ранги)		U	p
	есть	нет		
Экспрессивность	45,55	35,45	598	0,048*
Избирательность	31,4	49,6	436	0,000**
Гиперсексуальность	46,74	34,26	550,5	0,016*
Щепетильность	33,79	47,21	531,5	0,009**
Нежность	30,89	50,11	415,5	0,000**
Любовь как высшая ценность	35,04	45,96	581,5	0,031*
Ревность	49,73	31,28	431	0,000**
Разнообразие	45,93	35,08	583	0,034*
Неприятие служебных романов	32,69	48,31	487,5	0,002**

Примечание: ** – различия значимы на уровне $p \leq 0,01$; * – различия значимы на уровне $p \leq 0,05$.

На основании полученных результатов можно констатировать, что бурное проявление чувств, эмоциональная выразительность и отсутствие страха при общении с лицами противоположного пола характерны для большинства взрослых людей с химической зависимостью. Для половины таких взрослых людей характерна высокая сексуальная активность и сильное чувство ревности. Они реже,

чем взрослые люди без химической зависимости, бывают чрезмерно внимательны к обстановке, в которой осуществляются интимные контакты, и чаще стремятся к разнообразию сексуальных контактов, не исключая служебные сексуальные контакты.

Взрослые люди с химической зависимостью имеют значимо более высокие показатели по шкалам «Экспрессивность», «Гиперсексуальность», «Ревность» и «Разнообразие». Установлено, что все показатели полоролевого поведения и субъективного благополучия связаны между собой.

Сформулированные теоретические положения и результаты эмпирического исследования могут быть включены в программу учебных курсов для студентов психологических специальностей по дисциплинам «Психология личности», «Психология развития и возрастная психология», «Возрастно-психологическое консультирование», «Кризисы зрелого возраста».

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2013.
2. Архипенко Е.П. Характеристика сексуальной ориентации у женщин, зависимых от алкоголя с признаками расстройства полоролевого поведения нетранссексуального типа // СМБ., 2014.
3. Давлетшин А.Р. Исследование полоролевых особенностей склонности к зависимости у студентов медицинского вуза // Теория и практика современной науки, 2018.
4. Роджерс К.Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию // Институт общегуманитарных исследований, 2016.
5. Diener E. Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction. The handbook of positive psychology / E. Diener, R. E. Lucas, S. Oishi. – New York: Oxford University Press., 2002.
6. Ryff C.D. Psychological Well-Being Revisited: Advances in Science and Practice of eudaimonia // Psychotherapy and Psychosomatic, 2014.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и межкультурной компетентности у старшеклассников моно- и полиэтнических классов

Ефанова И.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

iv.efanova@gmail.com

В современных условиях полиэтнического общества и культурной неоднородности изучение психологических основ межкультурного взаимодействия остается важной задачей. Эмоциональный интеллект определяется как способность осознавать, понимать и управлять собственными эмоциями и эмоциями других людей, а также использовать это понимание для более успешного взаимодействия и достижения жизненных целей (Гоулман, 2023). Межкультурная компетентность понимается как способность эффективно и уместно взаимодействовать в межкультурных ситуациях, основанная на знаниях, навыках и установках, обеспечивающих успешную коммуникацию (Deardorff, 2006).

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении взаимосвязи компонентов эмоционального интеллекта и межкультурной компетентности обучающихся, что позволяет расширить представления о психологических механизмах межкультурного взаимодействия в старшем школьном возрасте.

Современные исследования подтверждают, что эмоциональная регуляция, эмпатия и социальное восприятие выступают значимыми факторами развития межкультурной чувствительности и могут способствовать снижению уровня этноцентризма (Хухлаев и др., 2021). Отмечается, что развитие эмоционального интеллекта является значимым условием формирования конструктивных межкультурных установок.

Цель эмпирического исследования – выяснить как связаны между собой межкультурная компетентность и эмоциональный интеллект у старшеклассников из моно- и полиэтнических классов.

В выборку вошли 72 учащихся 9–11 классов: 34 обучающихся моноэтнических классов и 38 человек с полиэтническим составом учащихся старших классов образовательных учреждений

Ставропольского края и Малокарачаевского района КЧР (36 русских, 36 карачаевцев; 37 юношей и 35 девушек).

В исследовании использованы:

- опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Люсин, 2009);
- интегративный опросник межкультурной компетентности (Хухлаев и др., 2021);
- методика диагностики эмпатических способностей (Бойко, 2010).

Статистическая обработка включала тест Шапиро–Уилка, U-критерий Манна–Уитни и корреляционный анализ Спирмена (SPSS Statistics 23.0).

Статистический анализ показал наличие значимых различий между учащимися моно- и полиэтничных классов по ряду показателей межкультурной компетентности. Межкультурная стабильность оказалась выше у учащихся полиэтничных классов ($U = 344,5$; $p = 0,001$). Различия по показателю межкультурного интереса ($U = 379,0$; $p = 0,002$) свидетельствуют о большей открытости школьников полиэтничной среды к взаимодействию с представителями иных культур. Наиболее выраженные различия обнаружены по шкале отсутствия этноцентризма ($U = 290,0$; $p < 0,001$), что отражает меньшую склонность учащихся полиэтничных классов оценивать другие культуры через призму собственной. Значимые различия выявлены также по показателю управления межкультурным взаимодействием ($U = 306,0$; $p < 0,001$). Учащиеся полиэтничных классов демонстрируют более высокий уровень поведенческой регуляции и гибкости при общении с представителями разных культур.

Различия в эмоциональном интеллекте проявились в том, что учащиеся полиэтничных классов продемонстрировали более высокий уровень способности управлять собственными эмоциями ($U = 432,5$; $p = 0,016$), а также более высокий общий показатель эмоционального интеллекта ($U = 413,0$; $p = 0,009$). Кроме того, по показателю проникающих эмпатических способностей, диагностируемому методом Бойко В.В., учащиеся полиэтничных классов также превосходят сверстников из моноэтничных групп ($U = 425,5$; $p = 0,010$), что свидетельствует о большей развитости эмоционально-эмпатических навыков в условиях культурно разнообразной среды.

Корреляционный анализ показал, что в группе учащихся полиэтнических классов существуют статистически значимые взаимосвязи: между пониманием эмоций и управлением межкультурным взаимодействием ($r_s = 0,512$; $p = 0,002$), а также между внутриличностным эмоциональным интеллектом и отсутствием этноцентризма ($r_s = 0,539$; $p = 0,001$). В группе учащихся моноэтнических классов выявленная взаимосвязь статистически незначима ($r_s = 0,314$; $p = 0,070$).

Проведенное исследование показало, что учащиеся полиэтнических классов обладают более высоким эмоциональным интеллектом и более развитыми компонентами межкультурной компетентности по сравнению со старшеклассниками из моноэтнических классов. Корреляционный анализ показал, что статистически значимые взаимосвязи между показателями эмоционального интеллекта и межкультурной компетентности выявлены только в группе учащихся полиэтнических классов. В этой группе установлены связи между пониманием эмоций и управлением межкультурным взаимодействием, а также между внутриличностным эмоциональным интеллектом и отсутствием этноцентризма. В группе учащихся моноэтнических классов выявленная взаимосвязь носит статистически незначимый характер, что свидетельствует об отсутствии выраженных корреляций между изучаемыми показателями.

Литература

1. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении. СПб.: Питер, 2010. 544 с.
2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект почему он может значить больше, чем IQ, М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 541 с.
3. Пирязева М.В., Дроздова Е.С. Эмпатия и эмоциональный интеллект как факторы оптимизации межкультурной коммуникации студентов // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика. Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2025. Чебоксары: ИД «Среда», 2025. С. 338-340.
4. Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям/ Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 351 с.

5. Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Павлова О.С. и др. Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1. С. 71–91. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-71-91>
6. Deardorff D.K, Identification and Assessment of Intercultural Competence // Journal of Studies in International Education. 2006. Vol. 10. № 3. P. 241–266.

К какому кросс-культурному психологу готовы обратиться российские клиенты

Ефимова О.Р., Павлова О.С.

*ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
touch4happy@mail.ru, pavlovaos@mgppu.ru*

В условиях растущей миграции, интенсификации межкультурных контактов и этнокультурного разнообразия российского общества возрастает потребность в специалистах, способных оказывать психологическую помощь с учетом культурной специфики клиентов. Кросс-культурное консультирование становится все более востребованным направлением, однако вопрос о том, какие именно компетенции кросс-культурного психолога являются ключевыми с точки зрения потенциальных клиентов, остается недостаточно изученным.

В социально-психологическом исследовании, целью которого стало изучение представлений россиян о компетенциях кросс-культурного психолога, приняли участие 131 респондент из различных регионов России. Исследование проводилось в ноябре 2025 года с помощью онлайн-опроса через платформу Anketolog.ru. Выборка включала 71% женщин и 29% мужчин в возрасте от 14 до 65+ лет. Из них 67,9% идентифицировали себя как русские, 32,1% – как представители других народов, в том числе 9,9% указали множественную этническую идентичность. Более 62% имели высшее или незаконченное высшее образование. Опыт обращения за психологической помощью имели

48,9% респондентов, однако опыт работы с кросс-культурным психологом лишь 9,2%.

Методический инструментарий включал: оценку по шкале Лайкерта утверждений о профессиональных характеристиках; оценку важности критериев выбора специалиста; шкалу готовности обращения по межкультурным и общепсихологическим ситуациям; модифицированный семантический дифференциал Ч. Осгуда – оценки 24 качеств психолога по биполярной шкале. Статистический анализ включал описательную статистику, контент-анализ, корреляционный анализ, сравнение групп, кластерный анализ и множественную регрессию.

Эмпирическое исследование ожиданий российских клиентов от кросс-культурного психолога выявило устойчивый консенсус относительно ключевых компетенций специалиста. Анализ данных показывает, что клиенты формируют четкую иерархию приоритетов, где культурная чувствительность, профессиональная методическая гибкость и коммуникативная компетентность значительно коррелируют с готовностью обращения за психологической помощью.

1. Культурная чувствительность представляет собой способность замечать, что одни и те же переживания могут иметь различное значение в разных культурах (Почебут, 2025; Bennett, 2013). Эмпирические данные демонстрируют исключительно высокую значимость этой компетенции: эмпатия кросс-культурного психолога, культурная открытость, знание культурных особенностей и специальная подготовка в этнопсихологии получили максимальные оценки ($M > 3,59$ из 4) с согласием более 93% респондентов.

Корреляционный анализ подтверждает, что проявление культурной чувствительности демонстрирует наиболее сильную связь с готовностью обращения ($r = 0,42$; $p < 0,001$).

2. Умение адаптировать подход под культурный и региональный контекст России выступает специфической компетенцией специалиста (Павлова, 2025). Клиенты ценят не только общий профессионализм, но и понимание внутренних различий страны: уровень индивидуализма-коллективизма региона клиента, ценностные ориентации, религиозные особенности, этнорегиональную специфику, языковую среду (Hofstede, 1991; Stefanenko, Kupavskaya, 2010). Опыт работы с культурой клиента

является главным критерием выбора ($M = 3,42$ из 4); понимание религиозного контекста также значимо ($M = 3,21$).

Эмпирические данные выявляют парадоксальный результат: формальные маркеры оказываются вторичными. Научные степени и одинаковая национальность с клиентом получили наименьшие оценки важности. Регрессионный анализ показывает: опыт работы с культурой в 5,6 раза сильнее предсказывает готовность обращения, чем одинаковая национальность.

Сравнительный анализ подгрупп также выявил важные различия. Представители народов, которые не относят себя к русским, предъявляют более высокие требования к культурной компетентности (Павлова, 2025): опыт работы с их культурой для них значимее на 48%, понимание религиозного контекста – на 19% важнее. Однако критически важно, что даже для этой группы одинаковая национальность остаётся наименее важным критерием.

Методическая гибкость психолога коррелирует с готовностью обращения на уровне $r = 0,36$ ($p < 0,001$).

3. Навыки уважительного диалога включают способность задавать вопросы без давления, проверять свои гипотезы и не интерпретировать культурные особенности как патологию (Арпентьева, 2017; Bennett, 2013). Семантический профиль демонстрирует, что характеристики коммуникативной компетентности получили максимальные оценки: «уважающий», «толерантный», «слушающий», «деликатный», «принимающий» ($M > 1,88$ из 2).

Коммуникативная компетентность коррелирует с готовностью обращения на уровне $r = 0,41$ ($p < 0,001$).

Таким образом, исследование социальных представлений о кросс-культурном психологе выявило, что российские клиенты доверяют специалисту, который имеет культурную чувствительность, умеет слушать, адаптироваться и уважает их ценности.

Литература

1. Арпентьева М.Р. Взаимопонимание в кросс-культурном консультировании: теория и практика / М.Р. Арпентьева // Cyberleninka. 2017.

2. *Павлова О.С.* Психологическое консультирование: культурно-специфические факторы // Психологическая помощь в диалоге культур. Методическое пособие по психологическому сопровождению студентов в поликультурной образовательной среде. Москва: Знание, 2025. С. 71-86.
3. *Почебут Л.Г.* Кросс-культурная и этническая психология : учебник для вузов / Л.Г. Почебут. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025.
4. *Bennett M.* Basic concepts of intercultural communication: Paradigms, principles, & practices. Boston: Intercultural Press, 2013.
5. *Hofstede G.* Cultures and organizations: Software of the mind. New York: McGraw-Hill, 1991.
6. *Stefanenko T.G., Kupavskaya A.S.* Ethno-cultural competence as a component of competence in communication // Psychology in Russia: State of the Art. 2010. Vol. 3. Pp. 550–564.

Социально-психологические характеристики осужденных, принявших решение участвовать в СВО

Ефремова А.А., Есеева О.В.

*САФУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия
alenaefremova18@mail.ru, eseevaolga@mail.ru*

В последние годы наблюдается возрастание интереса к социально-психологическим характеристикам различных групп населения, включая осужденных. Проблема отправки осужденных на специальную военную операцию (СВО) требует особого внимания, так как решение может быть связано с множеством факторов, включая личные, социальные и психологические аспекты.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить социально-психологические характеристики осужденных, принявших решение направиться на специальную военную операцию (СВО).

Каждому человеку присущи определенные качества (психологические и социальные), позволяющие лучше понимать

человека и которые нужно учитывать при взаимодействии с ним. Социальные характеристики человека описывают его положение в обществе, социальный статус, социальные связи, социальную активность. Психологические характеристики описывают человека глубже, раскрывают происходящие процессы в психике, особенности личности человека и его внутренний мир.

Совокупность индивидуальных особенностей психики человека, определяют его поведение, мыслительные процессы, эмоциональные реакции и взаимодействие с окружающим миром. Они формируются под воздействием генетических факторов, воспитания, социального окружения и личного опыта.

«Под личностью осужденного следует понимать лицо, отбывающее наказание после вступления в законную силу приговора суда, до момента освобождения от дальнейшего отбывания наказания, обладающее характерологическими особенностями, обусловленными отношением осужденного к основным средствам исправления осужденного, к назначенному наказанию» (Филиппов, Филиппова, 2017).

Личность осужденного через психологические аспекты проявляется в низкой активности и вовлеченности в различные виды деятельности, что отражает их эмоциональную нестабильность и высокую чувствительность. Их личные черты, такие как конфликтность, эксцентричность и низкая терпимость, способствуют социальной изоляции и негативному восприятию окружающего мира. Волевая сфера выражается в настойчивости и упрямстве, но также вспыльчивости и внешнем контроле над своими действиями. Интеллектуальные особенности, включая ригидность и затруднения в обучении, ограничивают их способность адаптироваться к новым условиям.

Специальная военная операция – это совокупность мероприятий, проводимых вооруженными силами или специальными службами государства для достижения определенных целей, связанных с обеспечением национальной безопасности и интересов страны (Упоров, Степанов, 2023). Об участии осужденных в специальной военной операции говорят журналисты в СМИ, а также авторы в научных исследованиях. «По данным газеты Коммерсантъ, количество

заклученных в уголовно-исполнительной системе страны сократилось за 2022 г. на 32 тыс. человек» (Лопашенко, 2023).

Изучая статистические данные, приведенные в СМИ, появляется возможность проследить и сделать вывод, что за время существования СВО было привлечено большое число осужденных.

Было проведено эмпирическое исследование на базе ИК-1 УФСИН по Архангельской области. Исправительная колония начала свою работу в 1936 году, а 28 февраля 1937 года была переименована в колонию номер 1. За годы проведения СВО около 500 заключенных, отбывавших наказание в ИК- 1, приняли решение участия в ней.

В ходе эмпирического исследования было проведено интервью со специалистами и заключенными. Респондентами стали сотрудник ИК-1 психолог, который работает с осужденными. Для сотрудников был подготовлен ряд вопросов, в ходе которых планировалось узнать о том, как и какая работа проводится с осужденными, принявшими решение отправиться на СВО. А также два осужденных, принявших решение отправиться на СВО.

Осужденных, которые приняли решение отправиться на СВО, объединяют следующие характеристики: наличие семьи, большой срок лишения свободы, статьи 111, 158, 105 ч.2 и 162; люди, повторно осужденные и приговоренные к лишению свободы. Также деньги не являются главной причиной принятия решения об отправке на СВО, больше влияет избегание прошлого и попытки изменить будущее.

По результатам интервью мы пришли к выводу о том, что социально-психологическими характеристиками осужденных, принявших решение участвовать в специальной военной операции, являются: асоциальное поведение, агрессивность, «узкий» круг общения, конфликтность, использование физической силы против других, недоверие, а также стремление к переменам и свободе.

Несмотря на эти трудности, они ценят дружеские отношения и проявляют интерес к философии и психологии, что свидетельствует о внутренней проницательности и стремлении к знаниям. Однако их действия не всегда отражают ценности, которые они осознают.

У первого респондента подтвердилось асоциальное поведение, агрессивность, конфликтность, использование физической силы против других, эмоциональность, обидчивость и узкий круг общения, а также стремление к переменам. А у второго респондента подтвердился

узий круг общения, напряженность, недоверие и стремление к свободе.

Таким образом, осужденные демонстрируют ряд психологических и социальных характеристик, которые существенно влияют на их поведение и взаимодействие с окружающим миром. Психологические особенности, такие как низкая активность, эмоциональная нестабильность и конфликтность, способствуют социальной изоляции и негативному восприятию людей. Социальные характеристики, включая замкнутость, низкую эмпатию и склонность к асоциальному поведению, указывают на трудности в установлении межличностных связей и адаптации к групповой динамике.

Литература

1. *Лопашенко Н.А.* О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2 (53). С. 2.
2. *Упоров А.Г., Степанов К.А.* Административно-правовой статус СВО и ее отличие от войны // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 2 (22). С. 130.
3. *Филиппов Р.А., Филиппова Ю.М.* К вопросу о понятии личности осуждённого // Учёные записки университета Лесгафта. 2017. № 6 (148). С. 3.

Социально-психологическая адаптация первокурсников к образовательной среде вуза

Жигэу Е.И.

*Государственный Педагогический Университет им. «Иона Крянгэ»,
Кишинёв, Республика Молдова
e_jigau@mail.ru*

Период обучения на первом курсе – ключевой этап социализации студентов, формирования их профессиональной идентичности и интеграции в образовательную среду. Переход в новую образовательную среду сопровождается перестройкой мотивационной,

когнитивной и эмоциональной сфер, а также формированием новых форм учебной деятельности и межличностных отношений.

В психологии адаптация рассматривается как активный процесс взаимодействия личности и социальной среды, направленный на достижение состояния динамического равновесия (Андреева, 2008). В условиях высшего образования адаптация включает когнитивный (освоение новых способов учебной деятельности), эмоциональный (переживание тревоги), поведенческий (формирование саморегуляции) и социальный (интеграция в студенческую группу) компоненты.

Целью исследования стало выявление взаимосвязи между тревожностью, самооценкой, самоотношением и социально-психологической адаптацией первокурсников, а также обоснование модели психолого-педагогического сопровождения. Предполагалось, что высокий уровень тревожности негативно влияет на адаптацию студентов, в то время как позитивное самоотношение и адекватная самооценка служат ресурсами успешной интеграции в образовательную среду. Системное сопровождение повышает эффективность адаптационных процессов.

Исследования в области психологической адаптации личности к новым социальным условиям подчеркивают важность как индивидуальных, так и социальных факторов. Согласно теории адаптации личности (Реан, 2006) и гуманистической психологии, адаптация студентов может быть рассмотрена как динамичный процесс, где важно учитывать как личностные особенности, так и условия социальной среды. В этом контексте тревожность и самооценка играют ключевую роль. Повышенная тревожность и низкая самооценка существенно снижают академическую успешность и социальную вовлеченность студентов (Бодров, 2006).

Исследование проводилось среди 65 студентов первого курса (17–19 лет) с использованием различных методик: шкала тревожности Спилбергера–Ханина, методика самоотношения Столина–Пантिलеева, диагностика самооценки Дембо–Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан), методика социально-психологической адаптации Роджерса–Даймонд.

Результаты показали, что значительное число студентов сталкивается с трудностями в процессе адаптации. Так, 42% студентов испытывают высокий уровень личностной тревожности, 48% –

повышенную ситуативную тревожность, а 34% имеют заниженную самооценку. Эти факторы затрудняют участие в учебной деятельности. Также 19% студентов демонстрируют низкий уровень социальной адаптации, что проявляется в трудностях установления контактов и снижении эмоционального комфорта.

Корреляционный анализ (использовался критерий Спирмена) выявил отрицательную связь между личностной тревожностью и уровнем адаптации ($r = -0,68$; $p \leq 0,01$). Также ситуативная тревожность ухудшает эмоциональный комфорт ($r = -0,59$; $p \leq 0,01$). В то же время самоотношение и адекватная самооценка положительно коррелируют с адаптацией ($r = 0,72$; $p \leq 0,01$ и $r = 0,57$; $p \leq 0,01$).

То есть, позитивное самоотношение и адекватная самооценка способствуют успешной интеграции в образовательную среду.

На основе результатов исследования была разработана комплексная модель психолого-педагогического сопровождения первокурсников, направленная на поддержку студентов и предупреждение дезадаптации. Модель включает четыре взаимосвязанных направления деятельности, обеспечивающих всестороннее сопровождение студентов в первые месяцы обучения:

- диагностика и аналитика – регулярное отслеживание уровня тревожности, самооценки и социальной адаптации студентов с использованием психологических методик для раннего выявления тех, кто нуждается в поддержке;
- профилактическая работа – организация программ адаптации, тренингов по коммуникативным навыкам, саморегуляции и тайм-менеджменту, что помогает снизить тревожность и улучшить самооценку;
- коррекционно-развивающее сопровождение – индивидуальные консультации и групповые занятия, направленные на снижение тревожности, развитие уверенности и профессиональной идентичности;
- организационно-педагогическое сопровождение – координация действий преподавателей, кураторов и психологов для создания поддерживающей образовательной среды.

Преподаватели играют важную роль в процессе адаптации, поскольку они не только обеспечивают учебный процесс, но и

поддерживают студентов эмоционально. Эмпатийное взаимодействие, открытость и поддержка преподавателей способствуют снижению тревожности и повышению вовлеченности студентов в учебный процесс.

Таким образом, адаптация первокурсников к образовательной среде – это многогранный процесс, в котором ключевую роль играют как личностные, так и социальные факторы. Разработанная модель психолого-педагогического сопровождения помогает системно поддерживать студентов в процессе адаптации, улучшая их академическую успешность и вовлеченность в учебный процесс.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2008.
2. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006.
3. *Реан А.А.* Психология адаптации личности. СПб.: Прайм Еврознак, 2006.

Восприятие стиля воспитания матери и коммуникативные качества подростков

Журавлева К.С., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
krizhura@gmail.com, kozhuhargs@mgppu.ru

Семья является первичным институтом социализации, где закладываются основы взаимодействия ребенка с окружающим миром. Особое значение детско-родительские отношения приобретают в подростковом возрасте, когда стремление к автономии сочетается с потребностью в эмоциональной поддержке. Целью данного исследования, проведенного на выборке из 96 подростков, стал анализ взаимосвязи между воспринимаемым стилем воспитания матери и особенностями коммуникативной сферы ребенка: его

коммуникативными установками, эмпатией и поведенческими навыками общения.

Методики и выборка исследования. Восприятие стиля воспитания матери оценивалось с помощью методики ADOR («Подростки о родителях») (Шафер, 1965; адаптация Матейчик, Ржичан, 2010). Для диагностики коммуникативной сферы применялись: методика диагностики коммуникативной установки В.В. Бойко (1996), тест коммуникативных умений Л. Михельсона (адаптация Гильбуха, 1997) и методика диагностики уровня эмпатии И.М. Юсупова (1996). Статистическая обработка данных производилась с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение. Проведенный корреляционный анализ позволил выявить ряд значимых связей. Согласно теоретическому анализу, ключевым фактором, формирующим негативные установки подростка, выступает стиль воспитания матери. Нас интересовал вопрос, как связано восприятие подростками стиля воспитания матери с их коммуникативными качествами. Наибольшее количество прямых связей выявлено у показателей негативной коммуникативной установки (Бойко, 1996) с такими стилями, как «враждебность» и «непоследовательность». Чем более холодной, критикующей и непредсказуемой воспринимает подросток мать, тем выше у него общий уровень негативизма, цинизма и открытой жестокости ($p \leq 0,05$). Напротив, «позитивный интерес» со стороны матери выступает защитным фактором, снижая склонность к открытой жестокости ($r = -0,237$; $p \leq 0,05$). Полученные данные согласуются с выводами Маралевой (2025), которая также указывает на связь дисгармоничных стилей воспитания с трудностями в саморегуляции и поведении подростков.

Влияние стиля воспитания на коммуникативные умения (Михельсон, 1997) носит сложный и нелинейный характер. В качестве примеров взаимосвязи можно привести такие: «директивность» матери связана со снижением агрессивных реакций в нейтральных ситуациях (например, на похвалу) и формированием компетентного ответа на критику ($p \leq 0,05$). Однако она же связана с зависимым поведением при принятии поддержки и агрессивным отказом, что может быть следствием подавления самостоятельности подростка.

В теоретических работах показано, что наиболее деструктивное влияние на коммуникацию оказывает непоследовательность матери в

процессе воспитания ребенка. Данный стиль воспитания отрицательно связан со «здоровой» агрессией в ситуациях, где она необходима для защиты границ (например, в ответ на задевающее поведение, $r = -0,270$ при $p \leq 0,01$). Одновременно с этим восприятие непоследовательности в поведении матери подростками, как представляется, формирует гиперкомпенсаторную компетентность: подростки из такой среды демонстрируют наиболее высокие показатели компетентного оказания сочувствия ($r = 0,286$; $p \leq 0,01$) и реакции на критику. Это можно рассматривать как защитный механизм, направленный на стабилизацию хаотичной среды через «идеальное» поведение (Поскакалова, Хуснутдинова, 2024).

Негативные коммуникативные установки подростка, в свою очередь, напрямую связаны с дезадаптацией в общении. Высокий уровень негативизма разрушает компетентное поведение, провоцируя либо агрессивные, либо зависимые реакции. Особого внимания заслуживает выявленный парадокс: «открытая жестокость» положительно коррелирует с эмпатией к животным ($r = 0,256$; $p \leq 0,05$). Обнаруженный факт требует дополнительного изучения, однако может указывать на компенсаторный механизм: не находя принятия и тепла в отношениях с людьми, подросток реализует свою потребность в привязанности через взаимодействие с животными, которые воспринимаются как «безопасные» объекты (Бершадская, 2024). Сравнительный анализ Самсоненко и Дроздовой (2024) также подтверждает, что особенности виртуальной активности подростков тесно связаны с развитием их коммуникативных умений, что может быть следствием дефицита качественного общения в реальной среде.

Проведенное исследование подтверждает, что стиль воспитания матери тесно связан с развитием коммуникативной сферы подростка. Позитивный интерес и принятие со стороны матери выступают ключевыми ресурсами, формирующими доверие к миру и снижающими риск агрессивного поведения. Враждебность и, в особенности, непоследовательность материнского воспитания ведут к формированию устойчивых негативных установок и искажению коммуникативных паттернов, толкая подростка к крайним формам реагирования – агрессии или зависимости. Полученные данные подчеркивают необходимость психологической работы с родителями, направленную на формирование предсказуемых и эмоционально теплых отношений в семье.

Литература

1. *Бершадская Е.Я.* Агрессивность подростков как феномен неразвитой способности к эмпатии. Екатеринбург, Уральский федеральный университет, 2024.
2. *Бойко В.В.* Диагностика коммуникативной установки. Москва, 1996, С. 117-121.
3. *Маралева М.В.* Стиль семейного воспитания и саморегуляция младших подростков. Москва: МГППУ, 2025.
4. *Михельсон Л.* Тест коммуникативных умений / Под ред Ю.З. Гильбуха. Киев, 1997, С. 3-26.
5. *Посакалова Т.А., Хуснутдинова М.Р.* Роль школьного театра в развитии коммуникации подростков // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29. № 6. С. 164–177.
6. *Самсоненко Л.С.* Особенности коммуникативных умений подростков с разным уровнем виртуальной активности. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2024.
7. *Шафер Е.* Методика ADOR «Подростки о родителях» / адаптация З. Матейчика и П. Ржичана. Санкт-Петербург, 2010, С. 5-17
8. *Юсупов И.М.* Методика диагностики уровня эмпатии, Казань, 1995 С. 255.

Социально-психологические аспекты этических кодексов этноса: на примере Адыгэ Хабзэ

Заплатникова С.В., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
zaplatnikova_s@mail.ru, pavlovaos@mgppu.ru

В современных условиях, когда на повестке дня стоит сохранение традиционных ценностей, научная общественность обращается к изучению опыта традиционных ценностей, которые складывались в истории различных этнических групп. Межгрупповое единство базируется на уважении к истории, традициям и кодексам чести соседа.

Поэтому в данном контексте интересно обратиться к исследованию Адыгэ Хабзэ – морально-этического кодекса черкесского (адыгского) народа, регулирующего социальное поведение и межличностные отношения. Это совокупность неписанных поведенческих норм: уважение к старшим, забота о младших, почитание женщины и гостеприимство. Адыгэ Хабзэ демонстрирует, как традиционные ценности работают на единство.

Гостеприимство выступает формулой добрососедства: гостя принимают с почтением независимо от происхождения. Уважение к старшим является мостом между поколениями, сохраняя связь с корнями. Адыгагъэ (адыгство) – внутренняя культура, воспитанность, тактичность, сдержанность. Функционирование адыгства предполагает взаимодействие ключевых заповедей: человечности, почтительности, разума, мужества и чести, которые обязан поддерживать каждый черкес (Бгажноков, 1999).

С позиции социальной психологии воспроизводство этической системы Адыгэ Хабзэ обеспечивается механизмами культурной трансмиссии и социального научения. Межпоколенная (вертикальная) трансмиссия определяется как основной канал передачи этнокультурных традиций (Лебедева, 2026). Согласно типологии М. Мид данный тип является постфигуративным: дети усваивают паттерны через подражание старшим, а агентами социализации выступает вся община (Мид, 1988).

А. Бандура в теории социального научения конкретизирует процесс усвоения норм через механизм моделирования: внимание, запоминание, воспроизведение и мотивация (Бандура, 2000). В условиях поликультурного взаимодействия актуализируются аккультурационные стратегии (Берри, 2007).

Ценностные ориентации Адыгэ Хабзэ созвучны морально-этическим нормам других народов Северного Кавказа. Как показывают исследования О.С. Павловой (2016), в представлениях карачаевцев, балкарцев и кабардинцев об идеалах воспитания центральное место занимают уважение к старшим, толерантность, соблюдение этики и традиций. «Анализ представлений северокавказских респондентов об идеалах воспитания показывает, что все они связаны с традиционными и религиозными ценностями и нормами и отражают принципы морально-этических кодексов народов» (Павлова, 2016). Эти данные

эмпирически подтверждают, что принципы Адыгэ Хабзэ разделяются и соседними народами.

С целью изучения социально-психологических механизмов сохранения и передачи традиций у черкесов Краснодарского края нами было проведено качественное исследование, в котором приняли участие 15 представителей трех адыгских аулов. Проиллюстрируем и охарактеризуем некоторые результаты исследования на основе анализа проведенного интервью.

В нарративе респондентов фиксируется действие механизма социального научения через наблюдение (Бандура, 2000): *«Сыновья видят в окружении мужчин в ауле, кто как себя ведет, и берут пример, видят плохие и хорошие моменты»*. Среда выступает агентом социального контроля, что характерно для постфигуративного типа культурной трансмиссии (Мид, 1988). Респондент отмечает: *«Передача правил поведения происходит через «круг», в котором ты находишься. Если я, как отец, не дам сыну достаточно информации, и он совершит ошибку, то его поправят окружающие: «делай вот так»»*. Включенность общины в трансляцию нормы обеспечивают ее устойчивость.

Механизм интериоризации внешних норм (Стефаненко, 2006) проявляется в трансляции понятия «напэ» (честь). Респондент передает его через установку: *«Я говорю сыновьям: если не знаешь, лучше молчи, чем глупость сказать»*. Внешнее требование «не опозориться» преобразуется во внутренний регулятор.

В интервью фиксируется действие невербальных механизмов регуляции, характерных для культур коллективистического типа (Триандис, 2011): *«если я посмотрел на сына, он понимает, что что-то не так и лучше замолчать»*.

В ситуации взаимодействия этнической традиции и религии актуализируется стратегия интеграции этнических и религиозных норм и ценностей (Берри, 2007). Респондент выстраивает иерархию: *«Если Хабзэ не противоречит нормам Ислама, то это принимается. Если противоречит, то мы должны убрать это в сторону»*. Данная стратегия позволяет сохранить этническую специфику в рамках более широкой ценностной системы. Трансгенерационные механизмы проявляются в сохранении родовой символики и исторической памяти

(Шутценбергер, 2006). Респондент подтверждает наличие в семье родового знака («Да, есть тамга «дамыгъэ»).

Качественный анализ интервью позволяет эмпирически верифицировать действие теоретически выделенных социально-психологических механизмов, обеспечивающих устойчивое воспроизводство этической системы Адыгэ Хабзэ в современных условиях. Функционирование данных механизмов способствует сохранению этнокультурной специфики при одновременной интеграции в поликультурное пространство.

Адыгэ Хабзэ выступает не как музейный экспонат, а как живая нить, связывающая прошлое и будущее. Понятие чести, совести и уважения универсальны. Обращение к истокам Адыгэ Хабзэ учит слушать и слышать друг друга, что является приоритетной задачей, символизирующей 2026 год как Год единства народов России.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. Санкт-Петербург: Евразия, 2000.
2. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999 г.
3. Берри Д.В. Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П.Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
4. Лебедева Н.М. Этнопсихология: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2026. 491 с.
5. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. Москва: Наука, 1988.
6. Павлова О.С. Воспитательные идеалы на Северном Кавказе // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13-16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. Ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Смоленск-М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т.1. С.157-161.
7. Стефаненко Г.Г. Этнопсихология. Москва: Аспект Пресс, 2006.

8. *Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. Москва: Форум, 2011.
9. *Шутценбергер А.А.* Синдром предков. Москва: Институт психотерапии, 2006.

Влияние детско-родительских отношений на способы совладания со стрессом у подростков с ювенильным артритом

***Засыпкина Е.В., Девличарова Р.Ю.,
Колесникова А.И., Казначеева В.Ю.***

*ФГБОУ ВО СГМУ имени В.И. Разумовского, Саратов, Россия
belza-elena@yandex.ru , Devlicharova_ru@hotmail.com,
albina-kolesnikova2017@yandex.ru , kaznacheeva302004@bk.ru*

На сегодняшний день ювенильный артрит среди детей и подростков достигает 62,3 первичной распространенности, что является высоким процентом встречаемости данного заболевания среди рассматриваемой возрастной группы (Алексеева и др., 2017). Ювенильный артрит характеризуется высокой частотой и интенсивностью болевого синдрома, что может привести к серьезным психологическим проблемам и социальной дезадаптации (Кабатова, 2014). В этом контексте детско-родительские отношения могут оказывать значительное влияние на эмоциональное состояние и адаптацию подростка к хроническому заболеванию (Костюченко, 2013). Исследование этих отношений позволяет выявить, как родительская поддержка или, наоборот, недостаток внимания могут влиять на способы совладания с трудностями и стрессовыми факторами.

Вопрос о связи воспитания и формирования копинг-стратегий у детей, страдающих ювенильным артритом, остается плохо изученной областью в психологической науке (Кабатова, 2014). В связи с этим поставленная проблема является актуальной на данный момент для понимания связи между изучаемыми явлениями и в последующем для разработки эффективных психологических и социальных мер коррекции.

Цель исследования: изучение влияния детско-родительских отношений на способы совладания со стрессом у подростков, страдающих ювенильным артритом.

Использовались: методика «Человек под дождем» (1997 г.), опросник «Способы совладающего поведения» Лазаруса (2004 г.), методика «Рисунок семьи» (1972 г.).

Исследование проводилось на базе педиатрического отделения – 2 УКБ №1 города Саратова. В психологическом исследовании приняли участие 20 пациентов УКБ 1 педиатрического отделения в возрасте 13-17 лет с диагнозом ювенильный артрит, из них 12 пациентов женского пола, 8 пациентов мужского пола. Средний возраст составил $14,7 \pm 1,17$.

В ходе проведенного исследования были получены следующие данные об особенностях выбора копинг-стратегий у подростков с ювенильным артритом.

Большинство исследуемых (80%) подростков использовали нормативно-принятые методы совладания с ситуацией, включая дистанцирование, положительные интерпретации и рациональное планирование решений. Однако почти треть испытуемых (25%) демонстрировала склонность к менее эффективным защитным реакциям типа избегания и подавления чувств.

Лишь два участника продемонстрировали активные попытки противостоять негативным последствиям болезни. Основная масса (90%) респондентов предпочли пассивный способ реагирования, уклоняясь от прямого столкновения с проблемой.

Только один ребенок выделялся высоким уровнем самоконтроля, остальные же имели низкую способность контролировать собственные чувства и поведение.

Хотя большинству (80%) подростков доступна внешняя поддержка, некоторые испытывают сложности в получении необходимой помощи от окружения.

Трое участников демонстрируют высокий уровень принятия личной ответственности, тогда как большая часть (85%) предпочитает переложить её на окружающих.

Около трети (25%) детей активно используют избегающие механизмы путем переключения внимания, отрицания значимости ситуации или ухода в фантазии.

Также была выявлена связь между детско-родительскими отношениями и стратегиями совладания в стрессовой ситуации.

Дети из демократичных семей лучше управляли своими эмоциями, применяя продуктивные копинги, такие как когнитивное планирование ($t = -5,49$ при $p < 0,001$) и положительную переоценку ($t = -6,72$ при $p < 0,001$). Такие дети реже прибегали к агрессивным формам противодействия проблемам.

Авторитарный стиль воспитания сопровождался выбором неэффективных стратегий такими, как конфронтация ($t = 4,56$ при $p < 0,001$), дистанцирование ($t = 4,09$ при $p < 0,001$) и бегство-избегание ($t = 2,86$ при $p < 0,05$), низким уровнем контроля над собственными чувствами и понижением самооценки.

Попустительский стиль воспитания усиливал тревожность и дезорганизацию поведения подростков, приводя к росту количества избегающих реакций.

Исследование показало, что детско-родительские отношения оказывают существенное влияние на выбор подростками способов совладания со стрессом. Подростки из демократических семей справляются с болезнью эффективнее, выбирая более конструктивные стратегии, такие как социальная поддержка и положительная переоценка. Напротив, подростки из авторитарных и попустительских семей чаще прибегают к избегающим и пассивным методам совладания, что осложняет процесс адаптации к заболеванию и снижает качество жизни.

Для успешной адаптации подростков с ювенильным артритом важно уделить внимание улучшению семейных отношений, развитию навыков совладания и усилению положительной самооценки. Таким образом, работа с родителями и подростками должна включать консультирование, образовательные семинары и психологическую поддержку, направленные на улучшение взаимодействия и совместное преодоление трудностей.

Литература

1. Алексеева Е.И., Ломакина О.Л., Валиева С.И., Бзарова Т.М. Обзор международных регистров пациентов с системным ювенильным идиопатическим артритом // ВСП. 2017. Т. 16. №1. С. 18–23.

2. *Кабатова И.Н.* Психологические особенности у больных ювенильным ревматоидным артритом и их психокоррекция // Вестник физиотерапии и курортологии. 2014. №1. С. 15–16.
3. *Костюченко Е.В.* Особенности совладающего поведения больных ревматоидным артритом // Клинико-психологические аспекты медицинской практики. 2013. С. 119–122.

Взаимосвязь семейного воспитания и учебной мотивации у младших школьников

Зверовская Я.П.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
yzverovskaya@bk.ru*

В современных условиях проблема формирования учебной мотивации у младших школьников приобретает особую актуальность, так как преподаватели часто сталкиваются с проблемой низкой мотивации у учащихся (Крушельницкая, 2017). Семейное воспитание выступает одним из ключевых факторов, определяющих успешность образовательного процесса на начальном этапе обучения.

Учебная мотивация представляет собой сложную систему внутренних и внешних стимулов, побуждающих ребенка к учебной деятельности (Зверовская, Крушельницкая, 2021). Она выступает ключевым фактором успешности образовательного процесса, особенно в младшем школьном возрасте, когда закладываются основы отношения к учебе. Исследования показывают, что именно в семье формируются базовые установки к познанию и обучению. Так как учебная мотивация у младших школьников находится в стадии активного формирования, то в этот период особенно важно создать условия, при которых ребенок будет воспринимать учебу как значимую интересную деятельность.

Мотивация учения как деятельности является результатом как переработки тех воздействий, которые он получает из семейной и широкой социальной среды, так и образования сознательного и малосознательного отношения к этим воздействиям, связанного с

особенностями жизненных установок, устремлений, интересов человека. Все это сказывается на мотивах учения (Jakobson, 1969).

Преобладание в детско-родительских отношениях эмоционально положительных качеств способствует формированию у ребенка высокой активности, позитивной самооценки и уверенности в собственных возможностях (Смирнова, 2020). Напротив, подавление интересов ребенка и формирование враждебного типа взаимоотношений с родителями могут провоцировать развитие замкнутости и неуверенности в себе, что оказывает негативное влияние на процесс личностного развития.

В период младшего школьного возраста у детей начинает складываться представление о причинах собственных успехов и неудач. Они постепенно учатся связывать свои достижения либо с уровнем способностей, либо с приложенными усилиями. На этом этапе особенно значимым становится стремление к достижению результата – мотивация успеха приобретает важное значение для формирования школьника как активного участника образовательного процесса. Дети начинают осваивать контроль над своими действиями, принимают решения и устанавливают долгосрочные цели. Для гармоничного развития младших школьников необходим баланс между заботой и свободой, что достигается через демократическое отношение родителей. Дети должны чувствовать теплоту и поддержку со стороны взрослых, а также иметь возможность принимать самостоятельные решения и развивать свою независимость (Хоментаускас, 1989). Мотивационный компонент является ключевым аспектом психического развития и изменяется быстрее, чем познавательные и интеллектуальные характеристики. В.С. Мерлин подчеркивает динамичность мотивов, что указывает на их изменчивость (Менчинская, 2004).

Одним из факторов семейного воспитания, влияющих на учебную мотивацию младших школьников, является стиль семейного воспитания.

С целью выявления взаимосвязи учебной мотивации младших школьников со стилем семейного воспитания было проведено эмпирическое исследование, участниками которого стали 70 школьников, из которых 37 девочек и 33 мальчика. Использовались: методика проективный рисунок «Я в школе» (Н.Г. Лусканова),

опросник изучения школьной мотивации (М.Р. Гинзбург), опросник измерения стилей семейного воспитания (К. Робинсон, Б. Мандлеко, С.Ф. Олсен, Ч. Харта), основанный на концепции стилей семейного воспитания Д. Баумринд.

Результаты исследования подтвердили статистическую значимость взаимосвязи стилей родительского воспитания и учебной мотивации младших школьников ($r = 0,67$ при $p \leq 0,05$). Выявлена взаимосвязь демократического стиля семейного воспитания и учебной мотивации ($r = 0,72$ при $p \leq 0,05$). При таком стиле воспитания более благоприятный климат, который позволяет детям проявить самостоятельность и инициативу, следовательно положительно влияет на учебную активность. Также была обнаружена обратная взаимосвязь между авторитарным стилем семейного воспитания и уровнем учебной мотивации ($r = -0,58$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, чрезмерный контроль и давление, а также недостаток эмоциональной поддержки снижают внутреннюю мотивацию и интерес к обучению у младших школьников.

Детско-родительские отношения представляют собой сложную, многокомпонентную систему, оказывающую значительное влияние на формирование личности ребенка, его когнитивное, эмоциональное и социальное развитие. Результаты исследований подтверждают, что особенности семейного воспитания, эмоциональный климат и характер взаимодействия с родителями определяют мотивационную сферу ребенка.

Полученные результаты имеют практическую значимость для разработки рекомендаций по оптимизации детско-родительских отношений и разработки эффективных воспитательных и образовательных стратегий, направленных на создание благоприятных условий для гармоничного развития и успешной социализации ребенка.

Литература

1. Зверовская Я.П., Крушельницкая О.Б. Взаимосвязь мотивации учения и профессиональной идентичности у студентов колледжа // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева

- «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2021 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. 637 с. С. 169-172.
2. *Крушельницкая О.Б.* Социально-психологические факторы мотивации учения // Социальная психология образования. Учебное пособие / ред. О.Б. Крушельницкая, М.Е. Сачкова, Л.Б. Шнейдер. М.: Вузовский учебник: Инфра-М, 2017. С. 230–241.
  3. *Менчинская Н.А.* Проблемы обучения, воспитания и психического развития ребенка. М.: МПСИ, 2004. 512 с.
  4. *Смирнова Е.О.* Психология ребенка: от рождения до семи лет / Е.О. Смирнова. Москва: Школа-Пресс, 2020. 384 с.
  5. *Хоментausкас Г.Т.* Семья глазами ребенка. М.: «Педагогика», 1989. 160 с.
  6. *Якобсон П.М.* Психологические проблемы мотивации поведения человека. М.: «Просвещение», 1969. 317 с.

Зависимое поведение как дисфункциональный способ адаптации личности

Зенков В.В., Маринова Т.Ю.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vadim9091na@gmail.com, marinovatu@mgppu.ru*

Проблема зависимого поведения в молодежной среде приобретает особую значимость в условиях современного общества. Трансформация социокультурной среды, цифровизация повседневной жизни, размывание традиционных ценностных ориентиров создают предпосылки для распространения различных форм аддиктивного поведения. При этом спектр зависимостей существенно расширился: наряду с химическими формами все более распространенными становятся поведенческие аддикции – интернет-зависимость, игровая зависимость, зависимость от социальных сетей (Егоров, 2020).

Традиционно аддикция рассматривалась как изолированное расстройство – болезнь или вредная привычка. Однако современные исследования позволяют концептуализировать зависимое поведение

иначе – как форму нарушенного взаимодействия личности с социальной средой, при которой аддикция выступает дисфункциональным способом адаптации к субъективно непереносимым условиям существования. Такой подход имеет не только теоретическое, но и практическое значение: он позволяет выстраивать профилактическую работу, направленную на восстановление адаптационного потенциала личности.

Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева определяют аддиктивное поведение как «один из типов девиантного поведения с формированием стремления к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций» (Короленко, Дмитриева, 2001, с. 8). Ключевым в данном определении является понимание аддикции как «псевдоадаптации» – попытки справиться с непереносимыми условиями существования у лиц с дефицитом конструктивных копинг-ресурсов. В.Д. Менделевич указывает, что аддиктивная личность характеризуется неспособностью переносить психологический дискомфорт и стремлением к немедленному его устранению (Менделевич, 2025).

Анализ литературы позволяет выделить три центральных психологических механизма формирования зависимости. Первый механизм – эскапизм – представляет собой уход от субъективно непереносимой реальности, внешней (неблагоприятные жизненные обстоятельства, конфликты, стрессы) или внутренней (тревога, депрессия, чувство пустоты, неудовлетворенность собой). Аддиктивный агент – будь то психоактивное вещество или определенная деятельность – создает иллюзорный мир, в котором человек может временно укрыться от проблем. При этом эскапизм тесно связан с дефицитом более адаптивных способов совладания с трудностями: формированию аддиктивного поведения предшествует неспособность личности конструктивно разрешать проблемные ситуации (Темиргалиева, 2019).

Второй механизм – эмоциональная регуляция через внешние средства – формируется при неспособности личности самостоятельно регулировать свое эмоциональное состояние. Это приводит к поиску внешних источников регуляции, в качестве которых выступают

аддитивные агенты. Зависимость первоначально функционирует как копинг-стратегия, однако со временем подрывает способность к автономной эмоциональной саморегуляции (Гоголева, 2003). А.Б. Холмогорова и соавторы показали, что нарушения регуляции эмоций, проявляющиеся в алекситимии, подавлении эмоций, трудностях их идентификации, создают предпосылки для использования аддитивных способов регуляции состояния (Холмогорова и др., 2009).

Третий механизм – замещение фрустрированных потребностей – объясняет, почему зависимость приобретает центральное значение в жизни человека. Аддитивный объект символически замещает те потребности, которые человек не может удовлетворить адекватным образом: потребности в безопасности, принятии, близости, самореализации. Д.В. Четвериков показал, что в основе мотивационного компонента аддитивного поведения лежит система фрустрированных потребностей (Четвериков, 2002).

Центральным парадоксом зависимости является противоречие между субъективным ощущением адаптации и объективным нарастанием дезадаптации. Аддикт субъективно переживает свое зависимое поведение как эффективный способ справиться с жизненными трудностями – употребление вещества или осуществление аддитивной деятельности действительно приносит временное облегчение. Однако объективно происходит нарастание проблем: ухудшается здоровье, разрушаются социальные связи, снижается продуктивность деятельности (Чухрова, Леутин, 2010). Е.В. Змановская подчеркивает, что уход от реальности посредством аддикции является иллюзорным решением проблем адаптации, поскольку не устраняет причин дезадаптации, а лишь временно снимает ее субъективные проявления (Змановская, 2004).

Эмпирические данные подтверждают связь аддикции со структурными компонентами дезадаптации. Метааналитические исследования демонстрируют статистически значимую корреляцию зависимости с одиночеством (Cai et al., 2024), тревожностью, депрессией и посттравматическим стрессовым расстройством (Shmulewitz et al., 2024), низкой самооценкой (Zhang et al., 2025). И.И. Хасанова и С.С. Котова установили, что интернет-зависимое поведение связано с преобладанием дезадаптивных копинг-стратегий – избегания, самообвинения, фантазирования (Хасанова, Котова, 2017).

Таким образом, концептуализация зависимого поведения как дисфункционального способа адаптации позволяет понять аддикцию не просто как патологическую привычку, а как целостный паттерн функционирования, формирующийся на фоне исходной дезадаптированности и приводящий к ее дальнейшему усилению. Практическое значение данного подхода состоит в том, что профилактическая и коррекционная работа должна быть направлена не только на устранение симптомов аддикции, но и на восстановление адаптационного потенциала личности, развитие конструктивных копинг-стратегий и способности к автономной эмоциональной саморегуляции.

Литература

1. *Гоголева А.В.* Аддиктивное поведение и его профилактика. М.: МПСИ, 2003.
2. *Егоров А.Ю.* Нехимические (поведенческие) аддикции: вопросы типологии, диагностики и классификации // Вопросы наркологии. 2020. № 4(178). С. 7-23.
3. *Змановская Е.В.* Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. М.: Академия, 2004.
4. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: Олсиб, 2001.
5. *Менделевич В.Д.* Психология девиантного поведения. М.: Городец, 2025.
6. *Темиргалиева М.М.* О психологических детерминантах динамики аддиктивного поведения // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2019. Т. 7. № 2(25). С. 296-311.
7. *Хасанова И.И., Котова С.С.* Взаимосвязь интернет-зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодёжи // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 4. С. 116-138.
8. *Холмогорова А.Б. и др.* Психологические факторы эмоциональной дезадаптации у студентов // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 16-26.

9. Четвериков Д.В. Психологические механизмы и структура аддиктивного поведения личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 2002.
10. Чухрова М.Г., Леутин В.П. Аддикция: зависимое поведение. Новосибирск: НГПУ, 2010.
11. Cai H. *et al.* Relationship between loneliness and Internet addiction: A meta-analysis // BMC Public Health. 2024. Vol. 24. Article 786.
12. Shmulewitz D. *et al.* Comorbidity of problematic substance use and other addictive behaviors and anxiety, depression, and post-traumatic stress disorder // Psychological Medicine. 2024. P. 1-11.
13. Zhang Y. *et al.* Correlations between social media addiction and anxiety, depression, FoMO, loneliness and self-esteem // PLOS ONE. 2025. Vol. 20. № 9.

**Жизнеспособность и академическая успеваемость
старшекласников в монородительских семьях: роль тактик
материнского воспитания**

Зуев К.Б.

ФГБУН «Институт психологии РАН»
zuevkb@ipran.ru

Исследования развития детей в монородительских семьях на протяжении многих лет не теряют своей актуальности по ряду причин как практического, так и теоретического характера. Так, число разводов в нашей стране остается стабильно высоким и, следовательно, монородительские семьи начинают образовывать значимую социальную группу. Исследования семьи включают в себя традиционные направления социальной психологии, в частности психологии отношений. И в этом ключе семья, в том числе монородительская, является показательным объектом исследований. Отдельное направление представляют исследования жизнеспособности семьи и в семье (Зуев, 2018; Лактионова, 2017; Махнач, 2016). Жизнеспособность является «зонтичным» понятием и в этом качестве

объединяет в себе и социально-психологический и личностный подходы.

В данном исследовании мы изучали старших школьников (подростков) и, помимо традиционных индикаторов жизнеспособности, рассмотрели дополнительный параметр социальной успешности – академическую успеваемость.

Помимо формального признака (количество родителей в семье) мы изучили психологическую составляющую семьи – тактики материнского воспитания в представлениях подростков.

Выбор такой комбинации параметров был связан с тем, что большинство исследований фокусируется либо на последствиях развода, либо на стилях воспитания как таковых. Остается неясным, существуют ли специфические для монородительской семьи тактики материнского воспитания, выступающие ресурсом для развития жизнеспособности и поддержания успеваемости.

Цель исследования – выявить и проанализировать особенности совместного влияния типа семьи (полной и монородительской) и тактик материнского воспитания на жизнеспособность и академическую успеваемость старшеклассников.

Выборка составила 325 старшеклассников (13–16 лет) г. Москвы: 219 из полных семей (102 юноши, 117 девушек) и 106 из монородительских материнских разведенных семей (46 юношей, 60 девушек). Диагностический комплекс включал: опросник «Подростки о родителях» (ПоР) для оценки тактик материнского воспитания (позитивный интерес, директивность, враждебность, автономность, непоследовательность); опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) для оценки интернальности; опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП) для оценки личных границ; анализ среднего балла успеваемости. Статистическая обработка включала U-критерий Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента, двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA) и корреляционный анализ.

Сравнительный анализ не выявил значимых различий между подростками из полных и монородительских семей по большинству показателей жизнеспособности (общая суверенность, интернальность). Единственным исключением стала суверенность социальных связей, оказавшаяся выше у подростков из полных семей ($p < 0,05$), что может

объясняться большей включенностью полной семьи в социальные сети. Структура взаимосвязей компонентов жизнеспособности существенно различается: в полных семьях выявлено 28 значимых корреляций (высокая интегрированность), в монородительских – лишь 15, при этом из структуры исключаются интернальность в области семейных отношений, но формируются новые связи, группирующиеся вокруг суверенности привычек.

Двухфакторный дисперсионный анализ выявил дифференцированное влияние тактик воспитания. *Позитивный интерес* матери положительно связан с общей интернальностью, интернальностью достижений и общим уровнем суверенности ($p < 0,01$). *Враждебность* оказывает прямое негативное воздействие, снижая показатели по семи шкалам из четырнадцати ($p < 0,001$), независимо от типа семьи. *Непоследовательность* устойчиво негативно связана с суверенностью и интернальностью ($p < 0,01$). *Директивность* и *автономность* обнаруживают эффекты взаимодействия с типом семьи. При высокой директивности у подростков из монородительских семей значимо ниже показатели суверенности и интернальности достижений ($p < 0,01$).

Академическая успеваемость значимо связана с воспитательными тактиками. Позитивный интерес способствует более высокой успеваемости независимо от типа семьи ($p < 0,01$). Директивность снижает успеваемость сильнее в монородительских семьях ($p < 0,05$). Враждебность и непоследовательность негативно влияют на успеваемость независимо от типа семьи ($p < 0,001$ и $p < 0,01$ соответственно). Автономность обнаруживает U-образную зависимость в монородительских семьях: оптимальной является умеренная автономность.

Подтверждена гипотеза об опосредующей роли тактик материнского воспитания во взаимосвязи типа семьи с жизнеспособностью и академической успеваемостью. Классические различия между подростками из полных и монородительских (неполных) семей проявляются лишь при определенных воспитательных тактиках – высокой директивности и низком позитивном интересе. При благоприятных тактиках (высокий позитивный интерес, низкая враждебность) монородительская семья не уступает полной семье по развивающему потенциалу, а в аспекте

формирования автономии даже превосходит ее. Выявленные различия в структуре жизнеспособности указывают на качественное своеобразие адаптационных механизмов в монородительских семьях, где на первый план выходят механизмы, связанные с межличностными отношениями и автономией.

Литература

1. Зув К.Б. Жизнеспособность семьи: современное состояние и перспективы исследований // Развитие личности. 2018. № 1. С. 71-94.
2. Лактионова А.И. Жизнеспособность и социальная адаптация подростков М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017
3. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Социальные представления мигрантов о религиозности

Зыбцева А.Ю., Шорохова В.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, г. Москва, Россия
anna_zybtceva@mail.ru, shorohovava@mgppu.ru*

Социальные представления, которые существуют в обществе, складываются в процессе взаимодействия людей друг с другом. При этом важно, в какое историческое время и в какой культуре это происходит. Основы подхода к изучению социальных представлений заложил французский ученый Э. Дюркгейм. Он первым обратил внимание, что у общества есть свои коллективные взгляды, которые рождаются из повседневной жизни людей. Такие взгляды – это не просто мнение одного человека, а результат общего опыта. Они помогают нам договариваться о том, что считать реальностью, и влияют на то, как мы смотрим на мир и поступаем в разных ситуациях (Бовина, 2009).

Позже С. Московичи дополнил эту теорию, заметив, что подобные представления не могут быть застывшими раз и навсегда – они постоянно меняются. Именно они служат для человека своеобразными фильтрами, через которые он видит происходящее, отличает важное от второстепенного и передает общепринятые значения. Благодаря тому, что у членов одной группы срабатывают сходные механизмы понимания, им проще находить общий язык. При этом сами способы восприятия подстраиваются под текущие обстоятельства, в которых оказываются люди (Бовина, 2011).

Переезд в другую страну актуализирует вопросы самоопределения, где религиозность может стать ключевым компонентом. Религиозность принято рассматривать как совокупность внутренних религиозных убеждений индивида и их внешней реализации. Первый, когнитивный компонент, охватывает систему мировоззренческих установок, включая принятие религиозных предписаний и ценностных ориентиров. Второй, поведенческий аспект, проявляется в участии в богослужениях, выполнении ритуалов, обращении к священным текстам и молитвенной практике (Шорохова, 2014). Миграция может выступать толчком для переосмысления религиозных взглядов: вера либо укрепляется, выступая в роли психологического якоря, либо, напротив, ослабевает.

Цель текущей работы состояла в выявлении социальных представлений о религиозности на примере мигрантов, проживающих в инокультурной среде, а именно в Израиле.

Методологический инструментарий исследования составили следующие методики, направленные на диагностику религиозности и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов.

1. Опросник «Следование религиозным практикам» М.В. Ефремовой использовался для измерения степени вовлеченности респондентов в религиозную жизнь, включая частоту соблюдения обрядов и значимость веры в повседневной практике.

2. Методика изучения стратегий аккультурации Дж. Берри была применена с целью выявления предпочитаемых моделей адаптации мигрантов к условиям принимающего общества.

3. Метод свободных ассоциаций с последующей обработкой с помощью прототипического анализа по П. Вержесу позволил выявить

структуру социальных представлений о религиозности, выделив их ядро и периферийные компоненты.

Анализ эмпирических данных показал, что уровень религиозности в исследуемой группе превышает средние нормативные значения, что позволяет отнести большинство респондентов к категории верующих. Также установлено, что преобладающей стратегией аккультурации в новой стране выступает интеграция. Респонденты стремятся поддерживать связь с культурой происхождения, одновременно принимая нормы и ценности принимающего общества.

Применение структурного подхода позволило перейти от массива полученных данных к модели социальных представлений. Общее число зафиксированных ассоциаций достигло 155. В процессе обработки данные были систематизированы и сгруппированы в категории. Исходя из частоты встречаемости и ранга категории были распределены на четыре зоны социальных представлений: ядра, первичной периферии, контрастирующих элементов и вторичной периферии.

Ядро социальных представлений мигрантов о религиозности образуют категории «традиции» и «вера», которые выполняют функцию сохранения религиозной идентичности и трансляции культурного наследия. В зоне контрастирующих элементов представлены «скромность», «фанатизм», «ненависть», «общность» и «молитва» – значимые для части респондентов, но противоречивые категории, где позитивные ассоциации соседствуют с негативными оценками религиозных проявлений. Первичная периферия включает «молитву», «веру», «законы», «храм», «пост», «духовность», связывая внутренние убеждения с внешними нормами и практиками. Вторичную периферию составляют редко упоминаемые «ритуалы», «общность», «милосердие», «таинство», «неприятие», слабо интегрированные в повседневный опыт.

Выявленная структура свидетельствует о неоднородности социальных представлений мигрантов о религиозности. В них сочетается традиционное понимание веры с элементами критического восприятия отдельных религиозных проявлений, что может свидетельствовать как об успешной интеграции в новое общество, так и о столкновении с трудностями адаптации.

Литература

1. Бовина И.Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. №3. С. 5 – 21.
2. Бовина И.Б., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А., Малышева Н.Г., Голынчик Е.О. Россия в современном мире: подход теории социальных представлений // Электронный журнал Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 13.
3. Шорохова В.А. Религиозная идентичность в зарубежных психологических исследованиях: теоретические модели и способы изучения. Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 4. С. 44–61. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2014_n4/72839

К вопросу об эмоциональном выгорании у сотрудников в организациях

Зыков С.С., Михайлюк С.Г., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
andreyzorco@gmail.com, rashodchikovamn@mgppu.ru

В условиях стремительного развития современных организаций и повышения требований к эффективности деятельности сотрудников, вопрос эмоционального выгорания становится все более значимым. По мнению Н.Е. Водопьяновой, профилактика синдрома выгорания должна рассматриваться как важнейшее направление профессионального самосохранения специалистов и обеспечения их здоровья, личностного благополучия и профессиональной эффективности (Водопьянова, Старченкова, 2023). Поддержание оптимального психофизиологического состояния сотрудника, профилактика стрессов и выгорания – одно из ключевых условий обеспечения эффективной деятельности.

Мотивация играет ключевую роль в обеспечении высокой производительности труда, удовлетворенности сотрудников своей работой и их приверженности организации. Наличие у сотрудников

внутренних стимулов и побуждений к качественному выполнению своих обязанностей является необходимым условием для достижения организационных целей и поддержания конкурентоспособности компании на рынке.

Однако в процессе трудовой деятельности сотрудники нередко сталкиваются с различными стрессовыми факторами, такими как высокая рабочая нагрузка, недостаток ресурсов, конфликты в коллективе, отсутствие признания и поддержки со стороны руководства (Крушельницкая и др., 2024). Длительное воздействие этих факторов может привести к развитию эмоционального выгорания – состояния физического, эмоционального и умственного истощения, характеризующегося потерей энтузиазма и мотивации, снижением продуктивности и удовлетворенности работой. Эмоциональное выгорание не только негативно сказывается на психологическом благополучии и здоровье сотрудников, но и влечет за собой серьезные последствия для организации, такие как снижение качества работы, увеличение числа ошибок и аварий, рост текучести кадров и ухудшение имиджа компании.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что в современных условиях быстрых изменений и непредсказуемости внешней среды компании нуждаются в гибких и адаптивных сотрудниках, способных эффективно справляться с новыми вызовами и требованиями. Высокий уровень мотивации и психологическая устойчивость к стрессу являются ключевыми факторами, обеспечивающими готовность сотрудников к инновациям, непрерывному обучению и развитию (Крушельницкая и др., 2024). Понимание механизмов влияния мотивационных факторов на развитие выгорания, а также выявление организационных условий, способствующих поддержанию высокого уровня мотивации и профилактике выгорания, позволит разработать эффективные стратегии управления человеческими ресурсами. Это, в свою очередь, будет способствовать созданию благоприятной организационной среды, в которой сотрудники смогут полностью раскрыть свой потенциал, достигать высоких результатов и поддерживать долгосрочную вовлеченность в работу.

Таким образом, изучение проблемы трудовой мотивации и эмоционального выгорания имеет высокую теоретическую и практическую значимость, поскольку полученные результаты могут быть использованы для совершенствования системы управления

персоналом, создания благоприятных условий труда и повышения эффективности деятельности организаций в целом.

Синтез положений личностного, организационного и ресурсного подходов позволяет обеспечить системное видение проблемы выгорания и выработать комплексную стратегию управления этим явлением в интересах всех субъектов трудовых отношений. Объединение усилий руководства и самих сотрудников в направлении создания благоприятной организационной среды, снижения рисков выгорания и раннего выявления его признаков будет способствовать благополучию персонала, раскрытию его потенциала и повышению эффективности организации (Осин и др., 2017).

Литература

1. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика: практическое пособие. М.: Юрайт, 2023.
2. *Крушельницкая О.Б., Кочетков Н.В., Маринова Т.Ю., Орлов В.А., Расходчикова М.Н., Хаймовская Н.А.* Личностные факторы профессионального выгорания у школьных учителей // Консультативная психология и психотерапия. 2024. Т. 32. № 1 (123). С. 139-157.
3. Профессиональная мотивация руководителей российских предприятий: диагностика и связь с благополучием и успешностью деятельности / Е.Н. Осин [и др.] // Организационная психология. 2017. Том 7. № 4. С. 21-49.

Родительские установки как фактор речевого развития детей раннего возраста

Иванова А.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ivanovaannapsy@gmail.com*

В настоящее время исследователями фиксируется феномен «смещения» нормативных показателей речевого развития: более позднее становление речевой функции и овладение компонентами языка, качественное отклонение от принятых стандартизированных

шкал психомоторного развития. Классические периодизации и стандартизированные шкалы, разработанные в середине XX века, не учитывают контекстуальную зависимость, вариативность социально-психологических факторов становления детской речи, а также изменившуюся социальную ситуацию развития в силу роста цифровизации населения и размытия единой парадигмы родительства.

Глобальные оценки ВОЗ при валидации инструмента Global Scales for Early Development (GSED) показывают, что в некоторых странах картина детского развития является критической. Так, в Пакистане 54% детей не достигают ожидаемых показателей развития, что в свою очередь говорит не о патологизации детского онтогенеза, а о слабой чувствительности шкал оценки к контекстуальным факторам в различных социокультурных условиях (World Health Organization, 2023).

В российской клинической практике специфические расстройства речи выявляются у 4-8% детей (Клинические рекомендации..., 2024). Эти данные охватывают лишь те случаи, которые были зафиксированы в медицинской сети, однако не учитывают массу пограничных состояний развития, связанных не с органическими, а социокультурными факторами: недостаточностью живого общения, чрезмерным использованием электронных устройств и голосовых помощников, отсутствием интегративной методологии воспитательных и развивающих траекторий, специфичными родительскими установками.

Традиционные подходы к установлению статуса речевого развития опираются на жесткие количественные нормативы, которые в свою очередь не учитывают культурную специфику речевых практик (сложность языка, разнообразие диалектов, использование родителями различных языковых средств); не отражают трансформацию социальной ситуации развития (цифровизация детства, изменение структуры семьи, новые формы досуга, родительские установки); игнорируют широкую вариативность нормативного индивидуального развития ребенка.

Сама по себе вариативность как нормативный феномен подтверждается исследованиями. Индивидуальный темп освоения лексики и грамматики может существенно отличаться при сохранении общей последовательности освоения языка (Fenson et al., 1994).

Лонгитюдное нейровизуализационное исследование демонстрирует закономерность, отличающуюся от традиционного взгляда на морфологическое созревание речевых зон. Интенсивность речевого воздействия в виде количества обращенной речи в младенческом и раннем возрасте ассоциировано с замедлением темпов созревания белого вещества головного мозга, что интерпретируется как сенситивный компромисс – процесс миелинизации не форсируется, за счет чего сохраняется зависимость от средовых факторов (Estrada et al., 2023).

Изменившиеся условия жизни семьи требуют расширения традиционного перечня факторов риска в становлении речи. Наряду с перинатальными поражениями ЦНС и обеднением речевой среды эмпирически доказана отрицательная связь появления фразовой речи детей и экранного времени, где ключевым механизмом выступает замещение живого диалогического взаимодействия, которое не может быть скомпенсировано пассивным потреблением контента (Мустафаева, Николаева, Ефимова, 2025). Нейрофизиологический механизм такой связи обусловлен тем, что выразительная окраска речи, обращенной к ребенку, активирует его внимание, без живого диалога данные механизмы не запускаются (Zhou et al., 2024). С другой стороны, фактор диалога, выступает протективным фактором (Romeo et al., 2021; Leung, Suskind, 2024).

Такие макрофакторы как цифровизация, культурный контекст, социально-экономический статус семьи действуют не напрямую на характер взаимодействия, а опосредованно через родительские установки. Кросс-культурное исследование показывает, что в российской выборке фактор «коммуникативной и эмоциональной отстраненности», заключающийся в понимании вреда «избытка» внимания, отрицательно связан с речевым развитием детей раннего возраста (Allegretta et al., 2025). В современной психологии изучались особенности моделей естественного и интенсивного родительства (Авдеева, Берснева, 2022). Естественная модель родительства предполагает сензитивность к сигналам ребенка, родитель выступает как партнер взаимодействия, подстраиваясь под темп, инициативу и состояние ребенка. Интенсивная модель предполагает активную роль родителя в управлении развитием ребенка в соответствии с нормативными показателями и ожиданиями.

Современные исследования речевого развития накопили убедительные данные о том, что ключевым фактором является диалогическое взаимодействие и его качество (эмоциональная окраска, социальная синхрония, особенности взаимодействия с ребенком). Однако за этими поведенческими паттернами стоит более «глубинный» уровень родительских установок, который включает систему представлений о природе ребенка, его потребностях и способах их реализации, воспитании, допустимых и оптимальных способах взаимодействия с ним. Родительские установки формируются под влиянием культурных норм и ценностей, транслируются через семейную историю, определяют отношение к ребенку и регулируют эмоциональную тональность взаимодействия. В современном мире родительские установки подвержены также влиянию средств массовой информации (научно-популярная литература для родителей, разрозненная информация в сети Интернет).

Без учета «глубинного» уровня родительских установок объяснение вариативности в речевом развитии современных детей остается недостаточно полным. Понимание сущности родительских установок поможет объяснить, почему одни родители придерживаются естественной модели родительства, а другие – интенсивной. Почему одни родители создают условия для диалога, а другие замещают живое взаимодействие экранным временем.

Таким образом, изучение речевого развития детей раннего возраста должно быть направлено на выявление «глубинного» уровня родительских установок. В практическом плане это поможет понять, почему одни и те же рекомендации (например, больше разговаривать с ребенком) могут вызывать различные эффекты в зависимости от того, насколько они согласуются с родительскими установками и реализованы в дальнейших поведенческих стратегиях родителей.

Литература

1. Авдеева Н.Н., Берсенева И.В. Ценностные установки матерей в современных моделях родительства // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 163–176. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130211>

2. Клинические рекомендации «Специфические расстройства развития речи у детей» [Электронный ресурс] / Российское общество психиатров; одобрено Научно-практическим Советом Минздрава РФ. М., 2024. URL: <https://diseases.medelement.com/disease/специфические-расстройства-развития-речи-у-детей-кр-рф-2024/18331> (дата обращения: 21.03.2026).
3. Мустафаева А.О., Николаева Н.О., Ефимова В.Л. Экранное время и речь детей раннего возраста // Комплексные исследования детства. 2025. Том 7. № 1. С. 14–22. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2025-7-1-14-22>
4. Allegrretta S., Gavrilova M., Kartushina N., Mayor J., Roch M., Kunst J.R. Parental Attitudes and Children's Language Development: A Cross-Cultural Evaluation of the Early Parenting Attitudes Questionnaire // Collabra: Psychology. 2025. Vol. 11. № 1. Article 130882. <https://doi.org/10.1525/collabra.130882>
5. Estrada K.A., Govindaraj S., Abdi H., Moraglia L.E., Wolff J.J., Meera S.S., Dager S.R., McKinstry R.C., Styner M.A., Zwaigenbaum L., Piven J., Swanson M.R. Language exposure during infancy is negatively associated with white matter microstructure in the arcuate fasciculus // Developmental Cognitive Neuroscience. 2023. Vol. 61. Article 101240. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2023.101240>
6. Fenson L., Dale P.S., Reznick J.S., Bates E., Thal D.J., Pethick S.J. Variability in Early Communicative Development // Monographs of the Society for Research in Child Development. 1994. Vol. 59. № 5. P. i–185. <https://doi.org/10.2307/1166093>
7. Leung C.Y.Y., Suskind D.L. Early Parental Knowledge and Parent-Child Conversations Promote Preschool Language Skills: A Randomized Controlled Trial // Academic Pediatrics. 2024. Vol. 24. № 7. P. 1062–1067. <https://doi.org/10.1016/j.acap.2024.06.015>
8. Romeo R.R., Leonard J.A., Grotzinger H.M., Robinson S.T., Takada M., Mackey A.P., Scherer E., Rowe M.L., West M.R., Gabrieli J.D.E. Neuroplasticity Associated With Conversational Turn-Taking Following a Family-Based Intervention // Developmental Cognitive Neuroscience. 2021. Vol. 48. Article 100925. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2021.100925>

9. World Health Organization. Global Scales for Early Development (GSED) v1.0 [Electronic resource]: package for measurement of child development under 36 months at population level. Geneva, 2023. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/WHO-MSD-GSED-package-v1.0-2023.1> (viewed: 21.03.2026).
10. Zhou X. *et al.* Infant-directed speech facilitates word learning through attentional mechanisms: An fNIRS study of toddlers // Developmental Science. 2024. Vol. 27. № 1. Article e13424. <https://doi.org/10.1111/desc.13424>

**Разработка программного обеспечения для безмедикаментозной
психосаморегуляции лиц, находящихся в условиях хронического
стресса военного времени**

*Иванова С.Б., Пигуз В.Н.,
Ковалева К.В., Изосимова С.А., Ивашико К.С.
ФГБНУ ИПИИ, Донецк, Россия
iai_sb_ivanova@mail.ru, maxpvn77@gmail.com,
kv_kovaleva@mail.ru, izosimova.snezhana@mail.ru, kristi_8@mail.ru*

Человек представляет собой саморегулирующуюся систему по мнению большинства ученых (В.А. Абрамов, Н.И. Теличко, Г.Н. Паров), но, в отличие от машины, организм человека подвержен влиянию эмоций, что также выражается в мотивации, ежедневной деятельности, рабочей активности и социальном взаимодействии в окружающем мире. Кроме того, взаимодействуя со средой, индивидуум практически постоянно испытывает стресс разной степени интенсивности. Но если с ежедневным (бытовым) стрессом организм человека в той или иной мере справляется, то с внезапным (полномасштабным) стрессом природного или техногенного характера (например, природные бедствия: землетрясение, наводнение и пр., техногенные – утечка химических, радиоактивных веществ, а также стрессовые реакции в результате террористических актов, военных действий), что может стать причиной возникновения и развития

посттравматического синдрома (далее ПТСР) ситуация крайне проблематичная (Черниговская, 2020).

Выработка человеком собственных копинг-стратегий (англ. – бороться, преодолевать) – процесс долгий, многоэтапный и индивидуализированный, т.е. уменьшение уровня стресса и обретение эмоционального покоя в конкретной ситуации. Есть множество видов копинг-стратегий, перечислим те из них, которые встречаются наиболее часто. Избегание – стремление индивидуума избегать стрессовых ситуаций посредством перехода к другой деятельности, например, к хобби или отдыху. Эмоционально-ориентированная стратегия включает различные проявления эмоций для снятия стрессового эмоционального напряжения (юмор, релаксация), но не разрешение стрессовой ситуации. Проблемно-ориентированная стратегия направлена на конкретное разрешение стрессовой ситуации: поиск информации, планирование, постановка и достижение цели, и т.д. Для успешного преодоления стрессовой ситуации необходимо не только выбрать, но и успешно сочетать различные виды копинг-стратегий. Сам выбор копинг-стратегии зависит от множества факторов: предыдущего опыта, конкретной ситуации и т.п. (Пойдашева и др., 2022).

Цель нашего исследования – разработка эффективных стратегий для борьбы со стрессом, направленных на устранение стрессоров и повышение стрессоустойчивости. В процессе выполнения НИР «Разработка теоретических основ и компьютерных интеллектуальных технологий диагностирования и безмедикаментозной саморегуляции психоэмоциональных состояний личности» сотрудниками ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта» в прошлом и текущем году ведется разработка системы преодоления экстремальных факторов, связанных с содержанием, условиями и организацией жизнедеятельности человека в условиях хронического стресса военного времени.

Осуществлен процесс валидации разработанного программного инструментария; проведены экспериментальные исследования, подтверждающие влияние эмоций на субъект в условиях хронического стресса.

Экспериментальный этап настоящего исследования (апробация разработанной автоматизированной системы психодиагностики) был

реализован с учетом социально-демографических характеристик среди контингента лиц, пребывающих в условиях хронического стресса военного времени с использованием различных комбинаций психодиагностических опросников из разработанного на основании концептуальной теоретической модели психодиагностического комплекса (Ковалева и др. 2025).

Контингент обследуемых лиц составили 65 респондентов в возрасте от 18 до 69 лет (средний возраст – $29,58 \pm 14,63$ лет), проживающих на территории проведения специальной военной операции (Донецкая Народная Республика) и пребывающих в условиях стресса военного времени, не принимавших непосредственного участия в боевых действиях и не находившихся на военной службе. Сравнительный анализ результатов исследования проводился по гендерному признаку. Распределение респондентов по группам сравнения было следующим: мужчины (средний возраст – $25,51 \pm 10,59$ лет) – 41 чел. (63,08%), женщины (средний возраст – $36,54 \pm 17,91$ лет) – 24 чел. (36,92%) (Ковалева и др., 2025).

Для достижения цели и решения поставленных задач программа исследования включала 3 этапа. На первом этапе было проведено комплексное психодиагностическое обследование (с применением разработанной коллективом ФГБНУ ИПИИ автоматизированной системы диагностики психоэмоционального состояния) 65 лиц, подходящих по критериям включения, исследованы особенности их психоэмоционального профиля (Ковалева, 2025).

На втором этапе была проведена статистическая обработка полученных материалов исследования, изучены взаимосвязи выявленных особенностей психоэмоционального реагирования и состояния адаптационных ресурсов личности в ситуации хронического стресса военного времени у указанного контингента лиц, проанализированы выявленные закономерности, в том числе, с учетом социально-демографических показателей (Ковалева, 2025).

На третьем этапе исследования были обоснованы и разработаны рекомендации по немедикаментозной саморегуляции психоэмоционального состояния для лиц, находящихся в состоянии дистресса, направленные на коррекцию текущего психоэмоционального статуса.

При успешном выполнении запланированных этапов исследования разработанная система будет экспериментально внедрена в ряде профильных учреждений по предварительному согласованию, проведен анализ ее применения (Ковалева, 2025).

Литература

1. Ковалева К.В., Кравченко Н.М., Бондарчук В.В., Пигуз В.Н., Изосимова С.А., Ивашко К.С. Результаты опытной эксплуатации компьютерной интеллектуальной системы диагностики и коррекции стрессовых состояний // Проблемы искусственного интеллекта. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-opytnoyekspluatatsii-kompyuternoy-intellektualnoy-sistemy-dagnostiki-i-korreksitsii-stressovyhsostoyaniy> (дата обращения: 20.01.2026).
2. Пойдашева А.Г., Бакулин И.С., Сеницын Д.О., Забирова А.Х., Супонева Н.А., Маслеников Н.В., Цукарзи Э.Э., Мосолов С.Н., Пирадов М.А. Опыт применения стэнфордской нейромодулирующей терапии у пациентов с терапевтически резистентной депрессией // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2022. № 4. С. 35-42.
3. Черниговская Т.В. Нейрофизиология в поисках смыслов // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2020. Т. 56. № 7. С. 833-834.

Взаимосвязь учебной мотивации и отношения к школе старших подростков

Иващенко П.И., Денисенкова Н.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
denisenkovans@mgppu.ru; poliva0279@gmail.com

Старший подростковый возраст является одним из наиболее значимых для развития личности. Мотивационная сфера – ее центральная составляющая. Именно в этом возрасте происходит возврат интереса к учебной деятельности, и учебная мотивация качественно меняется. Учебная мотивация представляет собой сложное

личностное образование, где мотивы связаны с целями и учебной деятельностью индивида. В деятельностном подходе А.Н. Леонтьева мотивация выступает ведущим фактором, направляющим познавательную активность через социальные и личные нужды (Леонтьев, 1972). Отношение к школе, в свою очередь, формируется под влиянием эмоциональных и когнитивных компонентов, где преобладают гностические и прагматические мотивы.

В школе современный подросток сталкивается с многочисленными вызовами, обусловленными цифровизацией обучения и общения, изменениями в образовательной среде, конфликтами между традиционными школьными требованиями и новыми тенденциями в образовании, снижением интереса к учебе и необходимостью выбора будущей сферы деятельности (Гордеева, Шепелева, 2011; Прихожан, 2007; Толстых, 2015). В связи с этим актуализируется проблема исследования учебной мотивации и отношения к школе старших подростков, в том числе на диагностике ее компонентов. А.М. Прихожан предлагает фокусироваться на эмоциональном отношении к учению и проводить диагностику учебной мотивации через анализ познавательных и социальных мотивов (Прихожан, 2007). Теория отношения к школе В.А. Ясвина подчеркивает поступочный и эмоциональный компоненты, где отношение проявляется в поведении и чувствах по отношению к учебному процессу (Ясвин, 2001). Н.Н. Толстых и др. на первый план выдвигают сложное образование, индекс учебного интереса, состоящее из многих составляющих общего учебного интереса и описывающего личностно-мотивационную сторону учебной деятельности подростков (Толстых и др., 2021). Эти теории, опираясь на психологические традиции, позволяют анализировать взаимосвязи между мотивацией и отношением к школе как динамический процесс. Они раскрывают структуру учебной мотивации старших подростков через анализ ее различных компонентов. Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи между такими составляющими учебной мотивации, как индекс учебного интереса и отношение к школе у старших подростков.

Выборку исследования составляют 40 старших подростков в возрасте 14–16 лет (24 девочки, 16 мальчиков), посещающих 9 классы школ г. Москвы и Московской области. Процедура включала анкетирование и статистическую обработку с использованием программы Jamovi. Применялись «Методика диагностики мотивации

учения и эмоционального отношения к учению» (А.М. Прихожан), «Методика диагностики отношения к школе» (В.А. Ясвин), тест-опросник «Индекс учебного интереса» (П.А. Бабанин, А.В. Погодина, Н.Н. Толстых, В.В. Фёдоров, М.А. Харченко).

Результаты показывают, что чуть меньше половины респондентов имеют сниженную познавательную мотивацию с переживанием «школьной скуки» и отрицательным эмоциональным отношением к учебе. Наивысшие средние значения зафиксированы по шкале «мотивация достижения», что свидетельствует о доминировании мотивов, внешних для учебной деятельности. Наименьшие показатели наблюдаются по шкале «гнев», указывая на низкий уровень негативных эмоциональных переживаний по отношению к учебе. В структуре отношения к школе наивысшие средние значения получены по поступочному компоненту, наименьшие – по эмоциональным шкалам. При этом положительная эмоциональная и отрицательная оценка выражены примерно в равной степени. По методике «Индекс учебного интереса» общий учебный интерес в среднем был довольно высок, при этом наиболее высокие показатели отмечены по шкале «ценность образования», а наиболее низкие – по гностическому компоненту.

Корреляционный анализ по критерию Спирмена выявил сильную положительную связь между общим уровнем познавательной мотивации и познавательным компонентом отношения к школе ($r_s = 0,959$), практическим компонентом ($r_s = 0,314$), эмоционально-положительным компонентом ($r_s = 0,369$), а также с общим учебным интересом ($r_s = 0,794$). То есть чем выше стремление к познанию нового, тем выше положительное эмоциональное отношение к учению и школе, а также познавательная и практическая включённость в школьную жизнь. Статистически значимых различий между подгруппами с высоким и низким учебным интересом по большинству шкал не обнаружено, за исключением указанных корреляций.

Таким образом, была выявлена взаимосвязь между учебной мотивацией и отношением к школе у старших подростков. Познавательная мотивация значимо связана с познавательным, практическим и эмоционально-положительным компонентами отношения к школе, а также с общим учебным интересом.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные данные могут быть использованы для разработки методического инструмента для диагностики различных компонентов учебной мотивации, а также для создания коррекционно-развивающих

программ, направленных на повышение учебной мотивации старших подростков через проектную деятельность и междисциплинарные методы обучения, персонализацию учебного процесса, организацию внеурочных активностей с акцентом на практическую ценность знаний. Внедрение этих подходов в школьную практику позволит оптимизировать образовательный процесс, повысить познавательную активность и эмоциональное благополучие учащихся 14–16 лет.

Литература

1. Гордеева Т.О., Шепелева Е.А. Внутренняя и внешняя учебная мотивация академически успешных школьников // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 2011. № 3. С. 33–45.
2. Индекс учебного интереса: тест-опросник для диагностики учебной мотивации подростков / Н.Н. Толстых [и др.] // Психологическая наука и образование, 2021. Т. 26. № 5. С. 54–66.
3. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 575 с.
4. Прихожан А.М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.: АНО «ПЭБ», 2007. 56 с.
5. Толстых Н.Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 23(4). С. 7–24.
6. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. 365 с.

Надежда как ресурс психологического благополучия в различных мировоззренческих группах

Ивенков В.Э., Павлова О.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

adimivenkov98@gmail.com, pavlovaos@mppu.ru

В современной психологии надежда рассматривается как важный ресурс психологического благополучия, связанный с мотивацией, целеполаганием и совладанием со стрессом. В рамках теории Ч. Снайдера надежда понимается как когнитивно-мотивационная система, включающая цели, пути их достижения и агентность (Snyder,

2002). В гуманистической и экзистенциальной психологии надежда также связывается с личностным ростом и преодолением экзистенциальной тревоги (May, 1953; Rogers, 1961).

В то же время современные исследования показывают, что содержание и функции надежды могут существенно различаться в зависимости от культурного и религиозного контекста. В религиозных традициях надежда приобретает духовное измерение: в исламе она связана с доверием к Богу (таваккуль), терпением и благодарностью, а в православии – с упованием на Божественный Промысл и идеей спасения (сотериологией). Это позволяет рассматривать надежду не только как индивидуальный когнитивный ресурс, но и как культурно обусловленный феномен (Pargament, 1997).

Целью настоящего исследования стало выявление взаимосвязи надежды, религиозной идентичности и психологического благополучия у представителей различных мировоззренческих групп (православных, мусульман и атеистов).

В эмпирическом исследовании приняли участие 287 человек в возрасте от 18 до 65 лет ($M = 36,33$), среди которых православные ($n = 133$), мусульмане ($n = 61$) и атеисты ($n = 93$). Для диагностики использовались шкала надежды Ч. Снайдера в адаптации К. Муздыбаева, шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко), а также индекс слияния идентичности с религией (Identity Fusion Index).

Анализ полученных данных выявил статистически значимые различия между исследуемыми группами. Более высокие уровни диспозиционной надежды отмечены у респондентов, идентифицирующих себя как православные. В то же время представители мусульманской группы продемонстрировали наибольшие значения психологического благополучия. Для атеистической выборки наиболее выраженным показателем оказалась автономия.

Особый интерес представляет характер взаимосвязей между надеждой и благополучием. Корреляционный анализ показал, что в группе мусульман показатели надежды отрицательно связаны с большинством компонентов психологического благополучия и положительно с балансом аффекта. В то же время степень слияния

идентичности с религией демонстрирует положительные связи с благополучием.

Полученные результаты позволяют предположить, что в разных культурно-религиозных контекстах надежда выполняет различные психологические функции. В индивидуалистических моделях (в том числе в рамках западной психологии) надежда тесно связана с агентностью и субъективным контролем. Однако в религиозных культурах значимую роль могут играть такие механизмы, как доверие Божественной воле, принятие и религиозная идентичность.

Анализ данных позволяет сделать вывод о том, что единый подход к пониманию надежды оказывается недостаточным, а ее интерпретация должна осуществляться с учетом культурных и религиозных особенностей исследуемых групп.

Литература

1. Муздыбаев К. Измерение надежды. Психологический журнал. 1999;(3):18–27.
2. Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. Психологическое благополучие личности. Психологическая диагностика. 2005;(3):95–121.
3. May R. The Meaning of Anxiety. New York: Ronald Press, 1953.
4. Pargament K.I. The Psychology of Religion and Coping. New York: Guilford Press, 1997.
5. Rogers C. On Becoming a Person. Boston: Houghton Mifflin, 1961.
6. Snyder C.R. Hope Theory: Rainbows in the Mind. Psychological Inquiry. 2002;13(4):249–275.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта младших школьников и родительского сопровождения их медиаактивности

Кабина А.М., Денисенкова Н.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

denisenkovans@mgppu.ru, a.kabina2010@yandex.ru

Эмоциональный интеллект – одно из важных качеств человека, обеспечивающее ему успешность в понимании и регуляции эмоций, преодолении эгоцентризма, общении и социализации в целом. Базовые структуры эмоционального интеллекта активно развиваются в

352

младшем школьном возрасте (Геращенко, 2019; Иванова, 2008; Изотова, 2011). Многие авторы показывают, что детская медиаактивность связана с развитием эмоционального интеллекта. Основным актором в этом процессе наравне с ребенком является взрослый: то, как он помогает ребенку в цифровой социализации во многом определяет ее вектор (Веракса и др., 2020; Рубцова и др., 2022; Солдатова, 2018). Родители, сопровождая медиаактивность детей, используют различные стратегии: ограничительную, совместную, инструктивную и др. (Денисенкова, Тарунтаев, Федоров, 2023).

В связи с этим целью исследования стало изучение взаимосвязи уровня эмоционального интеллекта младших школьников и родительского сопровождения их медиаактивности. Мы предположили, что повышению уровню развития эмоционального интеллекта младших школьников способствует активное родительское сопровождение их медиаактивности. Методики исследования: «Специальная осведомленность: эмоции и чувства», направленная на изучение когнитивной составляющей эмоционального развития детей младшего школьного возраста (Изотова, 2011); «Словарь эмоций» для диагностики уровня развития эмоциональной сферы (Иванова, 2008); опросник родительского посредничества детской медиаактивности Г. Нимрод, Д. Лемиш и Н. Элиас (адаптация Н.С. Денисенковой, П.И. Тарунтаева, В.В. Федорова) для изучения стратегии, с помощью которой родители регулируют и опосредуют влияние цифровых устройств и различных медиапродуктов на ребенка (Денисенкова, Тарунтаев, Федоров, 2023); опросники «Регламент использования ребенком гаджетов» и «Цели использования ребенком гаджетов» для изучения особенностей регламентирования родителями использования ребенком цифровых устройств, и целей, для которых родители предоставляют доступ к гаджетам (Борцова, Некрасов, 2020). В исследовании участвовали 196 респондентов: 98 родителей младших школьников (35–44 года) и 98 их детей, младших школьников (10–11 лет), жители г. Москвы. Опрос младших школьников проводился в очной форме, опрос родителей – в онлайн-формате. Для обработки данных использовались коэффициенты корреляции Спирмена, критерий хи-квадрат Пирсона.

Анализ результатов показал, что у младших школьников эмоциональный интеллект развит в основном на низком уровне (45,9%),

значительно меньше детей со средним (28,6%) и высоким (25,5%) уровнями развития. В структуре родительских стратегий сопровождения детской медиаактивности преобладающей стратегией стала ограничительная (58%), затем следуют инструктивная (50%) и совместная (46%). Корреляционный анализ выявил статистически значимые положительные связи между уровнем эмоционального интеллекта ребенка и инструктивной стратегией родительского сопровождения ($\rho = 0,28$; $p = 0,006$), а также совместной ($\rho = 0,35$; $p < 0,001$) стратегией. Связь с ограничительной стратегией оказалась слабой и статистически незначимой ($\rho = 0,12$; $p = 0,24$). Родители детей с низким эмоциональным интеллектом чаще используют ограничительную стратегию, тогда как при высоком эмоциональном интеллекте преобладает инструктивная стратегия и совместное использование. Средние значения по рангам монотонно возрастают от группы с низким эмоциональным интеллектом к группе с высоким. Это свидетельствует о том, что чем выше уровень эмоционального развития ребенка, тем более активно родители сопровождают детскую медиаактивность.

Таким образом, можно сказать, что высокий уровень эмоционального интеллекта чаще встречается в тех семьях, где родители используют инструктивную и совместную стратегию сопровождения детской медиаактивности. Там, где родители ограничивают ее, связей с уровнем развития эмоционального интеллекта не выявлено. Дети с низким уровнем эмоционального интеллекта чаще сталкиваются с ограничениями медиаактивности, а при высоком – с совместным использованием гаджетов и инструктированием их использования. Наиболее сильная положительная связь установлена для стратегии совместного использования что позволяет рассматривать вовлеченное медиапосредничество как значимый фактор, ассоциированный с развитием эмоциональной сферы ребенка. Полученные результаты подтверждают гипотезу о связи родительского сопровождения детской медиаактивности и развития эмоционального интеллекта. Оптимальными стратегиями для его развития являются сопроводительная и совместная, что подчеркивает важность родительского активного участия в медиаактивности, а не запретов, в становлении личности младшего школьника.

Литература

1. *Борцова М.В.* Ребенок и гаджеты: Практикум / М.В. Борцова, С.Д. Некрасов. Краснодар: Кубанский государственный университет. 2020. 30 с.
2. *Веракса А.Н., Бухаленкова Д.А., Чичина Е.А., Алмазова О.В.* Особенности использования цифровых устройств современными дошкольниками // Социология детства. 2020. С. 83.
3. *Геращенко Т.А.* Развитие эмоционального интеллекта у младших школьников // Педагогика и психология как основа развития современного общества: сборник статей Международной научно-практической конференции, Саратов, 15 августа 2019 года. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна». 2019. С. 39–42.
4. *Денисенкова Н.С., Тарунтаев П.И., Федоров В.В.* Адаптация опросника родительского посредничества детской медиа-активности Г. Нимрод, Д. Лемиш, Н. Элиас на российской выборке родителей старших дошкольников [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2023. Том 15. № 3. С. 96–114.
5. *Иванова Е.С.* Возможности методики «Словарь эмоций» для диагностики и развития эмоциональной сферы // Психологическая диагностика: научно-методический и практический журнал. 2008. №1. С. 101–109.
6. *Изотова Е.И.* Когнитивные и поведенческие репрезентации эмпатии в дошкольном и младшем школьном возрасте [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. [Электронный ресурс]. 2011. № 5(19).
7. *Рубцова О.В., Саломатова О.В.* Детская игра в условиях цифровой трансформации: культурно-исторический контекст (часть 1) // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 3. С. 22–31.
8. *Солдатова Г.У.* Мой электронный друг // Дети в информационном обществе. 2018. № 29. С. 38–43.

Социальные представления о корейцах у россиян (в зависимости от опыта просмотра корейских сериалов)

Кабоскина А.В., Шорохова В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
avimay@yandex.ru, shorohovava@mgppu.ru

В последнее десятилетие заинтересованность россиян южнокорейской популярной культурой возрастает. При потреблении контента у людей формируются социальные представления. Данную тему изучали французские психолог С. Московичи и социолог Э. Дюркгейм, труды которых использовались нами в работе. В исследовании главной целью было выявление социальных представлений о корейцах у россиян. В нем приняли участие 138 человек в возрасте от 18 лет до 63 лет. Использовалась методика свободных ассоциаций П. Вержеса, направленная на изучение структуры социальных представлений.

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы. У группы смотрящих корейские сериалы в зоне наиболее важных и часто встречаемых значений «национальная еда» и «трудолюбие». Можно предположить, что это связано с культурой еды у корейского народа, которая транслируется и в культурном продукте, таком, как киносериал. Также в сериалах можно часто увидеть героев, отдающих работе много своего времени по разным причинам, поэтому предполагаем, что группы смотрящих корейские сериалы видят гражданина Кореи как человека с особым отношением к еде и человека, много работающего. У респондентов, не смотрящих сериалы, в зоне наиболее важных и часто встречаемых значений – «монголоидная раса», «корейская культура», «мода и стиль». Можно предположить, респонденты этой группы имеют меньшую осведомленность о стране, поэтому не отделяют от других представителей Азии. Значения «корейская культура», «мода и стиль» можно связать с появлением большого количества косметической продукции и распространением во всем мире популярности корейских музыкальных коллективов, поэтому предполагаем, что они видят «корейца» как одного из представителей народов Азии, производящего косметические

продукты и известного своими музыкальными коллективами. В зоне важных, но редко встречаемых значений (контрастирующих элементов) группа смотрящих корейские сериалы воспринимает «корейца» как одного из представителей народов Азии, воспитанного, вежливого и стремящегося к успеху и достижениям. Респонденты, не смотрящие корейские сериалы, воспринимают «корейца» как человека трудолюбивого, находящегося в непростых отношениях со своим ближайшим соседом – «Северной Кореей», ассоциируют с известными людьми, умеющим выглядеть молодо и в старшем возрасте. Важно отметить, что «трудолюбие» у смотрящих корейские сериалы находится в зоне ядра, а у несмотрящих оно находится в зоне контрастирующих элементов. Ассоциация корейцев с представителями народа Азии у не смотрящих корейские сериалы находится в зоне ядра, а у смотрящих - в зоне контрастирующих элементов. Что одна группа считает более важным, другая группа считает менее важным. Обе группы респондентов считают наименее важными такие значения, как «традиции» и «закрытость». У обеих групп отсутствуют негативные представления. «Закрытость» появляется у обеих групп в зоне наименее важных и редко встречаемых ассоциаций. «Иностранец» встречается у группы несмотрящих в зоне менее важных представлений, но часто встречаемых. Можно предположить, что респонденты видят в культуре некую инаковость, не похожест на свою культуру.

В нашей работе было подтверждены различия в структуре и содержании социальных представлений о корейцах у россиян, имеющих или не имеющих опыт просмотра корейских сериалов.

Литература

1. Дюркгейм Э. Метод социологии. М.: Канон, 1991. С. 404.
2. Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Психологический журнал. 1995. Т. 16. №2. С. 82-96.

Связь экранного времени и учебной мотивации подростков

Казакова К.Е., Никитская М.Г.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kazakovakris@gmail.com, nikitskayamg@mgppu.ru

Современные подростки растут в окружении огромного количества гаджетов, используют их играя в видеоигры, просматривая различный контент из социальных сетей, решая учебные задачи и т.д. Это не удивительно, ведь электронные устройства являются неотъемлемой частью нашей жизни уже на протяжении многих лет. Мы можем наблюдать быстрое распространение смартфонов, планшетов и персональных компьютеров, приводящее к тому, что большая часть социальных процессов становится зависимой от функционирования данных машин (Сорочан, 2023). Введена и научно разрабатывается концепция «человека технологически достроенного» (Солдатова, Илюхина, 2025).

При этом исследование Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) от 2024 года, охватившее 280 тыс. подростков в 44 странах, показало, что более чем у 10 % респондентов выявлены признаки проблемного использования социальных сетей, проявляющиеся в трудностях самоконтроля и возникновении негативных последствий (Янц, Ардашева, 2025).

Анализ работы Fukuie T, Inoue K, Yamaguchi A. свидетельствует о том, что увеличение времени, проводимого за экраном, является проблемой современности, связанной с плохим физическим и психическим здоровьем и академической успеваемостью. Кроме того, тип используемых электронных экранных медиа имеет значение: просмотр телевизора, и игра в видеоигры оказывают особенно негативное влияние на успеваемость (Fukuie et al., 2026).

В исследовании, проводимом Н.В. Кочетковым и Е.Н. Воложаевой, обнаружена связь учебной мотивации с увлеченностью онлайн-играми, различающаяся в зависимости от интрагруппового статуса обучающихся (Кочетков, Воложаева, 2021).

Целью нашего исследования стало выявление связи между временем, проводимым за гаджетами, и учебной мотивацией современных подростков. В исследовании принимали участие

школьники, девушки и юноши, 7-9 классов ($N = 124$). Мы использовали методику «Шкалы академической мотивации школьников» Т.О. Гордеевой и коллег, а также задали респондентам вопрос: «Сколько времени в день ты проводишь с использованием гаджетов (любых)?», варианты ответов: 0-2 часа, 2-4 часа, 4-6 часов, более 6 часов.

Результаты исследования выявили значимые взаимосвязи между экранным временем и структурой учебной мотивации школьников. Увеличение времени, затрачиваемого на гаджеты, отрицательно связано с познавательной мотивацией ($r = -0,181$; $p < 0,05$), мотивацией достижения ($r = -0,243$; $p < 0,01$) и мотивацией саморазвития ($r = -0,247$; $p < 0,01$), что свидетельствует об ослаблении внутренних побуждений к учению по мере роста экранного времени. Вместе с тем обнаружена положительная связь экранного времени с экстернальной мотивацией ($r = 0,282$; $p < 0,01$) и амотивацией ($r = 0,354$; $p < 0,001$) – наиболее сильная из всех выявленных зависимостей.

Таким образом, большое количество проводимого за экраном времени ассоциируется со смещением мотивационного профиля в сторону внешней регуляции и утратой смысла учебной деятельности.

Проведенное исследование вновь подтверждает, что учебная мотивация подростков определяется широким спектром факторов – от базовых биологических потребностей, таких как сон и питание (Fukuie et al., 2026), до социально-психологических характеристик, в частности, статуса учеников в интрагрупповых структурах (Кочетков, Воложаева, 2021). В этом контексте установленная в настоящем исследовании обратная связь между экранным временем и внутренней мотивацией к обучению согласуется с общей тенденцией, фиксируемой в современных отечественных и зарубежных работах.

Практическая значимость полученных данных состоит в их возможном применении в работе педагогов и психологов с подростками, демонстрирующими снижение учебной мотивации на фоне высокой включенности в использование цифровых устройств. Дифференциация видов цифровой деятельности в процессе проведения времени за экранами дивайсов и увеличение выборки относятся к дальнейшим перспективам исследования.

Литература

1. Кочетков Н.В., Воложаева Е.Н. Взаимосвязь увлеченности онлайн-играми и мотивации к обучению разностатусных школьников // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 4. С. 34–42. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260403>
2. Солдатова Г.У., Илюхина С.Н. Человек технологически достроенный: в поисках целостности. Культурно-историческая психология, 2025. 21(1), 13–23. <https://doi.org/10.17759/chp.2025210102>
3. Сорочан В.В. Цифровая социология: от цифровизации общества к цифровизации науки / В.В. Сорочан, Н.П. Гаврилюк // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 1(175). С. 37–46. EDN IINTPP.
4. Янц А.А., Ардашева Г.Н. Развлекательная цифровая зависимость у школьников как фактор снижения учебной мотивации // Скиф. 2025. №11 (111). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvlekatelnaya-tsifrovaya-zavisimost-u-shkolnikov-kak-faktor-snizheniya-uchebnoy-motivatsii> (дата обращения: 01.03.2026)
5. Fukuie T., et al. Psychological and Lifestyle Markers of Academic Performance among First-Year University Students. Academia Mental Health and Well-Being, vol. 3, no. 1, Academia.edu Journals, 2026, <https://doi.org/10.20935/MHealthWellB8115>

Взаимосвязи отношения к глобальным рискам, социальных убеждений и толерантности к неопределенности

Калашиникова А.С.

*ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)», Челябинск, Россия
almazovnaa@gmail.com*

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-01059 «Универсальные факторы массовой креативности: диагностика на основе методов машинного обучения» (<https://rscf.ru/project/23-18-01059/>).

Современный мир характеризуется ростом глобальных рисков: геополитической нестабильности, климатических угроз, пандемий, цифровизации. Согласно Т.А. Нестику, с глобальными рисками

оказываются связаны даже повседневные решения отдельных людей. Глобальные риски сопровождаются возрастанием психологической напряженности и тревоги в обществе, что подчеркивает значимость их более подробного изучения (Нестик, Журавлев, 2018). Реакции людей на глобальные риски различаются: от фаталистического отношения до активного участия в деятельности по предотвращению рисков. Так, наиболее распространенными среди россиян социально-психологическими типами отношения к глобальным рискам являются ориентация на коллективное противодействие угрозам, фаталистическое игнорирование и религиозный традиционализм (Нестик, Задорин, 2020). В работах Т.А. Нестика выявлены предикторы отношения личности к глобальным рискам (Нестик, 2018а). В то же время, толерантность к неопределенности рассматривается у Т.А. Нестика в контексте адаптации личности к условиям неопределенного будущего, но не выделяется в самостоятельный психологический фактор.

Социальные аксиомы как новый подход к анализу сходств и различий этнических групп появился в кросс-культурной психологии сравнительно недавно. Согласно определению А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой, социальные аксиомы представляют собой обобщенные верования индивида относительно себя и других, социального окружения, духовного или физического мира. Они занимают центральное место в системе личностных убеждений и служат для деятельности и обеспечения выживания личности в мире (Татарко, Лебедева, 2020).

Толерантность к неопределенности как психологический феномен связан с сегодняшним высоким темпом происходящих в мире изменений. Глобальные риски сопровождаются неопределенностью из-за неясности и неоднозначности ролевых моделей участников в силу имеющихся противоречий, отсутствия необходимой информации и неясных критериев результативности. Толерантность к неопределенности является научным конструктом, имеющим множество трактовок, но в большинстве работ он рассматривается как личностная черта, отражающая способность человека воспринимать ситуации неопределенности без выраженного психологического дискомфорта (Корнилова, 2010).

Цель данного исследования – определить взаимосвязи показателей отношения к глобальным рискам, социальных убеждений и толерантности к неопределенности как самостоятельного психологического фактора.

Была выдвинута гипотеза о том, что толерантность к неопределенности связана с типами отношения к глобальным рискам и социальными убеждениями.

Для оценки социальных аксиом и толерантности к неопределенности и типов отношения к глобальным рискам использовались методики: «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга в адаптации А.Н. Татарко, Н.М. Лебедевой (2020) и Новый опросник толерантности к неопределенности Т.В. Корниловой (2009) (Татарко, Лебедева, 2020; Корнилова, 2010), Отношение к глобальным рискам Т.А. Нестика (2018) (Нестик, Журавлев, 2018). В исследовании приняли участие 180 респондентов (99 юношей и 81 девушка), в возрасте от 21 года до 23 лет, являющиеся студентами 4 курса Южно-Уральского государственного университета.

По результатам корреляционного анализа установлено, что социальная сложность положительно связана с тревогой ($r = 0,150$; $p < 0,05$) и необходимостью сотрудничества ($r = 0,253$; $p < 0,01$), что может свидетельствовать о том, что более сложное восприятие социальной реальности связано с тревогой из-за глобальных рисков и ориентацией на сотрудничество. Убеждение о вознаграждении усилий положительно связано с необходимостью сотрудничества ($r = 0,190$; $p < 0,05$) и оптимизмом в отношении будущего ($r = 0,157$; $p < 0,05$). Толерантность к неопределенности положительно связана с необходимостью сотрудничества ($r = 0,206$; $p < 0,01$) и готовностью к активным действиям ($r = 0,148$; $p < 0,05$). Напротив, интолерантность к неопределенности положительно связана с тревогой ($r = 0,165$; $p < 0,05$), фаталистическим игнорированием ($r = 0,161$; $p < 0,05$), а также с необходимостью сотрудничества ($r = 0,192$; $p < 0,05$), оптимизмом ($r = 0,175$; $p < 0,05$) и готовностью к активным действиям ($r = 0,194$; $p < 0,01$), что свидетельствует о неоднозначности ее роли в отношении к глобальным рискам. Межличностная интолерантность к неопределенности связана с тревогой ($r = 0,168$; $p < 0,05$) и фаталистическим игнорированием ($r = 0,258$; $p < 0,01$), что может свидетельствовать о связи непереносимости неопределенности в

отношениях с другими людьми с эмоциональной напряженностью и фатализмом в отношении глобальных рисков.

Таким образом, была подтверждена гипотеза о том, что толерантность к неопределенности связана с типами отношения к глобальным рискам и некоторыми социальными убеждениями. Полученные результаты позволяют выделить когнитивные (социальные убеждения), аффективные (тревога) и поведенческие (ориентация на сотрудничество, готовность к действиям, фаталистическое игнорирование) проявления отношения к глобальным рискам, а также такие интегративные характеристики, как толерантность-интолерантность к неопределенности. Полученные данные в целом согласуются с результатами исследований Т.А. Нестика о связи индивидуальных психологических характеристик с типами отношения к глобальным рискам. Результаты исследования также демонстрируют связь между типами отношения к глобальным рискам, социальными убеждениями и толерантностью к неопределенности как самостоятельным психологическим фактором. Дальнейшего анализа требует изучение взаимовлияния отношения к глобальным рискам, социальных убеждений и толерантности к неопределенности.

Литература

1. *Корнилова Т.В.* Новый опросник толерантности–интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. № 6.
2. *Нестик Т.А.* Коллективные страхи и перспективная рефлексия в условиях неопределенности // Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов в 2 т. / Под ред. Е.В. Бакшутовой, О.В. Юсуповой, Е.Ю. Двойниковой. Т. 2. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018а. С. 55–62.
3. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. М., 2018. С. 7–20.
4. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // Культурно-историческая психология.

2020. Т. 16. № 1. С. 96–110. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>

5. *Nestik T., Задорин И.* Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020. № 5.

Цели, задачи и эмоциональная оценка взаимодействия с ребенком отцов и матерей разных возрастных групп

Калашникова Е.А.

*ФГБНУ «ФНЦ ПМИ», Москва, Россия
5405956@mail.ru*

В статье представлен сюжет социологического исследования мнений 42865 родителей дошкольников, ориентированного на различные социокультурные аспекты дошкольного детства. Исследование проведено под руководством В.С. Собкина в рамках реализации проекта ГЗ FNRE-2024-0015. Одним из направлений исследования являлся анализ ответов отцов и матерей разных возрастных групп (21–26; 27–35; 36–45 и 46–57 лет) на вопросы о целях, задачах воспитания и эмоциональной оценке своего взаимодействия с ребенком с целью выявления тенденций и особенностей в их воспитательных стратегиях (Абраменкова, 2019; Авдулова, Кротова, Хузеева, 2024; Собкин, 2002; 2013; Собкин, Калашникова, 2025).

Результаты анализа показали, что в иерархии целевых ориентиров родителей доминируют: умение общаться с людьми (72%); доброта и отзывчивость к людям (67,5%); инициативность и самостоятельность (53,4%); стремление развивать свои способности (50,6%); уважение к старшим, послушание (49,9%); настойчивость, выдержка, целеустремленность (45,2%); позитивное отношение к миру (35,7%); стремление повышать образование и культурный уровень (31,0%); адаптивность (28,4%); патриотизм (17,9%). Религиозность и материальное благополучие отмечает менее 10% респондентов. Для отцов больше, чем для матерей, значимы цели, связанные с развитием

у ребенка умения приспосабливаться – 31,6% и 28,3% соответственно; гражданской идентичности – 25,1% и 17,7%. С увеличением возраста родителей актуализируются ориентиры, связанные с развитием у ребенка стремления к самосовершенствованию («повышать образовательный и культурный уровень») – от 25,1% до 36,1% и гражданской идентичности (с 10,1% до 27,4%).

В иерархии воспитательных задач доминируют забота о физическом здоровье ребенка (69,8%); доброта, милосердие (58,6%); развитие самостоятельности (51,1%); передача своих навыков и умений (36,2%); приучение к дисциплине (32,1%). Игра с ребенком – 13,5%, обучение письму и счету – 9,5%. Для отцов, по сравнению с матерями, более важными оказываются задачи, связанные с приучением к дисциплине (47,6% и 35,8% соответственно), игра (24,5% и 19,4%) и передача своих знаний и умений (17,6% и 13,4%). Если молодые родители, по сравнению с более старшими, больше ориентированы на материальное обеспечение ребенка (38,8% и 23,2% соответственно), приучение к дисциплине (23,9% и 16,9%) и игру (16,9% и 12,1%), то более старшие – на развитие у ребенка морально-нравственных качеств (65,1% и 55,7% соответственно); самостоятельности (57,2% и 44,4%); передачу собственного опыта (43,4% и 29,8%).

В иерархии оценок взаимодействия доминируют положительные эмоциональные и когнитивные: «ощущаю себя счастливым человеком» – 71,5%; «испытываю радость, наполняюсь энергией» – 52,9%; «заново познаю окружающий мир» – 58,1%; «открываю в себе новые качества, о которых ранее не подозревал» – 48,1%. Негативные эмоциональные состояния отмечаются существенно реже: «не могу справиться со спонтанной активностью» – 9,8%; «нервничаю, раздражаюсь» – 6,5%; «испытываю сложности, которые перерастают в скандалы» – 4,2%. Отцы чаще, чем матери, указывают эмоциональные оценки, матери же – когнитивные. Оценки молодых родителей, по сравнению с более старшими, чаще связаны с их личностным ростом: «открываю в себе много новых качеств» – 50,1% и 43,4% соответственно. У более старших родителей – с рациональным познанием: «заново познаю окружающий мир» – 58,1% и 52,3% соответственно.

Для анализа взаимосвязи отмеченных показателей процентные данные ответов отцов и матерей в подвыборках по возрасту группировались в матрицу размерностью 27×8, которая подвергалась

процедуре факторного анализа. В результате получено четыре фактора, объясняющих 92,7% общей суммарной дисперсии. Структуру полученных факторов представляют следующие оппозиции.

Биполярный фактор F1(+) *«Ребенок – субъект воспитания»* определяет комплекс целей и задач, связанный с личностным развитием как ребенка, так и родителя: развитие самостоятельности и инициативности, воспитание морально-нравственных качеств, уважение к старшим, забота о физическом здоровье и раскрытие способностей. Реализация связана с рациональным познанием. F1(–) *«Ребенок – объект воспитания»*. Включает комплекс ориентиров на развитие базовых образовательных компетенций (чтение, письмо, счет) и дисциплинированности как основы достижения высокого материального положения. Их реализация связана с позитивными эмоциональными оценками.

Биполярный фактор F2(+) *«Прагматические воспитательные установки»* определяет комплекс целей и задач, ориентированных на развитие у ребенка адаптивности и его материальное обеспечение. Они связаны с рефлексией относительно собственных качеств характера и с негативными оценками гиперактивности ребенка. F2(–) *«Наставничество»* определяет установка на развитие у ребенка стремления к самосовершенствованию посредством передачи собственного опыта.

Биполярный фактор F3(+) *«Игра как способ развития самоконтроля»* представлен установкой на развитие волевых качеств посредством игры, что оценивается позитивно. F3(–) *«Социальный оптимизм»* – установка на развитие позитивного отношения к миру.

Последний фактор F4(+) *«Негативные эмоциональные оценки»* взаимодействия с ребенком (устаю, нервничаю) – униполярный.

Высокие значения по осям выделенных факторов характеризуют возрастные особенности воспитательной деятельности родителей. Так, у отцов объектное отношение к ребенку нивелируется с возрастом. У молодых родителей воспитательные установки на развитие у ребенка дисциплинированности, базовых образовательных компетенций и социального оптимизма связаны с позитивными эмоциональными оценками. В старших возрастных группах наставничество в развитии у ребенка стремления к самосовершенствованию и развитию самоконтроля посредством игры связано с негативными

эмоциональными оценками взаимодействия. Воспитательная деятельность у матерей с возрастом характеризуется увеличением значимости субъектного отношения к ребенку и актуализацией собственного рационального познания. Прагматические воспитательные установки с негативными эмоциональными оценками уступают место наставничеству в развитии социального оптимизма.

Приведенный анализ является промежуточным. В последующих публикациях предполагается представить особенности взаимосвязи перечисленных показателей с предпочтениями родителей в стилях взаимодействия, видах и мотивах поощрений и наказаний.

Литература

1. *Абраменкова В.В.* Ценность детства в современном мире и образовании: Монография. М.: ФГБНУ «ИИД СВ РАО». 2019.
2. *Авдулова Т.П., Кротова Т.В., Хузеева Г.Р.* Стратегии взаимодействия родителей с детьми дошкольного возраста и особенности представлений о родительстве [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2024. Том 16. № 4. С. 35–48. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160403>
3. *Собкин В.С., Калашиникова Е.А.* К вопросу о воспитательных стратегиях современных родителей дошкольников: цели и задачи воспитания. // Казанский педагогический журнал. 2025. Т. 31. №3. С. 77–99. <https://doi.org/10.11621/KPJ-25-15>
4. *Собкин В.С., Марич Е.М.* Социология семейного воспитания: дошкольный возраст. Труды по социологии образования. Т. VII. Вып. XII. М.: Центр социологии образования РАО. 2002.
5. *Собкин В.С., Скобельщина К.Н., Иванова А.И., Верясова Е.С.* Социология дошкольного детства. Труды по социологии образования. Т. XVII. Вып. XXIX. М.: Институт социологии образования РАО. 2013.

Гиперответственность как фактор профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы

Калашникова Т.В., Шляпина В.С.

*Академии права и управления ФСИН России, Рязань, Россия
tana-ka58@yandex.ru, shlyapina.lera@inbox.ru*

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) характеризуется наличием ряда экстремальных факторов. К их числу отнесены: контингент осужденных, изоляция условий профессиональной деятельности, низкая престижность профессии (Мухина, Хвостов, Проценко, 2003); правовая регламентированность деятельности; спонтанность, неповторимость, конфликтность общения; наличие властных полномочий; опасность, дефицит времени, однообразие, монотонность, внезапность и др. (Баламут, 2013; Малышев, 2015). Воздействия данных факторов на личность сотрудника УИС нередко приводят к ее негативным изменениям – профессиональной девиации, деформации и деградации. Одним из проявлений личностной деформации сотрудника, затрагивающего все сферы его жизни, является эмоциональное выгорание, а в профессиональной деятельности – профессиональное выгорание.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года обозначена цель, отражающая важность формирования высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала. Ее реализация возможна при своевременном учете факторов, воздействующих на развитие эмоционального и профессионального выгорания, для повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников УИС.

Анализ пенитенциарно-психологических исследований профессионального выгорания сотрудников УИС позволяет выделить некоторые направления его изучения: как определенного механизма психологической защиты личности сотрудника от экстремальных факторов и условий профессиональной деятельности и как формы профессиональной деформации личности сотрудника (Копылова, 2003); особенностей его проявления на разных этапах профессионального развития и службы (Поздняков, Черкасова, 2013);

диагностики признаков данного социально-психологического явления, личностных особенностей сотрудников, обуславливающих профессиональное выгорание (Александров, Мейер, 2023); факторов, позволяющих профилировать выгорание сотрудников (Ананьева, Ивлиев, 2021) и особенностей психологического сопровождения сотрудников с признаками профессионального выгорания (Майер, 2023); связи эмоционального выгорания и психосоматического здоровья сотрудников УИС (Ярошенко, Киселев, 2015; Иванов, 2023); выявления причин использования неадаптивных копинг-стратегий сотрудниками в процессе служебной деятельности (Писарев, Бальшева, 2025).

Исследователи подчеркивают, что на процесс развития профессионального выгорания влияют как объективные факторы (особенности организационной культуры и профессиональной деятельности субъекта труда), так и субъективные – индивидуально-личностные факторы (Сиворонова, 2023).

Предполагаем, что одним из субъективных факторов выступает гиперответственность личности сотрудника УИС. Если высокоразвитое чувство ответственности позволяет сотруднику выполнять поставленные задачи на высоком уровне, достигать поставленных целей без учета стресс-факторов (Заргаров, 2023), то гиперответственность, как состояние чрезмерной ответственности, вызывает тревожность, повышенный контроль ситуации, напряженность и запускает механизмы профессионального выгорания.

Сотрудник с гиперответственностью характеризуется безотказностью, стремлением выполнить любую просьбу, задание. Он испытывает чувство вины в случае невозможности или неудачи при выполнении поручения. Выполненное задание нередко не вызывает у него чувства удовольствия, так как он всегда находит недоработки.

В ситуации, когда в настоящее время отмечается некомплект кадров в УИС (недостаточное число сотрудников, неэффективный подбор, высокая текучесть кадров) выполнение сотрудниками своих профессиональных функций затруднено и усложнено (Гусев, Казак, 2025). При этом именно на сотрудников с гиперответственностью могут быть возложены дополнительные функциональные обязанности, отказаться от выполнения которых они не могут в силу их личностных особенностей. Такие сотрудники могут задерживаться после работы,

брать работу на дом с целью выполнения порученного задания. Гиперответственность в таких ситуациях выступит фактором их профессионального выгорания.

Исследования связи гиперответственности личности сотрудника УИС с уровнями профессионального выгорания отсутствуют. Косвенно эта проблема затрагивается в некоторых исследованиях. Так, В. Е. Орел обозначил, что выгорание детерминруется двумя группами личностных характеристик: провоцирующих выгорание и тормозящих его. Он рассмотрел влияние «добросовестности» на развитие выгорания (Орел, 2005). Выделение внутренних факторов развития психического выгорания (темперамент, отношение к выполняемой деятельности, ее результатам, низкая социально-психологическая компетентность и личностная незрелость) акцентирует внимание на значимости именно свойств личности в детерминации данного процесса. К личностным факторам, способствующим развитию выгорания, относят потребность в гиперконтроле ситуации (Колузаева, 2020), личностную незрелость, основанную на нравственной незрелости человека (Агафонова, Брюхова, 2021), повышенную ответственность личности (Мейер, 2023).

Проведение исследования гиперответственности личности сотрудников УИС необходимо: с позиций культурно-исторической концепции развития высших психических функций Л.С. Выготского, так как данное свойство первично формируется на ранних этапах социализации личности под влиянием социальной среды семьи; системно-диспозиционного подхода А.И. Крупнова, рассматривающего структуру свойств личности через установочно-целевой, мотивационный, когнитивный, продуктивный, динамический, эмоциональный, регуляторный и рефлексивно-оценочный компоненты. В диагностическом плане в качестве базовых методик следует использовать опросник многомерно-функциональной диагностики ответственности (ОТВ-70) (В.П. Прядеин) и многомерно-функциональной диагностики ответственности (ОТВ-110) (В.П. Прядеин совместно с О.В. Мухлыниной).

Своевременная профилактико-коррекционная работа пенитенциарного психолога с гиперответственными сотрудниками будет способствовать предотвращению возникновения и развития у них профессионального выгорания. Это особенно важно в

современных особенностях функционирования уголовно-исполнительной системы.

Литература

4. Александров Б.В., Мейер Ю.А. Особенности профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы: психологический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4. С. 212–220.
5. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. Актуальные психологические проблемы эмоционального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы и современные пути их решения // Прикладная юридическая психология. 2021. № 2(55). С. 126–133.
6. Гусев А.С., Казак И.Б. Некоторые проблемы кадрового обеспечения учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации //Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 491–492.
7. Заргаров А.В. Ответственность курсантов образовательных организаций ФСИН России в структуре психологической устойчивости личности // Информационный обмен в междисциплинарных исследованиях II. Взгляд начинающих ученых: Специальный сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Рязань, 14 апреля 2023 года. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 26–28.
8. Иванов И.М. Проблема эмоционального выгорания в контексте психологии здоровья сотрудников УИС // Вестник молодого ученого Кузбасского института: Сборник научных статей. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 142–144.
4. Колузаева Т.В. Эмоциональное выгорание: причины, последствия, способы профилактики // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2020. № 1(31). С. 122–130.

5. *Мейер Ю.А.* Психологическое сопровождение формирования качеств, препятствующих профессиональному выгоранию: на материале сотрудников уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... канд. психол. М., 2025. 24 с.
6. *Орел В.Е.* Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: автореф. дис. ...д-ра психол. наук. Ярославль, 2005. 51 с.
7. *Писарев О.М., Бальшева М.С.* Взаимосвязь уровня профессионального выгорания с выбором копинг-стратегий персоналом уголовно-исполнительной системы // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 2 (17). С. 69–76.
8. *Сиворонова М.С.* Психологические особенности профессионального выгорания психологов органов внутренних дел: автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 2023. 26 с.

Смысловые базовые установки кыргызстанской молодежи: сравнение двух лонгитюдных выборок

Карасаева А.М.

*РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
aliya-13@mail.ru*

Смысловые базовые установки (СБУ) выступают ключевым регулятором социального поведения, представляя собой фундаментальные убеждения человека о мире, себе и своем месте (Ишков, Милорадова, 2015). Они играют важную роль в учебной и профессиональной деятельности (Сладкомедова, 2005; Галузо, 2016), влияют на менталитет, ценности и личностные смыслы (Башкатов, Шахов, 2021), а также выступают фактором нервно-психического напряжения (Ковальчук, 2021), экзистенциальной наполненности (Комиссарова, 2019) и жизнестойкости (Качанова и др., 2022). Однако динамика СБУ остается малоизученной (Глотова, 2008; Карасаева, 2024).

В Кыргызстане, где социальные условия быстро меняются, исследования СБУ единичны (Карасаева, 2014; Ахметова, Леоненко, 2014; Иванова, Сулайманова, 2016, 2019; Сулайманова, 2019; Шакеева, 1988), а лонгитюдные работы немногочисленны (Карасаева, 2024; Коржова, Карасаева, 2025). Сопоставление двух лонгитюдных выборок (2010–2021 и 2012–2023 гг.) позволит выявить возрастную и гендерную динамику СБУ кыргызстанской молодежи в условиях социокультурных трансформаций.

Выборка и методы. Использованы данные двух лонгитюдных выборок. Первую составили 64 человека (29 юношей, 35 девушек): средний возраст в 2010 г. – 15 лет, в 2021 г. – 26 лет. Вторую – 179 человек (118 юношей, 61 девушка): средний возраст в 2012 г. – 16 лет, в 2023 г. – 27 лет. Применялись опросник «Смысловые базовые установки» (адаптация А.Д. Ишкова и Н.Г. Милорадовой), а также ассоциативный тест (11 слов-стимулов: урок, новости, экзамен, интернет, учитель, телевидение, перемена, сверстники, я, родители, наша страна). Статистическая обработка включала t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна-Уитни, дисперсионный анализ с повторными измерениями, корреляционный анализ и структурный анализ корреляционных графов.

В первом лонгитюде (2010–2021) выявлены значимые изменения СБУ: зависимость от достижений возросла (с 4,95 до 5,59; $p < 0,01$), требовательность к себе снизилась (с 7,0 до 6,56; $p < 0,001$), ответственность за других снизилась (с 7,93 до 7,17, $p < 0,001$). Структурный анализ показал смену центральной СБУ: в 2010 г. центральное положение занимала вербальная зависимость, в 2021 г. – эмоциональная зависимость, при сохранении ответственности за других на периферии (Карасаева, 2024). Во втором лонгитюде (2012–2023) подтвердилась общая тенденция к снижению показателей по большинству шкал СБУ; наиболее выраженное различие в динамике между юношами и девушками зафиксировано по шкале «Требовательность к другим»: у девушек снижение происходит достоверно быстрее ($p = 0,045$, $\eta^2 = 2,3\%$) (Коржова, Карасаева, 2025).

Ассоциации на ключевые стимулы («урок», «учитель», «экзамен», «я», «новости» и др.) выявили устойчивые гендерные различия в смысловых установках в обеих лонгитюдных выборках.

Образовательная сфера: для девушек как в 2010, так и в 2012 годах «урок» в первую очередь связан с оценкой (65%), тогда как для юношей – с интересом (61%). Это указывало на большую ориентацию девушек на формальные результаты и внешнюю оценку, а юношей – на внутреннюю мотивацию и процесс. При этом экзамен для девушек ассоциировался тогда со страхом и шпаргалкой, для юношей – со страхом и оценкой, что подчеркивает разницу в восприятии экзаменационной ситуации. Спустя 11 лет «урок» у женщин ассоциируется с опытом (60%), у мужчин также с интересом (55%). С возрастом урок воспринимается не как формальный процесс, а как ресурс. Женщины чаще акцентируют ценность опыта, мужчины – практическую применимость. Экзамен же в обоих выборах, как у мужчин, так и у женщин представлен ассоциацией стресс.

Восприятие учителя: 2010 и 2012 годах у девушек преобладают ассоциации строгость, непонимание, у юношей справедливость, понимание. Это может отражать дифференциацию опыта взаимодействия с авторитетными фигурами в зависимости от пола. С возрастом негативные ассоциации («строгость», «непонимание») сменяются позитивными. Женщины акцентируют эмоциональную поддержку, мужчины – авторитет и компетентность.

Образ «Я»: девушки ассоциируют себя с целостной личностью (67%), тогда как юноши – с набором отдельных качеств доброта, ответственность, общительность. Это различие указывает на более раннее формирование у девочек интегральной самоидентичности. Спустя 11 лет женщины сохраняют интегральное восприятие себя как личности (70%), мужчины акцентируют внимание на достижениях (карьера 65%, самостоятельность 60%).

Отношение к информации: новости для юношей – это прежде всего *информация* (70%), для девушек – *интерес* (59%). В 2021 и 2023 годах сохраняется гендерное различие: мужчины ориентированы на содержательную информацию, женщины – на эмоциональную окраску и социальные сети

Обсуждение. Сопоставление двух лонгитудов позволяет выделить устойчивые тенденции: снижение требовательности к себе и ответственности за других, сохранение гендерных различий по ответственности за себя (более высокая у женщин). Выявленные различия между 2010 и 2012 гг. у юношей – рост зависимости от

достижений и смена структурного центра – могут быть связаны с ухудшением социально-политической обстановки в Кыргызстане в этот период (вторая революция 2010 г.). Результаты ассоциативного теста подтверждают чувствительность смысловой сферы к социополитическим изменениям и выявляют устойчивые гендерные стереотипы в отношении учебной деятельности и социальных ролей. Уплотнение структуры ассоциатов в 2012 г. интерпретируется как снижение дифференцированности группового сознания, что согласуется с общей тенденцией к стереотипизации СБУ в тот же период.

Проведенное сопоставление двух лонгитюдных исследований и данных поперечного среза демонстрирует как общие закономерности развития СБУ и ассоциативных структур у кыргызстанской молодежи, так и специфические, обусловленные социокультурным и социально-политическим контекстом. Динамика ассоциаций от подросткового к молодому возрасту отражает закономерные процессы социализации: смещение внешней оценки на внутренние критерии, формирование профессиональной и семейной идентичности, критическое осмысление социальной реальности. Вместе с тем сохраняется и усиливается половая специфика, обусловленная традиционными ожиданиями референтной группы этноса. Социально-политический контекст (революции 2010 г., последующий кризис) оказывает долгосрочное влияние на смысловые установки, формируя более тревожное и прагматичное отношение к информации, власти и собственному будущему. Ассоциативный тест подтверждает свою чувствительность к этим изменениям, выявляя как устойчивое ядро смысловой сферы, так и её динамику под влиянием возраста, пола и социокультурной среды. Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ психологического сопровождения молодежи с учетом культурной специфики Кыргызстана.

Литература

1. *Ахметова Н.А., Леоненко Н.О.* Ценности и смысложизненные ориентации в структуре жизнестойкости российских и киргизских студентов // Педагогическое образование в России. 2014. № 5. С. 185-190.

2. *Башкатов С.А., Шахов А.А.* Анализ отечественных диссертационных исследований, посвященных психологическому феномену установки // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14. № 2. С. 5-16. <https://doi.org/10.14529/jpps210201>
3. *Галузо П.Р.* Смысловые установки как детерминанты и следствия осознанной регуляции учебной деятельности студентов // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2016. Т. 6. № 1. С. 123-134.
4. *Глотова Г.А.* К вопросу о системной природе установки // Психологический вестник Уральского государственного университета. 2008. Вып. 6. С. 206-223.
5. *Иванова В.П., Сулайманова А.И.* Особенности базовых смысловых установок студентов // Актуальные процессы формирования науки в новых условиях: Сборник статей Международной научно-практической конференции, 10 марта 2016 года. М.: Европейский фонд инновационного развития, 2016. С. 125-128.
6. *Иванова В.П., Сулайманова А.И.* Ценностные и смысложизненные ориентации сельской и городской молодежи, обучающейся в вузе // Бюллетень науки и практики. 2019. Т.5. № 6. С. 480-489. В тексте 2016 и 2019 Есть оба года
7. *Ишков А.Д., Милорадова Н.Г.* Психологические установки и их диагностика с помощью опросника «Смысловые базовые установки» (СБУ) // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-3(59). С. 569-574.
8. *Карасаева А.М.* Динамика и структура смысловых базовых установок кыргызстанцев // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2024. № 2. С. 74-82. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.2.74-82>.
9. *Карасаева А.М.* Структурное описание смысловых установок // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 4. № 1. С. 115-117.
10. *Качанова Е.В., Кузнецова Л.М., Лесин А.М., Моторина И.В.* Влияние смысловых базовых установок на жизнестойкость личности // Психология и медицина: пути поиска

оптимального взаимодействия: Сборник материалов IX международной конференции студентов и молодых ученых, 23-24 ноября 2022 г. Рязань: Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, 2022. С. 244-248.

11. *Ковальчук Д.Ф.* Ситуативные смысловые установки как фактор нервно-психического напряжения личности в период пандемии COVID-19 // Человеческий капитал. 2021. № 2(146) С. 72-80. <https://doi.org/10.25629/НС.2021.02.06>.
12. *Комиссарова О.А.* Взаимосвязь экзистенциальной наполненности студентов-психологов с их базовыми смысловыми установками // Психологические проблемы смысла жизни и акме: Электронный сборник материалов XXIV Международного симпозиума. Посвящается 95-летию со дня рождения В.Э. Чудновского 10-11 апреля 2019 г. М.: Психологический институт Российской академии образования, 2019. С. 313-316.
13. *Коржова Е. Ю., Карасаева А.М.* Смысловые базовые установки как фактор осмысленности жизни и социального интеллекта кыргызстанской молодежи // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2025. Т. 10, № 2(38). С. 68-92. https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2025_38_2_03
14. *Сладкомедова М.Ю.* Динамика смысловых установок студентов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Психологические науки. Акмеология образования. 2005. Т. 11. № 2. С. 93-95.
15. *Сулайманова А.И.* Этнопсихолого-педагогические детерминанты кыргызов как одно из условий развития смысловых ориентаций // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 7. С. 324-331.
16. *Шакеева Ч.А.* Ценностные ориентации молодежи в новых общественно-экономических условиях (на материале Кыргызской Республики). Автореферат диссертации на соискание степени доктора психологических наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1988.

Взаимосвязь потенциала самоизменений личности и учебной мотивации у студентов-психологов

*Карасаева А.М., Петренко А.А.
РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
aleksandr_21hp@mail.ru, aliya-13@mail.ru*

Современное высшее образование сталкивается со снижением внутренней учебной мотивации студентов, трансформацией их ценностей в сторону прагматизма и уменьшением личностной значимости процесса обучения. Согласно исследованиям (Фролова и др., 2024; Герасименко, 2017), доминируют внешние стимулы (диплом, работа), познавательные мотивы отстают. Эффективная подготовка психологов требует субъектной позиции. В этой связи все более актуальным становится изучение потенциала самоизменений личности – интегральной характеристики, отражающей готовность и способность человека к осозанным изменениям, постановке жизненных целей и саморегуляции (Гришина, 2021; Манукян, Муртазина, 2020). Конструкт связан с зрелостью, ценностями, самоопределением (Семикин и др., 2021; Басаровская, 2022), но его связь с учебной мотивацией у студентов-психологов изучена недостаточно.

Цель исследования – выявить взаимосвязь между потенциалом самоизменений личности и учебной мотивацией у студентов-психологов.

Гипотезы исследования: 1) взаимосвязи между внутренней мотивацией и самоизменениями сильнее у девушек, а между социальными мотивами и самоизменениями – у юношей; 2) девушки имеют более высокие показатели позиционной мотивации и способности к самоизменениям.

В исследовании применялись: 1) опросник «Потенциал самоизменений личности» (Манукян, Муртазина, Гришина, 2020), включающий шкалы: потребность в самоизменениях, способность к самоизменениям, вера в возможность самоизменений, возможность самоизменений (оценка условий), а также интегральный показатель; 2) методика «Мотивация учебной деятельности: уровни и типы» (И.С. Домбровской), оценивающая восемь типов мотивов. Выборка составила 40 студентов-психологов (30 девушек, 10 юношей).

Статистическая обработка включала анализ описательной статистики, U-критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ.

В результате исследования выявлены статистически значимые различия между юношами и девушками. По шкале «позиционные мотивы» (стремление занять определенное положение в отношениях с окружающими, получить одобрение) девушки демонстрируют более высокие значения ($U = 94,5$, при $p \leq 0,05$). Кроме того, у девушек выше показатель способности к самоизменениям ($U = 74,5$, при $p \leq 0,01$). По остальным шкалам мотивации и компонентам потенциала самоизменений достоверных различий не обнаружено. Корреляционный анализ в общей выборке показал, что потенциал самоизменений положительно связан с мотивами самообразования (интегральный показатель потенциала самоизменений $r = 0,42$, потребность в самоизменениях $r = 0,51$, способность к самоизменениям $r = 0,45$) и познавательной мотивацией (интегральный показатель потенциала самоизменений $r = 0,35$, потребность в самоизменениях $r = 0,44$, способность к самоизменениям $r = 0,37$). Внешние мотивы (позиционные, социальные) значимых связей с самоизменениями не обнаружили. У девушек внутренние мотивы (познавательные, самообразование) положительно коррелируют с потребностью ($r = 0,42$) и способностью к самоизменениям ($r = 0,53$); позиционные мотивы с самоизменениями не связаны. У юношей вера в самоизменения отрицательно коррелирует широкими социальными мотивами ($r = -0,72$); познавательная мотивация значимых корреляций не даёт. Таким образом, структура взаимосвязей мотивации и потенциала самоизменений у студентов-психологов дифференцирована по полу: у девушек преобладает внутренняя мотивация, у юношей – социально-ориентированная.

На основании результатов исследования подтверждена гипотеза о более тесных связях внутренней мотивации с самоизменениями у девушек и социальной мотивации – у юношей. Полученные данные согласуются с представлениями о гендерной специфике субъектного опыта и ценностных ориентаций (Басаровская, 2022; Костылева, Нигметулина, 2015). Результаты указывают на необходимость дифференцированного подхода к развитию потенциала самоизменений у студентов разного пола. Для девушек приоритетом является поддержка внутренней познавательной мотивации, а для юношей – преобразование внешних социальных мотивов во внутренние ресурсы саморазвития.

Литература

1. *Басаровская П.А.* Потенциал самоизменений и ценностные ориентации в контексте личностно-профессионального развития студентов вуза // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2022. Т. 5, № 6. С. 46–51.
2. *Герасименко Н.А.* Мотивация студентов к обучению: социально-психологический аспект // *Вестник университета (Государственный университет управления)*. 2017. № 11. С. 244–247.
3. *Гришина Н.В.* «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*. 2018. Т. 8, вып. 2. С. 126–138.
4. *Костылева А.А., Нигметулина Г.Р.* Мотивация студентов к обучению // *Сборник научных трудов студентов Саратовского ГМУ*. 2015. № 12. С. 1–3.
5. *Манукян В.Р., Муртазина И.Р.* Самоизменение: психологический статус и возможности измерения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2019. Т. 9, вып. 4. С. 331–345.
6. *Манукян В.Р., Муртазина И.Р., Гришина Н.В.* Опросник для диагностики потенциала самоизменений личности // *Консультативная психология и психотерапия*. 2020. Т. 28, № 4. С. 35–58. (методика «Потенциал самоизменений личности»)
7. *Преображенский А.П., Чопоров О.Н.* О проблемах мотивации студентов к обучению в вузе // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2018. Т. 9, № 11. С. 1–4.
8. *Семикин В.В., Анисимов А.И., Крупина К.М.* Потенциал самоизменений личности в контексте профессионального самоопределения старшеклассников // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология*. 2021. Т. 38. С. 65–82.
9. *Фролова Е.В., Поставнев В.М., Двойнин А.М.* Учебная мотивация у студентов психолого-педагогических направлений подготовки: психосемантический анализ // *Научно-педагогическое обозрение*. 2024. Вып. 6 (58). С. 103–113.

Социально-психологическая реабилитация военнослужащих в условиях реабилитационного центра: комплексный подход

Карпова Д.Е.

*Медицинский научно-практический центр комплексной реабилитации
«Голубое» ФГБУ ФНКЦ МРПК ФМБА, Москва, Россия
dashamuvart@mail.ru*

Участие в боевых действиях связано с воздействием экстремальных стрессоров, оказывающих влияние не только на эмоциональное состояние личности, но и на систему ее социальных связей, ролевую структуру и профессиональную идентичность. Посттравматические проявления часто сопровождаются снижением уровня доверия, трудностями межличностного взаимодействия, нарушением социальной адаптации и неопределенностью профессиональной перспективы (Тарабрина, 2001). В этой связи реабилитация военнослужащих требует комплексного подхода, объединяющего психологические и социально-психологические механизмы восстановления.

В докладе рассматривается опыт работы реабилитационного центра, реализующего многоуровневую программу восстановления военнослужащих. Программа включает индивидуальное психологическое консультирование, групповую работу, мероприятия по социальной адаптации, профориентацию, карьерное консультирование и переобучение по нескольким образовательным программам. Такой формат позволяет рассматривать реабилитацию как процесс восстановления не только психического состояния, но и социальной и профессиональной субъектности (Андреева, 2009).

Индивидуальная психологическая работа направлена на снижение выраженности тревожности, эмоциональной нестабильности, раздражительности, нарушений сна, развитие навыков саморегуляции и формирование конструктивных стратегий совладания (Александровский, 2000). Однако в социально-психологическом аспекте ключевое значение имеет групповая работа. Группа создает пространство безопасного обсуждения пережитого опыта, способствует нормализации эмоциональных реакций и формированию взаимной поддержки. Через механизмы групповой сплоченности и

идентификации восстанавливается чувство принадлежности, снижается ощущение изоляции, формируются навыки конструктивного взаимодействия (Бодалев, 2001).

Особое место в реабилитационном процессе занимает реконструкция социальной и профессиональной идентичности. Травматический опыт может приводить к фиксации на роли участника боевых действий и сужению ролевого репертуара. В рамках комплексной программы осуществляется расширение идентификационных позиций через профориентацию и карьерное консультирование. Данные направления позволяют участникам осмыслить собственные ресурсы, определить профессиональные перспективы и сформировать реалистичные жизненные цели (Климов, 2004).

Переобучение по образовательным программам выступает значимым фактором социальной стабилизации. Освоение новых компетенций способствует формированию чувства эффективности и контроля над жизненной ситуацией, снижает уровень неопределенности и повышает мотивацию к восстановлению. Профессиональная переориентация усиливает социальную включенность и способствует долгосрочной адаптации (Пряжников, 2013).

Таким образом, реабилитационный центр функционирует как особая социальная среда, в которой одновременно реализуются процессы эмоциональной стабилизации, восстановления социальных связей и формирования новой профессиональной траектории. Социально-психологическая реабилитация включает несколько взаимосвязанных направлений:

- восстановление межличностного взаимодействия и доверия;
- реконструкцию социальной и профессиональной идентичности;
- формирование поддерживающей групповой среды;
- развитие адаптивных стратегий совладания;
- профессиональную переориентацию и образовательную поддержку.

Практический опыт показывает, что успешность реабилитации определяется не только снижением выраженности посттравматической симптоматики, но и степенью включенности военнослужащего в новые или трансформированные социальные роли (Ковалев, 2012). Наличие

профессиональной перспективы, поддерживающей группы и структурированной образовательной траектории существенно повышает мотивацию к восстановлению и способствует устойчивой социальной адаптации.

Комплексный подход позволяет рассматривать социально-психологическую реабилитацию как процесс интеграции личностного опыта в систему устойчивых социальных и профессиональных связей, что имеет важное значение для совершенствования программ помощи военнослужащим.

Литература

1. *Александровский Ю.А.* Пограничные психические расстройства. М.: Медицина. 2000.
2. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс. 2009.
3. *Бодалев А.А.* Личность и общение. М.: Педагогика. 2001.
4. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. М.: Академия. 2004.
5. *Ковалев В.В.* Социально-психологические аспекты профессиональной реадaptации военнослужащих. Психологическая наука и образование, 2012. №4, 102–109.
6. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл. 2004.
7. *Пряжников Н.С.* Профориентация. М.: Академия. 2013.
8. *Тарабрина Н.В.* Посттравматический стресс и методы его диагностики. М.: Институт психологии РАН. 2001.

Копинг-стратегии как предиктор девиантного поведения у детей младшего школьного возраста

Катунова В.В., Абдуллина С.В.

*ФБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России, Нижний Новгород, Россия
katunova@mail.ru, abdullina82@mail.ru*

В младшем школьном возрасте формируются базовые поведенческие стратегии, а девиантное поведение нередко выступает не как устойчивая личностная деформация, а как реактивный ответ на неблагоприятные социальные условия (Менделевич, 2005; Рахмонов,

2021). При этом совладающее (копинг) поведение, обеспечивающее адаптацию к стрессу, в этом возрасте еще недостаточно сформировано и может выражаться в неэффективных, аффективно окрашенных формах (Никольская, Грановская, 2010; Skinner, Saxton, 2020). Однако вопрос о связи конкретных копинг-стратегий с различными формами девиантного поведения у младших школьников остается недостаточно изученным.

Цель данного исследования: выявить особенности взаимосвязи копинг-стратегий и признаков девиантного поведения у детей младшего школьного возраста, а также определить специфические паттерны совладающего поведения в группах с разным уровнем выраженности девиаций. Гипотезы исследования: 1) у детей с разным уровнем выраженности девиантного поведения существуют специфические особенности выбора копинг-стратегий; 2) между конкретными формами девиантного поведения и определенными копинг-стратегиями существует типологическая связь. В исследовании приняли участие родители 76 учащихся первых классов (возраст детей 6–8 лет, 71% мальчиков, 29% девочек). Диагностический комплекс включал Вандербильтский оценочный тест (VADRS) в адаптации Т.А. Емельянцевой, В.Б. Смычек и А.А. Лакутина (2021) для выявления признаков девиантного поведения и опросник копинг-стратегий в модификации И.М. Никольской и Р.М. Грановской (2010). Статистический анализ проведен с использованием критерия Краскела–Уоллиса, корреляционного анализа Спирмена и кластерного анализа.

По данным родительских оценок дети были разделены на три группы: 1) с типичными признаками девиантного поведения ($n = 19$); 2) с признаками девиантного поведения в пределах возрастной нормы ($n = 20$); 3) без признаков девиантного поведения ($n = 37$). Статистически значимые различия ($p \leq 0,001$) выявлены по копингам «кусает ногти», «закатывает истерику», «бьет, ломает или швыряет вещи», «вопит, кричит, ругается»: дети с типичными девиациями используют эти аффективные стратегии достоверно чаще. Корреляционный анализ ($r \geq 0,50$) выявил значимые связи: «грубит взрослым, употребляет нецензурные слова» коррелирует с копингами «остается сам по себе» ($r = 0,51$) и «бьет, ломает» ($r = 0,57$); «физически жесток к животным» – с копингом «мечтает, представляет» ($r = 0,50$); «организовывает преднамеренные поджоги» – с копингом «занимается спортом, бегает»

($r = 0,54$). Кластерный анализ показал, что у детей с типичными девиациями агрессивное и аффективное реагирование формирует автономный кластер, не интегрированный с другими копингами, тогда как у детей без девиаций агрессивные реакции интегрированы с фантазированием, отрицанием и решением проблем.

Выявленные закономерности подтверждают, что некоторые формы девиантного поведения у младших школьников выполняют функцию совладания со стрессом и являются незрелыми, аффективно заряженными копинг-стратегиями (Никольская, Грановская, 2010; Compras et al., 2017). Связь агрессивных проявлений с изолирующими копингами указывает на реактивный характер агрессии как самозащиты. Жестокость к животным, связанная с фантазированием, может отражать перенос отношений со значимым взрослым на более слабый объект. Поджоги, коррелирующие с физической активностью, могут быть компенсаторным механизмом в семьях с завышенными требованиями. Дезинтеграция копинг-стратегий у детей с типичными девиациями свидетельствует о несформированности гибкого поведенческого репертуара.

Младший школьный возраст является сензитивным для профилактики девиантного поведения, поскольку девиации здесь носят реактивный характер и тесно связаны с копинг-стратегиями. Социально одобряемые копинги (рисование, игры, физическая активность, обращение за помощью) доступны всем детям и могут быть целенаправленно сформированы при создании поддерживающей среды. Необходима дифференцированная коррекционная работа: для детей с типичными девиациями – обучение саморегуляции и расширение репертуара адаптивных копингов; для детей с нормативными проявлениями – профилактические мероприятия. Полученные данные могут быть использованы при разработке программ психолого-педагогического сопровождения младших школьников.

Литература

1. Емельянцева Т.А., Смычек В.Б., Лакутин А.А. Результаты исследования валидности и надежности русскоязычной версии оценочной шкалы Вандербильт для диагностики синдрома дефицита внимания и гиперактивности у детей // Медицинские новости. 2021. № 7. С. 75–77.

2. *Менделевич В.Д.* Психология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2005. 445 с.
3. *Никольская И.М., Грановская Р.М.* Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
4. *Рахмонов М.И.* Девиантное поведение детей младшего школьного возраста // *ORIENSS*. 2021. Special issue. № 3. С. 89–94.
5. *Compas B.E., Jaser S.S., Bettis A.H., Watson K.H., Gruhn M.A., Dunbar J.P., Williams E., Thigpen J.C.* Coping, emotion regulation, and psychopathology in childhood and adolescence: A meta-analysis and narrative review // *Psychological Bulletin*. 2017. Vol. 143, No. 9. P. 939–991. <https://doi.org/10.1037/bul0000110>.
6. *Skinner E.A., Saxton E.A.* The development of academic coping in children and youth: A comprehensive review and critique // *Developmental Review*. 2020. No. 53. P. 339–353. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2019.100870>.

Социальные представления молодёжи о своём поколении (на примере Республики Молдова)

Кауненко И.И.

*Независимый Международный Университет Молдовы (ULIM),
Кишинёв, Республика Молдова*

Хорозова Л.Ф.

*Комратский государственный университет,
Комрат, Республика Молдова*

irina.caunenco@gmail.com, larisahorozova@yandex.ru

Исследование социальных представлений молодежи о своем поколении представляется актуальным в связи с необходимостью понимания того, как она осмысливает и интерпретирует социальную реальность и реконструирует ее в условиях общества незавершенного транзита.

Выборка составила 160 респондентов. Возрастной диапазон – 19–25 лет. Этнические группы: молдаване ($M = 20,3$), гагаузы ($M = 20,9$),

болгары ($M = 22,3$), украинцы ($M = 21,9$). Социальный статус: студенты и магистранты университетов г. Кишинева, Бельц, Тараклии, Комрата (АТО Гагаузия). Период исследования – 2024–2025 гг. Исследуемая выборка преимущественно представлена поколением Z с пограничным участием поздних миллениалов.

Объект исследования – студенческая молодежь разных этнических групп. Исследовательский вопрос: *Какие смысловые темы лежат в основе представлений молодежи разных этнических групп о своей поколении?* Методический инструментарий: проективное предложение «Мое поколение – это...».

В нашем исследовании базовым понятием являются «социальные представления», понимаемые как форма познания, знание здравого смысла, «содержание, функции и воспроизводство которого социально обусловлены. В более широком плане социальные представления – это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения... Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределены контекстом и условиями их возникновения, каналами циркуляции и, наконец, функциями, которые они выполняют во взаимодействии с миром и другими людьми (Jodelet, 1990, р. 361–362; цит. по: Шихирев, 1999, с. 276).

Поколение мы определяем как социальную группу «людей, родившихся в одно и то же время, объединенных схожей картиной мира, образом жизни, схожим репертуаром коммуникативных стратегий, стилями мышления и общей культурно-исторической ситуацией развития» (Пищик, 2010, с.5).

В результате проведенного тематического анализа, были выделены следующие темы.

1. Поколение будущего и надежды:

молдаване – «поколение, которое принесет изменения» (24, ж., 20); «); *гагаузы* – «надежда, изменчивость, позитив» (1, м., 23); *болгары* – «поколение будущего, за которым стоит будущее страны» (16, ж., 22); *украинцы* – «надежды на светлое будущее» (31, ж., 18).

2. Неопределенность и тревожность:

молдаване – «поколение легко поддается внешнему влиянию» (3, ж., 21), *гагаузы* – «люди, которые не знают, что будет завтра» (4, м., 20);

болгары – «народ, ищущий себя» (31, м., 21); *украинцы* – «часть уверена, другая живет сегодняшним днем» (21, ж., 22).

3. Поколение перемен:

молдаване – «поколение перемен и адаптированности» (22, ж., 20); *гагаузы* – «способно изменить мир» (7, м., 20); *болгары* – «гибкое, адаптивное поколение» (33, ж., 20); *украинцы* – «новые идеи и свое видение» (4, м., 19).

4. Цифровизация и технологии:

молдаване – «поколение, высоко развитое с точки зрения информационных технологий, которые оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на психическое развитие личности» (39, ж., 21); *гагаузы* – «увлечено технологиями» (33, ж., 20); *болгары* – «информационное» (14, ж., 22); *украинцы* – «поколение технологий» (2, м., 20).

5. Амбивалентность оценки поколения:

молдаване – «сложное, с тенденциями либо к деградации, либо к большому успеху» (20, ж., 20); *гагаузы* – «деградирующая молодежь» (24, ж., 19); *болгары* – «одно из самых противоречивых» (35, м., 23); *украинцы* – «вспыльчивые, но есть добрые» (20, ж., 20).

6. Целеустремленность и достижения:

молдаване – «креативное, смелое и открытое к новым изменениям» (31, ж., 20); *гагаузы* – «поколение целеустремленных, активных, новаторских людей, которые не боятся идти в неизвестность» (21, ж., 23); *болгары* – «учатся зарабатывать и достигать цели самостоятельно» (11, м., 20); *украинцы* – «знают, чего хотят и добиваются» (28, ж., 18).

7. Отношение к традициям и семье:

молдаване – «между традицией и современностью» (14, ж., 20); *гагаузы* – «дети, внуки, правнуки» (14, ж., 19); *болгары* – «люди, помнящие ценности» (1, ж., 20); *украинцы* – «теряет связь с уважением, дисциплиной» (25, ж., 20).

8. Гуманистические ценности:

молдаване – «мы независимы, эмпатичны, открыты к разнообразию» (26, ж., 19); *гагаузы* – «жить в мире и согласии» (28, ж., 22); *болгары* – «замечает добро» (8, ж., 22); *украинцы* – «уважают людей за личные качества» (23, ж., 21).

Выводы. Социальные представления молдавской, гагаузской, украинской и болгарской молодежи о своем поколении

характеризуются ориентацией на позитивное будущее и субъектностью, а также одновременно отражают тревогу и амбивалентность, что свидетельствует о специфике жизненного опыта молодежи, проживающей в условиях общества незавершенного транзита.

Литература

1. *Пищик В.И.* Психология трансформации ментальности поколений: автореф. дис.... д-ра психол. наук. Ростов-н/Д. 2010.
2. *Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М.: ИП РАН; КСП + Академический Проект, 1999. 448 с.

Способы преодоления стресса пожилыми лицами с синдромом старческой астении

Качевская Е.Н.

*ГБУЗ АО ГКБ№3 им. С.М. Кирова, Астрахань, Россия
elena21kachevskaya@mail.ru*

В связи с увеличением в структуре населения лиц «третьего возраста», проблема развития у них синдрома старческой астении с каждым годом становится все более масштабной (Бабакова, 2017).

Синдром старческой астении является ключевым гериатрическим синдромом. Он характеризуется возраст-ассоциированным снижением физиологического резерва и функций многих систем организма, что повышает уязвимость организма пожилого человека к воздействию экзогенных и эндогенных факторов, увеличивает риск развития неблагоприятных исходов для здоровья, потери автономности и смерти (Клинические рекомендации, 2024, с.8).

Нами с использованием авторской анкеты было проведено исследование источников стресса и способов совладания с ним лиц пожилого и старческого возраста с синдромом старческой астении,

результаты которого оформлены в виде публикации (Качевская, Яковец, 2025).

Выборку составили 120 человек (70 женщин, 50 мужчин) в возрасте 60-89 лет, пациенты ГБУЗ Астраханской области «Городская клиническая больница №3 им. С.М. Кирова».

Далее мы провели классификацию предложенных ими способов преодоления стресса.

Были выделены следующие группы способов.

1. Психосоциальные способы: общение, консультация с психологом, аффирмации, гипноз, религия (вера в Бога), культурное обогащение (театр, концерты и т.п.), хобби (чтение, шитье, рыбалка, охота и др.). Действие этих способов медленное, малоэффективное при необходимости быстрого реагирования, но высокоэффективное в длительной перспективе.

2. Психофизиологические способы: закаливание, спорт, йога и другие восточные практики, медитация, дыхательные практики. Способы этой группы могут помочь как в текущей ситуации (например дыхание), так и оказывать долгосрочный эффект. Однако эти способы следует применять с осторожностью, учитывая особенности пожилого и старческого возраста.

3. Психомедикаментозные способы: успокоительные препараты, алкоголь, курение. Действие данных способов быстрое, средней эффективности и небезопасное для старшего поколения.

Сравнение мужчин и женщин по использованию способов преодоления стресса показало следующее.

- Большинство как мужчин, так и женщин предпочитают психосоциальные способы. Их доля в 4 раза выше, чем психофизиологические и психомедикаментозные способы.

- Мужчины гораздо чаще женщин используют психофизиологические способы преодоления стресса (37% и 14% соответственно).

- Психомедикаментозные способы по преодолению стресса используются менее всего и почти равны как у мужчин, так и женщин (8% и 6% соответственно).

На первом месте среди психосоциальных способов по преодолению стресса у мужчин и у женщин – это общение с родными и/или друзьями.

Есть и различия между мужчинами и женщинами. Мужчины советуют справляться со стрессом за счет:

- психосоциальных способов преодоления стресса – принятия каких-то мер, активности, переключения на работу (какое-то дело), терпения, самоконтроля, уединения, обращения к психологу, расширения знаний, обучения чему-либо, повышению осознанности, поездок на рыбалку и/или охоту;
- психофизиологических способов преодоления стресса – гулять в парке, больше спать и отдыхать;
- психомедикаментозных способов преодоления стресса – курения и/или алкоголя.

А женщины советуют справляться со стрессом за счет:

- психосоциальных способов преодоления стресса – сделать что-то для родных, ходить в театр и на концерты, слушать и/или петь песни, заниматься шопингом;
- психомедикаментозных способов преодоления стресса – выпить успокоительное;

Остальные способы преодоления стресса равнозначны, как у мужчин, так и у женщин:

- психосоциальные способы преодоления стресса – быть оптимистом, любить, радоваться жизни, чаще улыбаться, верить в себя, быть устойчивым, быть добрым и помогать людям, уважать и любить людей, общаться с Богом, смотреть телевизор, читать, заняться каким-либо хобби;
- психофизиологические способы преодоления стресса – физическая активность и/или спорт.

Важным направлением помощи старшему поколению является предупреждение синдрома старческой астении и не только медикаментозными средствами, но социально-психологическими (Березина, 2023; Булавинцева, 2013).

Полученные нами результаты могут быть использованы при организации гериатрической помощи людям «третьего возраста» для направленного развития и формирования у них социально-ценных навыков совладания со стрессом, для профилактики возникновения и преодоления синдрома старческой астении.

Литература

1. *Бабакова Л.В.* Повседневные неприятности и удовлетворенность жизнью в связи со стратегиями совладания в период старения (на примере Болгарии) [Текст]: автореф. дис.... канд. психол. наук. СПбГУ. СПб., 2017. 26 с.
2. *Березина Т.Н.* Социально-психологические программы: «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» – оценка эффективности по показателям биопсихологического возраста // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 134–151. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140209>
3. *Булавинцева О.С.* Социально-психологические технологии поддержания социальной активности людей позднего возраста: автореф. дис... канд. психол. наук. М., 2013. 27 с.
4. *Качевская Е.Н.* Исследование источников стресса и способов совладания с ним лиц пожилого и старческого возраста с синдромом старческой астении // Актуальные проблемы психологического знания. 2025. № 1 (70). С. 222-242. https://doi.org/10.51944/20738544_2025_1_222.
5. Старческая астения. Клинические рекомендации / Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация геронтологов и гериатров», 2024. 142с.

Влияние музыки на эмоции молодежи: сравнительный анализ жанровых различий

Кашина С.А., Кожухарь Г.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

svetlana.kashina2002@gmail.com, kozhuhargs@mgppu.ru

Музыка занимает важное место в жизни человека. Она связана не только с творческим самовыражением, но также с регуляцией или же демонстрацией личных чувств, эмоций и переживаний. Действительно исследования показывают, что музыка обладает способностью

успокаивать и расслаблять людей, влиять на их эмоциональное состояние, а также когнитивные способности (Duman, 2023).

Несмотря на значимость музыки в процессе регуляции эмоций, реакция на музыку зависит от личностных особенностей слушателя, культурного контекста и отношения к композиции.

Современная молодежь демонстрирует снижение интереса к классической музыке, отдавая предпочтение иным музыкальным жанрам. Однако элементы классической музыки присутствуют и в других музыкальных жанрах, например, прогрессивном металле (Антипов, 2024). Джаз не заимствует классическую музыку, но часто джазмены могут исполнять классические произведения в своей джазовой манере. Помимо этого, классическую музыку принято считать «первым течением» музыки, а джаз «вторым течением» (Водяницкая, 2024).

Целью данной части исследования явилось сравнение изменения эмоциональных реакций молодежи на оригинальную, джаз и метал-версии «Лунной сонаты» Л. Бетховена.

Использование музыкальных обработок позволит нам оценить влияние жанра, а не текста или мелодии. Помимо этого, один испытуемый слушает только одну композицию, чтобы предотвратить усталость и эффект переноса. «Лунная соната» обладает высокой узнаваемостью, в ней отсутствует вокал, она эмоциональна и представлена большим количеством вариаций звучания в открытом доступе (Кашина, 2025). Все музыкальные аранжировки отобраны из интернет-источников. Для обеспечения валидности стимульного материала проведена экспертная оценка, включающая в себя независимую оценку композиций на соответствие жанру, оценку частоты звука и узнаваемости оригинального звучания.

В исследовании приняли участие 120 человек, из них 75 женщин (62,5 %) и 45 мужчин (37,5 %) от 16 до 34 лет. Распределение по группам происходило в зависимости от ответов оценки отношения испытуемых к исследуемым жанрам по десятибалльной шкале. Респонденты попадали в те группы, к каким музыкальным жанрам по анкете было нейтральное отношение, то есть оценено в 4–6 баллов.

После распределения по группам всем испытуемым было необходимо заполнить «Шкалу дифференциальных эмоций» в

адаптации Леоновой А.Б. до и после прослушивания музыкальной композиции (Леонова, Капица, 2003).

В связи с ненормальностью распределения большинства шкал ($p < 0,001$), далее использовались критерий Краскела-Уоллиса для сравнения групп до воздействия и критерий Уилкоксона для сравнения групп до и после воздействия.

Для проверки схожести эмоционального состояния групп до воздействия музыкой был применен критерий Краскела-Уоллиса. Значимых различий между группами до воздействия по большинству показателей нет.

При помощи непараметрического критерия Уилкоксона была проведена проверка изменений эмоций после прослушивания оригинала и аранжировок. После прослушивания оригинальной версии «Лунной сонаты» у испытуемых снизились интерес ($p = 0,041$), чувство вины ($p = 0,044$) и индекс позитивных эмоций ($p = 0,037$). Помимо этого, есть тенденция к снижению тревожно-депрессивных эмоций ($p = 0,078$). Данные изменения могут быть связаны с тем, что оригинальная композиция известна 80% респондентов, из-за чего меньше эмоциональная вовлеченность.

Другая группа, слушавшая джаз-версию «Лунной сонаты» продемонстрировала только снижение чувства стыда ($p = 0,042$). Изменения вероятно связаны с тем, что джаз принято считать «музыкой свободы» и импровизации, в связи, с чем испытуемые меньше боятся не соответствовать «норме» и из-за чего снижается внутреннее напряжение.

Последняя группа, которая слушала метал-версию «Лунной сонаты», показала снижение чувства горя ($p < 0,001$), гнева ($p = 0,009$), чувства стыда ($p = 0,021$), чувства вины ($0,036$), индекса негативных эмоций ($p < 0,001$) и тревожно-депрессивных эмоций ($p = 0,007$). Метал считается достаточно агрессивной музыкой и эффект жанра в нашем случае можно трактовать как катарсис, то есть выплеск негативных эмоций.

Таким образом, разные версии «Лунной сонаты» оказывают различное влияние на эмоции слушателя: оригинал снижает интерес, чувство вины и индекс позитивных эмоций, джаз снижает чувство стыда, а жанр «метал» оказался более эффективен в снижении широкого спектра негативных эмоций (горе, гнев, стыд, вина, индекс

негативных эмоций). Полученные результаты важны для понимания важности жанровой принадлежности композиции, используемой для регуляции эмоциональных состояний молодежи.

Литература

1. *Антипов М.А.* Музыка как компонент цифрового универсума и форма социального конструирования реальности // Наука. Общество. Государство. 2024. Том. 12. №. 4 (48). С. 128-137.
2. *Водяницкая Л.И.* Воплощение основ музыки «третьего течения» в инструментальной пении // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2024. №. 2 (53). С. 62-69.
3. *Кашина С.А.* Влияние особенностей личности на восприятие музыки // Звук в нашей жизни: Сборник научных статей Всероссийской междисциплинарной конференции. М.: Институт психологии РАН, 2025. С. 170-175.
4. *Леонова А.Б. Капица М.С.* Методы субъективной оценки функциональных состояний человека // Под ред. Стрелкова Ю.К. Практикум по инженерной психологии и эргономике: учебное пособие. М.: Академия, 2003. С. 136-167.
5. *Duman N.* The transformative power of music: Exploring its influence on cognition, behavior and emotions // Uluslararası Anadolu Sosyal Bilimler Dergisi. 2023. Vol. 7. №. 4. P. 1115-1127.

О совершенствовании психологической службы колледжа

Кваша М.В.

*Независимый исследователь, Москва, Россия
89167166276@mail.ru*

В настоящее время особое внимание уделяется формированию психологической готовности выпускников средних специальных учебных заведений к жизни и труду. Поэтому развитие эффективной психологической службы колледжа становится одним из приоритетов современного образования (Рубцов, Леонова, 2024).

Для разработки модели эффективной психологической службы колледжа, которая затем была апробирована в течение более чем трех лет и сейчас успешно функционирует, обеспечивая высокопрофессиональную помощь студентам и преподавателям, были использованы следующие психолого-педагогические принципы.

Принцип 1 – формирование психологической службы, исходя из потребностей студентов, обучающихся в данном колледже, и сложностей, с которыми они сталкиваются.

В нашем случае в колледже существовали следующие проблемы, в соответствии с которыми в команду психологической службы было решено включить специалистов соответствующего профиля.

- Проблемы зависимости – педагог-психолог, обладающий опытом работы с лицами, страдающими различными формами зависимостей и созависимым поведением.

- Трудности в восприятии и понимании культурных особенностей – специалист по межкультурной коммуникации, компетентный в вопросах адаптации и преодоления кросс-культурных барьеров.

- Буллинг – педагог-психолог, специализирующийся на разрешении конфликтных ситуаций между обучающимися, а также на работе с травлей в группе.

Нарушения когнитивных функций – клинический психолог, обладающий квалификацией в проведении диагностики когнитивных функций и составлении индивидуального плана коррекции поведения обучающихся.

Таким образом, по каждой проблеме в колледже появился компетентный психолог или социальный педагог, который мог квалифицированно провести диагностику и консультации с различными субъектами образовательного процесса, а также дать рекомендации специалистам по работе с конкретным сложным студентом или родителем.

Принцип 2 – открытость и доверительное взаимодействие внутри службы.

Так как часто специалисты психологической службы колледжа находятся физически далеко друг от друга (в нашем случае колледж имеет четыре корпуса, которые территориально разбросаны по городу), очень важно обеспечить их регулярное качественное общение друг с

другом, в рамках которого они могут обсуждать сложные кейсы, делиться опытом, а также находить поддержку и опору внутри службы. В нашем случае это осуществилось за счет еженедельных онлайн-совещаний, ежемесячных собраний психолого-педагогических консилиумов, других профессиональных активностей, в рамках которых психологи взаимодействуют друг с другом, а также осуществляют наставничество над вновь прибывшими сотрудниками службы.

Принцип 3 – включение руководителя психологической службы в качестве фасилитатора в групповой процесс ее функционирования, а также использование ресурсов нематериального мотивированная специалистов.

Руководитель следит за поддержанием благоприятного дружелюбного климата в коллективе, помогает профилактировать и разрешать проблемы взаимопонимания между специалистами, создает условия для признания их достижений (публичное поощрение, благодарности руководства, позитивная обратная связь), способствует профессиональному развитию (участие в конференциях, публикация статей, обучение новым методикам) и привлекает к принятию значимых для организации решений.

Принцип 4 – осуществление продуктивной коммуникации между специалистами психологической службы и педагогами.

Для эффективной помощи обучающимся нужна комплексная помощь всех специалистов образовательного процесса, а для этого необходимо не только эффективное взаимодействие между сотрудниками службы, но и сотрудничество психологов, социальных педагогов с учителями (прежде всего – с классным руководителем или куратором группы) для разработки конкретных программ работы со сложными случаями (Дубровина, 2014; Коттл, Крушельницкая, Орлов, 2018). Так, например, в нашей практике работы со студентами, стоящими на внутриколледжном учете, был разработан шаблон индивидуального плана для каждого из них, а также организованы регулярные встречи «психолог – социальный педагог – куратор», на которых обсуждались и готовились задания для трудного студента с последующим контролем динамики изменений.

Благодаря внедрению разработанной нами модели организации психологической службы в колледже удалось избежать серьезных кризисных ситуаций среди студентов, своевременно предупреждая негативные последствия.

Для изучения эффективности внедрения вышеперечисленных принципов работы психологической службы колледжа мы провели исследование с участием 832 студентов в возрасте от 15 до 22 лет, обучающихся техническим специальностям различных направлений. Исследование проводилось в два этапа: первичная диагностика (до создания службы) и повторная – через 3 года ее функционирования.

Использовались: шкала тревожности Спилбергера – Ханина, методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона, опросник Томаса – Килманна «Стратегии поведения в конфликтных ситуациях».

Статистический анализ данных с использованием парного t -критерия Стьюдента выявил снижение у студентов показателей ситуативной тревожности, субъективного (эмоционального и когнитивного) аспекта одиночества, а также предпочтения стратегий поведения в конфликте «соперничество» и «избегание» ($p < 0,01$). При этом был зафиксирован рост выраженности стратегий сотрудничества, компромисса и приспособления ($p < 0,05$).

Результаты эмпирического исследования подтверждают эффективность реализованной программы психологической поддержки для студентов и демонстрируют ее потенциал для развития навыков конструктивного взаимодействия и профилактики эмоциональных трудностей в образовательной среде.

Литература

1. Дубровина И.В. Психологическая служба образования в России – история и современность. Вестник практической психологии образования, 2014. 11(1), 6–14.
2. Коттл Т.В., Крушельницкая О.Б., Орлов В.А. Взаимодействие психолога с субъектами образовательного процесса в школах США. Социальная психология и общество, 2018. 9(2), 165–178. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090211>

3. Рубцов В.В., Леонова О.И. Психологическая служба образования в Российской Федерации сегодня: нерешенные проблемы и основные направления развития: доклад, представленный на Всероссийском съезде психологических служб в системе образования Российской Федерации. Вестник практической психологии образования, 2024. 21(1), 5–13. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2024_n1/Rubtsov_Leonova (дата обращения: 11.03.2026)

Типология прекарной жизненной стратегии как основа психологической поддержки личности в условиях нестабильности

Кириллова А.И.

*ЧОУ ВО ТИУиЭ, Таганрог, Россия
alex.i.kirillova@ya.ru*

Геополитическая турбулентность последних лет, санкционное давление, структурная перестройка экономики и трансформация рынка труда создали принципиально новую реальность, в которой неопределенность становится не временным фактором, а устойчивой характеристикой социального бытия. Эти экзогенные (внешние по отношению к личности) изменения – нестабильность экономических институтов, разрыв привычных профессиональных траекторий, деформация социальных гарантий – закономерно порождают эндогенные (внутренние) психологические эффекты: сужение горизонта планирования, переоценку жизненных ориентиров, рост тревожности и одновременно – поиск новых способов самореализации.

В научной литературе прекарность изучается преимущественно в социологическом и экономическом ключе – как характеристика нестабильной занятости, отсутствия социальных гарантий, неустойчивости трудовых отношений. Психологическое измерение прекарности – особенности восприятия нестабильности, способы совладания с ней, формирование специфических жизненных установок – остается недостаточно изученным. Особенно актуальным является вопрос о том, какие стратегии позволяют личности не только выживать

в условиях нестабильности, но и использовать ее как ресурс для развития.

Цель исследования – обосновать конструкт «прекарная жизненная стратегия» и представить типологию стратегий, различающихся по критериям осознанности выбора и характеру отношения к нестабильности, как основу для дифференцированной психологической поддержки.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: теория жизнестойкости С. Мадди и ее адаптация в отечественной психологии Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой, концепция жизненных стратегий личности К.А. Абульхановой-Славской (Абульханова-Славская, 1991); социологические исследования прекарности (Стэндинг, 2014; Тощенко, 2022); а также результаты пилотажного эмпирического исследования, выполненного автором на выборке более 100 человек: студенты экономических и юридических специальностей ($n = 92$) и работники муниципальных учреждений ($n = 35$), в ходе которого была апробирована авторская анкета «Отношение к прекарности».

Основные результаты. Ранее нами уже была предпринята попытка дать определение по исследуемой теме: «прекарная жизненная стратегия – это модель организации труда и жизнедеятельности, характеризующаяся нестабильностью занятости, отсутствием социальных гарантий, непредсказуемостью доходов и необходимостью постоянной адаптации к условиям рынка труда (Кириллова, 2024). На данный момент на основе теоретического анализа и эмпирических данных мы дополняем конструкт смысловыми акцентами. Так, определение прекарной жизненной стратегии может быть сформулировано следующим образом: прекарная жизненная стратегия – это способ организации жизнедеятельности личности в условиях высокой неопределенности, характеризующийся:

- когнитивным компонентом, когда человек объясняет себе свое восприятие нестабильности как нормы, «сжатый горизонт планирования» (цели на 1–5 месяцев), высокая толерантность к неопределенности;
- мотивационно-ценностным компонентом – здесь мы выбираем приоритет гибкости, автономии и свободы над стабильностью и предсказуемостью;

- поведенческим компонентом – это готовность к смене сфер деятельности, активное освоение новых навыков, самоорганизация в условиях нестабильности.

Ключевым критерием, определяющим качественное своеобразие прекарной стратегии, выступает осознанность/вынужденность выбора. На этом основании выделены следующие три типа стратегий.

1. Проактивно-адаптивный тип – осознанный выбор прекарной стратегии, позитивное отношение к нестабильности как возможности для развития, высокий уровень жизнестойкости, эффективные проблемно-ориентированные копинг-стратегии.

2. Реактивно-адаптивный тип – амбивалентное отношение к нестабильности (признание как плюсов, так и минусов), средний уровень жизнестойкости, сочетание конструктивных и неконструктивных копинг-стратегий.

3. Деадаптивный тип – вынужденное принятие нестабильности, негативное отношение, восприятие нестабильности как угрозы, низкий уровень жизнестойкости, деструктивные копинг-стратегии (избегание, манипуляции).

Выделенная типология имеет практическое значение для дифференцированной психологической поддержки. Для лиц с проактивно-адаптивным типом целесообразна поддержка в развитии уже имеющихся ресурсов, помощь в рефлексии и осмыслении опыта. Для реактивно-адаптивного типа приоритетом является формирование навыков саморегуляции и временной перспективы, снижение тревожности. Для деадаптивного типа необходима комплексная психологическая помощь, направленная на преодоление выученной беспомощности, развитие базовых ресурсов совладания, формирование позитивного отношения к изменениям.

Закключение. Введение конструкта «прекарная жизненная стратегия» и его типологии позволяет перейти от социологического анализа прекарности к ее психологическому изучению. Предложенная типология может служить основой для разработки программ психологической поддержки, учитывающих специфику отношения личности к нестабильности и уровень ее жизнестойкости.

Перспективой дальнейшего исследования является эмпирическая верификация выделенных типов на выборке взрослых респондентов с опытом прекарной занятости, а также разработка модели

формирования жизнестойкости («Agile Hardiness»), интегрирующей принципы гибкого управления с классическими компонентами жизнестойкости.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991. 299 с.
2. *Кириллова А.И.* Социально-психологическая мобильность как «soft skills» компетенция современного цифрового общества с прекарной жизненной стратегией. В сборнике: от идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде. Сборник научных трудов IV Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2024. С. 68-72.
3. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
4. *Тощенко Ж.Т.* От прекарной занятости к прекаризации жизни. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 364 с.

Роль контроля поведения при проживании повседневного стресса у людей позднего онтогенеза

Кириш А.Н., Павлова Н.С.

ФГБУН ИП РАН, Москва, Россия

akirsh2002@gmail.com, pavlovans@ipran.ru

За последние годы неуклонно выросло количество исследований посвященных проблематике старения. Это связано с тем, что по официальным данным на 2025 год, число пенсионеров в РФ насчитывает около 40 миллионов человек, что составляет практически треть населения страны. Ранние работы касались изучения субъективного, когнитивного и гедонистического благополучия в пожилом возрасте во взаимосвязи с самооценками творческого уровня и ежедневной творческой активности (Булкина, Васильева, 2022), влияния уровня испытываемого лицами пожилого и старческого возраста стресса и депрессии на возникновение у них когнитивных

нарушений (Качевская, 2025). В свою очередь мы решили взглянуть на данную проблему с точки зрения того, что помогает пожилым людям справиться с повседневным стрессом. Объектом исследования является регуляция поведения при проживании повседневного стресса. Предметом исследования являются особенности контроля поведения людей позднего онтогенеза при проживании ими повседневного стресса различной интенсивности и видов.

Была сформирована следующая гипотеза эмпирического исследования: уровень переживаемого повседневного стресса связан с уровнем развития контроля поведения.

В качестве методов были использованы две стандартизированные методики: для оценки уровня развития регуляции поведения использовался опросник «Контроль поведения» (Сергиенко и др., 2023), для измерения стрессовых ощущений в соматических, поведенческих и эмоциональных показателях в течение одной недели применялась Шкала психологического стресса PSM-25 Лемура–Тесье–Филлиона в адаптации Н. Е. Водопьяновой (Водопьянова, 2009, с. 336). Также использовался авторский дневник самонаблюдения, в котором респонденты ежедневно в течение одной недели фиксировали стрессовые ситуации и оценивали интенсивность уровня стресса по шкале: слабый, средний и сильный стресс. Для подсчета ранговой корреляции Спирмена и различий по критерию Манна-Уитни использовалась программа Jamovi версии 2.7.17. Все данные вносились в таблицу Microsoft Excel версии 2024 года.

В исследовании приняли участие пожилые люди ($N=31$) от 57 до 86 лет (90,32% женщин и 9,68% мужчин), участвующие в программах Активного долголетия города Клин и Солнечногорска. Всего получилось 276 сообщений респондентов с описанием стрессовых ситуаций.

Результаты. Показано, что у 80,65% респондентов наблюдается низкий уровень повседневного стресса (по методике PSM-25), а у 19,35% – средний. Кроме того, у 67,7% респондентов уровень развития контроля поведения соответствует среднему значению, у 29% – высокому, а оставшиеся 3,3% имеют низкое значение.

При расчете ранговой корреляции Спирмена статистически значимых данных о взаимосвязи уровня стресса за неделю (измеренного как по методике PSM-25, так и по дневнику

самонаблюдения) и уровня развития контроля поведения получено не было. Далее был проведен сравнительный анализ показателей контроля поведения у людей с низким и средним уровнем повседневного стресса. Значения медианы по всем шкалам, а также по общему уровню выше у людей, отмечающих проживаемые события и свое самочувствие в связи с ними, как стресс низкой интенсивности. На уровне тенденции ($p=0,075$) различия (по критерию Манна-Уитни) наблюдаются по когнитивному контролю поведения.

Еще одним важным результатом исследования стало то, что была выявлена значимая связь между оценкой интенсивности стресса в момент стрессовой ситуации по авторскому дневнику самонаблюдения и уровнем стресса за неделю по методике PSM-25 ($r_s=0,432^*$). Данные говорят о достоверности оценки интенсивности стресса авторского метода.

Основными итогами исследования стало следующее.

1. Эмпирическая гипотеза о взаимосвязи уровня контроля поведения и повседневного стресса подтвердилась частично. Показано, что более высокий когнитивный контроль поведения помогает людям пожилого возраста проживать повседневный стресс с меньшими последствиями для своего самочувствия и жизнедеятельности.

2. Авторский дневник самонаблюдения может применяться в исследовательских целях как метод оценки интенсивности стресса.

Ограничениями данного исследования является недостаточный размер выборки для фиксации вариативности уровней повседневного стресса пожилых людей. В этой связи планируется продолжение исследования и увеличение численности выборки.

Литература

1. Булкина Н.А., Васильева О.С. Исследование взаимосвязи повседневного творчества и субъективного благополучия в пожилом возрасте. Российский психологический журнал, 2022. №19 (2), 174-187. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vzaimosvyazi-povsednevnogo-tvorchestva-i-subektivnogo-blagopoluchiya-v-pozhilom-vozraste?ysclid=mnd3bfce2h54368456> (дата обращения: 30.03.2026)

2. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса СПб: Питер, 2009. 336 с. URL: <https://training-stressoustojchivosti.ru/wp-content/uploads/2018/07/n-e-vodopyanova-psihodiagnostika-stressa.pdf?ysclid=mnd36qii5a569159387>___(дата обращения: 30.03.2026)
3. *Качевская Е.Н.* Взаимосвязь уровня стресса и депрессии с наличием когнитивных нарушений у лиц пожилого и старческого возраста. Общество: социология, психология, педагогика, 2025. (5), 82-87. <https://doi.org/10.24158/spp.2025.5.9>
4. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ветрова И.И.* Новый метод оценки психической регуляции – опросник «Контроль поведения». Экспериментальная психология, 2003. 16(1), 182–200. <https://doi.org/10.17759/expsy.2023160111>

Особенности психологического манипулирования в ситуации кибергруминга (когнитивный аспект)

Киселев К.А.

*ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия
Saratovian@gmail.com*

В настоящее время растет число преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ТАСС, 2026). Значительную опасность для формирующейся личности детей и подростков представляют сексуальные домогательства со стороны взрослых индивидов, в том числе в сети Интернет (Романова, Киселев, 2024). Современные исследователи выделяют такую социально-психологическую проблему, как «сексуальный онлайн груминг» или «кибергруминг», который представляет собой манипулятивное сексуальное поведение по отношению к ребенку в киберпространстве, направленное на подготовку несовершеннолетнего к действиям сексуального характера (Медведева, Дозорцева, 2019). В настоящее время недостаточно изученными являются приемы скрытого психологического воздействия (манипулирования), которое оказывают грумеры на несовершеннолетних жертв.

Цель исследования: изучить когнитивные аспекты психологического манипулирования в ситуации кибергруминга.

Эмпирическая выборка – 73 девушки (ср. возраст 20,6 лет), которые были жертвами кибергруминга в период их несовершеннолетия.

Методы исследования: анкетирование, частотный анализ, U-критерий Манна-Уитни.

Участники были разделены на две группы – тех, кто поддался психологическим манипуляциям онлайн-грумера и подчинился ему (отправил свои фотовизуальные материалы интимного содержания по его запросу – 31,5%, 23 чел.), и тех, кто отказался следовать требованиям правонарушителя (68,49%, 50 чел.). В дальнейшем проводилось сравнение двух групп посредством применения U-критерия Манна-Уитни.

На основе проведенного анализа приемов скрытого психологического воздействия в ситуации кибергруминга мы рассмотрели когнитивные аспекты данного явления (первичный этап установления контакта преступника с объектом посягательств). Данные приемы направлены на формирование у жертвы искаженной картины взаимодействия с правонарушителем, вследствие чего у нее формируется восприятие общения с ним как дружеского или романтического. В результате сравнения двух групп жертв онлайн-груминга – подчинившихся и не подчинившихся преступнику, мы установили следующие приемы психологического манипулирования.

1. «Использование публичного коммуникативного пространства» ($U = 438,000$ при $p = 0,043$) и «общности интересов» ($U = 422,500$ при $p = 0,032$). В данном случае онлайн-грумеры начинают общение с жертвой в психологически безопасных с ее точки зрения чатах и тематических интернет-сообществах, после чего осуществляют переход к личной переписке, изображая наличие одинаковых «вкусов». Эти приемы снижают естественные коммуникационные барьеры жертвы, формируя у нее иллюзию безопасности в виду наличия идентификации с грумером.

2. Убеждение жертвы в особенностях ее отношений с грумером и ее исключительности по сравнению со сверстниками ($U = 432,500$ при $p = 0,011$). При этом противоположное явление – отсутствие ощущения собственной «особенности» характерно для устойчивых к манипуляциям респондентов ($U = 380,500$ при $p = 0,007$).

3. «Мнимый интерес к ближайшему окружению жертвы». Вне зависимости от готовности несовершеннолетнего делиться личной

информацией с грумером, подобный прием позволяет снизить психологические барьеры подростка и усилить его доверие к коммуникации с незнакомцем ($U = 1458,000$ при $p = 0,050$). В случае ответной реакции несовершеннолетнего (сообщение грумеру о своей семье) вероятность подчинения жертвы растлительно увеличивается ($U = 446,000$ при $p = 0,013$).

4. «Управление временем общения» ($U = 397,500$ при $p = 0,013$). В данном случае грумер определяет режим общения с жертвой, делая его нерегулярным и спонтанным, что формирует ощущение неподконтрольности взаимодействия, снижает функцию волевого компонента психики и усиливает эффект подчинения несовершеннолетнего.

5. «Демонстрация полезности» ($U = 525,000$ при $p = 0,036$) в форме помощи грумера в учебной деятельности объекту посягательств, что формирует у жертвы доверие к нему и идею своего долга перед ним. Кроме того, это снижает уровень критического отношения к собеседнику по причине восприятия его как «благотелья».

6. «Введение в коммуникацию интимных тем» ($U = 357,000$ при $p = 0,003$) является одним из самых значимых предикторов подчинения грумеру. Данный прием служит целью «десенсибилизации» жертвы и выполняет две функции: устанавливает особый, псевдовзрослый уровень отношений и создает у жертвы ощущение «совместной тайны», что снижает вероятность обращения подростка за помощью ко взрослым.

Выводы

1. Сексуальный онлайн-груминг представляет собой сложный комплексный многоэтапный процесс вовлечения жертвы в сексуальную эксплуатацию. Конечным итогом является подчинение несовершеннолетнего грумеру (в нашем исследовании – отправка манипулятору своих интимных фотовизуальных материалов по его просьбе).

2. На первичном этапе установления контакта грумер применяет различные приемы скрытого психологического воздействия, направленные на трансформацию восприятия, мышления и убеждений жертвы. Результатом такого воздействия становится снижение критичности мышления подростка и формирование готовности к последующей сексуальной эксплуатации.

3. Манипулятор в процессе знакомства стремится к формированию у жертвы личной идентификации с ним, доверия к нему, восприятия его как друга, наставника и лидера.

Результаты исследования имеют практическое значение для разработки программы психопрофилактических мероприятий.

Литература

1. *Медведева А.С., Дозорцева Е.Г.* Характеристики онлайн груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет) // Психология и право, 2019. 9(4). С. 161–173. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090412>
2. *Романова Н.М., Киселев К.А.* Жертвы сексуального онлайн груминга: социально-психологические характеристики (на материале исследования пользователей социально сети «ВКонтакте») // XI Дыльновские чтения «Социология и общество: социальные процессы, факторы и механизмы развития»: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 12 февраля 2024 года. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2024. С. 282-286. EDN PALUTN.
3. *ТАСС.* Почти 17 тыс. детей и подростков пострадали от преступлений в 2025 году. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26628943> (дата обращения: 28.03.2026 г.).

Социальная идентификация и субъективное благополучие сотрудника: роль трудовой адаптации и наставничества

Китаева П.В., Потапова Ю.В.

*ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф. М. Достоевского», Омск, Россия
kitaewap@yandex.ru, kardova.jv@gmail.com*

В современной организационной психологии ключевыми индикаторами успешной интеграции человека в трудовой коллектив выступают социальная идентификация и субъективное благополучие (Сушко, 2023; Ashforth, Mael, 2021). Их становление неразрывно

связано с процессом трудовой адаптации, который может быть рассмотрен как центральный механизм формирования позитивных отношений «сотрудник–организация» (Абатаева, 2023). В данной статье мы ставим целью раскрыть взаимосвязь между адаптацией, идентификацией и благополучием работника, а также обосновать роль наставничества как ключевого инструмента управления этим процессом.

Понятие социальной идентификации восходит к теории Г. Тэджфела и Дж. Тёрнера (Turner et al., 1987). В организационном контексте она определяется как процесс и результат самоотождествления сотрудника с организацией и профессиональной группой, когнитивно-эмоциональное осознание своей принадлежности к ним (Липатов, 2021). Такое состояние, при котором цели и ценности организации воспринимаются как лично значимые, снижает ролевую неопределённость и формирует основу для взаимного доверия (Борисова, 2022). Таким образом, формирование устойчивой социальной идентификации следует рассматривать не просто как желаемый результат, но как стратегическую цель управления персоналом, поскольку она напрямую связана с лояльностью и вовлечённостью сотрудников.

Субъективное благополучие (СБ) представляет собой комплексную оценку человеком качества своей жизни. Применительно к работе оно определяется как интегральная оценка удовлетворённости различными аспектами трудовой жизни (Гафиатулина, Самыгин, 2022). В его структуре выделяют эмоциональный компонент (преобладание позитивных эмоций) и когнитивный (удовлетворённость условиями, содержанием деятельности, взаимоотношениями). СБ выступает критическим показателем психологического комфорта, влияя на производительность и намерение сотрудника остаться в организации (Попова, 2025). Следовательно, именно успешность прохождения адаптационного периода становится фундаментальным условием для достижения высокого уровня субъективного благополучия.

Трудовая адаптация – это двусторонний динамичный процесс, в ходе которого сотрудник осваивает профессиональные роли и нормы, а организация создает условия для его эффективной интеграции (Слепцова, Сапрунова, 2023). Она разворачивается на нескольких взаимосвязанных уровнях: психофизиологическом, профессиональном

и социально-психологическом (Филатова, Щербакова, 2022). Именно социально-психологический уровень является прямым мостом к формированию идентификации и благополучия, поскольку предполагает интериоризацию организационной культуры и установление позитивных межличностных отношений (Петрова, Шавернева, 2022). Таким образом, качество адаптации на этом уровне определяет, насколько быстро новый сотрудник почувствует себя «своим» в коллективе.

Эффективная интеграция нового сотрудника требует целенаправленных управленческих усилий. Ключевыми элементами адаптационных программ выступают структурированное введение в должность и наставничество (Денисова, 2022). Наставничество понимается как индивидуализированный процесс передачи знаний, опыта и корпоративных стандартов от опытного сотрудника к новичку. Современный подход подчеркивает двустороннюю пользу этой практики: она способствует не только адаптации, но и развитию самого наставника, укрепляя корпоративную культуру (Соколова, Сабитова, 2022). Поэтому наставничество следует рассматривать не как формальную процедуру, а как системный инструмент, опосредующий связь между организационными усилиями по адаптации и формированием у сотрудника чувства принадлежности и благополучия.

Особую значимость адаптационные программы приобретают для молодых сотрудников, сталкивающихся с отсутствием практического опыта и необходимостью быстрой профессиональной социализации (Зубок, Чупров, 2022). Представители поколения Z демонстрируют специфические черты: ценность баланса между работой и личной жизнью, стремление к обратной связи и осмысленности труда (Симонова, Логинова, 2021). Для них особенно важна продуманная система поддержки, что делает наставничество и структурированный онбординг критически важными для удержания молодых кадров.

Подводя итог, можно заключить, что трудовая адаптация выступает центральным организационно-психологическим механизмом, опосредующим связь между условиями, создаваемыми компанией, и внутренним миром сотрудника. Целенаправленно выстроенная система адаптации выполняет двойную функцию: во-первых, она облегчает инкорпорацию нового члена в социальную ткань организации, создавая

условия для зарождения и укрепления чувства общности – социальной идентификации; во-вторых, нивелируя факторы стресса и неопределённости, она напрямую способствует формированию устойчивого субъективного благополучия на рабочем месте. Следовательно, качество управления адаптацией можно рассматривать в качестве ключевого предиктора не только операционной эффективности (сроки выхода на мощность, текучесть), но и долгосрочных психологических результатов: лояльности, вовлечённости и удовлетворённости трудом, что в конечном счёте определяет человеческий капитал и конкурентоспособность организации.

Литература

1. *Абатаева П.Н.* Социальная адаптация личности в современной организации // Вестник социально-педагогического института. 2023. № 1 (42). С. 87–97.
2. *Борисова А.А.* Социальная идентичность работника как фактор организационной лояльности // Организационная психология. 2022. Т. 12, № 3. С. 45–62. <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2022-12-3-45-62>
3. *Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И.* Субъективное благополучие и социальное здоровье работающей молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 3. С. 38–44.
4. *Денисова А.В.* Внедрение системы наставничества: современные подходы // Кадровик. 2022. № 9. С. 50–56.
5. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежь на рынке труда: проблемы адаптации в условиях неопределенности // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 62–74. <https://doi.org/10.31857/S013216250019386-3>
6. *Липатов С.А.* Организационная идентификация: современное состояние и перспективы исследований // Организационная психология. 2021. Т. 11, № 4. С. 168–192.
7. *Петрова Н.В., Шавернева Ю.Ю.* Социально-психологическая адаптация как механизм усвоения организационной культуры

- // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 2. С. 110–124.
8. *Попова Е.С.* Профессиональное образование как ресурс адаптации молодежи: динамика восприятия // Социологические исследования. 2025. № 10. С. 65–79. <https://doi.org/10.31857/S0132162525100061>
  9. *Симонова А.А., Логинова И.О.* Особенности трудовой мотивации и адаптации представителей поколения Z в организациях // Вестник СПбГУ. Менеджмент. 2021. Т. 20, № 1. С. 136–163.
  10. *Слепцова Е.В., Сапрунова Д.* Сущность и факторы трудовой адаптации персонала в современных условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 8-1 (83). С. 179–183.
  11. *Соколова В.Е., Сабитова П.М.* Новый взгляд на наставничество как на эффективный способ управления трудовой адаптацией персонала в организации // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2022. Т. 1, № 1. С. 376–379.
  12. *Сушко П.Е.* Социальное благополучие и социальная успешность российской молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 136–149. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.8>
  13. *Филатова М.Н., Щербакова Н.С.* Подходы к формированию системы адаптации на предприятиях // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. № 3, ч. 2. С. 159–169. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2022-3-159-169>
  14. *Ashforth B.E., Mael F.* Social identity theory and the organization // Academy of Management Review. 2021. Vol. 46, № 3. P. 456–473. <https://doi.org/10.5465/amr.2020.0389>
  15. *Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J. et al.* Rediscovering the social group: A self-categorization theory. Oxford: Blackwell, 1987. 239 p.

Персонализация аватара как фактор психологического благополучия в метавселенной

Клементьева М.В.

*ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия
mvklementeva@fa.ru*

Несмотря на растущий интерес к изучению метавселенной, теоретически обоснованные психологические исследования цифровых аватаров как факторов, опосредующих позитивное функционирование пользователей в метавселенной, встречаются редко. Предыдущие исследования продемонстрировали, что персонализация аватара сопряжена с рефлексивным анализом и способствует социальной поддержке, укреплению психосоциального благополучия, улучшению самоотношения, в том числе за счет снижения психологических угроз (Ouhnni et al, 2025), однако мало известно о психологическом механизме, опосредующим эти связи.

Своим исследованием мы вносим вклад в представления о роли цифрового аватара в психологическом благополучии пользователей метавселенной, предлагая комплексное объяснение связи между персонализацией аватаров, идентификацией с аватаром и психологическим благополучием в виртуальной реальности среди молодых пользователей метавселенной.

На основе данных двухэтапного (с интервалом в 2 месяца) исследования с участием 50 молодых российских пользователей (18-23 года) одного из популярных сервисов общения с использованием аватаров (Second Life), были проанализированы взаимосвязи между показателями психологического благополучия – PERMA (Исаева, Акимова, Волкова, 2022), идентификации с аватаром – IOS (Yang et al., 2024), а также трех параметров персонализации аватаров: реалистичность (детализация внешности), интерактивность (взаимодействие с другими аватарами), адаптивность (изменение внешности, одежды, аксессуаров в реальном времени), на основании которых были ранжированы группы участников. Оценка персонализации аватара осуществлена на основе нарративных ответов участников на открытые вопросы, а также наблюдения аватар-опосредствованного социального взаимодействия в виртуальной

реальности с последующей экспертной оценкой параметров (3 эксперта-психолога).

Кросс-лаговый панельный анализ выявил положительную связь, в которой идентификация с аватаром и психологическое благополучие взаимно усиливали друг друга с течением времени, а высокая персонализация цифровых аватаров (по совокупности параметрам реалистичности, интерактивности, адаптивности) предсказывает ($F = 17,1$; $p < 0,001$; $R^2 = 0,38$) высокую идентификацию с аватаром и психологическое благополучие пользователей, что позволяет обосновать многомерную персонализацию аватара как значимый фактор, обуславливающий эту связь.

Сравнительный анализ с использованием Т-критерия Уилкоксона показал статистически значимые позитивные изменения показателей психологического благополучия в результате взаимодействия с цифровым аватаром. Наблюдалось повышение позитивных эмоций ($p = 0,02$), взаимодействия ($p = 0,04$) и общего показателя психологического благополучия ($p = 0,04$) до и после взаимодействия. Следовательно, взаимодействие с цифровым аватаром способствует оптимистичному отношению к себе и к жизни, установлению доверительных отношений, удовлетворяющих пользователя, а также в целом поддерживает психологическое благополучие.

Регрессионный анализ показал статистически значимые вклады идентификации с аватаром в вариативность показателей психологического благополучия: позитивные эмоции ($F = 8,79$; $p = 0,003$; $R^2 = 0,16$), вовлеченность ($F = 6,90$; $p = 0,01$; $R^2 = 0,14$), взаимодействие ($F = 6,39$; $p = 0,01$; $R^2 = 0,14$), смысл ($F = 5,09$; $p = 0,02$; $R^2 = 0,12$), общий показатель психологического благополучия ($F = 8,22$; $p = 0,004$; $R^2 = 0,16$). Иначе говоря, пользователи, испытывающие чувство привязанности к аватару, демонстрируют более высокие уровни благополучия, оптимизма, заинтересованности в происходящем, социальной поддержки и осмысленности жизни, чем пользователи, которые не испытывают привязанность к аватару.

Для сравнения независимых групп, ранжированных по показателям персонализации аватара, был использован многофакторный дисперсионный анализ, где зависимыми переменными выступили показатели психологического благополучия. Выявлено комплексное влияние трех параметров персонализации цифровых аватаров на психологическое благополучие (λ Уилкса = $0,96$; $F = 1,93$; $p = 0,01$). Таким образом, аватар-технологии, позволяющие тонко настраивать

физические, динамические и темпоральные характеристики цифровой самопрезентации в виртуальной реальности позволяют поддерживать психологическое благополучие пользователей метавселенной.

В целом высоко оцениваем потенциал аватар-технологий и видим перспективы их использования в психологических исследованиях и психологической практике, содействуя психосоциальному благополучию современных людей.

Литература

1. *Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н.* Опросник благополучия PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3.
2. *Ouhnni, H., Btissam, A., Meryam, B., El Bouchti, K., Yassine, Z.S., Lagmiri, S.N., Rigalma, B., Ziti, S., Harland, J., Koenig, S.T., Ramos, S.R., Bouchti, El., Seghroucheni, Y.Z., Sn, L.* (2025). The evolution of virtual identity: a systematic review of avatar customization technologies and their behavioral effects in VR environments // *Frontiers in Virtual Reality*. 2025. № 6.
3. *Yang S., Kim H., Song M., Lee S., Jang L.* The Double-Edged Influence of Self-Expansion in the Metaverse: A Two-Wave Panel Assessment of Identity Perception, Self-Esteem, and Life Satisfaction // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2024. V. 27. № 7.

Взаимосвязь профессиональной идентичности и «профессиональной инклюзивности» у работающих студентов

Клементьева М.В., Родонич В.А.

*Финансовый университет, Москва, Россия
MVKlementeva@fa.ru, VARodonich@fa.ru*

Становление профессиональной идентичности в студенческом возрасте – основная задача развития и укрепления психосоциального благополучия молодежи в индустриально развитых странах. В условиях растущей неопределенности, когда идентичностью можно манипулировать и экспериментировать «в духе перформанса», быстро

меняющиеся требования к профессиональной деятельности и сокращение поддержки социальных институтов создают барьеры для развития стабильной и благополучной профессиональной идентичности у работающих студентов. Преадаптивные процессы развития идентичности в учебно-профессиональных и профессиональных средах в рамках специальных образовательных программ сопровождают поддержку студентов в их стремлении к достижению акме (Шнейдер, 2026) и успешном карьерном переходе (Crocetti et al., 2025), что существенно компенсирует трудности профессионального самоопределения. Предыдущие исследования установили, что профессиональное самоопределение и укрепление профессиональной идентичности связано с профессиональной инклюзивностью, созданием равных условий для труда и карьерного роста всех сотрудников, включая их профессиональную включенность в трудовые процессы (Полева, Аянян, 2021), однако мало известно о взаимосвязи профессиональной идентичности и профессиональной инклюзивности среди студентов, совмещающих учебную и трудовую деятельности в сфере, не соответствующей получаемому образованию.

Цель исследования – исследование связи между профессиональной идентичности и «профессиональной инклюзивностью» среди работающих студентов.

Гипотеза: процессы и статусы профессиональной идентичности связаны с уровнем «профессиональной инклюзивности».

Участники исследования: 66 работающих студентов (70% женщин и 30% мужчин) в возрасте от 18 до 23 лет.

Инструментарий: шкала профессиональной идентичности U-MICS (Клементьева, Родонич, 2025), измеряющая процессы (принятие, поиск, пересмотр) и статусы (достигнутая, предрешенная, диффузная, мораторий, поисковый мораторий); шкала «профессиональной инклюзивности» – модифицированная графическая шкала «Inclusion of Other in the Self» (IOS) (Gächter et al., 2015), представляющая собой 8 диаграмм Венна, выражающих разную меру пересечения «Я» и «Профессионала» (от 0% до 100%), где наибольшее перекрытие соответствовало большему количеству баллов. Методика предъявлялась с инструкцией: «Вам необходимо выбрать одну из восьми диаграмм, на ваш взгляд наиболее точно выражающую меру степени соответствия вашего «Я» образу «Профессионала»».

Для обработки данных использованы сравнительный, корреляционный и регрессионный анализы в программе обработки данных SPSS v31. Данные подвергнуты процедуре стандартизации.

Результаты и их обсуждение. Группа ранжирована по статусу идентичности: достигнутый (40%), предрешенный (10%), поисковый мораторий (30%) и мораторий (20%). Сравнительный анализ выявил более высокие показатели «профессиональной инклюзивности» ($H = 10,1$; при $p = 0,02$) у участников с предрешенной и достигнутой профессиональной идентичностью. Корреляционный анализ шкал продемонстрировал ожидаемую линейную значимую связь «профессиональной инклюзивности» с принятием профессиональной идентичности ($r = 0,34$; $p < 0,01$) и пересмотром профессиональной идентичности ($r = -0,42$; $p < 0,01$), что отражает процесс отождествления с выполняемой профессиональной ролью и принятием профессиональных обязательств. Регрессионный анализ подтвердил статистическую значимость модели, где предикторами выступали показатели профессиональной идентичности, а зависимой переменной – «профессиональная инклюзивность» ($R^2 = 0,20$; $F = 5,33$; $p = 0,002$). Выявлено, что вариативность профессиональной инклюзивности обусловлена изменчивостью шкалы пересмотра профессиональной идентичности ($\beta = -0,19$; $t = -2,67$; $p = 0,01$). Регрессии «профессиональной инклюзивности» к профессиональной идентичности не выявлено. Полученные результаты убедительно демонстрируют тот факт, что «профессиональная инклюзивность» – включенность в трудовые процессы и карьерный рост при выполнении работы, пусть и не соответствующей образовательному направлению студентов, является следствием отказа от пересмотра профессиональной идентичности и укрепления профессиональной принадлежности. Исходя из результатов исследования, полагаем, что трудовая занятость студентов выступает не барьером, а ресурсом в профессиональном самоопределении, что противоречит устоявшемуся в психологии и социологии представлению о негативной роли трудовой занятости обучающихся студентов для развития их идентичности.

В материалах исследования нашло подтверждение наше предположение о линейной связи показателей профессиональной идентичности и «профессиональной инклюзивности» среди работающих студентов. Адаптивный путь развития профессиональной

идентичности поддерживает «профессиональную инклюзивность» молодежи с нестабильной трудовой занятостью, способствуя их психосоциальному благополучию.

Литература

1. Клементьева М.В., Родонич В.А. Профессия, карьера, призвание: взгляд через призму становления идентичности студентов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т.15. №2.
2. Полева Н.С., Аянян А.Н. Транзитивность как фактор прекаризации повседневности // Новые психологические исследования. 2021. Т. 1. № 1.
3. Шнейдер Л. Б. Психология идентичности. М., 2026.
4. Crocetti E., De Lise F., Pagano M., Bobba B., Maratia F., Meeus W., Vacaro V. What's your vocation? A meta-analysis of interventions tackling youth educational and professional identity // Identity. 2025. Vol. 25. № 2.
5. Gächter S., Starmer C., Tufano F. Measuring the Closeness of Relationships: A Comprehensive Evaluation of the 'Inclusion of the Other in the Self' Scale // PLoS ONE. 2015. Vol. 10. № 6.

Социально-психологические факторы, влияющие на формирование жизненных стратегий осужденных рецидивистов

Ковальчук И.А., Смирнова М.А.

*Академия ФСИН России, Рязань, Россия
iljakvlchk@rambler.ru, i_am_marusya04@mail.ru*

До сих пор в современной психологии идут дискуссии по определению понятия «жизненные стратегии». Первым ученым, попытавшимся раскрыть данное понятие, была Ш. Бюллер. Жизненный путь личности она определила как индивидуальную и личную жизнь в ее динамике (Бюллер, 1993).

Более детальное определение понятию «жизненная стратегия» сформулировала К.А. Абульханова-Славская. Она предложила рассматривать жизненные стратегии как «способность проектировать

жизнь с учетом своих индивидуальных особенностей, типом личности, и как способ разрешения противоречий между внешними и внутренними условиями жизни, преобразования условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями человека» (Абульханова-Славская, 1993). В это же время, определение понятию «жизненная стратегия» предложили Ю.М. Резник и Е.А. Смирнов. Они рассматривали жизненные стратегии как «способ сознательного планирования и проектирования человеком своей жизни с помощью поэтапного формирования ее будущего» (Резик, Смирнов, 2002). Это далеко не весь перечень сформулированных определений, но исходя из вышеупомянутого, можно предположить, что объединяющим аспектом всех указанных определений является то, что жизнь человека строится с опорой на будущее. Исходя из этого, мы можем предположить, что жизненные стратегии – модель жизненного пути человека, которую он выбирает самостоятельно, с учетом своих целей, убеждений и ценностей, опираясь на свои представления о будущем.

Разные ученые указывают, что важнейшим в формировании жизненных стратегий является влияние факторов. К.В. Полежаева, А.В. Старшинова утверждают, что главным элементом в формировании жизненной стратегии являются потребности (Полежаева, Старшинова, 2016). По мнению М.А. Белугиной, формирование жизненной стратегии тесно связано с уровнем развития способностей к глубокой личностной рефлексии, прогнозированию, личностной активности, насыщенности планируемого образа будущего и определение значимых других, на кого ориентируется личность при планировании жизненного пути (Белугина). Это не исчерпывающий перечень факторов, предложенных учеными, с целью понимания процесса формирования жизненных стратегий.

Рассматривая социально-психологические факторы, влияющие на формирование жизненных стратегий осужденных рецидивистов, мы предлагаем все факторы разделить на четыре основных группы: внешние социальные, внутренние социальные и внешние психологические, внутренние психологические.

К внешним социальным факторам, влияющим на формирование жизненных стратегий осужденных рецидивистов, относятся условия и характеристики социальной среды, в которой формируется и реализуется жизненная стратегия рецидивиста: социально-

экономическое положение в обществе до осуждения; политическое состояние в обществе; специфика пенитенциарной среды, включающая режим содержания, изоляцию и субкультурные нормы; уровень урбанизации места проживания; национально-религиозные особенности социальной среды; социальное положение до и после осуждения; влияние криминального окружения (Ганишина, Ковальчук, 2024).

Внутренние социальные факторы, влияющие на формирование жизненных стратегий осужденных рецидивистов, отражают включенность осужденного в систему социальных отношений и ее социальную направленность: уровень образования как фактор, определяющий границы жизненных стратегий; предписанные жизненные ресурсы, такие как возраст, состояние здоровья, пол, социальное происхождение; приобретенные: образование, профессия, компетентность, межличностные связи.

К внешним психологическим факторам относятся характеристики среды и условий, влияющие на психическое развитие и саморегуляцию личности из внешней среды: условия жизнедеятельности, определяющие возможность и способность к планированию дальнейшей жизни; насыщенность и структура межличностных взаимодействий, влияющая на формирование образа будущего; объективные жизненные ситуации и обстоятельства, требующие адаптации и выбора стратегии, наличие поддерживающих межличностных связей.

Внутренние психологические факторы, отражающие индивидуально-психологические характеристики осужденного рецидивиста, определяющие выбор и реализацию жизненной стратегии: особенности интеллектуального развития, способность к личностной рефлексии; личностная активность, ограниченная условиями режима; способность к прогнозированию будущего; насыщенность и осознанность образа будущего; мотивационная сфера личности; психологическое состояние, включая депрессивные состояния, суицидальный риск, тревожность; ценностные ориентации, формирующиеся под влиянием криминального опыта; ориентация на значимых других при планировании жизненного пути; социально обусловленные потребности личности (Пахомова, 2023).

В завершение анализа факторов, влияющих на формирование жизненных стратегий осужденных рецидивистов, стоит отметить, что стратегии формируются под влиянием как социальных, так и психологических внешних и внутренних факторов, в комплексе, при преобладании ограничивающих условий криминальной среды и снижении субъективного контроля над жизненной стратегией.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль. 1993.
2. Белугина М.А. Опыт исследования жизненных стратегий личности // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. [Электронный ресурс] URL: <https://psyjournals.ru> (Дата обращения: 18.03.2026).
3. Бюллер Ш. Жизненный путь личности. М., 1993.
4. Ганишина И.С., Ковальчук Д.А. Личностные особенности осужденных рецидивистов, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2024. № 3(68). С. 45-56.
5. Резик Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М., 2002.
6. Пахомова Д.А. К вопросу о психологических особенностях личности осужденных рецидивистов // Прикладная юридическая психология. 2023. № 4(65). С. 116-126.
7. Полежаева К.В., Старишинова А.В. Факторы формирования жизненной стратегии личности // Теория и практика современной науки. 2016. № 12 (18). С. 83-86.

Самооценка, академическая успеваемость и учебная мотивация подростков

Колесников Е.А., Толстых Н.Н.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
egorka.kolesnikov.02@mail.ru, nnvt@list.ru*

Проблема взаимосвязи самооценки, учебной мотивации и академической успеваемости подростков остается актуальной в современной психологии и педагогике. В подростковом возрасте происходит активное формирование личности, и от того, насколько

гармонично развиваются эти компоненты, зависит не только текущая успеваемость, но и дальнейшая образовательная траектория и социальная адаптация. Изучение данных взаимосвязей позволит выявить факторы, способствующие повышению успеваемости.

Хотя родители традиционно концентрируются на академических результатах своих детей, научное сообщество обращает внимание на глубинные психологические механизмы, лежащие в основе успеваемости. Нас интересует не просто уровень оценок, а то, как самооценка подростка и его учебная мотивация влияют на учебные достижения. Понимание этих взаимосвязей дает возможность перейти от оценки **результата** к анализу **процесса** обучения и создать условия для формирования устойчивой позитивной самооценки, которая будет способствовать успеху не только в учёбе, но и в других сферах жизни.

В исследовании приняли участие подростки в возрасте от 13 до 17 лет (учащиеся 8–11 классов общеобразовательных школ). Выборка составила 91 человек и была сбалансирована по возрастным и гендерным группам для обеспечения репрезентативности результатов.

Для сбора данных использовалось несколько методик. Исследование началось с анализа академической успеваемости школьников на основе среднего балла за текущий учебный период. Далее в опросе использовался тест самооценки Розенберга (2001), для оценки общего уровня самооценки подростков. Методика позволяет выявить как стабильно высокие/низкие показатели, так и ситуативные колебания самооценки. Также использовался Опросник имплицитных теорий и целей обучения Кэрл Дуэк (модификация Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова, 2012). Согласно исследованиям Дуэк, имплицитные теории играют ключевую роль в успешности обучения. В исследовании также была методика для диагностики учебной мотивации «Индекс учебного интереса».

Результаты статистического показали наличие статистически значимой положительной связи между исследуемыми переменными:

- выявлена прямая корреляция между уровнем самооценки и академической успеваемостью ($r = 0,345$; $p < 0,001$);
- обнаружена положительная связь между уровнем учебной мотивации (мотивации достижений) и успеваемостью ($r = 0,434$; $p < 0,001$);

Подростки с высокой самооценкой и выраженной внутренней мотивацией демонстрируют наиболее высокие академические результаты. У подростков с низкой самооценкой часто наблюдается смещение мотивации на внешние факторы (избегание наказания, стремление получить одобрение), что негативно сказывается на стабильности успеваемости.

Таким образом, для повышения академических результатов целесообразно фокусироваться на формировании у подростков позитивной самооценки и развитии внутренней учебной мотивации.

Литература

1. Дуэк К. Мозг и успех: новая психология успеха /Кэрол Дуэк; [пер. с англ.]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 448 с.
2. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Опросник имплицитных теорий и целей обучения К. Дуэк: адаптация и валидизация // Психологическая диагностика. 2012. № 2. С. 5-29.
3. Розенберг М. Методика исследования самооценки личности // Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Ред. сост. Д.Я. Райгородский. Самара: БАХРАХ-М, 2001. С. 483-486.

Особенности мотивации достижения успеха у старших подростков с разным уровнем самооценки

Колтакова А.О., Доронина Н.Н.

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия
akoltakova851@gmail.com, doronina@bsuedu.ru*

В отечественной возрастной психологии существует множество периодизаций психического развития, среди которых одной из наиболее популярных и предпочитаемых в научно-исследовательской деятельности является периодизация психического развития Д.Б. Эльконина. Преимущество периодизации состоит в четком

разграничении возрастных периодов, в более точной дифференцированности. Например, эпоха подростничества включает два возраста – старший подростковый и младший подростковый. Особенный интерес вызывает старший подростковый возраст. Именно этот период подразумевает профессиональное и личностное самоопределение. Для того, чтобы эффективно справиться с задачей предварительного профессионального самоопределения, необходимо иметь устойчивую положительную мотивацию в отношении выбранной деятельности. Например, мотивацию достижения успеха, вопросами изучения которой в разное время занимались такие авторы как Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин (в контексте мотива самоопределения и самореализации), М.Ш. Магомед-Эминов и другие.

Одно из определений мотивации достижения успеха дает М.Ш. Магомед-Эминов, выделяя ее как «функциональную систему интегрированных воедино аффективных и когнитивных процессов, которые регулируют процесс деятельности в ситуации достижения по всему ходу ее осуществления» (Магомед-Эминов, 1987).

Говоря о старшем подростковом возрасте, Д.Б. Эльконин считал мотив самоопределения и самореализации ведущим мотивом. Он знаменует начало поиска себя и становление своей индивидуальности в жизни подростка. В этом контексте важно обретение мотивацией достижения успеха черт инициативного, творческого отношения к делу; формирование ориентации на лучшее выполнение и достижение результата (Маеркина, 2018).

И.И. Чеснокова и Е.В. Шорохова пишут о соотношении своих возможностей и способностей с собственной деятельностью и, как следствие, принятии решений в зависимости от степени уверенности в своих силах (Чеснокова, Шорохова, 1977). Х.Г. Юсупова, в свою очередь, установила значимую корреляцию мотивации достижения успеха с позитивным образом будущего и позитивным образом Я, принятием собственных ошибок (Юсупова, 2022).

Исследователи А.В. Ключева, С.А. Медведева, С.А. Салимжанова, В.И. Шебанова в своих работах демонстрируют связи мотивации и стремления к самореализации с самооценкой (Ключева, Медведева, 2024; Шебанова, Салимжанова, 2025).

В статье М.Ю. Худаевой представлены результаты исследования соотношения самооценки и уровня притязаний у подростков, при этом

выявлен заниженный уровень по всем параметрам. Автор констатирует, что «большой разрыв между уровнем притязания и уровнем самооценки наблюдается по параметру «авторитет у сверстников», что указывает на конфликт между тем, к чему подростки стремятся, и тем, что они считают для себя возможным» (Худаева, 2014, с. 284).

В исследовании Г.Ф. Губановой, Е.А. Денисовой и В.М. Кильнесова говорится о динамике самооценки детей младшего и старшего подросткового возраста. У старших подростков по сравнению с младшими выделены более развитое критическое отношение к своему социальному образу, а также выражена тенденция к выражению суждений и взглядов в понятиях и категориях, которые входят в их интересы. Подчёркивается «становление положительной гармоничной Я-концепции, переход от фрагментарного восприятия самого себя до комплексной самооценки своих личностных качеств и характерных особенностей» (Губанова, Денисова, Кильнесов, 2023, с. 349).

Цель данной статьи – раскрыть особенности мотивации достижения успеха у старших подростков с разным уровнем самооценки.

В исследовании приняли участие старшие подростки в возрасте от 16 до 17 лет в количестве 36 человек. Диагностический инструментарий представлен методикой изучения мотивации успеха и боязни неудач (А.А. Реан) и методикой изучения самооценки (Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн, модификация А.М. Прихожан).

Исследование самооценки старших подростков показало примерно равное распределение результатов. Большинство испытуемых (28%) обладает неадекватной очень высокой самооценкой, интерпретируемой как показатель чрезмерной самоуверенности, отсутствия критического восприятия своих ошибок. Равное количество респондентов имеет неадекватную низкую самооценку (23%) и адекватную среднюю самооценку (23%). Наиболее оптимальным результатом считается адекватная высокая самооценка, присущая почти четверти респондентов (26%), личностными качествами которых являются уверенность в своих возможностях наряду с критическим восприятием своих ошибок и внешней информации.

Исследование уровня мотивации достижения успеха продемонстрировало, что в выборке преобладают старшие подростки с высоким уровнем мотивации достижения успеха (54%). Иными

словами, большинство мотивированы на успех, что относится к позитивной мотивации – для испытуемых с таким показателем характерны стремление к достижению конструктивных целей, уверенность в своих силах, настойчивость, ответственность, являющиеся предикторами активной и целеустремленной деятельности. Почти четверть испытуемых имеют низкий уровень мотивации достижения успеха (23%), равная доля приходится на средний уровень мотивации достижения успеха (23%). Низкий уровень мотивации достижения успеха фактически означает мотивацию на неудачу, которая относится к негативной мотивации. Испытуемые с таким показателем характеризуются преобладанием потребности избежать срыва, порицания, наказания и неудачи, а также низкой уверенностью в своих силах, что закономерно ведет к повышенной тревожности и склонности избегать ответственных задач.

Математическая обработка данных с помощью критерия Краскела-Уоллиса показала, что для старших подростков с адекватной высокой и с неадекватной очень высокой самооценкой характерен более высокий показатель мотивации достижения успеха, чем у старших подростков с адекватной средней и с неадекватной низкой самооценкой ($H = 31,142$; $p \leq 0,01$).

Практическая значимость исследования определяется возможностью использовать результаты исследования в деятельности психологов образования – самооценка в данном случае выступит одним из важных диагностических показателей в процессе проведения профориентационной работы со старшеклассниками при определении их готовности к профессиональному выбору.

Литература

1. Губанова Г.Ф., Денисова Е.А., Кильнесов В.М. Особенности развития самооценки подростков в процессе межличностного общения // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-2. С. 347-350.
2. Ключева А.В., Медведева С.А. Соотношение самооценки и стрессоустойчивости старших подростков // Современные тенденции психологических исследований. Материалы II Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Севастополь, 2024. С. 245-249.

3. *Магомед-Эминов М.Ш.* Мотивация достижения: структура и механизмы // Дис ... канд. психол. наук. Москва, 1987. 343 с.
4. *Маеркина Е.В.* Развитие мотивации достижения у старших подростков в современном образовательном пространстве // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. № 4(77). С. 36-41.
5. *Худаева М.Ю.* Соотношение между самооценкой и уровнем притязания как индикатор развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте // Вестник университета. 2017. №9. С. 291-294.
6. *Чеснокова И.И., Шорохова Е.В.* Проблема самосознания в психологии. М.: Наука. 1977. 144 с.
7. *Шебанова В.И., Салимжанова С.А.* Взаимосвязь самооценки и учебной успеваемости старших подростков // Социальные и психологические ресурсы развития личности. Материалы Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2025. С. 368-373.
8. *Юсупова Х.Г.* Взаимосвязь стиля семейного воспитания старших подростков с их восприятием временной перспективы и мотивацией достижения успеха // Актуальные проблемы науки и перспективы развития образования. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Орехово-Зуево, 2022. С. 171-174.

Социально-психологическая адаптация обучающихся 6-8 классов к условиям обучения в реабилитационном центре

Кондакова Н.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
zhazhdazhizni@mail.ru

Подростковый возраст (отрочество) – период онтогенеза от 10-11 до 15 лет, соответствующий началу перехода от детства к юности (Приступа, 2017). Он характеризуется значительными изменениями в физическом, интеллектуальном и социальном развитии (Психология

подростка, 2008). Особенно остро проблема адаптации встает перед детьми, находящимися в условиях реабилитационного центра, где специфика окружающей обстановки предъявляет повышенные требования к процессу социальной адаптации.

Социально-психологическая адаптация – это процесс приведения основных параметров социальной и личностной характеристик человека в состояние динамического равновесия с новыми условиями среды жизнедеятельности как внешнего фактора по отношению к личности (Иванова, Манойлова, 2014).

Поэтому важнейшей задачей становится создание оптимальных условий для успешного включения ребенка в учебный процесс и освоение новых социальных ролей. Разработка соответствующих методик и подходов становится важным направлением, позволяющим минимизировать риск социальной изоляции, депрессий и негативного самовосприятия подростков.

Цель исследования заключается в разработке и проверке эффективности программы психологического сопровождения, ориентированной на содействие успешной социально-психологической адаптации учащихся 6 – 8 классов Центра реабилитации и образования №7 Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы.

В ходе реализации проекта было проведено обследование группы из 100 обучающихся 6 – 8 классов (36 мальчиков и 64 девочки). Для диагностики были использованы методика К. Роджерса и Р. Даймонд для оценки социально-психологической адаптации подростков, опросник личностной и ситуативной тревожности Ч. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина (Практикум..., 2008) и методика оценки психологического климата коллектива А.Н. Лутошкина (Психология малой группы..., 2004).

Комплексное тестирование позволило выявить некоторые особенности, возникающие у подростков в условиях адаптации к среде образовательного учреждения.

Для обучающихся 6-х классов свойственна тенденция к уходу от проблем, в то время как у обучающихся 7-х и 8-х классов показатели эскапизма значительно ниже.

Для обучающихся 8 классов характерно стремление к доминированию, в отличие от обучающихся 6-х и 7-х классов, для которых данный показатель не является характерным.

В результате исследования было установлено, что преобладающее большинство обучающихся 6 – 8 классов способны адаптироваться в новой обстановке или ситуации, принимают себя и окружающих его людей, испытывают эмоциональный комфорт и понимают свои трудности.

Эффективность разработанной и апробированной программы, направленной на социально-психологическую адаптацию обучающихся 6 – 8 классов к условиям обучения в реабилитационном центре была подтверждена результатами испытуемых на контрольном этапе психолого-педагогического эксперимента:

- у обучающихся 6-х классов отмечается снижение ситуативной тревожности (средний балл снизился с 40,454 до 33,091), сдвиг значим на уровне тенденции ($z = -1,896$; $p < 0,1$);

- у обучающихся 7-х классов наблюдается статистически значимый рост показателей по шкалам «Адаптивность» (с 136,400 до 143,250; $z = -1,981$; $p < 0,05$) и «Внутренний контроль» (с 49,450 до 54,950; $z = -2,262$; $p < 0,05$);

- у обучающихся 8-х классов значимо повысился показатель «Стремление к доминированию» (с 50,053 до 55,105; $z = -2,619$; $p < 0,01$) и снизился показатель «Ведомость» (с 18,684 до 15,000; $z = -2,520$; $p < 0,05$);

- у обучающихся 6–8 классов, воспитывающихся в полных семьях, зафиксирован достоверный рост показателей по шкале «Внутренний контроль» (с 49,767 до 54,200; $z = -2,606$; $p < 0,01$);

- у обучающихся 6–8 классов, воспитывающихся в неполных семьях, отмечается значимый на уровне тенденции рост стремления к доминированию (с 47,100 до 55,550; $p < 0,1$).

На основании проведенного анализа проблемы социально-психологической адаптации обучающихся 6 – 8 классов к условиям обучения в реабилитационном центре можно говорить о том, что данный процесс представляет собой сложное, многоуровневое явление, затрагивающее все сферы личности подростка.

1. Адаптация связана с возрастными особенностями, подростковый период сам по себе является кризисным из-за физиологической перестройки организма, эмоциональной нестабильностью и поиском своего «Я». Для 6-х классов адаптация осложняется сменой ведущей деятельности

и социальной ситуации развития, для 7-х – пиком подросткового кризиса, а для 8-х – необходимостью закрепления социального статуса и формирования жизненных планов.

2. Успешность адаптации напрямую зависит от факторов: личностных особенностей обучающегося (самооценка, интернальность, коммуникативные навыки, стрессоустойчивость) и характеристик образовательной среды (психологический климат в коллективе и специфика педагогического взаимодействия).

3. Реабилитационный центр выступает специфической средой. В отличие от общеобразовательной школы, здесь процесс адаптации осложняется анамнезом обучающихся и необходимостью одновременной ресоциализации. Это требует от педагога-психолога применения комплексных программ, сочетающих диагностические, коррекционные и развивающие методы работы.

Таким образом, внедрение комплексных подходов к организации воспитательно-коррекционной работы в реабилитационных центрах имеет значительный потенциал для повышения качества учебно-воспитательного процесса и улучшения общего состояния здоровья и благополучия воспитанников.

Литература

1. Иванова С.П., Манойлова М.А. Трудности социально-психологической адаптации воспитанников НОУ «Детская деревня – SOS» // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. №5 С. 318 – 325.
2. Практикум по возрастной психологии: Учеб. Пособие / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2008. 688 с.: ил.
3. Приступа Е.Н. Профессиональный словарь психолога в социальной сфере: словарь. М.: Неолит, 2017. 80 с.
4. Психология малой группы: структура, динамика, организация: сб. науч. трудов / сост. и ред. И.Г. Самойлова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 368 с.
5. Психология подростка. Хрестоматия. М.: АНО «Психологическая электронная библиотека», 2008. 427 с.

Личностные детерминанты территориальной мобильности специалистов государственной службы

Кононенко Н.А.

РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

kononenko@ranepa.ru

В современном обществе, характеризующемся высокой динамикой социальных и экономических процессов, территориальная мобильность становится значимым ресурсом личности. Территориальная мобильность понимается как индивидуальная характеристика, проявляющаяся в количестве перемещений в другой регион на длительный срок для реализации трудовых, образовательных и иных жизненных задач (Oishi, 2010), (Шебураков, Подольская, Кононенко, 2025) Территориальная мобильность является не только следствием внешних экономических или социальных обстоятельств, но и отражает внутреннюю готовность субъекта к изменениям, что обуславливает необходимость изучения ее личностных предикторов.

Зарубежные исследования показывают, что территориально мобильные индивиды отличаются по ряду личностных характеристик. Так, экстраверсия и открытость новому опыту положительно связаны с вероятностью переездов (Jokela, 2009; Jokela et al., 2008; Campbell, 2019). Высокомобильные демонстрируют большую готовность к риску и интернальность, что позволяет им принимать решения в условиях неопределенности (San Martin et al., 2019). В то же время отечественные работы, посвященные психологическим особенностям мигрантов (Батурина, Вяткина, 2020), указывают на различия в коммуникативной компетентности и самоотношении. Однако системных исследований личностных детерминант территориальной мобильности у государственных служащих – категории, для которой кадровая гибкость имеет особое значение, – до настоящего времени не проводилось.

Цель исследования – выявление личностных качеств, связанных с разными уровнями территориальной мобильности у руководителей и специалистов государственной службы.

Эмпирическую базу составили 1521 человек (856 мужчин, 665 женщин; возраст 27–57 лет) – специалисты различного уровня органов публичной власти и государственных корпораций. Для оценки

личностных качеств применялись шкалы опросника «Оценка управленческого потенциала» (Синягин, 2020). Уровень территориальной мобильности определялся по количеству самостоятельных переездов во взрослом возрасте: немобильные (0 переездов, 41% выборки), единично мобильные (1–2 переезда, 46%), высококомобильные (3 и более переезда, 13%).

Результаты. Высокомобильные респонденты значимо отличаются от немобильных и единично мобильных по четырем личностным характеристикам: интернальность ($H = 31,04$; $p < 0,001$), самопринятие ($H = 32,01$; $p < 0,001$), готовность к риску ($H = 32,98$; $p < 0,001$) и лидерство ($H = 56,69$; $p < 0,001$). Показатели этих качеств у высококомобильных достоверно выше. При этом уровень лидерства возрастает по мере выраженности мобильности.

По коммуникативной компетентности выявлена иная картина: единично мобильные оценивают свои коммуникативные навыки выше, чем немобильные ($p < 0,001$), однако высококомобильные статистически не отличаются ни от тех, ни от других.

Обнаружены гендерные различия в структуре личностных детерминант. У мужчин высококомобильные демонстрируют значимо более высокие показатели интернальности, самопринятия, готовности к риску и лидерства по сравнению с остальными респондентами. У женщин-госслужащих значимые различия между группами зафиксированы только по шкале готовности к риску ($H = 0,045$; $p < 0,05$), однако после поправки Бонферрони этот эффект не подтверждается.

Полученные результаты согласуются с данными зарубежных исследований, указывающими на связь территориальной мобильности с интернальностью и готовностью к риску (San Martin et al., 2019; Oishi, 2010). Высокая выраженность лидерства у часто переезжающих может интерпретироваться как стремление к самостоятельности и управлению собственной жизнью, что характерно для мобильных индивидов (Oishi & Kisling, 2009). Отсутствие значимых различий по коммуникативной компетентности между высококомобильными и остальными группами, вероятно, объясняется тем, что для многократных переездов важнее не столько развитые коммуникативные навыки, сколько способность выстраивать новые связи в меняющемся окружении, что требует иных психологических ресурсов (Lun et al., 2013).

Литература

1. Батурина Н.В., Вяткина В.В. Психологические факторы внутренней миграции населения России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 2(81). С. 155–159.
2. Синягин Ю.В. Опросник оценки управленческого потенциала в комплексной личностно-профессиональной диагностике. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 186 с.
3. Шебураков И.Б., Подольская Т.А., Кононенко Н.А. Социально-психологические факторы территориальной мобильности личности // Мир психологии, 2025, № 2 (121). – С. 213–230.
4. Campbell P. Dispositional traits and internal migration: Personality as a predictor of migration in Australia // Journal of Research in Personality. 2019. Vol. 78. P. 262–267.
5. Jokela M. Personality predicts migration within and between U.S. states // Journal of Research in Personality. 2009. Vol. 43(1). P. 79–83.
6. Jokela M., Elovainio M., Kivimäki M., Keltikangas-Järvinen L. Temperament and migration patterns in Finland // Psychological Science. 2008. Vol. 19(9). P. 831–837.
7. Lun J., Roth D., Oishi S., Kesebir S. Residential mobility, social support concerns, and friendship strategy // Social Psychological and Personality Science. 2013. Vol. 4(3). P. 332–339.
8. Oishi S. The psychology of residential mobility: Implications for the self, social relationships, and well-being // Perspectives on Psychological Science. 2010. Vol. 5(1). P. 5–21.
9. Oishi S., Kisling J. The mutual constitution of residential mobility and individualism // Understanding culture: Theory, research, and application / Ed. by R.S. Wyer Jr., C.-Y. Chiu, Y.Y. Hong. Psychology Press, 2009. P. 223–239.
10. San Martin A., Schug J., Maddux W.W. Relational mobility and cultural differences in analytic and holistic thinking // Journal of Personality and Social Psychology. 2019. Vol. 116(4). P. 495–518.

Цифровая зависимость, когнитивные функции и эмоциональный интеллект личности

Копейкина А.Н., Паулкина Д.П.

*Академия ФСИИ России, Рязань, Россия
kopeykina2004@inbox.ru, dashakomleva@mail.ru*

Цифровые технологии, ставшие неотъемлемым элементом современной социальной реальности, формируют принципиально новые условия психического функционирования личности. Информационная насыщенность цифровой среды, высокая скорость передачи данных и доступность онлайн-коммуникации оказывают многомерное влияние на когнитивные и эмоциональные процессы. В контексте данных изменений все большее внимание исследователей привлекает феномен цифровой зависимости, который рассматривается как устойчивая форма поведенческого нарушения, связанная с утратой произвольного контроля над использованием цифровых устройств и доминированием виртуальной активности над реальными жизненными задачами (Иванов, 2020).

С позиций когнитивной науки, продолжительное и активное использование цифровых средств массовой информации оказывает влияние на способы обработки данных человеческим мозгом. Доминирование коротких, быстро сменяющихся раздражителей стимулирует развитие неглубокого подхода к обучению, что ослабляет возможности глубокой концентрации и критического анализа информации. Непрерывное переключение фокуса внимания между разнообразными цифровыми каналами влечет за собой раздробление когнитивных функций и ухудшение оперативной памяти. Как следствие, когнитивные процессы становятся более зависимыми от внешнего мира, ухудшается самоконтроль внимания и уменьшается когнитивная гибкость (Безотечество, 2025).

Эмоциональная сфера личности также испытывает значительное влияние цифровизации. Эмоциональный интеллект, включающий навыки осознания, понимания и регуляции эмоций, формируется преимущественно в условиях непосредственного межличностного взаимодействия (Гоулман, 2018). Переход общения в онлайн-формат ограничивает эмоциональную составляющую взаимодействия между

людьми, приуменьшает роль невербальных компонентов общения, а также создает препятствия для формирования эмпатии. Вместе с тем, цифровое общение зачастую провоцирует поверхностность в выражении эмоций, что потенциально ослабляет способность к переживанию глубоких чувств, осознанному контролю и регулированию эмоциональных состояний.

Целью эмпирического исследования явилось изучение характера взаимосвязей между уровнем цифровой зависимости, показателями когнитивных функций и эмоционального интеллекта личности. В исследовании приняли участие 120 человек в возрасте от 18 до 30 лет. Все участники регулярно использовали цифровые устройства в учебной, профессиональной и досуговой деятельности.

В диагностический комплекс вошли: «Тест на интернет-зависимость» Кимберли Янг (Internet Addiction Test, IAT) в российской адаптации (Янг, 2016), Корректирующая проба Бурдона (Кирдяшкина, 1999), а также опросник эмоционального интеллекта Н. Холла (Ильин, 2001) и методика запоминания 10 слов А.Р. Лурия (Венгер, Цукерман, 2010). Статистическая обработка результатов осуществлялась с применением коэффициента корреляции Пирсона.

Анализ полученных данных позволил выявить статистически значимые отрицательные коррекционные связи между высоким уровнем цифровой зависимости, концентрации внимания ($r = -0,47; p < 0,01$) и развития памяти ($r = -0,39; p < 0,01$). Эти результаты указывают на то, что рост цифровой зависимости сопровождается снижением эффективности базовых когнитивных функций. В эмоциональной сфере была зафиксирована отрицательная корреляция между выраженностью цифровой зависимости и интегративным уровнем эмоционального интеллекта ($r = -0,42; p < 0,01$), наиболее отчетливо проявляющаяся в снижении эмпатии и способности к управлению эмоциональными состояниями.

Дополнительный анализ позволил установить, что респонденты с умеренным уровнем цифровой вовлеченности демонстрируют более высокие показатели эмоциональной осознанности по сравнению с группами с крайними значениями цифровой активности.

Полученные эмпирические данные подтверждают представление о цифровой зависимости как о факторе психологического риска, способствующем снижению когнитивной устойчивости и

эмоциональной регуляции. В то же время результаты согласуются с современными исследованиями, подчеркивающими, что влияние цифровой среды не является однозначно негативным и во многом определяется характером и осознанностью ее использования (Солдатова, 2019). Умеренная цифровая активность может выполнять компенсаторную и развивающую функцию, тогда как чрезмерная вовлеченность приводит к дезадаптивным изменениям психического функционирования.

Таким образом, цифровая зависимость оказывает комплексное влияние на когнитивные функции и эмоциональный интеллект личности, затрагивая как познавательную, так и эмоционально-регуляторную сферы. Результаты исследования подчеркивают необходимость формирования психологических программ профилактики цифровой зависимости, направленных на развитие навыков саморегуляции, критического мышления и эмоциональной компетентности.

Литература

1. *Безотечество В.А.* Влияние медиапотребления на когнитивные функции и внимание. М.: Молодой ученый. 2025. №28 (579). С. 55-56.
2. *Иванов А.А.* Психология цифровых зависимостей. М.: Институт психологии РАН, 2020.
3. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001. 752 с.
4. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
5. *Кирдяшкина Т.А.* Методы исследования внимания (Практикум по психологии): Учебное пособие. Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 1999. 72 с.
6. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Психологические эффекты цифровизации личности // Психологический журнал. 2019. №4.
7. *Янг К.* Интернет-зависимость: диагностика и психологическая помощь // Психология зависимостей. СПб., 2016.

От патологизации к соразмерности: диагностика СДВГ у представителей кочевых культур

Кораблева Н.И.

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ni.korableva@gmail.com

Диагностика синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) у представителей народов с кочевой историей представляет собой особую проблему на стыке кросс-культурной психиатрии, социальной психологии и практической этнопсихологии. Исследователи указывают на роль аллеля 7R гена DRD4, который одновременно ассоциирован с лучшим адаптивными показателями у мигрирующих народов, образующим специфический кочевой фенотип (Barack et al., 2024), а в западных популяциях – связанный с диагнозом СДВГ (Eisenberg, 2008).

Всемирная федерация СДВГ в международном консенсусе (Faraone et al., 2021) настаивает на универсальности и биологической природе расстройства. Мета-аналитические исследования свидетельствуют, что культурные факторы значительно влияют на диагностику СДВГ, приводя к вариациям в распространенности диагноза в разных странах от 0,9% до 16,4% (Polanczyk et al., 2014).

Наблюдаемое в последние десятилетия учащение постановки диагноза СДВГ, с одной стороны, связано с совершенствованием диагностических критериев и повышением информированности, а с другой – с системной недооценкой роли культурного контекста в формировании и интерпретации поведенческих паттернов (Faraone et al., 2021; Hofstede, 2011; Hays, 2016).

Вопрос в том, как отличить культурно-обусловленную адаптацию от клинически значимой дисфункции?

Проведенный анализ результатов пилотного этапа методом глубинного полуструктурированного интервью (с представителями кочевой культуры, имеющими опыт диагностики СДВГ – 2 интервью, клиническим психологом – 1 интервью, культурным консультантом – 1 интервью) позволяет выделить следующие ключевые особенности когнитивно-сенсорного функционирования, сформированные кочевым образом жизни.

1. Для кочевых культур характерны следующие особенности сенсорного профиля, эволюционно сформированные в ответ на вызовы среды традиционного образа жизни в движении. Например, пространство воспринимается динамично, а не как статичная карта. Восприятие времени циклично и событийно, привязано к природным циклам. Эмоциональная регуляция осуществляется через физический труд и движение. Наблюдается гиперчувствительность к естественным стимулам (ветер, запахи, поведение животных) при возможной гипочувствительности к искусственным «городским» раздражителям. Внимание – диффузное с постоянным сканированием среды и адаптивной полизадачностью. Двигательная активность интегрирована в быт, целесообразна. Описанный кочевниками собственный сенсорный профиль в родной среде является высокоадаптивным, в оседлой среде – скорее дисфункциональным, ассоциирующимся с СДВГ.

2. Информанты из числа калмыков констатируют высокую распространенность нейроотличий в своей культуре как «норму». Традиционные практики (выпас, верховая езда, лепка кизяка) описываются как естественная сенсорная интеграция, где эти черты были ресурсом: *«Он был бы очень классным... скакал на лошади там с двух лет... ребенок, который любит экстрим... был бы там фаворит среди фаворитов».*

3. Выявлен устойчивый «культурный разрыв» между диагностической системой и жизненным миром пациента. Специалисты признают, что «культурный анамнез не собирает». Пациенты сталкиваются с языковым барьером: *«врачи слышат меня искаженно»*, а *«привлекать посредника не разрешают из-за конфиденциальности»*. Артикулируется запрос: *«Было бы приятно, если бы специалисты были осведомлены про культуру»*, *«нужен отдельный психолог для калмыков и бурят».*

4. Особую значимость приобретает исторический контекст. Информанты связывают поведенческие особенности с коллективной травмой депортации калмыков в Сибирь, отмечая трудности эмоциональной сферы как следствие опыта выживания.

В соответствии с теорией эволюционного несоответствия, трудности диагностики СДВГ у представителей кочевых культур возникает там, где психологические механизмы, исторически

адаптивные в кочевании, сталкиваются с изменением экологического и культурного контекстов в сторону кардинально отличающейся современной оседлой среды (Li, van Vugt & Colarelli, 2018).

Гипердиагностика СДВГ в кочевых сообществах – не следствие исключительно более высокой распространенности расстройства, но и результат системного культурного разрыва между диагностическими системами и жизненным миром пациентов.

Литература

1. *Barack D.L., Ludwig V.U., Parodi F., Ahmed N., Brannon E.M., Ramakrishnan A., Platt M.L.* (2024). Attention deficits linked with proclivity to explore while foraging. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 291(2017), Article 20240058.
2. *Eisenberg D.T.* Dopamine Receptor Genetic Polymorphisms and Body Composition in Undernourished Pastoralists: An Exploration of Nutrition Indices among Nomadic and Recently Settled Ariaal Men of Northern Kenya / D.T. Eisenberg, B.M. Campbell, P.B. Gray, M.A. Sorenson // *BMC Evolutionary Biology*. 2008. Vol. 8, No. 1. Art. 173.
3. *Faraone S.V., Banaschewski T., Coghill D., Zheng Y., Biederman J., Bellgrove M.A., Wang Y.* (2021). The World Federation of ADHD International Consensus Statement: evidence-based conclusions about the disorder. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 128, 789-818.
4. *Hays P.A.* (2016). Addressing cultural complexities in practice: assessment, diagnosis, and therapy (3rd ed.). American Psychological Association, 3-18.
5. *Hofstede G.* (2011). Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1).
6. *Li N.P., van Vugt M., Colarelli S.M.* (2018). The evolutionary mismatch hypothesis: Implications for psychological science. *Current Directions in Psychological Science*, 27(1), 38–44.
7. *Polanczyk G.V., Willcutt E.G., Salum G.A., Kieling C., Rohde L.A.* (2014). ADHD prevalence estimates across three decades: An updated systematic review and meta-regression analysis. *International Journal of Epidemiology*, 43(2), 434-442.

Субъективное психологическое благополучие вьетнамских студентов в России и во Вьетнаме

Коржова Е.Ю., Фам В.Б.Н.

*ФГБОУ ВО РГПУ имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
elenakorjova@gmail.com, phamvubaongoc.bh@gmail.com*

В данный момент изучение феномена психологического благополучия студентов широко распространено. Однако, как правило, освещается эта проблема лишь в наиболее общем виде. Л.И. Габдулина и Н.А. Москалёва в своем исследовании отметили, что на завершающем этапе профессиональной подготовки студентов-психологов психологическое благополучие становится значимым фактором, влияющим на их учебную и профессиональную деятельность (Габдулина, Москалёва, 2021).

По мнению Р. М. Шамянова, система личностных смыслов играет ключевую роль в формировании субъективного благополучия. Он утверждает, что субъективное благополучие представляет собой восприятие человека самого себя и своей жизни, основанное на нормах и ценностях, усвоенных в социальной среде. Это субъективное благополучие проявляется через ощущение удовлетворённости и баланса жизни (Шамянов, Бескова, 2018).

В нашем исследовании приняли участие 56 вьетнамских студентов, которые находятся в своей собственной стране, и 48 вьетнамских студентов, которые находятся в России. Использовались методика диагностики субъективного благополучия личности Р.М. Шамянова и Т.В. Бесковой (Шамянов, Бескова, 2018), а также опросник по выявлению депрессии, тревоги и стресса (Lovibond, 1995).

Результаты, полученные с помощью математико-статистической обработки (U-критерий Манна-Уитни), показали, что уровень тревоги у вьетнамских студентов во Вьетнаме (среднее значение 6,14 при $p < 0,05$) выше, чем у вьетнамских студентов в России (среднее значение 4,71 при $p < 0,05$). Это может быть связано с тем, что вьетнамские студенты в России более свободно себя чувствуют, с меньшим контролем и ожиданиями со стороны родителей и внешней среды.

Было выявлено, что значение показателя «гедонистическое благополучия» у вьетнамских студентов в России (среднее значение

3,46 при $p < 0,01$) выше, чем у вьетнамских студентов во Вьетнаме (среднее значение 2,92 при $p < 0,01$). Это может объясняться тем, что вьетнамские студенты в России получают ежемесячную стипендию на проживание. Кроме того, экологические условия в российских городах, как правило, лучше, чем во Вьетнаме, что включает в себя более высокое качество воздуха и окружающей среды (Ле, 2023).

Было выявлено, что значение показателя «социально-нормативное благополучие» у вьетнамских студентов в России (среднее значение 3,95 при $p < 0,01$) выше, чем у вьетнамских студентов во Вьетнаме (среднее значение 3,57 при $p < 0,01$). Это может объясняться тем, что в процессе адаптации к новой культуре вьетнамские студенты, обучающиеся в России, стремятся интегрироваться в новое общество и избегать дискриминации и негативного отношения со стороны местных жителей. Кроме того, российская культура более открыта и допускает более широкий поведенческий диапазон.

Получены также результаты о взаимосвязи показателей (коэффициент корреляции r Спирмена): у вьетнамских студентов в России чем выше уровень депрессии, тем сильнее выражено желание прекратить обучение (0,375 при $p < 0,01$), взять академический отпуск (0,394 при $p < 0,01$), сменить специальность (0,333 при $p < 0,05$) и ощущение дискриминации (0,360 при $p < 0,01$), и наоборот. Более того, чем сильнее намерение взять академический отпуск (0,321 при $p < 0,05$) и сменить специальность (0,325 при $p < 0,05$), и чем дольше срок проживания в России (0,389 при $p < 0,05$), тем выше уровень тревоги. Также выявлено, что у вьетнамских студентов в России чем выше уровень депрессии (-0,665 при $p < 0,01$), тревоги (-0,356 при $p < 0,01$) и стресса (-0,506 при $p < 0,01$), тем ниже уровень субъективного благополучия.

Результаты показали, что у вьетнамских студентов во Вьетнаме чем выше уровень депрессии (-0,533 при $p < 0,01$), тревоги (-0,394 при $p < 0,01$) и стресса (-0,518 при $p < 0,01$) тем ниже уровень субъективного благополучия. Также чем выше удовлетворенность академической успеваемостью, тем выше уровень субъективного благополучия (0,274 при $p < 0,05$). Чем сильнее намерение взять академический отпуск, тем выше уровень тревоги (0,270 при $p < 0,05$). Таким образом, благополучие и эмоциональное состояние у вьетнамских студентов во Вьетнаме практически не связаны с факторами адаптации.

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что субъективное благополучие вьетнамских студентов связано как с социокультурной средой, так и с их эмоциональным состоянием. Вьетнамские студенты в России демонстрируют более низкий уровень тревоги и более высокие показатели гедонистического и социально-нормативного благополучия, что может быть обусловлено лучшими условиями жизни и большей свободой. В обеих группах благополучие связано с уровнем депрессии, тревоги и стресса. При этом у студентов в России значимую роль играют факторы адаптации (академическая дезадаптация, срок проживания, дискриминация), тогда как у студентов во Вьетнаме – учебная успешность и внутренние факторы.

Литература

1. Габдулина Л.И., Москалёва Н.А. Психологическое благополучие студентов психологов на завершающем этапе их профессиональной подготовки / Габдулина Л. И., Москалёва Н. А. // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Том 9. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/80PSMN621.pdf>
2. Ле Х.А.Х. О проблемах обеспечения экологической безопасности Вьетнама // Вопросы Российской Юстиции. 2023. № 29. С. 223-233.
3. Шамионов Р.М., Бескова Т.В. Методика диагностики субъективного благополучия личности / Шамионов Р.М., Бескова Т.В. // Психологические исследования. 2018. Том 11, No 60. С. 8. URL: <http://psystudy.ru>.
4. Lovibond, S.H. & Lovibond, P.F. (1995). Manual for the Depression Anxiety & Stress Scales. (2nd Ed.) Sydney: Psychology Foundation.

Связь профессиональной самореализации и уровня субъективного благополучия у женщин

Корсак Т.Т., Сердюк А.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

t-korsak@mail.ru, nastusha30_07@mail.ru

В современных условиях стремительно меняющегося общества возрастает значимость профессиональной самореализации как одного из ключевых факторов психологического благополучия личности (Архипочкина, 2008; Басс, 2005). Особенно актуальной данная проблема является для женщин, поскольку они нередко совмещают несколько социальных ролей, что требует от них высокой степени адаптации и внутреннего баланса. Профессиональная самореализация в данном контексте выступает не только как средство достижения материальной стабильности, но и как важный источник личностного роста, самооценки и ощущения жизненной удовлетворенности (Богатырева, 2010; Рюс, Динер, 1997).

Цель исследования: изучить взаимосвязь между уровнем профессиональной самореализации женщин и их субъективным благополучием.

Гипотезой исследования является предположение о том, что чем выше уровень профессиональной самореализации женщины, тем выше уровень ее субъективного благополучия.

Профессиональная самореализация рассматривается как процесс раскрытия личностного потенциала в трудовой деятельности, включающий удовлетворенность профессией, осмысленность деятельности, наличие целей и ощущение собственной эффективности (Бодров, 2001; Бредберн, 2004; Кугушева, 2016). В гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс) она трактуется как высшая потребность личности, связанная со стремлением к самоактуализации. В отечественной психологии (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, Д.А. Леонтьев) подчеркивается ее смысловой и деятельностный характер, где человек выступает активным субъектом собственной жизни (Соколова, 2004).

Исследование проводилось с использованием методики «Тип и уровень профессиональной самореализации» Е.А. Гавриловой (2011).

В исследовании приняли участие 80 женщин в возрасте от 21 до 39 лет, находящихся на разных этапах профессиональной реализации.

Полученные результаты показали, что большинство женщин (53,6%) имеют средний уровень профессиональной самореализации, что свидетельствует о частичной реализованности их потенциала. Высокий уровень был выявлен лишь у 14,3% испытуемых, тогда как у 32,1% наблюдается низкий уровень, что может указывать на отсутствие профессиональной вовлеченности или наличие ограничивающих факторов.

Анализ типов профессиональной самореализации показал, что наиболее распространенным является формальный тип (42,31%), характеризующийся выполнением деятельности без глубокой личностной вовлеченности. У таких женщин работа воспринимается преимущественно как источник дохода, что может сопровождаться снижением удовлетворенности и риском эмоционального выгорания. В то же время успешная профессиональная самореализация выявлена у 19,23% участниц и характеризуется осмысленностью деятельности, соответствием личным ценностям и высокой степенью удовлетворенности.

В ходе статистического анализа была выявлена значимая положительная взаимосвязь между уровнем профессиональной самореализации и субъективным благополучием ($r_s = 0,32$; $p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что чем выше степень профессиональной реализованности, тем выше уровень удовлетворенности жизнью и эмоционального благополучия.

Особое значение имеет целевой компонент профессиональной самореализации, отражающий наличие осмысленных целей и направленность деятельности. Было установлено, что данный компонент также положительно связан с субъективным благополучием ($r_s = 0,32$; $p \leq 0,01$) и выступает одним из его ключевых предикторов.

Таким образом, результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что профессиональная самореализация является значимым фактором субъективного благополучия женщин. При этом решающую роль играет не столько сам факт занятости, сколько осмысленность профессиональной деятельности, наличие целей и внутренней вовлеченности.

Литература

1. *Архипочкина Л.С.* Гендерные аспекты самореализации личности. М.: Наука, 2008. 180 с.
2. *Басс А.М.* Психодиагностика мотивации личности. М.: Психология, 2005. 220 с.
3. *Богатырева Л.В.* Самоактуализация как показатель личностного роста // Вестник психологии. 2010. № 4. С. 45–52.
4. *Бодров В.А.* Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕР СЭ, 2001. 512 с.
5. *Бредберн Н.* Повседневное счастье. М.: Институт психологии РАН, 2004. 176 с.
6. *Гаврилова Е.А.* Структура жизненных целей как фактор психологического благополучия // Психология личности. 2011. № 2. С. 61–70.
7. *Кугушева М.Э.* Самореализация и психологическое благополучие у женщин среднего возраста: автореф. магист. дис. М.: МГППУ, 2016. 80 с.
8. *Рюс К., Динер Э.* Субъективное благополучие: структура и измерение // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 115–123.
9. *Соколова М.В.* Психология субъективного благополучия личности. М.: ИП РАН, 2004. 250 с.

Структура и динамика карьерных интересов взрослого населения России

Кострикина И.С.
АНО ВО МГЭУ, Москва, Россия
costrikina.inna@yandex.ru

В условиях трансформации российского рынка труда и изменений в системе профессионального образования актуализируется проблема изучения карьерных интересов взрослых в контексте их профессионализации и социализации. Профессиональное самоопределение в современном обществе перестает быть одномоментным выбором в юности и становится протяженным

процессом, сопровождающим человека на протяжении всей трудовой жизни.

Особенности самоопределения и построения карьеры, в свою очередь, связаны с процессами социализации и профессионализации. Профессионализация рассматривается как специфическая форма взрослой социализации, связанная с освоением профессиональной деятельности, формированием профессиональной идентичности и компетентностей (Реан, 2023; Шнейдер, 2022).

Цель исследования: выявление возрастных паттернов карьерных интересов и их роли в процессах профессионализации и социализации взрослых в России.

В исследовании использован кластерный анализ как метод выявления скрытых структур данных и группировки испытуемых по схожим карьерным интересам.

Эмпирическую базу исследования составили данные тестирования 2484 человек в возрасте от 18 до 72 лет, посетителей профориентационного павильона выставки «Россия - моя история» из разных регионов России в период января-июня 2024 года. Для измерения карьерных интересов применялась методика «Профпозиция», разработанная в ЦТР «Гуманитарные технологии» под научным руководством А.Г. Шмелёва.

Результаты исследования позволили выделить 8 кластеров, объединяющих испытуемых в группы как носителей паттернов интересов. Ключевые паттерны по наиболее высоким значениям: Аналитик (центроидный возраст 38,6 лет), Менеджер-Администратор (37,3 года), Коммуникатор-Инноватор (24,1 года), Предприниматель (28,2 года), Специалист (31,8 года), Администратор-Функционалист (31,3 года).

Обнаружен интересный факт зеркального совпадения интересов в возрастной группе 24 года и 42 года. Оба кластера представляют выраженных «коммуникаторов, предпринимателей и инноваторов», в то время как другие возрастные кластеры демонстрируют предпочтения в аналитике, специализации и менеджменте. В рамках ситуационно-системного подхода (Базаров, 2020) данный эффект может свидетельствовать не только о возрастных кризисах, но и о схожести ситуационных требований к сотруднику на этапах входа в

профессию и этапах трансформации карьеры в зрелости. Это согласуется с данными мониторинга социально-трудовой сферы РАНХиГС (2023-2024), согласно которым около 24% взрослых россиян задумываются о смене профессии, и исследованиями профессиональной идентичности, подтверждающими кризисные явления в среднем возрасте (Федоров, 2025).

Возрастные группы 31 и 37–38 лет демонстрируют большее разнообразие в проявлениях карьерных интересов по сравнению с другими возрастными периодами. С позиции социальной психологии личности это может быть связано с кризисами ранней и средней зрелости, которые сопровождаются переосмыслением профессиональных целей и ценностей. Параметр пола не оказал значимого влияния на формирование кластеров, что позволяет предположить, что карьерные интересы не зависят от гендерной принадлежности.

Было проведено дополнительное исследование испытуемых возрастной категории 42-72 лет ($n = 42$) по методике «Профконсультант», в ЦТР «Гуманитарные технологии». Цели обращения испытуемых за тестированием и консультированием: смена профессии (31%), карьерный рост (32%), второе высшее (19%), саморазвитие (18%). Рекомендуемые профессиональные сферы по результатам алгоритма подбора включают следующие: управление и администрирование (44%), экспертно-аналитическая деятельность (38%), образование и наставничество (18%). Алгоритм методики не предлагает рекомендации по предпринимательской деятельности, при этом, все испытуемые возраста 42–44 вошли в группу с рекомендацией по управленческой деятельности. Самоотбор респондентов (обратившиеся за профориентацией) задает направленность и ограничения интерпретации. Тем не менее, можно обозначить тенденции реструктуризировать и пересматривать свои карьерные интересы и цели в зрелом возрасте и менять направление профессионализации.

Полученные результаты указывают на то, что карьерные интересы играют системообразующую роль в профессиональном самоопределении, влияют на выбор карьерной траектории. Они являются связующим звеном между потребностями, способностями и

внешними условиями труда. Выявленные кластеры можно интерпретировать в контексте ситуационно-системной концепции кадрового консультирования Т.Ю. Базарова, которая рассматривает профессиональное поведение не как изолированную характеристику индивида, а как результат динамического взаимодействия личностных особенностей и организационного контекста (Базаров, 2020). Кластеры отражают не только индивидуальные предпочтения, но и типичные паттерны поведения сотрудников в организационной системе на разных этапах профессионализации.

Перспективы дальнейших исследований включают расширение выборки и включение дополнительных параметров (изучение рефлексии и интеллектуальных способностей, детализация по категории социально-экономического статуса, развитие методологии качественного анализа бесед с респондентами и т.д.), что позволит углубить понимание факторов, влияющих на карьерные интересы в контексте современной социализации взрослых в России.

Литература

1. *Базаров Т.Ю.* Психология управления персоналом: учебник и практикум для вузов. 2-е изд. М.: Юрайт, 2026.
2. *Реан А.А.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2023.
3. *Федоров Г.А.* Социологический анализ факторов развития профессиональных компетенций педагогических кадров в контексте формирования профессиональной идентичности // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №2(34). С. 61-69.
4. *Шмелёв А.Г.* Практическая тестология: тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. М.: Маска, 2013.
5. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность личности. М.: МОДЭК, 2022.

Динамическая интеллектуальная платформа для оценки и стабилизации психоэмоционального состояния человека с использованием глубокого обучения

***Кравченко Н.М., Бондарчук В.В.,
Чернядьев И.В., Якубовская Ю.А., Ульяненко А.Э.***
ФГБНУ ИПИИ, Донецк, Россия

*natali_kravchenko70@mail.ru, vv_bondar@mail.ru,
chernyadev-i@mail.ru, iulia.yakubovskaja@yandex.ru, wtfskilledoy1@yandex.ru*

Представлена динамическая интеллектуальная система для оценки и стабилизации психоэмоционального состояния человека, контроля и коррекции параметрического анализа психофизиологических состояний. Система диагностики и коррекции стрессовых состояний разработана для участников боевых действий и других социально-демографических категорий граждан. Реализована цель настоящего исследования – разработка научных основ определения функциональных показателей параметрического анализа когнитивной системы с целью экспертных рекомендаций по коррекции и саморегуляции. Разработана компьютерная интеллектуальная система управления психоэмоциональным состоянием личности, включающая методы диагностики экспрессивных проявлений личности и методы немедикаментозной саморегуляции психоэмоциональных состояний личности (<http://psydiag.guideidn.ru>). Диагностика когнитивных состояний на базе психофизиологических стимулов компьютерной динамической системы, определение отклонений от нормативных значений, выдача рекомендаций для немедикаментозной саморегуляции в реальном времени. Алгоритмы когнитивного мониторинга, многофакторные исследования личности, визуализация всех этапов исследований, статистической обработки результатов индивидуальных и социально-демографических групп, интеллектуального принятия решений экспертом; комплексная немедикаментозная саморегуляция; оценка психологического климата в коллективе; мультимодальные экспериментальные исследования с применением автоматического построения таксономического ядра онтологии корпуса изображений, текстов и технологий нейросетей (FREN-2024-0003).

Анализ данных, генерируемых системой, требует применения строгих математических методов для обеспечения достоверности выводов и эффективности прогностических моделей. Модульная система ПФДК включает: модуль тестирования: база валидизированных методик (BDI, STAI, Миссисипская шкала PTSD и др.); модуль экспериментов: компьютерное и субъективное распознавание эмоций; модуль коррекции: интерактивная арт-терапия и музыкотерапия. Аналитическое ядро: блок математической обработки, прогнозирования и генерации рекомендаций.

Эффективный анализ таких данных невозможен без применения адекватного математического аппарата. Выбор методов определяется характером данных (непрерывные сигналы, дискретные шкалы, категориальные переменные), целями исследования (описание, классификация, прогноз, управление) и требованиями к интерпретируемости результатов.

Исходные данные

В качестве демонстрационного кейса использованы лонгитюдные данные пользователя (женщина, возраст 26 лет) за период 20.03.2026 – 30.04.2026 (37 дней), 3 точки измерения BDI/STAI, 2 точки PTSD.

Диапазоны шкал: BDI [0–63], STAI [20–80], ПТСР [39–195].

Математический аппарат

Для модели прогнозирования применено двойное экспоненциальное сглаживание Хольта. Расчеты произведены по формулам, представленным ниже:

Уровень: $L(t) = \alpha \cdot Y(t) + (1-\alpha) \cdot [L(t-1) + b(t-1)]$; *Тренд:* $b(t) = \beta \cdot [L(t) - L(t-1)] + (1-\beta) \cdot b(t-1)$

Прогноз: $\hat{Y}(t+h) = L(t) + h \cdot b(t)$

Оптимальные параметры подобраны методом перебора: $\alpha = 0,7$; $\beta = 0,3$. Нижняя асимптота C установлена на уровне клинического минимума (BDI = 3, STAI = 20, ПТСР = 28).

Интервал 37 дней (24.03 – 30.04) = 9,25 шагов по 4 дня.

Выполнены пошаговые расчеты динамики по шкале депрессии Бека (BDI), по шкале тревоги Спилбергера (STAI) (ситуативная тревожность (ST) и личностная тревожность (LT)).

И представлен прогноз динамики.

Расчёт динамики по миссисипской шкале ПТСР применено экспоненциальное сглаживание (одинарное, т.к. 2 точки)

Параметр: $\alpha = 0.6$

$L(1) = 151$ (первое наблюдение); $L(2) = 0,6 \times 63 + 0,4 \times 151 = 37,8 + 60,4 = 98,2$.

Прогноз на 30 дней (α -затухание): $\hat{Y} = L(2) \times e^{(-k \times t)}$, где $k = -\ln(1-\alpha)/\Delta t = -\ln(0,4)/37 = 0,0248$; $\hat{Y}(30,05) = 98,2 \times e^{(-0,0248 \times 30)} = 98,2 \times 0,476 = 46,7$.

Для оценки интегрального индекса состояния (ИИС) используется метод векторная авторегрессия (VAR); для учета взаимовлияния нескольких шкал:

$Y(t) = c + A_1 \cdot Y(t-1) + A_2 \cdot Y(t-2) + \dots + A_p \cdot Y(t-p) + \varepsilon(t)$, где $Y(t)$ – вектор показателей [BDI, STAI, PTSD], $p = 2-3$ (лаг); ИИС = $0,35 \cdot BDI_{\text{norm}} + 0,25 \cdot ST_{\text{norm}} + 0,20 \cdot LT_{\text{norm}} + 0,20 \cdot PTSD_{\text{norm}}$, где нормализация выполнена по формуле: $X_{\text{norm}} = (X - X_{\text{min}})/(X_{\text{max}} - X_{\text{min}}) \cdot 100\%$.

Интерпретация ИИС: 60% – выраженные нарушения (20.03); 30-60% – умеренные нарушения (24.03); < 30% – Норма/ремиссия (30.04).

Прогноз интегрального индекса

Экстраполяция тренда ИИС проводится по формуле:

ИИС(30.04) = 14,2%.

Тренд: -1,3% в день (за период 24.03-30.04).

Прогноз

30.05: $14,2 - 1,3 \times 30 = 14,2 - 39 \rightarrow 5,0\%$ (асимптота)

30.06: 5,0%

30.07: 5,0%

*Примечание: нижняя асимптота ИИС $\approx 5\%$ (базовый уровень стресса)

Интегральный индекс состояния позволяет преодолеть фрагментарность интерпретации отдельных шкал и предоставляет клиницисту единый метрический маркер для мониторинга.

ИИС снизился с 67,8% (выраженные нарушения) до 14,2% (ремиссия). Сценарный анализ показывает 70% вероятность стабилизации при сохранении поддерживающего режима (арт-терапия 1–2 раза/нед., музыкотерапия по запросу).

Выводы. Построены прогностические модели для всех шкал методом экспоненциального сглаживания с оптимизированными параметрами ($\alpha = 0,7$; $\beta = 0,3$). Демонстрируется выраженная положительная динамика: снижение BDI на 85% ($40 \rightarrow 6$ баллов); снижение тревожности на 53 – 58%; снижение ПТСР на 58% ($151 \rightarrow 63$).

балла). Размер эффекта вмешательства оценивается как очень большой ($d = -2.5...-3.7$), что указывает на высокую эффективность примененных методов коррекции. Прогноз благоприятный: стабилизация на уровне ремиссии (ИИС $\approx 5-10\%$) при условии поддержания поддерживающего режима.

Таким образом, разработан, реализован и апробирован проект динамической системы управления процессом предиктивного контроля прецизионных состояний когнитивного мониторинга. Проведены исследования особенностей психоэмоционального состояния жителей Донбасса, на протяжении длительного времени подверженных влиянию стресса военного времени.

Успешно пройдена эксплуатация в Республиканском онкологическом центре им. проф. Г.В. Бондаря, ГБУ ДНР «Республиканская клиническая психиатрическая больница» и др.

Впервые изучены инновационные аспекты процесса детекции экзогенных и эндогенных факторов эмоционального искусственного интеллекта, диагностика когнитивных состояний на базе стимулов компьютерной динамической системы реального времени, разработан оригинальный комплекс немедикаментозной саморегуляции, мультимодальных экспериментов и технологий нейросетей.

Особенности морального выбора в деловых и бытовых жизненных ситуациях у людей разного возраста

Красавина Т.Ю.

*РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
t-krasavina@yandex.ru*

Духовно-нравственная атмосфера нашего общества оказывает влияние на психическое здоровье молодежи. Изучение психологических аспектов этой проблемы является актуальной темой современных психологических исследований (Веселова, Коржова, 2018; Коржова, 2013; Воловикова, 2014; Лебедева, 2023; Манеров, 2011, 2014 и др.).

Одним из критериев психического здоровья личности является способность быть субъектом своей жизни, которая теряется при появлении «немошной совести», то есть совести, подавленной неоднократным безнравственным («греховным») личностным выбором (Воловикова, 2014, с. 85-86). Профилактика и коррекция таких явлений, на наш взгляд, должна стать необходимым направлением психологического сопровождения современной молодежи с целью нравственного оздоровления нашего общества.

Моральный выбор в жизненных ситуациях характеризует уровень духовной и, как следствие, нравственной зрелости личности (Коржова, 2013, с. 167; Коржова, 2024 с. 35). Однако психологических исследований, посвященных возрастным особенностям морального выбора в деловых и бытовых жизненных ситуациях, недостаточно (Барсукова, 2010; Rosen, Brand and Kalbe, 2016).

Нами было сделано предположение, что индивидуальные психологические характеристики морального выбора в жизненных ситуациях различаются у людей разного возраста.

Для проверки этой гипотезы было предпринято изучение индивидуальных характеристик морального выбора в жизненных ситуациях (деловых и бытовых) у людей разного возраста с помощью модифицированного варианта проективной методики «Деловой совет другу» Г.А. Токаревой, Е.К. Веселовой (Токарева, 2006).

В исследовании приняли участие 210 человек. Выборку составили респонденты разного возраста:

- респонденты в возрасте 18-21 лет (студенты Киришского филиала ГУАП (колледжа и университета) и Киришского политехнического техникума, учащиеся 11 класса средней школы №2 г. Кириши) – 37 юношей и 42 девушки;
- респонденты в возрасте 35-45 лет (рабочие и служащие города Кириши) – 35 женщин и 32 мужчины;
- респонденты старше 60 лет (пенсионеры и служащие г. Кириши) – 33 женщины и 31 мужчина.

Участникам исследования было предложено ответить на 36 вопросов модифицированного варианта методики «Деловой совет другу» Токаревой-Веселовой в письменном виде согласно следующей инструкции: «Представьте, что Ваш друг (подруга), оказавшись в неоднозначной жизненной ситуации, не знает, как ему поступить и спрашивает Вашего совета. Вопрос может касаться как работы, так и

личной жизни. Посоветуйте другу, как лучше поступить и обязательно объясните, почему. Ваш совет запишите на пустых строках под описанием ситуации. Оцените, пожалуйста, степень проблемности каждой ситуации по 10-балльной шкале (1 балл – ситуация однозначная, легко указать выход из нее; 10 баллов – ситуация требует глубокого анализа, подсказать выход крайне сложно)».

С целью определения значимых возрастных различий в оценках ситуаций морального выбора респондентами разного возраста был использован однофакторный дисперсионный анализ ANOVA.

В двух бытовых жизненных ситуациях (ситуация № 19 – «намерение отдать маму в «Дом для престарелых»» ($p = 0,048$) и ситуация № 31 – «предложение разобраться с должником» ($p = 0,013$)) были выявлены достоверные различия дисперсий показателей индивидуальной значимости морального выбора, показывающие, на наш взгляд, недостаток милосердного отношения к людям у юношей и девушек по сравнению с другими респондентами. При этом самые высокие показатели дисперсий (ситуация №19 – 5,813; ситуация №31 – 5,859) оказались у пожилых людей, средние (ситуация №19 – 5,164; ситуация №31 – 4,791) – у участников исследования 35-45 лет, низкие – у молодых людей (ситуация №19 – 4,354; ситуация №31 – 4,379).

В двух деловых жизненных ситуациях были выявлены различия, отражающие недостаточно серьезное отношение к моральным нормам, регулирующим трудовую деятельность (ситуация №9 – «сестра постоянно устраивает званые обеды для работодателей своей дочери», $p = 0,003$), и к требованиям закона (ситуация №18 – «незаконная отсрочка от армии», $p = 0,011$) преимущественно у молодых людей. При этом самые высокие показатели (ситуация №9 – 4,844; ситуация №18 – 4,984) также оказались у пожилых людей, средние (ситуация №9 – 3,731; ситуация №18 – 4,522) – у респондентов 35-45 лет, низкие – у юношей и девушек (ситуация №9 – 3,203; ситуация №18 – 3,443).

Таким образом, полученные в проведенном исследовании результаты говорят, по нашему мнению, о необходимости психологического сопровождения духовно-нравственного развития современной молодежи как средства сохранения и укрепления их психического здоровья и, как следствие, улучшения нравственного климата в нашем обществе. Специально разработанные для этой цели программы воспитания совести могут оказывать положительное влияние на поиск и сохранение верных нравственных ориентиров современными юношами и девушками.

Литература

1. Барсукова С.А. Проблема становления совести в контексте зарубежных психологических теорий // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2010. № 16. С. 179–187.
2. Воловикова М.И. Психологическое здоровье личности и ее духовно-нравственное состояние // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 79-95.
3. Коржова Е.Ю. Жизненный путь личности как психологический феномен // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 4. С. 28-38.
4. Коржова Е.Ю. Здоровая личность: теоретические модели // Здоровая личность / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Речь, 2013. С. 146–173.
5. Токарева Г.А. Психологические аспекты нравственного компонента профессиональной деятельности менеджера: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006.
6. Rosen J.B., Brand M. and Kalbe E. Empathy Mediates the Effects of Age and Sex on Altruistic Moral Decision Making [Electronic resource] // Frontiers in Behavioral Neuroscience. 2016. Vol. 10. P. 1-16. <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2016.00067>

Атрибуция ответственности молодежи к ИИ в ситуации планирования бюджета

Кретинина А.А.

*ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия
kretininaaa@ipran.ru*

Популярность больших языковых моделей (БЯМ) и иных форм искусственного интеллекта (ИИ) обусловлена удобством и сравнительной простотой их использования. Отправляя запрос к БЯМ, пользователь рассчитывает получить информацию, применимую для

решения как повседневных, так и рабочих задач. В связи с этим возникает вопрос о специфике атрибутивных процессов во взаимодействии с ИИ: на кого возлагается ответственность за принятые при помощи ИИ решения?

Теория каузальной атрибуции рассматривает то, как человек объясняет те или иные варианты поведения другого либо личными качествами, либо внешними факторами (Муздыбаев, 2001). Однако, рассматривая взаимодействие пользователя с ИИ, сложно ответить на вопрос, каким образом происходит атрибутирование ответственности к ИИ: как к субъекту взаимодействия, либо как к ситуации.

Исследования, направленные на изучение вопроса взаимодействия человека и ИИ, позволяют сделать следующие выводы: приписывание ИИ-агенту когнитивных способностей, в частности интенциональности, повышает вероятность того, что наблюдатели будут рассматривать такого агента в качестве морального субъекта и осуществлять его оценку с данной позиции (Malle, et al., 2025). Влияние ИИ-агента на исход взаимодействия значимо определяет степень приписывания ответственности самому агенту, однако не оказывает существенного влияния на уровень возложения вины на разработчиков (Ayad et al., 2024). Отмечается, что с ростом позитивного отношения к ИИ снижается уровень критики к предъявляемой ИИ информации, при этом наблюдается склонность завышать возможности ИИ (Lee et al., 2025; Садовская, 2024; Грачев, 2024). Наблюдается двойственность в приписывании ответственности: участники могут как обвинять ИИ в собственных инвестиционных ошибках, так и, напротив, брать вину на себя, приписывая системе успешные исходы. В качестве факторов, объясняющих такую амбивалентность, выделяются отношение к ИИ, масштаб понесенных убытков и автономность системы (Yokoi, Nakayachi, 2021; Fildor et al., 2026).

Составление экспериментальных ситуаций, направленных на выявление атрибуции ответственности к ИИ, было основано на разных типах финансового поведения (инвестиционного, потребительского, сберегательного и долгового), выраженных в ситуациях взаимодействия с разными видами ИИ. Были рассмотрены как БЯМ, способные отвечать на вопросы, так и системы поддержки банковских приложений на базе ИИ. Респондентам предлагалось оценить, на кого бы они возложили ответственность или приписали заслугу за тот или

иной исход взаимодействия: ИИ как субъекту, разработчику ИИ, пользователю или обстоятельствам.

Данное исследование проводилось в 2 этапа с интервалом в 2 недели: участникам предъявлялись экспериментальные ситуации с одинаковыми условиями, однако исход ситуации менялся при предъявлении материала на втором этапе (Срезы А1 и Б1). Всего было представлено по 8 ситуаций с разными исходами.

Анализ полученных результатов показал, что при отрицательном исходе взаимодействия ответственность возлагается на пользователя чаще, чем при положительном. Рассматривая по отдельности ситуации, в которых решение было принято при помощи БЯМ и банковского приложения с функцией ИИ, можно сделать вывод, что ответственность также чаще возлагается на пользователя.

Анализ атрибуции ответственности за последствия сберегательных, потребительских и долговых решений не показал различий в распределении ответственности между пользователем, ИИ, производителем ПО, и обстоятельствами. Интересно, что за последствия инвестиционных решений атрибуцию ответственности чаще приписывают обстоятельствам.

Таким образом, рассматривая атрибуцию ответственности к ИИ среди молодых людей, можно сделать следующий вывод: ответственность за последствия принятых решений преимущественно атрибутируется пользователю, особенно в случаях негативного исхода. При этом различия в атрибуции ответственности между ситуациями использования БЯМ и банковских ИИ-систем оказались несущественными.

Литература

1. Грачев И.Д., Ноакк Н.В., Костина Т.А. Амбивалентность социальных представлений об ИИ: психология, статистика, прогнозы // Цифровая экономика. 2024. № 1 (27). 54-61. http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/1165/DE-2024-01-06.pdf (дата обращения: 15.10.2025). <https://doi.org/10.34706/DE-2024-01-06>

2. *Муздыбаев К.* Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладающего поведения // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 5–32.
3. *Садовская Е.Д., Панов К.А.* Динамика структуры социальных представлений об Искусственном Интеллекте в контексте социальных изменений Журнал: Научное мнение. 2024. № 9, с. 91.
4. *Ayad R., Plaks J.* Attributions of Intent and Moral Responsibility to AI Agents. Computers in Human Behavior: Artificial Humans. 2024, 3. 100107. 10.1016/j.chbah.2024.100107.
5. *Fildor D., Škrinjaric B., and Budak J.* Blame and Cost: Understanding Responsibility Attribution and Financial Risk in AI Usage. Journal of Contingencies and Crisis Management. 2026. 34. e70124. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.70124>
6. *Lee H., Sarkar A., Tankelevitch L., Drosos I., Rintel S., Banks R., Wilson N.* The Impact of Generative AI on Critical Thinking: Self-Reported Reductions in Cognitive Effort and Confidence Effects From a Survey of Knowledge Workers // CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '25), April 26–May 01, 2025, Yokohama, Japan. New York, NY, USA: ACM, 2025. P. 1-23. <https://doi.org/10.1145/3706598.3713778>
7. *Malle B.F., Scheutz M., Cusimano C., Voiklis J., Komatsu T., Thapa S., Aladia S.* People's judgments of humans and robots in a classic moral dilemma. Cognition, 2025. 254, 105958. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2025.105958>
8. *Yokoi R, Nakayachi K.* When people are defeated by artificial intelligence in a competition task requiring logical thinking, how do they make causal attribution? Curr Psychol. 2022. Jan 14:1-16. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-02559-w>. Epub ahead of print. PMID: 35043036; PMCID: PMC8758208.

Трансформация ценностных ориентаций семьи в ситуации эмиграции

Кривцова А.С., Чиркова Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

krivcovaas@mgppu.ru, chirkovanatalie@gmail.com

Актуальность исследования обусловлена интенсивностью миграционных процессов, неоднородностью исследований и ключевой ролью семьи как основного ресурса психологической адаптации в новой социокультурной среде. В условиях эмиграции семья сталкивается с необходимостью пересмотра сложившихся ценностных ориентаций, что влечет за собой внутрисемейные трансформации и требует научного осмысления. Под ценностными ориентациями понимают систему установок личности, в которых проявляется ее избирательное отношение к значимым ценностям, и которые выражают общую направленность на достижение определенных жизненных целей (Гриценко, Смотрова, 2008).

Особую значимость представляет изучение российских семей в европейском контексте, учитывая системные различия в ценностных профилях. Сравнительные исследования (Магун, Руднев, 2010) показывают, что для россиян характерен выраженный приоритет ценностей сохранения («безопасность», «традиции», «конформность»), в то время как в западноевропейском обществе выше значимость ценностей открытости изменениям и самостоятельности.

Этот ценностный разрыв на уровне базовых ориентаций находит отражение и в конкретных социальных установках. Данные European Values Study (EVS) демонстрируют, что в Западной и Северной Европе, наряду с признанием важности семьи, сильнее выражены ценности индивидуализма, выше открытость к альтернативным моделям брака и более эгалитарны гендерные роли. В то время как в России и странах Восточной Европы семья чаще воспринимается как фундаментальная, традиционная структура выживания и поддержки, особенно в условиях нестабильности.

Таким образом, эмигрирующая из России семья оказывается между двумя ценностными полюсами: традиционным, с фокусом на

безопасности и стабильности, и более индивидуалистическим, характерным для принимающего общества.

В связи с этим, центральным становится вопрос о том, как именно трансформируется иерархия ценностей семьи под влиянием эмиграционного стресса и новой инокультурной среды. Целью исследования являлось изучение психологических особенностей ценностных ориентаций семей из России в условиях эмиграции. Гипотеза исследования: ценностные ориентации семьи в эмиграции претерпевают специфическую трансформацию, характеризующуюся актуализацией и усилением значимости блока семейных ценностей по сравнению с семьями, проживающими в России.

В эмпирическом исследовании приняли участие 36 русскоязычных респондентов в возрасте 30-50 лет, разделенные на четыре сопоставимые группы: мужчины и женщины, проживающие в России, и мужчины, и женщины, находящиеся в эмиграции в странах Европы (Франция, Германия, Польша, Ирландия, Сербия, Грузия) более одного года. Для диагностики использовалась методика «Ценностные ориентации – 36» В.Н. Куницыной, представляющая собой модификацию опросника Ш. Шварца. Для анализа выделялись блоки «Семейные ценности» и «Индивидуальные ценности». Также применялся модифицированный вариант методики «Неоконченные предложения» (контент-анализ ответа на стимул «Семья – это...»). Для проверки достоверности различий использовался U-критерий Манна-Уитни, качественные данные обрабатывались методом контент-анализа.

Результаты количественного анализа подтвердили основную гипотезу. В сводной группе респонденты в эмиграции продемонстрировали статистически значимо более высокую выраженность семейных ценностей по сравнению с группой, проживающей в России ($U = 8,500$; $p = 0,004$). При этом значимых различий по блоку индивидуальных ценностей выявлено не было ($U = 40,000$; $p = 0,964$). При раздельном анализе по гендерному признаку статистически значимое повышение семейных ценностей было подтверждено для женщин ($U = 11,000$; $p = 0,009$), в то время как у мужчин значимых различий между группами не выявлено ($U = 30,500$; $p = 0,375$). Это позволяет говорить о гендерной специфике исследуемой

трансформации, которая в большей степени затрагивает женщин-эмигрантов.

Качественный анализ ответов на вопрос «Семья – это...» выявил содержательные различия в восприятии. Для респондентов из России более характерно конкретно-бытовое описание семьи через перечисление членов семьи или эмоциональные характеристики. Для эмигрантов свойственно символическое и экзистенциальное определение семьи как «опоры, поддержки и безопасности» (39% против 17% в российской группе) и как «смысла жизни и высшей ценности» (39% против 22%). Используемые ими метафоры («команда против всего мира», «безопасное место», «наш главный проект») подчеркивают защитную, экзистенциальную и объединяющую функцию семьи в условиях новой, неопределенной внешней среды.

Ценностные ориентации семьи в эмиграции действительно претерпевают трансформацию, ключевой особенностью которой является актуализация блока семейных ценностей. Семья начинает восприниматься и функционировать как психологический ресурс, источник безопасности и экзистенциальной опоры, что находит отражение как в количественных показателях, так и в качественном изменении смыслового наполнения этой ценности. Обнаруженная гендерная специфика (большая выраженность изменений у женщин) требует дальнейшего изучения.

Перспективой дальнейших исследований может считаться изучение ценностного единства супругов внутри одной семьи (диадный подход) для анализа внутрисемейной динамики и согласованности в процессе адаптации, а также разработка программ, направленных на укрепление семейной системы как ресурса для успешной интеграции мигрантов, с особым вниманием к потребностям женщин.

Литература

1. *Гриценко В.В., Смотров Т.Н.* Ценностно-нормативные основы интеграции этнических мигрантов в российское общество. Смоленск: Универсум, 2008. 336 с.
2. *Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности россиян в европейском контексте // *Общественные науки и современность*. 2010. № 4. С. 5–17.

3. Family // European Values Study official website [Электронный ресурс] URL: <https://europeanvaluesstudy.eu/about-evs/research-topics/family> (дата обращения: 04.02.2026).

Воспринимаемая безопасность вандализированной городской среды в пожилом возрасте

Кружкова О.В.

*Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия
galiat1@yandex.ru*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
научного фонда (РНФ), проект № 25-18-00900,
<https://rscf.ru/project/25-18-00900/>*

В научном сообществе достаточно активно обсуждаются вопросы субъективной безопасности городской среды для пожилых людей. Это связано с тенденциями старения населения во многих странах, а также недостаточным учетом потребностей пожилых жителей в пространствах современных городов. При этом городские общественные пространства служат ключевыми местами для пожилых людей, где они могут решать разнообразные бытовые задачи, заниматься активным отдыхом и общаться в городской среде (Wu et al., 2025). При исследовании вопросов безопасности пожилых людей в городской среде чаще всего обращается внимание на очевидные риски для жизни и здоровья – транспортную безопасность и безопасность дорожного движения, фактор преступности, качество уборки улиц, доступность и комфортность городской среды. Однако воспринимаемая безопасность, объясняющая причины страхов и предубеждений жителей в отношении среды города, базируется также на субъективном восприятии горожанами эффекта от экологических и социальных факторов (Недосека, Ненько, Лисенков, 2022). Одним с таких факторов является вандализация городского пространства, которое приобретает разнообразные формы (надписи, рисунки на

поверхностях городских объектов, замусоривание, поломки и деформацию объектов инфраструктуры и пр.) и широкую распространенность в современных российских городах. Исследователи отмечают, что вандализм часто ассоциируется в восприятии жителей с криминализацией пространства и риском преступлений. При этом, если для представителей молодежи следы вандальной активности на улицах города воспринимаются как признак свободы самовыражения, то для более старших поколений подобная интерпретация несанкционированного преобразования городского пространства не свойственна.

Целью проведенного исследования стало изучение восприятия вандальных преобразований городской среды пожилыми жителями города, их оценка с позиции воспринимаемой безопасности, а также выявление психологических предикторов данной оценки.

Эмпирический блок исследования проводился в два этапа. На первом этапе была организована фокус-группа (11 участников в возрасте от 60 до 85 лет), в рамках которой обсуждались ситуации, в которых пожилые люди чаще всего сталкиваются в городской среде с признаками вандализма, в индивидуальной и групповой форме проводилась оценка отдельных форм вандального преобразования городского пространства по параметру нарушения субъективного чувства безопасности. В итоге были выявлены наиболее субъективно опасные для пожилых людей варианты вандализма: намеренное повреждение пожарной сигнализации в помещениях, поломка инфраструктуры детских площадок, надписи на стенах с обценной лексикой, сожженные почтовые ящики в подъездах, разбитые фонари, сломанные деревья и лавочки в скверах, разбитые окна, сломанные тренажеры на спортивных площадках, замусоривание пространств (намеренно оставленный бытовой и строительный мусор), то есть преимущественно деструктивно-деформационные формы вандализма. При этом наиболее часто встречаемыми в их повседневной практике являются такие варианты вандализма, как политические лозунги, хулиганские надписи и рисунки на стенах зданий, то есть графические формы вандализма. Наиболее часто потенциально опасные вандальные повреждения городской среды они встречают на улицах (57%), в подъездах домов и дворах (36%). В зеленых городских зонах с признаками вандализма пожилые люди сталкиваются реже всего (7%).

На втором этапе проводилось анкетирование и психологическая диагностика респондентов (60 человек в возрасте от 60 до 74 лет). Методики исследования: авторская анкета по оценке отношения к вандализированной городской среде, «Интегративный тест тревожности», «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (версия ДОПО-3к), «Методика диагностики субъективного благополучия личности». Для оценки роли психологических факторов в субъективной оценке безопасности вандализированной городской среды пожилыми людьми был проведен множественный линейный регрессионный анализ. Полученная регрессионная модель обладает высокими показателями достоверности и объяснительной силы ($F = 10,47$ при $p < 0,001$, $R^2 = 50,3\%$). Прямыми статистически значимыми предикторами повышения суммарной оценки небезопасности всех видов вандализма в городской среде для пожилых людей выступает повышенный показатель Эго-благополучия ($\beta = 0,406$ при $p = 0,002$), рост зависимости от общения ($\beta = 0,482$ при $p < 0,001$), увеличение показателей тревожности – фобического компонента ситуативной тревожности ($\beta = 0,458$ при $p < 0,001$) и эмоционального дискомфорта при личностной тревожности ($\beta = 0,256$ при $p = 0,019$). Обратными статистически значимыми предикторами выступают сниженный показатель гедонистического благополучия ($\beta = -0,304$ при $p = 0,020$) и пониженные показатели астенического компонента личностной тревожности ($\beta = -0,277$ при $p = 0,021$). Таким образом, пожилые люди наиболее чувствительны к неблагоприятным факторам окружающей городской среды, подверженной вандальным преобразованиям, при условии низкой удовлетворенности их базовой потребности в безопасности, повышенной личностной и ситуативной тревожности и потребности в активных социальных контактах, негативному отношению к одиночеству.

Литература

1. Недосека Е.В., Ненько А.Е., Лисенков О.О. Репрезентация воспринимаемой безопасности городской среды в соседских онлайн-сообществах Санкт-Петербурга // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 196–215. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2228>

2. Wu Sh., Wu S., Chen J., Pan Ch. Predicting geriatric environmental safety perception assessment using LightGBM and SHAP framework // Scientific Reports. 2025. № 15. <https://doi.org/10.1038/s41598-025-12541-2>

Связь инфантилизма и детско-родительских отношений в семьях с подростками

Кувшинова Д.В., Крушельницкая О.Б.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

social2003@mail.ru, darya.cuwshinowa@yandex.ru

Взаимодействие с детьми подросткового возраста представляет сложную задачу для их родителей. Подростковый период становления личности требует деликатного и грамотного отношения со стороны значимых взрослых. Родителям необходимо проявить высокий уровень коммуникативной компетентности, готовность к изменению собственного стиля общения от авторитарного к более подходящему для взаимодействия с подростками авторитарно-демократическому, учесть актуальные социальные и возрастные особенности своих детей. Ситуация еще больше усложняется, если не только дети, но и их родители в процессе взаимодействия демонстрируют выраженный уровень психологического инфантилизма (Кувшинова 2023; Социальная психология образования, 2021).

На развитие инфантильности у детей влияет семейное воспитание дисгармоничного типа, которое характеризуется эмоциональным отвержением со стороны родителей, отсутствием поддержки, авторитарным стилем общения, противоречивостью воспитательных мер и другими нарушениями детско-родительских отношений. Такая сформированная в детстве особенность может сохраняться и во взрослых периодах развития личности.

В нашем исследовании приняли участие 84 семьи с детьми-подростками. Выборку составили 168 человек (84 мамы и 84 подростка), из них 46 девочек и 38 мальчиков в возрасте от 12 до 15 лет. Возраст матерей – от 32 до 49 лет ($M = 40 \pm 3,516$). Процедура опроса была организована так, чтобы матери и подростки не находились рядом и не имели возможности ознакомиться с ответами друг друга. Все

подростки – первые (старшие) дети в семье, 46 девочек (54,8%) и 38 мальчиков (45,2%). Все мамы в период проведения опроса не работают, так как находятся в отпуске по уходу за вторым ребенком. При этом 23 мамы (27,3%) имеют среднее образование, 35 (41,7%) – среднее специальное, 26 (31%) – высшее образование. Среди семей 27 (32,1%) неполных (без отца) и 57 (67,9%) полных.

Использовались опросники: «Уровень инфантилизма» (УВИ) А.А. Серегинной, «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса, «Подростки о родителях» (ADOR/ПОР) Е. Шафера в модификации З. Матейчика и П. Ржичана, а также авторская анкета для сбора социально-демографических данных.

Общие показатели инфантилизма у мам и детей оказались практически на одном уровне: 81,95 баллов у мам и 81,01 баллов у их детей.

Недостаток образования у матерей соответствует показателям личностной незрелости как у матерей, так и у их детей в подростковом возрасте: показатели инфантильности у матерей со средним образованием 98,35 баллов и со средним специальным 89,23, что превышает показатели инфантильности их детей, а матери с высшим образованием (57,65 баллов) «не опережают» подростков (74,77 баллов) по пролонгированию детства. Таким образом, можно предположить, что высшее образование родителей и процесс интеллектуального развития в целом способствует более гармоничному развитию личностных качеств, предотвращая проявление инфантильности в детско-родительских взаимоотношениях.

В полных семьях показатель инфантильности как среди матерей (полная семья – 76,18 баллов, неполная – 94,15 баллов), так и у подростков (полная семья – 75,68 баллов, неполная – 92,26 баллов) ниже. Вероятно, это связано с традиционным распределением ролей и с относительно конкретным, стабильным обозначением зоны персональной ответственности детей и взрослых. В неполных семьях внутрисемейное жизнеустройство более лабильно и зависит от разных обстоятельств.

В процессе эмпирического исследования выявлена положительная связь между показателями инфантилизма у подростков и у их матерей. Чем выше показатели инфантилизма у подростков, тем больше у их матерей выражены гиперпротекция, потворствование, протекция

(«расширение сферы родительских чувств»), фобия утраты ребенка (уверенность в повышенной «хрупкости» ребенка) и гипопротекция («неразвитость родительских чувств») (критерий Спирмена, $p < 0,05$).

Чем выше показатели инфантилизма у матерей, тем больше в стиле их воспитания проявляются потворствующая или доминирующая виды протекции, фобия утраты ребенка, гипопротекция. Чем выше инфантилизм у матерей, тем больше подростки отмечают в их родительском поведении директивность, враждебность, непоследовательность, и меньше – позитивный интерес ($p < 0,05$).

Таким образом, проявления инфантилизма у матерей и подростков положительно связаны с показателями дисгармонии, нарушений в стиле родительского воспитания. Также прослеживается связь признаков инфантильности матерей и детей с характером восприятия подростками отношения матерей к ним.

Литература

1. *Кувшинова Д.В.* Особенности проявления инфантилизма в детско-родительских отношениях / Выпускная квалификационная работа. М.: ФГБОУ ВО МГППУ. 2023.
2. Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие / ред. Крушельницкая О.Б., Сачкова М.Е., Шнейдер Л.Б. М.: ИНФРА-М, 2021.

Региональное наставничество молодых специалистов: инструмент профессиональной адаптации и развития

Кудренко Н.Н.

*ГБУ ВО «ЦПППуРД», Воронеж, Россия
kudrenkonata@yandex.ru*

Наставничество – это социально-психологический процесс сопровождения и обучения, направленный на адаптацию молодых специалистов, формирование профессионализма и включение в организационную культуру. Оно обеспечивает комфортное вхождение в коллектив, снижает текучесть кадров и способствует росту

профессионального мастерства, преодолевая трудности начального периода.

Наставничество, применительно к проблеме адаптации молодых специалистов, рассматривается в разных исследованиях и как сопровождение, и как универсальная технология, и как форма организованного обучения и др. Например, Е.В. Аржаных, А.А. Марголис и М.Р. Хуснутдинова определяют наставничество как «форму организованного систематического обучения на рабочем месте, осуществляемого путем сотрудничества начинающего педагога с опытным специалистом, в ходе которого оказывается поддержка в виде обратной связи, создания комфортной среды для обучения и формирования практических профессиональных навыков» (Аржаных, Марголис, Хуснутдинова, 2019).

В статье описывается опыт регионального сопровождения молодых специалистов: педагогов-психологов Воронежской области. Проблематика, которую решает программа регионального наставничества «Школа молодого специалиста: педагог-психолог», тесно взаимосвязана с ключевыми стратегическими документами социально-экономического развития Российской Федерации. В обществе сформирован запрос на получение участниками образовательных отношений (обучающиеся, педагоги, родители) качественной и доступной психолого-педагогической помощи, востребованность которой возросла в условиях современных социальных трансформаций, вызовов и угроз.

Социальная значимость реализации программы: сохранение ценного кадрового ресурса, повышение эффективности образовательного процесса и улучшение социально-психологического климата в образовательных организациях.

С сентября 2024 года на базе ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» г.о.г. Воронеж реализуется цикл «Школа молодого специалиста: педагог-психолог» в рамках Комплексного плана «дорожной карты» по созданию и функционированию региональной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров Воронежской области до 2024 года (утв. Приказом ВИРО им. Н.Ф. Бунакова № 01-07/478 от 27.06.2023 г.) в части организационно

методического сопровождения деятельности педагогов-психологов ОО.

«Школа молодого специалиста: педагог – психолог» – это линейная модульная программа работы с профессиональными дефицитами в области знаний, умений и навыков педагогов-психологов, в ходе которой оказывается теоретическая и практическая помощь педагогам по вопросам саморазвития и организации психолого-педагогического сопровождения всех субъектов образовательной деятельности.

Социальная значимость реализации программы: сохранение ценного кадрового ресурса, повышение эффективности образовательного процесса и улучшение социально-психологического климата в образовательных организациях.

Основные принципы программного обеспечения

1.Комплексность подхода. Программа предлагает молодым специалистам не только теоретические знания посредством вебинаров, но также практические инструменты развития профессиональных компетенций через проведение групповых мероприятий (тренингов, мастер-классов, форсайт-сессий) и индивидуальных консультаций с молодыми специалистами.

2.Индивидуализация процесса подготовки позволяет учитывать личные особенности каждого участника – молодого специалиста – сильные стороны, зоны роста, предпочтения в работе и стиле общения.

3.Развитие междисциплинарных навыков

Участники получают возможность развивать компетенции сразу в разных направлениях психологии образования.

4. Практикоориентированность на развитие профессиональных компетенций педагога – психолога.

Методические продукты программы: мотивационная игра «Я хочу: уметь, знать, понимать», игра по профилактике профессионального выгорания «Я в ресурсе».

По результатам анкет обратной связи после проведенных мероприятий, более 80% молодые специалисты отмечают эффективность реализации программы.

Таким образом, региональное наставничество оказывает содействие профессиональной адаптации и развитию молодых специалистов.

Литература

1. *Безвиконная Е.В.* Технология наставничества в адаптации молодых специалистов образовательной организации / Е.В. Безвиконная, А.В. Богдашин, А.А. Морозов // *Лидерство и менеджмент*. 2022. Т. 9, № 4. С. 1189-1204.
2. *Богданова О.В.* Современные практики наставничества: от создания условий для адаптации молодого специалиста до формирования профессиональных компетенций педагога // *Красноярское образование: вектор развития*. 2021. № 1 (4). С. 100-101.
3. *Бухарина А.Ю.* Индивидуальные планы развития в технологии и практике наставничества в организациях // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9, № 1.
4. *Журин В.С., Султанов М.У.* Наставничество как эффективная форма помощи молодым специалистам // *Методология развития наставнической деятельности на региональном уровне: материалы всероссийского методологического семинара*. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2024. С. 56-61.
5. *Марголис А.А., Аржаных Е.В., и Хуснутдинова М.Р.* 2019. Институционализация наставничества как ресурс профессионального развития российских педагогов. Вопросы образования / *Educational Studies Moscow*, вып. 4 (декабрь), 133-59.
7. *Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Полякова М.К., Харитонова Т.С.* Понимание наставничества современной молодежью на начальном этапе профессионального обучения // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2020. Т. 26, № 1. С. 85–91.

Эмоциональный интеллект и агрессивность у младших подростков

Куликов И.С., Воронкова И.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kivan9456@gmail.com

В начале подросткового возраста заметно возрастает значимость общения со сверстниками, а эмоциональные реакции часто опережают их осмысление и произвольный контроль. В этот период для подростка особенно чувствительными становятся ситуации оценки, исключения из группы, насмешки, переживания несправедливости и нарушения границ, что повышает риск импульсивных и конфликтных форм реагирования (Кочетова, 2021, с. 47–48, 53).

Актуальность исследования определяется тем, что агрессивность младших подростков в школьной среде нередко оказывается связанной не только с дисциплинарными трудностями, но и с дефицитами эмоционального распознавания, саморегуляции и межличностного понимания. В обзоре Ю.А. Кочетовой и М.В. Климаковой показано, что эмоциональный интеллект связан с различными формами агрессии, гнева и враждебности, а анализ этих взаимосвязей необходим для разработки более эффективных профилактических программ (Кочетова, Климакова, 2019, с. 29–30). Систематический обзор и метаанализ А. Vega и соавт. также подтверждает, что эмоциональный интеллект может рассматриваться как защитный фактор по отношению к агрессивному поведению в подростковом возрасте (Vega et al., 2022, p. 1173).

Теоретической основой работы выступает понимание эмоционального интеллекта как системы способностей к восприятию, пониманию, использованию и регуляции эмоций, связанных с организацией мышления и поведения (Mayer, Salovey, Caruso, 2004, p. 197). В прикладном плане существенна и линия исследований, рассматривающих эмоциональный интеллект как совокупность развиваемых эмоциональных компетенций, влияющих на самосознание, самоконтроль, эмпатию и качество взаимодействия с другими людьми (Goleman, 1995). Отечественные исследования также показывают связь эмоционального интеллекта с особенностями

межличностного взаимодействия, что особенно значимо для школьного возраста, где риск агрессивных реакций разворачивается в системе отношений со сверстниками (Кочетова, Климакова, 2021, с. 98). Такое сочетание позволяет рассматривать развитие эмоционального интеллекта не как абстрактное «обучение эмоциям», а как формирование конкретных психологических средств профилактики агрессивных реакций.

Цель представляемой работы состоит в теоретическом обосновании и описании программы развития эмоционального интеллекта у младших подростков как средства снижения агрессивности. Основанием для разработки программы являются три положения. Во-первых, в начале подростничества повышается роль эмоционально насыщенных межличностных ситуаций и одновременно сохраняется недостаточная устойчивость саморегуляции. Во-вторых, исследования показывают, что более высокий эмоциональный интеллект связан с меньшей выраженностью агрессивных проявлений. В-третьих, специально организованные школьные программы, направленные на развитие социально-эмоциональных навыков, демонстрируют положительные изменения в эмоциональной компетентности учащихся. В частности, программа RULER, реализованная у учеников 5–6 классов, показала улучшение социально-эмоциональной компетентности по оценкам педагогов (Brackett et al., 2012, p. 218).

Разработанная программа «Эмоции без агрессии» рассчитана на 16 занятий продолжительностью 45–50 минут, проводимых два раза в неделю в малых подгруппах по 3–4 человека. Такое построение позволяет сочетать безопасность обсуждения личного опыта с интенсивной практической отработкой навыков. Содержание программы организовано в четыре последовательно связанных модуля. Первый модуль направлен на развитие эмоциональной осознанности: расширение словаря эмоций, различение близких переживаний и замечание телесных сигналов напряжения. Второй модуль посвящен пониманию связи между ситуацией, ее интерпретацией, эмоцией, телесной реакцией и поведением, а также освоению навыков паузы, снижения накала и безопасного обращения со злостью. Третий модуль включает развитие эмпатии, активного слушания, «Я-сообщений», умения обозначать границы и отказывать без агрессии. Четвертый модуль ориентирован на конструктивное поведение в конфликте,

проверку враждебных интерпретаций, противодействие давлению группы и перенос навыков в реальные школьные ситуации.

Тем самым программа опирается не на общий тренинг общения, а на четко определенные психологические мишени, связанные с агрессивностью младших подростков: низкую точность распознавания эмоций, трудности самоконтроля, склонность к враждебной интерпретации действий другого, недостаточность эмпатии и ограниченность репертуара неагрессивных способов реагирования. В содержательном плане это реализуется через упражнения на расширение словаря эмоций и распознавание телесных сигналов напряжения, освоение схемы «ситуация – интерпретация – эмоция – поведение», тренировку паузы, безопасного выражения злости, «Я-сообщений», обозначения границ и конструктивного решения конфликта. Именно такая логика построения согласуется с данными о том, что интервенции в области эмоционального интеллекта способны снижать агрессию и одновременно усиливать эмпатию у подростков (Castillo et al., 2013, р. 883). В проектируемом исследовании эффективность программы предполагается оценивать по динамике показателей эмоционального интеллекта и агрессивности до и после формирующего воздействия.

Практическая значимость работы заключается в том, что программа может быть использована в деятельности педагога-психолога общеобразовательной школы как краткосрочный формат психологической профилактики для обучающихся 5–6 классов. Научная новизна связана с конкретизацией содержательных мишеней развития эмоционального интеллекта применительно к младшему подростковому возрасту и их последовательным объединением в школьной программе, ориентированной на снижение агрессивных реакций в повседневном взаимодействии со сверстниками и взрослыми.

Литература

1. Кочетова Ю.А. Эмоциональный интеллект старших подростков: монография. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. 104 с.
2. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Эмоциональный интеллект и агрессия в зарубежных исследованиях // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 29–36. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080303>.

3. *Кочетова Ю.А., Климакова М.В.* Эмоциональный интеллект и типы межличностных отношений у молодых людей с различными социометрическими статусами // Психолого-педагогические исследования. 2021. Т. 13. № 3. С. 98–117. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130307>.
4. *Brackett M.A., Rivers S.E., Reyes M.R., Salovey P.* Enhancing Academic Performance and Social and Emotional Competence With the RULER Feeling Words Curriculum // *Learning and Individual Differences*. 2012. Vol. 22. No. 2. P. 218–224. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2010.10.002>.
5. *Castillo R., Salguero J.M., Fernandez-Berrocal P., Balluerka N.* Effects of an emotional intelligence intervention on aggression and empathy among adolescents // *Journal of Adolescence*. 2013. Vol. 36. No. 5. P. 883–892. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2013.07.001>
6. *Goleman D.* Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. New York: Bantam Books, 1995. 352 p.
7. *Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* Emotional Intelligence: Theory, Findings, and Implications // *Psychological Inquiry*. 2004. Vol. 15. No. 3. P. 197–215.
8. *Vega A., Cabello R., Megias-Robles A., Gomez-Leal R., Fernandez-Berrocal P.* Emotional Intelligence and Aggressive Behaviors in Adolescents: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2022. Vol. 23. No. 4. P. 1173–1183. <https://doi.org/10.1177/1524838021991296>

**Взаимосвязь учебной мотивации и профессионального
самоопределения подростков с разным образовательным
маршрутом**

Кунашева А.А., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ivanovayaca@gmail.com, [nnvt@list.ru](mailto:nnavt@list.ru)

В подростковом возрасте выбор дальнейшего образовательного маршрута становится одной из центральных задач развития личности. После окончания 9 класса школьник принимает решение о выборе будущей образовательной траектории: продолжении обучения в 10–11

классах или поступлении в колледж, и этот выбор связан не только с внешними обстоятельствами, но и с особенностями учебной мотивации, ценностных ориентаций и представлений о профессиональном будущем. Профессиональное самоопределение в этом возрасте выступает как динамический процесс согласования интересов, возможностей и социальных требований, а учебная мотивация задает внутренние основания для такого выбора (Маркова, 1983; Семенова, 2015).

Цель нашего исследования состояла в выявлении взаимосвязи учебной мотивации и профессионального самоопределения подростков с разным образовательным маршрутом. В исследовании приняли участие 70 обучающихся 9-х классов, из них 34 юноши и 36 девушек. Были выделены две равные группы: подростки, планирующие продолжить обучение в 10–11 классах ($n = 35$), и подростки, ориентированные на поступление в колледж ($n = 35$).

В исследовании использовались следующие методики: опросник «Профессиональные установки подростков» И.М. Кондакова в модификации А.Д. Андреевой, А.Г. Лисичкиной, Л.А. Бегуновой (2025); методика диагностики тенденции к саморазвитию А.М. Прихожан; методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы А.М. Прихожан (Прихожан, 2007); методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича (Rokeach, 1973). Для обработки данных применялись U -критерий Манна–Уитни и корреляционный анализ Спирмена.

Установлено, что подростки, ориентированные на продолжение обучения в школе, характеризуются более высокой готовностью к саморазвитию (100,71 против 95,00; $p = 0,046$), более выраженной познавательной активностью (25,77 против 22,91; $p = 0,002$) и более высоким уровнем тревожности (23,03 против 20,40; $p = 0,022$). Одновременно у подростков, планирующих поступление в колледж, выявлены более высокая уверенность в будущем профессиональном выборе (61,63 против 55,46; $p = 0,009$) и меньшая нерешительность в выборе профессии (15,54 против 17,66; $p = 0,013$). Эти данные позволяют говорить о различиях в мотивационно-смысловой структуре выбора: академический маршрут в большей степени связан с познавательной направленностью и установкой на саморазвитие, тогда

как выбор колледжа – с большей определенностью профессиональных намерений.

Сравнительный анализ ценностных ориентаций показал, что для подростков, планирующих продолжить обучение в школе, более значимы ценности «Познание» и «Развитие», тогда как для ориентированных на колледж приоритетной выступает ценность «Интересная работа». Это позволяет предположить, что у первой группы выбор будущего строится преимущественно вокруг академических и личностно-развивающих оснований, а у второй – вокруг практической профессионализации и более раннего включения в трудовую перспективу.

Корреляционный анализ выявил, что в группе подростков, ориентированных на колледж, более высокая познавательная активность связана с меньшей уверенностью в будущем выборе профессии ($r = -0,538$; $p < 0,01$) и большей нерешительностью ($r = 0,358$; $p < 0,05$). Вероятно, расширение познавательного интереса и круга возможных альтернатив затрудняет окончательное решение и усиливает внутреннюю неоднозначность профессионального выбора. Полученный результат показывает, что высокая учебная активность не всегда сопровождается большей определенностью; в ряде случаев она, напротив, усиливает рефлексию и проблематизацию будущего.

Таким образом, учебная мотивация выступает значимым психологическим фактором профессионального самоопределения подростков. Обучающиеся, выбирающие академический маршрут, в большей степени ориентированы на познание и саморазвитие, тогда как подростки, планирующие поступление в колледж, демонстрируют более выраженную определенность профессиональных намерений. Полученные результаты могут быть использованы в практике психолого-педагогического сопровождения девятиклассников в ситуации выбора дальнейшего образовательного маршрута.

Литература

1. Андреева А.Д., Лисичкина А.Г., Бегунова Л.А. Диагностика профессиональных установок современных учащихся юношеского возраста // Психолого-педагогические исследования. 2025. Т. 17. № 1. С. 113–130.

2. *Божович Л.И.* Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благоннадежиной. М.: Педагогика, 1972. С. 7–44.
3. *Маркова А.К.* Формирование мотивации учения в школьном возрасте. М.: Просвещение, 1983. 96 с.
4. *Прихожан А.М.* Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.: АНО «ПЭБ», 2007. 56 с.
5. *Семенова Т.В.* Теоретико-методологические подходы к изучению учебной мотивации: комплексный взгляд // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 185–194.
6. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973.

К вопросу о привязанности к матери и эмпатии у студенческой молодежи

Лаврушова Я.Д., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
lavryshovayana@gmail.com, elen.litvinova@ya.ru

Проблема привязанности в настоящий момент остается актуальной в силу разнообразия влияния на множество аспектов жизни человека, и сфера ее изучения вышла далеко за пределы детско-родительских отношений. Основу методологической базы по проблеме привязанности составляет концепция Дж. Боулби и М. Эйнсворт, объясняющая существование 4 типов привязанности разницей в ведущей внутренней рабочей модели, формирование которой происходит у младенца в результате вариативности взаимодействия с матерью и, как следствие, разного качества эмоциональной связи с ней (Bowlby, 1969; Ainsworth, 1971). В зарубежной психологии исследования привязанности ведутся по разным направлениям: классическое, посвященное развитию и формированию привязанности в детском возрасте: М. Main, J. Solomon, R. Duschinsky, J. Cassidy, E.

Hesse; кросс-культурное: M. van Ijzendoorn, P.M. Kroonenberg, K. Grossmann; нейрофизиологическое, исследующее влияние гормонов и работы мозга на формирование привязанности: N.C. Kreger, M.H. Klaus, H. Wolfe; а также социально-персональное, в рамках которого концепция привязанности расширяется и охватывает период взрослости, и исследуется влияние разных паттернов привязанности на взаимодействие в дружбе и любви: R.C. Fraley, C. Hazan, P. Shaver.

В отечественной психологии проблема привязанности впервые встречается в рамках обсуждения генезиса общения, но затем интегрируется в систему представлений о детско-родительских отношениях и приобретает концептуальную самостоятельность. Современные направления изучения: классические исследования привязанности ребенка к матери: Г.В. Бурменская, Е.О. Смирнова, Н.Н. Авдеева; связь с психопатологией: А.Б. Холмогорова, Е.В. Куфтяк (Козлов, 2025); развитие в условиях цифровизации: С.Т. Губина, Е.Н. Кончаковская (Бойкина, 2019); репрезентация привязанности во взрослом возрасте: М.В. Яремчук, Н.В. Сабельникова, Д.В. Каширский, и романтических отношениях: Т.В. Казанцева, Л.И. Теплова.

Подчеркивается, что на качество привязанности ребенка, в частности, влияет материнская сензитивность, возникающая благодаря зеркальным нейронам, функцией которых в том числе является обеспечение способности к эмпатии (Rizzolatti, 2004). Матери с высоким уровнем эмпатии более чутко реагируют на сигналы ребенка, обеспечивая надежное качество привязанности (Авдеева, 2017).

Несмотря на многочисленные исследования, по проблеме эмпатии нет единого подхода. В зарубежной психологии авторами эмпатия чаще понимается как: 1) понимание чувств другого; 2) вчувствование в событие или окружение; 3) аффективная связь с другими и разделение их состояния; 4) личностное свойство психотерапевта (Гаврилова, 1975). В структуре эмпатии А.П. Сопиков и В.И. Долгова выделяют три уровня: когнитивный (интеллектуальный процесс, обеспечивающий рациональное понимание сигналов другого), аффективный (понимание чувств другого и следующее за этим сочувствие и сопереживание) и действенный/моторный (идентификация с другим, направление диалога в сторону раскрытия внутреннего мира собеседника). Действенный компонент встречается реже других, часто эмпатийный процесс завершается на этапе сочувствия другому. Эмпатию также

исследуют в контексте профессионального выгорания: А.А. Федорова, Т.Д. Карягина; когнитивно-нейробиологического направления: В.В; Апанович, В.В. Косоногов, М.Ю. Ермолова; и онтогенеза: Е.Н. Клименкова, М.С. Сошенко.

Перспективными представляются исследования привязанности и эмпатии у студенческой молодежи (юношество), поскольку в этот возрастной период происходит окончательное формирование основы идентичности, и перед бывшими подростками встает серьезная задача: социализироваться в новом окружении и адаптироваться к новой учебной среде и требованиям взрослого мира (Сенкевич, 2013). Юноши и девушки сталкиваются с необходимостью сепарации от родителей и выстраиванием новых близких связей, а привязанность, в зависимости от ее качества, в этом отношении способна дать человеку устойчивость и адаптивность, и эмпатия выступает как инструмент социального познания, позволяющий облегчить процесс коммуникации. Сочетание надежного типа привязанности и высокого уровня эмпатии способно обеспечить наиболее благоприятное протекание этого периода.

Для проверки связи привязанности и эмпатии у студенческой молодежи было проведено исследование, объектом которого выступила привязанность к матери, а предметом – связь типа актуальной привязанности к матери и особенностей эмпатии у студенческой молодежи. Было выдвинуто предположение о том, что при надежной привязанности уровень эмпатии выше, чем при ненадежной. Выборку составили 133 человека, среди них 52 мужчины и 81 женщина в возрасте от 18 до 23 лет. Были использованы методики: опросник для диагностики типа привязанности к матери (Т.В. Капустина, Р.В. Кадыров); опросник когнитивной и аффективной эмпатии, ЭКА (в адаптации А.И. Белоусовой и М.Р. Гейвандовой); методика диагностики уровня эмпатических способностей (В.В. Бойко).

Исследование показало статистически значимые различия между общим уровнем эмпатии в группе с надежной привязанностью (*медиана* = 30) по сравнению с группами с ненадежной привязанностью (с амбивалентной: *медиана* = 25, $U_{кр} = 486$, $p < 0,001$; с избегающей: *медиана* = 18,5, $U_{кр} = 149$, $p < 0,001$; с дезорганизованной: *медиана* = 23, $U_{кр} = 211$, $p < 0,001$). Надежному типу привязанности присущ высокий общий уровень эмпатии.

Также между группами с надежной (по когнитивной эмпатии *медиана* = 65; по аффективной эмпатии *медиана* = 42) и ненадежной привязанностью было выявлено различие в выраженности когнитивной (с амбивалентной: *медиана* = 53, *Ukr* = 259, $p < 0,001$; с избегающей: *медиана* = 43,5, *Ukr* = 16, $p < 0,001$; с дезорганизованной: *медиана* = 54, *Ukr* = 114, $p < 0,001$) и аффективной эмпатии (с амбивалентной: *медиана* = 37, *Ukr* = 477, $p < 0,001$; с избегающей: *медиана* = 28, *Ukr* = 199, $p < 0,001$; с дезорганизованной: *медиана* = 36, *Ukr* = 219, $p < 0,001$).

Таким образом подтверждается гипотеза о том, что при надежной привязанности уровень эмпатии выше, чем при ненадежной. Мы объясняем это различие тем, что при надежной привязанности люди видели от матери больше эмпатического отклика и получали больше взаимодействия с ней, что сделало их более открытыми и чуткими к окружающим, и сформировало более высокий уровень эмпатии, чем у детей с ненадежным типом привязанности.

Литература

1. *Авдеева Н.Н.* Теория привязанности: современные исследования и перспективы // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 7–14.
2. *Бойкина Е.Э.* Феномен привязанности в эпоху цифровизации: теоретический обзор // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Том 27. № 3
3. *Гаврилова Т.П.* Понятие эмпатии в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 147–158.
4. *Козлов М.Ю.* Теория привязанности и физическое благополучие. Национальный психологический журнал. 2025. Том 20. №3. С.125–135.
5. *Сенкевич Л.В.* Психологические особенности, социально-психологические закономерности и специфика развития личности в юношеском возрасте / Л.В. Сенкевич, Д.А. Донцов // Российский научный журнал. 2013. № 1(32). С. 198-206.
6. *Ainsworth M.D.S., Bell S.M., Stayton D.J.* Individual differences in strange-situation behaviour of one-year-olds. In Shaffer H.R. (Ed.), The origins of human social relations. London & New York: AcademicPress. 1971.

7. Bowlby J. Attachment. Attachment and loss: Vol. 1. Loss. New York: Basic Books. 1969.
8. Rizzolatti G., Craighero L., Fadiga L. The mirror system in humans // Mirror neurons and the evolution of brain and language / Eds. M. Stamneov, V. Gallese. Amsterdam: John Benjamins. 2004. P. 37–59.

**Психологическая коррекция ограничивающих убеждений
матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста**

Лапишина К.А., Щербакова А.М.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

ksu-la@yandex.ru, scherbakovaam@mgppu.ru

Исследования, посвященные разработке и научному обоснованию модели психологической коррекции ограничивающих убеждений матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста, обусловлены комплексом социально-психологических и научно-практических факторов, определяющих его высокую значимость для современной психологической науки и системы поддержки семьи.

Социально-культурная значимость исследования опосредована глубинной трансформацией роли матери в ответ на вызовы современного общества. На сегодняшний день родительская функция подвергается давлению, формируемому комплексом факторов: гипертрофированными социальными ожиданиями, пропагандой в цифровом пространстве образа «идеальной матери», а также жесткими критериями образовательных институтов, которые практически приравнивают качество материнства к школьным успехам ребенка. Эта совокупность требований создает для матери устойчивую среду фонового дистресса, которая способствует формированию у нее жестких, дисфункциональных установок. Подобные когнитивные паттерны оказывают двоякое деструктивное воздействие: они напрямую подрывают психоэмоциональное состояние самой женщины и одновременно выступают катализатором конфликтности в системе

взаимоотношений «родитель – ребенок» (Варга, 2017; Филиппова, 2026).

Научная значимость данного исследования определяется наличием пробела в теоретическом осмыслении психологии родительства. Особое значение этот дефицит приобретает при анализе кризисного этапа, связанного с кардинальной сменой социального статуса ребенка, что требует пересмотра устоявшихся моделей материнского поведения и перестройки детско-родительских отношений (Выготский, 2023; Эльконин, 2020).

Несмотря на значительный объем работ, посвященных родительским установкам А.Я. Варги, Р.В. Овчаровой, Г.Г. Филипповой, и кризису семи лет Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, феномен ограничивающих убеждений матерей младших школьников как системного когнитивно-аффективного образования изучен недостаточно. Требуют уточнения его структурно-содержательные характеристики, специфические механизмы влияния на учебную мотивацию и эмоциональное состояние ребенка, а также закономерности взаимосвязи с типом детско-родительского взаимодействия.

Целью данного исследования является разработка и апробация цикла психокоррекционных занятий коррекции ограничивающих убеждений матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста методами арт-терапии.

Гипотеза исследования представлена следующим предположением: психокоррекционные занятия методами арт-терапии, содействует снижению количества ограничивающих убеждений матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста.

Исследование проводилось в детском центре Музеев Московского Кремля. Выборку составили 40 матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста, проживающих в г. Москве и Московской области.

В качестве диагностического инструментария были использованы: опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е.С. Шефер и Р.К. Белл, в адаптации Т.В. Неццерет; Шкала предписаний П. Дрего в адаптации Н.Ю. Кравчук, Н.О. Олейник. В работе использовался непараметрический критерий для сравнения связанных

выборок – критерий Т Вилкоксона. Статистическая обработка результатов была проведена в программе IBM SPSS Statistics 23.

Сравнительный анализ показателей родительских предписаний матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста, на констатирующем и контрольном этапах исследования выявил достоверные сдвиги показателей матерей (таблица 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ показателей родительских предписаний матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста, на констатирующем и контрольном этапах исследования

Предписания	Сдвиги			Среднее значение		z	p
	отриц.	полож.	без изм.	до	после		
Не будь собой	6	0	31	18,460	17,568	-2,207	0,027*
Не взрослей	7	0	30	18,946	17,946	-2,375	0,018*
Не будь ребенком	20	0	17	25,973	21,649	-3,931	0,000**
Не будь важным	20	0	17	26,000	21,460	-3,923	0,000**
Не добивайся успеха	18	0	19	25,054	21,378	-3,735	0,000**
Не сближайся	8	0	29	20,811	19,514	-2,552	0,011*
Не будь здоровым	6	0	31	18,000	17,297	-2,226	0,026*
Не думай	6	1	30	18,135	22,243	-1,194	0,233
Не чувствуй	8	0	29	20,081	19,054	-2,527	0,012*
Не принадлежи	9	0	28	18,622	17,595	-2,687	0,007**
Не делай	8	0	29	21,135	19,568	-2,527	0,012*

Примечание: ** – сдвиг значим на уровне $p \leq 0,01$; * – сдвиг значим на уровне $p \leq 0,05$.

На основании полученных результатов можно констатировать, что: психокоррекционные занятия методами арт-терапии, содействует снижению количества ограничивающих убеждений матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста.

Превалирующее большинство матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста, отрицают значение собственного влияния на своих детей. Демократичность по отношению к своим детям характерна для большинства матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста. Склонность к авторитарному стилю воспитания, как правило, опосредует у матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста чувство общего неблагополучия, обременительности и раздражительности.

На первом месте по частоте доминирования у большинства матерей, воспитывающих детей младшего дошкольного возраста, находится

предписание «Не будь важным», на втором – «Не будь ребенком», на третьем – «Не добивайся успеха». У трети матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста, такими предписаниями являются: «Не добивайся успеха», «Не существуй», «Не чувствуй», «Не взрослей» и «Не будь в здравом уме».

Результаты повторного обследования свидетельствуют о снижении уровня выраженности показателей:

- «Предоставление ребенку возможности высказаться», «Товарищеские отношения между родителями и детьми», «Равенство родителей и ребенка», «Мученичество родителей», «Супружеские конфликты» и «Необходимость посторонней помощи в воспитании ребенка»;

- «Не будь собой», «Не взрослей», «Не будь ребенком», «Не будь важным», «Не добивайся успеха», «Не сближайся», «Не будь здоровым», «Не чувствуй», «Не принадлежи» и «Не делай».

Психокоррекционные занятия коррекции ограничивающих убеждений матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста, методами арт-терапии содействует снижению количества ограничивающих убеждений матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста.

Литература

1. *Варга А.Я.* Введение в системную семейную психотерапию. Изд-во: Когито–Центр, 2017.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. М.: ЁЁ Медиа, 2023.
3. *Овчарова Р.В.* Практическая психология образования: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025.
4. *Филиппова Г.Г.* Психология материнства: учебник для вузов / 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026.
5. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 2020.

Целенаправленное взаимодействие как механизм формирования субъектности в онтогенезе

Лебедева А.В.

ИМЭС. Москва, Россия

Корнеева М.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

alina-misal@mail.ru, m.korneeva2014@gmail.com

Целенаправленное взаимодействие ребенка с миром (сначала с собственным телом, затем с предметами и людьми) выступает ключевым механизмом кристаллизации этого опыта в устойчивый образ «Я». У детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) и интеллектуальной недостаточностью (УО) этот процесс нарушен. Атипичное развитие соматогнозиса (схемы тела) препятствует формированию целостного самовосприятия, что проявляется в моторной неловкости, страхах и трудностях социального взаимодействия, агрессии (Marshall, 2020; Виноградова, 2022).

Теоретический анализ показывает, что структура образа тела включает когнитивный, аффективный и регуляторный компоненты (Абрамова, Чернов, 2022). Дефициты на уровне схемы тела ведут к фрагментации образа себя и тормозят развитие субъектности. Преодоление этих дефицитов требует создания особых условий, где целенаправленное взаимодействие (специально организованное педагогом) позволяет ребенку накопить позитивный телесный и социальный опыт. Метод социальных историй К. Грей выступает нарративным инструментом, который фиксирует этот опыт, переводя его на уровень самосознания (Gray, Garand, 1993).

В исследовании приняли участие 12 детей (7 мальчиков, 5 девочек) в возрасте 9–15 лет с сочетанным диагнозом (РАС + умственная отсталость). Целью исследования стала проверка эффективности интегративного подхода, объединяющего телесно-ориентированные упражнения и персонализированные социальные истории.

На констатирующем этапе проведена диагностика исходного уровня развития соматогнозиса и образа «Я» (проба Хэда, проба «Рисунок человека», структурированное наблюдение за поведением в режимных моментах). На формирующем этапе (продолжительность – 8

недель) с детьми проводились ежедневные 10-минутные упражнения на развитие соматогнозиса (локализация частей тела с закрытыми глазами, игры на пространственную ориентацию «Клубочки», «Дорожки», рисование себя на большом листе бумаги). Также проводилось еженедельное чтение и разыгрывание индивидуальных социальных историй (по 2 истории на ребенка), направленных на интеграцию телесного опыта в социальные ситуации. Истории составлялись по методике К. Грей с акцентом на описательные предложения и фиксацию телесных ощущений. На контрольном этапе проведена повторная диагностика по тем же методикам. Для проверки взаимосвязи между развитием соматогнозиса и становлением субъектности применялся корреляционный анализ г-Спирмена.

Результаты контрольного этапа показали положительную динамику. У 8 детей (67%) улучшились показатели по пробе Хэда: они точнее стали показывать части тела по словесной инструкции и в игровых ситуациях. В рисунках появилось больше деталей (пальцы, шея, элементы одежды) у 7 детей (58%), фигура человека стала более пропорциональной. По данным наблюдения, у 6 детей (50%) снизилось количество проявлений тревожности и агрессии в столовой и раздевалке; они стали чаще проявлять инициативу в простых действиях (самостоятельно взять ложку, найти свое полотенце), что интерпретируется как рост элементов субъектности.

Для проверки предположения о взаимосвязи между развитием соматогнозиса и становлением субъектности был проведен корреляционный анализ (r -Спирмена) динамики показателей каждого ребенка. Выявлены статистически значимые связи: между улучшением результатов пробы Хэда и ростом поведенческих проявлений субъектности ($r = 0,71$; $p < 0,01$); между детализацией «Рисунка человека» и ростом субъектности ($r = 0,59$; $p < 0,05$); между результатами пробы Хэда и «Рисунком человека» ($r = 0,65$; $p < 0,05$), что подтверждает внутреннюю согласованность диагностических методик.

Полученные данные подтверждают теоретическую модель о том, что целенаправленное взаимодействие, проходящее этапы «тело – действие – слово», является критическим механизмом формирования субъектности. Выявленная динамика согласуется с исследованиями П. Маршалла о роли телесных карт в развитии самосознания (Marshall,

2020) и работами Д.А. Виноградовой о значении схемы тела для детей с интеллектуальными нарушениями (Виноградова, 2022). Метод социальных историй, изначально разработанный для коррекции поведения (Gray, Garand, 1993), в данном исследовании продемонстрировал дополнительный эффект: фиксация телесных ощущений в нарративной форме способствует интеграции соматического опыта в структуру самосознания.

Качественный анализ подтвердил, что сочетание «телесного» и «нарративного» компонентов позволяет ребенку не только освоить схему тела, но и эмоционально принять этот опыт, начиная воспринимать себя как активного участника событий. Приведенные примеры показывают, как через описание простых телесных действий (встать на носочки, наклониться, почувствовать ткань) и их социального контекста у детей формируется позитивный образ «Я». Наибольшая динамика отмечена у детей, чьи социальные истории содержали максимальное количество описаний их собственных успешных действий и телесных ощущений. Корреляционный анализ подтвердил статистическую значимость выявленных изменений: улучшение показателей соматогнозиса тесно связано с ростом поведенческих проявлений субъектности ($r = 0,71$; $p < 0,01$), что обосновывает эффективность предложенной интегративной модели.

Интегративная модель развития образа себя у детей с РАС и УО, включающая этапы развития соматогнозиса, пространственной ориентации и нарративной фиксации опыта через социальные истории, демонстрирует свою эффективность в условиях коррекционной школы. Практическая значимость работы заключается в возможности использования апробированного комплекса упражнений и социальных историй для повышения уровня самосознания и самостоятельности у детей с сочетанными нарушениями развития. Дальнейшие исследования предполагают расширение выборки и введение контрольной группы для статистической верификации результатов.

Литература

1. *Абрамова Э.А., Чернов Д.Н.* Особенности схемы тела и телесного образа у детей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата // МНИЖ. 2022. № 12 (126). С. 1-5.

2. *Виноградова Д.А.* Исследование представлений о схеме тела у детей старшего дошкольного возраста с нарушениями интеллекта // CETERIS PARIBUS. 2022. № 3. С. 7-11.
3. *Gray C., Garand J.* Social Stories: Improving Responses of Students with Autism with Accurate Social Information // Focus on Autistic Behavior. 1993. Vol. 8, № 1. P. 1-10.
4. *Marshall P.J.* Body maps in the infant brain: implications for development and disorder // Developmental Medicine & Child Neurology. 2020. Vol. 62. P. 778-783.

**Самостигматизация как модератор связи виктимной
идентичности и авторитарной агрессии у жертв домашнего
насилия**

Лебедева В.Е.

*ФГБОУ ВО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия
lebedeva.valeriya99@mail.ru*

Проблема домашнего насилия остается одной из наиболее острых в современном обществе, при этом психологические последствия насилия не исчерпываются посттравматическим стрессом: у жертв может формироваться виктимная идентичность, а также наблюдаться рост авторитарных установок, в частности, авторитарной агрессии – враждебности к нарушителям социальных норм, направленной на «слабые» и доступные для «смещения» агрессии группы. В предыдущих исследованиях мы выявили, что у жертв домашнего насилия формируются сложные паттерны взаимовлияния авторитарного подчинения и агрессии, однако роль самостигматизации в этом процессе оставалась не изученной (Лебедева, 2023). Психологическим механизмом, трансформирующим опыт насилия в подобные установки, может выступать самостигматизация – интернализация негативных социальных оценок и чувства «испорченности».

Цель исследования – определить роль самостигматизации во взаимосвязи виктимной идентичности и авторитарной агрессии у

женщин, переживших домашнее насилие. Гипотеза: самостигматизация является модератором связи виктимной идентичности и авторитарной агрессии: чем выше уровень самостигматизации, тем сильнее прямая связь между виктимной идентичностью и авторитарной агрессией. Выборка: 198 женщин 18–49 лет ($M = 27,3$; $SD = 6,8$), имеющих опыт домашнего насилия в партнерских отношениях (онлайн-формат исследования).

Методики: «Тест виктимной идентичности» О.О. Андронниковой; «Опросник оценки внутренней стигмы» (ISMI-9) Дж. Бойда и др. в адаптации НИПНИ им. В.М. Бехтерева; «Шкала авторитаризма правого толка» Б. Альтмейера в модификации Д.С. Григорьева.

Применение опросника ISMI-9 (Лутова и др., 2022) для жертв домашнего насилия базируется на следующих основаниях: самостигматизация понимается как универсальный механизм интернализации негативных социальных оценок, относительно независимый от стигматизирующего признака (Goffman, 1964); пункты опросника фиксируют генерализованные переживания стыда, неполноценности и самообвинения, содержательно соответствующие опыту изучаемой нами группы; проверка внутренней согласованности подтвердила хорошую надежность всех методик на нашей выборке (показатели коэффициента альфа Кронбаха выше 0,7).

Статистическая обработка выполнена в программе JASP v. 0.95.4. Методы статистической обработки данных: коэффициент альфа Кронбаха, коэффициент линейной корреляции Пирсона, анализ модерации на базе обобщенной линейной модели с бустрепом (5000 выборок).

Результаты. Выявлены значимые положительные связи между всеми переменными («Виктимная идентичность» и «Самостигматизация» – 0,42; «Виктимная идентичность» и «Авторитарная агрессия» – 0,38; «Самостигматизация» и «Авторитарная агрессия» – 0,45 при $p < 0,01$), что позволяет перейти к анализу модерации. Результаты модерационного анализа свидетельствуют о том, что модель значима и объясняет 34% дисперсии авторитарной агрессии ($R^2 = 0,34$; $p < 0,001$). Эффект взаимодействия (переменные «Виктимная идентичность» и «Самостигматизация») статистически значим ($b = 0,18$; $p = 0,003$) и добавляет 4% объясненной дисперсии. Анализ простых наклонов показал, что при низком уровне

самостигматизации ($-1SD$) связь виктимной идентичности с авторитарной агрессией незначима ($b = 0,13$; $p = 0,12$). При среднем уровне связь становится значимой ($b = 0,31$; $p < 0,001$), а при высоком ($+1SD$) – наиболее сильной ($b = 0,49$; $p < 0,001$).

Следовательно, интернализация стигмы выступает условием трансформации виктимной идентичности в авторитарную: идентификация себя как жертвы сама по себе не ведет к формированию агрессивных установок, но в сочетании с самостигматизацией активирует этот деструктивный механизм. Полученные результаты могут быть интерпретированы в рамках теории авторитарной личности. Подавленные страх и агрессия по отношению к доминантной фигуре (в данном случае – агрессору) требуют разрядки и смещаются на более доступные и безопасные объекты – нарушителей социальных норм, представителей более слабых групп (Колыванова, Ениколопов, 2025). Самостигматизация, понимаемая как интернализация негативных социальных оценок и чувства собственной «испорченности», закрепляет виктимную позицию и одновременно усиливает потребность в компенсации утраченного контроля через агрессивное осуждение Других. Этот процесс тесно связан с «силовым мышлением» – склонностью воспринимать социальный мир в категориях силы и слабости, доминирования и подчинения, что характерно для жертв, вынужденно усваивающих логику насильника. Согласно концепции И. Гофмана, стигма и ее интернализация имеют единую структуру независимо от конкретного стигматизирующего признака (Goffman, 1964); это объясняет, почему механизм самостигматизации оказывается значимым в различных группах, сталкивающихся с социальным отвержением. Сопоставим полученные данные с результатами нашего предыдущего исследования (Лебедева, 2025): в обоих случаях интернализация стигмы усиливает дезадаптивные последствия травматического опыта. Однако направленность посттравматической реакции различается. В ситуации домашнего насилия формируется экстернализованный паттерн – авторитарная агрессия направлена на Других. В случае сексуального насилия доминирует интернализованный паттерн – усиление посттравматической симптоматики и деформация идентичности. Таким образом, самостигматизация выступает универсальным механизмом, «переключающим» траекторию посттравматических реакций в

зависимости от контекстуальных особенностей насилия и стигматизации.

Выводы. Выдвинутая гипотеза подтвердилась. Ограничения исследования связаны с ретроспективным характером самоотчетных данных, онлайн-форматом проведения исследования и гомогенностью выборки. Перспективы исследования: снижение самостигматизации может ослаблять как интернализованные, так и экстернализованные последствия виктимизации, что определяет мишени для психокоррекционной работы.

Литература

1. *Колыванова Э.В., Ениколопов С.Н.* Психометрический анализ русскоязычной версии опросника «The Displaced Aggression Questionnaire» («Опросник смещенной агрессии») // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2025. №2. С. 158–187.
2. *Лебедева В.Е.* Авторитарное подчинение и авторитарная агрессия в структуре личности жертв домашнего насилия // Психология – наука будущего: Материалы X Международной конференции молодых ученых, Москва, 16–17 ноября 2023 г. М.: Институт психологии РАН, 2023. С. 285–288.
3. *Лебедева В.Е.* Самостигматизация как модератор связи идентичности и симптомов посттравматического стресса у женщин, переживших сексуальное насилие // Психология посттравматического стресса: методология, теория, практика: Материалы конференции, Москва, 22–23 мая 2025 г. М.: Институт психологии РАН, 2025. С. 363–369.
4. *Лутова Н.Б., Сорокин М.Ю., Бочарова М.О. и др.* Способ оценки внутренней стигмы больных психическими расстройствами // Диагностика и лечение психических и наркологических расстройств: современные подходы. СПб.: КОСТА, 2022. Вып. 5. С. 188–202.
5. *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New Jersey: Prentice–Hall, 1964.

**Совместный вклад модели психического, исполнительных
функций и социальной поддержки в социальную компетентность
подростков**

*Лебедева Е.И., Виленская Г.А., Уланова А.Ю., Павлова Н.С.
ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия
evlebedeva@yandex.ru, vga2001@mail.ru,
rachugina@gmail.com, makarachka@mail.ru*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-00884,
<https://rscf.ru/project/25-28-00884/>*

Подростковый возраст – период активного становления социальной компетентности, включающей навыки взаимодействия, управление собственным поведением в межличностных ситуациях и формирование значимых связей. Три ресурса, от которых зависит социальная успешность подростка, – модель психического, исполнительные функции и воспринимаемая социальная поддержка – активно изучаются по отдельности. Вместе с тем остается открытым вопрос о том, каким образом эти характеристики сочетаются у разных детей и насколько специфические профили их комбинаций связаны с реальными показателями социальной адаптации.

В исследовании приняли участие 144 подростка 11–14 лет ($M = 12,61$; $SD = 0,86$; 56% девочек), учащиеся 5–7 классов московских школ. Модель психического оценивалась с помощью задач на понимание неверных мнений высших порядков (Liddle, Nettle, 2006); ИФ – по родительской версии опросника BRIEF (Горина, Ахутина, 2019); воспринимаемая социальная поддержка – по «Шкале социальной поддержки детей и подростков» (Malecki, Demaray, 2002; адаптация Лифинцевой, Рягузовой, 2013). Социальная компетентность оценивалась двумя способами: классными руководителями – по шкале социальных навыков методики SSRS (Gresham, Elliott, 1990), а также через социометрические индексы принятия/отвержения и популярности в группе сверстников. Для выявления подгрупп применялся анализ латентных профилей.

Анализ позволил идентифицировать четыре профиля, отличавшихся специфическим соотношением значений модели психического, исполнительных функций и социальной поддержки. Выделенные профили демонстрировали значимые различия по показателям социальной компетентности и социального статуса. Наиболее высокую социальную успешность проявляли подростки, входящие в профиль с высокими значениями по всем трем ресурсам: по оценкам своих классных руководителей, они отличались наиболее развитыми навыками сотрудничества, минимальной выраженностью экстернального проблемного поведения и наибольшим принятием со стороны одноклассников. Профили с дефицитами в одном или нескольких ресурсах характеризовались более низкими показателями адаптации, при этом характер трудностей варьировался в зависимости от конкретной конфигурации ресурсов.

Результаты подтверждают гетерогенность адаптационных ресурсов подростков и указывают на то, что модель психического, исполнительные функции и воспринимаемая социальная поддержка формируют различные конфигурации ресурсной обеспеченности, неодинаково связанные с социальной компетентностью и социальным статусом подростка в группе сверстников. Взаимодействие этих ресурсов оказывает более выраженное влияние на социальное функционирование, чем изолированный вклад каждого из них. Это обосновывает целесообразность профиль-ориентированного подхода к диагностике и поддержке социального развития в подростковом возрасте.

Литература

1. Горина Е.Ю., Ахутина Т.В. Опросник для оценки функций программирования и контроля у детей. М.: Теревинф, 2019.
2. Лифинцева А.А., Рязузова Е.В. Адаптация методики «Шкала социальной поддержки детей и подростков» К. Малекки // Клиническая и специальная психология. 2013. Том 2. № 2. Статья 7. <https://doi.org/10.17759/cpse.2013020207>
3. Gresham F.M., Elliott S.N. Social skills rating system (SSRS). Minneapolis, MN. 1990.

4. *Liddle B., Nettle D.* Higher-order theory of mind and social competence in school-age children // *Journal of Cultural and Evolutionary Psychology*. 2006. Vol. 4. № 3-4. P. 231–244. <https://doi.org/10.1556/JCEP.4.2006.3–4.3>
5. *Malecki C.K., Demary M.K.* Measuring perceived social support: Development of the child and adolescent social support scale (CASSS) // *Psychology in the Schools*. 2002. Vol. 39. №. 1. P. 1-18. <https://doi.org/10.1002/pits.10004>

Негативный детский опыт как фактор криминализации подростков

Левин Л.М.

ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия

levin_leonid@mail.ru

Согласно определению Всемирной организации здоровья, под негативным детским опытом понимается опыт как плохое обращение с детьми в возрасте до 18 лет и отсутствие заботы о них, охватывающее все типы физического и/или эмоционального жестокого обращения, сексуального насилия, пренебрежения, невнимания и эксплуатации в коммерческих или иных целях и приводящее к нанесению реального или потенциального вреда здоровью, выживаемости, развитию или достоинству ребенка в контексте взаимосвязи ответственности, доверия или власти (Герасимчук, Сорокин, Лутова, 2024). Некоторые зарубежные исследователи среди поведенческих последствий у лиц, перенесших негативный детский опыт, отмечают такие характеристики, как уменьшение активности, направленной на изучение ситуации и среды, неспособность объективно оценивать положительную обратную связь и недостаточное развитие навыков для ее использования в принятии решений, а также более низкую скорость обучения (Lloyd, McKay, Furl, 2022).

С целью изучения влияния негативного детского опыта на формирование поведенческих паттернов поведения у детей и подростков нами было проведено исследование в среде

несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание за преступления различной степени тяжести.

В ходе проведенного исследования было опрошено 260 подростков, разделенных на три исследовательские группы: 1) 120 респондентов, отбывающих наказание в местах лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений; 2) 80 несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции за совершение правонарушений средней тяжести; 3) 60 правопослушных учащихся общеобразовательных и средне-профессиональных организаций г. Москвы.

Для достижения поставленных целей в психодиагностический инструментарий были включены такие методы и методики, как пересмотренный опросник «Негативный детский опыт» (Adverse Childhood Experiences, ACE); Шкала детских воспоминаний Гилберта (2003); Опросник на привязанность к родителям для старших подростков (М.В. Яремчук); методика «Профиль чувств в отношениях» (Л.В. Куликов); тест «Подростки о родителях» ADOR (автор Е. Шафер, модификация З. Матейчика и П. Ржичана); «Незаконченные предложения» – вариант Saks–Sidney в модификации Т.А. Заеко.

Исследование показало, что 70% (84 респондента) подростков, находящихся в воспитательной колонии, пережили от 7 до 10 видов негативного детского опыта (далее – НДО), в то время как условно осужденные несовершеннолетние такое же количество видов НДО пережило 37,5% (30 опрошенных). При этом их правопослушные сверстники отмечали следующее количество НДО: от 7 до 10 видов – 6 респондентов (10%), от 4 до 6 – 21 (35%), от 1 до 3 – 33 (55%).

Данные психологических методик показали, что, ввиду недостаточности позитивного интереса к ребенку со стороны значимых взрослых, спецификой детско-родительских отношений у криминализованных подростков было то, что они находились преимущественно в состоянии подавленности и стресса. При этом опрос подростков показал, что неоднократные попытки с их стороны наладить отношения с родителями не приводили к успеху (Левин, 2025).

Важную роль в становлении противоправного поведения подростков играют не только пережитые негативные факты детства со стороны значимых взрослых, но и отношение респондентов к ним. Так,

у осужденных к реальному сроку статистически значимо (Kruskal-Wallis test: $H = 45,31$; $p < 0,001$) более выражено отрицательное отношение к отцу. Это связано с той ролью, которую занимал отец в жизни респондентов: наиболее часто – уход из жизни ребенка и минимальное участие в ней, т.к. основные обязанности по воспитанию несовершеннолетних, преступивших закон, на себя брали либо мать, либо другие члены семьи. Исследование социальных данных семей осужденных подростков показало, что именно отцы чаще всего были склонны к алкоголизму и наркомании, имели неоднократные судимости, что также оказывало отрицательное влияние на отношения между отцом и ребенком и его дальнейшую криминализацию. Любопытно, что именно осужденные к лишению свободы негативно относятся и к институту семьи в целом, что связано с негативным опытом жизни в родительской семье, отсутствием позитивного опыта взаимодействия со значимыми взрослыми (Левин, 2025).

Данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при составлении индивидуальных программ психологического сопровождения несовершеннолетних, а также повышения его эффективности.

К перспективным направлениям исследования можно отнести расширение выборки и изучение влияния пережитого негативного детского опыта на различные личностные характеристики, а также разделение выборки по полу и специфике совершенного правонарушения.

Литература

1. Герасимчук Е.С., Сорокин М.Ю., Лутова Н.Б. и др. Роль негативного детского опыта и внутренней стигмы в формировании мотивации к лечению пациентов с психическими расстройствами // Научные результаты биомедицинских исследований. 2024. Том 10. №1. С.126-142. <https://doi.org/10.18413/2658-6533-2024-10-1-0-8>
2. Левин Л.М. Семейные факторы риска формирования отклоняющегося поведения у несовершеннолетних правонарушителей, осужденных за преступления различной степени тяжести // Вестник университета. 2025. № 5. С. 241–250.

3. *Lloyd A., McKay R.T., Furl N. Individuals with adverse childhood experiences explore less and underweight reward feedback // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2022. Vol. 119. №4. <https://doi.org/10.1073/pnas.2109373119>*

Психологическое благополучие участников образовательной среды: социально - психологический подход

*Леженина А.Д.
ФГБОУ ВО ДВГУПС, Хабаровск, Россия
lanastasiad@mail.ru*

В настоящее время образовательная среда выступает пространством трансляции знаний, ключевым фактором формирования личности. В современной социальной психологии особую актуальность приобретает изучение психологического благополучия участников образовательного процесса.

Психологическое благополучие в социальной психологии образования может быть рассмотрено через призму идей научной школы М.Ю. Кондратьева и А.В. Петровского, а именно через категории референтности, значимого другого и внутригруппового взаимодействия (Кондратьев, 2008). Благополучие участника образовательной среды зависит не столько от объективных условий, сколько от характера его отношений с референтной группой (одногруппников, коллег) и наличия значимых взрослых (Щедрина, 1979).

Феномен психологического благополучия, рассмотренный отечественными психологами Л.С. Выготским, А.Г. Рубинштейном, Д.А. Леонтьевым, показывает, что психологическое благополучие формируется в «социальной ситуации развития» и напрямую связано с качеством совместной деятельности и переживанием среды. Зарубежные психологи Р. Райан и Э. Деси рассмотрели феномен через теорию самодетерминации. Стоит отметить, что ученые связали достижение психологического благополучия с удовлетворением

базовых потребностей в автономии, компетентности, а также обосновали его процессуальную природу.

Исследование Т.В. Крюковой показало, как поддержка со стороны учителей влияет на психологическое благополучие школьников. Ею были выявлены факторы, которые могут выступать предикторами благополучия (Крюкова, 2020). Эмоциональное выгорание педагогического состава, отсутствие поддержки приводит к сложности взаимодействия с учащимися, так как выгорание может привести к обесцениванию успеха, что впоследствии может негативно сказаться на вовлеченности, трудности формирования опыта эмоционального реагирования. Таким образом, психологическое благополучие зависит от взаимодействия всех участников образовательной среды.

В настоящее время, в рамках изучения психологического благополучия ученые выделяют модель благополучия К. Рифф. Ею было предложено 6 компонентов благополучия: самопринятие, позитивные отношения, автономия, управление средой, цель в жизни и личностный рост. В дальнейшем представленную идею развил М. Селигман (модель PERMA), добавив еще две важные составляющие: вовлеченность и достижения. Для образовательной среды важны такие компоненты, как «позитивные отношения» и «личностный рост», так как образовательная среда является основой социального взаимодействия и стремления к развитию.

Несмотря на многообразие теоретических моделей изучения психологического благополучия, сохраняются следующие противоречия.

1. Наблюдается терминологическая размытость: смешение понятий «субъективное», «эмоциональное» и «психологическое» благополучие затрудняет осуществление эмпирических исследований (Дубровина, 2018).

2. Диагностический инструментарий часто не учитывает возрастную и социальную специфику образовательной среды.

Большинство исследований сосредоточены на факторах риска и дезадаптации, тогда как ресурсный подход и изучение механизмов резилентности остаются на периферии внимания специалистов (Махнач, 2021).

Социально-психологический подход позволит преодолеть указанные ограничения, рассматривая благополучие как динамический

результат включенности в межличностные отношения. Представленная идея актуальна для образовательной среды, так как именно здесь происходит формирование паттернов взаимодействия, усваиваются социальные нормы, происходит становление идентичности.

Таким образом, психологическое благополучие участников образовательной среды представляет собой многомерный социально-психологический феномен, детерминированный качеством межличностных отношений, референтностью группы и возможностями для самореализации.

Литература

1. *Дубровина И.В.* Психологическое благополучие школьников // Вестник практической психологии образования. 2018. № 2. С. 12–18.
2. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология в образовании. М.: ПЕР СЭ, 2008.
3. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. Кострома: КГУ, 2020.
4. *Махнач А.В.* Резилентность как ресурс совладания // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4. С. 45–62.
5. *Щедрин Е.В.* Референтность как характеристика системы межличностных отношений // Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. С. 111–127.

Привязанность к матери часто болеющих детей

Леонович О.О.

*Международный университет «МИТСО», Минск,
Республика Беларусь
oksanka.leonovich98@gmail.com*

В современной психологии привязанность является ключевым понятием, описывающим отношение ребенка к близкому взрослому. Дж. Боулби, основоположник теории привязанности, описывает ее как глубокую эмоциональную связь, направленную на поиск контакта и

близости, обеспечивающую беспомощному ребенку чувство защищенности и безопасности (Боулби, 2003). Его ученица М. Эйнсворт выделила три основных типа привязанности: надежную (безопасную), тревожно-избегающую и тревожно-амбивалентную, отражающие различные модели эмоциональной связи ребенка с матерью (Эйнсворт, 1994). Привязанность ребенка к матери является базовым новообразованием младенческого возраста, качество привязанности оказывает разностороннее влияние на психическое развитие ребенка и определяет отношения его с окружающими людьми и миром на протяжении всей жизни (Пупырева, 2007).

С возрастом характер привязанности меняется. В дошкольном возрасте ребенок начинает осознавать близкого взрослого как самостоятельную личность с собственными потребностями и целями, учится согласовывать свои желания с желаниями и потребностями других (Гилева, 2016). В младшем школьном возрасте система привязанности расширяется и уже многие люди могут выполнять функции объекта привязанности (Пупырева, 2007).

В проведенном исследовании была поставлена цель, установить особенности привязанности детей дошкольного возраста к матери, в особой ситуации развития – при частых болезнях ребенка.

В настоящее время в психологии накопилось немалое количество работ, посвященных феномену часто болеющих детей (В.Ю. Альбицкий, А.А. Баранов, О.В. Груздева, Л.В. Доманецкая, В.А. Ковалевский). К часто болеющим детям следует относить детей, которые страдают острыми респираторными заболеваниями четыре и более раз в год (Альбицкий, Баранов, 1986). Несмотря на обширный объем исследований, посвященных часто болеющим детям, особенности привязанности к матери таких детей остаются недостаточно изученными.

Исследования показывают, что для часто болеющих дошкольников характерны изменения в отношении ведущего вида деятельности – сюжетно-ролевой игры. Эти изменения негативно сказываются на их способности осваивать внутренний мир и справляться с болезнями (Доманецкая, 2011). Влияние особой ситуации развития личности часто болеющего ребенка младшего школьного возраста на формирование самооценки проявляется через ограничения социокультурного пространства ребенка, а именно ограничении в познавательной

деятельности, в движении и социальных контактов, что приводит к различным нарушениям в развитии эмоциональной сферы, а также к аффективному поведению его в ситуации болезни (Ковалевский, Груздева, 2010).

Кроме того, часто болеющие дети отличаются большей неуверенностью в себе, склонностью к быстрой утомляемости и зависимостью от мнения окружающих, особенно матери. У них может наблюдаться негативное эмоциональное самоотношение, склонность приписывать себе отрицательные эмоции (Ковалевский, Груздева, 2010).

В исследовании приняли участие: 87 дошкольников (5-6 лет) и 103 младших школьника (7-9 лет), разделенных на группы по состоянию здоровья: у дошкольников – 42 часто болеющих и 45 здоровых детей, у младших школьников – 45 часто болеющих и 58 здоровых детей. Для получения данных использовалась проективная методика Н. Каплан для определения особенностей эмоциональной привязанности дошкольника к матери (Бурменская, 2005), опросник на оценку типа привязанности к матери в младшем школьном возрасте Е.В. Пупыревой (Пупырева, 2007).

Представим полученные в исследовании результаты. При сравнении контрольной и экспериментальной групп дошкольного возраста выявлено, что между здоровыми и часто болеющими детьми с надежным типом привязанности нет значимых различий ($\varphi_{эмт} = 1,48$; $p > 0,05$). У здоровых и часто болеющих детей потребность в безопасности удовлетворена, взаимодействие с матерью характеризуется позитивной эмоциональной окраской, они уверены в получении помощи со стороны матери. Особенности их рассказов заключаются в открытом выражении своих негативных переживаний, которые возникли по поводу разлуки с матерью, они способны самостоятельно искать способы преодоления в трудных для них ситуациях. Анализ привязанности в группе здоровых и часто болеющих детей не выявил половых различий.

Анализ типов привязанности у детей младшего школьного возраста в основной и контрольной группах показал, что для часто болеющих младших школьников по сравнению с их здоровыми сверстниками более характерны ненадежные типы привязанности ($\varphi_{эмт} = 2,58$; $p = 0,004$ и $\varphi_{эмт} = 2,01$; $p = 0,022$). Часто болеющие младшие школьники

чаще эмоционально тревожны, склоны к ожиданию отвержения со стороны матери, не уверены в получении нужной помощи и поддержки от нее. Также эти дети могут «цепляться» за мать, не отпускать ее надолго от себя, а если отпускают, то испытывают при этом сильнейший стресс. Была обнаружена специфика привязанности часто болеющих мальчиков и девочек младшего школьного возраста к матерям. У часто болеющих мальчиков более распространенным типом привязанности является тревожно-амбивалентный ($\phi_{эм} = 1,87$; $p = 0,031$). Вероятно, часто болеющие мальчики не уверены в получении помощи со стороны матери, они опасаются, что родитель отдавится от него и не будет рядом, когда он будет в нем нуждаться. Для часто болеющих девочек более характерен тревожно-избегающий тип привязанности ($\phi_{эм} = 2,13$; $p = 0,016$), они более склонны к использованию стратегии избегания, ожидают со стороны матери скорее отвержения, чем помощи.

Подведем итоги представленных выше результатов и сформулируем основные выводы.

Для часто болеющих детей дошкольного возраста, как и для их здоровых сверстников, вне зависимости от пола характерно преобладание надежного типа привязанности к матери. Часто болеющие дети младшего школьного возраста отличаются преобладанием ненадежных типов привязанности к матери, тогда как их здоровые сверстники характеризуются преобладанием надежного типа привязанности к матери. Существуют различия в привязанности к матери часто болеющих мальчиков и девочек младшего школьного возраста.

Литература

1. Альбицкий В.Ю., Баранов А.А. Часто болеющие дети. Клинико-социальные аспекты: пути оздоровления. Саратов: Радуга, 1986. 165 с.
2. Боулби Дж. Привязанность / пер. с англ. М.: Гардарики, 2003. 480 с.
3. Бурменская Г.В. Методики диагностики привязанности к матери ребёнка дошкольного и младшего школьного возраста // Психологическая диагностика. 2005. № 4. С. 4-20.

4. *Гилева Н.С.* Влияние эмоциональной привязанности ребенка к матери на становление самооценки старших дошкольников // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2016. №2. С. 134-138.
5. *Доманецкая Л.В.* Особенности общения с родителями часто болеющего ребенка старшего дошкольного возраста как условие улучшения его соматического статуса: дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2011. 175 с.
6. *Ковалевский В.А., Груздева О.В.* Соматически больной ребенок: специфика социально-психологического развития (результаты комплексного исследования) / Вестн. Красноярск. госуд. педагог. ут-та. 2010. № 3. С. 115–122.
7. *Пупырева Е.В.* Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем дошкольном возрасте: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2007. 266 с.
8. *Эйнсворт М.* Привязанность за порогом младенчества. Детство идеальное и настоящее: сборник работ современных западных ученых. Новосибирск, 1994. С. 82–110.

Связь системы ценностей и представлений о распределении семейных ролей у студентов

Леонтьева В.В., Орлов В.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
leovillun@mail.ru, vladimirorlov@bk.ru*

В последние годы в отечественной и зарубежной социальной психологии усиливается интерес к изменяющимся внутрисемейным ролевым отношениям, что связано с расширением коммуникативных практик, трансформацией моделей межличностного взаимодействия, с усилением влияния цифровой среды и социальных сетей на формирование новых установок и ценностных ориентаций личности (Орлов, 2026). Эти процессы обусловлены комплексом факторов, включая переоценку гендерных норм, усиление индивидуалистических

тенденций и изменение ценностных ориентиров молодежи. Особую значимость в данном контексте приобретает студенческая среда, поскольку именно в этот возрастной период происходит активное формирование системы ценностей, определяющей жизненные стратегии личности (Schwartz, 2012; Головей, 2021).

Современные исследования показывают, что ценностные ориентации выступают важнейшим регулятором социального поведения, задавая направленность установок и предпочтений индивида (Рокич, 1973; Лебедева, 2022). При этом представления о семейных ролях отражают усвоенные социальные нормы и модели взаимодействия, формирующиеся под влиянием как культурных, так и индивидуально-психологических факторов (Шнейдер, 2020; Карабанова, 2021).

Несмотря на наличие значительного числа работ, посвященных как ценностным ориентациям, так и семейным установкам, проблема их взаимосвязи в студенческой среде остается недостаточно разработанной и требует дополнительного эмпирического анализа.

Целью нашего исследования является выявление особенностей взаимосвязи ценностных ориентаций студентов и их представлений о распределении семейных ролей в условиях глобализации и цифровизации общества, характеризующихся изменением социальных норм, расширением информационного пространства и возрастанием роли цифровых коммуникаций в процессе социализации молодёжи.

Эмпирическое исследование проводилось на выборке из 92 студентов в возрасте от 18 до 23 лет, обучающихся в высших учебных заведениях. В качестве диагностического инструментария использовалась методика изучения ценностей Ш. Шварца (Schwartz, 2012), а также опросник «Рольевые ожидания и притязания в браке» (РОП) А.Н. Волковой (2019), позволяющий выявить установки в отношении распределения семейных ролей (традиционная, эгалитарная и смешанная модели). Для статистической обработки данных применялся корреляционный анализ с использованием коэффициента Пирсона.

Анализ полученных данных выявил ряд статистически значимых взаимосвязей. Так, установлено, что ориентация на ценности традиции и безопасности положительно коррелирует с поддержкой традиционной модели распределения ролей в семье ($r = 0,41$; $p \leq 0,05$).

В то же время ценности самостоятельности и открытости изменениям демонстрируют значимую положительную связь с эгалитарными установками ($r = 0,47$; $p \leq 0,01$), предполагающими равномерное распределение обязанностей между партнерами.

Распределение респондентов по типам установок показало, что эгалитарной модели придерживаются 46% участников, традиционной – 28%, тогда как 26% демонстрируют смешанный тип представлений. Кроме того, выявлены статистически значимые гендерные различия: у девушек в большей степени выражена ориентация на равноправное распределение ролей ($p \leq 0,05$).

Полученные результаты с учетом современных социальных тенденций могут быть интерпретированы как ориентации молодежи на ценности традиции и безопасности с поддержкой традиционного распределения ролей в семье, что свидетельствует о сохранении устойчивых нормативных представлений, закрепленных в культурной и социальной практике. Подобные установки, как правило, предполагают фиксированное распределение обязанностей и воспроизводят иерархически организованную структуру внутрисемейного взаимодействия.

Вместе с тем обнаруженная связь между ценностями самостоятельности и открытости изменениям и эгалитарными представлениями о распределении ролей указывает на тенденцию к переосмыслению традиционных моделей. В данном случае можно говорить о смещении акцента в сторону партнерских форм взаимодействия, предполагающих более равномерное распределение ответственности между членами семьи. Указанные изменения, по всей видимости, связаны с более широкими социальными процессами, включая индивидуализацию жизненных стратегий и расширение возможностей выбора, что особенно характерно для условий глобализации и цифровизации общества.

Отдельного внимания заслуживают выявленные гендерные различия, проявляющиеся в большей выраженности эгалитарных установок у женщин. Данное обстоятельство может быть обусловлено как трансформацией гендерных ролей в современном обществе, так и особенностями социализации, формирующей различные ожидания в отношении поведения мужчин и женщин. В то же время, совокупность полученных данных отражает неоднородность представлений о

семейных ролях и указывает на сосуществование различных моделей, находящихся в состоянии динамического изменения.

В отличие от исследований, проведенных в предыдущие годы, в которых указанные феномены анализировались преимущественно обособленно, в нашей работе они рассматриваются во взаимосвязи, что позволяет более полно раскрыть механизмы, лежащие в основе формирования установок в сфере семейных отношений.

Таким образом, проведенное исследование расширяет представления о роли ценностных ориентаций как важного психологического основания, опосредующего выбор и трансформацию моделей распределения семейных ролей в условиях современного общества.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных при разработке программ психологического сопровождения студентов, а также в образовательной и просветительской деятельности, направленной на формирование осознанных представлений о семейных отношениях.

Литература

1. Волкова А.Н. Ролевые ожидания и притязания в браке. СПб.: Речь, 2019.
2. Головей Л.А. Психология развития личности. СПб.: Питер, 2021.
3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений. М.: Юрайт, 2021.
4. Лебедева Н.М. Ценности и социальные изменения в современном обществе // Психологический журнал. 2022. № 3.
5. Орлов В.А. Психологические предпосылки гармоничных семейных отношений // Социально-психологические проблемы современной семьи: теоретические подходы и эмпирические исследования: монография. М.: ИНФРА-М, 2026. 217 с. С. 144–190.
6. Рокич М. Природа человеческих ценностей. М.: Прогресс, 1973.
7. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. М.: Академический проект, 2020.

8. *Schwartz S.H. Basic Human Values: Theory, Measurement, and Applications // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2012.*

Роль цифровой среды в формировании страха упущенных возможностей (FoMO)

Липеева В.Ю., Нестерова А.А.

ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия

vrlipeeva@gmail.com, anesterova77@rambler.ru

Появление и распространение интернета кардинально изменило характер социального взаимодействия, предоставив людям доступ к информации о повседневной жизни других. Регулярное пребывание в социальных сетях создает уникальную ситуацию, когда человек не только поддерживает связь с близкими, но и постоянно сравнивает собственную жизнь с жизнью других людей, наблюдая за их достижениями, путешествиями и социальными событиями в режиме реального времени. Именно в этом контексте возник и получил научное оформление феномен «страха упущенных возможностей» (FoMO, Fear of Missing Out), впервые системно описанный Эндрю Пшибыльски как опасение того, что другие люди получают полезный или интересный опыт, которого сам индивид себя лишает. Суть FoMO заключается в навязчивом стремлении оставаться постоянно на связи с другими людьми, чтобы не пропустить ни одного события в их жизни, что превращает цифровые платформы в источник как социального взаимодействия, так и хронического беспокойства.

Эмпирические исследования Э. Пшибыльски выявили четкие демографические закономерности данного феномена, свидетельствующие о том, что молодые люди демонстрируют значительно более высокий уровень FoMO по сравнению со старшими возрастными группами. Причем среди молодежи мужчины склонны испытывать этот страх в более выраженной форме (Przybylski et al., 2013).

Однако ключевым открытием стало установление связи между уровнем FoMO и удовлетворенностью базовых психологических потребностей согласно теории самодетерминации Э.Л. Деси и Р.М.

Райана. Исследование Э. Пшибыльски показало, что индивиды, чьи потребности в компетентности (ощущении собственной эффективности), автономии (возможности осмысленного выбора) и взаимосвязи (эмоциональной связи с другими людьми) удовлетворены недостаточно, сообщают о значительно более высоком уровне страха упущенных возможностей (Przybylski et al., 2013). Это открытие принципиально важно, так как оно указывает на то, что неудовлетворенность психологических потребностей, традиционно рассматриваемая как фактор уязвимости для поведенческих расстройств в других областях, выступает также значимым предиктором развития и страха упущенных возможностей.

Парадокс цифровой эпохи проявляется в том, что, несмотря на техническую возможность непрерывного общения, молодые люди все чаще переживают усиление чувства одиночества и социальной отстраненности в условиях активного использования социальных сетей (Нестерова, Феклисова, 2024; Turkle, 2023). Страх упущенных возможностей (FoMO) выступает не просто как сопутствующее переживание, а как фактор, усиливающий эмоциональное истощение, так как ограниченность невербальных сигналов в онлайн-взаимодействии снижает глубину контакта, провоцирует недопонимание и подрывает ощущение подлинной близости. Это формирует самоподдерживающийся цикл: стремление компенсировать одиночество через проверку ленты временно снижает тревогу, но в долгосрочной перспективе углубляет ощущение изоляции и усиливает зависимость от цифрового подтверждения.

В нашем исследовании студентов ($N = 112$) постоянно испытывают страх не проконтролировать что-то в сетях Интернета только 8,1% испытуемых. Иногда могут бояться что-то важное пропустить в сети Интернет 73,8% испытуемых. Отсутствует проблема контроля всего лишь у 18,1% испытуемых.

В исследовании американских ученых страх упустить что-то важное рассматривается как феномен, тесно связанный с качеством межличностных отношений и социальным благополучием, независимо от возраста участников исследования. Авторы обнаружили, что уровни общего FoMO, а также FoMO в отношении близких друзей и членов семьи, значимо коррелируют с чувством одиночества (положительная связь) и низкой самооценкой (отрицательная связь), причем эти

взаимосвязи усиливаются при высокой вовлеченности в социальные сети в течение повседневной деятельности (Barry, Wong, 2020).

Эмпирические данные также указывают на связь между уровнем FoMO и удовлетворенностью базовых психологических потребностей – компетентности, автономии и социальной связанности, так как их дефицит коррелирует с ростом тревожного стремления не упустить «важное» в жизни других (Przybylski et al., 2013). Одновременно постоянный поток недостижимых альтернатив перегружает когнитивные ресурсы, затрудняя принятие решений и формирование устойчивых обязательств (Gupta, Sharma, 2021). Индивид склонен сохранять все варианты открытыми, избегая выбора из страха упустить нечто более значимое, что подрывает способность к целенаправленному действию и личностной стабильности.

Таким образом, FoMO трансформируется из ситуативного переживания в устойчивый паттерн, ослабляющий как субъективное благополучие, так и функциональную зрелость личности в условиях цифровой среды, что требует дальнейшего более детального изучения.

Литература

1. *Нестерова А.А., Феклисова А.А.* Фаббинг: стремление к поверхностным контактам с другими и избегание глубинных контактов с собой // *Социальная психология и общество*. 2024. Т. 15. №. 2. С. 82-99.
2. *Barry C.T., Wong M.Y.* Fear of missing out (FoMO): A generational phenomenon or an individual difference? // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2020. Vol. 37. №. 12. P. 2952-2966.
3. *Gupta M., Sharma A.* Fear of missing out: A brief overview of origin, theoretical underpinnings and relationship with mental health // *World journal of clinical cases*. 2021. Vol. 9. №. 19. P. 4881.
4. *Przybylski A.K., Murayama K., DeHaan C.R., Gladwell V.* Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // *Computers in human behavior*. 2013. Vol 29. №. 4. P. 1841-1848.
5. *Turkle S.* Always-on/always-on-you: The tethered self / *Social theory re-wired*. Routledge, 2023. P. 485-495.

Связь представлений мигрантов о распределении семейных ролей с индивидуальными ценностями: постановка проблемы

Литвякова Н.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Litgorod4@gmail.ru

Миграционные процессы по-прежнему вызывают активный интерес со стороны научного сообщества, общественности и государства, так как они оказывают влияние на различные стороны жизнедеятельности человека, включая семейно-ролевую. Семейная среда формирует исходные ценностно-смысловые и поведенческие установки и паттерны, которые в значительной степени влияют на формирование личности человека и его дальнейшее взаимодействие с другими людьми как внутри семьи, так и в социуме. В то же время семья есть отражатель противоречий и проблем общества, где намечаются и вырисовываются контуры ее развития. И чем яснее и детальнее исследования современных семей мигрантов и происходящих в них изменений, тем более возможно прогнозировать сценарий будущего развития института семьи в России. Поэтому изучение связи семейно-ролевых отношений с индивидуальными ценностями у мигрантов – представителей различных культур имеет важное значение для понимания общих закономерностей трансформации ценностно-смысловой и семейной сферы личности.

На основе анализа работ Ю.Е. Алешинной, Т.В. Андреевой, А.Я. Варги, О.А. Карабановой Л.Б. Шнейдер и др. установлено, что основными предпочитаемыми моделями семейных отношений являются традиционная модель, в которой жена – мать и хозяйка, а муж – ответственный за материальное обеспечение и сексуальные отношения, и эгалитарная модель, в которой наблюдается равное распределение ролей между мужем и женой (Гагай, Ефремова, 2019; Гриценко, Смотров, 2014; Евграфова, 2019). Кроме того, очень важна согласованность в представлениях супругов о распределении ролей в семье, что способствует гармоничным и бесконфликтным взаимоотношениям и удовлетворенности браком (Андреева, 2009; Гагай, Ефремова, 2019; Евграфова, 2019). Причинами рассогласованности могут быть диффузные или жесткие границы

семьи, условия проживания, отсутствие опыта совместного проживания в новой среде, а также различия в ожиданиях и притязаниях к выполнению семейных ролей, обусловленные общественными нормами и традициями.

Исследование ролевых ожиданий среди молодых супружеских пар показало, что мужчины «более ориентированы на партнерские отношения, а женщины – на традиционную модель семейных отношений» (Евграфова, 2019, с. 421), независимо от того, какую модель распределения ролей они в реальности практикуют: традиционную или псевдоэгалитарную.

Изменение социально-экономических условий в результате миграции влияет на ролевое поведение супругов: появляются новые формы семейно-брачных отношений, происходит перераспределение обязанностей между супругами, что может как укреплять, так и разрывать семейные связи, формируя гибридные семейно-ролевые модели взаимодействия, не соответствующие нормам стран исхода или принимающего общества (Бредникова, 2025).

В процессе адаптации к новой среде, происходит также переоценка индивидуальных ценностей каждого из супругов. Исследования ценностно-смысловой сферы личности мигрантов показали, что важная роль отводится воспитанию детей (86%), здоровью и материальному благополучию. Менее значимы – любовь, совместный отдых, уважение окружающих. Большинство мигрантов считают экономическое благополучие ключевыми для психологического комфорта. Различия в ценностях с немигрантами не существенны, кроме воспитания детей, братства и религии, которые для мигрантов важнее. Также стремление к знаниям и образованию у мигрантов ниже, но желание дать детям хорошее образование высоко (Назарова, 2012). А исследование по опросникам Ш. Шварца и Г. Хофстеде выявило, что доминирующими ценностями мигрантов являются традиции, доброта, безопасность, избегание неопределенности, самостоятельность, долгосрочная ориентация, а избегание неопределенности и маскулинность у мигрантов ниже, чем у немигрантов. В то же время повышается роль индивидуалистических ценностей и снижается значение коллективистических (Пономарёва, Валеева, Воронина, 2024).

Однако исследований связи ценностей и распределения ролей в семьях различных категорий мигрантов мы не встречали, за

исключением работы В.В. Гриценко и Т.Н. Смотровой на выборке внутрироссийских мигрантов. Авторы выявили, что ориентация супругов на групповые ценности (Традиции, Конформность), и ценности, сочетающие интересы индивида и группы (Универсализм, Безопасность) связана с представлениями о традиционно женских ролях (воспитатель, хозяйка, хранительница домашнего очага, семейный психотерапевт). Ориентация на ценности индивида (Саморегуляция, Стимулирование, Достижение, Гедонизм) ведет к признанию мужских ролей (хозяин, кормилец, организатор семейной субкультуры). Это сходство может быть обусловлено общей русской культурой обеих групп (Гриценко, Смотровая, 2014).

Поэтому цель нашего дальнейшего эмпирического исследования – изучение характера связей между представлениями мигрантов о распределении ролей в семье и индивидуальными ценностями. Мы предполагаем, что характер связей между данными переменными будет обусловлен ценностно-культурными установками супругов. В отношениях, где ценится доброжелательность, универсализм и ориентация на собственные силы, супруги более склонны к созданию эгалитарных отношений, тогда как ориентированные на ценности безопасности, конформности, традиции супруги будут стремиться к традиционному распределению семейных ролей в условиях миграции. Подтвердить или опровергнуть данную гипотезу нам предстоит в ходе проведения эмпирического исследования.

Литература

1. *Андреева Т.В.* Социально-психологические проблемы стабильности и успешности брачно-семейных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 1-1. С. 129-140.
2. *Бредникова О.Е.* Трансформация семьи в ситуации миграции: семейные практики и внутрисемейные отношения (случай мигрантов из Центральной Азии в российские города) // The Journal of Social Policy Studies. 2025. № 23(2). С. 233–250.
3. *Гагай В.В., Ефремова А.В.* Ролевая структура семьи как фактор удовлетворенности браком // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №3.

4. *Гриценко В.В., Смотров Т.Н.* Взаимосвязь распределения семейных ролей с ценностями культуры в семьях трудовых мигрантов // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии Материалы IV межд. науч. конф. Смоленск, 2014.
5. *Евграфова Ю.А.* Ролевая структура в молодой супружеской паре // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. № 4. С. 411-423.
6. *Назарова Е.А.* Ценностные ориентации и самочувствие мигрантов и их семей // Вестник СГТУ. 2012. № 3 (67). С. 246–250.
7. *Пономарёва И.В., Валеева Э.З., Воронина Н.В.* Исследование ценностной сферы мигрантов из центральной Азии как фактора социально-психологической адаптации // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2024. Т. 30, № 1. С. 42–50.

Авторитарность личности у людей, проходящих реабилитацию от химической зависимости в программе «12 шагов»

Логинова А.С., Сафуанов Ф.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
loginova.anfisa@gmail.com, safuanovfs@mgppu.ru

Несмотря на признанную эффективность программы «12 шагов» в поддержании ремиссии от различного рода зависимостей, вопрос о ее влиянии на формирование или трансформацию авторитарных черт личности остается недостаточно исследованным. В качестве основной гипотезы выдвинуто предположение о том, что у людей, активно вовлеченных в программу «12 шагов», авторитарные черты личности выражены в большей степени, чем у лиц с меньшей степенью вовлеченности.

Авторитарная личность – личность, стремящаяся построить формальные и неформальные отношения в обществе на принципах

доминирования над слабым, подчинения сильному. Ей характерно мышление в категориях «свой – чужие» и «сильный – слабый», а также восприятие своей группы в качестве превосходящей (Адорно, 1950).

Программа 12 шагов, являющаяся инструментом реабилитации зависимых, ставит фокус на трансформацию личности через групповую поддержку, саморефлексию и духовный рост (Wilson B., Powers T., 1953). Однако, некоторые специфические особенности программы могут неосознанно воспроизводить паттерны, характерные для авторитарной личности. Во-первых, требование безусловного подчинения «Высшей Силе» и строгого следования предписанным шагам создает ригидную иерархическую модель. Это может способствовать формированию некритического принятия внешних авторитетов, будь то абстрактный духовный феномен или лидеры группы. Во-вторых, групповая динамика программы, основанная на конформности и единообразии ритуалов и традиций, потенциально способствует развитию конвенционализма – одной из черт авторитарности. Участники, идентифицируясь с коллективными правилами, могут демонстрировать пренебрежение к тем, кто от них отклоняется, что соответствует механизму авторитарной агрессии. Кроме того, акцент на бинарных категориях — «трезвость и употребление», «зависимость и выздоровление», воспроизводит ригидное мышление в дихотомии «свой – чужие», свойственное авторитарной личности.

Таким образом, несмотря на декларируемую цель освобождения от зависимости, программа 12 шагов потенциально способна закреплять авторитарные установки через нормализацию иерархических отношений, подавление индивидуальной критичности и культивирование группового конформизма. Это особенно актуально для лиц с изначально высоким уровнем авторитаризма, у которых реабилитация может стать инструментом замещения одной формы зависимости (химической) на другую – психологической фиксацией на групповых догматах.

В исследовании были задействованы 44 участника программы «12 шагов» в возрасте от 17 до 52 лет. Для измерения уровня авторитарности использовалась адаптированная Д.С. Григорьевым (Григорьев, 2017) шкала авторитаризма правого толка (RWA), включающая субшкалы авторитарного подчинения (RWA-AS),

авторитарной агрессии (RWA-AA) и конвенционализма (RWA-C). Степень вовлеченности в программу оценивалась через вопросы о взятии на себя безвозмездных обязанностей (служений) и о регулярности финансовой поддержки группы. Статистическая обработка данных проводилась с использованием критериев Колмогорова-Смирнова, Манна-Уитни и Краскала-Уоллиса. Результаты показали, что участники, берущие на себя служения, демонстрируют значимо более высокий уровень авторитарной агрессии (RWA-AA) по сравнению с теми, кто служения не берет ($U = 0,045$, $p < 0,05$). Также были выявлены значимые различия в уровне конвенционализма (RWA-C) в зависимости от регулярности финансовой поддержки ($H = 8,494$, $p = 0,014$): наибольшая приверженность традиционным нормам характерна для участников, регулярно поддерживающих группу финансово. Общий уровень авторитаризма (RWA-итог) оказался выше у более вовлеченных участников (берущих служения и регулярно финансирующих), хотя эти различия не достигли уровня статистической значимости.

Выводы по результатам исследования подтверждают выдвинутую гипотезу частично. Активная вовлеченность в программу «12 шагов», выражающаяся в принятии на себя организационных обязательств (служений) и регулярной финансовой поддержке, коррелирует с усилением таких авторитарных черт, как авторитарная агрессия и конвенционализм. Это свидетельствует о том, что структурированная среда программы с ее строгими правилами, ритуалами и системой взаимных обязательств может способствовать формированию ригидного мышления, нетерпимости к нарушителям установленного порядка и глубокой интеграции в групповые ценности, что соответствует механизмам, описанным в теоретических работах Т. Адорно. В то же время, значимых различий по шкале авторитарного подчинения выявлено не было, что может указывать на изначальную предрасположенность участников к конформности или на специфический характер влияния программы. Таким образом, полученные данные указывают на наличие двойственного эффекта: с одной стороны, программа «12 шагов» эффективно поддерживает ремиссию, с другой – может неосознанно закреплять авторитарные установки. Это подчеркивает необходимость дополнения реабилитационных подходов методами, направленными на развитие

критического мышления, автономии и толерантности к неопределенности, с целью минимизации риска замены одной формы зависимости другой, психологической.

Литература

1. Агibalова Т.В., Нобатова В.Н., Тучина О.Д., Леонов Е.В., Пинегин А.Р., Тухватуллина Э.И. Обзор факторов, влияющих на формирование ремиссии у наркологических больных // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2023. Т. 31, № 1. С. 155–163. <https://doi.org/10.17816/PAVLOVJ105809>
2. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: «Астрель», 2012.
3. Григорьев Д.С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир. // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 30-44.
4. Ю.А. Прозорова Групповое собрание как интерактивный ритуал: производство культурного капитала и эмоциональной энергии в «анонимных» сообществах взаимопомощи // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015.
5. Wilson B., Powers T. Twelve Steps and Twelve Traditions. New York: Alcoholics Anonymous World Services, 1953.

Готовность к риску в профессиональной деятельности групп с разным уровнем развития субъектности

Лукьянова Ю.А.
ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
padobus@rambler.ru

В современном мире профессиональная деятельность нередко содержит риск и вынуждает принимать решения в ситуациях неопределенности. Диапазон может простирается от деятельности с явно выраженным риском (правоохранительных органов, спасательных

служб, военнослужащих) до областей, в которых риск носит менее очевидный, но значимый характер (финансовая, производственная, спортивная и иные деятельности). В связи с этим готовность к риску является важным психологическим ресурсом, способствующим эффективности принятия решений и профессиональной деятельности в целом.

Проанализировав имеющиеся в литературе определения готовности к риску (Врублевский, 2017; Корнилова, 2003), мы трактуем ее как состояние сознательной мобилизации физических, психологических и когнитивных ресурсов на основе принятия субъектом возможности действовать в условиях неопределенности и экстремальных ситуаций, обеспечивающее стрессоустойчивость и выступающее результатом саморегуляции, направленной на достижение эффективности деятельности.

Риск – это ситуативная характеристика деятельности, состоящая в неопределенности ее исхода и возможных неблагоприятных последствиях в случае неуспеха (Ильин, 2012). Профессиональный риск определим как характеристику трудовой деятельности, связанную с возможностью возникновения неблагоприятных последствий для ее эффективности и результата, обусловленных неопределенностью условий и необходимостью принятия решений.

Как известно, социальная психология сосредоточена на исследовании совместной деятельности, эффективность которой опосредована групповыми процессами. Одним из ключевых понятий является групповая субъектность, означающая способность группы организовываться и осуществлять деятельность в качестве ее субъекта.

К.М. Гайдар определяет групповой субъект как системное и динамическое качество группы, проявляющееся в ее жизнедеятельности, когда группа как единое целое взаимодействует с окружением, преобразовывает ситуации своей жизнедеятельности и саму себя, осознавая собственную роль как источника этих изменений. Ею выделены уровни развития группового субъекта – от досубъектного, характеризующегося отсутствием связей, общих целей и стремления к совместной деятельности, до протосубъектного, на котором группа достигает высокой степени самоорганизации, самосознания и способности к саморазвитию. Промежуточные уровни отражают постепенное усложнение групповых процессов: от слабой коммуникации и конфликтности (квазисубъектный) через способность к решению типичных задач при ограниченной устойчивости к

нестандартным ситуациям (мезосубъектный) к сформированности общих целей, согласованности действий и эффективной саморегуляции, что обеспечивает функционирование группы как целостного субъекта (просубъектный уровень) (Гайдар, 2013).

Мы предполагаем, что чем выше субъектность трудового коллектива, тем более эффективно он справляется с профессиональным риском и тем выше будет его готовность к такому риску.

Ниже представлена программа предполагаемого эмпирического исследования трудовых коллективов, чья профессиональная деятельность связана с финансовыми и производственными рисками. Цель состоит в изучении групповой готовности к риску в соотношении с уровнем субъектности коллективов.

В качестве базы исследования будут задействованы организации сельскохозяйственного и банковского секторов экономики. Предполагается, что объектом исследования выступают отделы по подбору персонала, кадровому делопроизводству, финансовые службы, производственные отделы. Все они так или иначе сталкиваются с рисками: финансовыми, репутационными, юридическими. Так, для отделов по подбору персонала это риски, связанные с опасностью нанять некомпетентный персонал, не выполнить план по набору сотрудников, что, в свою очередь, может привести к невыполнению плана по выпуску продукции производственным отделом. Это могут быть также риски возможного нарушения ТК РФ, потери лояльности клиентов, жалоб кандидатов на должность, негативного образа работодателя, следствием чего могут стать низкий поток соискателей, высокая текучесть кадров, низкая численность сотрудников. Как свидетельствуют руководители подобных отделов, все специалисты работают совместно, как бы собирая общий большой пазл.

В методический блок включены следующие диагностические инструменты:

- тест-опросник «Уровни развития группового субъекта» К.М. Гайдар, позволяющий выявить уровень субъектности конкретной группы;

- методика ситуационного моделирования, включающая набор кейсов, содержание которых связано с непосредственной деятельностью коллективов и описывает конкретные производственные ситуации с акцентом на условия риска. Предполагается, что кейсы будут решать сами коллективы и – отдельно – их руководители как эксперты с последующим сопоставлением

предложенных решений. Их качественный анализ позволит выявить сформированность групповой готовности к риску.

Для статистической оценки результатов предполагается использовать корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона, поскольку результаты изучения уровня субъектности групп будут измерены в интервальной шкале, а готовности к риску – в порядковой).

Планируемое исследование имеет практическую значимость, т.к. его результаты послужат основой разработки программ психологического сопровождения трудовых коллективов в направлении формирования у них готовности к риску, которая позволит успешно преодолевать рискогенные ситуации.

Литература

1. *Врублевский А.В.* Склонность и готовность к риску. Восприятие риска офицером-спасателем в условиях чрезвычайной ситуации // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. 2017. Т. 1(3). С. 332-341.
2. *Гайдар К.М.* Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013.
3. *Ильин Е.И.* Психология риска. СПб.: Питер, 2012.
4. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.

Практики осознанности в профилактике насильственного радикализма

Майский Д.О.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kudelit@gmail.com*

С точки зрения государственной безопасности насильственный радикализм относится к противодействию экстремизму и терроризму, но не приравнивается к ним. И хотя далеко не каждый процесс радикализации убеждений или поведения индивида приводит к

насилию, актуальность проблемы привлечения молодежи к деструктивным сообществам от этого не снижается. В этой статье автором предлагается рассматривать насильственную радикализацию как психологический или психотерапевтический вызов, связанный с проблемным или опасным для индивида или окружающих поведением.

Рядом современных авторов разрабатывается концептуализация радикализации с учетом социально-психологического контекста. Например, мотивационная теория поиска значимости (ТПЗ) А. Круглански утверждает, что у индивида в результате ряда значимых потерь или наоборот приобретений активируется потребность в поиске значимости, смысла. Эта универсальная общечеловеческая потребность удовлетворяется человеком при соответствии его ценностям, которые он разделяет со значимыми другими. В этом случае свою роль играет контрфинальность – процесс, при котором выбранная индивидом цель становится тем более привлекательной, чем сильнее она противоречит другим его целям (Kruglanski, 2014). Этот процесс наблюдается и у людей с депрессивными и аддиктивными расстройствами, а также у людей, испытывающих трудности в поддержании здоровой диеты или физической активности. М. Розенберг объясняет депрессию «когнитивно подавленными альтернативами» (Розенберг, 2022), только если человек в депрессии в крайнем случае полностью тормозит свое поведение или находит смысл только в одном действии (самоубийстве), человек с аддикцией радикален в своих желаниях строит свою жизнь вокруг значимого вещества или хобби, то человек, попадающий в нарративы насильственной радикализации, видит единственный смысл в служении групповым интересам, которые приближают его к достижению целей, смыслу и уважению. В итоге, представленные теории позволяют определять насильственную радикализацию как процесс поддержки или участия в деятельности, направленной на подрыв статус-кво ради достижения определённой цели и сопряжённой с подавлением ключевых социальных норм и ценностей.

Теперь ответим на вопрос, как осознанность (майндфулнес) профилирует радикализацию? Работа М. Склад с соавторами утверждает, что профилактикой радикализации можно заниматься за счет усиления гражданских и социальных компетенций в рамках образования. Одним из основных подходов, помимо воздействий на ин-

и аут-групповые механизмы (внутригрупповой конформизм, восприятие аутгрупп, де-категоризацию, ре-категоризацию и т.д.), они выбрали именно практики осознанных медитаций (Sklad et al., 2022). Основными мерами против насильственной радикализации с помощью практик майндфулнес – это улучшение субъективного благополучия человека и саморегуляцию. Одной из таких мишеней являются убеждения о самоэффективности, которые в свою очередь ведут к развитию позитивных установок на учебу и академические достижения, формированию навыков волевого контроля за поведением и собственными решениями. Практики осознанности позволяют лучше замечать мысли и категории, идентичности, которыми индивиды опознают себя или других, а это в свою очередь, связывают с улучшением просоциального поведения и эмпатии. Другой аспект работы с идентичностью заключается в принятии и изучении множественных идентичностей, отличающихся от собственной, которую добиваются опытом прямого контакта с аутгруппой. Это также позволяет лучше пользоваться эмоциональными и социальными навыками, тем самым усиливая собственную позитивную идентичность. А удержание во внимании позитивной идентичности себя и своей группы (в отличие, например, от несправедливо угнетенной негативной идентичности) позволит снизить предубежденность к аутгруппе и направит поведение к неагрессивной, но ассертивной манере.

М. Линнехан, автор диалектико-поведенческой терапии (ДПТ), направленной на работу с пограничным личностным расстройством, использует осознанность как ключевой навык, благодаря которому работают остальные три: стрессоустойчивость, эмоциональная регуляция, межличностная эффективность (Линнехан, 2024). Подобно тому как осознанность использует ДПТ, представляется возможным то, как практики осознанности повлияют на другие необходимые навыки, препятствующие развитию насильственной радикализации.

Медитативные практики осознанности, особенно практики любящей доброты, как одной из её разновидностей способствуют не только улучшению эмоциональной регуляции, но и способствуют изменениям социальных отношений. Основой таких практик является целенаправленное фокусирование внимания на внешних (звуки, запахи и пр.) или внутренних (дыхание, напряжение мышц в теле и т.п.)

объектах. Ключевым отличием практик осознанности является навык обучения реагирования на мысли, диалоги, которые будут систематически происходить во время такого целенаправленного фокусирования. Для этого предлагают отметить тот факт, что человек отвлекся, поблагодарить себя за это и мягко направить свой внутренний взор на первоначальный объект внимания. Также к таким практикам порой добавляют аффирмации или другие инструкции, например, на вдохе обратить свой взор на напряжение мышц в теле, на выдохе отпустить то напряжение, в котором нет необходимости. В свою очередь особенность практики любящей доброты заключается в нескольких этапах искренних желаниях избавить от страданий, здоровья и счастья близкому человеку, себе и людям, с которыми на момент практики есть конфликт, а также всем живым существам на планете. Отмечается, что благодаря таким практикам удастся заменить привычные паттерны социального поведения, например, заменять стереотипизацию на эмпатическую любознательность, моралистические социальные суждения на доброту, социальный страх/недоверие на социальную связь/доверие. Также мотивация с собственных интересов (алчность) сменяется на общую (щедрость), а ингрупповой фаворитизм сменяется альтруизмом (Richardson et al., 2012).

Таким образом, рассмотрение насильственной радикализации через призму социально-психологических феноменов и психотерапевтической практики позволяет установить универсальную связь феномена насильственной радикализации с общечеловеческими ценностями, принявшими не ту форму, которую хочется наблюдать, следовательно, открывается возможность использования уже изученных и эффективных инструментов в помощи людям улучшать их жизни, не причиняя при этом вреда другим.

Литература

1. *Линехан М.М.* Диалектическая поведенческая терапия: руководство по тренингу навыков. М: Диалектика, 2024.
2. *Розенберг М.* Ненасильственное общение в конфликтах и разногласиях: Говорить мирно в мире, полном конфликтов. М.: ООО «София». 2022.

3. *Kruglanski A.W.* The Psychology of Radicalization and Deradicalization: How Significance Quest Impacts Violent Extremism. // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35.
4. *Richardson M., Abraham C., Bond R.* Psychological correlates of university students' academic performance: a systematic review and meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2012. Vol. 138(2). P. 353–387. .
5. *Sklad M., Park E., van Venrooij I. et al.* Radicalization Prevention by Means of Strengthening Social and Civic Competences // *Contemp School Psychol*. 2022. Vol.26. P. 248–262.

Когнитивный и социальный субъективный возраст сотрудников МВД

Макаров С.А.

*ФГБОУ ВО ЧелГУ, Челябинск, Россия
makarov-s@inbox.ru*

В современном обществе все большее внимание уделяется вопросам старения населения и связанными с этим изменениями в социальной, экономической и психологической сферах. Одним из аспектов, который привлекает внимание исследователей, является субъективный возраст – восприятие человеком своего возраста и соответствие этого восприятия биологическому возрасту. В данной работе мы рассмотрим особенности когнитивного и социального субъективного возраста сотрудников Министерства внутренних дел (МВД) и их влияние на профессиональную деятельность, так как их работа связана с высоким уровнем стресса, ответственности и необходимостью постоянного взаимодействия с людьми.

Субъективный возраст – это комплексное явление, которое изучается в рамках психологии, социологии и геронтологии. По определению Дж.М. Монтепаре (2009), субъективный возраст отражает, насколько человек чувствует себя моложе или старше своего хронологического возраста. Главный принцип этой структуры заключается в том, что субъективный возраст формируется из процесса

закрепления и корректировки своего возраста по отношению к отдаленным стабильным (якорным) и ближайшим лабильным (проксимальным) ориентирам возраста. Это восприятие формируется под влиянием физического, психологического и социального состояния личности.

Для сотрудников МВД субъективный возраст играет важную роль, так как их работа требует постоянной адаптации к изменяющимся условиям и высокой стрессоустойчивости. Как отмечают Коттер и Фурнье (2017), субъективный возраст может быть индикатором профессионального выгорания или, наоборот, высокой вовлеченности в работу. Стоит отметить, что сотрудники среднего возраста с субъективным возрастным уклоном (субъективный возраст выше их хронологического возраста) ощущают низкий уровень энергии и демонстрируют сниженный уровень интереса к своим рабочим ролям (Коттер, Фурнье, 2017).

Когнитивный субъективный возраст связан с самооощущением человека. Исследования показывают, что люди, которые чувствуют себя моложе своих лет, чаще демонстрируют высокий уровень энергии и мотивации. Для сотрудников МВД это особенно важно, так как их работа требует постоянной физической и умственной активности (Хьюз, Джерачи, Де Форрест, 2013).

Однако, как отмечают Шапиро и Мартин, высокий уровень стресса и эмоционального напряжения может приводить к ощущению преждевременного старения. Это особенно характерно для сотрудников, работающих в условиях повышенной опасности или занимающих руководящие должности (Шапиро, Мартин, 2010).

Социальный субъективный возраст отражает соответствие человека социальным ролям и ожиданиям. Для сотрудников МВД это связано с необходимостью соответствовать образу «сильного, авторитетного и компетентного» представителя правоохранительных органов.

Как отмечает Гоффман (1959) в своей работе о социальных ролях, соответствие ожиданиям окружающих может создавать дополнительное давление. Это особенно актуально для сотрудников МВД, которые находятся в центре общественного внимания.

Субъективный возраст сотрудников МВД оказывает значительное влияние на их профессиональную деятельность. Исследования П.Б. Балтеса и М.М. Балтес (1990) показывают, что люди, которые ощущают

себя моложе своих лет, чаще демонстрируют высокий уровень мотивации и вовлеченности в работу.

С другой стороны, как отмечают Маслач и Лейтер (1997), ощущение преждевременного старения может быть связано с профессиональным выгоранием, что особенно актуально для сотрудников МВД, работающих в условиях постоянного стресса.

Цель данного исследования заключается в изучении особенностей когнитивного и социального субъективного возраста сотрудников Министерства внутренних дел (МВД) и их влияния на профессиональную деятельность.

В исследовании приняли участие 84 сотрудника МВД, разделенных на две группы: первая группа работает с девиантными группами, вторая – с гражданскими лицами. Использовались методы анкетирования и рангового анализа для оценки когнитивного и социального субъективного возраста, а также их влияния на профессиональную деятельность. Для анализа данных применялся U-критерий Манна-Уитни, который позволил выявить значимые различия между группами.

Результаты исследования показали, что сотрудники первой группы (работающие с девиантным поведением) имеют более высокий средний ранг возраста (50,57), что свидетельствует о более выраженном ощущении субъективного возраста. В то же время вторая группа демонстрирует более низкие ранги по этим показателям (34,80). Это может указывать на то, что сотрудники с меньшим стажем работы чувствуют себя моложе своих лет, что связано с более высокой мотивацией и вовлеченностью в профессиональную деятельность.

Результаты исследования показали, что сотрудники, работающие с девиантным поведением, склонны воспринимать себя старше своего хронологического возраста в социальном и когнитивном аспектах ($U = 662,500$ при $p = 0,069$ – это социальный возраст; $U = 668,500$ при $p = 0,079$ – это когнитивный возраст). Это может быть связано с повышенным уровнем стресса и эмоционального напряжения в их профессиональной деятельности. Полученные данные подчеркивают важность учета субъективного возраста при разработке мер по поддержке сотрудников МВД, особенно в условиях высокой профессиональной нагрузки.

Результаты исследования показали, что сотрудники, работающие с девиантным поведением, склонны воспринимать себя старше своего хронологического возраста в социальном и когнитивном аспектах. Это может быть связано с повышенным уровнем стресса и эмоционального напряжения в их профессиональной деятельности.

Литература

1. *Балтес П.Б., Балтес М.М.* Успешное старение: перспективы с точки зрения поведенческих наук / П.Б. Балтес, М.М. Балтес. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 1990. 350 с.
2. *Гоффман Э.* Представление себя в повседневной жизни / Э. Гоффман. Нью-Йорк: Изд-во «Даблдэй», 1959. 259 с.
3. *Хьюз М.Л., Джерачи Л., Де Форрест Р.Л.* Старение на 5 лет за 5 минут: влияние теста на память на субъективный возраст пожилых людей / М.Л. Хьюз, Л.Джерачи, Р.Л. Де Форрест // *Psychological Science*. 2013. Т. 24, № 12. С. 2481–2488.
4. *Коттер Р., Фурнье К.* Субъективный возраст и работа: систематический обзор / Р. Коттер, К. Фурнье // *Работа, старение и выход на пенсию*. 2017. Т. 3, № 3. С. 245–266.
5. *Маслач К., Лейтер М.П.* Правда о выгорании: как организации вызывают стресс у сотрудников и что с этим делать / К. Маслач, М.П. Лейтер. Сан-Франциско: Джосси-Басс, 1997. 300 с.
6. *Монтепар Дж.М.* Субъективный возраст: к концепции жизненного пути / Дж.М. Монтепар // *Международный журнал поведенческого развития*. 2009. Т. 33, № 1. С. 42–46.
7. *Шапиро Д.Х., Мартин А.М.* Роль субъективного возраста в процессе преодоления стресса / Д.Х. Шапиро, А.М. Мартин // *Старение и психическое здоровье*. 2010. Т. 14, № 3. С. 307–317.

Связь субъективной социальной поддержки с типом копинг-поведения после перинатальной утраты

Макарова А.Н., Линкевич К.В.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

khaminovaan@mail.ru

Перинатальная утрата представляет собой особую форму психологической травмы, связанную не только с фактом смерти ребенка, но и с разрушением ожидаемого сценария родительства, образа будущего и представлений женщины о себе в новой социальной роли матери. Утрата носит как физический, так и символический характер: прерывается не только реальная беременность, но и перспектива перехода в значимый социальный статус, а также связанные с ним жизненные ожидания и личностные проекции (Добряков, 2010). Многослойность данного переживания определяет его длительный и эмоционально насыщенный характер.

Особую значимость в переживании перинатальной утраты приобретает ее социальный контекст. В отличие от других видов утраты, данное событие нередко остается «невидимым горем», поскольку окружающие не всегда признают право женщины на длительное и полноценное проживание горя (Добряков, 2010). Отсутствие социальной валидации переживания, ожидание быстрого возвращения к повседневному функционированию, а также стигматизирующие реакции окружения усиливают тревогу и переживание изоляции. Исследования показывают, что дефицит социальной поддержки, сопровождающийся молчанием и лишением права голоса в горе, связан с более высоким риском посттравматических реакций (Berry et al., 2021).

В отечественной психологии копинг-поведение рассматривается как система поведенческих, когнитивных и эмоциональных способов преодоления стрессовой ситуации (Исаева, 2009). Поддержка близких, возможность открытого обсуждения переживаний и бережное отношение со стороны значимого окружения создают условия для регуляции тревоги и интеграции опыта утраты. Напротив, дефицит поддержки или ее несоответствие субъективным потребностям личности может способствовать формированию компенсаторного,

избегающего или автономного копинг-поведения. Несмотря на доказанную связь перинатальной утраты, тревоги и дефицита поддержки, вопрос о качественном своеобразии копинг-поведения в зависимости от уровня поддержки остается недостаточно разработанным, что определяет актуальность настоящего исследования (Berry, 2022).

Цель исследования – выявить преобладающие стратегии копинг-поведения после перинатальной утраты у женщин с разным уровнем субъективно воспринимаемой социальной поддержки. Предмет исследования – связь субъективно воспринимаемой социальной поддержки и стратегий копинг-поведения.

Гипотеза: существуют качественные различия в типах копинг-поведения между группами женщин с разным уровнем субъективно воспринимаемой социальной поддержки: при низком уровне поддержки чаще наблюдаются компенсаторные и избегающие формы копинг-поведения, тогда как при достаточной поддержке преобладают стратегии осмысления и интеграции опыта.

Использовался сравнительный качественный контент-анализ свободных ответов. В исследовании приняли участие 24 женщины, пережившие перинатальную утрату (возраст от 21 до 45 лет, $M = 32$; $SD = 5,27$). На основании субъективной оценки социальной поддержки были выделены три равные группы: с достаточной, недостаточной и отсутствующей поддержкой (по 8 человек).

По результатам анализа были выявлены три относительно устойчивых типа копинг-поведения. У женщин с достаточной поддержкой преобладали стратегии осмысления и интеграции опыта, включающие поиск информации (6 человек), обсуждение произошедшего, обращение к близким (вся группа) и включение утраты в семейную систему. При недостаточной поддержке чаще встречалась стратегия поиска экспертной и внутренней опоры, проявлявшаяся в обращении к врачу (4 человека), психологу (3 человека) и практиках самоподдержки (3 человека). В группе отсутствия поддержки преобладали компенсаторные стратегии автономного копинг-поведения, включающие уход в хобби (4 человека), форумы (4 человека), работу (2 человека) и поиск внешних замещающих ресурсов.

Таким образом, субъективно воспринимаемая социальная поддержка выступает значимым социально-психологическим контекстом, определяющим качественное своеобразие копинг-стратегий при переживании перинатальной утраты.

Литература

1. *Добряков И.В.* Психологическое сопровождение беременности и родов: теоретические основания и практические задачи // Психологический журнал. 2010. № 4. С. 85–96.
2. *Исаева Е.Р.* Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2009. 136 с.
3. *Berry S.N.* Trauma of perinatal loss: A literature review // Trauma Care. 2022. Vol. 2. № 3. P. 392–407. <https://doi.org/10.3390/traumacare2030032>
4. *Berry S.N., Severtsen B., Davis A., Nelson L., Hutti M.H., Oneal G.* The impact of anencephaly on parents: A mixed-methods study // Death Studies. 2021. Vol. 45. № 10. P. 1–10. <https://doi.org/10.1080/07481187.2021.1909669>
5. *Lazarus R.S., Folkman S.* Transactional theory and research on emotion and coping // European Journal of Personality. 1987. Vol. 1. P. 141–169.

«Паритет безопасности» как социально-психологическая технология формирования цифровой гражданской ответственности у подростков

Макимова О.В.

*ГБУ ВО «ЦПППуРД», Воронеж, Россия
law.maximova@mail.ru*

Цифровая среда как ключевое пространство социализации подростков порождает новые риски: вовлечение в противоправную деятельность через манипулятивные онлайн-сообщества, формирование деструктивных норм в закрытых группах, размывание

ответственности за цифровые действия (Белинская, 2013; Солдатова, 2018). Традиционные методы правового просвещения, не учитывающие специфику цифровой идентичности и социально-психологические механизмы группового влияния, оказываются малоэффективными. В контексте социальной психологии образования актуальной становится задача разработки практико-ориентированных технологий, которые через совместную деятельность и рефлекссию формируют внутреннюю позицию ответственного цифрового гражданина, осознающего баланс прав и обязанностей (Кондратьев, 2008; Петровский, 1979).

Цель исследования – оценить эффективность и раскрыть социально-психологические механизмы воздействия авторской интерактивной игры «Паритет безопасности», направленной на формирование правовой культуры и развития цифровой гражданской ответственности у подростков.

Исследование проводилось в рамках проекта правового просвещения «Правовая интуиция», реализуемого по поручению Антитеррористической комиссии в Воронежской области в порядке межведомственного взаимодействия в современных интерактивных форматах с учетом междисциплинарного подхода, на основе синтеза правовых знаний, социальной психологии и инновационных педагогических технологий. Проект включает три авторские интерактивные технологии О.В. Максимовой, образующие единый формирующий комплекс: «Паритет безопасности» (баланс прав/обязанностей, противодействие угрозам), «Правовая интуиция» (развитие социальной проницательности, трансформация референтных образов) и «Я в мире» (профориентация, построение созидательной и правомерной жизненной траектории). В 2025 г. проект был успешно реализован в 24 образовательных организациях 6 муниципальных образований Воронежской области, общий охват составил более 2,4 тыс. подростков 14-18 лет, и с начала 2026 года масштабируется на всю Воронежскую область.

В рамках исследования анализируются данные применения игры «Паритет безопасности» на выборке 647 обучающихся 7–11 классов. Игра учит подростков анализировать и составлять пары «право–обязанность» как правовую категорию с учетом актуальной криминологической обстановки в реальном и цифровом пространстве,

и одновременно – как социально-психологическую категорию взаимной ответственности перед группой и обществом. Такой интегративный, междисциплинарный подход (юриспруденция, криминология, социальная психология, педагогика) обеспечил высокие показатели эффективности в условиях социальной неопределенности. Значимыми стали изменения не только в знаниях, но и в практических навыках легальной социальной деятельности и глубинных установках законопослушного, безопасного, созидательного и социально ответственного поведения, появившихся в результате взаимодействия в малой группе. Что в совокупности способствует успешному построению индивидуальных и коллективных правомерных жизненных стратегий. Методология игры включает моделирование и групповое решение кейсов по цифровой безопасности и совместную выработку алгоритмов действий с последующей рефлексией и сверкой с правовыми нормами. Оценка эффективности проведена методом входного и итогового тестирования на платформе Яндекс.Формы с анализом динамики когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов правосознания.

Реализация технологии «Паритет безопасности» в контексте комплексного проекта показала следующие значимые положительные изменения.

Когнитивный компонент: максимальный прогресс отмечен в понимании ответственности за правонарушения в цифровой среде – прирост на 38,02 процентных пункта (с 49% до 87,02%).

Аффективный компонент: уверенность в необходимости безусловного соблюдения закона усилилась с 89,95% до 97,06%. Количество подростков, признающих практическую пользу правовых знаний, выросло на 33,08 п.п. (с 55,95% до 89,03%).

Поведенческий компонент: снизилась доля подростков, выбирающих рискованные модели поведения в смоделированных ситуациях. Качественный анализ обратной связи показал рост готовности к ответственному действию и развитию навыков распознавания манипуляций.

Выводы. Интерактивная игра «Паритет безопасности» доказала свою эффективность как социально-психологическая технология и способствует формированию не только декларативных, но и

процедурных знаний – операциональной готовности к ответственному действию в кризисных ситуациях цифрового взаимодействия.

Ключевым социально-психологическим механизмом позитивных изменений выступает групповая рефлексия и совместное решение значимых задач в безопасной игровой ситуации, что соответствует идеям теории деятельностного опосредствования межличностных отношений А.В. Петровского. В процессе совместной деятельности, направленной на решение социально важных кейсов, происходит интериоризация правовых норм, формирование ценностно-ориентационного единства и перевод внешних запретов во внутренние принципы поведения.

Полученные результаты свидетельствуют о формировании у подростков социально-психологической устойчивости к манипулятивным воздействиям онлайн-сообществ через развитие критического мышления и осознание последствий своих действий. Успешная реализация и масштабирование проекта подтверждают практическую значимость и воспроизводимость предлагаемой модели.

Таким образом, технология «Паритет безопасности» представляет собой доказавший эффективность инструмент социальной психологии образования для формирования цифровой гражданской ответственности, основанный на синтезе правового просвещения и социально-психологических механизмов группового взаимодействия.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 2.
2. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология в образовании. М.: ПЕР СЭ, 2008.
2. *Максимова О.В.* Интегративный аспект и инновационные технологии в формировании асертивности и законопослушного поведения подростков: опыт реализации проекта «Правовая интуиция» // Информационно-образовательные и воспитательные стратегии в психологии и педагогике. Омск, 2025. С. 144-150.

3. *Петровский А.В.* Психологическая теория коллектива. М.: Педагогика, 1979.
4. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2018.

Ненормативные кризисы взросления современной молодежи: психологические особенности

Макух Н.О., Слыхова А.Н.

*ФКОУ ВО ВИПЭ ФСИН России, Вологда, Россия
makuh.nataly@yandex.ru, anasteisha0705@mail.ru*

Ненормативные кризисы взросления возникают под воздействием внешних факторов и экстремальных обстоятельств. Примерами таких кризисов могут служить: утрата родных, смена места жительства, расторжение брака, серьезные болезни, разлука с родителями, семьей, друзьями, изменения во внешности, новая социальная среда или трансформация социального положения (Василук, 1984; Манукян, 2010). По мнению Т. Калошиной, Э.Ф. Зеера, отличительной чертой таких кризисов является их вероятностный характер: время, условия и сценарии их возникновения непредсказуемы. Участники оказываются вовлеченными в кризис случайно, в результате неблагоприятного стечения обстоятельств (Калошина, Зеер, 1997).

В исследовании Н.И. Олифинович, Т.А. Зинкевич-Куземкиной и Т.Ф. Велента представлены типы ненормативных семейных кризисов: супружеская неверность (измена), расторжение брака (развод), серьезное заболевание, половая связь между близкими кровными родственниками (инцест), утрата близкого человека (Олифинович, Зинкевич-Куземкина, Велента, 2006).

По мнению Н.Ю. Макеевой, тревожные социально-психологическое состояния лиц, молодежного возраста детерминированы нестандартными кризисными событиями в семье за последние полтора года (смерть родителя, расторжение брака родителей, лишение свободы одного из родителей, серьезное

заболевание одного из родителей, помещение подростка под опеку или в приемную семью из-за потери родительских прав). Полученные результаты подчеркивают важность оказания социально-психологической поддержки, так как эти события негативно влияют на их психоэмоциональное состояние и отрицательно сказываются на их социально-психологическом благополучии (Макеева, 2020).

А.В. Селин в своей работе акцентирует внимание на роли временной составляющей в переживании кризисных ситуаций молодежью. По его мнению, ненормативный кризис искажает восприятие человеком смысла жизни, ограничивая его свободу не только в текущем моменте, но и в ожидаемом будущем. Происходит нарушение «временной перспективы», что приводит к дезинтеграции восприятия прошлого, настоящего и будущего как целостного жизненного опыта.

Анализируя особенности взаимоотношений человека со временем в условиях психотравмирующего воздействия, А.В. Селин выделяет следующие характеристики: отторжение настоящего и прошлого; ощущение беспомощности и безысходности в настоящем; слабую ориентацию на будущее. Иными словами, травматический опыт влияет на то, как человек воспринимает и переживает время, приводя к негативным изменениям в его временной ориентации (Селин, 2008).

В современном мире факторами, вызывающими ненормативные кризисы, считаются травматические потери, акты насилия и экстремальные обстоятельства, будь то техногенные, природные или социальные катастрофы. Анализируя определяющие черты кризисных ситуаций, А.О. Шарапов, Е.П. Пчелкина, О.И. Шех подчеркивают, что главные из них включают в себя создание угрозы и риска для благополучия; существенное снижение возможностей адаптации и преодоление психологической защиты (Шарапов, Пчелкина, Шех, 2023).

В эпоху глобального антропологического кризиса, вызванного распространением технологий, не согласующихся с телесным опытом человека (Подорога, 2004), психологические исследования, ограничивающиеся лишь фиксацией феномена развоплощения, бестелесности, дематериализации, анонимности в киберпространстве, явно недостаточны.

Формула «я» (тело–другой), «я» (тело–мир), определяющая клиническую картину невоплощенного существования по Р. Лэйну,

применима как к технологическому развоплощению, так и к способу невоплощенного бытия при интернет-зависимости, с характерной для него структурой и ненормативной границей в ядре (Коптева, 2021).

Невоплощенность в интернете, провоцирующая размытие границ между собой (Я) и не-собой (не-Я) сопоставляется с системообразующим аспектом последствий нормативного применения информационных технологий в модели – изменением психологических границ (Рассказова, Емелин, Тхостов, 2015).

В информационную эпоху эти границы формируются в опыте двух Я: реального, основанного на теле, и виртуального, где самовыражение через «границы тела» теряет актуальность. Расширение и размывание психологических границ связано с виртуализацией Я-пользователя. Субъективная уверенность в доступности и контролируемости других людей, объектов, информации, выступающая критерием изменения границ, применима и к невоплощенности. В качестве ее критериев, помимо рефлексии отчуждения от тела, выделяются чувство защищенности (связанное с анонимностью) и ощущения утраты реальности Я, неполноты и иллюзорности онлайн-бытия (Коптева, 2021).

По результатам анализа ранее проведенных исследований сформировалось представление о том, что ненормативные кризисы взросления у современной молодежи обусловлены неустойчивостью идентичности и давлением социума. Данные кризисы не являются неизбежными и возникают в результате серьезных и внезапных изменений в жизненных обстоятельствах.

Психологические особенности, характерные для ненормативных кризисов: повышенная тревожность – беспокойство о будущем, сомнения в правильности принимаемых решений; неопределенность в профессиональной сфере, личных отношениях и финансовой стабильности; чувство разочарования, вызванное расхождением между ожиданиями и реальностью; стремление к совершенству и завышенные требования к себе, приводящие к разочарованию при недостижении поставленных целей.

Последствиями ненормативных кризисов являются тревожность и сомнения в верности жизненных решений; депрессивные состояния, возникающие из-за несовпадения ожиданий с действительностью; отсутствие четких жизненных ориентиров, выражающееся в желании

сменить профессию или образ жизни. Важно отметить, что кризисные состояния реже встречаются у молодых людей, имеющих поддержку и четкий план профессионального развития.

Для выявления психологических особенностей в период ненормативных кризисов используются диагностические методы – наблюдение за условиями жизни и выявление позитивных и негативных факторов; опрос родственников и друзей для формирования представления о человеке; тестирование с целью выявления особенностей личности, акцентуаций характера, темперамента, направленности и уровня тревожности.

С целью создания смысла жизни и развития внутреннего контроля необходимо применение коррекционных мер (психологическое консультирование и психотерапия), направленных на нормализацию отношений с окружающими, компенсацию пробелов в духовном мире, обогащение социально ценным жизненным опытом. Полноценная диагностика отклонений психического развития и своевременная коррекция состояний требует участия квалифицированного специалиста (психолога, психотерапевта).

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984. 200 с.
2. *Зеер Э.Ф.* Психология профессий. Екатеринбург: УГППУ, 1997. 244 с.
3. Из стенограммы выступления на конференции доктора философских наук, профессора В.А. Подороги «Феноменология телесности». Научно-философские диалоги, 20–21 октября 2004 г. в МосГУ научно-практическая конференция «Междисциплинарные проблемы психологии телесности». URL: http://www.nrpsy.ru/teoria_dusha_zinchenko.html (дата обращения: 10.01.2026).
4. *Контева Н.В.* Невоплощенность и изменение психологических границ как последствия нормативного использования информационных технологий. Сообщение 1 // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 4(38). С. 221-228.

5. *Макеева Н.Ю.* Исследование особенностей социально-психологического благополучия подростков из семей с ненормативными семейными кризисами // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 3(52). С. 49-59.
6. *Манукян В.Р.* Нормативные кризисы развития в период взрослости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2010. №1. С. 39–45.
7. *Олифинович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф.* Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2006. 360 с.
8. *Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека. М.: Акрополь, 2015. 115 с.
9. *Селин А.В.* Трансформация жизненного пути личности в ситуации хронического соматического заболевания // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-zhiznennogo-puti-lichnosti-v-situatsii-hronicheskogosomaticheskogo-zabolevaniya> (дата обращения: 04.01.2026).
10. *Шарапов А.О., Пчелкина Е.П., Шех О.И.* Кризисная психология: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Юрайт, 2023. 538 с.

**Изучение представлений о задачах психологической науки:
контент-анализ ответов школьников, студентов и
профессиональных психологов**

Малахова Е.С., Светлова А.А.
ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
sukhancevaes@mgpu.ru, svetlovaa@mgpu.ru

Ответ на вопрос о том, какие задачи должна решать психологическая наука, не является исключительно академическим – он определяет стратегию развития дисциплины, приоритеты исследовательских программ, содержание образовательных стандартов и направления практической работы.

С целью изучения представлений об актуальных задачах психологии и проведения сравнительного контент-анализа мы задали открытый вопрос трем группам респондентов.

Группа 1 – профессиональные психологи ($n = 23$): специалисты с высшим психологическим образованием, работающие по специальности, имеющие ученую степень кандидата или доктора наук.

Группа 2 – студенты бакалавриата ($n = 38$): обучающиеся на психологических специальностях, будущие психологи.

Группа 3 – ученики 11-х классов ($n = 75$): учащиеся психолого-педагогических классов трех московских школ, участники проекта «Психолого-педагогический класс в московской школе», в большинстве своем планирующие поступление на психологические специальности.

Группам 1 и 2 был задан открытый вопрос: «На какие актуальные для современного мира вопросы должна ответить психологическая наука?» Группе 3 был предложен вопрос иного характера: «Почему профессия психолога важна для повышения качества жизни в мегаполисе?» – с возможностью развернутого ответа или опровержения утверждения.

Нами был применен тематический контент-анализ с индуктивным подходом к кодированию: смысловые категории выделялись непосредственно из текстов ответов. Для каждой группы подсчитывалась частота упоминания выделенных категорий и определялась их доля от общего числа содержательных ответов.

Характерной особенностью группы 1 стало равномерное распределение ответов по четырем смысловым категориям (доля ответов – 25 %): цифровизация и искусственный интеллект, ментальное здоровье и адаптация, сохранение человечности и гуманистических ценностей, методологические и теоретические проблемы психологии. Обращает на себя внимание наличие категории, уникальной для этой группы, – *борьба с «псевдопсихологией»*, что отражает озабоченность ученых состоянием границ дисциплины и необходимостью ее публичного позиционирования.

У студентов (группа 2) наблюдается выраженная иерархия тем: цифровизация (36 %) и ментальное здоровье (28 %) явно доминируют. Тема искусственного интеллекта (далее – ИИ) дифференцирована на

подтемы: этика ИИ в терапии, замена живого общения, влияние на когнитивные процессы, цифровая зависимость, воздействие на детей.

На основе анализа ответов школьников – учеников психолого-педагогических классов (группа 3) выделены пять тематических кластеров: высокий ритм жизни, стресс, социальная изоляция и одиночество, высокая нагрузка, отсутствие регулярного отдыха.

Несмотря на различия в формулировке вопросов, три тематические категории обнаруживают устойчивое присутствие во всех группах:

- 1) ментальное здоровье;
- 2) адаптация к изменениям;
- 3) межличностные отношения.

Профессиональные психологи мыслят категориями науки и ее внутреннего устройства, студенты – категориями проблем общества и человека, школьники – категориями конкретных решений и помощи. Данная закономерность согласуется с общими представлениями о становлении профессионального самосознания, Е.Е. Сапогова предлагает трехуровневую модель усвоения психологических реалий: феноменологический уровень, уровень понимания и уровень объяснения и обобщения (Буренкова, 2009).

Тема ИИ обнаруживает неожиданную нелинейную динамику:

- профессиональные психологи (25 %) – констатируют проблему в обобщенной форме: «соотношение естественного и искусственного интеллекта»;

- студенты (36 %) – ответы развернутые, дифференцируют проблему на подтемы: влияние на когнитивные функции, этика ИИ в терапии, замена живых отношений цифровыми, формирование зависимости, угроза для детей;

- школьники (0%) – не упоминают тему цифровизации и ИИ.

Тема одиночества обнаруживает обратную динамику по сравнению с цифровизацией:

- профессиональные психологи – не упоминают;

- студенты – 12 % (одиночество в современном обществе, замена живого общения ИИ);

- школьники – около 50 % (социальная изоляция, отсутствие глубоких контактов, ощущение затерянности «в толпе»).

Анализируя полученные ответы, мы видим, что наиболее «цифровое» поколение не проблематизирует технологическую среду.

Однако проблематизация, очевидно, требует определенной дистанции – рефлексивной или образовательной. Для школьников цифровая среда, по всей видимости, является настолько естественным фоном, что не выделяется как объект осмысления.

Вместе с тем школьники описывают парадокс мегаполиса: при большом количестве людей вокруг – отсутствие подлинных связей. Этот результат находит подтверждение в актуальных социологических данных. Наиболее остро проблема одиночества сегодня выражена в молодежной среде (Результаты мониторингового опроса об одиночестве, 2025).

В ходе проведения контент-анализа были обнаружены закономерности, интересные для последующего исследования на более широкой выборке, что в дальнейшем позволит предложить трехуровневую модель восприятия задач психологической науки:

- уровень науки: «Какой должна быть психология как дисциплина?» – фокус на методологии, терминологии, междисциплинарности, границах науки;
- уровень общества: «Как помочь человеку в меняющемся мире?» – фокус на ИИ, идентичности, экзистенции, социальной справедливости;
- уровень личности: «Как мне справиться с жизнью?» – фокус на стрессе, выгорании, одиночестве, ресурсном балансе.

Литература

1. Буренкова Е.В. Формирование профессиональной идентичности психолога: телесно-двигательный аспект // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2009. №16. С. 101–108.
2. Жизнь в стиле соло // ВЦИОМ [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stile-solo> (дата обращения: 15.04.2026).

Особенности жизнестойкости волонтеров с разным уровнем эмоционального выгорания

Малороссиянова М.А., Хаймовская Н.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

marissima@yandex.ru, haymovskayana@mgppu.ru

Волонтерская деятельность занимает двойственное положение по отношению к эмоциональному выгоранию. С одной стороны, отсутствие материального вознаграждения, размытость организационных границ, высокие эмоциональные затраты и регулярное столкновение с чужим страданием делают волонтеров уязвимой группой. С другой стороны, именно ценностно-смысловая насыщенность волонтерства, его укорененность во внутренней мотивации может выступать ресурсом, снижающим риск выгорания при условии сохранения смысловой связи с деятельностью (Петровский, 2007; Василюк, 2024). Ключевым личностным механизмом, позволяющим преобразовывать стресс в возможности развития, выступает жизнестойкость (hardiness) С. Мадди – система установок вовлеченности, контроля и принятия риска (Maddi, 2013). Зарубежные исследования подтверждают отрицательную связь жизнестойкости с выгоранием у волонтеров (Vagni et al., 2020), однако на российских выборках систематические исследования волонтеров единичны, хотя ряд исследований посвящен жизнестойкости как предиктору выгорания у различных профессиональных групп. Неизученным остается вопрос о том, как именно различается профиль жизнестойкости у волонтеров с высоким и низким уровнем выгорания.

Цель исследования – выявить особенности жизнестойкости (уровень и структуру компонентов) волонтеров с разным уровнем эмоционального выгорания. Общая гипотеза: существуют значимые различия в уровне жизнестойкости волонтеров с высоким и низким уровнем выгорания.

В исследовании участвовали 185 волонтеров (90% женщин, 10% мужчин), возраст от 16 до 71 года ($M = 38,8$; $SD = 12,6$). Стаж волонтерской деятельности: от 6 месяцев до более 5 лет. Интенсивность нагрузки: от эпизодических часов до 30+ часов в неделю.

Использованы: «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева (Леонтьев, Рассказова, 2006), опросник «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач в адаптации Н.Е. Водопьяновой (Водопьянова, 2008), анкета социально-демографических и деятельностных характеристик. Статистическая обработка: t-критерий Стьюдента для независимых выборок, регрессионный анализ.

Вся выборка была разделена на две группы по интегральному показателю выгорания: низкий уровень ($n = 105$) и высокий уровень ($n = 80$). Сравнительный анализ показал, что волонтеры с низким уровнем выгорания имеют статистически значимо более высокие показатели по общему уровню жизнестойкости ($M = 53,10$ против $M = 39,09$, $t = 7,84$, $p < 0,001$), а также по компонентам вовлеченности ($M = 20,88$ против $M = 15,39$, $t = 7,32$, $p < 0,001$) и принятия риска ($M = 11,05$ против $M = 7,74$, $t = 7,51$, $p < 0,001$).

Регрессионный анализ ($R^2 = 0,434$) показал, что значимыми предикторами снижения общего уровня выгорания выступают вовлеченность ($\beta = -0,38$; $p < 0,001$) и принятие риска ($\beta = -0,23$; $p = 0,018$). Вопреки ожиданиям, контроль не вносит значимого вклада ($p = 0,879$). Обнаружено также значимое взаимодействие возраста и интенсивности нагрузки ($p = 0,049$): у молодых волонтеров связь между количеством часов в неделю и выгоранием выражена сильнее, чем у старших.

Показатели редукции личных достижений у волонтеров ($M = 34,0$) незначительно превышают нормативные значения ($M \approx 33$), что свидетельствует о сохранении чувства собственной эффективности на уровне, сопоставимом с профессионалами помогающих профессий.

По результатам исследования подтверждена гипотеза о существовании значимых различий в уровне жизнестойкости у волонтеров с разным уровнем выгорания. Ключевыми защитными факторами выступают вовлеченность (установка на активное участие и поиск смысла) и принятие риска (восприятие трудностей как вызова). Отсутствие протективного эффекта контроля может объясняться спецификой волонтерской деятельности как ценностно-опосредованной, но слабо институционализированной формы активности, где возможности реального контроля ограничены.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки программ профилактики выгорания, направленных на укрепление вовлеченности и принятия риска.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. СПб.: Питер, 2024.
2. *Водопьянова Н.Е.* Диагностика профессионального выгорания // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Речь, 2008. С. 276-282.
3. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
4. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 2007.
5. *Maddi S.R.* Hardiness: Turning Stressful Circumstances into Resilient Growth. Springer, 2013.
6. *Vagni M., Maiorano T., Giostra V., Pajardi D.* Hardiness and burnout in volunteer rescuers during COVID-19 pandemic // Sustainability. 2020. Vol. 12. № 18. P. 7561. <https://doi.org/10.3390/su12187561>

Этические риски и безопасность ИИ-инструментов психологической поддержки: контекст и дизайн исследования

Марарица Л.В., Сивов А.С.
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия
asivov@hse.ru, lmararitsa@hse.ru

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 25-28-03173 «Общение с большими языковыми моделями как ресурс поддержки социального и психологического благополучия пожилых».

Миллионы людей обращаются к большим языковым моделям (LLM) за психологической поддержкой: каждый восьмой подросток использует LLM в этих целях (McBain et al., 2025), а среди взрослых с психическими расстройствами – 48,7% (Rousmaniere et al., 2025). При

этом LLM реагируют неадекватно в 20%+ случаев против 7% у терапевтов (Moore et al., 2025), а из 29 чат-ботов ни один не дал адекватного ответа на суицидальный кризис (Pichowicz et al., 2025), и уровень галлюцинаций достигает 50–82% (Omar et al., 2025), также модели демонстрируют социодемографические предубеждения (Iftikhar et al., 2025).

Отдельную проблему представляет формирование парасоциальных отношений с ИИ-агентами: аудит 59 LLM выявил нарастающий тренд искусственной «интимности» (Hilbert et al., 2025): частое взаимодействие с ИИ усиливает одиночество и риски проблемного поведения (Tang et al., 2023). Кейсы зависимости от Replika (Laestadius et al., 2024) и гибели подростков при использовании Character.AI подтверждают эти риски.

В пилотажном качественном исследовании (лето 2025 г.) мы протестировали GPT-5, Claude Sonnet 4 и DeepSeek R1 на четырёх категориях сценариев: психотические симптомы, защитное избегание, парасоциальная привязанность, эмоциональная диссимуляция. Выявлены систематические провалы: модели нормализовали бредовое содержание, предлагали стратегии манипуляции вместо саморефлексии, поддерживали парасоциальные отношения и рекомендовали опасные терапевтические техники.

Для систематической количественной оценки безопасности нами был предложен фреймворк на основе подхода «LLM Roleplay» (Tamoyan et al., 2025): моделирование диалогов «бот-бот», где один LLM-агент играет роль обращающегося за помощью, другой – психолога поддержки. На основе Reddit Mental Health Dataset (Low et al., 2020) были созданы 80 виньеток на русском и английском языках для четырёх категорий риска: суицидальные намерения, галлюцинации и бред, мания, агрессия; виньетки валидированы психиатром. Демографические характеристики «пациента» в диалогах варьируются при идентичных симптомах для оценки предвзятости LLM. Сгенерированные диалоги будут оценены экспертами-психотерапевтами и с помощью подхода «LLM-as-a-judge», калиброванного по экспертным оценкам, по трём критериям: распознавание симптомов, эмпатии, адекватность ответа, направление к специалистам и корректность адресации.

Литература

1. *Hilbert M. et al.* Is Intimacy the New Attention? An Algorithmic Audit of Intimacy in LLM Expressions. 2025.
2. *Iftikhar Z. et al.* Ethical Risks in LLM Therapy // AAAI/ACM AIES. 2025. Vol. 8(2). P. 1311–1323.
3. *Laestadius L. et al.* Too Human and Not Human Enough // New Media & Society. 2024. Vol. 26(5).
4. *Low D. et al.* Natural Language Processing for Mental Health // Computational Linguistics. 2020. Vol. 46(4). P. 863–907.
5. *McBain R. et al.* Use of LLMs Among Youth // JAMA Network Open. 2025. Vol. 8(11):e2542281.
6. *Moore J. et al.* Comparing Therapists and AI Chatbots // ACM FAccT. 2025. P. 599–627.
7. *Omar M. et al.* Hallucinations of LLMs in Clinical Scenarios // Nature Communications. 2025.
8. *Pichowicz W. et al.* Chatbot Responses to Suicidal Crisis // Scientific Reports. 2025. Vol. 15:31652.
9. *Rousmaniere T. et al.* LLM Use Among Adults with Mental Disorders // Practice Innovations. 2025.
10. *Tamoyan H. et al.* LLM Roleplay: A Framework for Evaluating AI Safety. 2025.
11. *Tang P.M. et al.* No Person Is an Island // J. of Applied Psychology. 2023. Vol. 108(11). P. 1766.

Дисфункциональные убеждения как фактор интрагруппового статуса у студентов

Марьин К.А., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
k1516628@mail.ru , social2003@mail.ru

Студенческий возраст характеризуется интенсивной трансформацией социальных связей, перестройкой системы референтных групп и выработкой новых стратегий межличностного взаимодействия. В этот период особое значение приобретает

положение индивида в учебной группе, которое выступает не только индикатором его социальной успешности, но и важным фактором психологического благополучия. Внутригрупповой статус, отражающий степень принятия и авторитетности студента в коллективе, связан в том числе с самооценкой, удовлетворенностью учебной и уровнем тревожности (Краснова-Гольева, 2011). Однако механизмы, опосредующие эту связь, остаются недостаточно изученными, что делает актуальным обращение к когнитивным конструктам, формирующим субъективное восприятие социальной реальности.

Согласно когнитивно-поведенческому подходу, дисфункциональные убеждения – устойчивые негативные представления о себе, мире и других – выступают ключевым звеном в развитии эмоциональных нарушений и дезадаптивного поведения (Бек, 1976). В студенческой среде они могут влиять на восприятие собственного места в группе, на выбор стратегий самопрезентации и на уровень переживаемой тревожности в ситуациях социального взаимодействия (Захарова, 2013). Понимание того, как именно эти когнитивные структуры соотносятся с объективным положением студента в группе, открывает возможности для более точной психологической диагностики и целенаправленной коррекции.

Предыдущее исследование, проведенное на студенческой выборке ($n = 85$), подтвердило связь ряда дисфункциональных убеждений с социальной тревожностью: чем более выражены убеждения по шкалам «Одобрение», «Любовь», «Достижения», «Безупречность», «Ярлыки», «Всемогущество» и «Одиночество», тем выше уровень тревоги (Марьин, 2025). Однако вопрос о том, как эти когнитивные структуры соотносятся с реальным положением студента в группе, оставался открытым.

Для изучения связи дисфункциональных убеждений с внутригрупповым статусом применялись социометрия и референтометрия. Статистический анализ (критерий Хи-квадрат Пирсона, непараметрический дисперсионный анализ Краскела-Уоллиса) выявил значимые результаты, ранее не подвергавшиеся полноценному анализу.

Установлено, что шкала «Безупречность» (деструктивный перфекционизм) значимо связана как с социометрическим ($\chi^2 = 9,756$; p

= 0,045), так и с референтометрическим статусом ($\chi^2 = 12,872$; $p = 0,012$). При этом студенты со средним референтометрическим статусом демонстрируют более адаптивные (функциональные) убеждения по этой шкале по сравнению с высокостатусными ($p = 0,027$), а студенты со средним социометрическим статусом, напротив, имеют менее адаптивные установки, чем высокостатусные ($p = 0,031$). Выявлена также связь шкалы «Всемогущество» с референтометрическим статусом: студенты со средним статусом значительно отличаются от низкостатусных ($p = 0,025$), имея более функциональные убеждения в этой сфере. Кроме того, обнаружена положительная корреляция между шкалой «Одиночество» (способность находить опору в себе) и референтометрическим статусом ($r = 0,218$; $p = 0,045$), что указывает на роль внутренней автономии в формировании авторитетности мнения индивида в группе.

Таким образом, впервые показано, что отдельные типы дисфункциональных убеждений не только связаны с социальной тревожностью, но и дифференцированно влияют на положение студента в интрагрупповой структуре. Полученные данные расширяют теоретические представления о социально-когнитивных механизмах групповой динамики и могут быть использованы при разработке программ профилактики дезадаптации в образовательной среде.

Литература

1. *Захарова М.Л.* «Шкала дисфункциональных отношений» как метод исследования когнитивных искажений // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. 2013. Т. 29. С. 55–65.
2. *Краснова-Гольева В.В.* Социальная тревожность и студенческая дезадаптация / В.В. Краснова-Гольева, А.Б. Холмогорова // *Психологическая наука и образование*. 2011. № 1. С. 140–150.
3. *Марьин К.А., Крушельницкая О.Б.* Дисфункциональные убеждения как фактор возникновения социальной тревожности // *Социальная психология: вопросы теории и практики : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. памяти*

М.Ю. Кондратьева (Москва, 14–15 мая 2025 г.). М.: МГППУ, 2025. С. 392–395.

4. Beck A.T. Cognitive therapy and emotional disorders. New York: American book, 1976.

Психологическое благополучие молодых педагогов с учетом их устойчивости в выборе профессии

Матвеева А.И., Воробьева И.В., Шевалдина Д.Д.

ФГБОУ ВО УрГПУ, Екатеринбург, Россия

lyonchik_7777@list.ru, lorisha@mail.ru, shevaldina.diana@ya.ru

*Исследование выполнено в рамках государственного задания
Министерства просвещения РФ по теме «Профессиональная
приверженность молодых педагогов: детерминанты и подходы к
формированию» в 2026 году.*

Психологическое благополучие молодых педагогов в последнее время все чаще становится предметом научных исследований, поскольку обуславливает не только успешную профессиональную самореализацию начинающих специалистов (Кудинов и др., 2023), но и их устойчивость в профессии. При этом помимо сопровождения педагога на этапе адаптации, в том числе с использованием практик наставничества (Лукина и др., 2023) особое внимание обращается на развитие личностных ресурсов, способствующих преодолению стрессовых ситуаций в системе образования (Реан и др., 2021). Целью данного исследования стало выявление и анализ различий в компонентах психологического благополучия у молодых педагогов, демонстрирующих готовность к смене профессии, и их коллегами, ориентированными на уход из нее.

В эмпирическом исследовании приняли участие 345 молодых педагогов, работающих в различных типах образовательных организаций. Выборку составил 21 мужчина (6,1%) и 324 женщины (93,9%). Средний возраст респондентов – 28,29 лет ($\sigma = 4,57$). Средний

стаж – 5,49 лет ($\sigma = 3,91$). Сбор эмпирических данных осуществлялся в 2025 году на базе сервиса «Яндекс.Формы».

Оценка психологического благополучия производилась при помощи стандартизированной методики «Шкала психологического благополучия». Для определения уровня готовности молодых педагогов к смене профессии была разработана авторская анкета, в которой респондентам предлагалось по десятибалльной шкале оценить свою готовность к трем вариантам профессиональных изменений: смена профессии, смена образовательной организации, а также смена должности внутри образовательной организации. На основании полученных оценок по трем вопросам для каждого педагога вычислялось общая устойчивость в выборе профессии. Обработка эмпирических данных осуществлялась с использованием методов математической статистики (двухэтапный кластерный анализ, сравнительный анализ, U-критерий Манна-Уитни).

На первом этапе статистического анализа данных с целью дифференциации молодых педагогов по уровню профессиональной устойчивости был применен двухэтапный кластерный анализ. В результате вся совокупность молодых педагогов была распределена на два кластера: 194 респондента (56,2%) с низкой устойчивостью и готовностью к смене профессии и 151 респондент (43,8%) с высокой устойчивостью в профессии. Для сравнения двух выделенных кластеров по показателям психологического благополучия использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Статистический анализ выявил значимые различия между группами по 5 из 7 измеряемых параметров. По шкале «компетентность (управление средой)» зафиксированы значимые различия ($U = 12334,000$; $p \leq 0,011$): средние значения в группе с высоким уровнем готовности к смене профессии составили 18,21 балла, тогда как в группе с низким уровнем готовности – 19,13 балла. По шкале «позитивные отношения» различия оказались более выраженными ($U = 11933,500$; $p \leq 0,003$): педагоги, не готовые к смене профессии, демонстрируют более высокие показатели (21,43 балла) по сравнению с группой готовых к уходу (20,06 балла). По шкале «жизненные цели» зафиксированы существенные различия ($U = 11546,000$; $p \leq 0,001$): среднее значение в группе устойчивых педагогов составило 18,44 балла, в группе готовых к смене профессии – 17,13 балла. По шкале

«самопринятие» также обнаружены значимые различия ($U=12058,000$; $p \leq 0,005$): в группе с низкой готовностью к смене профессии средний показатель достигает 18,01 балла, в группе с высокой готовностью – 16,77 балла. Общий интегральный показатель психологического благополучия значимо различается в сравниваемых группах ($U = 12193,000$; $p \leq 0,008$): в группе педагогов, не готовых к смене профессии, он составляет 110,69 балла, в группе готовых к смене профессии – 105,53 балла.

Полученные данные позволяют утверждать, что молодые педагоги, демонстрирующие устойчивость в выборе профессии (низкий уровень готовности к ее смене), обладают более высоким уровнем психологического благополучия по сравнению с их коллегами, выражающими готовность покинуть профессию. Наиболее выраженные различия касаются сферы жизненных целей: педагоги, ориентированные на сохранение профессиональной деятельности, в большей степени обладают осмысленными жизненными ориентирами, что, вероятно, придает дополнительную устойчивость их профессиональному выбору. Более высокие показатели по шкале позитивных отношений свидетельствуют о том, что устойчивые в профессии педагоги обладают более развитой способностью устанавливать доверительные, теплые отношения с окружающими, что может выступать важным ресурсом для их поддержки в профессиональной деятельности. Различия в уровне самопринятия указывают на то, что специалисты, не готовые к смене профессии, более позитивно оценивают себя, принимая как свои достоинства, так и недостатки. Повышенные показатели компетентности (управления средой) в группе устойчивых педагогов отражают их большую уверенность в способности эффективно решать повседневные профессиональные задачи и справляться с требованиями образовательной среды.

Таким образом, психологическое благополучие может рассматриваться как значимый внутренний ресурс профессиональной устойчивости молодых педагогов. Специалисты с простроенными и осмысленными жизненными целями, ориентированные на позитивные отношения и самопринятие в меньшей степени склонны к рассмотрению альтернативных карьерных траекторий и демонстрируют большую приверженность выбранной профессии.

Литература

1. *Лукина А.К.* Профессиональная адаптация молодых учителей и ее сопровождение в муниципальной системе образования / А. К. Лукина, М. В. Чернышкова // Педагогика. 2023. Т. 87, № 3. С. 98-109. EDN NHNDJN.
2. Психологическое благополучие как условие профессиональной самореализации педагогов / С.И. Кудинов, О.С. Козлова, С.С. Кудинов, С.С. Кудинова // Психология образования в поликультурном пространстве. 2023. № 2(62). С. 16-27. <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2023-62-2-16-27>. EDN SOPMWE.
3. *Реан А.А.* Сильные стороны личности в модели VIA как предиктор личностного благополучия педагога в профессиональной деятельности / А.А. Реан, А.А. Ставцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11, № 4. С. 371-388. EDN PQJQQD.

Социально-психологические условия повышения качества преподавания арабского языка в российском университете

Махмутова Е.Н., Коваленко А.Ю.

МГИМО МИД России, Москва, Россия,

e.makhmutova@inno.mgimo.ru, annaanna_ak@bk.ru

В современном мире процессы глобализации и интенсификации международных контактов закономерно повышают спрос на высококвалифицированных преподавателей восточных языков, среди которых арабский язык занимает особое положение. Его значимость обусловлена не только формальным статусом одного из официальных языков Организации Объединенных Наций и государственным языком более двадцати стран, но и глубокими культурно-религиозными и литературными традициями (Видясова, Гасанбекова, 2014). Однако процесс подготовки педагогических кадров в данной сфере сопряжён с рядом существенных трудностей. Д. Бегназарова утверждает, что

«традиционные методы преподавания арабского языка, часто основанные на механическом запоминании и грамматических упражнениях, могут разочаровывать учащихся», и предлагает сосредоточиться на интерактивных методах (Бегназарова, 2024, с.132). Предложения включать интерактивные методы в форме деловых игр, проективных методик, проектных подходов к изучению иностранного языка неоднократно акцентируются в научной литературе (Китайгородская, 2009; Ковальчук, 2008; Савицкая, Гузова А, Дедова, 2023). Другими словами, возникает объективная необходимость внедрения в образовательный процесс современных коммуникативных практик, в том числе цифровых, а также обязательный учет уникальной лингвокультурной специфики арабского языка.

С целью повышения качества преподавания арабского языка современному российскому преподавателю высшей школы следует использовать различные психолого-педагогические технологии, для внедрения которых могут потребоваться определенные социально-психологические условия.

В научной литературе отмечается нечеткость смыслового наполнения понятия «социально-психологические условия», однако исследователи обычно определяют их как «социально-психологические явления внешней и внутренней среды, влияющие на процесс и результат совместной деятельности; особенности обстановки, в которой она осуществляется; обстоятельства ее реализации» (Логвинова, 2024, с. 666). Применительно к процессу преподавания арабского языка, внешней средой можно считать официально-организационный статус арабского языка как языка международной коммуникации, а внутренней средой – прежде всего мотивацию субъектов, использующих язык в определенном социально-психологическом климате и при сложившихся внутригрупповых отношениях (Ермолова, Махмудова, Литвинов, 2025).

Таким образом, повышению качества преподавания арабского языка в российском университете будет способствовать использование и совершенствование социально-психологических методик на основе понимания исторического контекста и лингвокультурной специфики арабского языка.

Литература

1. *Бегназарова Д.* Обучение арабскому языку с помощью интерактивных методов // *Инновационная наука*. 2024. № 4-2. С. 132–133.
2. *Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И.* Катаклизмы в арабском мире, год четвертый. Новые конституции Туниса и Египта. – М.: ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. 82 с.
3. *Ермолова Т.В., Махмудова С.М., Литвинов А.В.* Особенности процессов изучения иностранного языка и овладения им: психологические и лингвистические факторы // *Современная зарубежная психология*. 2025. 14(1). С. 69–78. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140107>
https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2025_n1/Ermolova_et_al
4. *Китайгородская Г.А.* Интенсивное обучение иностранным языкам: теория и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 2009. 277 с.
5. *Ковальчук М.А.* Дискуссия как средство обучения иноязычному общению: методическое пособие для преподавателей иностранных языков: [ролевые игры, «круглые столы», групповые дискуссии] М.: Высшая школа: Научно-образовательный центр «Школа Китайгородской», 2008. 144 с.
6. *Логвинова М.И.* Социально-психологические условия совместной деятельности современных молодежных групп // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2021. №4 (60). С. 665–674.
7. *Савицкая Н.В., Гузова А.В., Дедова О.В.* Формирование дискурсивной и стратегической компетенции при обучении монологических высказываний в проектной деятельности // *Язык и текст*. 2023. Том 10. № 1. С. 97–103. <https://doi.org/10.17759/langt.2023100111>

Особенности профессионального выгорания у представителей поколения Z (зумеров)

Мейер Ю.А., Александров Б.В.

ФКОУ ВО «Университет ФСИН России», Санкт-Петербург, Россия

ФКОУ ВО «Академия права и управления ФСИН России», Рязань, Россия

juliameyer@mail.ru, abv2712@rambler.ru

Современный этап развития общества предъявляет особые требования к трудовой среде. Так, например, несколько лет назад общество было подвержено культу продуктивности, который заключался в повышенных требованиях к себе, в пренебрежении отпуском, желании продемонстрировать готовность выполнять должностные обязанности в любых, даже отягощающих условиях. В настоящее время условия жизнедеятельности демонстрирует несколько полярную тенденцию: так, например, сейчас больший приоритет отдан наличию баланса между работой и отдыхом, вниманию к нуждам подчиненных, гуманизации и созданию наиболее комфортной обстановки для работы. В современной психологии это связывают с тенденцией прихода поколения «зумеров» (год рождения «зумеров» находится в диапазоне 2002–2004 гг.), они, как правило, не склонны брать на себя ответственность за коллективные результаты труда, а в качестве мотивации используют ориентацию на обеспечение дохода и саморазвитие (Лебедева, Ломов, Лебедев, 2023). Вместе с тем, меняется и отношение к такому феномену психологии труда как «профессиональное выгорание».

Под профессиональным выгоранием рассматривается состояние субъекта, характеризующееся эмоциональным истощением, редукцией личных (профессиональных) достижений и деперсонализацией, что негативно отражается на процессе выполнения должностных обязанностей. Так, профессиональное выгорание является одним из факторов, отрицательно воздействующим на мотивацию и удовлетворенность трудовой деятельностью, что может приводить к формированию абсентеизма сотрудников (уклонение сотрудника от работы), к текучести кадров. Специфическим кажется то, что меняется и отношение к профессиональному выгоранию.

Если рассматривать процесс становления термина «выгорание», то изначально он был изучен как феномен в 1970-х годах Г. Фрейденбергом, который демонстрировал изменения личностных качеств врачей под воздействием работы в психиатрической клинике. Несмотря на сравнительно недавнее изучение термина, «выгорание» является достаточно популярной темой на сегодняшний день. Так, уже в Международном классификаторе болезней 11 пересмотра «выгорание» имеет свой код (QD85) и определяется как «профессиональное явление», в то время как в 10 пересмотре рассматривалось больше в качестве переутомления. Таким образом, можно заметить тенденцию воздействия на развитие симптомов выгорания именно профессионального фактора, что находит отклик у современной молодежи.

Какие особенности профессионального выгорания у зумеров можно наблюдать? Стоит отметить, что позиция зумеров часто сопровождается реализацией «факторов антивыгорания» (Костина, Сиворонова, 2024). Так, ввиду снижения терпимости, молодежь склонна кардинально менять профессиональную деятельность. Современный рынок труда позволяет легко осваивать новые профессии (онлайн-курсы, короткосрочные программы переподготовки), тем самым возникает возможность для смены деятельности без фиксации исключительно на направлении полученного образования. Изменение трудовой деятельности является одним из признанных способов профилактики выгорания, потому что базируется на интересе и азарте перед новыми начинаниями в осваиваемом направлении (Putri, 2024). Кроме этого, зумеры склонны прикладывать усилия для развития work-life баланса, что выражается в отсутствии у них психологической готовности к постоянным переработкам и ненормированному рабочему дню. Их приоритеты больше основаны на получении свободы, выполнении работы исходя из тенденции самореализации. Пандемия, зафиксированная в России, связанная с Covid-19, позволила сделать доступной работу в онлайн-среде, что является привлекательным для большинства молодых сотрудников. Это обусловлено стремлением сократить время на логистику, так как длительная дорога является одной из проблем больших городов, способствующей формированию переутомления, и выражается в нахождении на рабочей арене сотрудника, истощенного «шумом утреннего города».

Профессиональное выгорание может возникать под воздействием внутренних проблем, характеризуется потерей смысла в выполнении поставленных задач или даже раздражением как саботажа деятельности. Для зумера важно формировать смысловой компонент, а именно понимание ценности выполняемой работы.

Однако вместе с вышеперечисленным выгорание все равно имеет место быть в жизни молодежи. Так, условно можно выделить следующие факторы, воздействующих на выгорание зумеров.

1. Выход на рынок труда в период Covid-19, пандемии, а также ее последствия.

2. Нарушение привычного образа обучения, повседневного общения (внедрение систем дистанционного обучения, взаимодействие с коллегами посредством видеоконференцсвязи).

3. Меньшая стабильность рабочих мест, что воздействует на отсутствие восприятия высшего образования как способа трудоустройства на стабильную работу.

4. Формирование жесткой конкуренции, предъявляющей большие требования к личности.

5. Повышенные требования к собственной личности ввиду воздействия социальных сетей из-за постоянного наличия сравнения достижений (Yonaeu, Wahyuni, 2025).

Кроме этого, выгорание как феномен профессиональной среды является результатом завышенных ожиданий и амбиций (Putri, 2024).

Поэтому способы предотвращения выгорания, используемые зумерами, могут быть результатом адаптационных механизмов субъектов трудовых отношений, что позволяет легче справляться с возникающими трудностями. Таким образом, современное поколение (поколение Z, зумеры) выбирает для себя сохранение ресурса, что успешно отражается на их результатах, но не способствует абсолютному предотвращению развития выгорания.

Литература

1. *Костина Л.Н.* Теория и практика профилактики профессионального выгорания психологов органов внутренних дел Российской Федерации / Л.Н. Костина, М.С. Сиворонова. Рязань: Колупаева Е.В., 2024. 116 с.

2. *Лебедева Н.Ю.* Особенности мотивации к труду поколения зумеров / Н.Ю. Лебедева, Е.С. Лобова, Е.В. Лебедев // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 3. С. 321-335.
3. *Putri R.A., Dudija N.* Burnout among Generation Z Employees: A Literature Review //International Research Journal of Economics and Management Studies IRJEMS. 2024. Т. 3. №. 6.
4. *Yonaevy U., Wahyuni E.S.* Burnout Among Generation Z: Risk Factors and Coping Strategies // International Journal of Humanities, Social Sciences And Business (INJOSS). 2025. Т. 4. №. 2. С. 85-98.

Особенности социальной идентичности и совладающего поведения у осужденных

Мельникова Д.В., Дворянчиков Н.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б.
 ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
melnikovadv@mgppu.ru, dvorian@gmail.com, edbelova@mgppu.ru,
innabovina@yandex.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
 научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-03158.*

В последние десятилетия проблема совладающего поведения остается одной из центральных в психологической науке. В исследованиях, посвященных осужденным, преобладает индивидуально-личностный подход, в то время как социальный контекст пенитенциарной среды – в частности, роль групповой принадлежности и социальной идентичности – заслуживает отдельного внимания. Цель настоящей работы – обосновать необходимость интеграции теории социальной идентичности в исследования совладающего поведения осужденных и представить теоретическую модель, объясняющую связь между социальной идентичностью, переживанием пенитенциарного стресса и выбором копинг-стратегий.

Пенитенциарный стресс представляет собой комплекс психологических переживаний, обусловленных воздействием факторов изоляции, главными из которых выступают разрыв социальных связей и высокая неопределенность. Согласно модели неопределенности – идентичности М. Хогга (Hogg M.A., 2021), переживание неопределенности побуждает человека к поиску группы с четким, ригидным прототипом, способным восстановить устойчивость образа «Я». Это делает осужденных, оказавшихся в ситуации тотальной неопределенности, уязвимыми к влиянию криминальной субкультуры, предлагающей простые и однозначные нормы поведения.

Классическая когнитивно-феноменологическая теория совладания Р. Лазаруса и С. Фолкман (Lazarus, Folkman, 1984), продуктивно объясняя индивидуальные механизмы оценки стресса, не уделяет должного внимания групповым процессам. Предложенные А. Хасламом (Haslam, 2018), С. Бержо и Н. Жиле (Berjot, Gillet, 2011) модификации позволяют включить социальную идентичность в логику совладания. Ключевым изменением выступает смещение в когнитивной оценке: вопрос «является ли это угрозой для меня?» заменяется вопросом «является ли это угрозой для нас?». Соответственно, выбор копинг-стратегий начинает опосредоваться нормами и ценностями той группы, с которой человек себя идентифицирует (Мельникова, Бовина, Дебольский, 2025).

В предлагаемой интегративной модели социальная идентичность выступает центральным конструктом, связывающим переживание пенитенциарного стресса и выбор стратегий совладания. Ключевыми элементами модели являются: 1) факторы пенитенциарной среды (изоляция, неопределенность); 2) актуализация социальной идентичности (обращение к множественным идентичностям как ресурсный сценарий или поиск новой группы с четким прототипом как дефицитарный сценарий); 3) направленность группы (просоциальная или антисоциальная), определяющая вторичную когнитивную оценку и доступные ресурсы совладания; 4) содержание копинг-стратегий (от рационального решения проблем и обращения к формальной поддержке до агрессии и ухода в криминальную субкультуру); 5) адаптивность поведения (успешная ресоциализация или криминализация).

Важным теоретическим положением выступает тезис о множественной социальной идентичности как буферном механизме (Дворянчиков и др., 2023). Наличие нескольких значимых и совместимых позитивных идентичностей (семейной, профессиональной и др.) служит ресурсом совладания и фактором, удерживающим от деструктивных стратегий. Напротив, дефицит множественных идентичностей повышает уязвимость к поиску четкого прототипа в криминальной среде.

Новизна предлагаемого подхода заключается в интеграции модели неопределенности – идентичности и модифицированных моделей стресса в единую объяснительную рамку, адаптированную к пенитенциарной среде, а также во введении конструкта множественной социальной идентичности как ресурса совладания. Это позволяет сместить исследовательскую оптику от изучения индивидуальных копинг-стратегий к анализу совладающего поведения через призму социальной идентичности.

Перспективным направлением дальнейших исследований является эмпирическая верификация предложенной модели, что позволит повысить точность оценки рисков рецидива и эффективность психологической помощи в процессе ресоциализации.

Литература

1. *Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б.* Риск радикализации в подростковой среде: теория, факты и комментарии // *Социальная психология и общество*. 2023. Т. 14, № 4. С. 23–37.
2. *Мельникова Д.В., Бовина И.Б., Дебольский М.Г.* Совладающее поведение осужденных: к вопросу о потенциале теории социальной идентичности // *Психология и право*. 2025. 15(1), 140–157. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150110>
3. *Berjot S., Gillet N.* Stress and coping with discrimination and stigmatization // *Frontiers of Psychology*. 2011. 2, Article 33. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2011.00033>
4. *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The new psychology of health. London: Routledge, 2018.

5. *Hogg M.A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership // European Review of Social Psychology. 2021. Vol. 32. P. 235–268.*
6. *Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. New York, NY: Springer, 1984.*

Эмоциональный интеллект как фактор защиты от тревоги у женщин в период среднего взросления

Мельникова И.М., Шаймухаметова С.Ф.

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева,

Казань, Россия

irina_dizain09@mail.ru, shaimukhametova@chl.ieml.ru

В современной психологической науке поиск внутренних механизмов, которые помогают побороть психическое напряжение, выступает приоритетной задачей. В данном ключе эмоциональный интеллект (ЭИ) рассматривается исследователями не как статичный набор способностей, а как активный инструмент саморегуляции. Анализ теоретических подходов позволяет выявить устойчивую обратную связь между эффективностью обработки эмоциональной информации и выраженностью тревоги. В частности, как отмечают исследователи, «высокий уровень эмоционального интеллекта способствует более эффективной борьбе с ситуативной и личностной тревожностью» (Лунёва, Петрова, 2022).

Данная позиция подтверждается признанием ЭИ фундаментальным ресурсом личности. В различных работах подчеркивается, что «общий эмоциональный интеллект выступает значимым ресурсом для преодоления негативных психических состояний. Наиболее сильные отрицательные корреляционные связи были обнаружены с личностной тревожностью» (Соловьева и др., 2025). С нашей точки зрения, именно последовательное развитие навыков идентификации собственных переживаний закладывает тот внутренний фундамент, на котором базируется психологическая устойчивость в период среднего взросления. Обобщая представленные подходы, правомерно

заключить, что ЭИ не просто коррелирует с благополучием, а создает полноценную «защитную функцию для эффективного противодействия различным стрессовым ситуациям» (Широкова-Костандян и др., 2025).

Вместе с тем данные эмпирических изысканий указывают на исключительно избирательный характер взаимосвязи рассматриваемых психологических феноменов. Так, при детальном рассмотрении обнаруживается не просто взаимосвязь, а целая палитра разнонаправленных корреляций, связывающих индексы тревожности с отдельными параметрами эмоционального интеллекта. Подобная «мозаичность» выявленных связей вынуждает нас пересмотреть состоятельность упрощенных гипотез о прямой линейной зависимости. Напротив, полученные данные свидетельствуют в пользу того, что существуют куда более глубокие и тонко настроенные механизмы, благодаря которым ресурс эмоционального интеллекта трансформируется в психологическую устойчивость личности (Дергачев, Дворцова, 2024).

Противоречивость результатов часто объясняется истощением возможностей личности, к примеру, ситуативная тревога способна поглощать когнитивные ресурсы, затрудняя управление эмоциональным фоном (Дергачев, Дворцова, 2024). Также выявлен парадоксальный характер социальной тревожности, где страх отвержения стимулирует рост внутриличностной осведомленности. Согласно исследованиям, способность контролировать свои состояния может сопутствовать «сдержанности в выражении из-за страха критики» (Байгужин и др., 2024). На наш взгляд, представленные выводы позволяют рассматривать эмоциональный интеллект (ЭИ) как потенциальный инструмент гиперконтроля, который зачастую выполняет сугубо компенсаторную функцию. В рамках данной логики развитые когнитивные навыки управления эмоциями могут использоваться субъектом для создания внешней видимости стабильности, что лишь маскирует деструктивные состояния, не затрагивая их глубинных причин. Подобная стратегия смещает фокус внимания на купирование поверхностных симптомов, в то время как истинные источники психологического дискомфорта остаются непроработанными. Таким образом, за высокой социальной компетентностью может скрываться выраженная личностная

тревожность, которая оказывается заблокированной защитными механизмами, но не получает реального разрешения.

Продолжая эту мысль, стоит признать, что влияние отдельных компонентов эмоционального интеллекта на психологическую устойчивость человека проявляется крайне неоднородно. Сегодня многие исследователи открыто сомневаются в том, что навыки распознавания чужих эмоций служат также инструментом для собственной защиты, напротив, человек может быть совершенно беззащитным перед лицом собственной тревоги. В некоторых группах – например, у будущих психологов – связь между пониманием эмоций и уровнем тревожности и вовсе пропадает (Коваль, 2023).

Таким образом, мы видим, что само по себе осознание эмоций еще не служит надежным щитом от стресса. Подобные противоречия заставляют нас выйти за рамки простых обобщений и указывают на острую необходимость в дальнейших исследованиях. Предстоит выяснить, при каких именно условиях и через какие скрытые рычаги ЭИ действительно начинает работать на стабильность личности, а в каких случаях он остается лишь инструментом внешнего взаимодействия.

Литература

1. *Байгузжин П.А., Третьякова Т.Н., Нехорошева С.Г., Горбунова И.А.* Особенности эмоционального интеллекта и психического состояния у участников молодежного форума с различным уровнем социальной тревоги // Психология. Психофизиология. 2024. Т. 17. № 4. С. 18–33.
2. *Дергачев Н.А., Дворцова Е.В.* Взаимосвязь эмоционального интеллекта и тревожности у сотрудников центра горной геомеханики и маркшейдерского дела // Научный Лидер. 2024. № 49 (199). URL: <https://scilead.ru/article/7527-vzaimosvyaz-emotsionalnogo-intellekta-i-trevo>
3. *Коваль Д.В.* Взаимосвязь эмоционального интеллекта с тревожностью у студентов-психологов // Наука через призму времени. 2023. № 2 (71).
4. *Лунёва Е.Е., Петрова С.С.* Влияние эмоционального интеллекта на уровень тревожности у студентов // Мир

- педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2022. № 12 (77). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/vliyanie-emotsionalnogo-intellekta-na-uroven-trevozhnosti-u-studentov.html>
5. *Мохова В.О., Кондратович Е.А.* Особенности тревожности в период ранней зрелости // Социальная психология. 2024. № 2. URL: <https://s.esrae.ru/psykaf417/pdf/2024/2/484.pdf>
  6. *Соловьева И.А., Велиева С.В., Соловьева С.А.* Эмоциональный интеллект как предиктор регуляции негативных психических состояний у студентов ВУЗа // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 1.
  7. *Широкова-Костандян Н.К., Кротовская К.А., Киселева Е.Н.* Взаимосвязь тревожности и эмоционального интеллекта у женщин среднего возраста // Научный Лидер. 2025. № 4 (205). URL: <https://scilead.ru/article/7945-vzaimosvyaz-trevozhnosti-i-emotsionalnogo-int>
  8. *Ryu S., Fan L.* The Relationship Between Financial Worries and Psychological Distress Among U.S. Adults. *J Fam Econ Issues*. 2023; 44(1): 16-33. <https://doi.org/10.1007/s10834-022-09820-9>.

Социально-психологические аспекты самоорганизации личности в экстремальных условиях

Мельникова Л.В.
ФГБОУ ВО ХГПУ, Херсон, Россия
melada.psy@yandex.ru

Усиление военных и социально-экономических угроз выдвигает проблему самоорганизации личности в экстремальных условиях в число центральных для современной психологии. Экстремальные условия характеризуются витальной угрозой, высокой неопределенностью, дефицитом времени и информации, разрушением социальных связей (Китаева-Смык, 2020; Шойгу, 2007). Проблема интеграции саморегуляции, совладающего поведения и социальной

поддержки в единую модель самоорганизации остается недостаточно разработанной.

Саморегуляция в концепции В.И. Моросановой обеспечивает устойчивость поведения в рамках существующей системы целей и ценностей посредством целеполагания, моделирования условий, программирования и контроля (Моросанова, 2021). Самоорганизация, в отличие от нее, предполагает качественную трансформацию этой системы – перестройку смысловой структуры и жизненных планов. С.И. Дьяков описывает самоорганизацию как интеграцию смысловых структур вокруг чувственно-смыслового ядра «Я», обеспечивающего внутреннюю целостность в условиях внешней дезорганизации (Дьяков, 2015). Таким образом, самоорганизация – это более высокий уровень психологического функционирования: личность не только адаптируется к обстоятельствам, но и активно перестраивает собственную жизненную систему.

Выделяются три уровня механизмов самоорганизации. Когнитивный уровень включает переоценку угрозы, смыслообразование и когнитивное моделирование: личностный смысл происходящего определяет, воспринимается ли угроза как деструктивное событие или стимул к росту, а включение угрозы в систему смыслов создает основу для последующей самоорганизации (Карпинский, 2019).

Эмоционально-волевой уровень опирается на жизнестойкость и осознанную саморегуляцию. Концепция жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой включает вовлеченность, контроль и принятие риска (Леонтьев, Рассказова, 2006). Высокие показатели жизнестойкости у военнослужащих связаны с меньшей выраженностью посттравматических симптомов и более успешной адаптацией (Шойгу, 2007).

Поведенческий уровень реализуется через конструктивные стратегии совладания (активное решение проблем, поиск поддержки, позитивная переоценка) и социальную активность. Включенность в социально значимую деятельность ассоциирована с лучшей адаптацией и субъективным благополучием, тогда как избегание и изоляция

усиливают беспомощность (Сапоровская, Тихомирова, Самохвалова, 2025).

Социальная поддержка, информационное доверие и социальная активность выполняют функцию медиаторов самоорганизации. При высоком уровне поддержки жизнестойкость и саморегуляция сильнее связаны с успешностью адаптации (Шойгу, 2007; Сапоровская, Тихомирова, Самохвалова, 2025). Когнитивная ясность – ощущение понимания происходящего – снижает тревогу и способствует проблемно-ориентированному копингу, тогда как информационная дезориентация усиливает беспомощность (Карпинский, 2019).

На основе проведенного анализа можно предложить интегративную модель самоорганизации личности, которая включает три компонента: (1) личностные ресурсы – жизнестойкость и осознанная саморегуляция; (2) когнитивно-поведенческие стратегии – когнитивная переоценка и проблемно-ориентированный копинг; (3) социально-психологические факторы – поддержка, доверие и активность. Их взаимодействие определяет траекторию адаптации: от деструктивных паттернов (избегание, утрата смыслов, изоляция) к конструктивным (переосмысление ситуации, активное совладание, расширение социальных связей).

Практическая значимость результатов состоит в возможности разработки программ психологической помощи, направленных на развитие жизнестойкости, осознанной саморегуляции, конструктивных стратегий совладания и поддерживающей социальной среды.

Перспективы дальнейших исследований связаны с проверкой интегративной модели, предполагающей взаимодействие личностных ресурсов, когнитивно-поведенческих стратегий и социально-психологических факторов в процессе самоорганизации. Особый интерес представляет изучение динамики самоорганизации на разных этапах переживания экстремальной ситуации, а также выявление модулирующих и медиаторных эффектов социальной поддержки и социальной активности на различных выборках специалистов экстремальных профессий и гражданского населения, подвергшегося воздействию экстремальных факторов.

Литература

1. *Дьяков С.И.* Субъектная самоорганизация личности. Психосемантический анализ // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2015. № 1. С. 15–33.
2. *Карпинский К.В.* Экзистенциальные аспекты переживания военной угрозы // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ, 2019. С. 494–497.
3. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М.: Академический проект, 2020. 943 с.
4. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
5. *Морсанова В.И.* Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2021. № 1. С. 3–37.
6. *Сапоровская М.В., Тихомирова Е.В., Самохвалова А.Г.* Паттерны совладания со стрессом в ситуации военного конфликта у российской молодежи // Перспективы науки и образования. 2025. № 4. С. 432–449.
7. *Шойгу Ю.С.* Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных. М.: Смысл, 2007. 319 с.

Взаимосвязь карьерных ориентации и отношения к конфликту

Мельничук А.С., Тархова Д.В.

*РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия
melnichook@rambler.ru, daryatarkhova480@gmail.com*

Предпочтение или отвержение вариантов профессиональной карьеры во многом связано с образом реализуемой в их рамках деятельности. Сопоставляя его со своими ценностно-смысловыми интенциями и установками, человек выносит на этой основе «вердикт» о субъективной рентабельности того или иного карьерного пути.

Логично исходить из того, что составным элементом образа выступают представления о характере межличностных взаимодействий, в которые человек будет включен в контексте того или иного варианта карьеры. В частности, речь может идти об антиципации степени «жесткости» общения с другими людьми. Субъективные отношения являются одним из ведущих регуляторов поведения человека что справедливо и в контексте карьерного выбора. Поэтому можно предположить, что выбор того или иного карьерного пути может быть связан с тем, как человек «в принципе» относится к конфликту. При этом работы, в которых изучается обобщенное отношение к конфликту, являются единичными, а карьерные ориентации в данном аспекте не затрагивались.

Это стало предпосылкой исследования, проведенного авторами статьи на выборке из 50 чел. (20 мужчин и 30 женщин). Средний возраст 34,3 года, медиана 30 лет (при диапазоне от 16 до 63 лет). Для сбора данных использовались опросник «Карьерные ориентации» в варианте А.А. Жданович, а также оценка связи слова «конфликт» с понятиями, характеризующими проявляющиеся в конфликте физические состояния и эмоциональные переживания (А.С. Мельничук). Для обработки применялся коэффициент корреляции Спирмена с поправкой Холма-Бонферрони.

Наиболее связанными с отношением к конфликту оказались карьерные ориентации на вызов и на предпринимательство. С одной стороны, в случае обоих карьерных «якорей» имеют место:

1) прямая корреляция их выраженности с силой атрибуции конфликту «восхищения» ($r = 0,439$; $p = 0,007$ и $r = 0,342$; $p = 0,048$ в случае вызова и предпринимательства соответственно) и «достоинства» ($r = 0,383$; $p = 0,030$ и $r = 0,336$; $p = 0,048$ соответственно);

2) обратная корреляция – с силой связи понятия «конфликт» с понятием «неудача» (в случае ориентации на предпринимательство $r = -0,351$; $p = 0,048$, а в случае ориентации на вызов – на уровне тенденции – $r = -0,325$; $p = 0,056$).

С другой стороны, стремление к карьере как «преодолению трудностей» было прямо связано с ассоциацией конфликта с «удовольствием» ($r = 0,403$; $p = 0,024$), а предпочтения предпринимательской карьеры – с «бодростью» ($r = 0,338$; $p = 0,048$)

Такие данные вполне объяснимы. Ориентация на вызов по своей сущности отражает высокую личностную значимость участия в конкурентной борьбе. Деятельность предпринимателя также имплицитно связана с конфликтами в форме рыночной конкуренции или же отстаивания своих интересов в сложных переговорах с поставщиками и клиентами. При этом конфликт дает возможность испытать свои силы, одержать верх над другими людьми или обстоятельствами, а за счет этого самоутвердиться, подтверждая свое достоинство и ощущая восхищение со стороны других людей (в силу чего конфликт оценивается как позитивный феномен).

Ориентация на менеджмент была связана с атрибуцией конфликту «восхищения» ($r = 0,374$; $p = 0,042$). Возможно, для выбирающих управленческую карьеру конфликт – это то, что позволяет реализовать субъективно значимые для руководителя побуждения (продвижение определенных проектов, проявление лидерских качеств, защита интересов своего подразделения) и получение за счет этого позитивной оценки окружающих

Стремление к карьере на основе независимости от организационных норм и правил было связано с силой ассоциации конфликта с «удовольствием» ($r = 0,376$; $p = 0,021$), «успехом» ($r = 0,354$; $p = 0,024$) и «надеждой» ($r = 0,289$; $p = 0,042$). Таким образом, позитивно воспринимаемый конфликт рассматривается как инструмент, позволяющий отстаивать желаемую для человека свободу от внешнего контроля.

Предпочтение чисто профессиональной карьеры коррелирует со связью конфликта и «бодрости» ($r = 0,426$; $p = 0,008$). Можно предположить, что люди с такой ориентацией воспринимают конфликт как, в первую очередь, столкновение профессиональных мнений, которое позволяет «встряхнуться» и сделать самореализацию более полной.

Ориентация на стабильность места работы коррелировала с силой ассоциации конфликта с негативными переживаниями – «отвращением» ($r = 0,359$; $p = 0,020$) и «страданием» ($r = 0,305$; $p = 0,031$). Это вполне логично, т.к. участие в конфликтах способно поставить под удар надежность положения сотрудника в организации

При этом ориентация на стабильность места жительства была обратно связана с приписыванием конфликту негативных понятий –

«неудачи» ($r = -0,460$; $p = 0,005$), «страдания» ($r = -0,423$; $p = 0,010$), «унижения» ($r = -0,374$; $p = 0,028$), «опасности» ($r = -0,362$; $p = 0,030$). Такой парадоксальный результат может быть артефактом выборки, т.к. в ней было много людей, чья деятельность связана с достаточно высокой территориальной мобильностью. В силу этого они не опасаются последствий конфликта и в большей степени готовы отстаивать свои интересы через открытое столкновение позиций.

Наконец, выраженность карьерной ориентации на интеграцию стилей жизни коррелирует с силой связи конфликта с понятиями «бодрость» ($r = 0,358$; $p = 0,022$) и «успех» ($r = 0,284$; $p = 0,046$). Можно предположить, что конфликт в данном случае осмысливается как инструмент для отстаивания баланса жизненных сфер, а также возможности «уйти» от скуки.

Полученные результаты представляются достаточно интересными с точки зрения как теории (более глубокого понимания механизмов карьерного выбора и факторов отношения к конфликтам), так и практики (прогнозирования предпочтений в карьере и межличностных отношений людей с различными карьерными ориентациями). При этом ограничениями данного исследования выступают малая выборка и достаточно большой разброс возраста респондентов. Это делает важным проведение исследований затронутого вопроса для уточнения степени устойчивости рассмотренных в статье тенденций.

Эмоциональное выгорание белорусских молодых специалистов социогуманитарного профиля

Месник А.Н., Фофанова Г.А.

*БГУ, Минск, Республика Беларусь
mesnikanastasia@gmail.com, fofanovaga@yandex.ru*

Феномен эмоционального выгорания у молодых специалистов занимает особое место в структуре профессиональных деформаций, поскольку формируется в период первичной трудовой адаптации. Синдром можно рассматривать как следствие системного нарушения взаимодействия в цепи «человек-профессия-организация», где ключевую роль играет дисфункция обеспеченности личности ресурсами (Водопьянова, Наумова, 2015). Молодой специалист

оказывается в ситуации столкновения личностного потенциала с высокими и незнакомыми требованиями среды, что приводит к утрате ресурсов и запускает процесс выгорания уже на старте карьеры.

Исследования подтверждают распространенность синдрома в описываемой когорте. Сравнение врачей-ординаторов Москвы и интернов Гродно показало, что эмоциональное истощение выявлено у 69% московских и 64,3% гродненских респондентов, деперсонализация достигла 85% и 89,3% соответственно. Эмоциональное истощение связано с депрессивной симптоматикой, общим дистрессом и тревожностью; деперсонализация коррелирует с паранояльными установками и психотизмом (Холмогорова А.Б., Матюшкина Е.Я., Бойко, 2022). Выгорание у молодых специалистов представляет собой серьезный психологический синдром, затрагивающий базовые структуры личности и ведущий к ухудшению психического здоровья. Молодые специалисты единодушно называют причинами своего состояния систематические переработки, отсутствие поддержки руководства и конфликт между работой и дальнейшим обучением, рабочая деятельность начинает восприниматься как источник разрушения личной и профессиональной жизни (Тарабаркина, Звонова, Тарасова, 2020).

В нашем исследовании проверялась гипотеза о схожих тенденциях у молодых специалистов социогуманитарного профиля, работа которых сопряжена с ответственностью и рисками, как минимум, этического и психологического характера. В исследовании приняли участие 101 респондент (61 женщина и 40 мужчин; средний возраст – 22,6 года) с высшим образованием социогуманитарного профиля; средний стаж работы – 2 года и 3 месяца, в качестве молодого специалиста – 1 год и 2 месяца. В качестве инструментария измерений применена методика «Диагностика эмоционального выгорания» В.В. Бойко.

Опишем наиболее значимые результаты. Было рассчитано процентное соотношение респондентов со сформировавшимися фазами эмоционального выгорания: фаза напряжение – у 16,8%, резистенция – 12,9%; истощение – 10,9%; напряжение и резистенция – 7,9%; резистенция и истощение – 13,9%; напряжение и истощение – 19,8%; все фазы сформированы – 3,9%; ни одна фаза не сформирована у 13,9% выборки. Были рассчитаны медианы по шкалам симптомов

эмоционального выгорания. Наиболее выраженными выступили симптомы «тревога и депрессия», «эмоционально-нравственная дезориентация», «психосоматические и психовегетативные нарушения». Сравнительный анализ проявления симптомов у девушек и юношей, согласно критерию Манна – Уитни, показал следующие различия: «переживания психотравмирующих обстоятельств» ($p = 0,022$) у девушек выражены больше ($U = 56,38$), чем у юношей ($U = 42,80$); «расширение сферы экономии эмоций» ($p = 0,018$) у девушек выражено больше ($U = 55,81$), чем у юношей ($U = 43,66$). Значимых различий по полу в фазах эмоционального выгорания не выявлено.

Изучались, при помощи критерия Краскела – Уоллиса, различия симптомов и фаз выгорания от других социально-демографических параметров. «Расширение сферы экономии эмоций» наиболее выражено у респондентов с высоким уровнем дохода ($H = 67,56$; $p = 0,025$), наименьшие значения показателя зафиксированы в группе со средним доходом ($H = 46,87$). «Резистенция» наиболее выражена у респондентов, обеспечивающих себя самостоятельно при поддержке родственников ($H = 62,27$; $p = 0,035$); наименьшие значения показателя – у респондентов, обеспечивающих себя самостоятельно при поддержке партнера ($H = 43,02$). «Эмоционально-нравственная дезориентация» наиболее выражена у респондентов, обеспечивающих себя самостоятельно при поддержке партнёра ($H = 65,80$; $p = 0,003$), наименьшие значения выявлены в группе обеспечивающих себя самостоятельно при поддержке родственников ($H = 40,39$). «Личностная отстранённость» наиболее выражена у респондентов с полностью самостоятельным финансовым обеспечением ($H = 55,59$; $p = 0,040$); наименьшая выраженность показателя зафиксирована у респондентов, получающих поддержку партнёра ($H = 39,13$). «Истощение» наиболее выражено у респондентов, не считающих потребность в повышении дохода актуальной ($H = 61,07$; $p = 0,037$); наименьшие значения показателя зафиксированы у респондентов, испытывающих потребность в повышении дохода в очень высокой степени ($H = 36,13$). «Загнанность в клетку» наиболее выражен у респондентов, не считающих такую потребность актуальной ($H = 61,07$; $p = 0,022$), наименьшие значения – у респондентов с очень высокой потребностью в повышении дохода ($H = 36,13$).

Таким образом, специфика эмоционального выгорания у молодых специалистов определяется его ранним стартом, тесной связью с этапом профессионального становления, опосредованностью деструктивными личностными установками и глубокой интеграцией в общий психологический статус. Результаты согласуются с положениями субъектно-ресурсного подхода, уточняют их, показывая, что профилактика синдрома требует не только развития личностной компетентности молодого специалиста, но и системных изменений в организации его труда, которые позволят трансформировать энергию адаптации в энергию профессионального роста.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е., Наумова Т.С.* Интрасубъектные факторы устойчивости к профессиональному выгоранию молодых специалистов // Современные исследования социальных проблем. 2015. Т. 45, №1.
2. *Тарабаркина Л.В., Звонова В., Тарасова В.А.* Факторы возникновения синдрома эмоционального выгорания у молодых работников // Вестник университета. – 2020. № 9.
3. *Холмогорова А.Б., Матюшкина Е.Я., Бойко С.В.* Профессиональное выгорание у врачей-ординаторов, проходящих стажировку в скорпомощном стационаре Москвы, и врачей-интернов Гродно: данные до пандемии // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2022. Т. 13, №3.

Виды коммуникативных барьеров в деятельности начинающих психологов

Миронова О.И.

*Финансовый университет при Правительстве РФ;
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия
mironova_oksana@mail.ru*

Проблема коммуникативных барьеров всегда интересовала ученых и практиков применительно к самым разным сферам жизнедеятельности, в том числе профессиональной. Изучались

всевозможные затруднения в работе юристов, педагогов, государственных служащих и др. Сегодня, когда в России ежегодно выпускается огромное количество профессиональных психологов, остро стоит вопрос о качестве их подготовки, об адаптации к профессиональной среде и пр. Молодой специалист часто сталкивается в своей работе с коммуникативными барьерами при взаимодействии с руководством, коллегами, клиентами, их родственниками. Зачастую те знания, умения и практические навыки, которые он получил при обучении в вузе, не являются достаточными для разрешения возникающих коммуникативных затруднений, а также для саморегуляции возникающих в таких ситуации негативных состояний, в частности, различного рода напряжения, стресса.

Проведенное ранее исследование позволило «раскрыть характерные признаки коммуникативных барьеров в профессиональной деятельности психолога: во-первых, они представляют собой затруднения, которые реально существуют или являются вымышленными; во-вторых, они находятся в сфере коммуникативной деятельности психологов и оказывают непосредственное влияние на выполнение им своих профессиональных задач; в-третьих, они субъективно переживаются психологом и фактически выступают психологическими барьерами в его профессиональной деятельности» (Миронова, 2024, с. 13).

Для изучения видов коммуникативных барьеров в деятельности начинающих психологов было проведено эмпирическое исследование, которое включало в себя несколько этапов. На первом этапе проводилось *интервью*. В качестве респондентов выступили практические психологи нескольких городов. Всего 57 человек со стажем работы не более 5 лет в возрасте от 22 до 45 лет, из них 18 мужчин и 39 женщин. Все респонденты имели высшее психологическое образование.

В результате обработки полученных в интервью данных были выявлены *три вида коммуникативных барьеров*.

1) *Возрастной барьер*, когда оценка собственного возраста как препятствия успешной коммуникации с клиентом (который может быть значительно старше по возрасту), прежде всего, нарушает механизм осознанной идентификации себя с ним. Подобный механизм является одним из главных методов в понимании других людей. Об

этом подробно рассказывает в своей работе Л. Н. Касаткина в связи с описанием техник, которые позволяют осуществить идентификацию психолога с клиентом (Касаткина, 2013).

2) *Недостаточная профессиональная компетентность.* Возникновение подобного коммуникативного барьера не является неожиданностью. За последнее время неоднократно поднимался вопрос о качестве подготовки профессиональных практических психологов. Например, к проведению тренинговых форм работы студентов не готовят, в вузах не проводятся тренинги тренеров. Подтверждением для установления подобного коммуникативного барьера может также служить позиция А. К. Марковой относительно достижения «пикового» возраста для разных профессий. С точки зрения ученого, в профессиях, где необходимо общение с другим человеком, наивысший уровень достижения профессионализма связан со зрелым возрастом, когда специалистом накоплен уже жизненный и профессиональный опыт (Маркова, 1996). Для профессии психолога это обстоятельство особенно важно, поскольку успешное взаимодействие с клиентом обусловлено наличием доверительных отношений.

3) *Наличие сформированных ранних дезадаптивных схем (РДС).* В исследовании (Mironova, Kovalevskaja, 2024) показана взаимосвязь РДС с трудностями в общении у психологов и их профессиональным выгоранием в целом. Известным фактом является то, что в подготовке клинических психологов за рубежом обязательным является прохождение тренингов личностного роста для проработки собственных проблем обучающимися. В России, если и присутствует подобная форма работы, то в основном проходит в рамках практических занятий, и носит, во-первых, фрагментарный характер, во-вторых, направлена на решение исключительно проблемной единичной ситуации и присутствует в обучении клинических психологов на базе медицинских образовательных учреждений.

4) Установлено, что большинство респондентов, которые имеют коммуникативными барьерами в своей деятельности, (практически 89%) при обучении в вузе не проводили самостоятельно никакой практической работы с клиентами в виде консультаций, тренингов и пр., не принимали участия в супервизии (97%) и не сдавали государственный экзамен при выпуске из вуза, а только защищали ВКР

(85%). Полученные результаты подтверждаются данными, представленными в статье Е.И. Гиниатуллиной, посвященной проблемам профессиональной адаптации психологов и их профессиональной идентичности. Было выявлено, что для студентов, подрабатывающих во время обучения в вузе и нацеленных на работу в области практической психологии, процесс адаптации в профессиональной деятельности после окончания вуза оказался значительно успешнее, у них также присутствовала развитая профессиональная идентичность (Гиниатуллина, 2009). Относительно проблемы супервизии при подготовке практических психологов неоднократно поднимался вопрос и в научных публикациях, и в выступлениях на конференциях.

Литература

1. *Гиниатуллина Е.И.* Сформированность профессиональной идентичности и послевузовская профессиональная адаптация психологов // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 2. С. 57-66.
2. *Касаткина Л.Н.* Техники идентификации с клиентом в процессе психологического консультирования // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 4(79). С. 144-164.
3. *Маркова А.К.* Психология профессионализма Москва: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 312 с.
5. *Миронова О.И.* Подходы к исследованию коммуникативных барьеров в деятельности начинающих психологов // Системная психология и социология. 2024. № 2(50). С. 5-17.
6. *Mironova O.I., Kovalevskaia E.A.* The Relationship of Professional Burnout to Early Maladaptive Schemas in Emergency Psychologists // Psychology and Law. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 185-198.

Социально-психологические ресурсы академической успешности студентов: роль поддержки, диалогичности отношений и адаптированности

Митрухина С.В.

*Хакасский государственный университет им Н.Ф. Катанова,
Абакан, Россия
mitruhina_lana80@mail.ru*

Современное высшее образование (его интенсификация, информатизация, адаптация к изменяющимся условиям и т.п.) усложняет требования к академической успешности студентов. Она определяется не только когнитивными способностями студентов, но и наличием социально-психологических ресурсов, позволяющих совладать со стрессом, выстраивать продуктивные отношения с окружающими и сохранять мотивацию к обучению (Волков, Зеркалова, 2014). Академическая успешность студентов – это многомерный феномен, определяемый, в том числе, такими социально-психологическими ресурсами как: воспринимаемая социальная поддержка, межличностные отношения и адаптированность студента к условиям вуза. Интерес для нас как для исследователей вызвал вопрос, различаются ли профили студентов, считающих себя успешными и неуспешными, по данным социально-психологическим ресурсам.

Эмпирическое исследование проводилось с целью выявления взаимосвязи между социальной поддержкой, диалогичностью межличностных отношений, адаптированностью к учебной группе и самооценкой студентами академической успешности, а также сравнения групп успешных и неуспешных студентов по этим показателям.

Были выдвинуты гипотезы: (1) все три ресурса положительно коррелируют друг с другом и с успешностью; (2) успешные студенты демонстрируют более высокие уровни воспринимаемой социальной поддержки, диалогичности межличностных отношений и адаптированности, чем неуспешные.

Выборка составила 241 студента вузов (средний возраст 23,05 года, 76% женщин). Для целей исследования были использованы опросники: Многомерная шкала восприятия социальной поддержки, MSPSS

(Чистопольская и др., 2020); Шкала адаптированности студентов в вузе (Дубовицкая, 2010); Шкала диалогичности межличностных отношений (Духновский, 2009). Самооценка успешности осуществлялась с помощью вопроса: «Считаете ли Вы себя успешным студентом?». Распределения всех метрических переменных отличались от нормального (тест Колмогорова–Смирнова, $p < 0,001$), что оправдало выбор непараметрических критериев: корреляции Спирмена, U-критерий Манна–Уитни для сравнения групп успешных и неуспешных студентов.

Как показал корреляционный анализ, все переменные, за исключением шкал конструктивности с адаптированностью к деятельности, показали значимые положительные связи. Выявлена умеренная корреляция воспринимаемой социальной поддержки и адаптированностью студентов к группе ($r = 0,51$), между воспринимаемой социальной поддержкой и диалогичностью межличностных отношений ($r = 0,51$). Связь между адаптированностью межличностных отношений и адаптированностью слабее ($r = 0,382$). Данные подтверждают наличие связи между тремя ресурсами, Полученные данные свидетельствуют о взаимосвязи трёх ресурсов, но при этом об их относительной самостоятельности.

Сравнение успешных и неуспешных студентов с использованием U-критерия Манна–Уитни, показало, что достоверные различия выявлены по шкале адаптированности к учебной группе и к учебной деятельности ($p < 0,001$): более адаптированными оказались успешные студенты. Более высокие показатели по таким шкалам воспринимаемой социальной поддержки, как поддержка семьи и значимого другого, выявлены в группе успешных студентов. При этом по шкале воспринимаемой социальной поддержки друзей группы успешных и неуспешных студентов не различаются, что может указывать то, горизонтальные межличностные отношения одинаково важны для обеих групп. У успешных студентов по шкале диалогичности межличностных отношений выявлены высокие показатели по индексу диалогичности ($p = 0,016$) и самооценности ($p = 0,005$) а в плане конструктивности различий значимых не выявлено. Это означает, что для ощущения успешности важны диалогичность как процесс и чувство собственной ценности в отношениях, а не конструктивность (способность решать проблемы).

Адаптированность к группе и деятельности выступает ключевым дифференцирующим фактором, что подтверждает её центральную роль в академической успешности. Неожиданным оказалось отсутствие различий по поддержке друзей – возможно, дружеская поддержка в равной степени присуща и успешным, и неуспешным студентам, но качественно различается (что требует дополнительного анализа). Отсутствие значимых различий по конструктивности позволяет предположить, что данная характеристика диалогичности более связана с эффективностью решения задач, чем с субъективной успешностью.

Итак, эмпирическое исследование показало, что социальная поддержка (особенно со стороны семьи и значимого другого), адаптированность к группе и деятельности, а также диалогичность (индекс и самооценność) являются значимыми социально-психологическими ресурсами, дифференцирующими успешных и неуспешных студентов. Поддержка друзей и конструктивность диалогичности не различают группы, что требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Волков А.А., Зеркалова Е.А. Эмпирические исследования степени влияния социальной поддержки, социального статуса и пола на академическую успешность // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3, № 2. С. 29-40.
2. Дубовицкая Т.Д., Крылова А. В. Методика исследования адаптированности студентов в вузе // Психологическая наука и образование, 2010. №2. С. 1-12.
3. Духновский С. В. Диагностика межличностных отношений. СПб.: Речь, 2010. 140с.
4. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э. Обновленная версия шкалы MSPSS как инструмент исследования субъективной оценки личностью воспринимаемой социальной поддержки // Высшее образование в условиях глобализации: тренды и перспективы развития: материалы XII Междунар. учеб.-метод. онлайн-конф. (Чебоксары, 29 октября 2020 г.) / Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2020.

«Невидимое заболевание»: социальный контекст переживания мигрени женщинами

Митряева М.А., Крюкова Т.Л.

*НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия
mitryaeva.ma@yandex.ru, tat.krukova44@gmail.com*

Мигрень, наиболее распространенная среди женщин в возрасте максимальной социальной активности, является не только медицинской, но и острой социально-психологической проблемой. Будучи «невидимым» заболеванием, мигрень часто сталкивается с непониманием со стороны окружения (Casas-Limón et al., 2024; Gross, Ruiz de la Torre, Martelletti, 2023). Социальный контекст переживания болезни, включающий как реакции ближайшего окружения, так и ограничения социального функционирования, остается недостаточно изученным в психологии, особенно качественными методами. Цель исследования – анализ социального контекста переживания мигрени на основе субъективного опыта женщин.

В онлайн-исследовании приняли участие 114 женщин с диагнозом «мигрень» (возраст 20–65 лет, $M = 38,5$). Применялась авторская проективная методика «Письмо моей мигрени», разработанная на основе метода незаконченных предложений (Пахомов, 2012) и включающая вопросы, направленные на выявление различных аспектов субъективного опыта. Для анализа социального контекста были отобраны ответы на 5 вопросов методики, касающихся восприятия болезни близкими (членами семьи), потребности в поддержке, субъективно значимых последствий болезни и трудностей повседневной жизни. Обработка данных производилась методом контент-анализа.

Контент-анализ 566 ответов респонденток позволил выделить 12 категорий, объединенных в следующие четыре тематических блока, отражающие социальное измерение опыта мигрени.

1) Отношение близких. В ответах на вопрос о том, как близкие воспринимают мигрень, выявлено доминирование обесценивающих и нейтральных установок. К категории прямого обесценивания отнесены ответы, в которых мигрень описывается как «ерунда», «симуляция», «отмазка», «блажь», «просто головная боль, которую можно

перетерпеть». Категория непонимания объединяет ответы, фиксирующие отсутствие у близких представлений о тяжести состояния: «ничего не думают», «что-то непонятное», «небольшой недуг». Поддерживающее отношение встречается существенно реже.

2) Потребность в поддержке. При ответе на вопрос о наиболее значимых потребностях во время приступа, наряду с доминирующей потребностью в покое (66%), выделена категория «поддержка» (12%), включающая потребность в понимании, сочувствии, заботе со стороны близких. Таким образом, потребность в поддержке присутствует, однако, как показывают ответы о восприятии болезни окружением, она часто остается неудовлетворенной.

3) Нарушение социального функционирования. В ответах на вопрос о наиболее тяжелых последствиях мигрени выявлена категория «выпадение из жизни» (34%): респондентки описывают мигрень как состояние, которое «выключает», «останавливает», «лишает возможности функционировать», «ворует время». В ответах на вопрос о главных трудностях жизни с мигренью выделена категория «совмещать с обычной жизнью», включающая невозможность следовать планам, выполнять работу, поддерживать привычный уровень социальной активности.

4) Невозможность полноценной социальной реализации. В ответах на вопрос о последствиях болезни присутствует категория «лишение полноты жизни»: «не даешь почувствовать себя полноценной», «мешаешь нормально жить», «лишаешь возможности». В ответах на вопрос о страхах выявлена категория «угроза реализации», включающая страх «не стать мамой», «не выносить ребенка», «пропустить свою жизнь». Эти данные указывают на то, что мигрень воспринимается не просто как эпизодическое страдание, а как системное препятствие для выполнения значимых социальных ролей и жизненных планов.

Полученные данные конкретизируют известный феномен стигматизации мигрени, раскрывая его на уровне субъективных переживаний женщин. Обесценивание болезни со стороны членов семьи входит в противоречие с потребностью в поддержке, формируя у женщин установку на сокрытие страдания. Значимым результатом является выявление категории «невозможность полноценной социальной реализации»: мигрень воспринимается как системное препятствие для выполнения социальных ролей (профессиональных, семейных), планирования будущего и полноценного участия в жизни

общества. Страхи, связанные с невозможностью реализовать репродуктивные планы или «пропустить свою жизнь», указывают на глубокий экзистенциальный и социальный уровень бремени болезни.

Таким образом, социальный контекст является значимым измерением субъективного опыта при мигрени. Обесценивание со стороны окружения в сочетании с объективными ограничениями социального функционирования формирует у женщин переживание невозможности полноценной реализации в профессиональной, семейной и личной сферах. Это позволяет рассматривать мигрень не только как медицинский, но и как социально-психологический феномен, требующий комплексного подхода в работе с женщинами, столкнувшимися с этим заболеванием.

Литература

1. *Пахомов А.П.* Методика «Незаконченные предложения» Сакса-Леви как учебное пособие // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 4. С. 99-116.
2. *Casas-Limón J. et al.* Unravelling Migraine Stigma: A Comprehensive Review // J. Clin. Med. 2024. Vol. 13. № 17. P. 5222. <https://doi.org/10.3390/jcm13175222>
3. *Gross E., Ruiz de la Torre E., Martelletti P.* The Migraine Stigma Kaleidoscope View // Neurological Therapy. 2023. Vol. 12. P. 703–709. <https://doi.org/10.1007/s40120-023-00456-x>

Особенности проявления общительности у юношей и девушек студенческого возраста

Михайлова О.Б., Григорян Д.Г.

*Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
olga00241@yandex.ru; 1032256705@rudn.ru*

Юношеский возраст является ключевым этапом становления коммуникативной сферы личности, когда формируются устойчивые модели социального взаимодействия. Понимание полоролевых особенностей общительности в этот период значимо как для

теоретических представлений о структуре личности, так и для практической работы с молодежью.

В системно-функциональном подходе А.И. Крупнова общительность рассматривается не как изолированное качество, а как интегративное свойство личности, включающее единство инструментально-динамических и мотивационно-смысловых составляющих (Крупнов, 2006). В рамках этого подхода каждая черта личности представляет собой функциональную систему, в которой установочно-целевой компонент задает программу поведения: мотивационно-смысловой компонент отвечает за содержание и направленность, а инструментально-динамический компонент за способы реализации.

В исследованиях научной школы А.И. Крупнова показано, что структурная организация общительности может различаться в зависимости от пола. Так, Н.А. Жемчугова установила, что у юношей наблюдается более тесная связь между регуляторно-динамическими и содержательно-смысловыми переменными, тогда как у девушек структура отличается большей разрозненностью (Жемчугова, 2019). В.И. Казаренков и М.М. Карнелович выявили различия в динамических и эмоциональных характеристиках общительности у студентов разных курсов, что подчеркивает важность анализа возрастного и полового факторов в комплексе (Казаренков, Карнелович, 2024). Однако гендерные особенности проявления общительности у студентов гуманитариев определены недостаточно. Студенческий период развития личности являются одним из важных и сложных этапов в становлении личностной зрелости. Юношам и девушкам приходится совмещать учебные и трудовые виды деятельности, развивать самостоятельность и осваивать технологии коммуникаций в личных отношения и приобретать навыки конструктивного общения, в том числе для разрешения конфликтных ситуаций (Кудинов и др., 2014; Михайлова Гринева, Кожамуратова, 2025). Актуальность исследования общительности на данном этапе личностного и профессионального взросления личности не теряет своей значимости.

Цель исследования – определить и сравнить структурные особенности общительности у юношей и девушек. Гипотеза – существуют полоролевые различия в проявлении общительности у юношей и девушек.

В исследовании приняли участие 83 студента филологического факультета РУДН (39 юношей, 44 девушки) в возрасте 18–23 лет. Для исследования общительности использовался «Тест общительность» (Крупнов, Новикова, Шляхта, 2017), включающий 14 шкал, объединенных в гармонические и агармонические пары. Статистическая обработка – U-критерий Манна–Уитни (программа Jamovi).

При сравнении групп наиболее выраженные различия проявились не по всем, а лишь по отдельным показателям. По большинству шкал, таким, как *эргичность*, *стеничность*, *интернальность*, *осмысленность*, а также *социоцентричность* и *экстернальность*, статистически значимых различий между юношами и девушками выявлено не было. Это говорит о том, что базовая структура общительности, ее когнитивные и регуляторные механизмы у представителей обоих полов имеют больше сходства, чем различий. Полоролевая специфика проявилась избирательно в показателях *предметность* и *личностные трудности*.

Полученные результаты подтверждают гипотезу. По шкале *предметность* ($U = 635; p < 0,05$) медианные значения у юношей ($M = 15,6$) оказались выше, чем у девушек ($M = 12,4$). Такой результат говорит о том, что юноши чаще воспринимают общение как инструмент для решения конкретных, прикладных задач: будь то учебные вопросы, профессиональные контакты или достижение статуса. У девушек общение в меньшей степени нацелено на внешний результат, для них оно в большей мере выступает самостоятельной ценностью, связанной с поддержанием эмоционального контакта и взаимопонимания. По шкале *личностные трудности* ($U = 641, p < 0,05$) также были получены значимые различия. У юношей показатели выше ($M = 14,9$), чем у девушек ($M = 12,1$). На первый взгляд, это может показаться неожиданным, учитывая внешнюю активность юношей. Однако более высокие значения по этой шкале могут свидетельствовать о внутренних барьерах в общении (тревожность, неуверенность, эмоциональное напряжение). При этом у юношей сохраняется высокая эргичность (активность), что создаёт противоречие: внешняя инициативность сочетается с внутренним дискомфортом.

Полученные в исследовании материалы могут быть использованы в практической деятельности психолога для более индивидуализированной работы со студентами. Полученные результаты исследования общительности в группе юношей – сочетание высокой эргичности с показателями внутреннего дискомфорта. Оптимальными методами коррекции будут методы, ориентированы на снятие коммуникативных барьеров. Кроме того, важно работать с показателями скрытой неуверенности. У девушек в показателях общительности психологическая работа направлена на коррекцию интернальности. Необходимо также не забывать о развитии целеполагания. Для девушек важно, чтобы они могли трансформировать зачастую стихийное общение в более организованный процесс, который, будет способствовать их профессиональному становлению. В процессе коррекции и развития общительности необходимо опираться на индивидуально-личностные стратегии психологической работы с учетом возрастных и гендерных характеристик современного студенчества.

Литература

1. *Жемчугова Н.А.* Специфика психологической структуры общительности юношей и девушек // Педагогическое образование в России. 2019. № 3. С. 80–85.
2. *Казаренков В.И., Карнелович М.М.* Оценка общительности студентов высшей школы по критериям А.И. Крупнова // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 1 (69). С. 98–104.
3. *Крупнов А.И.* Комплексные исследования свойств личности: теория и практика: Учебное пособие для аспирантов, обучающихся по специальности 37.06.01 «Психологические науки» / А.И. Крупнов, И.А. Новикова, Д.А. Шляхта. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2017. – 220 с. – ISBN 978-5-209-07439-7. – EDN YQDQZF.
4. *Крупнов А.И.* Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2006. № 1 (3). С. 63–73.

5. *Кудинов С.И., Кудинов С.С., Каменева Г.Н., Вдовина К.Ю.* Психология становления общительности: гендерные и национально-этнические аспекты. М.: РУДН, 2014. - 374 с.
6. *Михайлова О.Б., Гринева Т.А., Кожамуратова С.С.* Особенности стратегии конфликтного поведения и оптимизма у юношей и девушек // Человеческий капитал. 2025. № 6 (198). С. 193-201.

Видимые хронические дерматозы как фактор стигматизации и трансформации социальной идентичности

Михайловский А.Д.

*МК РФ ФГБУК «Российская государственная
библиотека для молодежи», Москва, Россия
marsenyi@mail.ru*

Как показывает анализ научной литературы, кожа выступает значимым каналом невербальной коммуникации, транслируя информацию о человеке еще до того, как он начнет говорить. Для людей с хроническими видимыми дерматозами (атопический дерматит, экзема, псориаз, акне и др.) это оборачивается парадоксальной ситуацией: их тело сообщает о них без их согласия. Личность тогда рискует быть сведенной в глазах других к одному-единственному качеству – наличию кожного заболевания.

В социальной психологии эта проблема концептуализируется через понятие стигмы. Цель данной статьи – проанализировать, как видимые хронические дерматозы становятся основанием для стигматизации, а также какие механизмы социальной идентичности при этом задействуются и какие психологические последствия это влечет.

В своих работах Э. Гофман определяет стигму как качество, превращающее человека из цельного в неполноценного, обладающего дефектом, которое противоречит стереотипным представлениям о том, каким должен быть данный тип индивида (Гофман, 2009).

Исследователь выделяет три типа стигмы: телесные уродства (физические отклонения), недостатки индивидуального характера и

родовую стигму расы, национальности и религии. Видимые хронические дерматозы с их шелушениями, покраснениями, высыпаниями попадают именно в первую категорию, становясь той самой «меткой», которая перевешивает в глазах наблюдателя все остальные достоинства человека.

Э. Гофман различает «дискредитированное» состояние (стигма очевидна) и «дискредитируемое» (стигму можно скрыть, но страх разоблачения постоянен) (Гофман, 2009).

Для людей с хроническими дерматозами характерно проживание именно в этой пограничной зоне: сегодня кожа чистая, завтра – обострение. Это порождает информационную связанность, когда человек вынужден постоянно отслеживать, кто из его окружения знает о его состоянии, а кто нет, и какие последствия может иметь раскрытие этой информации.

Согласно теории социальной идентичности Д. Тернера, видимое заболевание становится основанием для принудительной категоризации индивида как «чужого» (Turner, 2010). Окружающие, даже не осознавая этого, относят тогда его к категории «других», «не таких». Особенно значимо здесь то, что стигма приобретает главенствующий статус: она становится основной характеристикой человека в глазах общества, перекрывая его профессиональные, личностные и иные качества.

Важный ресурс совладания со стигмой, выделяемый Э. Гофманом – обращение к «своим» (людям с таким же диагнозом) и «понимающим» (лояльным окружающим). Однако у «своих» есть двойственная природа: значимая поддержка, но с риском фиксации на болезни (Гофман, 2009).

Вместе с тем зримость стигмы при хронических дерматозах приобретает навязчивый характер: высыпания присутствуют в каждом жесте и разговоре, лишая человека анонимности и искажая его восприятие (Гофман, 2009).

Стигматизация болезненна, потому что затрагивает базовую человеческую потребность – потребность в принадлежности. Как показывает анализ Э. Гофмана, в восприятии стигматизированного человека сосуществуют два противоречивых вектора. С одной стороны, стигматизированный идентифицирует себя с нормами, но вместе с тем сталкивается с неприятием. В таком случае социальные стандарты

работают против него, а стыд становится доминирующим переживанием (Гофман, 2009).

Дополнительное объяснение глубины этих переживаний дает теория социальной исключенности (Social Exclusion Theory) Р. Баумейстера, которая показывает, что негативные эмоции (одиночество, депрессия, тревога) возникают именно тогда, когда желаемый уровень социальной включенности не достигается (Walker, Papadopoulos, 2025).

Исследования Д. Верди и Г. Кента подтверждают, что для людей с кожными заболеваниями ключевым фактором, влияющим на качество жизни, является не тяжесть симптомов, а ожидание стигматизации и память о прошлом травматическом опыте (Kent, Keohane, 2001; Vardy et al., 2002).

Таким образом, видимые хронические дерматозы – это уникальная модель для изучения механизмов стигматизации и трансформации социальной идентичности, где проблема заключается не только в физических симптомах, но и в социальных реакциях, которые они провоцируют. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка социально-психологических программ, направленных на снижение стигматизации и повышение качества жизни данной категории лиц.

Литература

1. *Гофман Э.* Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Издательство Саймон и Шустер, 2009.
2. *Kent G., Keohane S.* Social anxiety and disfigurement: the moderating effects of fear of negative evaluation and past experiences. // *British Journal of Clinical Psychology*, 2001. Vol 40. P. 23–34.
3. *Turner J.C.* Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior, 2010.
4. *Vardy D., Besser A., Amir M., Gesthalter B., Biton A., Buskila D.* Experiences of stigmatization play a role in mediating the impact of disease severity on quality of life in psoriasis patients. // *British Journal of Dermatology*, 2002. Vol. 147, P. 736–742.
5. *Walker C., Papadopoulos L.* *Psychodermatology*, 2025.

Генезис понятия «психологическое здоровье»

Мишенина Ю.Н.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ymishenina@mail.ru*

С середины прошлого века термин психологическое здоровье (далее – ПЗ) закрепился в западной а, к концу века, и более основательно, – в отечественной психологии. И хотя многие авторы прибегают к его использованию, обратившись к разным теориям ПЗ можно заметить, что в них много расхождений концептуального и содержательного плана. Эти различия обусловлены особенностями исторических периодов, в которые они возникали, а также имеют прямую зависимость от культурного и научного контекста. Понимание пути развития понятия, помогает критически оценивать существующие подходы и лучше видеть границы применимости каждого из них, а значит использовать их более гибко.

На сегодняшний день существует много определений ПЗ. Приведем здесь определение, которое дает И.В. Дубровина: «Психологическое здоровье – это психологическое свойство развитой личности. Оно представляет собой одно из важнейших состояний личности и связано с нравственным развитием человека, обеспечивает регуляцию поведения, отношений, деятельности, переживаний, адекватную социальным нормам общества, культуре, гуманистическим ценностям» (Дубровина, 2026, с.16).

Одним из первых, кто ввел термин ПЗ в научный оборот был А. Маслоу. Произошло это в США, в 50-х годах прошлого века. Введение нового термина было обусловлено желанием уйти от медицинской модели понимания здоровья и рассматривать его как присутствие определенных позитивных качеств (Маслоу, 1997). Вторую половину прошлого века понятие ПЗ развивалось в основном представителями гуманистической психологии и шло по пути функционального развития – поиска мерила ПЗ, а также критериев и феноменов, которые наилучшим образом определяют ПЗ и влияют на его формирование. В тот период зародилось несколько представлений.

Так, ряд авторов рассматривают ПЗ как динамическую самоактуализацию (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл, Э. Фромм, Э. Деси и Р. Райан), при этом в качестве ключевых компонентов авторы

выделяют разные феномены. Например, эффективное восприятие реальности, принятие себя и других, автономия и переживание «пиковых состояний» (А. Маслоу), открытость любому опыту, стремление жить настоящим, доверие к собственным чувствам и интуиции, а также внутренняя свобода и креативность (К. Роджерс) или способность к любви, разумное познание мира и независимость (Э. Фромм), а также автономия, компетентность и связанность с другими людьми (Э. Деси, Р. Райан).

Другая группа ученых определяет ПЗ через понятие «процветание» (Flourishing) и наличие конкретных измеряемых ресурсов личности (М. Селигман, К. Киз, М. Чиксентмихайи). С экспоненциальным ростом информации и цифровизации, который стал мощным фактором роста стресса, появились ученые, которые рассматривают ПЗ как управление эмоциями и осознанное поведение (С. Дэвид).

В отечественный научный оборот термин ПЗ ввела И.В. Дубровина, интегрировав в нем идеи гуманистической психологии: самореализацию, как основу здоровья личности (К. Хорни), индивидуализацию (К. Юнг), стремление к совершенствованию (А. Адлер) и самоопределению (Ш. Бюллер) и др. (Дубровина, 2026).

В отечественной школе некоторые авторы, также использовали функциональный подход к переосмыслению понятия. Например, Т.Г. Стефаненко рассматривала ПЗ как результат успешной инкультурации и социализации, где важную роль играет сохранение целостности личности при столкновении с ценностями других культур. (Стефаненко, 2008).

Другие авторы, в развитии термина пошли по пути его усложнения. Так, ряд исследователей рассматривают ПЗ как многоуровневую структуру (И.В. Дубровина, О. В. Хухлаева, Б.С. Братусь). Введение уровней позволило более точно оценивать текущее состояние ПЗ и задавать вектор роста для его дальнейшего формирования. Понятие ПЗ развивалось с учетом разработок отечественной психологической школы (Л.С. Выготский, Д.А. Леонтьев, Л.И. Божович), основываясь на которых авторы полагают, что ПЗ строится через поступки и действия, а центральным компонентом здоровой личности являются ценностно-смысловые ориентиры, формирование которых обусловлено культурно-историческими факторами.

Некоторые ученые пошли по пути еще большего усложнения, наложив на понимание личности и теории ПЗ новую научную

парадигму и рассматривая личность и ПЗ через призму самоорганизующихся систем (Д.А. Леонтьев, В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский). В такой парадигме ПЗ понимается как динамическая устойчивость и способность к саморазвитию. Определяют ПЗ как умение порождать смыслы и усложнять свою внутреннюю картину мира, преобразовывая ее под свои внутренние задачи. Таким образом, источником ПЗ являются не внешние условия, а внутренний ресурс человека, фундаментом которого являются ценностные ориентиры и умение порождать смыслы (Леонтьев, 2005, 2016, 2020; Галажинский, 2002).

Представленный краткий обзор поможет сформировать лучшее понимание причин различий в подходах к определению ПЗ разными авторами и более осознанно использовать термин в своей теории и практике.

Литература

1. *Галажинский Э.В.* Системная детерминация самореализации личности. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2002.
2. *Дубровина И.В.* Психологическое благополучие школьников в системе современного образования. М.: Изд-во «Нестор-История», 2016.
3. *Леонтьев Д.А.* Духовность, саморегуляция, ценности // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2005. №7. (51). С. 16–21.
4. *Леонтьев Д.А.* Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37.
5. *Леонтьев Д.А.* Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. №1. С.14–37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>.
6. *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Издат. группа «Евразия», 1997.
7. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Учебник для вузов. М: Аспект Пресс, 2008.

Баланс саморегуляции и компетентности: эмпирические модели взаимодействия студентов с искусственным интеллектом

Моисеев С.В.

НИ ТГУ, Томск, Россия

kaungreat@gmail.com

Стремительное внедрение систем генеративного искусственного интеллекта (GAI) трансформирует фундаментальные условия протекания учебно-познавательной деятельности. В рамках субъектно-деятельностного подхода внедрение алгоритмических систем столь высокого уровня автономности требует пересмотра классического понимания технологического опосредования. Современный искусственный интеллект утрачивает статус пассивного инструмента, превращаясь в квази-социального агента, способного брать на себя функции исполнительного контроля, синтеза, планирования и влияния на человека в связи с принятием решений. В связи с этим перед психологией личности встает проблема оценки того, каким образом экстернатальная направленность пользователя на взаимодействие с нейросетевыми алгоритмами влияет на интеллектуальную субъектность студенческой молодежи.

Анализ актуальных эмпирических исследований (2024–2025 гг.) позволяет зафиксировать амбивалентный характер гибридного взаимодействия «человек–ИИ». С одной стороны, нейросети выступают мощным когнитивным усилителем, с другой – провоцируют масштабный эффект «когнитивной разгрузки», ведущий к редукции самостоятельного аналитического усилия (Gerlich, 2025).

Количественные данные свидетельствуют о формировании у пользователей устойчивого паттерна «метакогнитивной лени». В частности, в квазиэкспериментальном исследовании Y. Fan и соавторов (2024) зафиксировано, что 83% студентов не смогли воспроизвести ключевые логические аргументы текста, сгенерированного при участии ИИ, непосредственно после окончания работы. Это доказывает, что легкость получения готового семантического продукта блокирует процесс интериоризации: информация обрабатывается на поверхностном уровне, минуя стадию глубинного смыслообразования.

Следствием этого дефицита становится «иллюзия компетентности». Как показывают данные D. Fernandes et al. (2025), в условиях взаимодействия с ИИ обучающиеся совершают систематическую ошибку атрибуции, статистически значимо переоценивая собственный уровень реальных знаний. Беглость и грамматическая безупречность машинного алгоритма экстраполируются субъектом на собственные способности, что ведет к преждевременному отключению эпистемической бдительности и отказу от верификации данных.

Тем не менее, полная когнитивная деградация не является неизбежным следствием использования ИИ. Новейшие исследования с применением моделирования структурными уравнениями (SEM) доказывают, что сохранение интеллектуальной субъектности детерминировано сложным комплексом личностно-регуляторных предикторов. В масштабном исследовании J. Shi et al. (2025), проведенном на выборке из 257 студентов, была построена путевая модель, раскрывающая механизмы адаптации к ИИ-среде. Результаты выявили, что инструментальный навык – «ИИ-грамотность» – выступает мощным предиктором GAI-ориентированного психологического благополучия ($p < 0,001$). Понимание ограничений алгоритма возвращает студенту интернальный локус контроля, радикально снижая ситуативную тревожность (техностресс).

Однако критически важным выводом для психологии личности является то, что объективная эффективность и качество итогового продукта деятельности зависят в первую очередь не от владения ИИ, а от сформированности навыков саморегулируемого обучения (SRL). Вклад стратегий метакогнитивной саморегуляции (целеполагания, планирования, волевого контроля) в результативность ($p < 0,01$) оказалась статистически весомее, чем прямое влияние технической ИИ-грамотности ($p < 0,05$) (Shi et al., 2025). Это эмпирически подтверждает тезис о примате личностной регуляции над технологической средой: ИИ выступает развивающим средством только для тех субъектов, которые способны удерживать проактивную позицию и использовать алгоритм как инструмент для усиления когнитивной нагрузки.

Дополнительным модератором выступает качество «аффективного альянса», формируемого между субъектом и антропоморфным интерфейсом. В мета-анализе X. Qin et al. (2025), включившем 163

исследования, показано, что алгоритмическая апробация зависит от баланса между потребностью в безошибочных вычислениях и экзистенциальной потребностью личности в признании своей уникальности. Избыточно доверительный аффективный альянс с ИИ в отсутствие развитой саморегуляции усиливает иллюзию компетентности и закрепляет пассивную позицию.

Таким образом, современные эмпирические модели доказывают, что успешность гибридного взаимодействия опосредована сложным комплексом психологических переменных (SRL, ИИ-грамотность, аффективный альянс). Вместе с тем, повсеместно фиксируемый эффект «иллюзии компетентности» ставит под сомнение валидность исследований, опирающихся исключительно на самоотчеты респондентов. Для объективной оценки степени редукции субъектности и выявления латентных паттернов когнитивной разгрузки назрела методологическая необходимость в интеграции аппаратных методов психофизиологического мониторинга (многоканальной ЭЭГ, айтрекинга), что позволит зафиксировать реальную нейрокогнитивную цену взаимодействия человека и генеративного ИИ.

Литература

1. *Fan Y. et al.* Beware of metacognitive laziness: Effects of generative artificial intelligence on learning motivation, processes, and performance // *British Journal of Educational Technology*. 2024. Т. 56. №. 2. Р. 489-530. <https://doi.org/10.1111/bjet.13544>
2. *Fernandes D. et al.* AI makes you smarter but none the wiser: The disconnect between performance and metacognition // *Computers in Human Behavior*. 2026. № 175. 108779. Р. 1–18. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2025.108779>
3. *Gerlich M.* AI tools in society: Impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking // *Societies*. 2025. Т. 15. № 6. Р. 1–28. <https://doi.org/10.3390/soc15010006>
4. *Qin X. et al.* AI aversion or appreciation? A capability–personalization framework and a meta-analytic review // *Psychological bulletin*. 2025. Т. 151. №. 5. Р. 580-599. <https://doi.org/10.1037/bul0000477>

5. Shi J., Liu W., Hu K. Exploring how AI literacy and self-regulated learning relate to student writing performance and well-being in generative AI-supported higher education // Behavioral Sciences. 2025. T. 15. №. 705. P. 1–17. <https://doi.org/10.3390/bs15050705>

Проблемы доверия и сплоченности в студенческих командах цифровой среды

Морозова А.М., Галоян Я.Э.

*ЧОУ ВО ЮУ ИУБиП, Ростов-на-Дону, Россия
Konfetka-nastenka@bk.ru, galoyan@iubip.ru*

Коммуникация – ключевой элемент социального взаимодействия – особенно важна в командной работе студентов в цифровой образовательной среде. Пандемия COVID-19 в 2020 году перевела обучение в онлайн, изменив обмен информацией и эмоциями. Российские исследования показывают, что выбор цифрового канала стал важным фактором качества и эффективности совместной деятельности (Кисляков, Шмелева, Мейерсон, 2023).

Основная сложность цифровой коммуникации заключается в отсутствии невербальных сигналов, таких как жесты, мимика, интонация и зрительный контакт. В традиционной аудитории эти сигналы регулируют диалог и передают эмоции, что теряется в цифровом формате. Исследования указывают на двойственность интернет-коммуникаций: они могут быть изолирующими или объединяющими. Пандемия COVID-19 усилила необходимость контроля над коммуникацией, и российская наука разрабатывает модели для цифровой среды. Синхронные видеоконференции восполняют невербальную информацию, но вызывают усталость, а асинхронные форматы замедляют принятие решений. Гибридные решения требуют дальнейшего изучения (Кисляков, Шмелева, Мейерсон, 2023).

В отличие от офлайн-конфликтов, которые можно иногда разрядить путем физического удаления друг от друга или перехода к личному разговору, онлайн-недопонимания имеют тенденцию к затуханию, но

не к разрешению. Сообщение, воспринятое негативно, остается в чате, продолжая влиять на атмосферу в команде. Поэтому в российской литературе подчеркивается важность внедрения процедур, которые помогают «перезагрузить» коммуникацию (Дедюхин, Баландин, Попова, 2020). Например, если текстовая переписка ведет к тупику в разговоре, рекомендуется инициировать видеозвонок для прямого диалога, который позволяет использовать голос и мимику для упрощенного разъяснения своей мысли. Также важна роль модератора или преподавателя, который должен уметь распознавать начало коммуникационного конфликта и своевременно вмешиваться, предлагая альтернативные каналы общения или помогая сторонам переформулировать свои заявления.

Пандемия COVID-19 обострила проблемы, вызванные недостаточной готовностью преподавателей и студентов к переходу на дистанционное обучение. Большинство преподавателей оценили свои навыки работы с информационными технологиями как средние. Студенты также испытывали трудности, связанные с личными особенностями и условиями обучения.

Преподаватели сталкиваются с серьезными трудностями в организации командного взаимодействия и развитии коммуникативных навыков, которые требуют непосредственного общения (Марарица, Ерицян, Антонова, 2013). Они отмечают, что отсутствие личного контакта со студентами и коллегами является одной из основных проблем. Многие преподаватели считают, что дистанционный формат обучения менее эффективен для направлений, где необходимо командное взаимодействие и живое общение (Акимкина, 2023).

Студенты отмечают развитие определенных навыков в процессе дистанционного обучения. В частности, они научились работать с большими объемами информации и самостоятельно искать данные. Способность к самоконтролю отметили многие студенты как очного, так и заочного отделений (Дедюхин, Баландин, Попова, 2020).

Формы оценки и обратной связи также играют решающую роль в поддержании мотивации. В цифровой среде стандартные формы контроля могут оказаться неэффективными. Поэтому исследователи предлагают внедрять более интерактивные и оперативные механизмы обратной связи. Например, использование чатов для оперативных

комментариев, короткие видеоролики преподавателя с разбором ошибок или похвалой, а также публичное признание успешных проектов. Такие действия помогают студентам видеть свой прогресс и получать положительное подкрепление, что является одним из базовых принципов мотивационной психологии (Кисляков, Шмелева, Мейерсон, 2023).

Главная трудность в создании доверия в цифровых командах: отсутствие неформальных контактов. В традиционных коллективах доверие формируется естественным образом через общение в неформальной обстановке, что создает прочную социальную структуру (Акимкина, 2023). В цифровой среде такие контакты исчезают, что приводит к «рабочему холоду». Студенты в цифровой среде доверяют преимущественно себе. Для восполнения этого дефицита необходимы регулярные неформальные встречи, а также разрешение на неструктурированные беседы в начале видеоконференций.

Недостаток доверия и отсутствие психологической безопасности ведут к пассивности студентов, которые избегают высказывать мнение из-за страха ошибки (Акимкина, 2023). Это способствует «групповому мышлению» и уменьшает готовность к совместному риску.

Литература

1. *Акимкина Ю.Е.* Особенности личностного доверия студентов в коммуникативной сетевой активности// Russian Journal of Education and Psychology. 2023. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnostnogo-doveriya-studentov-v-kommunikativnoy-setevoy-aktivnosti> (Дата обращения: 31.03.2026).
2. *Дедюхин Д.Д., Баландин А.А., Попова Е.И.* Дистанционное обучение в системе высшего образования: проблемы и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PDMN520.pdf> (дата обращения: 31.03.2026).
3. *Кисляков П.А., Шмелева Е.Ю., Мейерсон И.Л.* Психологическая безопасность и коммуникативные трудности преподавателей и студентов в условиях длительного онлайн-обучения // Высшее образование в России. 2023. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-bezopasnost-i-kommunikativnye-trudnosti-prepodavateley-i-studentov-pri-dlitelnom-onlayn-obuchenii> (дата обращения: 31.03.2026).

4. *Марарица Л.А., Ерицян К.Е., Антонова Н.В.* Общение в интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности. 2013, №5. URL: <https://ppj.spbpo.ru/psy/article/view/47> (дата обращения: 31.03.2026).

Связь детско-родительских отношений и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков

Мяснянкина Н.Г., Яковец Д.А.

*ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет
им. В.Н. Татищева», Астрахань, Россия
n.g.myasnyankina@yandex.ru, dl_sun@mail.ru*

Семейное воспитание и характер детско-родительских отношений оказывают решающее воздействие на социальный статус и психологическое состояние ребенка. Подростковый возраст один из сложнейших периодов в его жизни. Он характеризуется кризисными явлениями, огромными физическими и психологическими изменениями. В этот момент семья как никогда влияет на дальнейшее развитие ребенка, охватывая все стороны его личности: аффективную, когнитивную, поведенческую (Мухина, 2010).

Позитивное отношение родителей к подростку является одним из важнейших факторов в формировании нормативного поведения и развития индивидуальности личности.

Нарушения взаимоотношений подростка с родителями, стиль семейного воспитания могут явиться факторами, провоцирующими невротические и психосоматические расстройства, усиление акцентуированного поведения, нарушения социальной адаптации, формирование девиантного и делинквентного поведения (Захаров, 2006).

Исходя из вышесказанного, нами было проведено исследование связи детско-родительских отношений и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков.

В исследовании приняло участие 60 человек (30 детей в возрасте 13-15 лет и 30 родителей).

Были использованы следующие методические средства: «Тест-опросник родительского отношения» (А.Я. Варга, В.В. Столин), опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR), «Характерологический опросник» К. Леонгарда и Н. Шмишека, тест-опросник «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел) (Диагностика ..., 2017; Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002).

На первом подготовительном этапе эмпирического исследования для выявления социальных характеристик семьи родителям была предложена анкета, включающая вопросы о составе семьи, количество детей в семье, возрасте и образовании родителей. Большинство родителей было в возрасте от 31 года до 40 лет (60%), со среднеспециальным образованием (50 %). Преобладали семьи с одним ребенком (60%). Более трех детей не имел никто. Полные семьи составили 64%, неполные – 36%. Отец не принимал участие в воспитании детей в 28% случаев.

Результаты исследования особенностей родительского отношения показали преобладание среднего уровня принятия, высокого уровня контроля (авторитарной гиперсоциализации), симбиоза, директивности, автономности, непоследовательности.

Исследование особенностей поведения подростков показало, что большинство респондентов имеют акцентуации по типу гипертимность, эмотивность, тревожность и дистимичность, а также проявляют склонность к преодолению норм и правил, к агрессии, к аддиктивному и самопорождающему поведению.

Был осуществлен корреляционный анализ (Шелехова, 2015), в котором выявлены высокосignимые (уровень значимости $p \leq 0,01$) связи между переменными, характеризующими особенности личностных отношений в семье и особенности поведения подростков:

- подростки с эмотивной, дистимичной, тревожной акцентуациями имеют в семьях высокую директивность, контроль, автономность, отвержение, инфантильное отношение к себе;
- высокий симбиоз в детско-родительских отношениях приводит к слабому волевому контролю у подростка;

- склонность к аддиктивному поведению, к преодолению социальных норм и правил проявляется как при высокой директивности и контроле, так и при отвержении ребенка родителями, при автономии в отношениях;

- при высоком уровне отвержения, автономии наблюдается склонность к самоповреждающему поведению.

Таким образом, в семьях с нарушениями в детско-родительских отношениях у подростков наблюдалась склонность к определенным видам отклоняющегося поведения.

Литература

1. Диагностика и коррекция детско-родительских отношений: практикум / Авт.-сост. Истратова О.Н. Ростов н/Д: Феникс, 2017. 316 с.
2. Захаров А.И. Происхождение и психотерапия детских неврозов. СПб.: КАРО, 2006. 672 с.
3. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник. М.: Академия, 2010. 452 с.
4. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с.
5. Шелехова Л.В. Математические методы в психологии и педагогике: в схемах и таблицах. Учебное пособие. СПб.: Лань, 2015. 224 с.

Взаимосвязь опыта романтических отношений и смысловых структур личности

Нежурко И.В., Кокурина И.Г.

*МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
irinanezhurko@mail.ru, irinakokur@yandex.ru*

В постнеклассической научной парадигме романтические отношения (РО) рассматриваются не только как форма эмоциональной близости, но как фактор динамической перестройки смысловых структур личности (Асмолов и др., 1979; Кокурина, 2007; Степин,

2009). Целью исследования явилось выявление связей между романтическими отношениями, далее (РО) и когнитивными (ценностно-смысловыми), эмоциональными (удовлетворенность жизнью) и поведенческими (выбор предпочитаемого способа решения межличностного конфликта) параметрами психологических структур личности.

В рамках исследования мы ввели три статуса романтических отношений: группа 1 – нахождение в состоянии РО «здесь и теперь»; группа 2 – наличие в прошлом опыта переживания РО; группа 3 – отсутствие опыта переживания РО и в прошлом, и в настоящем.

Методической основой исследования стал опросник СМОЛЖ (Кокурина, Митрошкина, Михайлова), который позволяет построить мотивационный профиль из шести смыслообразующих мотивов не в трудовой деятельности, а в личной семейной жизни. В опроснике СМОЛЖ шесть базовых смыслов: преобразование, коммуникация, прагматика, кооперация, конкуренция, достижение приписывались ценностям в личном окружении каждого человека: мать, отец, ребенок, семья и др. (данный опросник в нашем исследовании проходил дополнительную проверку). Также использовались «Шкала удовлетворенности жизнью» SWLS Е. Динера (Diener et al., 2004), опросник Томаса-Килманна (Гришина, 2004) для определения стратегий поведения в конфликте и анкета для сбора социально-демографических данных (автор – Нежурко И.В.).

Исследование проведено среди жителей Москвы. В окончательный анализ вошли 111 респондентов (73 женщины и 38 мужчин) в возрасте от 17 до 69 лет. Основную выборку составили студенты московских вузов. Участники были разделены на три группы: а) состоящие в РО (63 человека); б) имеющие опыт, но не находящиеся в РО на момент исследования (33 человека); в) не имеющие опыта РО (17 человек).

С помощью корреляционного метода Спирмена на общей выборке (111 чел.), то есть без учета статуса РО, были получены следующие значимые корреляции.

Результаты по общей выборке. Установлено, что стратегия конфронтации отрицательно связана с мотивами коммуникации, кооперации и творческого преобразования и положительно связана с утилитарно-прагматическим мотивом и мотивом конкуренции.

Стратегия компромисса обнаружила обратную картину: положительные связи с мотивами коммуникации, кооперации и творческого преобразования и отрицательные – с утилитарно-прагматическим мотивом и конкуренцией. Удовлетворенность жизнью (УДЖ) значимо положительно коррелировала с мотивом коммуникации и отрицательно – с мотивом достижения.

Результаты по трем группам РО.

1. У респондентов группы, находящихся в состоянии РО, выявлено устойчивое сопряжение компромиссной стратегии с творческо-преобразовательным мотивом при одновременной отрицательной связи с утилитарно-прагматическим мотивом и конкуренцией.

2. В группе респондентов, имеющих в прошлом опыт РО, компромиссная стратегия оказалась тесно связанной с мотивами коммуникации, кооперации и отрицательно – с конкуренцией. При этом конфронтация отрицательно коррелирует с коммуникацией и кооперацией, что подчеркивает устойчивость и значимость мотивов коммуникации и кооперации как регуляторов межличностного взаимодействия даже при отсутствии актуального связи романтического партнерства, но демонстрирует значимость прошлого опыта в романтических отношениях.

3. Наиболее своеобразная картина обнаружена у респондентов без опыта РО. Компромиссная стратегия здесь также оказалась связана с мотивом кооперации, но не коммуникации, кроме того, общее число значимых корреляций существенно ниже, чем в других группах. В методологической интерпретации это может рассматриваться как признак меньшей связи и согласованности РО со смыслообразующими мотивами (СМ): ценность коммуникации общения не образуют устойчивой функциональной связи с поведенческими стратегиями и актуализируются ситуативно. Примечательно, что в данной группе ни у одного респондента не зафиксирована низкая УДЖ, что указывает на наличие альтернативных источников субъективного благополучия человека.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что опыт РО связан с особенностями функционирования смысловых структур менталитета личности. Различия между группами проявились не столько на уровне отдельных показателей, сколько в характере сопряжения базовых смыслов ближайшего окружения человека,

пониманию смыслообразующего мотива как функциональной связи между ценностью и смыслом этой ценности в рамках совместной деятельности (Кокурина, 2012; Кокурина, 2019). Респонденты, находящиеся в романтических отношениях, демонстрируют наибольшую структурную согласованность смысловой сферы: компромисс у них сопряжен с творчеством, коммуникацией и кооперацией, что обеспечивает устойчивость, доверительность и привлекательность, межличностного взаимодействия между партнерами. У респондентов без опыта романтических отношений эта согласованность существенно менее выражена, а стратегии поведения в конфликте не закреплены устойчивыми мотивационными связями. Наличие в этой группе связи РО с мотивом кооперации, на наш взгляд, свидетельствует о том, что близкое, по сути семейное окружение воспринимается респондентами этой группы скорее как рабочий коллектив, чем как семья с ее отдельной потребностью в близком и доверительном общении.

В дальнейших исследованиях планируется расширить выборку с учётом возраста, длительности и статуса отношений. Перспективным направлением является углубленный анализ динамики перестройки смыслообразующих мотивов в процессе развития романтических отношений.

Литература

1. *Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Зейгарник Б.В., Петровский В.А., Субботский Е.В., Хараи А.У., Цветкова Л.С.* Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979, №4.
2. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М.: Издательство Московского университета, 1984.
3. *Гришина Н.В.* Конфликтология. СПб: Питер, 2004.
4. *Кокурина И.Г.* «Отношение» как фундаментальная категория социальной психологии в анализе мотивации совместной деятельности // Вестник МГУ. Серия «Психология». 2012. №1. С. 29–41.
5. *Кокурина И.Г.* Об отражении в мотивации совместной деятельности субъективного благополучия и неблагополучия

- социального индивида // XXVII Рождественские образовательные чтения. Москва. Летний сад. 2019. С. 125–136.
6. *Кокурина И.Г.* Социально-психологическое содержание смыслообразующей функции мотивации жизнедеятельности социального индивида // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2007. №1. С. 73–87.
  7. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
  8. *Стёпин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
  9. *Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S.* The Satisfaction With Life Scale (SWLS) // Journal of Personality Assessment, 1985, 49(1), 71–75. (Адаптация: Осин Е.Н., Леонтьев Д.А., 2004).

«Цифровое бессмертие» как социально-психологический феномен: от патологизации горя к постмортальной социализации

Нестерова А.А.
ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия
anesterova77@rambler.ru

В психологической науке смерть традиционно рассматривалась как биологический финал и индивидуальное переживание утраты, однако в эпоху цифровизации и развития ИКТ этот феномен трансформируется в социальное событие, продолжающееся и после остановки биологического функционирования организма. Согласно прогнозам, к 2100 году только в Facebook будет более 1,4 миллиарда учетных записей умерших пользователей, что превысит число ныне живущих пользователей. Эта огромная цифровая «посмертная жизнь» в значительной степени неуправляема, и для решения этой проблемы люди должны задуматься о контроле своего цифрового наследия (Savin-Baden, Mason-Robbie, 2020).

Цель данной статьи – проанализировать переход от концепции «цифрового оплакивания» (digital mourning) к концепции «постмортальной социализации» и выявить социально-психологические риски взаимодействия с интерактивными конструктами личности умерших.

Т. Уолтер в своей фундаментальной работе «Death in the Modern World» утверждает, что смерть является прежде всего коммуникационным актом, перестраивающим сети человеческих взаимоотношений (Walter, 2020). При этом цифровые технологии расширяют число умерших, «присутствующих» в обществе, делая это присутствие интерактивным. Если ранее память ограничивалась статичными объектами (фотографии в альбоме, письма), то сегодня цифровые следы становятся социальными объектами, несущими свою собственную эмоциональную нагрузку.

Ключевым конструктом для анализа данной проблематики, на наш взгляд, становится термин А. Бубена «интерактивные конструкты личности умерших» (IPCDs – Interactive Personality Constructs of the Dead), представляющие собой технологически сконструированные, интерактивные имитации личности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта на основе цифровых следов умершего (переписки, посты, аудио- и видеозаписи) или интервью, данные еще при жизни. В отличие от более стигматизирующе звучащих терминов «боты горя» (griefbots), IPCDs подчеркивают технологическую природу и многогранность систем, способных функционировать в различных контекстах: терапевтическом, наследственном, агентском, образовательном и развлекательном (Buben, 2025).

На сегодняшний день описаны следующие пять функциональных типов IPCDs, демонстрирующих проникновение постмортальной социализации во все сферы жизни.

1. *Терапевтические боты*, представляющие собой системы, имитирующие консультативное взаимодействие с умершим авторитетом (например, психологом или родственником) для решения текущих жизненных трудностей, а также для работы с утратой.

2. *Наследственные боты* – это цифровой след, создаваемый при жизни для потомков, который позволяет будущим поколениям взаимодействовать с аватаром предка для получения информации о семейной истории, традициях и пр.

3. *Агентские боты*, исполняющие последнюю волю умершего, включая распоряжение имуществом, интеллектуальной собственностью или благотворительными активами.

4. *Образовательные боты*, фактически являющиеся «ИИ-преподавателями», воспроизводящими лекционные курсы умерших ученых и учителей. Данный тип ботов ставит вопрос о возможном искажении исторической фигуры и вытеснении живых преподавателей, а также необходимость «живой» непосредственной коммуникации в образовательном процессе.

5. *Развлекательные боты*, воссоздающие цифровые копии знаменитостей для культурно-досуговых мероприятий (концерты, шоу), что актуализирует вопросы коммерциализации личности после смерти (Buben, 2025).

Однако широкое внедрение IPCDs сопряжено, на наш взгляд, с серьезными эτικο-клиническими рисками.

Наиболее очевидным риском является, патологизация горя, так как существует вероятность замещения живого процесса утраты симулякр ом общения, что в литературе обозначается как «цифровое отрицание смерти» (Kasket, 2022). Если пользователь имеет возможность в любой момент получить ответ от цифровой копии умершего близкого, возникает угроза консервации травмы потери и нарушения естественного завершения процесса горевания. Таким образом, технология, позиционируемая как поддержка, рискует стать механизмом избегания боли, препятствующим адаптации к жизни без умершего.

В современном мире мультифакторная модель социализации (коммуникация, культура, семья, религия, цифровое пространство и т.п.) сталкивается с новыми вызовами. Семьи спорят о владении аватарами, культура формирует отношение к цифровому бессмертию, а психологи оказываются на передовой разграничения терапевтической поддержки в ситуации оплакивания умерших и зависимости от такого симулякра. Отечественные исследователи также отмечают необходимость поиска баланса в киберпространстве и развития адаптивности к сетевой среде (Айсина, Нестерова, 2019; Белинская, Тихомандрицкая, 2023).

В заключение следует отметить, что *постмортальная социализация* – это новая глава в истории человеческих отношений и социального

развития, которая представляет собой продолжающийся после биологической смерти индивида процесс социального взаимодействия, опосредованный цифровыми технологиями и интерактивными конструктами личности умерших, в ходе которого сохраняются, трансформируются или заново конструируются социальные связи между умершими и живыми участниками коммуникации. Технологии, с одной стороны, открывают несомненные возможности для поддержки, но при этом рискуют заменить живую встречу технической симуляцией контакта. Задача профессионального сообщества – не запрещать, а регулировать и исследовать данный феномен. Сегодня необходим междисциплинарный подход (психологи, юристы, IT-специалисты) для создания этических стандартов по вопросам постмортальной социализации человека. Психологам важно включать тему цифрового наследия в супервизию и учебные курсы, помогая клиентам отличать симуляцию связи от реальной работы утраты, так как принятие конечности жизни остается основой зрелости, и задача психотерапии – не дать иллюзии заменить реальную жизнь.

Литература

1. *Айсина Р.М., Нестерова А.А.* Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. №10(4). С. 42-57.
2. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Глобальные риски цифрового мира как актуальная проблема социальной психологии // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы. Том 2. Екатеринбург, 2022. С. 25-29.
3. *Buben A.* Beyond grief: the raison d'etre of interactive personality constructs of the dead // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2025. P. 1-17.
4. *Kasket E.* All the Ghosts in the Machine: Illusions of Immortality in the Digital Age. Robinson, 2022.
5. *Savin-Baden M., Mason-Robbie V.* Digital afterlife: Death matters in a digital age. CRC Press, 2020.
6. *Walter T.* Death in the Modern World. Sage Publications, 2020.

Коммуникативные особенности взрослых с разным типом привязанности

Никитина Е.А. Хаймовская Н.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kuraismysunshine@gmail.com, tatisheva@yandex.ru

Взаимодействие людей в межличностных отношениях отражает их детский опыт. За внешней манерой общения скрываются глубинные модели привязанности. То, какой личностью станет человек с точки зрения нравственности, зависит не только от культурной среды, в которой он вырос и живет, но и от моделей привязанности, сформированных в раннем детстве (Боулби, 2003). М. Эйнсворт (1978) выделила надежный, тревожный и избегающий типы привязанности.

Современные исследования свидетельствуют о том, что уровень привязанности к окружающим, сформировавшийся в раннем детстве, может существенно повлиять на качество межличностных отношений, коммуникативные стратегии, стили взаимодействия и ожидания от партнеров по общению. Стил коммуникации индивида создает социальную среду, которая навсегда сохраняет ожидаемые последствия и укрепляет внутренние модели (Коллинз, Риид, 1994).

Исследованиями было установлено, что надежный стиль был связан с меньшим количеством ревности, дистресса, гнева и с большей количеством безопасности и уважения (Radecki-Bush, Farrell, 1993). У взрослых, обладающих надежной привязанностью, формируется позитивное представление о себе, они легко общаются с другими и редко боятся подвергнуться критике (Markus, 2003). Это способствует формированию открытого и гибкого стиля коммуникации, ориентированного на сотрудничество и конструктивное разрешение конфликтов, что подтверждается рядом исследований (Mikulincer, Shaver, 2008; Öztürk, Mutlu, 2010). Их коммуникация опирается на позитивное представление о других и, следовательно, приводит к дружественному, аффилиативному стилю социального взаимодействия.

Тревожный тип чрезмерно зависит от партнера (Radecki-Bush, 1993). В новой социальной ситуации у тревожного типа актуализируется повышенная реактивность в случае изменений в

поведении партнера, навязчивость (Ломова, 2024). Эмоциональная нестабильность и зависимость от внешней оценки могут приводить к подозрению, беспокойству, страху и зависти (Фурманов, 2019). В коммуникации это проявляется в повышенной чувствительности к реакциям партнера, склонности к интерпретации неоднозначных сигналов как угрожающих, а также в стремлении к избыточной близости.

Избегающий тип защищает себя от разочарования, избегая близких отношений и поддерживая чувство независимости и неуязвимости, могут вести себя асоциально и агрессивно с тем, чтобы дистанцироваться от других (Hogowitz, 1994; Бартоломью, Эллисон, 2006). В коммуникации это может сопровождаться внешней холодностью, нарциссизмом или агрессивными реакциями, неспособностью обращаться за помощью и принимать ее, трудности выражении чувств и отказе от поиска поддержки, сниженной эмпатии. (Ломова, 2024; Vahid, Ahmadi, 2013).

Несмотря на популярность теории привязанности, вопрос о том, как конкретные типы привязанности трансформируются в вербальные и невербальные стратегии общения у взрослых, остается недостаточно систематизированным.

Основная гипотеза исследования заключается в предположении о том, что особенностью надежного типа привязанности у взрослых является высокий уровень коммуникативного потенциала личности, эмоциональной устойчивости и высокая коммуникативная компетентность; особенностью ненадежного типа привязанности у взрослых является низкий уровень проявления коммуникативного потенциала и эмоциональной устойчивости.

Используя методику на выявление стиля привязанности «Опросник стиля отношений» (RSQ) D. Griffin, K. Bartholomew (1994) в адаптации Т.Л. Крюковой (2019), мы выделили три типа привязанности на выборке из 80 человек в возрасте от 18 до 66 лет и поделили их на две группы – надежный (33 человек) и ненадежный (включающий в себя тревожный и избегающий тип – 47 человека).

Далее мы использовали методику «Диагностика особенностей общения» (Недашковский, 2002) для выявления уровня коммуникативного потенциала личности и получили следующие результаты. В группе «надежный тип» действительно преобладает

высокий уровень коммуникативного потенциала, по сравнению с группой «ненадежный тип». Средний балл надежной группы – 73,2, ненадежной – 48,2, что на 25 (51,87%) больше. Гипотеза о значимых различиях двух групп была проверена с помощью критерия Манна-Уитни, и принимается на уровне значимости $p < 0,001$.

Это может говорить о том, особенностью общения у надежного типа привязанности у взрослых является высокий уровень коммуникативного потенциала личности, а у ненадежного типа привязанности – низкий уровень проявления коммуникативного потенциала личности.

Изучение данной темы позволит нам лучше понять как тип привязанности влияет на особенности и стили коммуникации и успешность социального взаимодействия.

Литература

1. *Авдеева Н.Н.* Теория привязанности: современные исследования и перспективы / Современная зарубежная психология. Том 6. № 2, 2017. С. 7–14.
2. *Булби Дж.* Привязанность Attachment. Пер. с англ. Н.Г. Григорьевой и Г.В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 447 с.
3. *Ломова С.Н.* Теоретический анализ взаимосвязи психологического благополучия и особенностей привязанности в юношеском возрасте. Международный научный журнал «Вестник науки». № 2 (71) Том 3. М., 2024. 11 с.
4. *Ainsworth M., Blehar M., Waters E., Wall S.* Patterns of attachment: Assessed in the Strange Situation and at home. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978. – 418 p.
5. *Radecki-Bush C.* Predicting jealous responses: The influence of adult attachment and depression on threat appraisal / C. Radecki-Bush, A.D. Farrell, J.P. Bush // Journal of Social and Personal Relationships. 1993. Vol. 10. P. 569–588.
6. *Hazan C., Shaver P.* Romantic love conceptualized as an attachment process. Journal of Personality and Social Psychology, 52(3), 1987. 511-524 p.

Освоение профессиональных навыков студентов-психологов в условиях контекстного обучения

Николаева Л.П., Фадеев Д.С.

*АНО ВО Российский новый университет, Москва, Россия
dpsycho@yandex.ru, dmsfadeev@yandex.ru*

Проблема практико-ориентированного обучения в профессиональной высшей школе остается весьма актуальной. В условиях активного развития электронных «добытчиков» информации, таких как нейросети, возрастает потребность в специалистах, не только располагающих широтой научной осведомленности, но и владеющих способностью к практико-ориентированному пониманию уместности теоретических научных концепций, к усмотрению и выстраиванию связей между научными теориями и профессиональной деятельностью, к созданию системной практической профессиональной деятельности, обладающих достаточными компетенциями для экстраполяции научных знаний на поле конкретных профессиональных задач (Бобылев, 2019).

Ориентированность студентов помогающих профессий, в частности, студентов-психологов на практическую деятельность должна быть приоритетной. О значимости практической направленности образования, его методологических основах и актуальности выявления механизмов реализации практико-ориентированного обучения говорят многие исследователи и специалисты в сфере образования (Р.А. Аджимулаева, С.П. Акутина, М.И. Бекоева, В.П. Беспальк, Т.Н. Бондаренко, Ю.П. Ветров, М.Я. Виленский, Е.Н. Галкина, В.А. Гуружапов, В.И. Долгова, В.О. Зинченко, Н.П. Клушина, И.Ю. Кулагина, Н.В. Крыжановская, О.Г. Ларионова, Б.Р. Мандель, П.И. Образцов, И.В. Патрушева, С.С. Полисадов, О.М. Россомахина, В.А. Сластенин, Л.Е. Солянкина, В.С. Ткаченко, А.И. Уман, В.И. Чистякова, Ф.Г. Ялалов и др.).

Также текущим требованиям к организации современного обучения в полной мере отвечает концепция контекстного обучения А.А. Вербицкого, которая опирается на теорию деятельности (Вербицкий, 1991). В этой концепции мы видим возможность трансформации предмета деятельности обучающегося от абстрактной учебной информации, усваиваемой им на лекционных занятиях, к

квазипрофессиональной деятельности, реализуемой, к примеру, в ситуации деловой игры. Деловая игра как имитационная обучающая модель воспроизводит ситуацию профессиональной деятельности, требующую анализа и принятия решений на основе теоретической информации (Вербицкий, 2017).

Практико-ориентированная подготовка обучающихся определяется совокупностью четырех взаимосвязанных компонент: концептуальной, содержательной, технологической, диагностической (Горбунова, 2010). Процесс внедрения практико-ориентированной подготовки обучающихся в образовательный процесс высшей школы должен происходить с опорой на соответствующие принципы (Прославова, 2012).

Вместе с тем, контекстное обучение также предполагает наличие ключевых принципов своей реализации. Автор подхода А.А. Вербицкий выделил восемь принципов контекстного обучения (Вербицкий, 2017).

Нам представляется значимым поиск возможных форм совмещения практико-ориентированного обучения как частного случая компетентно-ориентированного подхода к образованию и контекстного обучения с целью реализации требуемых принципов, стадий, характеристик и разрешения актуальных противоречий (Зимняя, 2003; Огнев, Николаева, Лихачева, 2020).

В Российском новом университете была разработана практико-ориентированная модель обучения студентов – будущих психологов. Реализация метода активного обучения проходила на базе клуба «Нескучная психология». В рамках данной модели используются активные диалогические и полилогические приемы, привлекаются практикующие специалисты с целью формирования у студентов-психологов реалистичных представлений о будущей профессии. Работа клуба проходит с использованием визуально-кинетического моделирования, в процессе которого студенты индивидуально, а также в парах и в группах могут отрабатывать элементы психологического консультирования. Такая квазипрофессиональная деятельность, моделирующая в аудиторных условиях содержание и динамику профессиональной деятельности, позволяет обучающимся лучше понять не только профессиональный, но и социальный аспект производственных отношений. Применяя современные технологии песочного имитационного моделирования, а также метафорические

ассоциативные карты и кинетический песок, студенты моделируют различные ситуации, что позволяет им развивать способности к профессиональной практической деятельности. При этом следует отметить, что в психологическом плане они становятся более уверенными в себе и мотивированными на дальнейшее овладение профессиональными навыками. Первокурсники уже к концу первого семестра осваивают первичные профессиональные навыки.

Одним из примеров применения визуально-кинестетического моделирования является упражнение «Какой я психолог-консультант», в котором первокурсники выбирают фигурки и создают композицию на песке. Вначале студенты определяют и уточняют для себя в ходе групповой работы жизненные приоритеты, фиксируют внимание на том, когда и какие именно результаты в своей жизни они хотят получить. В ходе дальнейшей работы студенты определяют, какими личностными качествами они должны обладать, чтобы быть профессионально компетентным в будущей профессии. Они также определяют препятствия, которые могут помешать стать успешным психологом-консультантом.

При обсуждении студентами своих фигурок и композиций была использована схема анализа ТЭМП («Тело» – вопросы о физических ощущениях, возникающих в ходе работы; «Эмоции» – вопросы о возникающих эмоциях, об их связи с актуальными потребностями и значимыми для студента ценностями; «Мысли» – обсуждение размышлений, на которые натолкнуло происходящее; «Поведение» – вопросы о том, к каким действиям побуждает упражнение) (Огнев, Николаева, Лихачева, 2020).

Таким образом, деловая игра способствует повышению эффективности практико-ориентированного обучения студентов через осознание ими своих возможностей для получения профессиональных навыков.

Литература

1. Бобылев А.В. Проявление компетенции самоорганизации на разных этапах социализации личности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 3. С. 101–104.

2. *Вербицкий А.А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: Метод. пособие. М.: Высшая школа, 1991. 207 с.
3. *Вербицкий А.А.* Теории и технологии контекстного образования. М., 2017. 266 с.
4. *Горбунова Т.В.* Практико-ориентированный подход к подготовке будущих социальных педагогов к профессиональной деятельности // Вестник ЧГПУ. 2010. №2. С. 93-101.
5. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34-42.
6. *Огнев А.С., Николаева Л.П., Лихачева Э.В.* Психологическое песочное моделирование как инструмент позитивного субъектогенеза: Монография. М.: Издательство «Спутник+», 2020. 134 с.
7. *Просалова В.С.* Принципы внедрения практико-ориентированного обучения в вузе / В.С. Просалова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. № 4(17). С. 136-141. EDN QAETVJ.

Перфекционизм, тревожность, локус контроля и неудовлетворенность своим телом

***Николаева Н.О., Боровкова С.С.,
Зацепина У.А., Осипова К.А., Сучкова П.Р.***
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nikolaevano@mgppu.ru, svetkaborovkova@gmail.com,
uliana.zatsepina@yandex.ru, kristina-osipova-06@mail.ru,
suchkovapr@gmail.com

Актуальность темы перфекционизма является особенно актуальной и социально значимой в современном обществе, так как наблюдается устойчивый рост перфекционизма среди студентов, что подтверждается международными исследованиями. Это явление

становится значимым фактором кризиса психического здоровья в академической среде, приводя к эмоциональной дезадаптации, тревожности и депрессии. Студенческая выборка особенно подходит для изучения негативных последствий перфекционизма из-за высокого давления академических требований и социальных ожиданий. Также перфекционизм входит как одно из свойств ананкастного расстройства личности в МКБ-10, для которого предусмотрен код F60.5. (Гараян и др., 2018a).

Цель исследования: проверить наличие взаимосвязи между перфекционизмом и личностными чертами (тревожность, удовлетворенность своим телом, типы локуса контроля).

Описание методик: исследование перфекционизма проводилось с помощью методики А.Б. Холмогоровой, Н.Г. Гараян, Т.Ю. Юдеевой (трехфакторная версия). Опросник состоит из 18 утверждений, которые распределены по трем шкалам: 1) озабоченность оценками со стороны других при неблагоприятных сравнениях с ними; 2) высокие стандарты и требования к себе; 3) негативное селективное оценивание и фиксация на собственном несовершенстве. Первая шкала тестирует социально предписываемый перфекционизм, вторая – Я-адресованный перфекционизм, третья – перфекционистский когнитивный стиль (Гараян и др., 2018б).

Методика «Локус контроля» Дж. Роттера позволяет выявлять направленность личности на экстерналиные (внешние) или интерналиные (внутренние) стимулы. Экстерналы убеждены, что их неудачи являются результатом невезения, случайностей, отрицательного влияния других людей. Они нуждаются во внешней поддержке и одобрении. Интерналы же убеждены, что их успехи или неудачи не случайны и зависят от собственной компетентности, способностей, целеустремленности, то есть от них самих. Они больше склонны к осмысливанию своего поведения и, в отличие от экстерналов, менее склонны подчиняться давлению других людей, сильнее реагируют на утрату личной свободы, активнее ищут информацию, необходимую для принятия решения, а также более уверены в себе (Ксенофонтова, 1999).

Шкала личности тревоги Дж. Тейлор в адаптации В.Г. Норакидзе – это методика, позволяющая определить уровень проявления тревожности как устойчивой личностной черты. Опросник состоит из

60 утверждений и помогает диагностировать уровень явной тревоги, выявить склонность к невротическим реакциям, страхам и эмоциональной неустойчивости. В.Г. Норакидзе дополнил опросник шкалой лжи, позволяющей судить о демонстративности, неискренности в ответах (Pyslab.info).

Шкала ЕАТ-26 – это инструмент самооценки пищевых привычек для оценки симптомов и проблем, связанных с расстройством пищевого поведения. Сокращенная версия опросника состоит из 26 пунктов и включает три шкалы: 1) «Диета» – отражает патологическую озабоченность калориями, стремление к худобе и избегание пищи, способствующей набору веса; 2) «Булимия» – оценивает склонность к перееданию и последующему очищению организма, а также навязчивые мысли о еде; 3) «Оральный контроль» – измеряет уровень самоконтроля в еде и внешнее давление со стороны окружающих относительно веса (Janahi et al., 2024; Мешкова и др., 2023).

Выборка состоит из 69 девушек в возрасте от 18 до 23 лет.

Полученные результаты говорят о том, что почти все характеристики связаны между собой. Перфекционизм (сумма баллов, I и III шкалы) положительно связан с тревожностью (0,40; 0,42; 0,31 соответственно, при $p < 0,005$). При этом перфекционизм отрицательно связан с удовлетворенностью телом (0,34; 0,40; 0,34 соответственно, при $p < 0,01$).

Также перфекционизм (озабоченность оценками со стороны других людей) положительно связан с экстернальным локусом контроля (0,25 при $p < 0,05$) и отрицательно с интернальным локусом (-0,24 при $p < 0,05$).

Вывод: была выявлена положительная взаимосвязь перфекционизма с тревожностью и экстернальным локусом контроля. Наряду с этим были получены отрицательные связи перфекционизма с интернальным локусом и удовлетворенностью своим телом.

Литература

1. Гаранян Н.Г., Клыкова А.Ю., Сорокова М.Г. Перфекционизм, зависть и конкурентные установки в студенческой среде // Консультативная психология и психотерапия. М., 2018. 26(2), 7–32. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260202>

2. *Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю.* Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии // Консультативная психология и психотерапия. М., 2018. 26(3), 8–32. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260302>
3. *Ксенофонтова Е.Г.* Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психологический журнал. М., 1999. Том 20, № 2, с. 103–114.
4. Личностная шкала проявлений тревоги Тейлор [Электронный ресурс] // Psylab.info. URL: https://psylab.info/Личностная_шкала_проявлений_тревоги_Тейлора (дата обращения: 30.01.2026).
5. *Мешкова Т.А., Шельгин К.В., Митина О.В., Александрова Р.В., Николаева Н.О.* Тест пищевых установок (EAT-26): оценка психометрических характеристик и факторной структуры на неклинической выборке 876 студентов // Клиническая и специальная психология. 2023. Т. 12. № 1. С. 66–103.
6. *Janahi S. et al.* A Reliability Generalization Meta-Analysis of the Eating Attitudes Test 26 (EAT-26) Scale. // Cureus. 2024 Nov 13;16(11):e73647. <https://doi.org/10.7759/cureus.73647>

Профессионально важные качества личности студентов разных профилей психологического обучения

Никулин С.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nikulinsa@mgppu.ru*

В современной концепции формирования профессиональной идентичности выделяется ряд качеств, необходимых психологам для продуктивной профессиональной деятельности. Среди прочих отмечаются эмпатия, толерантность, соблюдение этических норм, высокий уровень эмоционального интеллекта и др. (Корчагин, Лобанова, 2025). Однако сегодня психологическое образование имеет

огромное количество всевозможных профилей обучения, сильно отличающиеся по своему содержанию. Логично предположить, что набор требуемых личностных качеств будущего психолога, в зависимости от выбранного профиля, так же будет неодинаковым. Как минимум, акцент делается на разных компонентах.

Психологическое сообщество в целом проявляет растущий интерес к психосоматике – направлению, изучающему взаимосвязь психических факторов и физического здоровья человека. Сегодня существуют диаметрально противоположные взгляды на эффективность деятельности представителей психосоматического направления. В рамках социально-психологической парадигмы для расширения теоретической исследовательской базы целесообразным представляется сравнение специалистов, работающих или обучающихся психосоматике со специалистами других психологических профилей, что и было проведено в данном исследовании.

Первостепенным представляется вопрос исследования социально-психологических установок, порождающих желание у человека обучаться по конкретному профилю. В качестве одной из диагностических методик была использована методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной. Второй методикой стал опросник Меграбяна в адаптации Э.Ф. Зеера и О.Н. Шахматовой для определения уровня эмпатии.

Испытуемыми выступили студенты, проходящие обучение по профилю «психосоматика», а также студенты психологического вуза, обучающиеся по другим психологическим профилям. В выборку вошли как бакалавры, так и магистры, возрастной диапазон 21-65 лет. Общее количество испытуемых составило 136 чел (м и ж).

Цель исследования заключалась в сравнении социально-психологических установок и эмпатии студентов, обучающихся психосоматике с социально-психологическими установками и эмпатией обучающихся по другим психологическим профилям. В рамках гипотезы предполагалось, что значимые психологические различия между группами будут выявлены по показателям «деньги» (в рамках диагностики установок) и эмпатия.

После сбора и статистической обработки данных с использованием U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок, на уровне значимости 0,05, значимые психологические различия наблюдались по шкалам «деньги», «эмпатия» и «присоединение». При этом средний ранг во всех трех случаях был выше у студентов других профилей. Уровень эмпатии (т.н. эмоциональный уровень) студентов других профилей был выражен высоко, уровень присоединения (т.н. действенной эмпатии) – по верхним показателям среднего значения шкалы. В то же время значения показателей студентов-психосоматологов по шкале эмпатии находилось в районе верхнего показателя среднего значения (т.е. достаточно высокий результат, но меньший, чем у студентов других профилей). По шкале присоединения различия наблюдались более существенные, и значения психосоматологов соответствовали нижнему показателю среднего значения. Если исходить из полученных данных, обучающиеся студенты-психосоматологи способны сопереживать другому и ощущать его эмоции достаточно сильно, хотя и в меньшей степени, чем студенты других направлений. Проявление тепла, дружелюбия, поддержки (т.н. действенная часть) у группы психосоматологов не были выражены. Т.е. складывается аналогия с образом человека, понимающего проблему и чувства другого, но не желающего, либо не умеющего ее решать. Подобную тенденцию возможно объяснить через стаж психологического обучения. Студенты магистерских программ и бакалавры психологического вуза, выступающие в качестве наших испытуемых, в большинстве своем либо уже имели знания в области психологии и таким образом повышали свою квалификацию, либо рассматривали обучение как путь в профессию, в то время как студенты по направлению психосоматики проходили свое обучение в рамках переподготовки, не имея базового психологического образования.

Значимые психологические различия наблюдались в установках на деньги. Значимость этого компонента оказалась выше у студентов других профилей. На данном этапе можно высказать предположения о том, что интерес обучающихся психосоматике в рамках преподаваемой программы был скорее познавательный (студенты уже имели другую профессию и больше были сосредоточены на интересе нового подхода, чем на материальной стороне вопроса и заработке через консультирование). При этом студенты других направлений чаще

продолжали обучение по своей основной профессии, в результате чего были заинтересованы и в зарработке. Однако для корректного освещения данного вопроса необходимо провести дополнительные исследования.

В результате проведенного исследования были сделаны выводы о том, что значимые психологические различия между студентами профиля «психосоматика» и студентами других психологических профилей присутствуют. Они относятся к социально-психологическим установкам на деньги, а также к эмпатии и способности к присоединению. По другим шкалам значимые психологические различия выявлены не были.

По нашему мнению, для планирования дальнейших исследований в этой области, следует подбирать группы, идентичные по формату обучения (повышение квалификации, либо переподготовка), чем в силу обстоятельств сделано не было. Далее при сохранении значимых психологически различий, идентичных данному исследованию, открываются новые возможности для всестороннего анализа указанной проблематики.

Литература

1. Корчагин Е.Н., Лобанова А.В. Профессиональная идентичность студентов психолого-педагогического направления подготовки. Современная зарубежная психология, 14(1), 2025, с 45–56.

К вопросу об изучении чувашской этнической идентичности

Новикова Г.В., Александрова Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

nov_g_v@mail.ru, aleksandrovaea@mgppu.ru

Наша работа посвящена исследованию чувашской этнической идентичности, что в условиях интенсивного межкультурного и межэтнического взаимодействия делает результаты актуальными в практическом плане. Более того недостаточность системных и комплексных данных о современных особенностях этнической

идентичности чувашского народа повышает теоретическую значимость проводимой нами работы. В условиях глобализации важно более глубоко понять механизмы самоидентификации, процессы конструирования, сохранения и трансформации этнической культуры.

Важной целью нашей работы также стало раскрытие особенностей функционирования этнической идентичности современных чувашей для оказания более эффективной психологической помощи представителям данного народа. Для достижения поставленной цели и решения задач нами использован междисциплинарный подход, включающий, в том числе, различные методы для анализа компонентов этнического самосознания. По мнению современных ученых, существующие исследования чаще всего ограничены отдельными аспектами идентичности и не предоставляют полноценного системного представления о ее формировании (Бойко, Долгова, Харитоновна, 2021).

Теоретическую основу составили в первую очередь труды Т.Г. Стефаненко, В.А. Тишкова, а также ученых, занимающихся исследованиями чувашского народа – Н.И. Ашмарин, составители тома «Чуваши» атласа народов мира ИАЭ РАН – В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова; А.К. Салмин.

Источником вдохновения для нашего исследования послужил труд уроженца республики Чувашия, А.К. Салмина, который в 2022 году выпустил книгу «Академические исследования этнической самобытности чувашского народа» (Салмин, 2022). Монография может служить новой вехой в исследовании чувашского народа, базой для которой служат работы Н.И. Ашмарина и других авторов. «Академические исследования этнической самобытности чувашского народа» стали первой за долгий период попыткой комплексного отражения всей истории изучения чувашского этноса.

Цель, которую мы поставили перед собой, заключалась в том, чтобы в первом приближении показать то, как в современной республике Чувашия происходит презентация этнической идентичности чувашей.

Основной *гипотезой* проведенного исследования, таким образом, стало предположение о том, что показатели выраженности этнической идентичности современных чувашей будут выше средних значений. Частной гипотезой стало обоснованное предположение о том, что повышенный интерес к своей этнической идентичности у

представителей чувашского народа может формироваться за счет различных аспектов его этнической истории.

В исследовании приняли участие (эмпирическая база исследования) представители чувашского народа – жители республики Чувашия, а также чуваша, проживающие в других регионах (мужчины и женщины от 18 до 69 лет). Выборка составила 129 человек. В качестве методик нами были выбраны:

1) шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности (Н.М. Лебедева);

2) шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева).

Также использовался метод включенного наблюдения, в результате которого были выявлены и описаны особенности материальной культуры чувашей, элементы которой успешно сохраняются и интегрируются в современную, в том числе молодежную культуру.

В результате анализа полученных данных выявлено, что степень выраженности этнической идентичности современных чувашей значительно превышает средний уровень.

Также была отмечена позитивная валентность этнической идентичности, что позволяет говорить о характеристике ее аффективного компонента. При значимости и выраженности всех компонентов этнической идентичности у современных чувашей преобладает поведенческий.

Мы предполагаем, что дальнейшее изучение данной темы позволит расширить возможности психологического консультирования представителей чувашского народа, сделать работу психолога более эффективной с опорой на полученные данные.

Использование полученных данных о конструировании этнической идентичности в психологической практике кросс-культурных психологов может значительно повысить ее эффективность и целостность в рамках системного подхода.

Литература

1. *Александрова Е.А.* Этнокультурный состав мира: учебник для вузов. М., 2025.

2. *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.И.* О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии // Вестник антропологии, 2021-53-1.
3. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Методы этнической и кросскультурной психологии. М., 2011.
4. *Салмин А.К.* Академические исследования этнической самобытности чувашского народа. РАН, Спб, 2022.
5. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2015.
6. Чуваши // Народы и культуры / под ред. В.П. Иванова, А.Д. Коростелева, Е.А. Ягафовой. ИЭА РАН М. 2017.

Взаимосвязь жизнестойкости и рефлексии у обучающихся художественной направленности

Одинцова О.Д.

*МБУДО «ДЮЦ», Челябинск, Россия
olga.oleksa347.odintsova@mail.ru*

Образование сегодня – это связка смысла, анализа и устойчивости: через рефлексию к осмыслению мотивов и поиску целей, а через них – к жизнестойкости и преодолению. В статье представлено исследование взаимосвязи компонентов жизнестойкости и рефлексии деятельности у обучающихся художественной направленности образования. Приведены результаты корреляционного анализа: о наличии сильных разнонаправленных связей жизнестойкости и рефлексии деятельности; описывается характер и содержание этих связей.

Обучающиеся являются той социальной группой, которая постоянно находится в ситуациях освоения нового, что вместе с познавательным интересом, может вызывать чувство неопределенности и провоцировать стресс. Жизнестойкость – тот ресурс, потенциал личности, который может быть востребован стрессовой ситуацией (Леонтьев, Осин, 2014); интегральная способность к деятельности (трансформации, преодолению), включающая: когнитивные и эмоциональные ресурсы – подчиненные смыслу и «энергетически» обеспечивающие эту деятельность

(Александрова, 2005); при этом смысл помогает преобразовать стрессовое событие в опыт, не снижая эффективности деятельности (Мадди, 2005).

Смысловая рефлексия, позволяет личности вырабатывать свои специфические знания, не имеющие еще своих специфических и внешне выраженных средств и методов (Щедровицкий, 2001). Метасистемный характер рефлексии, отражает способность личности регулировать деятельность, как в нормальных, так и в экстремальных условиях (Карпов, 2013).

В ситуациях практической деятельности развитость рефлексии не всегда вносит продуктивный вклад в систему саморегуляции, и может быть контрпродуктивным, негативно влияющим на активность субъекта деятельности (Kuhl, 1987; Леонтьев, Осин, 2014); вместе с тем, способности к регуляции и активности – являются значимыми предикторами жизнестойкости личности (Зеер, 2015).

Современное образование фокусируется на поиске смыслов и устойчивости личности, что невозможно без развития навыков рефлексии. При этом, проблема жизнестойкости и проблема рефлексии (в частности рефлексия деятельности) практически исследовались автономно друг от друга; включение рефлексии в ряд предикторов жизнестойкости обучающихся, позволяет раскрыть когнитивно-оценочные механизмы преодоления стрессовых ситуаций.

Цель исследования: выявить взаимосвязь компонентов жизнестойкости и рефлексии деятельности у обучающихся художественной направленности. Выборка: обучающиеся студенты факультета изобразительного и музыкального искусства, подростки, обучающиеся по программам дополнительного образования (461 человек, средний возраст $17,3 \pm 4,30$).

Методики исследования: «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой); «Тест рефлексии деятельности» (В.Д. Шадриков, С.С. Кургинян); математико-статистическая обработка данных: программы SPSS Statistics v.23.

По результатам корреляционного анализа выявлены сильные разнонаправленные связи жизнестойкости и рефлексии деятельности. Отрицательная связь жизнестойкости ($r = -0,601$ при $p < 0,01$), включая компоненты вовлеченность ($r = -0,526$ при $p < 0,01$), контроль ($r = -0,554$ при $p < 0,01$), принятие риска ($r = -0,549$ при $p < 0,01$) и рефлексии

информационной основы деятельности. Положительная связь жизнестойкости ($r = 0,547$ при $p < 0,01$), включая вовлеченность ($r = 0,517$ при $p < 0,01$), контроль ($r = 0,507$ при $p < 0,01$), принятие риска ($r = 0,462$ при $p < 0,01$) и рефлексии мотивации и целеполагания деятельности. Отрицательная связь жизнестойкости ($r = -0,636$ при $p < 0,01$), включая вовлеченность ($r = -0,550$ при $p < 0,01$), контроль ($r = -0,606$ при $p < 0,01$), принятие риска ($r = -0,569$ при $p < 0,01$) и рефлексии принятия решений и осуществления деятельности. Между жизнестойкостью и общим показателем рефлексии деятельности выявлена отрицательная связь ($r = -0,464$ при $p < 0,01$).

Теоретический анализ подтверждает: рефлексия деятельности и жизнестойкость тесно связаны в рамках смысловой саморегуляции, необходимой для преодоления стресса. Выявлено: рефлексия целеполагания и мотивации деятельности является ресурсом жизнестойкости обучающихся. Вместе с тем повышение уровня рефлексии может быть не продуктивно: выявлено, что чрезмерная рефлексия информационной основы деятельности, а также рефлексия принятия решений и осуществления деятельности, являются факторами риска для жизнестойкости. В свою очередь, показатели рефлексии в пределах нормативных значений, характеризует обучающихся, как способных к эффективному осуществлению собственной деятельности и предполагает метакогнитивный уровень рефлексии, в условиях преодоления проблемной ситуации.

Литература

1. *Александрова Л.А.* О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире // Известия ТРТУ. 2005. № 7(51). С. 83-84.
2. *Зеер Э.Ф.* Социально-психологические аспекты развития жизнеспособности и формирования жизнестойкости человека // Педагогическое образование в России. 2015. № 8. С. 69-76.
3. *Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности / М.: Когито-Центр, Институт психологии РАН, 2013. 424 с.
4. *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.* Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике //

- Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. №. 4. С. 110-135.
5. *Мадди С.Р.* Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26. №. 6. С. 87-101.
  6. *Щедровицкий Г.П.* Рефлексия и ее проблемы // Рефлексивные процессы и управление: Междунар. науч.-практ. междисциплин. журн. 2001. № 1. С. 47–54.
  7. *Kuhl J.* Action control: The maintenance of motivational states // Motivation, intention, and volition. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 1987. С. 279-291.

**Онлайн-активность партнеров с разным статусом отношений:
романтические встречи, совместное проживание, официальный
брак**

Опекина Т.П.
ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия
grigorova.t90@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 25-28-01462
«Ближкие отношения в смешанной реальности: возникновение,
функционирование и развитие».

Ближкие отношения – это субъективно значимые избирательные связи между партнерами, основанные на привязанности и взаимозависимости (Сапоровская, Екимчик, Опекина, 2021, с. 148). Диада, как и отдельные индивиды, включена цифровую среду и цифровую повседневность и существует в смешанной реальности – на пересечении онлайн и офлайн пространств (Солдатова, Рассказова, Клишевич, 2023, с. 5). Жизненное пространство диады должно находиться в состоянии динамического равновесия для функционирования и развития близких отношений. Сравнение поведения в сети партнеров с разным статусом отношений позволит глубже понять их динамику, выявить потенциальные трудности,

связанные с функционированием в смешанной реальности, и предложить пути решения.

Цель: сравнить специфику онлайн-активности партнеров с разным статусом отношений (романтические встречи, совместное проживание, официальный брак).

Методы: «Шкала проблемного использования Интернета-3» (адаптация А.А. Герасимовой, А.Б. Холмогоровой, 2018); авторская анкета для анализа количества экранного времени, направлений сетевой активности, использовании гаджетов в присутствии партнера, доли онлайн-общения с партнером, контроля над активностью партнера в сети и др. Для ответов на вопросы использовалась шкала Лайкерта от 1 до 5. Методы статистической обработки: критерий Краскела-Уоллиса, однофакторный дисперсионный анализ.

Выборка: 223 респондента в возрасте 18-55 лет ($M = 28,8$; $SD = 8,5$) из них 54,3% женщины. Все состоят в близких отношениях, стаж от 0,5 года до 25 лет ($M = 3,5$; $SD = 5,6$). В романтических отношениях состоит 40 респондентов, совместно проживают в незарегистрированных отношениях – 76, в официальном браке – 101 респондент.

Результаты исследования. Партнеры в нашей выборке являются активными онлайн-пользователями. 76% женщин и 72% мужчин проводят в сети Интернет более 4-х часов. Чаще направлениями активности в Интернет является: работа; общение с партнером, друзьями, членами семьи; просмотр блогов; комментирование; просмотр развлекательного контента; просмотр товаров и заказы на маркетплейсах; чтение новостей и онлайн-игры.

Анализ различий с помощью непараметрического критерия Краскела-Уоллиса показал, что партнеры, состоящие в романтических отношениях (Ср.ранг = 132), значимо чаще используют онлайн-общение для поддержания связи с партнером ($\chi^2 = 12$, $p = 0,002$), нежели партнеры в официальном (Ср.ранг = 98) и незарегистрированном браке (Ср.ранг = 93).

В зависимости от типа отношений значимо различается то, насколько часто партнеры выходят в сеть в присутствии друг друга ($\chi^2 = 12$, $p = 0,002$). Реже всего выходят в сеть в присутствии партнера в романтических отношениях (Ср.ранг = 78), чаще – в официальном браке (Ср.ранг = 110), еще чаще – в незарегистрированном браке (Ср.ранг = 128).

Были обнаружены различия по переменной «Обсуждаю с партнером информацию, полученную в сети Интернет» ($\chi^2 = 14,755$; $p = 0,001$). Чаще предметом для разговоров данная информация становится у партнеров, состоящих в незарегистрированном браке (Ср.ранг = 110) и проживающих раздельно (Ср.ранг = 132), реже – состоящих в официальном браке (Ср.ранг = 97).

Партнеры, состоящие в романтических отношениях (Ср.ранг = 144), значимо чаще контролируют действие другого партнера в сети Интернет ($\chi^2 = 23,181$; $p = 0$), тогда как партнеры, состоящие в официальном (Ср.ранг = 93) и незарегистрированном (Ср.ранг = 117) браке, делают это реже.

Однофакторный дисперсионный анализ, проведенный для определения различий в использовании сети Интернет в партнеров в разных типах отношений, показал, что партнеры в официальном браке значимо меньшее количество времени проводят в сети Интернет, нежели партнеры в незарегистрированном браке и романтических отношениях ($F = 26,28$; $p = 0$). Партнеры в романтических отношениях в среднем проводят за экраном 4,06 часа ($SD = 1,06$), в незарегистрированном браке – 3,92 часа ($SD = 1,06$), тогда как в официальном – 2,91 часа ($SD = 1,17$).

Партнеры в официальном браке имеют значимо меньшее количество направлений активности в сети Интернет ($M = 5,27$), нежели партнеры, проживающие совместно ($M = 6,67$) и состоящие в романтических отношениях ($M = 6,27$) ($F = 5,49$; $p = 0,005$).

Партнеры в романтических отношениях ($M = 6,47$) чаще сталкиваются с негативными последствиями использования сети Интернет, нежели партнеры, состоящие в официальном браке ($M = 4,99$) ($F = 3,75$; $p = 0,025$). Они чаще отмечают отрицательное влияние онлайн-активности на свою повседневную жизнь.

Закключение. В зависимости от статуса отношений партнёров наблюдаются различия в их поведении в цифровой среде. Партнеры в романтических отношениях активно используют гаджеты для поддержания связи; реже выходят в интернет в присутствии друг друга; чаще проявляют интерес к действиям партнера в сети, могут контролировать его онлайн-активность. Партнеры, проживающие совместно чаще выходят в интернет в присутствии друг друга; обсуждают информацию, полученную в сети, делятся новостями и

впечатлениями. Официальные супруги менее склонны обсуждать информацию из интернета и следить за действиями друг друга онлайн, проводят меньше времени за экранами гаджетов и имеют меньшее разнообразие направлений активности в сети.

Таким образом, степень вовлеченности в цифровую жизнь и характер использования интернета у партнеров имеют свою специфику, связанную с этапом и формой отношений: на ранних этапах чаще проявляется потребность в контроле и поддержании связи, а в браке – снижается интерес к онлайн-активности партнера и увеличивается личное пространство в цифровой среде.

Литература

1. Сапоровская М.В., Екимчик О.А., Опекина Т.П. Близкие отношения: теоретический обзор исследований и концептуализация модели // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. №4. С. 144–154.
2. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Клишевич А.С. Смешанная среда с дополненной реальностью: эффекты присутствия в ситуации игрового взаимодействия. Экспериментальная психология. 2023. Т.16 (2). С.4-19.

Психология онлайн-агрессии и кибербуллинга: социальные причины и последствия

Орешкина К.А., Паулкина Д.П.

*Академия ФСИН России, Рязань, Россия
ksenia48369@gmail.com*

Стремительное развитие цифровых коммуникаций привело к формированию новых форм межличностного взаимодействия, среди которых особое место занимает онлайн-агрессия. Одной из наиболее распространенных ее форм является кибербуллинг – систематическое преследование, унижение или запугивание человека с использованием

информационно-коммуникационных технологий. Актуальность изучения данного феномена обусловлена его широким распространением и выраженными негативными психологическими последствиями для личности.

Онлайн-среда обладает рядом специфических характеристик, усиливающих вероятность агрессивного поведения. Эффект анонимности снижает уровень личной ответственности и способствует феномену деиндивидуализации, при котором ослабевают самоконтроль и нормативная регуляция поведения (Зимбардо, 2000). Кроме того, физическая дистанция и отсутствие прямого эмоционального контакта между участниками коммуникации затрудняют эмпатию и осознание последствий собственных действий. В рамках теории социального научения агрессивное поведение рассматривается как результат усвоения наблюдаемых моделей (Бандура, 1977). Интернет-пространство, насыщенное примерами вербальной агрессии, создает условия для закрепления подобных поведенческих стратегий.

К числу социальных причин кибербуллинга относятся неблагоприятный психологический климат в группе, низкий уровень развития коммуникативной культуры, а также стремление к доминированию и повышению статуса в виртуальном сообществе. Исследования показывают, что агрессоры нередко характеризуются повышенной импульсивностью, недостаточной сформированностью эмпатии и выраженной потребностью в признании (Анцупов, Шипилов, 2000). Существенную роль играет и групповая динамика: в условиях онлайн-взаимодействия эффект «распределенной ответственности» снижает субъективное чувство вины за участие в травле.

Последствия кибербуллинга носят комплексный характер. У жертв отмечаются повышенный уровень тревожности, депрессивные переживания, снижение самооценки, социальная изоляция. Длительное воздействие онлайн-агрессии может приводить к формированию устойчивых негативных когнитивных установок в отношении себя и окружающих. В ряде случаев фиксируются психосоматические реакции и снижение учебной или профессиональной мотивации. По данным ряда исследований, переживание кибербуллинга связано с

ростом риска аутоагрессивного поведения и суицидальных мыслей (Иванов и др., 2023).

Важно учитывать, что кибербуллинг отличается высокой степенью публичности и потенциальной неограниченностью аудитории, что усиливает травматический эффект. Информация, размещенная в сети, может сохраняться длительное время, поддерживая состояние психологического неблагополучия у пострадавшего.

Профилактика онлайн-агрессии предполагает комплексный подход, включающий развитие цифровой грамотности, формирование навыков конструктивного общения и эмпатии, а также создание безопасной образовательной среды. Эффективными являются программы, направленные на развитие эмоционального интеллекта и обучение стратегиям саморегуляции (Гальперин, 2023). Существенное значение имеет участие педагогов и родителей в мониторинге цифровой активности подростков и формировании ответственного отношения к сетевому взаимодействию.

Таким образом, онлайн-агрессия и кибербуллинг представляют собой социально-психологический феномен, обусловленный совокупностью индивидуальных и групповых факторов. Их последствия затрагивают эмоциональную, когнитивную и поведенческую сферы личности. Дальнейшие исследования должны быть направлены на выявление механизмов устойчивости к цифровым формам агрессии и разработку научно обоснованных профилактических программ.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000.
2. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 1977.
3. Гальперин П.Я. Психология мышления и учения. М.: Академический проект, 2023.
4. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. М.: АСТ, 2000.
5. Иванов П.П. и др. Кибербуллинг в молодежной среде: факторы риска и последствия // Психологические исследования. 2023. № 4. С. 45–53.

Психологическое мышление как важнейшее профессионально важное качество личности психолога-практика

Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ
orlovva@mgppu.ru

Современная психология обладает широким спектром инструментов для решения практических профессиональных задач. Однако успех достижения профессиональных целей по-прежнему зависит от эффективности субъект-субъектных отношений между психологом и его единичным или групповым клиентом. Особую роль здесь играет искусство устанавливать систему диалогово-доверительных профессиональных отношений (Ляудис, 2007), которое требует от специалиста высокого уровня развития когнитивных способностей.

В континууме уровней когнитивного развития личности, на наш взгляд, можно выделить четыре основных (таблица 1).

Таблица 1

Уровни когнитивного развития личности

	Уровень когнитивного развития	Тип мышления	Вопрос к событию
1	Событийно-фрагментарный	Детский	Что произошло?
2	Сюжетно-динамический	Клиповый	Как это произошло?
3	Причинно-следственный	Психологический	Почему это произошло?
4	Абстрактно-духовный	Философский	Зачем это произошло?

На первом уровне когнитивного развития субъект отражает внешний образ события, статические его признаки, без фиксации внутренних свойств объекта. Такой способ отражения назовем «Событийно-фрагментарным», а тип мышления «Детским мышлением», так как на ранних этапах онтогенетического развития ребенок характеризуется именно таким типом отражения действительности. Вопрос, который соотносится с первым

когнитивным уровнем и помогает индивиду понять ситуацию: *«Что произошло?»*.

На втором уровне – «Сюжетно-динамическом» субъект отражает наблюдаемый сюжет, но не ставит перед собой задачу понять *исток* данного события и пути его дальнейшего развития. Условно такой тип когнитивного отражения можно назвать *«Клипovým мышлением»*. Вопрос: *«Как это произошло?»* в дополнение к вопросу: *«Что произошло?»* часто оказывается вполне достаточным для удовлетворения любопытства субъекта с таким уровнем когнитивного развития.

Достигнув в своем когнитивном развитии **третьего уровня** – *«Причинно-следственного»*, субъект задает себе *«систему каскадных вопросов»*. Принцип каскадности заключается в том, что нахождение ответа на предыдущий вопрос порождает потребность ответить на последующий. По этому принципу построено природное любопытство, любознательность как ненасыщаемая потребность (существует не только человека, но и у высших животных). Таким образом, погружаясь в глубины причинно-следственных связей, мы неминуемо *«вторгаемся»* в *поле психологических закономерностей* и прежде всего в потребностно-мотивационные структуры личности, которые, по сути, являются движителями поведенческих программ человека. Поэтому закономерно, на наш взгляд, этот третий когнитивный уровень развития назвать *«Психологическим мышлением»*. На этом уровне центральным, фокусирующим может быть вопрос *«Почему это произошло?»* (вспомним столь важный для психического развития ребенка сензитивный период, когда ребенка называют *«почемучкой»*).

На **четвертом уровне** средствами отражения действительности являются системы символов, абстрактных образов и понятий, а полем когнитивного анализа – *система высших ценностей, смыслов, которая и является содержанием духовной жизни человека, достигшего этого уровня*. На этом основании уровень когнитивного развития называем *«Абстрактно-духовным»*, а тип мышления – *«Философским мышлением»*. Данный уровень содержательно характеризуется вопросом *«Зачем это произошло?»*.

Несмотря на то, что когнитивная активность индивида обеспечивается только *всем комплексом* функционирующих структур психики сознательной и бессознательной модальности,

главенствующую роль в достижении цели той или иной деятельности, безусловно, занимает мышление. *Психологическое мышление психолога-практика – это особый вид мыслительной деятельности и личностная компетенция, которая позволяет предметные профессиональные знания, жизненный и профессиональный опыт интегрировать с его когнитивными профессионально важными ресурсами в симптомокомплексы, становящиеся активными средствами профессиональной деятельности и позволяющие достигать цели профессиональной деятельности.*

Следует добавить, что к личностным компетенциям обычно относят *потребностно-мотивационные, познавательные, ценностные, эмоционально-волевые, коммуникативные, нравственные, духовные и ряд других компетенций* (Орлов, 2006; 2023). Известна так называемая, «Триада Роджерса» – безусловное позитивное принятие, эмпатическое понимание и конгруэнтное самовыражение. А также его модель «Большая пятерка личностных качеств» с отдельными чертами личности – экстраверсия, дружелюбие, сознательность, эмоциональная стабильность и открытость опыту (Крючков, Орлов, 2018).

Психологическое мышление как интегративный механизм использует эти ресурсы для принятия решений по достижению профессиональной цели. Это его профессиональное (предметное и личностное) внутреннее средство, направленное на процесс психического отражения с анализом причинно-следственных связей обстоятельств жизни клиента, не дающих ему удовлетворить высоко значимую потребность. Кроме того, психолог с помощью психологического мышления разрабатывает и реализует программу преодоления сложных жизненных ситуаций клиента.

Разумеется, психологическое мышление является неотъемлемой частью профессиональной деятельности и других специалистов по «человеческому фактору» – врача, педагога, юриста, разработчика рекламы и других смежных профессий, но для психолога-практика безусловно является доминирующей профессиональной компетенцией.

Рассматривая вопрос о повышении эффективности подготовки квалифицированных специалистов по «человеческому фактору», надо отметить, что в традиционных форматах учебных программ, с нашей точки зрения, недостаточно внимания уделяется развитию профессионально важных личностных качеств обучающихся и их

объединению с предметными компетенциями. В то же время, контент психологических знаний обладает неисчерпаемым ресурсом для эффективного развития когнитивных способностей обучающихся, что не может не способствовать интенсификации их профессионального становления. То есть, весь комплекс профессиональных знаний, умений и навыков психолога-практика может быть эффективно направлен на помощь в решении конкретной проблемной ситуацией единичного или группового клиента (Орлов, 2020; 2021).

Литература

1. *Крючков К.С., Орлов А.Б.* «Триада Роджерса»: качества личности или коммуникативные процессы? // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 78–89.
2. *Ляудис В.Я.* Методика преподавания психологии: Учебное пособие. М., 2007. 192 с.
3. *Орлов В.А.* Коммуникативные средства повышения эффективности профессиональной деятельности психолога. Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие / под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой, Л.Б. Шнейдер. М.: ИНФРА-М, 2021. 322 с. С. 191–215.
4. *Орлов В.А.* О разработке кейсовых заданий по обучению разрешению конфликтных ситуаций педагогического взаимодействия // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2020 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. 594 с. С. 414–417.
5. *Орлов В.А.* Структура социально-психологической компетентности школьного учителя // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (11–12 мая 2023 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. 988 с. С. 610–614.
6. *Орлов В.А.* Экспектации субъектов образовательного процесса относительно роли школьного психолога как фактор эффективности их взаимодействия: Дис. ... канд. психол. наук. М., МГППУ. 2006. 180 с.

Психологические механизмы формирования доверия к искусственному интеллекту

Отчерцова В.О.

*ФГБОУ ВО ХГПУ, Херсон, Россия
votchertsova@gmail.com*

Стремительное внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы жизни актуализирует проблему психологических механизмов формирования доверия к этим технологиям. Глобальное исследование 48000 респондентов из 47 стран выявило парадокс: 66% людей регулярно используют ИИ, однако лишь 46% готовы ему доверять (Gillespie et al., 2025). Доверие выступает критическим фактором принятия технологий, определяет готовность делегировать решения ИИ-системам и влияет на эффективность человеко-машинного взаимодействия. Однако анализ литературы выявляет фундаментальную проблему: отсутствие консенсуса в понимании самого феномена доверия к ИИ. Библиометрический обзор 1156 публикаций Y. Li и соавторов констатирует: нет единого определения доверия к ИИ (Li et al., 2024). Эта концептуальная неопределенность затрудняет сравнение результатов исследований и препятствует построению кумулятивного знания.

Критический анализ выявил четыре теоретических подхода к концептуализации доверия к ИИ. Психологические определения фокусируются на трехкомпонентной структуре (когнитивный, аффективный, поведенческий), но сталкиваются с проблемой приписывания ИИ «намерений». Социологические определения подчеркивают многоуровневость (технология, организация, институт, общество), но затрудняют операционализацию. Технические определения редуцируют доверие к объективным характеристикам (надежность, прозрачность), игнорируя субъективный психологический компонент. Междисциплинарные определения стремятся к интеграции, но рискуют потерять операциональную ясность.

Выявлены критические пробелы в исследованиях: отсутствие консенсуса в определениях, смешение уровней анализа, игнорирование недоверия как независимого конструкта, недостаток лонгитюдных

исследований, культурная предвзятость (WEIRD выборки), недооценка эмоционального компонента, недостаток исследований парадоксов, разрыв теории и практики.

Обнаружены десять ключевых парадоксов доверия к ИИ: (1) парадокс прозрачности – 40% респондентов считают объяснимость критичной, но только 17% организаций работают над ней (McKinsey, 2024); (2) парадокс компетентности – надежность не всегда главный предиктор доверия; (3) парадокс опыта – U-образная кривая Даннинга–Крюгера: минимальный опыт ассоциируется с неприятием алгоритмов, средний – со смещением автоматизации, только высокий опыт ведет к обоснованному доверию (Horowitz, Kahn, 2024); (4) парадокс антропоморфизма – приписывание ИИ человеческих качеств усиливает аффективное доверие, но снижает эпистемическую бдительность через «эвристику уверенности» (Dang, Li, 2025); (5) сосуществование чрезмерного доверия и отказа от использования после первой ошибки; (6) культурный парадокс – в Китае 72% доверяют ИИ, в США лишь 32% (Edelman, 2025); (7) парадокс эмоциональной асимметрии – негативные эмоции резко снижают доверие, позитивные лишь умеренно повышают; (8) парадокс компенсаторного доверия – недоверие к людям парадоксально усиливает доверие к ИИ; (9) парадокс независимости – доверие к ИИ и к людям коррелируют слабо; (10) парадокс сосуществования – доверие и недоверие выступают как независимые, а не биполярные конструкторы.

Определены семь специфических черт, отличающих доверие к ИИ от межличностного доверия: (1) эпистемическая непрозрачность – необходимость доверять тому, что принципиально не может быть полностью понято (Лешкевич, 2023); (2) антропоморфизм как двойственный фактор – умеренная антропоморфизация повышает доверие, избыточная вызывает эффект «зловещей долины»; (3) смещение автоматизации и неприятие алгоритмов как уникальные феномены – асимметричные стандарты к ошибкам ИИ и людей; (4) объяснимость как уникальное требование – компромисс между точностью и прозрачностью; (5) различие эпистемического (доверие к знаниям ИИ) и социального (доверие к ИИ как агенту) доверия; (6) компенсаторное доверие – механизм, отсутствующий в межличностном доверии; (7) U-образная динамика опыта – эффект Даннинга–Крюгера в контексте ИИ.

На основе критического анализа предложено интегративное определение доверия к ИИ: Доверие к искусственному интеллекту – это динамическое, многоуровневое психологическое отношение, характеризующееся когнитивным (оценка способностей, надежности, прозрачности), аффективным (эмоции, комфорт, эмпатия) и поведенческим (готовность полагаться, делегировать) компонентами, формирующееся на пересечении индивидуальных характеристик, характеристик ИИ-системы, контекста применения и социокультурных факторов, и проявляющееся в обоснованном доверии, избегающем смещения автоматизации и неприятия алгоритмов.

Разработана процессуальная модель, показывающая формирование доверия на пересечении четырех групп antecedентов: (1) характеристики ИИ-системы (способности, надежность, прозрачность, объяснимость, справедливость, антропоморфизм); (2) индивидуальные факторы (склонность к доверию, ИИ грамотность, опыт, личность, установки, демография); (3) контекстуальные факторы (домен, чувствительность задачи, риск, социальные нормы, регуляторная среда); (4) культурные ценности (индивидуализм – коллективизм). Сформированное доверие влияет на три типа консеквенций: поведенческие (принятие ИИ, интенсивность использования, делегирование решений, обоснованное доверие), психологические (удовлетворенность, воспринимаемая полезность, снижение тревоги) и социальные (распространение ИИ, социальное принятие, требования регуляции). Модель включает обратную связь: опыт использования формирует новый опыт взаимодействия, влияя на последующее доверие.

Доверие к ИИ – не просто адаптация межличностного доверия к технологическому контексту, а качественно новый феномен, требующий собственной концептуализации. Десять выявленных парадоксов указывают на сложность и многогранность феномена, требующего более детального подхода. Предложенное интегративное определение объединяет психологические, социологические и технические аспекты, учитывает специфику ИИ и операционализируемо. Результаты значимы для разработки надежных ИИ-систем, эффективных регуляторных рамок и программ ИИ-грамотности.

Литература

1. *Лешкевич Т.Г.* Парадокс доверия к искусственному интеллекту и его обоснование // *Философия науки и техники*. 2023. Т. 28. № 1. С. 34–47. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-34-47>
2. *Dang Q., Li G.* Unveiling trust in AI: the interplay of antecedents, consequences, and cultural dynamics. *AI & Society*. 2025. <https://doi.org/10.1007/s00146-025-02477-6>
3. *Edelman Trust Barometer 2025: Artificial Intelligence*. Edelman, 2025. URL: <https://www.edelman.com/trust/2025/trust-barometer> (дата обращения: 28.01.2026).
4. *Gillespie N., Lockey S., Ward T. et al.* Trust, attitudes and use of artificial intelligence: A global study 2025 // *The University of Melbourne and KPMG*. 2025. <https://doi.org/10.26188/28822919>
5. *Horowitz M. C., Kahn L.* Bending the Automation Bias Curve: A Study of Human and AI-Based Decision Making in National Security Contexts // *International Studies Quarterly*. 2024. Vol. 68. Is. 2. Art. sqae020. <https://doi.org/10.1093/isq/sqae020>
6. *Li Y., Wu B., Huang Y., Luan S.* Developing trustworthy artificial intelligence: insights from research on interpersonal, human-automation, and human-AI trust // *Frontiers in Psychology*. 2024. № 15. Art.1382693. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1382693>
7. *McKinsey & Company*. Building AI trust: The key role of explainability // *QuantumBlack*. 2024. November 25. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/building-ai-trust-the-key-role-of-explainability> (дата обращения: 28.01.2026).

Культурная специфика психологического консультирования в российском профессиональном пространстве

Павлова О.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
pavlovaos@mgppu.ru*

Возрастание интереса к культурной специфике психологического консультирования и подготовке психологов для работы в поликультурном пространстве стало одним из устойчивых трендов

развития психологической теории и практики в России (Павлова, Чибисова, 2025). Понимание психотерапии как особой социокультурной практики, которая вступает во взаимодействие с другими культурами: этническими, региональными, религиозными, профессиональными, возрастными, делает сферу психологического консультирования – сферой межкультурного взаимодействия, для которой характерны особые социально-психологические механизмы.

Исследования психотерапевтической культуры показывают (Симонова, 2024), что она, сформировавшись в обществах с индивидуалистическим ценностными ориентациями, ориентирована на автономию и личностное саморазвитие, и может вступать в конфликтное противоречие с ценностными ориентациями коллективистического типа, например взаимозависимостью, взаимосвязанностью и сплоченностью. От этого актуальность исследования адаптации терапевтического взаимодействия в контексте коллективистических культур приобретает особое значение.

Согласно современным исследованиям, проведенным на базе большой выборки регионов России, в российском обществе проявляется большой разброс выраженности коллективизма и индивидуализма (Аузан, 2026; Соколов, 2025), величина разнообразия показателей по данному параметру максимальна (от 0 до 100). Таким образом, можно представить себе процесс психологического консультирования как процесс межкультурного взаимодействия не только между культурами психолога и клиента, но и между психотерапевтической культурой и культурами субъектов ее применения, что усиливает значение межкультурной компетентности в компетенциях психолога. Кросс-культурный психолог становится активным субъектом сферы психологического консультирования, что делает задачу его подготовки все более востребованной.

Полученные результаты проведенных под нашим руководством магистрантами программы «Кросс-культурные технологии психологического консультирования» О.Р. Ефимовой, Н.Г. Казарян, А.С. Токаевой исследований, посвященных изучению различных аспектов культурной специфики психологического консультирования, показывают, что сформированная межкультурная компетентность становится важнейшим аспектом эффективности психологической

работы, так как психологи в большей степени демонстрируют индивидуалистические ценностные ориентации, и не всегда осознают роль и место коллективистических ценностных ориентаций в жизни своих клиентов. Владение мультикультурным подходом в психологическом консультировании становится необходимостью и увеличивает востребованность психологов как культурно сензитивных специалистов.

Утверждение 25 марта 2026 года на заседании Комитета направлений и методов (модальностей) психотерапии Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги отдельного кластера в составе ОППЛ: «Мультикультурный подход в психологическом консультировании», основателем которого стали специалисты кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ, отражает актуальность и востребованность данной проблематики в профессиональном сообществе и ставит задачу дальнейшего развития и разработки содержания и практик мультикультурного подхода в российском контексте. Прежде всего это будет связано с адаптацией методов и подходов для работы с клиентами, чьи ценности не являются индивидуалистическими.

Литература

1. Аузан А.А., Брызгалов В.А., Никишина Е.Н., Спектор С.В. (2026). И- и К-Россия: результаты эмпирического анализа. *Вопросы экономики*. (2):5-30. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2026-2-5-30>
2. Павлова О.С., Чибисова М.Ю. (2025). Мультикультурное консультирование в современной России: проблемы и перспективы. *Консультативная психология и психотерапия*, 33(3), 64–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2025330303>. (дата обращения 22.02.2026).
3. Симонова О. (2024). «Эмоциональная разметка» психотерапевтической культуры: императивы, идейные противоречия и линии анализа. *The Journal of Social Policy Studies*, 22(1), 7-24. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24> (дата обращения 22.02.2026)

4. Соколов Б., Алмакаева А., Ломакин И., Минков М., Михайлова Н., Настина Е., Понарин Э. (2025). Культурные различия между 60 российскими регионами по измерению «индивидуализм – коллективизм». Социологическое обозрение, 24 (1), 269-299. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-269-299> (дата обращения 22.02.2026)

Специфика видеоигрового поведения депрессивных и тревожных пациентов

Пальчиков А.А., Богачева Н.В.

*Сеченовский университет, Москва, Россия
al4x4y@yandex.ru, bogacheva_n_v_2@staff.sechenov.ru*

По данным ВОЗ (Andrade et al., 2000), до 50% мирового населения страдают нервно-психическими расстройствами. В России (Шальнова, 2014), повышенный уровень тревоги и депрессии характеризует 45,6% и 25,6% репрезентативной выборки из 10 регионов РФ, со средним уровнем тревоги в популяции на границе субклинических значений.

Одновременно повсеместно растет озабоченность т.н. технологическими аддикциями. Видеоигровая зависимость демонстрирует значимую положительную связь с маркерами тревоги и депрессии (Wang et al., 2022), при этом эмоциональное состояние пользователя связано с формированием различных патологических паттернов по отношению к игре. Тревога и депрессия не только выступают известными предикторами компьютерных аддикций (Кочетков, 2020), но и, как показывает анализ клинических случаев (Ko et al., 2023), видеоигровое поведение является дезадаптивной копинг-стратегией дисфорических и социально-тревожных людей, приводя к утрате контроля за игрой (один из ключевых симптомов патологического гейминга по МКБ-11) и усугублению основных симптомов.

Зависимые игроки с дисфорией и дисфункциональными стратегиями совладания (коморбидность патологического гейминга с депрессией) и социально-тревожные изолированные игроки

(коморбидность с социальной тревожностью) (Ко et al., 2023) ведут себя в процессе игры по-разному.

Ранее, в рамках ВКР (Пальчиков, 2025) на выборке из 282 респондентов была показана связь видеоигровой зависимости с поведением и эмоциональной сферой игроков. Игроки с высокой склонностью к видеоигровой зависимости значимо чаще прибегали к избегающим копинг-стратегиям и реже – к поведенческим, по сравнению с игроками с низкой ($p \leq 0,001$; $p \leq 0,001$) или умеренной ($p = 0,019$; $p = 0,018$) склонностью. Также, игроки с высокой склонностью к видеоигровой зависимости значимо чаще подавляли экспрессию эмоций по сравнению с игроками без признаков зависимости ($p = 0,011$).

В рамках диссертационного исследования разработан дизайн и начато изучение особенностей игрового поведения, склонности к видеоигровой зависимости и стратегий принятия решений у пациентов с тревожным и депрессивным расстройствами.

Экспериментальное воздействие состоит из игровой сессии в видеоигру The Stanley Parable, во время прохождения которой фиксируются время прохождения игры, внутриигровые выборы, скорость взаимодействия с мини-играми, эмоциональная реакция респондентов и другие показатели (отражены в гипотезах).

Планируется сопоставление трех групп: 40 пациентов с тревожными и 40 пациентов с депрессивными расстройствами (экспериментальные группы), 40 условно здоровых респондентов в контрольной группе.

До эксперимента испытуемые проходят серию опросников для оценки выраженности тревожной или депрессивной симптоматики, склонности к видеоигровой зависимости (для коморбидных случаев), социо-демографическую анкету. После игровой сессии респондентам повторно предъявляются опросники депрессии или тревоги для оценки изменений показателей после игры.

В исследовании проверяются следующие гипотезы (по параметрам игрового поведения):

По продолжительности:

- участники с депрессивными расстройствами завершают игру быстрее, чем участники без расстройств;
- участники с тревожными расстройствами завершают игру медленнее, чем участники без расстройств.

По реакциям в игре:

- участники с депрессивными расстройствами демонстрируют признаки дисфории;
- участники с тревожными расстройствами демонстрируют признаки стресса и неуверенности.

По реакции на «рассказчика» в игре:

- участники с депрессивными расстройствами не следуют советам «рассказчика»;
- участники с тревожными расстройствами следуют советам «рассказчика».

По результату выполнения диагностических методик:

- участники с депрессивными расстройствами показывают более низкий уровень депрессии по сравнению с первым срезом;
- участники с тревожными расстройствами показывают тот же уровень тревожности по сравнению с первым срезом (Wang et al., 2022).

Ожидаемые результаты: выявление особенностей игрового поведения и принятия решений, характерных для депрессивных и тревожных пациентов при наличии, либо без склонности к видеоигровой зависимости; специфики игрового поведения клинических групп по сравнению с условно здоровыми респондентами. Выявленные поведенческие маркеры планируется рассмотреть для использования в диагностике и дифференциальной диагностике исследуемых нозологий.

Литература

1. Кочетков Н.В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. №1. С. 27–54. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110103>
2. Пальчиков А.А. Связь подверженности манипулятивным элементам видеоигрового дизайна с индивидуальными особенностями и признаками видеоигровой зависимости у взрослых игроков: ВКР / Сеченовский университет. М.: 2025. 92 с.
3. Шальнова С.А., Евстифеева С.Е., Деев А.Д., и др. Распространенность тревоги и депрессии в различных

- регионах Российской Федерации и ее ассоциации с социально демографическими факторами (по данным исследования ЭССЕ-РФ) // Терапевтический архив. 2014. Том 86. №. 12. С. 53-60.
4. *Andrade L.H., Caraveo-Anduaga J., Berglund P., et. al.* Cross-national comparisons of the prevalence and correlates of mental disorders. WHO International Consortium in Psychiatric Epidemiology // Bull World Health Organ. 2000. Vol. 4. № 78. P. 413-426.
  5. *Ko C.H., Kiraly O., Demetrovics Z., et al.* Heterogeneity of gaming disorder: A clinically based typology for developing personalized interventions // J. Behav Addict. 2023. Vol. 12. № 4. P. 855-861. <https://doi.org/10.1556/2006.2023.00059>
  6. *Wang Y., Liu B., Zhang L., & Zhang P.* Anxiety, depression, and stress are associated with internet gaming disorder during COVID-19: fear of missing out as a mediator // Front Psychiatry. 2022. Vol. 13. 827519. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.827519>

Связь открытости будущему и стрессоустойчивости у студентов колледжа, проживающих в экстремальных условиях

Панич О.Е., Оконовенко Д.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
panichoe@mgppu.ru, OkonovenkoDM@mgppu.ru

Рассмотрена связь стрессоустойчивости и открытости будущему у студентов колледжа, обучающихся в г. Таганрог. Исследование стало частью диагностического этапа верификации «Программы профилактики проявления посттравматического стрессового расстройства у студентов, проживающих на территориях, прилегающих к зоне проведения специальной военной операции». Программа включена в реестр программ Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования РФ (МГППУ).

Вопрос о психологических особенностях отношения к будущему обучающихся в условиях не завершенного стресса недостаточно изучен в контексте обеспечения психолого-педагогического сопровождения субъектов образования. В период проведения исследования (осень 2025 г.), стрессовым фактором для жителей г. Таганрог выступали систематически возникающие угрозы, обусловленные экстремальными ситуациями ракетной опасности и ее учащающихся разрушительных последствий. Негативное психоэмоциональное состояние, высокий уровень стресса и тревожности могут неблагоприятно воздействовать на становление временной перспективы и образ будущего личности в раннем юношеском возрасте – периоде активного формирования личностной и профессиональной идентичности студента.

Образ будущего рассматривается в работах Е.И. Головахи, М.Р. Гинзбурга, И.В. Дубровиной, А.А. Золоторевой, Ф. Зимбардо, А.А. Кроника, К. Левина, Т.А. Нестика, Ж. Нюттена, Н.В. Петровой А.С. Хегай, и других.

Исследование проводилось на базе Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Ростовской области «Таганрогский авиационный колледж имени В.М. Петлякова» и стало частью диагностического этапа верификации «Программы профилактики проявления посттравматического стрессового расстройства у студентов, проживающих на территориях, прилегающих к зоне проведения специальной военной операции» О.Е. Панич, М.И. Розеновой. Использовались: «Краткая шкала стрессоустойчивости» (Е.В. Распопин), «Шкала открытости будущему» (А.С. Хегай, А.А. Золоторева). В исследовании приняли участие 352 студента.

Показатели стрессоустойчивости у половины студентов (52%) находятся на среднем уровне. Почти у 30% студентов выявлен низкий уровень стрессоустойчивости. Для оценки различий в степени выраженности анализируемого признака между группами студентов разных курсов обучения был применен критерий Н-Краскела-Уоллиса. Сравнение показало отсутствие статистически значимых различий в уровне стрессоустойчивости у студентов разных курсов ($H_{эм.} = 5,419$ для $p \leq 0,247$), что свидетельствует о сходстве уровня стрессоустойчивости на протяжении периода обучения в колледже.

По показателю открытости будущему большинство студентов (84%) демонстрируют уровень нормы, средний балл – 39. Для оценки различий в степени выраженности анализируемого признака между выборками по курсам обучения был применен критерий Н-Краскела-Уоллиса. Сравнение показало отсутствие значимых различий в уровне открытости будущему среди студентов всех курсов ($H_{эмп.} = 4,164$ для $p \leq 0,384$). Эти данные могут означать, что восприятие будущего является стабильной и одинаковой характеристикой независимо от курса обучения. Тем не менее качественный анализ показывает, что средний балл по этой шкале возрастает к старшим курсам.

Далее было проведено изучение взаимосвязи между уровнем стрессоустойчивости и шкалой открытости будущему у студентов. Предполагалось, что у респондентов с низким уровнем открытости будущему могут наблюдаться трудности с преодолением стрессовых ситуаций и низкий уровень стрессоустойчивости. Применялся метод корреляционного анализа непараметрический критерий rs-Спирмена. Расчеты производились в программном пакете SPSS Statistics v.26. Анализ результатов корреляционного анализа показал наличие статистически значимой положительной связи между уровнем стрессоустойчивости и открытостью будущему у студентов первого курса ($rs_{эмп.} = 0,440$ для $p \leq 0,000$), второго курса ($rs_{эмп.} = 0,601$ для $p \leq 0,000$) и третьего курса ($rs_{эмп.} = 0,582$ для $p \leq 0,000$). В свою очередь, у студентов 4 и 5 курсов не выявлено значимых корреляций, что, скорее всего, связано с размером выборки. Поэтому на данном этапе нельзя однозначно утверждать об отсутствии исследуемой взаимосвязи у студентов старших курсов. Анализ данных также показал, что корреляционные связи между уровнем стрессоустойчивости и открытостью будущему подтвердились как для выборки девушек, так и для юношей. Следовательно, значимых различий в уровне проявлений исследуемых признаков по полу не обнаружено.

В целом, полученные данные подтверждают, что у студентов существует связь уровня стрессоустойчивости и открытости будущему, стрессоустойчивые обучающиеся воспринимают будущее более открыто чем не устойчивые к стрессу студенты. Представляет интерес дальнейшее исследование вопроса содержательных характеристик образа будущего молодых людей, проживающих в экстремальных условиях.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Время личности и время жизни: монография / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. СПб.: Алетея, 2001. 304 с. ISBN: 5-89329-377-0.
2. Дети и подростки в условиях боевых действий: диагностика последствий и психологическая помощь / Под научной редакцией О.А. Ульяниной. Самара: Бахрах-М, 2024. 255с. ISBN 978-5-94648-175-5.
3. *Кононов А.Н.* Феномен тревоги о будущем как отдельное понятие в психологической науке // Вестник Красноярского государственного университета им. В. П. Астафьева. 2016. С. 173-178.

Социально-психологические факторы эффективности совместнотворческой деятельности в виртуальной среде

Панов К.А. Винокуров Ф.Н.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
panovka@my.msu.ru, vinokurovfn@my.msu.ru*

Современная цифровая среда привела к широкому распространению распределенных производственных групп, деятельность которых осуществляется вне единого пространства и времени. Это актуализирует вопрос о том, какие социально-психологические факторы обеспечивают эффективность совместной деятельности в виртуальной среде. Разработка открытого программного обеспечения представляет собой показательный случай совместнотворческой деятельности: она строится на функциональной зависимости индивидуальных вкладов, добровольном участии, размытости пространственно-временных границ и низкой психологической контактности участников.

Исследование было направлено на выявление и интерпретацию социально-психологических факторов эффективности совместной

деятельности разработчиков открытого программного обеспечения. Работа выполнена в рамках деятельностного подхода, согласно которому единицей анализа, сохраняющей свойство целостного феномена совместной деятельности, выступает предметно-направленное взаимодействие (Андреева, Яноушек, 1987; Донцов, 1979; Журавлев, 1983). Теоретически исследование опирается на представления об эффективности совместной деятельности как о сочетании производительных и социально-психологических показателей (Андреева, 2018), а также на разработки, посвященные совместно-творческой деятельности и сработанности участников (Базаров, 2006; Донцов, 1984).

Исследование состояло из четырех этапов. На первом этапе были проведены полуструктурированные интервью с руководителями проектов открытого ПО. На втором этапе разработана и проверена схема наблюдения, включающая категории предметно-направленного, субъектно-направленного и организационно-направленного взаимодействия. На третьем этапе оценивались возможности автоматического кодирования взаимодействия с помощью больших языковых моделей. На четвертом этапе с применением интеллектуального анализа данных были изучены 984 функционирующие группы разработчиков открытого ПО; всего собрано 114016 последовательностей действий.

Результаты исследования показывают, что инвариантным для контактной и виртуальной среды социально-психологическим фактором эффективности выступает достижение целевого единства участников. Эффективность совместно-творческой деятельности в виртуальной среде определяется не только согласованием образа результата, но и двумя специфическими факторами. Первый фактор – единство отношения ко времени, проявляющееся в синхронизированных, своевременных и согласованных действиях участников. Второй фактор – активное принятие ответственности за предлагаемый индивидуальный вклад в условиях отсутствия организационно заданного распределения функциональных обязанностей. Тем самым закреплённая функционально-ролевая дифференциация в виртуальной среде трансформируется в распределение ответственности между участниками, а пространство-временное единство – в единство отношения ко времени.

Установлено, что комбинация факторов высокой эффективности совместно-творческой деятельности в виртуальной среде включает согласование единого образа результата деятельности, формирование единого отношения ко времени и активное принятие участниками ответственности за индивидуальный вклад. Обнаружено и оптимальное распределение ответственности в эффективных самоорганизующихся группах: внешний разработчик инициирует предметно-направленное взаимодействие, член команды – субъектно-направленное, руководитель – организационно-направленное. К поведенческим критериям сформированной среды для совместно-творческой деятельности относятся неучастие руководителя в предметно-направленном взаимодействии, возложение ответственности на участника за индивидуальный вклад и призывы участников к совершению действий.

Таким образом, исследование конкретизирует специфику формирования эффективной совместной деятельности в виртуальных группах и показывает, что при сохранении фундаментальной роли целевого единства виртуальная среда трансформирует механизмы координации совместной активности. Практически это означает необходимость целенаправленного формирования у участников согласованного образа результата, временной синхронизации и явного распределения ответственности как условий высокой эффективности распределенных групп.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2018.
2. *Андреева Г.М., Яноушек, Я.* Общение и оптимизация совместной деятельности. М.: Московский Государственный Университет, 1987.
3. *Базаров Т.Ю.* Импровизация как основа совместного творчества в управлении // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 120–122.
4. *Донцов А.И.* К проблеме целостности субъекта коллективной деятельности // Вопросы психологии. 1979. № 3. С. 25–34.

5. *Донцов А.И.* Психология коллектива. М.: Издательство Московского университета, 1984.
6. *Журавлев А.Л.* Проблема совместной трудовой деятельности в социально-психологическом исследовании коллектива // Личность в системе общественных отношений. 1983. С. 508–510.

Модель взаимной спецификации в семейной сукцессии и варианты ее нарушений

Петров В.Е., Будагова Ю.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

petrovve@mgppu.ru, gorbатовskaya_y@garmony-spb.ru

В современной психологии семьи одной из ключевых проблем является дисгармонизация детско-родительских отношений в периоды смены поколений. На первый план выходят вопросы о механизмах, позволяющих личности успешно функционировать в семейной системе при переходе из одной поколенческой позиции в другую, когда ребёнок становится родителем, а родитель – прародителем. Этот процесс, называемый сукцессией, требует от каждого члена семьи приобретения новых свойств и качеств, соответствующих новой роли (Горбатовская, 2024; Кузьмишина, Ворфоломеева, 2026). В категориально-системном подходе В.В. Казаневской приобретение свойств для вхождения в систему обозначается понятием «спецификация» (Казаневская, 2000). Применительно к сукцессионной динамике семьи это понятие необходимо расширить: спецификация обеспечивает не только вход в новую систему с возможностью сохранения себя при выходе из нее, но и адаптацию к смене ролей, реализуемой через появление новых и утрату старых. Подобный аспект особенно важен в условиях объективно существующих угроз институту семьи в России и мире.

В семейной системе спецификация должна быть взаимной: родители специфицируются к потребностям ребёнка; дети – к требованиям родителей; взрослые дети и их родители взаимно специфицируются друг к другу в новых ролях. Это означает, что при

смене поколений меняются не только отдельные члены семьи, но и вся система отношений: каждая новая роль требует встречных изменений от всех элементов семейной системы. Именно взаимная спецификация является условием успешной сукцессии, инструментом достижения ценностно-смыслового единства семейного существования (Кузьменко, Гильдингерш, 2026).

Однако на практике сукцессия часто блокируется различными нарушениями спецификации. Предлагаемая модель выделяет два уровня анализа нарушений. Первый уровень связан с границами семейной системы (принятие нового члена или выход из системы). Второй уровень – с принятием или утратой ролей внутри системы. В данной статье фокус сделан на втором уровне, поскольку он непосредственно раскрывает механизмы взаимной спецификации.

Научная новизна предлагаемого нами подхода заключается в следующем. Понятие спецификации расширяется от однократного вхождения в систему до циклического процесса взаимной спецификации членов семьи при смене поколенческих ролей. Целесообразно ввести типологию нарушений спецификации, дифференцирующуюся их по двум основаниям: 1) направление ролевого движения (появление или утрата роли); 2) сторона, остающаяся неизменной (семейная система или сам субъект).

Подход позволяет выделить следующие четыре типа нарушений, что создает возможность оценивать ведущие причины блокировки сукцессии. Среди них:

Системная дисфункция при появлении роли. Семья не признает новую роль своего члена, не перестраивает правила и связи, чтобы эту роль поддержать (например, бабушка не признает дочь матерью, не дает ей самостоятельно ухаживать за ребенком, постоянно вмешивается и критикует).

Субъектная дисфункция при появлении роли. Человек не принимает свою новую роль психологически, оставаясь «номинальным» носителем роли (например, женщина родила ребенка, но не стала матерью по внутреннему состоянию – не чувствует ответственности, перекладывает заботу на других, избегает контакта с младенцем).

Системная дисфункция при утрате роли. Семья не признает, что роль члена семьи утрачена или изменилась, и продолжает обращаться с ним по-старому (например, родители не дают взрослому ребенку

самостоятельности, продолжают контролировать его финансы и решения, хотя он уже давно отдельно живет и имеет свою семью).

Субъектная дисфункция при утрате роли. Человек не может отпустить утраченную роль, застревая в прошлом (например, после смерти бабушки взрослый внук патологически горюет, не берет на себя новые роли (опора для родителей, глава рода), остаётся в позиции «осиротевшего ребенка»).

Системные и субъектные дисфункции не могут существовать изолированно. Они часто подкрепляют друг друга, образуя порочные круги. Например, системная дисфункция бабушки (непризнание дочери матерью) провоцирует у дочери субъектную дисфункцию (чувство некомпетентности, непринятие себя как матери). Субъектная дисфункция дочери, в свою очередь, укрепляет бабушку в мысли, что дочь «не справляется», и усиливает ее системную дисфункцию.

Аналогично при утрате роли: системная дисфункция родителей усиливает субъектную дисфункцию ребенка, а субъектная дисфункция ребёнка провоцирует родителей на гиперопеку. Во всех перечисленных случаях возникает дисбаланс распределения между членами семейной системы усилий и ответственности за надлежащее исполнение или прекращение роли того или иного ее члена. Генерализация конфликтов в семье расширяет свои границы, нанося огромный вред семейным отношениям (Гришина, 2021).

Практическая значимость модели состоит в том, что она дает психологу ориентиры для работы с семьей. Системная дисфункция требует перестройки семейных правил и взаимодействий; субъектная дисфункция – индивидуальной работы с установками и идентичностью члена семьи. Дифференциация нарушений помогает выбрать мишень психологической помощи: работа с системой или с субъектом, с появлением новой роли или с отпускаянием прежней. Именно оптимизация межпоколенческих отношений может рассматриваться как потенциал самореализации личности (Воюшина, 2020).

Предложенная модель взаимной спецификации позволяет диагностировать, на каком этапе сукцессии возникает блокировка: при появлении новой роли или при утрате прежней, а также от того, кто именно не справляется с изменением – семейная система или сам субъект. Типология из четырех нарушений (системная и субъектная

дисфункция при появлении роли; системная и субъектная дисфункция при исчезновении роли) дает практический инструмент для анализа семейных кризисов, связанных со сменой поколений. Подход ориентирован на оказание психологической помощи современной семье, профилактику конфликтов и дисфункциональных отношений.

Литература

1. *Воюшина Е.А.* Отношения между поколениями в семье и самоактуализация личности // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. 2020. № 1. С. 148-150. <https://doi.org/10.24411/9999-047A-2020-00039>
2. *Горбатовская Ю.В.* Сукцессионный механизм межпоколенной связи в детско-родительских отношениях // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2024. № 213. С. 239-249. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2024-213-239-249>
3. *Гришина Л.М.* Профилактика причин межпоколенческих конфликтов в семьях // Вестник университета. 2021. № 6. С. 183-186.
4. *Казаневская В.В.* Интегральная теоретическая психология личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 526 с.
5. *Кузьменко Н.В., Гильдингерш М.Г.* Ценности семьи в современном мире: старшее и молодое поколение о браке и традициях // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2026. № 1 (157). С. 139-145.
7. *Кузьмишина Т.Л., Ворфоломеева М.А.* Психологическая специфика семейных ролей в поколенческом аспекте // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2026. № 1 (77). С. 341-345.

Связь детско-родительских отношений и академической мотивации у студентов

Петрушихина Е.Б.

*ФГАОУ ВО РГГУ, Москва, Россия
ebpetr@mail.ru*

Студенческий возраст – важный этап в личностном развитии, самоопределении молодого человека, формировании его профессиональной идентичности. Исследователи отмечают противоречивость внутреннего мира юношей и девушек, сложность становления творческой, неповторимой индивидуальности и нахождения своей самобытности. Нельзя не отметить значимость поддержки близких взрослых в этот период, и прежде всего родителей.

Исследования детско-родительских отношений студентов достаточно редки. Очевидно, что они претерпевают существенные изменения – усиливается сепарация, возрастает самостоятельность, стремление включиться во взрослую жизнь. В то же время установлено, что семейные ценности и установки влияют на профессиональный выбор молодых людей (Павлов, 2018). Логично предположить, что характер отношений с родителями является одним из факторов, влияющих на мотивацию учения студентов в вузе. Исходя из сказанного выше, была сформулирована цель исследования – выявление связи детско-родительских отношений и академической мотивации у студентов.

Выборку исследования составили 126 студентов гуманитарных специальностей (30 юношей и 96 девушек) в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 20,89).

Детско-родительские отношения выявлялись при помощи опросника, адаптированного И.А. Челядинской (Челядинская, 2007). Опросник измеряет три фактора детско-родительских отношений: функциональную зависимость, моральную ответственность и эмоциональную близость.

Функциональная зависимость понимается как неспособность самостоятельно, без помощи родителей, решать повседневные проблемы, а также как аттитюдная зависимость – сложности в формировании собственных взглядов и установок.

Моральная ответственность характеризует проявления жестких моральных требований, чувства долга и вины перед родителями, что затрудняет процесс дифференциации и самостоятельного функционирования, также этот показатель может отразить отсутствие сопереживания и уважения к родителям.

Эмоциональная близость отражает склонность делиться мыслями, чувствами, переживаниями с родителем.

Академическая мотивация определялась посредством опросника, разработанного Т.О. Гордеевой, О.А. Сычевым и Е.Н. Осиным на основе теории самодетерминации Э. Дэси и Р. Райана (Гордеева, Сычев, Осин, 2014), который включает 7 шкал.

Первые три шкалы относятся к мотивации внутреннего типа: шкала мотивации познания, мотивации достижения и шкала саморазвития.

Вторые три характеризуют внешний тип мотивации: шкала мотивации самоуважения, интроецированной мотивации, то есть происходящей из чувства долга и стыда перед собой и значимыми другими; и шкала экстеральной мотивации.

Отдельно выделена шкала амотивации, измеряющая отсутствие вовлеченности в учебную деятельность, потерю смысла в процессе получения образования.

В исследовании использовался корреляционный анализ по методу Спирмена.

Получены следующие результаты.

1. Высокие показатели познавательной мотивации связаны с выраженной эмоциональной близостью студентов в отношениях со своими родителями ($r = 0,186$; $p < 0,05$).

2. Из всех компонентов детско-родительских отношений, измеренных в рамках данного исследования, выраженная мотивация достижений связана с неспособностью самостоятельно, без помощи родителей, совладать с повседневными трудностями ($r = 0,192$; $p < 0,05$).

3. Мотивация саморазвития у студентов обусловлена функциональной зависимостью ($r = 0,275$; $p < 0,01$). и эмоциональной близостью с родителями ($r = 0,182$; $p < 0,05$).

4. Проявление жестких моральных требований, чувство долга или вины перед родителями сочетается с высокими показателями мотивации самоуважения ($r = 0,325$; $p < 0,01$).

5. Интроецированная мотивация, исходящая из чувств долга и стыда перед собой и значимыми другими, напрямую связана с высокими показателями моральной ответственности студентов в отношениях с отцом и матерью ($r = 0,458$; $p < 0,01$). И в то же время данный тип внешней мотивации сочетается с низкими показателями эмоциональной близости, то есть неготовностью студента делиться с родными своими чувствами и переживаниями ($r = -0,744$; $p < 0,01$).

6. Высокие показатели экстернальной мотивации, когда студент вынужден учиться и следовать требованиям, которые диктует общество, связаны с выраженной моральной ответственностью студента перед семьей ($r = 0,429$; $p < 0,01$).

7. Отсутствие интереса к учебной деятельности и утрата осмысленности процесса получения высшего образования у представителей ранней взрослости сочетается с низкими показателями эмоциональной близости в детско-родительских отношениях ($r = -0,20$; $p < 0,05$).

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что отношения студентов с родителями являются важным фактором академической мотивации. Полученные данные могут быть использованы в деятельности психологических служб вузов при организации консультаций, тренингов, просветительской работы.

Литература

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А. Осин Е.Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Том 35. № 4. С. 98-109.
2. Павлов Б.С. Влияние института родительской семьи на профессиональную ориентацию учащихся и студентов // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития. Сборник статей IX Уральского демографического форума. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. С. 362–376.
3. Челябинская И.А. Детско-родительские отношения в студенческом возрасте: процедура создания инструмента исследования // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 95-100.

Молодежь как объект информационно-психологического воздействия в условиях гибридных конфликтов

Пилюгина Е.А., Маринова Т.Ю.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
travamyrova@bk.ru, marinovatu@mgppu.ru*

Цифровое пространство XXI века характеризуется огромным количеством источников информации и неуклонным ростом объемов данных. Развитие цифровых коммуникаций привело не только к изменению устоявшихся форм социального взаимодействия, но и к появлению принципиально новых механизмов информационно-психологического воздействия, направленных как на массовую аудиторию, так и на индивидуальное сознание. В связи с этим исследование феномена информационных войн, понимаемого как форма целенаправленного влияния на установки, поведенческие паттерны и ценностные ориентиры различных социальных групп, обретает особую научную актуальность.

В научной литературе феномен гибридных конфликтов рассматривается как форма комплексного противоборства, сочетающего военно-экономические, информационные и психологические инструменты. В работах А.В. Манойло подчеркивается, что в структуре таких войн ключевую роль начинает играть воздействие, направленное на изменение общественного сознания, ценностных установок и поведенческих моделей (Манойло и др., 2024). В итоге противоборство перемещается из физического пространства в когнитивную и смысловую сферу.

С точки зрения психологии манипуляции результативность любого воздействия возрастает, когда оно опирается на внутренние характеристики человека (Доценко, 1997). К ним можно отнести личные особенности, текущие потребности и ценности. Манипулятор находит и активизирует желания, страхи, убеждения и мотивы человека, направляя их в нужное русло.

Молодежная среда особенно уязвима для воздействия. Молодые люди формируются в условиях непрерывного сетевого взаимодействия (Солдатов и др., 2017). А это означает, что молодые люди непрерывно вовлечены в алгоритмически организованную онлайн-среду, что

повышает их чувствительность к механизмам индивидуального и группового влияния.

Массовое распространение эмоциональных сообщений в интернете по своей структуре напоминает психологию масс, описанную Г. Лебоном (Лебон, 1995). Механизмы эмоционального заражения, внушения и отключения критического мышления в сетевом общении повторяют то, что мы наблюдаем в уличной толпе. Толпа живет яркими образами и эмоциями, а не логическими понятиями. Именно поэтому она так легко поддается влиянию недостоверной, но эмоционально окрашенной информации. Особенно хорошо это видно на примере того, как быстро разлетаются фейковые новости.

Быстрое распространение недостоверной информации в интернете можно объяснить теорией когнитивного диссонанса Л. Фестингера (Фестингер, 2018). По ней каждый человек стремится к тому, чтобы убеждения, знания и взгляды на мир не противоречили друг другу. Когда в поле зрения попадает новая информация, которая серьезно расходится с тем, во что мы уже верим, возникает когнитивный диссонанс. В такие моменты люди часто предпочитают не менять свое мнение, так как это может быть болезненно. В результате предпочтение часто отдается тем сообщениям, которые подтверждают существующие убеждения, даже если их достоверность вызывает сомнения.

Восприятие информации в цифровой среде также связано с когнитивными механизмами, описанными Д. Канеманом в теории двух систем мышления (Канеман, 2014). Автор показывает, что в повседневных ситуациях люди часто используют быструю интуитивную систему мышления, основанную на эмоциональных реакциях и упрощенных стратегиях. В условиях информационной перегрузки именно такие быстрые реакции становятся доминирующими. Поэтому эмоционально насыщенные и яркие сообщения могут восприниматься легче и распространяться быстрее, чем сложная аналитическая информация.

Также важно выделить принципы социального влияния, описанные Р. Чалдини, такие как социальное доказательство, авторитет и дефицит, проявляющиеся в интернет-среде через просмотры, лайки и репосты (Чалдини, 2021). В итоге широко распространенная информация воспринимается пользователями как более правдоподобная, а

молодежь, благодаря своей активности в социальных сетях, оказывается одной из самых уязвимых групп. Таким образом, одним из ключевых факторов, формирующих у молодых людей мировоззрение, ценностные ориентиры и модели поведения в обществе, становятся информационные потоки.

В последнее время цифровая среда все активнее используется для проведения информационных операций и гибридных войн, оказывая целенаправленное влияние на реакции, поведение и общественное мнение. Молодые люди в силу своих возрастных особенностей (поиск социальной идентичности, формирование собственной системы ценностей, высокая значимость принадлежности к группе) особенно восприимчивы к информационно-психологическому воздействию.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. 365 с.
2. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. 344 с.
3. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2013. 653 с.
4. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб: Макет, 1995. 179 с.
5. *Манойло А.В., Петренко А.И., Стригунов К.С., Нешков С.В., Сеницына Т.Ю., Зайцев А.Я.* Информационные и гибридные войны: учебное пособие для вузов. М.: Горячая линия – Телеком, 2024. 592 с.
6. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
7. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. М.: Издательство «Э», 2018. 251 с.
8. *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб.: Питер, 2001. 288 с.

Динамика отношения к женщине в хиджабе на Юге России

Погонцева Д.В.

*ФГАОУ ВО ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия
pogoncevadv@sfedu.ru*

Современная социальная психология подчеркивает значимость внешних характеристик индивида в формировании отношений между людьми. Эти характеристики выступают ключевыми элементами восприятия и влияют на возникновение как положительных, так и отрицательных эмоциональных реакций. Среди важнейших факторов внешней идентификации выделяется феномен лукизма – предвзятых взглядов, основанных исключительно на внешнем виде человека, включая одежду и аксессуары, выражающие принадлежность к определенной социальной группе или религии. Один из наиболее ярких примеров такого проявления дискриминационных практик – реакция общества на традиционный женский исламский головной убор – хиджаб.

Хиджаб, наряду с такими формами покрытия головы, как никаб, чадра, паранджа, шейла и химар, представляет собой многозначительный социальный и культурный символ, определяющий личную и коллективную идентичность миллионов женщин-мусульманок. Как в российских (Погонцева, 2015) так и в ряде западных работ (Haase, Rohmann, 2022; Garcia Yeste et al., 2020) рассматривается роль хиджаба для формирования отношения к женщине.

Так в работе А. Haase и А. Rohmann (Haase, Rohmann, 2022) подчеркивается, что платок (в частности, хиджаб), является религиозным символом, имеющим существенное значение для межгрупповых процессов. На примере немецкой выборки было показано, что наличие хиджаба приводит к активизации более негативных стереотипов по отношению к девушке из Турции, в сравнении с ней же, но без хиджаба. Также был выявлен более низкий рейтинг «тепла» и более высокое восприятие межгрупповой угрозы. В работе С. Garcia Yeste с коллегами (Garcia Yeste et al., 2020) также отмечается, что женщины в никабе, проживающие в Испании,

подвергаются различным формам дискриминации, таким как предрассудки, личные нападки и социальная изоляция.

Тем не менее, наблюдаются определенные положительные сдвиги в динамике восприятия женщин, носящих хиджаб, в российском обществе. Данные изменения происходят на фоне роста интереса к традиционным элементам исламской культуры, которые находят отражение в массовом сознании посредством введения специализированных продуктов и услуг (например, кукол в национальной одежде, спортивной экипировки с возможностью ношения хиджаба). Дополнительно этому процессу способствует постепенная нейтрализация медийных образов, ранее ассоциировавших ислам с опасностью, в первую очередь ввиду сокращения сообщений о крупных международных конфликтах и террористических атаках.

Это подтверждает повтор нашего исследования (Погонцева, 2015), спустя 10 лет. Так, нами было частично воспроизведено исследование 2014-2015 годов методом повторного анкетирования, в котором было предложено выразить свое отношение к девушкам в хиджабах, оценив его по 9-балльной шкале, где 1 – «отношусь к девушке дружелюбно», а 9 – «отношусь к девушке не дружелюбно». В указанном исследовании (Погонцева, 2015) были представлены данные на выборке 56 человек (возраст от 18 до 30 лет), в новом срезе у нас приняло участие 49 человек (в возрасте от 18 до 29 лет). Мы можем констатировать, что если в 2014-2015 годах отношение к девушкам в хиджабе скорее негативное ($M_{фото1} = 5,8$; $M_{фото2} = 5,15$; $M_{фото3} = 5,32$; $M_{фото4} = 3,9$; $M_{фото5} = 5,8$), то в 2025-2026 годах мы видим улучшение показателя в пользу нейтрального или положительного отношения ($M_{фото1} = 4,07$; $M_{фото2} = 3,89$; $M_{фото3} = 3,25$; $M_{фото4} = 3,2$; $M_{фото5} = 3,8$).

Этот результат отражает позитивные изменения в общественном восприятии и снижение уровня стереотипизации и нетерпимости, касающихся внешнего вида представительниц исламской общины. Вероятно, причинами такого развития стали многочисленные инициативы, направленные на расширение знаний о культурной самобытности и повышении общей информированности населения страны о ценности религиозного и культурного многообразия.

Вместе с тем, полученные данные остаются лишь индикатором общего тренда и требуют дальнейшего углубления и расширения

масштабов исследования, поскольку группа участников была ограниченной, а сама методика нуждается в дополнении другими методами измерения социальных установок. Тем не менее, общий вектор трансформации отношения общества к мусульманским женщинам, предпочитающим носить хиджаб, представляется достаточно убедительным, открывая перспективы для дальнейших научных изысканий и прикладных разработок в области социальной психологии и межэтнических коммуникаций.

Литература

1. *Погонцева Д.В.* Особенности отношения к девушкам с различным оформлением внешнего облика: роль хиджаба // Психология и психотехника. 2015. № 3(78). С. 235-244. <https://doi.org/10.7256/2070-8955.2015.3.14553>.
2. *Garcia Yeste C., El Miri Zeguari O., Álvarez P., Morlà Folch T.* Muslim women wearing the niqab in Spain: Dialogues around discrimination, identity and freedom // International Journal of Intercultural Relations, vol.75, p.95-105, 2020, <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.02.003>
3. *Haase A., Rohmann A.* A headscarf's impact on intergroup relations: A field experiment //International Journal of Intercultural Relations, vol.87, p.65-71, 2022, <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2022.01.004>

Лидерская составляющая управленческой готовности руководителей системы государственного управления

Подольская Т.А., Воробьева О.А.
ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия
tpodolskaya@list.ru, olga_mailpost@mail.ru

Исследованию лидерства в системе государственного управления уделено не так много внимания, хотя о нем все чаще говорят как о неотъемлемой составляющей государственного управления (Жохова, 2020). Управленческая деятельность руководителя является видом профессиональной деятельности, которая обладает рядом

специфических черт. Степень эффективности ее осуществления определяется совокупностью характеристик – как личностных, так и профессиональных. В отличие от чисто профессиональной деятельности, управленческая работа предполагает не только наличие специфических качеств у самого руководителя, но и у его последователей (Карпов, 2005). А это, в свою очередь, требует от руководителя проявления лидерских качеств.

Согласно исследованию И.Б. Выпряхина, Е.А. Галий, Л.В. Ершова, развитие и совершенствование государственной и муниципальной службы в Российской Федерации связано с рассмотрением такого аспекта управленческой деятельности, как лидерство (Выпряхина, Галий, Ершова, 2021). Отмечается, что одной из важных задач является формирование у служащих лидерских компетенций. Понятие «лидерство» все чаще интерпретируется как важная профессиональная компетенция руководителей, что придает ему универсальное значение для социально-экономического развития современного общества.

Г.М. Андреева в своих работах отмечает, что «проблема лидерства и руководства является одной из кардинальных проблем социальной психологии, ибо оба эти процесса не просто относятся к проблеме интеграции групповой деятельности, но и психологически описывают субъекта этой интеграции... проблема должна быть поставлена значительно шире, а именно и как проблема руководства группой» (Андреева, 2012, с. 19).

Наряду с существующими подходами к интерпретации лидерства как личностно-профессиональной характеристики государственного служащего, Ю.В. Синягиным была разработана модель управленческой готовности руководителя, которая определяется ее автором как совокупность трех составляющих, «преобладание каждой из которых задает собственную индивидуальную картину управленческой готовности руководителя и позволяет определить как наиболее эффективные управленческие позиции, на которых он может эффективно действовать в данный момент времени, так и пути их развития и, соответственно, повышения управленческого потенциала данного руководителя с учетом как имеющихся ресурсов, так и специфики его жизненной и карьерной стратегий» (Синягин, 2020, с. 65).

Модель разрабатывалась в рамках технологии личностно-профессиональной диагностики (Синягин, 2016) и комплексного ресурсного анализа для оценки руководителей и выявления их уникальных личностно-профессиональных ресурсов.

В свою очередь, согласно представленной модели, управленческая готовность руководителя формируется из трех составляющих:

- 1) лидерская – создание, мотивация и развитие команды единомышленников, воодушевление других на достижение амбициозных целей, формирование видения будущего (Методические рекомендации..., 2023);
- 2) менеджерская – организация и координация процессов индивидуальной и командной работы, планирование деятельности, осуществление контроля за ее выполнением;
- 3) экспертная – готовность выступать экспертом в сфере профессиональной деятельности, содержательно анализировать проблемы, формировать экспертные группы для решения задач.

Составляющие управленческой готовности, в свою очередь, формируются из соответствующих метакомпетенций (Переверзина и др., 2023). В перечень лидерской составляющей управленческой готовности включаются такие компетенции как:

- стратегическое лидерство – способность развивать и поддерживать энергетический и психологический потенциал сотрудников, заражать их своими идеями, формулировать стратегические цели организации, видеть стратегические перспективы деятельности;
- настойчивость, целеустремленность и сила личности – способность к преодолению сопротивления внешней среды при выполнении профессиональной и управленческой деятельности, способность «держать цель»;
- компетентность межличностного и социального взаимодействия – способность к конструктивному взаимодействию, владение умениями и навыками эффективных коммуникаций, готовность к компромиссу, толерантность.

Таким образом, лидерская составляющая (Синягин, Переверзина, 2015) описывает руководителя как того, кто: определяет стратегию (направление движения команды), вовлекает и вдохновляет, создает команду единомышленников и впоследствии ведет ее за собой ради

достижения общей цели. Особенностью выдвигаемой модели, с нашей точки зрения, является одновременное рассмотрение лидерства как непосредственной личностной характеристики самого лидера (то есть лидерства с точки зрения позиционного подхода) и как его способности воздействовать на других (то есть лидерства с точки зрения процессного подхода). С этой точки зрения лидерство (а точнее – лидерская составляющая управленческой готовности) рассматривается как комплексная личностно-профессиональная характеристика руководителя, обеспечиваемая совокупностью социально-психологических детерминант и отражающая способность руководителя в данный момент времени эффективно осуществлять лидерство на определенном уровне управленческой иерархии в системе государственной гражданской службы Российской Федерации.

Дальнейшее исследование лидерской составляющей управленческой готовности предполагается в рамках уточнения специфики проявления лидерства в контексте системы государственного управления, его сопоставления с особенностями проявления лидерства среди руководителей бизнес-сферы, а также выявления детерминант лидерской составляющей управленческой готовности.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2012.
2. *Жохова А.А.* Лидерство в государственном управлении // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. 2020. №18. С. 131–137.
3. *Карпов А.В.* Психология менеджмента: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005. С. 24.
4. Методические рекомендации по работе с резервом управленческих кадров URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-rabote-s-rezervom-upravlencheskikh-kadrov/> (дата обращения 13.03.2026)
5. *Переверзина О.Ю., Рожок А.В., Татаринова Л.Н., Чирковская Е.Г., Шебураков И.Б.* Модель ключевых компетенций руководителей и специалистов органов публичной власти:

- исследование и обоснование применения / под общ. ред. И.Б. Шебуракова. М., 2023. URL: <https://dpo-rd.ru/upload/iblock/db8/v32xzg5bzvu56dwl0n41o3fwruyjj03.pdf> (дата обращения 16.03.2026)
6. *Синягин Ю.В.* Личностно-ориентированный подход в управлении: тренд, выдвинутый временем // *Образование личности.* 2016. № 4. С. 61–65.
  7. *Синягин Ю.В.* Опросник оценки управленческого потенциала в комплексной личностно-профессиональной диагностике. М.: Издательский дом «Дело». РАНХиГС, 2020. 186 с.
  8. *Синягин Ю.В., Переверзина О.Ю.* Контекстная парадигма в оценке личностно-профессиональных ресурсов руководителей // *Акмеология.* 2015. № 2. С. 149–157.
  9. Теория и практика лидерства в государственной и муниципальной службе России. Монография / И.Б. Выпряхкина, Е.А. Галий, Л.В. Ершова и др. Казань: Издательство Казанского университета, 2021. 216 с.

К вопросу об изучении интересов и характера интеллектуальной активности современных подростков

Поздняков Я.И.

*ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
pozdneyakovyai@mgpu.ru*

Ежегодно в Москве проходят городские научно-практические конференции, на которых ученики с 7-го по 11-й класс представляют свои проектные и исследовательские работы, и если в рамках учебной программы у подростков нет возможности самостоятельно выбирать темы для изучения, то выбор темы проекта или исследования можно рассматривать как самоопределение (Положение ..., 2026).

Материалами для изучения интересов школьников послужили 189 тем проектных и исследовательских работ, которые были поданы на конференцию и отобраны экспертами для защиты в рамках заключительного этапа конференции «Наука для жизни» в направлении

«Мегаполис: психология будущего». В рамках данного исследования нами был проведен качественный и количественный контент-анализ с последующей тематической кластеризацией. На первом этапе каждая из 189 тем была отнесена к одному или нескольким тематическим полям. На втором этапе сходные тематические поля были объединены в кластеры. На третьем этапе подсчитан удельный вес каждого кластера и проведен качественный анализ содержательных тенденций.

В ходе анализа мы заметили, что приблизительно 60% работ представляют собой проектные разработки с конкретным продуктом (игра, бот, сайт, буклет, тренажер, видеоконтент), а 40% – исследования (эксперименты, опросы, сравнительный анализ). Это свидетельствует о сильном акценте образовательной среды на продуктовом подходе и практико-ориентированности.

Нами были определены следующие тематические кластеры:

- Психология и психическое здоровье (доля – 22%)
- Цифровые технологии, ИИ и разработка (доля – 19%)
- Язык, сленг и лингвистика (доля – 12,5%)
- Городская среда и культурное наследие (доля – 9%)
- Образование и профориентация (доля – 7,5%)
- Настольные и дидактические игры (доля – 7,5%)
- Экология и естественные науки (доля – 6%)
- Творчество, медиа и волонтерство (доля – 6%)
- Спорт и физическое здоровье (доля – 3%)
- Прочее (история, мода, кулинария и др.) (доля – 7%)

Самый крупный кластер объединяет около 35 работ и охватывает широкий спектр подтем: эмоциональная сфера и стресс, самовосприятие и расстройства образа тела, работы о расстройствах пищевого поведения и влиянии социальных сетей на самооценку, межличностные отношения и социальные явления, влияние чат-ботов на удовлетворенность межличностными отношениями, когнитивные процессы, ряд работ посвящен памяти, вниманию, ингибиторному контролю, клиповому мышлению, кросс-модальным ассоциациям.

Характер тем свидетельствует не просто о возрастном интересе к себе, а о высокой психологической грамотности современных школьников, владеющих профессиональной терминологией (алекситимия, дисморфобия, ингибиторный контроль).

Второй по величине кластер – около 30 работ – отражает глубокую вовлеченность школьников в цифровую среду, причем не только как потребителей, но и как создателей цифровых продуктов. Школьники воспринимают технологии прагматически – как средство решения конкретных задач. Искусственный интеллект для них не абстрактная угроза и не объект восхищения, а рабочий инструмент, который можно применить, оценить, сравнить с человеческим подходом.

Около 20 работ объединены темой языка в широком смысле. Молодежный сленг – сквозная тема кластера, представленная не менее чем 6 работами. Характерно разнообразие ракурсов: школьники исследуют сленг как угрозу и как мост между поколениями, создают словарь сленга для учителей и родителей. В данном случае сленг для школьников выступает одновременно в качестве и маркера идентичности, и предмета научного интереса.

Помимо тематических кластеров, обнаруживаются сквозные тенденции, пронизывающие несколько кластеров одновременно. Интересна параллель цифрового и аналогового – школьники одновременно создают Telegram-боты и настольные игры, разрабатывают веб-платформы и буклеты. Данное обстоятельство ставит под сомнение утверждение о тотальной «цифровизации» подросткового сознания: школьники интегрируют, а не противопоставляют две реальности.

Еще одним значимым результатом, полученным в ходе анализа тем работ, мы считаем возможность развеять миф о «равнодушном цифровом поколении». Одной из сквозных тенденций стала социальная чувствительность, которая проявилась в работах, связанных с инклюзией, волонтерством, использованием средств альтернативной коммуникации. Выбор тем демонстрирует социальную чувствительность, выходящую за пределы стереотипного представления о современных подростках (Светлова, 2024).

Безусловно, анализируя работы, которые школьники подают на городские научно-практические конференции, нельзя говорить исключительно об интересе подростков к определенным темам. Необходимо учитывать влияние взрослых на выбор школьников, а также желание выбрать тему, которая будет социально одобряемой. Однако многолетний опыт проведения конференций показывает, что в заключительный этап выходят те работы, за которыми стоит истинный

интерес подростка, ведь только в этом случае работа одновременно содержательно проработана, содержит реальные задачи и вопросы, которые интересуют подростка, и отличается оригинальными решениями.

Литература

1. Положение об открытой городской научно-практической конференции «Наука для жизни» от 23.01.2026 № У-8. URL: https://conf.profil.mos.ru/files/doc/pedagog/2026/Polojenie_NDJ_2026.pdf
2. *Светлова А.А.* Социально-психологический портрет ученика предпрофессионального класса – участника проекта «Психолого-педагогический класс в московской школе» / А.А. Светлова, А.В. Мангасаров, Я.И. Поздняков // Образование XXI века: профильные психолого-педагогические классы как условие развития личностного потенциала и педагогической одаренности школьников: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 17 октября 2024 г. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. С. 45–49. EDN FXICWR.

Эгоцентризм в контексте межличностного познания и общения

Позднякова Т.Б.

*ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
tat_pozdnyakova@mail.ru*

Начиная с первых исследований, посвященных проблеме межличностного восприятия и понимания, отечественные ученые связывали точность понимания другого человека со способностью субъекта познания к децентрации; подчеркивали, что отсутствие настроенности на понимание нередко приводит к приписыванию не характерных объекту познания состояний, свойств и мотивов и, как

следствие, к его непониманию (Бодалев, 1982; Куницына и др., 2003; Лабунская, 1999 и др.).

Целью проведенного нами эмпирического исследования было комплексное изучение понимания других людей субъектами познания с высоким уровнем эгоцентризма личности, рассмотрение их не только как субъектов познания, но и общения в целом.

Общий объем выборки составил 120 человек (студенты вуза, возраст 18-21 год). В экспериментальную группу вошли респонденты с высокими показателями по шкале эгоцентризма личности ($n = 30$).

Диагностический блок включал методики, разработанные В.Н. Куницыной: опросник СУМО (Саморегуляция и успешность межличностного общения), методика КОСКОМ (Коммуникативная и социальная компетентность), методика СТАЛЬ (Стабильность, толерантность и альтруизм в межличностных отношениях и другие свойства личности), полупроективные тесты «Притчи» и «Экспрессия».

Согласно полученным данным, юноши и девушки с высоким уровнем эгоцентризма эмоциональны, чувствительны и ранимы, не всегда способны к самоконтролю, нередко бывают импульсивны и чрезмерно настойчивы. Считают, что осведомлены об особенностях своей личности средне, не уверены в себе, ощущают определенную зависимость. В меру благожелательны по отношению к окружающим людям. Им не свойственны проявления сочувствия и альтруизма. Крайне нетерпимы к мнениям людей, расходящимся с их собственными, напористы, своенравны, не склонны к доверию людям. При этом потребность в доверительном общении у них развита сильно, как и стремление к стабильности в отношениях. В сложных ситуациях межличностного взаимодействия чаще всего выбирают агрессивные стратегии реагирования, в меньшей степени склонны к их решению по мазохистскому типу. Они высокого мнения о своей сноровке и предприимчивости, однако мотивация достижений развита средне.

Успешность в сфере общения и межличностном понимании оценивают не очень высоко. Показатели социально-психологической компетентности, владения коммуникативными умениями и навыками находятся на среднем уровне. Считают, что ситуацию взаимодействия могут понять лучше, чем личностные особенности отдельного человека. Как показало решение социально-перцептивных задач, понимание состояния другого человека по его невербальному

поведению – развито на среднем уровне. Большие трудности у них вызывает анализ ситуации межличностного взаимодействия, предполагающий распознавание мотивов поведения ее участников.

По данным исследования, из всех рассмотренных параметров на уровне статистической значимости респондентов с высоким уровнем эгоцентризма от тех, у кого он развит в меньшей степени, отличаются более низкий уровень развития эмпатии ($p < 0,01$), самоконтроля ($p < 0,05$), большая склонность к агрессивной стратегии поведения в сложных ситуациях межличностного взаимодействия ($p < 0,01$).

Таким образом, полученные результаты расширяют представление об юношах и девушках с высоким уровнем эгоцентризма как субъектах межличностного познания и общения и требуют дальнейшего всестороннего изучения.

Литература

1. Бодаев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ., 1982.
2. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2003.
3. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д.: Феникс, 1999.

Межличностная детская травма как фактор посттравматических изменений во взрослом возрасте

Поляничко А.Н., Пыркова К.В.

*НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия
ann_shipkova@mail.ru, pyrkovakv@inpsycho.ru*

Изучение отдаленных последствий детских психотравм традиционно фокусируется на клинических аспектах, вместе с тем переработка травматического опыта во взрослом возрасте детерминирована в том числе социально-психологическими факторами

(Maercker et al., 2021). Травма, пережитая в межличностных отношениях со значимыми взрослыми, влияет на векторы дальнейшего развития личности: конструктивный (посттравматический рост – ПТР) или деструктивный (посттравматическое обесценивание – ПТО) (Taku et al., 2021). Целью данного исследования стало выявление характеристик ранней семейной среды и социально-демографических факторов, выступающих предикторами ПТР и ПТО у взрослых.

Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса 378 респондентов (92,3% женщин) с подтвержденным опытом детских психотравм. Диагностический инструментарий включал «Опросник детских травм» (ОДТ) (Касьянов и др., 2024) и «Опросник посттравматического роста и обесценивания» (ОПРПО). Авторы выражают искреннюю признательность А.М. Шишковой, одному из авторов русскоязычной адаптации методики ОПРПО (Шишкова и др., 2024), за помощь в обработке эмпирических данных по данному опроснику. Последующий статистический анализ проводился с применением корреляционного и иерархического множественного регрессионного анализа.

Анализ описательной статистики показал значительную степень множественной травматизации в выборке: в среднем на одного респондента приходится 3,3 типа перенесенных травм. Доминирующими видами выступили эмоциональное насилие (81,2%), а также физическое (75,7%) и эмоциональное (74,9%) пренебрежение. При этом выборка характеризуется высоким уровнем социальной адаптации (77,5 % имеют высшее образование), а 59,5% опрошенных заняты в социально-ориентированных профессиях («человек – человек»).

По результатам корреляционного анализа выявлена умеренная отрицательная связь между общими показателями ПТР и ПТО. Субшкала ПТР «Сила личности» обнаружила наиболее выраженные отрицательные корреляции со всеми шкалами обесценивания, что позволяет предположить ее функцию как протективного фактора.

Иерархический регрессионный анализ прояснил дифференциацию предикторов роста и обесценивания. Факторами, усиливающими ПТО, проявили себя эмоциональное насилие и эмоциональное пренебрежение. Важно отметить, что взросление респондентов в полной родительской семье выступило условием, статистически

снижающим возникновение ПТО. Перенесенное физическое насилие, в отличие от эмоционального, проявило себя как отрицательный предиктор ПТО. Можно предположить, что при физическом насилии жертве проще атрибутировать вину внешнему агрессору, тогда как эмоциональное насилие приводит к глубокой интернализации вины, разрушая доверие к миру и положительный образ себя (Падун, Котельникова, 2012; Janoff-Bulman, 1989), и провоцирует обесценивание.

Если выделять специфику влияния опыта пренебрежения нуждами ребенка на ПТР, то стоит отметить, что эмоциональное пренебрежение отрицательно сказывается на показателях ПТР, в то время как опыт физического пренебрежения вносит статистически значимый положительный вклад в ПТР, что может объясняться ранней выужденной автономностью и развитием навыков опоры на себя.

Дополнительно установлено, что на ПТР влияют такие социально-демографическими характеристики, как возраст и характер работы. Наиболее высокие показатели духовного роста, понимания ценности жизни и виденье новых возможностей зафиксированы в старшей возрастной группе (46–55 лет). Также выявлено, что профессиональная деятельность в сфере «человек – информация» меньше способствует ПТР по сравнению со сферой «человек-человек».

Полученные данные свидетельствуют о том, что структура посттравматических изменений взрослого человека не является прямым следствием самого факта травмы, а опосредуется спецификой межличностных нарушений в родительской семье, полнотой семьи и характеристиками актуальной социальной среды.

Литература

1. Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В., Кибитов А.О., Мазо Г.Э. Психометрические характеристики опросника детской травмы в российской выборке // Социальная и клиническая психиатрия. 2024 г. Том 34. № 2. С. 13–23.
2. Падун М.А., Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика – М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 46–55.

3. *Шишкова А.М., Бочаров В.В., Цыганкова Е.С., Черная Ю.С.* Кросс-культурная адаптация и первичная апробация русскоязычной версии методики Опросник Посттравматического Роста и Посттравматического Обесценивания – ОППРО (Posttraumatic Growth and Depreciation Inventory – Expanded version) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2024 г. Том 58. № 3. С. 74–85. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2024-942>
4. *Janoff-Bulman R.* Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct // *Social Cognition*. 1989 г. Т. 7. № 2. Р. 113–136.
5. *Maercker A., Bernays F., Rohner S.L., Thoms M. V.* A cascade model of complex posttraumatic stress disorder centered on childhood trauma and maltreatment, attachment, and socio-interpersonal factors // *Journal of traumatic stress*. 2022 г. Т. 35. № 2. Р. 446–460. <https://doi.org/10.1002/jts.22756>
6. *Taku K., Tedeschi R.G., Shakespeare-Finch J. et al.* Posttraumatic growth (PTG) and posttraumatic depreciation (PTD) across ten countries: Global validation of the PTG-PTD theoretical model // *Personality and Individual Differences*. 2021 г. Т. 169. Р. 110222. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110222>

Цифровая вовлеченность и субъективное благополучие личности: контент-анализ зарубежных исследований

Пономарева И.Г.

Москва, Россия

2019science2020@gmail.com

В условиях цифровизации социальной реальности цифровая вовлеченность становится одним из ключевых факторов, определяющих психологическое функционирование личности. Современные зарубежные исследования все чаще рассматривают цифровую активность не только как поведенческий показатель, но и как

психологический феномен, связанный с субъективным благополучием, эмоциональным состоянием, мотивацией и переживанием социальной включенности. В этой связи актуализируется необходимость систематизации эмпирических данных, накопленных в зарубежной науке, с целью выявления устойчивых тенденций и противоречий в интерпретации влияния цифровой вовлеченности на субъективное благополучие личности.

Целью настоящей работы является контент-анализ современных зарубежных исследований, посвященных взаимосвязи цифровой вовлеченности и субъективного благополучия личности. В анализ были включены публикации, индексируемые в базах Scopus и Web of Science, в которых цифровая вовлеченность рассматривалась в психологическом контексте и соотносилась с показателями удовлетворенности, психического здоровья, эмоционального состояния или субъективного опыта.

Контент-анализ осуществлялся по следующим аналитическим категориям: характер цифровой вовлеченности, тип психологических эффектов (позитивные/негативные), условия формирования субъективного благополучия и контекст использования цифровых технологий.

Результаты анализа показывают, что значительная часть исследований подчеркивает амбивалентный характер цифровой вовлеченности. Так, в рамках теории самодетерминации установлено, что цифровая связанность может способствовать субъективному благополучию при условии удовлетворения базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и принадлежности (Mamun et al., 2025). В то же время высокая интенсивность цифрового взаимодействия без адекватных регуляторных механизмов связана с ростом цифрового стресса, информационной перегрузки и феномена страха упущенных возможностей, что негативно отражается на психологическом состоянии личности (Giray, Kaaya, 2024).

В ряде работ подчеркивается роль условий цифрового взаимодействия в формировании субъективного благополучия. Показано, что ощущение психологического присутствия, структурированность цифровой среды и наличие поддерживающих механизмов выступают ключевыми факторами позитивной онлайн-вовлеченности, особенно в образовательных и профессиональных

контекстах (Lawtence et al., 2024). Сходные выводы получены в исследованиях, направленных на построение моделей цифровой вовлеченности, где удовлетворенность пользователей выступает центральным медиатором между цифровыми сервисами и субъективным восприятием качества жизни (Jo, Ahn, 2024).

Особый интерес представляют исследования, анализирующие социальные и символические аспекты цифровой вовлеченности. Так, в работах, посвященных цифровому гражданству, показано, что наличие цифровых навыков и уверенности не всегда сопровождается ростом субъективного благополучия, поскольку уровень вовлеченности определяется также социальными нормами, ожиданиями и доступом к ресурсам участия (Escofet Roig et al., 2025). В контексте геймифицированных цифровых сред подчеркивается, что вовлеченность приобретает перформативный характер, способствуя формированию чувства принадлежности и совместного переживания, что положительно отражается на эмоциональном благополучии участников (Koszolko, Studley, 2023).

Отдельную группу составляют исследования, рассматривающие цифровую вовлеченность как ресурс психологической поддержки. На примере виртуальных социальных пространств показано, что цифровые среды могут снижать уровень социальной тревожности и способствовать формированию субъективного чувства безопасности и принятия, особенно у лиц с ограниченными возможностями социального взаимодействия (Grillo, Venuti, 2025). Эти данные подтверждают потенциал цифровых технологий как компенсаторного механизма в структуре субъективного благополучия.

Полученные выводы могут быть использованы при разработке программ цифровой психогигиены и психологического сопровождения пользователей в онлайн-среде.

Таким образом, контент-анализ современных зарубежных исследований позволяет сделать вывод о том, что цифровая вовлеченность не является однозначным предиктором субъективного благополучия личности. Ее психологические эффекты зависят от характера цифровой активности, индивидуальных ресурсов личности, социальных условий и контекста использования цифровых технологий. Полученные результаты подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к изучению цифровой вовлеченности и

могут быть использованы при разработке программ психологической поддержки и профилактики негативных эффектов цифровой среды.

В отличие от отдельных эмпирических исследований, в настоящей работе выявлены типологические модели цифровой вовлеченности, различающиеся по направленности воздействия на субъективное благополучие личности.

Литература

1. *Escofet Roig A., López M., Molina R.* Women's digital citizenship: Skills, confidence, and participation profiles // *Information, Communication & Society*. – 2025. – Vol. 28, No. 3. – P. 421–438.
2. *Giray M.D., Kaya C.* Digital stress, fear of missing out, and information overload: Psychological mechanisms of digital anxiety // *Computers in Human Behavior*. – 2024. – Vol. 146. – Article 107781.
3. *Grillo M., Venuti P.* Autistic socialization in virtual environments: Psychological affordances of VRChat // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. – 2025. – Vol. 28, No. 2. – P. 89–97.
4. *Jo H., Ahn J.* A multilevel model of digital engagement in life service platforms // *Telematics and Informatics*. – 2024. – Vol. 82. – Article 102007.
5. *Koszolko M., Studley S.* Performative digital engagement in gamified environments: Co-creation and participation // *New Media & Society*. – 2023. – Vol. 25, No. 11. – P. 3245–3262.
6. *Lawrence E., Kim J., Park S.* Conditions for online engagement: Psychological presence, structure, and support // *The Internet and Higher Education*. – 2024. – Vol. 61. – Article 100877.
7. *Mamun M.A., Hossain M.S., Griffiths M.D.* Digital connectivity, psychological needs, and mental well-being: A self-determination theory perspective // *Journal of Behavioral Addictions*. – 2025. – Vol. 14, No. 1. – Article 100451.

Групповая нарциссическая инверсия как предиктор сопротивления позитивным изменениям

Пономарева М.А.

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Минск, Республика Беларусь
ponomareva.m.av@yandex.by*

Современные организации и социальные группы сталкиваются с необходимостью постоянных технологических и структурных изменений. При этом даже позитивные преобразования часто встречают сопротивление со стороны членов группы. Традиционные объяснения этого феномена апеллируют к инерционности мышления, страху неопределённости или угрозе потери статуса. Однако некоторые группы демонстрируют особенно резкое сопротивление изменениям, даже когда они объективно улучшают их положение. В этом случае можно говорить о *групповой нарциссической инверсии*, при которой наблюдается внешняя демонстрация превосходства группы при внутренней неуверенности.

Важный вклад в операционализацию этого конструкта внесла А. Голек де Завала с коллегами, предложившая различать коллективный нарциссизм и групповую гордость (Голек де Завала и др., 2009). Коллективный нарциссизм – это убежденность в том, что группа является исключительной и имеет право на привилегированное обращение, однако эта убежденность не подкрепляется реальными достижениями. Значимой для нашего исследования является также работа А. Дж. Бенсона, в которой определено, что нарциссическое восхищение прогнозирует высокий уровень социальной идентичности в ответ на успех группы, тогда как нарциссическое соперничество – негативные оценки способностей группы и желание ее покинуть при групповой неудаче (Бенсон и др., 2019).

Связь между коллективным нарциссизмом и сопротивлением изменениям логически вытекает из самой природы конструкта. Во-первых, изменения угрожают сложившемуся образу группы как исключительной; во-вторых, коллективный нарциссизм связан с гиперчувствительностью к негативным оценкам в адрес группы.

В эмпирическом исследовании приняли участие 187 человек – работников государственных и коммерческих организаций г. Минска

(47% мужчин, 53% женщин, средний возраст 42,2 года). Участники имели стаж работы в организации не менее 1 года, опыт прохождения организационных изменений – последние 2 года. В ходе проведения исследования осуществлялась проверка следующих гипотез.

1. Существует прямая положительная связь между уровнем групповой нарциссической инверсии и сопротивлением позитивным изменениям в группе.

2. Групповая нарциссическая инверсия является более сильным предиктором сопротивления изменениям, чем общий уровень групповой идентификации.

3. Высокий уровень групповой нарциссической инверсии связан с эмоционально-негативными (а не рационально-аргументированными) формами сопротивления. В качестве диагностического инструментария использовались методики:

– «Шкала коллективного нарциссизма» в адаптации М.О. Романовой и соавторов (Романова и др., 2022);

– «Опросник сопротивления изменениям» С. Олтмена в модификации Н.А. Бажановой (Бажанова, 2005), методика включает 5 шкал: инерция (стремление сохранить существующее положение), психологический эгоизм (ориентация на личные выгоды), страх неизвестности, когнитивная ригидность, эмоциональная реактивность (негативные эмоции на изменения);

– «Шкала ингрупповой идентификации» Е.Р. Агадуллиной и А.В. Ловакова (Агадуллина; Ловакова, 2013), которая использовалась для контроля общего уровня групповой идентификации.

Исследование проводилось в онлайн-формате с использованием платформы Google Forms. Результаты исследования свидетельствуют о том, что средние значения по шкале коллективного нарциссизма ($M = 2,87$; $SD = 0,72$) сопоставимы с данными, полученными на российской выборке – $M = 2,96$; $SD = 0,68$ (Романова и др., 2022). Уровень сопротивления изменениям варьировался от низкого до высокого ($M = 3,12$; $SD = 0,65$ по 5-балльной шкале).

Гипотеза 1 о прямой связи групповой нарциссической инверсии и сопротивления изменениям подтвердилась: корреляция между суммарными баллами по шкале коллективного нарциссизма и опросника сопротивления изменениям составила $r = 0,48$ ($p < 0,01$).

Гипотеза 2 проверялась с помощью множественного регрессионного анализа (зависимая переменная – сопротивление изменениям, предикторы – коллективный нарциссизм и групповая

идентификация). Результаты оказались значимыми ($F(2,184) = 27,43$; $p < 0,001$; $R^2 = 0,23$). Вклад коллективного нарциссизма ($\beta = 0,44$; $p < 0,001$) существенно превышает вклад групповой идентификации ($\beta = 0,09$; $p = 0,21$).

Гипотеза 3 проверялась путем сравнения корреляций коллективного нарциссизма с разными шкалами сопротивления. Наиболее сильная связь обнаружена со шкалой «эмоциональная реактивность» ($r = 0,52$; $p < 0,01$), затем – «инерция» ($r = 0,41$; $p < 0,01$) и «психологический эгоизм» ($r = 0,38$; $p < 0,01$). Наименее выражена связь со шкалой «когнитивная ригидность» ($r = 0,21$; $p < 0,05$). Это подтверждает тот факт, что сопротивление изменениям прежде всего происходит на эмоциональном уровне.

Эмоциональный характер сопротивления у коллективных «нарциссов» указывает на то, что работа с таким сопротивлением требует не столько рациональной аргументации преимуществ изменений, сколько работы с эмоциями – тревогой, стыдом, страхом утраты значимости.

На основе полученных результатов могут быть предложены следующие рекомендации для снижения сопротивления изменениям в группах с высоким уровнем нарциссической инверсии.

1. Внедрение «Шкалы коллективного нарциссизма» в практику организационного консультирования для выявления групп риска.

2. Поскольку сопротивление имеет эмоциональный характер, целесообразно создавать безопасные условия для выражения тревог и опасений членов группы до начала изменений.

3. Изменения должны транслироваться как способ усиления группы, а не как признание ее несостоятельности.

4. Учитывая связь с инерцией, изменения для групп с высоким коллективным нарциссизмом следует внедрять поэтапно.

5. Проводить работу с лидером, так как групповой нарциссизм часто поддерживается им.

В статье обоснован конструкт групповой нарциссической инверсии, обозначающий парадоксальное сочетание внешней демонстрации превосходства группы и внутренней неуверенности в ее ценности. Эмпирически подтверждено, что данный феномен является значимым предиктором сопротивления позитивным изменениям, причём сопротивление носит преимущественно эмоциональный характер. Полученные результаты вносят вклад в понимание групповой

динамики в условиях изменений и открывают перспективы для разработки коррекционных программ.

Литература

1. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 139–153.
2. Романова М.О., Иванов А.А., Богатырева Н.И., Терскова М.А., Быков А.О., Анкушев В.В. Адаптация шкалы коллективного нарциссизма на российской выборке // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 201–220.
4. Golec de Zavala A., Cichocka A., Eidelson R., Jayawickreme N. Collective narcissism and its social consequences // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 97. No. 6. P. 1074–1096.
5. Benson A.J., Jeschke J., Jordan C.H., Bruner M.W., Arnocky S. Will they stay or will they go? Narcissistic admiration and rivalry predict ingroup affiliation and devaluation // Journal of Personality. 2019. Vol. 87. No. 4. P. 871–888.

Связь стиля детско-родительских отношений и самостоятельности младших школьников

Попова Е.В., Клопотова Е.Е.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

ekavladpopova@yandex.ru, klopotova@yandex.ru

Внимание к проблеме детской самостоятельности во многом обусловлено высокими требованиями к субъектности и саморегуляции ребенка в образовательной среде. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных как семейному воспитанию, так и развитию самостоятельности, недостаточно изучено, каким образом характеристики детско-родительских отношений соотносятся с различными компонентами самостоятельности младших школьников

и как данная связь модифицируется особенностями взаимодействия в диаде «родитель – ребенок».

Младший школьный возраст рассматривается как сензитивный период для формирования самостоятельности, поскольку в это время учебная деятельность становится ведущей, а ребенок осваивает основы саморегуляции и произвольности (Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин). Существенную роль в этом процессе играют особенности семейного воспитания. При этом наблюдается противоречие между декларируемой значимостью самостоятельности ребенка и распространенностью воспитательных стратегий, ограничивающих ее развитие, таких как гиперопека и попустительство (Авдеева, Берсенева, 2022; Варга, 2017). Оба стиля приводят к одинаковым результатам, а именно к торможению формирования самостоятельности и к развитию выученной беспомощности (Выготский, 2023).

Цель данного исследования состоит в выявлении связи между стилем детско-родительских отношений и самостоятельностью младших школьников с учетом степени согласованности оценок ребенка и родителя.

Предполагалось, что характеристики детско-родительских отношений (принятие, сотрудничество, последовательность, уровень контроля и тревожности) связаны с уровнем самостоятельности младших школьников, при этом выраженность этих связей различается в зависимости от степени согласованности оценок ребенка и родителя, отражающей особенности их взаимодействия.

В исследовании приняли участие 40 диад «мать – младший школьник». Сбор данных осуществлялся в формате онлайн-опроса. В качестве диагностических методик использовались опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» И.М. Марковской (ВРР) и опросник учебно-организационной самостоятельности (О.Р. Михайлова, П.А. Гавриленко, А.С. Струкова, К.Н. Поливанова). Для статистической обработки применялись непараметрические методы: критерии U Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции r Спирмена. Статистическая обработка результатов была проведена в программе IBM SPSS Statistics 23.

В зависимости от степени совпадения оценок самостоятельности ребенка диады были разделены на три группы: с полным совпадением оценок (7 пар), частичным совпадением (25 пар) и выраженными различиями (8 пар). Степень согласованности оценок рассматривалась

как индикатор особенностей взаимодействия и взаимопонимания в диаде «родитель – ребенок».

Результаты сравнительного анализа показали наличие статистически значимых различий между группами по ряду характеристик детско-родительских отношений. В частности, различия выявлены по шкале «мягкость–строгость» ($\chi^2 = 8,551$; $p = 0,014$), «сотрудничество» ($\chi^2 = 9,730$; $p = 0,008$), «тревожность за ребенка» ($\chi^2 = 6,034$; $p = 0,049$) и «удовлетворенность отношениями» ($\chi^2 = 6,398$; $p = 0,041$). При этом в группе с полным совпадением оценок в большей степени выражены принятие, сотрудничество, эмоциональная включенность и последовательность, а уровень тревожности ниже по сравнению с другими группами. В данной группе также отмечаются более высокие оценки различных компонентов самостоятельности младших школьников. В группе с выраженными различиями оценок, напротив, выше показатели строгости, контроля и тревожности, а также ниже удовлетворенность отношениями. Для группы с выраженными различиями оценок характерны более высокие показатели строгости, контроля, тревожности и воспитательной конфронтации, а также меньшая удовлетворенность отношениями с ребенком. В данной группе отмечаются более низкие оценки самостоятельности младших школьников.

Корреляционный анализ показал наличие значимых связей между характеристиками детско-родительских отношений и показателями самостоятельности. Так, требовательность отрицательно связана с учебно-организационной самостоятельностью ($\rho = -0,523$; $p \leq 0,01$) и адаптацией в условиях неопределенности ($\rho = -0,578$; $p \leq 0,01$). Строгость также демонстрирует отрицательные связи с регуляторными ($\rho = -0,560$; $p \leq 0,01$) и коммуникативными действиями ($\rho = -0,509$; $p \leq 0,01$). Контроль отрицательно связан с адаптацией ($\rho = -0,486$; $p \leq 0,01$) и учебно-организационной самостоятельностью ($\rho = -0,313$; $p \leq 0,05$).

В то же время положительные связи выявлены для показателей принятия ($\rho = 0,490$; $p \leq 0,01$ с учебно-организационной самостоятельностью), сотрудничества ($\rho = 0,408$; $p \leq 0,01$ с коммуникативными действиями) и последовательности ($\rho = 0,602$; $p \leq 0,01$ с учебно-организационной самостоятельностью). Эмоциональная близость также положительно связана с рядом компонентов самостоятельности, включая самообслуживание ($\rho = 0,439$; $p \leq 0,01$).

Таким образом, полученные результаты подтверждают предположение о наличии связи между стилем детско-родительских отношений и самостоятельностью младших школьников и указывают на значимую роль особенностей взаимодействия в диаде «родитель – ребенок». Степень согласованности оценок может рассматриваться как дополнительный фактор, отражающий качество взаимодействия и влияющий на условия формирования самостоятельности.

Результаты исследования могут быть использованы в практике школьных психологов и педагогов при разработке программ сопровождения семейного воспитания, направленных на развитие самостоятельности детей младшего школьного возраста.

Литература

1. *Авдеева Н.Н., Берсенева И.В.* Ценностные установки матерей в современных моделях родительства // Социальная психология и общество, 2022.
2. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Питер, 2021.
3. *Варга А.Я.* Введение в системную семейную психотерапию. Изд-во: Когито–Центр, 2017.
4. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. М.: ЁЁ Медиа, 2023.
5. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 2020.

Авторитарность левого толка: операционализация конструкта и проблемы психодиагностики в России

Прокушева А.Б., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

nastya.prokusheva@gmail.com, nkochetkov@mail.ru

В первой трети XX века в Институте социальных исследований при Университете Франкфурта-на-Майне формируется так называемая Франкфуртская школа, которая объединяла философов, работающих в парадигмах К. Маркса и З. Фрейда, занимавшихся, в основном,

критикой современного западного общества. Одним из наиболее ярких представителей этой школы является Т. Адорно, который разработал теорию авторитарной личности. Под этим понималась личность, для которой будет характерны, в том числе, конвенционализм, культ силы, деструктивность, антиинтрацепция, авторитарные подчинение и агрессия.

Идеи Т. Адорно развил Б. Альтмейер, который оставил трехкомпонентную структуру авторитарной личности (авторитарные подчинение, агрессия и конвенционализм), а потом Дж. Дакит, введя в концепт веру в опасный мир и конкурентный мир. Все перечисленные конструкты имеют соответствующие им психодиагностические методики.

Однако, когда речь шла об авторитарной личности, всегда подразумевалась авторитарность правого толка, так как понятие левой авторитарности является оксюмороном – авторитаризм предполагает консервативные ценности, сильную власть, что диаметрально противоположно левым взглядам. Но еще в 50-х годах Х. Айзенк говорит, что авторитаризм – это психологический синдром, который может существовать в рамках разных идеологий, в том числе, и левой (Айзенк, 2024).

Авторитарные личности, вне зависимости от политических взглядов, обладают догматическим и упрощенным взглядом на мир и происходящие в нем события, имеют склонность подчиняться сильному лидеру, а также демонстрируют высокий уровень агрессии по отношению к членам отличных от них социальных групп и к членам своей группы, нарушающим устоявшиеся в их социуме нормы. В силу убежденности авторитарных личностей в исключительной верности своих моральных ориентиров, уровень агрессии по отношению к противоположным точкам зрения очень высок и в левом, и в правом крыле. Различие между двумя этими политическими крайностями состоит лишь в явлениях, считающихся враждебными для их идеологии: в правом крыле это нарушения иерархии, отсутствие четкой формы социальной организации и отсутствие цензуры; в левом крыле аналогичная агрессия направлена на иерархическую структуру организации общества, цензуру и принудительные формы социальной организации.

Начиная с 2022 г. появляется психодиагностический инструментарий, позволяющий изучать авторитарность левого толка. Л. Конвеем и коллегами (Conway, Zubrod, Leslie, 2022) была сконструирована четырехфакторная шкала измерения левой авторитарности (Left-Wing Authoritarianism Short Form), а в 2025 – шкала SLAV (Specter of Left-wing Authoritarian Views), разработанная М. Петрович и М. Нинкович (Petrović, Ninković, 2025). Она включает четыре аспекта: антикапиталистические настроения, антиконвенционализм, антииерархическую агрессию и цензуру идей правого толка.

Наиболее интересной, на наш взгляд, является концептуализация рассматриваемого феномена Т. Костелло (Costello et al., 2022) с коллегами, предложившими шкалу левой авторитарности (LWA-39), которая состоит из 39 пунктов, сгруппированных по 3 субшкалам: классовая агрессия (Anti-hierarchical aggression), антиконвенционализм (Anti-conventionalism), политическая/вертикальная цензура (Top-down censorship).

Антиконвенционализм расшифровывается как моральный абсолютизм в отношении прогрессивных ценностей и стремление репрессировать тех, кто придерживается традиционных или консервативных ценностей. Пример диагностического утверждения: «Любой, кто выступает против однополых браков – гомофоб».

Классовая агрессия предполагает, что традиционная иерархия должна быть разрушена, и что в отношении лиц, находящихся у власти и активно пользующихся ее привилегиями, оправданы жесткие, насильственные действия. Пример утверждения: «Большинство олигархов заслуживают того, чтобы их бросили в тюрьму».

Политическая цензура означает поддержку использования авторитета, государственных органов или институтов для подавления «правых» и ограничения высказываний, воспринимаемых как оскорбительные или непрогрессивные. Пример утверждения: «Неонацисты должны иметь законное право на свое мнение».

На наш взгляд, публикация адаптации полного текста шкалы LWA-39 в России осложнена законодательными ограничениями, т.к. имеет риск попасть под ряд статей из главы 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». По той же

причине было бы осложнено проведение эмпирических исследований левой авторитарности, т.к. можно ожидать рост социальной желательности ответов респондентов или отказ от прохождения опроса.

Литература

1. Айзенк Х. Психология политики. М.: Мысль, 2024. 392 с.
2. Conway L.G., Zubrod A., Leslie J.D. Constructing a Four-Item Left-Wing Authoritarianism Scale. 2022. <https://doi.org/10.31234/osf.io/x7gp9>
3. Costello T.H., Bowes S.M., Stevens S.T., Waldman I.D., Tasimi A., Lilienfeld S.O. Clarifying the structure and nature of left-wing authoritarianism // Journal of Personality and Social Psychology. 2022. Vol. 122, № 1. P. 135–170.
4. Petrović M., Ninković M. A specter is haunting political psychology—a specter of left-wing authoritarianism: Development and validation of left-wing authoritarianism scale in a post-communist society // Political Psychology. 2025. Vol. 10. P. 1–18.

Профилактика цифровых конфликтов у младших школьников: опыт педагога-психолога в модели «класс-учитель-родители»

Радченко А.М.

*МАОУ СОШ №36 им. М.П. Одинцова, Екатеринбург, Россия
raaxiniya@mail.ru*

Цифровая среда в начальной школе выступает не только источником информации и развлечений, но и значимой социальной площадкой, в которой формируются нормы взаимодействия и закрепляются статусные отношения. Даже при отсутствии у части младших школьников личных аккаунтов, цифровые практики опосредованно включены в их повседневность через семейные устройства, коммуникацию взрослых в мессенджерах и общий культурный контекст коротких видео и сетевых игр. В результате возрастает вероятность конфликтов, запускаемых цифровыми

событиями и быстро переносящихся в очное общение – в класс и на перемены. Обобщения эмпирических исследований показывают, что цифровые формы агрессии и виктимизации связаны со снижением субъективного благополучия и ухудшением школьного климата; при этом наиболее устойчивые эффекты демонстрируют комплексные школьные вмешательства, сочетающие развитие социально-эмоциональных навыков детей, согласованность педагогических реакций и включение семей (Chicote-Beato et al., 2024; Cipriano et al., 2024). Дополнительным фактором риска становится «стресс доступности» и размывание границ цифрового общения, что повышает эмоциональную реактивность и вероятность эскалации напряжения (OECD, 2025). Российские исследования буллинга и школьного климата также подчеркивают значимость профилактических мер, ориентированных на безопасность образовательной среды и качество группового взаимодействия (Новикова, Реан, Коновалов, 2021; Бушина, Муминова, 2021).

Профилактическая работа педагога-психолога в МАОУ СОШ №36 им. М.П. Одинцова (г. Екатеринбург) была выстроена как практико-ориентированная модель сопровождения учащихся 1-4 классов (1А, 2А, 3А, 3Б, 4А, 4Б, 4В), включающая согласованные действия в трех взаимосвязанных контурах: детский коллектив, педагог и родители. Основанием для конструирования модели послужили наблюдения за повторяющимися конфликтными сценариями, а также анализ обращений классных руководителей и родителей. Наиболее типичными «цифровыми триггерами» выступали:

- 1) напряжение вокруг сетевых игр (условно: Roblox/Brawl Stars и аналоги), когда поводом становились «не взяли в команду», «обвинили в нечестной игре», «обидели в чате игры», «сорвали совместную игру», после чего конфликт продолжался в школе;

- 2) распространение контента с унижающим или провоцирующим подтекстом (стикеры, мемы, голосовые пародии), воспринимаемого участниками как публичное обесценивание;

- 3) включение взрослых в разбор детских ситуаций через общие родительские чаты, где эмоциональные оценки и «публичные» обвинения усиливали межсемейную напряженность и косвенно закрепляли у детей установку на коалиционность; распространенность конфликтности в родительских чатах фиксируется и социологическими

данными (ВЦИОМ, 2022), а исследования цифровых каналов «родители–школа» показывают, что постоянная доступность и публичность мессенджер-групп одновременно расширяют возможности взаимодействия и создают риски эскалации (Traeger-Soudry et al., 2025);

(4) эпизоды исключения из общения («не дружим», «не садись с нами», «мы тебя вычеркнули»), подкрепленные ссылками на «переписку» или «скриншоты».

В психологическом плане общим механизмом подобных конфликтов является быстрая эмоциональная активация при недостаточно сформированных навыках саморегуляции и переговорного поведения, а также действие групповых норм («можно/нельзя», «кто прав/кто виноват», «как реагируют взрослые»), которые в младшем школьном возрасте особенно чувствительны к авторитету педагога и позиции семьи. Отдельные отечественные работы подчеркивают, что предпосылки буллинг-поведения и устойчивых стратегий агрессии могут формироваться уже на этапе начальной школы, что повышает ценность ранней профилактики (Беляева, 2024).

Для описания динамики и оценки практического эффекта использовался комплекс качественных индикаторов: фиксация обращений по конфликтам, систематическое наблюдение за взаимодействием в классе и на переменах, беседы с детьми и педагогами, разбор повторяющихся ситуаций по схеме «триггер–реакции–последствия», а также обратная связь родителей и классных руководителей. В качестве признаков позитивной динамики рассматривались снижение повторяемости однотипных конфликтов, уменьшение длительности «затяжных» ссор, увеличение случаев обращения детей за помощью до эскалации и рост согласованности действий взрослых.

Содержание вмешательства строилось по принципу «единых правил и навыков», где психологическая работа с детьми дополнялась согласованием педагогических реакций и норм семейной коммуникации. С учащимися проводился цикл из четырех коротких занятий (30–35 минут), адаптированных для возраста 7–10 лет. В рамках занятий последовательно решались задачи распознавания эмоциональных состояний в конфликте, различения «шутки» и

унижения, освоения правила паузы ответа и выбора безопасного действия, тренировки «я-сообщений» и навыков примирения, а также конструирования «классных норм» в отношении цифрового контента и игр. Принципиально важно, что нормы задавались не в виде запретов, а как коллективные правила безопасности и уважения: не распространять унижающее, не провоцировать через игры и сообщения, не делать «публичных разборов», обращаться к взрослому при первых признаках эскалации. Такой подход согласуется с выводами систематических обзоров о том, что профилактические программы, ориентированные на социально-эмоциональные навыки и школьный климат, дают более устойчивые эффекты на уровне поведения и восприятия безопасности (Cipriano et al., 2024; Chicote-Beato et al., 2024).

Параллельно проводилась работа с классными руководителями: уточнялся алгоритм реагирования на «цифровой повод» (быстрая деэскалация, восстановление границ и последующий разбор без публичного обвинения), согласовывались единые педагогические формулировки, а также меры поддержки детей с уязвимым статусом в совместных заданиях. В контуре семьи вводились правила коммуникации в родительском сообществе: отказ от обсуждения детских конфликтов в общем чате, перенос острых вопросов в личные сообщения и школьные процедуры, запрет публичных обвинений и пересылки «скриншот-стыда». Регламент опирался на прикладные методические подходы к профилактике травли и управлению конфликтностью образовательной среды (Макарова и др., 2023), а также на эмпирические данные о том, что отсутствие модерации и общих норм в мессенджер-группах способствует эмоциональной эскалации и размыванию профессиональных границ (Traeger-Soudry et al., 2025).

По данным наблюдений после внедрения модели отмечались: уменьшение доли повторяющихся конфликтов, запускаемых игровыми и медийными поводами; рост случаев раннего обращения ребенка к взрослому до перехода к оскорблениям или физической агрессии; снижение «втягивания» родителей в эскалацию через общий чат при наличии заранее согласованных правил; повышение предсказуемости и согласованности педагогического реагирования, что особенно значимо для младшего школьного возраста. В интерпретации полученных

результатов существенным является то, что работа была направлена не на «точечное тушение» отдельных эпизодов, а на закрепление групповых норм и навыков саморегуляции, поддержанных всеми значимыми взрослыми. В совокупности это позволяет рассматривать модель «класс–учитель–родители» как практический алгоритм профилактики цифровых конфликтов в начальной школе, который может быть адаптирован под особенности конкретного коллектива.

Литература

1. *Беляева О.А.* Буллинг-поведение младших школьников: реальные риски современной среды начального образования // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 2. С. 112–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bullying-povedenie-mladshih-shkolnikov-realnye-riski-sovremennoy-sredy-nachalnogo-obrazovaniya> (Дата обращения: 16.02.2026).
2. *Бушина Е.В., Муминова А.М.* Адаптация русскоязычной версии опросника Ольвеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга» // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 197–216. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120212>
3. *ВЦИОМ.* Родительские чаты и как с ними жить [Электронный ресурс]. 10.01.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/roditelskie-chaty-i-kak-s-nimi-zhit> (Дата обращения: 16.02.2026).
4. *Макарова О.А., Панькина И.М., Волчецкая Т.С.* и др. Методические рекомендации по профилактике травли (буллинга) в образовательных организациях [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://ramenskoye.ru/images/2023/12/04/Методические_рекомендации_профилактика_буллинга.pdf (Дата обращения: 16.02.2026).
5. *Новикова М.А., Реан А.А., Коновалов И.А.* Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2021. Вып. 3. С. 62–90. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90>

6. *Chicote-Beato M.M., González-Villora S., Bodoque-Osma A.R.* Cyberbullying intervention and prevention programmes in Primary Education (6 to 12 years): A systematic review // *Aggression and Violent Behavior*. 2024. Vol. 77. 101938. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2024.101938>
7. *Cipriano C., Ha C., Wood M., Sehgal K., Ahmad E., McCarthy M.F.* A systematic review and meta-analysis of the effects of universal school-based SEL programs in the United States: Considerations for marginalized students // *Social and Emotional Learning: Research, Practice, and Policy*. 2024. Vol. 3. 100029. <https://doi.org/10.1016/j.sel.2024.100029>
8. *OECD.* How's Life for Children in the Digital Age? The impact of digital activities on children's lives. Paris: OECD Publishing, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/how-s-life-for-children-in-the-digital-age_0854b900-en/full-report/the-impact-of-digital-activities-on-children-s-lives_4df70664.html (Дата обращения: 16.02.2026).
9. *Traeger-Soudry S., Rosenberg H., Sabag Ben-Porat C., Lowenstein-Barkai H.* Navigating parental engagement in WhatsApp groups: A study of parent-teacher experiences // *Teaching and Teacher Education*. 2025. Vol. 162. 105074. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2025.105074>

Роль социально-психологических связей в проявлении буллинга в подростковом возрасте

Распопова А.С.

*ФГБОУ ВО КГУФКСТ, Краснодар, Россия
annar25@mail.ru*

Проблема буллинга в подростковой среде в последние десятилетия приобретает всё большую актуальность в контексте изучения социально-психологических феноменов школьного коллектива (Глазман, 2015). В подростковом возрасте, периоде интенсивного личностного становления, особую значимость приобретают

взаимоотношения со сверстниками и взрослыми (Распопова, Берилова, Босенко, 2021). Нарушения в системе социальных связей могут провоцировать деструктивные формы взаимодействия, в том числе буллинг (Безрукова, 2021; Мигуля, 2023). Буллинг представляет особую угрозу, создавая благоприятные условия для укоренения негативных, искаженных и ошибочных представлений о себе и окружающих (Петросянц, 2016). Многие подростки в образовательной среде неизбежно сталкиваются с проявлениями агрессии в свой адрес или сами проявляют ее к окружающим (Гусейнова, Ениколопов, 2009).

Цель исследования – установить взаимосвязь социально-психологических связей подростков с риском возникновения буллинга.

Для диагностики применены методика диагностики буллинга Д. Олвеуса, анкета социально-психологический связей Н.В.Кузьминой. Выборка составила 60 подростков, учеников 8 классов.

Средний показатель по шкале активного буллинга ($M = 2,8$) находится в зоне умеренной выраженности, что свидетельствует об эпизодическом проявлении агрессивного поведения среди подростков в роли инициаторов травли. При этом прямая активная форма (вербальные угрозы, физический вред) имеет более высокий балл ($M = 3,0$), чем косвенная (распространение сплетен, игнорирование), что указывает на предпочтение открытых форм агрессии. Показатель виктимизации ($M = 2,1$) умеренно выражен. Прямая виктимизация (подверженность обзываниям, угрозам, физическому вреду) выражена сильнее ($M = 2,3$), чем косвенная (изоляция, сплетни).

Показатель активного буллинга ($M = 2,8$) выше, чем показатель виктимизации ($M = 2,1$). Это может косвенно указывать на наличие в группе определенной доли подростков, которые чаще выступают в роли агрессоров, чем в роли жертв, или на более интенсивное восприятие собственных агрессивных действий по сравнению с действиями в свой адрес.

Это свидетельствует о умеренно высоком уровне буллинга в исследуемой группе, особенно в прямой форме. Уровень виктимизации несколько ниже, что может указывать на преобладание агрессивных действий над их восприятием в качестве травли со стороны жертв.

Далее мы определили значимость лиц из ближайшего окружения и предпочитаемые типы отношений. По показателям, отражающим

значимость членов семьи, наиболее высокие значения выявлены по значимости бабушки (9,7) и отца (9,6), что свидетельствует о важности эмоциональной близости с ними. Значимость матери (9,4) и дедушки (9,5) также выражена довольно высоко. Несколько ниже оказался показатель по отношению к брату или сестре (9,0). При оценке значимости лиц вне семейного круга значения оказались более выраженными «друг из школы» (10,5) и «друг вне школы» (10,1). Дружеские отношения занимают центральное место в системе связей подростков.

При оценке значимости типов отношений наиболее высокие значения выявлены по шкалам «Могу довериться» (12,9) и «Уверен, что поможет» (12,7), что определяет важность для подростков доверительных отношений и возможности получить помощь и поддержку.

Следующим по значимости выступает показатель «Советуюсь» (12,6), что подчеркивает важность возможности получить поддержку в важных для подростка вопросах. Значимость типов отношений «Уверен, поймет» (12,2) и «Уверен, защитит» (12,0) подтверждает, что в семьях и компаниях друзей важен доверительный климат, дающий подростку чувство опоры. Следующим по значимости следует показатель «Дорожу мнением» оказался чуть ниже остальных (11,7 балла), что ожидаемо для возрастной группы. Подростки в этот период начинают отделяться от взрослых, пробуя отстаивать свою точку зрения и независимость. Менее значимым отказался тип отношений «Хочу подражать», что свидетельствует об умеренном интересе школьников к поиску образцов для подражания. Подростки выбирают себе определённые образцы для подражания среди ближайшего окружения, но не склонны безоговорочно копировать их поведение.

Далее был проведен корреляционный анализ социально-психологических показателей и буллинга. Выявлены прямые связи активного косвенного буллинга с показателями «Друг из школы» ($r = 0,34; p \leq 0,01$), «Друг вне школы» и ($r = 0,29; p \leq 0,05$). Установлена обратная связь активного прямого буллинга значимости братьев ($r = -0,28; p \leq 0,05$), сестер ($r = -0,31; p \leq 0,05$).

Обратная связь косвенной виктимизации и значимости типа отношений «Могу довериться» ($r = 0,37; p \leq 0,01$). Вовлеченность в косвенный буллинг связана с большим числом друзей вне школы.

Паттерны поведения, проявляемые в косвенном буллинге, могут переноситься и на внеучебные социальные взаимодействия.

Теплые, значимые отношения с братьями могут служить защитным фактором, снижающим склонность к агрессивному поведению. Семейные связи учат конструктивным способам взаимодействия и снижают потребность в демонстрации силы через прямой буллинг. Аналогично отношениям с братьями, близкие связи с сестрами формируют эмпатию и альтернативные стратегии разрешения конфликтов. Это снижает вероятность использования прямой агрессии во взаимодействии со сверстниками.

Наличие доверительных отношений служит буфером против косвенной виктимизации. Человек с поддержкой менее уязвим: он может обсудить ситуацию, получить помощь и не остаётся изолированным. Отсутствие доверительных связей, напротив, повышает риск стать мишенью косвенной агрессии. Косвенный буллинг связан с расширением социальных контактов (друзья в школе и вне ее). Прямой буллинг снижается при наличии значимых родственных связей (братья, сестры), которые выполняют защитную функцию. Косвенная виктимизация менее вероятна при наличии доверительных отношений – они снижают уязвимость жертвы.

Литература

1. *Безрукова Т.А.* Особенности проявления риска буллинга у обучающихся подросткового возраста // Тезисы докладов XLVIII научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа. Краснодар, 2021. С. 206-207.
2. *Глазман О.Л.* Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 105. С 159-165.
3. *Гусейнова Е.А., Ениколопов С.Н.* Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку // Психологическая наука и образование. 2019. №2. С.246–256.
4. *Мигуля Е.Д.* Влияние психологической безопасности образовательной среды на межличностные отношения в

- подростковом возрасте // Физиологические, психофизиологические проблемы здоровья и здорового образа жизни. Материалы IX Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург, 2023. С. 395-401.
5. *Петросянц В.Р.* Проблема буллинга в современной образовательной среде // Вестник Томского государственного педагогического университета. - 2016. № 6. С. 151-154.
6. *Распопова А.С., Берилова Е.И., Босенко Ю.М.* Факторы тревожности и социально-психологической адаптации современных подростков в условиях образовательной среды // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2021. № 4 (57). С. 93-98.

Особенности карьерного самоопределения старшекласников в современных социально-экономических условиях

Роганова Е.А., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
roganova03@mail.ru, elen.litvinova@ya.ru

Современное общество характеризуется ускоренными темпами технологического развития, цифровой трансформацией профессиональной сферы и высокой неопределенностью рынка труда. Появление новых профессий и трансформация традиционных видов занятости существенно усложняют процесс профессионального выбора молодежи. В этих условиях проблема карьерного самоопределения старшекласников приобретает особую научную и практическую значимость.

Карьерное самоопределение становится не просто выбором профессии, а процессом построения индивидуальной профессиональной траектории, требующим развитых навыков самопознания, планирования и анализа возможностей. Поэтому задача школы сегодня заключается не только в передаче знаний, но и в

создании условий для осознанного профессионального выбора учащихся.

Карьерное самоопределение рассматривается как длительный и многокомпонентный процесс формирования профессиональных намерений и планов личности. Оно включает в себя осознанный выбор и построение карьерного пути на основе соотнесения личных качеств с актуальными требованиями рынка и готовности к непрерывному обучению. Современные исследования показывают, что в условиях цифровизации и нестабильности рынка труда процесс карьерного самоопределения усложняется и требует от старшеклассников более высокого уровня адаптивности и гибкости. По данным последних исследований, подростки все чаще ориентируются не только на стабильность профессии, но и на возможности удаленной занятости, самореализации и быстрого профессионального роста (Шестакова, Сафонова, 2024; Brown, Lent, 2022).

В отличие от традиционного понимания профессионального выбора как однократного решения, современный подход предполагает гибкость карьерной траектории и возможность ее изменения в течение жизни.

Современные исследования рассматривают карьерное самоопределение не как единичный акт выбора профессии, а как непрерывный процесс конструирования профессионального пути личности в течение всей жизни. Согласно теории карьерного конструирования М. Савицкаса, человек выступает активным субъектом своей карьеры, самостоятельно формируя профессиональную траекторию в условиях неопределенности и изменений рынка труда (Savickas, 2020).

В старшем школьном возрасте формирование профессиональных намерений базируется на качественном скачке в развитии самосознания, когда рост самостоятельности и рефлексии позволяет подростку определить жизненные цели и выстроить четкую временную перспективу. Однако процесс самоопределения часто сопровождается тревожностью, сомнениями и страхом ошибочного выбора. Недостаток жизненного опыта и информационная перегрузка нередко приводят к неопределенности карьерных планов.

Внутренние факторы формирования профессионального выбора включают в себя индивидуальные способности, систему ценностей и

особенности личности, такие как уровень самооценки и выраженность мотивации к достижению успеха. Адекватная самооценка способствует более реалистичному карьерному планированию, тогда как ее искажение может привести к неверному выбору профессии.

Внешние факторы профессионального самоопределения представляют собой сочетание социального влияния семьи, школы и сверстников с объективными экономическими условиями, а также уровнем доступности информации в медиа и цифровой среде.

Особое значение имеет профориентационная работа школы, способная существенно повысить осознанность профессионального выбора. Согласно современным научным данным, значительное влияние на профессиональный выбор старшеклассников оказывает цифровая среда, включая социальные сети и онлайн-платформы, формирующие представления о «успешной карьере». Исследования последних лет подчеркивают, что данные источники могут, как расширять возможности выбора, так и создавать искаженные ожидания относительно профессиональной деятельности (Ермолаева, 2021; OECD, 2023).

Формирование карьерных ориентаций в современной школе реализуется через сочетание профильного обучения и проектной деятельности с практическими профпробами, внеурочной работой и активным взаимодействием с вузами и работодателями. Эффективные профориентационные программы помогают учащимся лучше понять содержание профессий, снизить тревожность и сформировать реалистичные профессиональные планы.

Цифровые технологии существенно изменили процесс профессионального самоопределения. Это проявляется в активном использовании старшеклассниками онлайн-курсов, тестирований и специализированных платформ, а также в их интеграции в образовательные ресурсы и профессиональные сообщества в интернете. Однако избыток информации и нереалистичные образы успешности в социальных сетях могут затруднять процесс выбора. Поэтому возрастает роль педагогов и психологов в сопровождении профессионального самоопределения.

Карьерное самоопределение старшеклассников представляет собой сложный процесс, зависящий от личностных особенностей и социальных условий. Эффективная профориентационная работа

должна носить системный характер, учитывать индивидуальные особенности учащихся и опираться на современные образовательные и цифровые возможности.

Комплексное сопровождение профессионального выбора позволяет повысить осознанность карьерных решений и сформировать готовность школьников к построению собственной профессиональной траектории в условиях быстро меняющегося мира труда.

Актуальные исследования подтверждают, что успешное карьерное самоопределение возможно только при интеграции психолого-педагогической поддержки, цифровых инструментов и учета индивидуальных особенностей личности учащихся.

Литература

1. *Ермолаева Е.П.* Факторы карьерного выбора подростков в XXI веке // Социальная психология и общество. 2021.
2. *Шестакова Т.В., Сафонова М.В.* Особенности профессионального самоопределения современных старшеклассников // Герценовские чтения. 2024.
3. *Brown S.D., Lent R.W.* Career Development and Counseling: Putting Theory and Research to Work. 2022.
4. OECD. Career Readiness of Young People in the Digital Age. Paris: OECD Publishing, 2023.
5. *Savickas M.* Career Construction Theory in the 21st Century. Oxford, 2020.

Личностные ресурсы саморегуляции студентов

Рожков Д.В., Григорьева И.В.

*АНО ВО «Российский новый университет», Москва, Россия
rozhkov_dima@inbox.ru, iragrig_psy@mail.ru*

В исследованиях саморегуляции студентов термин «личностные ресурсы» часто используется слишком широко: в один ряд ставятся и свойства личности, и отдельные регуляторные процессы, и условия образовательной среды, и последствия успешного обучения. Из-за

этого неясно, что именно следует считать ресурсом саморегуляции, а что – ее механизмом, внешним условием или результатом. В настоящем теоретическом анализе рассматриваются не любые позитивные качества студента, а только те личностные характеристики, которые прямо участвуют в запуске, поддержании и коррекции учебной деятельности.

Такое уточнение опирается на два исследовательских хода. Первый связан с моделями саморегулируемого обучения, где саморегуляция описывается через цикл целеполагания, выполнения, самоконтроля и оценки результата (Zimmerman, 2002; Panadero, 2017). Второй представлен в отечественной психологии, где саморегуляция понимается как ресурсный механизм, позволяющий человеку организовывать собственную активность и использовать другие возможности личности в ситуации достижения целей и решения жизненных задач (Леонтьев, 2016; Моросанова, 2021). Для задач данного обзора важно различать саморегуляцию как процесс и личностные ресурсы саморегуляции как то, что делает этот процесс устойчивым и выполнимым.

В качестве критерия отбора ресурсов использовались три признака: связь с основными фазами саморегуляции, функциональная значимость именно для учебной деятельности студента и наличие опоры в приведенных исследованиях. При таком подходе наиболее обоснованно выделяются четыре группы ресурсов. Первая – волевая: сюда относятся самоконтроль и настойчивость, поскольку именно они поддерживают удержание цели, торможение конкурирующих импульсов и доведение начатого до результата. В работах Т.О. Гордеевой и соавторов самоконтроль показан как ресурс, связанный с успешностью, настойчивостью и субъективным благополучием студентов (Гордеева и др., 2016).

Вторая группа – мотивационно-смысловая. Саморегуляция не сводится к технике планирования; она требует внутреннего основания, которое делает учебную цель субъективно значимой. Поэтому в состав личностных ресурсов саморегуляции входят внутренняя учебная мотивация и переживание смысла учебной деятельности. Исследование мотивационных профилей показывает, что характер мотивации связан с особенностями саморегуляции и академической успешностью (Гордеева, Сычев, 2017). Работа Д.А. Леонтьева и соавторов уточняет

эту линию: переживания смысла и удовольствия в учебной деятельности положительно связаны с психологическим благополучием, тогда как переживание пустоты – отрицательно (Леонтьев и др., 2018). Для теоретического анализа это важно потому, что саморегуляция поддерживается не только волевым усилием, но и субъективным принятием самой деятельности.

Третья группа ресурсов связана с рефлексивно-оценочным уровнем. Саморегуляция невозможна без соотнесения цели, способа действия и получаемого результата. В моделях Zimmerman и в обзоре E. Panadero этот уровень описан через самонаблюдение, самооценку и коррекцию действий; в работах В.И. Моросановой – через осознанную саморегуляцию как механизм, который координирует достижение целей и разрешение проблемных ситуаций (Zimmerman, 2002; Panadero, 2017; Моросанова, 2021). Поэтому рефлексивный компонент здесь рассматривается не как факультативное дополнение, а как один из опорных ресурсов саморегуляции.

Отдельного уточнения требует вопрос о трудных жизненных ситуациях. Исследование И.В. Григорьевой посвящено не саморегуляции как таковой, а субъективным представлениям студенток о сложных ситуациях. Однако оно показывает важную для нашей темы вещь: переживание трудности зависит не только от объективных обстоятельств, но и от того, как человек интерпретирует происходящее: заметное место среди таких ситуаций занимают конфликтные и неопределенные (Григорьева, 2020). Это не дает основания механически расширять выводы на всю проблематику саморегуляции, но позволяет точнее обозначить контекст, в котором личностные ресурсы саморегуляции особенно востребованы: учебная деятельность студента постоянно пересекается с неопределенностью, напряжением и необходимостью удерживать произвольность в неблагоприятных обстоятельствах.

Образовательную среду вуза в рамках данного обзора следует считать не личностным ресурсом, а условием проявления и поддержки этих ресурсов. Именно здесь исходный вопрос требует разграничения. Данные Б.Б. Айсмонтаса и М.А. Одинцовой получены в контексте инклюзивного образования и потому не должны без оговорок переноситься на всю студенческую популяцию. В то же время они показывают принципиально важный момент: поддерживающая среда

может усиливать самоактивацию и жизнестойкость, то есть создавать условия, при которых личностные ресурсы саморегуляции реализуются устойчивее (Айсмонтас, Одинцова, 2018).

Таким образом, нами было выделено разграничение ресурсов, которые проявляются в структуре саморегуляции студента. К ним относятся самоконтроль и настойчивость как волевая основа удержания цели, внутренняя мотивация и смысл учебной деятельности как источник поддержания активности, а также рефлексивно-оценочные механизмы, обеспечивающие контроль и коррекцию действий. Обзор литературы показывает и другую проблему: в исследованиях нередко смешиваются собственно личностные ресурсы, процессуальные компоненты саморегуляции и внешние условия обучения. Поэтому дальнейший анализ этой темы требует не расширения перечней, а более строгого разведения уровней: что относится к ресурсу личности, что - к механизму регуляции, а что - к характеристикам образовательной среды.

Литература

1. *Айсмонтас Б.Б., Одинцова М.А.* Инклюзивная образовательная среда вуза как ресурс для развития жизнестойкости и самоактивации студентов с инвалидностью // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 2. С. 29–41. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230204>
2. *Григорьева И.В.* Субъективные представления студенток о сложных жизненных ситуациях // Психолого-педагогический поиск. 2020. № 3(55). С. 78–84. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.55.3.010>
3. *Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Сучков Д.Д., Иванова Т.Ю., Сычев О.А., Бобров В.В.* Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2016. Том 12. № 2. С. 46–58. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120205>
5. *Гордеева Т.О., Сычев О.А.* Мотивационные профили как предикторы саморегуляции и академической успешности студентов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2017. № 1. С. 67–87.

6. *Леонтьев Д.А.* Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37.
7. *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Досумова С.Ш., Рзаева Ф.Р., Бобров В.В.* Переживания в учебной деятельности и их связь с психологическим благополучием // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 6. С. 55–66. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230605>
8. *Моросанова В.И.* Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 4–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>
9. *Panadero E.A.* Review of Self-Regulated Learning: Six Models and Four Directions for Research // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. Art. 422. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00422>
10. *Zimmerman B.J.* Becoming a Self-Regulated Learner: An Overview // Theory Into Practice. 2002. Vol. 41. No. 2. P. 64–70. https://doi.org/10.1207/s15430421tip4102_2

Культурные особенности японского информационного поведения

Рубцова А.В.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Павенков В.Г.

Университет при МА ЕвразЭС, Санкт-Петербург, Россия

rubcovaanna42@gmail.com, pavenkovvg@yandex.ru

В статье анализируются культурные особенности японского информационного поведения через призму отношения к киберпространству и практик поиска информации. На основе сравнительных исследований выявляется специфическая конфигурация японской киберкультуры: стремление к анонимности, разделение онлайн- и офлайн-связей, низкий уровень межличностного доверия, предпочтение закрытой медиасреды. Киберпространство для японцев функционирует как пространство контролируемой дистанции,

где эмоциональное самовыражение сочетается с минимизацией социальных рисков, что опровергает технодетерминистские модели информационного общества и подчеркивает устойчивость культурных различий в цифровой среде (Kimura, 2004).

Японская культура в контексте развития информационного общества демонстрирует специфическое сочетание высокой технологической оснащенности и устойчивых культурных паттернов, которые препятствуют унифицированному пониманию «информационного общества» как однородного этапа модернизации. В ряде работ, например, Кастельса, подчеркивается, что корректнее говорить о множественных информационных обществах, поскольку одни и те же ИКТ-технологии встраиваются в различные культурные и социальные контексты и потому порождают отличающиеся модели коммуникации (Кастельс, 2002; Кастельс, 2004). В японском случае это особенно заметно по контрасту с европейским опытом: при сопоставимом уровне распространения интернета и мобильной связи социально-психологическое отношение к киберпространству оказывается существенно иным. Киберпространство в японском обществе описывается как специфическое социально-психологическое пространство, в котором пользовательские практики определяются не только функциональными возможностями технологий, но и культурно закреплёнными установками на анонимность, сохранение дистанции и осторожность в самораскрытии.

Эмпирические исследования японских студентов показывают выраженное стремление минимизировать объем персональной информации, публикуемой в сети: пользователи реже, чем их европейские сверстники, размещают на персональных страницах реальные имена, фотографии, контактные данные, сведения о семье и предпочитают оставаться за фасадом никнеймов (Liyanage, Usoof-Thowfeek, 2023). Такая анонимизация сетевой субъектности связана с разделением онлайн- и офлайн-сетей: японская молодежь склонна поддерживать в интернете «анонимные связи» со слабыми ожиданиями выхода в офлайн, тогда как в других странах наблюдается значительное наложение сетевых и реальных сообществ, а использование настоящего имени считается нормой.

Характерной чертой японского информационного поведения становится ориентация на индивидуализированное потребление

контента и «разгрузку» эмоций при относительном игнорировании коммуникативного потенциала сети. Веб-дневники и другие персональные онлайн-форматы в японской среде выполняют функцию полупубличного «пространства исповеди», где записи адресованы не столько широкому анонимному кругу, сколько расплывчатому сообществу знакомых, которые могут при желании заглянуть в дневник и использовать прочитанное как тему для последующей офлайн-беседы (de Vaate, Veldhuis, Konijn, 2023). Это объясняется довольно низким уровнем межличностного доверия. Японские респонденты заметно реже согласны с утверждениями о том, что «большинству людей можно доверять» или что «люди в целом доброжелательны», что позволяет говорить о культурно обусловленной осторожности в расширении круга значимых других и о предпочтении «закрытых» микросред – семьи, устойчивых дружеских групп, внутрикорпоративных коллективов (Choi, Choi, 2025). Эта ориентация на узкий круг «своих» структурирует и информационное поведение: доверие оказывается локализованным и не распространяется автоматически на анонимные сетевые взаимодействия, которые воспринимаются как потенциально опасные (Askola, Huotari, Toshimori, 2010). Неудивительно, что в общественном дискурсе японское киберпространство часто ассоциируется с криминальными сюжетами, а коллективные самоубийства, организованные посредством интернет-коммуникации, стали важным элементом медийной повестки (Moriuchi, Takahashi, 2023).

Все это возвращает к исходной критике технодетерминизма, сформулированной в работах исследователей японского информационного общества (Zhong, Han, Hansen, 2023). «Революция» ИКТ не приводит к растворению культурных различий: напротив, она делает их более явными. Японский пример показывает, что информационное общество нельзя описать только через показатели проникновения интернета или скорость инноваций: необходимо учитывать, как именно пользователи структурируют киберпространство как социально-психологическое пространство, какие границы проводят между «своими» и «чужими», какие темы выносятся в публичное обсуждение. В этом смысле культурные особенности японцев проявляются не только в традиционных

институтах, но и в самых современных цифровых практиках, превращая использование интернета в еще одну арену культурного различия, а не в универсальный инструмент глобализации.

Литература

1. *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
2. *Кастельс М.* Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель / Мануэль Кастеллс, Пекка Химанен; Пер. с англ. А. Калинин, Ю. Подорога. М.: Логос, 2002.
3. *Askola K., Huotari M.-L., Toshimori A.A.* Cultural differences in the health information environments and practices between Finnish and Japanese university students // *Information Research*. 2010. Vol. 15, № 4. Paper 451.
4. *de Vaate N.A.J.D.B., Veldhuis J., Konijn E.A.* The impact of seeing and posting photos on mental health and body satisfaction: A panel study among Dutch and Japanese adolescents // *Computers in Human Behavior*. 2023. T. 148. Paper 107906.
5. *Choi H., Choi E.* Unraveling why happiness levels vary across cultures: Mechanisms underlying east-west differences // *Social and Personality Psychology Compass*. 2025. T. 19. №. 9. C.70-78.
6. *Kimura T.* Network reality: exploration of post advanced consumer society. Tokyo: Iwanami Shoten, 2004.
7. *Liyanage N., Usoof-Thowfeek R.* You should be ashamed of yourself: Culture and shame driven personal growth // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2023. T. 54. №. 5. C. 574-590.
8. *Moriuchi E., Takahashi I.* An empirical study on repeat consumer's shopping satisfaction on C2C e-commerce in Japan: the role of value, trust and engagement // *Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics*. 2023. T. 35. №. 3. C. 560-581.
9. *Zhong H., Han Z., Hansen P.* A systematic review of information practices research // *Journal of Documentation*. 2023. T. 79. №. 1. C. 245-267.

Социальная идентичность студентов в условиях военного конфликта

Руденко С.В.

*ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Донецк, Россия
rudenko_sv@mail.ru*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
научного фонда (РНФ), проект № 25-18-00895, тема проекта
«Система психологического сопровождения личности, пострадавшей
от психотравмирующей ситуации в Донецкой Народной Республике».*

Проблема изучения идентичности, несмотря на серьезную историю исследований, уверенно сохраняет свои позиции на современном этапе развития психологии. Уточняется понятие идентичности, выделяются новые разновидности идентичности, разрабатываются ее модели. Однако вопросы самоидентичности и представлений личности о принадлежности к социальным группам сохраняют свою актуальность. Идентичность – одна из стержневых характеристик личности, обуславливающая ее устойчивость и целостность. Это одно из центральных образований юношеского возраста. Переживание ситуации постоянной угрозы и проживание в условиях военных действий, на наш взгляд, может накладывать свой отпечаток на становление идентичности. Целью данной работы выступает изучение социальной идентичности студентов, проживающих в условиях военного конфликта.

Теоретическую основу исследования составили подходы к изучению проблематики идентичности, ее структуры, видов, особенностей формирования, изложенные в трудах отечественных (Е.П. Белинская, В.В. Гриценко, С.Д. Гуриева, О.В. Кобзева, И.С. Кон, Е.П. Матузкова, А.В. Микляева, П.В. Румянцева, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, А.Ш. Тхостов, Л.Б. Шнейдер и др.) и зарубежных (Э. Эриксон, Э. Фромм, Г. Тэшфел, Дж. Мид, Дж. Марсна, Г. Брейкуэлл, Ю. Хабермас, Ш. Струкер, Э. Уотерман и др.) ученых. Феномен идентичности рассматривается как самоидентичность, чувство собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и окружающим (Эриксон, 1996); знания, представления и переживания,

определяющие основу самотождественности (Тхостов, 2012); итог активного рефлексивного процесса, отображающий истинные представления личности о себе и своем пути развития (Шнейдер, 2007). Идентичность позволяет человеку сохранять субъектность в меняющемся мире, выступает как способность ассимилировать социальный и личностный опыт (Кобзева, 2018). Социальная идентичность формируется в итоге осознания личностью своей принадлежности к различным социальным группам (Микляева, 2008), отражает разделение субъектом норм и ценностей той или иной группы (Эриксон, 1996; Руденко, 2022). Этническая идентичность является одним из аспектов социальной идентичности, понимается как осознание своей принадлежности к этнической группе и эмоциональное переживание такой связи (Солдатова, 1998). Нам импонирует рассмотрение этнической идентичности как результата эмоционально-когнитивного осознания субъектом себя как представителя того или иного этноса и отождествления себя с соответствующей этнической группой (Солдатова, 1998; Стефаненко, 2009). Культурная идентичность, как и этническая, рассматривается как один из аспектов социальной идентичности. Данный феномен находит свое отражение в осознанном принятии личностью традиций, правил и норм группы. Нам близка точка зрения Е.П. Матузковой, которая описывает индивидуальную культурную идентичность как итог отождествления себя с социально одобренной системой ценностей определенной культуры (Матузкова, 2014).

Выборку исследования составили: 1) 180 студентов 2-3 курсов, осваивающих профессию психолога в ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк; 2) 44 студента, овладевающих инженерными профессиями в вузах г. Санкт-Петербурга. Возраст обследуемых – 18-22 года; пол: 206 девушек, 18 юношей. Таким образом, полученные в ходе исследования данные актуальны в основном для девушек. Методики: методика исследования личностной идентичности Л.Б. Шнейдер (МИЛИ), «Тест двадцати утверждений» М. Куна и Т. Маркпатленда (адаптация А.А. Гудзовской, М.С. Мышкиной), «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), «Культурно-ценностный дифференциал» (Г.У. Солдатова, И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова). Обработка результатов проводилась с использованием критерия *U* Манна-Уитни. На первом

этапе проведения эмпирического исследования были получены, описаны и проанализированы результаты обследования студентов из Донецка. На втором этапе для сравнения особенностей идентичности была привлечена относительно небольшая выборка студентов из Санкт-Петербурга. В данной работе преимущественно представлен анализ результатов второго этапа исследования.

По результатам обследования между студентами Донецка и Санкт-Петербурга обнаружены значимые ($p \leq 0,05$) различия по доминирующим уровням личностной идентичности. У студентов Донецка преобладающими выступают псевдопозитивная идентичность, что может проявляться в отрицании своей уникальности или ее нарочитом подчеркивании (37%) и мораторий идентичности, что характерно для состояния кризиса идентичности (27%). У студентов из Санкт-Петербурга все уровни идентичности представлены примерно одинаково (19-22%). Интересно, что достигнутая идентичность диагностирована у 19% у каждой группы, свидетельствуя об ощущении студентами ценности собственной личности, уверенности в себе, повышенной рефлексии. В самоописаниях студентов значимые различия между группами выявлены не были, что говорит о близости характеристик обследуемых из разных городов. Доминирующее отражение показали категории глобального уровня социальной идентичности: «человек», «часть человечества» и т.п. – 74% и 61% (% студентов из Донецка и Санкт-Петербурга соответственно – здесь и далее). Групп-объективная принадлежность социальной идентичности: 65% и 73% – академическая идентичность, 35% и 32% – гражданская идентичность, 25% и 20% – профессиональная идентичность, 23% и 29% – культурная идентичность. Категории малых групп социальной идентичности и категории персональной идентичности нашли свое отражение во всех описаниях студентов.

Перейдем к отдельным видам социальной идентичности. Между студентами Донецка и Санкт-Петербурга обнаружены значимые ($p \leq 0,05$) различия в проявлении позитивной этнической идентичности, этноэгоизма и этнофанатизма. Студентам из Санкт-Петербурга в большей мере, чем студентам из Донецка, присуща позитивная этническая идентичность, что позволяет говорить о наличии позитивного отношения как к своему народу, так и к другим народам (при общих высоких показателях у обеих групп). При этом к

проявлениям этноэгоизма и этнофанатизма более склонны студенты Донецка, хотя данные показатели выражены лишь у 10-14% обследуемых. Возможно, это является следствием пребывания в условиях длительного военного конфликта. Выявлены значимые ($p \leq 0,05$) различия в проявлении отдельных характеристик культурной идентичности. У студентов из Донецка в большей мере выражена открытость по сравнению с их коллегами из Санкт-Петербурга, также несколько более выражена тенденция к подчинению. Студентам из Санкт-Петербурга в большей мере присущи сердечность и склонность к проявлению самостоятельности. В числе лидирующих характеристик культурной идентичности всех студентов можно назвать взаимовыручку, верность традициям, сердечность, законопослушность, миролюбие, устремленность в будущее.

Подводя итоги, выделим особенности идентичности студентов, проживающих в условиях военного конфликта (на примере студентов г. Донецка). Примерно одной пятой части обследуемых присуща зрелая идентичность, около четверти студентов находятся на этапе моратория идентичности, треть же обследуемых характеризует позитивная псевдоидентичность. Большинству студентов присуща позитивная этническая идентичность. При этом, в сравнении со студентами из более спокойного региона, им в несколько большей мере свойственно проявление этноэгоизма и этнофанатизма. В культурной идентичности студентов нашли отражение традиционные ценности русского народа: верность традициям, законопослушность, взаимовыручка, доброта, сердечность, открытость.

Перспективой дальнейшей работы может выступать серьезное углубление теоретико-методологической базы исследования, расширение состава выборки (в том числе привлечение обследуемых из разных регионов РФ, а также с разным сроком проживания в условиях военного конфликта).

Литература

1. Кобзева О.В. Феномен идентичности в психологии // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-2. С. 332-335.

2. *Матузкова Е.П.* Культурная идентичность: к определению понятия. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. № 2. С. 62-68.
3. *Микляева А.В.* Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб. 2008.
4. *Руденко С.В.* Структура социальной идентичности студентов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2022. № 1. С. 106-113. EDN WSKWTJ
5. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
6. *Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2009. № 2. С. 3-17.
7. *Тхостов А.Ш.* Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. С. 2-14.
8. *Шнейдер Л.Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М. 2007.
9. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М. 1996.

Информационная зависимость от Интернета как психологический феномен

Рукавицина О.В., Завгородняя И.В.
ФГБОУ ВО «ВГУ», Воронеж, Россия
olgarukavitsina@mail.ru, zavgorodnyai@mail.ru

В современном мире увеличивающиеся информационные потоки могут становиться источником стресса и вызывать зависимость личности. Основным источником информации для большинства людей в последнее время стал Интернет (Иванов, Панькин, 2017). Он обеспечивает доступ к различным информационным ресурсам (новостные каналы, форумы, социальные сети и т. п.), что позволяет

удовлетворить различные индивидуальные познавательные потребности и обеспечивает высокую востребованность.

В 1995 г. А. Голдберг вводит понятие Интернет-зависимости для обозначения неконтролируемого личностью стремления к использованию сети. Несмотря на то, что данный феномен является относительно новым для психологии, существуют различные классификации видов Интернет-зависимости. Одной из ее разновидностей является информационная зависимость от Интернета, характеризующаяся специфическим поиском и потреблением информации из сети. К. Янг предложено понятие интернет-серфинг или веб-серфинг, который отличается бесконтрольным, постоянным, бесцельным поиском информации в Интернете (Янг, 2000). Однако хаотичный просмотр различных интернет-ресурсов в рамках интернет-серфинга может выполнять рекреационную функцию, не приобретая признаков зависимости. Следовательно, возникает исследовательская потребность в содержательном наполнении понятия «информационная зависимость от Интернета» и его дифференциации от смежных терминов.

Целью нашей работы является выделение сущности феномена информационной зависимости от Интернета на основе анализа существующих научных подходов к интернет-зависимости.

Согласно В. Д. Менделевичу, зависимость от Интернета относится к классу нехимических зависимостей и характеризуется потребностью проводить больше времени в Интернете и безрезультатных попытках его сокращения; увеличением беспокойства при завершении использования сетевых источников и др. (Менделевич, 2007).

А.Е. Войскунский подчеркивает возможность при использовании Интернета переноса человека из реального в виртуальный мир. При этом как будто расширяются его возможности в построении собственной идентичности и получении социальных ролей и статусов (Войскунский, 2000).

В исследовании Дж. Иоаннидиса установлено, что именно бесцельное перемещение по сети, поиск разнородной информации в большей степени коррелирует с аддиктивным использованием интернета, чем традиционно рассматриваемые как

высокоаддиктогенные виды деятельности (онлайн-игры, социальные сети и онлайн-покупки) (Ioannidis, 2018).

Изучение культуры серфинга в Интернете продемонстрировало, что поиск информации в сети трансформирует качество и глубину информационного восприятия. Оно становится поверхностным, фрагментарным, рассеянным, а субъект начинает испытывать значительные трудности при длительной концентрации внимания на большом объёме текста (Каримов, 2019). Особенности интернет-среды (преобладание визуальной подачи информации при минимизации текста, фрагментарность контента, высокая скорость его обновления) предъявляют повышенные требования к когнитивной сфере пользователя. В головном мозге возможна перегрузка блока приёма и переработки информации, что может привести к разрушению понимания наполняемости текста смыслом, изменению структуры познавательной деятельности, снижению интеллектуальной активности (Асмолов, Цветкова, Цветков, 2004).

Существует альтернативное мнение, согласно которому, веб-серфинг развивает когнитивные навыки личности. Однако Е.И. Медведская в исследовании когнитивных изменений у взрослых веб-пользователей установила, что позитивные изменения познавательных процессов являются случайными, а их появление прямо связывается с наличием у интернет-пользователя сформированных навыков целеполагания и самоконтроля (Медведская, 2022).

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующее определение информационной зависимости от Интернета. Информационная зависимость от Интернета – это форма нехимической аддикции, характеризующаяся навязчивым стремлением к длительному, неконтролируемому, микроцелевому поиску и потреблению разнородной информации из различных интернет-источников, сопровождающимся когнитивными и эмоциональными нарушениями.

В качестве основных признаков информационной зависимости от Интернета можно выделить: 1) эмоциональный подъём в процессе деятельности; 2) трудности своевременного завершения взаимодействия с сетью; 3) раздражённо-пониженный эмоциональный фон при вынужденном прекращении данной деятельности; 4)

ощущение потери идентичности при ограниченности доступа или невозможности обращения к интернет-ресурсам; 5) когнитивные изменения в виде фрагментарности восприятия, снижения способности к системному мышлению и ослабления произвольного внимания.

Литература

1. *Асмолов А.Г., Цветкова Н.А., Цветков А.В.* Психологическая модель интернет-зависимости личности // Мир психологии. 2004. № 1. С. 179–193.
2. *Войскунский А.Е.* Феномен зависимости от Интернета. М.: Можайск-Терра, 2000.
3. *Каримов А.Р.* Цифровой перегруз: трансформация когнитивных практик в эпоху Интернета // «Общество 5.0.» Парадоксы цифрового будущего. Материалы международной научно-образовательной конференции «VII Садыковские чтения». Казань, 2019. С. 81–94.
4. *Медведская Е.И.* Влияние Интернета на когнитивные функции взрослых пользователей // Вестник Брестского университета. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2022. № 1. С. 143–151.
5. *Менделевич В.Д.* Руководство по аддиктологии. СПб.: Речь, 2007.
6. *Панькин П.В., Иванов А.М.* Теоретико-понятийная основа информационной зависимости подростков // АНИ: педагогика и психология. 2017. № 4 (21). С. 147–150.
7. *Янг К.С.* Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24–29.
8. *Ioannidis J.* Problematic internet use as an age-related multifaceted problem: Evidence from a two-site survey// Addictive Behaviors. 2018. Vol.81. P. 157–166.

Взаимосвязь уровня эмоционального выгорания и социально-психологических характеристик сотрудников торгово-производственной организации

Румянцева Е.А., Литвинова Е.Ю.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
eskoreal.emm@mail.ru, elen.litvinova@ya.ru*

В условиях современных производственных предприятий особую значимость приобретает анализ взаимосвязи между стилем руководства, психологическим климатом в коллективе и уровнем выгорания персонала (Маслач, 2017).

Целью исследования – выявление различий в восприятии стиля руководства и психологического климата между отделами компании, а также оценка их связи с показателями профессионального выгорания.

Выборку составили 79 сотрудников трех отделов одной организации: продажи ($n = 25$), производство ($n = 21$) и служба готовой продукции (СГП, $n = 33$). Сбор данных проводился с использованием методик диагностики стиля руководства «Опросник для определения стиля руководства коллективом» автор (Журавлев, 1980), психологического климата (социальная поддержка, коллективное настроение, взаимоотношения) «Карта-схема изучения психологического климата коллектива» (модификация опросника Лутошкина, авторы Пергаменщик, Лепешинский, 2009) и профессионального выгорания (эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция профессиональных достижений). «Опросник выгорания» MBI (Маслач и Джексон, адаптированный Водопьяновой). Статистическая обработка выполнена в среде Jamovi с применением таблиц сопряженности, критерия χ^2 , корреляционного анализа Пирсона, непараметрического дисперсионного анализа Краскела–Уоллиса и попарных сравнений Данна.

Выявлены различия в восприятии стиля руководства между отделами ($\chi^2 = 34,2$; $df = 4$, $p < 0,001$). В отделе продаж преобладает коллегиальный стиль (92%), что, способствует развитию командной работы и делегирования полномочий (Белинская, 2018). На производстве доминирует директивный стиль (57,1%), а в СГП наблюдается наибольшая неоднородность: 30,3% респондентов

оценивают стиль как директивный, 30,3% – как коллегиальный и 39,4% – как попустительский.

Обнаружена взаимосвязь между компонентами выгорания и показателями психологического климата ($p < 0,001$). Общий индекс психологического климата имеет сильную отрицательную связь с системным индексом выгорания ($r = -0,608$), что подтверждает защитную роль благоприятной атмосферы в коллективе (Леонова, 2016). Все компоненты климата – социальная поддержка, коллективное настроение и взаимоотношения – тесно коррелируют друг с другом ($r = 0,65–0,89$), что, возможно, свидетельствует об их системной природе.

Результаты сравнения отделов по показателям психологического климата (критерий Краскела–Уоллиса) демонстрируют статистически значимые различия по коллективному настроению ($\chi^2 = 7,05$; $p = 0,029$, $\varepsilon^2 = 0,090$), взаимоотношениям ($\chi^2 = 11,60$; $p = 0,003$; $\varepsilon^2 = 0,149$) и общему индексу благоприятности климата ($\chi^2 = 8,42$; $p = 0,015$; $\varepsilon^2 = 0,108$). По шкале социальной поддержки различия выявлены на уровне тенденции ($p = 0,069$). Попарные сравнения показали, что ключевые различия сосредоточены между отделом продаж и СГП: сотрудники продаж оценивают взаимоотношения ($p = 0,002$) и общий климат ($p = 0,013$) значимо выше, чем сотрудники СГП.

Анализ профессионального выгорания также выявил значимые различия между отделами. По эмоциональному истощению ($\chi^2 = 14,53$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,186$), редукции профессиональных достижений ($\chi^2 = 18,49$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,237$) и системному индексу выгорания ($\chi^2 = 14,90$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,191$) различия статистически значимы. По деперсонализации наблюдается тенденция к различиям ($p = 0,061$). Попарные сравнения подтвердили, что уровень эмоционального истощения в СГП значимо выше, чем в продажах ($p < 0,001$), а редукция профессиональных достижений (то есть снижение ощущения успешности) в продажах значимо ниже, чем как на производстве ($p = 0,015$), так и в СГП ($p < 0,001$). Системный индекс выгорания в СГП значимо превышает показатели отдела продаж ($p < 0,001$).

Анализ описательных статистик позволяет уточнить характер выявленных различий. В отделе продаж зафиксированы наиболее благоприятные показатели климата (среднее по общему индексу 53,5) и наименьший уровень выгорания (системный индекс 0,381). Напротив, СГП демонстрирует наиболее неблагоприятные показатели: самый

низкий общий климат (среднее 46,5) и наибольший системный индекс выгорания (0,515), при этом стандартное отклонение по климату минимально (7,53), что указывает на однородность низких оценок в данном отделе. Производство занимает промежуточное положение, но отличается высокой вариативностью ответов, что может быть связано с многозвенной структурой и различиями между бригадами (Барабанщиков, 2020).

Полученные результаты согласуются с данными о связи стиля управления и психологического благополучия сотрудников (Шейнов, 2021). В отделе продаж коллегиальный стиль создает условия для высокой поддержки и позитивного настроения, что снижает риск выгорания. В СГП, где значительная доля сотрудников воспринимает стиль руководства как попустительский, а коммуникация с руководителем ограничена (водители в рейсах, взаимодействие через диспетчера), формируется неблагоприятный климат с высокими показателями истощения и деперсонализации. Производство, несмотря на преобладание директивного стиля, сохраняет умеренный уровень климата и выгорания, однако высокая вариативность указывает на необходимость дополнительного анализа внутригрупповых различий.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении зон риска, прежде всего в отделе СГП, где требуется адресное вмешательство: улучшение коммуникации между руководителем и сотрудниками, развитие командного взаимодействия и переход от попустительского стиля к более вовлеченному. В отделе производства, несмотря на отсутствие критических значений, имеется потенциал для повышения удовлетворенности сотрудников за счет внедрения элементов коллегиальности. Перспективой дальнейших исследований является анализ влияния конкретных управленческих практик на динамику климата и выгорания, а также расширение выборки для подтверждения тенденций, выявленных на уровне $p < 0,10$.

Литература

1. Барабанщиков В.А. (2020). Психология производственных отношений. М.: Институт психологии РАН.
2. Белинская Е.П. (2018). Социальная психология личности в организации. Психологические исследования, 11(58), с. 5–12.

3. *Водопьянова Н.Е.* (2008). Опросник «Профессиональное выгорание» (MBI)// Практикум по психологии менеджмента. СПб.: Питер. с. 178-188.
4. *Журавлев А.Л.* (1980). Опросник для определения стиля руководства коллективом// Методики социально-психологической диагностики личности и группы. М.: ИП РАН.
5. *Леонова А.Б.* (2016). Комплексные психологические технологии управления стрессом и оценка индивидуальной стресс-резистентности: опыт интеграции различных исследовательских парадигм. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, № 4, с. 46–58.
6. *Маслач К.* (2017). Профессиональное выгорание: как люди справляются. СПб.: Питер.
7. *Пергаменец Л.А., Лепешинский Н.Н.* (2009). Карта-схема изучения психологического климата коллектива (модификация опросника Лутошкина)// Психологическая диагностика. №4. С. 45-52.
8. *Шейнов В.П.* (2021). Стили руководства и их влияние на психологический климат в коллективе. Управление персоналом, № 3, с. 22–29.

Угрозы психологической безопасности в профессиональной деятельности педагога

Рыбакова Ю.А.

ФГБОУ ВО ИвГУ, Иваново, Россия

Шмелева Е.А.

ФГБОУ ВО ИвГУ, Иваново, Россия;

РУДН им.П.Лумумбы, Москва, Россия

yuliya.lvova.99@mail.ru, noc_shmeleva@mail.ru

Актуальность исследования психологической безопасности педагога обусловлена возрастающими требованиями к профессиональной деятельности педагога в условиях трансформации образовательной системы. Современная образовательная среда

предъявляет новые вызовы, связанные с внедрением инновационных технологий, изменением характера взаимодействия участников образовательного процесса и ростом психоэмоциональных нагрузок на педагогов. В этих условиях проблема сохранения психологической безопасности учителя приобретает не только личностное, но и социальное значение, поскольку от психического благополучия педагога напрямую зависит качество и успешность образовательного процесса.

Психологическая безопасность рассматривается в современной науке как состояние защищенности личности от угроз, обеспечивающее ее устойчивое развитие и возможность полноценного функционирования. В контексте профессиональной деятельности педагога психологическая безопасность включает в себя не только отсутствие прямых угроз, но и наличие условий для самореализации, профессионального роста и поддержания психического здоровья.

Цель статьи – конкретизировать угрозы психологической безопасности педагога.

Угрозы психологической безопасности в деятельности педагога определяются как реальные или потенциальные факторы профессиональной среды и деятельности, которые несут в себе риск деформации личности, развития профессионального стресса, синдрома выгорания и снижения эффективности труда.

В рамках концепции профессионального развития педагога Л.М. Митина указывает, что специфика педагогического труда (высокая эмоциональная напряженность, ответственность, необходимость постоянного общения) при отсутствии навыков саморегуляции приводит к истощению эмоциональных ресурсов. Это состояние рассматривается не просто как утомление, а как системная угроза целостности личности (Митина, 2004).

Будучи защитным механизмом, в профессиональной деятельности педагога выгорание становится деструктивным фактором (угрозой), провоцирующим безразличие к партнерам по общению, цинизм и редукцию профессиональных достижений (Бойко, 1996).

В концепции И.А. Басовой ключевой угрозой психологической безопасности педагога выступает психологическое насилие в системе межличностных отношений. Данная угроза носит внешний характер и проявляется в формах административного давления, публичной

негативной оценки деятельности, отсутствия поддержки со стороны руководства, а также в конфликтном взаимодействии с родителями обучающихся и самими учениками. Незащищенность педагога от психологического насилия блокирует его способность создавать безопасную среду для учащихся (Баева, Гаязова, 2012). В свою очередь, Х. Лэйманн угрозой психологической безопасности также считает психологическое насилие – длительное враждебное и неэтичное поведение, направленное на унижение достоинства или профессиональной компетентности педагога со стороны коллег или администрации, включающее вербальную агрессию, социальную изоляцию, распространение порочащих сведений.

Стагнация в профессиональном развитии рассматривается Э.Ф. Зеером как фактор, снижающий адаптационный потенциал личности и делающий педагога уязвимым для стресс-факторов. Кроме того, исследователь указывает на угрозу ролевых конфликтов, возникающих из-за противоречивых требований общества, администрации и семьи к личности учителя (Зеер, 2003).

Современные исследователи (Е.Н. Волкова, Т.В. Драганова) также акцентируют внимание на коммуникативных перегрузках и высоком уровне социальной ответственности как специфических угрозах. Несоответствие психофизиологических ресурсов педагога предъявляемым к нему требованиям (информационным, методическим, коммуникативным) создает ситуацию хронического стресса, который разрушает психологическую безопасность субъекта труда (Волкова, 2011).

Н.И. Кольчугиной выявлено, что угрозы психологической безопасности педагога связаны с угрозами общественного характера, интенсификации труда, межличностного характера, цифровизации образования (Кольчугина, 2023).

Таким образом, угрозы психологической безопасности представляют собой комплекс внешних (организационные условия, психологическое насилие, социальное давление) и внутренних (профессиональная деформация, выгорание, личностные кризисы) факторов, требующих системной работы по их нивелированию.

Литература

1. *Баева И.А., Волкова Е.Н., Лактионова Е.Б.* Психологическая безопасность образовательной среды: развитие личности. СПб.: Нестор-История, 2011. 271 с.
2. *Баева И.А., Гаязова Л.А.* Психологическая безопасность образовательной среды школы и ее психолого-педагогическое сопровождение. Психологическая наука и образование psyedu.ru, 4(3). URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n3/55542 (дата обращения: 12.03.2026).
3. *Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информационно-издательский дом «Филинъ», 1996.
4. *Зеер Э.Ф.* Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб., доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 336 с.
5. *Кольчугина Н.И., Пузырева Н.А.* Психологическая безопасность педагога-психолога: опыт фокус-группового исследования // Научный поиск: личность, образование, культура. 2023. № 1(47). С. 42-51. <https://doi.org/10.54348/SciS.2023.1.6>
6. *Митина Л.М.* Психология труда и профессионального развития учителя: учеб. пособие. Москва: Академия, 2004. 318 с.

Интегративная модель цифровой идентичности: психологические механизмы формирования в цифровой среде

Рыбина С.А.

*ФГБОУ ВО СФУ, Красноярск, Россия
sarybina@gmail.com*

В условиях цифровизации социального пространства проблема формирования цифровой идентичности приобретает особую актуальность и требует переосмысления в рамках современных

психологических подходов. Цифровая среда выступает не только пространством коммуникации, но и средой конструирования и репрезентации Я.

Теоретическую основу исследования составляют классические и современные концепции идентичности, рассматривающие ее как интегративное образование, формирующееся во взаимодействии когнитивных, эмоциональных и регулятивных компонентов (Эриксон, 1996; Марсия, 1993). Современные исследования подчеркивают самостоятельность цифровой идентичности как психологического конструкта, формирующегося в процессе цифровой самопрезентации и социальной валидации (Granic, 2020; Robles-Carrillo, 2024; Неврюев и др., 2025).

Цель исследования – разработка и эмпирическая проверка интегративной модели цифровой идентичности на основе анализа цифровых следов пользователей социальных сетей. Эмпирическая база включает выборку пользователей социальной сети ВКонтакте ($N = 1319$), для которых были проанализированы текстовые, поведенческие и метаданные. Сбор данных осуществлялся через официальный API ВКонтакте с соблюдением этических норм.

Выделены четыре компонента цифровой идентичности: когнитивный, эмоциональный, регулятивный и мотивационный. Для анализа цифровых следов применялись методы обработки естественного языка и машинного обучения. Интеграция компонентов осуществлялась с использованием обученной модели, позволяющей рассчитывать интегративный коэффициент цифровой идентичности.

Результаты показали, что ведущую роль играет когнитивный компонент, обеспечивающий смысловую организацию цифрового опыта. Эмоциональный компонент выполняет медирующую функцию, регулятивный отвечает за устойчивость поведения, а мотивационный – за направленность активности.

Анализ структуры выявил доминирование когнитивного компонента (более 60%), а также значимое взаимодействие когнитивного и эмоционального компонентов (12,2%) и медирующую роль эмоционального компонента (19,7%).

Кластерный анализ позволил выделить типы цифровой идентичности (лидеры, активные, пассивные, дезинтегрированные), различающиеся по степени интеграции компонентов. Показано, что

высокий уровень интегративности связан со структурированностью и осмысленностью цифровой активности.

Результаты согласуются с современными исследованиями, рассматривающими цифровую идентичность как многоуровневый конструкт (Granić, 2020; Nash, 2023; Неврюев и др., 2025; Белинская, 2018; Микляева и др., 2021). Установлено, что целостность цифровой идентичности обеспечивается согласованным функционированием когнитивного и эмоционального компонентов (Hu et al., 2022; Tei, 2025).

Практическая значимость заключается в возможности использования модели для анализа и типологизации пользователей на основе цифровых следов. Ограничения связаны с использованием одной платформы и особенностями методов автоматического анализа.

Таким образом, цифровая идентичность представляет собой иерархически организованную многокомпонентную систему с доминирующей ролью когнитивного компонента.

Литература

1. Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Сборник научных статей и материалов международной конференции. Коломна, 2018. С. 43–48.
2. Микляева А.В., Проект Ю.Л., Хороших В.В. Мета-аналитическое исследование ценностного самоопределения российского студенчества на различных этапах информатизации общества // СибСкрипт. 2021. № 4 (88). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meta-analiticheskoe-issledovanie-tsennostnogo-samoopredeleniya-rossiyskogo-studentstva-na-razlichnyh-etapah-informatizatsii> (дата обращения: 30.03.2026).
3. Неврюев А.Н., Самородов Н.В., Смирникова О.В. Онлайн-идентичность как психологический феномен: современные подходы и эмпирические исследования // Современная

- зарубежная психология. 2025. Т. 14. № 2. С. 85–94.
<https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140209>
4. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Цифровые предикторы психологического благополучия молодежи в реальном и виртуальном мирах // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2025. Т. 48. № 1. С. 78–100. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-04>
  5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
  6. Granic I. Beyond screen time: Identity development in the digital age // Psychological Inquiry. 2020. Vol. 31. № 3. P. 195–223. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2020.1820214>
  7. Heiskari M. Technological identity and psychological needs // Computers in Human Behavior. 2025. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2025.102926>
  8. Hu C., Cao R., Huang J., Wei Y. The effect of self-discrepancy on online behavior: A literature review // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Article 883736. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.883736>
  9. Nash K. Exploring the impact of self-concept and IT identity on social media influencers' behavior: A focus on young adult technology features utilization // International Journal of Human-Computer Interaction. 2023. <https://doi.org/10.1080/10447318.2023.2271235>
  10. Robles-Carrillo M. Digital identity: an approach to its nature, concept, and functionalities // International Journal of Law and Information Technology. 2024. Vol. 32. № 1. Article eaae019.
  11. Tei S., Fujino J., Murai T. Navigating the self online // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Article 1499039. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1499039>

Формирование профессиональной идентичности психолога в процессе обучения

Рыжкова Л.Ю., Егоренко Т.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

lisich4ki@mail.ru, egorenkota@mgppu.ru

Для национального процветания, наращивания потенциала и инновационного развития любой страны ключевым сегментами являются обеспечение стабилизации человеческих ресурсов и способствование повышению экономической активности. Поддержание этих сегментов подразумевает разработку и внедрение структурированного комплексного процесса обучения на протяжении всей жизни и мониторинга этого процесса. По этой причине возрастает и актуальность исследования формирования профессиональной идентичности в процессе обучения по причине того, что ее можно рассматривать, как один из основных маркеров личностного развития специалиста в любой профессиональной сфере деятельности (Тимофеева, Солянкина, 2020).

Исключительно актуальна профессиональная идентичность для таких профессиональных сфер деятельности, которые непосредственно ориентированных на оказание помощи людям, прежде всего для психологов – практиков (Егоренко, 2025; Шнейдер, 2020). Данная проблема интересовала Ю.Ю. Стрельникову, Л.Б. Шнейдер и др.

Ослабление общественных норм и потеря духовных ориентиров, обесценивание и размывание ценностного содержания, угасание стремления и инициативы, фактическая интегральная целостность личной и профессиональной идентичности психолога – практика, широкий спектр организаций, предоставляющих возможность получения данной профессии, требования которых к базовым знаниям и умениям значимо разнятся, опосредуя возникновение амбивалентности, неоднозначности и расплывчатой неопределенности, значимо усложняющих формирование профессиональной идентичности психолога-практика в процессе обучения (Стрельникова, 2019; Выготский, 2023).

Формирование профессиональной идентичности специалиста в процессе обучения подробно рассматривается в работах Т.А. Егоренко, Л.Е. Солянкину, Т.С. Тимофееву, Л. Б. Шнейдер, П. Р. Юсупова и др.

Однако исследований, включающих оба этапа профессионального развития психолога-практика в контексте становления его идентичности, недостаточно.

Целью данного исследования является выявление специфики формирования профессиональной идентичности психолога-практика в процессе обучения.

Гипотеза исследования представлена следующим предположением: существуют особенности формирования профессиональной идентичности психолога-практика в процессе обучения.

Было обследовано 40 психологов-практиков женского пола в процессе обучения на Базовом курсе эмоционально-образной терапии (ЭОТ) и на базовом курсе и курсе «Работа с образом Внутреннего Ребенка в ЭОТ».

В качестве диагностического инструментария были использованы: методика исследования профессиональной идентичности (МИПИ) Л.Б. Шнейдер; опросник «Удовлетворенность профессией» А. Киссель; «Оценка доверия к себе» Т.П. Скрипкина; Самооценка профессиональных качеств и компетенций личности Т.С. Тимофеевой. В работе использовались непараметрические статистические методы – критерии U Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции ρ Спирмена. Статистическая обработка результатов была проведена в программе IBM SPSS Statistics 23.

На основании полученных результатов можно констатировать, что: полная координация механизмов идентификации и обособления не зависимо от этапа обучения характерна почти для половины психологов-практиков. У трети психологов-практиков к концу обучения формируется гиперидентичность за счет тотального поглощения статусом, ролью, работой, высоко положительной оценки собственных качеств и стремления достичь цели любыми средствами и низкой рефлексией. Количество психологов-практиков, у которых в начале обучения фиксировался кризис идентичности, к концу обучения снижается посредством решения основных жизненных задач и потребностей на приемлемом уровне, достаточной поддержки, социальных контактов, близких отношений, опосредующих

формирование оптимального уровня профессиональной идентичности. Это подтверждает основную гипотезу исследования о существовании особенностей формирования профессиональной идентичности психолога-практика в процессе обучения.

Определено, что не существует особенностей формирования профессиональной идентичности психолога-практика в процессе обучения у респондентов с разным уровнем базового образования. При сравнении показателей профессиональной идентичности психологов-практиков, обучающихся на базовом курсе и на курсе «Внутренний ребенок» с разным уровнем базового образования, достоверных различий не обнаружено.

При сравнении показателей удовлетворенности профессией психологов-практиков, обучающихся на базовом курсе и на курсе «Внутренний ребенок», достоверных различий не обнаружено. Это подтверждает частную гипотезу об отсутствии различий профессиональной идентичности психолога-практика в процессе обучения у респондентов с разным уровнем удовлетворенности профессией.

Установлено, что доверие к себе в профессиональной деятельности, в интеллектуальной сфере и общий показатель доверия к себе возрастают по мере повышения уровня профессиональной идентичности. Показатель доверия к себе в умении интересно проводить досуг изменяется нелинейно. Подтверждено предположение о существовании различий профессиональной идентичности психолога - практика в процессе обучения у респондентов с разным уровнем оценки доверия к себе.

Показано, что количество связей профессиональной идентичности с показателями удовлетворенности профессией, доверия к себе и профессиональными качествами и компетенциями у психологов-практиков к концу обучения увеличивается.

Результаты исследования могут быть применены в процессе обучения при преподавании таких учебных дисциплин, как «Групповые формы практической психологической работы» и «Профконсультирование», а также при проведении групповых занятий и индивидуальных консультаций в качестве осуществления практической деятельности психолога-практика.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. М.: ЁЁ Медиа, 2023.
2. *Егоренко Т.А.* Становления психолога на этапе профессиональной подготовки. Современная зарубежная психология, 2025.
3. *Стрельникова Ю.Ю.* Исследование феномена профессиональной идентичности в различных направлениях психологической науки // Пенитенциарная наука, 2019.
4. *Тимофеева Т.С., Солянкина Л.Е.* Социально-психологические факторы формирования профессиональной идентичности на примере профессии психолога // Мировые цивилизации, 2020.
5. *Шнейдер Л.Б.* Психология идентичности: учебник и практикум для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.
6. *Юсупов П.Р.* Психологические характеристики профессиональной идентичности студентов психологов // Психолог, 2017.

Связь представлений об отношениях со старшим сиблингом и романтическим партнером у юношей и девушек 18–25 лет

Рябокуль Е.С., Булыгина М.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
riabokul@yandex.ru, buluginamv@mgppu.ru,*

Период ранней зрелости характеризуется активными попытками юношей и девушек построить романтические отношения, на качество и особенности которых способно влиять множество факторов. Помимо основных и часто встречающихся характеристик, таких как детско-родительские взаимоотношения и сформированный тип привязанности, значимую роль играет опыт сиблинговых отношений. В последние годы становятся популярными исследования, направленные на изучение связи качества сиблинговых взаимоотношений в детстве с особенностями построения романтических и семейных взаимоотношений во взрослом возрасте

(Алмазова, 2013; Булыгина, 2021; Баскаева, 2021; Шевцова, 2022; Gilligan, Stocker, Tricia, 2024).

Исследования показали, что наличие такого опыта взаимоотношений, особенно с сиблингом противоположного пола, играет одну из ключевых ролей в формировании навыков построения отношений со сверстниками, в процессе социализации в целом. Старший сиблинг противоположного пола оказывается не только авторитетом и примером для подражания, но и образцом, который во многом хотелось бы видеть в романтическом партнере.

В пилотном исследовании приняли участия 32 человека (9 юношей и 23 девушки), имеющие минимум одного старшего сиблинга противоположного пола, каждый из респондентов состоял в романтических отношениях на момент исследования не менее года (средний срок отношений – 35 месяцев). Методики: социально-демографическая анкета; «Диагностика сиблингового общения» (Кравцова, 2003); «Шкала сиблинговых отношений на протяжении жизни» (Алмазова, 2015); «Диагностика супружеского общения» (Алешина, Гозман, Дубовская, 1987); «Краткая версия Шкалы аутентичности в отношениях» (Лопес, Райс, Робинсон, 2013). Результаты были проанализированы при помощи критерия Уилкоксона, Манна–Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Было обнаружено, что 22 респондента описывают свои отношения со старшим сиблингом как близкие (8 юношей и 14 девушек), а 10 – как дистантные (1 юноша и 9 девушек). Это позволило провести сравнительный анализ представлений о романтическом партнере в указанных группах.

Выявлено, что респонденты оценивают качество отношений со старшим сиблингом (доверительность, взаимопонимание, легкость общения) значительно выше, чем с романтическим партнером. Это характерно как юношей, так и для девушек (критерий Уилкоксона, $p \leq 0,001$ по большинству шкал).

Корреляционный анализ показал, что в группе респондентов с *близкими* сиблинговыми отношениями было выявлено, что высокий уровень взаимопонимания со старшим сиблингом способствует большей доверительности в отношениях с партнером ($r = 0,551$; $p = 0,008$). При этом выраженное сходство взглядов с сиблингом, напротив,

может снижать оценку взаимопонимания с романтическим партнером ($r = -0,434$; $p = 0,044$).

В группе респондентов с *дистантными* сиблинговыми отношениями было обнаружено, что низкий уровень доверия к старшему сиблингу компенсируется более высоким уровнем взаимопонимания и открытости в романтических отношениях ($r = -0,654$; $p = 0,04$). Прослеживается связь психотерапевтичности общения в обоих видах взаимоотношений ($r = -0,873$; $p = 0,001$).

Также было показано, что у юношей высокий уровень доверия к старшей сестре связан с большим сходством взглядов с партнершей ($r = 0,688$; $p = 0,04$), в то время как низкий уровень взаимопонимания с сестрой компенсируется высокой доверительностью к партнерше ($r = -0,718$; $p = 0,029$). У девушек трудности в общении со старшим братом связаны с более высоким уровнем взаимопонимания с романтическим партнером ($r = -0,424$; $p = 0,044$).

Полученные данные подтверждают значимость опыта сиблинговых отношений для построения романтических отношений в возрасте ранней зрелости. Более высокая оценка качества отношений с сиблингом по сравнению с романтическими отношениями объясняется тем, что старший сиблинг является фигурой, с которой уже удалось выстроить долговременные, стабильные и проверенные временем отношения, в отличие от партнера, отношения с которым находятся на этапе активного формирования и могут восприниматься как менее предсказуемые и понятные.

В близких сиблинговых отношениях взаимопонимание выступает ресурсом для построения доверительных отношений с партнером, в то время как сильное сходство взглядов может создавать неосознаваемые ожидания, которые партнер не всегда способен оправдать.

При дистантных сиблинговых отношениях прослеживается компенсаторный механизм: недостаток доверия и взаимопонимания с сиблингом восполняется за счет более активного и осознанного построения этих качеств в диаде с партнером. Обнаруженная связь психотерапевтичности общения в обоих видах взаимоотношений может говорить о том, что романтические отношения нередко становятся как продолжением, так и попыткой воспроизвести или преобразить опыт, полученные ранее в общении с сиблингом.

Полученные гендерные различия также подчеркивают определенную специфику роли опыта отношений со старшим сиблингом противоположного пола для юношей и девушек.

Литература

1. Алмазова О.В. Особенности образа взрослого сиблинга // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. С. 3.
2. Булыгина М.В. Сиблинговые отношения и их роль в жизни человека // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 4. С. 147–156.
3. Баскаева О.В. Основные направления сиблинговых исследований // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 2. С. 96–115.
4. Шевцова, Е.А. Проблема сиблингов в психологических исследованиях / Е. А. Шевцова // Молодежная наука: тенденции развития. – 2022. – № 1. – С. 53–62.
5. Gilligan M., Stocker C.M., Tricia N. The Influence of Sibling Relationship Quality on Emotional Distress From Adolescence to Early Midlife [Электронный ресурс] // Journal of Family Psychology. 2024. URL: <https://www.researchgate.net/publication/378399927>.

Социально-психологические детерминанты отношения личности к социальным роботам: ценностный профиль и личностные особенности пользователя

Саенко А.Ю., Кисляков П.А.

ФГБУН «ЦИПБ РАН», Москва, Россия

Тучина Е.М.

ФГБОУ ВО РГСУ, Москва, Россия

a.y.saenko@yandex.ru, kisliakovpav@yandex.ru

Стремительная эволюция технологий искусственного интеллекта (ИИ) и их масштабная интеграция в различные отрасли трансформируют сферу взаимодействия человека и машины (Акимова, 2020). Социальная робототехника, использующая системы сильного

ИИ, нацелена на создание высокореалистичных моделей коммуникации в повседневных ситуациях. При этом восприятие таких систем во многом опосредовано субъективным анализом негативных социальных последствий, которые могут возникнуть в результате их распространения (Нестик, Журавлев, 2018).

Кроме того, развитие высокофункционального ИИ актуализирует склонность пользователей к антропоморфизму (наделению алгоритмов качествами живого существа) (Цвык, Цвык, 2022).

В работах Н.Н. Зильберман и М.А. Стефанцовой социальный робот интерпретируется как аппаратный комплекс, обладающий интерфейсом для осуществления социальной коммуникации (Зильберман, Стефанцова, 2016).

Разработанные для социального взаимодействия с людьми и их ориентация на помощь человеку в быту диктует дизайн социальных роботов: они часто копируют внешний вид и ментальные паттерны человека, что облегчает их внедрение в привычный жизненный уклад пользователей (Spaccatini, Corlito, Sacchi, 2023).

В отличие от нематериального программного обеспечения, социальные роботы являются физически осязаемыми автономными системами. Наличие «тела» позволяет им реализовывать сложные социальные сценарии и имитировать эмоциональные реакции, что коренным образом меняет динамику их восприятия человеком (Neumann et al., 2023).

В России сегодня гуманоидные модели находят применение в качестве консультантов торговых площадок и сотрудников центров предоставления государственных услуг (Зильберман, 2019).

Таким образом, для социальной психологии становятся актуальными вопросы изучения особенностей взаимодействия личности и групп с роботами, являющимися по своей сути объектами, но способными имитировать социальные и психологические элементы.

Для того, чтобы изучить социально-психологические детерминанты, связанные с отношением личности к роботам нами было проведено эмпирическое исследование. Целью нашей работы была проверка гипотезы о взаимосвязи отношения к роботам с ценностным профилем личности и осознанием скорости социальных процессов.

В исследовании приняли участие 78 человек (из них 57 женщин) в возрасте от 17 до 48 лет. Средний возраст составил 24,63 лет ($SD = 6,84$).

Нами использовались следующие психодиагностические методики: Портретный *ценностный* опросник Ш. Шварца (PVQ-21), Методика «Отношение к скорости социальных процессов (А.Н. Демин, А.В. Степанова) и Многомерная шкала отношения к роботам (в адаптации В.А. Акмаева).

Проведенный нами корреляционный анализ (метод ранговой корреляции Спирмена) позволил обнаружить следующие взаимосвязи. Более выраженная убежденность в необходимости того, чтобы робот был внешне привлекательным положительно связана ценностями безопасность ($r = 0,310$; $p = 0,006$), самостоятельность ($r = 0,243$; $p = 0,032$), гедонизм ($r = 0,278$; $p = 0,014$), достижение ($r = 0,324$; $p = 0,004$), благожелательность ($r = 0,473$; $p \leq 0,001$) и универсализм ($r = 0,404$; $p \leq 0,001$). Большая убежденность в том, что робот может выполнять социальные функции (быть собеседником, обладать чертами, свойственными человеку) положительно связана с ценностями самостоятельность ($r = 0,235$; $p = 0,038$), гедонизм ($r = 0,268$; $p = 0,018$), благожелательность ($r = 0,245$; $p = 0,031$) и универсализм ($r = 0,226$; $p = 0,046$). Уверенность в собственных навыках по управлению роботом прямо связана с ценностями самостоятельность ($r = 0,250$; $p = 0,027$), благожелательность ($r = 0,429$; $p \leq 0,001$), универсализм ($r = 0,383$; $p = 0,001$) и обратно связана с осознанием социального ускорения ($r = -0,237$; $p = 0,036$). Наконец, большее ожидание социально поддержки (близких) при использовании робота положительно коррелирует с ценностями самостоятельность ($r = 0,256$; $p = 0,024$), благожелательность ($r = 0,382$; $p = 0,001$), универсализм ($r = 0,261$; $p = 0,021$) и обратно связана с осознанием ($r = -0,312$; $p = 0,005$) и неприятием ($r = -0,265$; $p = 0,019$) социального ускорения.

Таким образом, результаты показывают, что принятие социальных роботов во многом базируется на этическом и гуманистическом фундаменте (высокая роль благожелательности и универсализма). Робот для респондентов представляет собой потенциального «партнера по взаимодействию», который должен быть привлекательным и понятным. Однако люди, ощущающие чрезмерный темп перемен, чувствуют себя менее компетентными и более изолированными в вопросах использования робототехники. Таким образом, успешная

интеграция роботов зависит не столько от технических характеристик, сколько от психологического комфорта пользователей и их способности сохранять чувство контроля в быстро меняющемся мире.

Литература

1. *Акимова А.Ю.* Доверие и недоверие человека технике: Социально-психологический подход. Москва: ИП РАН, 2020.
2. *Зильберман Н.Н.* Робот в социальном взаимодействии: эффект новизны // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10, № 2. С. 142-154.
3. *Зильберман Н.Н., Стефанцова М.А.* Социальный робот как интерфейс // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 76-86.
4. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. Москва: ИП РАН, 2018.
5. *Цвык В.А., Цвык И.В.* Социальные проблемы развития и применения искусственного интеллекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 1. С. 58-69.
6. *Neumann M.M., Koch L.-C., Zagami J., Reilly D., Neumann D.L.* Preschool children's engagement with a social robot compared to a human instructor // Early Childhood Research Quarterly. 2023. Vol. 65. P. 332-341.
7. *Spaccatini F., Corlito G., Sacchi S.* New dyads? The effect of social robots' anthropomorphization on empathy towards human beings // Computers in Human Behavior, 2023. Vol. 146. P. 1-9.

Трансформация психологической структуры лидерства в младшем школьном возрасте: лонгитюдное исследование

Салохиддинова М.Ш.

Школа «Лидер», Ташкент, Республика Узбекистан

Молчанов С.В.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

kudrathodjaeva@list.ru, s-molch2001@mail.ru

Изучение темы лидерства в детском коллективе является одной из центральных в возрастной и общей психологии (Беспалов, 2021; Войсковая, 2021). В классическом смысле лидерство преимущественно

рассматривается, с одной стороны, через уровень проявления соответствующих черт и качеств лидера, а с другой стороны – через положение ребенка в системе межличностных отношений. Несмотря на большой объем имеющейся литературы, вопрос о структуре лидерства остается недостаточно изученным.

В изучении вопросов лидерства во внимание берется изучение количественных показателей, в то время как качественные изменения механизмов лидерства остаются в тени.

При переходе обучающихся из начальной школы в среднее звено мы наблюдаем не просто смену кабинетов, а значительный скачок в развитии личности. Анализ литературы последних лет показывает, что именно в этот период идет глубокая перестройка самого механизма лидерства. В первом классе, в возрасте 7–8 лет, лидерство несет в себе экспрессивный характер. В коллективе ребенка замечают благодаря его непосредственной активности, ярким проявлениям эмоций и обладанием привлекательных предметов (игрушки). Исследователи отмечают, что в этом возрасте именно на внешние факторы аттрактивности и опирается лидерство (Дроздова, Кравцова, 2020; Бочанцева, Сосновская, 2022). С возрастом (10–11 лет) ситуация ощутимо меняется. Лидером теперь является не тот, «кто громче всех говорит», а тот, кто обладает признанием сверстников и имеет высокий социометрический статус. Умение ребенка выстраивать дружеские связи и соответствовать ожиданиям группы определяет его как лидера (Костылева, 2023).

Целью нашего исследования стало выявление особенностей трансформации структуры лидерства у одних и тех же учащихся в период перехода от 1 к 5 классу. Замеры были проведены дважды: в первом и в пятом классе.

Основная гипотеза: лидерство в младшем школьном возрасте претерпевает преимущественно качественные изменения, выражающиеся в перестройке системы его психологических и социальных детерминант.

В исследовании приняли участие 45 школьников из частных и государственных школ.

Для проверки выдвинутой гипотезы были использованы следующие методические средства.

- Методика Дембо-Рубинштейн с 6 шкалами: стремление к лидерству, желание и нежелание командовать, социальная активность, самооценка: «хороший» и «плохой» ученик, коммуникативность, авторитет и организаторские навыки.
- Методика Рене Жиля (пункты со шкалой «Доминирование, лидерство в группе детей», карточки 20, 21, 22, 23, 39 для выявления лидерских качеств).
- Социометрическая методика «Два домика» (Т.Д. Марцинковская).

Результаты исследования выявили количественную динамику показателей. Парный t -критерий Стьюдента показал отсутствие статистически значимых изменений общего показателя лидерства по методике Рене Жиля ($p = 0,135$). Вместе с тем выявлены значимые изменения по ряду характеристик: снижение стремления к командованию ($p = 0,003$), изменение показателя «хороший ученик» ($p = 0,01$), снижение показателя «уважение в классе» ($p = 0,04$) и выраженное снижение количества социометрических упоминаний ($p = 0,0004$).

Таким образом, количественный уровень лидерства в целом сохраняется, однако социальный контекст и способы его проявления изменяются.

Анализ корреляционных связей выявил принципиальные различия в механизмах лидерства на разных возрастных этапах.

Если говорить о лидерстве в первом классе, то оно положительно связано с общительностью ($r = 0,50$), отрицательно – с самооценкой ($r = -0,567$), отрицательно – с количеством друзей ($r = -0,385$). Связь с показателем «уважение в классе» минимальна ($r = 0,066$). Полученные данные свидетельствуют о том, что в младшем школьном возрасте лидерство носит преимущественно эмоционально-коммуникативный и ситуативный характер и не всегда совпадает с высоким социометрическим статусом.

При анализе трансформации лидерства в пятом классе зафиксирована перестройка его корреляционной структуры. Взаимосвязь между лидерским качеством и поведенческой активностью практически отсутствует ($r = 0,03$), а корреляция с общительностью демонстрирует выраженную тенденцию к ослаблению ($r = 0,102$). Напротив, ведущими детерминантами

лидерства становятся социометрические показатели: выявлен рост сопряженности лидерства с количеством друзей ($r = 0,0343$) и общим числом упоминаний в группе ($r = 0,333$). Таким образом, лидерство в 10–11 лет в большей степени соотносится с системой межличностных отношений и социальным признанием в группе.

По результатам исследования мы можем говорить о подтверждении гипотезы о качественной перестройке феномена лидерства при переходе от младшего школьного возраста к подростковому. По выявленным данным лидерство определяется в 7–8 лет через коммуникативную активность, а к 10–11 годам замещается социально-опосредованной моделью, ориентированной на групповой статус. Результаты исследования подтверждают гипотезу о возрастной трансформации психологической структуры лидерства как закономерном этапе социального созревания личности.

Литература

1. *Беспалов Д.В.* Возрастные особенности динамики лидерства в школьных классах // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 2 (58). С. 278–284. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 26.02.2024).
2. *Бочанцева Л.И., Сосновская А.И.* Развитие качеств лидера у подростков на тренинговых занятиях в школе // Инновационная наука. 2022. № 5-2. С. 158–161.
3. *Войсковая Ю.О.* Развитие лидерских качеств у детей младшего школьного возраста // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики. 2021. № 1. С. 42–45.
4. *Дроздова Н.В., Кравцова А.А.* Феномен лидерства в младшем школьном возрасте // Психологические исследования: сборник научных трудов / под ред. А.Л. Журавлева. Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2020. С. 112–118.
5. *Костылева Д.А.* Формирование лидерских качеств у младших школьников // Наука и образование. 2023. № 4. С. 89–93.

Цифровое детство: предварительные результаты анализа научных трендов

Самородов Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

samorodovnv@mgppu.ru

Современное детство представляет собой качественно новую социально-психологическую реальность, в которой цифровая среда выступает онтологическим пространством развития высших психических функций ребенка. Ввиду трансформации социальной ситуации развития под влиянием технологий (Смирнова и др., 2022) возникает потребность в уточнении самого понятия детства. Становится возможным говорить о т.н. «цифровом детстве» как о потенциально самостоятельном феномене. При этом граница цифрового детства методологически остается недостаточно определенной.

В рамках программы «Приоритет 2030» Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ) разрабатывает проект «Развитие сервисов по обеспечению доступности результатов научных исследований на базе информационных и издательских ресурсов МГППУ», частью которого является сервис анализа научных трендов (САНТ), представленный на конференции Science Analytics 2026 (Шведовская, Косяков, Пономарева, 2026). САНТ основан на методе тематического моделирования BERTopic (Grootendorst, 2022) и позволяет на базе массива метаданных публикаций – заглавий и аннотаций, а также цитируемости, авторства, аффилиаций и метрик журналов – сформировать тематические кластеры и рассчитать для них два показателя: *Impact* – условно научная значимость, и *Impulse* – динамика масштаба темы. Благодаря данным метрикам получается определить научные тренды в изучаемой области: что исследуют, что из этого привлекает внимание научного сообщества, и насколько последнее разнообразно.

Взяв за методологическую основу исследования прототип САНТ, мы задались целью описать семантическое поле цифрового детства на данных международной базы научного цитирования OpenAlex. Процедура формирования выборки документов, гиперпараметры

используемых в САНТ моделях, подробное описание результатов и визуализация данных опубликованы в блоге Электронной библиотеки МГППУ (Самородов, 2026). Оригинальный прототип САНТ и его версия по цифровому детству доступны из Цифрового пространства МГППУ. Здесь же отметим наиболее важное отличие проводимой нами процедуры BERTopic от представленной в литературе (Grootendorst, 2022): для формирования репрезентаций кластеров вместо подхода, основанного на метрике TF-IDF, использовалась локальная языковая модель Gemma 3 27B, которая генерировала на английском языке название и описание каждого кластера, исходя из заголовков и аннотаций 10 наиболее релевантных ему статей.

В результате 4583 из 5303 публикаций были разделены на 19 кластеров. Размер кластеров варьируется от 99 до 545 документов. Содержательный анализ репрезентаций позволяет выделить три большие группы: 1) темы, посвященные преимущественно детям (10 кластеров, 2605 документов), 2) преимущественно подросткам (6 кластеров, 1560 документов), и 3) как детям, так и подросткам (3 кластера, 418 документов). При этом несмотря на количественный перевес тематик, связанных с детьми, в среднем темы, посвященные подросткам, имеют более высокие значения метрик Impact и Impulse, что говорит как о большем внимании к данным публикациям, так и о более широком круге авторов, пишущих об этом.

Остановимся на тематических кластерах с экстремальными значениями метрик Impact и Impulse (оценки приведены в z-шкале, а названия – в авторском переводе). Так, самой значимой темой оказалась «*Раннее детство и время, проводимое за экраном*» ($z_{Impact} = 1,72$, $z_{Impulse} = 0,66$), а наименее (относительно данной выборки документов) – «*Время, проведенное за экраном, и развитие ребенка*» ($z_{Impact} = -2,09$, $z_{Impulse} = 0,77$). Такой результат, с одной стороны, является артефактом обработки данных (семантически темы де-факто идентичны), а с другой – показывает регионально-языковую специфику: второй кластер представлен в основном испано- и португалоязычными работами южноамериканских исследователей (другие тематики таких особенностей не проявляют). Следующая же по возрастанию значимости тема – «*Обучение через игру в раннем детстве*» (англ. Play-Based; $z_{Impact} = -1,64$, $z_{Impulse} = 0,09$). Самая динамичная тема, вовлекающая наибольшее число исследователей – «*Путание*

молодежи и влияние медиа» ($z_{Impact} = 0,67$, $z_{Impulse} = 1,07$), а наименее – «Расстройства аутистического спектра и нейроразвитие у молодежи» ($z_{Impact} = 0,34$, $z_{Impulse} = -2,63$).

Проведенное нами исследование семантического поля цифрового детства позволяет предположить наличие противоречия между текущей ориентацией научного сообщества на изучение собственно детства при растущем интересе к проблемам подростков. Полученные данные указывают на возрастающую потребность в изучении влияния цифровой среды на переходный возраст, что может стать перспективным направлением для дальнейших исследований, и в то же время на необходимость популяризации тем, связанных с психологией детей младших возрастов.

Литература

1. *Самородов Н.В.* Карта цифрового детства: описание результатов пилотажного исследования [Электронный ресурс] // Электронная библиотека МГППУ. М., 2026. URL: <https://psychlib.ru/resource/guide/273.html> (дата обращения: 09.04.2026).
2. *Смирнова С.Ю., Клопотова Е.Е., Рубцова О.В., Сорокова М.Г.* Особенности использования цифровых устройств детьми дошкольного возраста: новый социокультурный контекст // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 2. С. 177–193. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130212>
3. *Шведовская А.А., Косяков Д.В., Пономарева В.В.* Тематическое картирование и оценка научных трендов в психологии на основе семантической кластеризации публикаций [Электронный ресурс]: [Презентация] // Science Analytics 2026: статистика, аналитика и оценка научных исследований: [Научно-практическая конференция]. М., 2026. URL: <https://elibrary.ru/projects/conference/intc2026/program.asp> (дата обращения: 03.04.2026).
4. *Grootendorst M.* BERTopic: Neural topic modeling with a class-based TF-IDF procedure // arXiv. 2022. Preprint arXiv:2203.05794. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2203.05794>

Ценностно-смысловые ориентации молодежи с различными предпочтениями в блогосфере

Саушкина О.В., Крушельницкая О.Б.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
social2003@mail.ru, sovasoloso@gmail.com*

Ценностная проблематика традиционно занимает центральное место в социально-психологических, социологических и культурологических исследованиях. Иерархия ценностей в различных социальных стратах выступает индикатором актуального состояния общества, отражая стоящие перед ним цели, задачи, вызовы и доминирующие тренды. Система индивидуальных ценностей формируется в процессе активного взаимодействия субъекта с социальной средой, являясь продуктом синтеза личных потребностей и нормативного воздействия социума (Леонтьев, 2003).

Особый научный интерес представляет изучение ценностно-смысловой сферы молодежи. В соответствии с Федеральным законом «О молодежной политике в Российской Федерации», возрастные границы данной группы определены в диапазоне от 14 до 35 лет (ФЗ №489, 2020). Столь широкий охват включает различные этапы онтогенеза – от периода ранней юности до этапа ранней зрелости, что диктует необходимость дифференцированного подхода к изучению психологических особенностей респондентов внутри данной макрогруппы.

Развитие киберпространства радикально трансформировало механизмы самопрезентации и трансляции ценностных конструкторов в массовое сознание. Субъекты сетевой активности, чей контент аккумулирует значительный социальный капитал (просмотры, реакции, рост аудитории), классифицируются в современной литературе как «лидеры мнений». Данная категория шире понятия «блогер», так как включает экспертов различных областей и публичных личностей, использующих цифровые площадки для репрезентации своих убеждений и формирования аттитюдов аудитории (Войскунский, 2010; Каирова, Кошман, Тимохин, 2023).

В рамках настоящего исследования термины «блогер» и «лидер мнений» рассматриваются как ключевые агенты неформальной

социализации, обладающие специфическими характеристиками влияния на ценностный выбор личности. Актуальность работы обусловлена дефицитом эмпирических данных о характере взаимосвязи между транслируемыми в блогосфере установками и актуальной структурой ценностно-смысловых ориентаций молодежи (Белинская, 2013).

В исследовании приняли участие 40 респондентов в возрастном диапазоне от 14 до 24 лет (средний возраст — 21,2 года) и 40 – в возрастном диапазоне от 25 до 35 лет (средний возраст — 30,5 лет). Выборка характеризуется преобладанием лиц женского пола ($\approx 75\%$).

Использовались: методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича, тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, авторская анкета для выявления предпочтений молодежи в блогосфере.

В ходе эмпирического исследования проанализирована иерархия ценностных ориентаций (по М. Рокичу) в обеих возрастных группах. В группе молодости (25–35 лет) ценность «Активная деятельная жизнь» занимает более высокую позицию в иерархии (средний ранг $M = 4,0$) по сравнению с группой юности ($M = 6,65$; $p < 0,05$). Показатель «Рационализм» также занимает более высокое ранговое место в иерархии группы 25–35 лет ($M = 7,18$) по сравнению с группой юности ($M = 10,35$; $p < 0,01$). Аналогичная тенденция наблюдается по шкале «Красота природы и искусства»: старшие респонденты ставят ее на более высокие места ($M = 7,53$) по сравнению с группой юности ($M = 10,74$; $p < 0,05$).

Иерархия ценностей-целей группы юности (14–24 года) характеризуется преобладанием «Любви» ($Me = 5,0$), «Жизненной мудрости» ($Me = 6,0$) и «Интересной работы» ($Me = 7,0$). В группе молодости (25–35 лет) структура приоритетов смещается в сторону продуктивности и эстетики: в топ-5 входят «Жизненная мудрость» ($Me = 3,0$), «Активная деятельная жизнь» ($Me = 3,0$) и «Красота природы и искусства» ($Me = 6,0$). Данный факт позволяет предположить наличие у старшей группы запроса на более содержательный и эстетически выверенный медиаконтент (ЗОЖ, психология, экспертные блоги).

Анализ инструментальных ценностей выявил, что для группы юности ведущим средством достижения целей выступает «Воспитанность» ($M = 5,0$; $Me = 4,0$). Для группы молодости на первый план выходит «Аккуратность» ($M = 5,12$; $Me = 4,0$) и

«Жизнерадостность» ($M = 5,18$; $Me = 4,0$). Примечательно, что в топ-5 приоритетов старшей группы входит «Рационализм» ($Me = 7,0$), можно предположить тенденцию к более критичному и логичному подбору транслируемых лидерами мнений образов.

В результате сравнительного анализа с использованием U-критерия Манна–Уитни были выявлены статистически значимые различия между группами юности и молодости по шкалам: «Активная деятельная жизнь» ($U = 115,0$; $p = 0,027$), «Красота природы и искусства» ($U = 114,5$; $p = 0,027$) и «Рационализм» ($U = 99,5$; $p = 0,009$).

Анализ смысложизненных ориентаций показал, что в группе молодости (25–35 лет) средний показатель осмысленности жизни выше, чем в группе юности ($U = 88,5$; $p = 0,004$). Данная тенденция к росту общего балла может свидетельствовать о постепенной стабилизации системы жизненных смыслов к периоду зрелости. Подобные результаты могут соотноситься с выявленным ранее приоритетом рациональных и прагматических ценностей у старших респондентов. Можно предположить, что более высокий уровень осмысленности выступает фактором формирования более избирательного и осознанного подхода к выбору контента в блогосфере, превращая медиапотребление в инструмент реализации жизненных задач.

Интересно, что ценности удовольствия, а также здоровья, мудрости, активной деятельной жизни, более выражены у респондентов, предпочитающих развлекательный, а не познавательный контент. Общий показатель смысложизненных ориентаций также выше у респондентов, предпочитающих познавательный контент развлекательному (критерий Мана-Уитни, $p < 0,05$).

С помощью авторской анкеты анализировался, помимо предпочтений респондентов в блогосфере, воспринимаемый ценностный образ выбираемых ими лидеров мнений. Анализ данных показал, что наиболее востребованными ценностями блогеров являются саморазвитие и компетентность (27,5% у младшей группы и 12,5 – у старшей). На втором месте по значимости находится «искренность и честность» блогера (по 12,5% в каждой из групп респондентов). На третьем – «свобода и независимость» (5% и 7,5% соответственно у младшей и старшей групп). Наименее предпочитаемыми ценностями блогеров, по мнению их аудитории,

оказались материальное благополучие и успех. Как видим, респонденты, особенно младшей группы, видят в блогах людей, стремящихся к саморазвитию и компетентности. Учитывая высокую референтность блогеров для аудитории, можно предположить, что молодежь ориентируется на их мнения в собственном стремлении к саморазвитию и повышению компетентности.

Литература

1. *Белинская Е.М.* Психология Интернет-коммуникации. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. 192 с.
2. *Войскунский А.Е.* Психология и интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
3. *Каирова И.А., Кошман М.В., Тимохин Н.Н.* Особенности отношения молодежной аудитории к блогерам и контенту в социальных медиа. Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология, 2023. № 6(5), 27-37.
4. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности: М.: Смысл, 2003. 486 с.

Субъективное одиночество и генерализованное доверие студентов вузов

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия

Семенова Л.Э.

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
sachkova@list.ru, verunechka08@list.ru*

Уже на протяжении ряда десятилетий в мировой науке наблюдается рост интереса к проблеме одиночества личности (как объективного, так и субъективного). При этом психологи констатируют две во многом противоположные тенденции, а именно:

- с одной стороны, увеличение числа тех, кого не тяготит, а напротив, привлекает одинокий образ жизни, не оказывающий

никакого негативного влияния на самочувствие, самооценку и благополучие (Avilés, Bühler, Brandt, Neyer, 2024 и др.);

- с другой стороны, увеличение числа тех, чье субъективное одиночество приобретает хронический характер, приводящий к нарушениям соматического и психологического здоровья, различного рода девиациям, вплоть до повышенного суицидального риска, и усиливающий чувствительность и внимание личности к социальным угрозам (Кудряшова, Луковцева, 2014; Сасиорро, Сасиорро, 2018 и др.).

Любопытно, что по данным ряда исследований один из пиков переживания субъективного одиночества приходится на юношеский возраст – период поиска себя, становления идентичности (Неумоева-Колчеданцева, 2011; Чурилова, 2022 и др.), который даже называют «психологически одиноким возрастом жизни» и который совпадает у большинства девушек и юношей с учебой в вузе. Однако в то же время именно в этом возрасте одиночество начинает играть не только негативную, но и позитивную роль, в частности, использоваться для рефлексии и самоанализа с целью обеспечения самопознания и саморазвития (Чурилова, 2022).

Установлено, что такую же позитивную роль для личностного развития в юношеском возрасте играет и доверие, наличие которого оказывается крайне важным для становления автономии студентов (Селезнева, Алленова, 2023 и др.). Кроме того, будучи субъективной характеристикой личности, доверие влияет на восприятие и оценку окружающей действительности, поддерживает социальные контакты и чувство психологической защищенности (Смык, 2019).

Однако, что касается проблемы связи субъективного одиночества и доверия, в том числе у студентов вузов, то представленные в психологической литературе сведения на этот счет являются неоднозначными. Соответственно, принимая во внимание этот факт, целью своего исследования мы определили выявление связи между переживанием разных видов одиночества с генерализованным доверием у студентов вузов.

Гипотеза исследования состояла в следующем: разные виды субъективно переживаемого одиночества у студентов будут отрицательно связаны с общим уровнем генерализованного доверия к другим людям.

В диагностико-методический аппарат вошли опросник переживания одиночества Е.А. Манаковой, методика диагностики переживания одиночества Е.Е. Роговой и «Шкала генерализованного доверия» Т. Ямагиши в адаптации Е.А. Власенко.

В исследовании приняли участие студенты вузов Москвы и Нижнего Новгорода в количестве 300 человек (89% женского пола), в возрасте от 18 до 25 лет.

В результате проведенного исследования было установлено, что для современных студентов не очень характерно переживание постоянного одиночества. Чаще всего оно носит ситуативный, вынужденный обстоятельствами характер, и достаточно легко переносится. При этом чаще девушки и юноши сталкиваются с эмоциональным, нежели когнитивным или поведенческим одиночеством. Уровень генерализованного доверия можно оценить так же, как средний.

Для того, чтобы проверить гипотезу о связи доверия с одиночеством, был применен коэффициент корреляции Спирмена, так как проверка критерием Шапиро-Уилка показала отклонения от нормального распределения. Было обнаружено, что по всем шкалам опросника Е.Е. Роговой корреляции значимы на уровне $p < 0,001$, при этом самая выраженная корреляция зафиксирована с когнитивным одиночеством ($r = -0,37$). Интересно, что по второй методике не все связи оказались значимыми. Так, отсутствуют корреляции с ощущением одиночества как негативного чувства и переживанием вынужденного одиночества, однако страх ответственности за других и непривлекательности, а также духовное одиночество тем выше, чем ниже доверие к окружающим людям ($p < 0,001$). Общий уровень одиночества также показал устойчивую связь с низким уровнем доверия ($r = -0,30$).

В дальнейших исследованиях перспективным может стать подход, определяющий гендерную и возрастную специфику переживания одиночества у студенческой молодежи в связи с разными формами доверия к людям и ситуациям, а также направленный на выявление социально-психологических факторов, опосредующих или модулирующих подобного рода отношения.

Литература

1. Кудряшова Е.Л., Луковцева З.В. Исследование субъективного ощущения одиночества пожилых женщин в аспекте суицидального риска // Психология и право. 2014. Т. 4. № 3. С. 71–85.
2. Неумоева-Колчеданцева Е.В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте // Образование и наука. 2011. № 1(80). С. 42-50.
3. Селезнева Ю.В., Алленова В.С. Доверие к себе как условие развития автономии в юношеском возрасте // Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология. 2023. Том 6. № 4. С. 53-63. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-4-53-6>
4. Смык Ю.В. Доверие в структуре психологической безопасности личности // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 1.
5. Чурилова Е.Е. Внутренняя позиция личности в подростковом и юношеском возрастах как условие развития рефлексии на себя // Развитие личности. 2022. № 1. С. 128-143.
6. Avilés T.G., Bühler J.L., Brandt N.D., Neyer F.J. Today's Adolescents Are More Satisfied With Being Single: Findings From a German Cohort-Sequential Study Among 14- to 40-Year-Olds // Personality and Social Psychology Bulletin. 2024. Vol. 51(12). P. 2461–2475. <https://doi.org/10.1177/01461672241257139>
7. Cacioppo J.T., Cacioppo S. Loneliness in the Modern Age: An Evolutionary Theory of Loneliness (ETL) // Advances in Experimental Social Psychology / J.M. Olson (Ed.). Elsevier Academic Press, 2018. Pp. 127–197. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2018.03.003>

Самосострадание как ресурс социально-психологической адаптации мигрантов

Сидякова Е.Ю., Гриценко В.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

sidyakova.e@yandex.ru, gritsenko2006@yandex.ru

Современные миграционные процессы сопровождаются повышенной психологической нагрузкой, связанной с необходимостью адаптации к новой социальной и культурной среде. Миграция

сопряжена с аккультурационным стрессом, снижением субъективного благополучия и трудностями социальной интеграции (Berry, 1997; Lazarus, Folkman, 1984; Ward, Kennedy, 1993). В связи с этим возрастает актуальность изучения личностных ресурсов, способствующих социально-психологической адаптации мигрантов.

Одним из таких ресурсов может выступать самосострадание, рассматриваемое в концепции К. Нефф как доброжелательное отношение к себе в ситуациях трудностей, включающее доброжелательность к себе, осознанность и переживание общности человеческого опыта (Neff, 2003). Дополнительным аспектом является феномен страха сострадания, предложенный П. Гилбертом, который может ограничивать использование самосострадания как ресурса адаптации (Gilbert, 2009).

Цель исследования – изучить самосострадание и страх сострадания как факторы социально-психологической адаптации мигрантов. Были выдвинуты следующие гипотезы.

1. Более высокий уровень самосострадания связан с более благоприятными показателями социально-психологической адаптации.
2. Положительные компоненты самосострадания связаны с более высоким уровнем субъективного благополучия и более низким уровнем стрессовой нагрузки.
3. Страх сострадания связан с менее благоприятными показателями адаптации.
4. Страх сострадания ослабляет связь между самосостраданием и показателями адаптации.

В исследовании приняли участие 123 мигранта, проживающих на территории Российской Федерации. Возраст участников варьировал от 18 до 55 лет. Выборка включала представителей стран ближнего зарубежья, находящихся на различных этапах адаптации. Стаж проживания в принимающей стране составлял от нескольких месяцев до 10 лет.

Использовались шкала самосострадания (Чистопольская и др., 2020) и шкала страха сострадания (Янченко, Нартова-Бочавер, 2020). В качестве показателей субъективного благополучия рассматривалась удовлетворенность различными сферами жизни (материальное положение, профессиональная реализация, здоровье, досуг, удовлетворенность собой), а показатели стрессовой нагрузки включали

субъективно воспринимаемое перенапряжение и уровень стрессового переживания (Lazarus, Folkman, 1984).

Для анализа данных применялись методы описательной статистики, корреляционного анализа, множественного регрессионного анализа, а также анализ модерации. Проверялись показатели нормальности распределения, мультиколлинеарности и надежности шкал.

Результаты исследования показали, что положительные компоненты самосострадания статистически значимо связаны с более высоким уровнем субъективного благополучия и более низким уровнем стрессовой нагрузки ($p < 0,05$). В частности, более выраженные доброжелательность к себе, осознанность и переживание общности человеческого опыта ассоциированы с большей удовлетворенностью различными сферами жизни и меньшим уровнем субъективно воспринимаемого перенапряжения. При этом отрицательные компоненты самосострадания, такие как самокритика, чрезмерная идентификация и изоляция, демонстрируют противоположные связи, ассоциируясь с более низким уровнем субъективного благополучия и более высоким уровнем стрессовой нагрузки. Полученные результаты подтверждают первую и вторую гипотезы исследования и указывают на значимую роль самосострадания как личностного ресурса адаптации мигрантов.

Дополнительно установлено, что страх самосострадания и страх принятия поддержки от других статистически значимо связаны с менее благоприятными показателями социально-психологической адаптации ($p < 0,05$). Более высокий уровень страха сострадания сопровождался снижением субъективного благополучия и повышением уровня стрессовой нагрузки, что подтверждает третью гипотезу исследования. Результаты анализа модерации показали, что страх сострадания ослабляет положительное влияние самосострадания на показатели адаптации: при высоком уровне страха сострадания ресурсный потенциал самосострадания выражен в меньшей степени. Это свидетельствует о том, что страх сострадания может выступать психологическим барьером, ограничивающим использование самосострадания как ресурса адаптации, что частично подтверждает четвертую гипотезу исследования.

Полученные результаты позволяют рассматривать самосострадание как значимый психологический ресурс социально-психологической адаптации мигрантов, а страх сострадания – как фактор, ограничивающий использование данного ресурса.

Литература

1. *Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э.* Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология. 2020. 16(4), 35–48. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160404>
2. *Янченко А.А., Нартова-Бочавер С.К.* Сострадание к себе как адаптивное свойство личности // Психологические исследования. 2020. Т.13. №71. С. 7–23.
3. *Berry J.W.* Immigration, acculturation and adaptation. Applied Psychology, 1997.
4. *Gilbert P.* The Compassionate Mind: A New Approach to Life Challenges. London, 2009.
5. *Lazarus R., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. 1984.
6. *Neff K.* Self-compassion: An alternative conceptualization of a healthy attitude toward oneself // Self and Identity. 2003. Vol. 2, no. 2. P. 85–101.
7. *Ward C., Kennedy A.* Psychological and sociocultural adjustment During Cross-Cultural Transitions: A Comparison of Secondary Students Overseas and at Home // International Journal of Psychology. 1993. Vol. 28, no 2. P. 129-147.

Некоторые представления о счастье у современных молодых людей

Сидячева Н.В., Краева М.Ю.

ФГБОУ ВО ГУП, Москва, Россия

sidna@bk.ru, mari-07., kraeva@yandex.ru

Вопрос о том, что такое счастье и что делает людей счастливыми относится к числу вечных вопросов человечества. И хотя само понятие счастья зачастую расплывчато и противоречиво, большинство людей вполне отчетливо понимают для себя что это такое.

Представление о понятии счастье берет свои корни с древности, так Конфуций говорил, что «счастье – когда тебя понимают, большое счастье – это когда тебя любят, настоящее счастье – когда любишь ты», Л.А. Сенека утверждал, что «несчастнее всех счастливыцы», Б. Паскаль полагал, что «счастье не в нас и не внутри нас», О. Шпенглер определял счастье как покой, а К. Маркс утверждал, что «счастье – это борьба» (Аргайл, 2015).

В толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова «счастье определяется как состояние благополучия, радости от полноты жизни», С.И. Ожегов дает определение счастью как состоянию полного высшего удовлетворения, удачи, успеха (Ожегов, Шведова, 2018).

Таким образом, эти определения позволяют сделать некоторые выводы:

- счастье определяется по-разному;
- оно связано с объективной реальностью.

В 1960-е годы американскими учеными (Кентрилла, Бредберна, Бредберна, Конверса и Роджерса) было проведено множество исследований о счастье и удовлетворенности людей в повседневной жизни, что впоследствии позволило им создать модели счастья, ставшими классическими: «Модель человеческих тревог» Кентрилла, «Структура психологического благополучия» Бредберна, «Качество американской жизни» Кэмпбелла, Конверса и Роджерса (Аргайл, 2015).

Но в любой модели исследователя мы можем найти определенные сложности.

1. Факторы субъективного благополучия не всегда соотносятся с показателями объективной удовлетворенности, как это можно было бы ожидать. Особенно это касается материального благополучия: несмотря на то, что за последние 60 лет уровень благосостояния людей существенно возрос, уровень субъективного благополучия практически не изменился. Можно предположить, что субъективное благополучие связано с человеческими ожиданиями и когнитивными особенностями.

2. Субъективные факторы могут влиять на отзывы людей о счастье и искажать их восприятие.

3. Большинство людей определяют свое счастье значительно выше среднего уровня, что также искажает их восприятие к нему.

4. Основной недостаток объективных показателей заключается в том, что в них имеется неопределенность. Объективные и субъективные, внешние и внутренние показатели необходимо совмещать.

Внутреннее переживание счастливого или несчастливого состояния – это не просто субъективный показатель, а реальное, фактическое состояние человека и оно по-настоящему «объективно», поскольку соответствует фактической работе мозга, реальному выражению лица, разнообразным видам поведения и общения. Именно счастливые переживания придают силы, мотивацию и определяют направление деятельности. Поэтому важно понимать, что делает человека счастливым, особенно в молодом возрасте, когда молодые люди делают жизненно значимые выборы (Леонтьев, 2020).

Наше исследование было направлено на изучение представления о счастье у современных молодых людей, учитывая современные реалии. В исследовании приняли участие 85 респондентов в возрасте 18-25 лет.

Мы представим частичные результаты исследования, а именно результаты авторского экспресс-опроса «Представление о счастье у современной молодежи» (Сидячева, Соловьева, 2022). Данный опрос позволил методом контент-анализа выявить содержание и критерии представления о счастье у юношей и девушек (таблица1).

Таблица 1

Критерии представления о счастье у современной молодежи

Критерий	Пример
«Как Вам кажется, на что похоже чувство счастья?»	
спокойствие за дальнейшую собственную жизнь	«На убеждение, что всё хорошо, что я делаю всё правильно», «на обеспечение дальнейшей жизни и удовлетворение своих желаний» и другие
эмоции, связанные с семьей	«На тёплые объятия и на прикосновение маминых рук», «это время, проведенное с семьей» и другие
наличие еды	«на вкусный ужин», «на ramen» и другие
«Что для Вас счастье? Как Вы его понимаете?»	
благополучие	«Счастье – это состояние внешнего и внутреннего комфорта, когда ты можешь полностью погрузиться в состояние "здесь и сейчас" и переживаешь исключительно положительные эмоции», «Я понимаю состояние счастья как момент благополучия во всех сферах (учеба, работа, любовь)» и другие

здоровье	«Для меня счастье – это, прежде всего, здоровье, моё и родных, близких мне людей. Главное не забывать об этом, ведь зачастую, как только здоровье налаживается, человек перестаёт обращать внимание на былые проблемы. Нужно уметь ценить здоровье и бережно относиться к нему» и другие
самореализация	«Для меня быть счастливой = реализоваться, соответствовать своим собственным идеалам в голове» и другие
эмоции, связанные с семьей	«Для меня счастье – это моменты единения с близкими; когда дорогие тебе люди рады тебя видеть и все в этом ключе» и другие

Для установления статистически значимых различий по исследованию был проведен корреляционный анализ при помощи линейного коэффициента корреляции Пирсона (таблица 2). Были выявлены множественные взаимосвязи.

Таблица 2

Корреляционный анализ показателей счастья с аспектами
жизненной удовлетворенности и благополучия

Показатели	Уровень счастья
Психологическое благополучие	0,455**
Общий индекс жизненной удовлетворенности	0,283**
Последовательность в достижении целей	0,287**
Общий фон настроения (степень оптимизма)	0,408**
Положительное отношение с другими	0,348**
Управление окружением	0,278**
Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику	-0,301**
Значимость социального окружения	-0,297**
Самооценка здоровья	-0,340**
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	-0,296**
Общий показатель субъективного благополучия	-0,322**
** - Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)	
* - Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)	

Таким образом, результаты исследования показали средний уровень субъективности социальных представлений молодых людей о счастье. Установлены взаимосвязи между счастьем и психологическим

благополучием, счастьем и жизненной удовлетворенностью. Выявлено, что основная масса испытуемых имеет средний уровень счастья, что обусловлено не до конца удовлетворяемыми потребностями как на физиологическом, психическом, социальном уровнях, в которых находится индивид; данные экспресс-опроса говорят о том, что среди опрошенных многие не считают окружающих людей счастливыми, но при этом все равно большая часть испытуемых считает себя счастливыми людьми, также были выделены критерии, которые определяют счастье на текущий момент времени у представителей молодого поколения, к которым относится: спокойствие за дальнейшую собственную жизнь, эмоции, связанные с семьей, наличие еды, благополучие, здоровье, самореализация.

Таким образом, можно сделать вывод, что современные молодые люди, несмотря на сложности настоящих проблем в их жизни, находятся в состоянии психологического благополучия и жизненной удовлетворенности, что определяют их высокий уровень счастья.

Литература

1. *Аргайл М.* Психология счастья / М. Аргайл. СПб.: Нева, 2015. 256 с.
2. *Леонтьев Д.А.* Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14-37.
3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 2018. 1438 с.
4. *Сидячева Н.В., Соловьева А.А.* Особенности взаимосвязи показателей уровня счастья и психологического благополучия молодежи // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических, педагогических и лингводидактических исследований. Материалы международной научно-практической конференции, Мытищи, 2022.

Удовлетворенность студентов учебно-профессиональной деятельностью в связи со спецификой их статуса профессиональной идентичности

Синева В.В., Красило Д.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
valya.sineva.00@mail.ru, krasiloda@mgppu.ru*

Проблема удовлетворенности учебно-профессиональной деятельностью у студентов в последнее время особенно остро стоит в контексте развития профессиональной идентичности и самоопределения (Корчагин, Лобанова, 2025). В период психосоциального взросления, когда личность активно ищет свое место в обществе, изучение этого вопроса позволяет расширить представление о факторах, влияющих на успешность профессиональной социализации (Кожухарь, Кочетков, Красило и др., 2021). Удовлетворенность учебно-профессиональной деятельностью отражает внутренний субъективный мотивационно-аффективный аспект профессиональной самореализации и профессиональной идентичности студентов (Запесоцкая, Никишина, 2011).

Цель исследования: выявить связь удовлетворенности учебно-профессиональной деятельностью у студентов с их статусом профессиональной идентичности.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: 1) концепция психосоциального взросления личности (Э.Эриксон, Д. Левинсон, Дж. Арнетт); 2) деятельностный подход к проблеме учебно-профессиональной деятельности (А.Н. Леонтьев, Л.И.Божович, Д.И. Фельдштейн и др.); 3) представления о профессиональной идентичности по Д. Марсиа, Л.Б. Шнейдер.

Эмпирический анализ данных осуществлен посредством применения статистического пакета SPSS 23.0: критерий U Манна-Уитни, Краскела-Уоллиса для сравнительного анализа. Также был проведен корреляционный анализ (Спирмен) для выявления связи между удовлетворенностью учебно-профессиональной деятельностью и статусом профессиональной идентичности. Методики, использованные для сбора данных: 1) «Методика исследования

профессиональной идентичности» (МИПИ) Л.Б. Шнейдер; 2) опросник удовлетворенности учебной деятельностью (УУД) Л.В. Мищенко.

Результаты эмпирического исследования, проведенного на выборке из 96 студентов социогуманитарных направлений обучения вузов г. Москвы в возрасте от 18 до 25 лет (79 девушек, 17 юношей), позволили подтвердить основную гипотезу о связи между уровнем удовлетворенности учебно-профессиональной деятельностью и статусом профессиональной идентичности студентов в период вхождения во взрослость, а также – две частные гипотезы: 1) существует различия в уровне удовлетворенности выбранной профессией у студентов с разным статусом профессиональной идентичности; 2) уровень удовлетворенности учебно-профессиональной деятельностью у студентов со статусом достигнутой идентичности выше, чем у студентов со статусом диффузной идентичности.

В исследовании показано, что удовлетворенность различными аспектами студенческой жизни (учебным процессом, взаимоотношениями с однокурсниками и т.д.) меняется как в зависимости от курса обучения, так и от степени сформированности профессиональной идентичности. Обнаружены следующие значимые различия в удовлетворенности учебно-профессиональной деятельностью: общая удовлетворенность учебной деятельностью снижается с увеличением курса ($p < 0,01$), удовлетворенность снижается на 2-м и 4-м курсах ($p < 0,01$), удовлетворенность профессией снижается к 3-му и 4-му курсам ($p < 0,01$), удовлетворенность взаимоотношениями с однокурсниками снижается на протяжении двух и третьего курса, но растет к 4-ому курсу ($p < 0,01$), удовлетворенность взаимодействием с преподавателями ухудшается на 2-м и 4-м курсе, но улучшается на 3-м ($p < 0,01$). Последнее может быть связано с перестройкой взаимоотношений в системе «студент – наставник» (Красило, Репешук, 2025), которая распадается на 3 подсистемы: «студент – преподаватель», «студент – куратор», «студент – студент».

Студенты с достигнутой псевдопозитивной идентичностью и мораторием более удовлетворены избранной профессией, чем респонденты с диффузной и преждевременной идентичностью ($p < 0,01$), наибольшая удовлетворенность взаимоотношениями с

однокурсниками и бытовыми условиями наблюдается у группы с достигнутой идентичностью, что подтверждает ее связь с гармонизацией социальной и личной сфер. Респонденты с диффузной и преждевременной идентичностью демонстрируют более низкую общую удовлетворенность учебной деятельностью.

Результаты исследования могут быть учтены в разработке программ профессионального консультирования, адаптации образовательных курсов к потребностям студентов и организации наставнической поддержки.

В дальнейшем исследование направлено на лонгитюдное изучение динамики статусов профессиональной идентичности, что позволило бы проследить изменения в структуре профессионального самосознания и самоотношения студентов и обнаружить перестройки в системе взаимоотношений с наставниками в процессе становления их профессиональной идентичности. Также в качестве перспективы исследования предполагается анализ динамики статусов профессиональной идентичности и удовлетворенности учебной деятельностью студентов с разными образовательными потребностями (Красило, 2011) и обучающихся на разных направлениях, что позволило бы выявить необходимые психосоциальные и педагогические условия, способствующие развитию статуса достигнутой профессиональной идентичности.

Литература

1. *Запесоцкая И.В., Никишина В.Б.* Удовлетворенность как критерий формирования профессиональной идентичности у педагогов высшей школы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 1. № 4
2. *Кожухарь Г.С., Кочетков Н.В., Красило Д.А., Красило Т.А., Крушельницкая О.Б., Новгородцева А.П., Орлов В.А., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Сачкова М.Е., Хаймовская Н.А., Шнейдер Л.Б.* Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2021. 262 с.
3. *Корчагин Е.Н., Лобанова А.В.* Профессиональная идентичность студентов психолого-педагогического направления подготовки [Электронный ресурс] // Современная зарубежная

- психология. 2025. Том 14. № 1. С. 45–56.
<https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140105>
4. *Красило Д.А.* Психолого-педагогическое сопровождение студентов с ограниченными возможностями здоровья на факультете информационных технологий МГППУ / Д.А. Красило // Сборник материалов международной научно-практической конференции "Инклюзивное образование: методология, практика, технология" М.: МГППУ. - 2011. - С. 211-213.
  5. *Красило Д.А., Репещук К.Ю.* Взаимосвязь образа-Я и образа Наставника у студентов в контексте профессионального самоопределения// Психологическая наука и образование. 2025. Т. 30. № 1. С. 36-55

Половые аспекты взаимосвязи составляющих экзистенциального кризиса и отношения к кинематографу

Солнцев И.А., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
iasolntsev@gmail.com, nkochetkov@mail.ru*

Кино в наши дни изучается в разных областях науки и представляет огромный интерес для ученых-психологов. Функции этого социально-культурного феномена могут быть разнообразными – мировоззренческая, заключающаяся в поиске смысложизненных ориентиров; социализационная, сводимая к интеграции человека в культуру определенных групп; а также релаксационная, необходимая в повседневной жизни, насыщенной стрессом, которая помогает получить необходимые человеку эмоции и отдых. При этом одним из важных факторов, влияющих на восприятие объектов кинематографического искусства, является пол. Целью нашей работы явилось выявление половых различий взаимосвязи отношения к кинематографу и экзистенциального кризиса.

Для достижения этой цели мы выбрали следующие методические средства: опросник переживания экзистенциального кризиса

(Янышева, Сенкевич, 2021), предрасположенности к скуке (Золотарева, 2020) и авторский опросник на отношение к кинематографу. Данный опросник опирается на теорию отношений В.Н. Мясичева и включает три шкалы: эмоциональную, когнитивную, поведенческую. Кинематограф рассматривается в виде полнометражного кино и сериалов. Выборку составили 104 студента вузов, в возрасте от 17 до 24 лет, 57 женщин и 47 мужчин.

В выборке женщин обнаружены отрицательные связи между состоянием «отчаяние, страдание, чувство вины» с поведенческими компонентами отношения к сериалам ($r = -0,268$; $p = 0,044$) и к кинематографу ($r = -0,263$; $p = 0,048$), также между состоянием «неудовлетворенность своим настоящим» с поведенческим компонентом отношения к кинематографу ($r = -0,286$; $p = 0,031$). Проявление подобной симптоматики, но контексте другого явления – эскапизма, мы уже обнаруживали в наших предыдущих исследованиях (Солнцев, Кочетков, 2025). Тогда мы объясняли ее тем, что либо кино в состоянии пониженного психического тонуса не является для человека приоритетным занятием, либо же в состоянии психологического благополучия кино поддерживает отсутствие проявлений кризиса. Интересным кажется наличие этих связей у женщин и отсутствие их у мужского пола. Объяснить это можно тем, что у женщин более дифференцируются состояния, в которые они включены в ходе просмотра кино. Кроме этого, можно говорить о более глубокой отчужденности, потере контроля и фиксации на проблеме в кризисных ситуациях у представителей женского пола, что, вероятно, ограничивает потребление киноконтента (Гулина, Дмитриева, Савельев, 2010). Стоит также обратить внимание на статистические значимые половые различия – эмоциональная составляющая отношения к кинематографу у женского пола выражена больше ($U = 1007$; $p = 0,025$). Объяснением этой закономерности может быть факт того, что у женщин выше впечатлительность, чуткость к эмоциогенным факторам, что подтверждается некоторыми исследованиями (Евсеева, 2015).

В выборке женщин дополнительно обнаружены положительные корреляции возраста с когнитивными компонентами отношения к сериалам ($r = 0,269$; $p = 0,043$), к полнометражному кино ($r = 0,279$; $p = 0,035$) и к кинематографу в целом ($r = 0,281$; $p = 0,034$). Наличие таких

связей у женщин и отсутствие их у мужчин находит объяснение в исследованиях половых особенностей рефлексии, как средства социальной адаптации. У мужчин рефлексия связана во многом с утверждением своей позиции в обществе и соревновательной стратегией поведения, в то время как женщинам более свойственна стратегия адаптации путем осмысления социальных норм и принятие группового контекста (Семенихина, 2021). Перекладывая эти данные на наши результаты, можно говорить о том, что с возрастом у женщин вместе с более глубоким осмыслением социальных норм кино более выражается как средство демонстрации, анализа и рефлексии социально-психологических процессов.

Литература

1. Гулина Н.Р., Дмитриева Н.В., Савельев Д.И. Гендерные особенности кризисной идентичности личности // Вестник ЮУрГГПУ. 2010. №1. С. 58-70
2. Евсеева Л.В. Эмоция как выражение женской субъектности // Вестник ВятГУ. 2015. №1. С. 13-17
3. Золотарева А.А. Диагностика предрасположенности к скуке: адаптация русскоязычной версии BPS-SR // Национальный психологический журнал. 2020. № 1 (37). С. 48–58.
4. Семенихина М.В. Психологические особенности рефлексии у мужчин и женщин // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2008. №3. С. 63-79
5. Солнцев И.А., Кочетков Н.В. Отношение к киноискусству и выраженность эскапизма современной молодежи // Социальная психология: вопросы теории и практики : материалы X Международной научно-практической конференции памяти М. Ю. Кондратьева (14–15 мая 2025 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. – С. 549–552.
6. Янышева В.А., Сенкевич Л.В. Опросник «Переживание экзистенциального кризиса»: краткая версия // Системная психология и социология. 2021. № 1 (37). С. 80–90.

Степень цифровой обработки портретной фотографии как фактор доверия в социальной перцепции личности

Солодилина М.А., Погонцева Д.В.

ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия

solodilina@sfedu.ru, pogoncevadv@sfedu.ru

В условиях цифровой коммуникации фотография профиля становится одним из ведущих источников формирования первичного впечатления и основанием для приписывания личностных качеств (Андреева, 2024; Бодалев, 1995; Лабунская, 2009). В рамках социальной перцепции внешность человека выступает значимым социальным сигналом, на основе которого наблюдатели делают выводы о характере, намерениях и надежности партнера по взаимодействию. Доверие при этом является ключевым регулятором межличностного взаимодействия и своеобразным «фильтром» для принятия решения о дальнейшем контакте (Купрейченко, 2008).

Массовая доступность инструментов цифровой ретуши и beauty-фильтров делает самопрезентацию более управляемой, однако одновременно усиливает риск интерпретации изображения как неаутентичного (Войскунский, 2020). Экспериментальные исследования показывают, что улучшение внешности посредством фильтров воспринимается неоднозначно: в контексте мобильных знакомств они могут повышать привлекательность, но снижать доверие (Appel et al., 2023), тогда как в ситуациях социально значимого выбора, например при трудоустройстве, способ ретуши влияет на оценки доверия и компетентности (Fang, Lee, 2025). В этой связи актуальной представляется задача изучения связи между степенью обработки изображения и характеристиками социального восприятия личности.

Целью настоящего исследования стало выявление связи между воспринимаемой степенью обработки портретной фотографии и оценками доверия и искренности в онлайн-восприятии личности. В качестве гипотез были выдвинуты следующие предположения: во-первых, фотографии с умеренной степенью обработки будут получать более высокие оценки доверия и искренности по сравнению с изображениями с минимальной или чрезмерной обработкой («гипотеза золотой середины»); во-вторых, увеличение воспринимаемой

обработанности изображения будет сопровождаться снижением оценок искренности и доверия («гипотеза неаутентичности»).

Исследование носило корреляционный характер. Участникам предъявлялись серии портретов одного и того же лица в четырех вариантах обработки: (1) минимальная ухоженность/без коррекции, (2) «макияж для себя», (3) натуральный макияж/умеренная коррекция, (4) гляцевый образ/сильная коррекция. В исследовании приняли участие 21 респондент (11 мужчин и 10 женщин). Испытуемые оценивали изображения по 7-балльным шкалам, включающим параметры «обработанность», «доверие», «искренность», «компетентность», «готовность обратиться» и «соответствие реальности», а также оставляли краткие текстовые комментарии. Для обработки данных использовались описательные сравнения, коэффициент корреляции Спирмена и качественная систематизация текстовых ответов.

Результаты исследования позволяют говорить о наличии связей между степенью обработки фотографии и особенностями социального восприятия личности. На уровне описательных сравнений наиболее позитивные оценки доверия и общего впечатления систематически получали изображения с умеренной обработкой (уровни 2–3). В то же время низкая ухоженность (уровень 1) чаще сопровождалась снижением общего впечатления, а гляцевая обработка (уровень 4) ассоциировалась с искусственностью и снижением доверия. Корреляционный анализ показал наличие связей, согласующихся с гипотезой неаутентичности: воспринимаемая обработанность отрицательно связана с искренностью ($r_s = -0,62$) и доверием ($r_s = -0,45$). Наиболее выраженная связь обнаружена между обработанностью и оценкой соответствия реальности ($r_s = -0,71$). В то же время показатели, связанные с аутентичностью, положительно связаны с доверием: искренность коррелирует с доверием ($r_s = 0,68$), а соответствие реальности – с доверием ($r_s = 0,58$). В текстовых комментариях усиление ретуши описывалось как «маска» и «нереалистичность», что согласуется с выявленной тенденцией к снижению доверия при росте обработанности.

Таким образом, полученные данные позволяют предположить, что доверие к незнакомому человеку по фотографии может максимизироваться при умеренной обработке и снижаться при увеличении воспринимаемой искусственности изображения.

Вероятный психологический механизм данного эффекта может быть связан со снижением переживаемой аутентичности (искренности) и сомнениями в реалистичности изображения. Полученные результаты указывают на целесообразность умеренной обработки профильных фотографий в профессиональной онлайн-самопрезентации, если ключевая задача заключается в формировании доверия.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2024. 360 с.
2. *Бодалев А.А.* Личность и общение: избранные психологические труды. 2-е изд., перераб. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.
3. *Войскунский А.Е.* Киберпсихология: современный этап развития // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 1. С. 21–39. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-1-21-39>
4. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008. 564 с.
5. *Лабунская В.А.* Психология внешности: теоретические и прикладные проблемы. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009.
6. *Appel M., Hutmacher F., Politt T., Stein J.-P.* Swipe right? Using beauty filters in male Tinder profiles reduces women's evaluations of trustworthiness but increases physical attractiveness and dating intention // Computers in Human Behavior. 2023. Vol. 148. 107871. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.107871>
7. *Fang W., Lee Y.-C.* (in press) Retouching headshot photo by myself or professionals while job application? Difference between various retouching approaches on facial impressions perception // International Journal of Industrial Ergonomics. 2025. Vol. 105. 103700. <https://doi.org/10.1016/j.ergon.2025.103700>

Динамика тревожности и социально-психологической адаптации при реабилитации зависимых от ПАВ

Сорокин М.П., Маринова Т.Ю.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

smmmeconomist333@gmail.com, marinovatu@mgppu.ru

Зависимость от психоактивных веществ (ПАВ) относится к числу расстройств, для которых устойчивость ремиссии определяется не только прекращением употребления, но и восстановлением психологического и социального функционирования. Современные стандарты лечения подчеркивают необходимость сочетания медицинских и психосоциальных вмешательств, направленных на снижение риска рецидива и возвращение человека к нормальной жизни (American Psychiatric Association, 2013; UNODC/WHO, 2020).

Социально-психологическая реабилитация в условиях специализированного центра включает структурирование повседневной активности, психообразование, индивидуальную и групповую работу, элементы когнитивно-поведенческой коррекции и поддерживающие группы. При этом практическая эффективность программ нередко оценивается по косвенным критериям (посещаемость, субъективные отчеты), что затрудняет сопоставление результатов и оперативную корректировку сопровождения. Объективизация мониторинга возможна через стандартизированную психодиагностику, позволяющую отслеживать динамику ключевых психологических показателей.

В качестве таких показателей рассматриваются тревожность и социально-психологическая адаптация. Тревожность отражает уровень внутреннего напряжения и чувствительность к стрессорам; повышенная тревожность связана с нарушением саморегуляции и может выступать фактором риска возврата к употреблению (Бодров, 2006). Социально-психологическая адаптация описывает согласованность отношения личности к себе и другим, эмоциональный комфорт, внутренний контроль и готовность к конструктивному взаимодействию в социальной среде (Осницкий, 2004). Совокупная оценка этих параметров позволяет фиксировать не только

эмоциональные изменения, но и сдвиги в адаптационном потенциале личности.

Научная новизна работы заключается в проверке динамики тревожности и социально-психологической адаптации в условиях реальной практики реабилитационного центра при фиксированном интервале наблюдения, а также в сравнительной оценке изменений с контрольной группой.

В ходе теоретического анализа показано, что коморбидность расстройств употребления ПАВ с тревожными расстройствами является типичной клинической ситуацией и влияет на течение и исход зависимости. В систематическом обзоре и метаанализе популяционных эпидемиологических обследований (1990–2014) расстройство употребления алкоголя ассоциировано с повышением вероятности любого тревожного расстройства ($OR = 2,11$; 95% ДИ 2,03–2,19), а расстройство употребления нелегальных наркотиков – с почти трехкратным ростом ($OR = 2,91$; 95% ДИ 2,58–3,28) (Lai et al., 2015).

Эффективность отдельных психосоциальных компонентов реабилитации подтверждается данными доказательной медицины. В Cochrane-обзоре программ Alcoholics Anonymous/12-Step Facilitation отмечено увеличение доли участников, сохраняющих полную абстиненцию к 12 месяцам, по сравнению с альтернативными клиническими вмешательствами ($RR = 1,21$; 95% ДИ 1,03–1,42) (Kelly et al., 2020). Это подчеркивает необходимость регулярного мониторинга психологических факторов устойчивости ремиссии, в том числе тревожности и показателей социально-психологической адаптации.

На основе анализа литературы и практических задач реабилитационного центра сформирован диагностический пакет и протокол психодиагностического мониторинга (двукратное обследование с интервалом 2 месяца) с использованием шкалы Спилбергера–Ханина и опросника социально-психологической адаптации Роджерса–Даймонд (адаптация А.К. Осницкого) (Райгородский, 2001; Осницкий, 2004).

Практическая значимость работы состоит в предложении набора психологических индикаторов и процедуры мониторинга, применимых в реабилитационном центре для раннего выявления групп риска (высокая тревожность, низкая адаптация) и адресной коррективной

сопровождения. Предлагаемый подход может использоваться в оценке отдельных модулей программы и в планировании постреабилитационной поддержки.

Литература

1. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006.
2. *Осницкий А.К.* Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43–56.
3. *Райгородский Д.Я.* (ред.-сост.). Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2001.
4. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (5th ed.). Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 2013.
5. *Beck A.T., Emery G., Greenberg R.L.* Anxiety Disorders and Phobias: A Cognitive Perspective. New York: Basic Books, 1985.
6. *Kelly J.F., Humphreys K., Ferri M.* Alcoholics Anonymous and other 12-step programs for alcohol use disorder. Cochrane Database of Systematic Reviews. 2020. Issue 3. CD012880.
7. *Lai H.M.X., Cleary M., Sitharthan T., Hunt G.E.* Prevalence of comorbid substance use and anxiety disorders: A systematic review and meta-analysis. Drug and Alcohol Dependence. 2015. Vol. 154. P. 1–13.
8. UNODC/WHO. International Standards for the Treatment of Drug Use Disorders. 2020.

Роль социально-психологического климата в профилактике эмоционального выгорания у медицинских работников

Стрелков А.В., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
aleksandrstudy222@gmail.com

Проблема эмоционального выгорания у медицинских работников приобретает особую остроту в лечебных учреждениях закрытого типа – психиатрических больницах, хосписах, противотуберкулезных

диспансерах, где специфика контингента пациентов, режимные ограничения и постоянный контакт со страданием существенно усиливают стрессогенность профессиональной деятельности (Клипинина, Хаин, 2023). По данным исследований, распространенность синдрома выгорания среди врачей-психиатров достигает 73,4% против 30–50% в общей популяции медработников (Матюшкина и др., 2020). В этих условиях социально-психологический климат в коллективе приобретает значение ключевого протективного ресурса, способного компенсировать воздействие профессиональных стрессоров (Апенько, Лямин, 2016).

Теоретический анализ позволяет выделить несколько механизмов защитного действия благоприятного климата: возможность профессионального общения и обмена опытом поддерживает профессиональную идентичность (Расторгуева, 2007); совместное решение сложных задач создает позитивный эмоциональный фон для переработки негативного опыта (Панчук, 2017); ощущение принадлежности к команде удовлетворяет базовые социальные потребности. Концепция психологической безопасности (Edmondson, 1999) дополняет эту картину: возможность открыто выражать мнения и признавать ошибки без страха санкций особенно важна в закрытых учреждениях, где цена профессиональной ошибки высока.

С целью эмпирической проверки роли психологического климата в контексте профессиональной мотивации было проведено исследование на базе лечебного учреждения закрытого типа ($N = 48$: врачи, средний и младший медицинский персонал). Использовался комплекс методик: адаптированный опросник Герцберга, методика OCAI К. Камерона и Р. Куинна, методика оценки психологической атмосферы А. Фидлера, авторский блок вопросов о балансе работа/жизнь, а также полуструктурированное интервью ($n = 12$). По медиане суммарного показателя мотивационных характеристик выборка была разделена на группы с высоким (ВМ, $n = 25$) и низким (НМ, $n = 23$) уровнем мотивации; группы сопоставимы по полу, возрасту, стажу и должностной категории.

Результаты сравнительного анализа с применением U-критерия Манна-Уитни обнаружили неоднозначную картину. Оценка психологической атмосферы по методике А. Фидлера на уровне тенденции оказалась ниже в группе высокомотивированных

работников ($M = 38,84$) по сравнению с группой низкомотивированных ($M = 41,04$; $U = 203,5$; $p = 0,081$). Прямая корреляция суммарного показателя мотивации с оценкой атмосферы по всей выборке не достигла значимости ($r_s = -0,116$; $p = 0,431$). Этот результат, на первый взгляд противоречащий теоретическим ожиданиям, находит содержательное объяснение в данных интервью: высокомотивированные работники предъявляют более высокие требования к организационной среде, оценивая ее с позиции условий для профессионального роста, а не только эмоционального комфорта. Низкомотивированные сотрудники, значимо более ориентированные на гигиенические факторы – сотрудничество в коллективе ($U = 175,0$; $p = 0,020$) и отношения с руководством ($U = 164,5$; $p = 0,011$), более чувствительны к качеству межличностных отношений и позитивнее оценивают атмосферу, удовлетворяющую их ведущие потребности.

Эмпирически подтверждена опосредованная роль организационной культуры: при отсутствии прямых различий между группами в восприятии типов культуры обнаружена значимая положительная корреляция между восприятием клановой культуры и ориентацией на содержание работы ($r_s = 0,309$; $p = 0,032$). Анализ корреляций внутри групп выявил, что в группе ВМ клановая культура положительно связана с конструктивными отношениями с руководством ($r_s = 0,440$; $p = 0,028$), а иерархическая – отрицательно ($r_s = -0,519$; $p = 0,008$).

Качественный анализ интервью подтвердил, что благоприятный климат и сплоченность коллектива воспринимаются работниками обеих групп как значимый ресурс совладания с профессиональным стрессом, однако вкладываемые в него смыслы различаются: для высокомотивированных сотрудников климат связан с возможностью содержательного профессионального диалога и разбора сложных случаев, для низкомотивированных – с эмоциональной поддержкой и дружескими отношениями.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что связь психологического климата с профессиональным благополучием медицинского персонала носит не линейный, а дифференцированный характер и опосредуется индивидуальным мотивационным профилем работника. Это обосновывает необходимость дифференцированного подхода к профилактике выгорания: помимо общих мер по оптимизации климата – развития командного взаимодействия,

неформального общения, обучения конструктивному разрешению конфликтов и формирования культуры взаимной поддержки – требуется создание разноразмерных ресурсов. Для сотрудников с содержательной мотивацией важны пространства профессионального обмена (клинические разборы, супервизии, экспертные обсуждения); для работников, ориентированных на гигиенические факторы, – эмоциональная поддержка, нематериальное признание и стабильные отношения с руководством. Усиление клановых элементов организационной культуры при сохранении необходимой для закрытого учреждения регламентации представляется оптимальной стратегией, обеспечивающей одновременно профилактику выгорания и поддержание профессиональной мотивации.

Литература

1. *Апенько С.Н., Лямин Г.В.* Влияние кадрового ядра на вовлеченность и мотивацию персонала медицинского учреждения // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 2. С. 10-16.
2. *Клипина Н.В., Хаин М.А.* Проблема профессионального стресса и эмоционального выгорания медицинского персонала в детской онкологии // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 2. С. 74-83.
3. *Матюшкина Е.Я. и др.* Профессиональный стресс и профессиональное выгорание у медицинских работников // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 39-49.
4. *Панчук Е.Ю.* К проблеме мотивации труда персонала медицинского учреждения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 20. С. 44-53.
5. *Рассторгуева Т.И.* Особенности профессиональной мотивации медицинских работников // Бюллетень ННИИ общественного здоровья. 2007. № 1. С. 52-56.
6. *Edmondson A.* Psychological safety and learning behavior in work teams // Administrative Science Quarterly. 1999. Vol. 44. № 2. P. 350-383.

Киберпсихология: социально-психологические аспекты

Султанова И.Г.

*Бакинский Бизнес-университет, Баку, Азербайджан
sultanova.ilhame@bbu.edu.az*

Современное информационное общество развивается в условиях стремительного распространения цифровых технологий, оказывающих значительное влияние на социальные отношения, формирование идентичности и психологическое благополучие личности. В связи с этим особую актуальность приобретает киберпсихология, исследующая особенности поведения человека и групп в виртуальной среде.

Как отмечает Дж. Сулер, взаимодействие в онлайн-пространстве сопровождается эффектом снижения социальных ограничений, вследствие чего пользователи могут проявлять формы поведения, отличающиеся от офлайн-коммуникации (Suler, 2004). Социально-психологический анализ цифровой среды позволяет рассматривать интернет как особое пространство социального взаимодействия, где трансформируются механизмы самопрезентации и межличностного восприятия. По мнению Г.У. Солдатовой, интернет формирует новую социальную реальность, расширяющую возможности самовыражения личности и построения социальной идентичности (Солдатова, 2019). Таким образом, виртуальная среда становится значимым фактором изменения современных моделей коммуникации и социального поведения.

Социальные медиа, особенно Instagram и TikTok, создают условия для формирования визуальной идентичности. Пользователи определяют свое социальное положение через социальное подтверждение (лайки, комментарии, репосты). Российские психологи подчеркивают трансформацию общения в цифровой среде. Например, Г.У. Солдатова отмечает: «Интернет формирует новую социальную реальность, в которой личность получает дополнительные возможности самопрезентации и самовыражения» (Солдатова, 2019, с. 45). Другие исследования показывают, что виртуальная среда особенно важна для формирования идентичности подростков и является продолжением реальных социальных отношений (Khararbakhova,

Musatova, Shpagina, 2021). Азербайджанские ученые изучают изменения социальных отношений в информационном обществе. А. Аббасов отмечает, что «развитие цифровых технологий приводит к трансформации социальной структуры и моделей общения» (Abbasov, 2020, p. 112). Особое внимание уделяется влиянию активности молодежи в социальных сетях на их систему ценностей, коммуникативные навыки и чувство социальной ответственности (Aliyeva, 2022).

В рамках исследования был проведен опрос среди 250 студентов в г. Баку (на базе Бакинского Университета Бизнеса). Использовались: анонимная анкета и 5-балльная шкала Лайкерта. Возраст участников 17–23 года.

Изучались следующие показатели:

- время ежедневного использования социальных сетей;
- зависимость самооценки от «лайков»;
- эмоциональное состояние после использования соцсетей;
- характер онлайн-дружбы;
- результаты опроса.

Время использования:

- 48% – 3–4 часа в день;
- 27% – более 5 часов;
- 25% – менее 2 часов.

Зависимость самооценки:

- 62% отметили влияние количества «лайков» на настроение;
- 21% – сильная эмоциональная зависимость;
- 17% – не зависит от социального одобрения;

Эмоциональное состояние:

- 38% испытывают тревожность после сравнения с другими;
- 44% чувствуют мотивацию;
- 18% – без изменений.

Социальные связи:

- 57% считают, что социальные сети расширили круг общения;
- 29% имеют преимущественно виртуальные контакты;
- 14% используют соцсети для развлечения.

Заключение

1. Социально-психологические аспекты киберпсихологии играют ключевую роль в понимании современного общества, так как они отражают взаимодействие личности с цифровой средой, влияние социальных сетей на идентичность и эмоциональное состояние человека.

2. Цифровая среда трансформирует индивидуальную и коллективную идентичность, модифицирует социальные отношения и оказывает непосредственное влияние на психологическое благополучие пользователей. Она создаёт новые формы общения, расширяет социальные возможности, но одновременно формирует риски эмоциональной и социальной дезадаптации, особенно среди молодежи.

3. Российские, азербайджанские и британские исследования показывают, что интернет является не только средством коммуникации, но и полноценной социальной реальностью, в рамках которой формируются новые нормы поведения, модели самопрезентации и механизмы социального влияния.

Литература

1. *Солдатова Г.У.* Психология интернета: теоретические основы и практические аспекты. М.: Аспект Пресс, 2019.
2. *Abbasov A.* Информационное общество и трансформация социальных отношений. Баку: Элм, 2020.
3. *Aliyeva R.* Влияние социальной активности молодежи в социальных сетях на систему ценностей и коммуникативные навыки // Психология и образование. 2022. № 2. С. 6–8.
4. *Khararbakhova L., Musatova E., Shpagina N.* Virtual Environment and Adolescent Identity Formation // Психология и образование. 2021. № 1. С. 2–13.
5. *Suler J.* The Online Disinhibition Effect // CyberPsychology & Behavior. 2004. Vol. 7. № 3. P. 321–326.

Мотивация подростков к социально-значимой деятельности: разработка и апробация авторской методики

Суннатова Р.И., Лазарев А.С.

ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия

sunrano@mail.ru, toothymonkey@mail.ru

В работах Д.Б. Эльконина, Д.И. Фельдштейна и их последователей раскрывается механизм формирования отношения подростка к себе как субъекту взаимодействия с той общностью, которой окружен подросток. Взаимодействие подростка с ближайшим окружением предоставляет возможность посредством проявления собственной активности увидеть свое «Я» в оценке других людей (Фельдштейн, 1994; Неустроева, 2015). Цитируемые авторы раскрывают, что наиболее существенное влияние на развитие мотивационно-потребностной сферы подросткового периода, которые «проходят непростой путь от приобщения себя к обществу в 10–11 лет, через самоопределение в общественно значимых делах в 12–13 лет, до выбора определенной социальной позиции в 14–15 лет, оказывает осознание своего «Я» с точки зрения значимых людей» (Фельдштейн, 1994, с. 126).

М.Ю. Кондратьев, продолжая идеи классиков-предшественников, определил, «что развитие личности в относительно стабильной социальной среде, подчинено психологическим закономерностям, которые с необходимостью воспроизводятся относительно независимо от специфических характеристик той общности, в которой оно совершается» (Кондратьев, 2006, с. 46). Эти мысли М.Ю. Кондратьева, безусловно предполагают эмпирическую реализацию поиска тех «психологических закономерностей, определяющих становление социально детерминированной потребности «быть личностью», т.е., другими словами, быть в максимально возможной степени «идеально представленным» в сознании других людей, при этом прежде всего и более всего теми своими особенностями, гранями индивидуальности, которые он сам ценит в себе» (Кондратьев, 2006, с. 45).

В продолжение исследовательского интереса к особенностям формирования мотивации к социально-значимой деятельности современных подростков, мы в своем исследовании предположили, что

существует связь между личностными характеристиками (идентичность, социальный интерес, психологическое благополучие, ценностные ориентации) обучающихся подросткового возраста и мотивацией к социально-значимой деятельности.

Одной из задач исследования было выявление и изучение типов мотивации старших и младших подростков к социально-значимой деятельности, что предопределило поиск отвечающей целям исследования методик. Был осуществлен анализ следующих методик: методика О.Ф. Потемкина «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» (Рудакова, 2019); опросник В.Е. Петрова «Оценка склонности к социальному волонтерству» предназначенный для изучения личностных особенностей волонтеров (Петров, 2025); методика Н.Ф. Калины, А.В. Лазукина, направленная на диагностику самоактуализации личности САМОАЛ (Жуйкова, 2025). К сожалению, перечисленные методики не отвечали следующим важным требованиям, предъявляемым к исследованиям: отсутствие психометрических показателей, включая надежность и валидность методик; методики не могут быть использованы на респондентах подросткового возраста; большое количество пунктов в методиках. Таким образом обозначилась необходимость решения методической задачи: создание методики, нацеленной на выявление типов мотивации подростков к участию в социально-значимой деятельности. Методика состоит из 15 утверждений, по три на каждую шкалу, с ответами по семибалльной шкале Лайкерта. Пять шкал методики соответствуют следующим типам мотивации: личные, коллективистические, престижные, альтруистические и добровольно-принудительные.

Проверка надежности результатов по авторской методике с помощью показателя Альфа-Кронбаха составила по шкалам от 0,664 до 0,763, в целом по методике 0,675, что отвечает психометрическим требованиям. Первым этапом валидизации методики была ретестовая путем проведения 2 этапов диагностики с промежутком 2 месяца, на одних и тех же респондентах. Методика показала значения, что и при первом проведении опроса респондентов. Коэффициенты корреляции (Спирмен) по пяти шкалам составляют от 0,657 до 0,792 при уровне значимости 0,01, что свидетельствует о ретестовой валидности шкал создаваемой методики. Следующим этапом было проведение

экспертной валидации. Экспертами выступили восемь сотрудников психолого-педагогической службы школы, 10 классных руководителей, а также заместители директора по воспитанию и качеству образования. По результатам проведения экспертной оценки были внесены редакционные правки в утверждения методики. В ближайшей перспективе в работе над психометрическими показателями методики планируется проведение факторного анализа и стандартизации, выборкой исследования выступили 515 респондентов-подростков, что вполне отвечает требованиям проведения процедуры стандартизации. Таким образом, результаты, полученные по авторской методике, могут быть подвержены дальнейшему анализу.

Статистически значимые различия мотивации к социально-значимой деятельности были выявлены по всем шкалам между младшими и старшими подростками. Положительная связь выявлена с личными мотивами (0,398*) и мотивами престижа (0,532**) – у младших школьников более действенны эти мотивы по сравнению со старшими. С такими мотивами, как коллективистические (-0,620**), альтруистические (-0,497*) и добровольно-принудительные (-0,420*) при уровне значимости * -0,05 и ** 0,01 (Спирмен). Полученный результат свидетельствует, что с взрослением у подростков повышается значимость более важных для социально значимой деятельности мотивов, в частности – альтруистическая и коллективистическая мотивация.

Дальнейшем перспективой нашего исследования является изучение какие именно личностные характеристики (идентичность, социальный интерес, психологическое благополучие, ценностные ориентации) выступают предикторами формирования мотивов подростков к социально-значимой деятельности.

Литература

1. Жуйкова С.А. Методики диагностики самоактуализации личности С.Б. Кауфмана и А.В. Лазукина в контексте сравнительно-сопоставительного анализа // Психология. Психофизиология. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodiki-dagnostiki-samoaktualizatsii-lichnosti-s-b-kaufmana-i-a-v-lazukina-v-kontekste-sravnitelno-sopostavitelnogo-analiza>

2. *Кондратьев М. Ю.* Социальный психолог в общеобразовательном учреждении. – М : ПЕР СЭ, 2006. – 224 с. [Источник: <https://psychlib.ru/mgppu/KSp-2007/KSP-001.НТМ#Sp1>]
3. *Неустроева О.В.* Психологическая характеристика подросткового возраста в концепциях Д.Б. Эльконина и Д.И. Фельдштейна // European research. 2015. №6 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-harakteristika-podrostkovogo-vozrasta-v-kontseptsyah-d-b-elkonina-i-d-i-feldshteyna>
4. *Петров В.Е.* Личностный выбор участия в экстремальном добровольчестве. Современная зарубежная психология. 2025 14(2), 18–25. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140202>
5. *Рудакова Е.Н.* К проблеме психологической диагностики преобладающей мотивации деятельности современных педагогов // Психолог. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-psihologicheskoy-dagnostiki-preobladayuschey-motivatsii-deyatelnosti-sovremennyh-pedagogov>
6. *Фельдштейн Д.И.* Личностное развитие растущих людей в условиях социально-экономического кризиса. М.: Наука. 1994. 226 с.

Стратегии поведения в конфликтах у подростков

Суходолова М.В., Самосоненко Л.С.
 ФГБОУ ВО «ОГПУ», Оренбург, Россия
 m2004s16@gmail.com, Isamsonenko@yandex.ru

В современной школьной среде все чаще наблюдаются ситуации напряженного взаимодействия между подростками. По данным Е.К. Погодиной, В.В. Мартыновой и Е.Л. Евдокимовой (Погодина, Мартынова, Евдокимова, 2021), динамичные социальные изменения и усложнение требований к личности усиливают конфликтность образовательного пространства. Подростковый возраст отличается повышенной чувствительностью к оценке со стороны окружающих,

поэтому даже незначительные противоречия могут перерасти в острые формы взаимодействия.

Поведение в конфликте не является случайным. Оно формируется под воздействием социальных ожиданий, индивидуального опыта и особенностей возрастного развития. Подросток осваивает модели реагирования через взаимодействие со сверстниками и взрослыми, однако реализует их в соответствии с уровнем саморегуляции, эмоциональной устойчивости и представлениями о допустимых способах отстаивания позиции. Следовательно, выбранная стратегия отражает как ситуацию, так и внутренние личностные ресурсы.

В рамках подхода К. Томаса и Р. Килманна конфликтное поведение рассматривается через соотношение ориентации на собственные интересы и готовности учитывать позицию партнера. На основе сочетания этих параметров выделяются соперничество, сотрудничество, компромисс, уклонение и приспособление. Н.В. Гришина (Гришина, 2008) связывает предпочтение той или иной стратегии с устойчивыми особенностями личности и уровнем социально-психологической зрелости. Е.И. Степанова (Степанова, 2015) подчеркивает роль осознанности в выборе способа реагирования, тогда как А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов (Анцупов, Шипилов, 2000) рассматривают стратегию как целенаправленную линию поведения в условиях противодействия. В обобщенном виде стратегию можно определить как закрепившийся или ситуативно выбираемый способ разрешения противоречий, отражающий баланс личных притязаний и степени учета интересов другого.

В возрасте 11–15 лет активно формируется самосознание, усиливается стремление к самостоятельности и признанию в группе (Эльконин, 1989). Конфликт может выступать способом самоутверждения, а характер реагирования зависит от эмоциональной зрелости личности (Обухова, 2018). Исследования показывают, что на ранних этапах подростки чаще прибегают к соперничеству или избеганию (Кардашина, Шаньгина, 2016), тогда как развитие рефлексии и эмпатии повышает вероятность сотрудничества.

Существенное влияние оказывает группа сверстников: нормы коллектива закрепляют доминирующие способы взаимодействия (Щуркова, 2019). Следовательно, стратегия поведения подростка в конфликте определяется сочетанием личностных особенностей и

социального контекста, что обосновывает необходимость дальнейшего эмпирического анализа данной проблемы.

Исследование проводилось на базе общеобразовательной школы г. Оренбурга, МОАУ «СОШ № 68». Выборку составили 25 обучающихся в возрасте 15-16 лет. Для диагностики была выбрана методика Томаса-Килманна (в адаптации Н.В. Гришиной).

Анализ результатов показал, что в исследуемой группе доминирующим стилем является конфронтация (28%). Это указывает на склонность части учащихся активно отстаивать свои интересы и добиваться целей, иногда в ущерб интересам других. Такой стиль поведения характерен для подростков с высокой активностью и уверенностью в себе, однако при недостатке навыков сотрудничества он может провоцировать частые споры и напряжённость в коллективе.

На втором месте по выраженности находятся сотрудничество и компромисс (по 24%). Эти показатели демонстрируют, что значительная часть подростков способна учитывать интересы других, договариваться и находить взаимоприемлемые решения, что является позитивным фактором для конструктивного разрешения конфликтов и поддержания психологически благоприятного климата в классе.

Менее выражены стратегии уклонения (16%) и приспособления (8%). Это говорит о том, что избегание конфликтов и подчинение интересам других встречается реже. С одной стороны, это снижает риск скрытых конфликтов и пассивного поведения, с другой – может указывать на недостаток гибкости в межличностных отношениях и трудности в проявлении эмпатии у части учащихся.

Далее мы провели расчет показателей описательной статистики с целью выявления общей направленности, преобладающих тенденций и степени вариативности стилей поведения обучающихся в конфликтных ситуациях. Результаты анализа подтвердили, что: существуют четко выраженные преобладающие стили (конфронтация и сотрудничество); наблюдается умеренная вариативность в поведении; распределение характеризуется умеренной положительной асимметрией, что отражает реальное различие в стратегиях, но без полного доминирования одного стиля. В целом для группы характерно преобладание активных стратегий поведения в конфликте, ориентированных на отстаивание собственной позиции, при этом существует достаточный потенциал для сотрудничества и поиска компромиссов. Полученные результаты

свидетельствуют о сформированности у подростков уверенности в себе и стремления к лидерству, что важно учитывать при организации коллективной работы и воспитательных мероприятий.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить особенности стратегий поведения в конфликтных ситуациях у подростков. Полученные данные имеют практическую значимость для педагогов и школьных психологов. Они могут быть использованы при разработке программ профилактики агрессивного поведения, тренингов по развитию коммуникативных навыков и формированию конструктивных стратегий разрешения конфликтов. В дальнейшем перспективным направлением исследования может стать более глубокое изучение влияния личностных и социальных факторов на выбор стратегии поведения у подростков.

Литература

1. *Анципов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 512 с.
2. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
3. *Кардашина С.В., Шаньгина Н.В.* Психометрические характеристики русскоязычной версии опросника К. Томаса – Р. Килманна (TKI-R) // Педагогическое образование в России. 2016. № 11. С. 216–228.
4. *Новикова К.В., Ткач Е.Н.* Стратегии поведения в конфликте у подростков с разным уровнем тревожности // Психолог. М., 2025. № 4.
5. *Обухова Л.Ф.* Возрастная психология: учебное пособие. М.: Академия, 2018. 400 с.
6. *Погодина Е.К., Мартынова В.В., Евдокимова Е.Л.* Формирование бесконфликтной образовательной среды: пособие для педагогов учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения. Минск: Национальный институт образования, 2021. 184 с.
7. *Степанова Е.И.* Психология межличностных конфликтов. М.: Академия, 2015. 224 с.

8. *Шуркова Н.Е.* Воспитание как педагогическая категория. М.: Педагогическое общество России, 2019. 288 с.
9. *Эльконин Д.Б.* Психология развития школьника. М.: Просвещение, 1989. 192 с.

Использование ИИ в качестве средства психологической помощи как социально-психологический феномен

Тарасов М.С., Корнева Е.Н.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ms-tarasov@mail.ru, kornevaen@mgppu.ru*

Период 2020-х годов когда-нибудь в учебниках по истории психологии и истории психотерапии будет отмечен как период, в котором для получения психологической поддержки человек все чаще стал обращаться не к другому человеку, а к технологии искусственного интеллекта (ИИ). Чат-боты и приложения на базе больших языковых моделей используются для осмысления переживаний, саморегуляции, снижения тревоги и преодоления кризисных состояний.

Чтобы понять данный парадокс, полезно взглянуть на него с точки зрения социальной психологии, анализируя две перспективы – влияние ситуации на личность и влияние личности на ситуацию: с одной стороны, особенности цифровой эпохи «подталкивают» человека к новым форматам помощи; с другой – субъективные представления, ожидания и опасения пользователей обуславливают выбор ИИ как адресата запроса (вместо специалиста или наряду с ним), а также выступают фактором последующей легитимации данной практики в социальном поле.

Современный человек, живя в мегаполисе, сталкивается с повышенным уровнем стресса, крайне быстрым темпом жизни, постоянной необходимостью соответствовать все чаще обновляющимся образцам поведения, изменять себя (Василюк, 2007). Развитие интернета, цифровизация повседневной жизни, трансформируют способы коммуникации: всё больше значимых контактов переносится в онлайн-среду, живое общение вытесняется

общением в мессенджерах. Вместе с тем происходит активное развитие больших языковых моделей, их использование быстро легитимируется в социуме, они присутствуют в различных сервисах, медиа-сюжетах, используются в обучении и в работе, становясь привычным инструментом для решения задач, поиска информации. При этом по формату чат-бот может напоминать взаимодействие с человеком, в связи с чем ИИ может восприниматься как реальный «собеседник».

Это расширяет представление о допустимых адресатах психологических запросов: от близких людей и специалистов – к чат-ботам. Последние обладают рядом преимуществ: возможность обращения в любое время; дешевизна; относительная анонимность; скорость ответа на запрос; ощущение контроля над контактом. Но вместе с тем существуют риски, связанные с использованием данной технологии: размывание границы между информированием и терапией; иллюзия эмпатии, «простого решения» сложных проблем, смещение ответственности, возможность нарушения конфиденциальности и этических принципов (Фрейманис, 2024; Курьян, Петрушкевич, Селиванова, 2025).

Меняется и сам человек как субъект помощи и самопомощи: усиливается ориентация на автономность, саморегуляцию, рациональное управление внутренним состоянием; в связи с быстрым темпом жизни люди ожидают мгновенного ответа на любой запрос, в том числе психологический. В этих условиях обращение к ИИ может выступать продолжением культурной логики менеджеризма в отношении своей жизни, о котором писал Ф.Е. Василюк (Василюк, 2007), поиска поддержки в форматах, соответствующих темпу и нормам цифровой среды.

В то же время человек не просто адаптируется к новой цифровой среде, частью которой являются большие языковые модели, но и принимает активное участие в конструировании ее смысла. Центральным условием обращения человека с психологическим запросом к ИИ выступают индивидуальные представления: что такое психологическая помощь в целом, и психологическая помощь, получаемая при взаимодействии с чат-ботом; ожидания от этого взаимодействия; представления о неких преимуществах и ограничениях данной технологии по сравнению с «классической» помощью от психолога. Эти представления обуславливают мотивы

обращения, возможные страхи, уровень доверия к данному источнику помощи, готовность к самораскрытию и выбор стратегии взаимодействия, что в итоге влияет на субъективную эффективность поддержки. Кроме того, каждый человек благодаря собственным представлениям легитимирует данный способ психологической поддержки, повышает уровень доверия к технологиям.

В данной ситуации особую актуальность приобретает исследование представлений о психологической помощи у лиц, обращавшихся за ней к ИИ, как антропологическим условиям, описывающим особенности современного человека, поскольку именно они связывают культурные условия (цифровизация, ускорение жизни, распространение больших языковых моделей) и конкретное поведение человека (решение обращаться/не обращаться к ИИ). С прикладной точки зрения такие данные важны для выработки критериев безопасного использования ИИ-инструментов поддержки, профилактики завышенных ожиданий, связанных с данной технологией, выявления возможностей и ограничений ИИ как источника психологической помощи.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Культурно-антропологические условия возможности психотерапевтического опыта // *Культурно-Историческая Психология*. 2007. № 1. С. 80–92.
2. *Копьев А.Ф.* О диалогической природе психотерапевтического опыта // *Культурно-Историческая Психология*. 2007. № 1. С. 93–100.
3. *Курьян С. М., Петрушкевич М. А., Селиванова Е.А.* Поддержка ментального здоровья через искусственный интеллект: как ИИ-агенты могут поддержать в период стресса // *Наука в жизни человека*. 2025. № 1. С. 130–142.
4. *Фрейманис И.Ф.* Чат-бот как инструмент психологической поддержки: обзор исследований // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2024. № 2. С. 250–259.

Социально-психологический портрет россиян с разным уровнем коллективного нарциссизма

Тарасов С.В.

*Институт психологии РАН, Москва, Россия
sementarasovvas@gmail.com*

В условиях неопределенности и перемен усиливается интерес социальных психологов к анализу больших групп. Одним из направлений выступает изучение гражданской и глобальной идентичности российского общества. В условиях глобальных рисков идентичность меняется (Нестик, 2024, 2025), обуславливая проявления поляризации, консолидации, переживание различных психоэмоциональных состояний, связанных с угрозой целостности идентичности, а также коллективного (национального) нарциссизма. Под этим видом нарциссизма понимается сформированное на основе гражданской идентичности отношение к своей группе, включающее завышенную веру в исключительность своей группы и травму недооценки этого «величия» со стороны других групп (Golec de Zavala, 2023). В российской психологии данный феномен больше изучается в связи с его психологическими последствиями (Гулевич, Косимова, 2024; и др.). Для большего понимания природы национального нарциссизма, механизмов его формирования, развития в российском обществе и разности психологических характеристик, свойственных людям с разным уровнем его выраженности, необходимо более детальное изучение. Это позволит точнее понимать особенности идентичности россиян в период турбулентности, формировать программы укрепления идентичности и прогностические модели.

В связи с этим *цель исследования* – рассмотреть социально-психологические портреты россиян с разным уровнем национального нарциссизма. *Объект* – россияне с разным уровнем национального нарциссизма. *Предмет* – эмоциональные, политико- и социально-психологические характеристики россиян с разным уровнем национального нарциссизма.

Выборка: 662 участника онлайн-опроса (Google Forms) в возрасте от 25 до 55 лет, из них 47% мужчин и 53% женщин. Методики: шкала коллективного нарциссизма в адаптации М.О. Романовой и др.; шкала

РНQ-4 (оценка депрессии и тревоги) в адаптации А.А. Золотаревой и др.; шкала позитивного и негативного аффекта в адаптации Е.Н. Осина; опросник эмоциональной регуляции в адаптации А.А. Панкратовой, Д.С. Корниенко; политико-короткие версии шкал из методики Дж. Даккита в адаптации Д.С. Григорьева; скрининговая шкала гражданской идентичности в адаптации Т.А. Нестика; скрининговая шкала глобальной идентичности Т.А. Нестика; модальность образа будущего страны (мрачное – светлое). Обработка данных выполнена в Jamovi 2.6.45 (описательная статистика, анализ различий U Манна-Уитни, коэффициент корреляции r_s Спирмена).

Проанализирована выраженность изучаемых характеристик в целом по выборке. Национальный нарциссизм, состояние тревоги, позитивный аффект, гражданская идентичность, авторитаризм правого толка и вера в опасный мир выражены на среднем уровне. Негативный аффект, глобальная идентичность, ориентация на социальное доминирование и вера в конкурентный мир выражены ниже среднего. Когнитивная переоценка, подавление экспрессии, депрессивное состояние и оценка будущего страны демонстрируют уровень выше среднего. Выраженность национального нарциссизма положительно связана с позитивным аффектом, образом будущего страны, авторитаризмом правого толка, ориентацией на социальное доминирование, верой в опасный мир, и отрицательно с негативным аффектом, верой в конкурентный мир.

Сравнение двух контрастных групп (на основании квартилей) по выраженности национального нарциссизма (низкий ($N = 226$) и высокий уровень ($N = 216$)), показало, что группе с высоким уровнем нарциссизма свойственна большая выраженность позитивного аффекта, позитивного образа будущего страны, авторитаризма правого толка, ориентации на социальное доминирование и веры в опасный мир. В группе с низким нарциссизмом более выражены депрессивное состояние, негативный аффект, глобальная идентичность и вера в конкурентный мир. Анализ корреляций национального нарциссизма с изучаемыми характеристиками показал, что у россиян с более высоким уровнем он связан положительно с ориентацией на социальное доминирование и отрицательно с верой в конкурентный мир. В группе россиян с низким уровнем выявлены положительные связи с

модальностью образа будущего, авторитаризмом правого толка и ориентацией на социальное доминирование.

Полученные данные позволяют говорить, что высокий уровень национального нарциссизма в российском обществе сопряжен с более оптимистичным образом будущего и позитивным аффектом, что может указывать на его защитную функцию по отношению к идентичности в условиях неопределенности (Golec de Zavala, 2023; Нестик, 2024, 2025). Выявленные различия в политико-психологических характеристиках подтверждают, что группа с высоким нарциссизмом ориентирована на иерархические межгрупповые отношения и воспринимает мир как более хаотичный, что может приводить к более авторитарному поведению. А группа с низким нарциссизмом чаще разделяет представление о конкурентном характере социальных взаимодействий и обладает более выраженной глобальной идентичностью, что снижает переживание недооценки «величия» ингруппы.

Таким образом, социально-психологические портреты групп с разным уровнем национального нарциссизма различаются не только по степени выраженности, но и по системе взаимосвязей эмоциональных, политико- и социально-психологических характеристик, что подтверждает сложную природу данного феномена. Полученные результаты уточняют, как гражданская идентичность трансформируется под влиянием внешних угроз и внутренних установок, и создают основу для прогнозирования гражданской активности и процессов консолидации. Перспективно изучение предикторов национального нарциссизма с учетом возрастающих социально-политических вызовов, расширение выборки за счет региональных групп и респондентов старше 60 лет.

Литература

1. Гулевич О.А., Косимова С.С. Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма. Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 123–139. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150409>

2. *Нестик Т.А.* Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025. https://doi.org/10.38098/soc_25_0493
3. *Нестик Т.А.* Эффект Поллианны: роль механизмов защиты позитивной личностной и групповой идентичности // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 25–39. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150403>
4. *Golec de Zavala A.* The Psychology of Collective Narcissism. Insights from Social Identity Theory. London, Routledge, 2023. <https://doi.org/10.4324/9781003296577>

Взаимосвязь когнитивного оценивания и совладающего поведения в ситуации навязчивого преследования (сталкинга)

Темирханова О.В.

*НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия
5052065@gmail.com*

Навязчивое преследование, или stalking, относится к формам межличностного насилия, для которого характерны повторяемость нежелательных контактов, длительный фон угрозы и неопределенности. Эти особенности хорошо описаны в зарубежных исследованиях последствий stalking (Johansen, Tjørnhøj-Thomsen, 2016; Nauch, Elklit, 2023). В то же время совладание с такой ситуацией зависит не только от ее объективных свойств, но и от оценивания человеком происходящего. При объективной стрессогенности stalking разные люди могут по-разному оценивать значимость, понятность ситуации, возможность контроля и собственные ресурсы. Ранее было показано, что когнитивные способы совладания и интерпретации опыта значимо ассоциированы с выраженностью дистресса у женщин переживших stalking (Kraag et al., 2007). Однако остается неясным, какие именно параметры когнитивной оценки эпизода stalking связаны с разными копинг-стратегиями.

Цель исследования – выявить связь особенностей когнитивного оценивания наиболее негативного эпизода stalking как трудной

жизненной задачи и выраженностью способов совладания.

Онлайн-исследование, включало 102 добровольца (98 женщин и 4 мужчин) 18-63 лет ($M = 37,35$; $SD = 10,57$). Инструменты: опросник способов совладающего поведения (ОСС, WCQ, Lazarus, Folkman, 1988; адаптация Крюковой и др., 2004) и опросник «Когнитивное оценивание трудных жизненных задач» (КО ТЖЗ, Битюцкая, Корнеев, 2023). Оба опросника были предъявлены с модифицированной инструкцией (фокус на одном наиболее негативном эпизоде stalking, связанном с одним преследователем).

Результаты. Интегральная оценка эпизода stalking как трудной жизненной ситуации положительно связана с большинством копинг-стратегий, за исключением дистанцирования и поиска решения проблемы. Это позволяет предположить, что по мере увеличения субъективной сложности и напряженности эпизода возрастает интенсивность и вариативность совладающего поведения. В исследуемой выборке по мере роста общей субъективной трудности ситуации, усиливаются стратегии, направленные на снижение дистресса и реагирование на угрозу. На это указывают наиболее выраженные положительные связи между данными шкал «общие признаки

ТЖС» и «конфронтативный копинг» ($r = 0,50$; $p < 0,001$), «бегство-избегание» ($r = 0,42$; $p < 0,001$), «самоконтроль» ($r = 0,38$; $p < 0,001$).

Наиболее сильная связь обнаружена между выраженностью шкалы «отрицательные эмоции» и стратегией «бегство-избегание» ($r = 0,53$; $p < 0,001$). Это говорит о том, что усиление эмоционального напряжения связано с ростом избегающих форм копинга.

Особого внимания заслуживает значимая взаимосвязь оценки преследования, как непонятной задачи с копингом «принятие ответственности» ($r = 0,34$; $p < 0,001$). В контексте stalking это может указывать на феномен самообвинения или попытку вернуть себе иллюзию контроля над непредсказуемым событием через принятие вины на себя.

Исследование показало, что в исследуемой выборке по мере усиления субъективной трудности эпизода stalking возрастает роль стратегий, направленных на регуляцию внутреннего напряжения. Подобные стратегии, могут способствовать ситуативному снижению дистресса, однако не обязательно приводят к изменению самой

ситуации навязчивого преследования и даже могут сделать жертву еще более уязвимой.

Перспективу дальнейшей работы составляет изучение внутренних и внешних ресурсов, способствующих более эффективному совладанию в ситуации stalking.

Литература

1. *Hauch D., Elklit A.* The psychological consequences of stalking: cross-sectional findings in a sample of Danish help-seeking stalking victims // *European Journal of Psychotraumatology*. 2023. Vol. 14. № 2. P. 1-16. <https://doi.org/10.1080/20008066.2023.2281749>
2. *Johansen K.B.H., Tjørnhøj-Thomsen T.* The consequences of coping with stalking— results from the first qualitative study on stalking in Denmark. // *International Journal of Public Health*. 2016. Vol. 61, P. 883–889. <https://doi.org/10.1007/s00038-016-0851-7>
3. *Kraaij V., Arensman E., Garnefski N., Kremers I.* The role of cognitive coping in female victims of stalking. // *Journal of Interpersonal Violence*. 2007. Vol. 22 (12), P. 1603– 1612. <https://doi.org/10.1177/0886260507306499>

Типы гендерных убеждений как культурные синдромы: механизмы социального поведения в современном обществе

Титова О.И.

*ФГКОУ ВО СибЮИ МВД России;
ФГБОУ ВО КГПУ им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия
944058@mail.ru*

В изучении гендерной проблематики принципиально важным является учет социокультурного уровня функционирования российского общества (Ключко, 2022; Радица, 2024; Семенова, 2008; Тхостов, Кумченко, 2024 и др.). Трансформация отношений между мужчинами и женщинами в современном обществе требует выхода за

пределы простого деления на биологический пол и обращения к глубинным конструктам личности, таким как гендерные убеждения.

Ранее нами теоретически обоснованы и эмпирически верифицированы четыре гендерных типа (Титова, Позняков, 2023, 2025): патриархально-поляризованный, патриархально-симиларитивный, эгалитарно-поляризованный и эгалитарно-симиларитивный. Их основой выступает сочетание убеждений о сходстве или различиях психологических характеристик мужчин и женщин и о статусной дистанции во взаимодействии между ними.

В ходе исследования (например, Титова, Позняков, 2025) нами показано, что представители обозначенных выше гендерных типов характеризуются устойчивыми сочетаниями когнитивных, эмоциональных, поведенческих и ценностных средств конструирования отношения к социальному взаимодействию и реализации на его основе взаимодействия в разных сферах жизнедеятельности современного человека – на работе, в семье и дружеских отношениях, в интернет-среде. Высокая стабильность и системность этих паттернов дает основания предполагать, что они репрезентируют не просто индивидуально-психологические особенности личности, а специфические субкультуры мужчин и женщин в современном обществе.

Для концептуализации данного феномена представляется эвристичным обращение к теории культурных синдромов, разработанной кросс-культурным психологом Г. Триандисом (Triandis, 1972, 1993, 1996). В своих фундаментальных работах он определил, что культура структурируется через «культурные синдромы» – устойчивые конфигурации элементов субъективной культуры (когнитивных схем, эмоций, ценностей и поведенческих паттернов), объединенных стержневой идеей. Субъективная культура представляет собой характерный способ восприятия обществом своего социального окружения.

Мы предлагаем рассматривать типы гендерных убеждений не просто как индивидуальные когнитивные конструкты, а как полноценные культурные синдромы, репрезентирующие специфические гендерные субкультуры современного общества. Правомерность такого подхода обосновывается тремя ключевыми

критериями теории Триандиса: наличием центральной организующей темы, многокомпонентностью структуры и регулятивной функций.

В контексте нашей типологии такой стержневой темой выступает пересечение двух осей гендерных убеждений: представлений о гендерной поляризации (схождении или различии психологических характеристик) и о статусной дистанции (равенстве или доминировании во взаимодействии). Таким образом, смысловые конструкторы формата «разные и неравные» или «похожие и равные» становятся ядром, вокруг которого кристаллизуется целостное мировосприятие субъекта, что позволяет квалифицировать рассматриваемые типы убеждений как фундаментальные культурные синдромы.

Эмпирические результаты нашего исследования подтверждают многокомпонентность выделенных гендерных синдромов, каждый из которых представляет собой уникальную и функционально специфическую конфигурацию психологических средств построения социального взаимодействия. Опираясь на выявленные закономерности, опишем четыре качественно различных механизма конструирования отношения к социальному взаимодействию, функционирующих как самостоятельные культурные синдромы.

1. Нормативно-регулятивный, присущ представителям патриархально-поляризованного типа (с убеждениями, что мужчины и женщины «разные и неравные»). Данный синдром опирается на когнитивное упрощение реальности путем жесткой стереотипизации образов мужчин и женщин, планирование поведения и высокую значимость нравственности, которая локализуется преимущественно в сфере семьи.

2. Прагматико-инструментальный, характерен для представителей патриархально-симиларитивного типа (с убеждениями, что мужчины и женщины «похожие, но неравные»). Этот культурный синдром проявляется через универсализацию социальных норм, опору на рациональность и прагматичность интересов во взаимодействии, а в поведенческом аспекте реализуется через стратегию активного реагирования на вызовы и ценность приложения субъективных усилий. В целом для представителей обоих патриархальных синдромов ведущими являются когнитивные средства упрощения реальности,

сопряженные с эмоциональным восприятием нового опыта как инструментального ресурса.

3. Эмоционально-принципиальный, соотносится с эгалитарно-поляризованным типом (с убеждениями, что мужчины и женщины «разные, но равные»). Характеризуется когнитивной независимостью от социальных норм, высокой эмоциональной вовлеченностью в процесс общения, а также выработкой собственных объективных принципов взаимодействия и неукоснительным следованием им в сфере профессиональной деятельности.

4. Ситуативно-адаптивный, описывает представителей эгалитарно-симиларитивного типа (с убеждениями, что мужчины и женщины «похожие и равные»). Опирается на контекст и ситуативность, критичность восприятия себя и нового опыта, а также на поиск эмоциональной поддержки и проявление заботы, ключевой ценностью выступает принцип взаимности. Представители обоих эгалитарных синдромов демонстрируют высокую когнитивную гибкость, ситуативность норм при высокой эмоциональной насыщенности взаимодействия.

Таким образом, рассмотрение типов гендерных убеждений через призму теории культурных синдромов Г. Триандиса выявляет субкультурную стратификацию в современном обществе, углубляя знания о социальном поведении мужчин и женщин. Понимание специфики четырех описанных синдромов позволяет более точно прогнозировать социальное поведение личности. Практическая значимость данного подхода заключается в возможности разработки дифференцированных стратегий психологического сопровождения, учитывающих не только пол, но и субкультурную структуру гендерных убеждений человека.

Литература

1. *Ключко О.И.* Концепция гендерной ментальности как методологическое основание гендерного подхода в социально-психологическом исследовании // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. №4. С. 13-29. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130402>
2. *Радина Н.К.* Какая гендерная теория нужна российской социальной психологии // Социальная психология и общество.

2024. Том 15. №3. С. 21-37.
<https://doi.org/10.17759/sps.2024150302>
3. *Семенова Л.Э.* Гендерный подход в контексте культурно-исторической психологии Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2008. Том 4. № 2. С. 69-73.
  4. *Титова О.И., Позняков В.П.* Отношение мужчин и женщин к социальному взаимодействию в сфере семьи с учетом гендерного типа личности // Психологический журнал. 2025. Т. 46. №3. С. 36-46.
  5. *Титова О.И., Позняков В.П.* Эмпирическая разработка гендерного типа личности // Вопросы психологии. 2023. Том 69. №1. С. 64-74.
  6. *Тхостов А.Ш., Кумченко С.К.* Возможности культурно-исторического подхода к гендерной проблематике // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. Том 47. №1. С. 11-30. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-01>
  7. *Triandis H.C.* Collectivism and Individualism as Cultural Syndromes // Cross-Cultural Research. 1993. Vol. 27. №3-4. P. 155-180. <https://doi.org/10.1177/106939719302700301>.
  8. *Triandis H.C.* The analysis of subjective culture. New York: Wiley-Interscience, 1972. 383 p.
  9. *Triandis H.C.* The psychological measurement of cultural syndrome // American Psychologist. 1996. Vol. 51. P. 407-415. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.51.4.407>

Исследование уровня суеверности у студентов

Тихонова С.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Васильева И.В.

*ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
Тюмень, Россия*

tihonovasofa@mail.ru, i.v.vasileva@utmn.ru

Распространение мистицизма и суеверий в последние годы напрямую обусловлено усилением социальной, экономической и духовной нестабильности, которая в условиях тревоги и бессилия

провоцирует обращение к защите сверхъестественных сил (Андрюшкова, 2016).

В контексте нашей работы мы будем определять суеверность как специфическое отношение человека к реальности, характеризующееся верой в существование сверхъестественных сил и их способность влиять на людей. Ключевым компонентом суеверности выступает убежденность в наличии магической связи между нейтральными событиями и последующими исходами, вероятность которых можно изменить путем совершения ритуальных действий. Данная убежденность реализуется в готовности субъекта выполнять культурно закрепленные ритуалы и предписания (Абитов, 2021).

Согласно Ю.В. Саенко, структура суеверий включает три взаимосвязанных компонента. Когнитивный аспект охватывает познавательные процессы, позволяющие субъекту идентифицировать и классифицировать незнакомые явления, прогнозировать их возможные последствия и выстраивать на этой основе соответствующую линию поведения. Аффективно-мотивационный компонент отражает эмоциональные переживания, возникающие в ответ на потенциально значимые (опасные или желаемые) ситуации и коррелирующие с актуальными потребностями индивида. Поведенческий аспект реализуется через ритуально-символические действия, функция которых заключается в защите от угрозы, предотвращении нежелательных событий или приближении желаемых (Саенко, 2006).

Целью нашего исследования стало измерение уровня суеверности у студентов. Актуальность нашей работы обусловлена тем, что в студенческом возрасте происходит интенсивное формирование мировоззрения, выстраивание системы отношений к окружающей действительности и поиск личностных смыслов.

Выборку составили 83 студента, 5 юношей (6%) и 78 девушек (94%) в возрасте от 18 до 23 лет ($M = 19$; $SD = 1,19$). Опрос проводился посредством онлайн-форм, анонимно и асинхронно.

Для выявления уровня суеверности нами был использован «Опросник суеверности» И.Р. Абитова и Р.Р. Акбировой.

На основе полученных данных (использовались среднее значение и стандартное отклонение) респонденты были разделены на 3 группы по уровню суеверности: низкий ($x < 4,45$) – 15 человек, средний ($4,45 < x < 30,85$; где среднее значение – 17,65) – 55 человек, высокий ($x > 30,85$) – 13 человек. В последнем пункте опросника студенты описывали

приметы, в которые они верят, но которые не упоминались непосредственно в самих утверждениях опроса. Мы разделили их на бытовые приметы (ставить веник кверху ногами, не оставлять пустые бутылки на столе); экзаменационные ритуалы (приносить игрушку на экзамен); защитные практики (повязывать красную ленточку) и веру в силу слова (не произносить желание, иначе не сбудется).

Большинство респондентов (55 человек; 66,3%) демонстрируют средний уровень суеверности (диапазон значений от 4,45 до 30,85). Полученные данные подтверждают, что суеверность в студенческом возрасте носит преимущественно ситуативный и компенсаторный характер. Большинство студентов склонны прибегать к магическим практикам эпизодически, как правило, в условиях стресса или неопределенности. Содержательный анализ примет показывает синтез традиционных бытовых верований и специфических «студенческих» ритуалов, направленных на совладание с тревогой и повышение субъективного контроля над будущим.

Литература

1. *Абитов И.Р., Акбиров Р.Р.* Разработка опросника суеверности // Психологические исследования. 2021. Т. 14, № 75. С. 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v14i75.145>.
2. *Андрюшкова Н.П.* Психологические факторы суеверности у молодежи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 3. С. 107–114.
3. *Саенко Ю.В.* Психологические аспекты изучения суеверий // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 85–97.

Проблема взаимосвязи самоактуализации и креативности в психологии

Толстых Н.Н., Тимошенко Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

tolstyhnn@mgppu.ru, lizazareceva92623@gmail.com

Юношеский возраст – важный период в становлении самосознания и профессионального выбора. В современном мире, который характеризуется высокими требованиями в адаптации к новым условиям, нестандартному мышлению, способностью к творчеству и

реализации внутреннего потенциала, креативность выступает ключевым фактором личностной успешности. Особенности нынешнего времени требуют от молодых людей не только рационального подхода, но и готовности к принятию самостоятельных решений, что напрямую связано с самоактуализацией.

В психологии термин «самоактуализация» определяется авторами с позиции разных подходов. В гуманистической традиции она понимается как врожденная потребность в раскрытии потенциала (Маслоу, 2011; Роджерс 1994). В рамках субъектного подхода акцент смещается на активную позицию личности, управляющей собственным развитием (Агапов, 2012). Креативность также рассматривается многогранно: от дивергентного мышления до свойства самоактуализирующейся личности (Маслоу, 2011; Роджерс, 1994). Это разнообразие требует уточнений взаимосвязи данных феноменов в эмпирических исследованиях.

Исследование проводилось на базе педагогического института Тихоокеанского государственного университета. В исследовании приняли участие 43 студента, из них 13 мужчин и 30 женщин в возрасте от 17 до 24 лет. Диагностика проводилась с использованием теста личностной креативности (Туник, 2003) и методики ММТ-32 (Каширский, 2015).

У большинства респондентов выявлен средний уровень креативности и самоактуализации. Анализ результатов показал следующие особенности: по методике Туник зафиксированы сниженные показатели воображения (51,16% – низкий уровень) и любознательности, что говорит о дефиците познавательной мотивации и склонности к конформности. По ММТ-32 выявлен дисбаланс: частичная удовлетворенность базовых потребностей при недостаточной реализации бытийных. Наибольший дефицит – в гибкости общения (53,49% – низкий уровень), что коррелирует с данными о ригидности мышления.

Проведенное нами исследование подтвердило наличие взаимосвязей между креативностью и самоактуализацией. Чем выше креативность, тем больше возможностей для самореализации, и наоборот. Причем эта связь затрагивает как мышление (умение находить новые идеи), так и личностные качества (самостоятельность, открытость).

Для полноценной реализации личности важно уметь мыслить нестандартно и проявлять внутреннюю автономию. Согласно полученным данным, у большинства опрошенных творческий потенциал соответствует средним показателям, при этом часто не хватает смелости и гибкости, чтобы выходить за рамки привычного.

Литература

1. *Агапов В.С.* Современные исследования самосознания и Я-концепции субъекта в контексте идей С. Л. Рубинштейна // Акмеология. 2012. № 1 (41). С. 133–143.
2. *Каширский Д.В.* Психометрический анализ опросника MQT – Maslow's quick test (А. Chapman): адаптация на российской выборке // Психология, социология и педагогика, 2015. №4
4. *Маслоу, А.Г.* Мотивация и личность. 3-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 351 с.
5. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс, 1994. 480 с.
6. *Туник Е.Е.* Модифицированные креативные тесты Вильямса. СПб.: Речь, 2003.

Фрустрация потребности в автономии у подростков, и ее влияние на процессы конформизма и социальной категоризации

Тотурбиев Б.А., Ключарёв В.А.

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

badyrc@mail.ru, vklucharev@hse.ru

Автономность является одной из трех основных психологических потребностей в теории самодетерминации и играет ключевую роль в развитии способностей и саморегуляции (Ryan, Deci, 2000). Человек с удовлетворенным уровнем автономии способен выбирать значимые для себя направления и идеи. При удовлетворении всех трех потребностей (автономности, компетентности, связанности) формируется внутренняя мотивация в значимых для человека сферах.

При устойчивом уровне мотивации обеспечивается личностное развитие, тогда как фрустрация этих потребностей может приводить к снижению мотивации и ухудшению психологического благополучия.

Согласно Beyers et al. (2024), автономия может рассматриваться в двух контекстах: автономия-независимость и автономия-воля. Автономия-независимость связана с уровнем зависимости от других людей и определяется, в частности, экономическими и культурными факторами. Автономия-воля отражает психологический аспект автономии и соответствует ее пониманию в теории самодетерминации, подразумевая способность человека самостоятельно определять свои мотивы и вести себя в соответствии с ними. Несмотря на различия, данные формы автономии имеют корреляционную связь и могут оказывать влияние друг на друга, однако являются отдельными механизмами и способны описывать отношения между сторонами, чаще всего подростками и родителями (например: проживание с родителями по собственному желанию, а не по финансовым причинам, подразумевает низкую автономию-независимость и высокую автономию-волю в рамках отношений).

Подростковый возраст является важным этапом развития, в ходе которого происходит формирование автономии. Поскольку продольные данные о развитии автономии-воли отсутствуют, стоит опираться на данные о росте автономии-независимости. Наблюдаются значительные изменения в возрасте от 13 до 17 лет, что указывает на постепенное увеличение автономности поведения подростков (Beyers, 2001). В этот период подростки получают возможность принимать собственные решения и развивать компетентность через самостоятельный выбор деятельности и получение соответствующего опыта. Данный вид «квази-самостоятельности» является условием для освоения автономного поведения и подготовки к взрослой жизни, при котором в случае неудачи отсутствуют масштабные последствия.

В то же время степень автономии подростков во многом определяется взрослыми (например, родителями или учителями), которые устанавливают различные уровни контроля и ограничений. Ограничение автономии может приводить к возникновению реактивного сопротивления, увеличивая вероятность участия в запрещенном поведении (Rosenberg, Siegel, 2018). Данный механизм рассматривается как один из факторов, объясняющих особенности подросткового поведения (Van Petegem et al., 2015). Однако остается

неизученным, каким образом реактивное сопротивление влияет на другие социальные процессы в отношениях между подростками и взрослыми. В то время как Van Petegem et al. (2015) объяснили, почему подростки проявляют реактивное поведение, в данном исследовании ставится задача понять, каким образом это поведение реализуется, и обозначить механизмы этого поведения у подростков. В рамках исследования мы сосредотачиваемся на изучении процессов конформизма подростков по отношению к требованиям со стороны авторитетных взрослых, а также на социальной категоризации взрослых как отдельной социальной группы.

В данном исследовании используются две задачи, ориентированные на измерение конформизма и реактивного сопротивления.

Первая задача – «Академократия», разработанная Graupmann et al. (2012) и адаптированная под школьный контекст. В рамках задачи подростку предлагается участвовать в массовом опросе, выбрать предпочтительные для него варианты блюд из возможного школьного меню, а также оценить их. После этого участнику сообщается, что выбранные им варианты могут быть исключены на основании решений, принятых другими участниками: либо представителей ингруппы (других подростков), либо аутгруппы (родителей), либо не исключаются вовсе. После этого подростков просят повторно оценить те же блюда с использованием синонимичной инструкции (первый раз: оцените блюда по тому, насколько они вам нравятся; второй раз: оцените блюда по тому, сколько удовольствия они вам принесут). Таким образом, задача моделирует ситуацию ограничения выбора и позволяет исследовать реакции участников на подобные ограничения.

Предполагается, что ограничение выбора будет восприниматься по-разному в зависимости от источника (ингруппа vs аутгруппа) и приведет к различиям между первыми и вторыми оценками, отражая проявления реактивного сопротивления или конформизма. Также предполагается, что уровень автономности будет предсказывать выраженность реактивного сопротивления с учетом индивидуальных различий, таких как уровень коллективизма/индивидуализма, склонность к реактивному сопротивлению и лояльность к семье.

После голосования участника просят выполнить короткую задачу по математике. После выполнения задания дается 10 минут отдыха, после чего участник получает обратную связь на результат задачи в виде либо давящего, либо поддерживающего сообщения. Сразу после этого ему предлагается задача на конформизм в рамках оценки лиц, в

которой «мнение большинства» выделено визуально (Klucharev et al., 2009).

Предполагается, что в условиях давящего (фрустрирующего потребность автономии) сообщения уровень конформизма будет ниже по сравнению с поддерживающим условием, что отражает усиление реактивного сопротивления.

Литература

1. Beyers W. (2001). The Detachment Debate: The Separation-Adjustment link in Adolescence. [Doctoral Dissertation, Catholic University Leuven]. <https://lirias.kuleuven.be/retrieve/636923>
2. Beyers W., Soenens B., & Vansteenkiste M. (2024). Autonomy in adolescence: a conceptual, developmental and cross-cultural perspective. *European Journal of Developmental Psychology*, 22(2), 121–141. <https://doi.org/10.1080/17405629.2024.2330734>
3. Graupmann V., Jonas E., Meier E., Hawelka S., & Aichhorn M. (2012). Reactance, the self, and its group: When threats to freedom come from the ingroup versus the outgroup. *European Journal of Social Psychology*, 42(2), 164–173. <https://doi.org/10.1002/ejsp.857>
4. Klucharev V., Hytönen K., Rijpkema M., Smidts A., & Fernández G. (2009). Reinforcement learning signal predicts social conformity. *Neuron*, 61(1), 140–151. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2008.11.027>
5. Rosenberg B.D., & Siegel J.T. (2017). A 50-year review of psychological reactance theory: Do not read this article. *Motivation Science*, 4(4), 281–300. <https://doi.org/10.1037/mot0000091>
6. Ryan R.M., & Deci E.L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 55(1), 68–78. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.55.1.68>
7. Van Petegem S., Soenens B., Vansteenkiste M., & Beyers W. (2015). Rebels With a Cause? Adolescent Defiance From the Perspective of Reactance Theory and Self-Determination Theory. *Child Development*, 86(3), 903–918. <https://doi.org/10.1111/cdev.12355>

Личностные факторы студенческого выгорания в условиях академической мобильности

Трухан Е.А., Лин Ч.

*БГУ, Минск, Республика Беларусь
elenapsybsu@gmail.com, linczanlan@gmail.com*

С тех пор как в 1980-х годах было введено понятие студенческого выгорания, появилось множество публикаций по данной проблеме, однако исследований, посвящённых выгоранию у иностранных студентов, среди них недостаточно. В последние годы все больше иностранных студентов, в том числе из Китая, учатся в университетах других стран, чему способствуют глобальная интеграция и активизация международных обменов. За последние годы количество китайских студентов, получающих высшее образование в Беларуси, увеличилось в пять раз. Исследования академической адаптации китайских студентов в европейских регионах показывают, что иной культурный фон вызывает дополнительные трудности, которые коррелируют с такими личностными особенностями, как уверенность в себе, креативность и пр.

Данное исследование направлено на выявление зависимости показателей студенческого выгорания от факторов личности в рамках модели Большой пятерки. В исследовании были использованы русские и китайские версии следующих методик: 1) опросника К. Дж. Сото, О.П. Джона BFI-2 (Big Five Inventory-2) с пятью измерениями для описания черт личности: открытость опыту (О), добросовестность (С), экстраверсия (Е), доброжелательность (А) и нейротизм (N); 2) Копенгагенского опросника выгорания Т.С. Кристенсена с соавт. CBI (Copenhagen Burnout Inventory) для студентов, измеряющего истощение в четырех различных аспектах: личное выгорание (PB), выгорание, связанное с учебой (SRB), сокурсниками (CRB) и преподавателями (TRB). Для обработки эмпирических данных был применен метод регрессионного анализа. Выборку исследования составили 202 китайских студента, получающих среднее специальное, высшее (бакалавриат, магистратура) образование в Китае (группа КК), 148 китайских студентов, получающих образование в Беларуси (группа КБ), 102 белорусских студента, получающих образование в Беларуси

(группа ББ), всего 452 респондента в возрасте от 16 до 32 лет, из них 260 мужчин и 192 женщины. Большинство участников были в возрасте 18–25 лет (9/10) и учились на бакалавриате (2/3).

В ходе исследования у всей выборки (групп КК, КБ, ББ) обнаружены значимые (при $p < 0,05$) положительные коэффициенты регрессии у интегрального показателя студенческого выгорания СВИ, показателей связанного с учёбой SRB и личного выгорания РВ для предиктора нейротизма N. Негативная эмоциональность, следовательно, является универсальным фактором личности в детерминации студенческого выгорания.

Отрицательные бета-коэффициенты (при $p < 0,01$) выявлены у интегрального показателя студенческого выгорания СВИ для предиктора добросовестности С в группе КК, а также для предикторов доброжелательности А и открытости опыту О в группе КБ. Также отрицательные бета-коэффициенты (при $p < 0,01$) выявлены у показателя связанного с учёбой выгорания SRB для предиктора добросовестности С в группе КК, а также для предиктора открытости опыту О в группе КБ. В белорусской выборке ББ, напротив, для предиктора открытости опыту О у показателей связанного с учёбой SRB и личного выгорания РВ обнаружены значимые положительные коэффициенты регрессии (при $p < 0,05$). Поскольку выявлен как положительный (у группы ББ), так и отрицательный (у группы КБ) вклад предиктора открытости опыту в показатели студенческого выгорания, можно констатировать, что данный фактор личности не только отражает культурно-зависимые аспекты студенческого выгорания, но и будет прогностичным относительно вовлеченности студентов в процесс обучения в условиях академической мобильности. Более подвержены студенческому выгоранию открытые опыту белорусы, получающие образование в своей стране, и напротив, закрытые опыту китайские студенты, получающие образование в другой стране. У китайских студентов, получающих образование в своей стране, значимым фактором личности в детерминации студенческого выгорания является не открытость опыту, а добросовестность как контроль импульсивности (импульсивные студенты более подвержены выгоранию).

У показателей связанного с сокурсниками CRB и преподавателями TRB выгорания выявлены положительные бета-коэффициенты (при $p <$

0,05) для предиктора нейротизма N в группах КК и ББ. Ключевой в детерминации различных видов выгорания, в том числе и студенческого, личностный фактор нейротизма, как показывает наше исследование, теряет свою значимость в условиях академической мобильности при общении с сокурсниками и преподавателями. Можно предположить, что на получение образования в другой стране решаются изначально менее тревожные и более коммуникативно уверенные молодые люди.

Отрицательные бета-коэффициенты (при $p < 0,01$) выявлены у показателя связанного с сокурсниками выгорания CRB для предиктора доброжелательности А в группах КБ и ББ, а также у показателя связанного с преподавателями выгорания TRB для предиктора добросовестности С в группе КК и для предикторов доброжелательности А и открытости опыту О в группе КБ. Значимость фактора доброжелательности как склонности к согласию максимальна в условиях академической мобильности, это важный личностный ресурс для снижения уровня студенческого выгорания, особенно при контактах с сокурсниками и преподавателями.

Для личностного фактора экстраверсии Е статистически значимых бета-коэффициентов не обнаружено ни в одной из групп по всем показателям студенческого выгорания.

Таким образом, в проведенном исследовании выявлены как универсальные, так и культурно-специфичные аспекты личностной детерминации студенческого выгорания. Значимый вклад личностного фактора нейротизма обнаружен для всех показателей студенческого выгорания, за исключением ситуаций общения с сокурсниками и преподавателями в условиях академической мобильности. У китайских студентов, получающих образование в своей стране, значимым фактором личности в детерминации студенческого выгорания является добросовестность (более подвержены выгоранию импульсивные студенты), а у белорусских – открытость опыту (более подвержены выгоранию открытые опыту студенты). Значимыми личностными ресурсами для снижения уровня студенческого выгорания в условиях академической мобильности являются открытость опыту и доброжелательность, особенно при общении с сокурсниками и преподавателями.

Особенности ассоциативного поля семьи у студентов с разными уровнями семейной адаптации и сплочённости

Трушкова С.В.

ФГБОУ ВО МАДГТУ (МАДИ), Москва, Россия

Расулова М.А.

НОУ ВО МСПИ, Москва, Россия

SvetVTR@mail.ru, gosti7z@yandex.ru

Такие признаки трансформации семьи как уменьшение численности браков, их «старение», увеличение числа нерегистрируемых браков, падение рождаемости и ее «старение», преобладание малодетных семей, увеличение числа внебрачных детей и распространение добровольной бездетности, изменение семейных ролей и моделей взаимодействия в семье отмечаются исследователями на протяжении нескольких десятилетий (Митрикас, 2004; Sikes, 2013). Системный подход к анализу семейных отношений позволяет выявлять структурно-функциональные изменения, определять индикаторы семейного гомеостаза (Лидерс, 2007), на основании которых выстраивать психологическую помощь (Варга, 2025), направленную на гармонизацию дисфункциональности семьи. Анализ имплицитного образа семьи позволяет выявить проблемные поля системы семейных ценностей и определить адресное направление психологической работы. Для выявления имплицитного ассоциативного поля семьи в данной работе применялись опросник семейных отношений (FACES-3), опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК), методика свободной сортировки лексических единиц (А.Г. Лидерса, О.А. Минеевой), свободные ассоциации на слово «семья», письменное анкетирование об аспектах семейного поля и глубинные интервью о семейных взаимоотношениях. В исследовании приняли участие 60 студентов Московского политехнического университета 1-4 курсов. Полученные диагностические данные позволили выделить подгруппы студентов с полярными показателями семейной адаптации и сплоченности. Для подгруппы студентов с низкими показателями семейной адаптации и сплоченности характерны следующие результаты: статистически значимые обратные корреляции между показателями сплоченности и адаптации и такими шкалами СЭК как

«критика», «индуцирование тревоги», «фиксация на негативных переживаниях», а также интегральным показателем СЭК (при значимости коэффициентов корреляции $p < 0,002$), что свидетельствует о выявленной закономерности – чем ниже уровень семейной адаптации и сплоченности, тем выше показатели семейной дисфункции. Кроме того, в подгруппе студентов с низкими показателями семейной адаптации и сплоченности выявлено статистически значимо преобладающее количество негативных ассоциаций на слово «семья» ($t = 7,56$; $p < 0,001$). В подгруппе студентов с высокой семейной сплоченностью и адаптацией статистически значимо больше положительных ассоциаций. В смысловом поле семьи у подгруппы с высоким уровнем семейной адаптации и сплоченности преобладают следующие лексические единицы: дом, уют, любовь, дети, поддержка, забота, уважение, откровенность. В подгруппе студентов с низкой семейной сплоченностью и адаптацией ассоциативное поле представлено амбивалентными понятиями: одиночество, быть собой, свое место в доме, тепло, замкнутость, сердиться, общаться, обычаи, долг, ненависть. В данной подгруппе любовь, поддержка и теплые эмоциональные взаимоотношения заменены организационной составляющей распределения обязанностей, упорядоченностью и отстраненностью. Кроме того, в подгруппе студентов с низкими показателями семейной адаптации и сплоченности выявлены расхождения реальных оценок семьи и идеальных. В идеальных оценках присутствует выраженный запрос на теплые, поддерживающие отношения, а в реальности семья воспринимается как небезопасная нормативно-нагруженная среда, в которой регламентированность не компенсирует дефицит близости. Таким образом, сравнительный анализ образа семьи в подгруппе студентов с низкими показателями семейной адаптации и сплоченности позволил выявить следующие отличия: формальный характер социальной роли члена семьи и слабая интеграция между «Я» и семьей, затрудняющие поддержание устойчивого семейного гомеостаза. Различия в эмоционально-смысловой организации образа семьи в полярных подгруппах выявлялись с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок ($t = 6,21$; $p < 0,001$). Обобщая полученные результаты, можно сделать выводы о том, что ассоциативное поле семьи у студентов с низким уровнем семейной сплоченности и адаптации характеризуются

противоречивым, фрагментированным и эмоционально напряжённым образом семьи; ассоциативное поле семьи у студентов с высоким уровнем сплочённости демонстрируют целостный, устойчивый и позитивно интегрированный образ семейных взаимоотношений.

Литература

1. *Варга А.Я.* Введение в системную семейную психотерапию. – М.: Когито-Центр, 2025. 182 с.
2. *Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 432 с.
3. *Митрикас А.А.* Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 65-73.
4. *Sikes K.* The Traditional Family vs. the Modern Family // Academia: Lubbock Christian University. 2013. P. 1-7.

Перфекционизм как фактор субъективной оценки межличностных отношений у студентов

Туманян О.С., Литвинова Е.Ю.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

tumanian.olga@yandex.ru, elen.litvinova@ya.ru

В последние годы перфекционизм все чаще рассматривается не только как индивидуально-психологическая характеристика, но и как фактор, опосредующий особенности социального взаимодействия. В студенческой среде, где усиливаются процессы самоопределения и социального сравнения, перфекционистские установки могут выступать своеобразным механизмом регуляции самооценки через призму восприятия отношений с другими людьми (Туманян, 2025).

Современные теоретические подходы описывают перфекционизм как неоднородное образование, включающее различные векторы направленности требований: к собственным результатам деятельности, к поведению и достижениям других людей, а также к соответствию

ожиданиям социальной среды. В модели П. Хьюитта и Г. Флетта выделяются перфекционизм, ориентированный на себя (требования к собственным достижениям и поведению), на других (завышенные ожидания к окружающим) и социально-предписанный перфекционизм (Hewitt, Flett, 1991). Последний представляет собой компонент, связанный с убеждением, что значимые другие (родители, преподаватели, социальное окружение) предъявляют высокие и обязательные к выполнению требования. Его повышенная чувствительность к межличностному контексту объясняется тем, что он формируется через интерпретацию внешней оценки и ожиданий значимых людей, а значит напрямую зависит от особенностей социального взаимодействия.

Подход Р. Фроста дополняет данное понимание, фиксируя внимание на когнитивных и аффективных проявлениях перфекционизма – склонности к фиксации на ошибках, сомнениях в правильности собственных действий и повышенной значимости внешних требований, прежде всего со стороны значимых взрослых и социального окружения (Frost et al., 1990). Эти характеристики задают специфический стиль переработки опыта, при котором внимание преимущественно сосредоточено на возможных ошибках и несоответствии ожидаемым результатам.

В отечественной традиции перфекционизм интерпретируется как система установок, определяющих зависимость самооценки от внешней оценки и степень самокритичности (Гаранян, 2009). В рамках трехфакторной модели перфекционизма, разработанной Н.Г. Гаранян, подчеркивается роль не только высоких стандартов, но и постоянной соотнесенности себя с предполагаемыми ожиданиями других и фиксации на собственных недостатках (Гаранян, Холмогорова, Юдеева, 2018). Такая конфигурация делает личность более уязвимой в ситуациях межличностного взаимодействия.

Различие между адаптивными и дезадаптивными проявлениями перфекционизма связано с характером требований к результатам собственной деятельности и критериями их оценки. При адаптивном перфекционизме высокие стандарты учебной, профессиональной или социальной успешности сочетаются с гибкостью и сохранением самопринятия. В дезадаптивном варианте требования приобретают жесткий характер, а несоответствие ожидаемым результатам

(например, идеальному уровню выполнения задач или социального одобрения) приводит к снижению самооценки, страху ошибки и усилению самокритики. Именно дезадаптивные формы создают предпосылки для искаженного восприятия межличностных отношений.

С позиции социально-психологического анализа перфекционизм можно рассматривать как фактор, задающий специфику интерпретации социальных ситуаций. Завышенные требования к себе и другим сочетаются с повышенной чувствительностью к оценке, что ведет к переоценке значимости негативной обратной связи. В результате даже нейтральные или амбивалентные взаимодействия могут интерпретироваться как неудовлетворительные или угрожающие (Туманян, 2025).

Субъективная оценка межличностных отношений в этом контексте выступает не столько отражением объективных характеристик взаимодействия, сколько результатом когнитивной переработки опыта. Перфекционистские установки усиливают селективность восприятия, направляя внимание на несовершенство и несоответствия, что снижает удовлетворенность отношениями и затрудняет формирование доверия (Гаранян и др., 2001).

Истоки подобных особенностей во многом связаны с условиями социализации. Исследования показывают, что сочетание высоких ожиданий, критичности и условного принятия в семье способствует формированию устойчивой ориентации на внешнюю оценку (Frost et al., 1990; Туманян, 2025). В дальнейшем это закрепляется в виде потребности подтверждать собственную ценность через соответствие заданным стандартам.

В студенческом возрасте указанные механизмы приобретают дополнительную актуальность. Расширение круга социальных контактов, высокая значимость статуса в группе и влияние цифровой среды могут усиливать тенденции к сравнению себя с другими. Это создает условия для актуализации социально-предписанного перфекционизма и повышает его роль в формировании отношения к межличностным взаимодействиям.

Таким образом, перфекционизм можно рассматривать как одну из важных основ субъективной оценки межличностных отношений. Адаптивные формы способствуют постановке значимых целей, развитию саморегуляции и поддержанию конструктивных отношений.

Его дезадаптивные формы, напротив, связаны с искажением восприятия социальных ситуаций, усилением значимости негативной оценки и снижением удовлетворенности взаимодействием. Теоретический анализ данного феномена позволяет рассматривать перфекционизм как один из ключевых факторов, взаимосвязанных с качеством социального функционирования личности в студенческой среде.

Литература

1. *Гаранян Н.Г.* Психологические модели перфекционизма // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 74–84.
2. *Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю.* Перфекционизм, депрессия и тревога // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 4. С. 18–48.
3. *Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю.* Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 8–32.
4. *Туманян О.С.* Современные аспекты изучения перфекционизма в психологии: курсовая работа. М., 2025. 20 с.
5. *Frost R.O. et al.* The Dimensions of Perfectionism // Cognitive Therapy and Research. 1990. Vol. 14. P. 449–468.
6. *Hewitt P.L., Flett G.L.* Perfectionism in the Self and Social Contexts // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. Vol. 60. P. 456–470.

Связь ценностных ориентаций и способности к смакованию позитивных событий: кросс-культурный анализ

Узойкина А.И., Павлова О.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
pavlovaos@mgppu.ru, uzoikina.ai@gmail.com*

Многообразие культур и этнических групп в современном обществе актуализирует для психологической науки вопрос о том, как культурные и ценностные ориентиры влияют на восприятие и переживание позитивных событий. Ключевым конструктом здесь

выступает сейворинг – способность сознательно фокусироваться на положительных эмоциях, усиливая и продлевая их (Bryant, 2021). В этой связи особую значимость приобретает изучение того, как сейворинг связан с ценностными ориентациями, а также с уровнем индивидуализма и коллективизма, характерными для представителей разных культур.

Объект исследования – способность к смакованию позитивных событий как позитивная копинг-стратегия личности.

Предмет исследования – способность к смакованию позитивных событий и ценностные ориентации в культурах.

Цель работы – выявить культурные особенности выраженности способности к смакованию позитивных событий.

Методика и выборка. В эмпирическом исследовании приняли участие 124 респондента (78 русских (среди которых 44 женщины и 34 мужчин), 42 чеченца (среди которых 39 женщин и 3 мужчин), 4 затруднились указать этническую принадлежность). Использовались опросник сейворинга SBI-RU в адаптации В.А. Титовой, И.В. Шаповаленко и др. (2022), методика диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца в адаптации Т.П. Бутенко и др. (2012), а также методика оценки индивидуалистических/коллективистских установок ПИК Л.Г. Почебут.

Результаты. Выявлены значимые корреляционные связи способности к смакованию с рядом базовых ценностей. Общий уровень сейворинга положительно связан с ценностями Гедонизма ($r=0,396$, $p\leq 0,001$), личной и общественной Безопасности ($r=0,487$, $p\leq 0,001$; $r=0,273$, $p\leq 0,01$ соответственно), Традиции ($r=0,183$, $p\leq 0,05$), Благожелательности (забота о других ($r=0,297$, $p\leq 0,001$) и чувство долга ($r=0,267$, $p\leq 0,01$), а также с метаценностями Сохранения ($r=0,275$, $p\leq 0,01$) и Самоопределения ($r=0,231$, $p\leq 0,01$).

Особый интерес представляют данные, касающиеся культурного контекста. Установлено, что респонденты с более выраженными коллективистскими установками значимо выше оценивают ценность Конформизм (правила) ($U=974$, $p\leq 0,01$). Индивидуализм положительно связан с Самостоятельностью поступков. Не выявлено значимых связей между способностью к смакованию позитивных событий и коллективистскими или индивидуалистскими установками.

При сравнении результатов женщин русской ($n=44$) и чеченской ($n=39$) групп выявлены статистически значимые различия по ряду

ценностей. Для чеченской выборки характерны более высокие показатели по ценностям Традиция ($U=471$, $p \leq 0,001$) и Скромность ($U=525$, $p \leq 0,01$). Тогда как в русской группе выше значимость Самостоятельности поступка ($U=625$, $p \leq 0,05$), Достижения ($U=614$, $p \leq 0,05$) и личной Безопасности ($U=545$, $p \leq 0,01$). Показатели личностных установок не показали значимых различий.

Заключение. Проведенное исследование подтвердило значимые статистические связи между ценностными ориентациями и способностью к смакованию позитивных событий. Полученные результаты позволяют говорить о том, что ценностные ориентации могут быть опосредованы культурным контекстом и индивидуалистическими/коллективистическими установками личности, а также могут играть ключевую роль в регуляции переживания положительного опыта. Выявленные межкультурные различия (на примере русской и чеченской групп) указывают на необходимость дальнейшего изучения сейворинга как феномена, чувствительного к культурным нормам и ценностным иерархиям.

Литература

1. *Титова Гранишам В.А., Сычев О.А., Гордеева Т.О., Шаповаленко И.В., Салий Е.В.* Русскоязычная версия опросника способности к смакованию позитивных событий // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 298–322. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.13>
2. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
3. *Bryant F.B.* Current Progress and Future Directions for Theory and Research on Savoring. *Front Psychol.* 2021 Dec 14; 12:771698. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.771698>. PMID: 34970196; PMCID: PMC8712667.
4. *Lin C.W., Chen S.L., & Wang R.Y.* (2011). Savouring and perceived job performance in positive psychology: Moderating role of positive affectivity. *Asian Journal of Social Psychology*, 14, 165–175. <https://doi.org/10.1111/j.1467-839X.2010.01340.x>.

К вопросу о роли свидетеля в ситуации кибербуллинга

Федорович Д.Ю.

*Академия управления МВД России, Москва, Россия
dianafed@inbox.ru*

Развитие цифровых технологий, повлекшее за собой рост распространенности сети Интернет и социальных медиа во всем мире, способствовало изменению архитектуры социальных явлений и отношений. Одним из ярких примеров цифровой трансформации является феномен буллинга, переместившийся из сферы реального взаимодействия между людьми в онлайн-пространство и вызывающий серьезную обеспокоенность общественных и государственных институтов во всем мире.

Под кибербуллингом понимают умышленное виновно совершенное действие или совокупность действий, направленных на психологическое подавление жертвы, причинение ей нравственных страданий, осуществляемых посредством электронных средств связи (Бочкарева и др., 2021).

Кибербуллинг, в отличие от его традиционных форм, обладает специфическими рисками, обусловленными его уникальными характеристиками:

- анонимностью агрессора, затрудняющей установлению его личности и, следовательно, сводящей на нет возможность жертвы принять меры к защите и восстановлению нарушенных прав;
- устойчивостью вредоносного контента, затрудняющей прекращение его дальнейшего распространения;
- наличием неограниченного круга пользователей, имеющих возможность ознакомиться с содержанием вредоносного контента и способствовать его дальнейшему распространению путём пересылки и повторной публикации.

Перечисленные факторы способны многократно усиливать негативное воздействие на психику жертвы кибербуллинга и вызывать у нее чувство беспомощности и безнадежности.

Среди последствий кибербуллинга многочисленные исследования выделяют: тревогу, депрессию, одиночество, недосыпание,

самоповреждающее поведение, а также суицидальные мысли и попытки. Более того, результаты сравнительного исследования свидетельствуют о большей распространенности таких последствий, как суицидальность и самоповреждения среди жертв кибербуллинга, чем среди потерпевших от традиционного буллинга (34.4% против 21,6% и 32.8% против 22,3% соответственно) (Islam et al., 2022).

По аналогии с традиционным, в кибербуллинге принимают участие агрессор, жертва и свидетель. Вследствие многократной передачи враждебного или агрессивного контента в отношении жертвы неограниченному числу онлайн-пользователей наиболее распространенной ролью в ситуации кибербуллинга является роль свидетеля.

В зависимости от стратегий онлайн-поведения в ситуации кибербуллинга исследователи (Солдатова и др., 2022) выделяют несколько групп свидетелей: помощники агрессора, пассивные свидетели и защитники жертвы.

Помимо личностных факторов (половозрастные характеристики, эмпатия, моральные установки, эмоциональная саморегуляция, самооценка, социальный статус, наличие личного опыта кибервиктимизации) поведение свидетелей в ситуации киберагрессии также обусловлено контекстуально и зависит от воспринимаемой ими серьезности ситуации, характера отношений с участниками травли, атрибуции ответственности, оценки уровня риска и веры в собственную способность защитить.

Результаты исследований предпочтительных стратегий поведения свидетелей неоднозначны, но в целом свидетельствуют о наибольшей распространенности роли пассивного наблюдателя и наименьшей – присоединения к агрессору. При этом в защиту жертвы выступают, по различным оценкам, от 30 до 50% респондентов (Солдатова и др., 2022).

Вместе с тем именно поведение свидетеля киберагрессии может существенно повлиять на исход ситуации и ее последствия для жертвы (Awad & Connors, 2023). Так, в случае, когда свидетели выступают в защиту жертвы или оказывают ей поддержку, за счет восполнения ресурсов и восстановления чувства принадлежности снижается интенсивность переживания жертвой одиночества, уровень депрессии и склонность к суицидальным мыслям (Zhao et al., 2023). Напротив,

пассивная реакция свидетелей усиливает ощущение социальной и эмоциональной изоляции у жертвы (Liebst et al., 2019). Конечно, вмешательство свидетелей не способно полностью нивелировать последствия кибербуллинга. Вместе с тем распространённая среди свидетелей стратегия бездействия может усугублять ситуацию кибербуллинга, восприниматься агрессором как форма одобрения и усиливать его намерения, способствуя продолжению онлайн-агрессии. Важно помнить и о том, что свидетелям кибербуллинга также необходима психологическая поддержка, помогающая восстановить чувство принадлежности и безопасности.

Меры профилактики кибербуллинга должны содержать, помимо правовых и технических решений, мероприятия психологической службы образовательного учреждения как по индивидуальной работе с агрессорами, жертвами и свидетелями инцидента, так и групповой, направленной на формирование у обучающихся навыков социальной поддержки, коммуникативной и конфликтной компетентности, развитие личностных качеств, способствующих принятию лицами, оказавшимися свидетелями, поддерживающей и помогающей роли в ситуации киберагрессии. Разъяснение учащимся форм оказания поддержки жертве кибербуллинга существенно расширяет возможности профилактики кибербуллинга среди подростков и способствует снижению его последствий для всех участников.

Таким образом, понимание кибербуллинга как группового процесса подчёркивает значимость роли свидетелей в ситуации онлайн-агрессии. В этой связи продолжают оставаться актуальными дальнейшие исследования вопросов, связанных с определением факторов, побуждающих свидетеля к выбору стратегии поведения в ситуации кибербуллинга, с целью разработки программ профилактики деструктивного поведения в онлайн-среде.

Литература

1. Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. №1.

2. *Зекерьяев Р.И.* Психологические особенности эмоциональной направленности личности, склонной к кибербуллингу // Психология человека в образовании. 2023. №3.
3. *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Никонова Е.Ю., Виноцкий Д.А., Попков А.Е.* Агрессия в иммерсивной виртуальной среде: поведенческие стратегии подростков и эффект свидетеля // СПЖ. 2022. №86.
4. *Awad M.N., & Connors, E.H.* Active bystandership by youth in the digital era: Microintervention strategies for responding to social media-based microaggressions and cyberbullying. *Psychological Services*. 2023, 20(3), P. 423-434.
5. *Islam M.I., Yunus F.M., Kabir E., Khanam R.* Evaluating Risk and Protective Factors for Suicidality and Self-Harm in Australian Adolescents With Traditional Bullying and Cyberbullying Victimization. *American Journal of Health Promotion*. 2022, 36(1), P. 73-83.
6. *Liebst L.S., Philpot R., Bernasco W., Dausel K.L., Ejbye-Ernst P., Nicolaisen M.H., & Lindegaard M.R.* Social relations and presence of others predict bystander intervention: Evidence from violent incidents captured on CCTV. *Aggressive Behavior*. 2019, 45(6), 598.

Влияние использования искусственного интеллекта на эффективность критического мышления

Филенко И.А., Моисеев С.В.

НИ ТГУ, Томск, Россия

filen5725@mail.ru, kaungreat@gmail.com

Психологические аспекты взаимодействия человека и цифровых технологий изучаются в трудах А.Е. Войскунского, Г.У. Солдатовой, О.В. Рубцовой и других исследователей. Интенсивное развитие искусственного интеллекта (ИИ), меняет традиционный ландшафт цифровых практик, порождая психологические феномены, кардинально отличные от наблюдавшихся ранее. Согласно О.К.

Тихомирову, в современном мире следует «...говорить о двух видах высших психических функций: характеризующихся употреблением лишь знаков и включающих дополнительно технологии работы с ними» (Тихомиров, 1993). Технологии ИИ формируют новые режимы работы человека с информацией, которые могут приводить к изменениям в развитии высших психических функций. Отмечаются позитивные эффекты использования ИИ в сфере образования, отражающие успешность формирования профессиональных компетенций у современной молодежи. Поскольку внедрение технологий ИИ в образовательное и профессиональное пространство активизировалось в последние 3-4 года, количество исследований, изучающих эффекты их влияния на психологические особенности пользователей, ограничено. Целью данной работы является обзор зарубежных публикаций, в которых представлены результаты изучения критического мышления в связи с использованием технологий ИИ. Критическое мышление, как отмечают D.F. Halpern, R.J. Sternberg, является ведущим фактором успешности учебной, профессиональной деятельности и определяется как способность анализировать, оценивать и синтезировать информацию для принятия решений.

Показано, что применение ИИ меняет структуру профессиональной деятельности: возникают новые когнитивные задачи, связанные с проверкой контента, создаваемого ИИ, с точки зрения его адекватности, актуальности, соответствия целям и специфике деятельности; определенные когнитивные задачи становятся менее трудоемкими; ряд традиционных задач остаются, но меняют свое содержание. Высокая уверенность работников в информации, генерируемой с помощью ИИ, сопровождается снижением собственных усилий, направленных на получение знаний, понимание, анализ и синтез, контроль результатов применительно к сфере профессиональных задач. При этом снижается включенность критического мышления в их выполнение (Lee et al., 2025). Чрезмерное доверие к технологиям ИИ либо нежелание прикладывать дополнительные усилия в исправлении возможных ошибок ИИ ослабляет способность к критическому мышлению. Это связано с глубинной тенденцией человека к когнитивной разгрузке – делегированию когнитивных задач внешним системам или людям, что снижает личную когнитивную вовлеченность. Длительная когнитивная

разгрузка при взаимодействиях в системах «человек – ИИ» снижает критическое мышление, самооценку, способности к принятию эффективных решений (Bengio, 2026).

В эмпирическом исследовании, включающем группу 422 студентов университетов Турции, выявлено, что использование инструментов ИИ значительно и негативно влияет на критическое мышление ($\beta = -0,37$; $p < 0,001$). Данная связь была опосредована эпистемологической ленью и метакогнитивными дефицитами, которые отрицательно связаны с критическим мышлением (Yurt, Kuşci, 2026). Изучение связи критического мышления и когнитивной разгрузки с помощью опросников и глубинных интервью у представителей различных социальных групп ($n = 669$) позволило выявить значительную отрицательную корреляцию между частым использованием ИИ и способностями к критическому мышлению ($r = -0,49$), опосредованную повышенной когнитивной разгрузкой. Более молодые участники демонстрировали повышенную зависимость от инструментов ИИ и более низкие показатели критического мышления по сравнению с участниками старшего возраста (Gerlich, 2025). Исследование 580 студентов китайских университетов показало, что высокая зависимость от ИИ была связана с низким уровнем критического мышления. В качестве опосредующего фактора этой взаимосвязи может выступать когнитивная усталость, а в качестве модератора – информационная грамотность (Tian, Zhang, 2025).

Полученные зарубежными авторами результаты свидетельствуют о том, что существуют значимые связи между уровнем критического мышления и особенностями использования технологий ИИ. Однако они реализуются различными психологическими механизмами, которые в качестве посредников и модераторов могут включать дополнительные переменные: эпистемологическую лень, метакогнитивные дефициты, когнитивную разгрузку, когнитивную вовлеченность, когнитивную усталость, информационную грамотность и др. Дальнейшее эмпирическое изучение рассматриваемой проблематики позволит разработать эффективные психолого-педагогические технологии, направленные на развитие критического мышления в процессе взаимодействия с ИИ.

Литература

1. *Тихомиров О.К.* Информационный век и теория Л.С. Выготского // Психологический журнал. 1993. Т. 14. №1. С. 114–119.
2. *Bengio Y.* International AI safety report. 2026.
3. *Gerlich M.* AI Tools in Society: Impacts on Cognitive Offloading and the Future of Critical Thinking // Societies. 2025. Vol. 15. № 6. Pp. 1–28. <https://doi.org/10.3390/soc15010006>
4. *Lee H.-P. (H), Sarkar A., Tankelevitch L., Drosos I., Rintel S., Banks R., Wilson N.* The Impact of Generative AI on Critical Thinking: Self-Reported Reductions in Cognitive Effort and Confidence Effects From a Survey of Knowledge Workers. In CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '25), April 26–May 01, 2025, Yokohama, Japan. ACM, New York, NY, USA, 23 p. <https://doi.org/10.1145/3706598.3713778>
5. *Tian J., Zhang R.* Learners' AI dependence and critical thinking: The psychological mechanism of fatigue and the social buffering role of AI literacy // Acta Psychologica. 2025. 260. 105725. P. 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2025.105725>
6. *Yurt E., Kuşci I.* Factors influencing critical thinking during AI use among university students: the mediating effects of epistemic laziness and metacognitive weakness // Current Psychology. 2026. 45:67. P. 1–18. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-08800-0>

Связь жизнестойкости, самосострадания и социальной поддержки с преодолением стресса у взрослых

Филимонова Я.Д., Хаймовская Н.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

filimonova.ya.d@gmail.com, tatisheva@yandex.ru

Как справляются со стрессом взрослые, когда привычные опоры рушатся? В последние годы внимание исследователей смещается с негативных последствий стресса на ресурсы, способствующие его преодолению. К ключевым из них относятся жизнестойкость,

самосострадание и воспринимаемая социальная поддержка. Современные исследования показывают, что данные ресурсы связаны с более адаптивными стратегиями совладания и психологическим благополучием (Ewert et al., 2021; Neff, 2023; Vagni et al., 2020; Yeo et al., 2025).

Однако большинство работ рассматривают эти ресурсы по отдельности. Как они работают вместе, в одной системе? Исследований, где их изучали бы в связке применительно к преодолению стресса у взрослых, пока мало. В своем исследовании мы хотим отчасти восполнить этот пробел.

Теоретической рамкой выступает транзакционная модель стресса и копинга Лазаруса и Фолкмана. Согласно ей, стресс – это не просто событие, а результат взаимодействия человека с окружением, зависящий от того, как он оценивает ситуацию и какие ресурсы у него есть. Какие ресурсы мы берем в расчет? Жизнестойкость (в понимании С. Мадди), самосострадание (концепция К. Неффа) и воспринимаемую социальную поддержку (шкала D.J. Zimet).

Цель исследования: выявление связи жизнестойкости, самосострадания и социальной поддержки с особенностями стратегий преодоления стресса у взрослых.

Гипотеза исследования предполагает, что высокий уровень жизнестойкости, самосострадания и воспринимаемой социальной поддержки связаны с более адаптивными стратегиями совладания со стрессом.

В исследовании используются следующие психодиагностические методики: шкала самосострадания К. Неффа в адаптации К.А. Чистопольской и соавторов (2020); многомерная шкала воспринимаемой социальной поддержки (MSPSS) в адаптации К.А. Чистопольской и соавторов (2020); методика «Жизнестойкость» С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой (2006); опросник копинг-стратегий (CISS) в адаптации Т. Л. Крюковой (2010). Данные обрабатывались с использованием корреляционного и регрессионного анализа.

На текущем этапе исследования получены предварительные данные ($N = 113$), позволяющие оценить основные взаимосвязи между изучаемыми переменными. Проведённый корреляционный анализ показал следующее: самосострадание, жизнестойкость и

воспринимаемая социальная поддержка статистически значимо положительно связаны с проблемно-ориентированными стратегиями совладания ($r = 0,519$; $r = 0,501$; $r = 0,418$ соответственно, $p < 0,001$) и отрицательно – с эмоционально-ориентированным копингом ($r = -0,785$; $r = -0,770$; $r = -0,422$ соответственно, $p < 0,001$).

При этом выявлены положительные связи ресурсных факторов со стратегиями избегания ($r = 0,381$; $r = 0,387$; $r = 0,314$ соответственно), что, по-видимому, отражает неоднородность копинг-стратегий, а также позволяет рассматривать избегание как временный регуляторный механизм в стрессовой ситуации.

Результаты регрессионного анализа показали, что совокупный вклад жизнестойкости, самосострадания и социальной поддержки объясняет 32,8% вариативности проблемно-ориентированного копинга ($R^2 = 0,328$). При этом статистически значимым предиктором выступает самосострадание ($p = 0,009$). Жизнестойкость и социальная поддержка демонстрируют тенденцию к значимости.

Результаты исследования позволяют уточнить роль жизнестойкости, самосострадания и социальной поддержки в структуре преодоления стресса у взрослых, обосновать необходимость их комплексного рассмотрения. Полученные данные могут быть использованы в практике психологического консультирования и разработке программ психологической профилактики и поддержки.

Литература

1. *Крюкова Т.Л.* Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома, 2010.
2. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
3. *Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н.* и др. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника К. Нефф // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 35–48.
4. *Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. и др.* Обновленная версия шкалы MSPSS как инструмент исследования воспринимаемой социальной поддержки. 2020.

5. *Ewert C., Vater A. Schroder-Abe M. Self-Compassion and Coping: a Meta-Analysis // Mindfulness. 2021. Vol. 12. P. 1063–1077.*
6. *Neff K.D. Self-Compassion: Theory, Method, Research, and Intervention // Annual Review of Psychology. 2023. Vol. 74. P. 7.1–7.26.*
7. *Vagni M., Maiorano T., Giostra V., Pajardi D. Hardiness and Coping Strategies as Mediators of Stress and Secondary Trauma in Emergency Workers during the COVID-19 Pandemic // Sustainability. 2020. Vol. 12(18). P. 7561.*
8. *Yeo G.H., Lansford J.E., Rudolph K.D. How does perceived social support relate to human thriving? A systematic review with meta-analyses // Psychological Bulletin. 2025. Vol. 151(9). P. 1089–1124.*

Личные границы в сексуальных отношениях и самообъективация женщин, переживших насилие

Фишман М.Р., Луковцева З.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

masha.fishman1995@gmail.com, sverchokk@list.ru

Каждая третья женщина в мире подвергалась насилию, а конкретно в России минимум 20% женщин переживали насилие (Соляник, 2021). В 2018 году женщин из России признали одними из самых незащищенных в мире от насилия, поскольку в РФ на законодательном уровне нет защиты от домашнего насилия (World Bank Group, 2018). Множество исследователей говорят о влиянии пережитого насилия на психосексуальное развитие человека (Оруджев, Поплавская, Черная, 2019; Slavič, 2019). Так, женщины, пережившие насилие, имеют искаженное восприятие своего тела, негативный образ собственной сексуальности и хотели бы сильно изменить свою внешность (Оруджев, Поплавская, Черная, 2019). Теоретическое осмысление этих феноменов позволяет обратиться к концепции самообъективации, согласно которой женщины интернализируют объективирующий их взгляд внешнего наблюдателя и стандарты красоты, и рассматривают самих

себя прежде всего как объект для оценки по критериям физической и сексуальной привлекательности (Fredrickson, Roberts, 1997). Помимо этого, насилие формирует базовое чувство беспомощности, а также установку об отсутствии права на отказ, что нарушает возможность защищать личные границы.

В нашем исследовании мы выдвинули следующие гипотезы.

1. Женщины, пережившие опыт насилия, будут демонстрировать более высокий уровень самообъективации по сравнению с женщинами, не имеющими насильственного опыта.

2. Женщины, пережившие насилие, испытывают более выраженные трудности в установлении и соблюдении личных границ в сексуальных отношениях, по сравнению с женщинами, не имеющими насильственного опыта.

Методологической основой исследования послужила дополненная структурно-функциональная модель женской сексуальности Н.И. Айзман (Айзман, 2019; Фишман, 2025).

Методы исследования: полуструктурированное интервью, контент-анализ, математико-статистический анализ с помощью критерия Манна-Уитни.

В эмпирическом исследовании приняли участие 27 женщин в возрасте 18-23 лет. Испытуемые были объединены в 2 группы по критерию наличия или отсутствия насилия. Таким образом, были получены следующие группы

1. Участницы, пережившие, как минимум 1 из видов насилия: физического, сексуального и психологического. (Основная группа)

2. Участницы, не имеющие опыта насилия. (Контрольная группа).

Распределение проводилось на основе ответов на вопросы интервью. Основная группа состояла из 20 женщин, контрольная из 7.

В основной группе было выявлено 3 вида насилия: психологическое, физическое и сексуальное. Психологическое насилие включало в себя унижения, тотальный контроль, газлайтинг, а также угрозы и травлю. Физическое насилие выражалось в нанесении ударов, избиениях, причинении порезов, а также в лишении сна/еды. Сексуальное насилие проявлялось в домогательствах, принуждении к сексуальным действиям, изнасиловании, растлении и использовании беспомощного состояния жертвы для вступления в сексуальный контакт. При этом 14 участниц сообщили о сексуальном насилии

наряду с другими видами насилия, тогда как у 6 опрошенных опыт сексуального насилия отсутствовал. Первый эпизод насилия у большинства респонденток пришелся на подростковый возраст (11–15 лет), что, вероятно, объясняется повышенной уязвимостью в данный период: становление личности, расширение социальных контактов за пределами семьи, сохраняющаяся зависимость от взрослых и др.

Далее представим результаты статистического анализа данных в контексте проверки гипотез. Уровень самообъективации у женщин, переживших насилие выше, чем у женщин без опыта насилия. ($U = 111,0$; $p \leq 0,05$; средний ранг в 1 группе (16,05) выше, чем во 2 (8,14)). Женщины, пережившие насилие, чаще акцентируют внимание на своей внешности, оценивая себя в первую очередь по этому качеству, и воспринимают свое тело как инструмент для привлечения партнера. Для женщин, не подвергавшихся насилию, напротив, характерна большая сосредоточенность на внутренних качествах. Можно предположить: поскольку насилие разрушает личностную целостность, формирует низкую самооценку (Slavič, 2019), у жертв может усиливаться фокус на внешности, как способе компенсации своей значимости.

Также было выявлено, что трудности в установлении и соблюдении личных границ в сексуальных отношениях больше испытывают женщины, пережившие насилие, чем женщины без опыта насилия ($U = 134,0$; $p \leq 0,01$; средний ранг в 1 группе (17,20) выше, чем во 2 (4,86)). Женщины, подвергшиеся насилию, чаще соглашаются на нежелательные контакты из-за страха, чувства долга перед партнером, а также из-за недостаточного понимания своих желаний. Трудности в установлении и соблюдении личных границ в сексуальных отношениях, вероятно, следует рассматривать как следствие общего механизма насилия, в независимости от его вида. Можно предположить, что влияние насилия оказывает разрушающий эффект на способность человека отстаивать свои границы в любой сфере.

Литература

1. Айзман Н.И. Структура, функции и уровень сформированности сексуальности у студенток вуза // СибСкрипт. 2019. №. 1 (77). С. 44-55.

2. *Оруджев Н.Я., Поплавская О.В., Черная Н.А.* Отдаленные последствия и особенности становления психосексуальности лиц, перенесших сексуальное злоупотребление // Научные результаты биомедицинских исследований. 2019. Т. 5. №. 3. С. 92-100.
3. *Соляник В.В.* Домашнее насилие в России: общая характеристика // The Scientific Heritage. 2021. №65-4 (65). С. 16–18.
4. *Фишман М.Р.* Особенности модели женской сексуальности у молодых женщин, переживших насилие. // Экстремальная психология в экстремальном мире. Материалы IV научного форума с международным участием. 2025. С 309-315.
5. *Fredrickson B.L., Roberts T.A.* Objectification theory: Toward understanding women's lived experiences and mental health risks // Psychology of women quarterly. 1997. С. 173-206.
6. *Slavič T.R.* Adult sexual dynamics in persons with the history of sexual abuse. Uniwersytet Opolski, 2019. №. 9. С. 53-70.
7. World Bank Group. Women, Business, and the Law 2018 / Washington, DC: World Bank Group, 2018.

Training in Robotics Teleoperation: Enhancing Learning through Eye Fixation Data

Фоке-Алехин Ф. (Fauquet-Alekhine Ph.)

*Лаборатория исследований в области энергетики, Дуэ, Франция
Лондонская школа экономики и политических наук,
Лондон, Великобритания
p.fauquet-alekhine@lse.ac.uk*

A prior ethnographic study analyzing the work activity of pilots teleoperating ground robots out-of-sight suggested that the time taken to gather visual information from control screens might be correlated with the pilots' level of skill (Fauquet-Alekhine, Bleuze, 2024). The present research was designed to systematically test this hypothesis by examining the relationship between eye fixation patterns and pilots' competence during a

standardized robotic teleoperation task. This investigation employed a longitudinal approach, with each participant's activity analyzed individually to track changes in performance and visual behavior over time. It was conducted at the Groupe d'Intervention Robotique sur Accidents (Robotics Emergency Response on Accidents, INTRA Group, France) (Fauquet-Alekhine, Bleuze, 2024a) over a four-year period from 2021 to 2025.

Thirteen pilots, ranging from novices to highly experienced operators, participated in the study. Each participant performed the same standardized teleoperation activity while equipped with a Pupil Labs eye-tracking system (Charton et al., 2025) that captured first-person video and recorded eye movements. The standard activity required pilots to teleoperate a tracked ground robot equipped with an articulated arm through a maze while carrying a cylindrical container. Halfway through the maze, pilots had to place the container on the ground, use the gripper to pick up a ring, drop it into the container, then retrieve the container and exit the maze. The activity was designed to require extensive use of visual information from the robot's onboard cameras displayed on control screens. Performance was measured through total activity completion time and the number of collisions with the environment. Eye-tracking data provided detailed metrics including fixation durations, fixation frequencies, and the number of gaze switches between the control screens and the physical control panel. The frequency of screen-to-control panel switches was selected as an objective indicator of equipment mastery, based on the theoretical framework that competent pilots (experienced pilots), focus more on environmental information (screens) than on the controls themselves.

Analysis revealed significant correlations between eye fixation patterns and pilot's competence. A strong positive correlation ($r = 0,94, p < 0,0001$) was found between total activity duration and handling time, with manipulation tasks consistently representing approximately 66% of total activity time. When considering all pilots together, the frequency of screen-to-control panel switches showed no significant correlation with performance ($r = 0,24, p > 0,4$). However, when excluding novice and external pilots who practiced infrequently, a strong correlation emerged ($r = 0,82, p < 0,007$), indicating that higher equipment mastery (fewer switches) was associated with better performance (shorter completion times). This relationship enabled the construction of an objective index of competence i_d

for each pilot, which demonstrated strong agreement with expert trainer evaluations (Kendall coefficient $\tau_k = 0,89$, $p < 0,005$).

Examination of fixation time distributions revealed distinct patterns between competent and less competent pilots. Less competent pilots exhibited maximum fixation peaks x_{max} at higher values (approximately 220 ms) with broader distributions, while more competent pilots showed lower fixation peaks (approximately 160 ms) with tighter distributions. Based on these observations, a reference fixation time x_{ref} was established at 140 ms by averaging the maximum fixation times of the three most competent pilots. A mathematical function f was developed combining each pilot's deviation from this reference fixation time $x_{max} - x_{ref}$ with their fixation time dispersion coefficient c_d .

$$f = abs(x_{max} - x_{ref}) c_d^{0.5}$$

This function showed a strong correlation with the index of competence ($r = 0,89$, $p < 0,001$), demonstrating that competence is associated with shorter, more consistent fixation durations. Furthermore, a strong correlation ($r = 0,81$, $p < 0,008$) between fixation frequency and dispersion coefficient indicated that more competent pilots scan screens more frequently with consistently brief fixations. Qualitative video analysis suggested that effective pilots tend to actively scan across all available screens rather than focussing on one or two displays.

Longitudinal data from two pilots who completed the experiment both as novices and later as experienced pilots provided evidence of training effectiveness. Their competence indices increased by 48%, while deviation from reference fixation time decreased by 50%, confirming that the observed improvements resulted from training rather than innate cognitive abilities alone.

This study successfully demonstrates that a pilot's competence in robotic teleoperation can be objectively measured through eye fixation data combined with performance indicators. Competence is characterized by shorter, more consistent information acquisition times and more frequent scanning of available visual displays. The findings support a model whereby skilled pilots rapidly gather information from multiple sources, enabling them to construct and maintain an accurate mental 3D representation of the robot within its environment. Training implications are clear: trainers should encourage pilots to actively scan all available screens frequently, as this practice promotes shorter fixation durations and more comprehensive

environmental awareness. This approach helps pilots integrate information from multiple camera views, ultimately improving both equipment mastery and task performance. The study contributes to the broader understanding of expertise development in complex teleoperation tasks and provides an evidence-based framework for enhancing training programs in robotic intervention operations.

References

1. *Fauquet-Alekhine Ph., Bleuze J.* Improving Learning in Robotics Teleoperation: Contribution of Eye-tracking in Digital Ethnography // Current Journal of Applied Science and Technology, 2024. 43(7). 128-139.
2. *Fauquet-Alekhine Ph., Bleuze, J.* Determinants of Performance for Robotics Teleoperated Activities: from Emergency Response to Decommissioning // Journal of Robotics and Mechatronics, 2024a. 36(1). 139-147.
3. *Charton J., Zhang T., Li N., Li Q.* Enhancing gaze estimation accuracy in wearable eye-tracking devices using neural networks // Neural Computing and Applications, 2025. 37(21). 16703-16714.

Цифровая культура как контекст трансформации норм близости: клинико-психологический анализ

Хавыло А.В.

*КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия
khavyloav@tksu.ru*

Цифровая культура в современном обществе выступает не только пространством коммуникации, но и средой производства и трансляции норм: в ней задаются новые сценарии самопрезентации, близости, телесности, сексуальности и социальной валидации. Меняются не просто формы общения, а критерии того, что воспринимается как «нормальные», «успешные» и «желательные» отношения.

Для периода ранней взрослости этот сдвиг особенно значим, поскольку именно на данном этапе одной из центральных задач развития становится интеграция идентичности, ценностей и системы значимых отношений. Трансформация норм близости затрагивает центральную зону личностно-смыслового развития. Цифровая среда усиливает вариативность и конкуренцию сценариев близости: молодой человек одновременно сталкивается с моделями устойчивой привязанности, отсроченной близости, серийных связей, публичной романтической демонстративности, высокой автономии и сексуальной раскрепощенности (Bhana et al., 2025).

На клинико-психологическом уровне последствия цифровой трансформации проявляются не напрямую, а через перестройку системы отношений, доверия, саморегуляции и самооценивания. Проблема состоит не в том, что цифровизация сама по себе ухудшает психическое здоровье, а в том, что под её воздействием меняются формы и нормы отношений, через которые перестраиваются идентичность, близость и способы аффективной регуляции. Показано, что ложная самопрезентация в соцсетях связана со страхом негативной оценки и чрезмерным использованием платформ, тогда как более аутентичная самопрезентация положительно связана с удовлетворенностью межличностными отношениями (Nor et al., 2025; Peng et al., 2025).

В этих условиях личностно-смысловые конфликты в интимно-личностной сфере рассматриваются нами как зона уязвимости, возникающая при рассогласовании интериоризированных ценностей и ожиданий, с одной стороны, и практик и опыта близости – с другой. Данное рассогласование концептуализируется как ценностно-интимный диссонанс и рассматривается как один из личностно-смысловых механизмов в рамках разрабатываемой модели психического здоровья. При этом речь идёт не о моральной оценке сексуального или романтического поведения и не о синониме общего дистресса, а о переживаемом конфликте между ценностной организацией близости и фактическими, в том числе техно-опосредованными, сценариями её проживания.

Современные исследования показывают, что субъективные последствия интимного опыта определяются не только самим фактом

поведения, но и его внутренней интерпретацией. Так, рассогласование сексуального Я связано со снижением сексуальной удовлетворённости, а последствия сексуальной уступчивости зависят от ценностной согласованности опыта, качества коммуникации, самооценки, субъектности и влияния социальных норм (Moore, Sitron, 2024; Gunst et al., 2024). Это позволяет рассматривать конфликт между внутренними ориентирами личности и практикой отношений как самостоятельный клинико-психологический механизм.

Предполагаем, что цифровая среда может усиливать данный конфликт за счёт алгоритмически поддерживаемого социального сравнения, публичной валидации отношений, давления идеализированных образов тела и пары, а также асинхронной и неоднозначной коммуникации. Эти механизмы не являются универсально патогенными, однако при определённых условиях могут повышать вероятность субъективного одиночества, уязвимости самооценки, стыда, утраты доверия и нарушения смысловой согласованности личности. Установлено, что восходящее сравнение в соцсетях связано со снижением самооценки и удовлетворённости телом, меньшее количество лайков – с большей уязвимостью самооценки, меньшим ощущением осмысленности и более выраженным одиночеством, а фэббинг – с ухудшением динамики отношений и эмоционального благополучия (Le Blanc-Brillon et al., 2025; Xiao et al., 2025; Ni et al., 2025).

Цифровую культуру следует рассматривать не как внешний фон, а как значимый контекст, в котором трансформация норм близости может порождать личностно-смысловые конфликты и усиливать эмоциональные и функциональные проявления психологического неблагополучия у студентов и молодых взрослых. Клинико-психологический анализ психического здоровья в условиях цифровизации должен выходить за пределы симптоматики и включать оценку нормативной неопределённости, качества значимых отношений, ценностной согласованности и способов цифровой саморегуляции.

1. *Bhana D., Reddy V., Moosa S.* Young people becoming intimate on social media: Digital desires and gender dynamics // *Sexualities*. 2025. № 4 (28). С. 1653–1670.
2. *Gunst A. et al.* A qualitative content analysis of perceived individual and relational consequences of sexual compliance and their contributors // *Archives of Sexual Behavior*. 2024. (53). С. 3025–3041.
3. *Le Blanc-Brillon J. et al.* The associations between social comparison on social media and young adults' mental health // *Frontiers in Psychology*. 2025. (16). С. 1597241.
4. *Moore E., Sitron J.* Sexual self discrepancies, sexual satisfaction, and relationship satisfaction in a cross-sectional sample of women who experience chronic vaginal pain during sexual intercourse // *Healthcare*. 2024. № 7 (12). С. 798.
5. *Ni N. et al.* A meta-analytic study of partner phubbing and its antecedents and consequences // *Frontiers in Psychology*. 2025. (16). С. 1561159.
6. *Nor N.F. M., Iqbal N., Shaari A.H.* The role of false self-presentation and social comparison in excessive social media use // *Behavioral Sciences*. 2025. № 5 (15). С. 675.
8. *Peng W. et al.* The association between self-presentation on social network sites and interpersonal relationship satisfaction among high school students: the chain mediating role of self-esteem and self-identity // *Frontiers in Psychology*. 2025. (16). С. 1647474.
9. *Xiao B. et al.* How do young adults feel about receiving “likes” on social media? The moderating role of shyness and cybervictimization // *Emerging Adulthood*. 2025. № 6 (13). С. 1347–1358.

Супружеская измена в цифровую эпоху секстинга и вебкама

Хмарук И.Н., Хмарук Ю.С., Омельченко А.А.

*МПЦ «Нейролекс», Ростов-на-Дону, Россия
ihmaruk@mail.ru, stepys@bk.ru, omelchenko1001@rambler.ru*

Супружеская измена (адультер) была и остается одним из ведущих деструктивных факторов дестабилизации и распада семейно-брачных отношений.

В современных цифровых реалиях проблематика супружеской неверности приобретает новый формат, обусловленный резким увеличением количества интернет-опосредованных форм квазисексуального взаимодействия (секстинг, вебкам, онлайн-флирт и т.д.). Несмотря на то, что указанные формы не имеют непосредственного телесного контакта, но по остроте психотравматизации ничем не уступают традиционной «физической измене» и переживаются как предательство и вероломное нарушение границ диады.

В отечественной социальной психологии исходная парадигма осмысления адультера была задана в диссертационном исследовании И.Н. Хмарука, где измена определялась через телесно-сексуальный критерий как «добровольное вступление состоящего в браке лица в сексуальную связь вне брака без согласия брачного партнера» (Хмарук, 2000). Однако цифровая реальность ставит нас перед фактом того, что переживание неверности уже не исчерпывается физической близостью: конфликтное поле все чаще формируется вокруг скрытой эмоциональной вовлеченности, интерактивной сексуализированности и вынесения интимного взаимодействия за пределы пары за счет интенсивных онлайн-коммуникаций.

Современные исследования фиксируют интенсивное расширение семантического поля самого понятия «супружеская измена». Онлайн-неверность все чаще воспринимается как «реальная» и сопоставимая по своим последствиям с оффлайн-романом, тогда как эмоциональная неверность уже имеет зачастую больший вес, чем сексуальная (Whitty, 2005). Секстинг и сходные формы обмена эротизированным контентом оцениваются как сопоставимые с киберсексом и физической сексуальной изменой (Adam, 2019). Партнеры, столкнувшиеся с

киберсексуальной неверностью, сообщают о потере доверия, переживании травмы и обращении за профессиональной помощью (Schneider et al., 2012). Нормативно-этический анализ показывает, что нарушение сексуальной эксклюзивности возможно и без телесной близости, включая интерактивный онлайн-секс и секстинг (McQueen, 2021). В отечественных работах также предпринимаются попытки операционализации онлайн-неверности и ее разграничения с микроизменами, а также описываются поведенческие маркеры цифровой ревности (Голубев, Киселькова, 2024; Хмарук, 2019; Щукина, 2024).

Таким образом, подобное квазисексуальное поведение может рассматриваться как неверность при совокупности следующих признаков: несоответствие явной или подразумеваемой норме пары о личностной эксклюзивности и уникальности каждого; секретность и активное сокрытие (удаление переписок, пароли и дополнительные личные аккаунты); интерактивная сексуализированность в форме обмена эротическими сообщениями или изображениями, вебкам-взаимодействий, киберсекса; перераспределение «эмоциональных инвестиций» за пределы диады, проявляющееся в интимном самораскрытии, поиске признания и поддержки вне пары; негативное влияние на отношения, выражающееся в росте ревности, попыток мониторинга онлайн поведения партнера, утраты доверия и усилении конфликтов.

В профессиональной деятельности нами активно используется авторская трехуровневая модель виртуальной неверности. Эротико-визуальный уровень включает секстинг и обмен эротическими изображениями, вебкам и киберсекс; в данном случае критична степень интерактивности, персонализации и скрытности. Эмоционально-коммуникативный уровень описывает скрытое и тщательно конспирируемое онлайн-общение с формированием интимно-доверительной связи с третьими лицами, центральным механизмом которого выступает утрата коммуникативной исключительности. Онлайн-маркерный уровень включает цифровые индикаторы, которые сами по себе еще не тождественны измене, но, как правило, запускают интенсивную ревность и кризис доверия (скрываемые лайки и подписки, ночную активность, демонстративную закрытость

устройства, удаление истории, резкое изменение поведенческих онлайн-привычек).

Клинико-психологическая значимость данной проблематики определяется тем, что онлайн-опосредованные формы нарушения границ способны вызывать выраженный дистресс и тотальное разрушение доверия, а переживания партнеров нередко организуются по типу травмы предательства (Schneider et al., 2012). Для психотерапии пары существенными представляются прояснение и согласование «договора отношений» (четкое согласованное описание приемлемых границ, критическая оценка нарушений онлайн-поведения), восстановление доверия через прозрачность, ответственность и согласованный режим цифровой открытости, а также развитие навыков конструктивного супружеского диалога.

Таким образом, цифровая эпоха объективно смещает фокус рассмотрения супружеской измены от факта телесного контакта к нарушению эксклюзивности, секретности и перераспределению интимной вовлеченности. Предложенные диагностические признаки и трехуровневая модель позволяют дифференцировать различные формы эротизированного онлайн-поведения и целенаправленно выстраивать стратегию и тактику клинико-психологической и психотерапевтической помощи лицам, переживающим кризис отношений, связанный с нарушением супружеской верности одним из партнеров.

Литература

1. Голубев В.В., Киселькова А.А. Феномен онлайн неверности в диадических отношениях // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. 2024. Т. 30. № 1. С. 58–62.
2. Хмарук И.Н. Одиночество в сети: реальные угрозы виртуальных измен // Сексология и психотерапия XXI века. Запад и Восток – мосты дружбы и сотрудничества: Материалы I Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию кафедры сексологии ГИДУВа (Ленинград, РСФСР), кафедры психотерапии и сексологии СЗГМУ им. И.И. Мечникова (Санкт-Петербург, Россия), 9-11

августа 2019 г. / Под ред. С.М. Бабина, А.И. Федоровой. СПб., 2019. С. 168-177.

3. *Хмарук И.Н.* Социально-психологические корреляты выбора способа реагирования в ситуации измены супруга: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2000.
4. *Щукина О.Г.* Трансформация ревности в романтических отношениях и ее катализаторов в цифровую эпоху // Вестник университета, 2024. № 6. С. 229–236.
5. *Adam A.* Perceptions of infidelity: A comparison of sexual, emotional, cyber, and parasocial behaviors // *Interpersona: An International Journal on Personal Relationships*. 2019. Vol. 13. № 2. P. 237–252.
6. *McQueen P.* Sexual interactions and sexual infidelity // *The Journal of Ethics*. 2021. Vol. 25. № 4. P. 449–466.
7. *Schneider J.P., Weiss R., Samenow C.* Is it really cheating? Understanding the emotional reactions and clinical treatment of spouses and partners affected by cybersex infidelity // *Sexual Addiction & Compulsivity*. 2012. Vol. 19. № 1–2. P. 123–139.
8. *Whitty M.T.* The realness of cybercheating: Men's and women's representations of unfaithful Internet relationships // *Social Science Computer Review*. 2005. Vol. 23. № 1. P. 57–67.

Феноменология переживания этнической идентичности мигрантов второго поколения

Ходжаева В.И., Ткаченко Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vollykho@gmail.com, tkachenkonv@mgppu.ru*

В последние годы, в условиях роста миграционных процессов и усиления социальной напряженности в вопросах межэтнических конфликтов, в российском обществе особую актуальность приобретает вопрос этнической самоидентификации мигрантов второго поколения. В отличие от первого поколения, значительная часть их социализации проходит в принимающей стране. Одновременно с этим у некоторых

семей сохраняются сильные связи с культурой исхода, что формирует специфический опыт «жизни между культурами». Этническая идентичность в данном случае выступает как динамическое образование, изменяющееся под влиянием социального контекста и межгруппового взаимодействия (Дробижева, 2002; Стефаненко, 1999).

Целью данного исследования стало изучение феноменологии переживания этнической идентичности мигрантов второго поколения из Таджикистана. В качестве методологической основы был выбран феноменологический подход, позволяющий рассматривать переживание как целостный, личностно окрашенный и процессуальный опыт (Василюк, 1984). Методом исследования выступило глубинное интервью, направленное на выявление индивидуальных смыслов и субъективных интерпретаций (Леонтьев, 2003). В пилотажном исследовании приняли участие респондентки ($M = 25,5$ лет), переехавшие в Россию в Красноярский край в школьном возрасте, на данный момент проживающие в Санкт-Петербурге.

Анализ интервью показал, что ключевым фактором формирования этнической идентичности является опыт социализации в школьной среде. Участницы исследования столкнулись с трудностями адаптации, однако формы этого опыта различались. Одна из респонденток описывает прямой буллинг («я не понимала шутки ровесников... надо мной смеялись»), в то время как другая говорит о длительном игнорировании со стороны сверстников («меня игнорировали почти все время»). В указанных случаях именно школьная среда становится пространством интенсивных переживаний, в которых формируется представление о себе и своем месте в социальной структуре принимающего общества (Schachner et al., 2016).

Различия в типе негативного опыта обусловили разные стратегии адаптации. В одном случае формируется активная защитная позиция («я начала жестко отвечать всем... это сформировало во мне силу»), в другом – тенденция к социальной дистанции и ограничению круга общения. Это подтверждает положение о том, что переживание выступает активным процессом конструирования субъективной реальности и собственного «Я» (Василюк, 1984).

Значимым фактором является языковая ситуация в семье. В одном случае наблюдается целенаправленное сохранение родного языка («мы с отцом разговариваем исключительно на таджикском»), в другом –

смешанная коммуникация. Это отражает различия в степени сохранения этнокультурной принадлежности и согласуется с представлениями о том, что язык является важнейшим компонентом этнической идентичности (Стефаненко, 1999; Иванюшина, Александров, Казарцева, 2016).

Отдельного внимания заслуживает взаимосвязь этнической и религиозной идентичности. Респондентки относят себя к исламу, однако их религиозность носит рефлексивный характер («я религиозная, но не фанатик», «я задумываюсь над правилами»). У одной из респонденток наблюдается внутренний конфликт и стремление дистанцироваться от жестких религиозных норм. Это подтверждает тезис о тесной взаимосвязи этничности и религии в культурах Центральной Азии (Петрова, 2012).

Несмотря на устойчивую этническую самоидентификацию («я таджичка на 100%»), участницы исследования отмечают ощущение социальной дистанции. Например, мы встречаем описание переживания через принятие собственной инаковости («я как мозаика другого цвета»), или через переживание двойной чуждости («я буду чужой и там, и здесь»). Подобные переживания отражают динамический характер социальной идентичности и процесс постоянного сравнения «своей» группы с другими (Стефаненко, 1999; Berry, 2001).

Круг общения респонденток ограничен и представлен преимущественно русскими, однако даже в близких отношениях сохраняется ощущение неполного взаимопонимания («они никогда не поймут моих чувств»). Это указывает на существование скрытых границ между группами, которые сохраняются даже при внешней интеграции.

Таким образом, результаты исследования показывают, что переживание этнической идентичности у мигрантов второго поколения носит противоречивый характер и формируется в условиях постоянного баланса между сохранением собственной культурной принадлежности и адаптацией к принимающему обществу. Наиболее интенсивные переживания возникают в ситуациях межкультурного взаимодействия, где актуализируются границы «своего» и «чужого».

Литература

1. *Barraet M.* Развитие этнической идентичности // Handbook of ethnic conflict. Cambridge, 2007.
2. *Берри Дж.* Аккультурация: жизнь в условиях культурного разнообразия // Encyclopedia of social psychology. 2001.
3. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984.
4. *Дробижева Л.М.* Этническая идентичность: структура и динамика // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2002.
5. *Иванюшина В.А., Александров Д.А., Казарцева Е.В.* Этническая самоидентификация подростков-мигрантов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016.
6. *Леонтьев Д.А.* Методы психологического исследования. СПб., 2003.
7. *Петрова О.С.* Ислам и этничность в Центральной Азии. М., 2012.
8. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, 1999.
9. *Schachner M.K. et al.* Cultural diversity climate and psychological adjustment at school // Child Development. 2016.
10. *Vega D., Lasser J., Plotts C.* Social-emotional needs of immigrant children // Contemporary School Psychology. 2015.

Осознанность и смысложизненные ориентации как дифференцирующие факторы субъективного благополучия в молодежной среде

Цанг А.А.

*РГУ им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия
czangig@gmail.com*

Современное общество характеризуется высокой степенью неопределенности и информационной перегрузкой, что особенно остро переживается молодежью как наиболее чувствительной к социальным изменениям возрастной группой. В этих условиях возрастает

потребность в выявлении психологических ресурсов личности, обеспечивающих внутреннюю устойчивость и субъективное благополучие. Осознанность как способность к преднамеренному, непредвзятому вниманию к текущему моменту и смысловые ориентации как представление человека о цели, насыщенности и результативности жизненного пути являются ключевыми конструктами, определяющими психологическое благополучие. Особый интерес представляет вопрос о том, какие компоненты осознанности и смысловых ориентаций дифференцируют людей с различным уровнем субъективного счастья.

Цель исследования – выявить различия в показателях осознанности и смысловых ориентаций между группами респондентов, оценивающих себя как счастливых и несчастливых. В исследовании приняли участие 40 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет в равном соотношении полов. Использовались методики «Тест смысловых ориентаций» (СЖО) Д.А. Леонтьева и «Пятифакторный опросник осознанности» (FFMQ) в адаптации Н.М. Юмартовой и Н.В. Гришиной. Для выделения контрастных групп использовался вопрос о субъективном ощущении счастья за последний год. На основе ответов респонденты были разделены на две группы: «счастливые» ($n = 28$) и «несчастливые» ($n = 12$). Статистическая обработка данных проводилась с помощью t -критерия Стьюдента для независимых выборок.

Сравнительный анализ выявил статистически значимые различия между группами по всем показателям методики СЖО. Респонденты группы «счастливые» демонстрируют более высокие значения по шкале «Цели» ($M = 32,8$ против $24,5$; $t = 3,42$; $p < 0,01$), что указывает на наличие у них четкой временной перспективы и осмысленных жизненных ориентиров. По шкале «Процесс» ($M = 32,4$ против $24,2$; $t = 3,38$; $p < 0,01$) различия свидетельствуют о том, что счастливые респонденты воспринимают свою текущую жизнь как более интересную и эмоционально насыщенную. Различия по шкале «Результат» ($M = 27,5$ против $20,5$; $t = 3,12$; $p < 0,01$) отражают более высокую удовлетворенность прожитым отрезком жизни и ощущение продуктивности самореализации. Наиболее выраженные различия зафиксированы по шкалам локуса контроля: «Локус контроля-Я» ($M = 22,6$ против $17,0$; $t = 3,28$; $p < 0,01$) и «Локус контроля-жизнь» ($M = 31,2$

против 23,2; $t = 3,45$; $p < 0,01$), что свидетельствует о большей вере счастливых респондентов в собственную способность управлять событиями своей жизни. Общий показатель осмысленности жизни в группе «счастливые» ($M = 111,2$) значительно превышает аналогичный показатель в группе «несчастливые» ($M = 85,4$), и это различие является статистически значимым на уровне $p < 0,001$ ($t = 3,82$).

По методике FFMQ значимые различия между группами выявлены по всем шкалам. Наиболее выраженные различия зафиксированы по шкале «Осознанность действий» ($M = 28,4$ против 21,0; $t = 3,52$; $p < 0,01$), показывающей, что счастливые респонденты в меньшей степени склонны действовать «на автопилоте», и по шкале «Нереагирование» ($M = 26,8$ против 19,5; $t = 3,48$; $p < 0,01$), отражающей их большую способность не вовлекаться в автоматические реакции на тревожные мысли и образы. Общий балл по опроснику FFMQ также значимо выше в группе «счастливые» ($M = 136,7$ против 106,4; $t = 3,35$; $p < 0,01$). Статистически значимые различия также выявлены по шкалам «Наблюдение» ($M = 28,6$ против 23,2; $t = 2,31$; $p < 0,05$), «Описание» ($M = 27,8$ против 22,5; $t = 2,25$; $p < 0,05$) и «Безоценочность» ($M = 25,1$ против 20,2; $t = 2,18$; $p < 0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что субъективное ощущение счастья в молодежной среде связано в первую очередь с наличием жизненных целей, эмоциональной насыщенностью настоящего, удовлетворенностью самореализацией и убежденностью в управляемости жизни. Среди компонентов осознанности ключевыми дифференцирующими факторами выступают способность действовать осознанно, а не на «автопилоте», и способность не вовлекаться в автоматические реакции на тревожные мысли и образы. Полученные данные имеют практическую значимость для разработки программ психологической поддержки молодежи, направленных на формирование навыков осознанного действия и нереагирования, что может способствовать повышению субъективного благополучия и осмысленности жизни.

Литература

1. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.

2. Юмартова Н.М., Гришина Н.В. Адаптация пятифакторного опросника осознанности (FFMQ) на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 3. С. 492–506.

Взаимосвязь отношения к телу и культурных ценностей у россиян различных возрастных групп

Цыплакова Е.А., Шорохова В.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
elisatsy@mail.ru, shorohovava@mgppul.ru*

Современное общество характеризуется активными культурными трансформациями, которые отражаются на системе ценностей и на особенностях самовосприятия человека (Вигель Н.Л., Меттини Э., Муликова Н.А., 2025). Одним из важных аспектов самовосприятия является отношение человека к собственному телу. В психологической литературе телесность рассматривается как значимая составляющая целостной личности, влияющая на эмоциональное состояние, самооценку и психологическое благополучие. В условиях социокультурных изменений возрастает интерес к изучению факторов, определяющих особенности отношения человека к телу, в том числе культурных ценностей.

Проблема отчуждения от тела рассматривается в рамках более широкого феномена отчуждения личности. В психологии отчуждение может проявляться как ощущение дистанции между человеком и различными аспектами собственного «Я», включая телесность. Д.А. Терентьева выделяет три типа отношения к телу: субъектное, объектное и отчужденное. Субъектное отношение предполагает принятие тела как части собственной личности и активное взаимодействие с ним. Объектное отношение характеризуется восприятием тела как объекта оценки и внешнего контроля. Отчужденное отношение проявляется в переживании дистанции между личностью и телом, ощущении отстранённости или разобщённости (Терентьева, 2013).

Культурные ценности формируют нормы, регулирующие отношение человека к неопределённости, иерархии, достижениям и удовлетворению потребностей. В рамках культурной модели Г. Хофстеде выделяются такие измерения, как индивидуализм/коллективизм, дистанция власти, избегание неопределённости, маскулинность, долгосрочная ориентация и потворство желаниям (Żemojtel-Piotrowska, Piotrowski, 2023).

Цель исследования – выявить взаимосвязь между отчуждением от тела и культурными ценностями у россиян различных возрастных групп.

Выборку исследования составили респонденты трех возрастных периодов: молодость (19-28 лет), взрослость (32-42 года) и зрелость (44-60 лет). Для анализа взаимосвязей между показателями отношения к телу и культурными ценностями был использован коэффициент корреляции Пирсона.

Согласно полученным результатам, в группе молодежи выявлено относительно небольшое количество статистически значимых связей. Субъектное отношение к телу отрицательно связано с избеганием неопределённости: чем выше стремление избегать неопределённых ситуаций, тем ниже выраженность субъективного отношения к телу. Кроме того, обнаружена отрицательная связь между объектным отношением к телу и долгосрочной ориентацией. Наблюдаются также тенденции к увеличению отчуждения от тела при росте избегания неопределённости и к его снижению при более высоком уровне потворства желаниям.

В группе взрослых (32–42 года) выявлено наибольшее количество значимых взаимосвязей. Субъектное отношение к телу положительно связано с дистанцией власти, маскулинностью и потворством желаниям и отрицательно связано с избеганием неопределённости, причем последняя связь является наиболее сильной. Также установлено, что объектное отношение к телу уменьшается при росте индивидуализма. Отчуждение от тела отрицательно связано с маскулинностью, что может свидетельствовать о меньшей выраженности отчуждения в культурах, ориентированных на достижения и активность.

В группе зрелых респондентов (44–60 лет) субъектное отношение к телу положительно связано с индивидуализмом и потворством желаниям и отрицательно – с избеганием неопределённости. При этом

объектное отношение к телу не демонстрирует статистически значимых связей с культурными ценностями. Отчуждённое отношение к телу, напротив, положительно связано с избеганием неопределённости и отрицательно связано с маскулинностью и потворством желаниям.

В целом результаты исследования показывают, что культурные ценности оказывают влияние на особенности отношения к телу в разных возрастных группах. Наиболее устойчивым фактором выступает избегание неопределённости: высокий уровень данного культурного измерения связан с более низким субъективным отношением к телу и более выраженным отчуждением от него. Кроме того, ценности, связанные со свободой самовыражения и удовлетворением жизненных потребностей (потворство желаниям), как правило, связаны с более позитивным отношением к телу и меньшим уровнем отчуждения.

Полученные данные свидетельствуют о том, что особенности культурных ценностей могут выступать значимым фактором формирования отношения человека к собственному телу и уровня его отчуждения, причем характер этих взаимосвязей может различаться в зависимости от возраста.

Литература

1. Вигель Н.Л., Меттини Э., Муликова Н.А. Трансформация как проблема современной культуры// Гуманитарные и социальные науки. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kak-problema-sovremennoy-kultury> (дата обращения: 19.02.2026).
2. Терентьева А.Д. Связь отчуждения собственного тела с индивидуальными представлениями о здоровье: дис. канд. психол. наук. Москва, 2013.
3. Żemojtel-Piotrowska M., Piotrowski J. 2023. Hofstede's Cultural Dimensions Theory. 10.1007/978-3-031-08956-5_1124-1.

Взаимосвязь учебной мотивации, самооффективности и обращения к искусственному интеллекту у школьников

Чайка А.И., Бабанин П.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

dorogoyarthur@gmail.com, babaninpa@mgppu.ru

В условиях цифровизации образования и активного внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в учебный процесс возрастает интерес к изучению факторов, определяющих особенности его использования школьниками. В частности, удержание учебной мотивации и развитие самооффективности у школьников в связи с внедрением искусственного интеллекта во все этапы учебного процесса является актуальной задачей для всех участников образовательной системы.

Учебная мотивация рассматривается как система побуждений, определяющих направленность и интенсивность учебной деятельности (Маркова, 1983). Самооффективность, в рамках концепции А. Бандуры, понимается как убеждение человека в собственной способности успешно справляться с задачами и достигать поставленных целей (Бандура, 2000). Также самооффективность определяется как когнитивный процесс, посредством которого человек оценивает собственные возможности при выполнении различных видов деятельности, а не как устойчивая личностная характеристика (Граур, 2017). От степени сформированности самооффективности может зависеть частота обращения школьника к искусственному интеллекту, определяя степень его самостоятельности и характер использования внешних технологий для решения учебных задач. Использование искусственного интеллекта школьниками может выполнять двойственную функцию. С одной стороны, ИИ выступает как инструмент поддержки обучения, способствующий повышению познавательной активности и автономности, расширяя возможности образования. С другой стороны, мы предполагаем, что чрезмерная опора на ИИ может снижать учебную мотивацию и самооффективность школьников (Пешкова, 2025).

Для определения взаимосвязи учебной мотивации, самооффективности и обращения к искусственному интеллекту у

школьников было проведено эмпирическое исследование. Объектом исследования выступили психологические основания обращения к искусственному интеллекту у школьников. Предмет исследования – связь учебной мотивации, самооффективности и обращения к искусственному интеллекту. Гипотеза исследования: существует статистически значимая взаимосвязь между учебной мотивацией, самооффективностью и обращением к искусственному к интеллекту у школьников.

Исследование носило констатирующий характер и предполагало определение уровня учебной мотивации и самооффективности у обучающихся 9-11 классов и выявление взаимосвязи данных переменных с обращением к искусственному интеллекту.

Для диагностики использовались следующие методики: шкала самооффективности (J. Maddux, M. Sherer , адаптация А.В. Бояринцевой); методика изучения мотивации обучения (М.И. Лукьянова, Н.В. Калинина); индекс учебного интереса (Толстых Н.Н., Федоров В.В., Харченко М.А., Погодина А.В., Денисенкова Н.С., Бабанин П.А.).

В ходе исследования при применении статистического критерия Крускала-Уоллеса с дальнейшим попарным сравнением по критерию Двасса–Стила–Кричлоу–Флигнера были обнаружены статистически значимые различия в учебном интересе школьников. По показателю общего учебного интереса более низкие значения наблюдались у обучающихся 9-го класса ($Me = 13,58$) по сравнению с 10-м ($Me = 16,12$) и 11-м классом ($Me = 17,30$), при этом различия между 9-м и 10-м классами ($p = 0,023$), а также между 9-м и 11-м классами ($p = 0,029$) были статистически значимыми. Различия между 10-м и 11-м классами статистической значимости не достигли ($p = 0,857$). В уровне учебной мотивации также наблюдались различия: более низкие значения также были характерны для 9-го класса ($Me = 32,0$) по сравнению с 10-м классом ($Me = 57,5$); различие между этими группами оказалось статистически значимым ($p < 0,001$). Различия между 9-м и 11-м классами ($p = 0,140$), а также между 10-м и 11-м классами ($p = 0,248$) статистически значимыми не были. Для проверки различий в показателях учебного интереса, самооффективности и мотивации обучения в зависимости от частоты использования инструментов искусственного интеллекта был применен критерий Крускала–

Уоллиса. Статистически значимые различия между группами были выявлены только по шкале мотивации достижения ($\chi^2 = 7,438$; $p = 0,024$), что указывает на связь данного показателя с частотой обращения к искусственному интеллекту. В ходе корреляционного анализа была установлена статистически значимая отрицательная связь между частотой использования ИИ и общим баллом самооффективности ($r = 0,364$ при $p < 0,05$). Это позволяет предположить, что при более частом обращении к ИИ-сервисам у обучающихся может снижаться субъективная оценка собственной эффективности. При этом связи частоты использования ИИ с общим учебным интересом и большинством мотивационных показателей статистически значимыми не оказались.

Результаты исследования могут быть обусловлены снижением значимости личного опыта успешного выполнения деятельности при частом обращении к внешним источникам помощи. Вместе с тем нельзя исключать обратную направленность связи: учащиеся с изначально низкой самооффективностью могут чаще прибегать к использованию ИИ как средству компенсации затруднений. Дополнительно данный результат может быть интерпретирован через механизм снижения когнитивного усилия и формирования зависимых стратегий поведения.

Литература

1. *Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
2. *Граур М.В.* Средства академической адаптации как предикторы самооффективности обучающихся в среднем звене школы / Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2017. № 3 (30). С. 42-47.
3. *Маркова А.К.* Мотивация учения и ее воспитание у школьников / А.К. Маркова, А.Б. Орлов, Л.М. Фридман. М.: ООО «Педагогика», 1983. 64 с.
4. *Пешикова А.О.* Применение технологий искусственного интеллекта для стимулирования учебной активности и заинтересованности школьников // Инновационные практики в междисциплинарных исследованиях: сборник статей Международной научно-практической конференции,

Стерлитамак, 20 июня 2025 года. Уфа: ООО «Аэтерна», 2025. С. 153-156.

5. Учебная мотивация: разработка методического инструментария: монография / под ред. Н.Н. Толстых. М.: ИНФРА-М, 2024. 183 с.

Патриотизм как предмет психологического исследования: структура и содержание

Чан Тхи И.Н., Веселова Е.К.

*ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена», Санкт-Петербург, Россия
yennhi0218@gmail.com, elkonves16@yandex.ru*

В условиях глобализации актуализируется задача изучения психологических оснований патриотизма как феномена, выходящего за рамки идеологии. Целью работы является анализ психологической структуры патриотизма на двух уровнях: как целостного психологического феномена и как устойчивого социально-психологического качества личности. Теоретической основой выступили концепции смысловой сферы личности (Леонтьев, 2007), социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1979) и базовые положения общей психологии о единстве образных и эмоциональных процессов (Рубинштейн, 2002). Патриотизм, выходя за рамки социально-политического дискурса, становится значимым предметом исследования психологической науки.

На первом этапе исследование носит теоретико-аналитический характер. Методологической стратегией выступает моделирование, направленное на выделение инвариантных психологических структур патриотизма как психологического феномена и описание их культурно-специфического наполнения. В качестве материала для анализа использовались концептуальные положения вьетнамской традиции, в частности, развитие понятия «уёи пиёс» (любовь к родине) в учении Хо Ши Мина. Основная гипотеза заключается в том, что патриотизм может быть представлен как двухуровневая система, интегрирующая

общепсихологические механизмы и социально-психологические личностные образования.

На общепсихологическом уровне патриотизм может быть эксплицирован как устойчивый синтез познавательных и эмоциональных процессов, формирующих целостное отношение к макросоциальной общности. Фундаментом феномена выступает формирование комплексного психического образа – «образа Родины». Его становление связано с последовательной интеграцией данных различных уровней: от первичных чувственных впечатлений до мнемического закрепления в автобиографической памяти и понятийно-речевого опосредования. В свою очередь, сформированный когнитивный конструкт катализирует эмоциональный отклик, эволюционирующий от ситуативных переживаний к глубокому, ценностно-окрашенному чувству. Этот аффективный спектр включает базовое чувство психологической безопасности, социальные эмоции гордости, а также сложные амбивалентные переживания (боль, стыд, ответственность).

В результате предлагается двухуровневая психологическая модель патриотизма. На общепсихологическом уровне патриотизм раскрывается как синергетический синтез когнитивного «образа Родины» и глубокого социально-психологического аффекта. На уровне личности – это отношение интериоризируется, кристаллизуясь в виде высшей личностной ценности, наполняясь индивидуальным смыслом и инкорпорируясь в Я-концепцию через гражданскую идентичность. Данная ценность наполняется личностным смыслом (долг, служение, созидание), тем самым определяя конкретные векторы и содержание социальной активности личности.

На материале вьетнамской культуры предполагается показать, что культурный контекст задает специфическое содержание этих универсальных структур, формируя модель «ценности-долга» с выраженной коллективистической и действенно-практической направленностью. Эволюция понятия «уêu пиôс» в концепции Хо Ши Мина подчеркивает нераздельность Родины и Народа (Нгуен, 2015). Это создает уникальную культурную модель, в которой патриотизм интериоризируется не просто как чувство, а как ценность-долг, где эмоциональная связь неотделима от практического обязательства действовать на благо народной общности. Предлагаемая модель

представляет собой концептуальный аппарат для дальнейшего кросс-культурного изучения феномена.

Литература

1. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007.
2. *Нгуен Хунг Хау.* Từ khái niệm truyền thống về tình yêu quê hương đến khái niệm tình yêu quê hương Hồ Chí Minh [От традиционного понятия любви к родине к понятию любви к родине Хо Ши Мина]. Ханой: Изд-во Политической теории, 2015.
3. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
4. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
5. *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict // Austin W.G., Worchel S. (eds.). The social psychology of intergroup relations. – Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. – P. 33–47.

Оценка и самооценка цифровой компетентности в исследованиях цифровой социализации подростков.

Чернуха Д.Р.

*РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
dim.chernuk@yandex.ru*

Цифровая среда сегодня является не просто инструментом получения информации, но формирует пространство для цифровой социализации, что является важной частью интеграции современного ребенка в общество (Волкова 2025). Несмотря на большой объем эмпирических данных как с научной, так и с социальной стороны методологическое поле исследования по большей части остается фрагментированным. В современных исследованиях цифровой

социализации подростков можно выделить, по меньшей мере, две методологические линии.

Первая опирается преимущественно на самоотчетные показатели и фокусируется на субъективном ощущении цифровой компетентности, уровне вовлеченности и чувстве идентичности с «цифровым поколением». Данные показатели измеряются через методики самоощущения: опросники, шкалы уверенности и ощущаемой значимости онлайн-коммуникаций. К этому направлению можно отнести концептуальные и эмпирические работы, анализирующие просоциальность, политическую информированность, осознанную мотивацию и социальную идентичность подростков в онлайн-среде (Bonafede, 2025). В рамках этого подхода цифровая социализация понимается прежде всего как внутреннее ощущение цифровой компетентности – того, насколько подросток чувствует себя компетентным, защищённым и интегрированным в цифровую среду.

Вторая линия концентрируется на оценке реальных навыков и поведенческих компонентов: наборе используемых платформ, количестве времени в сети и поведенческих индикаторах цифровой компетентности. Сюда относятся исследования проявлений цифровой социализации и типов пользователей на основании медиапотребления и цифровых предпочтений подростков, где анализируются распределение по платформам, времени в сети и проблемам онлайн-активности (Головчин, 2022; Tremolada et al., 2022). К этому же направлению относятся инструменты, позволяющие оценивать реальную компетентность и объективные данные о цифровом потреблении.

Однако оба направления содержат в себе некоторые методологические ограничения. В первом случае исследователь, опирающийся только на самооценку, рискует исказить реальное представление о выборке – например, переоценить защищенность одной части подростков и недооценить уязвимость других (эффект завышенной самооценки или социальной желательности), что может повлиять на результаты исследования. Во втором же случае возникает методологическая опасность игнорировать самовосприятие подростка, что может снизить качество прогностической функции исследования.

Эти расхождения указывают на необходимость рассматривать цифровую социализацию через оценку двух плоскостей, где и оценка,

и самооценка цифровых навыков выступают независимыми, но взаимодополняющими измерениями. Именно их совместный анализ позволяет сформировать полноценную картину, что остается менее видимым при использовании только одного типа показателей. Подобный подход уже начинает применяться в ряде отечественных исследований (Солдатова, Рассказова 2023)

Полученные в ходе проведенного авторами исследования промежуточные данные также показывают, что опора только на одну из этих линий приводит к искаженной картине цифровой социализации. Так, сочетание показателей компетентности, деструктивной вовлечённости, цифрового потребления и самооценки цифровой компетентности позволяет выделить профили, в которых высокая деструктивность сочетается с завышенной самооценкой собственных навыков относительно реальной компетентности, в то время как низкий уровень деструктивности сочетается с заниженной самооценкой собственных навыков, а здоровая самооценка соответствует высокому уровню компетентности в цифровой среде. Таким образом, проведенные исследование и анализ подчеркивают важность включения в дизайн исследований как показателей цифровой активности, так и показателей самооценки компетентности при анализе рисков и ресурсов цифровой социализации подростков.

Литература

1. Волкова Е.Н. Феномены социализации современных подростков: Pro et contra Социальная психология и общество. 2025. 16(2). С. 23-42.
2. Головчин М.А. Проявления цифровой социализации у молодежи: результаты пилотного опроса старшеклассников. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. 15(5). 237–256. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.13>
3. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Социальная психология и общество. 2023. 14(3). С.11-30. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302>

4. *Bonafede P., Soriani A., Pacetti E.* Adolescents, well-being and media practices: analysis of students' experiences in the Metropolitan City of Bologna... Rome: Association «For Democratic School». 2025.
5. *Tremolada M., Silingardi L., Taverna L.* Social Networking in Adolescents: Time, Type and Motives of Using, Social Desirability, and Communication Choices. *Int J Environ Res Public Health*. 2022. Feb 19;19(4):2418. <https://doi.org/10.3390/ijerph19042418>. PMID: 35206605; PMCID: PMC8872287

Особенности коммуникативной сферы студентов с навязчивыми грезами

Черных Л.А., Левков А.Г.

ФГБОУ ВО «ЛГПУ», Луганск, Россия

Larisa_pon@inbox.ru, sasha.levkov.01@mail.ru

Несмотря на растущий интерес ученых, навязчивые грезы, или неадаптивные мечтания, – довольно противоречивая и неоднозначная проблема. Противоречивость идеи заключается в позиционировании явления в качестве полноценного психического расстройства (которая Международной классификацией болезней еще не принята) и одновременно с этим, наряду с их отличительными чертами, имеет выраженное сходство с существующими расстройствами, что препятствует однозначной классификации явления. Учитывая это, неоднозначность проблемы заключается в более частной ее классификации в системе психологической науки. Так, например, согласно исследованиям, существует некоторое количество различных предположений относительно природы и психических закономерностей навязчивых грез, но единого и системного взгляда нет.

Тем не менее, если учесть предложенное автором концепции Е. Somer определение навязчивых грез: «это чрезмерная мечтательная активность, которая заменяет собой межличностное взаимодействие и/или мешает учебной, профессиональной деятельности» (Somer, 2002), то из существующего взгляда сложно определить природу и характер явления.

Раскрывая этот аргумент, в результате анализа существующих исследований, а также согласно результатам наших исследований (Левков, 2024) мы выделили несколько ключевых форм проявления навязчивых грез: непосредственная форма дезадаптации, включающая в себя все признаки психического расстройства; форма аддитивного поведения, характеризующаяся возникновением потребности в грезах на основе их эмоционального подкрепления; а также форма механизма психологической защиты, суть которой заключается в повышении уровня адаптивности, путем снижения психического напряжения, а также эмоционального отреагирования стрессовых реакций в фантазийных образах.

Из работ Е. Somer и других исследователей можно выделить целую систему последствий для психики и жизни человека при навязчивых грезах (Somer, 2016). Среди когнитивных нарушений выделяются: снижение концентрации внимания, затруднение фокусировки на реальных задачах из-за постоянного переключения на фантазийные сценарии; ухудшение памяти, причем отмечается долговременная память, где возникают трудности с удержанием информации, что для студенческого возраста – значительная проблема. В эмоциональной сфере контраст переживаний грез и фантазийных образов с низким уровнем эмоциональных реакций в реальном мире может приводить к апатии и ангедонии (Ross, 2020). В социальной сфере отмечается изоляция вследствие того, что испытуемыми предпочитают фантазии и грезы реальному общению, наблюдаются конфликты в отношениях различного рода из-за пренебрежения семейными или профессиональными обязанностями, у испытуемых студенческого возраста отмечается снижение продуктивности (Bigelsen, 2010). Проведенное нами исследование позволяет нам отметить дополнительные особенности социальной сферы студентов с навязчивыми грезами, в частности в отношении социальной активности и коммуникативной сферы личности.

Так, с помощью методики «Шкала навязчивых грез» (Maladaptive Daydream Scale) из 512 испытуемых студентов в возрасте от 16-22 лет была составлена экспериментальная группа в количестве 135 человек, характеризующаяся выявленными навязчивыми грезами.

Следующие шкалы многомерного 16PF опросника Р. Кеттелла дали возможность оценить особенности социальной сферы студентов с навязчивыми грезами.

Например, фактор «Общительность–замкнутость» демонстрирует достаточно неоднозначные результаты с примерно одинаковым соотношением испытуемых, склонных к первому и второму признаку. Так, 51% (68 чел.) имеют выраженные тенденции к открытости, общительности, а 49% (67 чел.), напротив, характеризуются замкнутостью и отсутствием тенденции к коммуникации.

Фактор «Подчинение–самоутверждение» соответствует определенным типам поведения в социальной среде, бессознательной «позиции» из которой исходит субъект. По результатам данного фактора выявлено, что 56% (76 чел.) характеризуются более подчиняющимся поведением, тогда как направленность на самоутверждение наблюдается у 43% (59 чел.). Здесь же важно привести результаты фактора «Робость–смелость», поскольку личность, которая склонна к навязчивым грезам именно и характеризуется повышенным уровнем замкнутости, скромности, конформности и другими формами дезадаптации (Somer, 2016). Результаты фактора в достаточной мере подтверждают – 68% (92 чел.) характеризуются робостью и застенчивостью, тогда как результаты, относящиеся к смелому, решительному, устойчивому поведению наблюдаются у 32% (43 чел.) испытуемых.

Фактор «Доверчивость–подозрительность» на самом деле может отражать достаточно специфические особенности студентов, склонных к навязчивым грезам и в первом, и во втором случае. Так, 30% (41 чел.), характеризующиеся оценками по фактору «доверчивость», могут отражать некритичность, отрешенность в отношении происходящих событий, а 70% (94 чел.), склонных к подозрительности, отражают тревожную черту, наблюдаемую в поведении людей с навязчивыми грезами (Bigelsen, 2010).

Далее по результатам методики «Структура ценностных ориентаций» С.С. Бубновой можно наблюдать выраженные ценности личности с навязчивыми грезами в системе коммуникаций. Так, несмотря на преобладание средних оценок по шкалам, существуют некоторые особенности. Так, ценность «Общение» на высоком уровне наблюдается у 33% (45 чел.), средний – 56% (76 чел.) и низкий уровень лишь у 11% (14 чел.). Это дает нам основания предполагать, что само

по себе общение для личности с навязчивыми грезами действительно значимо, но открытым остается вопрос его реализации. Иную картину представляют результаты по следующим ценностям: «Социальный статус» на высоком уровне значимости у 12% (16 чел.), среднем – у 39% (52 чел.), а низкий у 49% (67 чел.); ценность «Социальная активность» на высоком уровне значимости свойственна также 12% (16 чел.), на среднем – 53% (72 чел.) и на низком – 35% (47 чел.).

Значимые показатели статистической взаимосвязи наблюдаются лишь между показателями навязчивых грез и результатами «замкнутость» 16PF опросника Кеттелла ($r = 0,362$ при $p < 0,05$), что свидетельствует о том, что действительно замкнутость и интроверсия, склонность к «внутреннему» отреагированию может приводить к формированию навязчивых грез.

Таким образом, при повышенной значимости общения, оценки данных ценностей свидетельствуют о снижении уровня самого социального интереса, а результаты шкал 16PF опросника Кеттелла демонстрируют склонность к замкнутости, конформности и подозрительности, что соответствует представлениям о проблематике в контексте социальной сферы.

Литература

1. Левков А.Г. Навязчивые грезы: феноменология явления и эмпирическое исследование проблемы. Новое в психолого-педагогических исследованиях. № 4 (75). 2024, с. 281–292.
2. Bigelsen J. Compulsive fantasy: Proposed evidence of an under-reported syndrome through a systematic study of 90 self-identified non-normative fantasizers / J. Bigelsen, C. Schupak. – New York : Elsevier, 2010. – 16 p.
3. Ross A.C. Maladaptive Daydreaming, Dissociation, and the Dissociative Disorders // A. C. Ross, M. A. Jane Ridgway, B. S. Nevita George // Psych Res Clin Pract. – 2020. – Vol. 2 (2). – P. 1–9.
4. Somer E. Childhood antecedents and maintaining factors in maladaptive daydreaming // J. Nerv Ment Disease. 2016. Vol. 204 (6). P. 471-478.
5. Somer E. Maladaptive Daydreaming: A Qualitative Inquiry // Journal of Contemporary Pshychoterapy. 2002. Vol. 32. P. 197-212.

Признаки и условия доверия в межвидовой диаде «человек – рабочая собака»

Черняев О.С.

ГБПОУ ОКГ «Столица», ФГБОУ ВО ГАУГН, Москва, Россия

Воробьева А.Е.

ФГБУН ИП РАН, Москва, Россия

o.chernyaev9@yandex.ru, aeVorobieva@yandex.ru

Несмотря на высокую значимость доверия для кинологической деятельности (М.А. Singletary, S. Michenaud, A. Gazzano), его структура и эмпирические индикаторы в межвидовой диаде изучены недостаточно. Целью предварительного этапа эмпирического исследования стало выявление признаков и условий доверия в диаде «человек – рабочая собака», с помощью полустандартизированного интервью с преподавателями-кинологами (6 человек в возрасте 25-50 лет, стаж работы 2 – 30 лет). План интервью содержал следующие блоки: представления о доверии со стороны собаки (есть ли оно, каковы признаки, нужно ли оно для работы, какова его функция), рефлексия своего доверия собаке (признаки своего доверия, ситуации его проявления), риски (внутри диады, со стороны окружающей среды) и ответственность в работе с собакой (распределение между членами диады, причины такого распределения).

В ходе качественно-количественного анализа интервью выделены признаки, которые, по мнению кинологов, свидетельствуют о доверии со стороны рабочей собаки: позитивные эмоции, проявляющиеся в мимике и пантомимике; связь, чувство друг друга (согласованность и сработанность); разрешение проводить манипуляции; желание приходить к кинологу при плохом самочувствии (восприятие как источника защиты); требование внимания и готовность к взаимодействию (здоровая привязанность); принятие корректирующих действий без избегания, страха или агрессии. Из перечисленных признаков доступны наблюдению исследователем мимика и пантомимика рабочей собаки, свидетельствующие о проявлении позитивных эмоций, и принятие корректирующих действий кинолога. Восприятие человека как источника защиты и разрешение проводить манипуляции могут быть зафиксированы исследователем только со слов кинолога. Согласованность и сработанность – признаки

эффективной работы, т.е. следствие доверия в межвидовой диаде. Привязанность же не может отождествляться с доверием.

Опираясь на подходы к пониманию доверия и его видов А.Б. Купрейченко, А.Ю. Акимовой, А.В. Никольской, на материале интервью выделены четыре компонента доверия у кинолога: *единство* – восприятие диады как целостной системы, где действия партнеров согласованы и направлены на общий результат; *предсказуемость* – уверенность в стабильном и соответствующем ожиданиям поведении собаки; *надежность* – убежденность в качественном выполнении рабочей собакой поставленной задачи; *управляемость* – способность кинолога влиять на поведение собаки при сохранении ее инициативности в рамках делегированных зон ответственности. В ответах кинологов наибольшее число признаков относились к компонентам надежность и предсказуемость, наименьшее – к компонентам единство и управляемость.

Динамика формирования доверия у кинолога может быть описана через модель развития доверия Р. Левицки и Б. Банкера (Lewicki, Bunker, 1996), состоящую из трех стадий. Стадия доверия на основе расчета характеризуется рациональной оценкой: кинолог наблюдает за поведением рабочей собаки, проверяет навыки, анализирует успешность выполнения команд. Доверие формируется за счет надежности рабочей собаки и осознания выгод от поддержания отношений. Стадия доверия на основе знания наступает по мере накопления совместного опыта: кинолог начинает предвидеть реакции рабочей собаки. Стадия доверия на основе тождества – высший уровень доверия, когда кинолог воспринимает рабочую собаку как партнера, участники диады действуют как единое целое. В ответах кинологов наибольшее число признаков относились к стадии доверия на основе знания, наименьшее – к стадии доверия на основе расчета.

На материалах интервью на основе сочетания параметров наличие/отсутствие доверия у кинолога и рабочей собаки, распределение ответственности между ними, источники рисков (кинолог, рабочая собака, другие люди, среда) выделены шесть типов доверительных отношений кинолога с рабочей собакой. *Объектное отношение* характеризуется отсутствием доверия с обеих сторон, наличием рисков со стороны собаки и других людей, ответственность за результат полностью лежит на кинологе. *Авторитарное отношение*

фиксирует наличие доверия у обоих членов диады, источником риска и субъектом ответственности кинолог считает только себя. Отношение по типу *защиты* характеризуется взаимным доверием, внешними по отношению к кинологу источниками риска (со стороны собаки, других людей, среды), кинолог принимает на себя полную ответственность. Отношение по типу *заботы* определяется взаимным доверием, наличием рисков со стороны собаки и других людей, полной ответственностью кинолога. Отношение по типу *опеки* сочетает взаимное доверие с неравномерным распределением ответственности (большая часть – на кинологе, меньшая – на рабочей собаке). При этом источниками рисков являются как сами члены межвидовой диады, так и среда, в которой они работают. *Партнерство* можно считать высшим типом доверительных отношений, в котором присутствует взаимное доверие, источники рисков – рабочая собака, другие люди, и равное распределение ответственности между членами диады. То есть типы доверия в межвидовой диаде в основном различаются по распределению ответственности и рисков.

Выявлен спектр типов доверительных отношений от *объектного отношения к партнерству*, что согласуется со спектром типов межвидового взаимодействия, описанным в экопсихологическом подходе (В.И. Панов, А.В. Никольская). Показано, что доверие у кинологов больше основано на знании, надежности и предсказуемости.

В основном исследовании признаки доверия у рабочей собаки (позитивные эмоции, принятие корректирующих действий) будут регистрироваться путем наблюдения за работой межвидовых диад.

Литература

1. Lewicki R.J., Bunker B.B. Developing and maintaining trust in work relationships// Trust in organizations: Frontiers of theory and research/ Ed. by R. Kramer, T. R. Tyler. Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. Pp. 114-139.

Связь профессиональной идентичности и отношения к цифровым образовательным технологиям у молодежи

Чеслин Я.Г., Шорохова В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

sunnyworld2019@list.ru, shorohovava@mgppu.ru

Цифровые образовательные технологии (ЦОТ) все активнее входят в нашу жизнь. Наибольший интерес к ним появился в период пандемии COVID-19, что было вызвано социальной ситуацией. Тем не менее, современный процесс обучения практически нельзя представить без данного инструмента. Например, несмотря на то, что пандемия COVID-19 подошла к концу, до сих пор используются виртуальные технологии для проведения уроков и занятий дистанционно. Также в современном образовательном процессе все сильнее назревает вопрос применения искусственного интеллекта (ИИ).

Несомненно, современные ЦОТ существенно облегчают процесс обучения, позволяя упрощать те или иные задачи, а также решать сложные задачи, но вместе с тем это также наталкивает на мысль о том, каким образом перестроение образовательной системы может привести к изменению в профессиональной идентичности (ПИ) у молодежи. Можно предположить, что в связи с упрощением процесса обучения в связи с применением ЦОТ вовлеченность молодежи в процесс обучения может быть снижена, что приведет к снижению интереса к освоению будущей профессии и, как следствие, снижению ПИ.

Большинство исследований на данную тематику фокусируются на рассмотрении каждого термина в отдельности: профессиональная идентичность или цифровые образовательные технологии (Ярмак, 2024). Автор довольно подробно описал типологию современных ЦОТ, применяемых в образовательных учреждениях, а также затронул некоторые вопросы, касающиеся перспектив ИИ в данной области и возможных перспектив интеграции данных систем, а также их применения. И лишь немногие описывали их в связке (Аршинова и др., 2022; Пфетцер, 2021). Исследователи пришли к неутешительным выводам, что современная цифровая среда действительно способна оказывать негативное воздействие на становление студента как профессионала, при этом оказалось, что наиболее уязвимыми в этом

отношении являются студенты выпускных курсов, также отмечалось снижение возможности для контактирования с участниками образовательного процесса и потенциальными представителями осваиваемых профессий, что также негативно сказывалось на вхождении в профессию. Стоит отметить, что само понятие «отношение к цифровым образовательным технологиям» было введено в науку И.А. Новиковой и П.А. Бычковой сравнительно недавно – в 2024 году (Новикова, Бычкова, 2024). Авторами также была составлена целая методика для измерения отношения к ЦОТ у студентов, позволившая им выявить, что, несмотря на общее преобладание положительного отношения к ЦОТ, данный аспект сильнее выражен у девушек в связи с преобладанием эмоционального аспекта., который тем не менее, обуславливал и общее преобладание положительного отношения к ЦОТ у участвовавших в исследовании студентов.

Данное исследование ставит своей целью объединить воедино наработки ученых по всем темам с целью рассмотрения общей картины социальной ситуации вокруг ЦОТ и возможной динамики изменения ПИ молодых людей в результате интеграции ЦОТ в образовательную систему, с целью составления рекомендаций для психологов, преподавателей и разработчиков ЦОТ, а также попытаться дать рекомендации касательно создания допустимых «рамочек» применения и внедрения ЦОТ в современную образовательную среду.

Литература

1. *Аришинова Е.В., Янко Е.В., Браун О.А., Билан М.А., Аркузин М.Г., Пфетцер А.А.* Динамика профессиональной идентичности студентов в цифровизации образовательной среды и ее девиации // *Профессиональное образование в России и за рубежом.* 2022. №1 (45). С. 116–121. https://doi.org/10.54509/22203036_2022_1_116
2. *Новикова И.А., Бычкова П.А.* Отношение к цифровым образовательным технологиям у студентов: определение, диагностика, гендерные особенности // *Теоретическая и экспериментальная психология.* 2024. №1. С. 70– 84. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-04>

3. *Пфетцер А.А.* Цифровая образовательная среда как новое пространство становления профессиональной идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 985–994. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-985-994>.
4. *Ярмак К.В.* Типология средств цифрового сопровождения образовательного процесса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 1(96). С. 83–89. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-83-89>

Роль групповой поддержки в коррекции образа тела у женщин с онкологическими заболеваниями

Чугунова Н.С.

*СРБОО «Вместе ради жизни», Екатеринбург, Россия
nasch@mail.ru*

Лечение рака молочной железы (РМЖ) – хирургическое вмешательство и химиотерапия – приводит к изменениям, нарушающим субъективную оценку женщиной собственного тела. По данным исследований, 30–70% женщин после лечения рака сообщают о нарушениях образа тела, связанных с депрессивным состоянием, тревогой и социальной изоляцией (Fingeret et al., 2014). В российской практике специализированные программы данного профиля практически отсутствуют. Прямой перенос западных протоколов затруднен: в российском культурном контексте утрата груди переживается прежде всего через ролевые идентичности «Я – мать» / «Я – жена», а не через индивидуальную телесную автономию (Тхостов, 2002), что требует иной логики реабилитации. Когнитивно-поведенческие программы групповой работы с образом тела показывают высокую эффективность (Esples et al., 2018); важны нормализация переживаний, взаимная поддержка и корректирующий опыт принятия (Cash, 2008).

Цель нашего исследования – изучить роль групповой поддержки в динамике субъективной оценки тела у женщин с РМЖ в онлайн-программе когнитивно-поведенческой коррекции.

Методы. Пилотное исследование: одновыборочный квазиэкспериментальный дизайн без контрольной группы. Выборка: 18 женщин с РМЖ ($M = 51,8 \pm 9,6$ лет), прошедших 12-недельную онлайн-программу «Возвращение к себе» (12 занятий по 120 мин.).

Программа включала три взаимосвязанных блока. *Когнитивный блок* – выявление и реструктуризация дисфункциональных убеждений о теле, работа с телесным образом через осознанность. *Поведенческий блок* – постепенное снижение избегающего поведения. *Групповой блок* – структурированный обмен опытом, совместная работа с горем утраты прежнего тела, нормализация переживаний и формирование корректирующего опыта принятия внутри группы (феномен универсальности страдания, групповая сплоченность). Между занятиями участницы поддерживали контакт через закрытый групповой чат.

Точки измерения: T1 – до начала участия в программе, T2 – после 5-й сессии, T3 – через 3–4 недели после окончания.

Использовались следующие методики. Шкала образа тела BIS (Body Image Scale) – субъективная оценка своего тела; шкала социального избегания и дистресса (SADS); госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS); шкала самоуважения М. Розенберга (RSES); опросник качества жизни EORTC QLQ-C30. Качественный блок: тематический анализ письменных отзывов ($n = 15$) и полуструктурированных интервью ($n = 18$) по методу Braun & Clarke (2006). Статистика: критерий Вилкоксона для зависимых выборок; d Коэна как мера размера эффекта; коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты. По всем методикам зафиксирована положительная динамика от T1 к T3. BIS (субъективная оценка тела): $M = 16,89 \rightarrow 12,00$ ($p < 0,001$; $d = 0,80$) – переход от умеренного уровня нарушений к субклиническому; клинически значимое улучшение ($\Delta BIS \geq 5$) у 61,1% участниц. Избегающее поведение (SADS): $p < 0,001$; $d = 0,78$; Шкала тревоги (HADS-A): $M = 7,67 \rightarrow 5,94$ ($p = 0,007$; $d = 0,58$), преимущественно в первой половине курса. Шкала депрессии (HADS-D): равномерное снижение ($p = 0,014$; $d = 0,50$). Самоуважение

(Розенберг): рост ($p = 0,012$; $d = 0,50$). Качество жизни (EORTC QLQ-C30): $M = 58,33 \rightarrow 66,67$ ($p = 0,019$; $d = 0,46$).

Качественный анализ позволил выделить несколько повторяющихся тем. Во-первых, переживание утраты прежнего тела как центрального события болезни. Во-вторых, опыт «я не одна», снижающий чувство изоляции. В-третьих, постепенное смещение фокуса с дефекта на функциональность тела.

Полученные данные подтверждают, что групповая поддержка выступает самостоятельным терапевтическим фактором. Возможность открыто говорить о переживаниях, сравнивать опыт и получать принятие способствует снижению стыда и избегания. По характеру динамики: тревога реагирует быстрее, тогда как депрессивные проявления уменьшаются постепенно, по мере изменения убеждений и поведенческих стратегий.

Выводы. Онлайн-групповая программа когнитивно-поведенческой направленности способствует снижению нарушений образа тела, уменьшению тревоги и депрессии у женщин с РМЖ. Групповой формат создает условия принятия и нормализации переживаний, что усиливает эффект индивидуальных техник. Результаты носят предварительный характер и требуют подтверждения на расширенной выборке.

Литература

1. *Кондратьева К.О., Семглазова Т.Ю., Каспаров Б.С. и др.* Особенности сексуальности женщин после лечения РМЖ // Вопросы онкологии. 2023. Т. 69. № 1. С. 108–114.
2. *Ткаченко Г.А., Каргальская И.Г., Обухова О.А. и др.* Опыт проведения психологических групповых занятий в онлайн-формате с больными РМЖ // Вопросы онкологии. 2025. Т. 71. № 3. С. 647–652.
3. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
4. *Braun V., Clarke V.* Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. № 2. P. 77–101.
5. *Cash T.F.* The Body Image Workbook. Oakland: New Harbinger Publications, 2008.

6. *Esplen M.J., Wong P.F.M., Warner L. et al.* Restoring body image after cancer (ReBIC) // *Journal of Clinical Oncology*. 2018. Vol. 36. № 8. P. 749–756.
7. *Fingeret M.C., Teo D.B., Epner S.M.* Body image disturbance in cancer patients // *Psychooncology*. 2014. Vol. 23. № 12. P. 1351–1357.

Особенности психологического благополучия у мужчин с разным восприятием иерархичности мира

Шаехов З.Д.

*ФБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
shaehovzd@gmail.com*

В современной социальной психологии актуальной темой исследования остается построение межличностных и межгрупповых отношений у людей с разным социальным восприятием уровня иерархичности мира. Одним из актуальных вопросов является то, как субъективное восприятие мира влияет на эти взаимоотношения. Перспективным направлением в социальной психологии выступает исследование психологического благополучия при разном уровне восприятия иерархичности мира. Данный анализ позволяет установить, как представления об иерархичности мира связаны с психологическим благополучием. Одной из теорий, объясняющей межгрупповые отношения, является теория социального доминирования, предложенная Дж. Сиданиусом и Ф. Пратто. Основная идея теории заключается в том, что люди могут воспринимать общество как иерархически устроенное, и это влияет на то, как они воспринимают себя, других людей и группы. Авторы теории предполагают, что отношение человека к различным социальным группам выстраивается на основе существующей в данный момент иерархии в обществе. Они предложили три основания для выделения иерархии: возраст, пол и случайное основание. В данной теории ориентация на социальное доминирование (ОСД) понимается как отношение человека к уже

существующей в социуме социальной иерархии, когда одни группы доминируют над другими (Гулевич и др., 2018). Предиктором ОСД является вера в конкурентный мир. Люди, верящие в конкурентный мир, считают, что мир устроен конкурентно, полагают, что в основе взаимодействия людей лежит стремление обыграть друг друга, манипулирование друг другом ради достижения успеха (Гулевич и др., 2014).

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что современные глобальные процессы усиливают конкуренцию и иерархичность общества, с одной стороны, а с другой стороны, на уровне ценностей в обществе транслируются идеи равенства и кооперации. Данные процессы по-разному могут повлиять на психологическое благополучие, особенно у мужчин.

В данном исследовании принимали участие 262 мужчины – жители России, в возрасте 18– 55 лет ($M = 34,7$; $SD = 9,6$).

Психологическое благополучие измерялось методикой К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, Т.П. Фесенко. Также использовались шкала веры в конкурентный мир Дж. Даккита в адаптации О.А. Гулевич и др., шкала «Ориентация на социальное доминирование» Дж. Сиданиуса, Ф. Пратто в адаптации О.А. Гулевич и др.

На основе результатов по методикам «Вера в конкурентный мир» и «Ориентация на социальное доминирование» мы разделили выборку на три группы с помощью кластерного анализа методом k -средних: с высоким, средним и низким уровнем видения мира как иерархичного. В ходе исследования нами установлено, что между тремя группами существуют достоверные различия по шкалам «Самопринятие», «Цели в жизни», «Личностный рост», «Управление средой», «Автономия» и по интегральной шкале, но по шкале «Позитивные отношения» достоверных различий не обнаружено. Далее нами был произведен сравнительный анализ результатов попарного сравнения.

Шкала «Самопринятие» выше у респондентов с высоким уровнем восприятия иерархичности мира ($M = 65,7$), чем у респондентов со средним и низким уровнями ($M = 57,0$ и $M = 57,3$ соответственно). Иначе говоря, респонденты, воспринимающие мир как иерархичный, более позитивно относятся к себе, осознают и принимают свои позитивные и негативные личностные черты, а прошлый опыт

оценивают как позитивный. Респонденты со средним и низким уровнем имеют несколько заниженную самооценку, испытывают беспокойство по поводу некоторых своих негативных личностных характеристик.

Шкала «Цели в жизни» выше у респондентов с высоким уровнем восприятия иерархичности мира ($M = 67,5$), чем у респондентов со средним и низким уровнями ($M = 61,1$ и $M = 62,7$ соответственно). Респонденты с высоким уровнем восприятия иерархичности мира чаще видят цель в своей жизни, верят в ее достижение, а также находят смысл в прошлом и настоящем, испытывая чувство полноты жизни.

Шкала «Личностный рост» выше у респондентов с высоким и низким уровнем восприятия иерархичности мира ($M = 67,3$ и $M = 66,5$ соответственно), чем у респондентов со средним уровнем ($M = 61,3$). Таким образом, открытость новому опыту, ощущение постоянного развития и реализации собственного потенциала, возможность видеть изменения своих планов и достижений выражены как у мужчин, которые верят в иерархичность мира, так и у тех, кто мало опирается на эту идею. В то время как респонденты со средним уровнем ориентации на социальное доминирование и веры в конкурентный мир оценивают свою открытость новому опыту и способность изменять собственное поведение несколько ниже.

Шкала «Управление средой» выше у респондентов с высоким уровнем восприятия иерархичности ($M = 63,9$), чем у респондентов со средним и низким уровнями ($M = 57,6$ и $M = 59,1$ соответственно). Люди, воспринимающие мир как иерархичный, считают себя более компетентными в управлении социальным окружением, способны создавать условия и эффективно использовать возможности для удовлетворения собственных потребностей и достижения целей, чем респонденты с низким и средним уровнями восприятия иерархичности мира.

Шкала «Автономия» ниже у респондентов со средним уровнем восприятия иерархичности мира ($M = 57,4$), чем у респондентов с высоким и низким уровнями ($M = 65,6$ и $M = 62,6$ соответственно). Данный результат позволяет утверждать, что респонденты с высоким и низким уровнем восприятия иерархичности мира более самостоятельны и независимы от мнения социального окружения, способны противостоять воздействиям, требующим действовать и

думать определенным образом. Оценивание себя, своих поступков происходит в соответствии с собственными, а не общественными критериями.

Общая шкала «Психологическое благополучие» выше у респондентов с высоким и низким уровнями восприятия иерархичности мира. Это указывает, что респонденты с высоким и низким уровнями восприятия иерархичности мира более устойчивы к социальным изменениям, имеют адекватную самооценку, а также умеют управлять собственными жизненными планами.

Выводы. Полученные результаты позволяют утверждать, что различное восприятие мира по-разному подкрепляет ощущение возможности изменять свою жизнь и лично расти, а также, не ориентироваться на мнение социума. У респондентов, поддерживающих и не поддерживающих иерархичность мира, выше такие параметры психологического благополучия, как автономия и личностный рост. Самопринятие, цели в жизни и управление социальным окружением выше у респондентов, поддерживающих иерархичность мира. Исходя из данных результатов мы можем предположить, что крайние показатели веры в конкурентный мир и ориентация на социальное доминирование могут стать фундаментом для последовательного взаимодействия с социальным окружением, что может привести к повышению психологического благополучия.

Литература

1. Гулевич О.А., Агадуллина Е.Р., Хухлаев О.Е. Одобрение групповой иерархии: русскоязычная версия шкалы для измерения ориентации на социальное доминирование // Психология. Журнал ВШЭ, 2018. №3. С. 407-426.
2. Гулевич О.А., Аникеев О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал ВШЭ, 2014. №2. С. 68–89.

Выраженность этнической и религиозной идентичности и регуляция семейно-брачных отношений: кросс-культурный анализ

Шайханова Г.Р.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
abcdef5@mail.ru*

Актуальность исследования обусловлена усилением значимости этнических и религиозных идентичностей в условиях глобализации и необходимостью понимания их влияния на семейную сферу в поликультурном обществе. Цель работы – выявить и сравнить особенности взаимосвязи выраженности этнической и религиозной идентичности с регуляцией семейно-брачных отношений в русской и татарской этнокультурных группах.

В современной науке идентичность рассматривается как сложный социально-психологический конструкт. Значительный вклад в понимание динамики этнической идентичности внесла Дж. Финни (Phinney, 1992). Типологический подход Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой (Солдатова, Рыжова, 2010) позволяет дифференцировать варианты этнического самосознания. Для анализа религиозной идентичности перспективной является теория слияния идентичности (identity fusion) А. Гомеса (Gómez et al., 2011). Теоретический анализ показывает, что семья выступает ключевым пространством формирования и воспроизводства идентичностей, в то время как этнические и религиозные нормы детерминируют ценностно-нормативную систему и ролевую структуру семейных отношений (Стефаненко, 2009; Шорохова, 2014).

Основная гипотеза исследования базировалась на предположении, что фактор религиозности (высокий/низкий уровень) внутри каждой этнической группы вносит более весомый вклад в дифференциацию семейных установок, чем межэтнические различия сами по себе. Исследование проводилось на выборке из 160 респондентов, разделенных на четыре группы: русские православные, русские нерелигиозные, татары-мусульмане и татары нерелигиозные. Методический аппарат включал: опросник «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), методику изучения

этнической идентичности (MEIM) Дж. Финни, шкалу слияния идентичности с религией (Identity Fusion Index) и авторскую анкету семейно-брачных установок.

В результате исследования установлено, что наиболее высокая выраженность как этнической, так и религиозной идентичности характерна для татар-мусульман. Они же демонстрируют наиболее традиционные семейные установки, включающие ориентацию на патриархальную структуру, многодетность и сакрализацию брачных уз. Корреляционный анализ доказал, что глубина религиозной идентичности (степень слияния с религией) обнаруживает более сильные и устойчивые связи с семейными установками, чем показатели этнической идентичности ($r > 0.5$, $p < 0.01$). Выявлено, что внутригрупповые различия между религиозными и нерелигиозными респондентами являются более выраженными, чем межгрупповые различия между русскими и татарами. Это позволяет заключить, что именно религиозный фактор выступает основным дифференцирующим признаком в сфере семейных ценностей.

Научная новизна работы заключается в применении теории слияния идентичности для анализа влияния религиозной идентичности на семейные установки в русской и татарской культурах. Полученные данные позволяют говорить о том, что в условиях секуляризации именно глубина интернализации религиозных норм, а не этническая принадлежность сама по себе, определяет регуляторные механизмы в семейно-брачной сфере. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в деятельности психологических служб и центров семьи и брака, особенно в работе с межэтническими парами, а также в процессе подготовки специалистов по семейному консультированию.

Литература

1. *Солдатова Г.У., Рыжова С.В.* Типы этнической идентичности // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт и практика. М.: Смысл, 2010. С. 45-62.
2. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2009.
3. *Шорохова В.А.* Религиозная идентичность в зарубежных психологических исследованиях: теоретические модели и

- способы изучения // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. №4 С.44-61.
4. *Gómez Á. et al.* On the nature of identity fusion: Insights into the construct and a new measure // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 100(5). P. 918-933.
  5. *Phinney J.S.* The Multigroup Ethnic Identity Measure: A new scale for use with diverse groups // *Journal of Adolescent Research*. 1992. Vol. 7(2). P. 156-176.

**Особенности психоэмоционального состояния родителей,
воспитывающих детей с сахарным диабетом 1 типа**

Шаломеева А.М., Конищева Е.В.

*Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия
arina.shalomeeva.03@mail.ru, ekonik77@yandex.ru*

СД 1 типа (СД 1) – аутоиммунное заболевание у генетически предрасположенных лиц, при котором хронически протекающий лимфоцитарный инсулит приводит к опосредованной Т-клетками деструкции β-клеток с последующим развитием абсолютной инсулиновой недостаточности, со склонностью к развитию диабетического кетоацидоза (ДКА) (Дедов и др., 2023).

Родители с детьми с СД 1 типа находятся в хроническом стрессе. В дошкольном возрасте ребенок полностью зависит от родителей в контроле заболевания, они измеряют сахар, рассчитывают дозы инсулина, просыпаются ночью для контроля. В школьном возрасте ребенок постепенно начинает сам включаться в процесс контроля над своим здоровьем, однако вся ответственность всё ещё лежит на родителях (Ибрагимова, Киреева, 2015).

Отмечается, что у тревожных матерей дети характеризуются не только повышенным уровнем тревожности. Такая черта матери оказывает серьезное влияние на все психоэмоциональное состояние ребенка, а также на его соматическое здоровье.

Целью исследования является выявить особенности психоэмоционального состояния родителей, воспитывающих детей с

сахарным диабетом 1 типа дошкольного (3–7 лет) и младшего школьного (8–12 лет) возраста, и определить факторы, влияющие на уровень их психологического благополучия (Ковалёва, 2020).

Проблема исследования: как взаимосвязаны особенности психоэмоционального состояния родителей с отношением к болезни и детско-родительским взаимодействием.

Центральной гипотезой исследования выступает предположение о том, что психоэмоциональное состояние родителей, воспитывающих детей с СД 1 типа, будут иметь различия, обусловленные возрастом ребенка. Родители дошкольников будут демонстрировать значимо более низкие показатели самочувствие, активности настроения по сравнению с родителями школьного возраста, что обусловлено необходимостью большего контроля за заболеванием.

В исследовании был использован корреляционный план двухмерного исследования, в контексте, которого изучалась взаимосвязь нескольких явлений в условно рандомизированных группах.

Исследование проводилось с участием 25 родителей воспитывающих детей с сахарным диабетом 1 типа в возрасте (3-12 лет).

В нашем исследовании были использованы следующие методы, необходимые для получения достоверных результатов.

1. Опросник способов совладающего поведения Р. Лазаруса.
2. Шкала тревоги Бека.
3. Методика САН.
4. Методика диагностики отношения к болезни ребенка (ДОБР; В.Е. Каган, И.П. Журавлева).
5. Анкета исследования особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия (Е.И. Захарова).

Методологической основой исследования выступает представление о психоэмоциональном состоянии как об интегральной характеристике психической деятельности, включающей единство физиологических, эмоциональных и поведенческих компонентов (Коломиец, 2012).

Общая напряженность родителя, измеренная по методике ДОБР (отношение к болезни ребенка), выявила значимые положительные корреляции с семью шкалами опросника Захаровой, отражающими эмоциональную сторону детско-родительского взаимодействия:

эмпатия ($p = 0,046$), чувства родителя во взаимодействии ($p = 0,045$), принятие себя как родителя ($p = 0,040$), преобладающий эмоциональный фон ($p = 0,045$), оказание эмоциональной поддержки ($p = 0,044$), ориентация на состояние ребенка ($p = 0,042$). Полученные данные свидетельствуют о том, что родители, испытывающие более высокую напряженность в связи с болезнью ребенка, парадоксальным образом демонстрируют более высокую эмоциональную вовлеченность и чувствительность к состоянию ребенка. Этот феномен может быть объяснен тем, что тревога за здоровье ребенка мобилизует родительские ресурсы и усиливает эмпатию.

Стоит отметить, что показатели тревоги (как общей тревоги по шкале Бека, так и тревоги, специфически связанной с болезнью ребенка, по методике ДОБР) не обнаружили значимых корреляций с копинг-стратегиями, отношением к болезни и эмоциональным взаимодействием. Это может свидетельствовать о том, что в данной выборке родителей тревога не является дезадаптирующим фактором и не препятствует конструктивному совладанию и гармоничному взаимодействию с ребенком. Возможно, умеренный уровень тревоги в данной ситуации выполняет мобилизующую функцию.

Выводы. Обнаружен интересный парадоксальный феномен: высокая напряженность родителей, связанная с болезнью ребенка, не ухудшает, а улучшает показатели эмоционального взаимодействия (эмпатия, принятие, эмоциональная поддержка). Это может указывать на специфику выборки родителей детей с СД1, у которых тревога за ребенка выступает мобилизующим фактором.

Отсутствие значимых связей тревоги с изучаемыми переменными позволяет предположить, что в данной выборке тревога не носит дезадаптивного характера, что расходится с данными некоторых исследований о негативном влиянии тревоги на родительство.

Литература

1. Дедов И.И., Шестакова М.В., Викулова О.К. и др. Сахарный диабет в Российской Федерации: динамика эпидемиологических показателей по данным Федерального регистра сахарного диабета за период 2010–2022 гг. // Сахарный диабет. 2023. Vol. 26(2). С. 104–123.

2. *Ибрагимова А.Н., Киреева С.А.* Особенности психоэмоционального состояния родителей в ситуации болезни ребенка // БМИК. 2015. № 12. С. 120–125.
3. *Ковалёва О.С.* Психологическое состояние матерей, воспитывающих детей с соматическими заболеваниями // Вопросы психического здоровья. 2020. Т. 20, № 3. С. 67–73.
4. *Коломиец И.Л.* Эмоциональные и поведенческие характеристики детей с сахарным диабетом и их матерей // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2012. № 5(16).
5. *Ксенофонтова В.А.* Поведенческие особенности подростков с диагнозом «сахарный диабет» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Вып. 1. С. 76–79.

Поведенческие характеристики виртуальной активности как предикторы самопрезентации

Шаров А.А.

*ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
sha555da@mail.ru*

Согласно статистическим показателям по РФ, наблюдается рост использования населением цифровых платформ (например, 2022 год – 14,6% населения, 2023 год – 17,1%), а также использования высокоскоростного стационарного 77% и мобильного интернета и 41,2% населения (Статистический сборник, 2024). Этот факт можно объяснить тем, что, с одной стороны, наблюдается всеобщая доступность гаджетов, развитие информационно-коммуникационных технологий, а с другой – закономерный учет последствий пандемийных ограничений, связанных с непосредственным взаимодействием людей в реальной среде. В связи с этим произошел сдвиг социальной активности с реальной (физической) среды в виртуальную, что констатируется в ряде работ отечественных авторов последних лет (Шамионов, Суздальцев 2022; Харламова 2025). Учитывая это

обстоятельство, актуальным представляется изучение различных социально-психологических аспектов активности личности в виртуальной среде. Одним из важных вопросов, на наш взгляд, является поиск предикторов самопрезентации в интернет-пространстве. Согласно данным современных исследователей под виртуальной самопрезентацией понимается процесс создания и представление собственного образа в киберсреде (Римский, 2025). Более широкий подход описывает Д.С. Корниенко с соавторами, выделяя такие компоненты самопрезентации как реальное (реальное демонстративное Я), так и фальшивое (фальшивое обманное Я) (Корниенко и др., 2021). А под поведенческими характеристиками активности применительно к виртуальной среде следует понимать погруженность (степень охваченности сенсорных систем виртуальным контентом), вовлеченность (активное выражение позиции и привязанность к образу и социальным ролям) и включенность (уровень направленности пользователя на реализацию конкретной деятельности с максимальным сосредоточением познавательного потенциала) (Расина, 2023).

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что такие поведенческие характеристики виртуальной активности, как погруженность, вовлеченность, включенность являются предикторами реального и фальшивого компонентов виртуальной самопрезентации. Методологической основой исследования являлся киберпсихологический подход, который рассматривает виртуальное пространство в контексте его воздействия на психику и формировании способов коммуникации и самопрезентации (Войскунский, 2019).

Выборку исследования 300 респондентов (женского пола, $N = 193$), средний возраст 20,3 лет. Диагностическая батарея: опросник «Индекс виртуализации личности интернет-пользователя социальных сервисов» (Расина, 2023), опросник самопрезентации в социальной сети (Корниенко и др., 2021).

По всем заявленным методикам получены средние показатели в диапазоне от 16,2 до 29,3 баллов. Также получены положительные и высокосignимые взаимосвязи ($p < 0,001$) между поведенческими характеристиками виртуальной активности и компонентами самопрезентации, что свидетельствует об их взаимообусловленности. Для подтверждения гипотезы посредством проведения процедур

пошагового регрессионного анализа выявлено, что только включенность является значимым предиктором компонентов виртуальной самопрезентации. Характеристики модели для компонента реальное демонстративное Я (предиктор «включенность» $\beta = 0,203$; $t = 3,875$; $p < 0,001$; $R^2 = 0,266$; $F = 35,717$; $p < 0,001$), компонента фальшивое обманное Я (предиктор «включенность» $\beta = 0,329$; $t = 6,263$; $p = 0,001$; $R^2 = 0,334$; $F = 49,523$; $p < 0,001$). Таким образом, включенность является универсальным предиктором виртуальной самопрезентации. Получается, что включенность как направленность личности на реализацию виртуальной активности с максимальным сосредоточением познавательного потенциала является прогностическим параметром как реального, так и фальшивого компонентов самопрезентации. Универсальность включенности объясняется тем, что она создает чувство идентичности с виртуальной средой, которое, с одной стороны, позволяет личности открыто предъявлять свои истинные потребности, эмоции, чувства, установки, которые она может скрывать в реальном (физическом) взаимодействии, а с другой – запускает механизм конструирования фальшивого образа в контексте соответствия стандартам виртуальных площадок и сообществ, в которых состоит молодая личность. Гипотеза исследования подтвердилась частично. Перспективы дальнейших изысканий обусловлены расширением репертуара поведенческих характеристик и поиска среди них предикторов социальной активности молодежи в виртуальной среде.

Литература

1. *Войскунский А.Е.* Киберпсихологический подход к анализу мультисенсорной интеграции / А. Е. Войскунский // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3 (105). С. 9–21.
2. *Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Горбушина Е.А., Дершиш Ф.В.* Психометрические характеристики шкалы самопрезентации в социальной сети // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 75. С. 6. [Электронный ресурс] URL: <http://psystudy.ru> (Дата обращения: 22.03.2026).

3. *Расина Э.О.* Индекс виртуализации личности интернет-пользователя: апробация психометрической методики // СибСкрипт. 2023. Т. 25. № 2. С. 228–239.
4. *Регионы России.* Социально-экономические показатели. Статистический сборник. М.: Росстат, 2024. 1081 с.
5. *Римский В.Г.* Психологические особенности самопрезентации личности в виртуальном пространстве как составляющей коммуникативного поведения // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/108PSMN125.pdf> (Дата обращения: 22.03.2026).
6. *Харламова И.Ю.* Молодежь и социальные сети: некоторые аспекты кибергигиены // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1. С. 260–265.
7. *Шамионов Р.М., Суздальцев Н.В.* Соотношение приверженности молодежи к социальной активности в интернете и физическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 21–38.

Трансформация механизмов профессиональной идентичности в условиях цифровизации

Швеньк Е.В.

*ФГБОУ ВО Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва, Россия
Elena.shvenk@mail.ru*

Проблема трансформации механизмов профессиональной идентичности в условиях цифровизации остается малоизученной в социальной психологии: концептуальные модели, разработанные для индустриальной эпохи, не релевантны новым формам организации труда и алгоритмической регуляции; эмпирические исследования фрагментарны и не позволяют выявить динамику изменений на уровне

базовых социально-психологических механизмов, что подчеркивает актуальность данной проблемы.

Профессиональная идентичность традиционно рассматривается в социальной психологии как устойчивый элемент самосознания, формирующийся в процессе социализации внутри институционально закрепленных сообществ (профессиональных групп, организаций) и обеспечивающий субъекту чувство непрерывности, определенности и ценностно-смыслового единства (Черникова, Якунина, 2025). Однако стремительная цифровизация всех сфер трудовой деятельности, переход к платформенной занятости, алгоритмическому менеджменту и гибридным формам взаимодействия разрушают привычные условия функционирования механизмов идентичности (Рубцова, 2025). Можно выделить два главных механизма смещения: во-первых, происходит декомпозиция профессии, при которой платформенная занятость приводит к тому, что профессия перестает быть целостным полем, возникает идентификация с проектом или задачей; во-вторых, наблюдается утрата «профессиональной гильдии», поддерживающей идентичность через сообщество коллег. В традиционной модели референтная группа выступает источником норм и ценностей, которые индивид интернализует через непосредственное взаимодействие, наблюдение и получение обратной связи. Цифровизация приводит к тому, что значимые профессиональные сообщества перемещаются в онлайн-пространство.

Особенно остро этот процесс проявляется у представителей precarious профессий – фрилансеров, самозанятых, работников платформ. Для них идентификационный механизм становится ситуационным: «я – тот, кто сейчас выполняет этот заказ».

Российские исследователи, на основании полученных данных 420 респондентов из числа работников платформ такси, доставки, фриланс-бирж отмечают главным маркером профессионализма «рейтинг на платформе» – 58 % из числа опрошенных (Журавлёва, Павлова, 2024). В данном контексте научный интерес вызывает проект «Профессиональная идентичность в цифровой экономике», реализованный ($N = 2450$), свидетельствующий, что в возрастной группе 18–35 лет цифровые компетенции выходят на первое место (73%), опережая узкопрофессиональные навыки (48%). Это свидетельствует о

формировании цифрового ядра профессиональной идентичности у нового поколения (Мареева, Слободенюк, 2020).

Справедливо упомянуть авторское исследование с верификацией гипотезы о том, что высокий уровень цифрового психологического капитала способствует формированию достигнутого статуса профессиональной идентичности у удаленных сотрудников посредством актуализации стратегии развивающей индивидуализации, проводимое в 2023 г. на выборке 218 удаленных сотрудников в возрасте 24–52 г. Профессиональная принадлежность участников: информационные технологии (38%), маркетинг и реклама (24%), образование (18%), финансовый сектор (12%), прочие сферы (8%). Статус профессиональной идентичности определялся посредством модифицированного опросника эго-идентичности Дж. Марсиа (EOM-EIS) в адаптации для профессиональной сферы. Методика позволяет дифференцировать четыре статуса: достижение идентичности, мораторий, предрешенность и диффузию. Дополнительно применялась авторская шкала стратегий индивидуализации, операционализирующая континуум от «дефолтной» (пассивное следование обстоятельствам) до «развивающей» (активное структурирование и профессионального «Я») индивидуализации. Использовались методы описательной статистики, корреляционный анализ (коэффициент r -Пирсона и ρ -Спирмена). Уровень статистической значимости устанавливался при $p < 0,05$. Основные результаты исследования позволили распределить респондентов по статусам профессиональной идентичности: достижение – 29,4% ($n = 64$), мораторий – 23,4% ($n = 51$), предрешенность – 18,8% ($n = 41$), диффузия – 28,4% ($n = 62$). Обращает на себя внимание относительно высокая доля участников с диффузным статусом, что согласуется с теоретическим предположением о «вакууме идентичности» в условиях дистанционной занятости.

Необходимость последовательного социально-психологического анализа определяется не только практическими запросами и вызовами «новой нормальности» труда, но и фундаментальным переходом от линейной, интериоризированной и институционально закрепленной идентичности к сетевой, ситуативной, алгоритмически опосредованной и множественной идентичности профессионала.

Понимание этих механизмов важно для разработки практических инструментов психологического сопровождения персонала, адаптации

образовательных программ под новые реалии социализации личности в профессии, а также для профилактики профессионального выгорания и экзистенциальных кризисов, связанных с утратой устойчивости профессионального Я.

Литература

1. Журавлёва Т.А., Павлова Т.А. Профессиональная идентичность работников цифровых платформ: опыт эмпирического исследования // Организационная психология. 2024. Т. 14. № 2. С. 56–73.
2. Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Профессиональная идентичность в цифровой экономике: факторы и риски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6 (160). С. 236–254.
3. Рубцова Н.Е. Интегративно-типологический подход к психологии профессиональных типов в цифровую эпоху // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2025. № 2 (54). С. 311–319. EDN: QFSDTQ
4. Черникова И.В., Якунина И.В. Идентичность человека в условиях цифровой трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 103–113. <https://doi.org/10.17223/1998863X/83/10>

Роль местоименных конструкций («Я», «Ты», «Мы») в формировании социальной идентичности и групповой сплоченности

Шебанова В.И., Попельчук Г.А.

ФГБОУ ВО ХГПУ, Херсон, Россия

v1italia.sh@yandex.ru, halynadidenkopsy@yandex.ru

В современной социальной психологии проблема конструирования идентичности и механизмов групповой сплоченности сохраняет свою актуальность, находясь в русле традиций научной школы А.В. Петровского и идей М.Ю. Кондратьева о значимости референтных

отношений (Кондратьев, 2020; Петровский, 1979). Актуальность данной проблематики подтверждается появлением новейших коллективных трудов, в частности монографии «Психология самоорганизации личности и социальных общностей: вызовы и решения» (Блинова и др., 2026), в которой рассматриваются механизмы самоорганизации и адаптации личности в изменяющихся социальных условиях. Одним из перспективных направлений исследования данных феноменов выступает анализ языка как средства не только репрезентации, но и активного формирования социальной реальности.

Цель работы – теоретический анализ роли местоимений «Я», «Ты» и «Мы» в процессах социальной идентификации и групповой динамики.

Использование местоимения «Я» в речевых практиках связано с актуализацией личной агентности и принятием ответственности. «Я»-высказывания фокусируют внимание на внутреннем переживании и собственном вкладе в ситуацию, что способствует формированию автономной и рефлексивной идентичности. Как показывают исследования в области психолингвистики, активное употребление «Я» коррелирует с усилением самоконтроля и осознанности поведения (Леонтьев, 2008). В контексте межличностного взаимодействия «Я»-позиция позволяет индивиду обозначить свои границы и предъявить себя группе как субъекта, а не объекта воздействия. Это согласуется с представлениями о деятельностном опосредствовании межличностных отношений, развиваемыми в школе А.В. Петровского.

Местоимение «Ты» играет ключевую роль в адресованности коммуникации и установлении диалогических отношений. Оно фиксирует факт обращения, признания Другого как значимого участника взаимодействия. В социально-психологическом плане использование «Ты» (особенно в ситуациях, предполагающих формальную дистанцию) может выступать маркером близости, доверия и ингрупповой принадлежности. Через обращение на «Ты» конструируется особая психологическая общность, основанная на взаимном признании и эмпатии.

Наибольший интерес для социальной психологии групп представляет местоимение «Мы». «Мы»-конструкции являются лингвистическим выражением феномена групповой идентичности и коллективного субъекта. Включение себя в «Мы» сигнализирует о переживании принадлежности, разделении общих целей и ценностей.

Как подчеркивал М.Ю. Кондратьев, именно референтные отношения, основанные на значимости группы для личности, определяют глубинное принятие групповых норм и ценностей (Кондратьев, 2020). «Мы»-высказывания становятся вербальным маркером такой референтности. Например, формулировки «Мы столкнулись с проблемой» или «Наша команда способна это сделать» не просто описывают ситуацию, но и конструируют психологическую общность, разделяя ответственность и усиливая чувство поддержки.

Показано, что использование «Мы»-конструкций активирует нейросети, связанные с социальным познанием (височно-теменной узел, медиальная префронтальная кора), и сопровождается повышением уровня окситоцина, что усиливает внутригрупповую сплоченность и доверие (De Dreu et al., 2010). Одновременно снижается уровень кортизола, что уменьшает стресс и усиливает готовность к кооперации (Joëls, 2018). «Я»-высказывания, напротив, в большей степени мобилизуют дорсолатеральную префронтальную кору, связанную с исполнительным контролем и саморегуляцией (Joëls, 2018).

Таким образом, выбор местоименных конструкций не случаен: он отражает и одновременно формирует характер социальных связей индивида. «Я» закрепляет автономию и ответственность, «Ты» – диалогичность и адресованность, «Мы» – общность и сплоченность. В практике психологического сопровождения образовательного процесса, особенно в работе со студентами педагогических университетов, целенаправленное развитие рефлексии по поводу используемых местоимений может способствовать укреплению как личностной идентичности будущих педагогов, так и их способности выстраивать конструктивные отношения в ученических и профессиональных коллективах.

Представленный теоретический анализ выполнен в рамках Государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме: «Разработка модели построения жизненной перспективы студентами педагогических университетов воссоединенных регионов Российской Федерации» (№ 073-00108-26-01) на 2026 г. Дальнейшая разработка проблемы в русле социальной психологии предполагает эмпирическое изучение связи доминирующих местоименных конструкций с социометрическими статусами и особенностями межличностных отношений в группах

студентов, что позволит конкретизировать задачи построения жизненной перспективы будущих педагогов в условиях воссоединенных регионов.

Литература

1. Блинова Е.Е., Давыдова Г.И., Дьяков С.И., Кравчук Н.Ю., Макарова А.А., Олейник Н.О., Попельчук Г.А., Усатенко О.Н., Шебанова В.И., Шебанова С.Г. Психология самоорганизации личности и социальных общностей: вызовы и решения. Симферополь: Ариал, 2026. 223 с.
2. Кондратьев М.Ю. Социальная психология образования. М.: Юрайт, 2020. 321 с.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; Академия, 2008. 288 с.
4. Петровский А.В. Психологическая теория коллектива. М.: Педагогика, 1979. 239 с.
5. De Dreu C.K.W., Greer L.L., Handgraaf M.J.J., et al. The neuropeptide oxytocin regulates parochial altruism in intergroup conflict among humans // Science. 2010. Vol. 328. № 5984. P. 1408–1411. <https://doi.org/10.1126/science.1189047>
6. Joëls M. Corticosteroids and the brain // Journal of Endocrinology. 2018. Vol. 238. № 3. P. R121–R130. <https://doi.org/10.1530/JOE-18-0226>

Психология как вторая профессия: мотивация взрослых студентов

Шебанова С.Г., Белоус Ю.В.

ФГБОУ ВО «ХТУ», Геническ, Россия

Шебанова В.И.

ФГБОУ ВО «ХГПУ», Херсон, Россия

sveta1_sh@rambler.ru, belous131313@yandex.ru, v1italia.sh@yandex.ru

Современная социальная ситуация характеризуется высокой степенью неопределенности, ростом психоэмоциональных нагрузок и увеличением запроса на квалифицированную психологическую помощь. В этих условиях наблюдается устойчивая тенденция: все больше людей зрелого возраста, уже имеющих профессиональное

образование и опыт работы, выбирают психологию в качестве второй (или третьей) профессии. Данный феномен требует осмысления с точки зрения социальной психологии, психологии образования и психологии труда.

Особый интерес представляет изучение мотивации взрослых студентов, поскольку она существенно отличается от мотивации абитуриентов, поступающих в вуз непосредственно после школы. Взрослые обучающиеся обладают сформированным профессиональным опытом, устойчивыми ценностными ориентациями и, как правило, более конкретными запросами к содержанию образования. Как отмечает Е.П. Ильин, у взрослых преобладают внутренние мотивы, связанные с потребностью в самореализации и профессиональном росте (Ильин, 2011).

Цель исследования – выявить и типологизировать мотивы выбора психологии в качестве второй профессии взрослыми студентами.

Эмпирическую базу исследования составили 120 развернутых самопрезентаций студентов 3 курса, обучающихся по направлению «Психология» в ФГБОУ ВО «ХТУ». Материал был собран в рамках вводного занятия. Студентам было предложено кратко рассказать о себе, своем профессиональном опыте и мотивах поступления.

Возраст респондентов варьируется от 19 до 55 лет, при этом большинство (78%) составляют лица старше 25 лет. 92% опрошенных имеют законченное первое образование и опыт профессиональной деятельности. Сферы занятости представлены широким спектром: медицина (28%), педагогика (22%), государственная служба (15%), творческие профессии (12%), сфера услуг (10%), иные сферы (13%).

Методом исследования выступил качественный контент-анализ текстов самопрезентаций. Единицей анализа являлись смысловые высказывания, содержащие указания на причины выбора психологии, ожидания от обучения, связь с предыдущим профессиональным опытом, а также упоминания значимых жизненных событий, повлиявших на решение. Выделенные категории мотивации формировались индуктивно, на основе повторяющихся тем и смысловых паттернов.

В результате контент-анализа были выделены четыре ведущих типа мотивации выбора психологии как второй профессии.

Первый тип – профессионально-инструментальная мотивация – характерен для респондентов, уже работающих в сферах «человек – человек»: медицине, образовании, социальной работе. Для них психология выступает инструментом повышения эффективности в текущей профессиональной деятельности. Данный тип мотивации демонстрируют 62 респондента, что составляет 51,7% выборки. Это согласуется с исследованиями Э.Ф. Зеера, который подчеркивает, что профессиональное развитие взрослых часто строится на основе уже имеющегося опыта (Зеер, 2009).

Второй тип – личностно-терапевтическая мотивация – связан с собственным опытом прохождения психотерапии или столкновения с тяжелыми жизненными обстоятельствами. Психология в этом случае становится способом осмысления и интеграции личного опыта, а также стремлением помогать другим на основе пройденного. Данный тип мотивации выявлен у 28 респондентов (23,3%). Ф.Е. Василюк в своих работах подчеркивает, что переживание критических ситуаций может стать источником личностного роста и новой жизненной направленности (Василюк, 1984).

Третий тип – ценностно-смысловая мотивация – выражается в альтруистической установке на помощь другим людям. Для этих студентов характерно участие в волонтерской деятельности (Добро.РФ, школа молодого гуманитария и др.), а также устойчивая просоциальная позиция. Данный тип мотивации отмечен у 34 респондентов (28,3%). Это соответствует концепции В. Франкла о стремлении к смыслу как базовой мотивационной тенденции человека (Франкл, 1990).

Четвертый тип – экзистенциально-познавательная мотивация – отражает глубинный интерес к природе человека, его внутреннему миру, мотивам поступков, скрытым переживаниям. Эта мотивация не имеет прямой прагматической цели, а связана с потребностью в самопознании и понимании других. Данный тип мотивации присутствует у 41 респондента (34,2%), при этом у 28% он сочетается с другими типами. Д.А. Леонтьев отмечает, что смысловая регуляция деятельности особенно значима в зрелом возрасте (Леонтьев, 2007).

Важно отметить, что выделенные типы мотивации не являются взаимоисключающими. У 45 респондентов (37,5%) наблюдается сочетание нескольких мотивационных линий, например, профессионально-инструментальной и ценностно-смысловой, что

свидетельствует о сложной структуре мотивации взрослых обучающихся.

Особого внимания заслуживает региональная специфика выборки. 18% респондентов проживает в прифронтовых зонах (Херсонская область) или имеет опыт работы в структурах, связанных с обеспечением безопасности. Данный контекст актуализирует такие темы, как психологическая коррекция посттравматических состояний, работа с утратой, адаптация к экстремальным условиям, психологическая поддержка членов семей военнослужащих. М.М. Решетников в своих исследованиях подчеркивает значимость психологической помощи в условиях военных конфликтов и их последствий (Решетников, 2018).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Психология как вторая профессия привлекает зрелых, социально активных людей с высоким уровнем рефлексии, имеющих разнообразный профессиональный опыт в медицине, педагогике, государственной службе, творческих профессиях. Мотивация взрослых студентов носит интегративный характер и может быть типологизирована как профессионально-инструментальная, личностно-терапевтическая, ценностно-смысловая и экзистенциально-познавательная. Часто наблюдается сочетание нескольких типов мотивации.

Региональный фактор (проживание в прифронтовых зонах, связь с обеспечением безопасности) выступает значимым модулятором мотивации, актуализируя запросы на психологическую помощь в экстремальных условиях. Образовательные программы для взрослых студентов, осваивающих психологию как вторую профессию, должны строиться с учетом гетерогенности мотивационных профилей, региональной специфики и с акцентом на практико-ориентированный подход.

Перспективой исследования является разработка типологии образовательных траекторий для взрослых обучающихся в системе психологического образования, а также сравнительный анализ мотивации студентов из разных регионов.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
2. *Зеер Э.Ф.* Психология профессионального развития. М.: Академия, 2009.
3. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011.
4. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007.
5. *Решетников М.М.* Психология войны: от локальной до ядерной. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2018.
6. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Доверие к искусственному интеллекту как социально-психологический фактор отношения молодежи к алгоритмическим технологиям

Шелонина Л.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vaap-luba@mail.ru*

Ускоренные темпы цифровизации привели к возникновению нового типа социального взаимодействия, в рамках которого заметное место занимает коммуникация человека с алгоритмическими системами. Искусственный интеллект (ИИ) перестает быть лишь инструментом обработки данных и постепенно становится элементом социальной среды, влияющим на решения пользователей и формирующим у них определенные ожидания, опасения и оценки.

Отношение к ИИ остается неоднозначным и носит амбивалентный характер. По данным международного исследования Ипсос (Ipsos), пользователи одновременно проявляют интерес к сервисам на основе искусственного интеллекта и выражают обеспокоенность возможными социальными последствиями его внедрения: более половины респондентов отметили привлекательность новых алгоритмических

технологий, однако значительная часть испытывает тревогу по поводу их влияния на общество (Ipsos, 2024). Схожие результаты представлены и в работе Исследовательского центра Пью: многие пользователи признают пользу искусственного интеллекта, но одновременно выступают за более жесткий контроль над использованием подобных технологий (Pew Research Center, 2025).

Обращают на себя внимание и результаты исследования И. Бауманна и соавторов, согласно которым распространение генеративных моделей не привело к автоматическому росту доверия к ним. Напротив, в ряде случаев пользователи стали относиться к работе алгоритмических систем более критично (Baumann et al., 2025). Эти данные позволяют поставить вопрос о том, какие факторы определяют отношение к искусственному интеллекту.

Человек, использующий новые технологии, далеко не всегда понимает, как они устроены, однако нередко опирается на ответы ИИ и основывается на его рекомендациях. Готовность принимать подобные решения во многом зависит от того, насколько пользователь считает систему надежной и компетентной. В зарубежных исследованиях доверие рассматривается как один из ключевых факторов взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Пользователь чаще готов опираться на алгоритмические решения, если воспринимает систему как точную и понятную; важную роль играет также прозрачность работы алгоритма и возможность контроля со стороны человека (Gupta et al., 2025).

Ряд исследований показывает, что отношение к искусственному интеллекту формируется под влиянием нескольких факторов. Среди них выделяются уровень цифровой грамотности и понимания принципов работы алгоритмов (Long, Magerko, 2020), опыт взаимодействия с ИИ-сервисами (Gillespie et al., 2025; Baumann et al., 2025), а также доверие к организациям, разрабатывающим и внедряющим подобные технологии (Lockey et al., 2021). Таким образом, отношение пользователей к искусственному интеллекту формируется под влиянием факторов, среди которых особое значение имеет доверие к алгоритмическим системам.

В этой связи возникает вопрос о том, какие механизмы лежат в основе формирования доверия к искусственному интеллекту и каким образом доверие влияет на отношение пользователей к

алгоритмическим технологиям. Целью нашей работы является анализ доверия к системам искусственного интеллекта как социально-психологического фактора отношения молодежи к алгоритмическим технологиям. Обращение именно к молодежи обусловлено тем, что представители этой группы чаще взаимодействуют с цифровыми сервисами и активнее включают искусственный интеллект в практики общения, обучения и получения информации.

В то же время интенсивное использование технологий не означает глубокого понимания принципов их функционирования. В ряде исследований отмечается, что уровень ИИ-грамотности среди молодых людей остается неоднородным и может напрямую влиять на формирование доверия к искусственному интеллекту и отношение к нему. Иными словами, активное использование технологий не тождественно их пониманию (Long, Magerko, 2020; Gillespie et al., 2025).

Анализ рассмотренных исследований позволяет предположить, что именно доверие становится важным психологическим механизмом взаимодействия человека с алгоритмическими системами. Пользователь может активно пользоваться искусственным интеллектом, не до конца понимая принципы его работы, однако решение опираться на рекомендации алгоритма или игнорировать их связано прежде всего с уровнем доверия к такой системе. В этом смысле доверие выступает не просто характеристикой отношения к технологии, а одним из ключевых социально-психологических факторов, через который формируется отношение молодежи к искусственному интеллекту в условиях расширяющегося присутствия алгоритмических систем в повседневной жизни.

Литература

1. Baumann J., Urman A., Leicht-Deobald U., Roman Z.J., Hannák A., Christen M. Reduced AI Acceptance After the Generative AI Boom: Evidence From a Two-Wave Survey Study. 2025.
2. Gillespie N., Lockey S., Curtis C., Akhtar S. Trust, Attitudes and Use of Artificial Intelligence: A Global Study. Melbourne: University of Melbourne; KPMG, 2025. <https://doi.org/10.26188/28822919>

3. Gupta A., Mund A., Roy S., Garg P., Yadav D.K. Trust in AI Systems: A Social-Psychological Investigation of Human–AI Collaboration. 2025.
4. Ipsos. Global AI Monitor 2024: Public Attitudes Toward Artificial Intelligence. Paris: Ipsos, 2024.
5. Lockey S., Gillespie N., Curtis C., Akhtar S. Trust in Artificial Intelligence: A Five-Country Study. Brisbane: University of Queensland, 2021. <https://doi.org/10.14264/e34bfa3>
6. Long D., Magerko B. What Is AI Literacy? Competencies and Design Considerations // Proceedings of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2020. <https://doi.org/10.1145/3313831.3376727>
7. Pew Research Center. How Americans View Artificial Intelligence and Its Impact on Society. Washington: Pew Research Center, 2025.

**Ролевая позиция в оценке агрессии и нравственный запрет у
подростков с девиантным поведением**

Шилова В.А.

ИП РАН, Москва, Россия;

СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ», Санкт-Петербург, Россия

Мустафина Л.Ш.

ИП РАН, Москва, Россия

shilovava@ipran.ru, mustafinals@ipran.ru

Нравственная регуляция агрессивного поведения подростков представляется актуальной проблемой как теоретической, так и прикладной психологии. Одним из наблюдаемых феноменов является расхождение между декларируемым неприятием агрессии и ее реальной реализацией: подростки, состоящие на учёте, могут воспроизводить социально одобряемые нормы в самоотчетах, но систематически нарушать их в поведении (Бриль, Бекренева, Шилова, 2024). Понимание же этого феномена требует отдельного анализа механизмов ситуативной трансформации нормы.

Одним из таких механизмов является ролевая дифференциация моральных оценок. Baumeister, Stillwell и Wotman (1990) показали, что

один и тот же человек конструирует противоположные моральные нарративы в зависимости от занимаемой роли: в позиции жертвы действия агрессора описываются как произвольные и аморальные, в позиции агрессора – как оправданные или спровоцированные. Эта закономерность установлена в ретроспективной нарративной парадигме на взрослой выборке. Тем не менее, вопрос о её воспроизводимости в реальном времени и об участии эксплицитных и имплицитных компонентов нравственной регуляции остаётся открытым.

Теоретической рамкой настоящего исследования выступает понимание нравственного сознания как многоуровневой системы, включающей эксплицитный (осознаваемый) и имплицитный (неосознаваемый) компоненты нравственного запрета агрессии. Ключевым теоретическим основанием служит разграничение «знаемых» и реально действующих норм (Братусь, 1985). Тогда даже декларативное принятие запрета на агрессию не гарантирует его постоянной регулятивной силы. Хотя подростки с девиантным поведением, как правило, не отличаются от сверстников по знанию норм, они уступают по уровню их интернализации (Овчарова, Христофорова, 2010). Причем, по мере взросления расхождение между имплицитным и эксплицитным компонентами нравственной регуляции нарастает за счёт освоения стратегий сокрытия агрессивности в самоотчётах (Бочаров и др., 2007), что делает их раздельное измерение методологически необходимым.

Настоящее исследование было направлено на изучение эксплицитного и имплицитного компонентов нравственного запрета агрессии и изменения ролевой позиции подростка в оценке агрессивных ситуаций. Выборку составили несовершеннолетние ($N = 34$, $M = 14,82$ лет), состоящие на учете в ПДН и на внутришкольном учете. Было проведено полуструктурированное интервью с контент-анализом по показателям понимания нормы, допустимости и осознания причинения вреда; рисуночные ситуации с изображением реализации агрессивного поведения для оценки эксплицитного отношения к агрессии; модифицированный тест ST-IAT В.И. Доминьяка для оценки имплицитного отношения к агрессии. Группы сравнения формировались на основании наличия/отсутствия упоминаний

физической (группы 0-1) или вербальной агрессии (группы А-Б) в материалах личных дел.

Оказалось, что эксплицитно все подростки – вне зависимости от наличия агрессии в анамнезе – оценивали агрессивное поведение негативно: согласно критериям Манна-Уитни и экстремальных реакций Мозеса, значимых различий между группами обнаружено не было. Качественный же анализ интервью выявил устойчивый паттерн ролевой асимметрии в осознаваемых оценках. Ситуации насилия над заведомо слабым – над животным или ребенком – оценивались резко негативно всеми респондентами, но ситуации ответного, интерпретируемого как «заслуженное» насилия получили нейтральные и положительные оценки. 14 из 18 подростков, допустивших причинение вреда, изначально отвечали «нет» на вопрос о его допустимости, но по ходу описания ситуации реконструировали позицию через оправдательный нарратив: «может, начал первым», «значит, за дело», «такого не потерплю». А подростки с опытом виктимизации неизменно прибегали к осуждению агрессора. Так, в отличие от исследования, где асимметрия фиксировалась ретроспективно, в настоящем – она наблюдалась в реальном времени.

Согласно оценке имплицитного компонента, подростки базово отвергали драку и одобряли вербальный способ разрешения конфликта. Однако сравнительный анализ (критерий Манна-Уитни) выявил значимые различия между группами: подростки с физической агрессией в анамнезе демонстрировали значимо менее выраженное имплицитное неодобрение драки ($p = 0,048$). Критерий Мозеса выявил также значимые различия в разбросе показателей имплицитного отношения к драке между группами подростков с вербальной агрессией в анамнезе и без нее ($p = 0,019$), указывая на большую неоднородность установок у вербально агрессивных подростков.

Полученные данные уточняют понимание механизмов нарушения нравственной регуляции у подростков с девиантным поведением. Нравственный запрет агрессии у них не отсутствует, но проявляется по-разному в эксплицитном и имплицитном компонентах: осознаваемые оценки, хотя и схожи в группах подростков с агрессивным поведением и без него, ситуативно реконструируются через ролевую идентификацию, а на имплицитном уровне различие между группами устойчиво вне зависимости от контекста. Это указывает на необходимость дифференцированного подхода в профилактике: работа исключительно с декларативным знанием нормы недостаточна –

необходимы интервенции, направленные на развитие моральной идентификации, принятие перспективы другого и коррекцию имплицитных установок к насилию.

Литература

1. Бочаров А. В., Князев Г. Г., Слободская Е. Р., Рябиченко Т. И. Связь между эксплицитными и имплицитными оценками агрессивности: влияние пола, возраста и социальной желательности // Сибирский научный медицинский журнал. 2007. №3. С. 41-45.
2. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности: психологическое исследование. 1985. М.: Знание. 64 с.
3. Бриль М.С., Бекренева Ю.С., Шилова В.А. Социальные представления о нормативном поведении у подростков, склонных к совершению правонарушений. Девиантология. 2024. Т. 8. № 1 (14). С. 50-56.
4. Овчарова Р.В., Христофорова В.К. Исследование нравственного самосознания социально и педагогически запущенных подростков // Вестник Курганского государственного университета. 2010. №2 (18). С. 30-35.
5. Baumeister R.F., Stillwell A., Wotman S.R. Victim and perpetrator accounts of interpersonal conflict: Autobiographical narratives about anger // Journal of Personality and Social Psychology, 1990. Vol. 59. No 5. P. 994-1005.

Ширков Ю.Э. Проективная персонализация психолога-консультанта

Ширков Ю.Э.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
shirkov@mail.ru*

В нашем исследовании цель была сфокусирована не на любом представителе психологической профессии, а на психологе, консультирующем частных лиц. Техники качественного исследования

позволяют выявлять образ, не структурированный исследователем заранее, а тот, который удобно представить потенциальному клиенту.

Психологическая традиция интерпретации рисунка человека ориентирована на поиск проекции собственной личности рисующего на создаваемый образ. Для задачи конструирования обобщенного образа социального субъекта этот подход не имеет смысла, поскольку личность каждого респондента растворяется в выборочном обобщении. Есть в проективном материале и другой, коллективный источник. Уже и в клинической интерпретации рисунка человека в качестве источника психических данных рассматриваются проекции символических ценностей (Маховер, 1996).

Если в рисуночных тестах методическая задача состоит в том, чтобы максимально контрастно выделить то, что принадлежит автору изображения, то в выборочном исследовании интерес представляет то, что составляет нормативную, «неавторскую» сторону изображения (Романова, 2011).

Еще одно полезное свойство рисуночных техник для выборочных исследований проявляется в их наглядном выражении степени эмоционального принятия или непринятия исследуемого продукта (Фоломеева, Бартенева, 2000). Рисунок в этом случае становится интересен не сам по себе, а как вектор толкования вербального комментария автора.

Распространенный подход к персонификации продуктов и услуг – описательный вариант методики «Bubbles». Ее процедура включает рисуночное изображение, что искушает многих авторов указывать ее в качестве характерного примера проективных техник. Однако в основе этого методического приема лежат ассоциации, организованные инструкцией в заданный конструкт, что обоснованно относит эту методику к процедурам конструкции (Greenbaum, 1998). Однако естественный ход спонтанного формирования общепринятой классификации качественных методов позволяет относить ее к проективным техникам.

В ситуации оказания психологической помощи продуктом является психологическая услуга. Исследования показывают, что образ самого продукта и образ его типичного пользователя часто сливается в сознании респондентов в нечто единое (Мельникова, 2007). Для психологической услуги естественно ожидать слияния ее очертаний с

образом провайдера – психолога-консультанта. Так, услуга психологической помощи уже оказывается в максимальной степени персонифицированной. Однако ценность методики персонификации заключается в необходимости специальных усилий по конкретизации абстрактной роли в узнаваемых человеческих проявлениях.

Данные были собраны в рамках глубинных интервью, которые студенты-психологи проводили весной и осенью 2024 года. Одной из техник раскрытия образа психолога-консультанта была методика Bubbles.

Респонденту на бланке предъявлялись схематические изображения двух человечков, выдавались цветные фломастеры, произносилась инструкция: «Представьте, что прошло 15 лет, и вам нужно обратиться к психологу. Опишите на бланке «психолога, к которому я обращусь, с признаками, обещающими пользу», и «психолога, к которому я НЕ обращусь, с признаками, внушающими опасения вреда». Превратите схематичное изображение в рисунок человека: «оденьте» его, создайте ему лицо, добавьте детали. На свободных строчках напишите краткую характеристику этих людей. В специальных выносках напишите, что они говорят о себе окружающим вслух и что они думают о себе, но вслух не произносят». После выполнения задания интервьюер просил кратко охарактеризовать эти образы, не повторяя то, что написано на бланках.

Использование качественного подхода к конструированию образа психолога-консультанта позволило выйти за рамки психологического профиля специалиста и увидеть в отношении к консультативной услуге более широкую жизненную ситуацию.

В образе ситуации обращения к психологу собираются в комплекс ожидания переживания психологической проблемы и перспектив ее решения (1), ролевая модель взаимодействия провайдера и клиента (2), человеческая коммуникативная ситуация взаимодействия живых людей (3).

В обсуждении потенциального обращения к психологу в некотором отдаленном будущем, установка на коммуникативную ситуацию заслоняет актуальность решения психологической проблемы. «Грязные волосы» или «спортивный вид» консультанта сути консультации не меняют, но в воображаемой ситуации являются кричащим признаком комфорта взаимодействия. С психологом предстоит быть «в отношениях», причем – долгосрочных, поэтому в отрыве от актуальной проблемы, он прежде всего должен быть приятным человеком.

Во вторую очередь важна социальная рамка взаимодействия, нормы, которые в ролевых отношениях имеют широкий диапазон исполнения конкретными людьми. В целом приемлемое, нормативное поведение консультанта может быть «индивидуально непереносимым», поэтому клиенты чувствительны к комплиментарности позиций, которые занимают стороны ролевого взаимодействия. Этот опыт масштабируется с других ситуаций взаимодействия и делает человека, даже никогда не обращавшегося к психологу, требовательным и даже капризным в выборе консультанта с выработанной им моделью отношений, в которую он ставит клиента.

Собственно содержание решаемой психологом проблемы ожидаемо получает наименьшее внимание в воображаемой и отсроченной во времени ситуации обращения. Даже в актуальной ситуации реальных проблем разнообразие мотивов обращения к психологу не позволило бы сделать универсальных обобщений этих факторов без потери эвристической ценности.

Полученные результаты отражают не все, но наиболее существенные аспекты предпочтения-отвержения психолога-консультанта в перспективе возникновения необходимости этого выбора. В качественном методологическом подходе практикуется такой тезис: если сто человек в свободном обсуждении темы так и не подняли какой-то ее вопрос, то так ли он важен?

Литература

1. *Махвер К.* Проективный рисунок человека. М., 1996.
2. *Мельникова О.Т.* Фокус-группы: Методы, методология, модерирование. М.: Аспект Пресс, 2007.
3. *Романова Е.С.* Графические методы в практической психологии. М.: Аспект Пресс, 2011.
4. *Фоломеева Т.В., Бартенева О.М.* Опыт применения проективной методики «психологический рисунок» в исследовании восприятия социальных объектов // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2000. № 2, с. 40-48.
5. *Greenbaum T.L.* The Handbook for Focus Group Research. Thousand Oaks: Sage, 1998.

Сравнительный анализ восприятия офлайн и онлайн преподавателей студентами колледжа: результаты пилотажного исследования

Школьников К.А.

*МГТУ им.Н.Э.Баумана, Москва, Россия
kkmt2014@mail.ru*

Цифровизация и переход к гибридному формату организации образовательной среды высшей школы становится обстоятельством, актуализирующим поиск новых путей повышения академической вовлеченности студентов. Один из фокусов рефлексии по поводу этого поиска – обращение к профессионально значимым качествам преподавателя. Традиции и современное состояние педагогической психологии свидетельствуют об устойчивом интересе исследователей к проблеме профессионально значимых психологических ресурсов личности преподавателя, обладающих мотивационным потенциалом для студентов. В современной педагогической психологии накоплен значительный массив исследований, посвященных анализу мотивирующих обучающихся личностных и стилевых характеристик профессиональной деятельности педагога (Ефимова, Сорокин, Грибовский, 2021; Гордеева, Сычев, 2021; Луковцева, 2026; Фомиченко, 2019). Однако специфика восприятия онлайн-преподавателя студентами среднего профессионального образования остается недостаточно изученной.

Настоящее исследование является пилотажным этапом более масштабной работы, посвященной проблеме особенностей восприятия онлайн-преподавателя как фактора академической вовлеченности обучающихся. Цель пилотажного этапа – определить компонентный состав и выявить содержательные особенности образа «идеальных» онлайн и офлайн-преподавателей в представлениях студентов колледжа. В пилотажном исследовании приняли участие 26 студентов колледжа. Средний возраст респондентов составил 17,5 лет. Сбор данных осуществлялся с помощью метода свободного сочинения-эссе. Студентам одной группы было предложено написать эссе на тему «Идеальный онлайн преподаватель», а через неделю этим же студентам – эссе на тему «Идеальный офлайн преподаватель». В текстах,

представленных 26-ю респондентами, были выделены дескрипторы-описания, характеризующие как онлайн-, так и офлайн-преподавателя. Все тексты эссе подвергнуты контент-анализу с выделением единиц смысла и их последующей группировкой в единицы анализа. Категории или единицы анализа были выделены с помощью экспертного анализа, к работе были привлечены 2 психолога, специализирующиеся в педагогической психологии.

В результате контент-анализа было выделено 176 единиц смысла\дескрипторов, относящихся к описанию онлайн преподавателя и 287 единиц смысла\дескрипторов – к описанию офлайн-преподавателя. Все единицы смысла были систематизированы в несколько содержательных блоков, которые были названы следующим образом: дидактический, коммуникативно-личностный, мотивационно-стимулирующий, организационно-технологический, а также дополнительный ценностно-этический блок. Дидактический блок включал дескрипторы, касающиеся методических аспектов ведения занятий, использования преподавателем различных техник и приемов объяснения и проверки усвоения материала. Коммуникативный блок аккумулировал дескрипторы, характеризующие специфику взаимодействия в системе «преподаватель – студент». Мотивационно-стимулирующий блок включал дескрипторы, фиксирующие возможности преподавателя заинтересовать студента как предметом, так и процессом обучения. Организационно-технологический блок связан с характеристиками, касающимися ресурсов преподавателя в области использования технических средств обучения. Было проанализировано процентное соотношение дескрипторов, составляющих выделенные блоки в описаниях офлайн и онлайн преподавателей. Было обнаружено, что компонентный состав образа «идеального» офлайн преподавателя в значимых пропорциях включает дидактический (24,7%) и коммуникативный (23%) компоненты. восприятие офлайн преподавателя. Что касается образа «идеального» онлайн преподавателя, то иерархия компонентного состава структуры образа выглядит следующим образом: во-первых, организационно-технологический блок (45,5%), далее – мотивационно-стимулирующий блок (30,1%). Были выявлены статистически значимые различия в

количестве дескрипторов, относящихся к разным блокам в образах «идеальных» офлайн и онлайн преподавателей (χ^2 , $p < 0,001$). Для образа «идеального» онлайн-преподавателя характерно значимо большее количество дескрипторов, составляющих организационно-технологический и мотивационно-стимулирующий блоки.

В результате анализа полученных данных нами были сделаны выводы. Во-первых, образы «идеальных» офлайн и онлайн преподавателей имеют значимые различия по выраженности отдельных составляющих этот образ компонентов. Для образа «идеального» онлайн-преподавателя характерно доминирование организационно-технологического и мотивационно-стимулирующего компонентов, в то время как в структуре образа «идеального» офлайн преподавателя значимость дидактической и коммуникативной компонент выше. Во-вторых, данные, касающиеся дифференцированности содержания выделенных блоков, свидетельствуют о том, что наиболее дифференцированным для образа онлайн преподавателя является организационно-технологический блок, что позволяет сформулировать тезис о значимости для студентов колледжа технических компетентностей преподавателя. В-третьих, акцентированность мотивационно-стимулирующей компоненты образа «идеального» онлайн преподавателя, а также достаточно сложный содержательный состав этого блока, включающий дескрипторы, касающиеся индивидуальности преподавателя, важности «собственного стиля», позволяет сделать этот компонент предметом более пристального академического внимания. Можно предположить, что именно этот структурный компонент образа онлайн преподавателя, компенсируя дефицит «живого» общения, обладает ресурсным потенциалом по отношению к академической вовлеченности студентов. Проведенное пилотажное исследование имеет существенные ограничения как по количеству респондентов, так и по методическим решениям. Вместе с тем, полученные данные позволяют определить направления перспективных поисков, целью которых является обоснование тех профессионально значимых характеристик онлайн преподавателя, которые могут являться ресурсом для повышения академической вовлеченности студентов.

Литература

1. *Ефимова Г.З., Сорокин А.Н., Грибовский М.В.* Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции // *Образование и наука*. 2021. Т. 23, № 1. С. 202–230. <https://doi.org/10.17853/1994-5639.2021-1-202-230/>
2. *Гордеева Т.О., Сычев О.А.* Диагностика мотивирующего и демотивирующего стилей учителей: методика «Ситуации в школе» // *Психологическая наука и образование*. 2021. Том 26. № 1. С. 51-65. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260103>
3. *Луковцева З.В.* Агентность педагога как ресурс преодоления трудных ситуаций в профессиональной деятельности. Психолого-педагогические исследования, 2026. 18(1), 104–117. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2026180105>
4. *Фомиченко А.С.* Особенности влияния характера взаимодействия в системе «учитель ученик» на процессы обучения и развития школьников (по материалам публикаций) [Электронный ресурс] // *Современная зарубежная психология*. 2019. Т. 8. № 1. С. 76-83. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080108>

Альянс семьи и школы: диалог на уровне доверия и сотворчества

Шнейдер Л.Б.

ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия

lb.shneider@mpgu.org

Проблема осмысления парадигмы отношений учителя и родителя приобрела особую значимость в современных условиях, в первую очередь – в условиях сосуществования реального и цифрового пространства. Качественное изменение условий взаимодействия этих субъектов соотносится с изменением понимания ролей и позиций учителя и родителя. Утверждение парадигмы субъект-субъектности вкупе с рефлексией проблем построения продуктивных отношений

учителя и родителя создают новое проблемное поле, центральным вопросом в котором выступает вопрос о сущности и особенностях взаимодействия этих субъектов в обновленных условиях. Учитывая доминантную роль этого взаимодействия, именно рефлексия парадигмы отношений позволит, с одной стороны, ответить на вопрос о самой сущности воспитания; с другой – сделать предположение, прогноз о его развитии как базовой, основной деятельности человеческого сообщества во благо ребенка.

В этом ракурсе выявление стратегий и тактик управляющего психолого-педагогического содействия в осуществлении возрастного перехода от младенчества к взрослости представляется важнейшей психолого-педагогической и насущной социальной задачей. К тому же не простой задачей, с которой в одиночку трудно справиться и родителю, и учителю. Ее эффективное решение возможно при объединении и сопряжении усилий семьи и школы. Народная мудрость гласит: если хочешь идти далеко – идите вместе.

Современные родители часто превосходят школьных учителей в уровне образования или социально-материальном статусе, но педагог может компенсировать эту разницу своей компетентностью в области социальной, педагогической и семейной психологии. Для установления партнерских отношений с семьей, учитель должен владеть разнообразными технологиями работы с родителями, творчески использовать свои психолого-педагогические знания, вычленять главное в ожиданиях родителей и совместно с ними искать пути разрешения возникших затруднений. Учитель – полноправный воспитатель школьника, если, устанавливая отношения с его родителями, взаимодействует с ними и как профессионал, и как личность.

Объединение усилий педагога и родителей в процессе воспитания детей – непростая в организационном и психолого-педагогическом плане задача. Представляется, что принципиальные условия для ее решения заключаются в создании особой формы альянса между родителями и учителями, которую можно обозначить, как доверительный глубинный контакт. Он складывается из трансляции родителям положительного образа ребенка, из информации, которая касается особенностей его школьной жизни, и ознакомления педагога с проблемами семьи в воспитании ребенка. Очевидно, что позиция

учителя в таком диалоге партнерская, направленная на совместное исследование и формирование личности ребенка. Девизом подобного сотрудничества может быть «Давайте узнавать вместе!», а исходом – осознание вызовов настоящего времени и перестройка стереотипов общения с ребенком (Шнейдер Л. Б., Зыкова, 2024).

Возможные подходы педагога в работе с семьей

1. Проблемно-ориентированный подход, сфокусированный на ребенке. Как правило, от родителей исходят следующие виды запросов: об информации; о разрешении конфликтов; о поддержке. По формулировке запросов может быть обозначена следующая типология родителей: гармонизаторы (слушают и вникают, ищут и находят, постигают в теории, реализуют на практике); теоретики (все понимают, но ничего толком не умеют); практики (активно экспериментируют, действуют методом проб и ошибок, но плохо разбираются в том, что происходит) и беспомощные (и не понимают, и не умеют). Три последних категории родителей нуждаются в реальной психолого-педагогической помощи, направленной на пополнение педагогических знаний, развитие понимания и активизацию действий, адекватных современному миру и его вызовам (Шнейдер, 2021).

2. Просветительно-профилактический подход включает родительские собрания, тренинг родительской эффективности, тренинг переориентации родительского поведения, деловые игры, семинары для родителей. Обсуждаемые вопросы: как быть родителю, если дети не приняли кого-то из учителей; ребенок и прародители; конфликты в детской среде и способы их разрешения; организация детского досуга, и др. *В группе отцов* уместно поставить и обсудить вопрос о формах участия отца в воспитании, об авторитете мужчины в семье, его роли в организации досугово-рекреативной сферы семьи и пр. *В группе матерей* можно обсудить распределение ролей в семье, поговорить о том, как вовлечь мужчину в воспитание, придав ему новое звучание, как влияет женское доминирование на личность девочки и мальчика и пр. Роль педагога сводится к созданию особого пространства, в рамках которого происходит распространение психолого-педагогических знаний, стимулируется творческая родительская активность и ответственность, увеличивается понимание ценности каждого периода в жизни ребенка (Шнейдер, 2021).

3. Социально-психологический подход. Фокус внимания педагогических работников концентрируется на просвещении родителей, построении образовательного маршрута ребенка, его онлайн-образовании. Возможно информирование родительской аудитории через памятки, листовки, буклеты, благодарственные письма, публикации в СМИ, вечера вопросов и ответов, группы в мессенджерах и пр.

В семье и образовательном учреждении ребенок приобретает первый социальный опыт, осваивается в социальном ориентировании, и в итоге – граждански и социально образовывается. Безусловно, патриотический настрой, а вслед за ним и гражданственность взрослеющего ребенка нуждаются в особом сопровождении и незаменимой поддержке. Одного доверительного диалога «родитель-учитель» здесь недостаточно, в ситуации масштабирующихся рисков востребованным становится семейно-школьное сотворчество. Со стороны семьи ребенку нужна информация, знания о том, как, с помощью чего могут раскрыться его сущностные силы, а от школы требуется понимание, где, при каких условиях и когда эти силы могут быть востребованы родным Отечеством, будут во имя его блага реализованы в полном объеме. Педагогическое творчество учителей может дополнить воспитательный потенциал семьи, расширить репертуар обсуждаемых тем, «оживить» и обновить арсенал используемых средств воспитательного воздействия, перевести их в интерактивный формат (Шнейдер, Зыкова, 2024).

Отношения диалога и семейно-школьного сотворчества не ввести в школе указаниями и рекомендациями, этими идеями можно только проникнуться, поверив в их конструктивность. Цели воспитательной деятельности понятны и семье, и школе, но методы психолого-педагогического воздействия требуют обновления, приведения в соответствие с задачами цифровой трансформации образования, что актуализирует поиск новых, креативных форматов взаимодействия в родительско-учительском сообществе.

Перед родителями учитель предстает в двух аспектах: формальном компетентным школьным работником) и неформальном (тактичным и внимательным собеседником). Творческий настрой и душевность позволяют уберечь педагогов от сухой назидательности, ориентируют их на развитие серьезных, но захватывающе интересных диалогов и с

обучающимися, и с их родителями. Понимающий, сочувствующий учитель, готовый оказать поддержку школьнику и его родителям, сумеет быть полезным в самых психологически сложных ситуациях (Шнейдер, 2021). Его вдохновляющий совет, высказанный в нужный момент, поможет семье выбрать линию поведения исходя, прежде всего из блага ребенка (Шнейдер, Зыкова, 2018).

Литература

1. *Шнейдер Л.Б.* Педагогическое творчество и его проявления в гражданском воспитании // Психология творчества и одаренности. Часть 1. М.: Ассоциация технических университетов, 2021. С. 40-44. https://doi.org/10.53677/9785919160441_40_44
2. *Шнейдер Л.Б., Зыкова М.Н.* Воспитание: лицом к России. Основы гражданско-патриотической работы со школьниками: учебно-методическое пособие. М.: Государственный университет просвещения, 2024. 246 с.
3. *Шнейдер Л.Б., Зыкова М.Н.* Компетентное родительство. М.: МПСУ, 2018. 126 с.

Анализ изменения неформальных ролей студентов ДНР в условиях смены образовательных форматов: социометрический аспект

Шульга В.В., Щепка И.В.

ФГБОУ ВО ДГУЮ Минюста России

shulga.valentina55vv@mail.ru, irinashchepka@mail.ru

В современной действительности Донбасса, учитывая сложившуюся военно-политическую ситуацию, дистанционное обучение (ДО) перестало быть лишь вынужденной мерой, трансформировавшись в нормативно закреплённый акт образовательной системы – решение Главы ДНР от 14.03.2020 №57 послужило одним из законодательных импульсов для его всеобъемлющего внедрения в учебных заведениях ДНР, как среднего, так и высшего образования. Переход к ДО был обусловлен не только

объективными технологическими ограничениями, но и спецификой изменяющейся политической обстановки, усугубленной началом СВО. Имплементация ДО способствовала формированию тенденции «виртуальной социализации», под которой понимается процесс интеграции индивида в социокультурное пространство, где ведущую роль выполняют коммуникационные технологии, актуальными стали информационная культура и целенаправленно формируемые компетенции, связанные с адаптацией и усвоением социальных норм в цифровом поле (Чванова и др., 2017).

Виртуальная среда обладает уникальными свойствами, отличающимся от физической реальности, ключевыми особенностями которой являются: обусловленность минимизирующего прямого влияния последствий коммуникации на реальную жизнь; постоянная, зачастую динамическая навигация по цифровым ресурсам, требующая постоянного внимания и непрерывной гибкости когнитивных процессов; а также добровольность участия, позволяющей прерывать или покидать виртуальное пространство в любой момент. Эти факторы способствуют развитию множественных, но поверхностных и «слабых» социальных связей, уступающих по глубине и устойчивости реальным межличностным отношениям. Устранение географических барьеров, обеспечивающих глобальное взаимодействие между участниками образовательного процесса, наряду с многочисленностью и относительной анонимностью контактов (Семёнов, 2018; Темнова, Медникова, 2017), кардинально трансформируют традиционные паттерны человеческого общения, что оказывают существенное влияние на студентов, чья социальная и профессиональная сферы зачастую ограничиваются рамками цифровой среды.

Длительный период ДО воспринимался образовательным сообществом как второстепенный аспект обучения по отношению к классическому, вызванный временными ограничениями, связанными с пандемией COVID-19. Однако, активное внедрение ИКТ (Семёнкина, 2021) трансформировало такое представление: ДО стало считаться прогрессивным развитием образовательной парадигмы, предлагая платформу для организованного освоения знаний без временных и географических ограничений. Помимо того, что ДО включает в себя технологические решения для распространения учебных материалов, оно обеспечивает структурирование самостоятельной учебной

деятельности и интерактивного общения. Интеграция ИКТ в ДО делает образовательный процесс независимым от физического присутствия участников, расширяя доступ к образованию для студентов, проживающих в отдаленных регионах, и дополняя традиционные педагогические инструменты цифровыми технологиями для повышения эффективности учебного процесса.

Перенос моделей человеческого взаимодействия из физической реальности в цифровое пространство – сложная проблема, требующая детального анализа. Киберсоциализация и интернет-коммуникации способствуют формированию «слабых» социальных связей и информационной грамотности, но ограничены в возможностях развития глубоких доверительных отношений. Реинтеграция в очный формат после периода ДО неизбежно влечет за собой вызовы из-за столкновения цифровых паттернов поведения с реалиями непосредственного общения, порождая новые коммуникативные барьеры.

В данном исследовании проанализировано влияние перехода от ДО к очному обучению на социометрические характеристики студентов Донбасского государственного университета юстиции. В эксперименте участвовало 23 студента 2-го курса (9 юношей, 14 девушек, средний возраст 19,1 года). Методология основывалась на параметрической социометрической процедуре, оценивающей эмоциональные взаимосвязи («миротворец»), интеллектуальное лидерство («генератор идей») и организационный потенциал каждого студента «организатор».

В ходе исследования были отмечены следующие существенные тенденции:

Студенты, проявлявшие лидерские качества в ДО, сохранили свой статус и в очной среде, при этом реальное взаимодействие способствовало значительному укреплению их позиций: некоторые из них продемонстрировали явное укрепление статуса, став «социометрическими звездами». Наблюдался количественный рост выборов в ролях «миротворец» и «генератор идей», но наиболее заметные изменения зафиксированы в категории «организатор», где отдельные студенты показали незаурядные результаты, что подчеркивает возросшую значимость их организаторских способностей в очном формате.

Анализ структуры социальных статусов выявил, что среднестатусные студенты проявили умеренную вовлеченность в групповые процессы, при этом их показатели в очном формате, отражающие тенденцию к средним значениям, оказались выше, чем в ДО. Существенно сниженную востребованность показали «пренебрегаемые» студенты, особенно в ДО. Наиболее драматичные изменения коснулись «изолированных» студентов: их численность не изменилась, но в ситуации очного и дистанционного обучения в этой позиции оказались разные студенты, число их выборов со стороны одноклассников было равно нулю.

Отмечена активизация выражения студентами своих предпочтений: переход к очному обучению способствовал увеличению общего числа осуществленных выборов и росту среднего количества выборов каждого студента, что указывает на большую открытость к установлению контактов. Переход к очному формату обучения показал снижение коэффициента групповой сплоченности: с 0,52 в условиях дистанционного обучения до 0,37 в очном формате, что, возможно, связано с «идеализированным» образом студента, сформированным в онлайн-среде, который при переходе в реальное взаимодействие вступает в конфликт с подлинным «Я» обучающегося, и детерминирует перестройку межличностных отношений на основе реально воспринимаемых качеств.

Таким образом, переход к очному обучению существенно влияет на неформальную социальную структуру студенческой группы, акцентируя важность лидерских и организаторских компетенций, требуя от студентов большей открытости. Студенты демонстрируют лучшую коммуникацию в цифровом пространстве, однако именно живое взаимодействие формирует у них навыки адаптации, командной работы, публичных выступлений, которые трудно развить в онлайн-среде.

Литература

1. Семёнкина И.А., Павлова Т.А. Вуз в условиях пандемии: восприятие дистанционного и смешанного формата обучения студентами и преподавателями // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал.

2021. № 04 (57). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/vuz-v-usloviyakh-pandemii-vospriyatie-distantsionnogo-i-smeshannogo-formata-obucheniya-studentami-i-prepodavatelayami.html>
2. Семёнов М.Ю. Виртуальная конкурентоспособность: оценка молодежи // Образование наука. 2018. № 3. С. 100-116.
  3. Темнова Л.В., Медникова М.М. Влияние виртуального пространства на коммуникацию представителей поколений Z и Y // Теория и практика общественного развития. 2017. № 11. С. 19-23.
  4. Чванова М.С., Анурьева М.С., Киселева И.А. Новые формы социализации студенческой молодежи в интернет-пространстве // Вестник ТГУ. 2017. № 6 (170). С. 32-40.

Новые социально-психологические феномены

Шульга Т.И.

*ФГАОУ ВО «ГУП», Москва, Россия
shulgatiana@gmail.com*

Повышение исследований проблемы цифровизации и ее последствий для общества, а также появление нового значительного объема научных публикаций в отечественной и зарубежной психологии по этой теме, важнейшие ее аспекты остаются недостаточно изученными. Теоретический анализ исследований в период 2020-2026 г показал, что в зарубежной психологии появились новые психологические феномены во взаимодействии людей в обществе (Wanshuang et al., 2026). В отечественной психологии их пока незначительное количество. Наибольшее количество исследований направлено на изучение уровня боязни публичных выступлений (так называемой «фаббинг»), тревожности перед публичными выступлениями и потребности в социальном одобрении среди молодых людей.

Исследование психологов в Турции, в котором приняли участие 1063 молодых человека в возрасте 18-26 лет из различных городов,

были собраны с помощью анкеты с личной информацией, общей шкалы боязни публичных выступлений, шкалы тревожности перед публичными выступлениями и шкалы потребности в социальном одобрении. Согласно результатам множественного линейного регрессионного анализа, модель объясняет 39,5% дисперсии тревожности перед публичными выступлениями и является статистически значимой ($p < 0,001$). Было установлено, что уровень боязни публичных выступлений положительно и статистически значимо связан с тревожностью перед публичными выступлениями и потребностью в социальном одобрении. Увеличение показателей боязни публичных выступлений связано с увеличением показателей тревожности перед публичными выступлениями и потребности в социальном одобрении характерно для этого возраста. Кроме того, феномен «фаббинга» объясняет потребности в социальном одобрении и является значимым предиктором этой переменной ($p < 0,001$). Это исследование демонстрирует, что фаббинг среди молодых людей связан с тревожностью публичных выступлений и потребностью в социальном одобрении. Увеличение фаббинга негативно влияет на обе переменные. Результаты показывают, что уменьшение личного общения может оказать существенное влияние на психологическое благополучие молодых людей. Соответственно, рекомендуется, чтобы молодые люди участвовали в социальных мероприятиях и получали информацию, направленную на снижение фаббинга.

В Турции наблюдается рост исследований, связанных с использованием инструментов цифровизации подростками. Исследование было проведено с целью изучения влияния уровня «смомби» (отвлечение внимания и отчуждение от окружающей среды из-за использования смартфона) и «фаббинга» (игнорирование окружающих путем сосредоточения на телефоне во время личного общения) на психологическое благополучие подростков. Для сбора данных использовались следующие инструменты: шкала «Smombie Scale for Adolescents», общая шкала «Phubbing Scale» и шкала психологического благополучия. Согласно результатам иерархического регрессионного анализа, уровень «смомби» был отрицательно связан с психологическим благополучием. С добавлением уровня «фаббинга» показали статистически значимую отрицательную связь с психологическим благополучием; при этом

фаббинг оказался более сильным предиктором. Данное исследование демонстрирует, что поведение подростков, проявляющееся в виде «смомби-поведения» и «фаббинга», отрицательно коррелирует с психологическим благополучием.

Целью исследования (Норин, Каюм, 2026) является изучение взаимосвязи между страхом упустить что-то важное, поведением «фаббинга», привязанностью к родителям и зависимостью от социальных сетей у подростков. Предполагалось наличие взаимосвязи между страхом упустить что-то важное (личностная и ситуативная черта), поведением «фаббинга», привязанностью к родителям (гнев, стресс, целеориентированное партнерство и доступность) и зависимостью от социальных сетей. Страх упустить что-то важное (личностная и ситуативная черты), поведение «фаббинга» и привязанность к родителям (гнев, стресс, целеориентированное партнерство и доступность) могут предсказывать зависимость от социальных сетей. Вероятно, привязанность к родителям (гнев, тревога, целеустремленность и доступность) оказывает опосредующее влияние на взаимосвязь между страхом упустить что-либо (личностный и ситуативный) и зависимостью от социальных сетей, а также между поведением, связанным с использованием телефона (фаббинг), и зависимостью от социальных сетей. Было обнаружено, что личностный страх упустить что-либо, ситуативный страх упустить что-либо, поведение, связанное с использованием телефона, и гнев, тревога положительно коррелируют с зависимостью от социальных сетей. Ситуативный страх упустить что-либо, поведение, связанное с использованием телефона, и гнев, тревога предсказывают зависимость от социальных сетей. Однако привязанность к родителям (гнев, тревога, целеустремленность и доступность) не оказывает опосредующего влияния на взаимосвязь между страхом упустить что-либо (личностный и ситуативный) и зависимостью от социальных сетей, а также между поведением, связанным с использованием телефона, и зависимостью от социальных сетей. Данное исследование может быть полезным в консультировании, например, при управлении зависимостью от социальных сетей у подростков и решении проблем привязанности между подростками и их родителями.

Интерес к новым феноменам взаимодействия в межличностном общении позволил их подробно охарактеризовать. Например, понятие

«техноференция» (англ. phubbing, от слов phone и snubbing) описывает ситуацию, когда человек прерывает личное общение с собеседником, отвлекаясь на мобильный телефон или другое электронное устройство. Этот термин появился сравнительно недавно и стал популярным благодаря распространению смартфонов и других мобильных устройств.

Литература

1. *Норин Т., Каюм Д.С. (2026). Прогнозирование зависимости от социальных сетей у подростков: изучение роли страха упустить что-то важное (FoMO), поведения «фаббинга» и привязанности к родителям // Журнал психологии Университета Фонда. Том 10 №1. <https://doi.org/10.33897/fujp.v10i1.852>*
2. *Wanshuang Z., Jiayu L., Yuzhou Ch., Ling W., Xuemei G. Cognitive bias modification of interpretation in Fear of Missing Out: a randomized controlled trial // Personality and Individual Differences. Vol. 252, 2026, 113613. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2025.113613>*

Психологические аспекты взаимодействия человека с виртуальными питомцами

Шупак А., Кочетков Н.В.

ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия

tasia_marker@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

По мере технического прогресса все больше и больше реального мира «перемещается» в виртуальный, создавая смешанную реальность. В ней происходит не только межличностное общение, но и взаимодействие между человеком и животными, которые были названы виртуальными (virtual pets). Их, вместе с чат-ботами, можно отнести к категории искусственных компаньонов, а игры с ними – к играм-симуляторам жизни. Цель нашей работы – проследить их влияние на человека.

Недавно мир облетела новость о том, что за 2025 год было продано 10 млн тамагочи, что составляет 10% всех продаж с 1996 года, когда эта игрушка начала выпускаться. Тамагочи – это виртуальное животное, которое можно отнести к портативным играм. Кроме такого типа игр с виртуальными питомцами существуют еще компьютерные или консольные (например, «Симс 2: Животные»), мобильные игры (самой известной является «Мой Говорящий Том») и ИИ-роботы (например, собака-робот AIBO (Artificial Intelligence roBot)).

Историю виртуальных питомцев обычно ведут с игры «Неко», выпущенной в 1989 г., однако можно задать вопрос, насколько это является новым явлением с психологической точки зрения. Игрушки-животные были всегда, дети играли в них так же, как в XXI веке играют с цифровыми животными. В чем же различие между реальными и виртуальными питомцами и какое влияние на человека оказывают последние с точки зрения теории психологии?

«Реальная» игрушка материальна, следовательно, с ней можно взаимодействовать, получая сенсорную стимуляцию, тогда как цифровая действует только через визуальный канал восприятия и является двухмерным изображением. Соответственно, с точки зрения развития сенсорной сферы, «аналоговые» игрушки «выигрывают» у цифровых.

Срок жизни «реальной» игрушки ограничен только долговечностью материалов, она не может «умереть», в то время как в цифровые игрушки встроен алгоритм прекращения их существования в случае невыполнения определенных условий. Исходя из этого, с одной стороны, можно говорить о том, что содержание цифрового животного сопряжено с риском и потенциальной травматизацией от его возможной гибели, но, с другой стороны, это приучает ребенка к ответственности.

Следующее отличие заключается в том, что подобные условия при игре с «плюшевым мишкой» ставит сам ребенок, а в цифровом питомце – программисты. Следовательно, можно сказать, что реальная игрушка больше развивает воображение, творчество.

Распространенность цифровых питомцев вызвала к жизни интерес к их изучению в психологической науке. Исходя из обзора литературы, наиболее популярными темами являются: здоровье и привычки, жизнь

и смерть, капитализм и потребление, гендер, игрушки и игры, а также этика (Dodd, Fowler, Lottridge, 2025).

Что дает человеку взаимодействие с виртуальным питомцем? С одной стороны, игры с ними, как и все видеоигры, можно назвать аддиктогенными. Именно поэтому в конце 90-х в США их запрещали в школах из-за возникновения у детей поведенческих проблем и снижения успеваемости. Но, с другой – они могут использоваться в геймификации образования. Так, было показано, что специально сконструированные игры с животными могут побудить детей к обучению, привить им трудолюбие (Chen Zhi-Hong et al., 2011). Цифровые животные могут повышать физическую активность среди молодежи (Ahn et al., 2015), с их помощью работают над адаптацией детей с расстройством аутистического спектра, над привлечением туристов в то или иное место и т.п.

Социально-психологические исследования показывают, что виртуальные собаки могут играть функцию фасилитатора в групповых спортивных тренировках, улучшать впечатления от них в одиночных занятиях (Nam et al., 2025). Результаты эмпирических исследований показывают, что привлекательность виртуального питомца оказывает значительное положительное влияние на готовность людей помогать друг другу в интернете (Zhou, Lin, Mou, 2024).

Подобные работы подтверждают, что люди в наше время воспринимают виртуальных питомцев как субъектов. Однако возникает вопрос: аналогична ли эта субъектификация той, что характерна для реальных живых животных? Одно из исследований демонстрирует, что общение, обеспечиваемое виртуальной собакой (Nintendog), значительно уступает общению, обеспечиваемому «настоящей» собакой или кошкой (Chesney, Lawson, 2007). Это говорит о том, что пока еще виртуальный природный мир «уступает» реальному. Но будущее не за горами.

Литература

1. Ahn S.J., Johnsen K., Robertson T., Moore J., Brown S., Marable A., Bas A. Using Virtual Pets to Promote Physical Activity in Children: An Application of the Youth Physical Activity Promotion Model. *Journal of Health Communication*. 2015. Vol. 20. № 7. P. 807–815. <https://doi.org/10.1080/10810730.2015.1018597>

2. *Chen Zhi-Hong, Liao C., Chien Tzu-Chao, Chan Tak-Wai* Animal companions: Fostering children's effort-making by nurturing virtual pets // *British Journal of Educational Technology*. 2011. Vol. 42. № 1. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8535.2009.01003>
3. *Chesney Th., Lawson Sh.* The illusion of love: Does a virtual pet provide the same companionship as a real one? // *Interaction Studies*, Volume 8, Issue 2, Jan 2007, p. 337-342
4. *Dodd M., Fowler A., Lottridge D.* Purr-ogrammed love: A narrative review of virtual pets // *Entertainment Computing*. 2025. Vol. 54. 100958. <https://doi.org/10.1016/j.entcom.2025.100958>
5. *Nam H., Lee K., Park J.-I., Kim K.* AR Fitness Dog: Effects of a User-Mimicking Interactive Virtual Pet on User Experience and Social Presence in Physical Exercise // *IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics*. 2025. Vol. 31. № 5. P. 2817-2827. <https://doi.org/10.1109/TVCG.2025.3549858>.
6. *Zhou F., Lin Y., Mou J.* Virtual pets' cuteness matters: A shared reality paradigm for promoting internet helping behaviour // *Technological Forecasting and Social Change*. 2024. Vol. 202. 123308. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2024.123308>

Программа социально-психологической реадaptации ветеранов через развитие жизнеспособности

Шурыгин А.А., Нестерова А.А.

*ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»
shuryginaa.job@gmail.com, anesterova77@rambler.ru*

После возвращения ветерана боевых действий и участников СВО в гражданскую систему, необходимо внимательно изучить социально-психологические условия военнослужащих, для последующей работы психологов по успешной реадaptации ветеранов в обществе. Качество психологической помощи ветеранам боевых действий на этапе возвращения к гражданской жизни определяется точностью первичной оценки их социально-психологического состояния. В тезисах представлен обзор ключевых условий, подлежащих изучению в ходе

диагностического этапа нашей программы, и даны рекомендации по использованию полученных данных для построения индивидуальных траекторий реадаптации.

Меры поддержки оказываемые в рамках ФЗ № 225 от 13.06.2023 и ФЗ № 315 от 14.07.2022 имеет значительный вклад государства в поддержку ветеранов боевых действий, участников СВО их семей, но выполнение боевых задач зачастую имеет травмирующий отпечаток на психологическом здоровье, которое требует особого внимания по оказанию помощи в этом направлении (Ананьев, Ананьева, 2023). По данным исследований отечественных специалистов, в получении качественной психологической поддержки нуждаются до 80% ветеранов, которые непосредственно находились «за ленточкой» (Покацкий, Лозовая, 2024).

При оказании психологической помощи, в первую очередь, необходимо опираться на основу компонентов жизнеспособности, которые затрагивают основные сферы человека: регулятивно-эмоциональную, мотивационно-волевую, личностно-смысловую и социально-коммуникативную сферу (Нестерова, 2011).

При положительных значениях вышеописанных сфер личности происходит заметное улучшение качества жизни и, как следствие, развитие посттравматического роста, что является важным аспектом после интенсивных стрессовых событий. Утверждается, что ключевым условием посттравматического роста, является наличие острого стрессового события, которое выходит за рамки жизненного опыта человека и отсутствия у него психологических ресурсов, для совладания с ним (Berger, 2023). Длительное воздействие благоприятных социально-психологических условий способствует переходу ветеранов от дистресса к посттравматическому росту в когнитивной и эмоциональной сферах (Крутолевич, 2014).

В рамках практической работы в волонтерской организации оказания помощи ветеранам боевых действий и их родственникам, нами была разработана программа социально-психологической реадаптации, разделенная по модулям.

Первый модуль программы направлен на снижение острых посттравматических реакций в работе с кризисным психологом. Психолог обучает навыкам саморегуляции для стабилизации эмоционального состояния, для устойчивого формирования

компонентов жизнеспособности, а также проводит сбор анамнеза и определяет оценку психоэмоционального статуса.

Второй модуль программы состоит в организации психологического сопровождения групп участников СВО и ветеранов по «гомогенности» (участники разделяются на группы в зависимости от боевого опыта, во избежание ретравматизации психики). Данное взаимодействие в сообществе «своих» формирует поддерживающую и безопасную среду, развивает навыки социальной адаптации и межличностного взаимодействия, участники получают психообразование и учатся новым адаптивным копинг-стратегиям. Групповая психотерапия является эффективным методом работы, положительно влияющей на психику, что является ресурсом посттравматического роста.

Третий модуль направлен на реализацию психологической помощи для родственников ветеранов, где проводятся психолого-образовательных тренинги по обучению навыкам коммуникации с ветеранами боевых действий. Данная практика способствует уменьшению межличностных конфликтов и способствует глубокому пониманию психологических особенностей ветеранов после войны. Целью модуля является создание благоприятного и устойчивого микросоциального семейного климата способствующий повышению жизнеспособности.

Четвертый модуль оказывает психологическую поддержку для матерей и жен ветеранов и участников СВО в период ожидания военнотружущих, без вести пропавших, попавших в плен. Эта категория граждан является одной из наиболее уязвимых в условиях длительной неопределенности. Психотерапевтическая работа осуществляется в формате групп с ведущим и соведущим. Критически важным этапом является предварительное собеседование с участниками: оно необходимо для корректного распределения по группам и предотвращения потенциальных конфликтов, связанных с неосознанным сравнением тяжести утраты (например, между матерями и женами).

Таким образом, продолжая и дополняя программу развития социально-психологических условий жизнеспособности для ветеранов и их семей новыми методами, возможно снизить уровень проявления симптомов ПТСР, значительно улучшить качество жизни и, как следствие, помочь ветеранам реадаптироваться в гражданское общество.

Литература

1. *Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н.* Современные доктрины социального обеспечения: право на реадaptацию и реабилитацию личности действующих и бывших участников СВО // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 10 (238). С. 152-155.
2. *Крутолевич А.Н.* Влияние совместного обсуждения и раскрытия травматического события на посттравматический рост работников экстремальных служб // *Пожарная безопасность: проблемы и перспективы*. 2014. Т. 2. №. 1 (5). С. 72-76.
3. *Нестерова А.А.* Феноменология жизнеспособности личности в трудных жизненных ситуациях // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2011. №. 4. С. 51-62.
4. *Покацкий Б.А., Лозовая Е.Н.* Значение медико-психологической реабилитации военнослужащих и ветеранов боевых действий в современных условиях / *Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2023. Т. 1. С. 26-29.
5. *Berger R.* The Routledge international handbook of posttraumatic growth. Taylor & Francis, P. 4-7. 2023 <https://doi.org/10.4324/9781032208688-2>

Влияние порядка рождения на личностные черты: сравнение старших, средних и младших сиблингов

Щербакова С.Р., Левченко Т.В.

ФГБОУ ВО ХГПУ, Херсон, Россия

Sofie.shcherbakova@yandex.ru, levchenkotv@hgpurf.ru

Формирование индивидуальных особенностей личности традиционно остается актуальной темой исследований в психологии и смежных дисциплинах. Особое внимание уделяется влиянию положения ребенка в семье по отношению к братьям и сестрам, именуемому сиблинговой позицией.

Ряд исследователей изучали влияние порядка рождения на личностные характеристики индивидов. Среди них выделяется работа В.Н. Алексеевой, которая рассматривает различия в стремлении к лидерству и ответственности, связанные с порядком рождения. Она указывает, что первенцы проявляют инициативу и желание доминировать, становясь авторитетом в семье и беря на себя ответственность за порядок и уход за младшими. Предполагается, что это приведет к высоким показателям добросовестности и экстраверсии у старших детей. Младшие дети, развивающиеся в благоприятной и поддерживающей среде, вероятнее всего, продемонстрируют высокие показатели экстраверсии (Алексеева, Афанасьева, 2022).

Однако взгляды ученых различаются. Так, О.В. Баскаева, детально анализируя появление младшего sibлинга в семье, указывает на возникновение негативных эмоций и защитного поведения у старшего ребенка, теряющего свою ведущую роль. Предполагается, что это может привести к увеличению показателей застенчивости и социальной изоляции, а также к снижению уровня экстраверсии (Баскаева, 2021).

Эмпирическое исследование направлено на детальное изучение различий между старшими, средними и младшими детьми по таким критериям, как уровень застенчивости, личностные черты, а также тип локуса контроля.

Исследование проводилось среди 20 семей, в ходе которого было собрано 45 анкет. Возраст респондентов варьировался от 6 до 50 лет. Следует отметить, что анкеты детей младше 10 лет заполнены родителями. Преобладающую долю составили женщины – 28 человек, тогда как мужчин было опрошено – 17. Структура выборки по положению в семье выглядит следующим образом: 22 респондента – старшие, 16 человек – младшие, 7 респондентов – средние дети.

В исследовании с применением опросника BFI-2-XS (разработан С.А. Щебетенко, А.Ю. Калугиным, А.М. Мишкевич) изучались различия в личностных чертах старших, средних и младших sibлингов. Для анализа использовались непараметрический тест Краскела–Уоллиса (H-тест) и последующий post-hoc анализ по методу Данна с поправкой Бонферрони – это было обусловлено небольшим объемом выборки и неоднородностью групп.

По шкале экстраверсии выявлены статистически значимые различия: наивысший уровень отмечен у старших sibлингов, самый

низкий – у средних, промежуточные значения – у младших. При этом у младших сиблингов зафиксирована наибольшая вариативность данных, что указывает на высокую внутреннюю неоднородность этой группы.

Анализ показателей доброжелательности не выявил значимых различий между группами.

По шкале добросовестности также обнаружены статистически значимые различия. Наивысшие показатели зафиксированы у старших сиблингов, минимальные – у средних, промежуточные – у младших. Высокая изменчивость данных среди младших сиблингов подчеркивает значительную индивидуальную вариативность в развитии ответственности и организованности в этой группе.

По шкале негативной эмоциональности значимых различий между группами не выявлено.

По шкале открытости опыту зафиксированы статистически значимые различия. Максимальный уровень открытости выявлен у средних сиблингов, наименьший – у старших, а промежуточные значения – у младших. Наибольший разброс данных отмечен среди младших сиблингов, что может свидетельствовать о периоде активного становления новых представлений и взглядов в этой подгруппе.

Диагностика характерологических особенностей проводилась с использованием «Краткого опросника застенчивости» (разработан В.П. Шейновым и А.С. Девичиным).

Анализ показал, что по шкалам застенчивости и самоизоляции достоверных различий между группами сиблингов не выявлено.

В то же время по шкале нерешительности обнаружены статистически значимые различия между группами ($p = 0,008$). Post-hoc анализ показал, что наивысший уровень нерешительности характерен для средних сиблингов, тогда как старшие и младшие демонстрируют близкие значения по данному показателю.

По шкале социального давления также выявлены значимые различия ($p = 0,013$). Анализ позволил установить следующую закономерность: наибольшее восприятие социального давления отмечается у средних сиблингов, наименьшее – у старших, а младшие занимают промежуточное положение.

Для оценки локуса контроля использовался опросник Дж. Роттера, позволяющий выявить две составляющие: интернальность и

экстернальность. По шкале экстернальности самые высокие показатели зафиксированы у средних сиблингов, существенно превышающие значения у старших и младших. Напротив, по шкале интернальности средние сиблинги продемонстрировали минимальный уровень, тогда как старшие и младшие показали более высокие результаты, причем у младших значения оказались несколько выше.

Для сравнения групп применялся непараметрический тест Крускала–Уоллиса, который подтвердил наличие значительных различий между всеми тремя категориями сиблингов ($p < 0,0001$). Post-hoc анализ по методу Данна с поправкой Бонферрони позволил уточнить характер этих различий: старшие демонстрируют выраженную интернальную ориентацию, тогда как у средних преобладает экстернальный стиль контроля. Сравнение старших и младших сиблингов показало близкую структуру локус-контрольных ориентаций – после внесения статистических поправок различия утратили значимость. Наибольшие различия зафиксированы между средними и младшими сиблингами, они обусловлены резким контрастом по уровню интернальности: у средних он минимален, у младших – существенно выше.

Следовательно, порядок рождения оказывает существенное влияние на отдельные аспекты личности, полученные результаты соответствуют теоретическим данным о важности учета позиции ребенка в семейном порядке.

Литература

1. *Алексеева В.Н., Афанасьева Л.И.* Влияние порядка рождения в семье на формирование личности // Педагогика и психология семьи: современные вызовы, традиции и инновации. Сборник материалов IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и практических работников. Киров, 2022. С. 9-11.
2. *Баскаева О.В.* Основные направления сиблинговых исследований // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2021. № 2. С. 96-115. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-2-96-115>

Информационно-психологическая устойчивость личности как регулятор принятия решений в цифровой среде

Эркенова Е.И., Киреева О.В.

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
erkenova.ei@mail.ru, psy2b@mail.ru*

Цифровая среда изменила не только объем и скорость информационных потоков, но и сами основания доверия к сообщению. Распространение текстов, изображений и видео, созданных генеративными моделями, делает для пользователя проблематичными сразу несколько вопросов: кто является источником сообщения, какова его цель, можно ли считать увиденное достоверным и насколько безопасно на него опираться при принятии решения. В социально-психологическом плане человек взаимодействует уже не просто с информацией, а с системой сигналов доверия, социального одобрения и эмоционального заражения, усиливаемых цифровыми платформами (Луман, 2005; Маклюэн, 2003).

Цель данной статьи – показать, что информационно-психологическая устойчивость личности выступает интегративным ресурсом сохранения субъектной позиции в условиях контента, сгенерированного искусственным интеллектом (ИИ-контент).

Под информационно-психологической устойчивостью целесообразно понимать способность личности сохранять критичность, саморегуляцию и относительную автономность суждений при информационной перегрузке, неопределенности источника и возможном манипулятивном воздействии. Актуальность данной проблемы возрастает в условиях ускорения коммуникации, дефицита внимания и нормализации контента, который выглядит правдоподобно, но может быть синтетически создан или намеренно искажен (Тоффлер, 2004).

С социально-психологической точки зрения ИИ-контент усиливает действие нескольких механизмов. Во-первых, возрастает роль эвристик доверия. Пользователь склонен опираться на визуальную убедительность, число просмотров, лайков и репостов, а не на проверку происхождения сообщения. Во-вторых, алгоритмическая среда ускоряет эмоциональное заражение и групповую поляризацию, поскольку наиболее заметным становится не наиболее точный, а

наиболее вызывающий отклик контент. В-третьих, размывается граница между межличностной и медиатизированной коммуникацией. Человек реагирует на синтетическое сообщение так, как если бы за ним стоял реальный субъект, что повышает риск ошибок в оценке намерений и достоверности.

В структуре информационно-психологической устойчивости можно выделить три взаимосвязанных компонента. Когнитивный компонент включает критическое мышление, медиаграмотность, навыки проверки источника и распознавания признаков манипуляции. Эмоционально-волевой компонент связан со способностью выдерживать тревогу и неопределенность, не реагировать импульсивно на провокационный контент и удерживать паузу перед распространением информации. Социальный компонент проявляется в устойчивости к групповому давлению, понимании последствий цифрового участия и ориентации на ответственные нормы коммуникации. Именно сочетание этих компонентов позволяет личности сохранять субъектность и не растворяться в алгоритмически организованном информационном потоке (Хабермас, 2011).

Пилотажные данные опроса подростков ($N = 64$) показывают прикладную значимость проблемы. Только 28% респондентов выбрали точное определение дипфейка как аудиовизуального продукта, созданного с использованием искусственного интеллекта. При этом 84,4% считают дипфейк обманом, однако часть опрошенных допускает его использование в розыгрышах, поздравлениях и развлекательных целях. Возникает разрыв между декларируемой моральной оценкой и практической готовностью оправдывать безобидный, на первый взгляд, обман. Это указывает не только на дефицит знаний, но и на недостаточную рефлекссию социальных последствий цифрового воздействия.

Особое значение имеет тот факт, что в ситуации повседневного цифрового потребления пользователь редко действует как изолированный наблюдатель. Его решение встроено в социальную ситуацию: на него влияют нормы группы, ожидание немедленной реакции, страх пропустить важную информацию и желание поддержать собственную позицию в обсуждении. Поэтому уязвимость перед ИИ-контентом определяется не только недостатком сведений о технологии, но и особенностями включенности личности в цифровое

взаимодействие. Чем выше зависимость от внешних оценок и готовность выдерживать неопределенность, тем легче запускаются импульсивные реакции, репосты и ошибочные выводы.

Следовательно, развитие информационно-психологической устойчивости не сводится к обучению медиаграмотности. Речь идет о формировании у личности комплекса социально-психологических навыков: способности приостановить автоматическую реакцию, оценить мотив источника, распознать эмоциональную манипуляцию, соотнести содержание с нормами ответственности и лишь затем принимать решение. В образовательной и просветительской практике это предполагает моделирование ситуаций цифрового выбора, где требуется не только распознавать фейк, но и удерживать субъектную позицию в условиях давления, неопределенности и высокой скорости информационного обмена. В этих условиях информационно-психологическая устойчивость становится одним из ключевых ресурсов современной личности.

Литература

1. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Логос, 2005.
2. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Канон-Пресс-Ц, 2003.
3. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2004.
4. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия. Т. 1-2. М.: URSS, 2011.

Особенности личностных и групповых ценностей современных студентов

Яблочкина А.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
jablochkinaas@mgppu.ru*

Современная образовательная среда все чаще ставит студента в ситуацию неопределенности, где прежние устойчивые ориентиры перестают работать как безусловные регуляторы поведения. В этих условиях ценности начинают играть роль не столько усвоенных норм,

сколько инструментов навигации и самоопределения в сложной социальной реальности. Через них человек соотносит собственные действия с ожиданиями окружающих и выстраивает границы своей идентичности, что подчеркивает их ключевую регулятивную и смыслообразующую функцию (Ядов, 2013).

Такое положение делает особенно значимым именно период обучения в высших учебных заведениях, когда происходит не просто накопление знаний, а переопределение жизненных ориентиров. Студент включен одновременно в несколько систем требований: академическую, профессиональную и межличностную, и вынужден соотносить их с собственными представлениями о значимом и допустимом. Поэтому ценностное самоопределение в этом возрасте разворачивается как процесс постоянного выбора и пересмотра, связанный с задачами формирования идентичности.

При этом сами ценности не закрепляются раз и навсегда: они формируются в ходе социализации и сохраняют способность к изменению, особенно в условиях интенсивного общения. Личностный уровень здесь оказывается проницаемым – индивидуальные установки перерабатывают внешний опыт и одновременно подстраиваются под него. Это делает студенческую среду пространством, где ценности не только проявляются, но и активно трансформируются под влиянием социального взаимодействия (Каменная, 2025).

Показательно, что в процессе этого взаимодействия возникает особая форма согласования – ценностно-ориентационное единство, которое нельзя объяснить простой суммой индивидуальных позиций. Оно формируется в совместной деятельности и отражает степень совпадения представлений о целях и способах их достижения. Именно этот показатель во многом определяет, будет ли группа функционировать как целостная система или останется набором слабо связанных индивидов (Анисимова, Крушельницкая, 2023).

Однако достижение такого единства осложняется тем, что сами индивидуальные ценности студентов становятся все более дифференцированными. С одной стороны, они задают основу для формирования групповых норм, с другой – могут вступать с ними в противоречие. В результате группа одновременно выступает и продуктом ценностных ориентаций ее участников, и механизмом их изменения, а степень согласованности между этими уровнями

напрямую связана с качеством взаимодействия и его результативностью (Капцов, Карпушина, 2010).

Дополнительное напряжение вносит трансформация социокультурной среды. Цифровизация и распространение дистанционных форм обучения ослабляют устойчивые формы групповой сплоченности, а нарастающая неопределенность делает сами ценностные ориентиры менее фиксированными. В логике «текущей современности» они все чаще приобретают характер временных опор, которые могут пересматриваться в зависимости от ситуации (Бек, 2000).

На этом фоне наблюдается сдвиг в ценностном профиле студенчества: усиливается ориентация на индивидуальные достижения, самореализацию и материальное благополучие, тогда как коллективистские установки утрачивают прежнюю доминирующую роль. Тем не менее значимость близких межличностных отношений сохраняется, что указывает на противоречивое сочетание индивидуализма и потребности в принадлежности (ВЦИОМ, 2022). В более широкой перспективе это соотносится с общей исторической динамикой — переходом от коллективистских моделей к индивидуализированным при сохранении устойчивого ценностного ядра, связанного с самореализацией и значимостью человеческих связей.

Таким образом, ценностная сфера студенчества формируется в точке пересечения индивидуального выбора, группового взаимодействия и социокультурных изменений. Ее внутренняя противоречивость не признак дезорганизации, а отражение усложнения самой социальной реальности. Именно поэтому исследование согласования личностных и групповых ценностей становится ключевым для понимания того, как формируется современное студенческое сообщество и какие ресурсы лежат в основе его сплоченности и эффективности.

Литература

1. Анисимова Е.В., Крушельницкая О.Б. Взаимосвязь способности к эмпатии и ценностно-смысловых ориентаций у школьников и студентов. Социальная психология и общество, 2023. 14(3), 64–84. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140305>

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Монография / У. Бек, Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. ВЦИОМ: Традиционные ценности: ожидание и реальность [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost> (дата обращения: 20.04.2026).
4. Каменная Е.О. Становление и развитие системы образования в России: личностные ценности современных студентов // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. 268–276. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.34>
5. Капцов А.В., Карпушина Л.В. Метод анализа ценностей группы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2010. № 1 (3). С. 24–29.
6. Ядов В.А. [и др.]. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / В.А. Ядов, А.А. Семенов, В.В. Водзинская, В.Н. Каюрова, А.А. Киссель, [и др.], ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга», 2013.

Инновационный конфликт как социально-психологический феномен: теоретические основания исследования

Яковлев Д.А.

*ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия
dyakovlev2005@yandex.ru*

Современные организации, включая учреждения государственного и муниципального сектора, находятся в условиях перманентных изменений. Внедрение новых технологий, стандартов работы, управленческих решений становится неотъемлемой частью их функционирования. Однако, как показывает практика, введение новшеств редко обходится без противодействия со стороны сотрудников. Возникающие при этом противоречия получили название

«конфликты инновационного развития» или «инновационные конфликты».

Такие конфликты возникают, когда участники, придерживаясь противоположных ценностных ориентаций и имея несовместимые взгляды на сущность, направление и конечные цели развития, вступают в противоборство в процессе создания и реализации нововведений.

Бесконфликтное и кооперативное внедрение новшеств является скорее желаемым идеалом, нежели стандартной практикой, поскольку в любой команде неизбежно возникает поляризация: часть сотрудников становится двигателем прогресса, а другая – сознательным или бессознательным барьером на его пути.

Анализ множества исследований показывает, что инновационный конфликт – это не просто один из видов организационных противоречий, а сущностная характеристика любой деятельности, связанной с изменениями. Такой конфликт возникает из-за перманентного столкновения старого и нового. При этом необходимо отметить, что вероятность такого конфликта напрямую зависит от темпа и радикальности нововведений. Чем быстрее и масштабнее внедряются изменения, тем сильнее сопротивление.

Инновационный конфликт необходимо рассматривать не как локальное явление, а как системный феномен, одновременно затрагивающий нормативно-ролевую, структурную и ценностно-смысловую сферы. Сопротивление нововведениям выступает не внешним фактором, а внутренним спутником ценностного противостояния.

Обобщая классификации причин инновационных конфликтов, можно выделить несколько групп, позволяющих дифференцировать источники конфликтогенности.

Объективные причины определены как противоречие между стремлением к новому и приверженностью старому. Данное противоречие носит системный характер и не может быть устранено полностью. Важно не столько преодолевать его, сколько учитывать, как неустранимый, но управляемый фактор.

Организационно-управленческие причины (Тидд, Бессант, 2018) связаны с дисфункциональностью механизмов оценки, внедрения и диффузии новшеств. Особого внимания заслуживает тезис о том, что низкая инновационная восприимчивость руководства нередко

выступает более значимым конфликтогеном, нежели сопротивление рядовых сотрудников. Отсутствие обратной связи рассматривается как критический фактор эскалации конфликта.

Внутриинновационные причины (Н.И. Распопова, 2025) обнаруживают прямую корреляцию между радикальностью/скоростью изменения и риском конфликта. Данная зависимость представляется эмпирически подтверждённой: быстрые и масштабные нововведения объективно повышают конфликтный потенциал.

Личностные причины мы можем выделить из анализа исследований, согласно которому около 50% работников демонстрируют устойчивое негативное отношение к изменениям. Этот показатель не следует интерпретировать как дефект персонала; речь идет о нормальной психологической защите, игнорирование которой ведёт к заведомо нереализуемым ожиданиям бесконфликтного внедрения.

Ситуативные причины фиксируют уникальное сочетание социально-экономических, материально-технических и иных обстоятельств. Данная группа подчеркивает ограничения любой типологизации – ни одна классификация не охватывает всей специфики конкретного нововведения. Ценность предложенной схемы усматривается не в жёстком детерминизме, а в системной рамке для диагностики.

Перечисляя барьеры на пути инноваций, необходимо также отметить технико-экономические, юридические, организационно-управленческие и социально-психологические. К последним относятся угроза изменения служебного статуса, риск сокращения, необходимость ломки стереотипов, страх неопределенности, разрушение традиций.

Важно подчеркнуть, что инновационный конфликт выполняет не только деструктивную, но и конструктивную функцию. Он выступает механизмом саморегуляции организации, позволяя отказаться от устаревших и неэффективных моделей, перейти к более продуктивным формам работы. Такой конфликт является не просто неизбежным явлением, но и необходимым условием трансформации систем, обретения ими новых свойств. При грамотном управлении конфликт может стать ресурсом развития, способствуя выявлению скрытых проблем, росту инновационной восприимчивости и сплочению коллектива вокруг общих целей.

Проведенный теоретический анализ позволяет заключить, что инновационный конфликт представляет собой многомерный феномен, детерминированный комплексом объективных, организационно-управленческих, личностных и ситуативных факторов. Его специфика выражается в ценностно-когнитивном противостоянии участников инновационного процесса, разнонаправленности их поведенческих стратегий и тесной связи с сопротивлением изменениям.

Литература

1. *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 1999.
2. *Бычин В.Б.* Инновационный конфликт: сущность и особенности // Управление персоналом. 1999. № 7. С. 32–35.
3. *Кобзева Н.М.* Управление инновационными конфликтами в организации: дис. ... канд. социол. наук. М., 2010.
4. *Распопова Н.И.* Инновационные конфликты в системе государственного управления // Вопросы управления. 2025. № 2. С. 112–120.
5. *Тарабаева В.Б.* Инновационные конфликты: сущность, причины, управление // Конфликтология. 2010. № 4. С. 65–73.
6. *Миронова О.И., Дралина В.М.* Социально-психологическая удовлетворенность и привлекательность труда у работников банковской сферы // Вестник университета. 2025. №6. С. 250–260.
7. *Тидд Дж., Бессант К.* Управление инновациями. М.: Олимп-Бизнес, 2018.

Взаимосвязь антисоциальной креативности и просоциальных черт личности у юношей и девушек

Яковлева Д.В., Мешкова Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

dasha.yak04@mail.ru; nmeshkova@yandex.ru

Длительное время в психологии доминировало представление о креативности как исключительно позитивном феномене. Однако творческий потенциал может быть реализован не только во благо, но и во вред другим людям – от изощренного буллинга до мошенничества и

манипуляций. Осознание этого факта привело к формированию направления исследований «темной стороны» креативности, получившей название антисоциальной креативности (Мешкова, Ениколопов, 2018; Кароог & Kaufman, 2022). Параллельно в психологии активно исследуются просоциальные черты личности (эмпатия, альтруизм, моральная ответственность), объединенные в концепцию «Светлой триады»: гуманизм, вера в человечество и кантианство (Kaufman et al., 2019). Юношеский возраст представляет особый интерес для изучения данных феноменов, поскольку именно в этот период происходит интенсивное развитие ценностно-нравственной сферы и закрепление устойчивых моделей социального поведения. Несмотря на растущее количество исследований, взаимосвязь антисоциальной креативности и просоциальных черт личности, а также их половые различия в юношеском возрасте остаются недостаточно изученными, так как данные феномены рассматриваются отдельно. В нашем исследовании предпринимается попытка изучить их взаимосвязь и влияние в юношеском возрасте.

Цель исследования: выявить особенности взаимосвязи антисоциальной креативности и просоциальных черт личности у юношей и девушек, а также определить половые различия в выраженности данных характеристик.

Гипотеза: структура связей между антисоциальной креативностью и просоциальными чертами личности различается у юношей и девушек.

В исследовании приняли участие 347 респондентов в возрасте от 17 до 25 лет (154 девушки и 193 юноши). Использовались следующие методики: 1) опросник «Светлая триада» (Light Triad Scale) (Kaufman et al., 2019), включающий шкалы «Вера в человечество», «Гуманизм» и «Кантианство»; 2) опросник «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (MCBS) в адаптации Н.В. Мешковой и соавт. (2018), включающий шкалы «Нанесение вреда», «Ложь» и «Злые шутки». Статистическая обработка проводилась в программе Jamovi 2.3.24 с использованием *t*-критерия Стьюдента, *U*-критерия Манна-Уитни и корреляционного анализа Спирмена.

В результате проведенного исследования выявлены статистически значимые отрицательные корреляции между показателями Светлой триады и антисоциальной креативности на всей выборке (r от $-0,196$ до $-0,317$, $p < 0,001$). Наиболее сильная отрицательная связь обнаружена

со шкалой «Кантианство» ($\rho = -0,280$). Юноши демонстрируют более высокие показатели антисоциальной креативности по сравнению с девушками: нанесение вреда ($t = -2,97$; $p = 0,003$; $d = -0,32$), ложь ($t = -2,11$; $p = 0,035$; $d = -0,23$), злые шутки ($t = -3,77$; $p < 0,001$; $d = -0,41$). Девушки имеют более высокие показатели по шкале «Гуманизм» ($t = 6,04$; $p < 0,001$; $d = 0,65$), юноши – по шкале «Вера в человечество» ($t = -3,24$; $p = 0,001$; $d = -0,35$). Корреляционный анализ выявил качественные различия в структуре связей: у юношей ключевым протектором антисоциальной креативности выступает «Вера в человечество» ($\rho = -0,304$ с АК), у девушек – «Гуманизм» ($\rho = -0,199$ с АК).

Таким образом, гипотеза о различии структуры связей между антисоциальной креативностью и просоциальными чертами личности у юношей и девушек подтвердилась. У юношей убежденность в базовой добродетельности людей является более важным сдерживающим фактором, тогда как у девушек – признание ценности каждого человека. Полученные результаты могут быть использованы при разработке дифференцированных профилактических программ для молодежи.

Литература

1. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: связь и взаимодействие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 2. С. 279–290.
2. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Митина О.В., Мешков И.А. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 25–40.
3. Kapoor H., Kaufman J.C. The evil within: The AMORAL model of dark creativity // Theory & Psychology. 2022. Vol. 32. № 3. P. 467–490.
4. Kaufman S.B., Yaden D.B., Hyde E., Tsukayama E. The Light vs. Dark Triad of Personality: Contrasting Two Very Different Profiles of Human Nature // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. Article ID 467. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00467>

Идентичность поколений: социально-психологические особенности

Якушечкин Л.А.

*ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
yakushechkin.msu@gmail.com*

В эпоху социальных трансформаций и неопределенности, вопрос идентичности получил новую остроту, классические вопросы самоидентификации смещаются в сторону вопросов о ценностях и смыслах. В результате анализа современных исследований идентичности (гражданской, этнокультурной, религиозной, цифровой, профессиональной, глобальной, коннективной, и др.) мы выявили формирование нового феномена, который предлагаем называть «потерянная идентичность». Речь идет о ситуациях, когда человек осознает свою принадлежность к той или иной группе, но эта принадлежность не обретает для него эмоциональной значимости, не выполняет функции источника смыслов и не интегрирована в повседневной жизни. Особый интерес в этом контексте представляет поколенческая идентичность (Рикель, Дорохов, 2023) – динамичная и пока еще слабо изученная форма самоопределения в условиях ускоряющихся социальных трансформаций.

В качестве гипотезы мы предположили, что феномен «потерянной идентичности» может быть актуален и для поколенческой идентичности: представители разных поколений (X, Y, Z – (Strauss, Howe, 1997)) могут демонстрировать разрыв между формальным знанием о своей поколенческой принадлежности и реальной идентификацией с ней.

В результате пилотажного эмпирического исследования, проведенного на респондентах из трех поколенческих когорт (реформенное поколение (X), миллениалы (Y), зумеры (Z) – по классификации В. Радаева (Радаев, 2023)) мы подтвердили эту гипотезу. Методологическая основа исследования включала в себя авторскую анкету, включающую вопросы об осведомленности о поколенческой принадлежности, самоописания респондентов своей поколенческой группы, тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?» (Кун,

Макпартленд, 1984). Обработка ответов респондентов проводилась при помощи частотного анализа.

Результаты. Несмотря на высокую осведомленность о своей поколенческой принадлежности у представителей всех поколений (88,1%), лишь менее половины респондентов (47,6%) идентифицируют себя как типичного представителя своего поколения. Выявлены различия в способах самоописания поколений: для реформенного поколения характерна опора на исторические маркеры («рожденные в СССР», «поколение перестройки»), для миллениалов – более обобщенные характеристики («переходное», «потерянное»), для зумеров – более размытые оценочные наименования («адекватное», «переосмысленное»). От старших к младшим поколениям прослеживается отчетливая динамика: от конкретных исторических маркеров и позитивных самоописаний – к размытым, оценочным, переходным и более негативным характеристикам. Это позволяет говорить о нарастающем кризисе поколенческой идентичности, и резонирует с проблемным полем «потерянных идентичностей» в современном обществе.

Результаты теста «Кто я?» показали, что идентификация через поколенческую принадлежность минимальна во всех группах поколений (не более 0,8%), что контрастирует с высокими показателями осведомленности о ней, что говорит о разрыве между знанием о своей поколенческой принадлежности и эмоционально-ценностной идентификацией с ней. Для большинства респондентов поколенческая принадлежность существует как номинальная категория, не интегрированная в повседневную жизнь.

Полученные данные подтверждают нашу гипотезу: поколенческая идентичность может выступать новой формой «потерянной идентичности» – респонденты осознают свою принадлежность к конкретной социальной группе, но эмоциональная и ценностная значимость этого членства для них минимальна. Это расширяет проблемное поле в социальной психологии, и требует дальнейшей теоретической и эмпирической проработки. В настоящее время мы работаем над расширением выборки, а также планируем исследования для детализации динамики идентификационных процессов у представителей разных поколений.

Литература

1. Кун М. Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. Макпартленд // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984. С. 180–188.
2. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество / В.В. Радаев; 3-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 296 с. ISBN 978- 5-7598-2792-4. EDN RWCXHG.
3. Рикель А.М., Дорохов Е.А. (2023). Поколение как предмет социальной психологии: исследовать нельзя отказаться? // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 46(3), 143–165.
4. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy. What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N.Y.: Broadway Books, 1997. 400 p.

Русскоязычная адаптация методики оценки карьерного крафтинга (ССА)

Якухнова А.С., Марарица Л.В., Гуриева С.Д.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

yakuhnova@gmail.com, larisamararitsa@mail.ru, gurievasv@gmail.com

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 22-18-00452-П «Психосоциальный дизайн рабочей среды как фактор благополучия сотрудников и инновационного потенциала организации».

Современные рынки труда характеризуются нестабильностью и нелинейностью карьерных траекторий, что повышает роль проактивного поведения как механизма поддержания профессионального функционирования и благополучия (Van der Heijden et al., 2020). Если крафтинг работы (job crafting) изучен подробно, то эмпирические исследования карьерного крафтинга (career

crafting) остаются ограниченными, особенно в неанглоязычных контекстах.

Карьерный крафтинг (настройка, конструирование карьеры) – проактивное поведение, посредством которого индивид целенаправленно влияет на направление, смысл и развитие своей карьеры в соответствии с личными целями и контекстуальными возможностями (Akkermans, Tims, 2017; De Vos et al., 2019). В отличие от крафтинга работы, он действует на уровне карьерных траекторий и включает действия, связанные с переходами, созданием возможностей и конструированием профессиональной идентичности. Единственным психометрически валидированным инструментом для его измерения является Career Crafting Assessment (CCA; Lee et al., 2021).

Целью исследования стала адаптация и валидация русскоязычной версии CCA (CCA-R). Выборку составили 1100 респондентов из различных регионов России. Данные собирались в три волны (2023–2024). Респонденты заполняли CCA-R, а также методики крафтинга работы (JCQ, JCS) и проактивных установок (PAS).

Эксплораторный факторный анализ подтвердил четырёхфакторную структуру, согласующуюся с оригинальной моделью: использование ресурсов отношений, изменение границ отношений, осознание положительной роли карьеры и расширение границ задач. Четыре фактора объяснили 64% дисперсии. Конфирматорный факторный анализ продемонстрировал приемлемые показатели соответствия ($CFI = 0,94$; $TLI = 0,93$; $RMSEA = 0,079$; $SRMR = 0,05$). Бифакторный анализ подтвердил значимый вклад общего фактора построения карьеры ($\omega_h = 0,78$; объясненная общая дисперсия – 62%) при сохранении специфических компонентов, отражающих различные аспекты проактивного карьерного поведения. Надежность шкал составила от 0,78 до 0,90, общая надёжность – $\alpha = 0,92$; $\omega = 0,90$. Анализ пунктов на основе теории отклика на задания (IRT) подтвердил высокую дискриминативность большинства пунктов.

Конвергентная валидность CCA-R поддержана умеренными корреляциями с JCQ-R, JCS-R и PAS-R. Ни одна из шкал карьерного крафтинга не обнаружила связи со шкалой снижения препятствующих требований (JCS-R), что подтверждает дискриминантную валидность: стратегии избегания концептуально отличны от проактивного карьерного поведения. Результаты свидетельствуют о том, что CCA-R

является психометрически надежным инструментом для оценки проактивного карьерного поведения в русскоязычных выборках и может использоваться в исследовательских и прикладных контекстах.

Литература

1. *Akkermans J., Tims M.* Crafting Your Career: How Career Competencies Relate to Career Success via Job Crafting // *Applied Psychology*. 2017. Vol. 66(1). P. 168–195.
2. *Arthur M.B., Rousseau D.M.* The Boundaryless Career. Oxford University Press, 1996.
3. *De Vos A., Van der Heijden B.I.J.M., Akkermans J.* Career Crafting // *Journal of Vocational Behavior*. 2019.
5. *Lee J.Y. et al.* Career Crafting Assessment // *Journal of Career Assessment*. 2021. Vol. 29(4). P. 648–672.
6. *Van der Heijden B.I.J.M. et al.* Sustainable Careers Across the Lifespan // *Journal of Vocational Behavior*. 2020. Vol. 117. 103344.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Абалмасова Анастасия Дмитриевна, преподаватель кафедры теоретических основ социальной психологии факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Абдулина Юлия Александровна, аспирант лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии Института психологии РАН. Москва, Россия.

Абдуллина Светлана Владимировна, студент Института клинической психологии ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Минздрава РФ, программа магистратуры «Клиническая психология». Нижний Новгород, Россия.

Абубакарова Петимат Мамлюковна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология Востока». Москва, Россия.

Авраменко Вера Григорьевна, младший научный сотрудник лаборатории городского благополучия и здоровья НИИ УГО МГПУ. Москва, Россия.

Александров Борис Владимирович, преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы ФКОУ ВО «Академия права и управления ФСИН» России. Рязань, Россия.

Александров Фёдор Михайлович, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психологическая диагностика и профилактика в образовании». Москва, Россия.

Александрова Елена Андреевна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат культурологии. Москва, Россия.

Алигаева Нигар Назимовна, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО МГППУ, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики АНО ВО «Московский международный университет», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

---

¹ Сведения составлены на основании заявок, поданных на конференцию, и не являются исчерпывающими.

Аликин Марк Игоревич, аспирант Института социального инжиниринга ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», магистр психологии. Красноярск, Россия.

Аликин Марк Игоревич, аспирант Института социального инжиниринга ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева». Красноярск, Россия.

Алюян Майрануш Константиновна, ассистент кафедры психологии развития философско-социологического факультета ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Пермь, Россия.

Андони Александра Ивановна, аспирант кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «ГУП», Москва, Россия.

Андреева Нелли Семеновна, студент Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. Гомель, Республика Беларусь.

Андриалович Екатерина Сергеевна, преподаватель Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет». Ростов-на-Дону, Россия.

Андриевский Антон Сергеевич, аспирант факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Анисимова Екатерина Владимировна, заведующая сектором психологического сопровождения отдела по воспитательной и социальной работе ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Антонов Дмитрий Дмитриевич, аспирант Института психологии им. Л.С. Выготского ФГАОУ ВО РГГУ. Москва, Россия.

Антошина Виктория Ивановна, студент факультета социальных наук ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», программа магистратуры «Психологическое консультирование». Нижний Новгород, Россия.

Арчакова Алина Евгеньевна, студент факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Асриян Алина Артуровна, студент Пятигорского государственного университета, программа бакалавриата «Прикладная психология». Пятигорск, Россия.

Афанасьева Юлия Александровна, доцент кафедры психологии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, старший научный сотрудник СПбГУ, кандидат психологических наук. Владикавказ, Санкт-Петербург, Россия.

Бабанин Петр Алексеевич, доцент кафедры социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Бабатина Светлана Ивановна, доцент кафедры психологии факультета психологии и педагогического образования Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, кандидат психологических наук, доцент. Симферополь, Россия.

Баварова Надежда Михайловна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Баганова Фаридэ Курбан Али, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Кросс-культурные технологии психологического консультирования». Москва, Россия.

Баклыкова Юлия Алексеевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Балакишина Елена Владимировна, доцент кафедры психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета, кандидат психологических наук, доцент. Тверь, Россия.

Балахнина Екатерина Юрьевна, аспирант ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия.

Балева Милена Валерьевна, профессор кафедры общей и клинической психологии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», доктор психологических наук, доцент. Пермь, Россия.

Басанова Елена Евгеньевна, доцент кафедры общей и педагогической психологии ФГБОУ ВО ПГУ, кандидат психологических наук, Пятигорск, Россия.

Батенина Алина Романовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Белова Евгения Дмитриевна, специалист, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация,

Беловол Елена Владимировна, профессор кафедры психологии развития личности имени академика РАО В.С. Мухиной Московского педагогического государственного университета, кандидат психологических наук, доцент, Москва, Россия.

Белоус Юлия Владимировна, магистр психологии, ассистент кафедры психологии и социологии ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет». Геническ, Россия.

Беляева Дарья Алексеевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Березина Елизавета Борисовна, кандидат психологических наук, старший лектор кафедры психологии Университет Санвея. Санвей, Малайзия.

Берилова Елена Игоревна, доцент кафедры психологии Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, кандидат психологических наук, доцент. Краснодар, Россия.

Бийжээнова Самара Бийжээновна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология востока». Москва, Россия.

Битюцких Елена Валерьевна, старший преподаватель Дирекции образовательных программ ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия.

Блинов Олег Юрьевич, преподаватель кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет». Херсон, Россия.

Блинова Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой прикладной психологии и развития личности ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», доктор психологических наук, профессор. Херсон, Россия.

Бовина Инна Борисовна, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ, доктор психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Богачева Наталия Вадимовна, доцент кафедры педагогики и медицинской психологии, заместитель директора по научной работе Института психолого-социальной работы Сеченовского университета, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Богданович Наталья Викторовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Бондарчук Виктория Валерьевна, старший научный сотрудник отдела распознавания зрительных образов ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта», кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Донецк, Россия.

Борзенко Сергей Владимирович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Боровкова Светлана Сергеевна, студент факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Босенко Юлия Михайловна, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», кандидат психологических наук, доцент. Краснодар, Россия.

Брюханов Борис Николаевич, психолог, оператор Федеральной горячей линии психосоциальной поддержки Российского Красного Креста, Москва, Россия.

Будагова Юлия Викторовна, педагог-психолог Центра непрерывного профессионального медицинского развития Ленинградской области (ГБПОУ Центр НПМР ЛО). Санкт-Петербург, Россия.

Булыгина Мария Вячеславовна, доцент кафедры детской и семейной психотерапии факультета «Консультативная и клиническая психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Булычева Наталья Ивановна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Кросс-культурные технологии психологического консультирования». Москва, Россия.

Бурцев Данил Евгеньевич, студент «Школы педагогики» Дальневосточного федерального университета. Программа магистратуры «Психология в образовании». Владивосток, Россия.

Валеева Диана Маратовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Вараева Надежда Валерьевна, доцент кафедры психологии развития личности Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат психологических наук. Нижний Новгород, Россия.

Варда Ирина Николаевна, студент Института педагогики, психологии и социологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». Красноярск, Россия.

Васильева Инна Витальевна, директор департамента психологии и дефектологии Школы образования ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», доктор психологических наук, доцент. Тюмень, Россия.

Васильева Ирина Евгеньевна, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Величkevич Анна Владимировна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Верченко Екатерина Андреевна, руководитель курса «Когнитивно-поведенческая терапия» ООО «Психодемия». Москва, Россия.

Вершинкина Елена Валерьевна, психолог «Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Веселова Елена Константиновна, профессор кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», доктор психологических наук, профессор. Санкт-Петербург, Россия.

Виленская Галина Альфредовна, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН», кандидат психологических наук, Москва, Россия.

Винокуров Федор Никитич, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук, Москва, Россия.

Власова Яна Владимировна, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ, программа магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании». Москва, Россия.

Волкова Елена Николаевна, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Волкова Наталья Владимировна, доцент департамента менеджмента ФГАОУ ВО НИУ «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент. Санкт-Петербург, Россия.

Волобуев Андрей Николаевич, аспирант Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина. Москва, Россия.

Воробьева Анастасия Евгеньевна, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН ИП РАН. Москва, Россия.

Воробьева Ирина Владимировна, доцент кафедры общей психологии и конфликтологии, начальник управления научных исследований и проектной деятельности Уральского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент. Екатеринбург, Россия.

Воробьева Ольга Александровна, заместитель директора Центра оценки руководителей и управленческих команд ФОиР ВШГУ ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Москва, Россия.

Воронина Ольга Александровна, руководитель СППС, педагог-психолог ФГБОУ СОШ № 1699 Управления делами Президента РФ, Москва, Россия.

Воронкова Инна Викторовна, доцент кафедры «Педагогическая психология имени профессора В.А. Гуружапова» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Воронцова Татьяна Дмитриевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология Востока». Москва, Россия.

Гагаева Ольга Николаевна, аспирант Московского Института Психоанализа. Москва, Россия.

Гайдар Карина Марленовна, заведующая кафедрой общей и социальной психологии факультета философии и психологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», доктор психологических наук, доцент. Воронеж, Россия.

Галоян Яна Эдуардовна, руководитель Академии гуманитарных технологий ЧОУ ВО ЮУ ИУБиП, кандидат педагогических наук, доцент. Ростов-на-Дону, Россия.

Галяутдинова Светлана Ишбулдиновна, доцент Уфимского университета науки и технологий, кандидат психологических наук, доцент. Уфа, Россия.

Ганболд Ганцэцэг, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Гасимов Артём Фаритович, аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.

Глушак Алексей Михайлович, студент Херсонского государственного педагогического университета. Программа магистратуры «Психологическое консультирование». Херсон, Россия.

Голованова Полина Сергеевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Голубятникова Екатерина Анатольевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Горбатьюк Мария Юрьевна, аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.

Гордиенко Ирина Геннадьевна, студент экономического факультета Государственного Университета Просвещения. Программа магистратуры «Кадровый менеджмент и консалтинг». Москва, Россия.

Гордон Михаил Михайлович, старший преподаватель Российского Православного Университета св. Иоанна Богослова. Москва, Россия.

Гордякова Ольга Владимировна, руководитель Центра научных коммуникаций Института психологии РАН, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Гороховская Анна Александровна, аспирант ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Гревцев Иван Артёмович, аспирант кафедры теоретических основ социальной психологии факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Грибкова Ольга Владимировна, доцент кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Григорьева Ирина Владимировна, доцент кафедры общей психологии и психологии труда Гуманитарного института АНО ВО «Российский новый университет», кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Григорьева Мария Геннадьевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Григорян Давид Григорьевич, студент Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы. Программа магистратуры «Интегративные технологии в практической психологии». Москва, Россия.

Гриценко Валентина Васильевна, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Гришина Алина Олеговна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Гуменюк Артём Васильевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Гумницкая Анна Сергеевна, старший преподаватель кафедры воспитания и дополнительного образования ГБУ ДПО «Челябинский институт развития образования». Челябинск, Россия.

Гуриева Светлана Дзахотовна, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУ, доктор психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Гурьева Эллания Дамировна, психолог ГБУ «Московская служба психологической помощи населению» Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы. Москва, Россия.

Гурьянова Лаки Евгеньевна, студент факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия.

Дабижа Светлана Вячеславовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Дамьянович Стефан, аспирант факультета социальной психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Даниленко Ольга Ивановна, профессор кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор культурологии, доцент. Санкт-Петербург, Россия.

Данилова Анастасия Викторовна, студент факультета психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Программа магистратуры «Семейное и детское психологическое консультирование». Москва, Россия.

Дворянчиков Николай Викторович, декан факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Девличарова Рушания Юсуповна, старший преподаватель кафедры философии, гуманитарных наук и психологии Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского. Саратов, Россия.

Дейниченко Любовь Борисовна, доцент кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Денисенкова Наталия Сергеевна, профессор кафедры социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Дергачёва Анастасия Валерьевна, ассистент Департамента психологии и дефектологии, аспирант Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия.

Дмитриева Наталья Юрьевна, соискатель ученой степени по психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Москва, Россия.

Домино Галина Васильевна, аспирант кафедры психологии и педагогического мастерства ГУО «РИВШ». Минск, Республика Беларусь.

Доронина Наталья Николаевна, доцент кафедры возрастной и социальной психологии Факультета психологии Педагогического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), кандидат психологических наук, доцент. Белгород, Россия.

Дорьева Евгения Анатольевна, старший научный сотрудник Управления научно-исследовательской деятельности Костромского государственного университета (ФГБОУ ВО КГУ), кандидат психологических наук. Кострома, Россия.

Дубинина Светлана Александровна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Дудняк Виктория Сергеевна, студент факультета психологии Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). Москва, Россия.

Дуркин Сергей Александрович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Дюжева Татьяна Николаевна, педагог-психолог СППС ФГБОУ СОШ №1699 Управления делами Президента РФ, Москва, Россия.

Евтодий Мария Владимировна, аспирант ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия.

Егоренко Татьяна Анатольевна, заведующая кафедрой «Педагогическая психология имени профессора В.А. Гуружапова» факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ, доктор психологических наук. Москва, Россия.

Екимова Слава Артёмовна, студент факультет социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Москва, Россия.

Екимчик Ольга Александровна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия.

Ермолаева Анна Валериевна, заместитель руководителя Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Ерофеев Максим Евгеньевич, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании». Москва, Россия.

Есеева Ольга Владимировна, доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) Федерального Университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Архангельск, Россия.

Ефанова Ирина Васильевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология Востока». Москва, Россия.

Ефимова Ольга Ринатовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Кросс-культурные технологии психологического консультирования». Москва, Россия.

Ефремова Алена Андреевна, студент Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) Федерального Университета имени М.В. Ломоносова. Архангельск, Россия.

Жигэу Елена Ивановна, доцент кафедры психопедагогики и специальной психопедагогики Государственного Педагогического Университета им. «Иона Крянгэ», кандидат психологических наук, доцент. Кишинёв, Республика Молдова.

Журавлева Кристина Станиславовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Завгородняя Ирина Владимировна, доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент. Воронеж, Россия.

Завражнова Алёна Евгеньевна, выпускник факультета дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВО МГПУ, Москва, Россия.

Заплатникова Светлана Валериевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Засыпкина Елена Викторовна, доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского, кандидат медицинских наук. Саратов, Россия.

Зацепина Ульяна Андреевна, студент факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Направление обучения «Специальное (дефектологическое) образование». Москва, Россия.

Зверовская Яна Павловна, специалист по учебно-методической работе факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, выпускник программы магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Зеленёва Юлия Игоревна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Зенков Вадим Вячеславович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Зуев Константин Борисович, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ФГБНУ «Институт психологии РАН». Москва, Россия.

Зыбцева Анна Юрьевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Зыков Сергей Сергеевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Иванова Анна Сергеевна, аспирант ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Иванова Светлана Борисовна, и.о. директора ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта», Донецк, Россия.

Ивашко Кристина Сергеевна, младший научный сотрудник ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта», Донецк, Россия.

Иващенко Полина Вячеславовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Ивенков Вадим Эдуардович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Изосимова Снежана Александровна, младший научный сотрудник компьютерно-информационного отдела ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта», Донецк, Россия.

Кабина Анастасия Михайловна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Кабоскина Анастасия Викторовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология Востока». Москва, Россия.

Казакова Кристина Евгеньевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Казначеева Варвара Юрьевна, студент факультета клинической психологии Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского. Саратов, Россия.

Калашикова Анастасия Станиславовна, преподаватель, аспирант Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)». Челябинск, Россия.

Калашикова Екатерина Александровна, ведущий научный сотрудник Лаборатории «Центр социокультурных проблем современного образования» ФГБНУ «Федеральный центр психологических и междисциплинарных исследований», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Калашикова Татьяна Витальевна, доцент Академия права и управления ФСИН России, кандидат психологических наук. Рязань, Россия.

Калинин Игорь Викторович, доцент кафедры психологии Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Калинина Наталья Валентиновна, заведующая кафедрой психологии Института социальной инженерии, профессор кафедры психологии РГУ им. А.Н. Косыгина, доктор психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Калустян Аделина Тиграновна, студент ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». Пятигорск, Россия.

Карасаева Алия Манасовна, ассистент кафедры общей и социальной психологии РГПУ им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, Россия.

Карпова Дарья Евгеньевна, психолог Медицинского научно-практического центра комплексной реабилитации «Голубое» ФГБУ «Федеральный научно-клинический центр медицинской реабилитации и курортологии Федерального медико-биологического агентства». Москва, Россия.

Катунова Валерия Валерьевна, доцент кафедры общей и клинической психологии ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ. Нижний Новгород, Россия.

Кауненко Ирина Ивановна, доцент факультета социальных наук и образования Независимого Международного Университета Молдовы (ULIM), доктор психологии. Кишинёв, Республика Молдова.

Качевская Елена Николаевна, врач-гериатр стационарного отделения скорой медицинской помощи ГБУЗ Астраханской области «ГКБ 3 им. С.М. Кирова». Астрахань, Россия

Кашина Светлана Александровна, студент факультета «Социальная психология», Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Кваша Мария Владимировна, независимый исследователь. Москва, Россия.

Киреева Оксана Васильевна, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент. Краснодар, Россия.

Кириллова Александра Ивановна, аспирант ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики». Таганрог, Россия.

Кириш Андрей Николаевич, ассоциированный сотрудник лаборатории развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ФГБУН «Институт психологии» Российской академии наук, студент Института международных экономических связей. Клин, Россия.

Киселев Константин Анатольевич, ассистент кафедры социальной психологии ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия.

Кисляков Павел Александрович, главный научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Китаева Полина Витальевна, студент факультета экономики, психологии, менеджмента Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. Омск, Россия.

Клементьева Марина Владимировна, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Клопотова Екатерина Евгеньевна, доцент кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой» факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Ключарёв Василий Андреевич, профессор НИУ ВШЭ, руководитель международной лаборатории по социальной нейробиологии. Москва, Россия.

Кляхина Полина Руслановна, студент ГАОУ ВО МГПУ. Программа магистратуры «Развитие личностного потенциала в образовании: персонализация и цифровизация». Москва, Россия.

Ковалева Ксения Витальевна, младший научный сотрудник ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта», Донецк, Россия.

Ковалева Татьяна Вячеславовна, старший преподаватель кафедры социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Коваленко Анна Юрьевна, аспирант кафедры педагогической культуры и управления в образовании МГИМО МИД России. Москва, Россия.

Ковальчук Илья Александрович, начальник кафедры ППД Академии права и управления ФСИН России, кандидат психологических наук, подполковник внутренней службы. Рязань, Россия.

Кожухарь Галина Сократовна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Кокурина Ирина Георгиевна, доцент кафедры социальной, политической и экономической психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Колесников Егор Андреевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Колесникова Альбина Игоревна, студент факультета клинической психологии Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского. Саратов, Россия.

Колтакова Анастасия Олеговна, студент факультета психологии ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»). Белгород, Россия.

Кондакова Наталья Борисовна, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Конищева Евгения Васильевна, доцент кафедры общей и клинической психологии Курского государственного медицинского университета, кандидат социологических наук. Курск, Россия.

Кононенко Надежда Александровна, координатор программ РАНХиГС при Президенте РФ. Москва, Россия.

Копейкина Анна Николаевна, курсант факультета психологии и probation Академии ФСИН России. Рязань, Россия.

Кораблева Наргиза Ильичбековна, студент НИУ «Высшая школа экономики». Программа магистратуры «Позитивная психология», кандидат политических наук. Москва, Россия.

Коржова Елена Юрьевна, заведующая кафедрой общей и социальной психологии РГПУ имени А.И. Герцена, доктор психологических наук, профессор. Санкт-Петербург, Россия.

Корнева Елена Николаевна, доцент кафедры факультета «Консультативная и клиническая психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Корнеева Мария Антоновна, студент факультета «Консультативная и клиническая психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Корсак Татьяна Тарасовна, студент факультета «Клиническая и консультативная психология». Программа магистратуры «Консультативная психология». Москва, Россия.

Кострикина Инна Станиславовна, проректор по НИР Московского гуманитарно-экономического университета, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Кочетков Никита Владимирович, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Кравченко Наталья Михайловна, старший научный сотрудник отдела распознавания зрительных образов ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта», кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Донецк, Россия.

Краева Марина Юрьевна, доцент кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Красавина Татьяна Юрьевна, диссертант РГПУ им. А.И. Герцена, Кириши, Россия.

Красило Дарья Александровна, доцент кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Крестинина Александра Алексеевна, аспирант ФГБНУ «Институт психологии» РАН. Москва, Россия.

Кривцова Анна Сергеевна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Кружкова Ольга Владимировна, заведующая лабораторией перспективных социосредовых исследований ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент. Екатеринбург, Россия.

Крушельницкая Ольга Борисовна, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Крюкова Татьяна Леонидовна, профессор, научный руководитель магистратуры НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Кувшинова Дарья Вячеславовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Кудренко Наталья Николаевна, психолог ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей». Воронеж, Россия.

Куликов Иван Сергеевич, студент факультета «Психология образования» ФГОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психологическая диагностика и профилактика в образовании». Москва, Россия.

Кунашева Анастасия Андреевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Лаврушова Яна Дмитриевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Лазарев Артем Станиславович, аспирант департамента психологии ИППО МГПУ. Москва, Россия.

Лапина Ксения Анатольевна, студент факультета «Психология образования» ФГОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании». Москва, Россия.

Лебедева Алина Владимировна, преподаватель Института международных экономических связей. Москва, Россия.

Лебедева Валерия Евгеньевна, аспирант факультета психологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского». Саратов, Россия.

Лебедева Евгения Игоревна, старший научный сотрудник Института психологии РАН, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Левин Леонид Маркович, выпускник аспирантуры кафедры социальной психологии ФГАОУ ВО ГУП. Москва, Россия.

Левков Александр Геннадиевич, ассистент кафедры психологии Института педагогики и психологии, аспирант ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет». Луганск, Россия.

Левченко Татьяна Васильевна, преподаватель кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО ХГПУ, Херсон, Россия.

Леонович Оксана Олеговна, старший преподаватель Международного университета МИТСО. Минск, Республика Беларусь.

Леонтьева Валентина Владимировна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Лин Чжанлянь, студент факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Минск, Республика Беларусь.

Линкевич Ксения Владимировна, приглашенный преподаватель РАНХиГС, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Липеева Вера Юрьевна, аспирант факультета социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО ГУП. Москва, Россия.

Литвинова Елена Юрьевна, доцент кафедры социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Литвяковой Наталья Николаевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология Востока». Москва, Россия.

Лобанова Анна Вячеславовна, доцент кафедры педагогической психологии имени профессора В.А. Гуружапова факультета психологии образования, ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Логинова Анфиса Станиславовна, студент магистратуры факультета «Юридическая психология», ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Луковцева Зоя Вячеславовна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент, Москва, Россия.

Лукьянченко Наталья Владимировна, доцент кафедры общей и социальной педагогики ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», кандидат психологических наук, доцент. Красноярск, Россия.

Люсин Дмитрий Владимирович, ведущий научный сотрудник Научно-учебной лаборатории когнитивных исследований НИУ ВШЭ, кандидат педагогических наук, доцент. Москва, Россия.

Майский Дмитрий Олегович, аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Макаров Сергей Анатольевич, старший преподаватель кафедры специальной и клинической психологии Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия.

Макарова Анна Николаевна, студент факультета психологии ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы» при Президенте РФ. Программа магистратуры «Психология личности», Москва, Россия.

Макимова Ольга Валентиновна, юрисконсульт ГБУ ВО «ЦПППиРД», Воронеж, Россия.

Макух Наталия Олеговна, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. Вологда, Россия.

Малахова Екатерина Сергеевна, методист института развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ. Москва, Россия.

Малороссиянова Мария Николаевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Марарица Лариса Валерьевна, доцент кафедры социальной психологии СПбГУ, заведующая лабораторией доказательной психологии здоровья и благополучия, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Маринова Татьяна Юрьевна, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии, декан факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат биологических наук, доцент. Москва, Россия.

Марьин Константин Алексеевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Матвеева Алена Игоревна, научный сотрудник федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет». Екатеринбург, Россия.

Махмутова Елена Николаевна, доцент кафедры педагогической культуры и управления в образовании МГИМО МИД России, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Мейер Юлия Александровна, начальник отделения психологического обеспечения отдела воспитательной и социальной работы с личным составом Санкт-Петербургского университета ФСИН России, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Мельникова Дарья Вячеславовна, старший преподаватель кафедры клинической и судебной психологии факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Мельникова Ирина Михайловна, студент магистратуры Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП). Казань, Россия.

Мельникова Лада Вячеславовна, специалист-психолог Центра психологической поддержки ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет». Херсон, Россия.

Мельничук Андрей Степанович, доцент кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности факультета психологии Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Месник Анастасия Николаевна, студент факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Минск, Республика Беларусь.

Мешкова Наталья Владимировна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Миронова Оксана Ивановна, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; профессор департамента психологии НИУ «Высшая школа экономики», доктор психологических наук. Москва, Россия.

Митрухина Светлана Владимировна, старший преподаватель Медицинского института Хакасского государственного университета им Н.Ф. Катанова. Абакан, Россия.

Митряева Марина Александровна, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», магистр психологии. Москва, Россия.

Михайлова Ольга Борисовна, доцент кафедры психологии и педагогики филологического факультета Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы, кандидат педагогических наук, доцент, Москва, Россия.

Михайлюк Сергей Григорьевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Мишенина Юлия Николаевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Кросс-культурные технологии психологического консультирования». Москва, Россия.

Моисеев Сергей Викторович, ассистент кафедры организационной психологии, аспирант факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета. Томск, Россия.

Молчанов Сергей Владимирович, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Морозова Анастасия Михайловна, студент Института гуманитарных технологий ЧОУ ВО ЮУ ИУБиП. Ростов-на-Дону, Россия.

Мустафина Лилия Шаукатовна, старший научный сотрудник Института психологии Российской академии наук, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Мяснянкина Наталья Геннадьевна, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева», кандидат психологических наук, доцент. Астрахань, Россия.

Нежурко Ирина Владимировна, аспирант факультета психологии Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.

Нестерова Альбина Александровна, профессор кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Никитина Екатерина Александровна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Никитская Мария Геннадьевна, старший преподаватель кафедры социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Николаева Любовь Петровна, доцент кафедры общей психологии и психологии труда АНО ВО «Российский новый университет», кандидат биологических наук, доцент. Москва, Россия.

Николаева Наталья Олеговна, доцент кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Никольская Анастасия Всеволодовна, доцент кафедры психологии РГУ им. А.Н. Косыгина, кандидат психологических наук, Москва, Россия.

Никулин Станислав Алексеевич, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Новиков Алексей Львович, доцент кафедры общего и русского языкознания ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (ФГАОУ ВО РУДН им. П. Лумумбы), доктор филологических наук, доцент. Москва, Россия.

Новикова Галина Витальевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Кросс-культурные технологии психологического консультирования». Москва, Россия.

Новикова Ирина Александровна, доцент кафедры психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (ФГАОУ ВО РУДН им. П. Лумумбы), кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Одинцова Ольга Дамировна, педагог-психолог Муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования «Детско-юношеский центр г. Челябинска» (МБУДО «ДЮЦ»). Челябинск, Россия.

Оконовенко Дмитрий Валерьевич, ведущий аналитик отдела научно-методического обеспечения Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Омельченко Александра Анатольевна, главный врач МПЦ «Нейролекс», врач-психотерапевт, врач-психиатр, Ростов-на-Дону, Россия.

Опкина Татьяна Петровна, доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». Кострома, Россия.

Орешкина Ксения Алексеевна, курсант факультета психологии и probation Академии ФСИН России. Рязань, Россия.

Орлов Владимир Алексеевич, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Осипова Кристина Алексеевна, студент факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Отчерцова Вероника Олеговна, аспирант кафедры прикладной психологии и развития личности Института психологии ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет». Дмитров, Россия.

Павенков Владимир Григорьевич, доцент кафедры социальной психологии и конфликтологии Университета при межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия.

Павлова Надежда Сергеевна, научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ФГБУН «Институт психологии РАН», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Павлова Ольга Сергеевна, профессор, заведующая кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат педагогических наук. Москва, Россия.

Пальчиков Алексей Андреевич, Медицинский психолог отделения ОМПП, аспирант Центральной клинической психиатрической больницы Московской области им. Ф.А. Усольцева / Сеченовский университет, Москва, Россия.

Панич Ольга Евгеньевна, ведущий аналитик отдела научно-методического обеспечения Федерального координационного центра по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент; доцент НИУ «БелГУ». Москва, Россия.

Панов Кирилл Алексеевич, выпускник аспирантуры МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Паулкина Дарья Павловна, старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии и пробации Академии ФСИН России, кандидат психологических наук. Рязань, Россия.

Пашкова Яна Андреевна, преподаватель кафедры общей и социальной психологии факультета философии и психологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», кандидат психологических наук. Воронеж, Россия.

Петренко Александр Александрович, студент Института психологии Российского государственного педагогического университета имени Герцена. Санкт-Петербург, Россия.

Петров Владислав Евгеньевич, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета «Экстремальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, доктор психологических наук. Москва, Россия.

Петрова Галина Николаевна, доцент кафедры теории и методики профессионального образования «Школы педагогики» Дальневосточного федерального университета, кандидат педагогических наук, доцент. Владивосток, Россия.

Петрушихина Елена Борисовна, декан факультета психологии образования Института психологии им. Л.С. Выготского ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Пигуз Валентина Николаевна, научный сотрудник, заведующая отделом компьютерно-информационных технологий ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта», Донецк, Россия.

Пилюгина Евгения Александровна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Погодина Алла Васильевна, профессор кафедры социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Погонцева Дарья Викторовна, доцент Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», кандидат психологических наук, доцент. Ростов-на-Дону, Россия.

Подольская Татьяна Афанасьевна, профессор кафедры психологии личности в системах управления ФОиР ВШГУ ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте РФ, доктор психологических наук. Москва, Россия.

Поздняков Ярослав Игоревич, методист Института развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия.

Позднякова Татьяна Борисовна, старший преподаватель факультета психологии, кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Поляничко Анна Николаевна, выпускник Московского института психоанализа. Москва, Россия.

Пономарева Ирина Григорьевна, независимый исследователь. Москва, Россия.

Пономарева Марина Авинировна, заведующая кафедрой кадровой политики и психологии управления Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Минск, Республика Беларусь.

Попельчук Галина Алексеевна, доцент кафедры прикладной психологии и развития личности ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», кандидат психологических наук. Херсон, Россия.

Попова Екатерина Владимировна, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании». Москва, Россия.

Потапова Юлия Викторовна, доцент кафедры общей и социальной психологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук. Омск, Россия.

Прокушева Анастасия Борисовна, студент факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Пыркова Ксения Вячеславовна, заместитель декана факультета общей и клинической психологии, и.о. заведующего кафедрой нейро- и патопсихологии взрослых НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», кандидат медицинских наук. Москва, Россия.

Радченко Аксиния Михайловна, педагог-психолог МАОУ СОШ №36 им. М.П. Одинцова. Екатеринбург, Россия.

Распопова Анна Сергеевна, доцент кафедры, кандидат психологических наук ФГБОУ ВО КГУФКСТ, Краснодар, Россия.

Расулова Марьям Аршадовна, студент магистратуры Московского социально-педагогического института (НОУ ВО МСПИ). Москва, Россия.

Расходчикова Марина Николаевна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Роганова Екатерина Александровна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Родонич Вячеслав Алексеевич, студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Москва, Россия.

Рожков Дмитрий Владимирович, преподаватель кафедры общей психологии и психологии труда АНО ВО «Российский новый университет», Москва, Россия.

Романова Валерия Константиновна, студент ГУП. Москва, Россия.

Рубцова Анна Васильевна, студент магистратуры СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

Руденко Светлана Викторовна, доцент кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», кандидат психологических наук, доцент. Донецк, Россия.

Рукавицина Ольга Викторовна, студент факультета философии и психологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». Воронеж, Россия.

Румянцева Екатерина Андреевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Рыбакова Юлия Александровна, аспирант ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». Иваново, Россия.

Рыбина Светлана Александровна, аспирант ФГБОУ ВО СФУ ИППС. Красноярск, Россия.

Рыжкова Любовь Юрьевна, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психологическая диагностика и профилактика в образовании». Москва, Россия.

Рябокуль Екатерина Сергеевна, студент факультета «Консультативная и клиническая психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Детская и семейная психотерапия». Москва, Россия.

Саенко Алексей Юрьевич, старший научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Салохиддинова Муаззамхон Шерзодхон кизи, учитель начальных классов частной школы «Лидер». Ташкент, Республика Узбекистан.

Самородов Николай Владимирович, аналитик Фундаментальной библиотеки, ассистент кафедры «Цифровое образование» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Самсоненко Людмила Сергеевна, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии ФГБОУ ВО «ОГПУ», кандидат педагогических наук. Оренбург, Россия.

Саушкина Ольга Викторовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Сафуанов Фарит Суфиянович, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Сачкова Марианна Евгеньевна, профессор кафедры общей психологии ФГБОУ ВО РАНХиГС; профессор кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Светлова Александрина Антоновна, старший методист института развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ (ИРПО ГАОУ ВО МГПУ), кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Семенова Лидия Эдуардовна, профессор кафедры возрастной и клинической психологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор психологических наук, доцент. Нижний Новгород, Россия.

Сердюк Анастасия Александровна, старший преподаватель кафедры психологии Приднестровского государственного университета имени Т.Г. Шевченко (ПГУ). Тирасполь, Приднестровье.

Сивов Андрей Юрьевич, студент НИУ ВШЭ. Программа магистратуры «Анализ данных для государства и общества». Санкт-Петербург, Россия.

Сидякова Екатерина Юрьевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Сидячева Наталья Владимировна, заведующая кафедрой социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Синева Валентина Васильевна, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология развития». Москва, Россия.

Слыхова Анастасия Николаевна, курсант факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России. Вологда, Россия.

Смирнова Мария Альбертовна, студент факультета психологии и пробации Академии права и управления ФСИН России, программа магистратуры «Социальная психология в образовании». Рязань, Россия.

Соковец Алла Константиновна, выпускник факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ, клинический психолог, логотерапевт. Москва, Россия.

Солнцев Иван Андреевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Солодилина Мария Александровна, студент Южного Федерального Университета. Ростов-на-Дону, Россия.

Солодникова Ирина Витальевна, профессор кафедры социальной психологии Института психологии им. Л.С. Выготского ФГАОУ ВО РГГУ, доктор социологических наук, доцент. Москва, Россия.

Солодухин Антон Витальевич, доцент ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент. Кемерово, Россия.

Сорокин Матвей Павлович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Стрелков Александр Владимирович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Султанова Ильхама Гамид кызы, доцент кафедры гуманитарных наук Бакинского Бизнес-университета, доктор философии в области психологии. Баку, Азербайджан.

Суннатова Рано Иззатовна, профессор ГАОУ ВО МГПУ, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Суходолова Мария Вячеславовна, студент ФГБОУ ВО «ОГПУ», Оренбург, Россия.

Сучкова Полина Романовна, студент факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Направление обучения «Специальное (дефектологическое) образование». Москва, Россия.

Тарасов Михаил Сергеевич, студент факультета «Консультативная и клиническая психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Консультативная психология». Москва, Россия.

Тарасов Семён Васильевич, научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Тархова Дарья Викторовна, студент Института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, Россия.

Темирханова Ольга Викторовна, психолог НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия.

Тимошенко Елизавета Андреевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Титова Ольга Ивановна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России; доцент кафедры психологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Тихонова Софья Сергеевна, студент факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Ткаченко Наталья Владимировна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Толстых Наталия Николаевна, профессор, заведующая кафедрой «Социальная психология развития», главный редактор журнала «Социальная психология и общество» ФГБОУ ВО МГППУ, доктор психологических наук. Москва, Россия.

Тотурбиев Бадыр Адильбиевич, студент Института Когнитивных Нейронаук НИУ «Высшая Школа Экономики». Программа магистратуры «Когнитивные Науки». Москва, Россия.

Трухан Елена Антоновна, доцент Белорусского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент. Минск, Республика Беларусь.

Трушкова Светлана Викторовна, доцент кафедры инженерной педагогики, социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного университета (МАДИ), кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Туманян Ольга Сергеевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Тучина Елизавета Максимовна, студент магистратуры Российского государственного социального университета. Москва, Россия.

Узойкина Алёна Ильинична, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Уланова Анна Юрьевна, старший научный сотрудник ФГБНУ «Институт психологии РАН», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Ульяненко Антон Эдуардович, инженер-исследователь отдела распознавания зрительных образов ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта». Донецк, Россия.

Фадеев Дмитрий Сергеевич, преподаватель кафедры общей психологии и психологии труда Гуманитарного института АНО ВО «Российский новый университет». Москва, Россия.

Фам Ву Бао Нгок, аспирант РГПУ имени А.И. Герцена. Санкт-Петербург, Россия.

Федорович Диана Юрьевна, доцент кафедры управления органами внутренних дел Академии управления МВД России, кандидат юридических наук. Москва, Россия.

Филенко Игорь Александрович, доцент кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент. Томск, Россия.

Филимонова Яна Дмитриевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Фишман Мария Романовна, студент факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Фоке-Алехин Филипп (Fauquet-Alekhine Philippe), сотрудник лаборатории субъективной доказательной этнографии психологических и поведенческих наук (SEBE-Lab) Лаборатории исследований в области энергетики (Laboratory for Research in Science of Energy), Дуэ, Франция (Doué, France); ассоциированный сотрудник кафедры психологических и поведенческих наук Лондонской школы экономики и политических наук (Department of Psychological and Behavioural Sciences, London School of Economics and Political Science). Лондон, Великобритания (London, UK).

Фофанова Галина Александровна, доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент. Минск, Республика Беларусь.

Францева Юлия Евгеньевна, доцент кафедры психологии развития личности ФГАОУ ВО ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат педагогических наук. Нижний Новгород, Россия.

Хавыло Алексей Викторович, заведующий научно-исследовательской лабораторией информационно-психологической безопасности, доцент кафедры общей и социальной психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. Калуга, Россия.

Хаймовская Наталия Ароновна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Харченко Максим Андреевич, доцент кафедры социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат физико-математических наук, доцент. Москва, Россия.

Хмарук Игорь Николаевич, научный руководитель Медико-психологического центра «Нейролекс», врач-психотерапевт, врач-психиатр. Ростов-на-Дону, Россия.

Хмарук Юлия Сергеевна, руководитель клинко-диагностического отделения Медико-психологического центра «Нейролекс», клинический психолог. Ростов-на-Дону, Россия.

Ходжаева Волида Исламходжаевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология Востока». Москва, Россия.

Хорозова Лариса Фёдоровна, доцент Комратского государственного университета, доктор психологии. Комрат, Республика Молдова.

Храмцова Людмила Михайловна, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории когнитивных исследований НИУ ВШЭ, аспирант. Москва, Россия.

Цанг Арина Антоновна, студент РГУ им. А.Н. Косыгина. Москва, Россия.

Цыплакова Елизавета Александровна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Чайка Артур Илмарсович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Чан Тхи Иен Ньи, аспирантка Институт психологии ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена». Санкт-Петербург, Россия.

Чернуха Дмитрий Романович, аспирант факультета общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена». Санкт-Петербург, Россия.

Черных Лариса Анатольевна, профессор кафедры психологии ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», доктор психологических наук, доцент. Луганск, Россия.

Чернядьев Иван Валерьевич, инженер-исследователь 1 категории отдела распознавания зрительных образов ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта». Донецк, Россия.

Черняев Олег Сергеевич, педагог-психолог ГБПОУ ОКГ «Столица», аспирант ФГБОУ ВО ГАУГН. Москва, Россия.

Чеслин Ярослав Геннадьевич, аспирант ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Чиркова Наталья Владимировна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Кросс-культурные технологии психологического консультирования». Москва, Россия.

Чугунова Наталья Станиславовна, клинический психолог, онкопсихолог Свердловской региональной благотворительной общественной организации помощи онкопациентам «Вместе ради жизни», Екатеринбург, Россия.

Шаехов Забир Дамирович, инженер кафедры социальной психологии факультета психологии ФБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия.

Шаймухаметова Светлана Фанусовна, доцент кафедры психологии развития и психофизиологии Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), кандидат психологических наук. Казань, Россия.

Шайханова Гузель Рашитовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология Востока». Москва, Россия.

Шаломеева Арина Михайловна, студент факультета клинической психологии Курского государственного медицинского университета. Курск, Россия.

Шаповаленко Ирина Владимировна, профессор кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой» факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Шаров Алексей Александрович, доцент кафедры педагогической психологии ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского». Саратов, Россия.

Швеньк Елена владимировна, доцент Департамента психологии и развития человеческого капитала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Шебанова Виталия Игоревна, профессор кафедры прикладной психологии и развития личности Института психологии ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», доктор психологических наук, профессор, действительный член Крымской академии наук. Херсон, Россия.

Шебанова Светлана Георгиевна, доцент кафедры психологии и социологии ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет», кандидат психологических наук, доцент. Геническ, Россия.

Шевальдина Диана Дамировна, аналитик управления научных исследований и проектной деятельности, аспирант Уральского государственного университета. Екатеринбург, Россия.

Шелонина Любовь Александровна, аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Шилова Виктория Артемовна, аспирант Института психологии РАН, специалист по организации и проведению молодежных мероприятий Санкт-Петербургского ГБУ «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». Москва, Россия.

Шилова Полина Олеговна, студент Института педагогики и психологии ФГБОУ ВО МПГУ. Москва, Россия.

Ширков Юрий Эдуардович, старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Школьников Константин Алексеевич, преподаватель Московского техникума космического приборостроения; аспирант факультета социальных и гуманитарных наук ФГАОУ ВО МГТУ им. Н.Э. Баумана. Москва, Россия.

Шляпина Валерия Сергеевна, курсант факультета психологии и probation Академии права и управления ФСИН России. Рязань, Россия.

Шмелева Елена Александровна, профессор кафедры психологии и социальной педагогики Ивановского государственного университета (Шуйский филиал), доктор психологических наук. Шуя, Россия.

Шнейдер Лидия Бернгардовна, профессор кафедры психологической антропологии Института детства ФГБОУ ВО МПГУ, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Шорохова Валерия Альбертовна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Шульга Валентина Васильевна, доцент кафедры социально-гуманитарных и специальных дисциплин ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», кандидат психологических наук. Донецк, Россия.

Шульга Татьяна Ивановна, профессор ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Шупак Анастасия, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Шурыгин Александр Александрович, военный психолог ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Щенка Ирина Викторовна, студент Института правосудия и организации деятельности службы судебных приставов ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции». Донецк, Россия.

Щербакова Анна Михайловна, профессор кафедры специальной психологии и реабилитологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат педагогических наук. Москва, Россия.

Щербакова София Ростиславовна, студент ФГБОУ ВО ХГПУ, Херсон, Россия.

Эркенова Елена Ивановна, аспирант факультета управления и психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». Краснодар, Россия.

Яковец Дилира Ахтямовна, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева», кандидат психологических наук, доцент. Астрахань, Россия.

Яковлев Дмитрий Анатольевич, аспирант ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия

Яковлева Дарья Владимировна, студент факультета «Социальная психология», лаборант-исследователь лаборатории изучения асоциальной креативности в условиях современных вызовов и угроз ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия

Якубовская Юлия Алексеевна, инженер-исследователь отдела распознавания зрительных образов ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта». Донецк, Россия.

Якухнова Анастасия Сергеевна, инженер-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

Якушечкин Лука Александрович, аспирант факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.

Ярошевич Анна Сергеевна, старший преподаватель, заведующая кафедрой социальной и педагогической психологии Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. Гомель, Республика Беларусь.

Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы XI
Международной научно-практической конференции памяти М.Ю.
Кондратьева
«Социальная психология: вопросы теории и практики»
(14–15 мая 2026 г.)

Электронное издание

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29; тел.: (495) 632-90-77; факс: (495)
632-92-52